801-12
1306

М 67/29

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРІЯ

Георга Вебера.

Переводъ со втораго изданія,

пересмотрѣннаго и переработаннаго при содѣйствіи специалистовъ.

ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Перевелъ Андреевъ.

Изданіе К. Т. Солдатенкова.

Цѣна 5 руб.

Москва.
Типографія В. В. Исленьева, Большая Кисловка, д. Архипова.
1886.

Изданія К. Т. Солдатенкова.

Буасье, Гастонъ. Римская религія. Пер. *М. Корсакъ.* М. 1878 г. Ц. 5 р.

— — Цицеронъ и его друзья. — — М. 1880 г. Ц. 2 р.

Бэнъ, А. Стилистика и теорія устной и письменной рѣчи. Перев. *А. Грузинскаго.* М. 1886 г. Ц. 1 р. 50 к.

Бэра. Исторія всемірной торговли. 3 части. Переводъ *Э. Циммермана.* М. 1876 г. Цѣна 7 р. 50 к.

Веберъ, Г. Всеобщая Исторія, Т. I, II и III. М. 1885 г. Ц. за 3 т. 15 р.

Вегеле, Франца. Дантъ Алигьери, его жизнь и сочиненія. Пер. *А. Н. Вессловскаго.* М. 1881 г. Ц. 3 р.

Вейса. Внѣшній бытъ народовъ съ древнѣйшихъ до нашихъ временъ. 6 частей (съ 1945-ю рисунками въ текстѣ) въ пер. *В. Чаева* и *И. Васильева.* М. 1879 г. Цѣна 24 р.

Веселовскій, А. Н. Этюды о Мольерѣ. Мизантропъ. М. 1881 г. Ц. 2 р.

Гартмана. Сущность міроваго процесса или философія безсознательнаго, т. II. *А. Козлова.* М. 1876 г. Ц. 2 р. 50 к.

Геттнера. Исторія всеобщей литературы XVIII вѣка. Т. III, кн. I и III. М. 1872 г. Цѣна 4 р. 75 к.

Гиббонъ, Э. Исторія упадка и разруш. римской имперіи (съ портретомъ автора). Пер. *В. Невѣдомскаго.* Т. I, II, III, IV, VI и VII. М. 1885 г. Цѣна 26 р.

Гизо. Исторія цивилизаціи во Франціи. Т. III и IV. Перев. *П. Г. Виноградова.* М. 1877 г. Цѣна 4 р.

Гнейстъ, Руд. Исторія Государств. учрежденій Англіи, пер. съ нѣмецкаго *С. Венгерова.* М. 1885 г. Ц. 4 р. 50 к.

Забѣлина, И. Е. Кунцево и древній Сѣтунскій станъ. М. 1872 г. Ц. 2 р.

Зиберъ, Н. И. Очерки первобытной эконом. культуры. М. 1883 года. Ц. 4 р. 50 к.

Игеринга. Борьба за право. Пер. *П. Волкова.* М. 1872 г. Ц. 75 к.

Каррьера. Искусство въ связи съ общимъ развитіемъ культуры. Т. I, II, III, IV и V. Пер. *Е. Корша.* М. 1874 г. Ц. 20 р.

Кольцовъ, А. В. Стихотворенія. Изданіе 8-е. М. 1884 г. Ц. 20 к.

Корсакъ. Первоначальные уроки грамматики. М. 1879 г. Ц. 60 к.

Куглера. Руководство къ исторіи искусства. Перев. *Е. Корша.* 2 ч. М. 1870 г. Цѣна 10 р.

— Руководство къ исторіи живописи. Пер. *И. Васильева.* М. 1870 г. Цѣна 7 р.

(См. 3-ю страницу обложки).

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРІЯ.

ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

801-12
1306

М 67/29

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРІЯ

Георга Вебера.

Переводъ со втораго изданія,

пересмотрѣннаго и переработаннаго при содѣйствіи спеціалистовъ.

ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Перевелъ Андреевъ.

Изданіе К. Т. Солдатенкова.

Москва.

Типографія В. В. Исленьева, Большая Кисловка, д. Архипова.

1886.

Публич. и Румянцев. Музеи * Библиотека

19052-0

2011136739

ИСТОРІЯ

РИМСКОЙ ИМПЕРІИ, ПЕРЕСЕЛЕНІЕ НАРОДОВЪ

и

ВОЗНИКНОВЕНІЯ НОВЫХЪ ГОСУДАРСТВЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Предисловіе . . . XI

I. Цезарь Октавіанъ Августъ и его время . . . 3

1. Государственное устройство Рима и принципатъ Августа . —
2. Государство и провинціи . . . 10
3. Семейныя отношенія Августа. Его смерть. Характеръ его . 33
4. Золотой вѣкъ римской литературы . . . 42
5. Германія . . . 88

А. Войны германцевъ съ римлянами за свободу . . . —

a) Походы Друза и Тиберія за Рейнъ . . . —
b) Пораженіе Вара въ Тевтобургскомъ лѣсу . . . 94
c) Походы Германика . . . 97

В. Бытъ германцевъ . . . 107

a) Германскія племена . . . 110
b) Общественное устройство и образъ жизни . . . 117
c) Религія германцевъ и скандинавовъ . . . 130

1. Боги . . . 136
2. Богини . . . 137
3. Герои . . . 139
4. Полубогини . . . 140
5. Добрыя и злыя существа волшебнаго міра . . . 141
6. Стихіи. Священныя растенія и животныя . . . 142
7. Небо и свѣтила. Смерть . . . 143
8. Сотвореніе міра и погибель его . . . —
6. Іисусъ Христосъ . . . 145

II. Римская имперія до Веспасіана . . . 154

1. Династія Юліевъ (Клавдіевъ, ставшихъ по усыновленію Юліями) —

А. Тиберій . . . —

a) Его характеръ и его правленіе . . . —
b) Германикъ и Агриппина . . . 159
c) Развитіе неограниченной власти императора . . . 163
d) Процессы по дѣламъ объ оскорбленіи величества . . . 165
e) Тиберій на Капреѣ. Владычество Сеяна и смерть его . 168

В. Гаій Цезарь (Калигула) . . . 172

Стр.
C. Тиберій Клавдій Цезарь 179
D. Неронъ Клавдій Цезарь 188
2. Христіанство въ апостольскій вѣкъ 203
3. Имперія при Гальбѣ, Отонѣ, Вителліѣ 214
III. Флавій, Траянъ и Адріанъ. Антонины 226
1. Титъ Флавій Веспасіанъ. . . . . —
A. Характеръ и правленіе Веспасіана . . . . —
B. Іудейская война и разрушеніе Іерусалима 231
C. Батавская война 245
D. Британскія дѣла 255
2. Титъ (Флавій Веспасіанъ) 260
A. Характеръ и правленіе его . . . . —
B. Помпея и Геркуланъ 262
3. Титъ Флавій Домиціанъ 264
4. Нерва и Траянъ 274
5. Публій Элій Адріанъ. 284
A. Его правленіе и путешествія . . . . —
B. Вторая іудейская война и смерть Адріана 290
C. Характеръ Адріана; его любовь къ искусству 295
6. Антонинъ Пій и Маркъ Аврелій 302
IV. Умственная жизнь во времена римской имперіи 316
1. Утонченная образованность. Сатира . . . . —
A. Персій. Ювеналъ. Петроній. Марціалъ 319
B. Лукіанъ 325
2. Прозаическая литература 333
A. Общій характеръ ея . . . . —
B. Реторы и софисты 340
C. Римская поэзія 344
D. Сенека. Плиній. Тацитъ. 349
E. Другіе латинскіе и греческіе историки имперіи 360
F. Позднѣйшая литература.—Юриспруденція 371
3. Философія и религія 377
A. Падающее язычество . . . . —
a) Философія. . . . . —
b) Религіозныя направленія въ римской имперіи. 398
B. Христіанство во II и III вѣкахъ 407
a) Церковь подъ угнетеніемъ язычниковъ . . . . —
b) Развитіе понятій въ христіанскихъ общинахъ и церковнаго устройства ихъ 423
4. Германцы. 445
V. Полное развитіе военнаго деспотизма 452
1. Коммодъ и его преемники . . . . —
2. Септимій Северъ и его династія 463
3. Распаденіе имперіи отъ воцаренія Максимина Ѳракійца до смерти Галліэна 488
4. Императоры изъ дунайскихъ провинцій 504
5. Діоклеціанъ и Константинъ 521

Стр.
VI. Римская имперія въ IV вѣкѣ 544
1. Единовластіе Константина и смерть его (325—337). . . . 546
2. Имперія при сыновьяхъ Константина 561
3. Юліанъ отступникъ и языческая реакція (361—363) . . . 571
4. Валентиніанъ и Валентъ. 583
5. Начало переселенія народовъ. Смерть Валента. 590
6. Ѳеодосій Великій (370—395) 598
7. Паденіе язычества. 605
8. Развитіе христіанскаго ученія и распространеніе христіанства. 610
VII. Римское государство по раздѣлѣ его на двѣ имперіи. Паденіе западной римской имперіи 636
1. Времена Стилихона и Алариха . . . . —
2. Аэцій. Генсерихъ. Аттила. 660
3. Погибель Западной римской имперіи. 674
VIII. Новыя государства въ V и VI вѣкахъ 687
1. Италія при Теодерихѣ. . . . . —
2. Государства, возникшія въ западныхъ провинціяхъ римской имперіи 708
A. Франки и бургунды. . . . . —
a) Основаніе франкскаго государства въ Галліи . . . . —
b) Династія Хлодвига (Меровинги) 719
c) Характеръ быта въ государствѣ франковъ 730
B. Вестготы въ Испаніи 743
C. Англосаксы въ Британніи. 751
3. Вѣкъ Юстиніана 768
A. Общая характеристика . . . . —
B. Внутреннія дѣла 775
a) Императрица Ѳеодора и партіи гипподрома. . . . . . —
b) Возстаніе партій гипподрома. 779
c) Законодательная дѣятельность Юстиніана 785
C. Войны Юстиніана. 791
a) Война съ вандалами. . . . . —
b) Погибель остготскаго королевства 803
1. Велизарій и Витигесъ . . . . —
2. Тотила и Нарсесъ. 814
c) Сосѣдніе народы 827
1. Сѣверъ и Востокъ. . . . . —
2. Лангобарды и состояніе Италіи 840
IX. Востокъ передъ возникновеніемъ ислама. 855
Византійская имперія до иконоборства и послѣдніе Сассаниды. —
Характеръ Византійскаго двора и государства . . . . . . —

Предисловіе.

Исторію шести столѣтій, разсказываемую въ настоящемъ томѣ, можно характезировать словами поэта:

«Das Alte stürzt, es ändert sich die Zeit
Und neues Leben blüht aus den Ruinen».

«Старое разрушается, и новая жизнь разцвѣтаетъ изъ развалинъ». Главные факты этого періода исторіи: постепенное паденіе римской имперіи, возникновеніе и развитіе христіанской церкви и процессъ поселенія германскихъ племенъ въ провинціяхъ Западной имперіи. Это очень важные факты, и новые историки занимались и занимаются разъясненіемъ ихъ очень усердно.

Одинъ изъ изслѣдователей древности говорилъ мнѣ: «Разработка исторіи римской имперіи только что начинается». Его слова нельзя назвать несправедливыми. Онъ хотѣлъ сказать, что усердное собираніе и разъясненіе многочисленныхъ надписей и архитектурныхъ остатковъ временъ имперіи проливаетъ на ея исторію новый свѣтъ, даетъ возможность пополнить новыми свѣдѣніями скудныя извѣстія литературныхъ источниковъ. Безъ сомнѣнія, этими свѣдѣніями будетъ лучше прежняго разъяснена административная система римской имперіи, будетъ полнѣе прежняго раскрытъ удивительный механизмъ ея государственнаго устройства, соединявшій въ одно цѣлое всѣ органы общественной жизни, помогавшій развитію матеріальнаго благосостоянія, создавшій средства для обороны государства.

Безъ сомнѣнія, расширятся и наши свѣдѣнія о частной жизни, о разныхъ занятіяхъ людей, объ ихъ религіозныхъ понятіяхъ, обычаяхъ и праздникахъ. Но хотя мы должны очень высоко цѣнить тѣ данныя, какія пріобрѣтаются этими трудолюбивыми и проницательными изысканіями, они недостаточны для созданія общей картины римской

имперіи; они даютъ только матеріалы, которые лишь геніальный художникъ можетъ соединить въ гармоническое, стройное и прочное цѣлое.

И если бы нашелся геніальный зодчій, который могъ бы построить изъ добываемыхъ теперь камней цѣльное художественное зданіе, онъ представилъ бы только одну сторону историческаго организма,— правда, самую важную сторону его: государственный бытъ, организацію формъ и факторовъ административнаго и судебнаго устройства. Но была ли бы вполнѣ разрѣшена этимъ задача всеобщей исторіи? Государственныя учрежденія—только формы зданія, въ которомъ живутъ индивидуальные люди; а сущность исторіи состоитъ въ взаимнодѣйствіи индивидуальныхъ силъ и данныхъ внѣшнихъ обстоятельствъ. Живая исторія должна проникать въ живую дѣятельность людей. Внѣшнія формы государственнаго устройства—только мѣсто дѣятельности людей. Историкъ долженъ стремиться къ тому, чтобы проникнуть въ душевную жизнь ихъ, въ тѣ понятія и чувства, которыми были одушевлены люди изображаемаго имъ времени. Изслѣдованіе нравственныхъ силъ и разъясненіе характеровъ вліятельныхъ дѣятелей особенно необходимо въ исторіи римской имперіи, потому что въ этомъ государствѣ не было національной энергіи, оно было космополитическимъ соединеніемъ народовъ, связью между которыми служили матеріальные интересы, и войско, охранявшее имперію, состояло изъ людей всяческихъ племенъ. Ходъ исторіи римской имперіи можетъ быть разъясненъ только философскимъ и психологическимъ изслѣдованіемъ, проникновеніемъ въ душевную жизнь, въ чувства и понятія людей, высказывающіяся въ литературѣ и особенно въ поэзіи; для этого необходимо пониманіе таинственнаго и многосложнаго хода религіозной жизни, разнообразныхъ попытокъ воспламенить божественную искру, лежащую въ груди человѣка, разрѣшить вопросы о цѣляхъ человѣческой жизни на землѣ. Тѣ столѣтія, исторія которыхъ излагается въ настоящемъ томѣ, были по преимуществу періодомъ стремленія къ разъясненію этихъ важнѣйшихъ вопросовъ. Великая умственная борьба древняго языческаго культурнаго міра съ новою, откровенною религіею—важнѣйшій феноменъ исторіи трехъ первыхъ вѣковъ римской имперіи. Понятно, что изслѣдованія ученыхъ всѣхъ народовъ и вѣковъ направлялись по преимуществу къ разрѣшенію этихъ глубокихъ вопросовъ.

Въ этой умственной борьбѣ стали принимать участіе и германскіе народы, постепенно овладѣвшіе провинціями Западной римской имперіи. Съ появленіемъ ихъ открывается историку новое обширное по-

ле чрезвычайно важныхъ задачъ, трудныхъ вопросовъ. Такъ называемое переселеніе народовъ было процессомъ разложенія, который длился три столѣтія и произвелъ запутанное сліяніе племенъ и юридическихъ учрежденій. Историкъ долженъ изслѣдовать, съ какими формами государственнаго и частнаго быта германцы вошли въ тѣ провинціи римскаго государства, въ которыхъ поселились, и каковы были тѣ формы, по которымъ устроилась совмѣстная жизнь туземнаго населенія и пришельцевъ. Историкъ долженъ найдти связи между тремя стадіями германской жизни, характеръ которыхъ изображаютъ намъ разсказы Цезаря и Тацита и сборники германскаго обычнаго права. Это великое историческое поле, въ которомъ находится фундаментъ національнаго и общественнаго развитія слѣдующихъ вѣковъ, тоже стало въ наше время предметомъ изслѣдованія многихъ ученыхъ, съ горячей любовью старающихся, при помощи археологическихъ изысканій, разъяснить мракъ запутанныхъ отношеній той эпохи, открыть зародыши, изъ которыхъ выросли организаціи государственной и общественной жизни слѣдующихъ періодовъ. Одинъ изъ знаменитыхъ писателей нашего времени сдѣлалъ предметомъ своей обширной литературной и поэтической дѣятельности этотъ періодъ вторженія германскихъ племенъ въ римскія области и процессъ поселенія ихъ между романскими туземцами *).

Исторія должна творчески трудиться надъ исполненіемъ этой работы; она должна по законамъ логики и на основаніи аналогій дѣлать изъ данныхъ фактовъ выводы объ ихъ происхожденіи, должна соединять съ воспроизводящей дѣятельностью производительную, должна найдти въ хаосѣ переходнаго времени прочныя созданія исторической жизни.

Такимъ образомъ содержаніе настоящаго тома составляютъ три главныя группы историческихъ фактовъ: римская имперія съ ея государственными функціями, умственная и душевная жизнь грекоримскаго человѣчества въ продолженіе четырехъ или пяти первыхъ столѣтій нашей эры и сліяніе германцевъ съ романскимъ населеніемъ, тотъ процессъ, которымъ въ концѣ существованія древняго міра сформировались новые народы. Эти великія группы явленій представляютъ собою громадныя задачи для исторіографіи. Каждый изъ

---

*) Авторъ говоритъ объ ученомъ нѣмецкомъ драматургѣ и романистѣ Густавѣ Фрейтагѣ, написавшемъ рядъ историческихъ романовъ, имѣющихъ общее заглавіе «Die Ahnen» («Предки»).

Примѣч. къ русскому переводу.

трехъ отдѣловъ богатъ монографическими работами и съ каждымъ днемъ разработка его улучшается, благодаря усердному труду собирателей и изслѣдователей. Въ этомъ смыслѣ дѣйствительно можно сказать, что «разработка исторіи римской имперіи только что начинается», можно даже прибавить, что она непрерывно будетъ оставаться начинающейся, потому что количество матеріаловъ будетъ постоянно увеличиваться, а понятія историковъ постоянно будутъ представлять нѣкоторое разнообразіе. Но точно также можно сказать, что исторія Западной римской имперіи до ея разрушенія представляетъ собою законченное цѣлое, что основныя камни ея положены прочно и неподвижно. Но каждое новое поколѣніе будетъ видѣть ее въ обновленномъ видѣ. Въ рукахъ историка произошедшее становится происходящимъ, какъ въ германской миѳологіи Варда, норна прошедшаго—сестра Верданди, норны возникающаго. Я добросовѣстно старался, на сколько доставало моихъ силъ, составить себѣ правильное представленіе о фактахъ и передать его въ отчетливой формѣ. Да найдетъ мое стремленіе благосклонную оцѣнку и моя работа—сочувственный пріемъ.

Гейдельбергъ, іюнь 1883.

Георгъ Веберъ.

ИСТОРІЯ

РИМСКОЙ ИМПЕРІИ.

Источники и пособія. Исторія трехъ первыхъ столѣтій христіанской эры, излагаемая въ первыхъ пяти отдѣлахъ этого тома нашей книги, имѣетъ богатую литературу. Источники скудны; но тѣмъ усерднѣе новѣйшіе историки собирали отрывочныя свѣдѣнія и старались соединить ихъ въ связный разсказъ. Событія, совершавшіяся въ эту эпоху, заслуживаютъ такого труда; они имѣютъ великое всемірно-историческое значеніе: падала римская имперія, возникла и развивалась христіанская церковь, начинали поселяться въ римскихъ провинціяхъ германскія племена. Понятія объ этихъ фактахъ очень неодинаковы; потому авторъ считалъ надобнымъ ознакомиться со всѣми замѣчательными сочиненіями о нихъ, чтобы достичь основательныхъ выводовъ. Въ отдѣлѣ о литературѣ первыхъ вѣковъ нашей эры, будетъ приведена характеристика источниковъ; важнѣйшіе изъ нихъ: Тацитъ, Веллеій Патеркулъ, Светоній, Кассій Діонъ, Флавій Іосифъ, Плиній Секундъ Старшій, Плиній Секундъ Младшій, Флоръ, Аврелій Викторъ, Эвтропій, Геродіанъ, Амміанъ Марцеллинъ, Зосимъ, мелкіе историки временъ императоровъ, церковная исторія Евсевія. Изъ новыхъ ученыхъ трудовъ, служившихъ пособіями автору, нѣкоторыя ужь были приведены въ прежнихъ обзорахъ, напримѣръ книга Друмана, Энциклопедія Паули, Geschichte des römischen Rechts Вальтера, книги Бернгарди, Вестермана, Бера, Тейфеля, Geschichte der Philosophie Риттера. Кромѣ того, авторъ пользовался слѣдующими трудами: Tillemont, Histoire des empereurs (Paris, 1720, 6 томовъ); Gibbon, History of the decline and fall of the Roman Empire; Charles Merivale, History of the Romans under the Empire (томы 1—7, London 1850 — 1862); Karl Hoek, Römische Geschichte vom Verfall der Republik bis zur Vollendung der Monarchie unter Constantin (томъ I, 1 und 2 Abtheil., Braunschweig 1841—1843; 3 Abth., Göttingen 1850; въ 3 выпускѣ разсказъ доведенъ до смерти Нерона); L. Friedländer, Darstellungen aus der Sittengeschichte Roms, 2 изд., Leipz., 1865—1871, 3 тома; A. Schmidt, Geschichte der Denk- und Glaubensfreiheit im 1 Jahrhundert der Kaiserherrschaft und des Christenthums. Berl., 1847; K. Peter, Römische Geschichte, третій томъ, 4 изд., Halle, 1881; — Duruy, Histoire des Romains. Paris, 1870 слѣдд., 6 томовъ; Herm. Schiller, Geschichte des römischen Kaiserreichs. Томъ 1. Gotha, 1883; Hertzberg, Geschichte des römischen Kaiserreichs (въ сборникѣ Allgemeine Geschichte in Einzeldarstellungen). Berl., 1880; того же автора: Geschichte Grieschenlands unter der Herrschaft der Römer. Halle, 1866—1875, 3 тома; Finlay, Greece under the Romans. — Книги по отдѣльнымъ отраслямъ изслѣдованій. 1. По хронологіи: Clinton, Fasti Romani и Zumpt, Annales veterum regnorum etc., 3 изд., Berl., 1881; Peter, Zeittafeln der römischen Geschichte. Halle, 1882, 6 изд.—Изъ многочисленныхъ новыхъ монографій, по вопросамъ исторіи римской имперіи, пособіями автору служили: Büdinger, Untersuchungen zur römischen Kaisergeschichte. Leipz., 1868 слѣд.; это изданный подъ редакціею Бюдингера сборникъ монографій молодыхъ ученыхъ; A. Stahr, Tiberius. Berl., 1863; Sievers, Studien zur Geschichte der römischen Kaiser. Berl., 1876; H. Schil-

ler, Das römische Kaiserreich unter Nero. Berl., 1872; монографіи Beulé (Le sang de Germanicus и проч.), Paris, 1867—1869; Lehmann, Über Claudius und Nero und ihre Zeit. Gotha, 1858; A. Imhof, Über Flavius Domitianus. Halle, 1857; H. Francke, Zur Geschichte Trajans und seiner Zeitgenossen, 2 изд., 1840; Höfner, Zur Geschichte des Septimius Severus und seiner Dynastie. Giessen, 1875; Ferd. Gregorovius, Geschichte Hadrians und seiner Zeit. Königsb., 1851; Julius Dürr, Die Reisen des Kaisers Hadrian. Wien, 1881; Münter, Der jüdische Krieg unter Trajan und Hadrian. Leipz., 1821; Noel des Vergers, Essai sur Marc-Aurèle d'après les monumens épigraphiques. Paris, 1860.—Особенно много монографій написано о временахъ Діоклеціана и Константина. Кромѣ довольно давней книги Manso, Leben Konstantins des Grossen, Wien, 1819, назовемъ: Vogel, Über Diocletian. Gotha, 1857; Preusz, Kaiser Diocletian und seine Zeit. Leipz., 1869; Burckhardt, Die Zeit Constantins des Grossen, 2 изд., Leipz., 1880. — 2. По исторіи религіи и церкви: Ewald, Geschichte des Volkes Israel, томы 6-й и 7-й; Göttingen, 1858 слѣд.; книги Неандера, Гизелера, Гагенбаха, Газе, излагающія исторію христіанской церкви; Hausrath, Neutestamentliche Zeitgeschichte, 2 изд., 4 тома, Heidelberg, 1873—1877; Chr. Baur, Das Christenthum und die christliche Kirche in den drei ersten Jahrhunderten, 2 изд., Tübingen 1860; его же Apollonius von Tyana und Christus; Lutterbeck, Die neutestamentlichen Lehrbegriffe. Mainz, 1852, двѣ части; A. Ritschl, Entstehung der altkatholischen Kirche, 2 изд., Bonn, 1857; Börringer, Die Kirche Christi und ihre Zeugen, in Biographien. Zürich, 1842; Herzog Real-Encyclopädie für protestantische Theologie und Kirche. Gotha, 1854 слѣд.—3. По исторіи германцевъ: J. J. Mascou, Geschichte der Teutschen bis zum Abgang der merovingischen Könige. Leipz. 1780, 2 тома in 4; H. Luden, Geschichte des teutschen Volks. Gotha, 1825—1837; Georg Waitz, Deutsche Verfassungsgeschichte. 1-й томъ, 3 изд., Kiel, 1880; 2-й и слѣд. томы, 2 изд., Kiel, 1870 слѣд.; Loebell, Gregor von Tours und seine Zeit. Leipz.,1839; Eichhorn, Deutsche Staats-und Rechtsgeschichte, 5 изд., Göttingen, 1843; Zeusz, Die Deutschen und die Nachbarstämme. München, 1837; Sybel, Entstehung des deutschen Königthums. 2 изд., Frankfurt, 1881; Künszberg, Das Recht der Deutscheu, und Wanderung in das germanische Alterthum. Berl., 1861; J. Grimm, Deutsche Mythologie, 3 изд., 2 тома, Göttingen, 1854; его же, Geschichte der deutschen Sprache и другіе труды; Wilh. Müller, Geschichte und System der altdeutschen Religion. Göttingen, 1844; J. B. Wolf, Die deutsche Götterlehre. Göttingen, 1852; E. von Wietersheim, Geschichte der Völkerwanderung. 2 изд., переработанное Даномъ, Leipz., 1880; Pallmann, Geschichte der Völkerwanderung, 2 тома, 1863, 1864; Felix Dahn, Die Könige der Germanen. Würzburg, 1861—1871; Urgeschichte der germanischen und romanischen Völker (въ сборникѣ Allgem. Gesch. in Einzeldarst.). Berlin, 1881; W. Arnold, Deutsche Urzeit, 3 изд., Gotha, 1881; Baumstark, Tacit. Germania, 2 тома, Leipz. 1876 — 1880; Georg Kaufmann, Die Germanen der Urzeit, 2 тома, Leipz., 1880.

I. Цезарь Октавіанъ Августъ и его время.

1. Государственное устройство Рима и принципатъ Августа.

Желаніе спокойствія.

Кровопролитныя междоусобія съ ихъ потрясающими катастрофами сломили энергію Рима: мужественнѣйшіе и вѣрнѣйшіе приверженцы республиканскихъ принциповъ легли на берегу моря у Тапса, или на равнинѣ подъ Филиппами; республика, жизнь которой далъ Брутъ старшій, была фактически убита при Фарсалѣ, и мысль о ней умерла съ самоубійствомъ Брута младшаго. Борьба между свободнымъ правленіемъ и монархической властью была рѣшена; политическія страсти замолкли; тѣ, кто пережилъ время погибели, желали спокойствія,—знатные, чтобы насладиться удовольствіями, какія даютъ богатство, образованность, искусство, наука; масса народа, чтобы безпечно жить въ пріятной праздности безъ политическихъ волненій, безъ военныхъ опасностей и лишеній, ограничивая свои желанія «хлѣбомъ и играми» (panem et circenses), которыя изобильно давали ей властелины, усердно заботившіеся объ этихъ угожденіяхъ ей.

Умѣренность Октавіана.

При такомъ положеніи дѣлъ благоразумному Октавіану, въ которомъ проницательность ума, разсудительность, таланты правителя соединялись съ кротостью, умѣренностью и твердостью, нетрудно было вступить въ обладаніе наслѣдствомъ великаго Цезаря и превратить республику въ монархію; ему удалось сдѣлать это тѣмъ легче, что онъ умѣлъ скрывать свое пламенное честолюбіе, свою царскую гордость подъ формами простоты, скромности частнаго человѣка, подъ личиной притворной покорности закону и обычаю. Наученный трагической смертью геніальнаго императора, Октавіанъ преобразовывалъ государственное устройство очень осмотрительно и осторожно. Онъ не принялъ на себя разомъ всѣ тѣ царскія права и почести, какими обладалъ Цезарь въ послѣднее время жизни, онъ бралъ на себя одно

1*

право за другимъ постепенно; такъ дѣлалъ и Цезарь, но расширялъ свои права очень быстро, а пріемный сынъ его шелъ къ царскому полновластію медленнымъ извилистымъ путемъ, съ остановками. Фактически достаточно было и того, что онъ былъ консулъ, имѣлъ своимъ товарищемъ послушнаго друга Агрипу; одно это уже давало ему возможность преобразовывать государство съ полнымъ соблюденіемъ законнаго порядка. Онъ былъ такъ уступчивъ къ стариннымъ предубѣжденіямъ народа, что не называлъ себя «царемъ», съ негодованіемъ отвергалъ названіе «господина», не принялъ даже пожизненной диктатуры; не добивался, какъ Цезарь, получить косвеннымъ путемъ знаки царскаго сана, а охранялъ республиканскія названія, формы и магистратуры, удержалъ для обозначенія своей личности и своего сана имя «Цезарь», но постепенно взялъ себѣ черезъ пожалованіе отъ сената и народа всѣ магистратуры, всѣ отрасли власти, прикрывая монархію тѣнью республики. Такимъ образомъ его правленіе имѣло демократическую основу и легативный характеръ. Власть монарха была какъ будто вложена въ республиканскія формы. На словахъ верховная власть продолжала принадлежать народу; по названію оставались прежнія магистратуры. Но высшій контроль надъ дѣлами, дѣйствительное управленіе ими принадлежали принцепсу и его совѣтникамъ, друзьямъ, повѣреннымъ, которыхъ избиралъ онъ себѣ по собственной волѣ. Принципатъ Августа и его ближайшихъ преемниковъ называютъ «діархіей», двоевластіемъ. Разсудительный правитель Августъ дорожилъ не внѣшнимъ видомъ власти, а ея сущностью. Онъ легко отказывался отъ царскаго блеска, ему нужно было лишь имѣть на самомъ дѣлѣ власть царя, и онъ не скучалъ идти окольными путями, лишь бы они приводили къ цѣли. Онъ даже хотѣлъ, чтобъ оставался призракъ передачи власти ему по свободному выбору народа; онъ считалъ полезнымъ оставлять для слабыхъ людей и упрямыхъ республиканцевъ возможность сознательнаго или безсознательнаго самообольщенія будто бы продолжаетъ существовать республика; съ этой цѣлью онъ отъ времени до времени разыгрывалъ комедію, слагая съ себя власть и получая ее вновь отъ сената; этому примѣру слѣдовали и ближайшіе его преемники. Въ первый разъ такую комедію разыгралъ онъ относительно сана императора, важнѣйшаго изъ всѣхъ его титуловъ. Прежде это былъ временный почетный титулъ полководца; Цезарь получилъ его въ другомъ смыслѣ, означавшемъ полновластіе главнокомандующаго, которому совершенно подчинены всѣ военныя силы государства (III, 913). Въ 27 году этотъ титулъ, который уже очень давно носилъ Октавіанъ въ томъ же смыслѣ, какъ Юлій Цезарь, былъ данъ ему сенатомъ на всю жизнь, по выслушаніи его притворнаго заявленія, что онъ готовъ сложить съ себя власть, возвратить ее сенату, а самъ сдѣлается частнымъ человѣкомъ. Это по-

Императорская власть Октавіана.

становленіе сената дало ему верховное начальство надъ всѣми военными силами государства и соединенное съ тѣмъ право верховнаго правителя всѣхъ провинцій. Онъ отвѣчалъ, что принимаетъ даваемый ему высокій санъ только на десять лѣтъ и беретъ подъ свою проконсульскую власть только тѣ провинціи, въ которыхъ для сохраненія спокойствія и порядка необходимо присутствіе легіоновъ, а другія провинціи, привыкшія къ покорности и не находящіяся въ опасности отъ внѣшнихъ враговъ, онъ предоставилъ управленію сената. Эта умѣренность была обманомъ. Въ продолженіе десяти лѣтъ монархическая власть должна была укорениться такъ прочно, что потомъ уже не могло быть и рѣчи объ отмѣнѣ ея; ни одна изъ провинцій, хотя бы самая далекая отъ границъ государства не могла обходиться совершенно безъ войскъ, а всѣ военачальники были подчинены императору, потому всѣ провинціи фактически находились подъ проконсульской властью Октавіана; все римское государство было окинуто сѣтью его военнаго правленія; всѣ побѣды и завоеванія приписывались императору, и за нимъ однимъ осталось право получать тріумфы. Потому было лишь пустой формальностью то, что черезъ нѣсколько времени сенатъ, совершенно безоружный, передалъ императору пожизненную проконсульскую власть и въ сенатскихъ провинціяхъ, подчинилъ ему всѣхъ правителей провинцій. Вмѣстѣ съ тѣмъ угодливый сенатъ далъ ему религіозный титулъ «Августа» («Священнаго»); этотъ титулъ сдѣлался съ того времени однимъ изъ именъ Октавіана. По сану императора Октавіанъ имѣлъ подъ своею властью всѣ легіоны, которыхъ было тогда 23 или 25; они были расположены по всему государству; начальниками ихъ были легаты императора; они служили ему съ полной преданностью, и проникнутые сословнымъ военнымъ духомъ, ставили свою славу и честь въ величіи своего повелителя, бывшаго олицетвореніемъ римскаго государства; въ самомъ Римѣ его охраняли девять когортъ преторіанцевъ; эти тѣлохранители главнокомандующаго получали двойное жалованье, усиливавшее ихъ преданность ему; съ той же цѣлью были выдаваемы имъ при отставкѣ большіе денежные подарки; часть преторіанцевъ жила въ одномъ изъ флигелей его дворца (Palatium), т. е. дома на Палатинскомъ холмѣ; остальные были размѣщены по квартирамъ у жителей Рима и въ окрестностяхъ города. Октавіану было дано право носить въ самомъ городѣ военную одежду и мечъ, какъ эмблемы его императорскаго сана («военачальнической власти», imperium); это была привилегія его: всѣмъ другимъ законъ и обычай воспрещалъ это; лавровыя деревья передъ его домомъ и дубовый вѣнокъ на фронтонѣ показывали, что онъ побѣдитель своихъ враговъ, спаситель гражданъ.

Сенатъ.

Сенатъ находился въ зависимомъ положеніи. Мы видѣли, какъ самовластно поступалъ Цезарь съ сенаторами; онъ и потомъ тріум-

виры наполнили Курію своими креатурами, давали санъ сенатора своимъ прислужникамъ, людямъ низкаго происхожденія, не имѣвшимъ никакихъ заслугъ. Это унизило сенатъ во мнѣнія народа, Августъ хотѣлъ вывесть его изъ презрѣнія, внушить уваженіе къ сенаторамъ. По праву даннаго ему сана «блюстителя нравовъ»(praefectus morum), онъ съ своимъ помощникомъ Агриппою занялся очищеніемъ сената отъ недостойныхъ людей. Около 200 сенаторовъ были средствами, по возможности, мягкими принуждены выйти изъ сената и были замѣщены преданными императору почтенными людьми, въ выборѣ которыхъ участвовалъ самъ сенатъ. Августъ установилъ для права быть сенаторомъ высокій имущественный цензъ. Для быстроты веденія дѣлъ были назначены комитеты, подготовлявшіе ихъ къ рѣшенію сенатомъ. Октавіанъ взялъ себѣ—то есть по формѣ получилъ отъ сената—титулъ «перваго сенатора», princeps senatus; этотъ санъ сдѣлалъ его предсѣдателемъ сената, подчинилъ завѣдыванію его, или его уполномоченныхъ, весь ходъ совѣщаній сената и постановку вопросовъ для рѣшенія.

Августъ опредѣлилъ, что число сенаторовъ должно быть 600. Онъ нѣсколько разъ повторялъ очищеніе сената. Онъ желалъ сдѣлать сенатъ представителемъ понятія о націи, расширилъ его права, дѣйствовалъ черезъ него при изданіи законовъ, рѣшеніи процессовъ, сдѣлалъ его своимъ административнымъ органомъ; вообще желалъ владычествовать посредствомъ сената и, раздѣляя съ нимъ власть, слагалъ на него часть отвѣтственности. Онъ хотѣлъ, чтобъ его титулъ „первый сенаторъ" означалъ также „первый гражданинъ". Отнявъ у сената прежнюю самостоятельность, Августъ возбудилъ этимъ во многихъ вражду къ себѣ; потому теперь больше прежняго считалъ нужнымъ оградить себя отъ злоумышленій; средствами охраны служили ему отчасти обвиненія подозрительныхъ людей въ оскорбленіи величества, отчасти строгій надзоръ. Когда онъ бывалъ въ засѣданіяхъ сената, онъ имѣлъ на себѣ подъ тогой панцырь. Сенаторъ не могъ жить внѣ Италіи безъ особеннаго разрѣшенія. Августъ считалъ эту предосторожность нужной для того, чтобы недовольные вельможи не могли пріобрѣтать себѣ приверженцевъ въ провинціяхъ и подготовлять мятежи. Вообще онъ держалъ себя относительно сената съ нѣкоторымъ недовѣріемъ и большой осторожностью. По формѣ, онъ возвысилъ значеніе сената, предоставилъ ему участіе во многихъ дѣлахъ, въ нѣкоторыхъ даже инициативу; но на самомъ дѣлѣ онъ постоянно заботился о томъ, чтобы сенатъ не имѣлъ никакой дѣйствительной власти, предоставлялъ ему только призракъ ея. Комиціямъ центурій и трибъ онъ оставилъ право избирать сановниковъ; но сановники были только исполнителями приказаній императора; ихъ положеніе было подчиненное, во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ они были связаны властью императора; потому лишь формальной перемѣной, упрощеніемъ государственнаго устройства было то, что впослѣдствіи сановниковъ сталъ назначать императоръ, или прямо самъ, или посредствомъ сената, и что комиціи были лишены всякаго значенія. Завѣдываніе Римомъ и всей Италіей Августъ ввѣрилъ своему уполномоченному, совершенно устранивъ отъ этого дѣла всякое постороннее вліяніе. Онъ произвелъ эту реформу, давъ префекту

Комиціи.

Префектъ города и его преторій.

города обширное полномочіе и между прочимъ главный контроль надъ снабженіемъ Рима хлѣбомъ и надъ водопроводами; префектъ города былъ делегатъ императора, намѣстникъ его. Начальство надъ войсками въ Римѣ и вообще въ Италіи Августъ поручилъ префекту преторія. Обѣ эти должности были пожизненныя и послужили органами для развитія военнаго деспотизма; онѣ больше всѣхъ другихъ учрежденій Августа противорѣчили республиканскимъ формамъ, которыя старался сохранять онъ во всѣхъ другихъ дѣлахъ. Сенатъ предоставилъ ему право пополнять новыми назначеніями сословіе патриціевъ, число которыхъ было очень уменьшено междоусобіями и проскрипціями. Титулъ патриція оставался уважаемымъ, но давно потерялъ всякое значеніе; возстановляя сословіе патриціевъ, Августъ хотѣлъ унизить значеніе курульной аристократіи, сословія нобилей, въ которомъ было очень много плебейскихъ фамилій. Понятно, что императоръ тоже долженъ былъ принадлежать къ патриціямъ. Первые императоры до Нерона были патриціи по рожденію или усыновленію. Потомъ было принято за правило, что человѣкъ плебейскаго рода, получая престолъ, чрезъ то самое становится патриціемъ.—Итакъ Августъ старался окружить свой новый тронъ блескомъ, какой еще имѣла древнѣйшая аристократія. Онъ хотѣлъ по возможности сохранить разницу между сословіями. Сенаторы, уваженіе къ которымъ онъ возстановилъ исключеніемъ недостойныхъ людей, продолжали имѣть знакомъ своего сана широкую пурпурную кайму на туникѣ, имѣли особыя мѣста въ театрѣ; Августъ установилъ, что въ случаяхъ преступленій они подлежатъ исключительно суду сената. Законные браки они могли заключать только съ дочерьми свободныхъ отцовъ. Изъ сословія всадниковъ тоже были исключены недостойные люди. Для принадлежности къ этому сословію надобно было имѣть имущественный цензъ; всадники имѣли подобно сенаторамъ знаки отличія и нѣкоторыя почетныя права. Молодые люди знатнѣйшихъ всадническихъ фамилій составляли почетную конную стражу императора, какъ при республикѣ составляли стражу консуловъ и главнокомандующихъ; коня для этой службы они получали отъ государства. Они служили въ походахъ, участвовали и въ процессіяхъ на государственномъ праздникѣ римскихъ игръ; всадники могли получать всѣ курульныя магистратуры и высшія военныя должности; изъ ихъ сословія назначались сенаторы. Большую часть своихъ прокураторовъ и другихъ уполномоченныхъ по управленію финансами въ провинціяхъ Августъ бралъ изъ сословія всадниковъ; изъ ихъ сословія назначались и присяжные, такъ что въ этомъ Августъ сохранялъ преданіе республиканскаго времени. Но управленіе финансами онъ подчинилъ контролю болѣе строгому, чѣмъ прежній. Онъ старался по возможности ограничить поступленіе иноземцевъ въ число римскихъ гражданъ, установивъ правила, затруднявшія отпущеніе рабовъ на волю. Жалованіе правъ гражданства городамъ, не имѣвшимъ его, онъ предоставилъ исключительно своей власти.

Патриціи и сословіе всадниковъ.

Главнокомандующій всѣхъ военныхъ силъ и глава сената, Августъ уже по этимъ правамъ своимъ былъ владыкою государства; дополненіемъ къ нимъ было то, что ему была предоставлена трибунская власть, хотя народнымъ трибуномъ онъ не назывался, потому что императоръ, будучи, какъ мы говорили, патриціемъ, не могъ занимать санъ народнаго трибуна. Трибунская власть, tribunicia potestas, была по предложенію сената дана комиціями Августу на всю жизнь въ 23 году, по поводу празднованія той радости, что онъ выздоровѣлъ

Трибунская власть.

отъ тяжкой болѣзни, а также и по поводу того, что онъ назначилъ консуломъ Луція Сестія, бывшаго другомъ Марка Брута. Трибунскій санъ имѣлъ для римлянъ священный характеръ; величайшія гражданскія дѣла были произведены народомъ въ славныя времена республики подъ руководствомъ народныхъ трибуновъ. Плебеи считали санъ ихъ палладіумомъ своей свободы, своихъ гражданскихъ правъ; со временъ Коріолана до войны Цезаря съ Помпеемъ домократическая партія въ своей борьбѣ съ аристократіей имѣла вождями народныхъ трибуновъ. Перенесеніемъ трибунской власти на Августа былъ данъ ему священный характеръ, глава государства былъ неразрывно соединенъ съ народомъ, «государь», princeps, былъ признанъ защитникомъ народа, верховная власть народнаго собранія была передана ему. Принадлежавшее трибунамъ право воспрещать исполненіе судебныхъ приговоровъ и охранять гражданъ отъ произвола правительственныхъ сановниковъ (intercessio) стало теперь правомъ императора судить всѣ дѣла по апелляціи къ нему (provocatio) и давать помилованіе осужденнымъ. Эта власть императора была расширена на все государство. Отъ всѣхъ трибуналовъ, по всѣмъ частямъ государства, и въ гражданскихъ, и въ уголовныхъ дѣлахъ, можно было апеллировать къ судебной власти императора; итакъ верховнымъ судьею во всемъ государствѣ былъ Августъ. Онъ славился своею кротостью, потому число апелляцій къ нему было громадно, такъ что скоро понадобилось учредить особые трибуналы и въ Римѣ, и въ провинціяхъ для рѣшенія апелляціонныхъ жалобъ по верховной власти императора, переданной отъ него имъ; въ Римѣ предсѣдателемъ такого трибунала былъ префектъ города; предсѣдателями апелляціонныхъ трибуналовъ въ провинціяхъ Августъ назначалъ людей, бывшихъ консулами. Судить дѣла по апелляціи началъ еще Цезарь; при Августѣ это развилось такъ, что всѣ важные процессы по рѣшеніи ихъ преторскими или сенатскими трибуналами переходили апелляціоннымъ порядкомъ на рѣшеніе императора и его трибуналовъ. Правомъ помилованія Августъ пользовался въ широкомъ размѣрѣ, чтобы выставлять себя благодѣтелемъ свободныхъ и несвободныхъ людей, гражданъ и провинціаловъ. Каждый храмъ, въ которомъ воздавались богослужебныя почести императору, былъ «азилемъ», священнымъ мѣстомъ убѣжища. Такихъ храмовъ было множество повсюду. Статуи императора были изображеніями, спасающими людей; кто прибѣгалъ къ нимъ, тѣхъ охраняли онѣ отъ правосудія или мщенія. У жертвенника императора даже рабы находили охрану себѣ отъ жестокости своихъ господъ.— Августъ придавалъ такую важность перенесенію на него трибунской власти, что означалъ на монетахъ и памятникахъ началомъ своего правленія этотъ день (27 іюня 731 отъ основ. Рима, 23 до Р. Х.). Черезъ три года формальная передача всѣхъ правительственныхъ правъ Августу была завершена тѣмъ, что ему была дана на всю

Право провокаціи и право помилованія.

жизнь консульская власть съ предоставленіемъ права назначать, или предлагать для выбора народу товарищей, или намѣстниковъ и издавать распоряженія, имѣющія силу закона (эдикты). Съ того времени Августъ садился въ сенатѣ посрединѣ между двумя консулами на курульномъ креслѣ, стоящемъ выше консульскихъ.

Консульская власть.

Чрезъ нѣсколько времени умеръ Лепидъ, бывшій верховнымъ первосвященникомъ. Августъ получилъ и этотъ санъ; такимъ образомъ онъ пріобрѣлъ формальное право завѣдывать и богослужебными дѣлами. По сану верховнаго первосвященника онъ управлялъ дѣлами государственной религіи, имѣлъ контроль надъ всѣми обрядами. По его распоряженію, дѣлались справки въ сивиллинскихъ книгахъ и объяснялись эти пророчества. Онъ назначалъ всѣхъ духовныхъ сановниковъ, назначалъ и весталокъ. Будучи по своему сану императора и по консульской власти верховнымъ судьею военныхъ процессовъ и рѣшителемъ всѣхъ вопросовъ, касающихся безопасности государства, онъ по сану верховнаго первосвященника имѣлъ jus sacrum (священное право) рѣшать всѣ дѣла о преступленіяхъ противъ религіи и былъ судьею жрецовъ.

Санъ верховнаго первосвященника. 12.

Соединеніемъ духовной власти съ военною и гражданскою было завершено основаніе принципата. Вся исполнительная и судебная власть по всѣмъ богослужебнымъ и житейскимъ дѣламъ была сосредоточена въ рукахъ императора. Законодательная власть оставалась нѣкоторое время принадлежащей по формѣ народному собранію; но это было лишь призракомъ прежней верховной власти народа, потому что теперь уже не было и надобности предлагать законы на принятіе народному собранію: по обычному римскому праву, эдикты курульныхъ сановниковъ имѣли силу законовъ на то время, пока продолжается власть сановника, издавшаго эдиктъ; теперь когда вся власть курульныхъ сановниковъ была передана на всю жизнь Августу, всякая другая законодательная власть стала ничтожна. Эдикты императора имѣли силу законовъ по всему государству; они образовали основную часть «конституцій» (постановленій), получившихъ совремемемъ значеніе, равное законамъ, установленнымъ комиціями. Много содѣйствовало упроченію законодательной власти императора то, что Августъ, по своей благоразумной умѣренности, при рѣшеніяхъ дѣлъ о войнѣ и мирѣ обыкновенно совѣтовался съ сенатомъ или испрашивалъ его утвержденіе, никогда не пользовался грубо своимъ правомъ надъ смертью и жизнью сенаторовъ и гражданъ, всегда съ почтительною заботливостью соблюдалъ обычныя формы. Итакъ новая имперія была монархіею, въ которой верховная власть на словахъ была раздѣлена между народомъ и государемъ. Рядомъ съ изображеніемъ Августа повсюду стояло изображеніе державнаго Рима. Идея верховной власти, принадлежащей одному лицу, и идея верховной власти римскаго народа сливались въ одно представленіе.

Законодательная власть императора.

Полновластіе императора.

„Противъ воли императора не могъ быть установленъ никакой законъ, не могъ быть произведенъ никакой выборъ, потому что его трибунское veto отмѣняло всѣ непріятныя ему проявленія народной власти", такъ характеризуетъ Гёкъ сущность принципата: „но съ другой стороны считалось, по крайней мѣрѣ на словахъ, что воля императора сама по себѣ, безъ согласія народа, недостаточна для установленія закона или для назначенія курульныхъ сановниковъ; потому что императоръ не былъ повелителемъ народа; но это ограниченіе власти императора существовало лишь въ теоріи, а не въ дѣйствительности, потому что гдѣ кончались законныя права императора, тамъ замѣнялись они фактической силой его, о которой теорія не говорила, но которая держала въ своей всемогущей рукѣ всю государственную жизнь. Фактическое могущество Августа владычествовало надъ всѣмъ, уничтожало всѣ ограниченія его произвола и прокладывало путь къ деспотизму его преемниковъ. Сенатъ состоялъ изъ его креатуръ; привязанность народа онъ пріобрѣталъ раздачею хлѣба и играми, преданность войска добычей и подарками. Такимъ образомъ Курія была послушной исполнительницей его плановъ, комиціи—отголоскомъ его желаній, а легіоны усердно исполняли получаемыя отъ него приказанія. Сенатъ и народное собраніе оставались по формѣ прежними республиканскими властями; но они были ничтожные призраки, ни мало не стѣснявшіе волю государя". Впрочемъ Августъ заботливо избѣгалъ всякихъ столкновеній съ этими законными властями. По всѣмъ важнымъ дѣламъ онъ совѣтовался съ пользовавшимися его довѣріемъ даровитыми людьми сенаторскаго и всадническаго сословій и своими административными помощниками. Эти „друзья" императора составляли его „совѣтъ" concilium, нѣчто подобное государственному совѣту самодержавныхъ монархій прошлаго столѣтія; но принадлежность къ совѣту императора еще не была при Августѣ особымъ саномъ. Вліятельнѣйшіе изъ его совѣтниковъ были Агриппа и Меценатъ.

---

2. Государство и провинціи.

Объемъ государства. Когда Августъ сталъ владыкою всего римскаго государства, оно охватывало прекраснѣйшія и знаменитѣйшія страны древняго міра, и всѣ культурные народы входили въ составъ его; оно простиралось отъ Атлантическаго океана до Эвфрата, отъ Дуная и Рейна до нильскихъ пороговъ и песчаныхъ пустынь Африки и Аравіи. Перепись всѣхъ римскихъ гражданъ въ цѣломъ государствѣ дала огромную цифру людей, способныхъ къ войнѣ; никакой народъ не могъ устоять противъ такой силы. Въ первое время имперіи въ громадномъ пространствѣ государства еще оставались народы, не вполнѣ принявшіе римскую культуру; въ Альпахъ и Пиренеяхъ, на низовьѣ Дуная и въ недоступныхъ ущельяхъ Тавра еще жили воинственныя племена, сохранявшія свою необузданную свободу, не склонявшія выю подъ иго римскаго владычества; но это были безсильные упрямцы, непокорность которыхъ не внушала страха римлянамъ, а была лишь полезна для нихъ тѣмъ, что давала легіонамъ занятія, поддерживавшія въ римскихъ воинахъ привычку къ походной жизни. Тѣ войны, какія самъ Августъ, или его легаты, вели въ кантабрскихъ горахъ сѣверо-западной Испаніи, въ Альпахъ и въ далматскихъ горахъ служили только для упроченія границъ государства и давали императору случай возобновлять тріумфы республики, хвалиться военными подвигами.

Испанія. Испанскіе горцы были переселены на равнину и принуждены жить мирно. Надзоръ за переселенцами облегчали военныя колоніи. Лишаясь своей дикой необузданности, эти племена привыкали къ земледѣлію, къ спокойному быту, принимали языкъ, обычаи, религіозные обряды римлянъ. Испанскіе города, пользуясь большими льготами, соединенные между собою хорошими дорогами, стали центрами римской цивилизаціи, торговой и промышленной дѣятельности. Изъ испанскихъ гаваней вывозились огромныя количества сельскихъ продуктовъ: оливковаго масла, вина, меду, воска, шерсти, множество соленой морской рыбы; приморскіе города богатѣли. Уроженцами испанскихъ городовъ во времена имперіи были, какъ мы увидимъ, нѣкоторые изъ величайшихъ государей и знаменитѣйшихъ ученыхъ.

Альпійскія племена. Противъ хищныхъ племенъ Альпійскаго хребта отъ Савоніи и Піемонта до Истріи были нѣсколько разъ предпринимаемы истребительные походы и наконецъ они были покорены. Въ землѣ салассовъ, тамъ, гдѣ сходятся грайскіе и пенинскіе Альпы была основана военная колонія Augusta Praetoria (нынѣшняя Агоста) и стала служить охраною римской собственности въ сѣверо-западной Италіи, а упорство салассовъ было сломлено тѣмъ, что мужчины, способные къ войнѣ, были отведены въ Эпоредію (Иврею) и проданы въ рабство. Въ 15 году до Р. Х. Тиберій повелъ изъ Галліи легіоны къ истокамъ Рейна, а съ юга двинулся въ ту часть Альпъ Друзъ, энергическій юноша, которому была суждена честь уничтожить свободу альпійскихъ горцевъ. Дѣйствуя по общему плану, онъ и Тиберій въ одинъ походъ покорили племена Реціи, Винделиціи, Норика, отъ Боденскаго озера и долины Инна до сѣвернаго края Адріатическаго моря. Эти горцы жили разрозненно, не имѣли общаго національнаго чувства, потому легко было покорить одно племя за другимъ. На южномъ склонѣ Альпъ былъ поставленъ памятникъ, возвѣщавшій, что по распоряженіямъ Августа были покорены войсками его сорокъ четыре народа, и перечислявшій имена ихъ. Владычество римлянъ было упрочено переселеніемъ энергичнѣйшей части непокореннаго населенія въ далекія области, проложеніемъ дорогъ черезъ Альпы, постройкой укрѣпленій, въ которыхъ были поставлены гарнизоны, основаніемъ военныхъ колоній, важнѣйшими изъ которыхъ были Augusta Vindelicorum (нынѣшній Аугсбургъ) и Regina Castra (нынѣшній Регенсбургъ). Такимъ образомъ вся страна между Дунаемъ и Альпами была присоединена къ римскому государству. Одновременно съ этимъ была присоединена къ нему и обширная

Области по Нижнему Дунаю.

область отъ Истріи до Македоніи и отъ Адріатическаго моря до Савы; провинція Иллирикъ, ограничивавшаяся прежде приморской полосой, была увеличена покореніемъ земель япидовъ (или яподовъ) и далматовъ; а взятіемъ паннонскаго города Сисціи, стоявшаго при впаденіи Колапа (Кульпы) въ Саву былъ пріобрѣтенъ операціонный базисъ для походовъ на низовье Дуная. Япиды обороняли свою столицу Метулъ съ мужествомъ отчаянія, но императоръ, самъ руководившій осадой и раненный въ ногу и въ обѣ руки, непрерывно велъ долгій приступъ; всѣ мужчины были убиты; женщины, старики и дѣти или сами лишили себя жизни, или погибли въ пламени зажженнаго города. Линія военныхъ укрѣпленій была проведена черезъ Паннонію и Мизію до южнаго берега Дуная, по которому скоро былъ построенъ рядъ крѣпостей, охраняемыхъ шестью легіонами. Набѣги хищныхъ племенъ съ сѣвера за Дунай были прекращены этимъ, и можно стало сдѣлать земли по южному берегу рѣки римскими провинціями. Ѳракійскіе князья на югѣ отъ Гемуса становились болѣе и болѣе зависимыми отъ Рима. Ѳракійскій царь Котисъ, человѣкъ миролюбивый, добрый, былъ въ царствованіе Тиберія убитъ своимъ дядей, свирѣпымъ Рескупорисомъ; вдова убитаго принесла жалобу въ Римъ; по рѣшенію сената, убійца былъ низложенъ, и царство было раздѣлено между сыновьями его и Котиса. Независимость ѳракійцевъ стала пустымъ призракомъ; наконецъ исчезъ и онъ,—вся Ѳракія была присоединена къ римскому государству.

Войны въ Далмаціи и Панноніи.

Въ 12 и 11 годахъ до Р. Х. паннонцы и далматы возстали. Агриппа началъ, а по его смерти Тиберій довершилъ кровавое подавленіе этихъ мятежей. Люди, способные носить оружіе, были уведены и проданы въ рабство; у оставшихся на родинѣ было отобрано оружіе. Спокойствіе на нѣсколько времени возстановилось. Но любовь къ свободѣ еще не умерла въ этихъ воинственныхъ племенахъ. Раздраженные притѣсненіями Рима, который, по выраженію, одного изъ ихъ вождей, посылалъ „для охраны стадъ не пастуховъ и собакъ, а волковъ“, озлобленные тѣмъ, что юноши были уводимы на службу въ войскахъ далекихъ провинцій, далматы и паннонцы въ 6 году по Р. Х. снова взялись за оружіе чтобъ избавиться отъ налоговъ и военной повинности. Возстаніе быстро охватило всю страну ихъ. Храбрые вожди, двое изъ которыхъ имѣли одинаковое имя Батонъ, двинулись на римскія крѣпости Сирмій и Салону, опустошая все на пути; другое многочисленное войско пошло въ Македонію; отважный отрядъ инсургентовъ угрожалъ ворваться черезъ Тергестъ (Тріестъ) въ Италію. Въ степяхъ на сѣверѣ отъ Дуная взволновались конные дикари даки и савроматы, ограбили и убили римскихъ купцовъ. Ужасъ овладѣлъ Римомъ при этихъ извѣстіяхъ; и дѣйствительно опасность, грозившая Италіи изъ земель, лежащихъ къ востоку отъ Адріи была велика; мы видимъ это по мѣрамъ, какія были приняты Августомъ. Ветераны, получившіе отставку, были снова призваны въ легіоны; для покрытія военныхъ расходовъ была установлена подать съ рабовъ; съ Марбодомъ, маркоманскимъ царемъ, на котораго готовились идти римскія войска, былъ заключенъ миръ. Три года длилась опустошительная война,

которую Светоній называетъ самой ужасной изъ всѣхъ, какія были со времени второй пунической. Съ пятнадцатью легіонами Тиберій и его племянникъ Германикъ, сынъ Друза, прошли паннонскую и далматскую землю изъ конца въ конецъ, то сражаясь, то стараясь пересcорить инсургентовъ, то дѣйствуя вѣроломствомъ. Послѣ кровавыхъ битвъ Батонъ сдалъ римлянамъ неприступную горную крѣпость Андерій, стоявшую близъ Салоны, и поселился съ приверженцами своими въ Равеннѣ, гдѣ до конца жизни получалъ отъ Тиберія богатое содержаніе въ награду за то, что покинулъ національное дѣло. Дольше сопротивлялась Ардуба, крѣпость, построенная на крутой горѣ и защищенная быстрой рѣкой; туда ушли упорнѣйшіе инсургенты и римскіе дезертиры, которыхъ было много. Наконецъ при отважной вылазкѣ лучшіе воины осажденныхъ погибли въ кровопролитномъ бою; остальные зажгли свои дома и сожгли себя съ женами и дѣтьми, или побросались въ рѣку. Послѣ погибели Ардубы всѣ другія укрѣпленія инсургентовъ сдались, и нѣмое повиновеніе возстановилось по всему пространству отъ Адріи до низовья Дуная. Но страна была опустошена, и людей осталось мало на залитыхъ кровью поляхъ. Дунай отъ истока до устья сталъ сѣверной границей римскаго государства. Ѳракійскія княжества черезъ нѣсколько времени были присоединены къ провинціи Мизіи.

Азія.

Въ азіатскихъ земляхъ тоже надобно было вести много войнъ, распутать много затрудненій, чтобы народы на сѣверѣ отъ Эвфрата совершенно подчинились Риму. Распоряженія, сдѣланныя Помпеемъ (III, 777 слѣд.), сохраняли въ общихъ чертахъ законную свою силу; но междоусобными войнами было сильно измѣнено положеніе нѣкоторыхъ государствъ. Брутъ и Кассій, а потомъ Антоній и Октавіанъ награждали государей, города и племена за усердіе къ нимъ, наказывали за вражду давали или отнимали земли и привилегіи, или по серьезнымъ мотивамъ, или по произволу. Когда Августъ черезъ 10 лѣтъ послѣ битвы при Акціумѣ пріѣхалъ на Востокъ, тамъ кромѣ четырехъ римскихъ провинцій (Азіи, Виѳиніи, Киликіи, Сиріи) были туземныя царства, свѣтскія и духовныя княжества, городскія республики и другія государства болѣе или менѣе самостоятельныя, но всѣ обязанныя давать Риму войска. У многихъ изъ нихъ онъ отнялъ независимость, присоединивъ ихъ къ римскимъ провинціямъ, въ другихъ произвелъ перемѣны.

Галатія.

По смерти хитраго Аминта, который былъ полководцемъ Дейотара и сталъ его преемникомъ, Августъ обратилъ большую часть галатскаго царства въ римскую провинцію Галатію; къ ней была присоединена Ликаонія, а черезъ нѣсколько времени по смерти Дейотара Филадельфа, правнука галатскаго царя Дейотара, и Пафлагонія. Въ понтскомъ государствѣ, къ которому принадлежали Малая Арменія, Колхида, приморскіе города Фарнакія и Трапезунтъ, царствовалъ хитрый и храбрый Полемонъ, получившій эти владѣнія отъ Антонія по вліянію Клеопатры, милость которой съумѣлъ заслужить; кромѣ того, ему принадлежало босфорское царство, полученное имъ вмѣстѣ съ рукою Динамиды, бывшей наслѣдницею этого владѣнія. По смерти Полемона вторая жена его Пиѳодорида вышла

Понтъ и Каппадокія.

замужъ за каппадокійскаго царя Архелая, получившаго престолъ отъ Антонія и Октавіана за усердіе къ нимъ. Такимъ образомъ Понтъ и Каппадокія соединились въ одно государство, достаточно сильное для того, чтобы служить западнымъ землямъ Малой Азіи хорошимъ оплотомъ противъ восточныхъ варваровъ. Но оно просуществовало не долго. Въ правленіе Тиберія, нерасположеннаго къ Архелаю, этотъ царь былъ вызванъ въ Римъ оправдываться передъ сенатомъ отъ обвиненія, которому подвергъ его императоръ; онъ былъ такъ испуганъ, что отъ душевнаго волненія умеръ въ Римѣ. Тиберій обратилъ Каппадокію и Малую Арменію въ римскую провинцію, которая называлась Каппадокіей; къ ней было присоединено и жреческое государство Комана. Подъ римскимъ владычествомъ соединено и жреческое государство Комана. Подъ римскимъ владычествомъ стали очень богаты, въ особенности виѳинскій города новыхъ провинцій стали очень богаты, въ особенности виѳинскій городъ Никомидія и каппадокійскій городъ Цезарея (или Кесарія). Діоскурій и сосѣдняя область по рѣкѣ Фазису стали центромъ очень обширной торговли: римскіе купцы покупали тамъ шерсть и мѣха изъ сѣверныхъ земель, драгоцѣнные камни, серскія (шелковыя) одежды и другіе предметы роскоши, привозимые съ далекаго Востока.

Ликія и Киликія.

Точно также дѣйствовали Августъ и его преемники на югѣ Малой Азіи; они и тамъ обращали подвластныя государства въ части римскихъ провинцій. Ликійскій союзъ, бывшій уже только тѣнью прежняго, просуществовалъ нѣсколько десятковъ лѣтъ. Антоній и Октавіанъ старались, по возможности, исцѣлить раны, нанесенныя ему Брутомъ (III, 949); но онъ былъ разслабленъ внутренними раздорами. Упавшее его благосостояніе не могло поправиться; и присоединеніе къ римскимъ владѣніямъ, произведенное при Клавдіѣ, было благодѣяніемъ для обѣднѣвшихъ жителей.— Писидія и Кипръ были присоединены Августомъ къ Киликіи. Охраненіе горнаго прохода въ Сирію, называвшагося киликійскими воротами, Августъ поручилъ римскому отряду, а покореніе хищныхъ племенъ, жившихъ въ горахъ и ущельяхъ Тавра и Амана, онъ предоставилъ мелкимъ туземнымъ князьямъ. Эти княжества были прямо подчинены римской власти при Веспасіанѣ.

Сирія.

Сирія и принадлежавшія къ ней земли были поставлены въ прежнее прямое подчиненіе Риму, нарушенное мимолетнымъ завоеваніемъ парѳянъ, а потомъ тѣмъ, что Антоній подарилъ эти области Клеопатрѣ и ея дѣтямъ. Въ Сиріи стояли четыре легіона, охранявшіе ее отъ внутреннихъ волненій и отъ набѣговъ южныхъ и восточныхъ сосѣдей. Горная область къ сѣверу отъ Сиріи, Коммагена, бывшая послѣднимъ остаткомъ царства селевкидовъ, была нѣсколько времени особеннымъ государствомъ, царь котораго имѣлъ своею столицею Самосату; по смерти этого кліэнта римлянъ, она была присоединена къ Сиріи.

Іудея.

Той же судьбѣ подверглась Іудея, долго пользовавшаяся особенной милостью императоровъ (родъ Юліевъ издавна былъ расположенъ къ іудеямъ). Мы видѣли, что Иродъ лестью, подарками, услугами, съумѣлъ пріобрѣсти и сохранить благосклонность Августа и его полководца и зятя Агриппы, что по смерти Ирода, іудейское царство, терзаемое раздорами, было поставлено подъ прямое римское управленіе. Іудея была объявлена императорской провинціей; ею правилъ прокураторъ, подчиненный правителю Сиріи, но имѣвшій большую часть правъ, принадлежавшихъ проконсуламъ и пропреторамъ, правившимъ другими провинціями; между прочимъ, онъ имѣлъ власть осуждать на смертную казнь. Іудея и послѣ того пользовалась довольно долго особенной благосклонностью римлянъ. Іудеи свободно жили по своимъ законамъ; ихъ богослуженіе не было стѣсняемо (III, 332 стр.); они были освобождены отъ военной повинности и пользовались повсюду въ римскомъ государствѣ довольно большими привилегіями.

Римское владычество надъ Іудеей.

Прокураторъ Іудеи жилъ въ приморскомъ городѣ Кесаріи (Цезареѣ), основанномъ Иродомъ (III, 331); подъ римскимъ владычествомъ этотъ городъ, сдѣлавшійся центромъ морской торговли, скоро разбогатѣлъ; тамъ селилось много иностранцевъ подъ охраной римскаго гарнизона. Прокураторъ во всѣхъ военныхъ дѣлахъ былъ подчиненъ сирійскому проконсулу, который долженъ былъ, въ случаѣ надобности, присылать на помощь ему войско; въ прямомъ его распоряженіи были только два небольшіе горнизона, стоявшіе одинъ въ Кесаріи, другой въ Іерусалимѣ, въ цитадели, называвшейся Антоніевой, для поддержанія порядка въ спокойное время. По праздникамъ, когда въ Іерусалимѣ собиралось много народа, прокураторъ отправлялся туда съ отрядомъ войска и при этомъ случаѣ, вѣроятно рѣшалъ многія судебныя и административныя дѣла. Онъ жилъ тогда въ укрѣпленномъ дворцѣ «Преторіѣ» подлѣ Антоніевой цитадели, Судебные приговоры онъ произносилъ, сидя на высокомъ судейскомъ креслѣ, поставленномъ на эстрадѣ, пристроенной къ дому и украшенной превосходными сортами мрамора; допросъ производился на дворѣ дома. Въ Самаріи тоже былъ небольшой отрядъ войска, стоявшій въ укрѣпленномъ станѣ. Въ дѣлахъ внутренняго управленія іудейскій народъ подъ римской властью пользовался свободой, какой не имѣлъ при Иродѣ и его сыновьяхъ; но подати, бывшія при царяхъ, не были уменьшены римлянами. Іудеи платили имъ поголовную подать, поземельный налогъ, налогъ съ домовъ, пошлину съ товаровъ, привозимыхъ на рынокъ, нѣкоторыя другія пошлины. Но подать, платимая храму и составлявшая двѣ драхмы съ человѣка, считалась добровольнымъ пожертвованіемъ и была собираема агентами первосвященническаго правительства; римляне въ это дѣло не вмѣшивались. Послѣ того, какъ Іудея была присоединена къ римскому государству (около 10 года по Р. Х.) пропреторъ Сиріи по приказанію Августа послалъ своего легата Публія Сульпиція Квиринія произвести перепись жителей и оцѣнку недвижимой собственности въ Іудеѣ, чтобъ узнать сколько дохода можетъ давать она. Это было первой причиной недовольства іудеевъ, усердно преданныхъ стариннымъ обычаямъ.

Тетрархи Иродовой династіи.

Августъ и его преемникъ оставили фамиліи Ирода мелкія государства подъ властью Рима; однимъ изъ нихъ была область стариннаго города Панея на сѣверо-востокѣ отъ Іудеи; государемъ ея былъ сначала Филиппъ, человѣкъ справедливый и дѣятельный; при немъ Панея, получившая названіе Кесаріи Филипповой, стала большимъ городомъ; другое государство Иродовой династіи составляли Галилея и Перея, данныя Августомъ умному, честолюбивому, преданному римлянамъ и умѣвшему льстить имъ Антипѣ, называвшемуся обыкновенно Иродомъ. Онъ имѣлъ титулъ тетрарха и былъ основателемъ городовъ Діокесаріи и Тиберіады (Тиверіады). Черезъ нѣсколько десятилѣтій эти отрасли династіи Ирода вымерли, и государства ихъ были присоединены къ римскимъ владѣніямъ.—Иродъ Антипа, бывши въ Іерусалимѣ, влюбился въ жену своего брата по отцу, красавицу Иродіаду, происходившую тоже изъ династіи Ирода, уговорилъ ее бросить мужа и выйти за него. Этотъ преступный бракъ ввелъ его въ бѣды. Его прежняя жена бѣжала къ своему отцу, арабскому князю, царствовавшему въ Петрѣ и возбудила его воевать съ ея невѣрнымъ мужемъ, который совершенно подчинился вліянію Иродіады, не обращая вниманія ни на глухой ропотъ народа, ни на громкія порицанія Іоанна Крестителя. При Калигулѣ Антипа, по обвиненію, взведенному на него родственникомъ Иродомъ Агриппой, былъ лишенъ царства и вмѣстѣ съ Иродіадой сосланъ въ Галлію; онъ и она умерли тамъ. При Клавдіи Иродъ Агриппа, внукъ Ирода великаго получившій воспитаніе въ Римѣ, былъ сдѣланъ государемъ Іудеи и Самаріи; онъ правилъ ими три года (41—44). Онъ былъ сначала искателемъ приключеній, потомъ льстецомъ и любимцемъ императоровъ. Послѣ преслѣдованія, которому подверглись христіане въ Іерусалимѣ, онъ вдругъ занемогъ въ то время, когда сидѣлъ въ циркѣ и смотрѣлъ на игры; черезъ нѣсколько дней онъ умеръ.

Арабскія племена.

Въ пустыняхъ, на юго-востокѣ отъ сирійской провинціи, жили независимыя кочевыя арабскія племена, продолжавшія заниматься хищничествомъ, какъ это было у нихъ издавна. Августъ держался относитель но

ихъ той же политики, какъ Помпей (III, 780). Онъ заключилъ союзъ съ наслѣдникомъ Арета, набатейскимъ царемъ Мальхомъ, имѣвшимъ своей столицей Петру, и Ямблихомъ, княземъ племени, имѣвшаго своей столицей Эмесу (отецъ этого Ямблиха, тоже Ямблихъ, былъ казненъ Антоніемъ). Августъ обѣщался оставить этимъ царямъ ихъ наслѣдственныя владѣнія, они за это обязались удерживать своихъ номадовъ отъ набѣговъ. Въ 24 году до Р. Х. правитель Египта Элій Галлъ сдѣлалъ попытку покорить Аравію Счастливую, желая проложить новые пути для торговли. Но это кончилось неудачей. Солнечный зной былъ такъ изнурителенъ, что римляне вернулись, и жители Аравіи Счастливой уцѣлѣли отъ ихъ меча. Полководецъ набатейскаго царя, бывшій проводникомъ римлянъ по пустынѣ, былъ казненъ ими по подозрѣнію въ предательствѣ. Но царю набатейскому они не поставили въ преступленіе измѣну его слуги.

Парѳія и Арменія.

Пораженіе при Каррахъ требовало возмездія; кровь Красса, его сына и войска требовала отмщенія. Но Августъ не желалъ подвергать свои легіоны стрѣламъ парѳянскихъ конныхъ латниковъ. Счастье и тутъ помогло ему. Парѳія и Арменія, находившіяся тогда въ тѣсной связи между собой, были волнуемы междоусобіями претендентовъ. Тигранъ, сынъ несчастнаго Артавазда (III, стран. 960, 963), просилъ у римлянъ помощи противъ своего брата Артаксія, возведеннаго на престолъ парѳянскимъ царемъ. Тиберій пошелъ въ Арменію; при его появленіи Артаксій былъ убитъ своими подданными, и Тиберій возвелъ на престолъ римскаго кліэнта (20 до Р. Х.). Это испугало парѳянскаго царя Фраата: онъ боялся, что римляне пойдутъ на помощь его сопернику Тиридату и онъ подвергнется судьбѣ Артаксія; потому онъ, покоряясь требованію Августа, возвратилъ римскія знамена и тѣхъ плѣнниковъ, которые еще оставались въ живыхъ. Августъ торжествовалъ возвращеніе орловъ, какъ побѣду, принесъ благодарственную жертву богамъ и обѣщалъ построить храмъ Марсу Мстителю.

Но въ Арменіи скоро возобновились междоусобія. Она попадала иногда подъ вліяніе Рима, иногда подъ вліяніе парѳянъ; при содѣйствіи тѣхъ или другихъ были низвергаемы прежніе цари, возводимы на престолъ новые; междоусобія претендентовъ терзали страну. При Неронѣ парѳянскій царь Вологезъ I сдѣлалъ армянскимъ царемъ своего брата Тиридата; это послужило причиной новой войны между римлянами и парѳянами. Армяне своими интригами сами возбудили ее, призывая римлянъ на помощь, чтобы не быть въ полной зависимости отъ парѳянъ и, помогая парѳянамъ, чтобы не попасть подъ владычество римлянъ. Но и по географическому положенію и по сходству обычаевъ они были ближе къ парѳянамъ, говоритъ Тацитъ, были соединены съ ними брачными связями и, не зная свободы, любили рабство. Въ этой войнѣ пріобрѣлъ большую славу себѣ Домицій Карбулонъ и внушилъ врагамъ уваженіе къ оружію Рима въ правленіе презрѣннѣйшаго человѣка. Возстановивъ дисциплину въ легіонахъ, онъ побѣдоносно пошелъ по Арменіи, взялъ главные города ея Артаксату и Тигранокерту, выставилъ противъ парѳянскаго союзника римскаго кліэнта, называвшагося Тиграномъ (58 по Р. Х.). Тигранъ и его преемникъ, про-

исходившій изъ династіи Ирода, пять лѣтъ держались на армянскомъ престолѣ при помощи римлянъ; потомъ взяли верхъ въ Арменіи парѳяне и снова возвели на престолъ своего претендента Тиридата (въ 63 году). Преемникъ Корбулона, Цезенній Петъ, не могъ помѣшать этому. Но когда снова пошелъ въ Арменію Корбулонъ, парѳяне потеряли надежду удержаться въ Арменіи противъ воли римлянъ и нашли надобнымъ примириться съ ними. Тиридатъ согласился явиться на свиданіе съ Корбулономъ, положить свою діадему къ ногамъ изображенія императора и потомъ получить ее въ самомъ Римѣ изъ его рукъ (67 г.). Послѣ того довольно долгое время на восточныхъ границахъ римскаго государства все было спокойно.

Провинція Азія.

Въ провинціи Азіи Августъ произвелъ мало перемѣнъ; права нѣкоторыхъ городовъ онъ расширилъ за усердіе къ нему во время междоусобія, права другихъ уменьшилъ за непріязнь; право быть азилемъ, принадлежавшее храму Артемиды Эфесской и сдѣлавшее городъ Эфесъ притономъ преступниковъ, было ограничено Августомъ. Колонисты, поселенные императоромъ въ опустѣвшихъ городахъ, придали имъ новую жизнь. Благодаря спокойствію, промышленность стала развиваться, такъ что въ первомъ вѣкѣ имперіи считалось въ провинціи Азіи до 500 городовъ. Римляне получали изъ греческихъ городовъ и съ острововъ предметы роскоши: паросскій и фригійскій мраморъ для своихъ великолѣпныхъ зданій, а для своихъ обѣдовъ хіосское вино, родосскую рыбу, птицу изъ Малой Азіи, медъ съ горы Гиметта. Эфесъ и Апамея были складочными мѣстами товаровъ Востока. Тамъ римскіе купцы покупали вавилонскія тонкія ткани, арабскія куренія и туалетное масло, тирскія пурпурныя одежды. На островѣ Косѣ изготовлялись изъ прозрачныхъ, вѣроятно шелковыхъ тканей, женскія одежды, очень мало прикрывавшія тѣло и возбуждавшія негодованіе Сенеки.

Ахаія и Македонія.

Въ ахайской и македонской провинціяхъ Августъ произвелъ тоже мало перемѣнъ. Обѣ онѣ ужь давно привыкли къ римскому владычеству. Въ македонской провинціи политическая жизнь уже совершенно замерла; въ Ахаіи, охватывавшей древнюю Грецію до Камбунскихъ и Керавнійскихъ горъ, а также острова Эгейскаго моря, во время междоусобныхъ войнъ нѣкоторые города принимали участіе въ борьбѣ; но римляне того времени были проникнуты такимъ уваженіемъ къ греческой образованности, что не наказывали отчизну ея за проступки отдѣльныхъ лицъ, какъ поступалъ Сулла. Цезарь, Антоній и Августъ съ одинаковымъ великодушіемъ забыли то, что греки поддерживали Помпея и Брута, всѣ трое платили имъ за вражду благодѣяніями. Но Августъ уменьшилъ тѣ милости, какія Антоній оказалъ аѳинянамъ, отнялъ у нихъ Самосъ, на которомъ нѣсколько разъ подолгу жилъ; онъ возвратилъ этому острову независимость. Впрочемъ при всей благо-

склонности римлянъ къ Греціи, жизненныя силы ея не могли возродиться, она не могла подняться до какого-нибудь самостоятельнаго политическаго значенія.

Трансальпійская Галлія.

Съ наибольшей заботливостью старался Августъ ввести благоустройство въ Галліи, завоеванной Цезаремъ, усыновившимъ его, и въ Египтѣ, который былъ присоединенъ къ римскому государству имъ самимъ. Собственно только уже онъ установилъ въ Галліи правильное провинціальное устройство. Цезарь не имѣлъ времени упрочить римскую власть надъ ней твердою организаціей управленія, оставлялъ прежніе племенные округи; налоги при немъ были произвольны, распредѣленіе ихъ было не равномѣрно. Августъ прекратилъ эту шаткость отношеній. Онъ созвалъ въ Нарбонѣ важнѣйшихъ племенныхъ князей и старшинъ, раздѣлилъ при ихъ содѣйствіи страну на новые административные округи и велѣлъ сдѣлать перепись населенія и земельной собственности для справедливой раскладки налоговъ. Прежняя римская провинція стала называться Нарбонской Галліей; остальная страна была раздѣлена на три провинціи: Аквитанію (отъ Пиренеевъ и севеннскихъ горъ до Луары); Лугдунскую Галлію (между Луарой, Сеной и Марной до Лугдуна на востокѣ) и Бельгику (сѣверъ Галліи, земля секвановъ и гельветовъ). Новые города, стоявшіе на Ронѣ, Віенна, Лугдунъ, а на западѣ отъ нихъ Августодунъ (Отёнъ) и Бурдигала (Бордо) скоро стали по богатству, торговой дѣятельности и образованности соперниками съ городами старой римской провинціи Немавсомъ, Арелатомъ, Нарбономъ и съ Массиліею. Лугдунъ (Ліонъ), въ которомъ сходились главнѣйшія военныя дороги, пріобрѣлъ очень большое значеніе. При сліяніи Арара съ Роданомъ галльскія племена соорудили на общій счетъ великолѣпный памятникъ въ честь Августа и храмъ, день освященія котораго былъ сдѣланъ національнымъ праздникомъ; каждый годъ совершалось тутъ торжество, сопровождавшееся музыкальными и гимнастическими играми, и собирались депутаты южныхъ провинцій для совѣщаній о дѣлахъ. На сѣверѣ центромъ римской культуры сталъ городъ Augusta Trevirorum (Триръ). Благодаря спокойствію, по всей Галліи развивались земледѣліе, промышленность, благосостояніе. Гражданская свобода, равноправность и греко-римская релегія, соединенная съ культомъ императора, быстро замѣнили деспотическія права кельтскихъ князей и благородныхъ всадниковъ и свирѣпыя жертвоприношенія друидовъ (III, 813 слѣд. 845). Многіе галлы и испанцы были возводимы въ санъ сенаторовъ или всадниковъ.— Земля по лѣвому берегу Рейна, въ которой большинство населенія составляли германскія племена, была поставлена подъ особое военное управленіе и раздѣлена на верхнюю и нижнюю Германію. Для охраны рейнской границы отъ нападеній германцевъ были устроены по берегу рѣки укрѣпленные станы и мелкія укрѣпленія; количество

войска, стоявшаго въ нихъ было постепенно увеличено до восьми легіоновъ. Начали строиться и города по Рейну. Агриппа основалъ колонію, въ которой поселилъ убіевъ, германцевъ, усердно преданныхъ римлянамъ; этотъ «городъ убіевъ», Ubiorum oppidum, названный впослѣдствіи Colonia Agrippina (нынѣшній Кёльнъ), получилъ свободу отъ податей и другія очень важныя привилегіи.

Африка.

Съ такой же разсудительностью и заботливостью устроилъ Августъ администрацію римскихъ владѣній въ Африкѣ. Карѳагенская область и бывшее нумидійское царство составляли прежде два разные округа; Августъ соединилъ ихъ въ одну провинцію, за которой осталось имя Африки. На западѣ отъ нея находилась Мавританія, тоже подвластная римлянамъ; Августъ послѣ нѣкотораго колебанія отдалъ ее вѣрному своему приверженцу Юбѣ, воспитанному въ Римѣ, и она оставалась подъ властью римлянъ особымъ царствомъ до временъ Клавдія, который присоединилъ ее къ непосредственнымъ владѣніямъ Рима. На востокъ отъ Большой Сирты простиралась до границы Египта плодородная киренская область; она была соединена въ одну провинцію съ Критомъ.

Кирена и Критъ.

Египетъ.

Обѣ эти провинціи Августъ предоставилъ въ управленіе сенату, но устранилъ всякое вмѣшательство сената въ управленіе Египтомъ. Провинція Египетъ простиралась отъ оазисовъ западной пустыни до Арабскаго моря и отъ устій Нила до Сіэнскихъ горъ. Мы говорили, что правитель Египта, Галлъ, хотѣлъ покорить западный берегъ Аравіи, но эта попытка не удалась. Далеко на югѣ за Сіэной въ Эѳіопіи стоялъ одиноко римскій отрядъ; Августъ велѣлъ ему вернуться въ Египетъ, потому что не хотѣлъ расширять границы государства. Онъ считалъ Египетъ своимъ личнымъ владѣніемъ и ревниво охранялъ отъ всякихъ постороннихъ вліяній. Сенаторамъ было запрещено ѣздить въ Египетъ безъ особеннаго разрѣшенія. Управленіе имъ было ввѣрено надежному человѣку всадническаго сословія; этотъ префектъ Египта соединялъ въ своихъ рукахъ гражданскую администрацію съ начальствомъ надъ войскомъ, довольно большимъ; судебная власть была поручена прокуратору, котораго назначалъ самъ императоръ. Онъ жилъ въ Александріи. Августъ очень заботился о развитіи земледѣлія и торговли въ Египтѣ, объ орошеніи почвы. При ея плодородіи, при выгодности своего положенія для торговли, Египетъ въ первое время имперіи достигъ такого богатства, какого не имѣлъ ни при Птолемеяхъ, ни при фараонахъ.

Египетъ сталъ житницей города Рима. Египетскія тонкія льняныя и хлопчато-бумажныя одежды, украшенныя вышитыми фигурами, высоко цѣнились и теперь, какъ въ давнія времена; папирусъ былъ важнымъ предметомъ вывоза, потому что римляне писали очень много. Притомъ Александрія была складочнымъ мѣстомъ индійскихъ и арабскихъ товаровъ и хлопчато-бумажныхъ тканей всяческихъ сортовъ, отъ самыхъ простыхъ до

тончайшихъ и прозрачныхъ; черезъ нее получали римляне и дорогія ткани, называвшіяся серскими, служившія для роскошной одежды римскихъ матронъ, начинавшія входить въ употребленіе и у изнѣженныхъ мужчинъ; это были шелковыя ткани; о матеріалѣ, изъ котораго дѣлаются онѣ и о томъ, откуда онѣ привозятся, древніе имѣли лишь очень смутныя извѣстія. Каждый годъ болѣе ста римскихъ торговыхъ кораблей плавало къ западному берегу Индіи и въ Персидскій заливъ за драгоцѣнными продуктами тропическихъ земель, странъ и морей далекаго Востока; они привозили оттуда въ Египетъ пряности, куренія, мирры, ароматическое масло, красильныя вещества, слоновую кость, драгоцѣнные камни, жемчугъ, другіе предметы роскоши; изъ Египта эти товары шли въ Италію и продавались съ большою прибылью въ Римѣ, въ Баіяхъ, на богатыхъ виллахъ вельможъ. Цѣнность серскихъ (китайскихъ), индійскихъ и арабскихъ товаровъ, шедшихъ черезъ Александрію въ Италію, составляла ежегодно, какъ говорятъ, до 10 милліоновъ рублей. Но богатства, пріобрѣтаемыя египтянами, доставались большею частью не имъ самимъ, а римлянамъ. Обременительныя подати, введенныя Птолемеями, продолжали тяготѣть надъ страной и стали такъ невыносимы, что народъ въ отчаяніи не разъ брался за оружіе; но этимъ онъ только увеличивалъ свои страданія; благосостояніе Египта стало падать, возникли разбои. Въ особенности часто надобно было въ позднѣйшія времена имперіи предпринимать экспедиціи противъ буколовъ „пастуховъ рогатаго скота". Это были большія разбойническія шайки, укрывавшіяся въ непроходимымъ камышахъ болотъ по среднему рукаву Нила. Тамъ жили на лодкахъ семейства буколовъ, а сами они грабили сосѣднія области.

Общій выводъ.

Административныя распоряженія Августа показываютъ, что у него былъ разсудительно составленный ясный планъ мѣръ, необходимыхъ для прекращенія безпорядка и произвола, разстроившаго своими притѣсненіями государство: мы видимъ, что онъ хотѣлъ оградить безопасность собственности, подчинивъ имперію прочнымъ формамъ монархической администраціи. Начатое Цезаремъ во времена междоусобій было довершено счастливымъ преемникомъ его въ спокойныя времена. Провинціи, защищенныя законами отъ притѣсненій, стали пользоваться благосостояніемъ; нѣкоторыя изъ нихъ, какъ напримѣръ, Испанія, Галлія, Альпійскія страны, получили только теперь благоустроенную культурную жизнь. Но греки не могли подъ желѣзною рукою Рима подняться до прежняго блеска; впрочемъ въ этомъ было всего болѣе виновато изнуреніе, до котораго они сами довели себя своими свирѣпыми междоусобіями, гораздо раньше, чѣмъ были покорены Римомъ. Ихъ историческая роль была кончена; они медленно умирали отъ ранъ, которыя наносили себѣ сами. «Римъ не могъ возвратить грекамъ юность, творческую силу умственной дѣятельности», говоритъ Гёкъ: «но онъ далъ имъ то, что̀ было въ его власти. Онъ охранилъ Малую Азію отъ ужасной судьбы сдѣлаться добычею восточныхъ варваровъ, поддержалъ въ ней остатки греческой образованности, далъ грекамъ и другимъ культурнымъ народамъ древняго міра отрадную безопасность въ частномъ быту во время

упадка ихъ историческаго значенія». Греческая образованность распространялась по всему римскому государству и въ сочетаніи съ римской культурой составила цивилизацію, возвышавшуюся надъ разностями народовъ, охватывавшую древній міръ союзомъ космополитизма и гуманности.

Провинціальная администрація.

Монархія исцѣлила раны, нанесенныя провинціямъ республикою; она излѣчила ихъ благоразумными учрежденіями и хорошей администраціей. По эгоистическимъ понятіямъ римской аристократіи, провинціи существовали только для удовлетворенія ея алчности, всѣ сокровища, созданныя въ лучшія времена болѣе образованными народами, всѣ произведенія ихъ искусства, всѣ матеріальныя богатства ихъ должны были доставаться въ добычу римскимъ правителямъ, откупщикамъ и ростовщикамъ. Это было теперь прекращено. Правда, подати и повинности, лежавшія на провинціяхъ при имперіи, были велики; нельзя назвать легкими поземельный налогъ, другія подати съ недвижимаго имущества, поголовную подать и разныя повинности, которыя въ сенатскихъ провинціяхъ были собираемы квесторами и поступали въ государственную казну (aerarium), а въ императорскихъ провинціяхъ прокураторами и поступали въ императорскую кассу (fiscus) или шли на содержаніе войска; правда, и при имперіи, какъ во время республики, рудники и таможенныя пошлины принадлежали государству, отдавались на откупъ; военная повинность была мѣстами обременительна; но всѣ эти невыгоды далеко перевѣшивались тѣмъ благомъ, какое приносилъ прочный и справедливый порядокъ, объ установленіи котораго по всему государству заботился Августъ. Правители, которыхъ назначалъ онъ въ своихъ провинціяхъ исключительно своей властью, а въ сенатскихъ при содѣйствіи сената, и курульные сановники, которыхъ назначалъ онъ при содѣйствіи народнаго собранія, получали жалованье и опредѣленныя суммы на свои проѣзды; ихъ управленіе Августъ подвергалъ строгому контролю, точныя правила администраціи ограничивали самовластіе проконсуловъ, ихъ легатовъ и мелкихъ администраторовъ; апелляціонный императорскій трибуналъ служилъ защитою отъ ихъ притѣсненій; сосредоточивая въ своихъ рукахъ всю власть надъ войсками, императоръ держалъ областныхъ правителей въ безусловной зависимости отъ себя и строго слѣдилъ за ними. Десятинная подать съ хлѣба, взиманіе пятой доли продукта виноградниковъ и оливковыхъ плантацій, другія натуральныя повинности постепенно замѣнялись опредѣленными денежными взносами по справедливой оцѣнкѣ средняго дохода; военная повинность и бремя податей облегчались для многихъ городовъ и округовъ особыми льготами; провинціи избавились отъ иноземныхъ набѣговъ, отъ военнаго опустошенія; люди всѣхъ племенъ могли одинаково получать военныя почести, высокія военныя должности. Съ неутомимой энергіей императоръ дѣлалъ

поѣздки по провинціямъ, всматривался самъ въ ихъ положеніе, узнавалъ ихъ надобности, дѣлалъ распоряженія, какихъ требовала ихъ польза. Августъ началъ сооруженіе громадной системы дорогъ, соединявшихъ провинціи одну съ другой и съ Римомъ. Военныя дороги, возбуждающія до сихъ поръ удивленіе своею длиною и превосходной постройкой, облегчали сношенія между всѣми частями государства. По нимъ были поставлены каменные столбы, означавшіе счетъ миль, общимъ исходнымъ пунктомъ котораго была позолоченная колонна, поставленная самимъ Августомъ посрединѣ форума; по всѣмъ дорогамъ были станціи (mutationes) для перемѣны лошадей, экипажей и курьеровъ: по военнымъ дорогамъ ходила и государственная почта, учрежденная Августомъ; а для остановокъ на ночь и вообще для отдыха проѣзжимъ были построены по дорогамъ гостинницы (mansiones). Были пролагаемы новые пути сообщенія и по водѣ. Перевозить товары изъ отдаленныхъ мѣстъ въ Римъ стало легко. Войска могли очень быстро передвигаться изъ каждой области государства туда, гдѣ были они нужны; приказанія императора развозились чрезвычайно быстро до самыхъ отдаленныхъ мѣстъ. То, что дѣлалось въ Римѣ, было быстро передаваемо во всѣ части государства ежедневными изданіями, подобными газетамъ. Римъ былъ центромъ государства, главнымъ двигателемъ общественной жизни повсюду.

Военныя и почтовыя дороги.

Колонизація.

Руководясь мыслями Цезаря, Августъ въ широкомъ размѣрѣ повелъ дѣло колонизаціи по плану, благоразумно обдуманному; оно было продолжаемо слѣдующими императорами; эта колонизація чрезвычайно много содѣйствовала тому, что распространились по всѣмъ западнымъ провинціямъ латинскій языкъ, римскіе законы и культура, такъ что всѣ западныя страны получили одинаковый характеръ. Колоніи, основанныя императорами, имѣли благотворныя послѣдствія; онѣ вносили въ земли варваровъ начала благородной человѣческой образованности, благоустроенной общественной и государственной жизни, а изнемогшимъ культурнымъ народамъ давали свѣжія жизненныя силы и содѣйствовали упроченію порядка въ нихъ. Римскіе торговцы и промышленники, разсѣянные по всему государству, пріобрѣтали въ колоніяхъ опоры для своей дѣятельности; съ тѣмъ вмѣстѣ основаніе колоній было для императора самымъ лучшимъ способомъ давать обезпеченіе отставнымъ воинамъ и средства жизни обѣднѣвшимъ римлянамъ и другимъ италійцамъ. Чтобы люди охотнѣе переселялись въ эти новые города за границами Италіи, Августъ обыкновенно предоставлялъ ихъ населенію право римскаго гражданства и давалъ имъ самостоятельное управленіе ихъ дѣлами. Они были изъяты отъ судебной власти правителей провинцій; жителямъ каждой колоніи было дано право избирать свой городской совѣтъ и своихъ сановниковъ; процессы въ нихъ рѣшались по римскому праву; словомъ, колонія была маленькимъ Римомъ; языкъ, религія, обычаи, формы общественнаго быта, законы и учрежденія Рима переносились въ колонію; туземные элементы сростались съ римскими подъ охраной политической и гражданской равноправности. Если въ провинціальномъ городѣ слишкомъ преобладало туземное населеніе, или по какимъ-нибудь другимъ причинамъ неудобно было дать этому городу права римской колоніи, то ему давались права муниципальнаго города. Жители

Муниципіи.

муниципій тоже имѣли право римскаго гражданства, и подобно гражданамъ колоній, причислялись къ римскимъ трибамъ; но городское устройство было у нихъ иное, и судъ производился не по римскому праву, а по ихъ особеннымъ законамъ и формамъ. Это были свободные города, въ которыхъ жило очень мало римлянъ, или вовсе не было ихъ; городскія учрежденія муниципія были обыкновенно основаны на правилахъ устройства городовъ италійскихъ союзниковъ. Муниципальные города находились во всѣхъ провинціяхъ. Римское правительство предоставляло по возможности полную свободу имъ сохранять привычныя учрежденія. Оно оставляло неприкосновенными даже особенные религіозные обряды ихъ, жреческія корпораціи, владѣнія храмовъ. Греческіе и восточные культы, праздники, таинства, жертвоприношенія, оракулы продолжали существовать по прежнему, но рядомъ съ ними былъ поставленъ теперь новый культъ императора. Онъ мало по малу вытѣснялъ мѣстные культы и праздники. Императоры сурово преслѣдовали одну только религію—друидизмъ, бывшій главной опорой враждебныхъ Риму національныхъ стремленій въ Галліи и Британніи. Муниципальные города и съѣзды депутатовъ отъ провинціальныхъ округовъ много помогали распространенію цивилизаціи между туземцами, пріучали ихъ къ римскому образу жизни. Императорское правительство вообще старалось переносить въ провинціи тѣ учрежденія, которыя издавна развились въ Италіи; съ этой цѣлью оно расширяло права провинціальныхъ городовъ, освобождало ихъ отъ подвластности правителямъ провинцій, давало имъ льготы относительно налоговъ. Такимъ образомъ въ Испаніи, въ Галліи, въ другихъ необразованныхъ странахъ, оно старалось привязать къ себѣ города, предоставляя имъ права муниципій, давая имъ „право италійскихъ городовъ“, освобождавшее ихъ отъ поземельнаго налога, или „право латинскихъ городовъ“, по которому правители ихъ получали права римскихъ гражданъ; императорское правительство обезпечивало всѣмъ этимъ общинамъ владѣніе ихъ землями, предоставляло имъ свободу управленія ихъ дѣлами. Относительно греческихъ городовъ въ Европѣ и въ Азіи оно дѣйствовало иначе. Эти города очень дорожили мыслью о свободѣ, хотя ихъ независимость давно стала пустой тѣнью; императорское правительство льстило ихъ національному тщеславію, давая имъ названіе „свободныхъ городовъ“, предоставлявшее имъ самостоятельное управленіе своими дѣлами, свободный выборъ городскихъ правителей, право сохранять свои прежніе законы, свой независимый судъ; они были освобождены отъ римскихъ гарнизоновъ, имѣли право чеканить монету, считались независимыми государствами въ границахъ своихъ городскихъ округовъ.

Свободные города.

Общій характеръ провинціальнаго управленія.

Такимъ образомъ провинціи были покрыты сѣтью разнообразныхъ связей съ Римомъ. Въ основаніи этого разнообразія правъ лежала старинная римская политика, имѣвшая своимъ правиломъ раздроблять населеніе подвластныхъ земель для упроченія римской власти надъ ними, увеличивать права въ награду за вѣрность, за услуги, давать привилегіи вліятельнымъ и честолюбивымъ людямъ, чтобы возбуждать въ нихъ привязанность къ Риму; организація провинцій при имперіи была послѣдовательнымъ развитіемъ тѣхъ государственныхъ отношеній, какія выработались при республикѣ. Римское правительство не стремилось къ централизаціи, къ подведенію всего подъ одну форму. Августъ и его ближайшіе преемники только перенесли на

провинціи тѣ правила, по какимъ республиканскій сенатъ поступалъ относительно италійскихъ городовъ и племенъ. Каждому городу, каждому племени предоставлялось посредствомъ формальнаго договора, или особеннаго пожалованія то политическое положеніе, какого онъ заслуживалъ своими чувствами относительно Рима. Это положеніе было очень разнообразно. Колоніи и муниципіи пользовались правомъ римскаго гражданства; постепенно понижаясь, слѣдовали другіе разряды правъ: были города латинскаго права, италійскаго права, другія степени привилегій, были наконецъ города, жители которыхъ, считаясь подданными Рима, не имѣли никакихъ привилегій; эти города были подчинены правителямъ провинцій во всѣхъ своихъ дѣлахъ, и административныхъ и судебныхъ. Но даже и они имѣли нѣкоторый призракъ самостоятельности: ихъ граждане избирали своихъ городскихъ правителей, сохраняли свои религіозныя особенности, имѣли религіозныя корпораціи, свободно распоряжались своимъ общественнымъ имуществомъ. Благодаря этой умѣренности римскаго правительства, почти повсюду въ провинціяхъ являются признаки возрождающагося благосостоянія, законнаго порядка; почти повсюду развивались торговля, промышленность, художественная дѣятельность, какъ мы видимъ по извѣстіямъ древнихъ писателей; а гдѣ молчатъ они, тамъ ясно свидѣтельствуютъ о развитии благосостоянія величественные памятники архитектуры, остатки созданныхъ тогда храмовъ, театровъ, амфитеатровъ, колоннадъ, термъ, водопроводовъ.

Италія. Не то было въ Римѣ и по всей Италіи. И тутъ монархія была наслѣдницею республики; но наслѣдство, полученное ею, находилось въ состояніи такого разстройства, котораго уже нельзя было поправить. Въ предыдущемъ томѣ мы видѣли причины, уничтожившія въ Италіи сословіе свободныхъ поселянъ и постепенно превращавшія въ пустыню цвѣтущія области. Не будемъ повторять того, что говорили мы объ аграрныхъ бѣдствіяхъ и о войнахъ, длившихся въ Италіи со времени Гракховъ, уничтожившихъ энергію, благосостояніе, надежды племенъ Средней и Южной Италіи. Междоусобія, проскрипціи, конфискаціи, замѣщенія прежнихъ жителей прекраснѣйшихъ и плодороднѣйшихъ округовъ буйными воинами, не способными ни къ земледѣлію, ни къ какимъ мирнымъ занятіямъ, веденіе сельскаго хозяйства работою невольническихъ ордъ, соединеніе обширныхъ пространствъ земли въ громадныя помѣстья,—всѣ эти факты, дѣйствовавшіе въ одномъ и томъ же направленіи, почти совершенно уничтожили прежнее сословіе поселянъ-собственниковъ, наполнили Италію чужеземнымъ населеніемъ, не имѣвшимъ ни любви къ землѣ, ни наслѣдственной земли, ни любви къ родному дому, ни роднаго дома. Честные, трудолюбивые, воздержные поселяне прежнихъ временъ исчезли, земля или была отдана ветеранамъ въ награду за

ихъ службу, или перешла въ руки богачей, которые обратили нивы въ парки, сады, рощи, рыбные пруды для украшенія своихъ сельскихъ резиденцій, или въ пастбища для своихъ стадъ овецъ и рогатаго скота, или въ оливковыя плантаціи и виноградники, по разсчету торговой выгоды, находя, что продажа шерсти, вина, оливковаго масла даетъ больше прибыли на капиталъ, чѣмъ хлѣбопашество. Тамъ, гдѣ жили многолюдными селеньями и многочисленными отдѣльными дворами свободные землепашцы-собственники, неутомимо трудясь и скромно наслаждаясь благосостояніемъ въ семейномъ кругу, теперь стояли, подобные тюрьмамъ, сараи для ордъ купленныхъ невольниковъ, или полуразвалившіяся жилища иноземныхъ ветерановъ, не хотѣвшихъ заниматься непривычными имъ сельскими работами. Бѣдствія увеличивались тѣмъ, что повсюду бродили многолюдныя шайки разбойниковъ, отъ которыхъ нигдѣ не было безопасности ни для собственности, ни для жизни. Таково было состояніе Южной и Средней Италіи. Только на сѣверѣ, на прекрасной и плодородной равнинѣ По, лишь недавно вовлеченной въ римскій государственный бытъ, еще пахали нивы свободные люди, еще владычествовало благосостояніе, былъ благоустроенный порядокъ, была безопасность, процвѣтала въ многолюдныхъ городахъ торговля и промышленность. Патавій, Кремона, Плаценція, Парма снабжали Италію шерстяными тканями и коврами, войско солониной. Плиній еще прославляетъ эту область, какъ жилище старинной простоты и римскаго духа.

Римъ. Безотраднѣе всего было положеніе дѣлъ въ самомъ Римѣ. Населеніе этого города въ то время простиралось, вѣроятно, до полутора милліона; почти цѣлую половину этого числа составляли невольники, толпы которыхъ жили въ домахъ вельможъ, исполняя всѣ занятія, какія бываютъ въ большомъ домашнемъ хозяйствѣ. Кромѣ тѣхъ работъ, которыя у насъ лежатъ на обязанности домашней прислуги, они дѣлали и все то, что въ нашихъ городахъ исполняютъ ремесленники: изготовляли одежду, дѣлали посуду, дѣлали постройки; эта масса рабовъ служила роскоши и удобству сенаторскихъ и всадническихъ фамилій, число которыхъ было никакъ не больше 10,000; многіе изъ нихъ имѣли состояніе, едва достигавшее опредѣленнаго закономъ имущественнаго ценза (1,200000 сестерціевъ, около 45,000 рублей для сенаторскаго сана и третья доля этой суммы для всадника). Все остальное населеніе, около милліона людей, составляли свободные жители столицы, большинство которыхъ, не имѣя никакихъ прочныхъ заработковъ, жили со дня на день. Много было между ними иноземцевъ и отпущенниковъ. Ремеслами и фабричными работами занимались невольники, трудомъ которыхъ пользовались господа, оптовая торговля и всѣ крупныя денежныя дѣла находились въ рукахъ всадниковъ, многіе изъ которыхъ по своимъ занятіямъ жили въ большихъ провинціальныхъ городахъ. Такимъ образомъ для мас-

сы свободнаго населенія оставалось только занятіе мелочной торговлей, или добываніе средствъ къ жизни службой въ мелкихъ должностяхъ. Въ Римѣ не было зажиточнаго средняго класса, служащаго основой здороваго общественнаго быта. Громадны были богатства, непрерывно стекавшіяся въ столицу государства, но они шли только на увеличеніе роскоши знатныхъ людей; бездна, раздѣлявшая сенаторскую и всадническую аристократію отъ массы столичнаго населенія, оставалась по прежнему широка, не было никакихъ переходовъ отъ великолѣпныхъ дворцовъ богачей къ жалкимъ жилищамъ бѣдняковъ. Отъ этой болѣзни погибла республика, и хотя Августъ усердно старался уменьшить это государственное бѣдствіе, причины его коренились такъ глубоко, что не могли быть исцѣлены. Число жителей Рима, которыхъ надобно было содержать постояннной раздачей хлѣба изъ государственныхъ магазиновъ и подарками, простиралось до нѣсколькихъ сотъ тысячъ; но эти пособія отъ государства были, разумѣется, скудны. Многіе изъ тѣхъ, которые не были внесены въ оффиціальный списокъ бѣдняковъ, находились въ такой же нищетѣ. Были тысячи свободныхъ римлянъ, не имѣвшихъ другого крова себѣ, кромѣ колоннадъ храмовъ и другихъ общественныхъ зданій; были тысячи гражданъ, думавшихъ только о томъ, какъ имъ дожить до слѣдующаго дня. Недугъ былъ тѣмъ болѣе неисцѣлимымъ, что свободный римлянинъ даже и въ самомъ бѣдственномъ положеніи гордился своимъ достоинствомъ римскаго гражданина, считалъ себя однимъ изъ владыкъ вселенной. Это тщеславіе, наслѣдованное отъ старины, не допускало его заниматься черной работой, которая давала иностранцу, отпущеннику, рабу возможность жить сносно, вела иногда и къ пріобрѣтенію благосостоянія, даже къ богатству. Праздная жизнь подъ яснымъ небомъ въ городѣ, гдѣ было такъ много удовольствій, составляла наслѣдственную привилегію римскаго гражданина. Приняться за работу было для него унизительнѣе, чѣмъ жить милостыней правительства, которая все-таки оставляла его голоднымъ. Онъ пренебрегалъ и земледѣліемъ и ремеслами, не хотѣлъ служить по найму; но не стыдился просить пособія и считалъ своимъ правомъ получать отъ правительства хлѣбъ и развлеченія. Этотъ свободный нищій смотрѣлъ съ презрѣніемъ на богато-одѣтаго раба, отъ котораго бралъ подачку съ такимъ же душевнымъ спокойствіемъ, съ какимъ человѣкъ рветъ ягоды въ лѣсу, или черпаетъ воду изъ ручья. Праздная жизнь въ столицѣ привлекала туда изъ всей Италіи бѣдняковъ, не хотѣвшихъ работать; Римъ былъ наполненъ нищими, бродягами, тунеядцами, требовавшими, чтобы государство кормило ихъ; бѣдными кліэнтами и паразитами, тѣснившимися въ дома богатыхъ людей; праздношатающимися всякаго рода, для которыхъ было придумано названіе ardeliones.

Августъ подобно Цезарю всячески старался избавить Римъ отъ

Заботы Августа о городѣ Римѣ.

этихъ тунеядцевъ и помочь бѣднякамъ. Чтобъ уменьшить массу праздныхъ людей въ Римѣ онъ основывалъ колоніи, покупалъ земли для этого; онъ ограничилъ число людей, получающихъ хлѣбъ даромъ, приказавъ провѣрить права каждаго изъ пользовавшихся этою выдачей; велѣлъ исключить изъ списка всѣхъ имѣвшихъ возможность жить безъ того, всѣхъ иноземцевъ, всѣхъ неимѣвшихъ права римскаго гражданства и тѣхъ, кто злоупотреблялъ полученными пособіями. Но это были только палліативныя средства; причины недуга оставались неизлѣченными. Снабженіе Рима дешевымъ хлѣбомъ было одною изъ самыхъ трудныхъ обязанностей правительства. Въ своей заботѣ о непрерывной доставкѣ хлѣба въ Италію изъ провинцій, служившихъ житницей Рима—изъ Сициліи, Африки, Египта—Августъ принялъ на себя санъ, префекта продовольствія—санъ, данный нѣкогда Помпею, назначилъ постоянныхъ сановниковъ для завѣдыванія подвозомъ хлѣба и государственными хлѣбными магазинами, изъ которыхъ бѣдные граждане каждый мѣсяцъ получали опредѣленное количество хлѣба, предъявляя билетъ, дававшій имъ право на это. При дороговизнѣ хлѣба, которая случалась не рѣдко, раздача производилась въ увеличенномъ размѣрѣ. Каждое счастливое событіе служило для Августа предлогомъ покупать себѣ расположеніе народа особою раздачей хлѣба и денежными подарками.

Заботы объ Италіи.

Усердно заботился Августъ и обо всей Италіи. Въ опустѣвшихъ мѣстностяхъ онъ основывалъ колоніи, желая возстановить въ нихъ земледѣліе и промышленную дѣятельность. Онъ возбуждалъ къ трудолюбію наградами и привилегіями. Вооруженные отряды и эскадры очистили Италію отъ разбойническихъ шаекъ, охраняли берега отъ пиратовъ. Августъ велѣлъ произвести точный осмотръ помѣщеній, въ которыхъ содержались невольники (ergastula), разузнать нѣтъ ли тамъ захваченныхъ и проданныхъ въ рабство разбойниками свободныхъ людей и возвратить свободу всѣмъ такимъ невольникамъ. Какъ въ провинціяхъ, такъ и въ Италіи жизнь возродилась съ упроченіемъ монархіи. Возстановленіемъ безопасности и законнаго порядка Августъ далъ Италіи возможность благосостоянія. Онъ основалъ 28 колоній; поселенцами въ нихъ были отчасти ветераны, отчасти италійскіе бѣдняки. Онъ далъ этимъ колоніямъ хорошее устройство. Городское управленіе въ нихъ было учреждено по образцу римскаго, и въ свою очередь служило образцомъ для другихъ италійскихъ муниципій и городовъ, подчиненныхъ префектамъ. Кромѣ права гражданства въ своей колоніи, поселенцы имѣли право римскаго гражданства (civitas). Городъ самъ выбиралъ своихъ правителей и членовъ городскаго совѣта (декуріоновъ); онъ самостоятельно управлялъ своимъ общественнымъ имуществомъ, имѣлъ свободу богослуженія по обычнымъ формамъ, имѣлъ свои праздники, имѣлъ самостоятельный судъ, рѣшавшій дѣла по римскимъ законамъ, гражданинъ италійской городской

общины, переселяясь въ Римъ, пріобрѣталъ тамъ полное право римскаго гражданства. Прежнія разницы юридическаго положенія городовъ постепенно исчезали при Августѣ и его преемникахъ; всѣ италійскіе города находились въ одинаковыхъ отношеніяхъ къ императорскому правительству, и устройство ихъ собственнаго управленія постепенно становилось одинаковымъ.

Устройство италійскихъ городовъ.

Въ каждомъ городѣ была коллегія декуріоновъ (городской совѣтъ); число членовъ ея было различно, соотвѣтственно величинѣ города. Они избирались пожизненно изъ числа зажиточныхъ гражданъ, или получали свое званіе черезъ выборъ въ какую-нибудь изъ главныхъ городскихъ должностей. Вся административная власть мало по малу сосредоточилась въ этомъ совѣтѣ: совѣщаніями его руководили предсѣдатели, которыхъ было или два (duumviri) или четыре (quatuorviri). Въ муниципіяхъ и колоніяхъ совѣтъ декуріоновъ былъ высшей административной и судебной властью. Въ городахъ, подчиненныхъ префектамъ, они завѣдывали администраціею и судопроизводствомъ, при содѣйствіи городскихъ выборныхъ. Префекты назначались на годъ. Декуріоны въ провинціальномъ городѣ были тоже, что въ Римѣ сенаторы. Первоначально ихъ санъ былъ почестью; люди добивались получить его, дѣлали для этого пожертвованія на общественныя дѣла. Но впослѣдствіи, когда государственные налоги и повинности стали тяжелы, званіе декуріоновъ сдѣлалось обременительнымъ. При императорахъ былъ учрежденъ классъ „августаловъ"; къ нему причислялись граждане зажиточные, но не особенно богатые; причислялись и богатые отпущенники; онъ составлялъ среднюю ступень между городской аристократіей и простолюдинами. Августалы могли быть избираемы въ городскія административныя должности, и за эту привилегію на нихъ были возложены нѣкоторыя пожертвованія для религіозныхъ праздниковъ и другихъ общественныхъ дѣлъ. — Составъ администраціи въ италійскихъ городахъ сформировался по образцу магистратуръ города Рима. Главными сановниками были два правителя, называвшіеся дуумвирами; они соотвѣтствовали консуламъ и преторамъ. При отправленіи своихъ общественныхъ обязанностей, они являлись въ сопровожденіи ликторовъ, имѣвшихъ фаски. Городскимъ имуществомъ и хозяйствомъ завѣдывали квесторы. Рынками, торговлей, полиціей завѣдывали эдили. Обязанности цензоровъ исполняли сановники, избиравшіеся тоже одинъ разъ въ пять лѣтъ и потому называвшіеся квинквенналами; они составляли списки гражданъ и производили оцѣнку имуществъ; санъ ихъ считался самой почетною изъ всѣхъ городскихъ магистратуръ. Но по уголовнымъ дѣламъ окончательные приговоры обыкновенно постановлялись въ Римѣ: императорскій апелляціонный трибуналъ былъ, какъ мы видѣли, высшею судебною инстанціей для всего государства. — Въ Сѣверной Италіи, которую только Цезарь уравнялъ въ правахъ съ Южной и Средней Италіей, судебная власть городовъ еще имѣла нѣкоторыя ограниченія, остававшіяся отъ недавнихъ временъ, когда эта область была провинціей. Въ городахъ Сѣверной Италіи судъ по гражданскимъ дѣламъ не имѣлъ такой самостоятельности, какъ въ городахъ остальной Италіи. При строгомъ надзорѣ, установленномъ монархіею, не было опасности мятежей въ Италіи; потому нигдѣ въ ней, кромѣ Рима и его окрестностей, не было гарнизоновъ. Берега были охраняемы флотомъ, главными гаванями для котораго служили Равенна и Мизенъ. Въ случаѣ опасности легко было перевезти въ Италію достаточное число войскъ изъ Далмаціи и Панноніи. Императоръ

имѣлъ отрядъ тѣлохранителей, называвшихся преторіанцами. Они составляли девять когортъ; въ каждой было по 1000 человѣкъ, большинство ихъ были италійцы. Три когорты стояли въ самомъ Римѣ, остальныя шесть въ сосѣднихъ городахъ. Обязанность охраненія дворца и священной особы императора раздѣлялъ съ ними отрядъ конницы, состоявшій изъ германцевъ и батавовъ.

Финансы. Налоги.

Неограниченная монархическая власть всегда имѣетъ тенденцію сглаживать всѣ разницы между подданными, налагать на все государство печать однообразія. Такъ было сдѣлано въ римской имперіи относительно организаціи провинціальнаго управленія и относительно городскаго устройства. Города имѣли не одинаковыя права, но учрежденія ихъ были сформированы по одному образцу. Тоже было сдѣлано относительно налоговъ и финансоваго управленія. Существовавшее на словахъ раздѣленіе власти между императоромъ и сенатомъ выражалось въ управленіи финансами тѣмъ, что въ завѣдываніи государственною казною (эраріемъ) участвовалъ сенатъ, а фискомъ (императорской кассою) распоряжался исключительно императоръ. При республикѣ Римъ и Италія имѣли привилегированное положеніе; провинціи служили источникомъ дохода для города Рима; имперія стремилась уравнять и обязанности, какъ уравнивала права; пошлины, существовавшія прежде только въ провинціяхъ, были введены и въ Италіи. Доходы отъ нихъ поступали частью въ государственную казну, частью въ городскія кассы. Налогъ на имущество, отъ котораго въ послѣднее время республики была свободна Италія, былъ введенъ во всемъ государствѣ по одинаковой нормѣ; основаніемъ ему служила оцѣнка имущества (цензъ). Со всѣхъ предметовъ, продаваемыхъ въ Римѣ и во всей Италіи, была взимаема пошлина; она составляла одинъ процентъ съ цѣны товара, кромѣ невольниковъ, съ продажной цѣны которыхъ взималось по два процента, а впослѣдствіи даже четыре. Эта пошлина поступала въ фискъ. Съ наслѣдствъ, переходящихъ не по прямой линіи родства, взималась двадцатая доля; эта пошлина поступала въ военную кассу. При отпускѣ раба на волю тоже взыскивалась пошлина. Уже и самымъ установленіемъ этихъ новыхъ налоговъ сумма государственныхъ доходовъ была значительно увеличена, еще больше возрасли они оттого, что въ управленіе финансами былъ введенъ строгій порядокъ. Государство само стало взимать поземельный налогъ и общій налогъ съ имущества въ провинціяхъ, прекративъ отдачу его на откупъ; взиманіе другихъ налоговъ черезъ откупщиковъ было подчинено точному контролю. Эти преобразованія очень сильно увеличили государственный доходъ, такъ что онъ, по вычисленію Гиббона, составлялъ при Августѣ не меньше, если не больше ста милліоновъ рублей. Изъ нихъ около тридцати милліоновъ шло на войско и флотъ; раздача хлѣба бѣднымъ гражданамъ въ Римѣ обходилась государству въ нѣсколько милліоновъ; не мень-

ше того, какъ надобно думать, расходовалось на жалованье областнымъ правителямъ и другимъ служащимъ и на содержаніе полиціи; но за всѣми этими и другими обыкновенными расходами оставались огромные излишки, такъ что можно было строить громадныя зданія, покрыть государство сѣтью дорогъ, восхищать народъ великолѣпными играми, покупать преданность воиновъ и столичнаго населенія подарками.

Сооруженія.

Общественныя зданія, великолѣпные дома и виллы частныхъ людей, которыми Римъ и его окрестности начали украшаться еще при республикѣ, теперь стали размножаться съ каждымъ годомъ и строились по планамъ, все болѣе колоссальнымъ и великолѣпнымъ. Форумъ Августа съ храмомъ Марса Мстителя, храмъ Юпитера Громовержца (Jupiter Tonans) на нижнемъ уступѣ Капитолійскаго холма, храмъ Аполлона, построенный изъ бѣлаго мрамора на Палатинскомъ холмѣ, храмъ Квирина на Квиринальскомъ холмѣ принадлежали къ великолѣпнѣйшимъ зданіямъ Рима. Они служили напоминаніями о преданіяхъ, которыми гордились римляне, или которыми возвеличивалъ фамилію Юліевъ и себя Августъ, или напоминали народу подвиги и благодѣянія императора. Великолѣпныя колоннады увѣковѣчивали имена его жены, его сестры, его внуковъ. Считаютъ, что онъ возстановилъ 82 храма. Примѣру императора слѣдовали его богатые и могущественные друзья. Мы уже говорили, что Агриппа оказалъ большую услугу Риму сооруженіемъ громадныхъ подземныхъ каналовъ для спуска нечистотъ (III, 963); онъ прославилъ свое имя многими другими великолѣпными сооруженіями, полезными Риму или украшавшими городъ. Онъ построилъ два новые водопровода и поправилъ разрушавшіеся прежніе, такъ что еще никогда не было въ цѣломъ мірѣ другого большого города, который былъ бы снабженъ чистой родниковой водою въ такомъ изобиліи, какъ древній Римъ. Водопроводы были построены такъ прочно, что нѣкоторые изъ нихъ уцѣлѣли до сихъ поръ; благодаря тому, Римъ и теперь снабженъ чистой водой, изобильнѣе всѣхъ городовъ. Агриппа достроилъ и украсилъ начатыя Юліемъ Цезаремъ на Марсовомъ полѣ ограды для комицій и для игръ (Saepta Julia) и построилъ кругомъ ихъ три колосальныя зданія: Портикъ Нептуна, бани и Пантеонъ, великолѣпный круглый храмъ въ честь Юпитера Мстителя, Венеры, прародительницы фамиліи Юліевъ, и Марса, который тоже былъ предкомъ этого рода. Кровля, имѣвшая форму купола, была позолочена и лежала на мѣдныхъ балкахъ; стѣны и полъ были одѣты мраморомъ. Это сооруженіе, называющееся теперь Maria della Rotonda—одно изъ замѣчательнѣйшихъ зданій Вѣчнаго города. Агриппа построилъ и Diribitorium, обширнѣйшее изъ всѣхъ, когда-либо существовавшихъ зданій; тамъ раздавался народу хлѣбъ, раздавались досчечки для вотированія въ народномъ собраніи, тамъ выдавалось и жалованье воинамъ.

Положеніе римскаго государства при Августѣ.

Таково было великое государство, которымъ Августъ послѣ битвы при Акціумѣ повелѣвалъ съ неограниченной властью 44 года. Границы охранялись постоянными войсками, въ которыхъ служили люди всѣхъ странъ и народовъ, избравшіе себѣ военное ремесло профессіей на всю жизнь, разорвавшіе всѣ связи съ родиной, утратившіе всякое національное чувство, знавшіе только повиновеніе своему главнокомандующему, императору; за спокойствіемъ береговъ наблюдали хорошо снаряженныя эскадры. По Рейну были расположены въ укрѣпленныхъ станахъ восемь легіоновъ (имѣвшіе каждый по 6,100 человѣкъ пѣхоты и 716 всадниковъ); они образовали крѣпкій оплотъ противъ германцевъ и съ тѣмъ вмѣстѣ держали въ покорности Галлію. Въ Испаніи стояли три легіона, въ Африкѣ два и тоже два въ Египтѣ. Четыре легіона охраняли владычество Рима въ Сиріи и на Эвфратѣ; земли по Дунаю стерегли шесть легіоновъ, стоявшихъ въ Мизіи, Панноніи и Далмаціи. Такимъ образомъ восточную границу охраняли 50,000, берегъ Дуная 70,000, Рейнъ 100,000 человѣкъ, постоянно находившихся тамъ войскъ; это были силы, совершенно достаточныя для огражденія безопасности границъ. Эскадры, имѣвшія главными своими стоянками порты Мизена, Равенны, Forum Julii (нынѣшняго Фрежюса), держали въ повиновеніи острова и приморскіе города, охраняли безопасность торговли. Правильная система податей давала изобильные доходы, такъ что эрарій и фискъ были полны. Зоркая полиція и хорошо устроенная пожарная команда, распредѣленная Августомъ по четырнадцати частямъ (regiones) Рима, давала безопасность жизни и собственности въ столицѣ, обуздывала ея буйное населеніе. Громадные водопроводы, прочныя шоссейныя дороги, великолѣпные храмы и другія общественныя зданія возбуждали удивленіе современниковъ, удивляютъ и потомство. На Марсовомъ полѣ храмы, колоннады, общественныя зданія для государственныхъ дѣлъ и для народныхъ развлеченій образовали новый городъ, превосходившій своимъ великолѣпіемъ прежній семихолмный Римъ. Этотъ городъ на Марсовомъ полѣ былъ единственнымъ въ своемъ родѣ, такимъ, какого не бывало ни прежде, ни послѣ. Много было построено и въ прежнихъ частяхъ города, такъ что Августъ справедливо могъ хвалиться, что засталъ кирпичный Римъ и покидаетъ мраморный. Улучшеніемъ администраціи и судопроизводства, покровительствомъ торговли и промышленности было создано въ провинціяхъ благосостояніе. Государственная почта, имѣвшая многочисленныя станціи, облегчала сношенія столицы съ провинціями. Но при всѣхъ этихъ признакахъ благоустройства императорскій Римъ страдалъ тяжелыми нравственными недугами. Любовь къ свободѣ, патріотизмъ, военная доблесть, нравственная энергія республиканскаго времени исчезли. Разслабляющая страсть къ наслажденіямъ, желаніе спокойствія отняли силу у руки гражданина; мужественная гордость прежнихъ временъ замѣнилась раболѣпствомъ, низкой лестью. Отношенія кліентовъ къ патронамъ утратили всякій слѣдъ прежняго патріархальнаго характера, кліенты превратились въ паразитовъ, низкопоклонниковъ, съ которыми патронъ могъ обращаться какъ хотѣлъ оскорбительно. Выманиваніе наслѣдствъ стало ремесломъ. Римъ былъ наполненъ иноземными проходимцами и раз-

богатѣвшими отпущенниками. Культурныя страны Востока присылали вмѣстѣ съ учеными и художниками прислужниковъ роскоши, мотовства, разврата; Римъ сталъ сборнымъ мѣстомъ всяческихъ тунеядцевъ со всѣхъ концовъ земли. Иноземцы, отпущенники, рабы исполняли всю ремесленную работу. Подъ вліяніемъ философіи возникло космополитское міровозрѣніе и стало смягчать законы; это было полезно для массы населенія въ государствѣ, не имѣвшей права римскаго гражданства, но ослабляло старинный римскій патріотизмъ. Интересъ къ общественной жизни сталъ быстро ослабѣвать, когда курульныя магистратуры сдѣлались пустыми почетными званіями, лишенными всякой самостоятельности. Часто приходилось установлять штрафы съ сенаторовъ, не посѣщающихъ засѣданія, потому что не являлось въ сенатъ столько членовъ, сколько было нужно для законности рѣшеній, хотя обязанность посѣщать общія засѣданія была не тяжела, потому что они происходили только два раза въ мѣсяцъ. Санъ курульнаго эдиля сталъ считаться обремененіемъ, не было желающихъ принять его, пока наконецъ государство взяло на себя издержки по устройству игръ; часто не бывало охотниковъ стать народными трибунами, и приходилось императору искать кандидатовъ. Граждане не стыдились хлопотать о томъ, чтобъ ихъ занесли въ списки нуждающихся, не совѣстились жить подачками хлѣба и другой милостыней отъ государства; честному труду многіе свободные римляне, въ особенности всадническаго сословія, предпочитали карьеру гладіаторовъ, поступали на жалованье къ поставщикамъ этихъ людей для общественныхъ игръ, не совѣстились рисковать жизнью на потѣху толпѣ, и гладіаторскія игры все увеличивались въ размѣрѣ, дѣйствуя развращающей заразой на народъ, пошлую свирѣпость котораго онѣ возбуждали тѣмъ сильнѣе, что капризъ толпы зрителей рѣшалъ вопросъ о жизни и смерти: побѣдитель щадилъ или убивалъ побѣжденнаго, смотря по тому, какой знакъ давала толпа; этотъ произволъ былъ гнуснѣе даже прежняго обычая, по которому поединокъ гладіаторовъ кончался лишь смертью одного изъ нихъ. Параллельно страсти къ свирѣпымъ зрѣлищамъ развивалась нравственная порча и падалъ семейный бытъ. Августъ очень заботился о томъ, чтобы оживить склонность къ семейной жизни, обуздать законами о роскоши чрезмѣрное мотовство на одежду, на пиры, удержать женщинъ отъ разврата; онъ установлялъ штрафы, лишеніе гражданскихъ правъ за безнравственность, установилъ награды за вступленіе въ законный бракъ, за многочисленность дѣтей, затруднилъ разводъ, установилъ наказанія за нарушеніе супружеской вѣрности (Lex Papia Poppaea); но все было напрасно: удобства безбрачной жизни, завлекательность разврата пріобрѣтали все больше господства и надъ мужчинами, и надъ женщинами. Люди высшихъ сословій уклонялись отъ брака по любви къ распутству, простолюдины по бѣдности и нежеланію трудиться. Хлопоты Авгу-

ста мало сдерживали нравственную порчу, а по его смерти она стала быстро развиваться; этому помогали преемники Августа, безстыдно предаваясь разврату. Впрочемъ и самъ Августъ былъ достойнымъ потомкомъ Венеры Афродиты; онъ только старался прикрывать свой развратъ тайною

---

3. Семейныя отношенія Августа. Смерть его. Характеръ его.

Первою женою Августа была дочь Публія Сервилія, въ бракъ съ Семейство Августа.
которой онъ вступилъ на 18 году жизни; скоро онъ развелся и со второю женою, Клодіею, пріемною дочерью тріумвира Антонія. Съ
третьей женою, Скрибоніей, онъ развелся черезъ годъ послѣ того, 38 до Р. Х.
какъ родилась у нихъ дочь Юлія; причиной развода было то, что его очаровала Ливія, жена Тиберія Клавдія Нерона; мужъ согласился на разводъ, и она стала четвертою женою Августа. Ея сыновья
Тиберій (родившійся въ 42 до Р. Х.) и Друзъ, родившійся черезъ 38.
три мѣсяца по ея вступленіи въ бракъ съ Августомъ, воспитывались въ
домѣ отца; но по его смерти Августъ, котораго онъ назначилъ опе- 34.
куномъ, принялъ ихъ въ свой домъ *).

---

*) Важнѣйшіе члены рода Юліевъ и Августа.

1) Октавіанъ Августъ, жена Скрибонія.
Юлія старшая, мужъ Випсаній Агриппа.
Гай Цезарь, Луцій Цезарь, Агриппа Постумъ, Юлія младшая, Агриппина, мужъ Луцій Эмилій
Эмилій Лепидъ, Эмилія Лепида.

2) Октавія, мужья a) Марцелъ b) Маркъ Антоній.
Марцелъ † 23
Антонія старшая. Мужъ Домицій Агенобарбъ | Мессалина
Антонія младшая. Мужъ Друзъ, см. ниже.
Домицій, жена Агриппина младшая | Неронъ Клавдій.

3) Ливія Друзилла, мужъ Тиберій Клавдій Неронъ.
Тиберій, жена Випсанія Агриппинна | Друзъ, жена Ливилла: Юлія, Тиберій
Друзъ, жена Антонія (см. выше).
Ливилла, мужъ Друзъ
Германикъ жена Агриппина: Неронъ; Друзъ, жена Эмилія Лепида; Гай Калигула; Агриппина младшая (см. выше); Друзилла.; Ливія (Юлія)
Тиберій Клавдій, жена Мессалина: Октавія, Британникъ

Марцеллъ и Агриппа.

Всѣ шансы стать наслѣдникомъ власти имѣлъ Маркъ Клавдій Марцеллъ, сынъ сестры Августа, Октавіи, отъ перваго ея мужа. Августъ оказывалъ ему величайшее расположеніе, быстро давалъ ему почесть
25. за почестью и женилъ его еще юношу на своей дочери Юліи къ большой досадѣ гордой и властолюбивой Ливіи, которая, не имѣя дѣтей отъ Августа, хотѣла доставить наслѣдство своимъ сыновьямъ отъ перваго брака, Тиберію и Друзу. Другимъ соперникомъ Марцеллу былъ мужъ его сестры Агриппа, знаменитый полководецъ, которому Августъ былъ обязанъ своими побѣдами надъ Секстомъ Помпеемъ и надъ Антоніемъ и которому онъ выказывалъ такое расположеніе, давалъ такія почести, что пробудилъ въ немъ надежду быть наслѣдникомъ императорской власти. Между Агриппой и Марцелломъ возникла непріязнь и постоянно усиливалась; Августъ наконецъ послалъ Агриппу подъ благовиднымъ предлогомъ въ Азію. Агриппа видѣлъ, что это порученіе — изгнаніе, остановился на Лесбосѣ, предоставивъ управленіе провинціей своимъ легатамъ, а самъ внимательно слѣдилъ за тѣмъ, что дѣлается въ Римѣ. Судьба избавила Августа отъ непріятностей, какимъ могла бы подвергнуть его оскорбленная гордость
23 честолюбиваго помощника. Въ 23 году Марцеллъ умеръ, оплакиваемый римскимъ народомъ, любимцемъ котораго онъ былъ. Существовало предположеніе, что его смерть была дѣломъ злой и коварной Ливіи, наслѣдовавшей всю надменность гордаго своею знатностью стариннаго патрицiйскаго рода Клавдіевъ (она происходила отъ этого рода; ея отецъ получилъ фамилію Ливія по усыновленію; по рожденію онъ былъ Клавдій). Августъ примирился съ Агриппой; это было ускорено тѣмъ, что онъ былъ испуганъ безпорядками, произошедшими въ Ри-
22. мѣ въ 22 году и обнаружившимися при этихъ волненіяхъ призна-
21. ками заговора противъ его жизни. Онъ женилъ Агриппу на Юліи и тѣмъ далъ ему первое мѣсто послѣ себя въ государствѣ и право наслѣдовать власть. По зависти къ Ливіи, Октавія, сестра императора, охотно согласилась на разводъ Агриппы съ ея дочерью Марцеллой, чтобы женитьба его на Юліи разстроила честолюбивые планы жены императора. Черезъ нѣсколько лѣтъ Агриппа поѣхалъ на Востокъ разобрать споры о престолѣ въ нѣсколькихъ подвластныхъ Риму царствахъ и привести въ порядокъ разныя другія запутанныя дѣла въ областяхъ отъ Босфора до Сиріи; вмѣстѣ съ нимъ поѣхала и
17. Юлія. Онъ принесъ много пользы азіатскимъ провинціямъ и подвластнымъ государствамъ, примирилъ раздоры отчасти совѣтами, отчасти приказаніями и увѣковѣчилъ имя своей жены, основавъ на мѣстѣ разрушеннаго стариннаго города Берита колонію Julia Felix; въ ней было поставлено два легіона и она стала центральнымъ пунктомъ римскаго владычества въ Сиріи. Агриппа пробылъ на востокѣ нѣсколько лѣтъ; возвратившись въ Италію, онъ занемогъ и умеръ на 51 году жизни въ Кампаніи въ 742 году отъ основанія Рима. Августъ сдѣ-

Въ мартѣ 12 года до Р. Х.

лалъ великолѣпнѣйшія похороны человѣку, которому былъ чрезвычайно многимъ обязанъ и который съ одинаковымъ усердіемъ служилъ интересамъ его и благу государства. Прахъ Агриппы былъ поставленъ въ императорской гробницѣ; рѣчь при похоронахъ говорилъ самъ императоръ; отдалъ, по желанію Агриппы, его сады и бани городу Риму и роздалъ отъ его имени большіе подарки римскимъ гражданамъ.

Ливія и ея сыновья.

Надежды Ливіи возвысить сыновей ожили теперь; она успѣла своими интригами устроить, что старшій изъ нихъ, Тиберій Клавдій Неронъ, имѣвшій тогда 30 лѣтъ, былъ разведенъ съ женой, Випсаніей Агриппиной, и женился на овдовѣвшей дочери императора, у которой было отъ Агриппы трое сыновей (Гай, Луцій и Агриппа) и двѣ дочери (Юлія и Агриппина). Августъ съ трудомъ согласился на этотъ бракъ, потому что не любилъ своего честолюбиваго, надменнаго и угрюмаго пасынка; Тиберію тоже было очень непріятно развестись съ женой, которую онъ любилъ, и жениться на Юліи, державшей себя легкомысленно.

Гай Цезарь и Луцій Цезарь.

Въ продолженіи немногихъ лѣтъ Августъ потерялъ почти всѣхъ людей, составлявшихъ его интимный кругъ. Между 12 и 8 годами до Р. Х. умерли Агриппа, Октавія, Друзъ, Меценатъ. Тѣмъ исключительнѣе сосредоточивалась любовь чувствовавшаго приближеніе старости императора на его внукахъ Гаѣ и Луцiѣ, сыновьяхъ его дочери и его друга Агриппы. Онъ принялъ ихъ усыновленіемъ въ родъ Юліевъ, далъ имъ, какъ титулъ, имя Цезарей, слѣдилъ за ихъ воспитаніемъ, отдавалъ часть собственнаго досуга на то, чтобы быть однимъ изъ ихъ учителей. Они обыкновенно обѣдали вмѣстѣ съ нимъ, и онъ давалъ имъ такія почести, что всѣ считали ихъ предназначенными наслѣдовать его власть. Народъ и сенатъ наперерывъ льстили внукамъ императора, которые съ каждымъ годомъ получали то новый санъ, то новыя почести. Это и погубило ихъ; они сдѣлались надменны, а Ливія и Тиберій смотрѣли на нихъ съ озлобленіемъ зависти. Августъ, знавшій ненависть жены и пасынка къ его внукамъ, хотѣлъ удалить Тиберія изъ Рима подъ предлогомъ почетнаго порученія быть главнокомандующимъ въ войнѣ съ Арменіей. Тиберій съ досадой отказался отъ этой почести и попросилъ позволенія провести нѣсколько лѣтъ на Родосѣ въ отдыхѣ и въ ученыхъ занятіяхъ. Августъ далъ это позволеніе и продлилъ отдыхъ Тиберія больше, нежели онъ желалъ. Тиберію пришлось прожить на Родосѣ семь лѣтъ; онъ занимался тамъ математикой, философіей, проводилъ ночи въ наблюденіяхъ надъ звѣздами подъ руководствомъ Трасилла, разгадывая будущее по сочетаніямъ планетъ и созвѣздій. Въ началѣ его удаленіе изъ Рима не имѣло вида ссылки: ему передъ отъѣздомъ была дана трибунская власть, даны другія почести; этимъ на нѣсколько времени была прикрыта сущность дѣла; но съ теченіемъ вре-

мени стало ясно для всѣхъ, что онъ отправленъ въ изгнаніе. Юлія, пользуясь отсутствіемъ ненавистнаго ей мужа, старалась увеличить нерасположеніе отца къ нему.

Юлія. Вѣтренница, щеголиха, Юлія дѣлала много огорченій императору своимъ легкомысленнымъ образомъ жизни, но умѣла примирять его съ собою милыми своими качествами: у ней было доброе сердце, она была умна и образована, разговоръ ея былъ занимателенъ, и она была мастерица льстить отцу. Онъ закрывалъ глаза на то, что она нарушаетъ приличіе, которымъ хотѣлъ онъ скрыть отъ общества нравственныя слабости императорскаго семейства, являлась въ публикѣ, окруженная толпой знатныхъ молодыхъ волокитъ. Когда онъ сердился за то, что она надѣла слишкомъ легкій костюмъ, она приходила къ нему въ скромной одеждѣ матроны и развлекала отца шутками. Радуясь на внуковъ, надѣясь на то, что власть перейдетъ къ его потомству, онъ былъ расположенъ къ снисходительности относительно дочери. Но коварство Ливіи нашло средство раскрыть ему глаза, вырвать изъ его сердца вѣру въ то, что вѣтренная дочь только легкомысленна, а не безнравственна. Ливія пробудила въ немъ подозрѣніе, что Юлія, позорящая честь императорскаго семейства развратомъ, составляетъ съ своими любовниками злоумышленіе противъ него. Только этимъ подозрѣніемъ Августа можно объяснить ту суровость, съ какой онъ безъ всякаго изслѣдованія дѣла внезапно отправилъ дочь въ ссылку на маленькій островъ Пандатарію (одинъ изъ острововъ близъ берега Кампаніи); онъ сообщилъ объ этомъ сенату въ такихъ выраженіяхъ: Юлія до того забылась въ своемъ безстыдствѣ, что сдѣлала форумъ и ораторскую трибуну мѣстомъ ночныхъ оргій своего разврата. Люди, которыхъ Августъ справедливо или не справедливо считалъ соучастниками оргій Юліи—большею частью враги Тиберія,—были тоже подвергнуты изгнанію или, какъ напримѣръ Юлій Антоній, сынъ тріумвира Антонія, даровитый, образованный человѣкъ замѣчательныхъ правительственныхъ и военныхъ талантовъ, были подвергнуты смерти. Юліи было тогда 38 лѣтъ. Народъ жалѣлъ о ея судьбѣ. Ея проступки противъ приличія были не ея личною виной, а слѣдствіемъ общей испорченности нравовъ, господствовавшаго въ Римѣ разврата. Ея наказаніе было дѣломъ зависти и коварства злобной мачихи.

Мать Юліи, Скрибонія, добровольно поѣхала раздѣлить изгнаніе дочери. Жизнь Юліи въ ссылкѣ была обильна добрыми, благотворительными дѣ-
14 по Р. Х. лами. Она умерла въ Регіѣ вскорѣ послѣ смерти отца, печальная, сама желавшая себѣ смерти. Говорятъ, что она медленно умирала отъ недостатка пищи, что было велѣно уморить ее голодомъ. Около того же времени былъ умерщвленъ присланными изъ Рима убійцами даровитый, блестящій Семпроній Гракхъ, пользовавшійся ея благосклонностью въ дни ея счастья и сосланный за это на африканскій островъ Церцину. Онъ жилъ

такъ, что безчестилъ имя Гракховъ, но твердость души, съ какою онъ встрѣтилъ смерть, была достойна его имени.

Ссылкою Юліи начался рядъ бѣдствій, осиротившихъ домъ Августа и глубоко опечалившихъ императора. Въ томъ году, какъ была сослана Юлія, старшій сынъ ея Гаій Цезарь, 18-лѣтній юноша, былъ посланъ въ Азію главнокомандующимъ войска, которое должно было возстановить владычество Рима надъ Арменіею, свергнувшей при помощи пароянъ римскую власть. Кромѣ того, Гаій долженъ былъ усмирить возставшія арабскія племена; ему была дана проконсульская власть надъ всѣми восточными провинціями, такъ что онъ былъ сдѣланъ верховнымъ военнымъ и гражданскимъ правителемъ ихъ; правители провинцій были подчинены ему. Въ сопровожденіи Марка Лоллія и другихъ опытныхъ людей, которыхъ Августъ далъ въ совѣтники ему, онъ отправился черезъ Самосъ въ Египетъ. Тиберій при свиданіи съ пасынкомъ на Самосѣ могъ видѣть по холодному пріему, что всѣ считаютъ его утратившимъ всякіе шансы блестящей будущности, считаютъ Гаія наслѣдникомъ государства. Изъ Египта Гаій поѣхалъ черезъ Палестину въ Сирію; всѣ преклонялись передъ юношею, который, казалось, предназначенъ стать императоромъ, льстили ему, подносили почетные подарки, дорого платили Лоллію за доставленіе доступа къ нему. Поѣздъ былъ такой блистательный, войско было такъ многочисленно, что враги Рима оробѣли. Петренскіе набатеи добровольно возвратились къ прежнему подчиненію римлянамъ. Пароянскій царь Фраатъ просилъ свиданія съ Гаіемъ и на одномъ изъ острововъ Эвфрата лично выразилъ ему, что покоряется всѣмъ его повелѣніямъ, заключилъ миръ, вывелъ свои войска изъ Арменіи; она была легко и быстро покорена и поставлена въ прежнюю зависимость отъ Рима. Гаій Цезарь сталъ думать о возвращеніи. Онъ былъ слабаго тѣлосложенія и очень безпокоился о томъ, каковы будутъ послѣдствія раны, полученной имъ при осадѣ одной изъ крѣпостей на Эвфратѣ, Артагиры. Ему не хотѣлось долѣе подвергать себя трудностямъ и опасностямъ похода, онъ желалъ не славы, а отдыха; но не дожилъ до него. На пути въ Италію онъ умеръ въ Ликіи. За полтора года до его смерти, умеръ отъ внезапной болѣзни, въ Массиліи, младшій братъ его, Луцій Цезарь, посланный дѣдомъ на войну въ Испанію.

Смерть внуковъ Августа Гаія и Луція. 1. Февраль 4 по Р. Х. Августъ 2 года.

Смерть Гаія и Луція Цезарей оживляла надежды Тиберія. Потому нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что они умерли отъ яда, даннаго имъ по интригамъ Ливіи. У современниковъ было это подозрѣніе; они знали, что Ливія не отступитъ не передъ какимъ злодѣйствомъ. Ея мстительный старшій сынъ, не задолго передъ смертью Гаія возвратившійся въ Римъ, всячески старался занять мѣсто, открывшееся для него теперь. Онъ притворствовалъ и льстилъ, мать его интри-

Тиберій.

говала; имъ удалось хотя нѣсколько одолѣть нерасположеніе къ нему. Августъ снова сталъ оказывать милости Тиберію; исполнилъ честолюбивое желаніе Ливіи, усыновилъ его; но говорилъ, что сдѣлалъ это по заботѣ о благѣ государства, принимая въ разсчетъ, что Тиберій выказывалъ себя хорошимъ правителемъ и полководцемъ. У дочери императора еще оставались дочь и сынъ, но они не казались опасны Ливіи и Тиберію. Внука Августа, Юлія младшая, походила на мать умомъ и красотой, но и легкомысленнымъ пренебреженіемъ къ приличію, а младшій изъ ея братьевъ, Агриппа, называвшійся Постумомъ (рожденнымъ по смерти отца), былъ буйный юноша, грубыхъ нравовъ.

Юлія младшая и Агриппа Постумъ.

Сами императоръ и императрица подвергались обидамъ отъ Агриппы, когда овладѣвалъ имъ порывъ раздраженія. Благодаря этому, Ливія успѣла устроить, что Августъ, усыновившій его въ одно время съ Тиберіемъ, прогнѣвался на него, сослалъ его на маленькій островъ Планазію, и велѣлъ держать тамъ подъ военнымъ карауломъ. Немедленно по смерти Августа были посланы убійцы умертвить его, и было объявлено, что онъ убитъ по распоряженію, сдѣланному Августомъ. Юлія младшая была сослана на пустынный островъ, лежащій у апульскаго берега. Предлогомъ ссылки была выставлена связь ея съ Деціемъ Юніемъ Силаномъ; она оставалась въ изгнаніи 20 лѣтъ до самой своей смерти. Вскорѣ послѣ того, какъ былъ убитъ Агриппа, явился самозванецъ невольникъ, выдававшій себя за Агриппу; Тиберій хитростью захватилъ его и казнилъ.

Смерть Августа.

Счастье, неизмѣнно благопріятствовавшее Августу въ его политической жизни, избавлявшее его отъ всѣхъ затрудненій, поднявшее на вершину могущества, измѣнило ему въ домашней жизни. Интриги Ливіи раздѣлили его семейство и приближенныхъ на двѣ враждебныя партіи, боровшіяся между собою всяческими средствами лжи и коварства, недававшими ему покоя въ родномъ кругу. Честолюбіе и безсовѣстность Ливіи составили ей въ обществѣ репутацію женщины, готовой на всякія злодѣйства, такъ что было мнѣніе, что она отравила Августа. Не задолго передъ смертью онъ видѣлся съ Агриппою на его пустынномъ островѣ, обнималъ внука, плакалъ, примирился съ нимъ, и Ливія должна должна была опасаться, что ему будутъ возвращены Августомъ его права. Она одна была при императорѣ, когда онъ, поѣхавъ въ Нолу, одинъ изъ городовъ Южной Италіи, занемогъ и умеръ на 76 году жизни. Ливія поставила въ домѣ стражу и скрывала смерть мужа, сообщая ложныя извѣстія о ходѣ его болѣзни. Такимъ образомъ ей удалось утаить его смерть, пока вернулся изъ Иллирика поспѣшно призванный ею Тиберій, который уже нѣсколько лѣтъ былъ помощникомъ Августа въ управленіи государствомъ. Когда онъ пріѣхалъ, Риму было сообщено, что Августъ умеръ и власть принадлежитъ Тиберію. Первымъ дѣломъ новаго повелителя было устройство блестящихъ похоронъ Августа. Тѣло умершаго импера-

14 по Р. Х.

ра было принесено на Марсово поле торжественной процессіей, въ которой шли сенаторы, всадники, жены ихъ, отрядъ тѣлохранителей, въ сопровожденіи безчисленнаго множества народа. Когда пламя костра погасло, когда прахъ былъ собранъ и поставленъ въ императорской гробницѣ, рѣшеніе сената возвело Августа въ число боговъ и повелѣло построить ему храмы, совершать служеніе въ честь ему. Ливія—или, какъ называлась она по принятіи ея въ родъ Юліевъ, Юлія Августа,—стала верховною жрицей новой коллегіи жрецовъ, учрежденной для воздаванія божескихъ почестей умершему императору. Она пережила его пятнадцатью годами и умерла въ 29 году по Р. Х., достигнувъ глубокой старости: ей было тогда 86 лѣтъ.

Характеръ Августа.

Во всемірной исторіи мало встрѣчаемъ людей, сужденія о которыхъ были бы такъ разнорѣчивы, какъ объ Августѣ, и чью вѣрную характеристику такъ трудно было бы составить, какъ характеристику основателя римскаго принципата. Одна изъ причинъ этого то, что онъ былъ мастеръ притворяться, лицемѣріе было такъ искусно, что и самый зоркій глазъ не могъ опредѣлительно различить, какія качества у него дѣйствительныя и какія придаетъ онъ себѣ притворствомъ; при каждомъ его поступкѣ надобно было раздумывать, въ чемъ тутъ искренность, въ чемъ лицемѣріе, и никто не могъ поручиться за вѣрность своихъ соображеній объ этомъ, потому что Августъ привыкъ необыкновенно хорошо владѣть собою; его жизнь была до такой степени проникнута политическимъ разсчетомъ, что въ немъ уже не было видно человѣка, виденъ былъ только политическій дѣятель. Оттого, если судить о немъ по его поступкамъ и словамъ, то составится одно мнѣніе, о его характерѣ, а если мы будемъ стараться проникнуть въ мотивы его поступковъ, получится совершенно иное понятіе о немъ. Онъ писалъ свои мемуары; вѣроятно они помогли бы намъ ближе ознакомиться съ истиннымъ его характеромъ, но, къ сожалѣнію, они погибли.

Въ пятой одѣ IV книги Горацій говоритъ о любви и преданности римскаго народа властителю, который возвратилъ римлянамъ законный порядокъ, миръ и благосостояніе; само собою разумѣется, что тутъ есть примѣсь политической лести, но, безъ сомнѣнія, Горацій въ этой одѣ высказалъ мысли и чувства очень значительной части римскаго народа. Милліоны людей находили владычество Августа великимъ благодѣяніемъ боговъ и молились за продленіе жизни его. Въ 752 году (2 до Р. Х.) сенатъ и народъ римскій единодушно дали устроителю порядка въ государствѣ, улучшившему судопроизводство, законы, провинціальное управленіе, титулъ «отецъ отечества». Это было дѣломъ не одного только раболѣпства, Августъ превосходно умѣлъ пріобрѣтать любовь народа, не прибѣгая для того къ низкимъ средствамъ. Его административные таланты, энергія, соединенная съ кротостью, проницательный умъ, искусство выбирать даровитыхъ лю-

дей для исполненія задуманныхъ плановъ внушали народу довѣріе къ его управленію, располагали людей къ покорности ему, а ласковостью, простотою, уваженіемъ къ обычаю и закону, онъ возбуждалъ любовь къ себѣ въ народѣ. Онъ избѣгалъ щегольства своимъ могуществомъ. Въ сенатѣ, въ народномъ собраніи, на судѣ онъ строго держался въ границахъ законности; дозволялъ свободно говорить и писать, терпѣливо выносилъ противорѣчіе на сенатскихъ совѣщаніяхъ; при выборахъ онъ по старому обычаю лично просилъ гражданъ подавать голоса за него и рекомендуемыхъ имъ кандидатовъ; въ судебныхъ дѣлахъ онъ подчинялся обычнымъ формамъ. Онъ старался какъ можно меньше напоминать римлянамъ, что надъ ними владычествуетъ главнокомандующій войска, имѣющій неограниченную власть, оставлялъ имъ пріятную мечту, будто бы еще продолжаетъ существовать республика. Не было никакихъ внѣшнихъ признаковъ того, что онъ властелинъ государства, когда онъ шелъ по улицамъ Рима въ обыкновенной тогѣ и безъ ликторовъ, ни чѣмъ не отличаясь отъ простого сенатора. Никогда не носилъ онъ въ Римѣ знаковъ своей военной власти, меча и военной одежды; когда ему случалось на долго уѣзжать изъ Рима, онъ послѣ того возвращался въ городъ обыкновенно ночью, чтобы не было торжественной встрѣчи ему. У многихъ сенаторовъ были дворцы въ Римѣ и виллы за городомъ великолѣпнѣе, чѣмъ у него; обстановка его домашней жизни была менѣе изящна и роскошна, чѣмъ у большей части вельможъ; онъ обыкновенно носилъ одежду, сдѣланную руками жены и дочери; его обѣдъ, его развлеченія въ кругу гостей были просты, чужды всякаго мотовства. Кажется, только однимъ изъ господствующихъ пороковъ увлекался онъ — волокитствомъ. Въ домашней жизни онъ никогда не нарушалъ правилъ приличія и старался сохранить въ своемъ семействѣ видъ чистой нравственности; но всѣмъ было извѣстно, что у него часто смѣняются любовницы, и волокитство его давало много матеріала молвѣ. Ливія, сдѣлавшись пожилой женщиной, поддерживала свою власть надъ нимъ снисходительностью, съ какой выносила его невѣрность. Она притворялась, что не замѣчаетъ тайныхъ визитовъ, какіе дѣлаютъ ему красавицы. Онъ старался поддерживать чистоту нравовъ законами и строгими внушеніями; но своимъ примѣромъ онъ не поддерживалъ ея.

Кромѣ волокитства, все въ частной жизни Августа было прилично и многое было хорошо; но и въ древности, и въ наше время люди неодинаково судили о его характерѣ. Въ томъ, что онъ былъ лицемѣръ, согласны почти всѣ; онъ самъ какъ будто подтвердилъ это мнѣніе, когда, умирая, предложилъ стоявшимъ у его постели вопросъ, хорошо ли онъ игралъ свою роль въ драмѣ жизни. Но было бы несправедливо сказать, что въ немъ не было никакихъ благородныхъ чувствъ, никакихъ хорошихъ качествъ, что единственнымъ мотивомъ его поступковъ былъ эгоизмъ; несправедливо было считать только результатами холоднаго разсчета всѣ тѣ черты кротости, преданности отечеству, заботливости о благѣ государства, которыя были такъ восхваляемы его современниками, ошибочно было бы думать, что все это было только притворствомъ бездушнаго человѣка. Правда, въ проскрипціяхъ онъ былъ виноватъ не меньше Антонія и Лепида; правда, по взятіи Перузіи, онъ принесъ людей въ жертву памяти божественнаго Юлія; правда, въ Египтѣ онъ убилъ двухъ юношей, единственнымъ преступленіемъ которыхъ было то, что одинъ изъ нихъ не покинулъ своего отца Антонія, а другому—мать дала имя Цезаріона; правда, онъ казнилъ другого сына Антонія подъ предлогомъ того, что этотъ человѣкъ былъ любовникомъ его дочери Юліи; но было бы несправедливо называть кровожадность кореннымъ качествомъ его характера. Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, которые перечислены нами, ему надобно было уничтожить опасныхъ враговъ, или отмстить за смерть Цезаря, къ памяти котораго онъ имѣлъ искреннее уваженіе; потому эти убійства были не столько проявленіями жестокости, сколько дѣлами мщенія и политическаго разсчета. Когда владычество его упрочилось, онъ оставлялъ безнаказанными порицанія, какимъ подвергался или въ частныхъ разговорахъ или въ книгахъ; онъ былъ снисходителенъ при наказаніи мятежниковъ, заговорщики получали отъ него прощеніе, какъ напримѣръ Луцій Корнелій Цинна, внукъ Помпея. Мы видимъ, что если бъ онъ былъ кровожаденъ, то имѣлъ бы случаи поступать жестоко и въ тѣ годы, когда былъ единственнымъ властелиномъ государства. Но онъ предпочелъ кротостью упрочить новый порядокъ дѣлъ, установленный кровавыми средствами; быть добрымъ нравилось ему больше, чѣмъ быть жестокимъ. Есть много разсказовъ о его добродушіи, о его снисходительности къ противникамъ. Только въ старости онъ сталъ угрюмъ и суровъ, сослалъ въ Критъ Кассія Севера, твердаго республиканца, строго порицавшаго поступки его, и заставилъ сенатъ осудить на уничтоженіе написанную другомъ Севера, Титомъ Лабіэномъ, исторію современныхъ событій. Еще менѣе справедливо то мнѣніе, что Августъ не имѣлъ никакихъ дарованій и что его успѣхи были дѣломъ обстоятельствъ и счастія, что онъ только обращалъ въ свою пользу таланты и побѣды другихъ; это мнѣніе опровергалъ еще Друманъ; правда, республика уже изнемогла, основанія монархическаго устройства были твердо положены Цезаремъ, но все-таки нужны были таланты искуснаго государственнаго человѣка и осмотрительнаго полководца, чтобы изъ наслѣдника личнаго имущества Цезаря сдѣлаться наслѣдникомъ его монархической власти и продержаться 44 года въ томъ положеніи, за попытку достичь котораго Цезарь заплатилъ жизнью.

Неосновательнъ и упрекъ Августу въ трусости; правда, онъ шелъ

къ власти не путемъ блестящихъ побѣдъ, какъ божественный Юлій: онъ былъ человѣкъ слабаго тѣлосложенія, часто бывалъ боленъ, природа не создала его воиномъ. Но и какъ тріумвиръ, и какъ императоръ онъ мужественно подвергалъ себя военнымъ опасностямъ; подъ Мутиной онъ бросился въ ряды, гдѣ шелъ ожесточенный бой; въ походахъ противъ япидовъ и далматовъ получилъ раны. Онъ твердо сдерживалъ буйство легіоновъ при всякой ихъ попыткѣ къ мятежу, а въ битвахъ выигрывалъ побѣды хладнокровіемъ и непоколебимостью. Онъ не былъ рожденъ героемъ; блистательнѣйшіе свои успѣхи онъ пріобрѣлъ не войной, а политическимъ искусствомъ; но и воевалъ онъ не безъ славы.

Цезарь Октавіанъ Августъ былъ небольшого роста, но нѣжное тѣлосложеніе его было стройно и наружность его производила хорошее впечатлѣніе, въ пожилыхъ лѣтахъ даже величавое. «Молчалъ ли онъ, или говорилъ, свѣтлое спокойствіе господствовало на его лицѣ», такъ характеризуетъ его наружность Гёкъ: «оно дѣйствовало такъ очаровательно, что рука убійцы, поднятая для удара, ослабѣла». Въ кругу своихъ приближенныхъ онъ въ пожилыхъ лѣтахъ казался почтеннымъ, добродушнымъ старикомъ; только всмотрѣвшись въ него, человѣкъ видѣлъ, что онъ очень даровитъ: большіе глаза его были такъ проницательны, что каждый, на кого онъ пристально смотрѣлъ, опускалъ взглядъ; въ нихъ выражался ясный зоркій умъ. Разсудительность была главнымъ его качествомъ; и пока онъ достигъ цѣли своихъ стремленій, политическій разсчетъ подавлялъ въ немъ всѣ другія качества, но было бы противно исторической справедливости переносить на императора Августа то осужденіе, котораго заслуживаетъ тріумвиръ Октавіанъ, судить о правителѣ государства по поступкамъ человѣка, только еще стремившагося пріобрѣсти владычество.

---

4. Золотой вѣкъ римской литературы.

Греческая культура въ Римѣ.

Какъ въ государственномъ устройствѣ и политической жизни, такъ и въ образованности, литературѣ монархія присвоила себѣ пріобрѣтенія, сдѣланныя республикой, и преобразовала ихъ соотвѣтственно новымъ условіямъ. Литература вѣка Августа — продуктъ космополитской образованности, усвоенной римлянами по завоеваніи цивилизованныхъ странъ. Греческая культура быстро укоренялась въ Римѣ, какъ мы уже говорили; всѣ хорошія и дурныя стороны ея были восприняты римлянами; Цезарь хотѣлъ сдѣлать Римъ центромъ этой космополитской цивилизаціи, основать на ней свое владычество. Процессъ такого слiянія разнородныхъ элементовъ культуры

продолжался и расширялся при Августѣ и его ближайшихъ преемникахъ, такъ что греческій языкъ и литература сдѣлались на Апеннинскомъ полуостровѣ родными; богослужебные обряды греческаго міра стали считаться въ Римѣ и другихъ италійскихъ городахъ, какъ будто, туземными; дворцы и виллы вельможъ украшались греческими статуями; греческія библіотеки стали необходимой принадлежностью ихъ; греческая философія имѣла усердныхъ послѣдователей въ рядахъ римской аристократіи.

Воспитаніе.

Воспитателями дѣтей въ семействахъ вельможъ уже и прежде были, большей частью, греки, или рабы, или отпущенники, или люди, пріѣхавшіе въ Римъ искать себѣ средствъ къ жизни; теперь воспитаніе молодого поколѣнія перешло исключительно въ ихъ руки. Въ Римѣ поселилось множество греческихъ ученыхъ: они основывали школы, гдѣ преподавались всѣ науки, выработанныя желѣзнымъ трудолюбіемъ александрійскихъ ученыхъ; они пріобрѣтали расположеніе вельможъ, учившихся въ бесѣдахъ съ ними; по мѣрѣ того, какъ римляне привыкали уважать науку, возвышалось общественное положеніе ученыхъ и преподавателей. Цезарь уже далъ имъ право римскаго гражданства, при императорахъ многіе изъ нихъ достигали высокихъ почестей и богатства. Греки ввели въ Римѣ тѣ предметы преподаванія, которые впослѣдствіи были перенесены римскими учителями въ провинціи, а черезъ нихъ стали на все продолженіе среднихъ вѣковъ единственною основой преподаванія.

Предметы преподаванія: грамматика и реторика.

Важнѣйшими изъ предметовъ греко-римскаго преподаванія были грамматика и реторика. Преподаватели грамматики, руководясь трудами греческихъ и въ особенности александрійскихъ филологовъ, учили правиламъ языка и стихосложенія, объясняли трудныя мѣста прозаическихъ и поэтическихъ произведеній, изучаемыхъ воспитанниками ихъ. Реторика излагала правила составленія и произношенія рѣчей и, подготовляя къ ораторской дѣятельности, помогала римскимъ государственнымъ людямъ одерживать блистательныя побѣды на форумѣ. По греческимъ образцамъ была составлена грамматика латинскаго языка, и литературная обработка его была доведена до той высоты, на какой мы видимъ ее у Цицерона и Цезаря. Цицеронъ глубоко изучилъ духъ римскаго языка и придалъ латинской рѣчи гибкость, почти равную греческой. Этой «классической» обработкѣ языка періодъ Августа обязанъ названіемъ «золотого вѣка» римской литературы. Въ то время избѣгали устарѣлыхъ словъ, грубыхъ простонародныхъ выраженій, заботились о чистотѣ латинскаго языка. По мѣрѣ того, какъ свободная рѣчь умирала подъ гнетомъ новаго порядка дѣлъ, ораторское искусство удалялось съ форума и изъ трибуналовъ въ призрачный міръ реторическихъ школъ, и молодые люди подъ руководствомъ греческихъ преподавателей упражнялись въ составленіи рѣчей о предметахъ, далекихъ отъ дѣйствительности. Пе-

реходъ къ этой реторической манерѣ краснорѣчія образовала дѣятельность послѣдняго знаменитаго оратора, Кассія Севера, человѣка очень даровитаго и говорившаго рѣзкимъ тономъ. Его слова блистали, какъ сверканіе молніи сквозь тучу наступавшаго затемнѣнія свободы.

Философія.

Кромѣ грамматики и реторики, очень усердно занимались римляне того времени философіей. Народная религія утрачивала власть надъ мыслями образованныхъ сословій, въ груди человѣка боролись невѣріе и суевѣріе, и люди искали себѣ опоры въ ученіяхъ философовъ. У римлянъ особенно много приверженцевъ находили себѣ три школы: академическая, стоическая и эпикурейская. Въ III томѣ нашей книги мы ознакомились съ практическимъ характеромъ этихъ системъ (стр. 422 слѣд.). Ихъ ученія передавались римлянамъ иногда въ испорченномъ видѣ; но падающая республика все-таки была обязана нѣкоторыми изъ благороднѣйшихъ защитниковъ своихъ стоицизму, а нѣкоторыми изъ даровитѣйшихъ своихъ поэтовъ эпикуреизму. Страшный упадокъ, въ какомъ находились языческія религіи, дѣлалъ практическую философію потребностью сердца, замѣной умершей народной вѣры, путеводительницей жизни.

Астрономія.

Геометрія и ариѳметика.

Музыка.

Изъ того же источника происходила и любовь къ астрономіи, преподававшейся въ школахъ обыкновенно по дидактической поэмѣ Арата (III, 417). Для пониманія астрономіи были необходимы геометрія и ариѳметика, любимыя науки александрійскихъ ученыхъ. Седьмымъ предметомъ преподаванія была музыка, которою завершался кругъ наукъ и свободныхъ искусствъ. Ни она, ни гимнастика не могли при серьезности характера римлянъ достичь у нихъ такого развитія и почета, какъ у грековъ; но обѣ онѣ были въ императорскомъ Римѣ все-таки довольно важными частями воспитанія.

Центры греческаго преподаванія.

Молодые люди знатныхъ фамилій не довольствовались тѣмъ образованіемъ, какое могли получить на родинѣ; требованіемъ хорошаго тона было, чтобы молодой человѣкъ ѣхалъ въ какой-нибудь изъ знаменитыхъ центровъ образованія въ Грецію или въ Азію, чтобъ онъ почерпнулъ тамъ образованность изъ самаго источника, учился философіи и реторикѣ въ аудиторіяхъ знаменитыхъ преподавателей и мыслителей и въ разговорахъ съ ними. Особенно много римлянъ ѣздило тогда учиться въ Аѳины, Родосъ, Митилену и Аполлонію; скоро очень многіе стали ѣздить и въ Александрію. Греческіе города въ Европѣ и въ Азіи оставались еще и послѣ всѣхъ бѣдствій, какимъ подвергались, богаты произведеніями искусствъ. Молодые римскіе аристократы, любуясь на эти зданія, статуи, картины, пріобрѣтали изящный вкусъ и потомъ строили по греческимъ образцамъ свои дворцы и виллы, украшали свои залы и колоннады произведеніями греческой пластики и живописи. Римъ, завоевавъ культурныя государства, считалъ себя законнымъ наслѣдникомъ всего хорошаго, чѣмъ владѣли побѣжденные народы; и многіе римскіе вельможи хотѣли быть преемниками греческихъ царей Востока въ дѣлѣ покровительства искусству и наукъ, хотѣли, подобно имъ, прославлять свое имя покупками статуй, картинъ, книгъ, щедростью къ поэтамъ, философамъ, вообще къ писателямъ. Въ мраморныхъ залахъ дворцовъ Лукулла, среди коллекцій статуй, картинъ и драгоцѣнныхъ рукописей, толпились греческіе литераторы и поэты, проникнутые признательностью къ своему покровителю; во дворцѣ Азинія Полліона, основавшаго греческую и римскую библіотеку въ одной изъ залъ храма Свободы, римляне и греки соперничали между собой льстивымъ низкопоклонствомъ. То же было во дворцахъ Агриппы и Мецената. Въ Римѣ поселились и старались пріобрѣсти благосклонность вельможъ многіе знаменитые греческіе ученые, какъ напримѣръ врачъ Асклепіадъ, полигисторъ Александръ милетскій, поэтъ Парѳеній никейскій, Посидоній апамейскій, имѣвшій громкую славу какъ путешественникъ, историкъ и философъ. Такимъ образомъ Римъ сталъ центромъ наукъ. Богатыя библіотеки, основанныя въ немъ, постоянно увеличивались, возбуждали къ ученымъ трудамъ, доставляли средства для нихъ. Особенно усердно занимались римляне изслѣдованіемъ своего языка и своихъ древностей, желая разъяснить происхожденіе обычаевъ, законовъ и религіозныхъ обрядовъ, сохранившихся отъ глубокой старины. Усердно они занимались и наукой о сельскомъ хозяйствѣ, составлявшемъ основу стариннаго италійскаго быта.

Филологія и археологія.

Къ грамматическимъ и археологическимъ изслѣдованіямъ римляне были возбуждены тоже примѣромъ грековъ; но многіе изъ нихъ превзошли своихъ учителей обширностью знаній. Ужь во времена республики былъ ученый, изумлявшій современниковъ громадностью своихъ свѣдѣній, — Маркъ Теренцій Варронъ, принадлежавшій къ старинной сабинской сенаторской фамиліи, родиною которой былъ городъ Реате. Онъ написалъ до 500 трактатовъ по всѣмъ отдѣламъ римскихъ древностей. Изъ нихъ дошли до насъ лишь не многіе, въ томъ числѣ часть обширнаго трактата „о латинскомъ языкѣ“ и трактатъ „о сельскомъ хозяйствѣ“. Болѣе важны были бы для насъ его труды по археологіи общественнаго и частнаго быта, сдѣлавшіе, какъ выражается Цицеронъ, снова туземцами у себя римлянъ, ставшихъ-было чужеземцами на своей родинѣ; но отъ нихъ сохранилось лишь нѣсколько цитатъ у другихъ писателей. Первая половина этихъ книгъ, „о человѣческихъ дѣлахъ“, описывала первобытныя времена Рима, раздѣленіе римской области и города Рима, излагала свѣдѣнія о годахъ, мѣсяцахъ, дняхъ, о государственныхъ учрежденіяхъ, о военномъ устройствѣ. Изъ другой половины, „о божественныхъ предметахъ“, сохранились оглавленія и выписки у блаженнаго Августина. Въ первыхъ трехъ книгахъ говорилось о жрецахъ, въ трехъ слѣдующихъ о храмахъ и другихъ святилищахъ; послѣ того, о посвященіяхъ богамъ, общественномъ и частномъ богослуженіи; и наконецъ, въ трехъ послѣднихъ книгахъ, о божествахъ. Излагая факты, Варронъ съ тѣмъ вмѣстѣ старался внушить римлянамъ правильныя понятія о религіи, очистить ихъ мысли отъ путаницы суевѣрій. Онъ различалъ три разряда религіи: миѳологическую религію, естественную и общественную. — Прибавленіемъ къ трактату о

Теренцій Варронъ 116—27.

древностяхъ служило изслѣдованіе „о жизни римскаго народа“, замѣчательная работа, бывшая первымъ опытомъ изложенія исторіи обычаевъ и цивилизаціи, содержавшая въ себѣ массу драгоцѣнныхъ свѣдѣній о нравахъ, обычаяхъ, вѣрованіяхъ римлянъ въ старыя времена. Кромѣ того, Варронъ написалъ множество монографій. До глубокой старости онъ неутомимо изслѣдовалъ и описывалъ жизнь предковъ со всѣхъ ея сторонъ и тѣмъ пріобрѣлъ неоспоримое, прочное право на признательность своей націи; но у него не было ясности понятій, проницательности ума, сужденія его часто были неправильны, попадались у него неправильности и въ языкѣ, слогъ его былъ сухой, небрежный, изложеніе было запутанное.— Онъ былъ мужественный человѣкъ, заслужилъ въ войну съ пиратами вѣнокъ за взятіе корабля, былъ приверженецъ республиканскихъ учрежденій, писалъ противъ перваго тріумвирата, „треглаваго чудовища“. По смерти Цезаря, выказывавшаго большое уваженіе къ нему, онъ не вмѣшивался въ политику, посвятивъ себя исключительно ученымъ занятіямъ, и общество его составляли только личные друзья.—Другимъ знаменитымъ археологомъ былъ Нигидій Фигулъ, личный и политическій другъ Цицерона; кромѣ филологическихъ изслѣдованій, онъ занимался астрономическими, математическими, астрологическими; склонность къ мистицизму сдѣлала его приверженцемъ туманныхъ ученій пиѳагорейцевъ и вовлекала въ ошибочныя мнѣнія. Цезарь изгналъ его, какъ оптимата и республиканца, и онъ умеръ въ изгнаніи.—При Августѣ знаменитыми филологами и авторами ученыхъ компиляцій были Гигинъ, Веррій Флаккъ и Асконій Педіанъ, писавшій комментаріи къ рѣчамъ Цицерона.

Нигидій Фигулъ умеръ 44.

1) Юлій Гигинъ, отпущенникъ Августа, завѣдывалъ палатинскою библіотекой. Изъ трудовъ этого ученаго до насъ дошли сборникъ миѳологическихъ замѣтокъ и разсказовъ, называющійся «Баснями», и «Поэтическая астрономія», трактатъ въ 4 книгахъ, излагающій первоначальныя понятія объ астрономіи, главнымъ образомъ по Эратосѳену, и миѳы о созвѣздіяхъ; оба эти трактата были назначены служить учебниками; для насъ они довольно важны по выпискамъ изъ произведеній, не дошедшихъ до насъ. Слогъ ихъ такъ небреженъ, форма такъ безсвязна, что многіе критики считаютъ ихъ или принадлежащими гораздо болѣе позднему времени, или компиляціями, составленными изъ произведеній Гигина. 2) Веррій Флаккъ, основательный филологъ и знатокъ археологіи, пользовался большимъ уваженіемъ, какъ преподаватель, и Августъ назначилъ его учителемъ своихъ внуковъ. Между прочимъ онъ написалъ для гражданъ Пренеста календарь ихъ праздниковъ, Fasti; въ благодарность за то пренестинцы поставили ему статую. Изъ этихъ Fasti Prenestini дошли до насъ нѣкоторые отрывки. Его обширный трудъ «о значеніи словъ», былъ реальный словарь; изъ этой работы было впослѣдствіи сдѣлано Секстомъ Помпеемъ Фестомъ извлеченіе, часть котораго дошла до насъ; остальную часть мы имѣемъ въ сильно сокращенномъ извлеченіи изъ извлеченія Феста, сдѣланномъ во время Карла Великаго Павломъ.—Изъ другихъ трудовъ Веррія Флакка до насъ дошли довольно большія и важныя цитаты у позднѣйшихъ писателей, особенно у Плинія.

Римляне, какъ ученики грековъ и распространители греческой культуры.

Итакъ, римляне наслѣдовали то, что было создано умственною дѣятельностью народовъ, у которыхъ образованность развилась раньше нежели у нихъ, и были недурными хранителями наслѣдованнаго. У нихъ не было ни идеальныхъ стремленій, ни художественныхъ дарованій грековъ; но была воспріимчивость, достаточная для хорошаго усвоенія чужой поэзіи, было умѣнье придавать современный и національный характеръ своимъ переработкамъ ея произведеній, было

усердіе сохранять эти драгоцѣнныя пріобрѣтенія, передавать ихъ другимъ племенамъ, и отъ римлянъ получили ихъ народы, умственная дѣятельность которыхъ развилась позднѣе. Черезъ римлянъ ознакомилась съ произведеніями греческой поэзіи и александрійской учености вся Италія, которая со времени уравненія правъ всѣхъ свободныхъ ея жителей съ римскими гражданами стала быстро усвоивать себѣ умственную жизнь столицы; черезъ римлянъ ознакомился и весь западъ съ греческою цивилизаціею, которая только по римскому вліянію стала всемірною. Правда, латинскіе поэты заимствовали у грековъ и просодію, и формы поэтическихъ произведеній, значительную часть миѳовъ и вообще всего содержанія; римскіе историки и ораторы учились у грековъ, слѣдовали въ оборотахъ рѣчи и въ понятіяхъ греческимъ образцамъ, заимствовали изъ нихъ техническую обработку; но посѣянныя въ италійскую почву иноземныя сѣмена стали на ней туземными растеніями, чужое приняло національный характеръ. Римская народность была настолько сильна, что могла принять въ себя иностранные элементы, не теряя своей оригинальности. Правда также, что при пересадкѣ въ Римъ утратились идеальность тона, совершенство формы греческой поэзіи и литературы лучшаго періода; но то, что было общеполезнаго въ ней, было упрочено римской республикою. Цицеронъ, усердный читатель и изслѣдователь, великій мастеръ слога, но лишенный творческой силы ума, въ своихъ философскихъ трактатахъ только передавалъ ученія греческихъ мыслителей, а въ своихъ трактатахъ объ ораторскомъ искусствѣ руководился правилами греческихъ преподавателей; и однако же въ этихъ его трудахъ слышится вѣяніе римской жизни, великаго могущества римской націи. Онъ чуждался угловатой формалистики, узкаго сектантства школъ, облекалъ изслѣдованія греческихъ мыслителей блескомъ изложенія, умѣлъ придавать жизненный интересъ философскимъ вопросамъ, религіознымъ, политическимъ и нравственнымъ теоріямъ, раскрылъ высшему кругу римскаго общества сокровища греческаго мышленія, ознакомилъ съ результатами греческихъ философскихъ изслѣдованій націю, не расположенную къ отвлеченнымъ теоріямъ. Правда, передавая ученія греческихъ мыслителей, онъ впадалъ иногда въ недоразумѣнія, ошибки, объясняемыя отчасти торопливостью, съ какою писалъ онъ свои философскіе трактаты. — Рѣчи и письма Цицерона переносятъ насъ въ ту эпоху волненій римскаго государства, изображаютъ борьбу великихъ силъ на форумѣ, въ сенатѣ, дѣятельную, богатую разнообразіемъ и наслажденіями политическую и частную жизнь вельможъ. Цицеронъ, какъ ораторъ, сталъ гораздо выше Гортензія, который былъ нѣсколько старше его, и сначала родосская школа краснорѣчія, въ которой онъ учился, и произведенія греческихъ ораторовъ, которыя усердно изучалъ онъ, очень много помогли развитію его таланта; его классическій языкъ, правильный, легкій

Маркъ Туллій Цицеронъ 106—43.

слогъ, искусное построеніе благозвучныхъ періодовъ, художественность изложенія, изящная дикція восторжествовали надъ заимствованнымъ отъ азіатской школы греческаго краснорѣчія пышнымъ слогомъ Гортензія, хотя этотъ ораторъ сначала импонировалъ массѣ и самому Цицерону въ его молодости великолѣпіемъ своей реторики, живостью декламаціи и жестикуляціи, нравился и простонародными выраженіями, которыя допускалъ въ своихъ рѣчахъ. Плавность и изящество языка въ рѣчахъ Цицерона, мѣткое остроуміе, ловкость оборотовъ мысли, прекрасная декламація, обширныя знанія его, сохраняемыя сильною памятью, дѣйствовали съ волшебною силою на людей, разбивали противниковъ, очаровывали массу, и могущество его слова дѣлало его необходимымъ для аристократической партіи. Человѣкъ, одаренный быстрымъ умомъ и живымъ воображеніемъ, онъ умѣлъ яркими описаніями возбуждать страхъ, ненависть, состраданіе, всяческія волненія души, производить въ слушателяхъ то настроеніе, какое было нужно ему. Дѣйствію его рѣчей помогало впечатлѣніе, дѣлаемое его стройною, благородною фигурою, его выразительнымъ лицомъ, по одному взгляду на которое можно было видѣть, что онъ великій ораторъ, съ очень впечатлительнымъ характеромъ; его глаза, его лицо были способны выражать всѣ страсти, а ироническая улыбка его показывала проницательность ума. Почти всѣ свои рѣчи онъ переработывалъ послѣ того, какъ онѣ были произнесены, старался по возможности вознаградить стилистическою красотою утрату той очаровательности, какую давала живому слову его превосходная декламація. Очень важны и письма Цицерона. Они представляютъ наглядныя изображенія того времени, волнуемаго борьбою партій, живо обрисовываютъ дѣятелей этой эпохи, такъ что служатъ достовѣрнѣйшимъ источникомъ нашихъ свѣдѣній о многихъ фактахъ тогдашней исторіи Рима. Въ особенности должно сказать это о его письмахъ къ Титу Помпонію Аттику, римскому всаднику, который, благодаря своему богатству и своей образованности, пользовался очень большимъ вліяніемъ и находился въ близкихъ сношеніяхъ съ замѣчательнѣйшими людьми того времени. Онъ былъ повѣреннымъ всѣхъ мыслей Цицерона. Корнелій Непотъ говоритъ о письмахъ Цицерона къ нему: «Читая ихъ, читаешь полную исторію того времени; планы государственныхъ людей, ошибки вождей партій, событія разсказаны въ нихъ такъ подробно, что все обрисовывается въ полномъ свѣтѣ». Письма Цицерона превосходно знакомятъ насъ и съ дѣлами Рима, и съ жизнью вельможъ въ ихъ виллахъ; мы видимъ въ нихъ и интимную жизнь Цицерона, видимъ, что онъ былъ хорошій отецъ семейства, преданный другъ, человѣкъ благодарный за доброжелательство къ нему, но и полный гнѣва на противниковъ, желанія мстить врагамъ; зажиточный, самодовольный членъ аристократіи, онъ занималъ хорошее положеніе по своему богатству: онъ получилъ довольно большое состояніе послѣ отца, взялъ богатое приданое за женою, еще больше пріобрѣлъ своей адвокатурою; у него былъ прекрасный домъ на Палатинскомъ холмѣ, то есть въ одной изъ самыхъ аристократическихъ мѣстностей города; у него были виллы, изъ которыхъ особенно хороша была тускульская вилла (Tusculanum, «Тускуланъ»), на которой всего болѣе любилъ онъ жить; тамъ были превосходный садъ, много произведеній искусства, богатая библіотека; онъ жилъ роскошно, имѣлъ богатую мебель, много серебряной посуды, въ погребахъ много винъ, давалъ отличные обѣды, лучшею приправою которыхъ былъ пріятный, поучительный и вмѣстѣ живой, остроумный разговоръ; при такомъ разговорѣ, обѣдъ становился дѣйствительно convivium, «общеніемъ жизни» съ достойными друзьями. Существовали сборники остротъ и мѣткихъ словъ Цицерона. Мы видимъ также, что онъ былъ честный, скромный семьянинъ, нравственно чистый человѣкъ, чуждавшійся пороковъ, господствовавшихъ тогда въ знатномъ кругу; трудолюбивый человѣкъ, не тратившій времени по-пусту, неутомимо усердный изслѣдователь истины, очень много писавшій; но съ тѣмъ вмѣстѣ человѣкъ очень впечатлительный, безгранично тщеславный, самодовольный, цѣнившій выше всего похвалы, почетъ, восхищавшійся, когда его хвалили, чрезвычайно огорчавшійся порицаніемъ, прославлявшій самъ себя, непримиримо ненавидѣвшій своихъ противниковъ; видимъ также, что онъ чрезвычайно дорожилъ жизнью, робко уклонялся отъ всякой опасности: эта забота владычествовала надъ всѣми его мыслями, и ему случалось изъ робости поступать противъ обязанности и убѣжденія, противъ истины и справедливости. Словомъ, Цицеронъ является намъ въ своихъ письмахъ человѣкомъ великихъ дарованій, имѣющимъ многія изъ качествъ хорошаго гражданина, честнымъ, любящимъ родину и справедливость, проницательнымъ государственнымъ дѣятелемъ, но человѣкомъ слабой воли, лишеннымъ того нравственнаго мужества, не имѣющимъ той силы характера, которая во времена смутъ внушаетъ обществу довѣріе.

Воспитаніе Цицерона.

Не было другого человѣка, въ которомъ всѣ черты римско-греческой культуры соединялись бы такъ полно, какъ въ Цицеронѣ. Въ третьемъ томѣ нашей книги мы ознакомились съ самою слабою стороною его дѣятельности, видѣли, что въ бурныя времена его политической борьбы онъ шелъ нетвердыми, колеблющимися шагами, что гибкость характера спасала его много разъ отъ опасностей, но что наконецъ убійцы, подосланные Антоніемъ, прекратили его жизнь. Прежніе историки превозносили его выше должной мѣры; новѣйшіе, въ особенности Друманъ и Моммсенъ, судятъ о немъ враждебно.—Цицеронъ родился 3 января 648 года отъ основанія Рима (106 года до Р. Х.) въ отцовскомъ имѣньѣ близъ Арпина, того муниципальнаго города, который былъ родиною и Марія, далъ Риму человѣка мягкаго, какъ воскъ, и человѣка жесткаго, какъ желѣзо. Цицеронъ выросъ въ прекрасной горной родной сторонѣ; потомъ отецъ пере-

селился въ Римъ, чтобы дать хорошее воспитаніе ему и его брату, Квинту. Въ Римѣ талантливый юноша, одушевленный пламеннымъ желаніемъ быть первымъ между всѣми сверстниками, успѣшно учился у самыхъ лучшихъ преподавателей всѣмъ тогдашнимъ наукамъ. Онъ усердно занимался въ школахъ ораторскаго искусства и пользовался близкимъ знакомствомъ съ знаменитыми ораторами того времени, Луціемъ Крассомъ, Маркомъ Антоніемъ, другими. Квинтъ Луцій Сцевола, крупный юристъ и ораторъ, и двоюродный братъ Квинта, тоже Квинтъ, знаменитый юристъ, помогали ему изучать юриспруденцію и политическія науки; поэтъ Авлъ Лициній Архій, уроженецъ Антіохіи, ознакомилъ его съ греческою поэзіей; онъ внимательно изучалъ декламацію и жестикуляцію великаго актера Росція, и въ ранней молодости переводилъ греческія книги на латинскій языкъ, чтобы выработать себѣ искусство хорошо владѣть имъ. До насъ дошли отрывки изъ его перевода астрономической поэмы Арата. Онъ дѣлалъ переводы изъ Гомера, Эврипида, Ксенофонта. Онъ писалъ и латинскія стихотворенія по греческимъ образцамъ; написалъ поэму, въ которой прославлялъ побѣды Марія. Но творческой фантазіи у него не было, потому не могъ онъ стать знаменитымъ поэтомъ. Славу свою онъ пріобрѣлъ, какъ прозаическій писатель. Послѣ марсійской (союзнической) войны, въ которой онъ служилъ у Помпея Страбона, онъ сталъ изучать Платоновскую философію, подъ руководствомъ послѣдователя академической школы, Филона Ларисскаго, бѣжавшаго во время войны съ Митридатомъ изъ Аѳинъ въ Римъ. Раньше того, онъ былъ ознакомленъ Федромъ съ эпикурейскою философіею, но она не нравилась ему. Привлекательнѣе для него была стоическая философія, которую онъ черезъ нѣсколько времени послѣ того сталъ изучать подъ руководствомъ Діодота. Система Платона, въ томъ видѣ, какой получила она у мыслителей Средней Академіи, казалась ему лучшею теоретическою философіею, а въ практической философіи предпочиталъ онъ всѣмъ другимъ ученіе стоиковъ. Вмѣстѣ съ философіею Цицеронъ усердно занимался, подъ руководствомъ тѣхъ же преподавателей, потомъ подъ руководствомъ Молона Родосскаго, реторикой и діалектикой, важнѣйшими вспомогательными науками ораторскаго искусства. Сдѣлаться ораторомъ было цѣлью, къ которой онъ сталъ стремиться всѣми силами съ очень молодыхъ лѣтъ; ораторскою дѣятельностью онъ надѣялся достичь высокаго положенія въ государствѣ.

1. Рѣчи Цицерона: за Квинкція.

Имѣя такую подготовку, одинаково хорошо владѣя греческимъ и латинскимъ языкомъ, онъ на 26 году (въ 81 году до Р. Х.) выступилъ какъ адвокатъ Публія Квинкція въ процессѣ о наслѣдствѣ и одержалъ великую побѣду: онъ, молодой человѣкъ, восторжествовалъ въ этомъ первомъ своемъ процессѣ надъ адвокатомъ противника, знаменитымъ Гортензіемъ.—

За Росція Америна.

Болѣе важна по своему содержанію рѣчь въ защиту Росція Америна, произнесенная имъ въ слѣдующемъ году.

Отецъ Росція Америна, богатый землевладѣлецъ, родомъ изъ умбрійскаго муниципальнаго города Америи, былъ убитъ въ Римѣ, возвращаясь съ пира. Два родственника, бывшіе истинными виновниками убійства, подкупили Хрисогона, отпущенника и любимца Суллы, и онъ внесъ имя убитаго въ списокъ обреченныхъ на смерть Суллою, хотя еще за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ былъ изданъ законъ, постановлявшій, что преслѣдованіе внесенныхъ въ этотъ списокъ прекращается. Хрисогонъ и убійцы подѣлились между собою обширными имѣньями убитаго, отнявъ наслѣдство у его сына. Это беззаконіе было такъ дерзко, что возбудило шумъ даже въ то изобильное злодѣйствами время. Виновные нашли, что не могутъ считать себя безопасными, пока живъ сынъ убитаго, и хотѣли убить его; онъ успѣлъ бѣгствомъ изъ Рима спастись отъ нихъ.

Тогда они пріискали бойкаго негодяя, который выступилъ передъ судомъ обвинителемъ его въ убійствѣ отца. Они разсчитывали, что присяжные (присяжными были тогда сенаторы) побоятся прогнѣвить Хрисогона, и въ угоду ему осудятъ обвиняемаго. Цицеронъ принялъ на себя защиту Росція Америна и такъ убѣдительно доказалъ фальшивость обвиненія, что сенаторы—присяжные, оправдали обвиненнаго, находя, что осужденіе его подвергло бы новый, сенаторскій, составъ суда рѣзкимъ порицаніямъ со стороны сословія всадниковъ, не задолго передъ тѣмъ лишенныхъ права быть присяжными; кромѣ того, присяжные опасались возбудить ропотъ и въ массѣ гражданъ. Всѣ дивились мужеству Цецерона, дивились и таланту его, хотя въ этой рѣчи его мѣстами есть юношеская чрезмѣрная яркость колорита, есть и реторика, напримѣръ въ изображеніи наказанія за отцеубійство.

Поѣздка Цицерона въ Аѳины и въ Малую Азію 79—77.

Не задолго передъ смертью Суллы (въ 79 году) Цицеронъ уѣхалъ въ Грецію, не столько потому, что опасался его гнѣва, какъ это говоритъ Плутархъ, сколько для поправленія своего ослабѣвшаго здоровья и для того, чтобы продолжать учиться. Полгода онъ прожилъ въ Аѳинахъ, слушая тамъ вмѣстѣ съ своимъ другомъ Аттикомъ лекціи философовъ, потомъ поѣхалъ въ Родосъ и посѣтилъ нѣкоторые города Малой Азіи, вездѣ пополняя свое образованіе. Обогатившись знаніями, онъ черезъ два года (въ 77 году) вернулся въ Римъ, чтобы посвятить себя общественной дѣятельности.

Квесторство въ Сициліи.

Онъ былъ выбранъ въ квесторы (76), исполнялъ обязанности этой должности въ одномъ изъ двухъ квесторскихъ округовъ Сициліи, въ Лилибейскомъ; своею честностью онъ пріобрѣлъ такое уваженіе сицилійцевъ, что черезъ три года послѣ того, въ годъ, когда онъ былъ избранъ курульнымъ эдилемъ, они просили его быть ихъ адвокатомъ по жалобѣ ихъ на Верреса, который, бывши три года (73 — 70) пропреторомъ Сициліи, страшно злоупотреблялъ своею властью, совершалъ всѣ беззаконія и злодѣйства, до какихъ могутъ довести безсовѣстнаго правителя алчность, сладострастіе и жестокость.

Рѣчи противъ Верреса.

Рѣчи противъ Верреса имѣютъ для насъ чрезвычайно большую важность потому, что знакомятъ насъ съ римскимъ провинціальнымъ управленіемъ, съ политическимъ и общественнымъ бытомъ римскаго государства; онѣ раскрываютъ намъ причины быстраго упадка греческихъ областей подъ желѣзнымъ владычествомъ Рима. Верресъ и его товарищи хотѣли вырвать процессъ изъ рукъ Цицерона; по тайному порученію самого Верреса, обвинителемъ противъ него выступилъ Луцій Цецилій Нигръ, претензію котораго на право быть обвинителемъ Верреса поддерживалъ Гортензій. Въ «рѣчи о правѣ быть обвинителемъ» (divinatio) Цицеронъ раскрылъ эту интригу, доказалъ, что Цецилій, соучастникъ преступленій Верреса, принимаетъ на себя роль обвинителя его только за тѣмъ, чтобы скрыть, исказить истину и повернуть процессъ къ оправданію обвиняемаго. Судъ рѣшилъ, что право быть обвинителемъ принадлежитъ Цицирону, и онъ началъ исполнять свою трудную обязанность такъ энергично и блистательно, что послѣ его первой рѣчи Верресъ уже потерялъ всякую надежду на оправданіе и, не дожидаясь конца процесса, удалился въ добровольное изгнаніе, которымъ въ подобныхъ случаяхъ обвиняемые могли прекращать процессъ. Огромный матеріалъ для обвиненія, собранный Цицерономъ въ поѣздкѣ по Сициліи, предпринятой именно съ этой цѣлью и продолжавшейся пятьдесятъ дней, онъ распредѣлилъ на пять рѣчей. Только первая изъ нихъ была произнесена. Остальныя четыре написаны ужь не для произнесенія передъ судомъ, а для чтенія публикѣ. Всѣ эти пять рѣчей — превосходны и по мастерству фактической обработки матеріала и по художественности формы; разсказы и описанія, эпизодически вводимыя въ изложеніе юридическихъ фактовъ, даютъ ему разнообразіе и

жизнь *). Въ первой рѣчи Цицеронъ разсказываетъ прежнюю позорную жизнь Верреса, во второй разсказываетъ, какъ онъ злоупотреблялъ своею судебною властью въ Сициліи, какъ продавалъ должности и награды, утаивалъ пошлины и проч.; въ третьей говоритъ о его притѣсненіяхъ и воровствѣ при взиманіи десятиннаго налога и при закупкѣ хлѣба для отправленія въ Римъ; въ четвертой о томъ, какъ отнималъ онъ у сицилійцевъ и похищалъ изъ храмовъ произведенія искусствъ, до которыхъ былъ большой охотникъ (эта рѣчь очень важна для исторіи искусствъ); въ пятой Цицеронъ доказывалъ, что Верресъ былъ тайнымъ союзникомъ морскихъ разбойниковъ и помогалъ имъ грабить римскихъ купцевъ.—Верресъ былъ приговоренъ судомъ къ изгнанію и къ возвращенію награбленнаго имъ или уплатѣ вознагражденія. Но у него еще осталось столько денегъ, что онъ жилъ въ изгнаніи богато, и столько произведеній искусствъ, что Антоній польстился на нихъ и чтобъ овладѣть ими внесъ его въ число подвергающихся проскрипціи. Вскорѣ послѣ того, какъ услышалъ о смерти Цицерона, Верресъ былъ и самъ убитъ исполнителями проскрипцій (въ 43 году).

Рѣчь за Росція актера.

Послѣ того Цицеронъ произнесъ нѣсколько рѣчей по процессамъ частныхъ людей (напримѣръ, въ защиту актера Росція), былъ выбранъ въ 66 году преторомъ и произнесъ первую свою политическую рѣчь въ народномъ собраніи, за законъ Манилія, передавшій Помпею начальство въ войнѣ съ Митридатомъ и предоставлявшій ему чрезвычайно широкое полномочіе; эта рѣчь — панегирикъ Помпею, котораго Цицеронъ украшаетъ всевозможными похвальными качествами. Въ томъ же году онъ произнесъ рѣчь за Клуэнція, который былъ обвиненъ матерью въ отравленіи отчима; въ ней Цицеронъ рисуетъ ужасную картину испорченности, внесенной междоусобными войнами въ семейный бытъ. Отъ двухъ рѣчей за Корнелія, бывшаго народнаго трибуна, обвиненнаго въ политическомъ преступленіи, до насъ дошли только отрывки; Цицеронъ причислялъ эти рѣчи къ самымъ лучшимъ изъ всѣхъ, написанныхъ имъ. Великую ораторскую дѣятельность выказалъ онъ въ годъ своего консульства, годъ своего блеска. Въ началѣ его онъ произнесъ три рѣчи противъ аграрнаго закона, предложеннаго народнымъ трибуномъ Публіемъ Сервиліемъ Рулломъ. Онѣ дошли до насъ. Цицеронъ достигъ полнаго успѣха, предложеніе Рулла было отвергнуто; но оно было лишь предисловіемъ къ аграрнымъ законамъ Цезаря. Цицеронъ принялъ авангардъ за главное войско и щедро надѣлялъ себя похвалами за избавленіе государства отъ аграрнаго потрясенія. Этими рѣчами, рѣчью за сенатора Рабирія, старика, обвиненнаго народнымъ трибуномъ Титомъ Лабіэномъ въ убійствѣ Сатурнина, и борьбою противъ предложенія возвратить политическія права сыновьямъ людей, которые были подвергнуты проскрипціи Суллой, Цицеронъ пріобрѣлъ расположеніе оптиматовъ; онъ сталъ теперь въ ихъ ряды, потому они усердно поддерживали его въ борьбѣ съ Катилиною (III, 784).

За законъ Манилія.

За Клуэнція.

За Корнелія.

Консульство Цицерона 63.

Рѣчи противъ аграрнаго закона Сервія Рулла.

За Рабирія.

Рѣчи противъ Катилины.

О первой рѣчи противъ Катилины, произнесенной въ сенатѣ, при самомъ обвиня-

---

*) Приведемъ для примѣра одинъ эпизодъ: «Верресъ на островѣ сиракузанской гавани, одѣтый болѣе чѣмъ небрежно, отупѣвшій отъ пира и ночного наслажденія, идетъ, шатаясь, подъ руку съ публичной женщиною къ берегу, смотрѣть, какъ пойдетъ ловить морскихъ разбойниковъ эскадра, которую воровство его сдѣлало неспособной къ погонѣ за ними; на палубѣ одного изъ кораблей стоитъ грекъ, котораго онъ принудилъ быть начальникомъ этой мелкой эскадры, для того, чтобы осталась безъ мужа въ городѣ его красавица жена» (V рѣчь противъ Верреса, 31).

еніемъ, Друманъ говоритъ: «Она подкупаетъ своею внѣшнею красотою. Но когда наше вниманіе переходитъ отъ словъ къ мыслямъ, она производитъ отвратительное впечатлѣніе. Трусость плохо прячется подъ маской мужества, личная ненависть и тщеславіе подъ усердіемъ къ благу государства; нѣтъ ни сдержанности и приличія, ни нравственнаго достоинства».—Въ ночь послѣ произнесенія этой рѣчи Цицерона Катилина уѣхалъ въ Этрурію, и на слѣдующій день Цицеронъ произнесъ на форумѣ рѣчь, въ которой оправдывалъ передъ народомъ свой образъ дѣйствій, изображая нравственную испорченность Катилины и его сообщниковъ. Въ третьей рѣчи онъ передаетъ народу то, что происходило въ сенатѣ послѣ ареста аллоброгскихъ пословъ, описываетъ опасности, отъ которыхъ Римъ избавленъ его заботливостью. Ему было поручено устроить праздникъ благодаренія богамъ за то, что онъ спасъ городъ отъ сожженія, гражданъ отъ смерти, Италію отъ войны». Въ четвертой рѣчи, произнесенной въ сенатѣ при совѣщаніи о томъ, какъ поступить съ арестованными сообщниками Катилины, Цицеронъ возражаетъ противъ мнѣнія Цезаря и доказываетъ необходимость смертнаго приговора.

Со времени консульства Цицеронъ причислялъ себя къ величайшимъ государственнымъ людямъ Рима; непрерывно восхищаясь мыслью, что онъ спаситель государства, считалъ себя вторымъ Ромуломъ, новымъ основателемъ Рима, вторымъ Брутомъ, избавителемъ народа отъ тираніи злодѣевъ.

Цицеронъ дѣйствовалъ противъ Катилины очень горячо не по одной заботѣ о благѣ государства, но и по личнымъ мотивамъ. Катилина нанесъ ему много оскорбленій: убилъ его родственника Градитіана, обезславилъ Фабію, сестру его жены, былъ его соперникомъ въ кандидатурѣ на консульство, язвительно говорилъ о незнатности его происхожденія, угрожалъ его жизни. Такимъ образомъ, между ними была личная смертельная вражда. Кромѣ того, Цицерону хотѣлось постыдить и затмить своихъ гордыхъ противниковъ между вельможами, оказавъ необыкновенныя услуги отечеству, хотѣлось стать важнѣйшимъ человѣкомъ въ государствѣ.

Рѣчь за Мурену.

Ко времени его консульства относится и рѣчь за Луція Лицинія Мурену, который былъ избранъ консуломъ на слѣдующій годъ. Сервій Сульпицій Руфъ и Катонъ подвергли его обвиненію въ пріобрѣтеніи голосовъ на выборахъ подкупомъ; Цицеронъ защищалъ его.—Въ слѣдующемъ (62) году Цицеронъ защищалъ Публія Корнелія Суллу, подвергнувшагося обвиненія въ сообщничествѣ съ Катилиной, и успѣлъ доказать его невинность. Въ 61 году онъ защищалъ своего учителя и друга, поэта Архія, который подвергся обвиненію въ томъ, что неправильно присвоилъ себѣ право римскаго гражданства; прославленіе наукъ и поэзіи въ этой рѣчи придало ей очень большую знаменитость. Слѣдующіе годы Цицерона были омрачены преслѣдованіями Клодія. Почти единственный памятникъ его общественной дѣятельности въ это время—рѣчь за Луція Валерія Флакка, который былъ преторомъ въ годъ его консульства, а теперь (въ 59 году) подвергся обвиненію во взяточничествѣ при управленіи провинціею Азіей; рѣчь Цицерона доставила ему оправданіе. Въ III томѣ (стр. 800, 948) мы говорили, въ какія бѣды ввела Цицерона казнь сообщниковъ Катилины: онъ былъ изгнанъ, лишился своихъ домовъ и имѣній. Письма его къ женѣ и къ Аттику показываютъ, что онъ былъ очень опечаленъ этимъ; у него не достало характера выносить горе съ достоинствомъ; онъ плакалъ, проклиналъ свою жизнь. По возвращеніи, онъ говорилъ много рѣчей: защищалъ свои интересы, дѣйствовалъ въ пользу помогавшихъ его возвращенію, боролся противъ своихъ враговъ, особенно противъ Клодія. До насъ

За Публія Суллу.

За Архія.

За Флакка.

дошла рѣчь „о домѣ“, въ которой доказывается, что разрушенный городской его домъ долженъ быть возстановленъ; впрочемъ, подлинность этой рѣчи сомнительна. Въ благодарность Помпею, Цицеронъ защищалъ предложеніе, чтобъ ему было поручено завѣдываніе доставкою хлѣба въ Римъ. Онъ защищалъ Публія Сестія, который, бывши народнымъ трибуномъ, дѣйствовалъ въ его пользу, а теперь (въ 56 году) подвергся обвиненію въ нарушеніи общественнаго спокойствія; Цицеронъ доставилъ оправданіе ему. Къ этому дѣлу относится и рѣчь противъ Ватинія, выступавшаго свидѣтелемъ противъ Сестія.

За Целія.

Рѣчью за Целія Цицеронъ опровергъ обвиненіе противъ него въ нарушеніи общественнаго порядка и въ умыслѣ на жизнь бывшей его любовницы, Клодіи, сестры демагога Клодія; защищая его, Цицеронъ сильно нападаетъ на своихъ враговъ.

За Бальба.

Рѣчь о консульскихъ провинціяхъ.

Рѣчью за Корнелія Бальба, у котораго было оспориваемо право римскаго гражданства, данное ему Помпеемъ, и рѣчью о консульскихъ провинціяхъ Цицеронъ старался заслужить расположеніе тріумвировъ, а рѣчь противъ Пизона была новымъ выраженіемъ смертельной ненависти его къ сообщникамъ Клодія (начало этой рѣчи дошло до насъ въ испорченномъ видѣ).

Рѣчь противъ Пизона.

Пизонъ былъ консуломъ въ тотъ годъ, когда Цицеронъ былъ изгнанъ, и не мѣшалъ буйствамъ Клодія; теперь, по вліянію Цицерона, у него было отнято управленіе Македоніею; онъ нападалъ за это на Цицерона; Цицеронъ произнесъ въ сенатѣ рѣчь, въ которой превозносилъ себя и нападалъ на Пизона, забывая всякую мѣру.

Свою ненависть къ противникамъ Цицеронъ сдерживалъ лишь въ угожденіе тріумвирамъ; по ихъ желанію, онъ даже сказалъ рѣчь въ защиту Ватинія, на котораго прежде нападалъ.

Рѣчи за Планція и за Рабирія Постума.

Рѣчи, произнесенныя имъ въ 54 году въ защиту Гнея Планція и Рабирія Постума тоже имѣютъ связь съ его изгнаніемъ. Когда онъ покинулъ Италію, Планцій, бывшій квесторомъ въ Ѳессалоникѣ, принялъ его подъ свою защиту; теперь Планцій подвергся обвиненію въ томъ, что для полученія эдильства возбуждалъ безпорядки посредствомъ клубовъ, называвшихся содалиціями; Цицеронъ защищалъ его, и онъ былъ оправданъ. Рабирій, пріемный сынъ сенатора, котораго прежде защищалъ Цицеронъ, содѣйствовалъ возвращенію его изъ изгнанія, а теперь былъ вмѣстѣ съ Габиніемъ обвиненъ во взяточничествѣ при экспедиціи въ Египетъ. Цицеронъ защищалъ его, но не достигъ оправданія ему: онъ долженъ былъ, подобно Габинію, удалиться въ изгнаніе.—Когда Клодій былъ убитъ Милономъ, Цицеронъ принялъ на себя защиту человѣка, которому болѣе всѣхъ былъ обязанъ своимъ возвращеніемъ.

Рѣчь за Милона.

Но крики приверженцевъ Клодія, окружавшихъ трибуналъ, такъ запугали его, что онъ, говорятъ, совершенно растерялся. Милонъ былъ осужденъ на изгнаніе. Цицеронъ переработалъ рѣчь, приготовленную для произнесенія въ судѣ; въ новомъ своемъ видѣ она стала однимъ изъ блистательнѣйшихъ произведеній римскаго краснорѣчія. „Если бы Маркъ Туллій говорилъ такъ на судѣ, то мнѣ не пришлось бы лакомиться прекрасною рыбою въ Массиліи“, сказалъ, какъ передаютъ древніе писатели, Милонъ, прочитавъ присланную ему Цицерономъ переработанную рѣчь.

Проконсульство Цицерона. 51, 50.

Въ 51 и 50 годахъ Цицеронъ былъ проконсуломъ въ Киликіи. Походъ въ Аманскія горы доставилъ ему отъ воиновъ титулъ императора; но желаннаго тріумфа не было дано ему. Хорошей администраціею и безкорыстіемъ онъ заслужилъ признательность обѣднѣвшей провинціи. Благодаря его правосудію, честности и кротости, ея населеніе оправилось. Между прочимъ, онъ отказался послать эдиламъ пантеръ для игръ; онъ не хотѣлъ обременять жителей провинціи трудами и издержками на ловлю этихъ

Робость Цицерона во время междоусобной войны. 49—46

звѣрей. Въ 49—46 годы, когда свирѣпствовала междоусобная война, ораторской дѣятельности Цицерона не было мѣста въ Римѣ. Мы говорили, что онъ въ это опасное время держалъ себя очень робко.

Рѣчь за Марцелла.

Когда Цезарь (послѣ побѣды при Тапсѣ) дозволилъ, по просьбѣ сената, возвратиться въ Римъ жившему въ Митиленѣ республиканцу Марку Марцеллу, Цицеронъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы выказать свою преданность диктатору и произнесъ въ сенатѣ рѣчь, въ которой благодарилъ Цезаря за милость къ Марцеллу. (Марцеллъ поѣхалъ въ Римъ въ слѣдующемъ году; но на пути былъ убитъ въ Пиреѣ.—Нѣкоторые ученые сомнѣвались въ подлинности дошедшей до насъ „Рѣчи за Марцелла“; но ихъ сомнѣнія не основательны). Ту же цѣль имѣла рѣчь за Лигарія, произнесенная передъ Цезаремъ на форумѣ.

За Лигарія.

Лигарій сражался противъ Цезаря въ Африкѣ и былъ за это подвергнутъ изгнанію. Цицеронъ успѣлъ выпросить прощеніе ему. Черезъ два года онъ сталъ однимъ изъ убійцъ Юлія Цезаря.—Вступаться за Лигарія было очень трудно; рѣчь за него—одна изъ самыхъ лучшихъ у Цицерона.

За Дейотара.

—Въ слѣдующемъ (45) году Цицеронъ произнесъ въ домѣ Цезаря рѣчь за своего стараго друга, царя Дейотара, который былъ обвиненъ своимъ внукомъ Касторомъ и подкупленнымъ слугою въ злоумышленіи противъ жизни императора. Цезарь отложилъ рѣшеніе. Дейотаръ вовсе не заслуживалъ похвалъ, какими превозносилъ его Цицеронъ; онъ былъ правитель алчный и жестокій. Мать и отецъ того внука, который обвинялъ его, были убиты имъ. Въ битвѣ при Филиппахъ его полководецъ Аминтъ, находившійся въ войскѣ Брута, передался Антонію. Дейотаръ, дожившій до очень глубокой старости, умеръ черезъ два года послѣ этой битвы; часть его царства наслѣдовалъ внукъ, бывшій его обвинителемъ, другую получилъ Аминтъ въ награду за измѣну Бруту.

Филиппики.

Тремя послѣдними рѣчами Цицеронъ показалъ, что примирился съ монархическимъ порядкомъ дѣлъ. Смерть Цезаря дала ему опять важное политическое значеніе. Мы излагали событія, при которыхъ произносилъ онъ рѣчи противъ Антонія. По энергіи, по возвышенности тона онѣ—самыя лучшія изъ всѣхъ его рѣчей. Ихъ сравнивали съ рѣчами Демосѳена противъ Филиппа, и потому онѣ называются филиппиками. Ихъ четырнадцать. Вторая изъ нихъ не была произнесена, а только была въ спискахъ распространяема между публикою; изъ остальныхъ тринадцати нѣкоторыя были произнесены въ сенатѣ, другія на форумѣ. Цѣлью ихъ было разъяснить сенату и народу, что Антоній—опаснѣйшій врагъ республики и гнуснѣйшій человѣкъ, разрушить честолюбивые, гибельные государству замыслы его, внушить сенату и народу, что борьба противъ этого преступника, врага родины—священная обязанность. Филиппики Цицерона даютъ вѣрное изображеніе исполненнаго великихъ потрясеній времени отъ смерти Цезаря до битвъ подъ Мутиной. Послѣдняя изъ нихъ была и послѣднею рѣчью Цицерона. Антоній отмстилъ ему за обиды убійствомъ.

Мы знаемъ по заглавіямъ сто рѣчей Цицерона; 56 изъ нихъ сохранились въ полномъ или почти полномъ своемъ видѣ; отъ 20 другихъ дошли до насъ отрывки. Ораторская дѣятельность въ судѣ, въ сенатѣ и на форумѣ была самою блистательною частью трудовъ Цицерона. Но онъ находилъ досугъ и для другихъ занятій.

2. Письма Цицерона.

Онъ писалъ очень много. До насъ дошло большое количество его писемъ; первыя изъ нихъ принадлежатъ годамъ до его консульства; переписка его за слѣдующіе годы сохранилась полнѣе и продолжается до самой его смерти. Она раздѣлена его отпущенникомъ Тирономъ на три сборника:

Письма къ разнымъ лицамъ.

1) Письма къ разнымъ лицамъ (или письма къ близкимъ людямъ Epistolae ad diversos, или ad familiares). Они составляютъ 16 книгъ, идутъ отъ 63 до 43 года. Въ сборникъ

включены многія изъ писемъ къ Цицерону, имѣющихъ связь съ его письмами.

8-ю книгу составляютъ письма Марка Целія Руфа, молодаго человѣка вѣтренной жизни, но даровитаго оратора; 14-я книга — сборникъ писемъ Цицерона къ его женѣ (Теренціи) и къ дѣтямъ; 15-я книга — собраніе его донесеній правительству изъ Киликіи; 16-ю книгу составляютъ его письма къ Пизону.

Письма къ Аттику.

2. Второй сборникъ, раздѣленный на 16 книгъ, составляютъ его письма къ Титу Помпонію Аттику; первыя 11 книгъ, образуютъ письма до года его консульства, остальныя пять принадлежатъ этому и слѣдующимъ годамъ. Въ сборникъ включены нѣкоторыя письма къ другимъ лицамъ.

Письма къ брату.

3. Третій сборникъ, раздѣленный на три книги, составляютъ его письма къ брату, Квинту Цицерону (Epistolae ad Quintum fratrem).

Письма къ Бруту.

Есть и четвертый сборникъ, состоящій изъ 18 писемъ къ Марку Бруту. Всѣ они написаны послѣ смерти Цезаря. Нѣкоторые ученые считаютъ ихъ подложными.

3. Трактаты объ ораторскомъ искусствѣ.

Въ тѣсной связи съ рѣчами Цицерона находятся его трактаты объ ораторскомъ искусствѣ. Нѣкоторые изъ нихъ предназначалъ онъ служить для знатныхъ молодыхъ римлянъ руководствами къ изученію ораторскаго искусства. Матеріалъ онъ бралъ отчасти изъ греческихъ трактатовъ краснорѣчія, отчасти изъ собственнаго богатаго опыта. Характеръ этихъ трактатовъ по преимуществу практическій.

Трактатъ «Объ изобрѣтеніи».

Еще когда былъ юношею, Цицеронъ написалъ трактатъ Rhetorica seu de inventione („Реторика или объ изобрѣтеніи“). Занимаясь этой работою, онъ хотѣлъ не столько учить другихъ, сколько учиться самъ. Это юношескій, сухой трактатъ, раздѣленный на двѣ книги; онъ очень сходенъ по содержанію съ написаннымъ раньше его трактатомъ Корнифиція, такъ называемымъ трактатомъ о реторикѣ „для

«Трактатъ для Гереннія».

Гереннія“, ad Herennium; вѣроятно оба они заимствованы изъ однихъ и тѣхъ же греческихъ источниковъ. Самъ Цицеронъ считалъ этотъ свой трудъ незрѣлымъ и хотѣлъ замѣнить его другими, болѣе хорошими работами.

«Объ ораторѣ».

Одною изъ нихъ былъ трактатъ „Объ ораторѣ“, посвященный брату Квинту и состоящій изъ трехъ книгъ. Онъ написанъ блестящимъ, заботливо отдѣланнымъ слогомъ. Цицеронъ написалъ его около 55 года, когда волненія въ Римѣ заставили его воздерживаться отъ политической дѣятельности и онъ имѣлъ досугъ для менѣе тревожныхъ занятій.

Трактатъ «Объ ораторѣ» имѣетъ форму разговора между тремя знаменитыми ораторами: Луціемъ Крассомъ, Квинтомъ Сцеволой и Маркомъ Антоніемъ; въ немъ обрисовывается идеалъ, къ которому долженъ стремиться ораторъ, потомъ объясняется, какія средства ведутъ къ достиженію цѣли: оратору нужно научное и философское образованіе, природное дарованіе, упражненіе. Во второй книгѣ излагаются правила изобрѣтенія, расположенія и произношенія рѣчей, сообразно ихъ предназначенію.

«Брутъ или о знаменитыхъ ораторахъ».

Пополненіями къ этому превосходному трактату могутъ считаться два небольшія сочиненія, написанныя въ 46 и 44 годахъ: и оба посвященныя Бруту: одно изъ нихъ, „Брутъ или о знаменитыхъ ораторахъ“, излагаетъ исторію римскаго краснорѣчія, даетъ важныя для насъ, обыкновенно превосходныя, иногда и не безпристрастныя характеристики римскихъ ораторовъ, представляетъ свѣдѣнія и о ходѣ развитія самого Цицерона.

«Ораторъ».

Въ другомъ трактатѣ, называющемся „Ораторъ“, прекрасномъ и по содержанію и по формѣ, Цицеронъ передаетъ Бруту выведенныя имъ изъ собственнаго опыта соображенія о разныхъ стиляхъ краснорѣчія, формѣ рѣчей,

и на основаніи этихъ выводовъ показываетъ средства къ наилучшей выработкѣ ораторскаго таланта.

Topica. «О частяхъ ораторской рѣчи». «О наилучшемъ стилѣ краснорѣчія».

Менѣе важны три другіе трактата объ ораторскомъ искусствѣ: Topica, теорія доказательствъ, діалектика въ примѣненіи къ ораторскому искусству, составленная по Topica Аристотеля и написанная по просьбѣ юриста Требаціа; трактатъ о частяхъ ораторской рѣчи (De partitione oratoria), написанный Цицерономъ для его сына, Марка, и въ разговорной формѣ излагающій по греческимъ руководствамъ основныя правила реторики; наконецъ, трактатъ «о наилучшемъ стилѣ краснорѣчія» (De optimo genere oratorum), нѣчто въ родѣ предисловія къ переводу рѣчей Эсхина и Демосеена «О вѣнкѣ»; Цицеронъ отдаетъ аттическому стилю краснорѣчія предпочтеніе передъ азіатскимъ.

4. Философскіе трактаты.

Кромѣ работъ по исторіи ораторскаго искусства, имѣвшихъ болѣе или менѣе практическое назначеніе, литературная дѣятельность Цицерона была посвящена главнымъ образомъ философіи. Цѣлью этихъ его трудовъ было ознакомить римлянъ съ греческой философіей, дававшей ему много отрады въ часы отдыха. Когда событія оттѣснили его отъ политической дѣятельности и семейныя несчастія опечалили его, философія была ему развлеченіемъ и утѣшеньемъ. Потому важнѣйшіе изъ его философскихъ трактатовъ принадлежатъ послѣднимъ годамъ его жизни; онъ тогда усердно изучалъ системы академиковъ, перипатетиковъ и стоиковъ; результаты своихъ размышленій о нихъ онъ излагалъ яснымъ языкомъ и часто съ одушевленіемъ; философскую терминологію латинскаго языка выработалъ собственно онъ. Не имѣя ни влеченія, ни способности быть самостоятельнымъ мыслителемъ, онъ довольствовался тѣмъ, что передавалъ теоріи греческихъ философовъ и примѣнялъ къ жизни тѣ ихъ ученія, которыя казались ему истинными. По примѣру Платона, творенія котораго предпочиталъ всѣмъ другимъ философскимъ книгамъ, онъ писалъ свои трактаты обыкновенно въ разговорной формѣ; но не умѣлъ придать ей ту поэтическую очаровательность, какую имѣетъ она у Платона.

«О государствѣ».

Первое изъ философскихъ произведеній Цицерона — трактатъ „о государствѣ“ (De Republica), конченный имъ въ 52 году. Раньше того онъ сдѣлалъ нѣсколько переводовъ изъ греческихъ философовъ. Трактатъ „о государствѣ“ состоялъ изъ шести книгъ. До двадцатыхъ годовъ нашего столѣтія, были извѣстны лишь конецъ этого произведенія, „Сонъ Сципіона“

«Сонъ Сципіона».

(Somnium Scipionis), сохранившійся у Макробія, и нѣкоторые небольшіе отрывки. Но въ 1822 году Анджело Маи нашелъ въ одномъ изъ ватиканскихъ палимпсестовъ списокъ этого трактата (впрочемъ не полный).—По образцу трактата Платона „О государствѣ“ и тоже въ разговорной формѣ, Цицеронъ излагаетъ свои мысли о наилучшемъ государственномъ устройствѣ; но онъ не строитъ фантастическаго государства, какъ Платонъ; идеалъ для него — то (нѣсколько идеализированное имъ) государственное устройство, какое имѣлъ Римъ до Гракховъ.—Тоже по образцу Платона, послѣ трактата „о государствѣ“ Цицеронъ написалъ въ разговорной фор-

«О законахъ».

мѣ трактатъ „О законахъ“ (De legibus), состоявшій, вѣроятно, тоже изъ шести книгъ. Въ немъ Цицеронъ излагаетъ, по ученію стоиковъ и отчасти по Платону, естественное право, потомъ говоритъ о божественныхъ законахъ, и наконецъ о законахъ, установленныхъ волей самихъ людей. Производя законы изъ природы человѣка, онъ хочетъ дать имъ философскія основанія.—Въ два послѣдніе года жизни онъ написалъ рядъ философскихъ трактатовъ, въ которыхъ выказывается свѣжесть умственныхъ силъ, удивительная въ шестидесятилѣтнемъ старцѣ. Онъ самъ говоритъ, что только излагаетъ на латинскомъ языкѣ мысли, изобильно даваемыя ему

греческими философами. Онъ сдѣлалъ въ это время нѣсколько переводовъ. Нѣкоторые изъ написанныхъ имъ тогда трактатовъ погибли, какъ напримѣръ „Похвала Катону" Утическому, о которой мы упоминали въ III томѣ, разговоръ „Гортензій или о философіи", пользовавшійся большою знаменитостью. Не дошло до насъ и „Утѣшеніе" (Consolatio), написанное Цицерономъ въ глубокой скорби о смерти дочери, Тулліи, которую очень любилъ онъ (трактатъ, который мы имѣемъ подъ заглавіемъ Consolatio, приписанъ ему ошибочно). Отъ сдѣланной Цицерономъ переработки „Тимея" Платона дошелъ до насъ только отрывокъ. Отъ его трактата „Академическія изслѣдованія (Academicae Questiones)", излагавшаго философію Платона и его преемниковъ въ Академіи, написаннаго въ разговорной формѣ и состоявшаго изъ четырехъ книгъ, до насъ дошли только первая книга во второй редакціи и вторая книга въ первой редакціи. Кромѣ всего этого, старикъ, часто страдавшій безсонницею, написалъ тогда еще нѣсколько трактатовъ превосходныхъ по содержанію и по формѣ, принадлежащихъ къ числу самыхъ лучшихъ его произведеній и дошедшихъ до насъ вполнѣ. Изъ нихъ назовемъ сначала четыре большіе трактата: 1) „О величайшемъ благѣ и величайшемъ злѣ" (De finibus bonorum et malorum), разговоръ, состоящій изъ пяти книгъ, излагающій и подвергающій разбору основныя ученія эпикурейцевъ, стоиковъ, академиковъ и перипатетиковъ о цѣли жизни и о томъ, въ чемъ должно ставить истинное счастье. Торкватъ излагаетъ эпикурейское ученіе о нравственности; Цицеронъ возражаетъ ему; Катонъ излагаетъ ученіе стоиковъ; Цицеронъ тоже возражаетъ ему; наконецъ Пизонъ излагаетъ нравственныя ученія Старой Академіи и перипатетиковъ. 2) „Тускуланскія бесѣды" (Tusculanae disputationes), трактатъ въ пяти книгахъ, имѣющій своею цѣлью, по опредѣленію самого Цицерона (De divinatione II, 1), изложить понятія о томъ, что необходимо для счастья. Въ первой книгѣ говорится о презрѣніи къ смерти; во второй, о перенесеніи страданій; въ третьей, о средствахъ смягчить печаль; въ четвертой, о средствахъ одолѣвать другія душевныя волненія, нарушающія счастье; въ пятой книгѣ излагается мысль, дѣлающая величайшую честь философіи: добродѣтель сама по себѣ ужь достаточное счастье. „Тускуланскія бесѣды"—самое знаменитое изъ философскихъ произведеній Цицерона; оно богато блестящими страницами, прекрасными разсказами; потому занимательно въ чтеніи; но слогъ его мѣстами небреженъ; видно, что оно писано на-скоро. 3) Религіозно-философскіе трактаты „О сущности боговъ" (De natura deorum), „О гаданіяхъ" (De divinatione) и „О судьбѣ" (De fato), соединяемые нами въ одну группу, имѣютъ очень важное значеніе, потому что въ нихъ излагаются религіозныя ученія важнѣйшихъ философскихъ школъ того времени по греческимъ источникамъ, которые погибли. Текстъ сильно испорченъ пропусками и интерполяціями; слогъ неровенъ, мѣстами шероховатъ. Въ первой книгѣ трактата „О сущности боговъ", написаннаго въ разговорной формѣ, Веллей излагаетъ ученіе эпикурейцевъ, во второй Луцій Бальбъ ученіе стоиковъ; академикъ Котта опровергаетъ и того и другого. Въ тѣсной связи съ этимъ трактатомъ находится изслѣдованіе „О гаданіяхъ", ясный, свободный отъ предразсудковъ разборъ обычныхъ формъ гаданія о волѣ боговъ и ученія стоиковъ, что возможно разгадывать будущее по выводамъ изъ наблюденій. Пополненіемъ къ изслѣдованію о возможности гаданій служитъ трактатъ „О судьбѣ", дошедшій до насъ въ испорченномъ видѣ; Цицеронъ въ этомъ изысканіи раскрываетъ внутреннія противорѣчія, заключающіяся въ ученіи стоиковъ о судьбѣ. 4) Для своего сына Марка, учившагося тогда въ Аѳинахъ, Цицеронъ написалъ трактатъ „Объ обязанностяхъ", состоящій

«Утѣшеніе». «Академическія изслѣдованія». «О величайшемъ благѣ и величайшемъ злѣ». «Тускуланскія бесѣды». «О сущности боговъ». «О гаданіяхъ». «О судьбѣ». «Объ обязанностяхъ».

изъ трехъ книгъ, руководство къ изученію нравственной философіи. Изъ всѣхъ философскихъ произведеній Цицерона самое любимое публикою было, какъ мы говорили, „Тускуланскія бесѣды"; самымъ любимымъ послѣ нихъ былъ этотъ трактатъ. Двѣ первыя книги его, излагающія ученіе о нравственно хорошемъ и о полезномъ представляютъ переработку трактата Панетія, философа стоической школы; въ третьей книгѣ, говорящей о случаяхъ столкновенія между полезнымъ и нравственно хорошимъ, Цицеронъ излагаетъ собственныя мысли о томъ, какъ долженъ поступать государственный человѣкъ при столкновеніи разныхъ обязанностей. Богатство вѣрныхъ выводовъ изъ опыта жизни, благородный образъ мыслей, простое, ясное изложеніе даютъ высокое достоинство этому трактату Цицерона.—Кромѣ перечисленныхъ нами трактатовъ, сохранились два небольшія философскія произведенія его, посвященныя Аттику: „Катонъ старшій, или о старости" (Cato major seu de senectute) и (подражаніе Ѳеофрасту) „Лелій, или о дружбѣ" (Laelius seu de amicitia); оба они превосходны и по благородству содержанія и по изяществу формы.— Въ своихъ „Парадоксахъ" Цицеронъ даетъ ораторское развитіе шести основнымъ афоризмамъ нравственнаго ученія стоиковъ (Нравственно хорошее—единственное хорошее";—„Добродѣтель достаточна для счастія";— „Только мудрый свободенъ; неразумный человѣкъ—рабъ";—„Всѣ хорошіе поступки равно хороши, всѣ дурные равно дурны", и проч.).—Отъ поэтическихъ и историческихъ произведеній Цицерона дошли до насъ лишь небольшіе отрывки.

«Катонъ». «Лелій».

Подобно прозаикамъ, писали подъ греческимъ вліяніемъ и были однакоже въ значительной степени самостоятельны римскіе поэты этого періода. Титъ Лукрецій Каръ, написавшій обширную поэму «о природѣ», посвященную имъ другу его, Меммію, поэту и политическому дѣятелю, заимствовалъ содержаніе своего поэтическаго труда изъ ученія Эпикура, а форму у Эмпедокла; но въ обработкѣ своей тэмы, съ трудомъ поддающейся поэтическому изложенію, онъ выказалъ такое геніальное мастерство, и описанія природы у него такъ прекрасны, что его справедливо причисляютъ къ величайшимъ римскимъ поэтамъ.—Археологъ Теренцій Варронъ, объ ученыхъ трудахъ котораго мы уже говорили, сообщилъ римлянамъ въ своихъ многочисленныхъ трудахъ огромную массу свѣдѣній о греческой поэзіи, а въ своихъ «Мениппoвскихъ сатирахъ» взялъ образцомъ себѣ малоизвѣстнаго философа цинической школы, Мениппа, уроженца сирійскаго города Гадары. И однакожь, онъ въ этомъ произведеніи самостоятеленъ. Въ его сатирахъ проза и стихи перемежались; картины нравовъ были обрисованы весело, живо, остроумно, языкъ былъ оригиналенъ; Варронъ былъ истинный римлянинъ старыхъ строгихъ понятій о нравственности; его сатиры были послѣднимъ свѣжимъ отпрыскомъ народной италійской поэзіи, разгонявшей заботы веселыми пѣснями, и онъ осмѣивалъ хитросплетенія греческихъ философовъ, между прочимъ и циниковъ, съ такою же ѣдкостью, какъ изобличалъ пороки римлянъ. Знаменитые элегическіе поэты: пламенный Катуллъ, нѣжный Тибуллъ и блестящій Проперцій были по формѣ

Римская поэзія

стиха и по технической отдѣлкѣ своихъ произведеній подражателями александрійскихъ поэтовъ, въ особенности Каллимаха (III, стр. 413); и однако же очевиденъ римскій характеръ и въ сильной, страстной чувственности Катулла, и въ нѣжной мечтательности Тибулла, и въ кипучей силѣ фантазіи Проперція; у всѣхъ трехъ въ чужую форму вложено родное, италійское содержаніе.—Далеко превосходящій ихъ знаменитостью Публій Виргилій Маронъ подражаетъ въ своей эпопеѣ Гомеру, въ своихъ буколикахъ Ѳеокриту, но съ такимъ мастерствомъ, что никогда не утрачиваетъ оригинальности; и его эпопея, связывающая Римъ Августа съ легендами священной старины, представляетъ собою великолѣпнѣйшій памятникъ народной римской гордости; а его превосходная дидактическая поэма о сельскомъ хозяйствѣ, «Георгики», служащая теплымъ выраженіемъ старинной любви римлянъ къ земледѣлію, имѣетъ и по содержанію и по формѣ національный характеръ, мѣстный колоритъ. — Изящный, остроумный Квинтъ Горацій Флаккъ въ своихъ одахъ, разнообразныхъ по размѣрамъ строфъ, превосходныхъ по правильности и по благозвучію языка, подражалъ греческимъ лирикамъ, въ особенности Алкею и Сапфо (II, стр. 335), въ своихъ эподахъ—ямбамъ Архилоха, въ своей дидактической поэмѣ о поэтическомъ искусствѣ доказывалъ превосходство греческой версификаціи надъ народнымъ италійскимъ размѣромъ; но въ своихъ «Сатирахъ» (Sermones) и поэтическихъ посланіяхъ онъ самостоятеленъ; онъ въ этихъ произведеніяхъ является преемникомъ Луцилія (III, стр. 613), съ добродушною ироніею и съ полнымъ соблюденіемъ нравственнаго достоинства пересматриваетъ всѣ стороны римской жизни, судитъ о нихъ съ веселою снисходительностью аристипповской морали; онъ истинное дитя августова вѣка, просвѣщеннаго и любящаго наслаждаться. Публій Овидій Назонъ, мастерски владѣющій стихомъ и граціозный разсказчикъ, передавалъ въ своихъ «Метаморфозахъ» и «Героидахъ» греческіе миѳы и легенды, часто дѣлалъ тоже и въ своихъ эротическихъ поэмахъ; но онъ превосходно умѣлъ одѣвать роскошными свѣжими листьями и цвѣтами сухой хворостъ александрійскихъ поэтовъ, давать оригинальную жизнь заимствованному матеріалу; въ своемъ «Календарѣ» (Fasti) онъ показалъ, что религіозныя преданія римлянъ и старо-италійскіе праздники не лишены поэзіи, а въ «Грустныхъ посланіяхъ» изъ далекой ссылки онъ является сыномъ своего изнѣженнаго времени, привыкшимъ находить пріятной только столичную жизнь. Даже эзоповская басня получила италійскій характеръ, приняла исключительно практическое направленіе въ рукахъ Федра, хотя говорятъ, что онъ ѳракіецъ, невольникъ, освобожденный Августомъ. Его изложеніе вообще слишкомъ кратко, сухо, безжизненно; но языкъ простъ, чистъ, правиленъ, а то, что важнѣйшую часть его басни составляетъ мораль, афоризмъ житейскаго благоразумія, должно

было нравиться римлянамъ, разсудительному народу практической жизни.

Лукрецій Каръ. Родился около 98; умеръ 55.

Современникъ Цицерона, Титъ Лукрецій Каръ, человѣкъ знатнаго рода, задумалъ изложить въ формѣ поэмы сухую, непоэтическую философію Эпикура, на языкѣ, еще мало приспособленномъ къ выраженію абстрактныхъ понятій. Задача была очень трудная. Но чѣмъ неблагодарнѣе поэма, на обработку которой употребилъ свое дарованіе поэтъ, тѣмъ большаго удивленія заслуживаетъ мастерство, съ какимъ онъ, отчетливо излагая систему, построенную на силлогизмахъ, съумѣлъ удовлетворить требованіямъ поэзіи, одинаково интересовать и абстрактное мышленіе и фантазію. Цѣль его поэмы „О природѣ" (De natura rerum) состоитъ въ томъ, чтобы через ознакомленіе людей съ ученіемъ Эпикура освободить ихъ отъ религіозныхъ преданій и предразсудковъ, избавить отъ боязни смерти и посмертнаго возмездія, разрушить всякое религіозное суевѣріе, разъяснить истинное происхожденіе настоящаго устройства вселенной, сущность природы, и тѣмъ возвести людей къ благороднымъ, мужественнымъ чувствамъ и къ личной свободѣ. Эту задачу онъ исполняетъ съ энтузіазмомъ, съ пламеннымъ краснорѣчіемъ, оживляетъ абстрактныя мысли картинными описаніями. Итакъ, въ изложеніе отвлеченнаго ученія о природѣ, онъ вноситъ нравственную тенденцію. Онъ объясняетъ происхожденіе и будущее разрушеніе нынѣшняго устройства вселенной дѣйствіемъ механическихъ силъ, какъ училъ Эпикуръ; говоритъ, что устройство вселенной произведено случайнымъ сочетаніемъ атомовъ вѣчной матеріи, что боги не заботятся о природѣ и людяхъ *), что душа, подобно тѣлу, снова распадается по смерти на элементы, изъ которыхъ составилась **); онъ рѣзко опровергаетъ ученіе стоиковъ о божественномъ промыслѣ и о безсмертіи души; онъ хочетъ освободить человѣка отъ стѣснительной боязни, внушить ему, что онъ долженъ надѣяться лишь на самого себя, что сила воли — единственный источникъ душевнаго спокойствія и счастья; что смерть, вѣчный отдыхъ отъ волненій надежды и страха, лучше жизни, что нѣтъ страданій послѣ смерти, что человѣкъ страдаетъ только, пока живъ, пока страсти мучатъ его сердце; что человѣкъ долженъ стремиться къ уравновѣшенію своихъ влеченій, что душевное спокойствіе дается только твердостью воли, благородствомъ чувствъ, что счастливъ только человѣкъ, умѣющій пренебрегать обманчивыми, мнимыми благами и возвышаться сердцемъ надъ случайностями жизни. — Мысли и языкъ Лукреція энергичны, сила чувства часто даетъ величественность его изложенію мыслей, оживляе-

---

*) Боги по своей природѣ должны наслаждаться безсмертною жизнью въ блаженномъ спокойствіи, далекіе отъ нашихъ дѣлъ и заботъ; довлѣющіе сами себѣ, они не нуждаются въ насъ; наши заслуги и наши желанія не дѣйствуютъ на нихъ». (De natura rerum, пѣснь I).

Итакъ, Лукрецій и объ этомъ, какъ и о многомъ другомъ, думалъ подобно Эннію, который говорилъ: «Конечно, есть боги небожители; но я думаю, что они не заботятся объ участи людей».

**) «Душа—часть человѣка, она занимаетъ въ тѣлѣ опредѣленное мѣсто, какъ глаза или уши или другіе органы чувствъ; и какъ рука, глазъ или носъ, отдѣленные отъ тѣла, не могутъ чувствовать, не могутъ и продолжать свое существованіе, скоро исчезаютъ истлѣвъ, такъ и душа не можетъ существовать отдѣльно отъ тѣла человѣка, съ которымъ соединена». (De nat. rerum, пѣснь III).

му прекрасными описаніями и, гдѣ надобно, ироніей. Нѣкоторыя изъ его описаній показываютъ могущество творческой фантазіи, напримѣръ описаніе чумы въ Аѳинахъ по Ѳукидиду, находящееся въ VI пѣснѣ его поэмы. Но есть у Лукреція устарѣлыя выраженія, слогъ его лишенъ изящества, стихъ лишенъ благозвучія. Гекзаметръ его движется могущественно, но тяжело.

Виргилій Маронъ 70—19. Публій Виргилій Маронъ, родившійся въ 70 году, въ мѣстечкѣ Андѣ, близъ Мантуи, былъ добродушный, скромный человѣкъ; за благородный, милый характеръ, чуждый высокихъ претензій, за образованность, за поэтическій талантъ, Августъ и приближенные императора оказывали ему почетъ. Онъ учился сначала въ Кремонѣ и въ Миланѣ, потомъ усердно занимался греческимъ языкомъ и литературой въ Неаполѣ подъ руководствомъ преподавателя и поэта Парѳенія; въ 47 году онъ пріѣхалъ въ Римъ и продолжалъ расширять свои многостороннія свѣдѣнія. Проживъ тамъ два года, онъ вернулся на родину; потому что слабое здоровье не дозволило ему посвятить себя политической дѣятельности, слишкомъ тяжелой для него; онъ хотѣлъ заниматься хозяйствомъ въ своемъ имѣньѣ и поэтическими трудами. По совѣту Азинія Полліона, бывшаго въ 42 году правителемъ Транспаданской Галліи, онъ сталъ писать буколики (или эклоги), въ которыхъ подражалъ Ѳеокриту, иногда буквально переводилъ его и подъ идиллическими формами и именами изображалъ дѣла и людей своего

Буколики. времени, отчасти и факты своей жизни. Черезъ нѣсколько времени, при раздачѣ земель ветеранамъ Цезаря, его имѣнье попало въ число отнимаемыхъ у владѣльцевъ для отдачи воинамъ. У Виргилія было написано тогда три эклоги: „Алексисъ“ (она въ собраніи его эклогъ помѣщена на 2-мъ мѣстѣ), „Палемонъ“ (эклога III) и „Дафнисъ“ (эклога V). Азиній Полліонъ показалъ тріумвиру Октавіану послѣднюю изъ этихъ идиллій, въ которой подъ буколической формою восхваляется Цезарь; это пріобрѣло Виргилію покровительство Октавіана. Виргилій всю жизнь оставался благодаренъ ему за сохраненіе своего имѣнья и другія милости. Слѣдующая идиллія его „Титиръ“ (эклога I) была прославленіемъ Августа, „божественнаго юноши“. Послѣ перузійской войны Анду и имѣнью Виргилія снова грозила конфискація. Альфенъ Варъ, которому посвятилъ Виргилій свою VI эклогу („Силенъ“) не могъ остановить воиновъ, хотѣвшихъ взять себѣ имѣнье Виргилія, и онъ принужденъ былъ бѣжать. На виллѣ своего учителя Сирона онъ написалъ идиллію „Мерисъ“ (эклога IX), въ которой разсказалъ свою судьбу *); по просьбѣ Полліона и Мецената, Октавіанъ возвратилъ ему имѣнье (въ 40 году). Въ благодарность за покровительство, онъ въ IV эклогѣ прославилъ Полліона и назвалъ его новорожденнаго сына гражданиномъ золотого вѣка, восхвалялъ его и въ VII эклогѣ (Pharmaceutria). Послѣднюю (X) эклогу Виргилій посвятилъ своему другу, поэту Корнелію Галлу.

Изъ этихъ свѣдѣній о происхожденіи эклогъ Виргилія ужь ясно, что онѣ не могли быть ни по языку, ни по тону похожи на буколики Ѳеокрита; дѣйствительно, у римскаго подражателя сицилійскому поэту нѣтъ ни малѣйшаго слѣда граціозной естественности идиллій. Ѳеокритъ передавалъ безъискусственную жизнь сельскихъ простолюдиновъ ихъ языкомъ, не влагалъ въ ихъ разговоры чуждыхъ имъ понятій и чувствъ высшихъ сословій; потому содержаніе у него гармонируетъ съ формой. Пастухи Виргилія

*) «Ликидъ, мы дошли до бѣды, какой не ждали: чужой отнялъ у насъ нашу землю, сказавъ: Все это мое; прочь отсюда, прежніе владѣльцы!»

говорятъ языкомъ образованной римской знати, переносятъ на луга и въ лѣса мысли и заботы столичнаго общества. Они не сицилійскіе или аркадскіе пастухи, а переодѣвшіеся пастухами свѣтскіе люди, авторъ влагаетъ въ ихъ разговоръ свои собственныя мысли и чувства. Буколики Виргилія не наивныя изображенія простой сельской жизни, не сцены изъ быта пастуховъ; онѣ имѣли вовсе не ту цѣль, чтобы заинтересовать читателей вѣрностью природѣ; онѣ часто служатъ лишь рамками, въ которыя онъ влагаетъ полу-прикрытыя идиллической оболочкою политическіе факты; онъ пользуется буколической формой для того, чтобы деликатнымъ образомъ восхвалять и льстить. Словомъ, буколическая поэзія у Виргилія—искусственная; она служитъ ему средствомъ выраженія его собственныхъ чувствъ и желаній. Но при всѣхъ этихъ недостаткахъ его идилліи богаты хорошими описаніями, языкъ ихъ изященъ, стихъ гладокъ и правиленъ, а въ тѣхъ мѣстахъ, въ которыхъ живо затронуто сердце автора, есть и теплота чувства.

И по содержанію и по тону похожи на Эклоги Виргилія четыре пьесы, которыя тоже приписываются ему, но составляютъ вѣроятно лишь подражаніе его идилліямъ: «Комаръ» (Culex), маленькая эпическая поэма Ciris, и двѣ маленькія картины изъ простонароднаго быта, очень живыя и вѣрныя дѣйствительности: Moretum (сельское римское блюдо, подобное винегрету) и Copa (хозяйка сельской гостинницы).

Георгики. Когда послѣ битвы при Акціумѣ начались въ Италіи спокойныя времена, Виргилій сталъ жить попеременно то въ Римѣ, то въ Неаполѣ, который нравился ему своимъ мягкимъ климатомъ. Въ Неаполѣ онъ написалъ, по совѣту Мецената, „Георгики“, („Сельское хозяйство“); цѣлью этой дидактической поэмы было оживить въ римлянахъ любовь къ земледѣлію, приведенному въ упадокъ междоусобіями и конфискаціями земель для раздачи ветеранамъ. Виргилій убѣждаетъ римлянъ возвратиться къ этому національному занятію, доказывая, что оно—вѣрнѣйшее средство возстановить потрясенное ихъ благосостояніе. Поэма раздѣлена на четыре книги. Первая изъ нихъ говоритъ о земледѣліи, вторая о садоводствѣ и о винодѣліи, третья о скотоводствѣ, четвертая о пчеловодствѣ. Содержаніе поэмы, какъ видимъ, не пригодно для возбужденія поэтическаго одушевленія; но все таки она—мастерское произведеніе. Хорошія качества характера Виргилія и сильныя стороны его таланта блистательно выказываются въ ней. „Георгики—превосходнѣйшее изъ всѣхъ произведеній дидактической поэзіи древняго міра“, говоритъ Бернгарди: „знаніе дѣла, изящный вкусъ, теплота чувства гармонически соединены въ этой поэмѣ. По богатству свѣдѣній, по нравственной чистотѣ, она прекраснѣйшій памятникъ истинно гуманной образованности. Благородствомъ чувства, благозвучіемъ стиха, изяществомъ слога она превосходитъ всѣ другія дидактическія поэмы древней поэзіи“. Въ „Георгикахъ“ вполнѣ выразились добродушіе Виргилія, его глубокое уваженіе къ трудолюбивой, нравственно-чистой жизни поселянина, его собственное влеченіе къ спокойному счастію этого скромнаго быта, близкое знакомство его съ сельскимъ хозяйствомъ, наблюдательность его. Правда, „Георгики“ лишь рядъ картинъ, связь между которыми слаба; но каждый изъ этихъ эпизодовъ самъ по себѣ прекрасное цѣлое, богатое содержаніемъ, превосходно отдѣланное.

Какъ буколики, такъ и дидактическая поэма Виргилія имѣли много подражателей; но отъ ихъ произведеній не дошло до насъ почти ничего, кромѣ заглавій. Вальгій Руфъ написалъ поэму о травахъ, посвященную Августу; Эмилій Макръ (уроженецъ Вероны)

написалъ, по образцу Никандра, поэмы о разведеніи домашней птицы и о средствахъ противъ укушенія змѣй; Граціанъ Фалискъ, другъ Овидія, написалъ поэму объ охотѣ (Cynegetica), это произведеніе, хотя въ испорченномъ и неполномъ видѣ, дошло до насъ.

Энеида. Кончивъ „Георгики“, Виргилій сталъ писать обѣщанную имъ Октавіану эпопею „Энеиду“, возбуждавшую такія высокія ожиданія, что Проперцій говорилъ:

«Отступите народъ и римскіе, и греческіе поэты: рождается нѣчто болѣе великое, нежели Иліада».

Виргилій усердно трудился, чтобъ оправдать эти ожиданія. Онъ изучалъ Гомера, киклическихъ поэтовъ, эпическія поэмы александрійскаго періода, изучалъ римскихъ эпическихъ поэтовъ, отъ Эннія и Невія до Лукреція, изучалъ по трудамъ Катона и Варрона италійскую археологію, древнѣйшую исторію италійскихъ городовъ. Чтобъ имѣть болѣе досуга для работы надъ своей поэмою, онъ поѣхалъ въ Грецію; въ Аѳинахъ увидѣлся съ нимъ Октавіанъ, возвращавшійся съ Востока, и убѣдилъ его вернуться въ Италію. Но едва вышелъ на берегъ въ Брундизіѣ, онъ занемогъ и умеръ, не успѣвъ дать окончательную отдѣлку своей поэмѣ. Говорятъ, что, умирая, онъ хотѣлъ сжечь ея рукопись, что его друзья, Тукка и поэтъ Варій удержали его отъ этого своими просьбами, и что онъ поручилъ имъ выбросить изъ рукописи неудачныя мѣста, но не прибавлять ничего. Этимъ объясняется то, что въ „Энеидѣ“ многіе стихи не полны.—Виргилій былъ похороненъ близъ Неаполя. Тамъ долго показывали его гробницу.

«Энеида» раздѣлена на 12 пѣсень. Она пересказываетъ легенды о странствованіяхъ Энея, божественнаго предка римлянъ и въ частности предка рода Юліевъ, и передаетъ преданіе о томъ, что онъ съ своими троянцами поселился въ Лаціумѣ. Планъ поэмы составленъ хорошо, разсказъ ведется спокойнымъ, прекраснымъ языкомъ. Тэма, дававшая широкую свободу пользоваться поэтическимъ богатствомъ греческихъ легендъ, была хороша и сама по себѣ; притомъ она имѣла высокій интересъ для Рима временъ Августа, потому что герой былъ предкомъ римлянъ и повелителя ихъ; она проникнута патріотическимъ чувствомъ; описанія первобытныхъ временъ превосходны; въ разсказъ введены всѣ тѣ города и мѣстности, которыя играли важную роль въ римскихъ преданіяхъ, были знакомы каждому римлянину съ дѣтскихъ лѣтъ, были милы ему по историческимъ воспоминаніямъ, по обычаямъ и священнымъ обрядамъ, возникновеніе которыхъ преданіе соединяло съ ихъ именами. Цѣль всего эпическаго дѣйствія въ «Энеидѣ»— основаніе города Рима, владычествующаго теперь надъ всѣми цивилизованными странами подъ счастливымъ правленіемъ Августа, потомка Энея. Великая будущность, предназначенная Риму богами, какъ говорится объ этомъ въ поэмѣ, осуществилась при Августѣ; какъ ни велики были затрудненія, какія противопоставлялись дѣлу основанія римскаго государства враждою людей и нѣкоторыхъ изъ боговъ, всѣ они были преодолѣны Энеемъ при покровительствѣ другихъ болѣе могущественныхъ боговъ, и только служили къ славѣ его. Этотъ божественный національный герой, предокъ Ромула и Юліевъ, достойный представитель римскаго народа. Онъ обладаетъ всѣми качествами, возвеличившими римлянъ: твердостью воли, увѣренностью въ покровительствѣ боговъ и въ своихъ силахъ, благочестіемъ, мужествомъ; въ исторію его уже вплетена завязка вражды, которая произвела долгую борьбу между Римомъ и Карѳагеномъ, великую борьбу, оставившую въ груди побѣдителей неизгладимую ненависть къ побѣжденному Карѳагену. Все то, что имѣло рѣшающую силу въ ходѣ развитія римскаго государства, высказывается поэмою Виргилія подъ формою пророчества или обрисовывается въ туманныхъ эскизахъ предчувствія. Владычество рода Юліевъ надъ римскою имперіею является въ «Энеидѣ» результатомъ воли боговъ, рѣшившихъ, что этимъ будетъ дано счастье Риму; кровавый путь, которымъ Юліи достигли господства надъ Римомъ, прикрывается заманчивымъ поэтическимъ вымысломъ; счастливое настоящее провозглашается исполненіемъ того, что было предначертано волею боговъ въ священномъ давно прошедшемъ. Все это придавало во мнѣніи римлянъ высокое достоинство содержанію «Энеиды»; привлекательны были и художественныя достоинства ея формы: прекрасный языкъ, благозвучіе стиха, превосходныя описанія величественныхъ явленій природы и могучихъ порывовъ страстей; катастрофы, производимыя гнѣвомъ Юноны, увеличиваютъ завлекательность разсказа, нѣсколько разъ давая новое направленіе ходу дѣйствія; точность, съ какою описаны мѣстности, показываетъ обширность учености автора поэмы. Понятно, что «Энеида» стала гордостью императорскаго Рима, что во все продолженіе среднихъ вѣковъ люди, читавшіе по-латыни, восхищались ею, что вдохновенный авторъ ея сталъ предметомъ благоговѣйнаго уваженія, что ему была приписана волшебная мудрость и сила, что его личность была окружена миѳическимъ ореоломъ, что Сервій, Донатъ, другіе комментаторы, писали объясненія къ «Энеидѣ», что изъ стиховъ и полустишій этой поэмы слагаемы были цѣлыя новыя поэмы (центоны). Даже отцы Церкви и христіанскіе писатели среднихъ вѣковъ ссылались на Виргилія, приводили его пророчества въ подтвержденіе своихъ мыслей. Но критика нашего времени не раздѣляетъ прежняго преувеличеннаго восхищенія «Энеидою». Она не отрицаетъ художественныхъ достоинствъ этой поэмы, не отрицаетъ того, что Виргилій имѣлъ громадный талантъ; но у него нѣтъ поэтическаго одушевленія, нѣтъ вѣры ни въ силы собственнаго генія, ни въ истину передаваемыхъ имъ священныхъ легендъ, ни богатой творческой фантазіи, ни дара ясными и твердыми чертами обрисовывать характеры. Его фантазія не переноситъ въ героическій міръ, не умѣетъ отчетливо представить себѣ фигуры боговъ и героевъ, пластично изобразить ихъ съ художественною правдою; онъ создавалъ лишь неопредѣленные образы, его боги и герои—блѣдныя отраженія современныхъ ему людей, чудеса миѳовъ онъ передѣлалъ въ современномъ прозаическомъ духѣ, онъ смѣшалъ разныя времена, разныя степени культуры; въ его фигурахъ нѣтъ жизни, нѣтъ свободы движеній. Эней — пассивное орудіе судьбы, онъ лишь исполняетъ дѣла, возлагаемыя на него даннымъ ему отъ боговъ предназначеніемъ, у него нѣтъ самостоятельности; онъ не способенъ предпринять, что нибудь по собственной волѣ. Онъ болѣе великъ на словахъ, чѣмъ на дѣлѣ. Истинно поэтическое лицо въ «Энеидѣ» лишь одно — Камилла; описаніе геройской смерти этой дѣвушки — самое лучшее, самое увлекательное мѣсто поэмы. По выраженію Гердера, Виргилій самъ былъ похожъ характеромъ на дѣвушку; его талантъ былъ болѣе способенъ къ мягкимъ тонамъ, къ изображенію нѣжныхъ чувствъ, къ обрисовке женскихъ характеровъ, чѣмъ къ разсказамъ о мужественныхъ чувствахъ и подвигахъ. Въ немъ ужъ есть элементы романтической эпопеи среднихъ вѣковъ.

Катуллъ 87–54. Квинтъ Валерій Катуллъ родился въ 87 году близъ Вероны, въ отцовскомъ имѣньѣ на берегу прелестнаго Гардскаго озера. Отецъ его, потомокъ знатнаго рода Валеріевъ, другъ Юлія Цезаря и другихъ могущественныхъ людей, оставилъ ему довольно значительное состояніе, доходы съ котораго однако были, кажется, не всегда достаточны для молодого человѣка, любившаго веселиться; по крайней мѣрѣ онъ жалуется, что „кошелекъ его покрылся паутиной“. Онъ жилъ вдали отъ большого свѣта и отъ политическихъ дѣлъ, то въ Римѣ, то на виллѣ близъ Тибура, то неподалеку отъ родного города, на Сирміонскомъ мысѣ, гдѣ стоялъ его отцовскій домъ. По смерти брата, который умеръ въ Малой Азіи, въ Троадѣ, и смерть котораго онъ оплакивалъ въ своихъ стихотвореніяхъ, онъ поселился въ Римѣ, и пользовался тамъ дружбою Цицерона, Корнелія Непота, Гортензія, Меммія, другихъ замѣчательныхъ людей. Когда Мем-

мій былъ назначенъ пропреторомъ въ Виѳинію, Катуллъ поѣхалъ туда съ нимъ. Но кажется, что философія Лукреція не предохранила дружнаго съ нимъ Меммія отъ пороковъ и безразсудствъ; по крайней мѣрѣ Катуллъ жалуется, что „имѣлъ преторомъ развратника, не заботившагося о своей свитѣ“.

Катуллъ велъ безпорядочную жизнь артиста, «подобную огню, который, радуя другихъ своимъ свѣтомъ, пожираетъ себя». Нравы круга, въ которомъ вращался онъ, вѣроятно, были не очень строги. Онъ былъ любовникомъ знатной римлянки, которую называетъ Лесбіею; многіе полагаютъ, что это была сестра извѣстнаго трибуна Клодія, которую Цицеронъ въ рѣчи за Целія выставляетъ женщиною развратной жизни. «Лесбія» измѣнила ему; онъ послѣ тяжелой борьбы съ собою разорвалъ связь съ нею, но сердце его было растерзано. Эта рана была неисцѣлима, какъ онъ говоритъ. Онъ умеръ, когда былъ еще далекъ отъ старости. Его стихотворенія пользовались большою славою и вызвали многихъ подражателей. До насъ дошло собраніе 116 его піэсъ, посвященное Корнелію Непоту. Текстъ ихъ сильно испорченъ. Нѣкоторыя изъ его стихотвореній—подражаніе греческимъ, въ особенности александрійскимъ поэтамъ, другія выражаютъ его собственныя чувства. Эти самостоятельныя піэсы очаровательны; есть между ними гнѣвныя, язвительныя; есть нѣжныя, кроткія. «Для Катулла предметъ поэзіи только то, что чувствуетъ онъ», говоритъ его нѣмецкій переводчикъ, Прессель: «Онъ пишетъ стихи подъ властью ненависти или любви, радости или печали, передаетъ исключительно настроенія своей души, хотя бъ и мимолетныя. Потому отъ его стихотвореній вѣетъ свѣжестью, они произведенія минуты, непридуманныя, безъискуственныя». Изображаетъ ли онъ порывы чувственности словами, прямыми до неприличія, бичуетъ ли язвительными насмѣшками могущественныхъ людей, какъ напримѣръ Цезаря, онъ всегда оригиналенъ *). Въ немъ проявляются послѣднія силы умирающаго республиканскаго духа. Онъ превосходно владѣетъ языкомъ и стихомъ, хотя есть у него устарѣлыя выраженія.

«Ночное богослуженіе Венерѣ».

До недавняго времени приписывалась Катуллу знаменитая небольшая поэма Pervigilium Veneris, „ночное богослуженіе Венерѣ“, гимнъ, предназначенный для весенняго праздника этой богини. Но теперь критики согласны въ томъ, что эта реторическая, полная аффектаціи пьеса, языкъ которой имѣетъ не римскій характеръ, составляетъ памятникъ провинціальной (галльской) лирики II или III вѣка.

По установленіи монархическаго правленія, римская элегія была доведена до совершенства Тибулломъ и Проперціемъ. Элегіи третьяго знаменитаго лирическаго поэта Корнелія Галла, прославлявшаго въ своихъ піэсахъ Ликориду, не дошли до насъ. (Тѣ шесть Элегій, которыя приписывались ему, принадлежатъ гораздо болѣе позднему времени). Онъ былъ уроженецъ галльскаго города Forum Julii, человѣкъ высокаго общественнаго положенія, участникъ походовъ Августа, былъ правителемъ Египта, злоупотреблялъ своею властью, былъ преданъ за это суду и избавилъ себя

Галлъ.

*) Впрочемъ онъ самъ говоритъ, что не должно судить о его жизни по его сладострастнымъ до неприличія стихамъ:

«Ошибаетесь вы, думающіе по соблазнительности моихъ стихотвореній, что я человѣкъ безнравственный; поэтъ долженъ быть человѣкомъ скромной жизни, но его стихамъ скромность не нужна: они завлекательны тогда, когда сладострастны».

Притомъ во времена республиканской свободы рѣзкость выраженія, вѣроятно, менѣе шокировала, чѣмъ нынѣ.

отъ судебнаго приговора самоубійствомъ. Альбій Тибуллъ, принадлежавшій къ всаднической фамиліи, у которой часть богатства была отнята проскрипціями, родился около 54 года. Въ 30 году онъ сопровождалъ Марка Мессалу Корвина въ походѣ противъ аквитанцевъ. Этотъ могущественный другъ Августа былъ покровителемъ его; по возвращеніи изъ Аквитаніи, онъ, человѣкъ съ хорошимъ состояніемъ, обыкновенно жилъ въ своемъ имѣніи между Тибуромъ и Пренестомъ, наслаждаясь тихимъ досугомъ, бесѣдами друзей, первыми изъ которыхъ были Горацій и Овидій, любовью Деліи, а по ея измѣнѣ—любовью дѣвушки, которую онъ называетъ Немезидой. Онъ умеръ въ молодыхъ лѣтахъ, въ годъ смерти Варгилія.

Тибуллъ род. около 54, умеръ 19.

Изъ четырехъ книгъ Элегій, приписываемыхъ Тибуллу, несомнѣнно принадлежатъ ему только двѣ первыя, главное содержаніе которыхъ — его любовь къ Деліи, потомъ къ Немезидѣ. Шесть элегій третьей книги, говорящія о любви Лигдама и Неэры, написаны другимъ поэтомъ, который былъ нѣсколько моложе его; быть можетъ, Овидіемъ. Четвертая книга содержитъ въ себѣ «Панегирикъ Мессалѣ», произведеніе поэта съ посредственнымъ талантомъ, щеголяющаго ученостью и краснорѣчіемъ, и 14 граціозныхъ, нѣжныхъ, идилическихъ элегій и любовныхъ посланій, посвященныхъ любви Сульпиціи и Церинта. — Тибуллъ считался у римлянъ однимъ изъ величайшихъ лирическихъ поэтовъ. Это мнѣніе о немъ справедливо. Нѣжность, правдивость чувства, естественность и простота, ясность языка, художественность формы — неспоримыя его достоинства. Мало поэтовъ, равныхъ ему граціозностью и искренностью. Но его поэзіи недостаетъ иногда энергіи, нѣжность иногда переходитъ у него въ сантиментальность. Тибуллъ исключительно поэтъ любви; она и у него чувственная, какъ вообще въ древней поэзіи; но чувственность у него болѣе, чѣмъ у другихъ древнихъ эротическихъ поэтовъ, облагорожена и очищена идеализмомъ чувства. Въ немъ ужъ есть романтическіе элементы: преданность, вѣрность любимой женщинѣ, непрерывное колебаніе чувства между радостью и печалью. Милымъ фономъ его задушевной лирики служитъ прекрасная тихая сельская обстановка, придающая его піэсамъ идиллическій колоритъ. Богатая фантазія его рисуетъ множество поэтическихъ образовъ, его граціозность безъискусственна, смѣна гекзаметра и пентаметра даетъ гармоническій кадансъ его благозвучному стиху.

Секстъ Проперцій жилъ въ тѣ же годы, какъ Тибуллъ, и жизнь его шла почти тѣмъ же путемъ. Онъ родился въ Умбріи. Отецъ его лишился состоянія во время проскрипцій и, вѣроятно, былъ убитъ въ перузійской войнѣ. Проперцій съ ранней молодости поселился въ Римѣ, посвятилъ себя исключительно поэзіи, умеръ въ молодыхъ лѣтахъ. Онъ былъ хорошо принятъ у Мессалы, Мецената, быть можетъ, и у самого Августа, былъ друженъ съ Виргиліемъ, Галломъ, Овидіемъ. Судьба его была рѣшена знакомствомъ съ прелестною и даровитою гетерою Гостіею. Страстная любовь къ ней сдѣлала его эротическимъ поэтомъ. Элегіи о Цинтіи, какъ называетъ онъ Гостію въ своихъ стихахъ, разсказываютъ всю исторію его любви къ ней: восхищеніе дѣвушкой, одаренною всѣми совершенствами красоты, образованною, талантливою; наслажденіе любовью; самоотверженная преданность влюбленнаго, обидная измѣна дѣвушки, гнѣвъ отвергнутаго, ревность, примиреніе;—эти чувства образуютъ содержаніе Элегій Проперція, написанныхъ съ юношескою пламенностью страстной природы и чувственной фантазіи, но съ гордымъ мужествомъ римлянина. Далеко уступая Тибуллу граціозностью и нѣжностью, Проперцій далеко превосходитъ его силою пламенной страсти.

Проперцій род. 49; умеръ около 15.

Тибуллъ съ грустною нѣжностью жалуется на невѣрность любимой женщины; Проперцій выражаетъ свое негодованіе словами пылкаго гнѣва, доходитъ до презрѣнія ко всѣмъ женщинамъ. Пять лѣтъ длилась его любовь къ Цинтіи; его элегіи въ эти годы выражали всѣ оттѣнки любовныхъ отношеній, отъ упоенія чувственнымъ наслажденіемъ до холоднаго отреченія отъ дѣвушки, оскорбившей влюбленнаго въ нее; всѣ волненія чувства переданы у него полными, чистыми тонами, одинаково искренними и сильными; въ гнѣвѣ у него звучитъ горькая насмѣшка. Когда онъ, обѣднѣвшій, совершенно разочарованный, отрекся отъ измѣнившей ему гетеры, хотѣлъ посвятить себя ученымъ занятіямъ, его сила была уже сломлена. Цинтія умерла вскорѣ послѣ его разрыва съ нею; онъ написалъ элегію въ память ея (VI, 7) и скоро самъ послѣдовалъ за нею въ гробницу. Талантъ Проперція развился собственно въ области любви. Элегіи о Цинтіи, составляющія первую книгу его стихотвореній, собраны, кажется, имъ самимъ. Слѣдующія три книги состоятъ изъ стихотвореній разнаго содержанія; въ числѣ ихъ есть піэсы, написанныя въ честь Августа и Мецената; эти элегіи собраны по его смерти и расположены безъ всякаго порядка. Если бъ онъ прожилъ дольше, то вѣроятно сталъ бы писать эпическую поэму, заняться которой совѣтовалъ ему Меценатъ. Нѣкоторыя изъ піэсъ двухъ послѣднихъ книгъ могутъ считаться опытами обработки эпическаго матеріала.—Въ древности Проперцій не пользовался такою широкою популярностью, какъ Тибуллъ. Подобно александрійскимъ поэтамъ Каллимаху и Филету, которымъ подражалъ, онъ любилъ вставлять въ свои элегіи то длинные эпизоды изъ малоизвѣстныхъ миѳовъ, то краткіе намеки на нихъ; это придавало его стихамъ видъ щегольства ученостью и заглушало поэтическій пламень въ нихъ. Только тамъ, гдѣ онъ забываетъ о своихъ греческихъ образцахъ, слѣдуетъ исключительно внушенію собственнаго чувства, стихъ его становится полнозвученъ, согрѣтъ сильнымъ одушевленіемъ, увлекателенъ.— Другія его описанія производятъ такое впечатлѣніе, какъ будто между наслажденіемъ и пересказывающимъ его стихотвореніемъ лежитъ долгій промежутокъ тяжелой обработки, какъ будто авторъ ужъ не чувствуетъ наслажденія, а только любуется на свои воспоминанія о немъ.

Овидій 43 до Р. Х. и 17 по Р. Х.

Чувственная любовь, которая у Тибулла прикрывается завѣсою стыдливости, а у Проперція является безъ покрова, какъ законное право мужчины, принимаетъ характеръ сластолюбія у четвертаго великаго лирическаго поэта римлянъ, геніальнаго Публія Овидія Назона. Ни у кого изъ другихъ поэтовъ не отражаются такъ ясно, какъ у него, основныя черты начинающагося монархическаго времени, сладострастіе и легкомысліе образованнаго, блестящаго общества, и никто изъ другихъ поэтовъ не отдавался съ такимъ открытымъ увлеченіемъ, какъ онъ, сластолюбію этой эпохи изящества *)—Овидій Назонъ родился въ 43 году въ пелигнійской области, въ Сульмонѣ; онъ былъ сынъ зажиточнаго всадника, поселившагося въ Римѣ для того, чтобы дать хорошее воспитаніе двумъ сыновьямъ. Юноша посѣщалъ школы, рано сталъ писать стихотворенія, прекрасныя по формѣ, превосходныя по легкости стиха, показывавшія въ немъ большой талантъ. Отецъ, хотѣвшій сдѣлать сына юристомъ, очень досадовалъ на его занятіе поэзіею; досада была тѣмъ сильнѣе, что другой сынъ

*) «Пусть другіе хвалятъ старину; я называю себя счастливымъ, что родился въ нашъ вѣкъ, потому что настоящее нравится мнѣ. Не то въ немъ нравится мнѣ, что теперь добываютъ изъ земли много золота, привозятъ намъ жемчугъ съ далекихъ береговъ, выравниваютъ террасами вершины горъ для постройки мраморныхъ дворцовъ, оттѣсняютъ насыпями голубое море, а то, что владычествуетъ образованность, исчезаютъ грубые обычаи нашихъ предковъ». (Ars amandi, III, 113 слѣд.).

(старшій), юноша болѣе серьезный, рано умеръ *). Овидій подчинился волѣ отца, пріобрѣлъ юридическія знанія, занялъ маленькую должность на государственной службѣ, потомъ получалъ другія должности, пролагавшія ему дорогу къ высокой служебной карьерѣ; въ ранней молодости, онъ женился на дѣвушкѣ знатнаго рода, но, по его словамъ, не заслуживавшей уваженія своими правилами. Если отецъ думалъ женитьбою отвлечь его отъ общества вѣтренной молодости, отъ безпорядочной жизни, то обманулся въ надеждѣ: Овидій развелся съ женой; вѣроятно, онъ уже былъ тогда въ связи съ тою женщиною, которую воспѣваетъ въ своихъ Amores подъ именемъ Коринны. Не былъ счастливъ и новый бракъ; отъ второй жены родилась у Овидія дочь, Перилла; но родители жены нашли надобнымъ развести ее съ мужемъ. Тогда Овидій, уже покинувшій службу и безраздѣльно посвятившій себя поэзіи, совершенно отдался легкомысленной жизни въ кругу знатныхъ развратниковъ и гетеръ, но старался не попадать въ такія приключенія, которыя возбудили бъ о немъ слишкомъ шумную дурную славу. Жизнь его стала правильнѣе только когда онъ—уже не въ молодыхъ лѣтахъ—снова женился; третья жена его была изъ знатнаго рода Фабіевъ. Она была хорошая женщина, преданная мужу и въ счастьѣ и въ несчастьѣ. Женитьбою на ней онъ вошелъ въ высшій кругъ; былъ, кажется, близокъ даже къ Августу и его семейству. Онъ жилъ богато, у него бывали частыми гостями знаменитѣйшіе люди того времени. Но счастье его было разрушено неожиданнымъ ударомъ: Августъ сослалъ Овидія въ городъ Томы, стоявшій у Чернаго моря. Онъ долженъ былъ жить тамъ, на краю государства, вдали отъ удовольствій столицы, вдали отъ семейства и друзей; при его характерѣ, это было мучительнымъ бѣдствіемъ. Мы не имѣемъ точныхъ свѣдѣній, за что Августъ наказалъ его такъ сурово. По неопредѣленнымъ извѣстіямъ нѣкоторыхъ писателей можно полагать, что Овидій былъ свидѣтелемъ одного изъ любовныхъ приключеній Юліи и не донесъ о немъ отцу. Быть можетъ, онъ, авторъ „Науки любви", принадлежалъ къ числу интимныхъ соучастниковъ оргій дочери и внука императора, и Августъ наказаніемъ ему хотѣлъ отмстить за позоръ своего семейства. Напрасно старался Овидій смягчить гнѣвъ Августа смиренными поэтическими просьбами, напрасно просилъ заступничества вліятельныхъ друзей, ему пришлось провести послѣднія девять лѣтъ жизни подъ суровымъ небомъ негостепріимной скиѳской страны; силы его истощались въ тяжелой борьбѣ съ грустными чувствами, и онъ умеръ, въ 17 году по Р. Х., подавленный страданіями и лишеніями.

Въ произведеніяхъ Овидія отражается его жизнь. Онъ былъ лишенъ нравственной серьезности, благородныхъ стремленій, былъ слабъ душой; нѣтъ и въ произведеніяхъ его ни глубины, ни идеальности содержанія; онъ въ жизни искалъ только удовольствій, жаждалъ спокойнаго наслажденія въ кругу римскаго свѣтскаго общества, любилъ пріятныя бесѣды съ образованными людьми; такъ и его стихотворенія проникнуты душевнымъ довольствомъ человѣка, жизнь котораго идетъ пріятно, но часто имѣютъ ха-

*) «Еще ребенкомъ любилъ я жить въ царствѣ боговъ; муза влекла меня тайно заниматься ея искусствомъ. Часто отецъ говорилъ мнѣ съ упрекомъ: зачѣмъ тратишь ты время на такую безполезную работу? Вспомни: самъ Гомеръ умеръ не богачемъ. Его слова подѣйствовали на меня. Я сошелъ съ Геликона, сталъ стараться писать прозою,— но противъ моей воли, выходило у меня стихотвореніе; всегда, все, что писалъ я, само собою слагалось въ стихъ. (Tristia, VI, 10, стихи 19—26).

рактеръ легкомысленный, сладострастный; они писаны легко, и производятъ въ читателѣ пріятное настроеніе. „Произведенія Овидія“, говоритъ Бернгарди, „предназначены быть развлеченіемъ для образованныхъ людей, написаны съ изяществомъ свѣтскаго человѣка; это поэзія свѣтскаго общества“. Важнѣйшія достоинства ихъ—формальныя, техническія; Овидій очень легко владѣлъ языкомъ и стихомъ, былъ одаренъ живымъ воображеніемъ, способностью говорить изящно и занимательно. Никто изъ латинскихъ поэтовъ не превосходилъ Овидія плавностью, граціозностью стиха; языкъ его прекрасенъ, хотя не всегда правиленъ; писать стихи было для него наслажденіемъ, котораго онъ не портилъ скукою внимательной отдѣлки. Между латинскими поэтами нѣтъ равнаго ему тонкою наблюдательностью внѣшней стороны быта, а богатая фантазія его облекала все въ поэтическіе образы. Во многихъ его стихотвореніяхъ разлита шаловливая иронія. Овидій—истинный сынъ своего вѣка. Онъ выросъ при монархическомъ правленіи и совершенно чуждъ серьезныхъ политическихъ убѣжденій. Душевную и умственную пустоту, произведенную ихъ отсутствіемъ, онъ хочетъ наполнить чувственными наслажденіями и блестящею болтовнею. Потому она лишена серьезныхъ основъ и возвышенныхъ стремленій; она служитъ ему лишь пріятнымъ развлеченіемъ, источникомъ удовольствія.

Героиды.

Любовь, занимавшая такое важное мѣсто въ жизни Овидія, составляетъ содержаніе первыхъ его произведеній «Героидъ». Это вымышленныя посланія женщинъ или дѣвушекъ героическаго вѣка къ ихъ мужьямъ или милымъ, жалобы на разлуку, на измѣну любимаго человѣка или вообще на утрату его. До насъ дошло собраніе, въ которомъ помѣщены 21 этихъ стихотвореній; но только половина изъ нихъ дѣйствительно принадлежитъ Овидію. Это реторическія декламаціи въ стихахъ, лишенныя внутренней правды, но имѣющія довольно большое достоинство по изяществу формы.—«Эротическія

Amores.

стихотворенія» (Amores) Овидія составляютъ три книги. Это сцены и описанія изъ любовныхъ отношеній самого автора, отчасти дѣйствительныя воспоминанія, отчасти поэтическіе вымыслы. Главную роль въ нихъ играетъ Коринна, о которой мы не знаемъ ничего, кромѣ разсказываемаго этими стихотвореніями. Сладострастныя сцены и положенія обрисованы плавными стихами безъ всякаго прикрытія, но талантливо; это картины чувственности, возбуждающія физическое, а не душевное волненіе. Въ граціозной поэмѣ «объ искусствѣ украшать лицо» Овидій учитъ дѣвушку заботамъ о туалетѣ, разсказываетъ средства, помощью которыхъ она можетъ дѣлать себя миловидной. Эта небольшая поэма дошла до насъ въ испорченномъ видѣ. Послѣ того было написано Овидіемъ лучшее изъ его эротическихъ произведеній, дидактическая поэма въ трехъ книгахъ, «Наука любви» (Ars amandi) и прибавленіе къ ней, «Лекарства отъ любви» (Remedia amoris). Въ «Наукѣ любви» онъ разсказываетъ, какими средствами можно мужчинѣ пріобрѣсти любовь женщины, женщинѣ любовь мужчины, а въ «Лекарствахъ

«Наука любви». «Лекарства отъ любви».

отъ любви»—какими средствами можно избавить себя отъ «недостойныхъ цѣпей любви». Въ обѣихъ поэмахъ соблазнительное содержаніе разработано съ веселымъ, иногда ироническимъ легкомысліемъ, съ тонкою психологическою вѣрностью, съ большимъ знаніемъ человѣческаго сердца; планъ въ обѣихъ поэмахъ обдуманъ и выполненъ хорошо, форма изящна, стихъ правиленъ; въ обѣихъ видно всестороннее знаніе общества, отбросившаго строгія нравственныя понятія, и поэтъ безцеремонно раскрываетъ самые тайные уголки этого быта. «Наука любви»—произведеніе соблазнительное, потому что изображаетъ порокъ въ обольстительной оболочкѣ граціозности, сладострастіе въ милыхъ, веселыхъ

«Метаморфозы».

формахъ. — «Метаморфозы» («Превращенія») — поэма, состоящая изъ 15 книгъ, и содержащая въ себѣ 246 миѳологическихъ разсказовъ, каждый изъ которыхъ кончается превращеніемъ. Это рядъ миѳовъ и легендъ, начинающійся разсказомъ о хаосѣ завершающійся обоготвореніемъ Цезаря. Большая часть разсказовъ взята изъ греческой миѳологіи; только въ послѣднихъ книгахъ Овидій переходитъ къ италійскимъ сказаніямъ.

Связь между эпизодами слаба, но искусна, и хотя въ порядкѣ ихъ есть пробѣлы, но нить разсказа нигдѣ не прерывается; онъ очень разнообразенъ, представляя смѣну трогательныхъ, грустныхъ, ужасныхъ, веселыхъ, сладострастныхъ сценъ и описаній, простодушныхъ, невинныхъ преданій, фантастическихъ сказокъ, смѣшныхъ приключеній; все это разсказывается очень живо, легкимъ языкомъ, удивительно благозвучными стихами. Бернгарди называетъ «метаморфозы» превосходнѣйшимъ изъ всѣхъ легкихъ поэтическихъ разсказовъ въ греческой и латинской литературѣ, первымъ хорошимъ «романомъ»; во все продолженіе среднихъ вѣковъ «метаморфозы» оставались любимѣйшей книгою сказокъ. — Очень важны для изученія италійскихъ древностей и религіозныхъ

Fasti.

обрядовъ Fasti Овидія, поэтическій комментарій римскаго календаря, доведенный до половины года. Въ этой поэмѣ объясняется происхожденіе римскихъ праздниковъ и религіозныхъ обрядовъ, значеніе римскихъ божествъ, излагаются астрогностическія наблюденія; все это написано по источникамъ и изложено очень легкимъ языкомъ. Овидій хотѣлъ написать комментарій на весь годъ; онъ писалъ по книгѣ о каждомъ мѣсяцѣ; но успѣлъ исполнить только половину работы, когда прервала ее ссылка его; онъ не продолжалъ этого труда въ изгнаніи; у него не было тамъ необходимыхъ для того ученыхъ пособій; притомъ печаль мѣшала ему трудиться.—Особенно привлекательны въ «Фастахъ» описанія староиталійскихъ сельскихъ праздниковъ. — Въ изгнаніи написалъ

Tristia.

онъ 50 «Элегій печали» (Tristia), въ которыхъ разсказываетъ свои страданія въ холодной скиѳской странѣ, бывшей для римлянъ Сибирью; эти элегіи повторяютъ въ разнообразнѣйшихъ варіаціяхъ основной мотивъ—горестную жалобу изнѣженнаго поэта на его мученія въ ссылкѣ. Въ историческомъ отношеніи самая важная изъ нихъ—та Элегія, въ которой онъ обращается къ Августу (она помѣщена во 2-ой книгѣ). Овидій въ ней сознается, что онъ виноватъ, но извиняетъ себя очень ловко, и говоритъ, что дурнаго умысла у него не было; сожалѣетъ о томъ, что писалъ легкомысленныя произведенія, но въ доказательство, что не былъ человѣкъ совершенно легкомысленный, ссылается на свои серьезные труды: Fasti, «Метаморфозы», трагедіи. Но напрасно умолялъ онъ императора о смягченіи наказанія. Августъ не хотѣлъ простить ему вину, которую ставилъ исключительно въ безнравственности его эротическихъ произведеній. Дѣйствительно, Августу могло быть досадно, что Овидій раскрылъ безнравственность знатнаго круга римлянъ подъ его владычествомъ. Общество, разумѣется, не было исправлено ссылкою Овидія; но она сдѣлала другихъ поэтовъ болѣе осторожными.—

«Посланія съ Понта».

По содержанію, одинаковы съ Tristia «Посланія съ Понта», составляющія 4 книги; они отличаются отъ Tristia только тѣмъ, что всѣ адресованы опредѣленнымъ лицамъ, и потому ближе касаются личныхъ-отношеній. По мѣрѣ того, какъ Овидій убѣждается, что всѣ его просьбы друзьямъ о ходатайствѣ за него передъ Августомъ напрасны, силы его души изнемогаютъ подъ давленіемъ печальной истины, и даже его мастерское умѣнье владѣть стихомъ нѣсколько ослабѣваетъ. Лишь мѣстами вспыхиваетъ прежній

«Ибисъ».

блескъ его таланта.—Послѣдняя поэма Овидія, написанная въ изгнаніи, «Ибисъ», подражаніе Каллимаху, представляетъ рѣзкое желчное нападеніе на невѣрнаго друга, котораго не называетъ онъ по имени: этотъ измѣнникъ старался унизить литературную славу Овидія, хотѣлъ обольстить его жену, завладѣть остаткомъ его имущества; такъ, по крайней мѣрѣ, говоритъ Овидій.—Отъ его драматическихъ произведеній не дошло до насъ ни одно. Но по свидѣтельству древнихъ писателей мы знаемъ, что онъ былъ и какъ драматургъ великій поэтъ: они говорятъ, что самыми лучшими изъ римскихъ трагедій были его «Медея» и «Тіэстъ» Луція Варія.

Горацій. 65—8 до Р. Х.

Квинтъ Горацій Флаккъ, родившійся 8 декабря 65 года въ старой военной колоніи Венузіи, на границѣ Апуліи съ Калабріею, былъ сынъ зажиточнаго отпущенника, учился подъ отцовскимъ надзоромъ въ Римѣ, у хорошихъ преподавателей, однимъ изъ которыхъ былъ Орбилій, получилъ хорошее умственное и нравственное воспитаніе, потомъ поѣхалъ въ Аѳины и расширилъ тамъ свои знанія. Онъ былъ друженъ съ Брутомъ и вовле-

ченъ былъ въ борьбу за республику, сражался при Филиппахъ, но, — по крайней, по его увѣренію—бѣжалъ изъ сраженія, бросивъ щитъ; онъ пріѣхалъ въ Римъ; онъ былъ теперь бѣденъ, поступилъ въ число служащихъ по письменной части на мелкихъ должностяхъ и кормился тѣмъ. Отъ своего республиканства онъ скоро вылечился. Всѣ прекрасныя надежды его, всѣ мечты о свободѣ, о возвращеніи благороднаго прошлаго были разбиты суровою дѣйствительностью. Первые опыты его поэтической дѣятельности пріобрѣли ему дружбу Варія и Виргилія; по ихъ рекомендаціи онъ былъ принятъ въ число знакомыхъ Меценатомъ, скоро сталъ его другомъ. Въ домѣ этого своего покровителя, образованнаго свѣтскаго человѣка, въ кругу даровитыхъ и высоко-образованныхъ людей, собиравшихся за гостепріимнымъ столомъ богатаго вельможи, онъ пріобрѣлъ то свѣтское изящество, которымъ проникнуты его произведенія, умственный горизонтъ его расширился, его понятія прояснились, вкусъ развился; замѣчанія хорошихъ литературныхъ судей научали его совершенствовать свои произведенія, ихъ похвалы ободряли его, робкаго сына отпущенника. Меценатъ доставилъ обезпеченное положеніе своему любимому поэту, имѣвшему одинаковыя съ нимъ убѣжденія и своими похвалами, посвященіемъ многихъ своихъ произведеній такъ много содѣйствовавшему его славѣ: онъ подарилъ Горацію имѣнье, снабженное всѣми удобствами жизни. Оно находилось въ Сабинской землѣ, недалеко отъ очаровательнаго Тибура. Горацій жилъ тамъ, въ сельской тишинѣ, дѣлалъ временами маленькія поѣздки въ Римъ, въ другіе итальянскіе города, бывалъ и въ Баіяхъ, на водахъ, для возстановленія своего слабаго здоровья. Онъ былъ скроменъ въ своихъ желаніяхъ, предпочиталъ блеску и роскоши высшаго общества свободную жизнь, небогатую, но независимую, имѣя главными своими удовольствіями занятія поэзіею и посѣщенія нѣсколькихъ даровитыхъ людей, бывшихъ любимыми его друзьями. Августъ хотѣлъ сдѣлать его своимъ секретаремъ, но онъ скромно отклонилъ это предложеніе. Дружба его съ Меценатомъ невозмутимо длилась 30 лѣтъ; они оба умерли въ одинъ годъ, и были похоронены рядомъ, въ саду Мецената на Эсквилинскомъ холмѣ.—Горацій, благодаря своему житейскому благоразумію, умѣлъ поставить себя въ обществѣ очень хорошо: при дворѣ Августа, въ домахъ вельможъ онъ держался той средины между высокомѣріемъ и униженіемъ, которую такъ трудно соблюдать въ кругу богатыхъ человѣку небогатому. Его произведенія скоро сдѣлались любимымъ чтеніемъ всѣхъ образованныхъ людей и остались до сихъ поръ достояніемъ всѣхъ цивилизованныхъ народовъ. Знаніе свѣта, тонкая наблюдательность, сократовская иронія, красота формы, ясность выраженія, простого и милаго, даютъ его мыслямъ объективное достоинство. Онъ не былъ одаренъ геніальнымъ творчествомъ, но былъ лучшимъ, чистѣйшимъ органомъ поэзіи Августова вѣка. Добродушная иронія, шутливый тонъ, какимъ онъ говоритъ самъ о себѣ, составляютъ одну изъ привлекательныхъ сторонъ его произведеній. Онъ ставилъ задачею поэта „приносить пользу, доставляя наслажденіе, учить тому, что полезно и вмѣстѣ пріятно"; онъ исполнялъ это самъ. Творческой фантазіи у него нѣтъ; но высокое достоинство его произведеніямъ даютъ разнообразіе и справедливость мыслей, прелесть формы, мастерское умѣнье владѣть стихомъ; умъ и рефлексія были въ немъ сильнѣе воображенія, и онъ усердно заботился вознаграждать превосходною отдѣлкою формы недостатокъ творчества и пластичности въ своихъ произведеніяхъ.

Характеръ и образъ мыслей Горація.

Въ послѣднее время было много нападеній на Горація. Ужь Лессингъ видѣлъ надобность защищать его отъ порицаній. «Да,—говорятъ,—онъ писалъ очень нѣжныя и милыя пѣсни, но онъ очень сладострастенъ; онъ восторженно хвалилъ храбрость, а самъ былъ трусъ, бѣжавшій изъ сраженія; имѣлъ возвышенныя понятія о богѣ, но очень лѣнился служить ему»,—такъ перечисляетъ Лессингъ порицанія, какія тогда дѣлались ему; къ нимъ теперь прибавляютъ: онъ прославлялъ свободу, а былъ низкимъ льстецомъ сильныхъ людей. Эти упреки не лишены основанія, но нельзя назвать ихъ совершенно справедливыми. Горацій любилъ жить въ свое удовольствіе, жилъ въ изнѣженное, сладострастное время, и не имѣлъ силы плыть противъ теченія; прославляя въ стихахъ вино и легкія связи, онъ любилъ и въ дѣйствительности эти удовольствія; ему пріятно было сидѣть за роскошнымъ столомъ богача. Но онъ не былъ рабомъ чувственности; легкія связи не были у него страстью; по правилу Аристиппа: «человѣкъ долженъ быть господиномъ, а не рабомъ удовольствій», онъ всегда сохранялъ власть надъ своими влеченьями. Умѣя наслаждаться, онъ умѣлъ отказываться отъ наслажденій. Основная мысль его практической философіи—должно пользоваться удовольствіями, какія даетъ жизнь, но не стремиться къ нимъ алчно. Въ эпоху владычества пороковъ можно считать добродѣтелью ужь и то, когда человѣкъ соблюдаетъ умѣренность въ наслажденіяхъ, не становится рабомъ страстей, держится правила «не ослѣпляться ничѣмъ» (nil admirari, по выраженію Горація); хорошо уже и это, хотя бъ у человѣка не было силы рѣзко возставать противъ пороковъ своего времени. Нельзя хвалить того, что Горацій только шутитъ надъ нравственной испорченностью; онъ былъ бы болѣе достоинъ уваженія, если бы глубоко скорбѣлъ о ней; но несправедливо порицать его за то, что онъ не былъ суровымъ моралистомъ, отдавался спокойному теченію жизни, стараясь только избѣгать внѣшнихъ и внутреннихъ бурь. Еще несправедливѣе упрекъ ему въ трусости. Слабый, маленькаго роста, болѣзненный, онъ не родился быть героемъ, и не могъ оставаться восторженнымъ приверженцемъ формы правленія, не имѣвшей ужь никакихъ опоръ въ дѣйствительности. Его участіе въ войнѣ противъ тріумвировъ было юношескимъ увлеченіемъ, за которое онъ поплатился потерею своего состоянія; спокойная жизнь подъ властью монарха соотвѣтствовала его личному характеру и качествамъ его таланта.—О задушевной преданности религіи не можетъ быть и рѣчи, когда говорится о томъ времени: язычество тогда умирало; греческая миѳологія оставалась лишь богатымъ запасомъ прекрасныхъ сценъ и образовъ для поэтовъ и художниковъ; народная религія была конгломератъ всяческихъ суевѣрныхъ обрядовъ, прорицаній, праздниковъ, охраняемый государственной властью по политическому разсчету; образованные люди не имѣли религіи, ее замѣняла имъ философія; въ этомъ отношеніи Горацій одинъ изъ хорошихъ людей своего времени; далекій и отъ лицемѣрія и отъ легкомыслія, онъ говоритъ, что добродѣтель и умѣренность — необходимыя условія счастья, ставитъ основаніемъ его разсудительность и самообладаніе. А льстивость его стихотвореній не была дѣломъ его личнаго характера: тонъ придворной литературы, всегда бываетъ льстивый. Августъ и Меценатъ выказывали Горацію большую благосклонность; этимъ объясняются и оправдываются его похвалы имъ, которыя — должно прибавить — не переходили границъ приличія, не имѣли ничего несовмѣстнаго съ уваженіемъ его къ себѣ. Его стихотворенія не заражены міазмомъ угодничества, раболѣпства, общею болѣзнью временъ деспотизма. Напрасно говорятъ порицатели Горація, что его проповѣдь умѣренности, спокойнаго наслажденія жизнью, чуждаго честолюбивыхъ стремленій, была обращена главнымъ образомъ къ тѣмъ людямъ, знатность, богатство и гордость которыхъ могли внушать опасенія Августу. Приписывать Горацію такой умыселъ значитъ выдумывать. Горацій—нравственный поэтъ, говоритъ Арнольдъ въ его біографіи: «Только любовь къ истинному доброму, прекрасному одушевляла его и только ее хотѣлъ онъ возбуждать въ другихъ. Ни лицемѣрія, ни льстивости не было въ его похвалахъ, а въ порицаніяхъ его не было желчи. Мѣткое остроуміе, тонкая иронія, невинныя шутки даютъ привлекательность его серьезнымъ мыслямъ. Есть у него нескромныя выраженія, есть картины, которыя по нашимъ понятіямъ безнравственны; но это было во вкусѣ того времени, и вся древность считала дозволительнымъ описывать чувственныя наслажденія такимъ прямымъ языкомъ». Въ молодости онъ держался эпикуреизма;

но это не помѣшало ему въ зрѣлыхъ лѣтахъ признавать достоинство строгой стоической морали.

Сатиры (Sermones).

Сатиры (Sermones, «Бесѣды») были написаны Гораціемъ въ 39—32 годахъ; собраніе ихъ составляетъ двѣ книги. Подобно сатирамъ Луцилія, онѣ направлены противъ современныхъ пороковъ и глупостей; но въ нихъ нѣтъ грубости Луцилія, и лица въ нихъ рѣдко называются по именамъ. Насмѣшка Горація не бичъ, которымъ поражаетъ порочныхъ людей возмущенный ихъ испорченностью строгій моралистъ, а улыбка человѣка съ ясной душой, которому забавны глупцы, омрачающіе свой умъ тяжелымъ чадомъ страстей. По всѣмъ сатирамъ Горація разлита веселая иронія, не щадящая и его самого, неподражаемо граціозная; прелесть ея увеличивается легкостью языка, чисто разговорнаго. Сатиры Горація остерегаются вступать въ область политики, касаться старыхъ ранъ; онѣ порицаютъ лишь общественные и литературные недостатки. Подъ ихъ свѣтлой шутливостью скрывается серьезный нравственный идеалъ. Горацій осмѣиваетъ тупую узкость понятій толпы и непослѣдовательность ея; тщеславіе школьныхъ философовъ; низость плутовъ, любящихъ пировать на чужой счетъ; обжорство и роскошь обѣдовъ богачей; неумѣренность въ сладострастіи: алчность; плутовство льстецовъ, выманивающихъ себѣ долю въ завѣщаніяхъ богачей; глупую, чрезмѣрную скупость и безсмысленную расточительность; необузданное честолюбіе и пошлую навязчивость; коварное злословіе и бездушную строгость къ другимъ; слѣпое суевѣріе съ его обманами, глупое поклоненіе старинѣ въ жизни и въ искусствѣ; тщеславіе и самодовольство писателей и въ особенности плохихъ поэтовъ, капризное лекомысліе художниковъ; важность, съ какимъ хвалятся гастрономы тонкостью своего вкуса; пошлость разбогатѣвшихъ ничтожныхъ людей.

Эподы.

Въ тѣ же годы, какъ писалъ сатиры, Горацій занимался отдѣлкою «Эподовъ», стихотвореній, образцомъ для которыхъ служили ему ямбы Архилоха; содержаніе въ нихъ сатирическое, какъ и въ Sermones; но эподы разнятся отъ сатиръ тѣмъ, что часто бываютъ направлены противъ опредѣленныхъ лицъ, и вообще написаны тономъ, болѣе рѣзкимъ и горькимъ. Такъ напримѣръ эподы 5-ый и 17-ый направлены противъ развратницы Канидіи; эподы 8 и 12 противъ старыхъ и безобразныхъ развратницъ; эподъ 15 противъ Неэры, измѣнившей Горацію; эподъ 10 противъ плохого поэта Мевія; другіе имѣетъ болѣе широкое и менѣе мелочное содержаніе, какъ напримѣръ эподъ 2; эподы 3 и 14, имѣющіе форму посланій къ Меценату, написаны тономъ веселой шутливости; эподы 7 и 16—суровыя изобличенія гибельныхъ ошибокъ римскаго народа, написанныя въ то время, когда уже угрожала вспыхнуть война между Октавіаномъ и Антоніемъ. Эподы, писанные въ 32 и 31 годахъ, веселы и прелестны: ходъ стиха въ нихъ очень оригиналенъ, и въ ихъ веселости вѣетъ духъ высшаго общества, мало по малу уничтожающій и горечь тона и рѣзкость, съ какою изображаются въ началѣ ихъ картины чувственности.

Оды.

Оды были писаны Гораціемъ въ 29—22 годахъ; онъ издавалъ ихъ порознь, а въ 20 году собралъ ихъ, раздѣлилъ на три книги и обнародовалъ это собраніе, какъ законченное цѣлое. Его оды—лирическія пьесы, очень разнообразныя. Нѣкоторыя изъ нихъ—подражанія греческимъ поэтамъ, въ особенности Алкею и Сапфо; эти стихотворенія показываютъ серьезное изученіе греческой поэзіи, обдуманность работы; другія оды—самобытныя произведенія; въ нихъ Горацій выражаетъ всѣ чувства, всѣ мысли свои; тонъ нѣкоторыхъ изъ нихъ легкій, веселый, добродушный, характеръ другихъ серьезный, торжественный. Многія изъ самостоятельныхъ одъ Горація внушены ему фактами, имѣютъ своею основой событія и чувства, принадлежавшія дѣйствительной жизни. Вообще, умъ преобладаетъ надъ фантазіею въ одахъ Горація, такъ что господствующій элементъ ихъ—польза, разсудительность, практичность. Изучая ихъ въ хронологическомъ порядкѣ, на сколько онъ извѣстенъ намъ, мы видимъ, что талантъ Горація постоянно развивался, произведенія его совершенствовались и по содержанію и по формѣ, сила вдохновенія въ нихъ возростала съ годами, отдѣлка становилась изящнѣе. Въ первой книгѣ Горацій еще робко держится своихъ греческихъ образцовъ, во второй

у него больше самостоятельности и по мыслямъ и по формѣ, а въ третьей талантъ его достигаетъ полнаго развитія: поэтъ одинаково хорошо владѣетъ и ходомъ мыслей и языкомъ, нравственная серьезность чередуется у него съ эротической шутливостью, слогъ разнообразенъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ обнародованія первыхъ трехъ книгъ, Горацій, по желанію Августа, прибавилъ къ нимъ четвертую (въ 14 году до Р. Х.), главное содержаніе которой составляютъ оды въ честь побѣдъ Августа и его родственниковъ; собраніе завершается прекрасною въ своей простотѣ «Пѣснью столѣтняго праздника» (Carmen saeculare), гимномъ, который пѣли хоры юношей и дѣвушекъ на праздникѣ столѣтняго юбилея (въ 17 году до Р. Х.). Оды четвертой книги были послѣдними пѣснями Горація: утомленный и увѣренный въ безсмертіи своей славы, онъ простился ими съ публикою; въ нихъ соединены всѣ достоинства и недостатки его лирики, главныя изъ которыхъ: красота формы, изящество стиха и языка, узкая прозаичность мыслей, отсутствіе поэтическаго энтузіазма, возвышенной идеальности.—Одновременно съ четвертой книгой одъ закончилъ Горацій сборникъ своихъ «Посланій», состоящій изъ двухъ книгъ; это самыя позднія и самыя зрѣлыя его произведенія. Подобно Sermones, «Посланія» написаны плавными, легкими гекзаметрами, но отличаются отъ нихъ серьезностью тона, моральною тенденціею, философскимъ спокойствіемъ, гуманнымъ направленіемъ. Sermones—произведенія молодого человѣка, который смотритъ на жизнь съ веселой ироніей; въ «Посланіяхъ» видимъ Горація человѣкомъ, умъ котораго созрѣлъ отъ опыта жизни и раздумья о ней. Онъ ужь не увлекается, онъ лишь досадуетъ временами, спокойно взвѣшиваетъ обстоятельства, разсуждаетъ для разъясненія жизни себѣ и другимъ, умѣетъ держать себя благоразумно. «Посланіе къ Пизонамъ о поэзіи» дѣйствительно излагаетъ мысли Горація о поэзіи но вовсе не имѣетъ претензіи быть ученымъ трактатомъ о ней; эта маленькая поэма написана безъ строгой системы; Горацій передаетъ въ ней сыновьямъ Луція Пизона, бывшаго консуломъ въ 15 году до Р. Х., тѣ свои мысли о поэзіи, которыя, по его мнѣнію, заслуживаютъ вниманія этихъ молодыхъ людей, занимавшихся, подобно своему отцу, поэзіею. Въ особенности онъ останавливается на драмѣ, которая находилась тогда въ упадкѣ; но говоритъ и о другихъ видахъ поэзіи, не стѣсняя себя опредѣленнымъ порядкомъ обзора ихъ; онъ пишетъ, очевидно, съ цѣлью обратить вниманіе своихъ молодыхъ друзей на тѣ трудности, какія должны преодолѣвать начинающіе поэты; онъ, очевидно, хочетъ предостеречь ихъ отъ модной слабости знатныхъ римлянъ писать стихи безъ призванія къ поэзіи. Въ поэмѣ нѣтъ ни особенной учености, ни оригинальности мыслей, но здравый смыслъ и тонкій вкусъ придаютъ ей большое достоинство.

Carmen saeculare.

Посланія.

«Посланіе къ Пизонамъ о поэзіи».

История.

Болѣе самостоятельна была римская исторіографія, подъ вліяніемъ великихъ событій развившаяся изъ сухой лѣтописной формы (III, стран. 617) и получившая теперь прагматическій, художественный характеръ. Мемуары историческихъ дѣятелей также стали теперь несравненно лучше автобіографическихъ записокъ Катона, Скавра, Суллы. Правда, Титъ Ливій наполнилъ свою «Римскую исторію» реторическими и поэтическими описаніями и вымышленными рѣчами, по примѣру греческихъ историковъ; вѣроятно, такова же была и недошедшая до насъ исторія междоусобій временъ Суллы, написанная Луціемъ Корнеліемъ Сизенною; правда, Гаій Саллюстій Криспъ подражалъ Ѳукидиду въ своемъ яркомъ изображеніи нравственнаго упадка и политическихъ раздоровъ римлянъ во времена югуртинской

войны и заговора Катилины; но оригинальность таланта Ливія проявляется въ драматической живости его разсказа, въ живописности изображенія сценъ и положеній; а мастерская обрисовка лицъ у Саллюстія и глубокомысленныя разсужденія его показываютъ въ немъ человѣка съ обширнымъ запасомъ опытности, съ самостоятельнымъ умомъ, развившагося и изучившаго людей на широкой аренѣ римской государственной жизни. Въ «Запискахъ» (Комментаріяхъ) «о галльской» и «о междоусобной» войнахъ Цезарь отдаетъ римскому народу отчетъ въ своихъ дѣлахъ самымъ чистымъ латинскимъ языкомъ, съ пластическою ясностью и объективностью, съ привлекательнымъ свѣтлымъ спокойствіемъ, съ прелестною простотою и величайшею художественностью разсказа (III, стр. 933). Далеко уступаютъ этимъ мемуарамъ простотою и свѣжестью разсказы объ александрійской, африканской и испанской войнахъ, служащіе продолженіемъ ихъ и написанные отчасти Гирціемъ. Въ біографіи Тита Помпонія Аттика, написанной его другомъ Корнеліемъ Непотомъ, слогъ простъ, языкъ чистъ. Сравнивая эти произведенія римскихъ историковъ съ трудами греческихъ современниковъ ихъ, «Историческою библіотекою» Діодора Сицилійскаго и «Римской Археологіею» Діонисія Галикарнасскаго, мы видимъ, что римская исторіографія была тогда лучше греческой. Діодоръ и Діонисій сообщаютъ намъ много драгоцѣнныхъ свѣдѣній; недостатокъ критики у Діодора и реторическая искусственность слога у Діонисія уменьшаютъ достоинство ихъ произведеній. Великій памятникъ греческой учености и критики въ этомъ періодѣ мы имѣемъ лишь одинъ — «Землеописаніе» Страбона, уроженца понтскаго города Амасеи; оно даетъ намъ богатый запасъ географическихъ, историческихъ и этнографическихъ свѣдѣній о всѣхъ народахъ и странахъ, извѣстныхъ грекамъ и римлянамъ. Онъ и другіе греческіе ученые, усвоившіе себѣ космополитскія идеи того времени, находили въ Римѣ средства и ободреніе писать такіе обширные труды, какъ произведенія Діодора, Діонисія, Страбона, Николая Дамасскаго и Трога Помпея.—Николай Дамасскій, бывшій посломъ Ирода въ Римѣ, написалъ «Всеобщую Исторію», состоявшую изъ 140 книгъ; отъ нея дошло до насъ лишь нѣсколько отрывковъ. Трогъ Помпей, уроженецъ Нарбонской Галліи, написалъ тоже «Всеобщую исторію», въ которой особенно подробно разсказывалъ о временахъ Филиппа и Александра; до насъ дошло краткое и сухое извлеченіе изъ нея, сдѣланное Юстиномъ, который извѣстенъ намъ только какъ составитель этого извлеченія. Ученые труды по географіи и этнографіи облегчались далекими походами римскихъ легіоновъ, обширными размѣрами торговыхъ сношеній, оффиціальными статистическими работами по переписи населенія и оцѣнкѣ имущества по межеванію. Черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ послѣ Страбона, при Клавдіѣ, Помпоній Мела, уроженецъ Испаніи, написалъ обширный

трудъ De situ orbis («Трактатъ о географіи»); онъ далеко уступаетъ произведенію Страбона: миѳологическія представленія и ошибочныя извѣстія старинныхъ географовъ перемѣшаны въ немъ съ достовѣрными новыми свѣдѣніями; особенно замѣтенъ былъ недостатокъ критики въ описаніи западной половины римскаго государства; слогъ былъ цвѣтистый, реторическій. Должно полагать, что очень хороша была недошедшая до насъ исторія междоусобныхъ войнъ, написанная Гаіемъ Азиніемъ Полліономъ, человѣкомъ умнымъ и ученымъ. Слогъ его имѣлъ оттѣнокъ старины, составлялъ переходъ отъ строгаго соблюденія правилъ стилистики, обычнаго въ республиканское время, къ изящной легкости слога временъ имперіи.—Въ научной обработкѣ практическихъ искусствъ римляне слѣдовали греческимъ образцамъ. Но Витрувій, жившій въ эпоху Цезаря и Августа, написалъ свой трактатъ объ архитектурѣ отчасти по собственнымъ наблюденіямъ, а не исключительно по греческимъ книгамъ.

Юриспруденція

Вообще говоря, римляне въ умственной жизни и въ литературѣ были учениками грековъ; но въ одной области умственнаго труда они были великими, дивными мастерами—въ юриспруденціи; она была величайшимъ и самобытнѣйшимъ созданіемъ римскаго духа. Со времени Муція Сцеволы (III, стр. 619) каждое новое поколѣніе трудилось надъ разработкою юридическихъ понятій, приводило въ порядокъ законы и судебныя рѣшенія, собирало матеріалъ, который впослѣдствіи былъ съ изумительною точностью формы, наблюдательностью, разсудительностью, практичностью соединенъ во всеобъемлющую систему Сервіемъ Сульпиціемъ Руфомъ и его учениками. Императоры имѣли не только въ судебныхъ, но и во всѣхъ государственныхъ дѣлахъ главными своими помощниками юристовъ, которые поэтому постоянно могли совершенствовать свою науку, сообразно богатому запасу практическихъ свѣдѣній, и, наоборотъ, улучшать практику, сообразно теоріи юридическихъ школъ, имѣвшей обширную литературу. У римлянъ былъ классъ юристовъ, дававшихъ свои заключенія по процессамъ, и сужденія ихъ имѣли нѣкоторый авторитетъ въ трибуналахъ; это очень много помогало развитію римской юриспруденціи. При Августѣ возникли двѣ школы юристовъ, расходившіяся между собою во многихъ важныхъ понятіяхъ; одна изъ нихъ называлась сабиніевскою или кассіевскою; основателемъ ея былъ Атей Капитонъ; учениками его были Мазурій Сабинъ и Кассій Лонгинъ, имена которыхъ и стали служить названіями ихъ школы; она имѣла консервативное направленіе, держалась историческаго, положительнаго права; основателемъ другой школы, имѣвшей болѣе раціональный характеръ, обращавшей болѣе вниманія на духъ законовъ, чѣмъ на ихъ буквальный смыслъ, былъ Маркъ Антоній Лонгинъ; послѣ него главою ея сталъ Прокулъ, по имени котораго она получила названіе прокулеянской.—Юридическіе трактаты были чу-

жды реторическаго характера, принадлежащаго почти всѣмъ другимъ произведеніямъ римской литературы.

Саллюстій 86—34. Гай Саллюстій Криспъ, уроженецъ сабинскаго города Амитерна, талантливый, глубокомысленный историкъ времени, очень образованнаго, но страдавшаго нравственной испорченностью, не умѣлъ заслужить себѣ безукоризненной репутаціи ни въ политикѣ, ни въ домашней жизни. Оптиматы исключили его изъ числа сенаторовъ; онъ перешелъ на сторону демократической партіи, сталъ приверженцемъ могущественнаго ея вождя, Юлія Цезаря. Хорошій ораторъ, искусный государственный человѣкъ, онъ получилъ отъ Цезаря управленіе Нумидіею и оказался притѣснителемъ, взяточникомъ,—качества, мало гармонирующія съ ролью строгаго нравственнаго судьи, которую беретъ онъ на себя въ своихъ сочиненіяхъ; не совсѣмъ прилична была такому строгому моралисту и роскошь, съ какою жилъ онъ, возвратившись изъ Нумидіи. Но онъ великій историкъ, зоркій государственный человѣкъ, знатокъ людей, хорошо понимающій свое время, сильно и живо изображающій страшную нравственную испорченность тогдашняго Рима во всей ея громадности; онъ умѣетъ такъ прекрасно группировать факты и разсказывать ихъ такъ объективно, что его сравниваютъ съ Ѳукидидомъ, который и служилъ для него образцемъ: подобно Ѳукидиду, онъ пишетъ сжатымъ слогомъ и даетъ прагматическую обработку матеріалу; но то, что у Ѳукидида было результатомъ врожденнаго таланта и впечатлѣній жизни, у Саллюстія искусственный продуктъ рефлексіи. Ѳукидидъ, по чувству благороднаго человѣка, вѣритъ въ добродѣтель, видитъ благородныя стороны людей и выставляетъ ихъ на видъ; Саллюстій, зараженный нравственными недугами тогдашняго римскаго общества, видитъ только дурную сторону человѣческой природы, обыкновенно объясняетъ дѣйствія людей низкими мотивами; прославляя добродѣтель, выставляетъ ее недостижимымъ идеаломъ, такъ что у него человѣческая жизнь является въ мрачномъ колоритѣ, и онъ произноситъ надъ нею суровые, горькіе приговоры. Онъ написалъ исторію временъ междоусобныхъ войнъ; это было обширное произведеніе; отъ него дошли до насъ лишь отрывки. Мы имѣемъ только монографіи Саллюстія о югуртинской войнѣ и о заговорѣ Катилины; это двѣ превосходныя картины изъ внутренней исторіи государства, проливающія много свѣта и на предъидущія и на послѣдующія времена римской исторіи. Обѣ монографіи—тенденціозныя произведенія въ пользу демократической партіи; разсказъ о заговорѣ Катилины написанъ съ цѣлью смыть съ имени Цезаря самое темное изъ лежавшихъ на немъ пятенъ, обвиненіе въ томъ, что онъ былъ соучастникомъ заговора Катилины. Характеръ изложенія у Саллюстія серьезный, благородный. Слогъ его отличается заботою о сжатости, внимательной отдѣлкой, искусственнымъ стариннымъ тономъ, которымъ Саллюстій придаетъ характеръ почтенности своимъ нравственнымъ сужденіямъ. Изложеніе его привлекательно быстротою и живостью разсказа, разнообразіемъ, какую придаютъ разсказу описанія и размышленія, отчетливостью характеристикъ, точностью и правильностью слога, состоящаго изъ легкихъ, недлинныхъ фразъ, искусной группировкой фактовъ. — Прямую противоположность картинамъ человѣческой испорченности у Саллюстія представляютъ „Біографіи знаменитыхъ полководцевъ“, приписываемыя другу Цицерона и Катулла, Корнелію Непоту. Саллюстій выставляетъ на видъ отвратительную, эгоистическую сторону людей, Корнелій Непотъ блестящую, благородную. Обширные историческіе труды

Корнелій Непотъ род. около 96, ум. 24.

этого патріотическаго писателя всѣ погибли, кромѣ біографіи Аттика, о которой мы уже упоминали. Тѣ краткія біографіи знаменитыхъ грековъ и римлянъ, которыя мы имѣемъ—плохія извлеченія изъ болѣе обширныхъ трудовъ, сдѣланныя неизвѣстнымъ авторомъ, не умѣвшимъ сохранить въ своихъ выпискахъ правильность слога.—Титъ Ливій, уроженецъ Патавія, былъ, кажется, воспитателемъ одного изъ внуковъ Августа. Въ своей „Римской исторіи“ онъ слѣдуетъ совѣту Цицерона, что реторическія украшенія нужны даже и въ ученыхъ трудахъ. Онъ заботился не столько о критической провѣркѣ матеріаловъ, которыми пользовался, и о прагматизмѣ изложенія, сколько о живости разсказа, и украшалъ его занимательными описаніями, эффектными сценами. Его произведеніе получило національное значеніе, его понятія о римской исторіи стали общими. Цѣлью его было оживить въ римлянахъ патріотизмъ реторическимъ прославленіемъ прошлаго и возбудить въ нихъ любовь къ доблестямъ предковъ, чтобы воспоминанія о лучшихъ временахъ помогли имъ подняться изъ нравственнаго упадка. Ливій любитъ поэзію и легенду, умѣетъ искусно характеризовать историческихъ дѣятелей, сочувствуетъ всему благородному и великому, находитъ удовольствіе въ томъ, чтобъ объяснять поступки людей хорошими мотивами; все это благотворно дѣйствуетъ на читателя. Но Ливію совершенно чужда точка зрѣнія государственнаго человѣка, съ какой смотрятъ на событія Ѳукидидъ и Полибій; онъ мало интерисуется политическими вопросами, развитіемъ государственнаго устройства, отношеніями между сословій; свѣдѣнія его обо всемъ этомъ смутны и поверхностны. Другой недостатокъ его то, что онъ мало заботится о критикѣ матеріаловъ; потому въ его разсказѣ много неточностей, пробѣловъ, противорѣчій. Его произведеніе нельзя назвать ученымъ, написаннымъ по источникамъ, онъ не умѣлъ слить матеріалы въ одно цѣлое; но по стройности и красотѣ разсказа онъ одинъ изъ лучшихъ историковъ древности. Любовь къ полнотѣ и живописности изложенія иногда вовлекаетъ его въ многословіе; быть можетъ, объ этомъ говорилъ Азиній Поллiонъ, находя въ немъ „патавинство“ — то есть, провинціальную наивность. Но вкусъ его чистъ, краснорѣчіе его благородно, языкъ благозвученъ и правиленъ, ходъ періодовъ величественъ, группировка подробностей искусна. Онъ сторонникъ сената, противникъ демократіи; но не доходитъ до такой односторонности, чтобы можно было называть его пристрастнымъ. Онъ горячій патріотъ, рѣзко и рѣшительно принимающій сторону римлянъ въ ихъ борьбѣ съ другими народами.—Онъ разсказывалъ исторію римскаго государства отъ основанія Рима до смерти Друза (9 года по Р. Х.). Она состояла изъ 142 книгъ. До насъ дошли первыя десять книгъ и книги 21—45; отъ другихъ мы имѣемъ лишь нѣсколько отрывковъ. О временахъ до пуническихъ войнъ разсказываетъ онъ по римскимъ лѣтописцамъ, главнымъ образомъ по Клавдію Квадригарію, Валерію Анціату, Лицинію Макру, Элію Туберону. Съ третьей декады онъ пользуется Полибіемъ, въ особенности относительно дѣлъ римлянъ съ греками; до тридцатой книги онъ слѣдуетъ не подлиннику, а латинскому извлеченію изъ Полибія; съ тридцатой книги греческому подлиннику. Потомъ онъ пользуется трудомъ Посидонія, продолжателя исторіи Полибія.—Діодоръ сицилійскій, грекъ, уроженецъ Сициліи, какъ и показываетъ названіе, прибавляемое къ его имени, много путешествовалъ, потомъ поселился въ Римѣ, писалъ свой трудъ въ эпоху Цезаря и Августа. Его „Историческая Библіотека“—всеобщая исторія; разсказъ идетъ отъ древнѣйшихъ временъ до 60 года до Р. Х.; онъ расположенъ по народамъ. „Историческая Библіотека“ состояла изъ 40 книгъ; до насъ дошли 15 книгъ и нѣсколько

Титъ Ливій 59 д. Р. Х.—17 по Р. Х.

Діодоръ около 50 года до Р. Х.

отрывковъ. Литературное достоинство этого труда не высоко; Діодоръ безъ всякой критики передаетъ даже самые неправдоподобные миѳическіе разсказы и баснословныя извѣстія прежнихъ писателей; изложеніе у него запутанное, сбивчивое. Главное значеніе его для насъ состоитъ въ томъ, что онъ дѣлаетъ извлеченія изъ Эфора, Ктезія, Гіеронима Кардійскаго, Тимея, другихъ историковъ, книги которыхъ не дошли до насъ. Онъ хотѣлъ ознакомить римлянъ съ исторіею народовъ, покоренныхъ ими, и составилъ сводъ свѣдѣній, какія были сообщаемы объ этихъ народахъ лучшими историками. Онъ хвалится, что пишетъ въ философскомъ духѣ; никакихъ слѣдовъ этого нѣтъ въ его трудѣ, если не считать философіею его моральныя разсужденія или его желаніе показать въ событіяхъ дѣйствіе божественнаго провидѣнія и поддержать этимъ старую народную вѣру. Бытомъ народовъ и государственными учрежденіями ихъ онъ не интересуется, связь между великими событіями остается непонятна ему. Онъ усердно раздаетъ похвалы и порицанія историческимъ дѣятелямъ, думая исполнять тѣмъ обязанность историка, представителя божественной справедливости; онъ расказываетъ исторію каждаго народа отдѣльно, располагая факты по порядку времени, безъ вниманія къ внутренней связи ихъ; потому его произведеніе вовсе не соотвѣтствуетъ собственному его плану всеобщей исторіи, которая, какъ онъ съ увлеченіемъ говоритъ объ этомъ, должна излагать свѣдѣнія обо всѣхъ временахъ и народахъ по ихъ внутренней связи. До насъ дошли 1—5 и 11—20 книги „Исторической Библіотеки"; въ первыхъ пяти книгахъ разсказывается исторія Египта, Эѳіопіи, Азіи, древнѣйшая исторія Греціи; въ книгахъ 11—20 излагаются событія греческой исторіи отъ второй персидской войны до смерти Александра.—Гораздо выше ученое достоинство „Римской Археологіи" Діонисія Галикарнасскаго, грека, жившаго въ Римѣ и бывшаго современникомъ Ливія. Его трудъ, написанный хорошимъ реторическимъ слогомъ, состоявшій изъ 20 книгъ, излагалъ исторію Рима до первой пунической войны. До насъ дошли вполнѣ первыя девять книгъ и не вполнѣ слѣдующія двѣ; разсказъ въ 11-ой книгѣ доходитъ до низверженія децемвировъ. „Римская Археологія" Діонисія—результатъ внимательнаго, добросовѣстнаго изслѣдованія первоначальной исторіи римлянъ, предками которыхъ онъ считалъ грековъ; его трудъ чрезвычайно важный источникъ нашихъ свѣдѣній о первыхъ вѣкахъ римской исторіи. Цѣлью Діонисія было, какъ онъ самъ говоритъ во введеніи, „дать грекамъ болѣе выгодное мнѣніе о римскомъ народѣ, показать имъ, что онъ произошелъ не изъ сброда безпріютныхъ варваровъ, какъ они полагаютъ по незнанію и какъ говорятъ греческіе писатели по непріязни, что, напротивъ, римляне—потомки грековъ, что они благороднаго происхожденія; что ихъ могущество не дано имъ прихотью счастія, которое часто награждаетъ своими дарами недостойныхъ, что оно пріобрѣтено ихъ доблестями, которыми превосходятъ они всѣ другіе народы"; онъ говоритъ, что дурное мнѣніе о римлянахъ держится у грековъ потому, что на греческомъ языкѣ еще не было хорошей римской исторіи, и что онъ хочетъ разсѣять ихъ ошибочныя мысли о римлянахъ.—Итакъ, исторія, по понятію Діонисія только средство для сообщенія полезныхъ свѣдѣній. Онъ, подобно Діодору, говоритъ о философской обработкѣ историческаго матеріала; но его философія состоитъ только въ описаніяхъ и въ сужденіяхъ о законахъ, о правахъ, о характерахъ историческихъ дѣятелей, въ похвалахъ добродѣтели и въ ораторскихъ порицаніяхъ порока, въ изслѣдованіяхъ объ отдаленныхъ причинахъ и поводахъ событій. Подобно Діодору онъ пишетъ съ религіозною тенденціей и защищаетъ народныя вѣрованія отъ сомнѣній.—Страбонъ, родившійся въ 65 году до Р. Х. въ понтскомъ городѣ Амасеѣ, умершій въ 24 году по Р. Х. въ Римѣ,

Діонисій Галикарнасскій около 30 до Р. Х.

Страбонъ 65 до Р. Х.—24 по Р. Х.

происходилъ изъ богатой греческой фамиліи, бывшей въ родствѣ съ Митридатомъ. Онъ написалъ исторію времени отъ той эпохи, на которой останавливается Полибій, до смерти Цезаря; отъ этого труда его не сохранилось ничего. Потомъ, въ глубокой старости (около 18 года по Р. Х.) онъ написалъ географію, въ которой собралъ открытія, сдѣланныя послѣ Эратосѳена (III, 417 стр.). Этотъ трудъ дошелъ до насъ. Онъ раздѣленъ на 17 книгъ. Въ первыхъ двухъ книгахъ Страбонъ даетъ общія понятія о географіи, дѣлаетъ замѣтки объ ошибкахъ Эратосѳена (принимая за ошибку то, что вовсе не ошибка), излагаетъ математическую географію. Съ третьей книги идетъ описаніе странъ; Европа описана въ 8 книгахъ, Азія въ 6, въ послѣдней книгѣ Африка. Трудъ Страбона чрезвычайно важенъ для насъ, потому что при описаніи земель онъ разсказываетъ обычаи, исторію, законы, религію народовъ; онъ ставитъ географію въ тѣсную связь съ исторіею и отъ внѣшней природы постоянно переходитъ къ человѣческой жизни. У него ужь то воззрѣніе, котораго держатся многіе теперь и которое можно назвать географической телеологіею: земля, предназначенная быть жилищемъ людей, получила отъ божественной силы устройство, сообразное этому высокому предназначенію.

Литературная жизнь въ Римѣ. Покровительство вельможъ.

Въ послѣднія десятилѣтія республики любовь къ литературѣ ужь глубоко проникла въ римскій высшій кругъ; государственные люди и полководцы обыкновенно проводили часы досуга въ чтеніи; вельможи брали съ собою книги въ свои походы и поѣздки; въ монархическое время любовь къ чтенію, заинтересованность искусствомъ и наукою еще болѣе распространились. Вельможи и знатныя дамы писали стихи; разговоръ въ обществѣ вращался обыкновенно на литературѣ, чтеніе греческихъ поэтовъ было приправою къ удовольствіямъ пировъ *). Лавки книгопродавцевъ стали сборными мѣстами образованныхъ людей и ученыхъ; богачи принимали гостей въ своихъ библіотекахъ. Августъ, исполняя мысль Цезаря, основалъ первую публичную библіотеку въ Римѣ, на Палатинѣ, у храма Аполлона; тысячи людей были благодарны ему за то, что онъ собралъ тамъ для нихъ сокровища литературы. Техника списыванія рукописей была усовершенствована, такъ что книгопродавецъ разомъ выпускалъ въ продажу массу экземпляровъ купленнаго имъ новаго произведенія литературы; экземпляры новыхъ книгъ были въ большомъ количествѣ отправляемы римскими издателями въ провинціи; книжная торговля приняла обширные размѣры. Любовь къ искусству, знаком-

*) Горацій съ неудовольствіемъ говоритъ объ этой модѣ:
«Непостоянный народъ совершенно перемѣнился, весь проникся страстью писать: и сыновья, и почтенные отцы съ вѣнками на головахъ читаютъ за обѣдами гостямъ свои стихи; образованные и необразованные, всѣ мы стали поэтами». («Посланія», II, 1, 108).

ство съ литературой, изящный вкусъ, образованность дѣлались необходимостью въ свѣтскомъ обществѣ Рима, «города» urbs, какъ назывался онъ по преимуществу; чистый, изящный языкъ, деликатность разговора, остроуміе бесѣды—всѣ эти проявленія образованности получили названіе urbanitas, «столичное изящество». Жители Рима привыкли говорить такимъ чистымъ языкомъ, что, какъ разсказываютъ писатели того времени, малѣйшая ошибка противъ правилъ грамматики или просодіи въ драмѣ была замѣчаема и строго порицаема публикою. Развитію врожденной римлянамъ любви къ образованности, распространенію космополитской культуры, основанной на изученіи греческихъ поэтовъ и мыслителей, много дѣйствовалъ примѣръ, подаваемый Меценатомъ, Поллiономъ, Агриппой, Мессалой, прочими друзьями Августа и самимъ императоромъ. Особенно много сдѣлалъ въ этомъ направленіи Гай Цильній Меценатъ, богатый всадникъ стариннаго этрусскаго лукумонскаго рода, государственный человѣкъ, пользовавшійся большимъ довѣріемъ Августа; онъ былъ такимъ усерднымъ покровителемъ литературы и искусства, что имя «Меценатъ» стало нарицательнымъ. Но и прочіе друзья Августа, и самъ Августъ были тоже знатоки греческихъ искусства и литературы, покровители греческихъ художниковъ, греческихъ и латинскихъ поэтовъ, ученыхъ, историковъ, другихъ писателей. Въ императорскомъ Римѣ для всѣхъ былъ образцомъ примѣръ двора, принимавшаго даровитыхъ писателей въ свой ближайшій кругъ и поддерживавшаго ихъ щедрыми пособіями; подражать этому стало необходимой принадлежностью хорошаго тона. Августъ и его друзья держали себя такъ потому, что, понимая вліяніе литературы на общество, хотѣли привлечь ее милостями на службу новому правительству, мягкимъ, но вѣрнымъ способомъ давать ей полезное для нихъ направленіе. Ихъ заботы объ этомъ имѣли полный успѣхъ. Какъ писатели александрійскаго періода прославляли щедрыхъ царей египетскихъ и пергамскихъ, такъ римскіе поэты и ученые, для которыхъ эти писатели были образцами и по формѣ, и по содержанію, платили Августу и его друзьямъ за милости льстивою благодарностью, усердіемъ писать въ придворномъ тонѣ. Виргилій, популярнѣйшій поэтъ того времени, сдѣлалъ свою эпопею прославленіемъ рода Юліевъ, согрѣвалъ свою холодную тэму, вплетая въ нее преданія этой фамиліи; Горацій столько льстилъ своимъ высокимъ покровителямъ, что отвращеніе, возбуждаемое этимъ, мѣшало многимъ новѣйшимъ ученымъ цѣнить его произведенія по достоинству; у Овидія ужъ замерли и послѣдніе отголоски свободы и патріотизма, заглушенные желаніемъ выказать преданность Августу.—Итакъ, много содѣйствовалъ развитію интереса къ литературѣ примѣръ Августа и его помощниковъ; такое же вліяніе имѣла скука монотонной пустоты, водворившаяся въ Римѣ тишиною монархическаго правленія; важнѣйшіе интересы

общественной жизни исчезли; люди принуждены были удалиться изъ дѣйствительнаго міра въ книжный, замѣнить дѣла словами. Когда Августъ отнялъ силу у курульной магистратуры, сосредоточилъ въ своихъ рукахъ управленіе государствомъ, присвоилъ себѣ окончательное рѣшеніе судебныхъ дѣлъ, то возможность политической дѣятельности исчезла для большинства людей образованныхъ. Императоръ и его агенты правили внутренними дѣлами; военачальниками были люди, назначенные императоромъ; они вели войны по его порученію; народное собраніе, утративъ свою власть, утратило и жизненность, а съ народнымъ собраніемъ умерла и заинтересованность общества государственными дѣлами, заглохло въ вельможахъ желаніе получать правительственныя должности: на нихъ надобно было держать себя по инструкціямъ императора; потерявъ самостоятельность, онѣ перестали быть привлекательны для патріотовъ, людей съ свободною душой. Поэзія стала житейскою карьерой, дававшею многимъ богатство и почести; толпа бездарныхъ стихотворцевъ принялась служить музамъ, масса образованныхъ людей обратилась къ литературнымъ занятіямъ, читала, писала, чтобы имѣть какую нибудь цѣль жизни. Увеличилось число посѣщающихъ лекціи преподавателей словесности («грамматиковъ» и «реторовъ»), философовъ, натуралистовъ (медиковъ). Всѣ греческія науки переселились въ Римъ. Азиній Поллiонъ, человѣкъ многостороннихъ знаній, искусный ораторъ и правитель, собиралъ кругомъ себя даровитыхъ молодыхъ людей, училъ ихъ декламировать рѣчи; образовались ученыя общества, состоявшія изъ молодыхъ людей, для изученія греческихъ писателей, перенесенія александрійской литературы въ Италію, для разработки разныхъ отраслей поэзіи; скоро эти общества пріобрѣли рѣшительное вліяніе на литературный вкусъ. Чуждаясь политическихъ интересовъ, великихъ національныхъ вопросовъ, эти литературныя общества пріучили римлянъ ограничиваться личной жизнью, своими частными дѣлами и мелочной литературной полемикой, хлопотать, кромѣ своихъ личныхъ выгодъ, лишь о выработкѣ и обогащеніи литературнаго языка и стихотворныхъ формъ, о легкости и правильности стиха, помогали водворенію того умственнаго однообразія людей, которое составляетъ характеристическую черту перваго столѣтія римской монархіи, въ противоположность индивидуальной и національной оригинальности людей республиканскаго времени. Обычай поэтовъ читать въ поэтическихъ кругахъ свои отдѣланныя или еще и не отдѣланныя произведенія и слушать сужденія о нихъ, увеличивалъ однообразіе ихъ, доводилъ его до такого сходства, что всѣ поэты того времени кажутся людьми одной семьи. Самъ императоръ устроивалъ иногда такія чтенія и присутствовалъ на нихъ. Но впослѣдствіи литературныя собранія получили уже другой характеръ: поэты стали читать въ нихъ свои произведенія не для того,

чтобы выслушивать сужденія людей со вкусомъ и пользоваться ихъ замѣчаніями, а для того, чтобы слышать похвалы, и многіе покупали похвалы себѣ подарками и пирами. Эти чтенія, происходившія сначала въ кругу друзей и знатоковъ, сдѣлались потомъ публичными, были перенесены въ театры, въ залы подъ колоннадами; на нихъ сходилось множества народа. Возникли періодическія изданія, походившія на газеты, Acta или Acta diurna; въ нихъ помѣщались разныя новости, отчеты о засѣданіяхъ сената и трибуналовъ, извлеченія изъ произнесенныхъ тамъ рѣчей; почта быстро развозила ихъ по всему государству. Но внутреннее достоинство литературы не соотвѣтствовало возростанію числа читателей. Въ особенности пострадали отъ установленія деспотизма исторія и ораторское искусство, развивающіяся лишь при свободныхъ учрежденіяхъ; тонъ историковъ и ораторовъ понизился, горизонтъ ихъ съузился, они стали избирать содержаніемъ своихъ трудовъ предметы, не представляющіе живого интереса. Тацитъ говоритъ: «Послѣ битвы при Акціумѣ, когда для сохраненія спокойствія вся власть была передана одному человѣку, не стало великихъ историковъ, подобныхъ прежнимъ, писавшимъ о судьбахъ великаго народа свободно и краснорѣчиво, истина стала искажаться отчасти по незнакомству съ государственными дѣлами, которыя сдѣлались чуждыми народу, отчасти по раболѣпству передъ императорами или по ненависти къ нимъ». Писатели, прославлявшіе республику, были преслѣдуемы, книги ихъ запрещаемы. Говорить правду о настоящемъ и недавнемъ прошломъ было опасно, потому историки воздерживались отъ сужденій, или, какъ Трогъ Помпей, писали о давнемъ иноземномъ прошломъ. Исторія междоусобныхъ войнъ, написанная Лабіэномъ въ духѣ любви къ свободѣ, была сожжена по рѣшенію сената (стр. 41); Лабіэнъ былъ такъ опечаленъ этимъ, что заперся въ своей фамильной гробницѣ и лишилъ себя жизни. Кремуцій Кордъ, прославлявшій въ своей «лѣтописи» Брута и Кассія и назвавшій Кассія «послѣднимъ римляниномъ», былъ обвиненъ въ преступленіи противъ императора и умеръ, переставъ принимать пищу. Веллей Патеркулъ, даровитый человѣкъ, съ многостороннимъ, хотя и поверхностнымъ образованіемъ, первый подалъ гнусный примѣръ раболѣпства въ исторіографіи. Безхарактерный честолюбецъ, занимавшій при Тиберіѣ важныя военныя и правительственныя должности, онъ отблагодарилъ своего повелителя за эти милости безграничнымъ восхваленіемъ. Историки стали заботиться не о фактической истинѣ разсказа и о справедливости сужденій, а лишь о реторическомъ блескѣ, о прославленіи деспотовъ. Еще тяжелѣй пострадало ораторское искусство. У ораторовъ былъ отнятъ серьезный матеріалъ рѣчей, они не могли обличать ошибки и преступленія людей сильныхъ; полицейскій порядокъ прикрывалъ эти дѣла, и они были изъяты изъ юрисдикціи народнаго суда. Арена

ораторства ограничивалась совѣщаніями сената, происходившими подъ надзоромъ императора, потому лишенными свободы, или адвокатскими рѣчами по частнымъ дѣламъ передъ трибуналомъ центумвировъ. Содержаніе рѣчей стало мелочно, измельчали и таланты ораторовъ, заглохла та отрасль дѣятельности, въ которой умственныя силы римлянъ выказались съ наибольшимъ блескомъ.

Характеръ римской литературы.

Литературное и художественное образованіе расширялось при монархіи, но все таки не переходило за границы знатнаго сословія, сохраняло аристократическій характеръ. Писатели Августова вѣка систематически уклонялись отъ прежняго популярнаго тона, который могъ бы пріобрѣсти имъ болѣе многочисленную публику; они не интересовались похвалами простолюдиновъ, давали своему языку и стиху заботливую отдѣлку по греческимъ образцамъ, желая нравиться только людямъ классическаго образованія, собиравшимся въ столицѣ подъ покровительствомъ щедрыхъ вельможъ и смѣявшимся надъ людьми съ устарѣлымъ вкусомъ, привязанными къ старымъ временамъ, хвалившими Эннія, Луцилія и прежнихъ драматурговъ. Поэты золотого вѣка переносились въ воображаемый міръ, образованные люди того времени больше и больше устранялись отъ государственной жизни и патріотическихъ интересовъ, искали удовлетворенія себѣ въ области прекрасныхъ формъ; искусство и наука стали для нихъ главнымъ дѣломъ жизни, греческая поэзія и философія служили украшеніемъ ея; поэты слѣдовали этому направленію общества; и хотя александрійскіе поэты и ученые были посредниками между ними и греческою поэзіею, но, послушно слѣдуя за своими путеводителями, они предохранялись отъ ихъ ошибокъ широкою жизнью Рима, практическимъ характеромъ своей народности, личною своею даровитостью; не щеголяли сухой ученостью, не пренебрегали жизнью. Классическіе поэты Августова вѣка не достигли геніальной высоты и художественности старыхъ греческихъ поэтовъ; но форма ихъ произведеній прекрасна, языкъ ихъ правиленъ и благороденъ, у нихъ есть и легкость, и граціозность, и спокойная сила, а въ «Энеидѣ» вѣетъ патріотическое чувство, сдѣлавшее эту эпопею національнымъ твореніемъ.

Драма и театръ.

Подъ вліяніемъ этой классической литературы и ея изящнаго языка заглохли областныя италійскія нарѣчія и народная поэзія, какъ подъ давленіемъ монархіи замерла жизнь италійскихъ племенъ. Только въ одной отрасли поэзіи, въ драмѣ, сохранилось прежнее направленіе. Всѣ виды греческой драмы уже принадлежали прошлому, когда Плавтъ и Теренцій стали передѣлывать Менандра и Дифила для римской сцены. Римскіе драматурги монархическаго времени не могли дать ничего иного. Ученые драматурги Варій, Помпоній Секундъ, Овидій и другіе—пытались создать по правиламъ теоріи классическую трагедію; но ихъ труды имѣли мало успѣха. Драматическая поэзія не разви-

валась; но сценическое искусство достигло высокаго развитія, карьера актеровъ стала прибыльной, и сами актеры заняли почетное положеніе въ обществѣ. Благодаря вліянію знаменитыхъ актеровъ, какъ напримѣръ Клодія Эзопа и Квинта Росція, на сценѣ удержались старыя пьесы республиканскаго времени, и драматическая поэзія не совершенно исказилась, не превратилась въ пошлое фиглярство. Римскому народу были, кажется, непонятны или скучны художественныя драмы; въ угожденіе ему давались піэсы въ старо-италійскомъ вкусѣ, веселые фарсы съ плясками; главное дѣло въ нихъ была мимика, но съ нею соединялись разговоры; новыя піэсы этого рода имѣли форму, болѣе изящную, чѣмъ старинныя простонародныя. У римлянъ, кромѣ ателланъ, сельскихъ фарсовъ, были мимы, простонародныя піэсы, изображавшія городскую жизнь; онѣ состояли изъ ряда сценъ, нанизанныхъ одна на другую безъ особенной заботы о связи, оживленныхъ шутовствомъ, танцами, оркестромъ флейтъ; шутки въ нихъ были грубы до неприличія. Въ искусныхъ рукахъ Децима Лаберія и Публилія Сира эти фарсы стали картинами обыденной римской жизни. То была послѣдняя свѣжая отрасль національной литературы. При имперіи, когда замерла всякая свобода слова въ политической жизни, авторы и актеры мимовъ долго позволяли себѣ дѣлать иногда сатирическія выходки противъ сильныхъ людей, намеки на современныя событія. Но по вліянію Августа и Мецената развились въ параллель простонароднымъ мимамъ великолѣпные спектакли, предназначенные для образованныхъ классовъ и соотвѣтствовавшие своимъ характеромъ монархическому направленію, пантомимы; это было соединеніе балета съ оперою; постановка пантомимовъ была роскошна, костюмы дѣйствующихъ лицъ богаты; характеръ спектакля былъ сладострастный. Знаменитые артисты — Пиладъ, Батиллъ, Гиласъ — восхищали знатное общество въ пантомимахъ; оно страстно полюбило эти спектакли, возбуждавшие чувственность, и они вытѣснили со сцены драму. Въ пантомимѣ всѣ роли игралъ одинъ артистъ; это была нѣмая игра; онъ, подъ звуки оркестра и, вѣроятно, при пѣніи хора, изображалъ жестами, танцами, ритмическими движеніями трагическое или комическое событіе, заимствованное обыкновенно изъ греческой миѳологіи; это было высочайшее художественное развитіе стараго греческаго мимическаго танца (орхестики). Сходственна пантомиму была пирриха, заимствованная у грековъ и соотвѣтствовавшая нынѣшнему балету. Содержаніемъ пантомима и пиррихи были сладострастные эпизоды греческой миѳологіи, — любовь Ареса и Афродиты, Юпитера и Леды, любовныя исторіи Федры, Данаи, или сцены бурныхъ страстей: сумасшествіе Геракла, ярость Аякса, исторія Эдипа. Впечатлѣніе, производимое роскошной постановкою этихъ спектаклей, усиливалось великолѣпіемъ театровъ, которые стали со времени Помпея сооружаться въ замѣнъ прежнихъ временныхъ сцени-

ческихъ построекъ. Эти зданія были величественны и прекрасны. Чтобы завлекать въ театры простолюдиновъ, постановкѣ піэсъ придавали характеръ грубой роскоши, соотвѣтствовавшей ихъ вкусу. Въ «Клитемнестрѣ» (или «Эгистѣ») Ливія Андроника проходили по сценѣ 600 муловъ, а въ «Троянскомъ конѣ» его шли многочисленные отряды конницы и пѣхоты, такъ что зрители видѣли 3,000 позолоченныхъ щитовъ. Это дѣлало драмы похожими на игры цирка и амфитеатра, на кавалькады и на состязанія колесницъ, бывавшія тамъ, на гладіаторскіе бои и на битвы съ хищными звѣрями, которыя оставались любимыми зрѣлищами римлянъ и потому получали съ послѣднихъ годовъ республики все болѣе обширные размѣры. Каждый новый могущественный человѣкъ старался превзойдти своихъ предмѣстниковъ роскошью и громадностью этихъ зрѣлищъ, увеличить ихъ привлекательность новыми изобрѣтеніями; Августъ хотѣлъ затмить своими зрѣлищами всѣ прежнія. Мы уже говорили, что Помпей и Цезарь по-многу дней съ ряду держали народъ въ восторгѣ колоссальнымъ угощеніемъ, подарками и великолѣпными играми. Императоры и ихъ любимцы дѣлали то же; число дикихъ животныхъ, выводимыхъ на арену—львовъ, пантеръ, леопардовъ, слоновъ,—становилось все больше, и являлись новыя животныя. Число гладіаторовъ тоже увеличивалось. При трехдневномъ торжествѣ, которымъ съ неслыханнымъ великолѣпіемъ отпраздновалъ Августъ свое возвращеніе изъ Александріи, Римъ въ первый разъ увидѣлъ носорога и гиппопотама, и бились между собою плѣнные свевы и даки въ національныхъ костюмахъ. Скоро публикѣ привычно стало видѣть знатныхъ римлянъ, сенаторовъ и всадниковъ фехтующими въ амфитеатрахъ. Чтобъ удовлетворить возростающей страсти народа къ зрѣлищамъ, въ императорское время были прибавлены къ прежнимъ боямъ въ циркѣ, къ религіознымъ праздникамъ и процессіямъ блестящія, стоившія громадныхъ расходовъ сраженія на водѣ (навмахіи).

---

5. Германія.

А) Войны германцевъ *) съ римлянами за свободу.

а) Походы Друза и Тиберія за Рейнъ.

Походы Друза. Августъ не любилъ войны, онъ говорилъ, что лавры красивы, но
12—9 до Р.Х. безплодны; онъ гордился тѣмъ, что въ его правленіе римскій храмъ Януса нѣсколько разъ былъ затворенъ и что парояне добровольно возвратили знамена и плѣнниковъ, что были взяты при пораженіи Красса. Онъ думалъ о введеніи прочнаго порядка и благоустройства въ государствѣ, а не о расширеніи границъ; войны въ Испаніи и въ Альпахъ онъ велъ только для безопасности и упроченія ихъ; войны въ Далмаціи и въ Панноніи были оборонительныя. Только на Рейнѣ хотѣлъ онъ дѣлать завоеванія; они должны были служить продолженіемъ галльскихъ походовъ Цезаря; войны тамъ были фамильнымъ дѣломъ Августа, должны были увеличивать славу имени Юліевъ. Онъ далъ землямъ на Рейнѣ названія «Верхней Германіи» и «Нижней Германіи»; въ этихъ именахъ высказывалась его затаенная мысль расширить восточную границу государства до Эльбы, довершить созиданіе имперіи завоеваніемъ Германіи. Пока тишина въ Галліи не была упрочена и упрямые горцы альпійскихъ долинъ защищали свою старинную свободу, Августъ обращался съ германцами снисходительно. Онъ ввѣрилъ охраненіе своей особы и Капитолія отряду германскихъ
38. всадниковъ, слѣдуя въ этомъ примѣру божественнаго Юлія; а Випсаній Агриппа поселилъ, какъ мы говорили, на лѣвомъ берегу Рейна выгнанныхъ изъ родины свевами убіевъ и построилъ для нихъ укрѣпленный городъ, который впослѣдствіи былъ названъ «Агриппинской
16 до Р. Х. колоніей» (нынѣшній Кёльнъ). Августъ оставилъ даже безнаказаннымъ нападеніе на станъ Марка Лоллія, сдѣланное племенами, жившими на восточномъ берегу нижняго Рейна (они схватили и распяли на крестѣ римскихъ шпіоновъ, Лоллій пошелъ наказать ихъ за это, и они отплатили ему нападеніемъ). Но когда устройство галльскихъ провинцій было кончено и были покорены альпійскія земли, храбрый пасынокъ Августа Друзъ сталъ продолжать дѣло, начатое великимъ Цезаремъ, водившимъ легіоны за Рейнъ; онъ хотѣлъ раздвинуть за эту рѣку границы государства. Прежде всего онъ озаботился упроченіемъ римской власти надъ самой рѣкой: оградилъ крѣпкими стѣнами города, стоявшіе по Рейну отъ Базеля (Augusta Rauricorum) до Кёльна (Colonia Agrippina), — тѣ города, которые теперь называются Страсбургомъ (Argentoratum), Шпейеромъ, Вормсомъ, Бонномъ, и нѣкоторые другіе (III, стр. 822), построилъ (близъ нынѣшняго Ксантена) укрѣпленный станъ, который получилъ названіе «Стараго Стана» (Castra Vetera); построилъ другія новыя укрѣпленія, охранявшія рѣку и служившія опорными пунктами для походовъ на восточный берегъ ея. Сдѣлавъ это, онъ началъ покореніе Германіи
съ ея сѣвернаго края. Онъ склонилъ къ союзу съ римлянами батавовъ, жившихъ по болотистому низовью отъ Рейна и Вааля до Нѣмецкаго моря, и фризовъ, ихъ восточныхъ сосѣдей, жившихъ по приморью до Эмса; послѣ того онъ провелъ судоходный каналъ, который до сихъ поръ сохранилъ его имя, соединилъ имъ низовье Рейна черезъ рѣку Эйссель съ озеромъ Флевономъ (въ то время это было озеро, отдѣлявшееся отъ моря низменной полосой земли и соединявшееся съ нимъ судоходной рѣкой; впослѣдствіи низменная полоса была размыта морскими волнами во время сильныхъ бурь и озеро обратилось въ тотъ заливъ, который называется Зёйдерзе). Этимъ путемъ Друзъ поплылъ изъ Рейна, на которомъ былъ построенъ его флотъ, въ Нѣмецкое море и вдоль фризскаго берега приплылъ къ устью Эмса. Тамъ его легіоны имѣли нѣсколько сраженій съ бруктерами и хавками. При отливѣ вода ушла изъ-подъ кораблей, они остались сидящими на землѣ и подверглись большой опасности. Только помощь фризовъ, союзниковъ Друза, шедшихъ за ними по берегу, спасла флотъ отъ гибели. Когда приливъ поднялъ корабли, Друзъ поплылъ назадъ въ Батавію. 12.

Итакъ экспедиція осталась безуспѣшной; но смѣлость ея, кажется, испугала германцевъ. Племена, жившія между Рейномъ и Везеромъ вступили между собой въ союзъ для защиты своей земли противъ угрожающаго врага. Но хатты не захотѣли присоединиться къ союзу; сосѣди ихъ сигамбры напали на нихъ за это. Друзъ, проживши зиму
въ Римѣ, вернулся на Рейнъ и пошелъ изъ Castra Vetera (Ксантена) 11.
въ Германію. Онъ покорилъ узипетовъ, навелъ мостъ черезъ Лупію (Липпе), вступилъ въ землю сигамбровъ; они ушли, не пытаясь сопротивляться, онъ прошелъ въ землю херусковъ, жившихъ на лѣвомъ берегу Везера. Недостатокъ въ провіантѣ и приближеніе зимы вынудили его вернуться. При отступленіи римлянъ германцы непрерывно нападали на нихъ; въ тѣсномъ горномъ проходѣ войско Друза было окружено ими и погибло бы, если бы германцы не вообразили, что побѣда уже рѣшена и не бросились въ безпорядкѣ истреблять римлянъ. Римское войско сохраняло порядокъ, и германцы были отражены. Римляне построили при сліяніи рѣкъ Лупіи и Элизона (Альмы) укрѣпленіе Ализонъ, оставили тамъ отрядъ войска и такимъ

*) По примѣру многихъ нѣмецкихъ историковъ, Веберъ безразлично употребляетъ названія «германцы» и die Deutschen, говоря о германцахъ въ первые вѣка нашей эры, и дѣлаетъ оговорку, что слово deutsch начинаетъ встрѣчаться лишь съ IX вѣка. *Прим. перев.*

образомъ приготовили себѣ операціонный базисъ для слѣдующихъ экспедицій, близъ мѣста, гдѣ стоитъ теперь Падерборнъ, вѣроятно, тамъ, гдѣ теперь селеніе Эльзенъ. Войско дало Друзу почетный титулъ императора; Августъ не утвердилъ его за нимъ, но дозволилъ ему въѣхать въ Римъ на конѣ процессіею и при этомъ имѣть на себѣ эмблемы тріумфатора.

10. Августъ самъ пріѣхалъ на Рейнъ и переговорилъ съ нимъ; Друзъ въ слѣдующемъ году построилъ на этой рѣкѣ рядъ укрѣпленій, дававшихъ повсюду возможность безопасной переправы. Ихъ было больше пятидесяти; самымъ значительнымъ изъ нихъ былъ укрѣпленный станъ противъ Могунціака (Майнца); впослѣдствіи времени изъ этого стана выросъ городъ (Кастель). Боннъ былъ соединенъ съ правымъ берегомъ рѣки мостомъ. Уголъ между Рейномъ, Майномъ и Ланомъ былъ защищенъ линіею окоповъ, проведенныхъ по хребту Тавна; остатки ихъ называются до сихъ поръ Друзовымъ рвомъ; центромъ укрѣпленій была крѣпость Артавнъ (Зальцбургъ), близъ Гомбурга. Этимъ были положены основанія тому огромному валу, который впослѣдствіи отдѣлялъ римскую часть Германіи отъ независимой. Сдѣлавъ эти подготовленія, Друзъ предпринялъ третій походъ въ Германію; онъ былъ направленъ въ среднюю полосу страны и былъ гораздо важнѣе прежнихъ. Войска храбрыхъ нервійцевъ и другихъ галльскихъ племенъ шли съ легіонами Друза; фризы, съ которыми былъ онъ въ союзѣ, доставляли ему провіантъ; онъ пошелъ вверхъ по правому берегу Майна на сѣверо - востокъ; въ кровопролитномъ сраженіи разбилъ хаттовъ, перешелъ Верру и черезъ Герцинскій лѣсъ (Тюрингскій лѣсъ, Thüringerwald) прошелъ въ землю херусковъ, шелъ мѣстами, въ которыхъ еще не бывали римляне, областями племенъ, не слышавшихъ римскаго имени, дошелъ до западнаго берега Эльбы. Онъ хотѣлъ перейдти и за эту рѣку, но по преданію, пересказываемому Діономъ, ему явилась женщина исполинскаго роста и сказала ему на латинскомъ языкѣ: «Друзъ, куда идешь ты, ненасытный? Тебѣ не суждено видѣть здѣшнихъ земель; вернись, ты уже стоишь у цѣли своихъ подвиговъ и своей жизни!» Онъ поспѣшно пошелъ назадъ, потому что приближалась зима, и на отступленіи умеръ,—по однимъ
9. извѣстіямъ, отъ болѣзни, по другимъ—оттого, что лошадь его упала и онъ сломалъ себѣ ногу. При его кончинѣ находился пріѣхавшій къ нему братъ Тиберій. Онъ умеръ на тридцатомъ году. Тѣло его было принесено въ Могунціакъ, оттуда съ большими почестями перевезено черезъ Галлію въ Римъ и предано сожженію на Марсовомъ полѣ; урна съ его прахомъ была поставлена въ императорской гробницѣ. Близъ Могунціака былъ сооруженъ памятникъ ему (находящіяся близъ Майнца развалины зданія, называемаго Эйгельштейномъ, считаются остатками этого памятника); тамъ ежегодно легіоны совершали праздникъ съ играми въ память о храбромъ и любимомъ

полководцѣ, который первый изъ всѣхъ римлянъ доходилъ до Эльбы. На Аппіевой дорогѣ были построены тріумфальныя ворота въ честь его. За побѣды надъ германцами Августъ далъ ему титулъ Германика («Германскаго»). Этотъ титулъ перешелъ къ его сыну.

Главнокомандующимъ на Рейнѣ становится Тиберій. 8.

Мѣсто храбраго Друза занялъ его братъ Тиберій, искусный полководецъ и дипломатъ. Онъ предпочелъ дѣйствовать переговорами, хитростью, коварствомъ, и этимъ путемъ достигъ успѣховъ, болѣе значительныхъ, чѣмъ его братъ силой оружія. Тиберій убѣдилъ племена западной Германіи, даже и сигамбровъ, сначала не поддававшихся его хитрости, отправить знатныхъ старшинъ съ предложеніемъ мира къ императору, пріѣхавшему въ Галлію. Противузаконно и безчестно эти послы были арестованы и отправлены по разнымъ городамъ Галліи жить подъ стражей; римляне хотѣли держать ихъ у себя, какъ заложниковъ. Они лишили себя жизни, чтобъ забота о ихъ судьбѣ не стѣсняла свободу дѣйствій ихъ соплеменниковъ; но коварство римлянъ все-таки достигло своей цѣли. Германцы были смущены извѣстіемъ о томъ, что ихъ послы взяты подъ стражу; Тиберій воспользовался разстройствомъ ихъ и немедленно повелъ легіоны за Рейнъ; лишенныя своихъ вождей, несогласныя между собою германскія племена не могли оказать сильнаго сопротивленія. Тиберій побѣдоносно прошелъ по ихъ областямъ, увелъ на лѣвый берегъ Рейна 40,000 германцевъ, большею частью сигамбровъ, далъ имъ землю тамъ; запуганныя племена, отчаявшись въ возможности сопротивленія, одно за другимъ покорялись римлянамъ; земли между Рейномъ и Ве-

Между 6 и 1 до Р. Х.

зеромъ были сдѣланы римской провинціей. Есть разсказъ, что одинъ изъ германскихъ родоначальниковъ переплылъ черезъ Рейнъ въ римскій станъ, попросилъ позволенія видѣть Тиберія и приведенный къ нему воскликнулъ, что до сихъ поръ только слышалъ о богахъ, а теперь благословляетъ день, въ который сподобился своими глазами видѣть бога. Поклоненіе силѣ оружія, бывшее религіознымъ чувствомъ римлянъ, производило подавляющее дѣйствіе и на германцевъ.

Побѣды Домиція Агенобарба.

Событія слѣдующихъ лѣтъ не извѣстны намъ въ точности. Августъ далъ Тиберію за его побѣды надъ германцами тріумфъ; но съ этого тріумфа начался и періодъ немилости императора къ Тиберію, который цѣлыя семь лѣтъ прожилъ въ Родосѣ. Мы не имѣемъ опредѣленныхъ свѣдѣній за эти годы о Германіи. Историки упоминаютъ лишь о походѣ Домиція Агенобарба, надменнаго человѣка, бывшаго въ родствѣ съ императорскимъ семействомъ. Онъ ходилъ за Эльбу, поставилъ на восточномъ берегу ея жертвенникъ Августу, перевелъ гермундуровъ, одно изъ германскихъ племенъ тѣхъ мѣстъ, въ Южную Германію, поселилъ ихъ между Майномъ и Дунаемъ и началъ постройку «длинныхъ мостовъ», бревенчатыхъ гатей, которыя вели отъ Рейна къ Везеру и облегчали движенія легіоновъ

черезъ эти земли, гдѣ было множество болотъ. И Домицій, и преемникъ его Виниций заслужили своими побѣдами надъ германцами почесть тріумфа; но подробностей о ихъ побѣдахъ мы не знаемъ. Августъ запретилъ римскимъ военачальникамъ ходить за Эльбу; судя по этому можно полагать, что походы за эту рѣку были неуспѣшны. Было рѣшено вмѣсто силы оружія вновь употреблять болѣе вѣрныя средства: обольщеніе, хитрость, коварство; потому снова отправился на Рейнъ мастеръ въ искусствѣ обманывать, Тиберій. Начальникомъ конницы у него былъ историкъ Веллей Патеркулъ, низкій льстецъ, съ пышнымъ велерѣчіемъ прославляющій подвиги своего обожаемаго повелителя, сіяніемъ его озаряющій и себя самого. Двумя походами Тиберій покорилъ племена, жившія между Везеромъ и Эльбой: херусковъ, исполиновъ хавковъ, лангобардовъ, «превосходившихъ своею дикостью даже мѣру германской дикости»; межъ тѣмъ какъ покорялъ ихъ Тиберій, флотъ его шелъ вдоль берега Нѣмецкаго моря, покорилъ канинефатовъ, аттуарійцевъ, бруктеровъ, вошелъ въ Эльбу, поднялся по ней до мѣста, гдѣ было сухопутное войско. Но какъ ни блестящи были эти подвиги, римское владычество не укоренилось въ той части Германіи; свобода ея подвергалась лишь мимолетной опасности, и когда легіоны ушли, возстановилась; но Тиберію удалось установить римскую власть надъ племенами между Рейномъ и Везеромъ. Римскія войска на Рейнѣ были многочисленны, имѣли сильные операціонные базисы въ укрѣпленныхъ станахъ, особенно въ Ксантенскомъ и Ализонскомъ; Тиберій мастерски обольщалъ, подкупалъ, обманывалъ; разрозненные между собою германцы привыкали повиноваться Риму; въ особенности стали сближаться съ римлянами эти племена, когда правителемъ Германіи сталъ Сенцій Сатурнинъ, честный и благоразумный человѣкъ, умѣвшій соединять военную строгость съ любезностью доброжелательнаго правителя. Онъ пріучалъ дикарей понимать пользу цивилизаціи, они видѣли превосходство римскаго образа жизни надъ ихъ привычками, начинали замѣчать, что они грубые дикари, цѣнить законный порядокъ и тѣ удовольствія, какими пользуются образованные люди. Укрѣпленные станы легіоновъ сдѣлались рынками, на которыхъ иноземные купцы предлагали дикарямъ товары южныхъ странъ; германцамъ нравились пріятности цивилизованной жизни. Они вошли въ тѣсныя сношенія съ римлянами, научались ихъ языку и обычаямъ; римское право распространялось въ Западной Германіи; молодые германцы служили въ римскихъ войскахъ, щеголяли римскими военными нарядами, гордились, получая право римскаго гражданства. Германская національность подвергалась большой опасности: можно было полагать, что римляне успѣли упрочить свое владычество за Рейномъ и Дунаемъ; въ римскихъ войскахъ служили германскіе князья, какъ напримѣръ, Марбодъ и Арминій; повидимому, они были

Тиберій снова начальствуетъ надъ войсками на Рейнѣ 4—6 по Р. Х.

Сатурнинъ.

вѣрные слуги. Но оказалось, что любовь къ свободѣ и родинѣ еще не умерла въ германцахъ.

Марбодъ.

Марбодъ былъ военачальникъ маркомановъ, храбраго племени, которое принадлежало къ свевскому союзу и которому римляне поручили охранять границу на югѣ отъ Майна; человѣкъ знатнаго рода, Марбодъ былъ крѣпокъ тѣломъ и отваженъ духомъ; въ молодости онъ два года прожилъ въ Римѣ, пріобрѣлъ расположеніе Августа и до такой степени усвоилъ себѣ римскую культуру, что въ немъ, какъ говорили римляне, почти невозможно было узнать варвара. Около того времени, какъ Друзъ ходилъ къ Эльбѣ, Марбодъ, научившійся римскому военному искусству и ознакомившійся съ римской политикой, возвратился на родину. Сдѣлавшись правителемъ своего племени, онъ увелъ маркомановъ съ береговъ Рейна и Майна, изъ опаснаго для нихъ сосѣдства римлянъ, задумалъ поселить ихъ дальше отъ римлянъ на востокѣ. Силой или мирнымъ договоромъ съ туземцами, онъ пріобрѣлъ своему племени безопасную страну, окруженную горами землю боіевъ (Bojohaemum, Богемію). Эту обширную крѣпость, созданную природой, онъ сдѣлалъ центромъ союза племенъ, границы котораго доходили до сѣвернаго берега Дуная и который долженъ былъ остановить расширеніе римскаго государства. Марбодъ окружилъ себя тѣлохранителями, подобно императору. Его многочисленное храброе войско было обучено по-римски, и скоро маркоманская федерація стала такъ сильна, что внушила опасенія римлянамъ. Осторожный и хитрый Марбодъ сначала притворялся усерднымъ другомъ ихъ, облегчилъ римскимъ купцамъ пріѣздъ въ свою землю; но вмѣстѣ съ могуществомъ росла и его гордость; онъ сталъ говорить такъ горделиво, что была видна его твердая увѣренность въ своихъ силахъ. Царство его сдѣлалось убѣжищемъ всѣхъ недовольныхъ и преслѣдуемыхъ римлянъ.

Отношенія Марбода къ римлянамъ во время возстанія паннонцевъ 6—9 по Р. Х.

Въ Римѣ нашли, что нельзя бездѣйственно смотрѣть на то, какъ ростетъ могущество маркоманскаго царства, граница котораго дошла до Дуная. Было рѣшено разрушить это царство одновременнымъ нападеніемъ съ востока и запада. Тиберій собиралъ въ Карнунтѣ большое войско, съ которымъ хотѣлъ идти вверхъ по Дунаю, а Сенцій Сатурнинъ долженъ былъ идти на Марбода изъ земли хаттовъ черезъ Герцинскій лѣсъ. Планъ былъ составленъ хорошо, но не былъ
6.
исполненъ. Возстаніе паннонскихъ племенъ принудило Тиберія вести легіоны на низовье Дуная, и Августъ поспѣшилъ заключить съ Марбодомъ миръ, на выгодныхъ для него условіяхъ, чтобы онъ остался въ своихъ горахъ, не увеличилъ своимъ нападеніемъ опасность, грозившую Риму на востокѣ отъ Адріи. Мы уже говорили (стран. 12) объ ужасной войнѣ, которою римляне, опустошивъ Паннонію, покорили ее. Когда Германикъ привезъ въ Римъ извѣстіе о побѣдонос-
9.
номъ окончаніи трехлѣтней борьбы, тамъ поднялся восторгъ. Были совершаемы праздники, воздвигаемы памятники во славу римскихъ подвиговъ. Но скоро праздники смѣнились трауромъ, благодарственныя молитвы — мольбами объ избавленіи отъ бѣдъ. Римъ былъ пора-

женъ, какъ молніею съ яснаго неба, ужасной вѣстью о погибели войска въ Германіи.

b) ПОРАЖЕНІЕ ВАРА ВЪ ТЕВТОБУРГСКОМЪ ЛѢСУ.

Квинктилій Варъ.

Преемникомъ благоразумнаго Сенція Сатурнина въ управленіи Германіею былъ Квинктилій Варъ, человѣкъ ограниченнаго ума, девять лѣтъ управлявшій изнѣженною Сиріею, привыкшій тамъ, при раболѣпной покорности населенія, беззаботно предаваться своей склонности къ спокойной роскошной жизни и удовлетворять свою алчность. По выраженію Веллеія, онъ пріѣхалъ въ богатую страну бѣднякомъ и уѣхалъ изъ обѣднѣвшей страны богачемъ. Когда онъ сталъ правителемъ Германіи, онъ былъ уже очень пожилой человѣкъ и думалъ вести въ своей новой провинціи ту безпечную, пріятную жизнь, къ какой привыкъ на роскошномъ, послушномъ Востокѣ; онъ устранялся отъ всякихъ хлопотъ, легкомысленно пренебрегалъ затрудненіями. Думаютъ, что великолѣпная, серебряная посуда, найденная въ Гильдесгеймѣ, принадлежала ему; если дѣйствительно такъ, то мы можемъ составить себѣ по ней отчетливое понятіе о роскошной обстановкѣ жизни Вара. Но онъ былъ опытный администраторъ, потому Августъ считалъ его человѣкомъ, способнымъ обратить завоеванную часть Германіи въ римскую провинцію и, вмѣстѣ съ начальствомъ надъ войсками, поручилъ ему гражданское управленіе ею. Такимъ образомъ онъ былъ, собственно говоря, первымъ римскимъ правителемъ Германіи.

Германцы подъ римскимъ владычествомъ.

Жизнь покоренной части Германіи получила уже такой спокойный характеръ, что Вару легко было вообразить, будто германцы расположены безъ сопротивленія подчиниться своему новому положенію: они высказывали желаніе усвоить себѣ привычки образованной жизни, охотно шли на службу въ римское войско, привыкали къ римскому быту. Варъ не понялъ того, что они хотятъ усвоить себѣ только формы иноземнаго быта, но вовсе не желаютъ отказываться отъ своей народности и независимости. Онъ имѣлъ безрасудство ввести у германцевъ римскіе налоги, римскій судъ, дѣйствовалъ произвольно, открылъ широкій просторъ притѣсненіямъ второстепенныхъ правителей, ихъ служащихъ, откупщиковъ, ростовщиковъ. Самъ онъ, человѣкъ знатной фамиліи, родственникъ императора, богачъ, привлекалъ къ себѣ германскихъ князей и вельможъ великолѣпіемъ своего двора, роскошнымъ образомъ жизни, свѣтской любезностью, а его помощники, римскіе юристы и сборщики налоговъ насильственно притѣсняли народъ. Сѣверозападная Германія начинала по наружности походить на другія римскія провинціи: Варъ вводилъ въ ней римскую администрацію, римское судопроизводство. Въ своемъ укрѣпленномъ станѣ на рѣкѣ Липпе въ землѣ херусковъ онъ засѣдалъ на судейскомъ креслѣ, какъ преторъ въ Римѣ, разбиралъ ссоры германцевъ между собою, съ римскими воинами и купцами не по германскому обычному праву, которое зналъ и считалъ справедливымъ каждый свободный германецъ, а

по римскимъ законамъ и по рѣшеніямъ ученыхъ юристовъ, неизвѣстнымъ народу, на чужомъ для него латинскомъ языкѣ, и чужеземцы, слуги правителя, исполняли съ неумолимой строгостью его приговоры. Германцы видѣли, то, о чемъ и не слыхивали до этой поры; ихъ соплеменниковъ, свободныхъ людей, сѣкли розгами, они видѣли и другое тоже неслыханное до той поры: головы германцевъ падали подъ сѣкирами ликторовъ по приговору иноземнаго судьи. Свободные германцы подвергались за мелкіе проступки тѣлесному наказанію, которое по ихъ понятіямъ безчестило человѣка на всю жизнь; иноземный судья произносилъ смертные приговоры, которые по германскому обычаю могло постановлять только свободное собраніе народа, германцы были обложены денежной податью и натуральными повинностями, совершенно не извѣстными имъ раньше того. Князья и вельможи обольщались роскошными обѣдами Вара, изящными формами римскаго быта; но простолюдины, безъ сомнѣнія, терпѣли много обидъ отъ надменности римскихъ администраторовъ и воиновъ.

Арминій.

Нужна была вся притѣснительность правленія алчнаго и безразсуднаго иноземнаго деспота, чтобы германцы нашли постыднымъ для себя римское владычество и чтобы пробудилась въ нихъ задремавшая любовь къ свободѣ. Подъ руководствомъ отважнаго и осторожнаго князя херусковъ, Арминія, херуски, бруктеры, хатты и другія племена заключили между собою союзъ для того, чтобы свергнуть римское иго. Арминій въ молодости служилъ въ римскомъ войскѣ, выучился у враговъ ихъ военному искусству, получилъ право римскаго гражданства и санъ всадника; онъ былъ тогда въ цвѣтѣ лѣтъ, отличался красотою лица, силою руки, проницательностью ума, былъ человѣкъ пламенной отваги. Его отецъ Сегимеръ и родственный ему князь Сегестъ пользовались довѣріемъ Вара; пользовался имъ и онъ. Это облегчало ему исполненіе замысла. Преданный римлянамъ, завидовавшій славѣ и вліянію Арминія, Сегестъ предостерегалъ Вара; но римскій правитель оставался безпеченъ, считая его извѣщенія клеветой. Боги ослѣпляли Вара, чтобы Германія освободилась.

Битва въ Тевтобургскомъ лѣсу. (Сентябрь?) 9.

Осенью 762 года отъ основанія Рима Варъ, беззаботно роскошничавшій въ своемъ лѣтнемъ станѣ, былъ встревоженъ извѣстіемъ, что одно изъ отдаленныхъ племенъ возстало противъ римлянъ. Кажется, руководители заговора преднамѣренно возбудили этотъ мятежъ, чтобы заманить римлянъ въ далекую мѣстность, не удобную для нихъ. Ничего не подозрѣвая, Варъ съ войскомъ, находившимся въ лѣтнемъ станѣ, тотчасъ же пошелъ возстановить порядокъ и потомъ вернуться въ укрѣпленные зимніе станы на Рейнѣ. Нѣмецкіе князья съ своими отрядами сопровождали римское войско; римскіе воины взяли съ собой женъ, дѣтей, весь обозъ, такъ что колонна растянулась на необозримую длину. Когда легіоны пришли въ покрытыя лѣсами, перерѣзанныя низменными долинами горы, около Везера, близъ нынѣшняго города Детмольда, они увидѣли, что проходы черезъ ущелья и густые лѣса завалены огромными деревьями,

положенными валомъ поперекъ дороги. Медленно подвигались они по размытой непрерывными дождями скользкой почвѣ, и вдругъ напали на нихъ со всѣхъ сторонъ враги; германскіе князья и отряды, сопровождавшіе римлянъ, присоединились къ врагамъ. Нападающіе все больше и больше тѣснили римлянъ; войско было въ смятеніи. Самимъ нападать на враговъ римлянамъ не было возможности; они только отбивались отъ нападеній, длившихся безъ перерыва. Къ вечеру Варъ дошелъ до поляны, раскинулъ на ней станъ. Римляне сожгли часть обоза и утромъ пошли на западъ, думая пробиться до укрѣпленія, бывшаго на Липпе. Но въ лѣсистыхъ Оснингскихъ горахъ, между истоками Липпе и Эмса, въ Тевтобургскомъ лѣсу, какъ называли римляне эту мѣстность, нападеніе враговъ возобновилось, и отбиваться теперь было еще труднѣе прежняго, потому что оно велось по обдуманному плану, подъ управленіемъ Арминія. Германскіе князья рѣшили безпощадно истребить римлянъ. Вечеромъ легіоны, упавшіе духомъ стали плохо укрѣпленнымъ станомъ; на слѣдующее утро возобновили свой мучительный походъ; дождь лилъ непрерывно; стрѣлы и дротики германцевъ поражали римлянъ; они едва могли подвигаться по глубокой грязи, дошли, наконецъ, до болотистой лѣсной равнины, на которой ожидала ихъ погибель. По распоряженію Арминія, управлявшаго съ холма дѣйствіями германцевъ, враги со всѣхъ сторонъ бросились на утомленныхъ римлянъ, не давъ имъ времени построиться въ боевые ряды. Скоро исчезъ въ войскѣ всякій порядокъ. Варъ былъ раненъ; отчаявшись въ спасеніи, онъ бросился на свой мечъ, не желая пережить стыдъ пораженія. Многіе изъ военачальниковъ послѣдовали его примѣру; другіе искали смерти въ битвѣ. Орлы легіоновъ были взяты и преданы поруганію; лѣсистая низменность далеко кругомъ была покрыта тѣлами римлянъ. Лишь немногіе успѣли уйдти въ Ализонъ; кромѣ нихъ, всѣ тѣ, которые не были убиты, попали въ плѣнъ. Ужасна была злоба съ какою германцы мстили за порабощеніе. Много знатныхъ римлянъ, военныхъ трибуновъ и центуріоновъ были зарѣзаны на жертвенникахъ боговъ; римскіе судьи предавались мучительной смерти. Головы убитыхъ были повѣшены на деревьяхъ, кругомъ поля битвы, какъ трофеи побѣды. Тѣ, которыхъ не убили побѣдители, были осуждены ими на постыдное рабство. Много римлянъ всадническихъ и сенаторскихъ фамилій провели всю жизнь работниками или пастухами у германскихъ поселянъ. Мщеніе не щадило и мертвыхъ. Германцы вырыли изъ могилы тѣло Вара, похороненное римскими воинами и послали отрѣзанную его голову Марбоду, который послѣ переслалъ ее въ Римъ императору. Такъ погибло храброе войско, въ которомъ считалось 50.000 человѣкъ. Понятно, что Августъ былъ повергнутъ въ глубокую печаль извѣстіемъ о событіи, совершившемся въ Тевтобургскомъ лѣсу; въ отчаяніи онъ восклицалъ: «Варъ, отдай мнѣ мои

легіоны!» Многимъ знатнымъ фамиліямъ пришлось оплакивать смерть близкихъ родственниковъ. Игры и праздники прекратились. Шумный Римъ онѣмѣлъ. Августъ отослалъ на острова своихъ германскихъ тѣлохранителей. Ночью по улицамъ ходили военные караулы. Давались обѣты богамъ, былъ произведенъ въ широкомъ размѣрѣ наборъ новыхъ воиновъ. Римляне боялись, что возобновятся ужасные годы нашествія кимбровъ и тевтоновъ.

Взятіе Ализона.

За пораженіемъ войска слѣдовало взятіе римскихъ укрѣпленій между Рейномъ и Везеромъ. Дольше всѣхъ другихъ держался Ализонъ, куда римляне увезли женъ и дѣтей и гдѣ собрались успѣвшіе бѣжать отъ пораженія въ Тевтобургскомъ лѣсу. Когда съѣстные припасы истощились, осажденные попытались въ бурную ночь пройдти сквозь караулы осаждающихъ; но только вооруженнымъ людямъ удалось проложить себѣ мечомъ дорогу къ Рейну, гдѣ стоялъ легатъ Луцій Аспренатъ, племянникъ Вара; безоружные были почти всѣ взяты побѣдителями и раздѣлили участь другихъ плѣнныхъ. Ализонъ былъ разрушенъ. Аспренатъ, стоявшій на Рейнѣ съ двумя легіонами, долженъ былъ наблюдать, чтобы не увлеклись мыслью о возстаніи впечатлительные галлы, и не могъ идти противъ германцевъ. Такимъ образомъ владычество римлянъ на правомъ берегу Рейна было уничтожено. Только племена сѣвернаго приморья, фризы, хавки и сосѣди ихъ остались союзниками римлянъ. Тиберій, поспѣшно пришедшій на Рейнъ съ новыми легіонами, ограничился тѣмъ, что укрѣпилъ рейнскую границу и наблюдалъ за галлами.

Третій пріѣздъ Тиберія на Рейнъ 10—13.

Въ слѣдующемъ году онъ перешелъ за Рейнъ, чтобы показать германцамъ, что сила римлянъ не сломлена; но не отходилъ далеко отъ берега; по всему было видно, что онъ понимаетъ опасность, какой угрожаютъ германцы римскому владычеству въ Галліи, воспользовался горькимъ опытомъ Вара. Онъ соблюдалъ строгую дисциплину, требовалъ отъ воиновъ суровой жизни и самъ показывалъ примѣръ имъ въ этомъ. Веллей превозноситъ своего героя. Возвратившись въ 12 году съ Рейна, Тиберій праздновалъ тріумфъ за усмиреніе мятежа германцевъ; но онъ не одержалъ такихъ побѣдъ, которыя загладили бы позоръ пораженія въ Тевтобургскомъ лѣсу. Отомстилъ за Вара только уже храбрый Германикъ, сынъ его брата, Друза, получившій по его отъѣздѣ съ Рейна начальство надъ всѣми войсками на этой рѣкѣ и управленіе Галліей.

c) Походы Германика.

Мятежъ легіоновъ на нижнемъ Рейнѣ 14.

По смерти Августа Германикъ былъ испуганъ извѣстіемъ, что въ Castra Vetera, главномъ станѣ по нижнему теченію Рейна, вспыхнулъ мятежъ. Восшествіемъ Тиберія на престолъ и траурными це-

ремоніями, совершавшимися въ память Августа, были прерваны военныя упражненія, ослаблена дисциплина; умы воиновъ наполнились всяческими надеждами, и почти одновременно поднялись опасныя волненія въ паннонскихъ и въ германскихъ легіонахъ. Германикъ, занимавшійся въ Галліи переписью народа и оцѣнкой имущества, поспѣшилъ на нижній Рейнъ. Онъ нашелъ войско буйствующимъ; воины отбросили всякое повиновеніе начальству, всякую дисциплину, жаловались на долгую и тяжелую службу, требовали подарковъ и прибавки жалованья, шумно предлагали Германику санъ императора, грозили посламъ сената, которые привезли извѣстіе о томъ, что императоромъ сталъ Тиберій, оскорбляли, били ихъ, искавшихъ спасенія себѣ у жертвенниковъ. Сами мятежники перессорились; между ними произошла кровопролитная схватка, въ которой были убиты отважнѣйшіе руководители ихъ *); Германику съ большимъ трудомъ удалось наконецъ возстановить порядокъ. Мятежъ иллирскихъ легіоновъ былъ усмиренъ сыномъ Тиберія, Друзомъ.—Германскіе легіоны потребовали, чтобы Германикъ велъ ихъ на непріятеля; они хотѣли искупить этимъ свое преступленіе: имъ казалось, что тѣни убитыхъ ими товарищей примирятся съ ними лишь, когда они получатъ славныя раны въ бою съ врагами. Германикъ воспользовался ихъ воинственнымъ настроеніемъ и повелъ ихъ за Рейнъ.

Германикъ. Германикъ былъ однимъ изъ послѣднихъ героевъ падающаго Рима. Онъ былъ тогда въ цвѣтѣ лѣтъ. Одаренный прекрасными качествами тѣла и души, онъ былъ храбрый воинъ, красивый, величавый мужчина, получилъ прекрасное образованіе, хорошо зналъ греческую литературу, былъ даровитый ораторъ и поэтъ, человѣкъ добраго, благороднаго характера. Онъ былъ любимецъ легіоновъ и народа; его уважали. Онъ напоминалъ своего отца, Друза, но былъ еще благороднѣе и даровитѣе; его женой была Агриппина, внука Августа, превосходная женщина; у нихъ было нѣсколько человѣкъ прекрасныхъ дѣтей; мать его была Антонія, дочь тріумвира;—все это возвышало его въ глазахъ народа. Побѣды въ Панноніи, въ Далмаціи пріобрѣли ему довѣріе и привязанность воиновъ; любезностью характера, привѣтливостью, исполненной достоинства, онъ привлекалъ къ себѣ сердца всѣхъ. Когда онъ, говоритъ Тацитъ, ходилъ вечеромъ переодѣтый по стану, чтобы неузнаваемый въ темнотѣ воинами вывѣдывать настроеніе ихъ мыслей, онъ слышалъ изъ шатровъ горячія

*) Тацитъ, Annales, II, 49; ни одно изъ прежнихъ междоусобій еще не представляло такого зрѣлища: въ битву между собой вступили не войска, вышедшія изъ разныхъ становъ, а воины жившіе въ однихъ и тѣхъ же шатрахъ, обѣдавшіе вмѣстѣ, ночевавшіе рядомъ; былъ крикъ, наносились раны, текла кровь,—это было видно; но изъ-за чего все это—было непонятно; дѣломъ правилъ случай».

похвалы ему; когда онъ пріѣзжалъ въ Римъ, вокругъ него постоянно тѣснились преданные ему люди всѣхъ сословій. По желанію Августа, Тиберій усыновилъ его; но благородный характеръ и дарованія молодого героя возбуждали въ мрачной душѣ Тиберія зависть и подозрѣніе; эти чувства усилились въ новомъ императорѣ, когда легіоны нижняго Рейна предложили Германику императорскій санъ: Тиберій увидѣлъ изъ этого, до какой степени опасенъ можетъ стать для него усыновленникъ, любимецъ легіоновъ. Народъ ожидалъ отъ Друза, что онъ возстановитъ республику; того же надѣялись теперь отъ его сына. Основною причиною мятежа легіоновъ нижняго Рейна было ихъ убѣжденіе, что Германикъ не захочетъ подчиниться Тиберію. И хотя онъ постоянно выказывалъ преданность новому императору; но ни чѣмъ не могъ разсѣять опасеній подозрительнаго дяди. Тиберій постоянно припоминалъ слова легіоновъ любимому полководцу, что если онъ хочетъ быть императоромъ, то они готовы стоять за него. Привѣтливость, добродушіе Германика казались Тиберію хитростью, посредствомъ которой тотъ пролагаетъ себѣ путь къ верховной власти.

Первый походъ Германика 14. Обстоятельства, при которыхъ Германикъ предпринялъ походъ за Рейнъ, были благопріятны римлянамъ. Послѣ побѣды надъ Варомъ германцы вообразили себя безопасными, забыли осторожность; союзъ ихъ племени распался, князья ихъ ссорились. Сегестъ, уже и прежде завидовавшій Арминію и непріязненный ему, ожесточился на него за похищеніе своей дочери Туснельды, которая охотно послѣдовала за похитителемъ и стала его женой. Благодаря всему этому, походъ, начатый Германикомъ осенью того года, былъ успѣшенъ. Съ легіонами шли вспомогательныя войска союзныхъ римлянамъ германцевъ. Въ звѣздную ночь Германикъ незамѣтно окружилъ марсовъ, праздновавшихъ веселымъ пиромъ религіозное торжество, напалъ на нихъ въ расплохъ, безпощадно истребилъ ихъ, разрушилъ святилище, пользовавшееся большимъ уваженіемъ въ тѣхъ мѣстахъ, опустошилъ огнемъ и мечомъ землю марсовъ на десять миль. Раздраженные предательскимъ нападеніемъ бруктеры, тубанты и узипеты взялись за оружіе и сильно нападали на римлянъ при ихъ отступленіи; но, благодаря прекраснымъ распоряженіямъ, осторожности и храбрости Германика, войско безъ большихъ потерь пришло въ зимній станъ на Рейнѣ. Въ слѣдующемъ году Германикъ пошелъ изъ Могунціака въ землю хаттовъ, сжегъ ихъ главный городъ Маттій, опустошилъ ихъ область. Потомъ онъ освободилъ Сегеста, осажденнаго Арминіемъ и звавшаго римлянъ на помощь себѣ. Туснельда была отнята отцомъ у мужа и выдана римлянамъ. Германикъ повелъ ее въ плѣнъ и послалъ подъ стражей въ Галлію Сегимунда, сына Сегеста; этотъ братъ Туснельды былъ жрецомъ убіевъ, но по призыву соотечественниковъ снялъ съ себя жреческое облаченіе и сражался за сво-

Второй походъ. 15.

боду родины въ Тевтобургскомъ лѣсу. Туснельда, раздѣлявшая чувства мужа, послѣдовала за побѣдителемъ, не унижаясь до слезъ или просьбъ; она шла, сложивъ руки на груди, гордая, но съ печалью думая о дитяти, которое должно было родиться у нея, и родиться въ рабствѣ. Раздраженный Арминій разъѣзжалъ по всѣмъ округамъ земли херусковъ, призывая народъ къ отомщенію римлянамъ, которые не стыдятся вести войну коварствомъ и обращаютъ свое оружіе противъ слабыхъ женщинъ. Ему удалось соединить херусковъ и многія сосѣднія племена въ обширный союзъ, склонить къ участію въ немъ и своего дядю Ингвіомера, область котораго находилась близъ Тюрингскаго лѣса. Германикъ подвергался опасности, но принялъ противъ нея мужественныя и благоразумныя мѣры. Самъ онъ по пути, проложенному отцомъ, поплылъ съ четырьмя легіонами Друзовымъ каналомъ въ Зёйдерзе, потомъ вдоль берега Нѣмецкаго моря; его легатъ Цецина пошелъ черезъ землю бруктеровъ, а начальникъ его конницы Педонъ — черезъ землю фризовъ. На берегу Эмса всѣ три войска соединились; къ нимъ пришло ополченіе покоренныхъ Германикомъ хавковъ и, опустошая землю на своемъ пути, они двинулись къ рѣкѣ Липпе, отыскали поле битвы въ Тевтобургскомъ лѣсу, воздали послѣднюю почесть костямъ товарищей.

Германикъ на полѣ битвы въ Тевтобургскомъ лѣсу.

Когда Германикъ пришелъ въ сосѣдство Тевтобургскаго лѣса, его душою, говоритъ Тацитъ, овладѣло желаніе исполнить послѣдній долгъ относительно павшихъ воиновъ и вождя ихъ; все войско, вспоминая друзей и родныхъ, военныя бѣдствія и опасности, прониклось печальнымъ сочувствіемъ. Германикъ послалъ впередъ Цецину осмотрѣть, не скрывается ли непріятель въ лѣсныхъ ущельяхъ, построить мосты, проложить гати чрезъ болота. Войско пришло на мѣсто битвы, ужасное и видомъ своимъ и воспоминаніями. Окопы становъ Вара еще стояли. Тѣснота обвода втораго стана показывала, что на это мѣсто пришли тогда лишь остатки войска. По полю битвы бѣлѣли кости павшихъ; онѣ лежали грудами на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ войско останавливалось для обороны, лежали разбросанно тамъ, гдѣ воины думали спастись; между остовами воиновъ лежали изломанное оружіе и скелеты лошадей; по деревьямъ висѣли черепы; въ сосѣднихъ рощахъ стояли жертвенники, на которыхъ были зарѣзаны военные трибуны и центуріоны. Въ войскѣ было нѣсколько человѣкъ, успѣвшихъ бѣжать изъ битвы или изъ плѣна; они показывали мѣста, гдѣ пали легаты, гдѣ получилъ первую рану Варъ, гдѣ онъ вонзилъ въ грудь себѣ мечъ, гдѣ стоялъ Арминій, гдѣ были повѣшены плѣнные, гдѣ были взяты германцами и поруганы орлы. Войско, исполненное печали и гнѣва, похоронило кости трехъ легіоновъ черезъ шесть лѣтъ по ихъ пораженіи; и никто не зналъ, чьи останки покрываетъ онъ землею, кости ль это его родственника или чужого человѣка. Германикъ самъ положилъ первый кусокъ земли для надгробнаго холма въ послѣдній даръ усопшимъ, и воины видѣли, какъ глубоко печаленъ онъ.—Но Тиберій далъ выговоръ Германику за это погребеніе, или думая, что воины были приведены въ уныніе ужаснымъ зрѣлищемъ, или подозрѣвая, что Германикъ совершилъ похороны, изъ желанія пріобрѣсть благодарность войска и народа.

Опасное отступленіе Цецины.

Послѣ сраженія съ Арминіемъ въ лѣсистой и болотистой мѣстности, на которой римская конница потерпѣла большой уронъ, Германикъ началъ отступленіе. Самъ онъ съ своими легіонами поплылъ отъ устья Эмса прежнимъ путемъ вдоль морского берега, по которому рядомъ съ нимъ шла уменьшившаяся въ числѣ конница, а Цецина, опытный воинъ, сдѣлавшій ужь сорокъ походовъ, пошелъ съ большею частью войска лѣвѣе Липпе къ Рейну по гатямъ, которыя были проложены Домиціемъ черезъ болота. Этотъ планъ отступленія подвергъ римлянъ большой опасности. Гати, мощеныя бревнами, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ развалились; идти по нимъ вообще было очень скользко; путь велъ черезъ ущелья; по сторонамъ были непроходимыя болота; сорокъ когортъ, которыя шли съ Цециною, были постоянно окружены германцами, непрерывно нападавшими на нихъ, и находились въ опасности подвергнуться судьбѣ легіоновъ Вара. Изнуренные неравнымъ боемъ въ продолженіе дня, покрытые ранами, воины ночью съ ужасомъ слышали дикія боевыя пѣсни стоявшихъ по высотамъ враговъ; ихъ воображенію представлялись ужасныя картины погибели, видѣнныя ими въ Тевтобургскомъ лѣсу. Цецинѣ приснилась поднимающаяся изъ болота окровавленная фигура Вара; она манила его къ себѣ. Въ двудневной безуспѣшной битвѣ римляне уже потеряли свои походныя вещи; силы ихъ были изнурены, они видѣли передъ собою вѣрную погибель; но опрометчивость германцевъ, увѣренныхъ въ побѣдѣ, и военные таланты осторожнаго Цецины неожиданно доставили спасеніе римскому войску. Наперекоръ совѣту Арминія германцы, послушавшись Ингвіомера, сдѣлали преждевременное нападеніе на римскій станъ; быстро бросившись на нихъ изъ окоповъ, римляне отбили нападеніе. Ингвіомеръ, тяжело раненный, покинулъ мѣсто битвы. Германцы въ безпорядкѣ бѣжали въ горы, преслѣдуемые врагами. Цецина быстро повелъ свои легіоны къ Рейну. Туда уже достигла молва о ихъ бѣдственномъ положеніи; тамъ полагали, что войско истреблено, думали теперь, что показавшіеся въ дали воины—германцы, и хотѣли ломать мостъ у Castra Vetera. Но Агриппина, поспѣшно пришедшая на берегъ, запретила это трусливое дѣло. Когда войско подошло, она встрѣтила его у моста, какъ будто принявъ на себя обязанность отсутствующаго мужа, сказала воинамъ привѣтливую рѣчь, роздала подарки лишившимся своихъ вещей, озаботилась о раненныхъ.

Возвращеніе Германика.

Скоро прибылъ и Германикъ съ своею частью войска, о погибели котораго тоже ходила молва. Дѣйствительно, оно подверглось большимъ опасностямъ. Мелководье не дало возможности посадить на корабли все войско, на нихъ сѣли только два легіона; два другіе велъ вдоль берега легатъ Вителлій; они были захвачены приливомъ, онъ поднялся по грудь воинамъ; порядокъ совершенно разстроился; волны уносили людей и животныхъ; вьюки и трупы плавали кругомъ;

потери были огромны; легіоны едва спаслись отъ совершенной погибели. И Германикъ, и Агриппина старались изгладить воспоминанія о бѣдствіяхъ похода привѣтливостью, наградами, заботами о пострадавшихъ. Галлія, Испанія, Италія усердно присылали оружіе, лошадей, деньги на вознагражденіе потерь.

Третій походъ 16.

Тиберій досадовалъ на потери, которымъ подвергались войска при отступленіи; но еще сильнѣе дѣйствовало въ немъ опасеніе, какое внушала ему возростающая любовь легіоновъ къ Германику и Агриппинѣ. Онъ рѣшилъ отозвать Германика съ Рейна, послать его на Востокъ. Тѣмъ сильнѣе хотѣлось Германику какъ можно скорѣе довести до побѣдоноснаго конца войну. Онъ считалъ обязанностью своей чести добиться рѣшительнаго успѣха въ ней. Онъ собралъ у батавскихъ островов 1000 плоскодонныхъ судовъ, приспособленныхъ къ приливу и отливу, заготовилъ на нихъ большіе запасы провіанта, посадилъ на нихъ восемь легіоновъ, поплылъ къ устью Эмса и оттуда пошелъ къ Везеру, на правомъ берегу котораго стояли германцы, подъ начальствомъ Арминія. Въ римскомъ войскѣ служилъ

Арминій и Флавій.

братъ Арминія, Флавій, участвовавшій въ паннонской войнѣ, лишившійся тамъ глаза, награжденный знаками отличія и прибавкой жалованья. Арминій пожелалъ видѣться съ нимъ, убѣждалъ его отъ своего имени и отъ имени матери, защищать отечество, свободу и національность боговъ; но какъ ни горячи были просьбы, онѣ остались безсильны надъ душою человѣка, измѣнившаго своему народу. Братья вели разговоръ черезъ рѣку, и если бъ не раздѣлялъ ихъ Везеръ, они вступили бы въ поединокъ. И такъ Германія уже съ древнѣйшихъ временъ представляетъ намъ зрѣлище національнаго распаденія, войны между братьями.

Битва на Идиставизонской равнинѣ.

На слѣдующій день Германикъ перевелъ войска черезъ рѣку; впереди шла батавская конница; херуски притворнымъ бѣгствомъ заманили ее на равнину, окруженную горами, покрытыми лѣсомъ, и большая часть ея погибла тамъ вмѣстѣ съ храбрымъ своимъ начальникомъ Каріобальдомъ. Черезъ нѣсколько времени произошла рѣшительная битва на равнинѣ между Везеромъ и грядою холмовъ; Тацитъ называетъ эту мѣстность Идиставизономъ (или Идисіавизономъ); она находилась гдѣ нибудь между нынѣшними городами Минденомъ и Гамельномъ.

Передъ началомъ битвы оба полководца ободряли свои войска. Германикъ говорилъ, что не должно бояться ни неудобства мѣстности, ни многочисленности враговъ, высокій ростъ и свирѣпый видъ которыхъ пугали римлянъ; говорилъ о превосходствѣ римскаго вооруженія надъ жалкимъ оружіемъ германцевъ, надъ ихъ деревянными или плетеными изъ прутьевъ щитами, ихъ слишкомъ короткими копьями, ихъ шестами, обожженными съ передняго конца, замѣняющими имъ копья. Арминій напоминалъ германцамъ объ ихъ побѣдахъ, о римской алчности, жестокости, надменности, спрашивалъ

ихъ, остается ли имъ, кромѣ побѣды, какой другой способъ избавиться отъ угрожающаго рабства; говорилъ, что, кромѣ побѣды, имъ одно спасеніе—смерть.

Пораженіе германцевъ.

Германцы храбро пошли въ бой, но были побѣждены военнымъ искусствомъ легіоновъ, талантомъ и твердостью Германика. Арминій старался поддержать мужество херусковъ, съ криками ободренія бросаясь впередъ; но Германикъ ввелъ въ бой свѣжіе отряды галловъ, ретійцевъ, винделикійцевъ, и ряды херусковъ были сломлены. Раненный Арминій, вымазавъ лицо кровью, чтобы не быть узнаннымъ, поскакалъ въ горы; быстрота коня спасла его. Помощью той же хитрости и тоже благодаря быстротѣ коня, спасся Ингвіомеръ. Масса ихъ войска погибла; тѣ, которые бросались въ рѣку, надѣясь переплыть ее, были убиваемы стрѣлами, топили другъ друга, тѣснясь въ водѣ, погибали отъ волнъ; доплывавшіе до берега, скользили по размякшему, глинистому подъему, падали и тонули. Нѣкоторые спрятались между верхними вѣтвями высокихъ дубовъ; ихъ убивали стрѣлами, или подрубали деревья и убивали упавшихъ. До самой ночи длилось истребленіе бѣгущихъ; на далекое разстояніе вся мѣстность была покрыта тѣлами и оружіемъ. Римское войско дало Германику титулъ императора, въ старинномъ смыслѣ слова—«побѣдоносный полководецъ». На полѣ битвы былъ воздвигнутъ памятникъ побѣды и на немъ были написаны имена побѣжденныхъ народовъ.

Новая битва.

Германцы были побѣждены, но мужество ихъ не было сломлено. Памятникъ побѣды, поставленный римлянами на ихъ землѣ, возбудилъ въ нихъ пламенное желаніе мѣсти. Знатные и простолюдины, старики и юноши взялись за оружіе; Ингвіомеръ и раненный Арминій повели ихъ на римлянъ. Черезъ нѣсколько дней послѣ первой битвы, произошла вторая, не подалеку на востокъ отъ мѣста прежней, у широкаго вала, насыпаннаго ангриварами, для охраны своей страны отъ херусковъ.

Битва была ужасна; защищенные валомъ, германцы отчаянно оборонялись. Непріятельскіе пращники и стрѣлки прогнали ихъ; они остановились въ лѣсу, расположившись такъ, что были защищены съ тыла болотомъ, и бой возобновился съ новымъ ожесточеніемъ; онъ длился до самой ночи; только она прекратила его. Выгода битвы была на сторонѣ римлянъ; германцы страдали отъ тѣсноты мѣста и отъ недостаточности своего вооруженія: у нихъ не было ни шлемовъ, ни латъ; ихъ голова и грудь были открыты мечамъ, одѣтыхъ въ крѣпкія латы, римскихъ воиновъ. Но они сражались съ изумительной храбростью. Ингвіомеръ скакалъ передъ ихъ рядами, убѣждая ихъ держаться крѣпко. Германикъ снялъ съ себя шлемъ, чтобы римляне узнавали его въ лицо, и велѣлъ безпощадно убивать враговъ.

Отступленіе.

Побѣда римлянъ не была рѣшительная, хотя они поставили

памятникъ, возвѣщавшій, что легіоны императора Тиберія побѣдили народы, живущіе между Рейномъ и Эльбой. Германикъ повелъ войско назадъ, не дожидаясь наступленія осени и не принявъ ни какихъ мѣръ, чтобъ удержать подъ властью Рима тѣ области, изъ которыхъ уходилъ. Часть войска его пошла къ Рейну сухимъ путемъ, съ другою онъ пошелъ къ устью Эмса и поплылъ оттуда моремъ. Но едва вышелъ флотъ въ открытое море, поднялась сильная буря; волны были громадны; карабли уносились или далеко въ море, или на скалы и на отмели. Надобно было выбрасывать за бортъ лошадей, обозный скотъ, поклажу, даже оружіе, чтобъ облегчить тяжесть. Много кораблей потонуло, другіе были прибиты бурей къ далекимъ безлюднымъ островамъ; воины тамъ принуждены были питаться мясомъ утонувшихъ лошадей, выброшенныхъ моремъ на берегъ. Корабль Германика былъ унесенъ къ берегу земли хавковъ. Тамъ стоялъ Германикъ день и ночь на вдающейся въ море скалѣ и съ отчаяніемъ смотрѣлъ на бушующія волны, обвиняя себя въ бѣдствіи, постигнувшемъ войско и флотъ; онъ хотѣлъ броситься въ мере; друзья, находившіеся при немъ, едва могли остановить его. Наконецъ, буря улеглась. Матросы тѣхъ кораблей, которые пострадали меньше другихъ, привели ихъ къ устью Рейна, дѣйствуя обломками веселъ и растянувъ одежду вмѣсто парусовъ. Изъ тѣхъ римлянъ, которые были занесены на острова или спаслись вплавь съ разбитыхъ кораблей, многіе были найдены посланными искать ихъ лодками, многіе, попавшіеся въ плѣнъ германцамъ и британцамъ, были отпущены за выкупъ. Возвратившіеся разсказывали удивительныя вещи о пучинахъ и водоворотахъ, о морскихъ чудовищахъ, мечтавшихся ихъ запуганному воображенію.

Буря на морѣ.

Чтобъ изгладить дурное впечатлѣніе, какое могли произвести на германцевъ и на сосѣднихъ галловъ извѣстія объ этомъ несчастіи, и доказать, что могущество римлянъ на Рейнѣ остается непоколебимымъ, Германикъ той же осенью предпринялъ новый походъ за Рейнъ. Его легатъ Силій двинулся въ область хаттовъ, а самъ онъ съ многочисленнымъ войскомъ, при которомъ была сильная конница, пошелъ на марсовъ; но единственной славой, пріобрѣтенной римлянами на этомъ походѣ, было то, что они принесли оттуда одно изъ знаменъ, взятыхъ германцами у Вара. Къ римлянамъ явился одинъ изъ князей марсійскаго племени, прогнанный своимъ народомъ, и показалъ имъ мѣсто, гдѣ былъ зарытъ въ рощѣ этотъ орелъ. Другой орелъ, какъ говорятъ, найденъ былъ Германикомъ еще въ первый его походъ.

Походъ на хаттовъ и марсовъ.

Этимъ кончилась война римлянъ въ сѣверной Германіи. Храбрый главнокомандующій, считавшій задачею своей жизни покореніе германцевъ, занимался обширными приготовленіями къ новому походу, когда получилъ отъ Тиберія письмо, которымъ императоръ отзывалъ его съ Рейна. Тиберій писалъ, что испытано достаточно бѣдствій, пріобрѣтено достаточно побѣдъ, что онъ назначилъ Германику тріумфъ за его подвиги и вызываетъ его въ Римъ; что честь римскаго оружія возстановлена, что германцамъ достаточно отомщено за пораженіе Вара, потому можно предоставить херускамъ и другимъ германскимъ племенамъ драться между собою. Германикъ просилъ императора дать ему еще одинъ годъ, чтобы довести войну до славнаго конца. Тиберій отвѣчалъ, что онъ долженъ возвратиться въ Римъ для принятія сана консула и что если необходимо продолжать войну, то надобно дать брату Германика Друзу случай пріобрѣсти на Рейнѣ лавры.

Тиберій отзываетъ Германика съ Рейна.

Германикъ повиновался; въ слѣдующемъ году онъ торжествовалъ блестящій тріумфъ, какъ побѣдитель германцевъ. Въ тріумфальной процессіи были несены возвращенные Германикомъ орлы Вара, взятыя имъ германскія знамена и оружіе, картины, на которыхъ были изображены германскія рѣки, горы, битвы. Передъ великолѣпной колесницей, на которой ѣхалъ Германикъ, окруженный пятью прекрасными дѣтьми, шли въ невольническихъ цѣпяхъ взятые въ плѣнъ знатные мужчины, женщины, дѣти; ихъ было много; въ числѣ ихъ находились жена Арминія, Туснельда, и сынъ, рожденный ею въ плѣну, Тумеликъ. Оба они умерли на чужбинѣ. Тацитъ говоритъ, что сынъ Арминія росъ въ Равеннѣ, и прибавляетъ къ этому неопредѣленныя слова, что онъ былъ обреченъ на постыдную судьбу; изъ этого не яснаго извѣстія новые изслѣдователи и поэты выводили заключеніе, что Тумеликъ былъ сдѣланъ гладіаторомъ (въ Равеннѣ была гладіаторская школа).—По извѣстію Страбона, въ тріумфѣ Германика были ведены въ невольническихъ цѣпяхъ братъ Туснельды Сегимундъ и его двоюродный братъ Сиситакъ съ женою Рамисою, а Сегестъ стоялъ на почетномъ мѣстѣ и смотрѣлъ на торжество римлянъ и бѣдствіе своихъ дѣтей. Такую награду получилъ онъ за измѣну родинѣ.

Тріумфъ Германика.

Тиберій хотѣлъ предоставить германцевъ собственнымъ ихъ раздорамъ; междоусобія ихъ скоро начались. Федерація сѣверо-западныхъ племенъ, въ которой господствовали херуски, вступила въ войну съ федераціею юговосточныхъ племенъ, которой правилъ царь маркомановъ Марбодъ. Арминій, гордый своими побѣдами, быть можетъ, хотѣлъ подчинить своему господству всѣ германскія племена, быть можетъ, это и ввело его въ войну съ честолюбивымъ, но осторожнымъ Марбодомъ, который во время войны сѣверныхъ племенъ съ римлянами держалъ себя мирно. Дядя Арминія Ингвіомеръ былъ на сторонѣ Марбода, а лангобарды и семноны, жившіе на Эльбѣ, были союзниками Арминія; быть можетъ изъ этого должно заключить, что князья вообще были болѣе расположены къ Марбоду, а народы къ Арминію. На третій годъ по отъѣздѣ Германика съ Рейна произошла

Дальнѣйшая судьба Арминія и Марбода.

рѣшительная битва между Арминіемъ и Марбодомъ; мѣсто сраженія было вѣроятно на рѣкѣ Саалѣ. Бой кончился отступленіемъ Марбода въ Богемію. Дальнѣйшій ходъ войны не извѣстенъ намъ; изъ позднѣйшихъ событій ясно только, что междоусобіе продолжалось, что германскія племена оставались враждебны одни другимъ, ослабили себя раздорами. Пользуясь этимъ, римляне возобновили на югѣ дѣло подчиненія себѣ Германіи. Марбодъ, обезсиленный нападеніями враговъ и мятежами, просилъ помощи у Тиберія. Но Тиберій нашелъ выгоднымъ, чтобы смуты продолжались и чтобы могущественное государство, основанное Марбодомъ, распалось. Марбодъ принялъ приглашеніе переправиться за Дунай, чтобы лично переговорить съ Друзомъ, который стоялъ въ станѣ на востокѣ отъ мѣста переправы. Друзъ давалъ ему обѣщанія и тянулъ переговоры; а между тѣмъ измѣнники обольщали его войско; оно покинуло его, и ему оставалось только или убить себя, или сдаться римлянамъ; онъ предпочелъ геройской смерти жизнь. Римляне водворили его въ Равеннѣ, и онъ прожилъ тамъ осьмнадцать лѣтъ, получая содержаніе отъ враговъ своей родины. Воины его были поселены въ Моравіи. Такую же судьбу имѣлъ Катуальда, князь готоновъ, главный противникъ Марбода, хотѣвшій занять его мѣсто, но прогнанный гермундурами. Онъ бѣжалъ къ римлянамъ, они поселили его въ галльскомъ городѣ Forum Julium.

Римляне назначили Ваннія царемъ надъ воинами Марбода и Катуальды, поселенными въ Моравіи. Онъ сначала пользовался любовью народа, обогащалъ его грабежемъ, а себя данью сосѣдей, но потомъ явились у него противники въ собственномъ царствѣ, онъ ослабѣлъ и былъ побѣжденъ гермундурами и лигійцами (жившими въ Силезіи); разбитый послѣ славной борьбы, онъ раненный бѣжалъ къ римлянамъ; они дали ему и воинамъ его землю въ Паннонiи. Два племянника его, бывшіе главными врагами дяди, раздѣлили между собой его царство и усердіемъ къ римлянамъ пріобрѣли себѣ ихъ покровительство. Итакъ отъ своего коварства и отъ раздоровъ между германцами римляне получили больше выгодъ себѣ, чѣмъ отъ походовъ въ Германію.

Около того времени, какъ былъ прогнанъ Ванній, погибъ Арминій. Единственныя наши свѣдѣнія о его смерти состоятъ въ тѣхъ немногихъ словахъ, которыми Тацитъ кончаетъ вторую книгу своей «Лѣтописи». По удаленіи римлянъ изъ Германіи и послѣ бѣгства Марбода Арминій хотѣлъ стать царемъ и возбудилъ тѣмъ противъ себя германцевъ, любившихъ свободу, говоритъ Тацитъ. (Вѣроятно, Арминій хотѣлъ превратить въ пожизненную и самостоятельную царскую власть ту власть военачальника или князя, которую дало ему народное собраніе и которой онъ пользовался уже десять лѣтъ). На него стали нападать, онъ велъ войну съ перемѣннымъ счастіемъ; родственники измѣнили ему, и онъ былъ убитъ. Тацитъ продолжаетъ: «Безспорно, онъ былъ освободителемъ Германіи. Онъ велъ борьбу съ римлянами не во время ихъ слабости, какъ другіе цари и полководцы, а во время величайшаго ихъ могущества. Въ битвахъ онъ не всегда имѣлъ удачу, но въ войнѣ остался не побѣжденъ. Онъ прожилъ тридцать семь лѣтъ, двѣнадцать лѣтъ былъ военачальникомъ германцевъ. Они еще поютъ пѣсни о немъ. Греки не упоминаютъ о немъ въ своихъ лѣтописяхъ потому, что восхваляютъ лишь своихъ соотечественниковъ; и у римлянъ онъ не имѣетъ такой славы какой заслуживаетъ, потому что мы превозносимъ только старину, мало интересуясь недавними временами. Такъ говоритъ объ Арминіи римлянинъ, умѣвшій уважать и въ непріятелѣ мужество и душевное величіе. Пѣсни, которыми германцы прославляли перваго своего героя, замолкли; не дошло до насъ и германскихъ преданій о немъ; но теперь въ дни патріотическаго одушевленія нѣмцевъ поставлена на Тейтбергѣ, близъ Детмольда, колоссальная статуя освободителя Германіи.—Слова Тиберія, хорошо знавшаго человѣческое сердце, подтверждены всею исторіею Германіи: врагамъ всегда было легко возбуждать раздоръ между нѣмцами, и силы нѣмецкихъ народовъ очень часто истощались въ междоусобныхъ войнахъ.

В. БЫТЪ ГЕРМАНЦЕВЪ.

Отношенія римлянъ къ германцамъ; предубѣжденія и недостаточность свѣдѣній.

Имя германцевъ возбуждало въ римлянахъ горькія ощущенія, вызывало въ ихъ воображеніи мрачныя воспоминанія. Съ той поры, какъ тевтоны и кимбры перешли Альпы и ринулись опустошительной лавиной на прекрасную Италію, римляне съ тревогой смотрѣли на малоизвѣстные имъ народы, волновавшіеся непрерывными передвиженіями за хребтомъ, ограждающимъ съ сѣвера Италію. Даже храбрые легіоны Цезаря были охвачены страхомъ, когда онъ повелъ ихъ противъ свевовъ Аріовиста. Боязнь римлянъ была увеличена ужаснымъ извѣстіемъ о пораженіи Вара въ Тевтобургскомъ лѣсу, разсказами воиновъ и плѣнниковъ о суровости германской страны, о дикости ея жителей, высокомъ ростѣ ихъ, о человѣческихъ жертвоприношеніяхъ. Жители юга, римляне имѣли самыя мрачныя представленія о германской странѣ, о непроходимыхъ лѣсахъ, которые тянутся отъ береговъ Рейна на девять дней пути къ востоку до верховья Эльбы и центръ которыхъ—Герцинскій лѣсъ, наполненный невѣдомыми чудовищами; о болотахъ и пустынныхъ степяхъ, которыя простираются на сѣверѣ до бурнаго моря, надъ которыми лежатъ густые туманы, не пропускающіе до земли живительныхъ лучей солнца, на которыхъ болотная и степная трава много мѣсяцевъ бываетъ покрыта снѣгомъ, по которымъ нѣтъ путей изъ области одного народа въ область другого. Эти представленія о суровости, мрачности германской страны такъ глубоко вкоренились въ мысляхъ римлянъ, что даже безпристрастный Тацитъ говоритъ: «Кто покинулъ бы Азію, Африку или Италію, чтобъ

идти въ Германію, страну суроваго климата, лишенную всякой красоты, производящую непріятное впечатлѣніе на каждаго, живущаго въ ней или посѣщающаго ее, если она не родина ему?» Предубѣжденія римлянъ противъ Германіи укрѣплялись тѣмъ, что они считали варварскими, дикими всѣ тѣ земли, которыя лежали за границами ихъ государства. Такъ, напримѣръ, Сенека говоритъ: «Подумай о тѣхъ народахъ, которые живутъ за предѣлами римскаго государства, о германцахъ и о племенахъ, кочующихъ по низовью Дуная; не тяготѣетъ ли надъ ними почти непрерывная зима, постоянно пасмурное небо, не скудна ли та пища, какую даетъ имъ недоброжелательная безплодная почва?» А между тѣмъ подлѣ величественныхъ дубовыхъ и густолиственныхъ липовыхъ лѣсовъ уже росли тогда въ Германіи фруктовыя деревья и были тамъ не только степи и покрытыя мхомъ болота, но и нивы, изобильныя рожью, пшеницей, овсомъ, ячменемъ, ужь добывалось изъ горъ желѣзо для оружія; уже были извѣстны цѣлебныя теплыя воды въ Маттіакѣ (Висбаденѣ) и въ землѣ тунгровъ (въ Спа или Ахенѣ); и сами римляне говорили, что въ Германіи очень много рогатаго скота, лошадей, очень много гусей, пухъ которыхъ германцы употребляютъ на подушки и перины, что Германія богата рыбой, дикой птицей, дикими животными, пригодными для пищи; что рыболовство и охота доставляютъ германцамъ вкусную ѣду. Не были еще извѣстны только золотыя и серебряныя руды въ германскихъ горахъ. «Въ серебрѣ и золотѣ боги отказали имъ,—не знаю, какъ сказать, по милости ли къ нимъ или по непріязни», говоритъ Тацитъ. Торговля внутри страны была только мѣновая, и лишь у сосѣднихъ съ римскимъ государствомъ племенъ были въ употребленіи деньги, которыхъ они получали много отъ римлянъ за свои товары. У ихъ князей или у людей, ѣздившихъ послами къ римлянамъ, были золотые и серебряные сосуды, полученные въ подарокъ; но, по словамъ Тацита, они цѣнили ихъ не выше глиняныхъ. Страхъ, который первоначально внушали римлянамъ германцы, перешелъ потомъ въ удивленіе ихъ высокому росту, физической силѣ, въ уваженіе къ ихъ обычаямъ; выраженіемъ этихъ чувствъ служитъ «Германія» Тацита. О характерѣ этой книги мы будемъ говорить въ отдѣлѣ о литературѣ, а на слѣдующихъ страницахъ передадимъ важнѣйшія изъ тѣхъ свѣдѣній о германцахъ, какія сообщаетъ она. По окончаніи войны сношенія римлянъ съ германцами стали тѣсными; образованные люди ѣздили въ Германію, писали о ней; это сгладило многія изъ прежнихъ предубѣжденій, и римляне стали судить о германцахъ лучше. Понятія о странѣ и климатѣ остались у нихъ прежнія, невыгодныя, внушенныя разсказами купцовъ, авантюристовъ, возвратившихся плѣнниковъ, преувеличенными жалобами воиновъ на трудности походовъ; но сами германцы стали считаться у римлянъ людьми, имѣющими въ себѣ много хорошаго; и наконецъ, явилась у римлянъ мода дѣлать свою наружность, по возможности, похожей на германскую. Римляне восхищались высокимъ ростомъ и стройнымъ крѣпкимъ тѣлосложеніемъ германцевъ и германокъ ихъ развѣвающимися золотистыми волосами, свѣтлоголубыми глазами, во взглядѣ которыхъ высказывалась гордость и отвага. Знатныя римлянки искусственными средствами придавали своимъ волосамъ тотъ цвѣтъ, который такъ нравился имъ у германскихъ женщинъ и дѣвушекъ. Въ мирныхъ сношеніяхъ германцы внушали римлянамъ уваженіе мужествомъ, силой, воинственностью; тѣ качества, которыми были они страшны въ битвахъ, оказывались почтенными при дружбѣ съ ними. Тацитъ превозноситъ чистоту нравовъ, гостепріимство, прямодушіе, вѣрность слову, супружескую вѣрность германцевъ, ихъ уваженіе къ женщинамъ; онъ до такой степени хвалитъ германцевъ, что его книга объ ихъ обычаяхъ и учрежденіяхъ кажется многимъ ученымъ написанной съ той цѣлью, чтобы преданные наслажденіямъ, порочные соплеменники его стыдились, читая это описаніе простой, честной жизни; думаютъ, что Тацитъ хотѣлъ ярко характеризовать испорченность римскихъ нравовъ изображеніемъ германскаго быта, представлявшаго прямую противуположность имъ. И дѣйствительно въ его похвалахъ прочности и чистотѣ супружескихъ отношеній у германцевъ слышится печаль объ испорченности римлянъ. Въ римскомъ государствѣ повсюду былъ виденъ упадокъ прежняго прекраснаго состоянія, видно было, что все склоняется къ погибели; тѣмъ свѣтлѣе рисовалась въ мысляхъ Тацита жизнь германцевъ, еще сохранившихъ первобытные нравы. Его книга проникнута смутнымъ предчувствіемъ, что Риму грозитъ великая опасность отъ народа, войны съ которымъ врѣзались въ память римлянъ глубже, чѣмъ войны съ самнитами, карѳагенянами и парѳянами. Онъ говоритъ, что «надъ германцами больше праздновалось тріумфовъ, чѣмъ было одержано побѣдъ»; онъ предчувствовалъ, что черная туча на сѣверномъ краю италійскаго горизонта разразится надъ римскимъ государствомъ новыми ударами грома, болѣе сильными, чѣмъ прежніе, потому что «свобода германцевъ могущественнѣе силы парѳянскаго царя». Успокоеніемъ ему служитъ только надежда на раздоры германцевъ, на взаимную ненависть между ихъ племенами: «Пусть остается у германскихъ народовъ если не любовь къ намъ, то ненависть однихъ племенъ къ другимъ; при опасностяхъ, угрожающихъ нашему государству, судьба не можетъ дать намъ ничего лучшаго, чѣмъ раздоръ между нашими врагами».

Соединимъ тѣ черты, какими обрисовываетъ Тацитъ въ своей «Германіи» образъ жизни, обычаи, учрежденія германскихъ народовъ; онъ дѣлаетъ эти замѣтки отрывочно, безъ строгаго порядка; но, собравъ ихъ вмѣстѣ, мы получимъ картину, въ которой находится много пробѣловъ, неточностей, недоразумѣній или самого Тацита, или лю-

дей, сообщавшихъ ему свѣдѣнія, многое заимствовано изъ народнаго преданія не имѣющаго достовѣрности, но которое все таки показываетъ намъ основныя черты германской народности, зародыши того, что развилось впослѣдствіи. Тѣ свѣдѣнія, какія даетъ намъ Тацитъ, пополненныя и разъясненныя извѣстіями другихъ древнихъ писателей, преданіями, соображеніями о прошломъ по позднѣйшимъ фактамъ, служатъ основаніемъ нашего знанія о бытѣ германскаго народа въ первобытныя времена его.

а) Германскія племена.

Границы страны германскаго народа.

Одинаково съ Цезаремъ Тацитъ говоритъ, что германцы—многочисленный народъ, не имѣющій ни городовъ, ни большихъ селеній, живущій разбросанными поселками и занимающій страну отъ береговъ Рейна и Дуная до сѣвернаго моря и до невѣдомыхъ земель за Вислой и за Карпатскимъ хребтомъ; что они раздѣлены на множество племенъ и что обычаи у нихъ своеобразны и прочны. Альпійскія земли до Дуная, населенныя кельтами и уже покоренныя римлянами, не причислялись къ Германіи; не причислялись къ германцамъ и племена, жившія на лѣвомъ берегу Рейна, хотя многія изъ нихъ, какъ напримѣръ, тунгры (по Маасу), тревиры, нервійцы, эбуроны, еще хвалились своимъ германскимъ происхожденіемъ (III, стр. 807). Племена, которыя при Цезарѣ и послѣ были по разнымъ случаямъ поселены римлянами на западномъ берегу Рейна, уже забыли свою національность, приняли римскій языкъ и культуру.

Убіи поселены въ римской провинціи. 50.

Убіи, въ землѣ которыхъ Агриппа основалъ военную колонію съ храмомъ Марса, получившимъ большую знаменитость, уже назывались агриппинцами; они приняли это имя съ того времени, какъ Агриппина младшая, жена императора Клавдія, расширила колонію, основанную Агриппой. Этотъ городъ, нынѣшнее имя котораго Кельнъ, еще свидѣтельствуетъ о томъ, что первоначально былъ римскою колоніею, сталъ многолюднымъ и цвѣтущимъ. Населеніе его было смѣшанное, оно состояло изъ римлянъ, убіевъ, галловъ. Поселенцевъ привлекала туда возможность легко пріобрѣтать богатство выгодною торговлей и разгульная жизнь укрѣпленнаго стана; эти торговцы, содержатели гостинницъ, ремесленники и люди, служившіе у нихъ, думали только о личныхъ выгодахъ и объ удовольствіяхъ; ни храбрости, ни чистой нравственности у нихъ не было; германцы презирали и ненавидѣли ихъ; непріязнь особенно усилилась послѣ того, какъ въ батавскую войну они измѣнили своимъ соплеменникамъ.— Римская власть установилась и на правомъ берегу Рейна въ области между рѣками Мейномъ и Дунаемъ, границу которой охраняли маркоманы до своего переселенія на востокъ. Этотъ уголъ Германіи заселился людьми разныхъ племенъ; они пользовались покровительствомъ императоровъ взамѣнъ дани, которую платили хлѣбомъ, плодами садовъ и скотомъ; мало по малу они усвоили себѣ римскіе обычаи и языкъ. Тацитъ уже называетъ эту область Agri Decumates, Декуматскимъ Полемъ, (то есть землю, жители которой платятъ десятинную подать). Римляне взяли ее подъ свое управленіе вѣроятно при Домиціанѣ и Траянѣ и впослѣдствіи провели по границѣ ея съ независимой Германіей ровъ съ валомъ (Limes, «Граница») въ защиту ей отъ набѣговъ германцевъ.

Декуматская область.

Линія укрѣпленій, защищавшая Декуматскую область, шла отъ Майна черезъ Кохеръ и Якстъ до Дуная, къ которому примыкала въ нынѣшней Баваріи; это былъ валъ со рвомъ, укрѣпленнымъ сторожевыми башнями и крѣпостцами, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ соединенными между собою стѣной. Остатки этихъ укрѣпленій очень замѣтны до сихъ поръ; народъ въ той мѣстности называетъ ихъ чертовой стѣною. — Два вѣка легіоны защищали населеніе Декуматской области отъ непріятельскихъ набѣговъ, и оно отвыкло отъ военнаго дѣла, утратило любовь къ независимости и мужество своихъ предковъ. Подъ римскою охраной развивалось въ Декуматской области земледѣліе, установился цивилизованный образъ жизни, которому оставались чужды другія германскія племена цѣлую тысячу лѣтъ послѣ того. Римляне съумѣли превратить въ цвѣтущую провинцію землю, которая была почти безлюдною пустыней, пока находилась во власти варваровъ. Римляне съумѣли сдѣлать это быстро, хотя германцы сначала мѣшали имъ своими нападеніями. Прежде всего они озаботились построить укрѣпленія, подъ защитой которыхъ основали муниципальные города съ храмами, театрами, зданіями трибуналовъ, водопроводами, банями, со всею роскошью италійскихъ городовъ; они соединили эти новыя поселенія превосходными дорогами, построили мосты черезъ рѣки; въ короткое время туземцы приняли римскіе обычаи, языкъ, понятія. Римляне умѣли зорко находить естественныя богатства новой провинціи и превосходно пользоваться ими. Они пересадили въ Декуматскую землю свои фруктовыя деревья, свои овощи, свои сорты хлѣба; и скоро стали вывозить оттуда въ Римъ продукты сельскаго хозяйства, даже спаржу и рѣпу. Они устроили искусственное орошеніе луговъ и нивъ, заставили быть плодородной землю, которая до нихъ казалась ни къ чему не пригодной. Они ловили въ рѣкахъ вкусную рыбу; улучшили породы домашняго скота; нашли металлы; нашли соляные источники; повсюду находили они для своихъ построекъ очень прочный камень; они уже употребляли на свои жернова тѣ крѣпчайшіе сорты лавы, которые до сихъ поръ считаются дающими самые лучшіе жернова; они нашли для выдѣлки кирпича превосходную глину; они провели каналы, регулировали теченіе рѣкъ; въ мѣстностяхъ, богатыхъ мраморомъ, какъ напримѣръ на берегахъ Мозеля, они построили мельницы на которыхъ рѣзали въ плиты этотъ камень; отъ нихъ не укрылся ни одинъ цѣлебный источникъ; на всѣхъ теплыхъ водахъ отъ Аахена до Висбадена, отъ Баденъ-Бадена до швейцарскаго Бадена, отъ Партенкирха (Parthanum) въ ретійскихъ Альпахъ до вѣнскаго Бадена они устроили бассейны, залы, колоннады, украсили ихъ статуями, надписями, и потомство дивится остаткамъ этихъ сооруженій, находимымъ подъ землею, такъ великолѣпны были они. Римляне не пренебрегали и бѣдной туземной промышленностью, замѣтили трудолюбіе и ловкость туземцевъ, воспользовались ихъ талантами. Остатки широкихъ вымощен-

ныхъ камнемъ дорогъ, находимыя подъ землею развалины зданій, статуи, жертвенники, оружіе, монеты, вазы, всяческіе уборы свидѣтельствуютъ о высокомъ развитіи культуры въ Декуматской землѣ подъ властью римлянъ. Аугсбургъ былъ центромъ торговли, складочнымъ мѣстомъ товаровъ, которыми Востокъ и Югъ обмѣнивались съ Сѣверомъ и Западомъ. Живое участіе въ выгодахъ цивилизованной жизни принимали и другіе города, напримѣръ, тѣ города на Боденскомъ озерѣ, которые теперь называются Констанцемъ и Брегеденцемъ, Aquae Aureliae (Баденъ-Баденъ) на предгорьѣ Шварцвальда, тотъ городъ на Неккарѣ, который теперь называется Ладенбергомъ.—Римская культура охватила при Траянѣ и Антонинахъ и землю на юго-востокѣ отъ Декуматской области, по теченію Дуная. Тамъ возникли богатые города, какъ напримѣръ Виндобона (Вѣна), Карнунтъ (Петронель), Мурса (или Мурсія; Эссекъ), Таврунъ (Землинъ) и въ особенности Сирмій (нѣсколько на западъ отъ Бѣлграда); болѣе къ востоку Наиссъ (Нисса), Сардика (Софія), Никополь у Гемуса; римскій Итинерарій („Дорожникъ“) перечисляетъ на Дунаѣ столько городовъ, что быть можетъ эта граница не уступала рейнской высокимъ развитіемъ культурной жизни.

Маттіаки и батавы.

Не далеко отъ той мѣстности, гдѣ пограничный валъ Декуматской земли сходился съ окопами, раньше того возведенными по хребту Тавна, то есть на сѣверъ отъ Декуматской земли, жили по берегу Рейна маттіаки, составлявшіе южный отдѣлъ воинственнаго народа хаттовъ; они и соплеменные имъ батавы были вѣрными друзьями римлянъ. Тацитъ называетъ оба эти племени союзниками римскаго народа, говоритъ, что они были свободны отъ всякой дани, были обязаны только посылать свои отряды въ римское войско и давать лошадей на войну. Когда римляне отступили отъ благоразумной кротости относительно батавовъ, стали притѣснять ихъ, они подняли войну, принявшую широкій размѣръ; мы разскажемъ объ этомъ послѣ, когда будемъ говорить о царствованіи Веспасіана.— На сѣверо-востокъ отъ маттіаковъ жили хатты (Chazzi, Hazzi, гессы, гессенцы), страна которыхъ шла до границъ Герцинскаго лѣса.

Хатты.

Тацитъ говоритъ, что хатты были плотнаго, крѣпкаго тѣлосложенія, что взглядъ у нихъ былъ отважный, умъ болѣе дѣятельный, чѣмъ у другихъ германцевъ; если судить по германской мѣркѣ, то у хаттовъ много разсудительности и сообразительности, говоритъ онъ. У нихъ юноша, достигнувъ совершеннолѣтія, не стригъ волосъ, не брилъ бороды, пока не убьетъ врага: «только тогда считаетъ онъ себя уплатившимъ долгъ за свое рожденіе и воспитаніе, достойнымъ отечества и родителей», говоритъ Тацитъ.

При Клавдіѣ отрядъ хаттовъ сдѣлалъ хищническій набѣгъ за Рейнъ, въ провинцію Верхнюю Германію. Легатъ Луцій Помпоній послалъ вангіоновъ, неметовъ и отрядъ конницы подъ начальствомъ Плинія старшаго отрѣзать этимъ грабителямъ путь отступленія. Воины пошли очень усердно, раздѣлившись на два отряда; одинъ изъ нихъ застигъ возвращавшихся съ грабежа хаттовъ, когда они стали на отдыхъ и напились такъ, что были не способны обороняться; побѣда была, по словамъ Тацита, тѣмъ ра-

достнѣе, что при этомъ случаѣ были освобождены изъ рабства нѣсколько римлянъ, взятыхъ въ плѣнъ за сорокъ лѣтъ передъ тѣмъ при пораженіи Вара. Другой отрядъ римлянъ и союзниковъ ихъ пошелъ въ землю хаттовъ, разбилъ ихъ и, набравъ много добычи, возвратился къ Помпонію, который стоялъ съ легіонами на Тавнѣ въ готовности отразить германцевъ, если они захотятъ мстить. Но хатты опасались, что когда они пойдутъ на римлянъ, то херуски, ихъ враги, вторгнутся въ ихъ землю; потому отправили въ Римъ пословъ и заложниковъ. Помпоній былъ болѣе знаменитъ своими драмами, чѣмъ военными подвигами; но за эту побѣду онъ получилъ тріуфръ.

Узипеты и тенктеры.

На сѣверъ отъ Лана, по правому берегу Рейна, жили узипеты (или узипійцы) и тенктеры (III, стр. 828). Тенктеры славились своей превосходной конницей. Ѣздою верхомъ забавлялись у нихъ дѣти, любили ѣздить верхомъ и старики. Боевой конь отца отдавали въ наслѣдство храбрѣйшему изъ сыновей. Дальше къ сѣверовостоку по Липпе и верховью Эмса жили бруктеры, а за ними на востокъ до Везера хамавы и ангривары. Тацитъ слышалъ, что была у бруктеровъ война съ сосѣдями, что бруктеры были прогнаны изъ своей земли и почти совершенно истреблены; это междоусобіе составляло, по его словамъ, «радостное зрѣлище для римлянъ». Вѣроятно, въ той же части Германіи жили прежде и марсы, храбрый народъ, истребленный Германикомъ. По берегу моря отъ устья Эмса до батавовъ и каниннефатовъ жили фризы; они занимали и сосѣдніе острова; эти болотистыя мѣста были ни кому не завидны, говоритъ Тацитъ, но фризы любили свою родину. Они долго подчинялись римлянамъ, не заботясь о своихъ единоплеменникахъ.

Бруктеры и сосѣди ихъ.

Марсы.

Фризы.

Въ благодарность за покровительство римлянъ фризы давали имъ опредѣленное число воловьихъ шкуръ на надобности войска. Когда эта дань стала обременительна по алчности римскаго правителя, они взялись за оружіе, побѣдили римлянъ, свергли съ себя ихъ власть. Но при Клавдіѣ отважный Корбулонъ успѣлъ возвратить фризовъ къ союзу съ Римомъ. 27.
При Неронѣ началась новая ссора изъ-за того, что фризы заняли и стали 58.
воздѣлывать нѣкоторыя мѣстности на правомъ берегу Рейна, лежавшія пустыми. Римскій правитель велѣлъ имъ уйти оттуда, они не послушались и отправили двухъ князей въ Римъ просить, чтобъ эта земля была оставлена за ними. Но римскій правитель напалъ на поселившихся тамъ, часть ихъ истребилъ, другую увелъ въ рабство; земля, занятая ими, снова стала пустыней; воины сосѣднихъ римскихъ отрядовъ пускали на нее пастись свой скотъ.

Хавки.

На востокъ отъ Эмса до нижней Эльбы и въ глубину страны до хаттовъ жили хавки, которыхъ Тацитъ называетъ благороднѣйшими изъ германцевъ, ставившими основой своего могущества справедливость; онъ говоритъ: «У нихъ нѣтъ ни жадности къ завоеваніямъ, ни надменности; они живутъ спокойно, устраняясь отъ ссоръ, не вызываютъ никого на войну обидами, не опустошаютъ, не грабятъ сосѣднихъ земель, не стремятся основать свое преобладаніе на оби-

дахъ другимъ; это самымъ лучшимъ образомъ свидѣтельствуетъ о ихъ доблести и силѣ; но они всѣ готовы къ войнѣ, и когда бываетъ надобность, войско у нихъ всегда ужь подъ оружіемъ. У нихъ очень много воиновъ и коней, ихъ имя знаменито и при миролюбіи».

Съ этой похвалой плохо вяжутся сообщаемыя самимъ Тацитомъ въ «Лѣтописи» извѣстія, что хавки на своихъ лодкахъ часто ѣздили грабить суда, ходившія по Рейну, и сосѣднія римскія владѣнія, что они выгнали ансибаровъ и завладѣли ихъ землей.

Херуски. На югъ отъ хавковъ лежала земля херусковъ; этотъ храбрый народъ, геройски защищавшій свободу и родину, уже утратилъ во времена Тацита свою прежнюю силу и славу; при Клавдіѣ херуски призвали Италика, сына Флавія и племянника Арминія, красиваго и храбраго юношу, и сдѣлали его царемъ. Онъ сначала правилъ ласково и справедливо, потомъ, изгнанный противниками, онъ одолѣлъ ихъ при помощи лангобардовъ и сталъ править жестоко. О дальнѣйшей судьбѣ его мы не имѣемъ извѣстій. Ослабленные раздорами и утратившіе воинственность отъ продолжительнаго мира, херуски во время Тацита не имѣли могущества и не пользовались уваженіемъ. Ихъ сосѣди фозы тоже были слабы. Кимбры. О кимбрахъ, которыхъ Тацитъ называетъ народомъ малочисленнымъ, но знаменитымъ подвигами, онъ говоритъ только, что во времена Марія они нанесли римлянамъ много тяжелыхъ пораженій, и что обширные станы, оставшіеся отъ нихъ на Рейнѣ, показываютъ, что они тогда были очень многочисленны.

Свевы. Племена, жившія дальше къ востоку между Балтійскимъ моремъ и Карпатами, въ странѣ очень малоизвѣстной римлянамъ, Тацитъ, подобно Цезарю, называетъ общимъ именемъ свевовъ. У нихъ былъ обычай, которымъ отличались они отъ другихъ германцевъ: свободные люди зачесывали свои длинные волосы къ верху и перевязывали надъ теменемъ, такъ что они развѣвались подобно султану. Они полагали, что это дѣлаетъ ихъ болѣе страшными для враговъ. О томъ, какія племена назывались у римлянъ свевами, и о происхожденіи этого племени было очень много изслѣдованій и споровъ; но при темнотѣ и разнорѣчивости извѣстій о нихъ у древнихъ писателей вопросы эти остаются не рѣшены. Самое простое объясненіе имени ихъ то, что «свевы» значитъ кочевники (schweifen, «бродить»); римляне называли свевами всѣ тѣ многочисленные племена, которыя жили далеко отъ римской границы за густыми лѣсами, и полагали, что эти племена постоянно передвигаются съ мѣста на мѣсто, потому что чаще всего слышали о нихъ отъ племенъ, прогнанныхъ ими на западъ. Извѣстія римлянъ о свевахъ сбивчивы и заимствованы изъ преувеличенной молвы. Говорятъ, что свевовъ было сто округовъ, изъ которыхъ каждый могъ выставлять многочисленное войско, что ихъ страна окружена пустыней. Эти слухи поддерживали боязнь,

какую имя свевовъ внушало уже и легіонамъ Цезаря. Безъ сомнѣнія, свевы были федераціею многихъ племенъ, близко родственныхъ между собою, у которыхъ прежняя кочевая жизнь еще не совершенно замѣнилась осѣдлою, скотоводство, охота и война еще преобладали надъ земледѣліемъ. Тацитъ называетъ древнѣйшими и благороднѣйшими изъ нихъ семноновъ, жившихъ на Эльбѣ, а лангобардовъ, жившихъ къ сѣверу отъ семноновъ, самыми храбрыми. Лангобарды. — На востокъ отъ Декуматской области жили гермундуры, Гермундуры. вѣрные союзники римлянъ, пользовавшіеся большимъ довѣріемъ ихъ, имѣвшіе право свободно торговать въ главномъ городѣ ретійской провинціи, нынѣшнемъ Аугсбургѣ. Ниже по Дунаю къ востоку жили нариски, а за нарисками маркоманы и квады, Маркоманы и квады. сохранявшіе ту храбрость, которая доставила имъ обладаніе ихъ землею. Области этихъ народовъ образовали оплотъ Германіи со стороны Дуная. Царями маркомановъ довольно долго были потомки Марбода, затѣмъ иноплеменники, получившіе власть по вліянію римлянъ и державшіеся, благодаря ихъ покровительству. Германцы, жившіе за маркоманами и квадами, имѣли своими сосѣдями племена не германскаго происхожденія. Изъ народовъ, жившихъ тамъ по долинамъ и ущельямъ горъ, нѣкоторыхъ Тацитъ причисляетъ къ свевамъ, напримѣръ, марсигновъ и буровъ; другихъ, какъ напримѣръ, готиновъ, онъ считаетъ кельтами по ихъ языку; готины были подвластны сарматамъ, добывали для своихъ господъ желѣзо изъ своихъ рудниковъ и платили имъ дань; за этими горами (Судетами, Карпатами) жили многія племена, причисляемыя Тацитомъ къ германцамъ; Лигійцы. изъ нихъ самую обширную область занимали лигійцы, жившіе, вѣроятно, въ нынѣшней Силезіи; они составляли федерацію, къ которой принадлежали, кромѣ разныхъ другихъ племенъ, гарійцы и нагарвалы. Готы. Къ сѣверу отъ лигійцевъ жили готы, а за готами ругійцы и лемовійцы; у готовъ были цари, которые имѣли больше власти, чѣмъ цари другихъ германцевъ, но все-таки не настолько, чтобы свобода готовъ была подавлена. Изъ Плинія и Птолемея мы знаемъ, что на сѣверо-востокѣ Германіи (вѣроятно, между Вартою и Балтійскимъ моремъ) жили бургундіоны и вандалы; Бургундіоны и вандалы. но Тацитъ о нихъ не упоминаетъ.

Скандинавскія племена: свіоны и ситоны. Племенами, жившими на Вислѣ и южномъ берегу Балтійскаго моря, замыкались границы Германіи, на сѣверѣ отъ нихъ на большомъ островѣ (Скандинавіи) жили свіоны и ситоны, сильные, кромѣ сухопутнаго войска, и флотомъ. Корабли ихъ имѣли носы съ обѣихъ концовъ. Эти племена отличались отъ германцевъ тѣмъ, что цари ихъ имѣли неограниченную власть и не оставляли оружіе въ ихъ рукахъ, а держали его въ кладовыхъ, охраняемыхъ рабами. Ситоны, по выраженію Тацита, унизились до такого раболѣпства, что ими повелѣвала царица и они слушались женщины. За свіонами, говоритъ Тацитъ, находится другое море, вода въ которомъ почти не

подвижна; это море замыкаетъ собою крайніе предѣлы земель. Лѣтомъ, по захожденіи солнца, сіяніе его тамъ сохраняетъ еще такую силу, что всю ночь затемняетъ звѣзды.—Правый берегъ свевскаго (Балтійскаго) моря омываетъ землю эстіевъ (Эстляндію). По обычаямъ и одеждѣ, эстіи походятъ на свевовъ, а по языку они ближе къ британцамъ. Желѣзо у нихъ рѣдкость; обыкновенное ихъ оружіе булава; они занимаются земледѣліемъ усерднѣе лѣнивыхъ германцевъ; они плаваютъ и по морю, и они единственный народъ, который собираетъ янтарь; они называютъ его glaesum (нѣмецк. glas, «стекло»?), собираютъ они его на отмеляхъ въ морѣ и на берегу. Долго они оставляли его лежать между другими предметами, какіе выбрасываетъ море; но римская роскошь, наконецъ, обратила на него ихъ вниманіе: «сами они не употребляютъ его, вывозятъ въ необдѣланномъ видѣ и дивятся, что получаютъ плату за него». Послѣ того, Тацитъ приводитъ имена народовъ, о которыхъ говоритъ, что не знаетъ къ германцамъ ли должно причислять ихъ или къ сарматамъ; это венеды (венды), певкины и фенны; о венедахъ онъ говоритъ, что они живутъ войною и грабежомъ; но отличаются отъ сарматовъ тѣмъ, что строятъ дома и сражаются пѣшіе. О певкинахъ онъ говоритъ, что нѣкоторые писатели называютъ ихъ бастарнами, что они по языку, одеждѣ, по виду своихъ жилищъ похожи на германцевъ; но, что, смѣшавшись путемъ брачныхъ союзовъ съ сарматами, они усвоили себѣ отъ нихъ лѣность и неопрятность. Далеко на сѣверѣ обитаютъ фенны (финны), самый крайній народъ населеннаго пространства земли, они совершенные дикари и живутъ въ чрезвычайной нищетѣ. У нихъ нѣтъ ни оружія, ни лошадей; они питаются травой и дикими животными, которыхъ убиваютъ стрѣлами, имѣющими заостренные костяные наконечники; они одѣваются въ звѣриныя шкуры, спятъ на землѣ; въ защиту отъ непогоды и хищныхъ звѣрей, дѣлаютъ себѣ плетни изъ вѣтвей. Они, говоритъ Тацитъ, не боятся ни людей, ни боговъ, достигли того, чего достичь всего труднѣе человѣку: имъ не нужно имѣть ни какихъ желаній. За ними, говоритъ онъ, находится ужь баснословный міръ.

Эстіи. Венеды и фенны.

Какъ ни велико было число племенъ, на которыя дѣлились германцы, какъ ни велико было различіе общественнаго быта между племенами, имѣвшими царей и не имѣвшими ихъ; проницательный наблюдатель видѣлъ, что всѣ они принадлежатъ къ одному національному цѣлому, что они части великаго народа, который, не смѣшиваясь съ иноземцами, жилъ по обычаямъ совершенно самобытнымъ; коренная одинаковость не была сглажена племенными разницами; языкъ, характеръ германцевъ и образъ жизни ихъ показывали, что всѣ они имѣютъ общее происхожденіе. Тацитъ говоритъ, что въ старыхъ народныхъ пѣсняхъ германцы восхваляютъ родившагося изъ земли бога Туискона и его сына Манна, какъ своихъ прародителей,

что отъ трехъ сыновей Манна произошли и получили свои имена три коренныя группы, которыми охватываются всѣ германскія племена: ингевоны (фризы), герминоны (свевы) и истевоны; въ этомъ преданіи уцѣлѣло подъ миѳической оболочкой свидѣтельство самихъ германцевъ, что они при всей своей раздробленности не забыли общности своего происхожденія и продолжали считать себя соплеменниками.

b) Общественное устройство и образъ жизни.

Занятія и образъ жизни.

«Хорошо извѣстно, что германскіе народы не живутъ городами, не терпятъ даже смежности домовъ. Они селятся одиноко, разбросанно, куда кого привлечетъ ручей, лугъ, лѣсъ».—Изъ этихъ словъ Тацита ясно, что германцы уже покинули кочевую жизнь воинственныхъ, пастушескихъ и охотническихъ народовъ, уже привыкли къ осѣдлости, къ прочнымъ жилищамъ, какъ требуетъ того земледѣліе, привязывающее человѣка къ землѣ. Итакъ, оно было основаніемъ германскаго быта; это видно и изъ разсказа, находящагося въ «Лѣтописи» Тацита: когда ансибары были выгнаны хавками изъ своей земли, то князь ихъ, старикъ Бойокалъ, просилъ у римскаго правителя Нижней Германіи позволенія поселиться съ своимъ народомъ на тѣхъ земляхъ, которыя, оставаясь не воздѣланными, служили пастбищами для скота римскихъ воиновъ; онъ говорилъ: «Какъ небо принадлежитъ богамъ, такъ земныя области даны людямъ; солнцу непріятно смотрѣть на пустыни». Такимъ образомъ, кромѣ войны и охоты, важнымъ занятіемъ у германцевъ было сельское хозяйство и нормальнымъ состояніемъ была осѣдлая жизнь; этому не противорѣчатъ слова Тацита: «Не такъ легко уговорить ихъ пахать землю и ждать жатвы, какъ вызывать на бой врага и получать раны; они даже считаютъ лѣностью и слабостью пріобрѣтать пόтомъ то, что можно пріобрѣсти кровью»; это говоритъ онъ лишь о воинственной молодежи, составлявшей свиту князей. Первоначально, быть можетъ, не считалась частной собственностью германца та мѣстность, на которой строилъ онъ свой дворъ, которую распредѣлялъ между своими помощниками, чтобы они воздѣлывали отведенные имъ участки и строили тамъ свои хижины, вознаграждая его за это право работой; быть можетъ, онъ считался только владѣльцемъ, а не собственникомъ этой мѣстности, на которой устроивалъ поселеніе своего «рода», состоявшаго изъ людей, дѣйствительно родственныхъ съ нимъ, или добровольно присоединившихся къ нему. Цезарь говоритъ: «Ни у кого изъ германцевъ нѣтъ опредѣленнаго участка земли, нѣтъ земельной собственности; князья и старшины племенъ раздаютъ землю на годъ родамъ и семействамъ, составляющимъ племя; величина этихъ участковъ и мѣсто, гдѣ кто получаетъ землю, зависитъ

отъ ихъ соображенія; они принуждаютъ людей своего племени переходить въ слѣдующій годъ на другіе участки». То же самое говоритъ и Тацитъ: «Округъ принадлежитъ всему племени; они дѣлятъ его между собою по степени почета людей, занимая участки поперемѣнно», дальше онъ говоритъ: «пашни они мѣняютъ ежегодно и часть земли остается у нихъ не воздѣланной».—Изслѣдователи германской древности очень далеко расходятся между собою въ понятіяхъ объ аграрныхъ отношеніяхъ и о характерѣ сельскаго хозяйства у германцевъ. Но каковъ бы ни былъ ихъ первоначальный бытъ, не подлежитъ спору то, что земля у нихъ рано стала собственностью домохозяевъ, воздѣлывающихъ ее. Значительная часть округа оставалась въ общемъ пользованіи (была «альмендою»); къ этой части принадлежали пастбища, лѣсъ и вообще вся не воздѣланная земля; а другая часть была раздѣлена на участки, принадлежащіе воздѣлывающимъ ихъ. Было и другое устройство: округъ составлялъ собственность занимавшей его родовой общины; она распредѣляла воздѣлываемую часть земли между домохозяевами или въ собственность, или въ пользованіе и завѣдывала порядкомъ сѣвооборота, который производился или по системѣ трехпольнаго хозяйства, или по системѣ распахиванія новыхъ земель съ долгимъ отдыхомъ для выпаханныхъ. Мы видимъ у германцевъ съ очень ранняго времени такое устройство быта, которое необходимымъ своимъ условіемъ имѣетъ прочную земельную собственность отдѣльнаго домохозяина, существованіе размежеванныхъ участковъ, каждый изъ которыхъ составляетъ принадлежность двора и находится въ собственности у его владѣльца; это ясно изъ того, что племя дѣлилось на сословія свободныхъ людей и не свободныхъ, на землевладѣльцевъ и подвластныхъ имъ людей, живущихъ на ихъ земляхъ. Конечно, при этомъ еще могла сохраниться мысль, что округъ племени составляетъ общую собственность его.

Благородные и свободные люди.

Уже у Тацита мы видимъ раздѣленіе народа по сословіямъ, но точныхъ подробностей объ этомъ у него нѣтъ. Какъ у всѣхъ древнихъ народовъ, и у германцевъ люди по разности личныхъ и имущественныхъ правъ дѣлились на свободныхъ и не свободныхъ; и оба сословія подраздѣлялись на разные классы. Родоначальники и крупные землевладѣльцы рано пріобрѣли такое высокое значеніе въ обществѣ, что отдѣлились отъ «свободныхъ» простыхъ «людей» (liberi, ingenui) въ особое сословіе «князей» (principes) или «благородныхъ», «знатныхъ» людей (nobiles) и пользовались особеннымъ почетомъ, хотя ихъ привилегированное положеніе основывалось не на происхожденіи отъ какихъ нибудь завоевателей, а только на обычаѣ, преданіи, подвигахъ предковъ, величинѣ богатства. Крупные землевладѣльцы, соединенные между собою брачными связями, получили по естественному ходу племеннаго развитія, большое вліяніе на общественныя дѣла и обыкновенно были избираемы народомъ въ «старшины», которымъ поручено было управленіе дѣлами. Почетъ, пріобрѣтенный отцомъ, доставался по наслѣдству сыну, который заботился сохранить и увеличить свое наслѣдственное значеніе, поддержать въ народѣ живое воспоминаніе о славѣ своихъ предковъ. Такимъ образомъ, народъ привыкъ видѣть своими главами людей извѣстныхъ родовъ, и по мѣрѣ того, какъ эти люди упрочивали свою знаменитость личными подвигами и заслугами, храбростью, другими похвальными качествами, ихъ вліяніе возростало. Такимъ образомъ, роды крупныхъ землевладѣльцевъ, «благородные люди» (adelinge) образовали съ теченіемъ времени привилегированное знатное сословіе, стали вельможами, далеко превосходящими по своему общественному значенію свободныхъ простолюдиновъ, которые рѣдко имѣли случай пріобрѣсти знаменитость. Знатные люди составили особое замкнутое наслѣдственное сословіе раньше всего, какъ надобно думать, у тѣхъ племенъ, у которыхъ были цари; по словамъ Тацита, цари избирались изъ знатныхъ людей. Землевладѣлецъ былъ главою и представителемъ рода, жившаго около его владѣльческаго двора; имущество переходило по опредѣленнымъ обычнымъ правиламъ въ наслѣдство къ сыновьямъ или, если не было сыновей, къ ближайшимъ по родству мужчинамъ. Завѣщаній не было. Жены и дочери не могли наслѣдовать земельной собственности; содержать и защищать ихъ было обязанностью ихъ ближайшихъ родственниковъ. Крупные землевладѣльцы стали наслѣдственной аристократіей тѣмъ легче, что съ должностью правителя не было соединено никакихъ постоянныхъ доходовъ; потому богатый человѣкъ, получавшій ее, не возбуждалъ зависти между простолюдинами: у нихъ не было охоты оспоривать у него почетъ, не приносившій выгоды. Правители получали отъ народа добровольные подарки скотомъ и земледѣльческими продуктами, но взамѣнъ этого они должны были дѣлать издержки на общественныя надобности, и обычай обязывалъ знатныхъ людей щедро угощать соплеменниковъ.

Несвободные люди.

Несвободные люди тоже дѣлились на разные классы. Были рабы (servi), были отпущенники (liberti); эти два класса составляли и у германцевъ, какъ у всѣхъ народовъ древняго міра, очень многочисленную часть населенія. Кромѣ того, Тацитъ упоминаетъ о третьемъ классѣ несвободныхъ людей, которые не пользовались ни политическими правами свободныхъ, ни правомъ носить оружіе, составлявшимъ тоже привилегію свободныхъ людей, но имѣли участки земли и особые дома и вели самостоятельное хозяйство, съ обязанностью платить своему господину, собственнику земли, извѣстную подать или исполнять для него нѣкоторыя натуральныя повинности. Эти подвластные или крѣпостные люди, называвшіеся въ послѣдствіи времени литами, были, вѣроятно, коренные жители области, покоренные завоевате-

лями. Они не имѣли ни участія въ народномъ собраніи, ни права вести передъ судомъ свои процессы лично; представителемъ литовъ на судѣ былъ землевладѣлецъ, господинъ ихъ; они отдавали ему извѣстную долю земледѣльческихъ продуктовъ и скота; при смерти лита наслѣдникъ его платилъ господину особенную подать за право вступленія въ наслѣдство. Тѣ изъ нихъ, которые или выкупались на волю, или были увольняемы господиномъ (лассы), вѣроятно, не получали полныхъ правъ свободныхъ людей; полноправными членами свободнаго сословія, вѣроятно, дѣлались только уже ихъ потомки черезъ нѣсколько поколѣній, а до той поры они оставались въ положеніи, которое, по словамъ Тацита, имѣло мало разницы отъ состоянія людей, подвластныхъ господину; вѣроятно, они занимались тѣми ремеслами, безъ которыхъ не могутъ обходиться и дикари. Болѣе высокое положеніе занимали, по словамъ Тацита, царскіе отпущенники; они дѣлались приближенными его людьми и могли пріобрѣтать такую важность, что становились выше знатныхъ людей, не только простолюдиновъ. Положеніе рабовъ, суровое у другихъ народовъ, было у германцевъ довольно сносно: по словамъ Тацита, господа вообще поступали съ рабами справедливо и снисходительно; рѣдко сѣкли рабовъ, рѣдко заковывали ихъ въ цѣпи и наказывали особенно тяжолой работой; вѣроятно, еще рѣже случалось, что господинъ въ порывѣ гнѣва убивалъ раба; но онъ убивалъ его безнаказанно, потому что и у германцевъ, какъ у всѣхъ народовъ древняго міра, рабъ считался вещью, принадлежащею господину, который имѣлъ право поступать съ этой вещью, какъ хочетъ. По нѣкоторымъ извѣстіямъ, видно, что во многихъ частяхъ Германіи производилась въ большомъ размѣрѣ торговля невольниками.

Общественное устройство.

Каждое племя составляло особое государство (civitas). Но часто случалось, что нѣсколько племенъ соединялись, по добровольному согласію, въ федерацію; сильнѣйшія изъ нихъ получали нѣкоторое владычество надъ остальными и, кажется, что федерація обыкновенно называлась его именемъ. Каждое государство подраздѣлялось на части, болѣе или менѣе самостоятельныя; это были или 2 группы, образуемыя родовою связью, или области, которыя впослѣдствіи времени назывались gau и, кажется, назывались такъ съ очень давняго времени. Они подраздѣлялись на «сотни» и на «марки»; марка была сельская община. Дворъ крупнаго землевладѣльца съ принадлежащими къ его роду и поселенными на его землѣ людьми образовывалъ центръ марки; она была свободнымъ соединеніемъ землевладѣльцевъ одной сельской мѣстности, составлявшей округъ общины; община завѣдывала землею, остававшеюся общественной (альмендой); права пользованія альмендой распредѣляли между членами общины выборные судьи; сто такихъ общинъ или сто двадцать ихъ (десять дюжинъ), или какое нибудь число, близкое къ сотнѣ

общинъ, называлось «сотнею»; это былъ округъ, образовавшій самостоятельную часть племени; онъ имѣлъ главнаго судью, избираемаго изъ сословія «князей» (principes); этотъ судья былъ и предводителемъ войска сотни на войнѣ. Въ послѣдствіи времени онъ назывался центграфомъ, «сотеннымъ графомъ»; сотенные судьи и начальники областей, которые въ послѣдствіи назывались областными графами или областными королями (gaugraf, gaukönig), были назначаемы народнымъ собраніемъ племени (concilium; впослѣдствіи, оно называлось Landesthing); народное собраніе составляли всѣ свободные землевладѣльцы всѣхъ областей племени, не только крупные, но и самые мелкіе. Они сходились въ опредѣленные дни; обыкновенно или въ каждое новолуніе, или полнолуніе, и рѣшали общественныя дѣла по совѣщанію между собою; эти собранія происходили обыкновенно подъ открытымъ небомъ. Часто случалось, что надобно было ждать по два и по три дня, пока соберутся всѣ, имѣющіе право и желающіе участвовать въ собраніи; Тацитъ говоритъ, что они запаздывали по злоупотребленію своей свободой; вѣроятно, важнѣе была другая причина тому—дальность разстояній. Германцы приходили въ народное собраніе съ оружіемъ, котораго вообще никогда не снимали съ себя; но нарушеніе мира въ народномъ собраніи воспрещалось; мѣсто собранія было священное. Обыкновенно дѣла были разсматриваемы сначала на совѣщаніи князей и старшинъ, и они рѣшали маловажныя дѣла собственной властью, а важныя передавали на рѣшеніе собранію народа становившагося кольцомъ кругомъ ихъ. Народъ выражалъ свое согласіе стукомъ оружія, а несогласіе ропотомъ. Совѣщанія народнаго собранія были освящаемы при своемъ началѣ религіознымъ обрядомъ, происходили подъ охраною жрецовъ; одинъ изъ знаменитѣйшихъ и могущественнѣйшихъ родоначальниковъ или князей управлялъ ходомъ совѣщанія. Народное собраніе рѣшало дѣла о войнѣ и мирѣ, выслушивало пословъ другихъ племенъ и давало имъ отвѣты; въ немъ получали юноши щитъ и копье, и посредствомъ этого обряда были признаваемы за самостоятельныхъ людей, становились членами своего племени и воинами. Народное собраніе постановляло законы, которыми пополнялось обычное право, служившее основаніемъ для рѣшенія судебныхъ дѣлъ; законы сохранялись изустнымъ преданіемъ или записывались въ краткомъ видѣ рунами. Вѣроятно также въ народномъ собраніи было первоначально производимо или утверждаемо отпущеніе рабовъ на волю. Собраніе рѣшало и тѣ уголовныя дѣла, въ которыхъ наказаніемъ была смерть. Наконецъ, оно избирало начальниковъ областей и сотенъ; эти начальники судили процессы и исполняли законы при содѣйствіи извѣстнаго числа гражданъ своей области или сотни; вѣроятно, они совершали и религіозные обряды или при содѣйствіи, или безъ содѣйствія жреца. — Итакъ народное собраніе было центромъ всѣхъ

Народное собраніе.

общественныхъ дѣлъ; верховная власть принадлежала ему; дѣла второстепенной важности рѣшались мѣстными собраніями отдѣловъ племени, областей или сотенъ; эти собранія сходились чаще, чѣмъ народное собраніе племени. Вайцъ называетъ старогерманское государственное устройство республиканскимъ, въ которомъ управляли дѣлами выборные князья. Собраніе племени состояло изъ всѣхъ свободныхъ людей, то есть самостоятельныхъ землевладѣльцевъ; оно, какъ мы говорили, имѣло верховную власть; у германцевъ не было подчиненія народа аристократіи, жрецамъ или какимъ нибудь отдѣльнымъ могущественнымъ людямъ; но личныя заслуги и заслуги предковъ давали человѣку вліяніе; естественныя условія могущества, богатство и знатность возвышали значеніе человѣка и у германцевъ; выборные правители имѣли возможность охранять общественные интересы, наблюдать за исполненіемъ законовъ; эту возможность давало имъ содѣйствіе ихъ согражданъ. У большей части племенъ были князья, имѣвшіе нѣкоторую правительственную власть. Значеніе народнаго собранія Вайцъ характеризуетъ словами: «Народъ установляетъ законы, всѣ перемѣны ихъ дѣлаются съ его одобренія; онъ рѣшаетъ дѣла о войнѣ и мирѣ; князь или царь не беретъ никакихъ налоговъ; то, что дается ему на его надобности, составляетъ добровольный подарокъ; народъ избираетъ правителей; если племя имѣетъ царя, то онъ избирается изъ царскаго рода народомъ; — таковы основы государственнаго порядка у германцевъ, сохранившіяся и въ послѣдующіе вѣка при всѣхъ перемѣнахъ общественнаго быта». Мы видимъ изъ Тацита, что въ его время уже существовали, по крайней мѣрѣ въ зародышѣ, разныя формы правленія: монархическая, аристократическая и демократическая.

Вира. Кровомщеніе. Соприсяжничество. Судъ Божій.

У Тацита мы находимъ и о судебныхъ дѣлахъ извѣстія, по которымъ видимъ существенную одинаковость позднѣйшихъ юридическихъ обычаевъ съ первобытными. Онъ говоритъ, что измѣнниковъ и дезертировъ германцы вѣшали на деревьяхъ, а трусовъ, бѣжавшихъ изъ похода, и людей, осквернившихъ свое тѣло противоестественными пороками, топили въ болотахъ и покрывали эти мѣста плетнемъ, чтобы закрыть стыдъ. За всѣ другія преступленія противъ общественнаго спокойствія свободные люди, по жалобѣ пострадавшихъ, подвергались народнымъ собраніемъ имущественному штрафу, вирѣ; это вознагражденіе за нарушеніе тишины (fredus) состояло обыкновенно въ опредѣленномъ количествѣ рогатаго скота или овецъ; часть его отдавалась обиженнымъ, часть обществу или царю, какъ верховному судьѣ. Убійца первоначально предоставлялся на кровомщеніе родственникамъ убитаго; если они хотѣли, то могли прекратить вражду противъ убійцы, за вознагражденіе отъ него. Но, чтобы преслѣдованіе убійцъ частными людьми не нарушало спокойствія, германцы съ теченіемъ времени приняли обычай, что и за убійство человѣкъ наказывается имущественнымъ штрафомъ въ пользу семейства или рода убитаго имъ, такъ что если свободный человѣкъ имѣлъ средства заплатить виру, то онъ ни въ какомъ случаѣ не подвергался ни смертной казни, ни тѣлесному наказанію въ мирное время. Только во время похода могла быть назначаема преступнику казнь сопровождающимъ войско жрецомъ, произносившимъ приговоръ отъ имени боговъ. Если свободный человѣкъ не имѣлъ средствъ уплатить виру, ее обязаны были вносить его родные или его община; за раба платилъ виру господинъ. Величина виры была различна, смотря по сословію пострадавшаго. Достовѣрность обвиненія подверждалась или опровергалась не свидѣтелями, а присягой обвинителя или обвиняемаго и его „соприсяжниковъ“. Соприсяжниками были родственники; обычай требовалъ отъ нихъ этой помощи ихъ родственнику. Едвали распространялась обязанность соприсяжничества и на другихъ членовъ общины, кромѣ родственниковъ. Приговоръ постановлялся собраніемъ всѣхъ свободныхъ людей округа или цѣлаго племени. Апелляціи отъ него не было. За сопротивленіе исполнителямъ его осужденный былъ провозглашаемъ врагомъ всего народа; такой человѣкъ лишался всѣхъ правъ и былъ предоставляленъ на мщеніе каждому члену племени. Когда собраніе, судившее процессъ, не умѣло само рѣшить, правъ или не правъ обвиняемый, рѣшеніе предоставлялось суду Божію. Между свободными людьми судъ Божій состоялъ въ поединкѣ; не свободный человѣкъ подвергался испытанію невинности, посредствомъ погруженія руки въ кипящую воду. — Совѣщанія народнаго собранія часто длились по нѣскольку дней; собравшіеся проводили вечера и ночи въ пирахъ и, разумѣется, шумно толковали на нихъ о дѣлахъ, рѣшить которыя предстояло имъ на слѣдующій день. Вѣроятно, къ этому относятся слова Тацита: „обыкновенно на пирахъ идутъ у нихъ разсужденія о примиреніи враговъ, о заключеніи брачныхъ союзовъ, о выборѣ старшинъ, о войнѣ и мирѣ; это какъ будто потому, что на пирахъ душа бываетъ особенно воспріимчива къ справедливымъ и расположена къ великимъ мыслямъ». Тацитъ прибавляетъ: „Этотъ безхитростный народъ еще открываетъ глубину сердца при непринужденномъ весельи. А послѣ того, какъ всякій высказалъ, безъ скрытности, свое мнѣніе, совѣщаніе о дѣлѣ возобновляется на слѣдующій день, и каждому времени отдается справедливая доля: они совѣщаются, когда у нихъ нѣтъ притворства, а рѣшаютъ, когда разсудокъ не омраченъ“.

Военачальники и цари.

Когда Тацитъ писалъ «Германію», у германцевъ были и монархическія государства и республиканскія; тѣхъ и другихъ было много, но ни одну изъ этихъ формъ нельзя было назвать преобладающей. Первоначально, и у германцевъ, какъ у грековъ, вѣроятно, каждое племя имѣло царя, власть котораго была ограничена; и вѣроятно только впослѣдствіи времени царское управленіе было отмѣнено у многихъ племенъ. По словамъ Тацита, германцы при выборѣ царя обращаютъ главное вниманіе на знатность происхожденія, а при выборѣ военачальника—на храбрость. Итакъ, не только военачальники, но и цари были выборные; разница состояла въ томъ, что военачальника выбирали изъ всего сословія свободныхъ людей, а царя изъ людей, принадлежащихъ къ опредѣленному кругу и, вѣроятно, изъ одного рода. Историческіе факты показываютъ, что и военачальникъ обыкновенно выбирался изъ людей знатныхъ, богатыхъ, имѣющихъ многочисленную, вооруженную свиту, что выборъ производился собраніемъ воиновъ, то есть всѣхъ свободныхъ людей пле-

мени и что, будучи разъ выбранъ, военачальникъ съ довольно широкой властью распоряжался всѣми общественными дѣлами, сообразно обычаю и своимъ мыслямъ. Характеръ царской власти у германцевъ намъ недостаточно извѣстенъ. Но ясно то, что она не была наслѣдственной. Яковъ Гриммъ говоритъ, что наслѣдственность ничего не значила безъ утвержденія народнымъ собраніемъ, но что народъ выбиралъ царя только изъ людей царскаго рода. У нѣкоторыхъ племенъ, вѣроятно, случалось, что выборный военачальникъ, прославившись побѣдами, покоривъ другія племена, пріобрѣталъ очень большое могущество и становился царемъ. У другихъ племенъ, вѣроятно, случалось, что военачальниками были избираемы одинъ за другимъ люди одного семейства, знаменитаго своими подвигами, и что такимъ образомъ власть военачальника получала характеръ почти наслѣдственный, становилась похожа на царскую. Но тѣ германскіе правители, которыхъ Тацитъ называетъ царями, были совершенно не то, чѣмъ стали германскіе цари въ позднѣйшія времена. Тацитъ говоритъ, что ихъ власть была ограничена. Очень можетъ быть, что римляне, не всматриваясь пристально въ государственныя учрежденія варваровъ, принимали военачальниковъ за царей. Или они сами, быть можетъ, давали титулъ царей князьямъ, дружнымъ съ ними; или, быть можетъ, правитель племени дѣйствительно былъ царемъ, но только по отношенію къ другимъ племенамъ, подвластнымъ тому племени, правителемъ котораго былъ онъ. Какъ бы то ни было, но у тѣхъ германскихъ племенъ, у которыхъ были цари, полученіе царской власти зависѣло отъ выбора народа, и царь пользовался не столько самостоятельной властью, сколько уваженіемъ, какое доставлялось ему знатностью происхожденія и священнымъ характеромъ жреческихъ и судейскихъ обязанностей, соединенныхъ съ его саномъ. Мы видимъ, что онъ былъ охранитель общественнаго спокойствія; что онъ не могъ предпринимать походъ безъ согласія народа, что онъ заключалъ миръ и вступалъ въ союзъ съ другими племенами тоже не иначе, какъ съ согласія народнаго собранія. Только уже впослѣдствіи, по завоеваніи римскихъ областей германцами, явились у нихъ военные цари; этими царями стали военачальники. Если были раньше того цари у германцевъ, то, безъ сомнѣнія, были не только судьями, но и военачальниками. Понятіе о начальствѣ надъ войскомъ такъ тѣсно соединено всегда у всѣхъ народовъ съ понятіемъ о царѣ, что даже тѣ изслѣдователи германской древности, которые стараются объяснять всѣ извѣстія о германской старинѣ въ демократическомъ смыслѣ, не отрицаютъ военнаго характера власти германскихъ царей.

Потому нѣтъ необходимости принимать мнѣніе Зибеля, что въ первоначальныя времена существовали у германцевъ только военачальники, что „санъ царя произошелъ изъ власти военачальника“ и что „почти во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда мы видимъ стремленіе военачальника сдѣлаться царемъ, это происходитъ въ подражаніе римскому монархическому устройству или при помощи римлянъ“. Дѣйствительно, очень можетъ быть, что тѣ военные цари, которыхъ латинскіе историки (Кассіодоръ, Іорданъ, Григорій Турскій) называютъ происходившими отъ царскихъ родовъ, какъ напримѣръ Аларихъ, Теодерихъ, Хлодовехъ, были первоначально только князьями своихъ дружинъ или старшинами округовъ (сотенъ) и возвысились до болѣе самостоятельной и обширной власти только посредствомъ службы римлянамъ; но ничего невозможнаго не имѣетъ въ себѣ предположеніе, что и въ болѣе давнія времена были у германцевъ племенные цари, что, независимо отъ римскаго вліянія, военачальники успѣвали иногда пріобрѣтать очень большое и прочное могущество, становились царями.

Война.

По словамъ Тацита, сильнымъ возбужденіемъ храбрости у германцевъ былъ тотъ обычай, что воины образовали отрядъ не по случайному распредѣленію людей, а по родству, по семействамъ, родамъ и округамъ. Итакъ родовой бытъ, на которомъ основывалось гражданское устройство германскихъ племенъ, распредѣленіе ихъ по общинамъ, сохранялся и на войнѣ, участвовать въ которой были обязанѣ всѣ свободные люди, способные носить оружіе. Отъ обязанности быть воиномъ освобождала только старость или болѣзненность. Подъ начальствомъ выборныхъ вождей, въ сопровожденіи жреца, постановлявшаго отъ имени бога войны приговоры о наказаніи преступниковъ, германскіе воины шли въ походъ вооруженные довольно плохо: на головѣ у воина былъ шлемъ, сдѣланный изъ шкуры, содранной съ головы хищнаго звѣря; на лѣвой рукѣ былъ деревянный или плетеный изъ прутьевъ щитъ, не большой, раскрашенный; въ правой рукѣ была фрамея—короткое копье съ тонкимъ и не широкимъ желѣзнымъ наконечникомъ; этою фрамеею можно было и колоть и рубить, можно было и бросать ее, какъ дротикъ. Бились обыкновенно не издали, а подступая совершенно близко человѣкъ къ человѣку. Изъ военныхъ хитростей германцы, по словамъ Тацита, часто употребляли ту, что обращались въ притворное бѣгство и вдругъ возобновляли нападеніе. Потерять щитъ было очень большимъ стыдомъ. Кто потерялъ щитъ, становился безчестнымъ человѣкомъ; его исключали отъ участія въ народномъ собраніи и въ религіозныхъ обрядахъ; многіе изъ обезчестившихъ себя потерею щита лишали себя жизни. Когда войско выступало въ походъ, приносили знамена, на которыхъ были фигуры, изображавшія животныхъ; въ мирное время они хранились въ священныхъ рощахъ.

Есть извѣстія, что съ войскомъ шли женщины и дѣти; безъ сомнѣнія, это были исключительные случаи; вѣроятно, бывало такъ, или когда походъ былъ переселеніемъ цѣлаго племени, или когда не оставалось пріюта, безопаснаго отъ враговъ. Въ такихъ случаяхъ, конечно, бывало то, что близость женъ, ихъ одобрительныя восклицанія, ихъ жалобныя крики возбуждали храбрость воиновъ, какъ говоритъ Тацитъ, и помогали побѣ-

дѣ; по словамъ Тацита, случалось, что женщины, говоря отступавшимъ мужьямъ о бѣдствіяхъ, какимъ подвергнутся онѣ въ плѣну, останавливали бѣгущихъ, и битва возобновлялась. Передъ сраженіемъ германцы становили телѣги обоза кольцомъ плотно одна къ другой; въ этомъ подвижномъ укрѣпленіи оставляли они свои семейства; туда относили раненныхъ; тамъ происходилъ и послѣдній отчаянный бой.

Идя въ битву, германцы пѣли боевую пѣсню подъ пронзительные звуки роговъ; это былъ шумъ, похожій на ревъ моря, когда волны его въ бурю бьются о скалы. Чтобъ усилить звуки голоса, германцы держали щитъ передъ ртомъ. По степени громкости пѣнія они гадали объ успѣхѣ битвы. Нападали они стремительно и, только благодаря превосходству своей тактики, римляне могли выдерживать безпорядочный, но горячій натискъ германскаго войска, построеннаго клиньями; Цезарь дивился быстротѣ молодыхъ людей, составлявшихъ легкую пѣхоту германцевъ: они аттаковали непріятеля вмѣстѣ съ конницей, бѣжали наравнѣ съ лошадьми, держась за ихъ гривы. О хаттахъ Тацитъ говоритъ, что они одни изъ всѣхъ германцевъ знаютъ правила военнаго искусства; другія племена думаютъ лишь о сраженіяхъ, а хатты понимаютъ важность дисциплины, укрѣпляютъ свой станъ окопами, строятъ войско въ правильный боевой порядокъ, знаютъ, что побѣда еще больше зависитъ отъ искусства военачальниковъ, чѣмъ отъ мужества воиновъ. Храбрѣйшіе изъ хаттовъ носили на рукѣ желѣзное кольцо, будто оковы, отъ которыхъ освобождали себя, только убивъ врага. «Многимъ изъ нихъ» говоритъ Тацитъ, «такъ нравится этотъ знакъ мужества, что они носятъ его даже сдѣлавшись сѣдыми стариками. Эти храбрецы, всегда становятся въ переднемъ ряду, и видъ ихъ ужасенъ для непріятеля. У нихъ нѣтъ ни домовъ, ни полей, никакихъ занятій; они живутъ у своихъ соплеменниковъ, не заботясь и о чужомъ имуществѣ, какъ не заботятся пріобрѣсть свое; и ведутъ такую жизнь, пока ослабѣютъ отъ старости, тогда уступаютъ свое мѣсто молодымъ людямъ». У племени арійцевъ былъ, по словамъ Тацита, странный обычай: они ходили въ сраженіе съ черными щитами въ темныя ночи, какъ войско вставшихъ изъ гроба, и ужасали тѣмъ непріятеля; это извѣстіе походитъ на сказку.

Дружины.

Кромѣ народнаго войска, общаго ополченія племени, у германцевъ были дружины. Когда миръ длился много времени, то храбрые вожди изъ сословія князей набирали себѣ молодыхъ сподвижниковъ, которые добровольно поступали въ ихъ дружину. Вѣроятно, это дѣлалось не иначе, какъ съ разрѣшенія племени. Люди, поступавшіе въ дружину, давали клятву, быть вѣрными своему вождю, и онъ велъ ихъ въ чужія земли воевать и обогащаться добычей. Этотъ обычай не давалъ германцамъ отвыкнуть отъ военнаго дѣла. Дружина подымала на щитъ князя, котораго выбрала своимъ вождемъ; этотъ обрядъ и означалъ, что онъ признанъ за военачальника. Тацитъ живыми чертами описываетъ, какъ дорожатъ военачальники многочисленностью дружины и какъ усердно соперничаютъ между собою воины дружины подвигами храбрости.

„Тотъ у кого дружина многочисленнѣе и храбрѣе, чѣмъ у другихъ, пріобрѣтаетъ славу не только между своими соплеменниками, но и у сосѣдей. Сыновья знаменитыхъ семействъ съ ранней молодости служатъ въ дружинахъ князей, чтобы научиться военному дѣлу и выказать свою вѣрность и храбрость. Когда происходитъ сраженіе, то стыдно для князя уступить храбростью кому нибудь другому и стыдно для дружины не сравняться храбростью съ княземъ. Кто живой воротится изъ битвы, когда князь убитъ, тотъ остается обезчещенъ на всю жизнь. Защищать вождя, даже приписывать ему славу своихъ собственныхъ подвиговъ—высшая обязанность воиновъ его дружины. Князья сражаются за побѣду, дружина за князя. Добыча дѣлится по братски, но вождю дается самая дорогая вещь изъ добычи, какъ почетный подарокъ“. Изъ этого разсказа Тацита видно, говоритъ Зибель, что пріобрѣтеніе почетнаго права носить оружіе было соединено для юношей съ поступленіемъ въ дружину: даже сыновья знатнѣйшихъ семействъ шли на службу въ дружины.

При вѣрности дружины военачальнику у честолюбивыхъ вождей легко могло возникать стремленіе къ царской власти. Эти военныя братства, основанныя на взаимной вѣрности, считались самыми священными связями людей, дающихъ клятву принадлежать къ нимъ. Многочисленная храбрая дружина доставляла своему вождю такое уваженіе не только у своего народа, но и у сосѣднихъ племенъ, что они присылали вождямъ сильныхъ дружинъ подарки для пріобрѣтенія ихъ расположенія. Вождь вознаграждалъ воиновъ своей дружины за службу ему: онъ содержалъ ихъ, дарилъ имъ одежду и оружіе. Дружинамъ германскія племена обязаны своими завоеваніями, своею военною славою. Изъ дружиннаго устройства развилось военное устройство государствъ, основанныхъ германцами въ завоеванныхъ римскихъ областяхъ.

Военныя игры.

Какъ римляне временъ республики, германцы выше всего цѣнили военную славу. Когда не было войны, они занимались играми, похожими на нее. У римлянъ любовь видѣть что нибудь, подобное войнѣ, получила гнусное направленіе и произвела гладіаторскіе бои. Военныя игры германцевъ были благородной гимнастикой: молодые люди выказывали передъ всѣмъ народомъ свою ловкость, фехтуя мечами или фрамеями; единственной наградой имъ было одобреніе зрителей, единственной цѣлью они имѣли пріобрѣтеніе военнаго искусства.

Обычаи.

Извѣстія Тацита объ общественномъ устройствѣ германцевъ очень отрывочны; о ихъ обычаяхъ онъ разсказываетъ подробнѣе; у него много выраженій, которыя справедливо считаются косвенными упре-

ками римлянамъ; такъ напримѣръ онъ говоритъ: «у германцевъ хорошіе обычаи уважаются больше, чѣмъ у другихъ народовъ хорошіе законы»; «у германцевъ порокъ не предметъ шутки; развратничать не называется быть человѣкомъ современнымъ»; онъ говоритъ, что у германцевъ нѣтъ соблазнительныхъ спектаклей и роскошныхъ пировъ, располагающихъ къ сладострастію и портящихъ нравы; все это очевидные намеки на испорченность нравовъ у римлянъ.

Бракъ и семейная жизнь

Подробнѣе всего Тацитъ говоритъ о домашней жизни, о бракѣ и семействѣ. Дѣтей кормила грудью мать, не отдавала ихъ на заботу кормилицѣ и служанкамъ. Дѣти германцевъ всѣхъ сословій росли на дворѣ, спали на голой землѣ, какъ скотъ, и пріобрѣтали крѣпкое здоровье. Только когда становились они взрослыми юношами, сынъ свободнаго человѣка отдѣлялся отъ раба, и образъ жизни ихъ становился различенъ. Юноши ростутъ въ трудѣ, говоритъ Тацитъ, не имѣютъ соблазновъ, чувственныя влеченія пробуждаются въ нихъ поздно, и они начинаютъ предаваться любви, лишь достигнувъ полнаго развитія силъ. Дѣвушекъ тоже не спѣшатъ германцы выдавать замужъ; потому отъ ихъ браковъ родятся крѣпкія дѣти, свидѣтельствующія своимъ здоровьемъ о силѣ родителей. Тацитъ очень хвалитъ супружескую жизнь германцевъ, говоритъ, что она самое лучшее въ ихъ нравахъ. Бракъ былъ освященъ закономъ и обычаемъ. Помолвка происходила при родителяхъ. Подарки, которые давались при этомъ, были символами серьезнаго назначенія жены; это были боевой конь въ сбруѣ, мечъ, пара воловъ; они показывали, что жена вступаетъ въ домъ, „какъ соучастница въ трудахъ и опасностяхъ мужа, которая должна дѣлить его дѣла и отвагу въ мирѣ и на войнѣ“. Случаи измѣны жены мужу были чрезвычайно рѣдки; наказаніе измѣнившей жены предоставлялось мужу: „съ обрѣзанными волосами, раздѣтую, мужъ выгоняетъ виновную изъ дома въ присутствіи родныхъ. За нарушеніе цѣломудрія нѣтъ у нихъ прощенья. Ни молодость, ни красота, ни богатство не доставятъ несчастной мужа“. У нѣкоторыхъ племенъ брачный союзъ считался такимъ священнымъ, что вдовы не вступали во второй бракъ. Эти племена думали, что „женщина должна имѣть только одну надежду, только одно желаніе; какъ имѣетъ она только одно тѣло и одну жизнь, такъ должна получать только одного мужа, чтобы ея желаніе было ограничено и чтобъ она любила именно своего мужа, а не вообще супружество“.

Зародыши рыцарскаго характера.

У германцевъ уже и тогда были обычаи, нѣсколько подобные тѣмъ, какіе развились въ рыцарскія времена; мы находимъ это въ строгости нравственныхъ понятій о бракѣ, который заключается по взаимной склонности, а не по разсчетамъ на приданое, и въ уваженіи къ женщинѣ; «они видятъ въ женщинѣ нѣчто священное, вѣщее», говоритъ Тацитъ, «они уважаютъ совѣты женщинъ и слушаются ихъ рѣшеній». У многихъ племенъ родственники по женской линіи имѣли болѣе близкія права на наслѣдство, чѣмъ родственники по мужской. Германцы были увѣрены, что племя, дающее какія нибудь обѣщанія другому племени, будетъ вѣрнѣе исполнять ихъ, если у него будутъ взяты дѣвушки въ заложницы. При всѣхъ важныхъ общественныхъ дѣлахъ у германцевъ мы видимъ прорицательницъ, чьи слова

они принимали за внушеніе боговъ и чьимъ совѣтамъ слѣдовали. Рыцарскій характеръ германцевъ проявляется и въ другихъ обычаяхъ; когда они были не на войнѣ и не на охотѣ, а дома, они проводили время въ пирахъ; пили медъ или пиво («напитокъ, приготовляемый изъ ячменя и пшеницы, нѣсколько похожій на вино»), слушали пѣсни о дѣлахъ героевъ, о славѣ предковъ; имѣли для этого особыхъ пѣвцовъ и развлекались игрою въ кости, которую страстно любили. Все это похоже на нравы рыцарей. Они строго держали данное слово; это доходило у нихъ до того, что, когда германецъ проигрывалъ въ кости свою свободу, то давалъ связывать себя и продавать въ рабство; гостепріимство было у нихъ священной обязанностью; германецъ угощалъ пришедшаго къ нему, пока имѣлъ чѣмъ угостить, а когда свой запасъ кончался, хозяинъ шелъ вмѣстѣ съ гостемъ въ домъ къ другому. Они соблюдали неизмѣнную вѣрность своему семейству, роду, племени; — все это черты, которыя повторяются у нѣмцевъ среднихъ вѣковъ. Германцы вели жизнь суровую, военную и охотническую, были привычны переносить лишенія; укрѣпляли свое здоровье обычаемъ каждый день купаться; но любили праздно лежать на медвѣжьей шкурѣ у очага, спать до поздняго утра; пировали сряду цѣлые дни и ночи, и часто пиры ихъ кончались драками, ранами, смертоубійствами; жилища ихъ были плохія, безъ всякихъ украшеній; они не употребляли на постройку ни камня, ни кирпича; въ одеждѣ же у нихъ было нѣкоторое щегольство; платье у мужчинъ было узкаго покроя, но сверхъ этой одежды они набрасывали плащъ съ обшивкой изъ пестраго мѣха; женщины носили одежду безъ рукавовъ, оставлявшую открытыми плеча и часть груди; эта одежда была отдѣлана красными каймами.

Заключеніе.

Какъ всякая живая картина нравовъ, «Германія» Тацита представляетъ и свѣтлыя и темныя стороны; она вовсе не панегирикъ германцамъ, не идеализируетъ ихъ, написана не съ той цѣлью, чтобы служить для римлянъ зеркаломъ, въ которомъ видѣли бъ они гнусность своихъ дурныхъ качествъ, хотя правда, что, изображая нравы германцевъ, Тацитъ иногда дѣлаетъ косвенные упреки римлянамъ. Но не правы и тѣ, которые считаютъ его «Германію» написанной въ духѣ враждебномъ германцамъ. Въ общемъ своемъ видѣ эта картина германскихъ нравовъ показываетъ намъ здоровый, энергичный, но совершенно необразованный народъ, хорошія качества котораго основаны на природныхъ склонностяхъ, освященныхъ обычаемъ, а дурныя качества тоже составляютъ привычку къ давнимъ слабостямъ. «Удивительное противорѣчіе природы», говоритъ Тацитъ: «эти люди, чрезвычайно любящіе бездѣйствіе, ненавидятъ покой». Тацитъ говоритъ о германцахъ съ расположеніемъ къ нимъ, даже съ нѣкоторымъ сочувствіемъ. Оно проявляется и въ тѣхъ словахъ, которыми онъ кончаетъ описаніе ихъ обычаевъ: «При похоронахъ у нихъ нѣтъ

ни какого тщеславія; они не кладутъ на костеръ груды роскошныхъ покрывалъ и ароматовъ. Съ каждымъ сожигаютъ они его оружіе, съ нѣкоторыми также и ихъ боевыхъ коней. Гробницу образуетъ холмъ покрытый дерномъ. Они не сооружаютъ высокихъ великолѣпныхъ памятниковъ, думая, что такой памятникъ былъ бы тяжелъ для умершаго. Жалобы и слезы они скоро оставляютъ, но печаль у нихъ прекращается не скоро. Выраженія скорби приличны, по ихъ мнѣнію, женщинамъ, а мужчинамъ прилично помнить умершихъ».

с) Религія германцевъ и скандинавовъ.

Религіозныя представленія всѣхъ языческихъ народовъ древности состояли первоначально въ обоготвореніи явленій природы; даже въ греческой миѳологіи подъ антропоморфическими образами боговъ замѣтны черты того, что они сначала были олицетвореніями силъ природы; при одинаковости существенной основы всѣхъ языческихъ религій, понятна манера греческихъ и римскихъ писателей считать иноземныхъ боговъ за одинаковыхъ съ своими и называть ихъ именами своихъ божествъ. А вообще римляне и греки обращали вниманіе не собственно на представленія иноземцевъ о богахъ, а на обряды богослуженія и на характеръ жертвоприношеній. Этимъ объясняется то, что извѣстія, сообщаемыя ими о религіи германцевъ, очень скудны. Цезарь говоритъ, что у германцевъ нѣтъ жрецовъ для совершенія религіозныхъ обрядовъ, что вообще они приносятъ очень мало жертвъ богамъ, что божества у нихъ лишь такія, которыхъ видятъ они и благодѣянія которыхъ очевидны; именно, божествами они считаютъ солнце, огонь, луну; о другихъ божествахъ не знаютъ, даже хотя бы только по наслышкѣ. — Итакъ, древнѣйшая религія германцевъ была служеніемъ природѣ, поклоненіемъ солнцу, лунѣ, силамъ стихій, и эти предметы ихъ поклоненія вѣроятно не были олицетворяемы ими въ образахъ, подобныхъ человѣку. «Человѣкъ видитъ воду, огонь, воздухъ, землю въ непрерывной дѣятельности, видитъ перемѣны, производимыя ими, говоритъ Яковъ Гриммъ: «потому онъ и поклоняется имъ, не влагая въ ихъ дѣйствія представленій о дѣятельности особыхъ отъ нихъ божествъ».—Съ извѣстіями Цезаря гармонируетъ и разсказъ Тацита, что германскій князь Бойокалъ, прося римлянъ отдать ему и его товарищамъ землю, остававшуюся невоздѣланной, поднялъ взглядъ къ солнцу и призывалъ въ свидѣтельство другія небесныя свѣтила; гармонируютъ съ извѣстіями Цезаря и тѣ слова Тацита, что германскія племена, жившія у сѣвернаго моря, воображаютъ, будто видятъ въ сіяніи вечерней зари фигуры боговъ, сіяющія головы ихъ.

Но въ этомъ извѣстіи Тацита уже замѣтны слѣды болѣе высокаго развитія религіозныхъ представленій, чѣмъ какое было у германцевъ

при Цезарѣ; оно замѣтно и въ другихъ его извѣстіяхъ. Очевидно, что въ полтора столѣтія, прошедшія отъ времени Цезаря до времени Тацита, юношеская фантазія германцевъ придала личныя очертанія силамъ природы, оставляя однако же соединенными въ представленіи о божествѣ, понятіе о дѣятелѣ и о дѣйствіи, которое производитъ онъ. Быть можетъ, этому развитію содѣйствовало знакомство германцевъ съ римлянами. Поклоненіе Вуотану, какъ наставнику, сообщавшему знанія людямъ, возникло у рейнскихъ племенъ, сосѣдей римскаго государства, и только уже отъ нихъ распространилось на востокъ. Нѣкоторые ученые полагаютъ, что и во времена Тацита, германцы еще не имѣли ясныхъ представленій о личныхъ богахъ, все еще поклонялись только силамъ природы, которымъ не давали опредѣленныхъ очертаній. Въ подтвержденіе тому приводится знаменитое мѣсто: «Они считаютъ не соотвѣтствующимъ величію боговъ запирать ихъ въ стѣны храмовъ или изображать въ человѣческомъ видѣ, а посвящаютъ имъ рощи и лѣса и обозначаютъ именемъ боговъ то непостижимое, на что смотрятъ съ благоговѣніемъ». Но другія извѣстія Тацита показываютъ, что у нѣкоторыхъ племенъ богослуженіе уже приняло довольно развитую форму: были жрецы, жертвенники, священныя зданія, жертвоприношенія, прорицанія. Въ «Лѣтописи» Тацитъ упоминаетъ о святилищѣ Танфаны, которое пользовалось у германцевъ большимъ уваженіемъ и было разрушено Германикомъ; а въ «Германіи» онъ разсказываетъ, что семь свевскихъ племенъ имѣли общую богиню Нерту (Nerthus), которая, какъ они думали, правитъ судьбами людей и посѣщаетъ народы.

«Они почитаютъ Нерту. Есть на одномъ изъ острововъ океана священная роща, а въ ней, посвященная богинѣ, покрытая завѣсами, колесница, до которой можетъ прикасаться только жрецъ. Онъ умѣетъ узнавать, когда богиня присутствуетъ въ этой священной колесницѣ и съ глубокимъ благоговѣніемъ везетъ ее запряженную коровами. Во всѣхъ мѣстностяхъ, которыя богиня удостоиваетъ своимъ посѣщеніемъ и гдѣ останавливается она, настаютъ радостные дни и совершаются праздники. Тамъ не ведутъ войны и не берутся за оружіе, прячутъ и запираютъ всякое желѣзо, и владычествуетъ миръ и спокойствіе, пока жрецъ возвратитъ въ святилище богиню, насытившуюся общеніемъ съ людьми. Тогда омываются въ невѣдомомъ озерѣ колесница, покровъ, и если вѣрить разсказу, то и сама богиня. Эту службу исполняютъ рабы, которыхъ вслѣдъ за тѣмъ, поглощаетъ озеро. Потому господствуетъ надъ этимъ дѣломъ таинственный ужасъ и благочестивое невѣдѣніе о томъ, что такое существо, которое могутъ видѣть только обреченные на смерть»; трудно рѣшить, какой именно островъ былъ мѣстомъ этого таинственнаго богопочитанія, —Рюгенъ, Зеландія, Эзель или Гельголандъ.—Другая роща, «священная по наслѣдованному отъ предковъ благоговѣнію, внушаемому древностью», находилась въ землѣ семноновъ, одного изъ свевскихъ племенъ; въ извѣстные сроки собирались тамъ посольства отъ всѣхъ свевскихъ племенъ и былъ совершаемъ праздникъ съ принесеніемъ въ жертву человѣка передъ глазами всего собранія. Въ эту рощу можно было входить не иначе какъ со связанными руками въ знакъ покорности могуществу находящагося въ ней божества. «Если человѣкъ упадетъ», говоритъ Тацитъ, «то онъ не долженъ вставать и нельзя поднимать его; онъ катится изъ рощи по землѣ;

это высокое благоговѣніе къ рощѣ показываетъ, что тутъ колыбель народа, тутъ владычествующій надъ всѣми богъ, которому все подвластно и все служитъ». У нагарваловъ были два божества, называвшіяся Альками, которыхъ Тацитъ сравниваетъ съ Касторомъ и Поллуксомъ; ихъ жрецъ носилъ женскую одежду; они, говоритъ онъ, не имѣютъ изображеній и въ служеніи имъ нѣтъ никакого слѣда вліяній иноземной религіи.

Вообще можно считать достовѣрнымъ, что божества, которымъ германцы воздавали почитаніе въ священныхъ рощахъ, подъ вѣковыми дубами, у ручьевъ и пустынныхъ озеръ, не имѣли ни храмовъ, ни изображеній; это и было натурально, потому что техническихъ искусствъ почти вовсе не существовало у германцевъ. Но были жертвенники, при которыхъ по праздникамъ совершались молитвы и жертвоприношенія особенными жрецами отъ лица общества; были другіе жертвенники, у которыхъ молился домохозяинъ, самъ принося жертвы за себя и за свое семейство; несомнѣнно и то, что германцы разгадывали волю боговъ и будущія событія по предзнаменованіямъ и другимъ знакамъ. Они приносили въ жертву рогатый скотъ и плоды полей, воздавая благодарность богамъ за ихъ дары и милости или смягчая гнѣвъ ихъ, пріобрѣтая ихъ благосклонность на будущее время; иногда они приносили жертвы болѣе важныя—лошадей и людей; этимъ пріобрѣталось особенное благоволеніе боговъ. Когда текла на священномъ мѣстѣ кровь человѣка или благороднаго боеваго коня, то была полная увѣренность, что гнѣвъ боговъ смягчится, ихъ милость будетъ очень велика.

Тацитъ говоритъ, что германцы считали обязанностью приносить людей въ жертву высшимъ богамъ въ извѣстныя времена или по особеннымъ опредѣленнымъ случаямъ. Такъ напримѣръ, когда была война между хаттами и гермундурами изъ-за солнаго источника, то побѣдители, исполняя данное обѣщаніе, принесли въ жертву «Марсу» и «Меркурію» лошадей, людей и все захваченныя у враговъ живыя существа. Для принесенія въ жертву чаще всего назначались плѣнники, преступники, или купленные для того рабы.

Одной изъ главныхъ склонностей германцевъ Тацитъ называетъ желаніе узнавать будущее и описываетъ разные способы гаданій ихъ о немъ по примѣтамъ или по откровенію отъ боговъ.

«Они срываютъ вѣтвь съ фруктоваго дерева, рѣжутъ ее на кусочки, отмѣчаютъ ихъ знаками и бросаютъ на бѣлое полотно, чтобъ они упали, какъ случится; при совѣщаніяхъ объ общественныхъ дѣлахъ жрецъ, а по частнымъ дѣламъ отецъ семейства совершаетъ молитву богамъ, беретъ, поднявъ глаза къ небу, одинъ за другимъ три кусочка и толкуетъ нарѣзанные на нихъ знаки. —Знаютъ они также предсказанія по полету и крику птицъ. Но есть особенное гаданье у этого народа: онъ получаетъ прорицанія и совѣты посредствомъ лошадей. Въ священныхъ лѣсахъ и рощахъ содержатся на общественный счетъ бѣлыя лошади, которыхъ никогда не касается никакая работа. Ихъ запрягаютъ въ священную колесницу, жрецъ и царь или князь племени провожаютъ ихъ и наблюдаютъ ихъ ржанье и храпѣнье. Эти предзнаменованія пользуются величайшимъ довѣріемъ не только у простого народа, но и у знатныхъ людей

и у жрецовъ.—Есть еще другой разрядъ предзнаменованій, которыми они разгадываютъ исходъ важныхъ войнъ: они ставятъ какого нибудь плѣнника изъ народа, съ которымъ воюютъ, выставляютъ, противъ него отборнаго воина изъ своего народа и велятъ имъ биться между собою каждому своимъ народнымъ оружіемъ; побѣда того или другого считается предзнаменованіемъ».

Жрецы, прорицатели, прорицательницы.

И такъ здѣсь, въ противуположность временамъ Цезаря, уже являются жрецы, истолкователи предзнаменованій; но это кажущееся противорѣчіе легко устраняется и безъ предположенія о развитии формальной стороны богопочитанія. Цезарь говоритъ о томъ, существуетъ ли у германцевъ замкнутое привилегированное духовное сословіе, такое какъ друиды у кельтовъ; такого сословія у германцевъ никогда не было въ языческія времена. Нигдѣ нѣтъ никакихъ слѣдовъ существованія у нихъ особаго духовнаго сословія, которое одно обладало бы священными знаніями, одно совершало бы богослуженіе и толковало бы знаменія, одно знало бы законы. Германскій жрецъ былъ «хранителемъ» закона, какъ показываетъ его названіе êwart (сравн. warten, «блюсти»,) онъ былъ общественное должностное лицо, имѣвшее главнымъ своимъ назначеніемъ соблюденіе порядка въ богослужебныхъ обрядахъ и на судебныхъ собраніяхъ народа; онъ былъ служитель бога войны, сопровождавшій войско, наказывавшій во время похода трусовъ и преступниковъ; онъ также совершалъ общественныя жертвоприношенія и былъ истолкователемъ знаменій по общественнымъ дѣламъ. Въ своихъ частныхъ дѣлахъ каждый домохозяинъ могъ самъ совершать молитвы, жертвоприношенія и гаданія. Въ извѣстіяхъ о важныхъ національныхъ дѣлахъ германцевъ нигдѣ не говорится о значительномъ вліяніи жрецовъ, подобномъ тому, какое имѣли въ Галліи друиды. Но кажется, что имѣли такое вліяніе прорицательницы, одушевленныя восторженною любовью къ національной свободѣ; таковы были Веледа, Авринія, Ганна; о сильномъ ихъ вліяніи на всѣ общественныя дѣла мы будемъ говорить, разсказывая историческія событія. У кимбровъ при ихъ вторженіи въ Италію были прорицательницы, разгадывавшія будущее по струящейся крови приносимыхъ въ жертву плѣнниковъ. При войскѣ Аріовиста тоже были прорицательницы, предвѣщавшія по волнамъ Рейна. Безъ сомнѣнія такою прорицательницею была и та женщина исполинскаго роста, которая явилась на Эльбѣ Друзу, предвѣщая ему скорую смерть.

Результаты.

Вотъ тѣ извѣстія о германской религіи, какія сообщаютъ намъ древніе писатели. Мы видимъ изъ нихъ, что германцы тѣхъ временъ сознавали свою зависимость отъ высшихъ силъ, владычествующихъ надъ природой и человѣческой жизнью, что они старались разгадывать волю этихъ силъ,—дѣйствовать сообразно съ нею, приносили молитвы этимъ силамъ при счастіи въ благодарность за ихъ милости, а при бѣдахъ или опасностяхъ—для пріобрѣтенія ихъ помощи

или смягченія гнѣва ихъ; что мѣстами почитанія ихъ они выбирали лѣса, рощи, рѣки, источники; воздвигали тамъ каменные жертвенники, на которыхъ приносили кровавыя жертвы; что они прятали въ этихъ священныхъ мѣстностяхъ свои святыя вещи и смиренно поклонялись невидимымъ силамъ, присутствующимъ тамъ. Мы видимъ изъ Цезаря, что у нихъ были три высочайшія силы природы; Тацитъ также говоритъ, что у германцевъ были три божества, которымъ они въ извѣстные дни приносили человѣческія жертвы; онъ даетъ этимъ богамъ имена Меркурія, Марса и Геркулеса; но какими именами называли ихъ сами германцы, нельзя опредѣлить съ точностью; разумѣется впрочемъ, что въ религіи германцевъ первыя мѣста должны были занимать тѣ силы, которыя правятъ обыкновеннымъ ходомъ явленій природы и которыя рѣшаютъ судьбу битвъ: такъ было у всѣхъ воинственныхъ народовъ; по свѣдѣніямъ о нѣмецкой миѳологіи, собраннымъ изъ другихъ источниковъ проницательностью и трудолюбіемъ ученыхъ новаго времени, такъ дѣйствительно было и у германцевъ.

Судьба германскаго язычества. Источники миѳологіи.

Римляне мало интересовались религіею германцевъ, а потомъ, когда проложило себѣ путь въ германскіе лѣса христіанство, ревность усердныхъ его проповѣдниковъ старалась искоренить не только языческую религію германцевъ, но и самыя воспоминанія о ней. Проповѣдники христіанства, какъ мы увидимъ, начинали дѣло обращенія язычниковъ тѣмъ, что рубили или жгли священныя деревья, разрушали жертвенники, низвергали святые камни, запрещали сходиться на прежнихъ мѣстахъ поклоненія въ рощахъ и лѣсахъ; языческіе праздники и обряды были отмѣнены; народныя пѣсни, въ которыхъ находились восхваленія боговъ и молитвы имъ, были уничтожаемы и замѣняемы христіанскими, языческіе обычаи, преданія, суевѣрія истреблялись; словомъ, проповѣдники старались искоренить изъ сердца германцевъ все, связанное съ язычествомъ, отдѣлить прошлое отъ настоящаго бездной, черезъ которую не было бы ни какихъ переходовъ. Часто на мѣстѣ языческаго святилища строили церковь, чтобы пощадить привычку народа къ этому мѣсту и убѣдить обращенныхъ, что прежняя святость не удалилась оттуда, но дается теперь присутствіемъ истиннаго бога. Христіанское духовенство, быстро получившее владычествующую силу надъ жизнью германскаго народа, вполнѣ достигло своей цѣли: нѣмцы среднихъ вѣковъ казались совершенно забывшими свою языческую старину; религіозная поэзія и народное преданіе заимствовали свое содержаніе исключительно изъ христіанскихъ источниковъ. Нѣмцы избѣгали произносить имена языческихъ боговъ и обыкновенно называли ихъ демонами и чертями. Но не всѣ слѣды могли быть истреблены. Нѣкоторые обломки старины уцѣлѣли отъ разрушительной руки времени и фанатизма; собираемые усерднымъ трудомъ заботливыхъ изслѣдователей, съ каждымъ годомъ находящихъ новые остатки, и они послужили хорошимъ матеріаломъ для возсозданія германскаго ученія о богахъ; прочныя основанія этому положилъ при пособіи свѣдѣній, доставляемыхъ скандинавской миѳологіей Яковъ Гримъ. Были найдены постановленія соборовъ съ перечисленіемъ языческихъ обрядовъ и обычаевъ, которые воспрещаются, какъ остатки суевѣрія; найдена нижненѣмецкая формула, которую произносили новообращенные, отрекаясь отъ боговъ Тонара, Водана и Сакснота и отъ всѣхъ демоновъ, товарищей ихъ; въ нѣмецкихъ легендахъ, сохраненныхъ Павломъ Діакономъ, Іорданомъ, Видукиндомъ, находятся имена боговъ и отголоски миѳовъ; два маленькія стихотворенія на тюрингскомъ нарѣчіи, найденныя въ нашемъ столѣтіи въ Мерзебургѣ и составленныя по правиламъ старинной поэтической формы съ аллитераціею, оказались заклинаніями для разрѣшенія узъ военноплѣннаго и для исцѣленія вывихнутой ноги черезъ призывъ старыхъ нѣмецкихъ божествъ Водана, Бальдера, Фреи; въ старинныхъ легендахъ, преданіяхъ, сказкахъ, въ именахъ, какими народъ продолжаетъ называть мѣстности, бывшія священными въ языческія времена, въ названіяхъ дней недѣли, въ старинныхъ заклинаніяхъ, поговоркахъ, обычаяхъ найдено множество слѣдовъ языческой религіи и старыхъ боговъ, изгнанныхъ изъ открытаго существованія но уцѣлѣвшихъ подъ христіанскими именами и фигурами. Всѣ эти слѣды германской миѳологіи показываютъ существенную одинаковость ея съ вѣрованіями и легендами скандинавскихъ племенъ, сохранившимися въ пѣсняхъ «Эдды». Потому изслѣдователи справедливо заключили, что какъ по языку и по формамъ поэзіи существовало неоспоримое родство между германскими и скандинавскими племенами, такъ и въ религіи не было никакой существенной разницы между ними. Основываясь на этомъ, ученые воспользовались для возсозданія германскаго вѣроученія миѳами сѣвера, гдѣ язычество держалось дольше, гдѣ поэтому лучше сохранялись въ народныхъ вѣрованіяхъ и разсказахъ языческіе элементы и гдѣ они были спасены отъ погибели тѣмъ, что рано явились собиратели, записавшіе ихъ.

Главныя составныя части старой «Эдды», состоящей изъ миѳовъ, героическихъ сказаній и гномическихъ стихотвореній, принадлежатъ VIII столѣтію и началу IX столѣтія; въ частности относится къ этому времени «Вёлуспа». «Новая Эдда», составленная въ XIII столѣтіи, заключаетъ въ себѣ много матеріаловъ взятыхъ изъ древнихъ источниковъ. Много важныхъ пополненій къ этимъ матеріаламъ находится у датскаго историка Саксона Грамматика, который внесъ въ свою «Датскую Исторію» старыя легенды и миѳы своего народа, сохранившіеся въ пѣсняхъ и прозаическихъ разсказахъ. Такимъ образомъ сѣверная миѳологія дала фундаментъ для возстановленія нѣмецкаго вѣроученія изъ попорченныхъ остатковъ германской старины. На слѣдующихъ страницахъ мы изложимъ важнѣйшія черты германской религіи по Якову Гримму.

1. Боги.

Воданъ (Альфатеръ). Высочайшее божественное существо называется на всѣхъ языкахъ германскаго корня тѣмъ словомъ, которое на новомъ нѣмецкомъ имѣетъ форму gott; народъ, по благоговѣнію къ этому имени, не желая произносить его слишкомъ часто, замѣнялъ его названіемъ allvater „отецъ всего“, „всеотецъ“. Это верховное божество соединяло въ себѣ качества всѣхъ другихъ боговъ, которыхъ должно считать только эманаціями изъ него, обновленіями его; съ наибольшей полнотой идея о верховномъ богѣ олицетворяется въ Воданѣ (Вуотанѣ), скандинавскомъ Одинѣ, котораго германцы называли, какъ греки Зевса, верховнымъ правителемъ вселенной и царемъ боговъ. Онъ—проникающая вселенную, творческая сила, дающая форму и красоту человѣку и всѣмъ предметамъ; онъ источникъ поэзіи; онъ правитъ войною, даетъ побѣду; отъ него происходитъ плодородіе полей; онъ податель всѣхъ благъ. Онъ „богъ желанія“, то есть исполнитель всѣхъ благихъ желаній человѣка. Онъ даетъ волшебный жезлъ, который указываетъ человѣку сокровенныя богатства въ нѣдрахъ земли. Воинственный народъ, германцы представляли себѣ своего высочайшаго бога въ полномъ вооруженіи: въ шлемѣ, съ мечомъ и копьемъ; на бѣломъ конѣ онъ летаетъ по воздуху и по морю. Когда онъ со свитою своихъ героевъ мчится на охоту, люди дрожатъ, и остатокъ этого вѣрованія еще хранится въ нынѣшнемъ нѣмецкомъ повѣрьѣ о „дикомъ войскѣ“ (wildes Heer). Царь боговъ, онъ возсѣдаетъ въ своемъ небесномъ жилищѣ на престолѣ, сдѣланномъ изъ сіяющаго золота; съ этого высокаго сѣдалища онъ изъ окна обозрѣваетъ землю и жилища людей. Въ Германіи остается много названій мѣстностей, въ которыхъ уцѣлѣло имя Вуотана. Ему были посвящены въ особенности горы, и его имя сохраняется въ названіяхъ многихъ нѣмецкихъ горъ, напримѣръ Годесберга (близъ Бонна; Godesberg, въ старину Wudinsberg, Wodansberg), Гуденсберга (близъ Гейсмара; Gudensberg, въ старину Wuodenesberg). Днемъ недѣли, посвященнымъ ему была среда (въ старину, Wodnesdag, „водановъ день“).

Донаръ (Торръ). Вуотанъ сочетался съ землею; она родила царю неба могущественнѣйшаго изъ его сыновей, Донара (по скандинавски Торра). Онъ помощникъ своему отцу; онъ повелѣваетъ дождемъ и облаками, проявляетъ себя молніею и громомъ; но хотя онъ очень грозенъ, онъ доброжелателенъ къ людямъ, помогаетъ имъ, и въ особенности онъ неутомимо охраняетъ свою мать, землю, и воздѣлывающихъ ее. Вуотанъ, по преимуществу богъ героевъ и военнаго одушевленія, а Донаръ богъ земледѣльца и мирнаго занятія хлѣбопашествомъ. Ему молились поселяне, чтобы солома хлѣбовъ ихъ была красна какъ мѣдь, а колосья желты какъ золото. Когда рыжебородый Донаръ въ гнѣвѣ ѣдетъ на своей колесницѣ, лѣвой рукой управляя везущими ее козлами, а въ правой держа всесокрушающій молотъ, который бросаетъ онъ и который послѣ удара самъ возвращается въ его руку, то „нѣтъ такого маленькаго червячка, который не дрожалъ бы“, а человѣкъ благоговѣйно покидаетъ работу и ѣду. Такъ называемыя „громовыя стрѣлы“, брошенныя Донаромъ, и всѣ предметы, о которые ударила молнія, считались священными, обладающими чудотворной силой. Донару тоже были посвящены горы; весною на нихъ зажигались жертвенные огни, кругомъ которыхъ пѣлъ и плясалъ народъ. Имя Донара до сихъ поръ остается въ названіи многихъ горъ Donnersberg и въ названіи четверга donnerstag, „день Донара“.

Ціо (Тиръ). Ціо (въ другихъ нѣмецкихъ нарѣчіяхъ Тіу) скандинавскій Тиръ, тоже сынъ Вуотана, былъ исполнитель воли его въ дѣлахъ войны. Онъ и Вуотанъ

даютъ славу побѣды. Подобно греческому Аресу, римскому Марсу, онъ олицетворяетъ собою ужасную сторону войны и измѣнчивость военнаго счастья. Символомъ его былъ мечъ. Ему былъ посвященъ вторникъ въ названіи котораго у нѣмцевъ и ихъ соплеменниковъ сохранилось его имя (въ нынѣшнемъ нѣмецкомъ названіи вторника dienstag первый слогъ составляетъ имя Ціо въ ново-нѣмецкой формѣ). Его прославляли въ боевыхъ пѣсняхъ, и военныя пляски совершались въ честь его. Сакснотъ („соратникъ воина, вооруженнаго мечомъ“)— одинъ изъ боговъ призываемыхъ заклинаніемъ, о которомъ упоминали мы, былъ, вѣроятно, Ціо.

Фро (Фрейръ). Большимъ уваженіемъ пользовался также Фро, скандинавскій Фрейръ, прекрасный богъ, веселый самъ, дающій и людямъ веселье. Онъ олицетворяетъ собою творческую силу Вуотана, а военныхъ подвиговъ не совершаетъ. Онъ покинулъ коня и мечъ, какъ разсказывается въ одной изъ прекраснѣйшихъ пѣсенъ „Эдды“, когда возгорѣлся любовью къ прекрасной дѣвушкѣ, которую увидѣлъ съ высокаго престола своего отца. Онъ богъ любви и мира, брака и плодородія, благословляющій супруговъ многочисленными дѣтьми, потому на его праздникахъ особенно усердно молились дѣвушки и женщины. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ богъ солнца; подобно греческому Геліосу, онъ даетъ людямъ солнечный свѣтъ, потому онъ былъ богомъ поселянъ, нивы и стада которыхъ получали отъ него плодородіе. Когда бываетъ повальная болѣзнь, онъ отвращаетъ ее; потому, въ случаяхъ такого бѣдствія, зажигали костры и приносили животныхъ въ жертву этому богу. По скандинавской миѳологіи, въ колесницу его былъ запряженъ вепрь съ золотою щетиною, которая освѣщаетъ ночь; потому въ жертву ему приносили свиней; но приносили также лошадей и воловъ. Ему былъ посвященъ розмаринъ; священнымъ числомъ его было девять.

Пальтаръ (Бальдеръ). Пальтаръ (или Бальдеръ), мудрый, краснорѣчивый и кроткій богъ, слова котораго неизмѣнны, который далъ людямъ законъ и правосудіе, прекрасный богъ, сіяющій, какъ свѣтлый день, сынъ Водана и его жены Фригги, жилъ, подобно отцу, въ залѣ, который весь сіялъ золотомъ и серебромъ. Въ Тюрингіи и въ Баваріи чтили его подъ именемъ Фола; Фоломъ называется онъ и въ той формулѣ заклинанія, о которой мы говорили. Мудрѣйшій судья боговъ и людей, Бальдеръ рѣшаетъ всѣ споры; его сыномъ былъ Форасизо („предсѣдатель“), богъ правосудія, пользовавшійся большимъ уваженіемъ на Сѣверѣ, въ особенности на Гельголандѣ. Однажды, когда германское войско страдало отъ жажды, Бальдеръ произвелъ для воиновъ изъ земли ручей ударомъ копья или ударомъ копыта своего коня; потому ему были посвящены источники и колодези. Луга и рощи тоже были посвящены ему. *Локи.* По скандинавскимъ миѳамъ, Бальдеръ погибъ отъ коварства злого бога Локи: по совѣту этого врага добрыхъ боговъ, одинъ изъ нихъ, слѣпой Гаду, убилъ его стеблемъ ничтожнаго растенія, и Геллія, ужасная богиня царства мертвыхъ, неумолимо взяла къ себѣ любимца всѣхъ существъ. Локи спрятался; но Вуотанъ нашелъ его, и онъ былъ подвергнутъ за свое злодѣйство тяжелому наказанію, представляющему нѣкоторое сходство съ наказаніемъ Прометея: боги приковали Локи къ скалѣ, такъ что три острые зубца ея рѣзали его тѣло; надъ нимъ повѣсили ядовитую змѣю, ядъ которой падалъ каплями на его лицо; но вѣрная жена Локи, Сигуна, стояла подлѣ него и держала надъ нимъ чашу, которая перехватывала падающія капли яда.

2. Богини.

Богини. Скандинавскіе миѳы богаты такими чертами женской вѣрности, любви

и преданности. Уваженіе, которое, по словамъ Тацита, имѣли германцы къ женщинамъ, выражалось въ ихъ понятіяхъ о богиняхъ. Всѣ германскія богини имѣютъ одно общее основное качество: онѣ были матери, посѣщавшія людей и научившія ихъ мужскимъ и женскимъ хозяйственнымъ занятіямъ: искусству прясть, ткать и земледѣлію; какъ покровительницы этихъ мирныхъ житейскихъ дѣлъ, онѣ были очень близки къ людямъ, потому память о нихъ сохранилась тверже, чѣмъ о богахъ войны. Какъ почти у всѣхъ языческихъ народовъ, земля была у германцевъ существомъ

Земля (Нерта).

женскаго пола, женою неба, матерью, рождающею дѣтей. У Тацита, какъ мы видѣли, уже говорится о богинѣ, дающей людямъ благо жизни, которую чтутъ на какомъ-то островѣ Сѣвернаго моря и называютъ Нертою (Nerthus, въ другой формѣ Nirdu), о томъ, что она посѣщаетъ народы и даетъ имъ изобиліе. Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ о германской богинѣ, которую называетъ Изидой. Она была, безъ сомнѣнія, олицетвореніемъ земли, рождающей все живое. Ее чтили подъ символомъ лодки. Когда эту священную лодку, поставленную на колеса, привозили въ какую нибудь мѣстность, собравшійся народъ встрѣчалъ ее пѣснями и пляской, потому что она приносила миръ и плодородіе. Подобно этимъ двумъ богинямъ, совершала объѣзды по германскимъ областямъ третья, пользовавшаяся тоже

Гольда.

очень большимъ уваженіемъ, богиня Гольда (Гульда, Голла). Она добрая, кроткая, милостивая богиня, какъ показываетъ ужъ и самое имя ея (въ нынѣшней нѣмецкой формѣ: holde, „милая", „благосклонная"); она гнѣвается только тогда, когда находитъ въ хозяйствѣ безпорядокъ. Подобно Нертѣ, она ѣздитъ на колесницѣ, давая плодородіе и всякія блага людямъ, которыхъ посѣщаетъ. Когда она находитъ въ домѣ много хорошей льняной пряжи, она благословляетъ домъ словами: „сколько (выпряденныхъ) волоконъ, столько хорошихъ лѣтъ!" Лѣнивой хозяйкѣ она говоритъ: „сколько (непряденныхъ) волоконъ, столько дурныхъ лѣтъ!" Она дѣлала свои объѣзды въ то время года, когда теперь празднуется Рождество; когда идетъ снѣгъ, это она перестилаетъ свою постель и летитъ пухъ ея постели. Усерднымъ пряхамъ она даритъ веретено, на которомъ чудотворно ростетъ количество пряжи. Она любитъ озера и источники; въ полдень иногда видятъ ее купающеюся; она бѣлая, прекрасная; она исчезаетъ, погружаясь въ воду. Она живетъ подъ водой во дворцѣ, который сіяетъ золотомъ; она сидитъ тамъ, окруженная душами еще неродившихся младенцевъ. Женщины просили у ней дѣтей, потому что она была покровительница брачной жизни. Она была прекраснѣйшая изъ германскихъ богинь, и ей была посвящена липа, прекраснѣйшее изъ германскихъ деревьевъ. Ея птицею былъ аистъ. Въ жертву ей оставляли на нивѣ послѣ жатвы перевязанный пучокъ льна. Розмаринъ, посвященный Фрейру, былъ посвященъ и ей. Представленія о ней были въ христіанскія времена перенесены на Богоматерь. Но во многихъ мѣстностяхъ она стала злой и отвратительной вѣдьмой Голлой.—Въ южной Германіи чтили богиню, подобную

Перахта (Берхта).

Гольдѣ, Перахту (Берхту), мудрую и сіяющую. Она тоже объѣзжала германскія области, внимательно наблюдала за пряхами; была покровительницей супружеской жизни и тоже давала урожай нивамъ. Ей былъ посвященъ плугъ.—Всѣ германскія племена чтили двухъ богинь, родствен-

Фроува и Фригга.

ныхъ между собою и по характеру и по имени: Фроуву (Фрею), милостивую богиню, подательницу радости, сестру бога Фро, и Фриггу (Фрію), жену Вуотана, прекрасную, милую женщину. (Отъ имени Фроувы происходитъ нынѣшнее нѣмецкое слово frau „госпожа", „супруга"). Подобно Афродитѣ, носившей поясъ, дающій очаровательность, Фрея имѣла драгоцѣнное ожерелье. Она ѣздила по воздуху на колесницѣ, запряженной кошками, ѣзди-

ла, подобно своему брату, и на вепрѣ съ золотой щетиной. По ея имени называлась пятница (въ нынѣшней нѣмецкой формѣ freitag). По скандинавской миѳологіи, Фригга сидитъ рядомъ съ Воданомъ (Одиномъ) на его престолѣ; потому имѣетъ и всевѣдѣніе, какъ онъ. Подобно Гольдѣ, она покровительница брака, дающая дѣтей. Вообще, и она, и Фрея очень близки къ Гольдѣ.—Къ числу богинь принадлежала Геллія, царица подзем-

Геллія.

наго міра; къ ней нисходятъ всѣ умирающіе отъ болѣзней и старости; между тѣмъ какъ павшіе въ битвѣ идутъ къ Валгаллу. Ея жилище глубоко подъ землей во мракѣ. Она ужасна видомъ; половина тѣла ея черная, половина имѣетъ цвѣтъ человѣческаго тѣла. По „Эддѣ", Гель—дочь Локи и исполинки, сестра волка Фенриса и змѣи, опоясывающей землю. Жилище ея называется бѣдствіемъ, порогъ его—паденіемъ, постель ея—несчастіемъ; слуга ея—Лѣнивецъ, служанка ея—Медлительница, блюдо, съ котораго ѣстъ она, называется Голодомъ, она рѣжетъ пищу ножомъ, который называется Ненасытностью. Кѣмъ овладѣла, того уже не освобождаетъ; она не знаетъ жалости. По принятіи христіанства, нѣмцы забыли личное представленіе, соединявшееся съ именемъ Гелліи; и это слово стало обозначать ужасное царство, властительницей котораго была прежде она (въ нынѣшней нѣмецкой формѣ hölle, „адъ").

3. Герои.

Между богами и людьми есть средній разрядъ существъ; это боги, поставленные ближе къ людямъ, или люди, одаренные силами, близкими къ божественнымъ. Подобно греческимъ героямъ, эти германскія существа, превосходящія людей своей силой, ведутъ борьбу противъ зла и своими подвигами возвышаются до общенія съ богами, отъ которыхъ произошли. Они живутъ на горахъ и скалахъ (между прочимъ жили они на тѣхъ горахъ, въ названіи которыхъ находится слово, имѣющее въ нынѣшнемъ нѣмецкомъ языкѣ форму stein: Эйгельштейнъ, Кримгильденштейнъ, Васгенштейнъ, Гибихенштейнъ и т. д.). Своимъ прародителемъ германцы, по

Туисконъ и Маннъ.

словамъ Тацита, считали Туискона, бога, родившагося изъ земли, а его сынъ Маннъ былъ первымъ изъ героевъ, отцомъ людей; германцы прославляли пѣснями дѣла Туискона и Манна. Три сына Манна, Ингонъ (Ингъ), Истонъ (Истъ) и Ирминонъ (Ирминъ) были, какъ мы уже знаемъ, предками трехъ главныхъ группъ германскихъ племенъ: ингевоновъ, истевоновъ и ирминоновъ (герминоновъ). Тацитъ говоритъ, что нѣмцы пѣли пѣсни во славу Арминія. Нынѣ полагаютъ, что это ошибка, что пѣсни эти были объ Ирминѣ. Германская миѳологія не имѣетъ такого богатства легендъ о герояхъ, какъ греческая. У Тацита говорится, что германцы имѣли сказанія о Геркулесѣ и объ Улиссѣ; онъ говоритъ, что у нихъ были два божества, братья между собою, которыхъ онъ сравниваетъ съ Касторомъ и Поллуксомъ. Трудно сказать, что такое были тѣ миѳическія личности, которымъ даетъ онъ эти имена; изслѣдователями не рѣшенъ вопросъ, были ли это дѣйствительно какіе нибудь народные германскіе герои. Почти всѣ германскія племена имѣли своихъ племенныхъ героевъ, но до насъ дошло мало сказаній о нихъ, даже мало ихъ именъ. Уцѣлѣло преданіе о Скеафѣ, который приплылъ въ лодкѣ, спящій на снопѣ, и сталъ царемъ англовъ. Внукомъ его былъ Беовульфъ. Болѣе знамениты тѣ герои, о которыхъ разсказываютъ поэты среднихъ вѣковъ; главный изъ нихъ Сигфридъ, фигура котораго еще сохраняетъ въ поэмѣ ясныя черты божественнаго существа: его воспитываетъ Эльба, существо волшебнаго

міра; онъ пріобрѣтаетъ любовь валькиріи Брунгильды; онъ носитъ шлемъ, дѣлающій его невидимымъ, а панцырь ему замѣняетъ застывшая кровь убитаго имъ дракона. Нѣкоторые изъ новыхъ ученыхъ полагаютъ, что подъ образомъ Сигфрида скрывается Арминій, сынъ Сигимера, освободитель Германіи отъ римлянъ, которыхъ германцы могли превратить въ карликовъ, будучи сами болѣе высокаго роста, но которые были очень сильны, подобно карликамъ, противникамъ Сигфрида. Сохранилась легенда о Виландѣ (скандинавскомъ Велундрѣ), напоминающемъ Дедала и хромого Гефеста. Виландъ, искусный кузнецъ, былъ коварно схваченъ и содержался въ заперти; чтобъ онъ не могъ уйдти, ему были подрѣзаны сухожилія ногъ; его принуждали работать; но онъ тайно сдѣлалъ себѣ одежду изъ перьевъ и, страшно наказавъ притѣснителя, улетѣлъ. Братъ Виланда былъ Эйгиль, знаменитый стрѣлокъ; по приказанію царя Нидунга, онъ сбилъ стрѣлою яблоко съ головы своего сына, и на вопросъ царя, для чего онъ взялъ еще двѣ стрѣлы, отвѣчалъ, что эти стрѣлы онъ пустилъ бы въ царя, еслибъ убилъ сына. Мудрый Мимиръ тоже былъ искусный кузнецъ. О герояхъ—о Дитрихѣ, Гильдебрандѣ, о сынѣ Виланда Виттихѣ, о сильномъ Ваде мы будемъ говорить позднѣе въ обзорѣ средневѣковой эпической поэзіи. Легенда о Дитрихѣ рано слилась съ историческими воспоминаніями.

4. Полубогини.

Нѣмцы полагали, какъ мы уже говорили, что въ женщинѣ находится божественная сила предвѣдѣнія, что волшебство и прорицаніе—собственно женскія качества. Потому и въ нѣмецкой миѳологіи есть полубогини, прекрасныя или ужасныя, занимающія середину между богами и людьми; онѣ называются идизи (мудрыя, вѣщія), одаренныя болѣе высокими силами, чѣмъ герои; онѣ возвѣщаютъ людямъ счастье и несчастье, побѣду и смерть. Самыя важныя изъ нихъ норны, богини судьбы, подобно греческимъ мойрамъ, римскимъ паркамъ, опредѣляющія для каждаго человѣка сколько ему прожить; ихъ три; скандинавскія имена ихъ: Урдръ (прошедшее), Верданди (происходящее, настоящее) и Скультъ (будущее). Подобно греческимъ мойрамъ, онѣ прядутъ и перерѣзываютъ нить жизни. Важную роль въ нѣмецкой миѳологіи играютъ валькиріи, божественныя вѣстницы Водана, которыя берутъ съ поля битвы павшихъ героевъ и относятъ

Валькиріи.

ихъ въ небесное жилище Водана (ихъ имя и означаетъ „собирательницы съ поля битвы“; слова изъ которыхъ составлено оно, имѣютъ въ нынѣшнемъ нѣмецкомъ языкѣ форму: walt, „мѣсто битвы“, и küren „выбирать“). Онѣ мчатся въ битву на коняхъ воруженныя: ихъ золотые шлемы сіяютъ, блещутъ ихъ копья и щиты; когда встряхиваютъ гривами ихъ кони, цвѣтомъ подобные золоту, то каплетъ въ долины роса. Онѣ носятся въ воздухѣ надъ сражающимися, охраняютъ и поддерживаютъ своихъ друзей, даютъ рѣшеніе битвъ и уносятъ павшихъ на небо, гдѣ на пирахъ подаютъ имъ медъ. Онѣ называются дѣвами битвъ, дѣвами въ шлемахъ, дѣвами Водана. Покровительницы героевъ при жизни, онѣ присутствуютъ по смерти ихъ. Онѣ страстно любятъ битвы. Число ихъ по однимъ извѣстіямъ шесть, по другимъ девять или тринадцать. Но онѣ не всегда заняты войной. Часто онѣ сидятъ на берегу озера или рѣки и прядутъ удивительно хорошій ленъ; тутъ нѣтъ при нихъ боевыхъ коней, на которыхъ летаютъ онѣ въ битвы. Коней замѣняютъ имъ для летанія по воздуху „лебяжьи рубашки“, потому онѣ называются лебедиными дѣвами. Онѣ награждаютъ своею любовью героевъ.

5. Добрыя и злыя существа волшебнаго міра.

Итакъ боги и богини германцевъ находились въ тѣсной связи съ дѣлами человѣческой жизни. Они раздѣляли съ людьми охотничество и войну, удовольствія пировъ, мирныя земледѣльческія занятія, домашнія работы; они научили людей всѣмъ искусствамъ. Они любятъ, покидая свои прекрасныя небесныя жилища, посѣщать людей; обыкновенно эти посѣщенія происходятъ по опредѣленнымъ временамъ года; люди встрѣчаютъ ихъ радостными праздниками. Но часто они принимаютъ на себя видъ такихъ неважныхъ людей, одѣтыхъ такъ бѣдно, что никто не обращаетъ на нихъ вниманія, и они ходятъ между людьми, чтобъ узнавать ихъ дѣла и наказывать беззаконія, какія замѣтятъ. Но, кромѣ небесныхъ боговъ, есть и другія сверхъестественныя существа, принимающія участіе въ человѣческихъ дѣлахъ, вредящія или дѣлающія пользу людямъ; эти волшебныя существа раздѣляются на много разрядовъ; между ними есть вихты, эльбы, водяные духи, домашніе духи; физической силой они уступаютъ людямъ и нѣсколько опасаются ихъ, потому вообще держатъ себя далеко отъ людей и только по случаю или по необходимости вмѣшиваются въ человѣческую жизнь, являясь то доброжелательными, то враждебными, то помогая людямъ, то вредя имъ. По паденіи язычества эти существа сохранились въ легендахъ и сказкахъ. Одинъ разрядъ ихъ составляютъ бѣлые и свѣтлые эльбы или эльфы, очень маленькія, но стройныя, красивыя суще- Эльбы.
ства; они веселятся воздушными плясками въ лунныя ночи. Карлики, безобразные, горбатые, черные, живутъ внутри горъ, охраняя неисчислимыя Карлики.
сокровища; у нихъ есть могущественные цари: Гольдемаръ, Гюбихъ, Лавринъ, Эльберихъ (или Альберихъ). Въ водѣ живутъ никсы, доброжелательныя къ людямъ, красивыя существа съ длинными волосами и влажными покрывалами; онѣ часто всплываютъ на поверхность воды въ полдень и грѣются на солнцѣ; любятъ принимать участіе въ веселыхъ пляскахъ людей вечеромъ подъ липой. Есть въ водѣ и злобные духи, каждый годъ на Ивановъ день требующіе себѣ людей въ жертву. Есть духи, живущіе на Домашніе духи.
дворѣ и въ домѣ; они подобно римскимъ ларамъ и пенатамъ любятъ жить въ особенности у очага; одно изъ ихъ нынѣшнихъ нѣмецкихъ названій—кобольды; большею частью они добродушны, помогаютъ людямъ въ домашнихъ дѣлахъ; но иногда и сердятся, дѣлаютъ вредъ. Есть великаны, гро- Великаны.
мадные, неуклюжіе, имѣющіе очень большую физическую силу, но слабые умомъ. Всѣ эти существа нынѣшняго сказочнаго нѣмецкаго міра происходятъ изъ временъ язычества, они кажутся погибающими, угнетенными существами, которыхъ вытѣсняютъ изъ родины новые пришельцы, люди, существа болѣе сильныя, чѣмъ они. Потому они ненавидятъ земледѣліе разчистку лѣсовъ, не любятъ звонъ колоколовъ: онъ тревожитъ ихъ; они досадуютъ на людей за отступничество отъ прежнихъ боговъ. Всѣ эти существа, которыми фантазія наивнаго народа населила горы и лѣса, въ особенности Исполинскія горы, которыхъ она поселила и въ рѣкахъ и подъ деревьями и на дворѣ, и въ домѣ одарены сверхъестественными силами: великаны громаднымъ ростомъ и очень большою физическою силою, карлики и эльбы умственной силой, волшебными знаніями, предвѣдѣніемъ будущаго, знаніемъ тайныхъ силъ растеній и камней, способностью дѣлать себя невидимками. Первоначально они были вообще расположены къ людямъ, любили помогать человѣку; но потомъ постепенно превращены были народными вѣрованіями въ существа, враждебныя человѣку, любящія вредить ему: „Въ эльбахъ, никсахъ и кобольдахъ“, говоритъ Яковъ Гриммъ, „есть легкій оттѣнокъ неудовлетворенности, тоски; они не умѣютъ съ выго-

дой для себя пользоваться своими удивительными качествами и имъ необходима поддержка со стороны людей. Они желаютъ продолжить существованіе своего рода браками съ людьми. Имъ въ ихъ дѣлахъ нужны совѣты и помощь людей. Они гораздо лучше людей знаютъ тайныя цѣлебныя силы камней и травъ, но зовутъ людей къ своимъ больнымъ, зовутъ на помощь своимъ женамъ во время родовъ; выпрашиваютъ у людей кухонную посуду; празднуютъ свои свадьбы и другія торжества въ людскихъ комнатахъ; они сомнѣваются въ томъ, получатъ ли они спасеніе въ будущей жизни, спрашиваютъ объ этомъ, и если люди отвѣчаютъ имъ на это отрицательно, они чрезвычайно огорчаются".

6. Стихіи. Священныя растенія и животныя.

Возникновенію отдѣльныхъ предметовъ предшествовало существованіе стихій; германцы продолжали воздавать почитаніе стихіямъ и въ тѣ времена, когда уже олицетворили въ образахъ отдѣльныхъ божествъ тѣ силы, дѣйствія которыхъ замѣчали въ дѣятельности стихій. Многіе изъ обычаевъ, сохранившихся въ народныхъ суевѣріяхъ, происходятъ отъ поклоненія стихіямъ въ языческія времена. Вода, особенно та, которая выходитъ изъ-подъ земли чистыми родниками и еще не осквернена употребленіемъ на службу человѣка, считалась святою стихіею, дающею плодородіе и здоровье, первымъ даромъ боговъ. По берегамъ рѣкъ и при источникахъ были мѣста молитвъ и жертвоприношеній германцевъ; вода, почерпнутая въ священное время въ тишинѣ полночи или передъ восходомъ солнца, имѣла укрѣпляющую, цѣлебную силу. Огонь, въ особенности тотъ, который добывается треніемъ дерева о дерево, считался святымъ, имѣющимъ силу очищать и силу исцѣлять болѣзни. У нѣмцевъ до сихъ поръ сохранился обычай зажигать костры въ эпоху лѣтняго солнцестоянія, пѣть и плясать вокругъ этихъ огней, называющихся Ивановыми (потому что они теперь зажигаются въ ночь Иванова дня), прыгать черезъ такой огонь; все это остатокъ языческаго поклоненія огню и вѣрованія, что онъ очищаетъ, исцѣляетъ. Воздухъ въ своемъ движеніи, вѣтеръ, тоже считался одушевленнымъ существомъ, и германцы тоже поклонялись ему. Вѣтеръ былъ крылатымъ вѣстникомъ боговъ; этихъ вѣстниковъ боги разсылали повсюду. Вихрь считался несчастной женой, ищущей потеряннаго мужа. Остатокъ этого понятія сохранился въ нынѣшнемъ нѣмецкомъ названіи вихря Windsbraut, „невѣста" или „молодая жена вѣтра". Мы уже говорили, что германцы чтили землю, мать всего, лоно которой производитъ растительность и принимаетъ въ себя умершихъ; было много священныхъ обычаевъ, основанныхъ на благоговѣніи къ землѣ: священнѣйшіе свои договоры германцы заключали, торжественнѣйшія свои клятвы давали на дернѣ; еще и въ христіанскія времена оставались слѣды языческаго обычая, по которымъ умирающій бралъ въ ротъ землю, символически выражая, что посвящаетъ себя материнскому лону земли. Святость земли переходитъ и на всѣ ея созданія, на растенія и на животныхъ. Мы уже знаемъ, какое благоговѣніе къ деревьямъ питали германцы: мѣстомъ молитвъ и жертвоприношеній часто служилъ священный дубъ въ уединеніи лѣса; съ липой, которая росла въ деревнѣ или на дворѣ вельможескаго дома, было соединено счастье живущихъ тамъ; ясень, орѣшникъ, бузина занимали важныя мѣста въ народныхъ вѣрованіяхъ и сказаніяхъ; розмаринъ и теперь даетъ счастіе невѣстѣ, ѣдущей вѣнчаться; онъ и теперь принадлежность похоронъ. Народная фантазія давала чувство и душу растеніямъ. Еще больше было

Вода. Огонь. Воздухъ. Земля. Деревья.

уваженія къ животнымъ, въ особенности къ пылкому коню, служившему богамъ и героямъ. При святилищахъ многихъ боговъ содержались посвященные имъ кони. Отъ этихъ коней, какъ мы видѣли, были получаемы предвѣщанія. Изъ дикихъ животныхъ особеннымъ уваженіемъ пользовались медвѣдь, волкъ и лисица, бывшія главными дѣйствующими лицами германской сказки о животныхъ. Еще болѣе близкое отношеніе къ богамъ имѣли нѣкоторыя птицы: воронъ, ласточка, аистъ, кукушка были одарены способностью прорицанія; у нихъ спрашивали о будущемъ. Ласточка и аистъ были вѣстниками весны. Реполовъ былъ священной птицей Донара; потому германцы вѣрили, что, если раззорить его гнѣздо, въ домъ ударитъ молнія; а когда реполовъ увидитъ въ лѣсу умершаго человѣка, онъ прикрываетъ его лицо цвѣтами и листьями. Съ религіознымъ страхомъ смотрѣли германцы на змѣй. Въ нѣмецкихъ сказкахъ и легендахъ занимаютъ важныя мѣста змѣиный царь съ сіяющей короной на головѣ и крылатый змѣй, драконъ.

Конь. Птицы. Змѣи.

7. Небо и свѣтила. Смерть.

Небесныя явленія занимаютъ важное мѣсто въ германскихъ языческихъ вѣрованіяхъ. Боги и близкіе къ нимъ духи живутъ на небѣ; люди по смерти тоже переходятъ на небо. Знаменитые герои становятся небесными свѣтилами. Боги сходятъ на землю съ неба, ѣздятъ по небу и, оставаясь невидимыми, смотрятъ оттуда на человѣческія дѣла. Какъ всѣ растенія влекутся къ небесному свѣту и всѣ души стремятся къ нему, такъ дымъ жертвы и человѣческая молитва подымаются вверхъ. Солнце, луна и звѣзды были у германцевъ одушевленными существами, имѣли жилища и стулья на опредѣленныхъ имъ мѣстахъ. Германцы распредѣляли время по солнцу и лунѣ; солнечный годъ имѣлъ двѣнадцать мѣсяцевъ, лунный—тринадцать; счетъ сутокъ германцы долго вели не по днямъ, а по ночамъ. Въ лѣтнее и въ зимнее солнцестояніе у нихъ были праздники, зажигались огни; небесныя свѣтила имѣли близкую связь съ жизнью человѣка. Радуга была небеснымъ мостомъ, по которому ходили или ѣздили боги. День и ночь, лѣто и зима тоже олицетворены, и эти личныя существа вмѣшивались въ человѣческую жизнь. Наступленіе и конецъ лѣта и зимы праздновались обрядами, остатки которыхъ еще сохраняются во многихъ мѣстностяхъ Германіи.

Смерть не была у языческихъ германцевъ ужаснымъ и отвратительнымъ существомъ; она была вѣстницею боговъ, посылаемымъ взять душу къ нимъ; она исполняла порученіе неотвратимо, но кротко. Душа по смерти человѣка или становилась цвѣткомъ, или улетала въ видѣ птицы съ послѣднимъ дыханіемъ умирающаго; иногда она оставалась жить въ домѣ и становилась духомъ-покровителемъ семейства; по другому представленію, она уплывала ночью въ лодкѣ умершихъ „въ другую страну". Понятіе о смерти, какъ о существѣ добромъ, еще остается въ нѣкоторыхъ простонародныхъ повѣрьяхъ. Германцы вѣрили, что въ невѣдомой странѣ, куда переселяются умершіе, они ведутъ такой же образъ жизни, какъ на землѣ. Между живыми людьми и умершими была связь, скрѣплявшаяся жертвоприношеніями въ честь умершихъ.

8. Сотвореніе міра и погибель его.

Въ нашихъ матеріалахъ по миѳологіи собственно германцевъ не сохранилось никакихъ свѣдѣній о сотвореніи міра и о концѣ его; но мы можемъ

полагать, что скандинавскія понятія объ этомъ, изложенныя въ Вѣлуспѣ, были одинаковы въ своихъ существенныхъ чертахъ съ германскими. Вѣлуспа говоритъ: въ началѣ была зіяющая бездна (Гинунгагапъ, Ginungagap); тогда не было ни моря, ни берега, ни освѣжающаго вѣтра, ни сухой земли внизу, ни тверди небесной вверху, а была только мрачная пропасть безъ травы и всякихъ растеній. Солнце еще не знало своего жилища и звѣзды не знали, гдѣ ихъ мѣсто. Сѣверная часть этой безпредѣльной пустоты называлась Нифльгеймъ (страна тумана); тамъ владычествовалъ мракъ и злой холодъ; а южная часть была Муспельсгеймъ (страна огня) и оттуда шли свѣтъ и тепло. Теплота расплавила хаотическое вещество и создала Имира, злого великана, олицетвореніе хаоса. Отъ него произошли „великаны ледяной страны". Имиръ и его потомство были убиты Одиномъ и его братьями Вили и Ве, сыновьями великанши и мужчины, происшедшаго изъ камней соляного льда. Изъ потомковъ Имира спаслась одна супружеская чета, отъ нея произошло новое племя великановъ. Одинъ и его братья втащили тѣло Имира въ Гинунгагапъ и создали изъ его крови море и всякую воду, изъ его мяса землю; изъ костей горы; изъ волосъ лѣса; изъ зубовъ и мелкихъ обломковъ костей скалы. Изъ черепа сдѣлали они небо, прикрѣпили къ нему летѣвшія изъ Муспельсгейма искры и указали каждому такому свѣтилу его мѣсто и путь. Альфатеръ создалъ ночь и ея сына день, далъ ей колесницу и ему колесницу, чтобы они ѣздили по небу. Мозгъ Имира Одинъ и его братья бросили въ воздухъ; изъ этого вышли облака. Земля была круглая, ее окружало глубокое море; на берегу моря жили великаны. На защиту себѣ отъ нихъ Одинъ и его братья выстроили изъ бровей Имира укрѣпленный замокъ Мигдардъ, охватывающій всю землю; но людей еще не было; Одинъ и его братья пошли на морской берегъ, нашли тамъ два дерева— ясень и ольху, и создали изъ ясеня мужчину Аско, а изъ ольхи женщину Эмблу; Одинъ далъ имъ душу и жизнь, Вили—разумъ и чувство, Ве — лицо, языкъ, слухъ и зрѣніе; Одинъ и его братья назначили въ жилище людямъ Мидгардъ; потомъ создали карликовъ, дали имъ видъ и разумъ, какъ у людей, и въ жилище имъ назначили мясо Имира, внутренность земли; а своимъ жилищемъ выбрали они небо, и построили тамъ себѣ городъ Асгардъ; оттуда они управляютъ вселенной, наблюдаютъ дѣла людей и правятъ ихъ судьбой. Въ скандинавскихъ вѣрованіяхъ Одинъ занялъ первое мѣсто; его стали считать Альфатеромъ, а Вили и Ве были совершенно забыты народомъ; Одинъ окружилъ себя множествомъ божествъ, Асовъ (Asar); всѣ они живутъ въ Асгардѣ; изъ него ведетъ на землю мостъ, сдѣланный очень искусно и называющійся у людей радугой. По срединѣ Асгарда стоитъ жилище Одина, сіяющее золотомъ, Гладсгеймъ (блестящій домъ); тамъ собираются на судебныя совѣщанія и на пиры главные двѣнадцать боговъ (Асы), а богини собираются въ другомъ залѣ Вингольфѣ. На своихъ пирахъ асы пьютъ медъ, который подаетъ имъ Идуна; онъ надѣленъ обновляющею силой, такъ что боги имѣютъ жизнь, гораздо болѣе долгую, чѣмъ человѣческая. Въ Асгардѣ находится и Валгалла, гдѣ пируютъ воины, павшіе въ сраженіи (Эйнгеры). Валгалла—очень высокій залъ, сіяющій золотомъ; воины сидятъ тамъ за длинными столами, пьютъ и ѣдятъ. Кромѣ Асгарда, по скандинавской миѳологіи, существуетъ восемь областей міра или восемь міровъ; всѣ они соединены корнями, стволомъ и вершиной ясеня, который называется Игдразиломъ; онъ растетъ на землѣ, корни его проникаютъ въ адъ, а вершина подымается въ небо. Одинъ изъ восьми міровъ— Муспельсгеймъ (міръ огня), въ которомъ живутъ особыя божественныя существа; главный изъ этихъ боговъ огня Суртръ. Другой міръ—Нифльгеймъ (міръ тумана), въ немъ находится Гельгеймъ (міръ Гелы) адъ, гдѣ живетъ богиня царства умершихъ Гела; это — мрачное холодное мѣсто, находящееся во внутренности земли далеко на сѣверѣ. Въ Маннагеймѣ, странѣ людей, или Мидгардѣ, живутъ люди; этотъ міръ укрѣпленъ горами и скалами, окружающими его; въ немъ есть мѣста, удобныя для сраженій и плодородныя долины. Въ особенномъ мірѣ живутъ Альфы (эльбы); онъ называется Альфгеймъ. Есть особый міръ великановъ йотовъ, Йотунгеймъ; есть особый міръ карликовъ, „черныхъ альфовъ", Свартальфгеймъ.—Въ Эддѣ есть пророчество о паденіи Игдразиля, разрушеніи Асгарда и всей вселенной. Злыя существа, которыя теперь находятся въ темницахъ или въ оковахъ, вырвутся и пойдутъ войною на боговъ. Одинъ изъ этихъ злыхъ боговъ волкъ, поглотитъ солнце, другой волкъ—луну; звѣзды упадутъ съ неба; земля задрожитъ, всѣ горы рухнутъ; всѣ деревья упадутъ; море выступитъ изъ береговъ и зальетъ землю; исполинская змѣя, лежащая теперь въ морѣ кольцомъ, кругомъ всего Мидгарда, подымется въ ярости изъ моря и съ своимъ братомъ, волкомъ Фенрисомъ, своей сестрой, богиней мертвыхъ Гелой, своимъ отцомъ Локи начнетъ войну противъ боговъ. Суртръ и другіе боги Муспельсгейма сядутъ на коней и поѣдутъ по радугѣ тоже воевать съ асами; соединенными усиліями этихъ враговъ асы будутъ побѣждены и всѣ погибнутъ; боги Муспельсгейма восторжествуютъ, и вся вселенная сгоритъ. Но изъ моря подымется новая земля, она будетъ гораздо лучше нынѣшней; возникнутъ новые боги и начнется существованіе новой вселенной, въ которой не будетъ ни какого зла и страданія. Эта война, въ которой погибнутъ асы и будетъ истреблена огнемъ вся вселенная, называлась у германцевъ „померкновеніемъ боговъ".

6. Іисусъ Христосъ.

Потребность новой религіи въ римскомъ государствѣ.

Въ то время, когда установилось въ римскомъ государствѣ владычество Августа и римскій народъ достигъ вершины своего могущества, охвативъ своимъ господствомъ всѣ страны цивилизованнаго міра, въ дальнемъ углу азіатскихъ владѣній Рима было основано «царство божіе», предназначенное овладѣть римскимъ государствомъ. Римское государство имѣло тогда все, что можетъ пріобрѣсти себѣ человѣкъ естественными своими силами: великое могущество, благоустройство, богатство, образованность, основанную на древнихъ созданіяхъ литературы и искусства даровитыхъ народовъ, на результатахъ изслѣдованій мудрецовъ; но человѣческій родъ находился въ глубокомъ нравственномъ упадкѣ, и сердце людей жаждало избавленія. Языческія религіи отжили свое время; греческая миѳологія и римское государственное богослуженіе утратили свою силу надъ умами людей; таинственныя ученія и обряды, въ которыхъ многіе искали удовлетворенія потребностямъ сердца, оказались обманами суевѣрія, и разочарованные имъ люди повергались въ отчаяніе; ученія фило-

софовъ были для массы людей слишкомъ слабыми опорами нравственной жизни. Человѣчеству былъ нуженъ новый свѣтъ, который указалъ бы ему истинный путь изъ мрачнаго хаоса жизни къ новой цѣли, озарилъ бы его надеждой достичь этой цѣли; и вѣкъ Августа, кромѣ блеска земного могущества, просвѣтленъ другимъ болѣе высокимъ сіяніемъ: тогда въ іудейской странѣ было опущено въ землю то горчичное зерно, изъ котораго выросло дерево жизни для страдавшаго человѣчества. Предсказанія пророковъ, предвѣщанія прорицателей, предчувствія поэтовъ и мудрецовъ, жаждущія чаянія народовъ,—все показывало, что явится спаситель и вождь, который дастъ всѣмъ племенамъ земнымъ новое время блаженной жизни. Виргилій въ четвертой эклогѣ говорилъ, что съ рожденіемъ ожидаемаго младенца начнется новый золотой вѣкъ и возвратится на землю небесная дѣва; эти слова поэта были потомъ истолкованы, какъ прорицаніе о Христѣ, сынѣ дѣвы; и у Тацита христіане находили пророчество, что обновятся силы Востока и выйдутъ изъ Іудеи люди, которые овладѣютъ вселенной. (Тацитъ, «Исторія», V, 13).

Ожиданія Израиля.

И въ Израилѣ сердца людей ожидали новой жизни. Въ памяти народа еще сохраняло всю свою силу древнее пророчество: «Не отойдетъ скипетръ отъ Іуды и законодатель отъ чреслъ его, доколѣ не пріидетъ Примиритель, и Ему покорность народовъ»; огромное большинство продолжало понимать эти слова въ томъ смыслѣ, какой давали имъ предки: Мессія будетъ земнымъ царемъ, поставитъ престолъ свой на Сіонѣ и дастъ избранному народу божію владычество надъ всѣми язычниками; но уже были круги людей, въ которыхъ ожиданіе Мессіи получало идеальное, просвѣтленное направленіе. Эти малочисленные круги также вѣрили, что возникнетъ отрасль отъ племени Давидова и что этотъ потомокъ Давида, Мессія, дастъ довершеніе закону, создастъ на землѣ царство божіе; эти люди, подобно массѣ народа, полагали, что Мессія будетъ царемъ, но представленія о его царскомъ владычествѣ просвѣтлялись у нихъ болѣе и болѣе сіяніемъ небесной славы. Они полагали, что въ Мессіи соединится вся та божественная сила, которая лишь отдѣльными лучами своими проявлялась въ Моисеѣ, Давидѣ, пророкахъ; что въ немъ соединятся всѣ тѣ божественныя качества, о которыхъ говорила священная поэзія іудейскаго народа, что онъ дастъ іудеямъ всѣ тѣ идеальныя блага, надежда на которыя была драгоцѣннѣйшимъ сокровищемъ іудейской націи. Но въ ожиданіи великаго будущаго іудеи принуждены были подчиняться условіямъ настоящаго. Владычество язычниковъ составляло рѣзкую противуположность царству божію, о которомъ говорили законъ и пророки; но необходимость повелѣвала терпѣливо подчиняться. Сопротивленіе римлянамъ должно было неизбѣжно вести къ погибели народа, къ уничтоженію всѣхъ національныхъ благъ. Потому іудеи сохраняли покорность римлянамъ; это

было тѣмъ легче, что римляне оставляли неприкосновенными религіозныя учрежденія іудейскаго народа и вообще поступали съ нимъ милостиво. Подъ могущественнымъ покровительствомъ Рима іудейскій народъ пользовался спокойствіемъ, благоустроеннымъ порядкомъ; его благосостояніе развивалось, и онъ жилъ теперь такъ счастливо, какъ никогда въ старину.

Такія чувства господствовали особенно въ партіи саддукеевъ, въ которыхъ религіозный патріотизмъ уже давно былъ заглушенъ политическими соображеніями (III, стр. 326), между тѣмъ, какъ фарисеи, придававшіе чрезвычайную важность буквальному исполненію словъ Священнаго Писанія, горячо держались надежды на будущее величіе Израиля и развивали смѣлой фантазіей эту надежду; но у нихъ религія перешла въ мертвую формалистику, тѣ истины, какія издавна жили въ израильскомъ народѣ, замирали или искажались; для того, чтобы іудейская религія могла быть принята человѣчествомъ, какъ высочайшее благо, необходимо было ея преобразованіе.

Іоаннъ Креститель.

Явился человѣкъ, проникнутый божественнымъ вдохновеніемъ, какимъ были одушевлены пророки и сталъ подготовлять народъ къ явленію Мессіи. Это былъ Іоаннъ Креститель. Твердо вѣруя, что приближается исполненіе обѣщанія, даннаго Богомъ, онъ въ духѣ древнихъ пророковъ призывалъ народъ къ покаянію и обращенію для встрѣчи спасенія съ чистымъ сердцемъ; онъ удалился изъ обитаемыхъ мѣстъ, жилъ въ пустынѣ Іорданской. Подобно пророку Иліи, онъ носилъ грубую одежду изъ верблюжьей шерсти и питался тѣмъ, что находилъ въ пустынѣ: саранчею и медомъ дикихъ пчелъ. Онъ сталъ въ пятнадцатый годъ царствованія Тиберія проповѣдывать народу, что должно исповѣдывать грѣхи, покаяться, обновиться душою, вести праведную жизнь; принимавшихъ его проповѣдь онъ въ знакъ обновленія жизни крестилъ погруженіемъ въ рѣку и отпускалъ ихъ, давъ имъ увѣренія, что грѣхи ихъ прощены и получена ими благодать. Крещеніе было символомъ чистой богоугодной жизни, вести которую обѣщались они. Около Іоанна собрался кружокъ особенно усердныхъ послѣдователей, которымъ онъ открывалъ свое сердце, посвящая ихъ въ подвижники своего великаго дѣла. Изъ всѣхъ областей Іудеи и Галилеи сходился къ нему народъ все болѣе и болѣе многочисленными толпами; онъ говорилъ собравшимся о грѣховности ихъ, о необходимости нравственнаго улучшенія. Въ евангеліяхъ мы читаемъ, что онъ высказывалъ мысль болѣе широкую, чѣмъ привычныя мнѣнія іудеевъ о себѣ: онъ говорилъ, что для полученія благодати Божіей людямъ недостаточно происхожденіе отъ Авраама, что она получается только чистотою сердца и безукоризненностью жизни. Синедріонъ и фарисеи предлагали ему опасный вопросъ: не Христосъ ли онъ. Онъ отвѣчалъ, что пріидетъ другой, болѣе сильный, которому недостоинъ онъ развязать ремни обуви.

Въ числѣ пришедшихъ на Іорданъ къ Іоанну получить крещеніе отъ него былъ Іисусъ, о которомъ говорили, что Онъ сынъ Іосифа и Маріи, живущихъ въ галилейскомъ городѣ Назаретѣ, и котораго впослѣдствіи называли потомкомъ Давида. Онъ родился въ послѣднее время царствованія Ирода, и ему было около тридцати лѣтъ, когда онъ пришелъ на Іорданъ къ Іоанну. Впослѣдствіи онъ жилъ болѣе всего въ Капернаумѣ, городѣ на Галилейскомъ озерѣ. Въ евангеліяхъ мы читаемъ, что онъ родился въ Виѳлеемѣ, что арабскіе или персидскіе мудрецы были приведены явленіемъ звѣзды поклониться младенцу, который будетъ царемъ израильскимъ, что это возбудило опасеніе Ирода, что Иродъ, рѣшившись убить этого младенца и не зная, кто именно онъ, велѣлъ убить всѣхъ младенцевъ, родившихся около того времени въ Виѳлеемѣ.

Крещеніе Іисуса.

Изъ евангелій мы знаемъ, что когда Іисусъ крестился, сошелъ на него во всей полнотѣ Духъ Божій; это былъ часъ возникновенія христіанства. Вскорѣ послѣ того Іоаннъ Креститель былъ убитъ. Изобличая грѣховность брака Ирода Антипы и Иродіады, онъ раздражилъ противъ себя эту женщину, и она хитростью выманила у мужа приказаніе казнить его. Ученики Іоанна продолжали его дѣло, и многіе изъ нихъ присоединились потомъ къ Іисусу.

Проповѣдь Іисуса.

Въ евангеліяхъ нѣтъ опредѣленнаго указанія сколько времени длилась проповѣдническая дѣятельность Іисуса; но она была такъ могущественна, что дала новое направленіе жизни человѣчества. Іисусъ обновилъ разорванный союзъ людей съ Богомъ, указалъ блуждавшему въ невѣдѣніи человѣчеству прямой путь къ истинной родинѣ, небесному отечеству людей. Основывая «царство Божіе», Іисусъ, какъ Спаситель, необходимый страждущему человѣчеству, какъ Мессія, обратился первоначально съ своею проповѣдью къ своему народу, Израилю, сохранившему отъ священнаго прошлаго сокровище божественныхъ истинъ; воспринимая въ свое ученіе всѣ эти истины, Іисусъ говорилъ, что пришелъ не разрушить, а исполнить законъ и пророчества. Онъ называлъ себя сыномъ Божіимъ въ смыслѣ болѣе глубокомъ, нежели какой привыкли соединять іудеи съ этимъ названіемъ Мессіи; но онъ жилъ среди народа, какъ жили самые смиренные простолюдины; исполнялъ всѣ священные обычаи народа іудейскаго; Онъ былъ помощникомъ всѣхъ, нуждающихся въ помощи, цѣлителемъ всѣхъ страждущихъ.

Христосъ и его ученики.

Около него собирались ученики; Онъ избиралъ изъ нихъ наиболѣе усердныхъ; число этихъ ближайшихъ послѣдователей постепенно увеличилось до двѣнадцати; главными изъ нихъ были два брата Іоаннъ и Іаковъ, сыновья Зеведея, и другіе два брата Андрей и Симонъ, получившій имя Петра (скалы); они были рыбаки Галилейскаго озера; къ нимъ присоединились мытарь Матѳей и другіе галилейскіе мужи; съ ними Іисусъ ходилъ по Галилеѣ и по Іудеѣ, помогая страждущему народу дѣлами любви и возвышая мысли людей проповѣдью спасенія. Онъ требовалъ отъ своихъ учениковъ покаянія и чистоты сердца; объяснялъ, что основное условіе спасенія состоитъ въ преданности Богу всѣмъ сердцемъ, и жилъ непорочно и свято. Когда было надобно, онъ обличалъ беззаконниковъ и лицемѣровъ; но главнымъ предметомъ его дѣятельности были дѣла любви относительно всѣхъ страждущихъ; онъ кротко говорилъ грѣшникамъ о покаяніи, прощалъ оскорбленія, наносимыя ему; главнымъ содержаніемъ его проповѣди были идеи о царствѣ Божіемъ, о сынѣ человѣческомъ и о небесномъ отцѣ людей. Онъ своею проповѣдью основывалъ царство Божіе, предвозвѣщенное книгами іудейской религіи; по его ученію, оно должно было состоять въ томъ, чтобы жизнь людей была просвѣтлена любовью къ Богу, исполненіемъ воли Божіей. Онъ возвѣщалъ приближеніе этого царства, и оно уже возникало на землѣ. Онъ былъ руководителемъ людей, чтобы всѣ они сдѣлались дѣтьми Божіими; онъ силою любви побѣждалъ грѣхъ и духовную смерть, освобождалъ своихъ послѣдователей отъ безжизненной формалистики іудейскихъ мелочныхъ правилъ наружнаго угожденія Богу. Онъ былъ сынъ Божій, который одинъ позналъ отца и открывалъ его всѣмъ людямъ. Въ Ветхомъ Завѣтѣ Богъ нѣсколько разъ называется отцомъ. Іисусъ дѣлалъ названіе отца истиннымъ именемъ Божіимъ и такимъ образомъ ставилъ людей въ чистѣйшія отношенія къ Богу. Число учениковъ, составлявшихъ ближайшій кругъ послѣдователей Іисуса, было двѣнадцать, по числу племенъ, съ которыми Моисей заключилъ прежній союзъ между народомъ израильскимъ и Богомъ. Эти ученики получили имя апостоловъ (посланниковъ), потому, что главнымъ назначеніемъ ихъ было посланничество для распространенія благой вѣсти спасенія по всему міру. Большую часть времени Іисусъ, окруженный своими учениками, проводилъ въ Галилеѣ, населеніе которой сохраняло нравственную энергію; тамъ постоянно собиралось къ нему множество народа. Онъ поучалъ собравшихся своею проповѣдью и исцѣлялъ страждущихъ. Между апостолами было полное равенство; но особенно любимы были учителемъ Петръ и сыновья Зеведея. Петръ превосходилъ другихъ силою характера, былъ и лѣтами старше другихъ, потому пользовался между ними большимъ уваженіемъ. Правда, у него бывали иногда переходы отъ горячей рѣшимости къ унынію, но онъ поддавался унынію лишь очень не надолго, и онъ первый изъ всѣхъ учениковъ произнесъ учителю рѣшительныя слова: «ты Мессія»; это можно назвать первымъ исповѣданіемъ христіанства.

Духовные іудейскіе правители.

Въ то время, когда Петръ исповѣдалъ вѣру въ Іисуса, какъ въ Мессію, ужь миновала пора спокойной дѣятельности учителя въ Галилеѣ. Онъ ходилъ теперь и въ другія области; удалялся даже въ землю язычниковъ, до Кесаріи Филипповой, близъ которой предло-

жилъ своимъ ученикамъ рѣшительный вопросъ, за кого они считаютъ его, и получилъ отъ Петра отвѣтъ, что онъ—Мессія. Онъ долженъ былъ переходить съ мѣста на мѣсто, потому что возростало противодѣйствіе ему со стороны фарисеевъ, бывшихъ руководителями мыслей іудейскаго народа. Испуганные тѣмъ, что онъ пріобрѣлъ много послѣдователей въ народѣ, они хотѣли убить новаго пророка прежде, чѣмъ его ученіе укоренится и число его послѣдователей станетъ слишкомъ велико. При безбоязненности, съ какою Іисусъ раскрывалъ народу религіозныя понятія, болѣе высокія, чѣмъ какихъ держалась духовная власть, врагамъ его было не трудно находить въ его проповѣдяхъ и поступкахъ слова и дѣйствія, несогласныя съ господствующей мертвой формалистикой. Они называли дурнымъ то, что онъ нарушаетъ строгія правила о соблюденіи субботы; что онъ дружески разговариваетъ съ самарянами и язычниками, обѣдаетъ съ мытарями и грѣшниками, отпускаетъ грѣхи кающимся. Главною причиною ихъ вражды къ нему было то, что чистую нравственность онъ ставилъ выше соблюденія безчисленныхъ пустыхъ мелочей, которыми опутали они всю жизнь іудеевъ, и что онъ доказываетъ пустоту этой формалистики, которою они замѣнили истинно нравственное служеніе Богу, изобличалъ тщеславіе формалистовъ, гордо облекавшихся мантіею добродѣтели, которая при внимательномъ разборѣ оказывалась сшитою изъ жалкихъ лохмотьевъ, говорилъ, что предъ судомъ Божіимъ грѣшникъ, молящійся о прощеніи своихъ грѣховъ, лучше тщеславнаго человѣка, гордящагося своимъ исполненіемъ внѣшнихъ правилъ религіозности. А когда обнаружилось, что Іисусъ называетъ себя Мессіею, то возникло политическое опасеніе. Провозглашеніе Іисуса Мессіею могло, по мнѣнію духовныхъ правителей страны, подвергнуть ее величайшимъ бѣдствіямъ. Усердные приверженцы іудейскаго закона уже пытались подъ предводительствомъ Іуды Гавлонита свергнуть римскую власть (мы разскажемъ объ этомъ заподлѣ); попытка была подавлена, но римляне съ той поры стали подозрительны. Теперь явился человѣкъ, имѣвшій необыкновенную силу привлекать къ себѣ людей; многіе уже признали его Мессіей, римскій правитель Іудеи легко могъ подумать, что этотъ Мессія, котораго приверженцы называютъ царемъ іудейскимъ, готовитъ новое возстаніе. Эти политическія соображенія были для враговъ Іисуса желаннымъ предлогомъ выступить обвинителями противъ него; первосвященникъ и синедріонъ жадно схватились за случай заявить свою преданность римлянамъ и тѣмъ пріобрѣсти благосклонность ихъ. Первосвященникъ Каіафа находилъ, что лучше, чтобы одинъ человѣкъ умеръ за народъ, чѣмъ, чтобы погибъ весь народъ.

Торжественный въѣздъ Іисуса въ Іерусалимъ.

Вражда къ Іисусу, внушаемая синедріону и всѣмъ духовнымъ правителямъ народа характеромъ ученія и политическимъ опасеніемъ, очень усилилась, когда при его послѣднемъ путешествіи въ Іерусалимъ на праздникъ Пасхи ученики и приверженцы устроили ему торжественный въѣздъ; онъ вступилъ въ Іерусалимъ какъ царь: «множество народа постилали свои одежды по дорогѣ; а другіе рѣзали вѣтви съ деревъ и постилали по дорогѣ. Народъ же, предшествовавшій и сопровождавшій, восклицалъ: Осанна (спасеніе) сыну Давидову! Благословенъ грядущій во имя Господне! Осанна въ вышнихъ!» (Матѳ. XXI, 8, 9). Духовные правители народа, раздраженные этою манифестацiей, рѣшили предать Іисуса смерти. Не многіе изъ нихъ, сочувствовавшіе ему, робко удалились. Жители Іерусалима, нежелавшіе нововведеній, предпочитавшіе настоящее спокойствіе опасностямъ борьбы, были вовлечены своими руководителями въ ихъ вражду противъ Іисуса, или держали себя равнодушно. Привычныя представленія о Мессіи, который дастъ земное владычество избранному народу божію, имѣли мало сходства съ сыномъ плотника, говорившимъ, что царство его не земное царство, отвергавшимъ народную мечту о политическомъ величіи Мессіи, державшимъ себя, какъ бѣдный слуга страждущихъ. Но синедріонъ и другіе духовные правители хотѣли устроить дѣло такъ, чтобы не могло подняться волненіе, какому при множествѣ собравшихся на праздникъ людей легко было произойдти, еслибъ Іисусъ былъ взятъ подъ стражу при всемъ народѣ; потому они съ удовольствіемъ приняли предателя, нашедшагося въ кругу учениковъ Іисуса.

Предательство.

Іуда Искаріотскій, бывшій казначеемъ маленькой общины, постоянно близкій къ Іисусу, вызвался за денежную награду тайно выдать своего учителя. Іисусъ въ предвѣдѣніи, что приближается ему время отойдти къ Отцу, собралъ двѣнадцать учениковъ своихъ на послѣдній вечерній обѣдъ и, вкушая вмѣстѣ съ ними хлѣбъ и вино, сказалъ имъ, чтобъ они дѣлали такъ въ его воспоминаніе, обѣщая имъ небесную награду за вѣрность ему. Предвозвѣстивъ имъ этими словами свою кончину, онъ пошелъ съ ними въ Геѳсиманскій садъ, гдѣ они обыкновенно проводили ночь. Этотъ садъ находился на западномъ склонѣ Элеонской горы. Тамъ онъ подкрѣпилъ себя уединенною молитвою, какъ всегда дѣлалъ въ часы тяжкой скорби, и спокойно предался въ руки отряда вооруженныхъ людей, которые съ факелами пришли въ сопровожденіи Іуды взять его подъ стражу. Они повели его на судъ.

Осужденіе на смерть.

Духовныя власти хотѣли предать Іисуса смерти до наступавшаго праздника Пасхи; и должны были спѣшить потому, что дѣло представляло задержку: синедріонъ не имѣлъ права исполнять самъ смертные приговоры, и надобно было получить утвержденіе прокуратора Понтія Пилата. Ночной допросъ передъ первосвященникомъ и синедріономъ кончился осужденіемъ обвиняемаго на смерть: Іисусъ утвердительно отвѣчалъ на вопросъ, признаетъ ли онъ себя Мессіей, сыномъ Божіимъ; это было найдено достаточнымъ, чтобы осудить

его, какъ ложнаго пророка; но судьи хотѣли подвергнуть его самому тяжелому и позорному виду смертной казни, потому назвали его мятежникомъ противъ императора; люди, не бывшіе римскими гражданами, были за мятежъ подвергаемы, по римскому обычаю, распятію на крестѣ. Пилатъ не видѣлъ ничего достойнаго смертной казни въ обвиненіяхъ, переданныхъ ему, и не хотѣлъ утвердить смертный приговоръ. Но руководители народа и собравшаяся кругомъ трибунала толпа громкимъ крикомъ требовали смерти обвиненнаго. Пилатъ, по обычаю освобождать на праздникъ Пасхи кого-нибудь изъ осужденныхъ на смерть, предложилъ народу выборъ между Іисусомъ и Вараввою, который былъ осужденъ на смерть, какъ мятежникъ, убійца и разбойникъ; народъ потребовалъ освобожденія Вараввы. Пилатъ, опасаясь возбудить противъ себя подозрѣніе въ Римѣ, не отважился сопротивляться долѣе, утвердилъ приговоръ и осудилъ Іисуса на распятіе.

Смерть на крестѣ.

Стража повела «сына человѣческаго» на казнь, заставивъ его, изнуреннаго, нести на плечахъ крестъ; толпа шла, осыпая его насмѣшками; онъ изнемогъ подъ тяжестью креста; стража должна была велѣть нести крестъ совершенно постороннему человѣку, иностранцу Симону Киренейскому. Мѣсто казни было за городомъ; оно называлось Голгоѳою (лобнымъ мѣстомъ). Тамъ распяли Іисуса между двумя преступниками. На крестѣ была сдѣлана надпись: «Іисусъ Назорей, Царь Іудейскій». Духовныя власти просили Пилата замѣнить это словами, что онъ называлъ себя царемъ іудейскимъ, то есть хотѣли ясно выразить въ надписи, что онъ не имѣлъ права на этотъ санъ. Но Пилатъ не согласился измѣнить надпись и тѣмъ безсознательно выразилъ, что Іисусъ былъ правъ, называя себя Мессіею. Разсказъ евангелій о распятіи поразителенъ. Природа проявила свою скорбь затменіемъ, продолжавшимся три часа, и завѣса въ храмѣ разорвалась пополамъ. Тѣло было завернуто въ льняной покровъ и съ ароматами положено Іосифомъ Аримаѳейскимъ въ его саду въ новой гробницѣ.

Воскресеніе Христа.

Такъ запечатлѣлъ Іисусъ Христосъ своею смертью божественную истину своего посланничества. Но гробъ не могъ навсегда удержать въ себѣ подателя жизни. Умершій и погребенный воскресъ на третій день, побѣдивъ смерть. Нѣсколько времени онъ оставался на землѣ, являясь своимъ ученикамъ, и наконецъ вознесся передъ ихъ глазами на небо. Они стали проповѣдывать вѣрованіе въ него, агнца Божія, взявшаго на себя грѣхи міра, побѣдившаго грѣхъ и смерть, Сына Божія, и вѣровали, что онъ подкрѣпляетъ ихъ своею божественною силою, дастъ побѣду ихъ проповѣди, что онъ будетъ находиться съ ними и другими вѣрующими до конца міра, возвратится во всей славѣ своей, и что съ его вторымъ пришествіемъ начнется вѣчное царство небесное. Одушевляемые этой вѣрою, они проповѣ-

дывали людямъ всѣхъ племенъ радостную вѣсть спасенія, что каждый, почитающій Бога въ духѣ и въ истинѣ, вѣрующій въ Іисуса Христа, единороднаго сына Его, и слѣдующій ученію Христа, дающему истинную жизнь, получаетъ прощеніе грѣховъ и жизнь вѣчную.

Праздникъ Пятидесятницы.

Такъ продолжали апостолы во имя распятаго и воскресшаго Христа основаніе царства Божія на землѣ. Въ седьмой день воскресный послѣ праздника Пасхи, апостолы, бывшіе всѣ вмѣстѣ въ Іерусалимѣ, почувствовали себя получившими дары Духа Святаго, снисшедшаго на нихъ; онъ далъ имъ силу говорить свободно и могущественно. Какъ древніе пророки восторженно возвѣщали то, что открывалъ имъ Богъ, такъ и апостолы «исполнились всѣ Духа Святого и начали говорить на иныхъ языкахъ, какъ Духъ давалъ имъ провѣщевать. Въ Іерусалимѣ же находились іудеи, люди набожные, изъ всякаго народа подъ небесами. Когда сдѣлался этотъ шумъ, собрался народъ и пришелъ въ смятеніе; ибо каждый слышалъ ихъ говорящихъ его нарѣчіемъ; и всѣ изумлялись и дивились, говоря между собою; сіи говорящіе не всѣ ли галилеяне? какъ же мы слышимъ каждый собственное нарѣчіе, въ которомъ родились?» (Дѣянія Св. Апостоловъ II, 4—8).

II. Римская имперія до Веспасіана.

1. Династія Юліевъ (Клавдіевъ, ставшихъ по усыновленію Юліями).

А. Тиберій.

а) Его характеръ и его правленіе.

Тиберій 14—37 (767—79 г. отъ основ. Рима).

Тиберій во многомъ слѣдовалъ пути, проложенному его предшественникомъ, и даже тѣ учрежденія, которыя возникали изъ его собственнаго характера, онъ называлъ установляемыми сообразно мыслямъ Августа. Народъ любилъ привѣтливаго Августа, и Тиберію казалось, что имя его будетъ оправданіемъ суровыхъ мѣръ деспотизма. Подобно Августу, онъ не любилъ войны, заботился не о расширеніи границъ, а только о томъ, чтобъ охранять ихъ; подобно Августу, онъ вначалѣ своего правленія дѣйствовалъ съ благоразумной умѣренностью, щадилъ привычныя формы и понятія; подобно Августу, и онъ усердно занимался дѣлами провинціальнаго управленія, назначалъ правителями провинцій только людей умныхъ, заслуживавшихъ довѣрія качествами своего характера, оставлялъ ихъ по многу лѣтъ на ихъ должностяхъ, строго воспрещалъ имъ всякія притѣсненія, охранялъ населеніе отъ ихъ взяточничества безпощаднымъ веденіемъ процессовъ по жалобамъ на нихъ. Но хотя Тиберій и желалъ подражать Августу, онъ совершенно не походилъ на него характеромъ, потому и правилъ совершенно иначе. Тиберій выросъ среди придворныхъ интригъ, окруженный завистниками и врагами; съ дѣтства навыкъ притворяться и молчать; никто не могъ прочесть на его холодномъ лицѣ, какія чувства или намѣренія скрываетъ онъ въ глубинѣ души; онъ былъ человѣкъ разсчетливый, лишенный теплоты сердца, не имѣвшій преданности ни къ кому, потому не любимый никѣмъ. Онъ вполнѣ зависѣлъ отъ матери, которая только по

честолюбію хлопотала о его возвышеніи, находился подъ властью вотчима, который никогда не имѣлъ къ нему расположенія, державъ его долгіе годы въ изгнаніи и только подъ конецъ правленія сталъ обращаться съ нимъ милостиво; онъ былъ принужденъ развестись по политическому разсчету съ женой, которую любилъ, и вступить въ ненавистный бракъ; его положеніе было колеблющееся между надеждой и страхомъ: онъ видѣлъ себя то близкимъ къ престолу, то отброшеннымъ на безконечную даль отъ него; онъ былъ принятъ по усыновленію въ фамилію Юліевъ, но она ненавидѣла его, какъ человѣка вреднаго ея правамъ. Всѣ эти обстоятельства сильно содѣйствовали развитію лежавшаго въ его природѣ зародыша недовѣрія и презрѣнія къ людямъ, и, достигнувъ громаднаго развитія, эти качества отняли у него душевное спокойствіе и лишили его любви народа. Смерть благороднаго Германика, котораго народъ считалъ другомъ свободы, была приписана общественнымъ мнѣніемъ ему; онъ 19.
ненавидѣлъ всѣхъ, принадлежавшихъ къ фамиліи Юліевъ; эти двѣ причины навлекли на него непріязнь аристократіи, ея враждебность къ нему распространялась въ народѣ; потому въ каждомъ его распоряженіи стали видѣть замыслы, вредные свободѣ, враждебные приверженцамъ республиканскихъ учрежденій, и даже въ тѣхъ его поступкахъ, которые были хороши, народъ сталъ подозрѣвать дурные мотивы. Когда былъ убитъ Постумъ (стр. 36), объ этомъ его распоряженіи еще судили снисходительно; но внезапная и загадочная смерть Германика, о которой мы разскажемъ ниже, была ударомъ, глубоко поразившимъ чувство римскаго народа. Холодный, замкнутый характеръ Тиберія, надменность, наслѣдованная имъ отъ гордаго рода Клавдіевъ, его стремленіе къ неограниченному произволу, конечно, не могли внушать народу расположеніе къ нему. Въ римскихъ гражданахъ еще не совершенно заглохли политическія чувства; потому римляне печалились и негодовали, видя, что у народнаго собранія отнимаются всѣ права, комиціи обращаются въ пустой призракъ, что въ сенатѣ искусственно развивается раболѣпство и что этой униженной корпораціи передается право избирать сановниковъ, передается законодательная власть, и все это дѣлается для того, чтобы каждое враждебное народу распоряженіе деспота казалось происходящимъ не отъ него, а отъ сената, чтобы ненависть народа была обманута и винила курію въ преступленіяхъ, истиннымъ виновникомъ которыхъ былъ Тиберій. Напрасно старался онъ оградить безопасность личности и собственности безпристрастнымъ правосудіемъ, обуздать насиліе, поддержать нравственность; расширеніе круга вѣдомства административнаго суда безъ присяжныхъ, подчиненіе этого суда городскому префекту вело къ тому, что въ уголовныхъ процессахъ сталъ владычествовать произволъ; расширеніе круга вѣдомства трибуналовъ по дѣламъ объ оскорбленіи величества, и покровительство доносчи-

камъ, коварнымъ клеветникамъ, искажало весь характеръ управленія
и бросало черную тѣнь на всѣ другія дѣйствія Тиберія. Онъ дѣлалъ
и хорошія распоряженія; самъ Тацитъ не могъ не сказать, что въ
правленіе Тиберія, по крайней мѣрѣ, въ первой половинѣ его были
и хорошія стороны: дѣла иностранной политики онъ велъ, какъ мы
видѣли (стр. 105), искусно и успѣшно; сановниковъ онъ назначалъ
разборчиво, умѣлъ находить людей достойныхъ; государственное хо-
зяйство и управленіе провинціями было очень хорошо. Въ эраріи и
фискѣ были превосходный порядокъ и благоразумная бережливость;
простота и экономность императора въ домашней жизни представ-
ляла рѣзкую противоположность роскоши и мотовству вельможъ, про-
тиводѣйствовала роскоши сильнѣе, чѣмъ возобновленіе прежнихъ за-
коновъ противъ расточительности и новыхъ постановленій противъ
пороковъ. Бережливый Тиберій уменьшилъ великолѣпіе игръ и дру-
гихъ народныхъ развлеченій; населеніе города Рима досадовало на
это; за то Тиберій имѣлъ средства устранять или уменьшать щед-
рыми пособіями бѣдствія, происходившія отъ несчастныхъ случаевъ,
отъ неурожая, пожаровъ, опустошительнаго землетрясенія въ Малой
27. Азіи; отъ того, что рухнулъ въ Фиденахъ амфитеатръ, подъ разва-
линами котораго погибло, или было изувѣчено 50,000 человѣкъ.
Тиберій скрывалъ свой развратъ, потому могъ смѣлѣе Августа во-
19. оружаться противъ него. До какой степени доходило забвеніе всякаго
приличія, показываетъ постановленіе сената, воспрещавшее женамъ
и дочерямъ сенаторовъ и всадниковъ записываться въ число публич-
ныхъ женщинъ. Тацитъ отдаетъ справедливость хорошимъ сторо-
намъ правленія Тиберія, говоритъ, что онъ строгимъ надзоромъ
уменьшалъ наглыя проявленія безнравственности, боролся противъ
возростающаго суевѣрія, съ какимъ римляне предавались тайнымъ
религіознымъ обрядамъ, противъ плутовства прорицателей, вообще
противъ халдейскаго чародѣйства; что онъ ввелъ нѣкоторое приличіе
въ театрѣ, ограничилъ злоупотребленія правомъ убѣжища при хра-
махъ, умѣлъ поддерживать въ войскѣ дисциплину, такъ что госу-
дарство при немъ не страдало отъ буйства воиновъ; но весь раз-
сказъ Тацита о правленіи Тиберія проникнутъ печалью о нравствен-
номъ паденіи римлянъ; горькой досадой на лицемѣра, при которомъ
испорченность нравовъ укоренялась все глубже и глубже. Светоній
хвалитъ Тиберія за то, что онъ чуждался всякой пышности, отвер-
галъ раболѣпныя почести, какія были предлагаемы ему сенатомъ и
народомъ. Но искренности словъ Тиберія не вѣрили и не могли вѣ-
рить, видя, что подъ владычествомъ его фаворита Сеяна, распро-
страняется въ Римѣ льстивое раболѣпство, что погоня за титулами
и мелочное честолюбіе уничтожаетъ въ аристократіи всякую граж-
данскую доблесть, что у народнаго собранія, еще сохранявшаго при
Августѣ хотя призракъ власти, отнято всякое значеніе, что подавле-

ны послѣдніе остатки политической жизни, что правительство приняло
характеръ неограниченнаго военнаго деспотизма.

Этому упадку общественной нравственности и энергіи особенно
много содѣйствовало преобразованіе организаціи преторіанцевъ. Оно
было произведено по совѣту Элія Сеяна. Этотъ красивый мужчина,
бывшій родомъ изъ Этруріи, умѣлъ скрывать подъ льстивыми фор-
мами пламенное властолюбіе и совершенно овладѣлъ довѣріемъ
императора, который такъ мало расположенъ былъ къ довѣрчивости.
Считая его надежнѣйшимъ стражемъ своей безопасности, Тиберій
принялъ его совѣтъ соединить въ одинъ станъ у самыхъ стѣнъ
Рима всѣ десять когортъ преторіанцевъ, изъ которыхъ прежде были
расположены здѣсь только три, остальныя стояли разрозненно по окре-
стностямъ Рима на квартирахъ у гражданъ. Когорты, находившіяся въ
Римѣ, тоже были размѣщены по домамъ гражданъ. Теперь всѣ онѣ
были собраны въ укрѣпленный станъ передъ Виминальскими воротами.
Сеянъ и Тиберій хотѣли этой перемѣной возбудить въ преторіанцахъ
корпоративный духъ; собранные всѣ вмѣстѣ и поселенные отдѣльно
отъ гражданъ, они получили больше довѣрія къ своимъ силамъ и
стали расположены безпощадно дѣйствовать противъ Рима. Цѣль
Тиберія пріобрѣсти въ нихъ послушное орудіе, готовое къ соверше-
нію всякихъ насилій, была дѣйствительно достигнута. Преторіанскій
станъ, отданный подъ начальство Сеяна, сдѣлался крѣпкой опорой
императора, облегчилъ ему дѣло порабощенія націи, но скоро сталъ
грозою и для самихъ императоровъ. Палачи повелителя, преторіанцы,
составлявшіе корпусъ 10,000 отборныхъ воиновъ, впослѣдствіи не
рѣдко обращали свое оружіе противъ самихъ императоровъ, низвер-
гали ихъ и возводили на престолъ по своему произволу. Преторіан-
скій станъ сдѣлался цитаделью, державшею въ трепетѣ римскій на-
родъ; но и сами императоры трепетали ея не меньше, чѣмъ поддан-
ные. По соединеніи всѣхъ преторіанскихъ когортъ въ одинъ станъ
подъ Римомъ, начальникъ этого войска, преторіанскій префектъ (пре-
фектъ преторія), сдѣлался первымъ человѣкомъ послѣ императора.
Сеянъ, занимая эту должность и пользуясь безграничнымъ довѣріемъ
императора, пріобрѣлъ такую силу, что сенатъ и народъ преклонялись
передъ нимъ такъ же раболѣпно какъ передъ самимъ Тиберіемъ.
Могущество его возвысилось въ особенности съ той поры, какъ
Тиберій, подозрѣвая во всѣхъ злоумышленія и чувствуя себя въ
Римѣ стѣсненнымъ, поселился на прелестномъ островѣ Капреѣ
(или Капреяхъ). Сеянъ, много содѣйствовавшій этому переселе-
нію, сдѣлался посредникомъ между императоромъ и сенатомъ;
часть времени онъ проводилъ при императорѣ, отъ императора
пріѣзжалъ съ приказаніями въ Римъ и распоряжался тамъ, какъ
его намѣстникъ. Раздавая должности и почести, Сеянъ пріобрѣлъ
себѣ много приверженцевъ между сенаторами и всадниками, лю-

безностью и снисходительностью заслужилъ любовь преторіанцевъ; неутомимой дѣятельностью, заботливостью о безопасности императора онъ все крѣпче и крѣпче привязывалъ его къ себѣ. Онъ выказывалъ величайшую преданность Тиберію и однажды при обвалѣ грота спасъ его съ опасностью собственной жизни. Въ характерѣ Сеяна соединялись черты Мефистофеля и донъ Хуана. Интригами, волокитствомъ, всяческими другими обольщеніями, злодѣйствами, напоминающими Тарквинія и его сыновей римской легендарной исторіи или Ричарда III Шекспира, онъ погубилъ важнѣйшихъ членовъ императорскаго семейства, пролагая себѣ дорогу къ престолу. Онъ обольстилъ Ливиллу, красивую, но развратную женщину, жену Друза, единственнаго сына Тиберія, и при ея содѣйствіи отравилъ медленно дѣйствующимъ ядомъ этого молодого человѣка грубыхъ нравовъ, страстно любившаго гладіаторскій бой и погрязавшаго въ развратѣ; онъ развелся съ своею женою Апикатою и попросилъ у императора позволенія жениться на вдовѣ его сына. Тиберій, хотя и не догадывался о причинѣ смерти сына (эта тайна была открыта ему лишь черезъ восемь лѣтъ Апикатою), отказалъ Сеяну въ просьбѣ, впрочемъ очень любезными словами. Сеянъ не оставилъ намѣренія достичь престола. Агриппина, два старшіе сына ея, многіе вліятельные люди были отправлены въ ссылку, или отданы подъ стражу и потомъ тайно умерщвлены ужаснѣйшими способами; склоняя императора на эти свирѣпости, Сеянъ постоянно пугалъ его новыми выдуманными опасностями. Усердные приверженцы рода Юліевъ были обвинены въ заговорѣ противъ жизни императора и казнены; въ числѣ погибшихъ по этой клеветѣ Сеяна находились Тицій Сабинъ и Гай Силій. Но хотя Сеянъ дѣйствовалъ очень ловко, Тиберій догадался наконецъ о его замыслахъ. Опасаясь гнѣва императора, Сеянъ хотѣлъ поднять мятежъ, но Тиберій не далъ ему времени на это; по повелѣнію императора, се-
31. натъ осудилъ его на смерть. Въ озлобленіи на своего прежняго любимца, Тиберій велѣлъ убить въ темницѣ его невинныхъ дѣтей и подвергъ свирѣпому гоненію всѣхъ его родныхъ и приверженцевъ. Разочарованіе въ Сеянѣ, котораго онъ возвеличилъ необыкновенными почестями и считалъ безгранично преданнымъ слугою, усилило подозрительность Тиберія, презрѣніе и ненависть къ людямъ сдѣлали его безжалостное сердце совершенно недоступнымъ никакой мысли о пощадѣ. Наконецъ онъ занемогъ, силы его падали, онъ почувствовалъ, что приближается смерть, но скрывалъ свое изнеможеніе; чтобъ обмануть окружающихъ, онъ переѣхалъ на кампанскій берегъ, говоря, что хочетъ воротиться въ Римъ; но на своей мизенской виллѣ онъ впалъ въ обморокъ, похожій на смерть; нѣкоторые изъ бывшихъ тутъ поздравили съ полученіемъ императорской власти жившаго при немъ Гая Цезаря, младшаго изъ сыновей Германика, внуковъ Друза, брата Тиберія. Но Тиберій очнулся. Преторіанскій префектъ Макронъ

и самъ Гай, опасаясь, что Тиберій велитъ убить ихъ, задушили его одѣялами и подушками. Тиберію былъ тогда 78-й годъ. Онъ былъ 16 марта 790
высокаго роста, въ молодости былъ красивъ и очень силенъ. Исторія его жизни, написанная имъ, не дошла до насъ. (37 по Р. Х.)

Островъ Капрея.

Островъ Капрея (или Капреи, Capreae, нынѣшній Капри) лежитъ верстахъ въ четырехъ отъ Сурренскаго мыса. Онъ былъ личной собственностью Августа, любившаго жить на немъ и по завѣщанію Августа былъ полученъ Тиберіемъ. На немъ жили рыбаки и огородники, простые люди, еще сохранявшіе греческіе языкъ и обычаи. Длина острова съ запада на востокъ составляетъ верстъ пять, ширина его съ юга на сѣверъ версты три. «Если смотрѣть на него съ сосѣдняго берега», говоритъ Гёкъ, «то онъ кажется одной скалой безъ всякихъ изломовъ, вертикально подымающейся изъ моря; но, приближаясь къ нему съ сѣвера, видимъ, что восточная масса скалы отдѣляется отъ западной, и когда выйдешь на берегъ его съ сѣверной стороны, гдѣ находится единственное мѣсто, пристать къ которому можно безъ опасности, то передъ нами раскроется картина, представляющая поразительный контрастъ суровому, мрачному, наружному очертанію острова. Между западной и восточной частями скалы идетъ долина, волнообразно подымающаяся съ сѣвера къ югу и покрытая роскошной растительностью. На ней перемежаются богатыя нивы, превосходные виноградники, оливковыя плантаціи, великолѣпныя смоковницы, апельсинныя, миндальныя деревья; и не только на этой большой низменности, но и въ другихъ долинахъ и ущельяхъ скалъ, по склонамъ и вершинамъ горъ тонкій слой плодородной почвы производитъ роскошную растительность. Она великолѣпна потому, что климатъ благопріятствуетъ ей. Онъ очень здоровъ для человѣка; лѣтній зной умѣряется прохладнымъ морскимъ вѣтромъ, а отъ холоднаго сѣверовосточнаго зимняго вѣтра почти повсюду защищаютъ скалы. Въ декабрѣ цвѣтетъ нарциссъ, и ароматическія травы весь годъ наполняютъ воздухъ благоуханіемъ». Еще подробнѣе описываетъ прелесть Капреи Меривель (Ѵ, 266).—На прекраснѣйшихъ мѣстахъ острова Тиберій построилъ 12 виллъ, которыя назвалъ по именамъ боговъ и богинь Олимпа. Отъ зданій, украшавшихъ островъ, осталось мало развалинъ надъ землей. Но подлѣ грудъ мусора мы видимъ искусственные гроты въ скалахъ, находимъ подземныя залы; они показываютъ, какъ заботился Тиберій улучшить искусствомъ созданную природой красоту острова; видимъ, что Капрея дѣйствительно служила ему прелестнымъ, великолѣпнымъ мѣстомъ отдыха.

b) Германикъ и Агриппина.

Германикъ на Востокѣ. 17—19.

Послѣ своего блестящаго тріумфа, заслуженнаго побѣдами надъ германцами (стр. 105), Германикъ поѣхалъ на Востокъ. Удаляя его и Агриппину изъ Рима, Тиберій хотѣлъ прекратить интриги, производимыя въ императорскомъ семействѣ враждою между Юліями и Клавдіями. Предлогомъ для того, чтобъ отправить увѣнчаннаго славой племянника на Востокъ послужили Тиберію междоусобныя войны въ Арменіи и Парѳіи, смерть двухъ подвластныхъ Риму царей въ Малой Азіи, жалобы сирійцевъ и іудеевъ на обременительность налоговъ. Онъ далъ Германику высшую власть надъ всѣми провинціями къ востоку отъ Средиземнаго моря; ихъ правители и начальники расположенныхъ тамъ войскъ должны были повиноваться ему. Германикъ поѣхалъ въ Малую Азію черезъ Грецію. Человѣкъ любознательный, проникнутый уваженіемъ къ великому прошлому Греціи, онъ посѣтилъ города, знаменитые въ ея исторіи: Аѳины, Византію, Иліонъ, Колофонъ, многіе другіе города, выказывалъ имъ благосклонность. Ему было много случаевъ помогать бѣдствующимъ, потому что за годъ передъ тѣмъ ужасное землетрясеніе, случившееся ночью, разрушило 12 знаменитыхъ

городовъ, въ томъ числѣ Сарды, Магнезію, Филадельфію, Кимы, повергло въ страшную нищету населеніе области по Тмолу и Пактолу.

Пизонъ и Планцина.

Говорятъ, что Тиберій хотѣлъ поставить племянника въ трудное и опасное положеніе; если такъ, то онъ выбралъ вѣрное средство сдѣлать это. На мѣсто Метелла Силана, бывшаго другомъ и родственникомъ Германика, онъ назначилъ правителемъ Сиріи Гнея Кальпурнія Пизона, человѣка надменнаго, который наслѣдовалъ горячій отважный характеръ своего отца, бывшаго упорнымъ приверженцемъ Помпея. Гордость Пизона была тѣмъ высокомѣрнѣе, что онъ былъ женатъ на женщинѣ очень знатной и богатой; притомъ его жена, Мунація Планцина, была дружна съ Ливіей. Пизонъ и Планцина всячески мѣшали распоряженіямъ Германика, увѣренные въ томъ, что дѣйствуютъ, сообразно желанію императора и его матери. Они распускали слухи, обидные для чести Германика и Агриппины. Германикъ принялъ сторону одного изъ воевавшихъ между собою арсакидовъ, Пизонъ и Планцина поддерживали его противника, Вонона. Германикъ успѣлъ въ одинъ годъ покончить дѣла въ Арменіи, Парѳіи, Каппадокіи съ выгодой и славой для Рима, внушилъ парѳянамъ уваженіе къ римскому имени. Вононъ бѣжалъ, былъ настигнутъ и убитъ. Исполнивъ порученіе Тиберія, Германикъ поѣхалъ въ Египетъ осмотрѣть эту страну

Германикъ въ Египтѣ.

чудесъ, исторія которой сильно интересовала его. Въ греческой одеждѣ онъ, какъ простой путешественникъ, проѣхалъ вверхъ по Нилу до пороговъ; на развалинахъ Ѳивъ ученые жрецы разсказали ему о прежнемъ величіи царства фараоновъ; онъ осмотрѣлъ пирамиды и другіе памятники Египта; въ этой странѣ былъ тогда голодъ; онъ облегчилъ страданія народа раздачею хлѣба изъ римскихъ магазиновъ въ Александріи. Но Тиберій выразилъ ему неудовольствіе за то, что онъ поѣхалъ въ Египетъ безъ разрѣшенія императора, нарушивъ этимъ постановленіе Августа (стр. 18). Потому онъ поспѣшилъ вернуться въ Сирію. Непріязнь Пизона къ нему проявлялась съ каждымъ днемъ очевиднѣй; онъ занемогъ, болѣзнь быстро приняла очень опасный характеръ, возникло общее подозрѣніе, что онъ отравленъ; была молва и о томъ, что онъ обреченъ на смерть чародѣйствомъ. Пизонъ держалъ себя такъ, что подкрѣплялъ падавшее на него подозрѣніе. Онъ запретилъ антіохійцамъ приносить жертвы и дѣлать обѣты

Смерть Германика 10 октября 19.

богамъ за выздоровленіе больного; Германикъ велѣлъ ему уѣхать изъ Сиріи; были уже готовы и корабли для него, но онъ медлилъ отъѣздомъ. Германикъ умеръ на 34 году жизни въ Дафнѣ, предмѣстьѣ Антіохіи. Услышавъ о его смерти, Пизонъ громко выказалъ радость, а Планцина сняла трауръ, который носила по сестрѣ и надѣла праздничный нарядъ. Но жители восточныхъ провинцій, народы и цари востока, подвластные Риму, глубоко печалились о ранней смерти привѣтливаго, благороднаго правителя и полководца, котораго они сравнивали съ Александромъ. Его похороны въ странѣ, далекой отъ Рима, были совершены безъ великолѣпія; но громки были похвалы его добродѣтелямъ. Римляне ожидали отъ него возстановленія республики; съ его смертью угасла въ нихъ всякая надежда на свободу.

Возвращеніе Агриппины въ Римъ.

Похоронивъ мужа въ Антіохіи, Агриппина съ урною, въ которую собрала прахъ его, поспѣшно поѣхала изъ Сиріи требовать отмщенія за его смерть. Пизонъ хотѣлъ остаться правителемъ Сиріи наперекоръ распоряженію, сдѣланному Германикомъ, пытался даже употребить силу оружія. Но правитель, назначенный умирающимъ Германикомъ, Гней Сенцій, одолѣлъ его, и онъ поѣхалъ въ Римъ. Тиберій не мѣшалъ выраженіямъ глубокой скорби римлянъ о смерти ихъ любимца; сенатъ постановилъ воздать его памяти великія, почти божескія почести, построить тріум-

фальныя ворота и другіе памятники на мѣстахъ, ознаменованныхъ его подвигами. Безконечной похоронной процессіей былъ переѣздъ Агриппины съ его прахомъ въ Римъ изъ Брундизія, куда приплыла она, выдержавъ на морѣ зимнія бури. Она вышла на берегъ, неся въ рукахъ урну съ прахомъ мужа, окруженная дѣтьми. Въ Брундизій съѣхались друзья и родные, собрались воины, служившіе подъ знаменами Германика, сошлось безчисленное множество народа. Военные трибуны и центуріоны взяли на плеча носилки, на которыхъ была поставлена урна; когда они двинулись, впереди несли знамена, съ которыхъ сняты были украшенія, шли ликторы съ опрокинутыми фасками. Во всѣхъ городахъ, черезъ которые проходила процессія, были сооружены жертвенники; граждане, одѣтые въ трауръ, встрѣчали процессію, провожали ее къ жертвенникамъ, сожигали ѳиміамъ въ честь Германика. Когда урна съ прахомъ была вечеромъ при свѣтѣ факеловъ принесена на Марсово поле и поставлена въ мавзолеѣ Августа, весь Римъ стоналъ. Только Тиберій и его мать не принимали участія въ похоронной процессіи и въ печали; сердце императора переполнялось завистью и злобой при воплѣхъ народа, кричавшаго, что государство пало, что погибла всякая надежда, называвшаго Агриппину честью отечества, единственнымъ примѣромъ добродѣтели старыхъ временъ, молившаго боговъ защитить ея дѣтей отъ коварства враговъ. Тиберій издалъ наконецъ объявленіе, которымъ велѣлъ народу прекратить чрезмѣрную печаль и оправдывалъ свое безучастіе въ ней. Говорилъ, что пора возвратиться къ дѣламъ и снова предаться развлеченіямъ (при наступленіи приближавшихся мегалесскихъ игръ).

Процессъ и смерть Пизона 20.

Вскорѣ послѣ того пріѣхали въ Римъ Пизонъ и Планцина и въ своемъ убранномъ по праздничному дворцѣ задали пиръ по случаю своего возвращенія; это увеличило негодованіе народа. Пизонъ былъ подвергнутъ обвиненію передъ сенатомъ въ томъ, что онъ поднялъ оружіе противъ государства, и въ томъ, что отравилъ Германика. Увѣренный въ покровительствѣ императора онъ два раза являлся въ сенатъ. Тиберій равнодушно сидѣлъ, слушая рѣчи обвинителей и Пизона, не выказывалъ ни гнѣва, ни симпатіи. Эта холодность императора и негодующіе крики народа, который окружалъ курію и съ угрозами требовалъ осужденія Пизона, лишили обвиняемаго надежды на оправданіе. Прежде, чѣмъ кончился процессъ, его нашли утромъ, въ спальной, лежащаго съ перерѣзаннымъ горломъ; подлѣ лежалъ мечъ; вообще полагали, что онъ самъ убилъ себя; но была и молва, что онъ зарѣзанъ подосланными убійцами, что императоръ опасался, чтобъ онъ не представилъ сенату секретныхъ инструкцій.

По просьбѣ Ливіи Планцина была помилована, дѣтямъ Пизона было оставлено отцовское имущество *). Тиберій выразилъ въ сенатѣ сожалѣніе о томъ, что смерть обвиняемаго отняла возможность узнать истину относительно смерти Германика; но народъ и особенно приверженцы республиканскихъ учрежденій остались убѣждены, что Германикъ былъ отравленъ, что Тиберій и Ливія виновны въ этомъ злодѣйствѣ. Прямодушный человѣкъ, чистой нравственности, державшій себя съ народомъ очень любезно, Германикъ считался главою той партіи, которая все еще мечтала о возстановленіи республики. Римскіе патріоты видѣли въ немъ

*) Черезъ нѣсколько времени по смерти Ливіи и Агриппины, Планцина была подвергнута обвиненію въ разныхъ преступленіяхъ и, не надѣясь оправдаться, лишила себя жизни.

опору своихъ надеждъ. Смерть его избавила императора отъ опасеній, потому естественно было подозрѣвать, что Тиберій желалъ ея. Погибель Германика была первымъ случаемъ, при которомъ ясно выказалась подозрительность Тиберія, и негодованіе, возбужденное въ народѣ его очевиднымъ коварствомъ при этомъ дѣлѣ, стало служить мѣриломъ, по которому судили послѣ того о всѣхъ его поступкахъ. Такимъ образомъ сложилось у римлянъ то мнѣніе о Тиберіѣ, которое отражается въ „Лѣтописи“ Тацита. Римляне не вѣрили Тиберію, считали всѣ слова его притворствомъ, всѣ поступки его коварными.

Судьба Агриппины и ея дѣтей.

У Агриппины было трое сыновей; старшему изъ нихъ Нерону было 16 лѣтъ, Друзу пятнадцать, Гаію одиннадцать. На нихъ покоились надежды народа, въ особенносси послѣ того, какъ сынъ Тиберія, Друзъ, заботившійся о сиротахъ съ отцовской нѣжностью, сталъ жертвою своего разврата, коварства Сеяна и безсовѣстности своей жены Ливіи или Ливиллы, сестры Германика. По смерти сына, Тиберій въ засѣданіи сената торжественно поручилъ дѣтей Германика заботѣ сенаторовъ, это было принято за выраженіе намѣренія усыновить ихъ. Радость, возбужденная въ народѣ надеждой на усыновленіе дѣтей Германика Тиберіемъ усилила подозрѣніе императора, и Сеянъ сталъ строить на его боязни замыслы новыхъ злодѣйствъ, запугивалъ Тиберія клеветами на Агриппину и ея дѣтей; когда онъ просилъ у Тиберія позволенія жениться на Ливиллѣ, онъ говорилъ, что бракомъ съ не онъ хочетъ охранить дѣтей Друза отъ вражды Агриппины; Тиберій одной изъ причинъ отказа выставилъ мысль, что этотъ бракъ раздражитъ Агриппину, что ея соперничество съ Ливиллой произведетъ тогда распаденіе императорскаго семейства на двѣ враждебныя партіи; эти слова Тиберія увеличили ненависть Сеяна къ Агриппинѣ. При добросовѣстности и заботливости воспитателей и прислуги нельзя было отравить сыновей Германика; нравственная чистота Агриппины отнимала у Сеяна надежду привлечь ее на свою сторону обольщеніемъ, потому онъ считалъ надобнымъ погубить ее. Вмѣстѣ съ Ливиллой онъ наводилъ страхъ на Тиберія преувеличенными разсказами о честолюбивыхъ замыслахъ Агриппины, говорилъ, что она по своему происхожденію отъ Августа считаетъ себя имѣющей больше правъ на власть, чѣмъ Тиберій, что ея приверженцы многочисленны и отважны. Поддаваясь внушеніямъ Сеяна, Тиберій велѣлъ предать суду по обвиненію въ злоумышленіяхъ многихъ приверженцевъ Германика и его дѣтей; разумѣется, они были признаны виновными и преданы смерти. Той же судьбѣ подверглась Клавдія Пульхра,
26 родственница Агриппины, обвиненная въ умыслѣ отравить императора. Однажды на обѣдѣ у него Агриппина, не дотронувшись до поданныхъ ей фруктовъ, отдала ихъ назадъ слугѣ, опасаясь, что они отравлены. Выка-
20 завъ это подозрѣніе, она смертельно оскорбила Тиберія; онъ съ того времени пересталъ видѣться съ нею и ея сыновьями и отдалъ ее на жертву Сеяну. Когда онъ поселился на Капреѣ, Сеянъ окружилъ Агриппину шпіонами и предателями, которые притворными выраженіями преданности старались завлечь ее и ея дѣтей въ такіе поступки, или, по крайней мѣрѣ, слова, которыя можно было бы толковать въ смыслѣ враждебномъ Тиберію. Клеветы, получаемыя отъ этихъ людей Сеяномъ, служили матеріаломъ для обвиненія приверженцевъ ея въ умыслахъ противъ императора. Первой жертвой новыхъ обвиненій сдѣлался Тицій Сабинъ, человѣкъ знатной фамиліи всадническаго сословія, вѣрный другъ Германика, его вдовы и сыновей. Онъ былъ обвиненъ въ умыслѣ противъ жизни императора, и на новый
28 годъ его повели черезъ толпу народа на смерть. Народъ ужаснулся и негодовалъ; Тиція вели съ закрытымъ лицомъ; онъ громко кричалъ, что Се-

янъ оскверняетъ праздникъ пролитіемъ крови невиннаго. Черезъ два года погибла и Агриппина. Она и ея сыновья были обвинены передъ сенатомъ 30
въ томъ, что хотятъ произвести мятежъ. Сенатъ призналъ ихъ виновными. Она была сослана на отдаленный небольшой островъ; старшій сынъ ея Неронъ былъ сосланъ на другой такой же островъ. Оба они умерли отъ голода: сыну не давали пищи, мать сама перестала принимать ее. Гоненія раздражили ея гордую душу. Когда везли ее въ ссылку, она говорила рѣзко и сопротивлялась; центуріонъ, посланный провожать ее, разсвирѣпѣлъ такъ, что выбилъ у нея глазъ. Въ слѣдующемъ году второй сынъ ея Друзъ, жену котораго, еще очень молодую женщину, Эмилію Лепиду, Сеянъ обольстилъ и склонилъ къ ложнымъ показаніямъ противъ мужа, былъ объявленъ врагомъ отечества и запертъ подъ стражей въ подвалѣ импе- 31
раторскаго дворца. Черезъ два года онъ былъ уморенъ голодомъ. Всѣ друзья Агриппины и ея дѣтей подверглись погибели. Смертоносная подозрительность Тиберія обратилась и противъ Азинія Галла, сына знаменитаго Поллиона. Галлъ женился на Випсаніи, съ которой Тиберій развелся, онъ былъ другъ Агриппины, своимъ прямодушіемъ онъ часто раздражалъ императора. Потому Тиберій издавна ненавидѣлъ его, но очень долго скрывалъ свою злобу. Однажды Галлъ былъ отправленъ сенатомъ въ Капрею съ порученіемъ къ императору. Тиберій пригласилъ его на обѣдъ, отдавъ приказаніе арестовать его, когда онъ пойдетъ изъ дворца. Онъ былъ брошенъ въ темницу и черезъ нѣсколько времени умеръ отъ голода, добровольная ли была эта смерть, или ему не давали пищи, осталось неизвѣстно. „Наконецъ я примирился съ Галломъ“, сказалъ Тиберій, когда ему 33
донесли о смерти ненавистнаго человѣка, и для того, чтобы обезчестить память Агриппины и Галла, онъ выдумалъ клевету, что между ними была любовная связь. Но Агриппина была женщина властолюбивая, мужественная, душа ея была выше любовныхъ интригъ, говоритъ Тацитъ.

c) Развитіе неограниченной власти императора.

При Августѣ всемогущество императора было прикрыто республиканскими формами. Довольствуясь тѣмъ, что на самомъ дѣлѣ вся власть принадлежитъ ему, онъ оставлялъ народу пріятный призракъ верховной власти; выборы сановниковъ въ комиціяхъ производились по формѣ свободно. Народъ собирался на форумѣ или Марсовомъ полѣ и подавалъ голоса,—это нравилось народу, хотя выборы были пустой формальностью. Избираемы были тѣ кандидаты, которыхъ предлагалъ императоръ. Сохраняя старинный обычай не отмѣненнымъ, Августъ не находилъ себѣ въ этомъ никакого стѣсненія: по формѣ онъ не имѣлъ права назначать курульныхъ сановниковъ, но фактически назначалъ ихъ онъ; народъ принималъ всѣ тѣ рѣшенія, какихъ онъ хотѣлъ, и онъ былъ на дѣлѣ неограниченнымъ государемъ. Тиберію не нравилось это неопредѣленное положеніе государственнаго устройства, колебавшееся между монархіею и республикою; человѣкъ надменный, онъ хотѣлъ быть независимъ отъ народа не только на дѣлѣ, но и по формѣ. Онъ хотѣлъ формальнымъ образомъ отнять верховную власть у народнаго собранія, перенести ее на императора.

Но человѣкъ осторожный, мастеръ въ притворствѣ, онъ хотѣлъ сдѣлать это такъ, чтобы дѣло не казалось результатомъ его произвола; прикрываясь популярнымъ именемъ своего предшественника, онъ говорилъ, что поступаетъ по проекту, оставшемуся въ бумагахъ Августа. Это похоже было на то, какъ Антоній выдавалъ свои распоряженія за распоряженія Цезаря. Та тѣнь свободы выборовъ, которая еще оставалась у комицій по трибамъ и по центуріямъ, была передана сенату; это поставило выборы въ болѣе близкую зависимость

Назначеніе курульныхъ сановниковъ.

отъ произвола императора. Консуловъ Тиберій сталъ назначать собственной властью безъ всякаго содѣйствія сената. Изъ кандидатовъ на другія магистратуры онъ выбиралъ тѣхъ, которые нравились ему, и письменно рекомендовалъ ихъ сенату, а тотъ смиренно слѣдовалъ приказанію императора. Нѣкоторыя маловажныя должности нерѣдко оставлялъ онъ на волю самого сената. Избранные сенатомъ являлись въ народное собраніе; герольдъ объявлялъ народу, что они выбраны; народъ выражалъ свое одобреніе крикомъ. Эта пародія выборовъ оставалась до полнаго развитія военной формы деспотизма при Септиміѣ Северѣ. Законодательная власть тоже была все больше отнимаема у народнаго собранія и передаваема комиціямъ куріи, то есть сенату; его рѣшенія (сенатусконсульты) получили силу законовъ, не нуждающихся въ утвержденіи народнымъ собраніемъ; во время республики сенатъ иногда присвоивалъ себѣ такую власть; но это всегда считалось противозаконнымъ, и претензія сената была отмѣ-

Законодательная власть.

няема. Законодательная власть, принадлежавшая сначала сенату и народному собранію вмѣстѣ, потомъ при развитіи демократіи исключительно народному собранію, теперь была навсегда передана сенату, который раболѣпно подчинялся приказаніямъ и предложеніямъ императора. Такимъ образомъ, въ рукахъ государя была соединена теперь вся власть; содѣйствіе сената и народа было пустою формою. Для свободы мнѣній остался одинъ органъ — литература, но и она находилась подъ строгимъ надзоромъ. Въ началѣ правленія Тиберій съ лицемѣрной скромностью сказалъ, что въ свободномъ государствѣ мысль и слово должны быть свободны; но каждый ораторъ, слова котораго не нравились Тиберію, подвергался его немилости, потому скоро всѣ поняли, что либеральныя фразы его—обманъ. Писатели, хвалившіе республику, были преслѣдуемы, книги ихъ запрещались. Современная исторія была искажаема не заслуженными похвалами, какими превозносили Тиберія льстецы. Кремуцій Кордъ, чья «Исторія» была публично сожжена эдилями, прекратилъ свою жизнь, переставъ принимать пищу.

Судебная власть.

При всей неограниченности власти, сосредоточенной въ рукахъ императора, Тиберій находилъ, что она еще не достаточна. Деспотизмъ казался ему не полнымъ, если не будетъ предоставлена ему и судебная власть, такъ чтобъ отъ его воли безусловно зависѣли собствен-

ность, честь и жизнь всѣхъ подданныхъ. Сенатъ годился быть орудіемъ и этого его желанія. Тиберій постановилъ, что бы всѣ важные уголовные процессы производились въ сенатѣ. Сенату была дана исключительная власть судить своихъ членовъ; всѣ обвиненія въ измѣнѣ, въ оскорбленіи величества, всѣ дѣла о злоупотребленіи власти, о насиліи, грабежѣ, взяточничествѣ, подкупѣ, о кровосмѣшеніи, о нарушеніи супружеской вѣрности, многіе другіе разряды уголовныхъ дѣлъ были предоставлены суду сената. Словомъ, всѣ сколько-нибудь важныя уголовныя дѣла были переданы въ исключительное завѣдываніе сената. Въ вѣдомствѣ обыкновенныхъ трибуналовъ, Quaestiones perpetuae, остались только маловажныя уголовныя дѣла. Сенатъ рѣшалъ процессы съ безусловной покорностью волѣ императора. По каждому процессу, въ которомъ были замѣшаны интересы Тиберія, приговоръ сената былъ только исполненіемъ воли его. Раболѣпство сената было обезпечено самымъ его составомъ. Императоръ назначалъ, кого хотѣлъ членомъ сената, исключалъ, кого хотѣлъ, изъ числа сенаторовъ. Возрастъ, надобный для назначенія человѣка членомъ сената, былъ пониженъ до 25 лѣтъ. Благодаря этому, Тиберій имѣлъ возможность наполнить сенатъ молодыми людьми, родившимися уже подъ монархическимъ правленіемъ. Раболѣпство народа, тщеславіе сенаторскихъ фамилій, считавшихъ расширеніе круга занятій сената возвышеніемъ его значенія, честолюбіе аристократіи, искавшей милостей императора, вошедшая въ моду безграничная лесть облегчали Тиберію достиженіе цѣли; онъ посредствомъ сената наложилъ оковы на римскій народъ, сталъ по произволу владычествовать надъ жизнью, имуществомъ и честью каждаго подданнаго, а между тѣмъ, могъ отклонять отъ себя на сенатъ ту ненависть, какую возбуждалъ въ народѣ деспотизмъ. И въ Римѣ, и въ провинціяхъ правители утратили всякую самостоятельность, сдѣлались машинальными исполнителями воли, подчинявшей всѣ части государства одинаковому давленію. Правда, еще оставалось нѣсколько людей, въ которыхъ не совершенно замерла любовь къ свободѣ; нѣкоторые сенаторы отваживались противорѣчить желаніямъ императора, раскрывали ужасную дѣйствительность, которую хотѣлъ онъ прикрыть своей коварной скромностью; но онъ умѣлъ заставлять на вѣки замолчать такихъ людей: каждый, кто отваживался противиться ему, подвергался обвиненію въ оскорбленіи величества; законъ объ оскорбленіи величества былъ довершеніемъ его деспотизма.

d) Процессы по дѣламъ объ оскорбленіи величества.

Законъ объ оскорбленіи величества.

При Цезарѣ и Августѣ уже были распространены на преступленія противъ императора тѣ наказанія, какія были установлены при республикѣ противъ покушеній на безопасность государства и правительственныхъ

сановниковъ; такимъ образомъ всякое преступленіе противъ императора стало преступленіемъ противъ государства или, какъ это называлось у римлянъ, „оскорбленіемъ величества". Въ рукахъ императора была соединена вся правительственная власть, ему была дана трибунская неприкосновенность, потому перенесеніе на особу императора понятія о „величествѣ", принадлежавшемъ власти курульныхъ сановниковъ и сану трибуновъ, было съ формальной стороны дѣло правильное. Уже и въ первые годы монархіи бывали раболѣпныя предложенія упрочить власть императора усиленіемъ наказаній за оскорбленіе величества. Но Августъ отвергалъ эти попытки льстецовъ подслужиться ему. Они предлагали подвести подъ понятіе объ оскорбленіи величества словесныя или письменныя обиды императору; Августъ вообще оставлялъ эти обиды безнаказанными; иначе сталъ поступать подозрительный и жестокій Тиберій. Кругъ дѣйствій, подводимыхъ подъ понятіе объ оскорбленіи величества, постоянно расширялся. При недостаткѣ опредѣленнаго закона о наслѣдствѣ престола, честолюбивые люди императорскаго семейства и вельможи легко могли увлекаться мыслями о полученіи императорской власти; это усиливало подозрительность Тиберія. Натурально было то, что умыслы противъ жизни императора были объявлены преступленіями противъ величества, виновные въ которыхъ подвергаются изгнанію или смерти и конфискаціи имущества; но понятіе объ умыслѣ противъ жизни императора было рапространено на то, когда люди спрашивали прорицателей о продолжительности жизни его, о томъ, кто займетъ мѣсто императора по его смерти; за отвѣты на нихъ люди были подвергаемы тому же наказанію, какъ за умыселъ противъ жизни императора. Подлежало наказанію и оскорбленіе его чести; понятію объ этомъ преступленіи было дано при Тиберіи огромное расширеніе. Всякое порицаніе императору не только на письмѣ, но и въ разговорѣ, было подводимо подъ законъ объ оскорбленіи величества; была подводима подъ него даже непочтительность къ статуямъ императора, къ изображенію его на монетѣ. Кто продалъ статую императора, ставилъ какую-нибудь другую статую выше императорской, былъ виновенъ въ оскорбленіи величества; можно было погибнуть за непочтительность къ перстню, на которомъ вырѣзано изображеніе императора, или къ монетѣ, на которой также находилось его изображеніе.

Доносчики.

Эти законы не оставались бездѣйственной угрозой: мрачная подозрительность Тиберія и безсовѣстность доносчиковъ давали имъ непрерывное примѣненіе къ дѣлу. Римъ наполнился шпіонами и доносчиками (delatores), неусыпно заботившимися подводить людей подъ обвиненія въ оскорбленіи величества. Эти безстыдные клеветники отравляли своими коварствами всю жизнь Рима, уничтожали взаимное довѣріе между людьми, гасили послѣднія искры свободы. Доносы стали выгоднымъ ремесломъ, потому что доносчикъ, чье извѣщеніе было признаваемо по суду основательнымъ, получалъ щедрую награду. Привлекаемые алчностью къ своему низкому занятію, эти люди размножались въ страшной прогрессіи, соразмѣрно тому, какъ росла подозрительность Тиберія. Мужчины и женщины всѣхъ сословій, даже сенаторы, занимались этимъ ремесломъ или открыто или явно. Выраженіе „у стѣнъ есть уши" было тогда страшной правдой. Доносчики пользовались каждой шуткой, каждымъ опрометчивымъ словомъ, вырвавшимся у человѣка въ минуту досады; изъ-за всякой подобной мелочи могъ возникнуть процессъ объ оскорбленіи величества. Доносчики подкупали рабовъ на обвиненіе господъ, отпущенниковъ на обвиненіе патроновъ; не только враги губили враговъ, алчность дѣлала и друга обвинителемъ человѣка, не сомнѣвавшагося въ его преданности. Обвиненіе въ

оскорбленіи величества было вѣрнымъ средствомъ губить тѣхъ приверженцевъ свободы, которыхъ нельзя было подвести подъ смерть никакимъ другимъ путемъ. Судъ по этимъ дѣламъ производился или сенатомъ или непосредственно самимъ императоромъ. Доносъ принимался отъ всякаго, даже отъ человѣка, объявленнаго безчестнымъ по суду за обыкновенныя преступленія. Чтобы рабъ могъ сдѣлаться свидѣтелемъ противъ господина, ему давалась свобода; чтобы вынудить лживое показаніе, подвергали пыткѣ свободныхъ людей, даже римскихъ гражданъ; имущество осужденнаго конфисковалось, дѣти его лишались политическихъ правъ; такимъ образомъ отъ наказанія ему страдало и его семейство. Поразительными чертами разсказываетъ Тацитъ, какъ сенаторъ, вкравшійся въ довѣріе Луція Скрибонія Либона, знатнаго молодого человѣка съ слабымъ характеромъ, вовлекъ его въ мотовство, въ долги, потомъ возбудилъ въ безразсудномъ юношѣ нелѣпыя надежды сдѣлаться императоромъ, по родству съ первою женою Августа, Скрибоніей, уговорилъ его спрашивать о будущемъ у предсказателей и у толкователей сновъ и довелъ дѣло до того, что при помощи доносчиковъ и показаній, вынужденныхъ пыткой у рабовъ, можно было обвинить Скрибонія передъ сенатомъ въ злоумышленіи. Глубокій знатокъ человѣческаго сердца, Тацитъ превосходно разсказываетъ, какъ самъ императоръ коварными словами запутывалъ одураченнаго юношу, какъ несчастный, въ траурной одеждѣ, напрасно просилъ о помилованіи, умолялъ боязливыхъ родныхъ вступиться за него и наконецъ въ отчаяніи лишилъ себя жизни, и послѣ того сенатъ объявилъ его уличеннымъ въ злоумышленіи, лишеннымъ чести; день, въ который былъ разоблаченъ его умыселъ, сенатъ велѣлъ отмѣтить въ календарѣ праздничнымъ днемъ, имущество его было роздано обвинителямъ, а тѣ изъ нихъ, которые были сенаторами, получили въ награду себѣ высокія должности. Судьба Либона была лишь маленькимъ эпизодомъ въ развертываемой передъ нами великимъ историкомъ громадной картинѣ человѣческой низости; но по этому эпизоду можно судить о гнусности пороковъ и злобной безсовѣстности, совершавшей тогда свои оргіи въ павшемъ Римѣ. Послѣ процесса Либона, говоритъ Тацитъ, обвиненія въ преступленіяхъ противъ императора стали язвой, разъѣдающей государство. Всѣ связи родства и дружбы въ аристократіи были прерваны; страхъ производилъ лицемѣріе, нельзя было довѣрять ни друзьямъ, ни роднымъ. Раболѣпство сената, низость и алчность доносчиковъ непрерывно искали новыхъ жертвъ. Усердіе сената и доносчиковъ дошло до того, что самъ Тиберій долженъ былъ временами сдерживать ихъ пылкость, велѣлъ отвергать обвиненія, или давалъ помилованіе осужденнымъ, выставляя на показъ свою кротость. Такъ, напримѣръ, когда Рубрій былъ обвиненъ въ томъ, что, поклявшись именемъ Августа, онъ нанесъ этимъ оскорбленіе памяти его. Тиберій освободилъ обвиненнаго отъ наказанія, замѣтивъ: отмщать за оскорбленія боговъ должно быть заботою ихъ самихъ. Луцій Энній, римскій всадникъ, былъ обвиненъ въ томъ, что расплавилъ серебряную статую императора и употребилъ серебро на другія драгоцѣнныя вещи; императоръ объявилъ его оправданнымъ, наперекоръ возраженію, которымъ обезславилъ себя знаменитый юристъ Атей Капитонъ, требовавшій наказанія обвиненному. Перенесеніе святости особы монарха на его изображенія повело къ тому, что простолюдины, отпущенники, рабы, держа въ закрытой рукѣ статуэтку императора или монету съ его изображеніемъ, ругали богатыхъ или знатныхъ людей, грозили имъ; храмы и жертвенники императора стали вертепами злодѣевъ, пользовавшихся неприкосновенностью въ нихъ. Тиберій принужденъ былъ издать особые законы, чтобы прекратить эти злоупотребленія, понятіемъ о святости императора уничтожить безнаказан-

Скрибоній Либонъ.

ность преступленій подъ защитой его храмовъ. Но черезъ нѣсколько лѣтъ законы объ оскорбленіи величества стали для него орудіемъ преслѣдованій въ размѣрѣ, шире прежняго.

е) Тиберій на Капреѣ. Владычество Сеяна и смерть его.

23. По смерти Друза, говоритъ Тацитъ, судьба стала мучить государство, пользовавшееся до того времени спокойствіемъ. Тиберій злодѣйствовалъ самъ, или давалъ другимъ власть злодѣйствовать. Коварства Сеяна и его агентовъ постоянно увеличивали число процессовъ объ оскорбленіи величества; казни, ссылки, конфискаціи становились все многочисленнѣе, и тираннія въ Римѣ получила ужаснѣйшее развитіе, когда императоръ че-
24. резъ три года по смерти Друза уѣхалъ изъ столицы и поселился сначала въ Кампаніи, потомъ на островѣ Капреѣ. Онъ презиралъ людей, и ему было тяжело въ ихъ обществѣ. Кромѣ того, онъ желалъ уклониться отъ непосредственныхъ сношеній съ матерью: властолюбивая Ливія Августа хотѣла господствовать и очень стѣсняла сына. Онъ говорилъ, что ищетъ возможности спокойно жить въ кругу немногихъ приближенныхъ, бесѣдовать съ поэтами и учеными, заниматься литературой. Важнѣе этого было желаніе предаваться разврату вдали отъ общества, передъ которымъ онъ старался скрывать свои пороки; молва прибавляла, что онъ хочетъ скрывать отъ взглядовъ народа свое лицо, обезображенное развратомъ.

Владычество Сеяна.

По переселеніи Тиберія на Капрею всѣ дѣла шли черезъ руки Сеяна. Временами онъ отправлялся по приказанію императора въ Римъ, распоряжался администраціею при помощи сената и правительственныхъ сановниковъ, рѣшалъ процессы; временами жилъ въ мѣстечкѣ на берегу Кампаніи противъ Капреи, давалъ аудіэнціи пріѣзжавшимъ туда толпами сенаторамъ и всадникамъ, испрашивалъ имъ позволеніе явиться къ императору. Римская аристократія глубоко презирала высокомѣрнаго этруска, но скрывала это и выказывала величайшее уваженіе къ нему. Римскіе вельможи проводили дни и ночи на берегу Кампаніи, заискивая благосклонности привратника Сеяна, получая обиды отъ него; они съ нетерпѣніемъ ждали счастливой минуты, когда всемогущій любимецъ императора удостоитъ ихъ ласковаго слова или взгляда; не добившіеся этой высокой милости ѣхали въ Римъ съ трепетомъ. Судьба каждаго римлянина и въ особенности каждаго знатнаго человѣка была во власти Сеяна: его вражда могла погубить, онъ имѣлъ полномочіе награждать, а благосклонность его пріобрѣталась только низкой лестью и участіемъ въ его гнусныхъ дѣлахъ. Пока жива была Ливія, сдѣлавшаяся въ старости мягче прежняго и своимъ могущественнымъ заступничествомъ спасавшая мно-
29. гихъ преслѣдуемыхъ, Тиберій еще сдерживался, боясь матери. Но когда она умерла, доживъ до 82 или 86 лѣтъ, онъ вполнѣ отдался своей подозрительности и хитростямъ Сеяна. Деспотизмъ достигъ теперь полнаго развитія. Каждое засѣданіе сената кончалось смертными приговорами. Весь Римъ трепеталъ; всѣ сословія раболѣпно преклонялись передъ всемогущимъ фаворитомъ; соперничали между собою въ оказываніи почестей ему, чтобы низкой лестью отклонить отъ себя погибель; приносили жертвы на алтаряхъ Тиберія и Сеяна, клялись ихъ именами, когда давали важныя обѣщанія. Повсюду были изображенія Сеяна подлѣ изображеній императора. Кругъ приближенныхъ императора былъ составленъ изъ усердныхъ Сеяновыхъ прислужниковъ. При ихъ помощи фаворитъ наполнялъ легковѣрную и подозрительную душу своего повелителя ужасными фантомами злоумышленій противъ него и получалъ приказанія убивать людей,

смертью которыхъ хотѣлъ расчистить себѣ путь къ престолу. Мы видѣли, что онъ погубилъ жену и сыновей Германика. Повелѣвая сенатомъ и преторіанскимъ станомъ, онъ считалъ достижимымъ для себя все. У его дверей была такая толпа, всѣ сословія выражали такую преданность ему, что казалось, будто государь Рима онъ, а Тиберій государь только на Капреѣ.

Смерть Сеяна.

Могущество Сеяна и всеобщее поклоненіе ему возбудили наконецъ опасеніе въ императорѣ. Тиберій рѣшилъ убить его, но долженъ былъ поступать очень осторожно, потому что далъ ему пріобрѣсти слишкомъ большую силу. Подготовкою къ серьезнымъ дѣйствіямъ противъ Сеяна послужили приказанія, воспрещавшія воздавать ему чрезмѣрныя почести; съ тѣмъ вмѣстѣ Тиберій принялъ нѣкоторыя мѣры, ограничивавшія его власть. Сеянъ скоро замѣтилъ, что благосклонность императора къ нему уменьшилась; увѣренный, что Тиберій хочетъ убить его, онъ, кажется, сталъ дѣйствовать отчаянно; спасти себя онъ могъ только, погубивъ императора; говорятъ, что онъ устроивалъ заговоръ противъ Тиберія. Подробности этого плана неизвѣстны; а то обстоятельство, что императоръ узналъ о замыслѣ Сеяна отъ Антоніи, матери Германика, можетъ возбуждать сомнѣніе въ истинѣ обвиненія. Но положеніе дѣлъ было таково, что сомнѣваться въ существованіи заговора трудно. Свидѣтельство римскихъ историковъ окончательно разсѣеваетъ сомнѣніе. Тиберій велъ дѣло съ обыкновеннымъ своимъ притворствомъ. Онъ подавалъ Сеяну надежду на новыя почести, опровергалъ этимъ его опасенія и молву о своемъ намѣреніи низвергнуть его, а между тѣмъ опутывалъ его коварными распоряженіями. Серторій Макронъ, получившій по секрету назначеніе стать вмѣсто Сеяна начальникомъ преторіанцевъ, склонилъ ихъ на свою сторону обѣщаніемъ наградъ отъ императора и потомъ прочелъ сенату императорское письмо, въ концѣ котораго находилось приказаніе арестовать Сеяна, который находился въ этомъ засѣданіи сената, ожидалъ себѣ новыхъ почестей и былъ изумленъ, услышавъ о своемъ паденіи. Его арестовали; повели въ темницу при радостныхъ крикахъ народа; понимая, чего желаетъ императоръ, его убили въ тотъ же день. Тѣло его было выброшено на лѣстницу темницы и отдано на поруганіе народу. Светоній говоритъ, что по горамъ отъ Рима до Капреи были заготовлены костры, зажженіемъ которыхъ былъ сообщенъ съ горы на гору до Капреи сигналъ, увѣдомившій императора объ исполненіи его приказа, и что послѣ того Тиберій провелъ девять мѣсяцевъ безвыходно въ своемъ дворцѣ. Въ Римѣ нѣсколько дней длилось буйство радости и мщенія. Статуи Сеяна были низвергнуты, народъ преслѣдовалъ его приверженцевъ, разграбилъ и сжегъ много домовъ. Старшій сынъ Сеяна былъ убитъ народомъ, другой сынъ и дочь, молодая дѣвушка, были удавлены въ темницѣ и тѣла ихъ тоже выброшены на ступени ея лѣстницы. Мать погибшихъ дѣтей, Апиката, лишила себя жизни, написавъ императору письмо, въ которомъ сообщала ему, что сынъ его былъ отравленъ Сеяномъ и Ливиллой. Въ бѣшенствѣ Тиберій велѣлъ казнить Ливиллу и предать проклятію память ея.

Свирѣпости Тиберія.

По смерти Сеяна начались свирѣпости въ такомъ размѣрѣ, какъ не было и при немъ. Доносчики и судьи не знали себѣ отдыха; каждый, кто былъ близокъ съ погибшимъ фаворитомъ или получалъ милости отъ него, считался соучастникомъ его преступленія и подвергался смерти. Произнесеніе смертныхъ приговоровъ надолго стало почти исключительнымъ занятіемъ сената. Важнѣйшіе обвинители и важнѣйшіе обвиняемые были члены сената, такимъ образомъ сенаторы имѣли главнымъ своимъ дѣломъ истреблять другъ друга. Темницы наполнились

людьми всякаго возраста, много было между ними и женщинъ. Если жена плакала о смерти мужа, это ставилось ей въ преступленіе. Свирѣпая подозрительность Тиберія требовала все новыхъ и новыхъ жертвъ. Черезъ два года по смерти Сеяна всѣ тѣ изъ арестованныхъ по обвиненію въ соучастіи съ нимъ, которые еще не были казнены, были убиты за одинъ разъ, и тѣла ихъ выброшены на ступени темницы. У лѣстницы была поставлена стража, не подпускавшая друзей и родныхъ подойдти къ убитымъ, чтобы хоть взглянуть на нихъ. Тѣла лежали тутъ столько времени, что стали разлагаться. Тогда ихъ бросили въ Тибръ; теченіе рѣки выносило ихъ на берегъ; они оставались на берегу, никто не смѣлъ похоронить ихъ. Ужасъ оковывалъ всѣхъ, заглушалъ всякое чувство человѣчности. Но отъ Тиберія бѣжало спокойствіе, которое думалъ онъ пріобрѣсти себѣ убійствами. Тацитъ приводитъ его письмо къ сенату, показывающее, какъ мучился душею свирѣпый деспотъ: въ этомъ письмѣ вылилось его тоскливое отчаяніе. Онъ продолжалъ свирѣпыя убійства, какъ будто хотѣлъ новыми злодѣйствами разогнать тѣни убитыхъ, нарушавшія его спокойствіе. Второй сынъ Германика, Друзъ, три года сидѣвшій въ темницѣ императорскаго дворца, былъ уморенъ голодомъ; онъ девять дней глодалъ подстилку своего ложа. Тиберій до такой степени забылъ свою прежнюю сдержанность, что велѣлъ прочесть въ сенатѣ дневникъ, который велъ приставленный къ Друзу тюремщикъ и въ который были внесены проклятія умирающаго; сенаторы ужасались, слушая. Тиберій будто давалъ имъ самимъ присутствовать въ темницѣ и видѣть его внука, котораго бьетъ плетью центуріонъ, бьютъ рабы, и который подъ ударами ихъ умоляетъ, чтобъ дали ему поѣсть. Эти сцены гнусныхъ жестокостей до такой степени заглушили въ сенаторахъ чувство приличія, что когда сенату было сообщено о смерти Агриппины, переставшей принимать пищу, то сенатъ постановилъ благодарить императора за милосердіе, какое онъ выказалъ относительно этой преступницы, давъ ей умереть добровольною смертью вмѣсто того, чтобы велѣть удавить ее. Тѣло Агриппины тоже было выброшено на ступени темницы. Въ память о милосердіи императора къ ней, сенатъ постановилъ совершать ежегодно въ день ея смерти (18 октября) благодарственное жертвоприношеніе. Тиберій въ послѣдніе годы своего правленія предавался необузданной свирѣпости по озлобленію на то, что оказался измѣнникомъ его любимецъ; но много помогало развитію его жестокости раболѣпство сенаторовъ и всадниковъ, обвинявшихъ и губившихъ другъ друга, тогда какъ новый преторіанскій префектъ Макронъ не уступалъ жестокостью своему предмѣстнику. Все многочисленнѣй и мрачнѣй становятся у Тацита картины процессовъ по обвиненіямъ знатныхъ людей въ оскорбленіи величества, сцены ихъ казней или самоубійствъ. Даже многіе изъ доносчиковъ, которые наводили ужасъ на всѣхъ, были послѣ долгаго ряда злодѣйствъ низвергнуты въ ту бездну, куда низвергали другихъ. Погибла и Эмилія Лепида, невѣрная жена несчастнаго мужа, любовница Сеяна; уличенная въ томъ, что имѣла любовную связь съ рабомъ, она лишила себя жизни. Законъ объ оскорбленіи величества, по которому совершались убійства, былъ расширяемъ все новыми прибавленіями, свирѣпость которыхъ доведена была до того, что носить трауръ по убитыхъ было объявлено преступленіемъ, подлежащимъ смертной казни. Старикъ Луцій Аррунцій перерѣзалъ себѣ артеріи, „чтобы не видѣть настоящихъ и будущихъ ужасовъ". Юристъ Кокцей Нерва, долго бывшій другомъ Тиберія, уморилъ себя голодомъ, чтобы не дожить до казни, которая отниметъ у него честные похороны. Лишь немногіе изъ людей высокаго положенія въ обществѣ, какъ напримѣръ Луцій Эмилій Павелъ, происходившій изъ фамиліи

Сципіоновъ, и Луцій Пизонъ, верховный первосвященникъ и префектъ города Рима, умѣли держать себя такъ осторожно, что избѣжали всѣхъ опасностей и умерли спокойною смертью въ старости; и лишь немногіе сохранили свою душу чистой отъ преступленій. Большая часть погибшихъ сами подготовили себѣ смерть интригами, которыми губили другихъ.

Сужденія о Тиберіѣ.

До недавняго времени приговоръ историковъ о Тиберіи былъ очень не благопріятенъ. Не отрицали того, что онъ выказалъ себя хорошимъ полководцемъ, искуснымъ правителемъ, былъ человѣкъ очень умный, хорошій ораторъ, что долго онъ сохранялъ безукоризненную нравственность среди порочнаго общества; что, сдѣлавшись императоромъ, онъ старался ввести въ администрацію порядокъ, въ судопроизводство справедливость, охранялъ спокойствіе въ провинціяхъ, старался защитить ихъ отъ угнетенія; но эти хорошія стороны его жизни и царствованія не могли ослабить строгаго приговора, произнесеннаго надъ нимъ общественнымъ мнѣніемъ и исторіею. Автора этой книги упрекали за то, что онъ въ первомъ изданіи ея рѣзко повторилъ то сужденіе о Тиберіѣ, какое находится у Тацита и другихъ древнихъ историковъ; это сужденіе называли пристрастнымъ, не справедливымъ; автора порицали за то, что онъ не обратилъ достаточнаго вниманія на благопріятные Тиберію голоса многихъ изъ новѣйшихъ историковъ, напримѣръ Меривеля, Сиверса, Штара, что онъ изобразилъ деспотомъ и злодѣемъ государя, котораго эти историки называютъ великимъ правителемъ. Я не такъ упрямъ, чтобы не желать исправлять свои ошибки и полагаю, что оговорки, сдѣланныя мною въ этомъ изданіи, доказываютъ это. Но характеръ Тиберія имѣлъ столько мрачныхъ сторонъ, былъ такъ далекъ отъ гуманности и отъ царской любезности, что понятно дурное мнѣніе римлянъ о немъ. Привѣтливость, которая была такъ привлекательна въ Августѣ и доставила ему такую любовь народа, была совершенно чужда мрачному его преемнику. Въ управленіи дѣлами, которымъ онъ занимался усердно и добросовѣстно, было что-то тяжелое педантичное. Въ этомъ согласенъ и Меривель, и самъ замѣчаетъ, что „педантъ на престолѣ легко становится тиранномъ". Говорятъ, что главными источниками для Тацита служили историческія сочиненія и мемуары людей, принадлежащихъ къ приверженцамъ стараго порядка и членовъ и приверженцевъ законной линіи наслѣдниковъ престола, Германика и Агриппины; говорятъ, что эти источники были пристрастны, односторонни, какъ всегда бываетъ во времена борьбы партій, расходящихся въ основныхъ политическихъ понятіяхъ. Пусть такъ. Политическая система Тиберія, его очевидное стремленіе дать прочный монархическій характеръ принципату Августа, прикрывавшемуся республиканскими формами, сосредоточить всѣ дѣла государства въ непосредственномъ завѣдываніи императора, уничтожить права народа, — эта враждебная всякому призраку свободы политика Тиберія должна была раздражить противъ основателя монархическаго абсолютизма приверженцевъ римской старины, республиканскую аристократію, среднее сословіе и вообще гражданъ, вѣрныхъ преданіямъ, гордившихся почестями своихъ предковъ. Имена Брута и Кассія еще не были забыты; политическіе принципы Катона еще оставались неоспоримымъ нравственнымъ закономъ во мнѣніи римскихъ республиканцевъ и вельможъ, державшихся стоической философіи; въ народномъ чувствѣ римлянъ еще жила наслѣдованная отъ предковъ ненависть къ царской власти, которую считали они тираніей, деспотизмомъ. Такова и дѣйствительно была абсолютная власть мо-

нарха, установить которую стремился Тиберій. Онъ устранялъ отъ дѣлъ старинную аристократію, раздавалъ правительственныя должности и почести людямъ низкаго происхожденія и посредственныхъ способностей, для которыхъ высшимъ закономъ была воля императора. При всѣхъ своихъ недостаткахъ, старинная аристократія была представительницею славы римскаго имени. Она съ негодованіемъ увидѣла, что абсолютизмъ Тиберія покровительствуетъ раболѣпству, развиваетъ въ римскомъ народѣ низкія чувства; упроченіе абсолютизма казалось ей паденіемъ римской народности. Этотъ образъ мысли составляетъ, какъ мы увидимъ, основу историческихъ сужденій Тацита. Люди, державшіеся этихъ политическихъ убѣжденій, считали своими опорами Германика и Агриппину. Потому въ кругу аристократовъ и республиканцевъ сложилось мнѣніе, дѣлавшее Тиберія типомъ коварства, олицетвореніемъ подозрительности, злости, воплощеніемъ всего ненавистнаго. Но сама природа создала Тиберія такимъ, что въ немъ было сходство съ этимъ типомъ. Пусть говорятъ, что его управленіе имѣло много хорошихъ сторонъ, что провинціальная и общая государственная администрація была при немъ лучше прежней, что онъ заботился о правосудіи, о развитіи благосостоянія, покровительствовалъ религіи, нравственности; онъ не могъ заслужить любви, его характеръ былъ мраченъ, политика его была ненавистна; онъ презиралъ людей и считался лицемѣромъ, коварнымъ интриганомъ; его политическая система была въ глазахъ приверженцевъ старины гнусна и гибельна, да и невозможно было любить государя, который много лѣтъ имѣлъ своимъ любимцемъ безсовѣстнаго злодѣя Сеяна, не хотѣлъ замѣчать его преступленій и свирѣпостей, одобрялъ всѣ поступки этого негодяя, какъ будто не понималъ, каковъ онъ. Тиберій, знатокъ человѣческаго сердца, зорко видѣвшій всѣ слабости и дурныя мысли людей, не могъ не понимать, что такое Сеянъ. Могущество, предоставленное имъ Сеяну, было первымъ примѣромъ постыднаго владычества императорскихъ фаворитовъ. Человѣкъ умный и проницательный, Тиберій терпѣлъ всѣ злодѣйства Сеяна, а это служило доказательствомъ, что фаворитъ дѣйствуетъ сообразно желанію своего повелителя. Такимъ образомъ составилось о Тиберіѣ то мнѣніе, которому слѣдовалъ Тацитъ, выставляющій въ сомнительномъ свѣтѣ хорошія стороны его правленія, приписывающій старику такіе пороки, какимъ обыкновенно предаются только молодые люди.—Характеризуя Тиберія, авторъ одинаково обращалъ вниманіе и на хорошія и на дурныя качества его. Какъ правитель, онъ сдѣлалъ много важнаго, усердно исполнялъ обязанности своего сана; какъ человѣкъ, онъ никогда не могъ пріобрѣсти ни любви, ни довѣрія къ себѣ. Самъ онъ мучился душой и мучилъ другихъ. Судьба была сурова къ нему, и онъ распространялъ кругомъ себя страданія. Нынѣшніе апологеты усердно стараются смыть съ памяти Тиберія гнусныя пятна, вотъ уже почти 2000 лѣтъ лежащія на ней; но сколько бы ни старались они, исторія не причислитъ его къ добрымъ и мудрымъ государямъ, которыхъ прославляетъ какъ благодѣтелей человѣчества, представителей великихъ государственныхъ идей, вѣрныхъ исполнителей обязанностей своего сана. Апологеты сравниваютъ его съ Фридрихомъ II прусскимъ; гораздо больше у него сходства съ Филиппомъ II испанскимъ.

B. Гай Цезарь (Калигула)

Калигула 37—41 (790—794 отъ основанія Рима)

Гай Цезарь, обыкновенно называемый Калигулою, по имени, которое въ шутку дали германскіе легіоны ему, ребенку, обуваемому для

угожденія имъ въ маленькіе военные сапожки, caligulae, выказалъ въ свое недолгое правленіе всѣ гнусные пороки и пошлости въ такомъ размѣрѣ, что для объясненія этой совершенно лишенной разума и нравственнаго чувства жизни составлено было предположеніе о помѣшательствѣ его; и дѣйствительно, пересматривая безсвязные разсказы о его правительственныхъ поступкахъ, находящіеся въ «Біографіяхъ императоровъ» Светонія и въ «Римской исторіи» Кассія Діона, приходится думать, что онъ былъ сумасшедшій; иначе надобно считать его чудовищемъ. Онъ былъ подверженъ припадкамъ падучей болѣзни, нервы его были разстроены; потому можно предполагать, что и въ самомъ дѣлѣ онъ былъ помѣшанный. Но, вникая глубже въ его поступки, мы видимъ, что его сумасбродство было методическое. Великій знатокъ человѣческаго сердца, Тацитъ, вѣроятно, могъ найдти связь и порядокъ въ дѣйствіяхъ этого сумасшедшаго. Но тѣ книги «Лѣтописи», въ которыхъ онъ разсказывалъ царствованіе Калигулы, не дошли до насъ. Извѣстія, какія мы имѣемъ о его правленіи скудны, но и по нимъ видно, что у Калигулы среди безумствъ бывали проблески ума. По его правленію проходитъ непрерывной чертой насмѣшливое презрѣніе къ людямъ.

По ненависти къ мрачному Тиберію, Римъ съ безпредѣльнымъ восторгомъ привѣтствовалъ новаго повелителя. Похоронная процессія умершаго императора была тріумфальнымъ шествіемъ новаго государя. Сынъ Германика, воспитанникъ войска, вступалъ въ ликующій Римъ между рядами пылающихъ факеловъ и дымящихся куреніями жертвенниковъ. И по всему государству, какъ въ Римѣ, совершались радостные праздники благодаренія богамъ. Народъ ожидалъ, что сынъ исполнитъ то, чего не могъ сдѣлать отецъ. Калигула понималъ, что для него чрезвычайно выгоденъ рѣзкій констрастъ между нимъ и Тиберіемъ, потому въ первые мѣсяцы своего правленія онъ поступалъ совершенно не такъ, какъ этотъ братъ его дѣда. Тиберій съ жестокой подозрительностью губилъ своихъ родныхъ; Калигула объявилъ, что будетъ съ отцовской любовью заботиться о несовершеннолѣтнемъ Тиберіѣ, внукѣ умершаго императора, хотя завѣщаніе дѣда, назначавшее этого внука соправителемъ Калигулы, было отвергнуто сенатомъ и народомъ. Калигула велѣлъ перевезти въ Римъ и поставить въ императорской фамильной гробницѣ урны съ прахомъ Агриппины и Нерона, далъ своей бабушкѣ Антоніи титулъ Августы; осыпалъ почестями своихъ развратныхъ сестеръ Друзиллу, Агриппину Юлію Ливиллу и своего дядю Клавдія. Главнымъ стремленіемъ Тиберія было сосредоточить всю власть въ рукахъ императора и сената; Калигула возвратилъ комиціямъ право избирать курульныхъ сановниковъ, а этимъ сановникамъ—должностную власть ихъ; отмѣнилъ законъ объ оскорбленіи величества, прекратилъ процессы, начатые на основаніи его, возвратилъ изгнанныхъ, освободилъ нахо-

дившихся въ темницахъ, отмѣнилъ запрещеніе, которому были подвергнуты книги историковъ, преданныхъ дѣлу свободы, Тита Лабіэна, Кремуція Корда, Кассія Севера. Тиберій не дѣлалъ никакихъ безполезныхъ для государства издержекъ, ограничилъ расходы на народныя развлеченія; новый императоръ тратилъ деньги съ безграничной расточительностью. Онъ далъ денежныя награды (донативы) всѣмъ воинамъ, находившимся въ Римѣ и его окрестностяхъ, угощалъ населеніе города Рима и раздавалъ подарки ему, устроивалъ народныя развлеченія въ такомъ размѣрѣ, что еще не было видано ничего подобнаго: нескончаемымъ рядомъ шли драмы, пантомимы, гладіаторскіе бои, битвы съ хищными звѣрями, скачки на колесницахъ въ циркахъ. Все это дѣлалось съ неимовѣрнымъ великолѣпіемъ; зрѣлища устроивались въ циркѣ даже по ночамъ при яркомъ освѣщеніи, придававшемъ новый блескъ играмъ, гладіаторскимъ боямъ, спектаклямъ и театральнымъ процессіямъ; Римъ веселился въ колосальномъ размѣрѣ, и устроитель праздниковъ наслаждался самъ больше всѣхъ. Его расточительность на игры, его обжорство и развратъ не имѣли границъ; онъ восхищался, предаваясь грязнымъ порокамъ. Неудивительно было, что, менѣе чѣмъ въ годъ, былъ растраченъ весь запасъ денегъ въ казнѣ, собранный Тиберіемъ и простиравшійся до громадной суммы (болѣе 120 милліоновъ рублей на наши деньги); а самъ Калигула отъ чрезмѣрныхъ чувственныхъ наслажденій впалъ въ тяжкую болѣзнь, окончательно разстроившую и его хилое тѣло и его разсудокъ, испорченный дурнымъ воспитаньемъ и ослабленный раннимъ развратомъ. Римъ былъ до того очарованъ оргіями, какія получалъ отъ него, что толпы народа стояли по цѣлымъ ночамъ кругомъ дворца, рыдали, тоскливо спрашивали извѣстій о состояніи больнаго; одинъ изъ гражданъ обѣщалъ богамъ свою жизнь въ жертву за спасеніе императора, другой гражданинъ, имѣвшій санъ всадника, далъ обѣтъ участвовать въ гладіаторскомъ боѣ, если выздоровѣетъ императоръ. И когда разнеслась вѣсть о его выздоровленіи, по всему государству были торжествуемы радостные праздники.

38. Послѣ болѣзни произошла явная перемѣна къ худшему въ поступкахъ Калигулы; причиною того было отчасти физическое и умственное разстройство его, но гораздо сильнѣе дѣйствовала другая причина: запасы денегъ въ казнѣ были истощены, и если онъ не хотѣлъ отказаться отъ мотовства на праздники и на развратъ, то долженъ былъ добывать деньги всяческими способами. Потому были возобновлены процессы по обвиненіямъ въ оскорбленіи величества, чтобы убивать или ссылать въ изгнаніе богатыхъ людей и конфисковать ихъ имущество. Процессы по этимъ дѣламъ при Тиберіѣ, какъ ни были ужасны и гнусны, были невинною игрой сравнительно съ тѣмъ, что стало дѣлаться теперь. Предавшись тиранніи, Калигула сталъ недовѣрчивъ и труслив; ему воображалось, что онъ окруженъ врагами, заговорщиками. Внукъ прежняго императора Тиберій, котораго онъ объявилъ своимъ пріемнымъ братомъ, сталъ казаться ему опаснымъ соперникомъ и былъ убитъ подосланнымъ отъ Калигулы военнымъ трибуномъ. Съ безчеловѣчной ироніею онъ принудилъ исполнить обѣщанія тѣхъ гражданъ, которые во время его болѣзни говорили — одинъ, что убьетъ себя, другой, что выступитъ на гладіаторскій бой, если императоръ выздоровѣетъ. Онъ принудилъ къ самоубійству своего тестя Силана, совѣтовавшаго ему быть разсудительнѣе. За то же самое онъ принудилъ къ самоубійству преторіанскаго префекта Макрона, которому былъ обязанъ полученіемъ власти, и его жену Эннію, съ которой прежде жилъ въ любовной связи; а по ихъ смерти онъ велѣлъ убить ихъ дѣтей. Всѣ права, возвращенныя народу и курульнымъ сановникамъ въ предыдущемъ году, онъ отмѣнилъ; за всякое возраженіе въ сенатѣ онъ наказывалъ, какъ за мятежъ противъ императорской власти. Понятію объ императорѣ онъ далъ совершенно божественный характеръ, возвелъ себя въ санъ бога, заставилъ сенатъ и народъ строить храмы и приносить жертвы ему. Любитель театральныхъ процессій, онъ сталъ являться народу то Юпитеромъ съ громовыми стрѣлами въ рукѣ, то Геркулесомъ съ львиной шкурой на плечахъ и булавой, то Нептуномъ съ трезубцемъ, то Аполлономъ съ китарой. У знаменитыхъ статуй боговъ головы были замѣняемы его головой и превращались въ изображенія новаго бога— императора. Онъ велѣлъ, какъ мы увидимъ, поставить свою статую даже въ іерусалимскомъ храмѣ. Сдѣлавшись богомъ, онъ, какъ слѣдуетъ всемогущему богу, сталъ выше всѣхъ законовъ. Онъ постановилъ, что онъ источникъ всякаго закона и потому имѣетъ право давать всякому дѣлу такое рѣшеніе, какое хочетъ. Его любовь къ великолѣпнымъ спектаклямъ, процессіямъ, играмъ росла до размѣровъ все болѣе и болѣе безумныхъ. Какой бы случай ни произошелъ, онъ бралъ его предлогомъ для праздника. Когда внезапно умерла его сестра Друзилла, которую мужъ ея Маркъ Лепидъ уступилъ ему и на которой онъ женился, онъ велѣлъ ежегодно праздновать играми день ея рожденія, причислить ее къ богинямъ и воздавать божескія почести ея золотой статуѣ. Когда былъ конченъ большой водопроводъ, который шелъ высокими аркадами изъ горъ въ Римъ и доставлялъ городу родниковую воду, распредѣлявшуюся изъ него множествомъ каналовъ и трубъ по рыбнымъ прудамъ, банямъ, садамъ и домамъ, онъ отпраздновалъ великолѣпными торжествами открытіе этого единственнаго разсудительнаго своего сооруженія. Праздники, еще болѣе великолѣпные, были даны по поводу другого сооруженія, совершенно безумнаго: онъ построилъ мостъ отъ Бауловъ до Путеолъ черезъ заливъ; это разстояніе составляло 3,600 римскихъ шаговъ (болѣе пяти верстъ); по мосту была проведена шоссейная дорога, по-

добная Аппіевой; по сторонамъ были построены гостинницы и разныя другія мѣста для отдыха; окончаніе этой постройки было отпраздновано торжествами, превосходившими великолѣпіемъ всѣ прежнія: тутъ были и военныя игры и тріумфальныя процессіи, все это — въ колосальномъ размѣрѣ; въ день открытія дороги онъ съ отрядомъ роскошно одѣтыхъ воиновъ проѣхалъ по ней; онъ ѣхалъ впереди всѣхъ; на немъ былъ панцырь, о которомъ говорили, будто бы его носилъ Александръ; поверхъ панцыря была наброшена шелковая пурпурная мантія, вышитая золотомъ. Калигула хвалился, что онъ этимъ своимъ дѣломъ затмилъ сооруженія Дарія и Ксеркса. Даже римской черни или наскучили, или опротивѣли ежедневные праздники съ безчеловѣчными боями гладіаторовъ и свирѣпыми травлями звѣрей; число сходившихся смотрѣть на эти зрѣлища уменьшилось. Раздраженный холодностью римлянъ къ нимъ Калигула воскликнулъ, что «желалъ бы, чтобы весь римскій народъ имѣлъ одну шею, тогда можно было бъ убить весь его однимъ ударомъ сѣкиры». Онъ вообще употреблялъ грубыя ругательства и проклятія, потому что принадлежалъ по степени своей образованности къ римской черни. Онъ велѣлъ всадникамъ и сенаторамъ участвовать въ гладіаторскихъ бояхъ. Однажды, когда бросали преступниковъ на растерзаніе звѣрямъ число преступниковъ оказалось меньше, чѣмъ было нужно. Онъ велѣлъ схватить изъ толпы зрителей сколько было надобно для пополненія числа и бросить ихъ звѣрямъ.

39. Никакихъ сокровищъ не доставало на безграничную расточительность Калигулы, потому надобно было придумывать все новые и новые способы грабежа. Когда оскудѣла возможность добывать много денегъ конфискаціями, Калигула велѣлъ финансовымъ правителямъ отбирать въ его фискъ часть состоянія вообще всѣхъ очень богатыхъ людей, чтобъ уменьшилось неравенство состояній. Онъ требовалъ, чтобы въ каждомъ завѣщаніи часть имущества была предоставляема ему. Когда истощились доходы съ Рима и съ Италіи, онъ перенесъ свою резиденцію въ богатую Галлію и тамъ, окруженный фокусниками, гладіаторами, уличными женщинами, довелъ фантазіи своего тиранства до дикой, дурацкой нелѣпости. Въ Лугдунѣ онъ устроилъ публичный аукціонъ, на которомъ продавались посуда, уборы прежнихъ императоровъ, разныя вещи изъ добычи, оставленныя ими у себя, и принуждалъ зрителей покупать. Деньги онъ употребилъ на праздники и на подарки воинамъ. Безстыдныя женщины помогали развитію пошлости его разврата. Говорятъ, что Милонія Цезонія совершенно разстроила его разсудокъ любовнымъ напиткомъ, который поднесла ему. Въ кругу его приближенныхъ возникъ заговоръ, и это послужило ему желаннымъ поводомъ къ новымъ убійствамъ. Двухъ своихъ сестеръ, бывшихъ и любовницами его, онъ сослалъ въ изгнаніе; первый мужъ умершей сестры Друзиллы, Лепидъ, былъ

убитъ; сенатъ утратилъ послѣдній остатокъ чести раболѣпными выраженіями радости по поводу спасенія его жизни. Чтобы затмить славу Цезаря, онъ отправился походомъ противъ британцевъ. Когда онъ пришелъ на галльскій берегъ, сынъ одного изъ британскихъ царей, прогнанный своимъ отцомъ, явился съ нѣсколькими спутниками въ его станъ и просилъ его защиты. Этого было достаточно сопернику Цезаря, чтобы послать сенату извѣщеніе, что Британія покорилась. Послѣ того, онъ велѣлъ воинамъ легіоновъ собирать на берегу раковины, набирать ихъ полные шлемы, набирать ихъ за пазуху, потому что это добыча, которую они отнимаютъ у океана; воины роптали, онъ успокоилъ ихъ подарками. Чтобы добыть предлогъ для блестящаго тріумфа, онъ послалъ отряды по берегамъ Рейна, набралъ галловъ высокаго роста и плѣнныхъ германцевъ, которые должны были фигурировать въ процессіи его тріумфальнаго въѣзда въ Римъ. Галламъ онъ велѣлъ отпускать волоса и красить ихъ въ рыжій цвѣтъ, чтобы быть похожими на германцевъ. Невольно является мысль, что это была насмѣшка надъ Римомъ.

Покрытый позоромъ, Калигула въ день своего рожденія въѣхалъ 40.
тріумфальной процессіей въ Римъ возобновить тамъ свои гнусности и свирѣпости. Дѣйствительные, или мнимые заговоры служили ему предлогомъ убивать виновныхъ и невинныхъ. День и ночь работали орудія пытки у палачей передъ глазами злодѣя, наслаждавшагося видомъ страданій и заботившагося лишь о томъ, чтобы мучимые мучились долго. Сенатъ съ рабской покорностью терпѣлъ эти неистовства. Однажды сенаторы сами замѣнили палачей. Одинъ изъ страшнѣйшихъ доносчиковъ Протогенъ, всегда носившій при себѣ, какъ говорятъ, два списка именъ, одинъ изъ которыхъ былъ озаглавленъ «мечъ», а другой — «кинжалъ», назвалъ въ засѣданіи сената одного изъ бывшихъ тутъ сенаторовъ врагомъ императора; другіе сенаторы бросились на несчастнаго и убили его своими стилями, острыми палочками, которыми римляне писали на досчечкахъ, покрытыхъ воскомъ. Послѣ этого, сенаторы приняли рѣшеніе, что божественный императоръ будетъ сидѣть въ сенатѣ на такомъ высокомъ престолѣ, чтобы нельзя было достать до него и что кругомъ его всегда будетъ стоять вооруженная стража. Наиболѣе жестокія преслѣдованія были направлены противъ всадническаго сословія, богатства котораго были нужны императору. Когда грабежъ отдѣльныхъ лицъ оказался недостаточнымъ для его расточительности, онъ установилъ тяжелые и гнусные налоги. Взималась пошлина со всѣхъ съѣстныхъ припасовъ, продаваемыхъ въ Римѣ; носильщики должны были отдавать восьмую долю своего заработка; со всѣхъ судебныхъ исковъ также бралась опредѣленная пошлина; проститутки и содержательницы ихъ платили пошлину съ своего ремесла. Светоній говоритъ, что Калигула устроилъ въ своемъ дворцѣ нѣ-

сколько комнатъ, въ которыхъ женщины и юноши знатныхъ фамилій были принуждены продаваться развратникамъ за плату, поступавшую въ кассу Калигулы.

Мѣра гнусностей переполнилась. Нѣкоторые изъ знатныхъ римлянъ, принадлежавшихъ къ императорскому двору, утомленные безконечными казнями, конфискаціями, всяческими грабежами и опасавшіеся за свою жизнь, составили заговоръ, результатомъ котораго было то, что военные трибуны преторіанцевъ Херея и Сабинъ закололи сумасброднаго тиранна въ корридорѣ театра, потомъ убили

24 января 41 г. его жену Цезонію и маленькую ея дочь. Такъ умеръ Калигула послѣ правленія, продолжавшагося нѣсколько менѣе четырехъ лѣтъ. Это былъ человѣкъ, въ которомъ всѣ человѣческія качества были искажены пороками, не смягченными ничѣмъ хорошимъ. У него кружилась голова отъ упоенія всемогуществомъ; онъ былъ рабъ пошлыхъ страстей, не знавшій никакого закона, кромѣ своей воли, завидовавшій всякому хорошему качеству въ другихъ, считавшій славу другихъ уменьшеніемъ своего величія. При безграничномъ мотовствѣ на игры и постройки, при неслыханныхъ излишествахъ обжорства и разврата, главнымъ побужденіемъ его было не собственно влеченіе къ расточительности и къ чувственнымъ наслажденіямъ, а тщеславное желаніе показать, что для него нѣтъ ничего невозможнаго, не существуетъ границы закона, природы, стыда, приличія. Поставленный случайностью рожденія на верхъ могущества, онъ безумствовалъ въ восторгѣ отъ безпредѣльности своей власти, выказывая свою силу поруганіемъ всего. Есть какая-то демонская иронія въ томъ, какъ онъ разыгрывалъ роль бога передъ повергнувшимся въ прахъ сенатомъ и народомъ, возвѣщая словами и доказывая дѣлами, что онъ существо сверхъестественное. Однажды на пирѣ онъ вдругъ захохоталъ; консулы, между которыми было его мѣсто на ложѣ, спросили, о чемъ онъ засмѣялся, онъ отвѣчалъ: «смѣюсь при мысли, что могу однимъ моимъ закономъ велѣть удавить васъ обоихъ». Однажды, цѣлуя шею любовницы, онъ сказалъ: «какая прекрасная шея; а если я велю, то она будетъ перерублена». Есть нѣсколько анекдотовъ объ этой демонской шутливости его; черты ея врѣзались въ память народа глубже, чѣмъ свирѣпости, которыя совершалъ въ порывахъ ярости деспотъ, постоянно находившійся въ лихорадочномъ волненіи, мучимый безсоницей. Не было человѣка, который пожалѣлъ бы о немъ. Память его была предана проклятію; храмы его были разрушены, имя его стерто съ памятниковъ. Въ исторіи онъ заклеймленъ вѣчнымъ позоромъ.

C. Тиберій Клавдій Цезарь

Клавдій 41—54 (794—807) Возведеніе на престолъ и начало правленія.

По убійствѣ Калигулы толпа преторіанцевъ ворвалась во дворецъ грабить. Сенатъ собрался въ Капитоліѣ совѣщаться о судьбѣ государства. Пока онъ совѣщался, преторіанцы, грабившіе дворецъ, замѣтили Клавдія, дядю Калигулы, въ испугѣ спрятавшагося за занавѣсями двери; они вытащили дрожащаго, привѣтствовали его титуломъ императора, посадили на носилки и понесли въ преторіанскій станъ. Воины, подкупленные обѣщаніемъ подарковъ, провозгласили его императоромъ. Сенатъ, сдѣлавъ слабую попытку сопротивленія, призналъ его. Римляне уже такъ привыкли къ монархическому правленію, что республиканцевъ не могло найтись много. Отъ брата Германика ожидали любви къ свободѣ. Такимъ образомъ, Клавдій получилъ престолъ, благодаря наслѣдственному праву, расположенію преторіанцевъ, уму и рѣшимости друга своей молодости, Агриппы, внука Ирода; этотъ смѣлый человѣкъ дѣйствовалъ вмѣсто нерѣшительнаго, робкаго Клавдія. Была объявлена амнистія. Изъ нея былъ исключенъ Кассій Херея, убившій императора по личной враждѣ и потомъ старавшійся о возстановленіи республики; онъ и нѣкоторые другіе республиканцы были казнены по совѣту придворныхъ. Это было единственной жестокостью новаго императора. Человѣкъ очень ограниченнаго ума, но отъ природы добродушный, Клавдій въ началѣ своего правленія выказывалъ кротость и справедливость, такъ что римляне очень радовались воцаренію его. По своей робости онъ постоянно имѣлъ при себѣ тѣлохранителей; эта его свита показывала римлянамъ, что они живутъ подъ владычествомъ воиновъ, но они утѣшались тѣмъ, что были прекращены процессы за оскорбленіе величества, былъ казненъ грозный доносчикъ Протогенъ, находившіеся въ темницахъ были освобождены, изгнанники возвращены, были отмѣнены обременительные и постыдные налоги, были уничтожены грозившіе людямъ погибелью документы, найденные у Калигулы; нравилась народу и любовь, съ какой Клавдій возстановилъ честь памяти своихъ родныхъ и въ особенности Германика и Агриппины; нравилось его добродушіе: кромѣ случайныхъ порывовъ гнѣва, онъ былъ всегда добръ.

Характеръ Клавдія.

И однако же начавшееся такъ милостиво правленіе Клавдія стало не менѣе бѣдственно и ужасно, чѣмъ были времена Тиберія и Калигулы; причиною тому была не столько злая воля его, сколько слабость ума, дѣлавшая его совершенно неспособнымъ къ управленію огромнымъ государствомъ, въ которомъ все зависѣло отъ личности монарха. Тяжелыя болѣзни, которыми страдалъ онъ въ дѣтствѣ и молодости, помѣшали и физическому и умственному его развитію. Фигура его была жалкая: на тонкихъ слабыхъ ногахъ качалось тѣло, расположенное къ тучности; голова тряслась. До той самой по-

ры, какъ сталъ императоромъ, онъ былъ предметомъ презрѣнія и осмѣянія всѣхъ своихъ родныхъ. Его мать, Антонія, называла его уродомъ, фигуру котораго природа стала дѣлать человѣческой, но не додѣлала. Робкій и неловкій, не умѣющій держать себя съ тактомъ и приличіемъ, онъ не былъ впускаемъ въ придворное общество, ему не давали почетныхъ титуловъ, съ нимъ поступали какъ съ слабоумнымъ. При Калигулѣ онъ былъ мишенью самыхъ наглыхъ шутокъ придворныхъ. Но онъ былъ не такъ слабъ умомъ и не такъ чуждъ страстей, какъ вообще думали; съ дѣтства онъ имѣлъ большую любовь къ наукамъ, въ особенности къ занятіямъ исторіей и археологіей, и образъ его жизни не былъ невинный: онъ любилъ играть въ кости, пить, любилъ женщинъ. Онъ съ дѣтства былъ окруженъ женщинами; онъ былъ женатъ пять разъ и постоянно находился подъ женскимъ вліяніемъ. Его неохотно видѣли при дворѣ, и самъ онъ не имѣлъ охоты бывать въ кругу придворныхъ, жилъ вдали отъ двора, очень усердно занимался греческой и римской литературой и филологіей; писалъ ученыя сочиненія: его «Этрусская исторія», состоявшая изъ 20 книгъ, его «Исторія римской республики» съ окончанія междоусобныхъ войнъ, его «Автобіографія» были не лишены нѣкотораго достоинства; ими пользовался Тацитъ, быть можетъ, и Ливій, бывшій учителемъ его; отдыхать онъ любилъ въ обществѣ рабовъ, отпущенниковъ, шутовъ и женщинъ. Такимъ образомъ, онъ оставался совершенно чуждъ практической жизни, не зналъ ни людей, ни положенія дѣлъ; кругъ его понятій былъ очень узокъ. Всякая неожиданность разстроивала его; въ минуты испуга онъ терялъ весь свой маленькій запасъ разсудительности и становился послушнымъ орудіемъ всякаго негодяя. При слабости разсудка и памяти онъ былъ постоянно игрушкой своихъ женъ и отпущенниковъ. Ихъ вліяніе на безхарактернаго, неспособнаго къ самостоятельности императора было тѣмъ сильнѣе, что римская аристократія все еще не хотѣла отбросить гордости своимъ прежнимъ могуществомъ, не рѣшалась сблизиться съ дворомъ, принять на себя придворныя должности, выказывать преданность императору. Благодаря тому, что знатныя фамиліи чуждались дворца, тамъ былъ полный просторъ ловкимъ придворнымъ, которыхъ императоръ выбралъ изъ огромнаго числа своихъ образованныхъ и хитрыхъ отпущенниковъ; они коварствами удовлетворяли своей алчности и мстили высшему обществу за презрѣніе къ нимъ. Не думая объ интересахъ государства, они добивались только милости монарха, награждавшаго преданность ихъ богатствомъ, и извлекали денежныя выгоды изъ своего блестящаго, но шаткаго положенія. Они были притѣснителями народа, но преданными слугами и совѣтниками государя. Особенно безгранична была ихъ власть по финансовому вѣдомству. Всѣ доходы и расходы фиска проходили черезъ ихъ руки. Стацій знакомитъ насъ

Вліяніе отпущенниковъ.

съ однимъ изъ такихъ людей, Клавдіемъ Этрускомъ, который занималъ при нѣсколькихъ императорахъ выгодныя должности, нажилъ себѣ милліоны и когда умеръ 80 лѣтнимъ старикомъ, то былъ погребенъ съ изумительнымъ великолѣпіемъ. Царствованіе Клавдія было золотымъ вѣкомъ для его отпущенниковъ. Устраненный изъ круга императорской фамиліи и ея приближенныхъ, онъ съ дѣтства вращался въ обществѣ невольниковъ, кліэнтовъ и отпущенниковъ; они стали всемогущими фаворитами его. Главныхъ между ними было четверо: Каллистъ докладывалъ императору просьбы и другія текущія дѣла, Полибій былъ его помощникомъ по ученымъ занятіямъ, Нарциссъ его секретаремъ, Паллантъ—казначеемъ. Въ союзѣ съ Мессалиной, женой императора, безстыдной развратницей, они управляли имъ, какъ хотѣли. Межъ тѣмъ, какъ онъ сидѣлъ надъ своими учеными трудами, отпущенники продавали гражданскія и военныя должности, приговоры по судебнымъ дѣламъ, право на всяческіе грабежи; а императрица, внука тріумвира Марка Антонія, красивая женщина съ необузданнымъ сладострастіемъ, держала себя такъ, что имя ея вошло въ поговорку, попирала ногами всякое приличіе, безгранично предавалась влеченіямъ своей мстительности, алчности и чувственности. Сенатъ держалъ себя раболѣпно: онъ постановлялъ льстивыя рѣшенія въ честь презрѣнныхъ фаворитовъ, опредѣлялъ воздвигать на общественный счетъ памятники во славу ихъ, такъ что Плиній говоритъ: трудно было сказать, насмѣшками ли должно считать эти прославленія, или доказательствами совершенной безчестности. По вліянію отпущенниковъ и креатуръ ихъ, дворъ все больше принималъ восточный характеръ. У входа во дворецъ стояли привратники и обыскивали входящихъ, нѣтъ ли у нихъ подъ одеждой спрятаннаго оружія; были сановники, завѣдывавшіе порядкомъ аудіэнцій; была введена награда, состоявшая въ пожалованіи права имѣть перстень съ изображеніемъ императора. Гибельные процессы объ оскорбленіи величества возобновились.

Мессалина.

Уже въ первые мѣсяцы новаго правленія, Юлія, дочь Германика, которую Клавдій сначала возвратилъ изъ ссылки, была, по внушенію завистливой императрицы, вновь сослана и потомъ убита; чтобы ея мужъ Маркъ Виницій не отмстилъ за нее, его отравили. Аппій Силанъ, вельможа, сынъ котораго былъ женатъ на Октавіи, дочери императора, былъ казненъ по интригѣ Мессалины, раздраженной тѣмъ, что онъ отвергъ ея предложеніе быть ея любовникомъ; она при помощи своего союзника, отпущенника Нарцисса, убѣдила императора, что Силанъ злоумышляетъ противъ его жизни. Окружающіе Клавдія, пользуясь слабостью его памяти и трусостью, губили всѣхъ честныхъ людей, не хотѣвшихъ льстить развратной Мессалинѣ и злодѣямъ фаворитамъ императора. Особенно легко стало для нихъ это, когда на второй годъ царствованія Клавдія былъ открытъ заговоръ, имѣвшій цѣлью возстановленіе республики. Онъ былъ разрушенъ преданностью легіоновъ императорскому дому. Были казнены, или сами лишили себя жизни не только заговорщики и люди, знавшіе объ

Казни.

42 (795 о. Р.).

ихъ замыслѣ, какъ напримѣръ Анній Винпціанъ, Фурій Камиллъ Скрибоніанъ, но и множество сенаторовъ всадниковъ и гражданъ, постороннихъ умыслу: они были подвергаемы пыткѣ и осуждаемы на смерть, какъ виновные. Цецина Петъ, другъ Скрибоніана, раздѣлявшій его убѣжденія, закололъ себя, ободренный на эту рѣшимость примѣромъ своей мужественной жены Арріи; она вонзила въ грудь себѣ кинжалъ и подала ему со словами: „Петъ, не больно". Знаменитый философъ Анней Сенека былъ сосланъ на островъ Корсику. Ему пришлось прожить тамъ семь лѣтъ; льстивое письмо, въ которомъ онъ излагалъ утѣшенія Полибію по случаю смерти брата этого фаворита, не сократило ссылки: Полибій или не захотѣлъ похлопотать, или получилъ письмо слишкомъ поздно.

Управленіе государствомъ. Итакъ при дворѣ восточная пышность и развратъ соединялись съ жестокостью; безстыдная женщина губила благороднѣйшихъ людей за сопротивленіе ея позорной любви или въ удовлетвореніе своей алчности; безсовѣстные люди, не имѣвшіе не только заслугъ, но и знакомства съ дѣлами, раздавали должности, рѣшали процессы по разсчетамъ своей выгоды; императоръ въ кругу многочисленныхъ гостей предавался за столомъ обжорству и пьянству съ нарушеніемъ всякой благопристойности; — конечно, это должно было подавлять послѣдніе остатки нравственнаго достоинства въ народѣ. Но и при этомъ пошломъ правительствѣ были возведены громадныя сооруженія, свидѣтельствовавшія, что и въ дни глубокаго униженія еще не угасли предпріимчивость и энергія римлянъ, еще оставалась въ нихъ любовь къ великимъ дѣламъ; главнымъ изъ этихъ сооруженій было устрой-

Гавань Остіи. ство и укрѣпленіе гавани при Остіи. Дно гавани было углублено, такъ что большіе морскіе корабли могли входить въ Тибръ; были построены верфи, магазины; морская торговля оживилась, былъ обезпеченъ правильный подвозъ хлѣба въ Римъ, была устранена опасность голода въ столицѣ. Заслуживаютъ удивленія и сооруженные тогда водопроводы, въ особенности тотъ, который былъ названъ

Водопроводы. Клавдіевымъ (Aqua Claudia). Онъ, мѣстами подъ землей, мѣстами по чрезвычайно высокимъ аркадамъ, велъ съ очень дальняго разстоянія чистую родниковую воду въ Римъ и былъ устроенъ такъ, что она поднималась даже въ высокія части города; по словамъ Плинія, эти водопроводы были такими сооруженіями, колоссальнѣе которыхъ не существовало нигдѣ на землѣ. Громадной работой было и проведеніе

Каналъ для спуска воды Фуцинскаго озера. канала (emissarius) для спуска воды изъ Фуцинскаго озера въ рѣку Лирисъ. Это былъ тоннель, прорубленный сквозь скалу; 30,000 человѣкъ работали одиннадцать лѣтъ надъ исполинскимъ дѣломъ; цѣлью его было остановить засореніе окрестностей наводненіями озера и доставить большое пространство земледѣлію. Но цѣль была не вполнѣ достигнута, потому что дно озера лежитъ глубже русла рѣки. Слѣды этого канала еще видны, но озеро, называющееся теперь Челанскимъ (Lago di Celano), оставалось до недавняго времени все

Войны. еще очень большимъ. Не бѣдно было царствованіе Клавдія и военными подвигами. Рейнская и Дунайская границы были защищены, принимались успѣшныя мѣры для романизаціи ихъ; на сѣверѣ и на югѣ предѣлы государства были расширены; на югѣ была сдѣлана римской провинціей Мавританія; на сѣверѣ была покорена часть 43.

Британіи; одинъ изъ походовъ тамъ былъ сдѣланъ при участіи самого императора, какъ мы разскажемъ послѣ. Въ Азіи Домицій Корбулонъ одержалъ побѣды, напоминавшія славное время республики, и охранилъ Арменію отъ завоеванія парѳянами (стр. 17).

Внутреннее управленіе 44—48. Даже во внутреннемъ управленіи были сдѣланы, наперекоръ вредному вліянію фаворитовъ Клавдія и его личной трусости, нѣкоторыя хорошія распоряженія. Въ своихъ отношеніяхъ къ сенату Клавдій старался подражать Августу: увеличилъ число сенаторовъ и всадниковъ; возвелъ нѣкоторыя фамиліи въ санъ патриціевъ; хотѣлъ поднять въ высшихъ сословіяхъ чувство самоуваженія разными почетными отличіями и запрещеніемъ участвовать въ унизительныхъ играхъ; свои обязанности цензора («блюстителя нравовъ») онъ исполнялъ усердно и добросовѣстно, хотя не всегда съ тактомъ, пониманіемъ дѣла и послѣдовательностью. Насколько могъ, онъ старался прекратить ужасы и нелѣпости, введенныя Калигулой. До насъ дошла рѣчь, въ которой Клавдій предлагалъ сенату дать полное право римскаго гражданства лицамъ, занимающимъ должности въ городахъ области эдуевъ, и тѣмъ открыть для нихъ доступъ въ сенатъ и въ курульныя магистратуры. Цѣлымъ округамъ было дано право римскаго гражданства, такъ что въ государствѣ значительно увеличилось число людей, пользующихся этимъ правомъ. Должно, впрочемъ, сказать, что въ пожалованіи этого права нерѣдко играло главную роль взяточничество фаворитовъ. За неправильное присвоеніе себѣ права римскаго гражданства иноземцами, отпущенниками или рабами, Клавдій наказывалъ очень строго. Онъ старался уменьшить праздношатательство массы простолюдиновъ города Рима строгимъ полицейскимъ надзоромъ за гостинницами и лавками, въ которыхъ продавалось готовое кушанье, и запрещеніемъ продажи лакомствъ. Тѣ религіозныя общества, которыя стали опасны для нравственности и государства своими сладострастными или жестокими обрядами, были распущены, и участники ихъ подвергнуты изгнанію. Напротивъ того, старинные обряды, какъ напримѣръ, элевзинскія таинства, римскія жертвоприношенія и гаданія, пользовались покровительствомъ Клавдія, любившаго старину. Но онъ уменьшилъ число праздниковъ, которые слишкомъ часто прерывали засѣданія трибуналовъ. Для разбора дѣлъ о завѣщаніяхъ и вообще о наслѣдствѣ онъ назначилъ двухъ особенныхъ преторовъ. Онъ старался, по возможности, охранить провинціи отъ притѣсненій правителей. По частному праву были изданы имъ нѣкоторые хорошіе законы. Послѣ занятія археологіей онъ всего больше любилъ юрис-

пруденцію; его слабый умъ не всегда могъ разбирать запутанные юридическіе вопросы, но усердіе его было полезно развитію юридическихъ наукъ. Правда, рѣшенія по судебнымъ дѣламъ были составляемы не столько имъ самимъ, сколько его совѣтниками, а для того, чтобы приговоръ былъ исполненъ, надобно было согласіе его жены и любимцевъ, державшихъ его подъ своимъ владычествомъ. При всей его любви къ справедливости, по его безхарактерности и умственной слабости, всегда зависѣло отъ случая то, какіе результаты будутъ произведены его распоряженіями и судебными приговорами. Хорошія мѣры часто обращались въ дурныя его фаворитами, а робость его превращалась въ жестокость.

Развратъ и смерть Мессалины.

Межъ тѣмъ, какъ Клавдій придумывалъ три новыя буквы для обогащенія латинскаго алфавита и старался цензорскими распоряженіями возвратить Римъ къ старинной добродѣтели, его слабоумный взглядъ не замѣчалъ, въ какую грязь порока и злодѣйства погружаетъ себя и его Мессалина. Была назначена особая коммиссія, засѣдавшая въ
47. одной изъ комнатъ императрицы, для суда надъ Валеріемъ Азіатикомъ, сенаторомъ и бывшимъ консуломъ, человѣкомъ, который славился честностью и прямодушіемъ и былъ очень богатъ. Его обвинили въ злоумышленіи противъ императора и осудили на смерть, потому что Мессалинѣ хотѣлось пріобрѣсти его сады, которые принадлежали прежде Лукуллу и которые онъ еще улучшилъ и великолѣпно украсилъ. По особенной милости ему было дано право выбрать себѣ родъ смерти; онъ перерѣзалъ себѣ артеріи и умеръ мужественно. Поппея Сабина, жена богатаго сенатора Луція Корнелія Сципіона, женщина легкомысленнаго образа жизни, но первая красавица своего времени, сдѣлалась жертвою Мессалины, потому что съ ней имѣлъ тайныя свиданія любовникъ императрицы, пантомимъ Мнестеръ. По слабоумію Клавдія, Мессалина была безопасна отъ всякихъ его догадокъ, пока его отпущенники находились въ союзѣ съ нею. Онъ былъ опутанъ ея сѣтями, и она все смѣлѣе пускалась въ необузданное распутство. Говорятъ, что, переодѣтая, она ходила ночью подъ именемъ Лициски въ публичные дома и отдавалась каждому, выбиравшему ее; что она въ самомъ дворцѣ устроила притонъ разврата, куда собирались замужнія женщины на свиданья съ любовниками. Наконецъ, она страст-
48. но влюбилась въ Гаія Силія, самаго красиваго молодого человѣка въ Римѣ, и запутала его своими интригами такъ, что онъ развелся съ женой и сталъ ея любовникомъ, отчасти изъ страха, отчасти изъ честолюбія. Ослѣпленная страстью, она забыла всякую осторожность. Тацитъ говоритъ, что она посѣщала домъ Силія не тайно, а съ большою свитой, являлась вмѣстѣ съ нимъ въ публикѣ, дарила ему имѣнія, давала почести, наполнила его домъ рабами, отпущенниками, царской роскошью, какъ будто жилище ея любовника уже становится императорскимъ дворцомъ. Силій понялъ, что дѣло приняло слишкомъ

опасный размѣръ, что его погибель неизбѣжна, если онъ не свергнетъ Клавдія и не захватитъ императорскую власть. Онъ склонилъ Мессалину въ пользу своего замысла, обѣщавшись жениться на ней; но, чтобъ онъ не могъ отступиться отъ обѣщанія послѣ удачи, она потребовала, чтобы бракъ былъ совершенъ до начала предпріятія. Силій согласился, и Римъ увидѣлъ небывалое зрѣлище: воспользовавшись тѣмъ, что Клавдія не было въ Римѣ, Силій и императрица совершили обрядъ бракосочетанія съ соблюденіемъ всѣхъ юридическихъ и религіозныхъ формальностей и отпраздновали свой бракъ великолѣпнымъ свадебнымъ пиромъ. Дерзость императрицы проявилась этимъ дѣломъ съ отвагой, которая и Нарцисса заставила увидѣть, что онъ самъ можетъ быть низвергнутъ ею, если она уцѣлѣетъ. Онъ раскрылъ глаза Клавдію. Довѣріе отпущенниковъ-фаворитовъ къ императрицѣ поколебалось уже раньше, когда она выманила клеветой у Клавдія смертный приговоръ одному изъ нихъ Полибію, бывшему ея любовнику. Они увидѣли, что теперь пришла возможность отмстить ей. Но и помимо мщенія они должны были возстать противъ нея: они знали, что если Клавдій будетъ низложенъ, то они утратятъ свое вліяніе на дѣла и самая жизнь ихъ будетъ въ опасности. Потому они рѣшили казнить Мессалину, пока Силій и она еще не успѣли начать исполненіе своего замысла, Нарциссъ поспѣшилъ въ Остію, гдѣ былъ тогда Клавдій, и раскрылъ замыселъ новой супружеской четы. Въ домѣ новобрачныхъ шелъ шумный пиръ,—это былъ день праздника сбора винограда, когда римляне шумно веселились; Мессалина съ распущенными волосами и Силій съ вѣнкомъ изъ плюща на головѣ шли бакханальной процессіей по ярко освѣщеннымъ заламъ, когда разнеслась по дворцу страшная вѣсть: императоръ ѣдетъ въ Римъ, его сопровождаетъ Нарциссъ. Гости въ ужасѣ разбѣжались. Мессалина съ дѣтьми поѣхала на встрѣчу императору; но ея просьбы и хитрости потеряли прежнюю силу надъ нимъ. Ей было велѣно удалиться; она отправилась въ свою виллу въ саду Лукулла, отнятомъ у Валерія Азіатика, а Нарциссъ отдавалъ отъ имени императора приказанія объ убійствахъ. Силій и его приближенные были казнены; скоро и Мессалина была убита центуріонами, посланными Нарциссомъ. Онъ спѣшилъ умертвить ее, чтобъ она не вымолила прощенія себѣ у императора. Меривель изъ нѣкоторыхъ словъ Светонія выводитъ предположеніе, что самъ Нарциссъ устроилъ для Мессалины возможность вступить въ бракъ съ Силіемъ, склонивъ Клавдія развестись съ ней для формы на нѣсколько времени, чтобы этимъ отклонить исполненіе надъ нимъ словъ предсказателей, объявившихъ, что мужу Мессалины угрожаетъ смерть. Клавдію было сообщено о смерти Мессалины, когда онъ сидѣлъ за праздничнымъ обѣдомъ. Онъ продолжалъ ѣсть, не выказавъ ни злобы на нее, ни сожалѣнія, ни печали, ни радости; онъ тогда уже совершенно отупѣлъ.

Агриппина.

Клавдій привыкъ быть подъ властью жены, и оставаться безъ жены не могъ; потому его фавориты стали совѣтоваться между собою, на комъ женить его. Послѣ довольно долгихъ разсужденій они согласились женить императора на Юліи Агриппинѣ, дочери Германика, женщинѣ умной, очень красивой, но властолюбивой и развратной; она была тогда вдова: первымъ мужемъ ея былъ Гней Домицій Агенобарбъ, грубый развратникъ. Она прожила съ нимъ 12 лѣтъ, ихъ отношенія были дурныя; теперь ей было тридцать три года. Мысль жениться на ней очень понравилась Клавдію. Сенатъ и народъ попросили его издать законъ, разрѣшающій браки дядей съ племянницами, потомъ попросили его жениться на Агриппинѣ; она внесла во дворецъ новые
49. пороки и преступленія. Она была сладострастна, какъ Мессалина, но далеко превосходила свою предмѣстницу властолюбіемъ и энергіей. Тотчасъ послѣ брака она стала хлопотать о томъ, чтобъ императоръ выдалъ за ея сына отъ перваго брака, Луція Домиція Агенобарба, свою дочь Октавію; у Октавіи уже былъ женихъ, Луцій Юній Силанъ, правнукъ Августа. По желанію Агриппины, низкій развратникъ Вителлій обвинилъ Силана въ любовной связи, которая дѣлаетъ его недостойнымъ брака съ дочерью императора, и онъ былъ объявленъ недостойнымъ этого брака. Агриппина стала высокомѣрно владычествовать надъ императоромъ и дворомъ. Вельможи, казавшіеся ей опасными, и женщины, возбуждавшія зависть ея своей красотой, подвергались вымышленнымъ обвиненіямъ и наказывались за мнимыя преступленія. Такъ поступила она съ Лолліей Паулиной, которая была соперницею ей въ кандидатурѣ на санъ императрицы, и съ дивной красавицей Кальпурніей. Она заботливѣе Мессалины соблюдала внѣшнее приличіе; но ея коварство, властолюбіе, алчность и отвага на всякія злодѣйства заставили римлянъ находить, что при Мессалинѣ времена были менѣе ужасны.

Молодость Нерона.

Вскорѣ послѣ брака, Агриппина получила титулъ Августы, какой имѣла Ливія; и, подобно Ливіи, она главной цѣлью своихъ интригъ поставила сдѣлать своего сына наслѣдникомъ императора, чтобъ обезпечить себѣ на всю жизнь владычество надъ государствомъ. Ея 12 лѣтній сынъ былъ объявленъ женихомъ Октавіи, которой было тогда семь лѣтъ. Вскорѣ послѣ того Клавдій усыновилъ его. Клавдій Неронъ Друзъ, какъ сталъ по усыновленіи называться сынъ Агриппины, сдѣлался соперникомъ сына, котораго императоръ имѣлъ отъ Мессалины. Сынъ Клавдія, получившій по поводу экспедиціи отца противъ британцевъ имя Британника, былъ нѣсколькими годами моложе сына Агриппины. Нерону были даны неслыханныя почести; Агриппина хотѣла подготовить этимъ народъ къ мысли, что наслѣдникомъ императора будетъ онъ. Чтобы народъ имѣлъ о немъ хорошее мнѣніе, Агриппина поручила его воспитаніе знаменитому философу Луцію Аннею Сенекѣ, котораго возвратила съ Корсики, куда сосланъ

былъ онъ по обвиненію въ тайныхъ сношеніяхъ съ племянницей Клавдія, Ливиллой, а на самомъ дѣлѣ за свое письмо къ Марціи, въ которомъ онъ высказывалъ республиканскій образъ мыслей (объ этомъ мы будемъ говорить ниже). Но трудно было дать хорошее направленіе юношѣ съ горячими страстями, избалованному прежними раболѣпными воспитателями, въ это время уже развратному, уже увлекавшемуся мечтами о своихъ артистическихъ талантахъ и совершенно испорченному. Сенека старался внушить своему воспитаннику хорошія правила изустными уроками и сочиненіями, какія писалъ для него (одно изъ такихъ сочиненій—разсужденіе «О гнѣвѣ»). Но природная склонность, лесть окружающихъ, независимость отъ учителя, даваемая высокимъ положеніемъ воспитанника, были сильнѣе всѣхъ заботъ Сенеки; впрочемъ та цѣль, для которой Агриппина возвратила Сенеку въ Римъ, была достигнута ею. Она поручила воспитаніе своего сына знаменитому писателю, имѣвшему репутацію приверженца свободы, подвергавшемуся за любовь къ свободѣ страданіямъ ссылки,—это давало хорошую славу ей, а онъ писалъ сочиненія, которыми еще больше прославлялъ ея правленіе государствомъ. Естественно было, что ученый государственный человѣкъ, помогавшій Агриппинѣ во всѣхъ ея личныхъ дѣлахъ своими совѣтами и услугами, сталъ близкимъ другомъ этой умной женщины. Она имѣла тотъ разсчетъ, что если онъ пріобрѣтетъ вліяніе на ея сына,
это будетъ очень полезно упроченію ея могущества. Когда Нерону 53.
исполнилось пятнадцать лѣтъ, былъ совершонъ бракъ его съ Октавіей. Въ день свадьбы прежній женихъ ея Силанъ лишилъ себя жизни. Агриппина стала больше и больше оттѣснять Британника. Его преднамѣренно держали такъ, чтобы способности его не развивались. Креатуры Агриппины распускали молву, что онъ страдаетъ падучей болѣзнью, что онъ слабоумный; народъ привыкалъ думать о немъ такъ; всѣ поклонялись императрицѣ, которая умѣла губить своихъ противниковъ, осыпала почестями и богатствами своихъ друзей. Императоръ, совершенно подчинявшійся ей, далъ ей такое положеніе, что она пользовалась одинаковымъ съ нимъ почетомъ. Даже на монетахъ ея изображеніе стояло рядомъ съ его изображеніемъ. Льстивые греческіе города Малой Азіи воздавали ей божескія почести, сооружали памятники, ставили статуи въ честь ея. По ея внушенію, императоръ назначилъ префектомъ преторіанцевъ одного изъ ея приверженцевъ, Афранія Бурра, которому она поручила военное воспитаніе Нерона. Въ честь Палланта, бывшаго раба, былъ поставленъ памятникъ на форумѣ близъ статуи Цезаря; эту честь заслужилъ онъ тѣмъ, что особенно усердно склонялъ Клавдія жениться на ней.

Смерть Клавдія.

Но вскорѣ послѣ свадьбы своего сына, Агриппина замѣтила, что благосклонность императора къ ней уменьшается. Нарциссъ началъ опасаться ея властолюбія и, по его внушенію, императоръ сталъ больше сторо-

ниться отъ нея, высказывалъ раскаяніе, что отдалъ ея сыну предпочтеніе передъ своимъ, сталъ выказывать нѣжность къ Британнику. Агриппина разсудила, что надобно отравить Клавдія. Нарциссъ занемогъ и поѣхалъ лѣчиться на воды въ Синуэссу. Этимъ облегчилось исполненіе умысла. Знаменитая галльская отравительница Локуста, приготовила ядъ для Клавдія; эвнухъ Галотъ, который обязанъ былъ отвѣдывать кушанья, подаваемыя императору, помогъ дѣлу, и Клавдій съѣлъ ядъ въ своемъ любимомъ кушаньѣ, грибахъ. Онъ умеръ на 64 году жизни, на 14 году своего царствованія. Агриппина скрывала смерть его, пока были сдѣланы всѣ распоряженія, надобныя для провозглашенія Нерона императоромъ; она притворилась, что поражена горемъ и нуждается въ утѣшеніяхъ; подъ этимъ предлогомъ она задержала при себѣ Британника и Октавію, а Неронъ въ сопровожденіи Бурра отправился въ преторіанскій станъ, обѣщалъ подарки преторіанцамъ, и они провозгласили его императоромъ. Былъ созванъ сенатъ, согласился съ рѣшеніемъ преторіанцевъ, и все государство признало императоромъ Нерона. Похороны Клавдія были совершены съ величайшимъ великолѣпіемъ, и умершій императоръ былъ возведенъ въ санъ бога. Неронъ произнесъ на похоронахъ рѣчь, написанную для него Сенекой. Есть пасквиль на Клавдія, называющійся Apocolokyntosis Divi Claudii, приписываемый Сенекѣ; если онъ дѣйствительно принадлежитъ ему, то философъ вознаградилъ себя этою пародіею похвальной рѣчи за свое участіе въ апотеозѣ. Нарциссъ былъ тотчасъ по смерти императора отведенъ въ темницу и тамъ принужденъ лишить себя жизни. Не спрашивая согласія новаго императора, Агриппина велѣла отравить проконсула Азіи, Марка Юнія Силана; это былъ братъ жениха Октавіи; Агриппина опасалась, что онъ провозгласитъ себя императоромъ и отмститъ за смерть погибшаго. Онъ былъ человѣкъ ограниченнаго ума; Калигула называлъ его золотой овцой; но онъ былъ потомокъ Цезарей, былъ богатъ и пользовался расположеніемъ народа за свою репутацію безукоризненной честности.

Октябрь 54. (807)

D) Неронъ Клавдій Цезарь.

Неронъ 54—68 (807—821).

Придворныя партіи.

Тѣ свирѣпости, которыми началось новое царствованіе, были дѣломъ одной Агриппины; Неронъ не имѣлъ никакого участія въ нихъ. Въ первыя пять лѣтъ царствованія Нерона мы не видимъ ни свирѣпостей, ни гнусностей, какія опозорили слѣдующій періодъ его правленія и сдѣлали его имя прозвищемъ всѣхъ отвратительныхъ деспотовъ. Причиной того, что первые годы его правленія были сравнительно хороши, должно считать не характеръ его, а положеніе партій, на которыя раздѣлялся дворъ. Агриппина боролась за вліяніе на сына съ его совѣтниками Сенекой и Бурромъ. Она возвела его на престолъ, чтобы владычествовать его именемъ, и скоро обнаружилось, какое положеніе хочетъ занять она. Агриппина не довольствовалась тѣмъ, чтобы руководить дѣйствіями сына, она хотѣла выставлять на показъ всѣмъ, что владычествуетъ надъ государствомъ она. Когда онъ долженъ былъ являться оффиціально въ публикѣ, она всегда провожала его; часто она садилась вмѣстѣ съ нимъ на носилки; иногда ее несли въ носилкахъ, а императоръ шелъ подлѣ пѣшкомъ въ ея свитѣ. Она хотѣла находиться при засѣданіяхъ сената; являться въ курію она не могла; потому сенаторы были созываемы на засѣданія во дворецъ, и она изъ другой комнаты, отдѣленной только занавѣсью, слушала совѣщанія. Она давала аудіэнціи иностраннымъ посламъ, посылала письменныя приказанія правителямъ провинцій и подвластнымъ Риму царямъ. Она велѣла чеканить монету, на которой была изображена она вмѣстѣ съ императоромъ.

Агриппина.

Сенека и Бурръ.

Совѣтники молодого императора, храбрый, честный префектъ преторіанцевъ Бурръ и ученый, привѣтливый Сенека, боролись противъ властолюбія Агриппины; благодаря ихъ усиліямъ, въ первыя пять лѣтъ царствованія Нерона римскій народъ пользовался хорошей администраціей и правосудіемъ, и были сдѣланы многія полезныя распоряженія. Сенатъ получилъ довольно большое вліяніе на дѣла; въ судопроизводствѣ и взиманіи налоговъ были сдѣланы улучшенія; процессовъ объ оскорбленіи величества не было; апелляція отъ законныхъ трибуналовъ къ императору была ограничена или затруднена; взяточничество судей уменьшилось; мирные люди были ограждены отъ коварства обвинителей; налоги — преобразованы; злоупотребленія властью со стороны правителей провинцій строго наказывались; частное право было улучшено многими хорошими законами И въ Римѣ и въ провинціяхъ народъ хвалилъ новое правительство. Этимъ хорошимъ порядкомъ администраціи и судопроизводства государство было обязано благоразумію и энергіи Бурра и Сенеки, совѣтамъ которыхъ Неронъ долго слѣдовалъ, отчасти по привычкѣ уважать ихъ, отчасти по непріязни къ матери. Правда, они должны были покупать свое вліяніе на него предоставленіемъ полной свободы его разврату: онъ уже и тогда необузданно предавался сладострастію. Сначала онъ не былъ совершенно лишенъ хорошихъ порывовъ, выказывалъ иногда скромность, великодушіе, нерасположеніе къ деспотизму; Сенека говоритъ, что однажды, подписывая смертный приговоръ, онъ сказалъ, что желалъ бы не умѣть писать. Но онъ съ дѣтства былъ испорченъ; его характеръ получилъ фантастическое направленіе; единственной цѣлью жизни было для него необузданное удовлетвореніе тщеславію, чувственности, всяческимъ капризамъ произвола; умъ у него былъ живой, онъ имѣлъ нѣкоторую способность къ изящнымъ искусствамъ; въ другое время при

Характеръ Нерона

другой обстановкѣ, онъ могъ бы быть хорошимъ государемъ; но въ дѣтствѣ не заботились о томъ, чтобы сдерживать его легкомысліе и тщеславіе; когда Сенека сдѣлался воспитателемъ его, пороки уже заглушили въ немъ всѣ зародыши хорошаго, исказили его умъ и характеръ. У него не было ни серьезныхъ мыслей, ни самообладанія, онъ не хотѣлъ пріобрѣтать солидныхъ свѣдѣній; ему нравились только занятія изящными искусствами, которыя для государственнаго человѣка могутъ быть лишь развлеченіемъ, а серьезнымъ дѣломъ быть не могутъ: онъ любилъ заниматься рѣзьбой по камню, рисовать, пѣть, писать стихи, править лошадьми. Едва достигнувъ юношескаго возраста, онъ занялъ такое положеніе, въ которомъ и зрѣлому опытному человѣку трудно избѣгать дурныхъ ошибокъ, соблазновъ, обольщеній; а юноша съ горячими страстями, выросшій въ роскошной обстановкѣ, привыкшій необузданно предаваться разврату, конечно, былъ совершенно не способенъ держать себя въ этомъ положеніи разсудительно. Нельзя похвалить Сенеку и Бурра за то, что вначалѣ царствованія Нерона, когда онъ еще оказывалъ нѣкоторое уваженіе къ нимъ, они не старались удержать его отъ пороковъ; но они были убѣждены, что усилія обуздать его сладострастіе были бы напрасны, что всякая попытка подобнаго рода послужила бы только причиной паденія ихъ, и не мѣшали тому, чему не могли помѣшать, заботясь лишь о томъ, чтобы распутство Нерона и дикія фантазіи его не вредили государству.

Неронъ и Агриппина.

При своемъ горячемъ характерѣ и властолюбіи, Агриппина не могла довольствоваться второстепеннымъ положеніемъ; она хотѣла совершенно владычествовать надъ сыномъ, руководить выборомъ совѣтниковъ его, раздѣлять съ нимъ придворныя и правительственныя почести. Когда онъ сталъ чуждаться своей жены, противъ которой съ самаго начала имѣлъ враждебное настроеніе, и отдался вліянію красивой отпущенницы, Акты, мать стала упрекать его за это; не по нравственному негодованію—она сама все еще имѣла любовную связь съ Паллантомъ—а по досадѣ на то, что отпущенница сдѣлалась ея соперницей во владычествѣ надъ ея сыномъ, рабыня разыгрывала роль ея невѣстки. Неронъ отвѣчалъ на ея укоризны тѣмъ, что отнялъ управленіе финансами у ея любовника, Палланта, а черезъ нѣсколько времени послалъ его въ темницу, гдѣ онъ и лишился жизни. Агриппина въ порывѣ гнѣва стала грозить, что раскроетъ народу преступленія, которыми проложила сыну дорогу къ престолу и сказала что истинный и законный наслѣдникъ отцовской власти—Британникъ, которому тогда было четырнадцать лѣтъ. Неронъ за это отнялъ у нея почетную стражу и принудилъ ее покинуть императорскій дворецъ. Испугавшись высказанной въ гнѣвѣ угрозы, онъ

Отравленіе Британника 55.

рѣшилъ прекратить жизнь невиннаго мальчика, чтобы мать не передала санъ императора этому сопернику. Онъ потребовалъ яда у Локусты, она исполнила порученіе такъ хорошо, что Британникъ, которому отрава была подана за императорскимъ обѣдомъ, въ тотъ же мигъ упалъ на полъ и, сдѣлавъ лишь нѣсколько судорожныхъ движеній, умеръ. Обѣдавшее общество, въ томъ числѣ Агриппина и Октавія, нѣсколько минутъ смотрѣли въ оцѣпенѣніи на это ужасное происшествіе; но Неронъ сказалъ, что смерть Британника естественный результатъ падучей болѣзни, и пиръ продолжался. Въ ту же ночь тѣло Британника было безъ всякихъ почестей предано сожженію на Марсовомъ полѣ. Въ Римѣ тогда уже всѣ говорили о гнусномъ распутствѣ и буйныхъ дурачествахъ Нерона. Разсказывали, что онъ, переодѣтый невольникомъ, ходитъ ночами съ толпой негодяевъ по улицамъ, заходитъ въ притоны распутства, нагло оскорбляетъ почтенныхъ людей и женщинъ, не знаетъ никакихъ границъ въ пьянствѣ и грязномъ развратѣ. Эти неистовства пошлыхъ страстей показывали, какое ужасное время наступитъ, когда онъ сломитъ преграды его деспотизму, какія теперь по молодости и привычкѣ еще оставляетъ не разрушенными.

Поппея Сабина.

Эти преграды рушились, когда развратника опутала своими сѣтями новая любовница, Поппея Сабина, и повела его дальше и дальше по дорогѣ распутства и злодѣйства. Она была знатнаго рода, богата, очень хороша собою, умна, сладострастна и честолюбива; она уже давно думала о томъ, чтобы блистать при дворѣ, гдѣ такъ много роскоши и наслажденій; она была жена римскаго всадника, завлекла своимъ кокетствомъ въ любовную связь съ собой Отона, одного изъ товарищей похожденій Нерона, съумѣла заставить Отона жениться на ней и этимъ проложила себѣ дорогу къ сближенію съ императоромъ. Однажды на пьяномъ пирѣ у императора Отонъ сталъ хвалить красоту своей жены; у Нерона разгорѣлось желаніе видѣть ее. Увидѣвъ, онъ страстно влюбился. Отонъ былъ посланъ правителемъ въ Лузитанію, Поппея стала любовницей Нерона. Но для ея честолюбія было мало этого, она хотѣла сдѣлаться женою императора и опутывала его своими хитростями съ величайшимъ искусствомъ. Для того, чтобы разгорячать страсть Нерона, она прибѣгала даже къ такой смѣлой уловкѣ, что хвалила Отона и притворялась желающей снова жить съ нимъ. Но Агриппина и Октавія стояли на дорогѣ ей; только черезъ ихъ трупы могла она дойдти до престола. Тацитъ яркими чертами описываетъ, какъ Поппея слезами, кокетствомъ, насмѣшками раздражала Нерона противъ матери; какъ Агриппина, чтобъ отвратить свое паденіе, пришла въ сладострастномъ костюмѣ къ разгоряченному виномъ сыну, думая обольстить его; Тацитъ говоритъ, что кровосмѣшенію помѣшали только слова вошедшей въ это время Акты. Императоръ повѣрилъ внушеніямъ Поппеи; что Агриппина хочетъ лишить его жизни и пришелъ къ ужасному намѣренію избавиться отъ стѣснявшей его матери убійствомъ. Онъ зналъ,

Убійство Агриппины 59. что все потомство Германика пользуется симпатіями народа и преторіанцевъ; тѣмъ страшнѣе казалась ему Агриппина. Притворяясь любящимъ и почтительнымъ сыномъ, онъ пригласилъ мать въ Баи, куда уѣхалъ на праздникъ. Въ Баіяхъ Аницетъ, бывшій воспитатель Нерона, а теперь начальникъ стоявшаго въ Мизенѣ флота, заманилъ Агриппину на великолѣпный корабль, который былъ построенъ такъ, что часть его должна была отвалиться и раздавить или утопить Агриппину. Провожая мать, сынъ нѣжно обнималъ ее; она при наступленіи ночи вошла на корабль; но планъ не удался: она получила лишь легкую рану и была спасена преданностью одной изъ женщинъ ея свиты. Подплывшая лодка перевезла ее въ Лукринское озеро, оттуда она переѣхала въ сосѣднюю виллу. Неронъ былъ въ отчаяніи отъ неудачи дѣла, придуманнаго такъ искусно. Страсть къ Поппеѣ заставляла его идти до конца. Надобно было придумать новое средство избавиться отъ матери. Изобрѣтательности помогъ случай: одинъ изъ отпущенниковъ Агриппины былъ арестованъ, подъ одеждой его нашелся кинжалъ. Это послужило доказательствомъ умысла убить императора. Аницетъ съ надежными людьми отправился на виллу, гдѣ была Агриппина, ворвался въ спальню къ ней и убилъ ее. Получивъ ударъ палкой по головѣ, она раскрыла тѣло передъ занесеннымъ на нее мечемъ центуріона, сказала «вонзай здѣсь» и упала пронзенная множествомъ ударовъ. Такую награду далъ ей сынъ, для котораго она обременила себя столькими преступленіями. Немезида страшно исполнила свое дѣло. Трупъ былъ преданъ сожженію въ ту же ночь; прахъ не собрали, даже не прикрыли землею. У пылающаго костра Агриппины лишилъ себя жизни отпущенникъ ея Мнестеръ. Впослѣдствіи одинъ изъ слугъ Агриппины насыпалъ въ память ея небольшой могильный холмъ на Мизенской дорогѣ. Разсказываютъ, что когда-то она спрашивала звѣздогадателей о судьбѣ Нерона, въ то время еще ребенка; они отвѣчали: «онъ будетъ царствовать и убьетъ мать»; она сказала: «пусть убьетъ меня, лишь бы царствовалъ».

Мучимый совѣстью, Неронъ уѣхалъ въ Неаполь. Оттуда онъ послалъ сенату составленное Сенекой письмо, въ которомъ говорилось, что Агриппина составила заговоръ убить его, и когда покушеніе не удалось, лишила себя жизни; письмо обвиняло ее въ жестокости и властолюбіи, говорило, что смерть ея полезна государству. Выслушавъ письмо, сенатъ постановилъ, что во всѣхъ храмахъ должно быть принесено благодареніе богамъ за спасеніе императора. Онъ, ободренный такой преданностью, скоро вернулся въ Римъ; тамъ встрѣтили его со всевозможными почестями, выказывали восторгъ; онъ наградилъ народъ за усердіе играми и подарками. Онъ прогонялъ отъ себя черныя мысли непрерывными веселостями.

По смерти Агриппины Неронъ, избавившись отъ всякаго стѣсненія,

отдался развлеченіямъ и разврату безстыднѣе прежняго и ко всѣмъ видамъ господствующей безнравственности прибавилъ новыя униженія, источникомъ которыхъ была его склонность къ пошлымъ искусствамъ. Онъ публично являлся въ качествѣ мастера править лошадьми на скачкахъ въ циркѣ; ѣздилъ по улицамъ въ фантастическомъ костюмѣ и, останавливаясь, показывалъ народу свое искусство пѣть и играть на китарѣ; устроилъ во дворцѣ театръ для игръ, которыя назвалъ ювеналіями (играми молодыхъ людей) и подарками склонялъ обѣднѣвшихъ знатныхъ людей участвовать въ этихъ спектакляхъ, то есть раздѣлять съ нимъ ремесло актера, по римскимъ понятіямъ, позорное. Чувство стыда ослабѣвало въ народѣ. Всадники и сенаторы не совѣстились править лошадьми на скачкахъ въ циркѣ, показывать свое фехтовальное искусство передъ народомъ въ гладіаторскихъ бояхъ и въ бояхъ съ хищными звѣрями; мужчины и женщины высшаго сословія добровольно или по принужденію являлись на сцену въ роляхъ актеровъ и актрисъ, пѣли, танцовали, то есть, по римскимъ понятіямъ, безчестили себя. Сначала только избранная публика допускалась на эти спектакли, въ которыхъ показывалъ свое искусство императоръ; потомъ онъ пересталъ совѣститься и являлся на сценѣ публичныхъ театровъ въ Неаполѣ и другихъ городахъ. Страсть Нерона къ играмъ и театрамъ. 60—61.

Въ долинѣ, у Ватиканскаго холма, былъ устроенъ особый циркъ для скачекъ, въ которыхъ участвовалъ императоръ; сначала туда допускались только избранные зрители, потомъ Неронъ сталъ приглашать весь народъ. Онъ склонялъ подарками римскихъ всадниковъ участвовать въ гладіаторскихъ бояхъ и принуждалъ людей всѣхъ сословій участвовать въ спектакляхъ, которые давалъ на дворцовомъ театрѣ и въ императорскихъ садахъ. Тацитъ говоритъ: „Ни знатность, ни высокія должности, ни полъ, ни лѣта не освобождали отъ принужденія играть въ греческихъ или латинскихъ спектакляхъ, танцовать непристойныя пляски, пѣть пошлыя пѣсни. Даже знатныя женщины брали на себя это безчестное ремесло. Въ той рощѣ, которую Августъ развелъ кругомъ искусственнаго озера, назначеннаго для театральныхъ сраженій на водѣ, Неронъ построилъ гостинницы, гдѣ угощали народъ кушаньемъ и виномъ; зрителямъ раздавались деньги, чтобы пировать тамъ, и честные люди шли туда изъ страха, развратники—съ радостью. Развратъ и всякіе безчестные поступки все больше входили въ обычай, и давно начавшійся упадокъ нравовъ сталъ выказываться необузданно. Люди соперничали между собою въ распутствѣ, и опасно было не участвовать въ немъ. Наконецъ самъ императоръ явился на сценѣ и сталъ играть на китарѣ. Воины и центуріоны громко выражали одобреніе, а молодые всадники, называвшіеся „августанцами“ („августовскими“, т. е. императорскими друзьями), прославляли божественный видъ и голосъ императора. За эти заслуги ихъ награждали почестями“. Даже Бурръ и Сенека восхваляли сценическій талантъ императора, хоть, вѣроятно, печалились въ душѣ о такомъ униженіи. Неронъ занимался и писаньемъ стиховъ, собиралъ людей, тоже умѣвшихъ болѣе или менѣе ловко писать ихъ, и эти стихотворцы дополняли клочки

стиховъ, какіе удавалось придумать ему, такъ что выходили правильные стихи и строфы. Онъ созывалъ на свои обѣды философовъ и забавлялся, возбуждая ихъ спорить между собою и отъ споровъ переходить къ перебранкѣ. Какъ будто въ униженіе греческимъ національнымъ играмъ, онъ устроилъ подражаніе олимпійскимъ (быть можетъ, на праздникѣ пятилѣтія своего царствованія); эти игры онъ назвалъ нероновскими (Neronia). Тутъ были, какъ въ Олимпіи, гимнастическія и музыкальныя состязанія, также и состязанія колесницъ. Само собою разумѣется, что во всѣхъ этихъ состязаніяхъ награда была назначаема ему. На этомъ праздникѣ римляне были одѣты въ греческое платье; оно стало послѣ того входить въ моду. Римляне привыкали безчестить себя всяческими униженіями, всяческими видами распутства. Неронъ сформировалъ для аплодисментовъ себѣ особое общество даровитыхъ молодыхъ развратниковъ всадническаго сословія; они аплодировали по музыкальному такту, какъ это дѣлалось въ Александріи, въ другихъ греческихъ городахъ; они были раздѣлены на „хоры"; своимъ искусствомъ они пріобрѣли такое расположеніе Нерона, что онъ бралъ ихъ съ собою во всѣ поѣздки и, разумѣется, всячески награждалъ ихъ.

Возростающая свирѣпость Нерона.

Сначала Неронъ больше занимался только своими пошлостями, мало вмѣшиваясь въ государственныя дѣла, и его царствованіе было не столько угнетеніемъ, сколько позоромъ для римлянъ; но во вторую половину его правленія Риму пришлось испить до дна и чашу страданій, какъ чашу стыда. Подобно Калигулѣ, истощивъ на мотовство всѣ запасы денегъ въ казначействѣ, онъ, сталъ прибѣгать ко всяческимъ способамъ грабежа, чтобы добывать средства для продолженія своихъ веселостей. Возобновились процессы объ оскорбленіи величества и получили ужасающій размѣръ. Гнусные доносчики снова принялись за свое ремесло. Богатство, образованность, умъ стали качествами, гибельными для людей; честность сдѣлалась преступленіемъ.

Смерть Бурра и Октавіи 62.

Начало этого періода было ознаменовано смертью префекта преторіанцевъ, Бурра. Тацитъ оставляетъ не рѣшеннымъ, умеръ ли онъ естественной смертью отъ болѣзни горла или былъ отравленъ. По его смерти Неронъ развелся съ Октавіей и женился на Поппеѣ, а онъ упорно противился этому намѣренію Нерона, потому въ Римѣ полагали, что смерть его была насильственная. Преемникомъ ему былъ назначенъ Софоній Тигеллинъ, одинъ изъ гнуснѣйшихъ людей того времени. Онъ былъ низкаго происхожденія, проложилъ себѣ дорогу къ почестямъ участіемъ въ распутствахъ и злодѣйствахъ Нерона, сталъ неразлучнымъ товарищемъ оргій императора и сдѣлался теперь главнымъ исполнителемъ его свирѣпыхъ распоряженій. Вскорѣ послѣ того были убиты два знатные человѣка: Рубеллій Плавтъ, послѣдователь стоической философіи, строго державшійся правилъ честности и нравственности, уединенно жившій съ женою и немногими служителями въ Азіи въ своемъ имѣніи, и Корнеллій Сулла, потомокъ диктатора, женатый на Антоніи, дочери Клавдія, и сосланный въ Массалію подъ тѣмъ предлогомъ, что злоумышлялъ противъ Нерона.

Они были убиты безъ всякаго суда, и головы ихъ были привезены въ Римъ на поруганіе. Обвиненіемъ противъ Плавта было выставлено то, что онъ, гордясь своимъ богатствомъ и родствомъ съ императорской фамиліей, составилъ умыселъ противъ жизни императора; Суллу обвинили въ томъ, что онъ, желая избавиться отъ бѣдности, склонялъ галловъ къ мятежу. Сенатъ постановилъ совершить торжество благодаренія богамъ за устраненіе опасностей и вычеркнулъ имена убитыхъ изъ списка сенаторовъ. Сенека видѣлъ, что императоръ становится враждебенъ ему и удалился отъ государственныхъ дѣлъ. Но онъ былъ богатъ и знаменитъ, потому Неронъ остался при мысли, что надобно убить его. Октавія, съ которою развелся императоръ, была любима народомъ за свою скромность и благородныя качества; на нее были взведены по внушенію новой императрицы Поппеи вымышленныя обвиненія, она была сослана на островъ Пандатарію, и тамъ убили ее, перерѣзавъ ей артеріи въ наполненной горячею водою ваннѣ. Ей былъ тогда двадцатый годъ. Голова ея была привезена Поппеѣ. Весь Римъ печалился, но сенатъ постановилъ благодарить боговъ за спасеніе императора. Праздники, бывшіе прежде выраженіями радости, стали теперь назначаться по поводу государственныхъ бѣдствій, говоритъ Тацитъ.

Веселости.

Съ этой поры Неронъ перешелъ всѣ границы въ своемъ безстыдномъ распутствѣ. Окруженный поощрявшими его развратниками и развратницами, совершенно погрязнувшій въ пошлыя чувственныя наслажденія, онъ дѣлалъ неимовѣрныя гнусности и нелѣпости. Доходы государства тратились на безумное мотовство, ихъ было мало и надобно было грабить людей. Неронъ устроивалъ спектакли и фантастическія процессіи, въ которыхъ являлся пѣвцомъ и китаристомъ; публика должна была восхищаться его прекраснымъ голосомъ; онъ давалъ роскошные пиры, при устройствѣ которыхъ превосходными помощниками ему были Тигеллинъ и человѣкъ очень даровитый Петроній, получившій названіе «распорядителя пировъ» (Arbiter); Неронъ давалъ народу праздники, на которыхъ угощалъ все населеніе Рима за столами, разставленными по улицамъ и площадямъ.

Знаменитъ пиръ Тигеллина, устроенный на водѣ. Для пирующихъ былъ сдѣланъ огромный плотъ на озерѣ Агриппы; этотъ плотъ двигался по озеру. Блюда, подаваемыя обѣдавшимъ на плотѣ, были приготовлены изъ самыхъ рѣдкихъ и дорогихъ лакомствъ, привезенныхъ со всѣхъ концовъ государства; остальные гости и гостьи—вельможи и знатныя женщины, рабы, гладіаторы, публичныя женщины, всѣ безъ разбора пировали подъ шатрами, поставленными кругомъ озера и въ примыкавшихъ къ нему рощахъ; они пировали до глубокой ночи и, опьянѣвъ, предавались необузданному распутству. Женщины, бывшія тутъ, не отказывали въ своихъ ласкахъ никому. Тацитъ говоритъ: Неронъ развратничалъ такъ безстыдно, что надобно было полагать, не остается никакой гнусности, болѣе

омерзительной. Но черезъ нѣсколько дней онъ устроилъ праздникъ, на которомъ выказалъ еще отвратительнѣйшее безстыдство.

Пожаръ Рима. 64.

Обезчестивъ себя и римлянъ своимъ скотскимъ сладострастіемъ и своими артистическими глупостями, Неронъ пріобрѣлъ репутацію такого сумасброда и злодѣя, что ему былъ приписанъ ужасный пожаръ, который истребилъ большую часть города Рима, наиболѣе уважаемые храмы, массу дивныхъ созданій греческаго искусства, повергъ въ нищету большинство населенія города. Пожаръ начался въ лавкахъ того цирка, который находился близъ Палатинскаго и Целійскаго холмовъ; это были лавки, въ которыхъ продавалось масло и другіе горючіе матеріалы; вѣтеръ раздулъ пламя, оно распространилось сначала по низменности, потомъ охватило холмы, перешло по нимъ съ неудержимой силой на сѣверную низменность; улицы были узкія, кривыя, верхніе этажи домовъ деревянные, пламя разливалось необозримымъ огненнымъ моремъ. Только на шестой день успѣли остановить огонь у подошвы Эсквилина. Потомъ онъ опять усилился и еще три дня пожиралъ зданія на восточной сторонѣ Марсова поля. Изъ четырнадцати частей (regiones) города уцѣлѣли только четыре; три совершенно сгорѣли; въ остальныхъ семи осталось лишь нѣсколько полуобгорѣвшихъ домовъ.

Яркими красками описавъ этотъ ужасный пожаръ и бѣдствія безчисленнаго множества людей, лишившихся всего имущества, оставшихся безъ крова, мучимыхъ голодомъ, Тацитъ говоритъ: „Никто не смѣлъ гасить огонь, потому, что отъ многихъ слышались запрещенія гасить и угрозы, а многіе другіе на глазахъ у всѣхъ поджигали дома, бросая головни, и кричали, что они знаютъ, по чьему порученію поджигаютъ; быть можетъ, они дѣлали это для того, чтобы грабить, быть можетъ, дѣйствовали по приказанію“. Пожаръ вспыхнулъ въ тотъ самый день, въ который, по преданію, былъ зажженъ Римъ галлами (19 іюля).—Естественно было, что такое ужасное событіе сильно возбудило фантазію народа и породило неправдоподобнѣйшіе слухи. Нѣкоторые изъ нихъ дошли до насъ, и новѣйшимъ защитникамъ Нерона легко опровергать тѣ извѣстія о пожарѣ Рима, которыя не правдоподобны; изъ этого они дѣлаютъ выводъ, что Неронъ не былъ виноватъ въ пожарѣ. Германъ Шиллеръ даже нашелъ людей, виновныхъ въ злорѣчіи противъ Нерона: по его мнѣнію, аристократы, уже составлявшіе тогда заговоръ, который называется Пизоновымъ, распустили молву, будто Неронъ виноватъ въ этомъ пожарѣ; они клеветали на него, чтобы возбудить въ народѣ ненависть къ нему.

Возобновленіе города. Золотой дворецъ Нерона.

Неронъ былъ тогда въ Анціѣ и вернулся въ Римъ, лишь когда пламя уже охватило дворецъ и примыкавшіе къ нему сады Мецената; онъ раздавалъ хлѣбъ народу, бродившему безпріютно въ отчаяніи, онъ велѣлъ наскоро строить временныя помѣщенія для укрытія людей отъ непогоды; но хоть онъ и заботился смягчить бѣдствія массы населенія, оно говорило, что пожаръ зажженъ по его приказанію. Была молва, что въ самое сильное время пожара онъ, одѣвшись китаристомъ, пѣлъ на сценѣ своего театра, или на башнѣ Мецената стихи, въ которыхъ описывалось разрушеніе Трои. Деспотъ былъ такъ сумасброденъ, что его считали способнымъ на все. Говорили, что онъ зажегъ Римъ для того, чтобы построить на его развалинахъ новый городъ, который будетъ называться Нероніей, что, кромѣ того, ему надобно было уничтожить прежній дворецъ, изъ желанія построить новый болѣе великолѣпный. Этому вѣрили тѣмъ больше, что новый дворецъ, построенный имъ на мѣстѣ прежняго, превосходилъ всѣ зданія древняго Рима обширностью и великолѣпіемъ. «Золотой дворецъ» Нерона, ослѣплявшій блескомъ своихъ украшеній, составляли нѣсколько зданій, стоявшихъ далеко другъ отъ друга и соединенныхъ между собою колоннадами; на обширномъ пространствѣ, охваченномъ ими, были луга, искусственныя озера, виноградники, рощи. На дворѣ передъ главнымъ зданіемъ стояла бронзовая статуя бога солнца, вышиною въ 120 футовъ. Архитекторы, завѣдывавшіе постройками, Северъ и Целеръ, одолѣвали всѣ затрудненія, какія представлялъ харктеръ мѣстности, не отступая ни передъ какими расходами *). Возобновляя городъ, строили его по плану, болѣе хорошему, чѣмъ была прежняя постройка. Улицы были сдѣланы широкія, прямыя, дома строились каменные, менѣе высокіе; объемъ города былъ увеличенъ; площади, колоннады, фонтаны, бассейны, придавали городу красоту. Постройка домовъ была ускоряема пособіями и наградами.

Но какъ ни заботился Неронъ смягчить послѣдствія великаго несчастія, народъ продолжалъ думать, что городъ былъ сожженъ по его волѣ. Эта молва повела Нерона къ новому гнусному злодѣйству. Тацитъ передаетъ дѣло такъ: чтобъ отклонить народную ненависть отъ себя на другихъ, Неронъ обвинилъ въ поджогѣ города послѣдователей новой религіи, называвшихся христіанами; ихъ вѣра считалась одною изъ іудейскихъ сектъ, и римскій народъ презиралъ и ненавидѣлъ этихъ людей за то, что они держались особымъ кружкомъ (по выраженію Тацита, «за ихъ ненависть къ людямъ») и за то, что они упорно уклонялись отъ всякаго участія въ римскомъ богослуженіи. Множество ихъ были подвергнуты суду, признаны виновными и осуждены на смерть. А для покрытія издержекъ на безумное великолѣпіе новаго дворца и на постройку города, провинціи были отданы на систематическій грабежъ. Для украшенія новаго

*) Впечатлѣніе, какое производили громадные размѣры дворца, передаетъ знаменитая эпиграмма Марціала:

«Римъ становился однимъ домомъ; квириты, переселяйтесь въ Веіи, если не поглотитъ и Веіи этотъ дворецъ».

Рима отняли у греческихъ городовъ лучшія произведенія художествъ.

„Предавая смерти христіанъ", говоритъ Тацитъ, „подвергали ихъ поруганіямъ: ихъ зашивали въ звѣриныя шкуры и отдавали на растерзаніе собакамъ или распинали на крестѣ, или, обмазавъ смолою, зажигали при наступленіи темноты, чтобъ они горѣли, какъ ночные факелы. Для этого зрѣлища Неронъ открылъ свои сады, устроилъ игры въ циркѣ и вмѣшивался въ толпу, одѣтый колесничнымъ возчикомъ, или ѣздилъ между народомъ въ экипажѣ. Потому возбудилось сожалѣніе къ людямъ, которые, если и были виновны, то подвергались неслыханному наказанію; свирѣпость его заставляла думать, что они приносятся въ жертву не общему благу, а жестокости одного человѣка". Основываясь на этомъ чрезвычайно важномъ для исторіи христіанства извѣстіи Тацита, называютъ убійство христіанъ, произведенное по поводу пожара Рима, первымъ гоненіемъ на христіанскую религію. Легенда прибавила къ словамъ Тацита множество подробностей.—Иноземцы, жившіе въ той мѣстности, гдѣ начался пожаръ, конечно, легко могли подвергнуться подозрѣнію въ поджогѣ; естественно было, что Неронъ и его придворные воспользовались этимъ подозрѣніемъ, чтобъ ненависть народа, возбужденную пожаромъ, отклонить отъ императора на людей, которыхъ народъ не любилъ. Очень возможно и то, что при неудовольствіи послѣдователей Моисеева закона на своихъ соплеменниковъ, принявшихъ другое исповѣданіе, нѣкоторые іудеи могли говорить о христіанахъ что-нибудь такое, изъ чего можно было построить обвиненіе противъ нихъ. Но едва-ли существовало у Нерона, или у римской администраціи желаніе преслѣдовать вѣру христіанъ. То, что христіане подверглись смерти, было дѣломъ политическаго разсчета, пользовавшагося враждебностью къ нимъ народа.—Тацитъ сообщаетъ подробности и о тѣхъ денежныхъ угнетеніяхъ, поводомъ для которыхъ послужилъ пожаръ. Онъ говоритъ: „Чтобы набрать денегъ, правительство ограбило Италію, раззорило провинціи, союзные народы, свободные города. Были ограблены даже храмы, уцѣлѣвшіе въ Римѣ: изъ нихъ было взято золото, пожертвованное римскимъ народомъ въ прежнія времена изъ добычи и по обѣщаніямъ, дававшимся при разныхъ счастливыхъ и несчастливыхъ случаяхъ. Изъ Азіи, изъ Ахаіи уполномоченные императора—отпущенникъ Акратъ и философъ Секундъ Каринатъ увезли не только пожертвованныя въ храмы дорогія вещи, но и золотыя изображенія боговъ".

Заговоръ Пизона.

Деморализованное населеніе Рима выносило всѣ свирѣпости и гнусности Нерона, не дѣлая серьезныхъ попытокъ свергнуть отвратительнаго злодѣя. Наконецъ чаша терпѣнія была, повидимому, переполнена. Составился заговоръ, цѣлью котораго было убить Нерона на играхъ цирка въ праздникъ Цереры. Главою заговора былъ Гаій Кальпурній Пизонъ, очень богатый вельможа привѣтливаго характера. Заговорщики надѣялись на содѣйствіе преторіанцевъ; одинъ изъ начальниковъ этого войска, Феній Руфъ, принялъ изъ зависти къ Тигеллину участіе въ заговорѣ. Соумышленники Пизона хотѣли возвести его на престолъ. Итакъ даже они считали возстановленіе республики дѣломъ невозможнымъ, и заговоръ былъ направленъ только противъ монарха, а не противъ монархіи. Въ числѣ заговорщиковъ находились люди изъ самыхъ знатныхъ сенаторскихъ и всадническихъ фамилій; къ нему присоединились и тѣ немногіе республиканцы, какіе еще оставались между римлянами. Большинство заговорщиковъ держало себя робко и вообще все дѣло было ведено не благоразумно, такъ что ходъ заговора служитъ доказательствомъ неспособности тогдашняго римскаго общества къ энтузіазму и къ энергіи. Исполненіе замысла долго отлагалось, участники его посвящали въ свой планъ очень многихъ людей; отпущенникъ одного изъ важнѣйшихъ заговорщиковъ сдѣлалъ доносъ Нерону, и онъ подвергъ всѣхъ виновныхъ и подозрѣваемыхъ свирѣпому преслѣдованію. Орудіемъ преслѣдованія былъ Тигеллинъ; Поппея возбуждала мужа дѣйствовать безпощадно. Большинство подвергшихся обвиненію держали себя трусливо, обвиняли друзей и родныхъ, чтобы самимъ спастись отъ смерти; это облегчало Нерону дѣло преслѣдованія и дало ему возможность подвергнуть казни всѣхъ непріятныхъ ему людей. Только женщина, отпущенница Эпихарида, выказала твердость характера: самыя ужасныя пытки не могли вынудить у нея никакихъ признаній. Феній Руфъ старался смыть съ себя вину кровью своихъ соумышленниковъ. Въ числѣ погибшихъ находились Сенека и другой знаменитый человѣкъ, поэтъ Маркъ Анней Луканъ. Сенека уже давно сталъ въ тягость своему бывшему воспитаннику; Луканъ былъ его племянникъ, человѣкъ честолюбивый, оскорбленный Нерономъ и остававшійся вѣрнымъ старинному образу мыслей: его поэма «Фарсалія» проникнута любовью къ республиканскимъ учрежденіемъ, къ строгой нравственности въ домашнемъ быту. Дружба Сенеки съ Пизономъ и Луканомъ была найдена достаточнымъ доказательствомъ его соучастія въ заговорѣ; Сенека перерѣзалъ себѣ артеріи и мужественною смертью загладилъ робость, которою часто унижалъ себя въ жизни. Лишь немногіе заслужили славу такого мужества, какъ онъ: большинство до послѣдней минуты безчестило себя трусостью, или лестью. Казни и ссылки избавили тиранна отъ множества знатныхъ гражданъ, которыхъ онъ подозрѣвалъ въ непріязни или богатствами которыхъ желалъ овладѣть. Конфискаціи дали ему средства наградить воиновъ, доносчиковъ и другихъ помощниковъ своихъ; сенатъ постановилъ благодарить боговъ за спасеніе императора.

Смерть Поппеи.

Межъ тѣмъ, какъ совершались каждый день многочисленныя казни, Неронъ устроивалъ игры, поэтическія и ораторскія состязанія и пировалъ, празднуя свое спасеніе. Праздники были прерваны смертью Поппеи Сабины, но прерваны лишь не надолго. Городская молва, передаваемая Тацитомъ, говорила, что императрица, которой приближалось время родить, умерла отъ пинка ногой, даннаго ей мужемъ. Тѣло ея было набальзамировано; похороны были торжественныя, на нихъ была сожжена неимовѣрная масса благовонныхъ куреній. Прахъ былъ отнесенъ въ императорскую гробницу, и кто не хотѣлъ уча-

ствовать въ служеніи обоготворенной развратницѣ, былъ обвиняемъ въ оскорбленіи величества. Природа какъ будто хотѣла помогать деспоту въ дѣлѣ истребленія римлянъ: въ столицѣ появилась повальная болѣзнь, отъ которой умерло 30,000 человѣкъ.

Смерть Тразеи Пета 66.

Заговоръ Пизона возбудилъ въ Неронѣ подозрѣніе противъ ученыхъ. Тигеллинъ поддерживалъ въ немъ это чувство и направилъ его непріязнь въ особенности на приверженцевъ стоической философіи, составлявшихъ въ сенатѣ единственную оппозицію владычествовавшему раболѣпству. Главою ихъ былъ Публій Клодій Тразея Петъ, человѣкъ старинной римской строгой нравственности; иногда онъ открыто противорѣчилъ въ сенатѣ постыднымъ предложеніямъ; а если находилъ это невозможнымъ, то молчалъ, и уже самое молчаніе его было краснорѣчивымъ порицаніемъ пошлому подобострастью сената. Наконецъ онъ рѣшился не видѣть позора и удалился отъ политической жизни. Онъ былъ республиканецъ, подобный Катону, жизнь котораго описалъ. У него собирались недовольные римскіе вельможи. Его знатность, образованность и безукоризненная честность пріобрѣли ему большое вліяніе на общественное мнѣніе, особенно въ провинціяхъ, гдѣ испорченность нравовъ еще не совершенно заглушила любовь къ добродѣтели, справедливости, гуманности.

Неронъ долго опасался убить вліятельнаго и осторожнаго Тразею; кажется, даже пытался пріобрѣсти его поддержку; но, человѣкъ съ твердымъ характеромъ, Тразея отвергъ любезности Нерона. Наконецъ было рѣшено убить его. Зять Тигеллина Капитонъ Коссуціанъ обвинилъ его въ злоумышленіи; уликами были, по словамъ Коссуціана, факты такого рода: Тразея уклоняется отъ присутствія на присягѣ императору, даваемой въ началѣ каждаго года; не участвуетъ въ молитвахъ за императора; не приноситъ жертвъ за его благоденствіе и за сохраненіе его небеснаго голоса; онъ три года не посѣщаетъ Курію; онъ возбуждаетъ народъ къ недовольству; въ провинціяхъ и въ войскѣ читаютъ римскіе „Ежедневные Акты" (нѣчто подобное газетѣ), лишь для того, чтобъ узнать въ чемъ не участвовалъ Тразея; изъ всѣхъ его поступковъ слѣдуетъ, что онъ презираетъ религію и законы. Въ такихъ же преступленіяхъ былъ обвиненъ другъ Тразеи, стоикъ Барея Серанъ. Сенатъ, запуганный грознымъ видомъ поставленныхъ на форумѣ преторіанцевъ, не отважился сопротивляться и осудилъ на смерть Тразею, Серана и дочь Серана Сервилію, какъ соучастницу въ злоумышленіи отца. Въ видѣ особенной милости, имъ была дана свобода избрать себѣ смерть, какую хотятъ. Когда приговоръ былъ объявленъ Тразеѣ, онъ разговаривалъ съ другимъ философомъ объ отношеніи души къ тѣлу. Онъ перерѣзалъ себѣ артеріи. Его зять Гельвидій Прискъ былъ сосланъ.

Смертью Тразеи, человѣка старинной римской твердости характера была устранена послѣдняя задержка полному развитію тиранства и безстыдства. Римскій народъ въ это время восхищался праздниками, какіе устроилъ Неронъ по поводу пріѣзда въ Римъ Тиридата, по-

томка парѳянскихъ царей, явившагося съ блестящей свитою въ Римъ просить объ утвержденіи его въ санѣ царя армянскаго. Онъ склонилъ колѣна передъ императоромъ, воздавая ему почесть, какъ богу Митрѣ; Неронъ возложилъ на голову колѣнопреклоненнаго царя діадему и отпраздновалъ играми и всякими веселостями золотые дни своего освобожденія отъ всѣхъ противниковъ и поклоненія восточнаго царя ему.

Корбулонъ.

Это торжество было доставлено Нерону Домиціемъ Корбулономъ, который въ тѣ времена владычества всѣхъ гнусностей, возобновилъ славу римскаго оружія на Востокѣ и возстановилъ власть Рима надъ Арменіей (стран. 17.). Вскорѣ послѣ того, Неронъ отблагодарилъ Корбулона, убивъ его. Знаменитый полководецъ имѣлъ въ рукахъ такую силу, пользовался такимъ уваженіемъ, что безъ труда могъ бы отнять престолъ у развратника, ненавистнаго всѣмъ. Храбрый воинъ былъ вѣрнымъ подданнымъ и даже послалъ вмѣстѣ съ Тиридатомъ въ Римъ своего зятя Аннія, какъ заложника своей преданности императору. Но онъ не отклонилъ этимъ отъ себя подозрительности Нерона и зависти его прислужниковъ. Неронъ полагалъ, что онъ хочетъ овладѣть престоломъ, вызвалъ его къ себѣ при своей поѣздкѣ въ Грецію и отдалъ приказаніе убить его тотчасъ же, какъ онъ выйдетъ на берегъ. Вышедши на берегъ въ Кенхреяхъ, Корбулонъ выслушалъ это приказаніе и вонзилъ въ грудь себѣ мечъ, воскликнувъ: „заслужено мной!" (67 годъ).

Неронъ въ Греціи 67.

Пріѣздъ Тиридата въ Римъ внушилъ Нерону такую гордость, что онъ вздумалъ показать свои таланты въ Греціи, доставить имъ торжество въ самой отчизнѣ искусства. Въ сопровожденіи своихъ августанцевъ, тщеславный сумасбродъ сталъ разъѣзжать по греческимъ городамъ нелѣпыми процессіями, устроилъ олимпійскія игры, вслѣдъ за ними пиѳійскія, истмійскія. На этихъ праздникахъ давались трагедіи, комедіи; были состязанія въ пѣніи, въ скачкѣ колесницъ; льстивые греки, разумѣется, каждый разъ провозглашали Нерона побѣдителемъ, назначали ему вѣнки; и онъ своими пошлостями подорвалъ послѣдніе остатки уваженія къ римскому правительству. Онъ велѣлъ прорыть черезъ Истмъ каналъ; но пробивать скалы перешейка было такъ трудно, что работа была скоро брошена. Были распущены слухи о неблагопріятныхъ предзнаменованіяхъ; стали говорить, что уровень моря въ Коринѳскомъ заливѣ выше, чѣмъ въ Сарон-скомъ, что море хлынетъ черезъ каналъ, зальетъ Эгину и Саламинъ; и планъ былъ брошенъ. Въ благодарность за шумныя похвалы грековъ сценическому искусству и прекрасному голосу императора, онъ объявилъ, что даетъ свободу всей Ахаіѣ; но отнялъ сокровища у греческихъ храмовъ, велѣлъ разрушить памятники, поставленные въ честь прежнихъ побѣдителей на играхъ, отнималъ у освобожденныхъ имъ грековъ дочерей и сыновей въ удовольствіе своему разврату. Между тѣмъ въ Римѣ отпущенникъ его Гелій казнилъ, изгонялъ

кого хотѣлъ, конфисковалъ имущества; началось глухое броженіе въ Римѣ, и Геллій нашелъ надобнымъ вызвать своего повелителя въ столицу.

Возвращеніе и смерть Нерона.

Императоръ съ торжествомъ возвратился черезъ Неаполь въ Римъ. Городъ былъ украшенъ, по улицамъ были поставлены жертвенники, курились благоуханія; Неронъ въѣхалъ въ столицу тріумфальной процессіей; на немъ была пурпурная мантія, вышитая золотыми звѣздами, на головѣ у него былъ олимпійскій вѣнокъ, въ правой рукѣ — пиѳійскій вѣнокъ; его сопровождали воины, всадники, сенаторы, прославлявшіе его, какъ Геркулеса и Аполлона. Но это было послѣднее его торжество. Карьера его приближалась къ концу. Пропреторъ Галліи Юлій Виндексъ, потомокъ аквитанскихъ царей, возбудилъ къ возстанію свою провинцію, мучимую страшнымъ грабежомъ Нерона, и еще не вполнѣ забывшую національныя чувства; онъ хотѣлъ возстановить независимость Галліи, дать Риму императора по выбору галловъ, предложилъ своему войску низвергнуть Нерона и возвести на престолъ правителя Испаніи, Сервія Сульпиція Гальбу, человѣка знатной и богатой фамиліи, считавшагося опытнымъ воиномъ и хорошимъ правителемъ. Войско, большинство въ которомъ составляли провинціалы, одобрило предложеніе Виндекса. Испанскіе легіоны тоже провозгласили Гальбу императоромъ; Отонъ, бывшій соучастникъ оргій Нерона, правитель Лузитаніи, присоединился къ новому императору. Но прежде, чѣмъ Гальба перешелъ Пиренеи, произошла битва между галльскимъ войскомъ Виндекса и легіонами, стоявшими на верхнемъ Рейнѣ. Вожди вовсе не думали о борьбѣ: на свиданьи въ Везонціонѣ они согласились между собою во всемъ. Но галльскіе и германскіе легіоны начали бой между собою, или по недоразумѣнію, или по непріязни и зависти. Сраженіе было ужасно; 20,000 воиновъ изъ войска Виндекса легли на полѣ битвы. Пораженіе галльскихъ легіоновъ уничтожило возможность возстановленія независимости Галліи. Виндексъ или палъ въ битвѣ, или убилъ себя въ отчаяніи отъ неудачи, — не дожилъ до паденія Нерона, «плохого китариста», какъ онъ называлъ его. Но этотъ печальный эпизодъ не помѣшалъ успѣху дѣла Гальбы. Рейнскіе легіоны, начальникомъ которыхъ былъ храбрый Виргиній Руфъ, объявили себя за него. Онъ отклонилъ отъ себя принятіе императорскаго сана до рѣшенія сената. Утвержденіе сената было скоро получено. Злодѣйства сумасброднаго тиранча и голодъ въ Римѣ произвели броженіе умовъ. При извѣстіи, что идутъ съ запада возставшія войска и что легіоны, посланные противъ нихъ, тоже возстали, броженіе перешло въ открытый мятежъ. Ободренный имъ сенатъ объявилъ Нерона врагомъ отечества и провозгласилъ императоромъ Гальбу. Нимфидій, второй послѣ Тигеллина начальникъ преторіанцевъ, обѣщалъ имъ большіе подарки, если они подчинятся рѣшенію сената, и они также провозгласили Гальбу императоромъ.

Неронъ, покинутый всѣми, даже и товарищами своего распутства, бѣжалъ переодѣтый на виллу одного изъ своихъ отпущенниковъ; послышался топотъ лошадей, Неронъ понялъ, что это всадники, посланные сенатомъ искать его. (Сенатомъ были разосланы повсюду отряды всадниковъ искать Нерона; имъ было приказано привезти его въ Римъ, чтобы за свои преступленія онъ былъ тамъ подвергнутъ казни «по старому обычаю»). Дрожа отъ страха, Неронъ велѣлъ отпущеннику заколоть его. При входѣ центуріона онъ умеръ отъ кинжала отпущенника, воскликнувъ входящему: «Поздно!» Ему шелъ тогда 31 годъ и былъ 14 годъ его правленія. Онъ былъ послѣднимъ потомкомъ династіи Юліевъ и Клавдіевъ.

Народныя вѣрованія о Неронѣ.

Неронъ былъ послѣднимъ потомкомъ фамиліи Юліевъ, которая производила себя отъ Энея и Венеры; въ продолженіе двухъ послѣднихъ столѣтій всѣ великія событія римской исторіи происходили при участіи Юліевъ. Естественно было, что таинственная смерть Нерона на виллѣ его отпущенника произвела сильное впечатлѣніе на римскій народъ, и что возникла легенда, какая возникала и при погибели другихъ династій: молва говорила, что династія не прекратилась; распространился слухъ, что Неронъ, рѣзкія черты котораго не могли скоро исчезнуть изъ памяти римскаго народа, не умеръ, что онъ успѣлъ бѣжать на Востокъ, что онъ возвратится и снова овладѣетъ царствомъ. Говорятъ, что долго въ день его смерти гробница его въ Римѣ была украшаема вѣнками и цвѣтами. Три раза являлись самозванцы, выдававшіе себя за Нерона и каждый находилъ себѣ приверженцевъ. Еще Домиціанъ трепеталъ имени Нерона. Въ особенности греки сохранили расположеніе къ императору, который былъ восторженнымъ поклонникомъ греческаго искусства, пріѣзжалъ въ ихъ страну, какъ актеръ и китаристъ, щедро раздавалъ золото и другіе подарки всѣмъ восхищавшимся его талантами; они имѣли отъ него только выгоды, не испытывая его свирѣпостей. Въ памяти христіанъ осталась напротивъ того свирѣпость Нерона. Ужасное преслѣдованіе, въ которомъ погибло большинство перваго поколѣнія христіанъ города Рима, внушило ихъ единовѣрцамъ мысль, что онъ антихристъ; христіане тоже вѣрили, что онъ возвратится, но думали, что это возвращеніе будетъ непосредственно предшествовать второму пришествію Христа, что оно будетъ предвѣстіемъ погибели нынѣшняго міра и начала тысячелѣтняго царства мучениковъ. Это вѣрованіе глубоко вкоренилось въ мысли христіанъ того времени и нашло себѣ выраженіе въ Апокалипсисѣ.

---

2. Христіанство въ апостольскій вѣкъ.

Іерусалимская церковь.

Въ то время, какъ римское государство было терзаемо безумнымъ деспотизмомъ и языческая религія умирала долгой мучительной агоніей, христіанство въ тишинѣ росло могучимъ деревомъ, на которомъ созрѣвали плоды, дающіе жизнь алчущему человѣческому сердцу.

Тотъ праздникъ пятидесятницы, о великомъ значеніи котораго для апостольской общины мы говорили (стран. 149), былъ днемъ рожденія христіанской церкви. Одиннадцать учениковъ, оставшіеся вѣрными учителю, чувствовали себя осѣненными силою, нисшедшею на нихъ свыше, прониклись мужествомъ и начали исполненіе своего дѣла съ радостной увѣренностью въ успѣхѣ. Къ нимъ присоединилось семейство Іисуса и другіе вѣрующіе, число которыхъ увеличивалось. Слѣдуя примѣру наставника, ученики сначала не отдѣлялись отъ іудейства, они чтили храмъ, какъ священный центръ истинной вѣры, соблюдали заповѣди, обряды и обычаи Моисеевой религіи, различались отъ своихъ прежнихъ единовѣрцевъ только тѣмъ, что чтили распятаго Іисуса, какъ Мессію, и ожидали скораго возвращенія его въ небесной славѣ, какъ «любящая невѣста ждетъ жениха», крестили новыхъ членовъ, принимаемыхъ въ общеніе вѣры и жизни, исполняя надъ ними священное дѣйствіе, которое воспринялъ самъ Іисусъ отъ Іоанна, и совершали въ своемъ кругу священную вечерю любви и союза съ учителемъ своимъ въ память о страданіи и смерти восшедшаго на небеса Господа.

Первоначальное устройство церкви.

Апостолы восполнили свое число до двѣнадцати поставленіемъ Матеія въ санъ апостольскій и продолжали дѣло своего наставника, уча и исцѣляя. Когда число членовъ общины стало велико и занятія апостоловъ увеличились, такъ что потребовали облегченія, то были выбраны старѣйшины (пресвитеры) для того, чтобы помогать имъ въ управленіи дѣлами. Мы читаемъ въ „Дѣяніяхъ Святыхъ Апостоловъ", что въ тѣсномъ кругу христіанъ того времени продолжалось общеніе имуществъ, существовавшее между учителемъ и учениками, и что оно послужило первымъ основаніемъ для раздѣленія занятій. „У множества увѣровавшихъ было одно сердце и одна душа; и никто ничего изъ имѣнія своего не называлъ своимъ, но все у нихъ было общее. Не было между ними никого нуждающагося; ибо всѣ, которые владѣли землями, или домами, продавая ихъ, приносили цѣну проданнаго и полагали къ ногамъ Апостоловъ; и каждому давалось, въ чемъ кто имѣлъ нужду". (Дѣянія Апостоловъ IV, 32, 34, 35.). Ожиданіе близкой кончины міра, вѣроятно, содѣйствовало этому одушевленію братской любви. Но общеніе имуществъ было только дѣломъ чувства: никто не имѣлъ права требовать себѣ ничего, никто не былъ принуждаемъ отдавать свое имущество въ общую кассу; и скоро этотъ порядокъ дѣлъ прекратился. Но пока онъ существовалъ, нужно было много заботъ о томъ, чтобы управленіе добровольными пожертвованіями велось правильно, и дары любви распредѣлялись справедливо. Для завѣдыванія этими хозяйственными дѣлами были, по желанію апостоловъ, выбраны собраніемъ вѣрующихъ семь человѣкъ „извѣданныхъ, исполненныхъ Святого Духа и мудрости" (VI, 3.); позднѣе мы встрѣчаемъ такихъ попечителей о бѣдныхъ подъ названіемъ „діаконовъ"; ихъ тоже вообще было семь. Такимъ же образомъ были поручены и женщинамъ заботы о женщинахъ, нуждающихся въ пособіи христіанской любви. Семь попечителей объ имуществѣ, избранныхъ іерусалимской общиной, трудилось и для распространенія вѣры; въ особенности важна была дѣятельность Стефана и Филиппа. Для укрѣпленія братской любви, члены первой христіанской общины обыкновенно кончали свои собранія трапезой; такія трапезы назывались агапами, „трапезами любви"; расходы на нихъ покрывались взносами опредѣленнаго размѣра, или добровольными пожертвованіями зажиточныхъ людей; въ воспоминаніе о послѣдней вечерѣ учителя, былъ подаваемъ преломленный хлѣбъ съ чашею вина. Такія собранія бывали, обыкновенно, по воскресеньямъ, въ день возстанія Іисуса изъ мертвыхъ и день излiянія Святого Духа на апостоловъ; потому этотъ „день Господень" былъ празднуемъ съ особеннымъ благоговѣніемъ. Споры между вѣрующими обыкновенно рѣшались судьями изъ среды ихъ. Недостойные люди или отступники были исключаемы изъ братства по рѣшенію общины.

Стефанъ.

Такимъ образомъ, молодая христіанская община въ Іерусалимѣ существовала нѣсколько времени, не подвергаясь кровавымъ преслѣдованіямъ, хотя испытывала непріятности и стѣсненія со стороны іудейскихъ духовныхъ властей. Духовные правители іудеевъ заключили въ темницу Петра и Іоанна и воспретили имъ говорить и учить о имени Іисуса (IV, 18). Но по совѣту вліятельнаго фарисея Гамаліила, ихъ освободили, хотя они смѣло сказали, что должно болѣе повиноваться Богу, чѣмъ людямъ. Потомъ поднялась новая буря противъ христіанской общины. Партія, состоявшая изъ иноземныхъ іудеевъ, или такъ называемыхъ эллинистовъ, имѣвшихъ въ Іерусалимѣ свою школу, обвинила Стефана въ томъ, что «онъ говорилъ хульныя слова на Моисея и на Бога, на святое мѣсто и на законъ», и возбудила противъ него народъ. Стефанъ, призванный къ отвѣту передъ синедріонъ, доказалъ примѣрами изъ іудейской исторіи, что израильскій народъ и его правители всегда отъ глубокой древности до Христа преслѣдовали наилучшихъ, благочестивѣйшихъ людей и заключилъ свою рѣчь вдохновеннымъ восклицаніемъ: «Вотъ я вижу небеса отверстыя и Сына человѣческаго, стоящаго одесную Бога» (VII, 56). Раздраженные такою смѣлостью, судьи вскочили съ мѣстъ и осудили 36.
Стефана, какъ богохульника, на побіеніе камнями. Преклонивъ колѣна, Стефанъ, «первомученникъ» за христіанство, принялъ тяжкую смерть, моля Бога о прощеніи своимъ врагамъ. Это было началомъ тяжкаго преслѣдованія всѣхъ іерусалимскихъ христіанъ; многіе вѣрующіе разсѣялись по Іудеѣ и Самаріи, но черезъ нѣсколько времени снова собралась въ Іерусалимѣ маленькая община христіанъ, подъ управленіемъ Іакова, праведнаго человѣка святой жизни, брата Господня.

Распространеніе Христіанства по Сиріи и Палестинѣ.

Кровь мучениковъ порождала новыхъ вѣрующихъ. Разсѣяніе христіанъ изъ Іерусалима много содѣйствовало расширенію понятій послѣдователей новой вѣры и увеличило число ихъ. Іерусалимская община строго соблюдала іудейскіе обряды; это мѣшало распространенію христіанства между людьми другихъ національностей. Преслѣдованіе разъяснило іерусалимскимъ христіанамъ, что іудеи не примирятся съ ихъ общиною. Апостолы и другіе энергическіе люди разсѣявшейся іерусалимской общины нигдѣ не забывали обязанности благовѣствованія, вездѣ, куда

приходили, собирали около себя новыхъ вѣрующихъ и принимали ихъ въ свое общество крещеніемъ и возложеніемъ рукъ; ученіе о распятомъ и воскресшемъ Спасителѣ развивалось; ученики Христа поняли теперь его заповѣдь: «идите по всему міру и учите всѣ народы»; іерусалимская община принимала только исповѣдующихъ законъ Моисеевъ; а ученики, возвѣщавшіе Спасителя вдали отъ Іерусалима, проповѣдовали также и язычникамъ, возбуждали вѣру во Христа у самарянъ и грековъ.

Бѣжавшій изъ Іерусалима попечитель о бѣдныхъ Филиппъ, на пути изъ Іерусалима въ Газу, крестилъ царедворца царицы эѳіопской и проповѣдовалъ вѣсть о спасеніи въ приморскихъ городахъ Палестины. Петръ училъ въ Самаріи и отвергъ предложеніе Симона Волхва, самарянина, котораго считали въ той мѣстности чудотворцемъ и который хотѣлъ за деньги пріобрѣсти отъ Петра даръ совершать возложеніемъ рукъ такія же чудеса, какъ онъ. Кажется, впрочемъ, что Симонъ продолжалъ и послѣ того пользоваться вліяніемъ у самарянъ. Другіе проповѣдники, ушедшіе отъ гоненія, учили въ Антіохіи, Финикіи, на островѣ Кипрѣ, въ другихъ мѣстахъ, и пріобрѣтали много послѣдователей изъ числа язычниковъ. Черезъ нѣсколько времени царь іудейскій Иродъ Агриппа, желая заслужить признательность іудейскихъ духовныхъ правителей, подвергъ іерусалимскую общину христіанъ второму гоненію, при которомъ былъ казненъ мечемъ Іаковъ, старшій братъ Іоанна, а Петръ былъ брошенъ въ темницу, но былъ освобожденъ изъ нея чудеснымъ образомъ. Это гоненіе увеличило непріязнь между іудеями и христіанами.

Павелъ (Савлъ).

Около этого времени, проповѣдь ученія о Христѣ язычникамъ, получила чрезвычайно сильное развитіе трудами Павла, іудея, родившагося въ Киликійскомъ городѣ Тарсѣ и получившаго греческое образованіе. Прежнее имя его было Савлъ. Юношей онъ поселился въ Іерусалимѣ, поступилъ тамъ въ школу фарисеевъ, которой управлялъ Гамаліилъ; учась, Савлъ жилъ своимъ ремесломъ. Онъ былъ дѣлатель палатокъ. При побіеніи Стефана камнями, онъ выказалъ горячую вражду къ христіанству и послѣ того отправился въ Дамаскъ преслѣдовать тамъ исповѣдующихъ Христа. Онъ былъ человѣкъ пылкаго характера и, быть можетъ, старался гоненіемъ христіанъ заглушить возникавшую въ немъ склонность къ ихъ ученію. Вѣроятно, сильно подѣйствовало на него и мужество, съ какимъ принялъ мученическую смерть Стефанъ. Близъ Дамаска, онъ имѣлъ чудесное
36. видѣніе, сдѣлавшее его изъ горячаго преслѣдователя христіанъ пламеннымъ послѣдователемъ Христа. Въ Дамаскѣ онъ былъ крещенъ Ананіею, принятъ въ общество вѣрующихъ и, научившись вѣрѣ, сдѣлался избраннымъ орудіемъ Господа. Цѣлью его жизни стало проповѣдовать Христа и умереть за него, чтобы получить черезъ него вѣчную жизнь. Два года подготовлялся онъ къ своему посланничеству, проводя время въ Дамаскѣ и въ мѣстностяхъ на югъ и на

востокъ отъ этого города, населенныхъ іудеями и арабами. Послѣ того, онъ выступилъ въ Дамаскѣ проповѣдникомъ вѣры въ Христа и пріобрѣталъ столько послѣдователей, что іудеи, которыхъ было очень много въ Дамаскѣ, хотѣли убить его. Онъ спасся, только благодаря тому, что друзья помогли ему тайно бѣжать: они спустили
его съ городской стѣны въ корзинѣ; онъ бѣжалъ въ Іерусалимъ, 39.
познакомился тамъ съ Петромъ и послѣ того проповѣдовалъ христіанство въ своемъ родномъ городѣ Тарсѣ. Другъ его Варнава, уроженецъ Кипра, левитъ, обратившійся въ христіанство, пригласилъ
его въ Антіохію, столицу Сиріи. Дѣятельностью Павла и Варнавы 42.
тамъ было пріобрѣтено много усердныхъ послѣдователей Христу, такъ что Антіохійская община стала матерью христіанскихъ церквей въ странахъ язычниковъ. Собственно въ Антіохіи было въ первый разъ принято исповѣдующими Христа названіе христіанъ. Скоро оно вошло въ общее употребленіе.

Павелъ въ Антіохіи и въ Малой Азіи.

Кругъ дѣятельности новаго апостола не ограничился Антіохіею. Проживъ тамъ довольно долго, онъ въ сопровожденіи Варнавы и третьяго проповѣдника, Іоанна Марка, отправился возвѣщать ученіе Христа на островѣ Кипрѣ и въ южныхъ областяхъ Малой Азіи (въ Памфиліи, Писидіи, Ликаоніи). На Кипрѣ обратился въ христіанство римскій проконсулъ Сергій Павелъ. Въ большихъ городахъ Малой Азіи, какъ напримѣръ въ Антіохіи Писидійской, Иконіѣ, Листрѣ, проповѣдь имѣла такой успѣхъ, что тамъ образовались христіанскія общины, хотя іудеи, жившіе тамъ, повсюду возбуждали противъ Павла и его спутниковъ начальство, такъ что они были изгоняемы, или принуждены спасаться бѣгствомъ. Послѣ трехлѣтняго путешествія,
они черезъ Дервію возвратились въ Антіохію Сирійскую «и, собравъ 51.
церковь, они разсказали все, что сотворилъ Богъ съ ними, и какъ онъ отверзъ дверь вѣры язычникамъ». (Д. А. XV, 27).

Соборъ апостоловъ въ Іерусалимѣ 51.

Тѣ христіане іерусалимской общины, которые прежде были фарисеями, требовали, чтобъ язычники, обращающіеся въ христіанство, принимали обрѣзаніе. Павелъ и Варнава отправились въ Іерусалимъ и по совѣщаніи съ ними соборъ апостоловъ постановилъ, что Павелъ и его помощники будутъ проповѣдовать язычникамъ и что язычники освобождаются отъ соблюденія іудейскихъ обрядовъ, должны только воздерживаться отъ употребленія мяса животныхъ принесенныхъ въ жертву языческимъ богамъ, или удавленныхъ, и отъ крови потому, что такая пища кажется іудеямъ большимъ преступленіемъ противъ закона, и не должно дѣлать непріятнаго тѣмъ братьямъ по вѣрѣ, которые прежде были іудеями.

Второе путешествіе Павла. 52—55.

Въ слѣдующемъ году Павелъ началъ второе свое апостольское путешествіе. Іоаннъ Маркъ и Варнава отправились въ Кипръ, а онъ съ Силою, іудеемъ, принадлежавшимъ прежде къ іерусалимской общинѣ, отправился снова въ южныя области Малой Азіи; потомъ вмѣстѣ

съ Тимоѳеемъ, сыномъ іудеянки и грека, присоединившимся къ нему въ Листрѣ, прошелъ Фригію, Галатію, пришелъ въ Троаду; тамъ присоединился къ нему врачъ Лука, и они вмѣстѣ поплыли черезъ островъ Самоѳракію въ большой городъ Филиппы, столицу македонской провинціи.

Павелъ въ Филиппахъ. Въ Филиппахъ, какъ и въ другихъ городахъ, Павелъ проповѣдовалъ въ іудейской синагогѣ. Но самыми усердными вѣрующими тамъ сдѣлались женщина, торговавшая пурпурными тканями, Лидія, ея семейство и темничный сторожъ, подъ надзоромъ котораго Павелъ провелъ одну ночь, будучи отведенъ въ темницу, по обвиненію нѣкоторыхъ дурныхъ людей, возстановившихъ противъ него народъ и городское начальство. Съ нимъ были отведены въ темницу и его спутники. Но на слѣдующій день, узнавъ, что они римскіе граждане, начальство освободило ихъ. Павелъ, отправившійся далѣе, оставилъ Луку учителемъ новооснованной филиппійской общины. Много общинъ основалъ онъ потомъ, но къ филиппійской всегда сохранялъ особенную любовь. Онъ называлъ ее своею радостью, и незадолго передъ смертью написалъ ей трогательное посланіе. *Въ Ѳессалоникѣ.* Онъ и его спутники пришли въ Ѳессалонику и скоро пріобрѣли тамъ много вѣрующихъ Христу. Но іудеи, жившіе въ Ѳессалоникѣ, возбудили противъ нихъ народъ и, оставивъ Тимоѳея учителемъ новооснованной общины, Павелъ съ другими спутниками пошелъ въ Верію (Берею). Тамъ они встрѣтили хорошій пріемъ, но изъ Ѳессалоники пришли туда іудеи и возмутили противъ Павла народъ. *Въ Аѳинахъ.* Изъ Веріи Павелъ отправился въ Аѳины; онъ пришелъ туда одинъ, и „возмущался духомъ“ при видѣ этого города, полнаго идоловъ; онъ говорилъ народу и изумляющимся философамъ о воскресшемъ Спаситѣлѣ, и сказалъ передъ Ареопагомъ рѣчь, въ которой, исходя отъ замѣчанія, что у аѳинянъ есть жертвенникъ „невѣдомому богу“, изложилъ ученіе о богѣ, создавшемъ небо и землю, котораго всѣ они ищутъ, „не ощутятъ ли его и не найдутъ-ли, хотя онъ и не далеко отъ каждаго изъ насъ, ибо мы имъ живемъ и движемся и существуемъ, какъ и нѣкоторые изъ вашихъ стихотворцевъ говорили: мы его родъ“ (XVII, 28). Они слушали его спокойно; но когда онъ сталъ говорить о воскресеніи мертвыхъ, они стали смѣяться надъ нимъ. Однакожъ и въ Аѳинахъ онъ обратилъ нѣсколько человѣкъ, въ томъ числѣ Діонисія Ареопагита и женщину, имя которой было Дамарь. О Діонисіѣ Ареопагитѣ позднѣйшіе церковные историки говорятъ, что онъ былъ первымъ аѳинскимъ епископомъ, а потомъ проповѣдовалъ евангеліе въ Галліи; потому французская легенда сдѣлала его покровителемъ Парижа. *Въ Коринѳѣ.* Особенно долго оставался Павелъ въ Коринѳѣ, блестящей столицѣ Ахайской провинціи, гдѣ какъ во всѣхъ торговыхъ городахъ жило много іудеевъ. Апостолъ обратился прежде всего къ нимъ. Онъ поселился въ домѣ Акилы (Аквилы) понтянина, который незадолго передъ тѣмъ пріѣхалъ туда съ женою своею, Прискиллою, изъ Рима. (Въ римской синагогѣ произошли безпорядки, Клавдій заперъ ее и велѣлъ іудеямъ удалиться изъ Рима. Это распоряженіе было, впрочемъ, скоро отмѣнено) *) Акила подобно Павлу дѣлалъ шатры, Павелъ помо-

---

*) Светоній въ біографіи Клавдія (гл. 25) говоритъ, что поводомъ къ этимъ безпорядкамъ, заставившимъ Клавдія изгнать іудеевъ изъ Рима, былъ «Хрестъ», Chrestus. Іисусъ Христосъ уже не былъ тогда на землѣ. Но, быть можетъ, слухи о немъ, дошедшіе изъ Палестины въ Римъ, раздѣлили римскихъ іудеевъ на приверженцевъ и противниковъ его и произвели такую сильную ссору между ними, что возникли безпорядки.

галъ ему и съ тѣмъ вмѣстѣ проповѣдовалъ слово Божіе. Начальникъ синагоги, многіе іудеи и язычники крестились и увѣровали въ евангеліе. Большинство іудеевъ обвинили Павла передъ римскимъ проконсуломъ Галліономъ въ Римѣ, что онъ „учитъ людей чтить Бога не по закону“. Галліонъ, братъ Сенеки, не хотѣлъ, по кротости ли характера, или по равнодушію, вмѣшиваться въ ссоры іудеевъ съ ихъ соплеменникомъ. Павелъ прожилъ въ Коринѳѣ полтора года, написалъ тамъ два посланія къ ѳессалоникійской церкви, въ которой многіе смущались мыслью о скоромъ второмъ пришествіи Христа; Павелъ предостерегалъ ѳессалоникійскихъ христіанъ отъ праздности суемудрія и унынія. Онъ обратилъ многихъ не только въ самомъ Коринѳѣ, но и въ окрестностяхъ города. Черезъ Эфесъ и Кесарію онъ поѣхалъ въ Іерусалимъ, праздновалъ тамъ пасху и оттуда возвратился въ Антіохію (въ 55 году).

Путешествіе 55—59. Неутомимый апостолъ, проживъ нѣсколько времени въ Сиріи, предпринялъ въ сопровожденіи Тимоѳея, Тита и другихъ спутниковъ, третье путешествіе. Оно длилось четыре года. Нѣсколько времени онъ провелъ въ Галатіи, христіанскія общины которой были смущаемы разнорѣчивыми ученіями о томъ, каково должно быть отношеніе христіанства къ іудейству. (Вскорѣ послѣ того Павелъ написалъ къ галатскимъ христіанамъ посланіе, представляющее точный очеркъ его ученія и дѣятельности и объясняющее его отношенія къ іудействующимъ христіанамъ). Изъ Галатіи онъ отправился въ большой богатый торговый городъ Эфесъ, гдѣ уже проповѣдывалъ христіанство александрійскій іудей Аполлосъ, человѣкъ краснорѣчивый и знатокъ писанія.

Павелъ въ Эфесѣ. Три мѣсяца Павелъ училъ въ синагогѣ; но іудеи не принимали его ученія, потому онъ сталъ проповѣдовать въ другомъ домѣ. Онъ училъ тамъ два года съ такимъ успѣхомъ, что многіе волхвы отреклись отъ своего ремесла и отдали ему на сожженіе свои чародѣйскія книги. Слово Господне росло и укрѣплялось. Изъ Эфеса Павелъ дѣлалъ поѣздки по окрестностямъ и пріобрѣталъ тамъ новыхъ послѣдователей евангелію. Онъ написалъ оттуда два посланія къ христіанамъ коринѳской церкви, между которыми возникли несогласія и вкрались пороки; онъ разъяснилъ имъ ихъ заблужденія, излагалъ истинныя понятія о важнѣйшихъ вопросахъ религіозной и нравственной жизни. Число христіанъ въ Эфесѣ возросло до такой степени, что уменьшилась продажа изображеній Артемиды, имѣвшей въ Эфесѣ знаменитый храмъ. Мастера серебряныхъ и золотыхъ дѣлъ, промыселъ которыхъ пострадалъ отъ этого уменьшенія продажи ихъ издѣлій, стали возмущать народъ противъ іудеевъ и христіанъ; толпа взволновалась, съ крикомъ „Велика Артемида эфесская!“ Апостолъ хотѣлъ выйти къ раздраженному народу; друзья едва удержали его отъ этого. Одинъ изъ начальниковъ города съумѣлъ успокоить народъ, и Павелъ избавился отъ дальнѣйшихъ опасностей, покинувъ Эфесъ. Послѣ того онъ посѣтилъ разные города Азіи, Македоніи, нѣкоторые въ первый разъ, другіе, какъ напримѣръ, Филиппы, во второй разъ.

Вторичное посѣщеніе Коринѳа и посланіе въ римлянамъ. 58. Черезъ эти города онъ направлялся въ Коринѳъ. Раздоры между коринѳскими христіанами прекратились. Павелъ написалъ изъ этого города посланіе къ римлянамъ, т. е. къ общинѣ христіанъ въ Римѣ, еще не знав-

шей его лично. Въ посланіи къ ней ясными чертами, но кротко, примирительно, онъ изобразилъ отношеніе христіанства къ іудейству. Онъ говорилъ, что люди принимаются въ царство Божіе не за свое происхожденіе отъ Авраама и не за исполненіе іудейскихъ обрядовъ, а только по благодати Божіей, дающей имъ силу становиться по духу дѣтьми Божіими, что только вѣрою оправдывается человѣкъ передъ Богомъ, что обрѣзаніе не имѣетъ значенія; что важнѣйшее событіе въ исторіи человѣчества—появленіе Христа на землѣ: Павелъ дѣлаетъ обзоръ того, какъ Богъ подготовлялъ іудеевъ и язычниковъ къ откровенію, данному Христомъ, и говоритъ, что царство Божіе восторжествуетъ, и тогда кончатся всѣ несогласія между людьми.

Павелъ въ Іерусалимѣ.

Въ этомъ посланіи Павелъ стремился примирить споры, происходившіе въ новыхъ христіанскихъ общинахъ между обратившимися изъ іудейства въ христіанство и увѣровавшими во Христа язычниками. Онъ хотѣлъ вскорѣ послѣ того и самъ пріѣхать въ Римъ, познакомиться съ христіанской общиной, основанной тамъ случайно попавшими въ столицу христіанами и состоявшей отчасти изъ іудеевъ, отчасти изъ людей, обратившихся отъ язычества къ христіанству и принадлежавшихъ къ разнымъ народностямъ. Онъ поѣхалъ въ Іерусалимъ черезъ Милетъ, пригласилъ къ себѣ въ этотъ городъ пресвитеровъ эфесской церкви, простился съ ними словами, полными любви. Онъ привезъ іерусалимской христіанской общинѣ дары отъ основанныхъ имъ общинъ. Іаковъ, предстоятель іерусалимской общины, и многіе члены ея полагали, что, принимая язычниковъ въ христіанство, онъ учитъ ихъ не соблюдать закона Моисеева. Онъ убѣдилъ Іакова и его друзей въ искренности своихъ заботъ объ основаніи царства Божія и разсѣялъ ихъ сомнѣнія. Но іудеи, не обратившіеся въ христіанство, ненавидѣли бывшаго фарисея, какъ отступника. Когда онъ съ нѣсколькими вѣрующими пошелъ въ храмъ, азіатскіе іудеи, бывшіе въ Іерусалимѣ, узнали его и возмутили противъ него народъ, говоря, что «онъ повсюду учитъ противъ народа и закона» Моисеева и противъ храма. Толпа схватила Павла, вывела его изъ храма, хотѣла убить; начальникъ римскаго гарнизона спасъ его изъ рукъ раздраженнаго народа, повелъ въ преторій и хотѣлъ подвергнуть его бичеванію, полагая, что онъ преступникъ. (Онъ принялъ Павла за египтянина, который передъ тѣмъ временемъ произвелъ возмущеніе); но Павелъ сказалъ, что онъ римскій гражданинъ, и былъ освобожденъ, потому что римскіе законы подъ страхомъ тяжелаго наказанія воспрещали бить римскаго гражданина. На другой день Павелъ былъ приведенъ въ синедріонъ, но оправдывался такъ хорошо, что судьи не могли согласиться между собою: онъ говорилъ о воскресеніи мертвыхъ, какъ о своемъ основномъ ученіи; фарисеи и саддукеи перессорились другъ съ другомъ изъ-за этого ученія. Павелъ былъ снова отведенъ въ крѣпость. (Начальникъ гарнизона опасался, что іудеи растерзаютъ его, и отвелъ его подъ стражу, чтобъ охранить отъ нихъ).

Взятіе подъ стражу и обвиненіе Павла.

Потомъ начальникъ гарнизона узналъ, что болѣе 40 человѣкъ, ожесточеннѣйшихъ изъ враговъ апостола, поклялись не ѣсть и не пить, пока не убьютъ его, и послалъ его подъ конвоемъ въ Кесарію къ правителю Іудеи Феликсу. Римскій правитель нашелъ, что онъ ни въ чемъ не виновенъ по римскимъ законамъ, но опасался раздражить его оправданіемъ синедріонъ, требовавшій его обвиненія, и, будучи человѣкомъ легкомысленнымъ и недобросовѣстнымъ, держалъ его подъ стражей два года. На мѣсто Феликса пріѣхалъ новый правитель, Порцій Фестъ. Синедріонъ возобновилъ обвиненіе въ болѣе рѣзкой формѣ, и Павелъ апеллировалъ къ суду римскаго императора. Павлу былъ сдѣланъ новый допросъ въ присутствіи Ирода Агриппы младшаго и его сестры; апостолъ защищался съ большимъ достоинствомъ. Фестъ, исполняя его просьбу, отправилъ его на александрійскомъ кораблѣ въ Римъ; его сопровождали Лука и нѣкоторые другіе преданные спутники. Плаваніе было бурно и опасно. Павелъ ободрялъ и утѣшалъ начальника корабля. Корабль приставалъ къ Мальтѣ, къ сицилійскому берегу, пришелъ въ Путеолы. Павелъ прожилъ тамъ нѣсколько дней въ кругу христіанъ, потомъ былъ отправленъ въ Римъ, и встрѣченъ здѣсь многими вѣрующими.

Павелъ въ Кесаріи.

Павелъ плыветъ въ Римъ. 61.

До рѣшенія дѣла Павелъ содержался въ Римѣ подъ надзоромъ, но такимъ легкимъ, что его апостольская дѣятельность была стѣснена очень мало. Ученики и друзья могли свободно видѣться съ нимъ; ему было позволено даже ходить въ іудейскія синагоги и въ собраніе христіанъ. Іудеи оставались упорны; но христіанская община въ Римѣ развивалась, благодаря его проповѣдничеству. Онъ переписывался съ общинами, которыя основалъ въ другихъ городахъ, съ своими учениками и помощниками, особенно съ Тимоѳеемъ и Титомъ. Въ это время были написаны имъ посланія къ эфесянамъ, къ филиппійцамъ, къ колоссянамъ (христіанамъ фригійскаго города Колоссъ), къ вѣрному помощнику его Филимону, къ Титу, завѣдывавшему въ духѣ Павла дѣлами христіанской церкви на островѣ Критѣ, и къ Тимоѳею, руководившему эфесской церковью.

Павелъ въ Римѣ. 62—64.

Основная идея посланій къ эфесянамъ и колоссянамъ—примиреніе всякихъ несогласій: всѣ должны соединиться во Христѣ, іудеи и язычники, обратившіеся въ христіанство, должны составлять одну церковь. Посланія къ Титу, Тимоѳею и Филимону объясняютъ основанія, на какихъ должно быть устроено тѣсное соединеніе христіанъ въ одну церковь; оно было необходимо, потому что въ то время начинала усиливаться ересь гностиковъ.

Смерть Павла.

Павелъ два года оставался въ этомъ положеніи, не будучи требуемъ къ судебному допросу: «И жилъ Павелъ цѣлыхъ два года на своемъ иждивеніи, и принималъ всѣхъ, приходившихъ къ нему, проповѣдуя царствіе Божіе и уча о Господѣ Іисусѣ Христѣ со всякимъ

дерзновеніемъ невозбранно» (Д. А. XXVIII, 30, 31).—Этими словами кончается разсказъ «Дѣяній св. апостоловъ» о судьбахъ первыхъ христіанскихъ общинъ и ихъ основателей. О жизни апостола Павла послѣ 64 года, мы знаемъ очень мало. Извѣстно только, что онъ умеръ мученическою смертью при императорѣ Неронѣ, запечатлѣвъ своею кровью истину своей вѣры. Мы говорили о гоненіи, которому подвергъ христіанъ Неронъ послѣ пожара Рима (192 стр.). Древнее преданіе говоритъ, что тогда были преданы смерти апостолы Петръ и Павелъ, что Петръ былъ распятъ на крестѣ головою внизъ, а Павлу была отсѣчена голова. Благочестивые люди чтили мѣста, въ которыхъ, по преданію, были погребены они. Но возникло новое поколѣніе, вѣровавшее во Христа съ такою же преданностью, какъ погибшіе христіане: изъ крови мучениковъ возродилась мужественная любовь къ вѣрѣ. Преданіе говоритъ, что Іоаннъ, любимый ученикъ Господа, училъ въ Эфесѣ и дожилъ до 90 лѣтъ, усердно насаждая письменными и изустными наставленіями въ сердце новаго поколѣнія религію любви, основанную Христомъ и предназначенную для всего человѣчества.

Апостольская дѣятельность и смерть Петра.

По преданію, Петръ совершилъ путешествіе въ Римъ въ 44 году послѣ чудеснаго своего освобожденія изъ темницы въ Іерусалимѣ и соединилъ въ одну церковь христіанъ, собравшихся въ столицу государства изъ разныхъ областей. Достовѣрно то, что онъ, подобно Павлу, совершилъ нѣсколько путешествій по Сиріи и по другимъ странамъ, проповѣдуя евангеліе; быть можетъ, онъ посѣтилъ и Римъ. Первое посланіе его „Къ пришельцамъ, разсѣяннымъ“ по разнымъ азіатскимъ провинціямъ, предназначено было служить руководствомъ жизни для малоазійскихъ вѣрующихъ въ тяжкія времена и объясняетъ имъ обязанности, какія должны соблюдать они относительно всѣхъ людей и въ частности языческихъ правителей.

Второе посланіе Петра утверждаетъ въ христіанскихъ надеждахъ тѣхъ слабыхъ вѣрою христіанъ, которые начинали сомнѣваться въ исполненіи обѣщаній, данныхъ Спасителемъ. Оба посланія Петра и посланія Іакова, Іоанна, Іуды написаны не къ опредѣленному лицу или къ одной общинѣ, какъ посланія Павла, а ко многимъ общинамъ вмѣстѣ, или ко всѣмъ вѣрующимъ.

Павелъ.

О Павлѣ преданіе говоритъ, что онъ былъ освобожденъ, ѣздилъ въ Испанію, но передъ временемъ гоненія Нерона возвратился въ Римъ и былъ тогда казненъ. Павелъ имѣлъ твердый и возвышенный характеръ, былъ благоразуменъ и энергиченъ въ земной жизни, жаждалъ жизни небесной, выказывалъ безраздѣльную преданность своему призванію. Онъ пишетъ сжатымъ языкомъ и всегда такъ, какъ надобно по характеру дѣла: иногда онъ убѣждаетъ доводами, иногда грозитъ, иногда увлекаетъ задушевностью любви. Смиреніе соединялось въ немъ съ сознаніемъ важности его проповѣди.—По удаленіи Павла изъ Малой Азіи, главною опорою христіанства тамъ былъ Іоаннъ, гнѣвно боровшійся противъ іудейскихъ и языческихъ лжеученій, возвращавшій своею любовью къ истинѣ отпавшихъ отъ нея и возсоединявшій всѣхъ. Ему принадлежитъ „Откровеніе Іоанна Богослова“. Оно написано раньше разрушенія храма іеруса-

Іоаннъ.

лимскаго и передаетъ видѣнія, бывшія Іоанну на островѣ Патмосѣ. Первые избранные, которыхъ видѣлъ онъ, принадлежали еще къ двѣнадцати колѣнамъ сыновъ Израилевыхъ; но онъ продолжаетъ: „Послѣ сего взглянулъ я, и вотъ, великое множество людей, котораго никто не могъ перечесть, изъ всѣхъ племенъ, и колѣнъ, и народовъ, и языковъ, стало предъ престоломъ и предъ Агнцемъ въ бѣлыхъ одеждахъ и съ пальмовыми вѣтвями въ рукахъ своихъ. И восклицали громкимъ голосомъ, говоря: спасеніе Богу нашему, сидящему на престолѣ, и Агнцу!“ (VII, 9, 10).—Не за долго до Павла и Петра, умеръ мученическою смертью Іаковъ Праведный, много лѣтъ бывшій предстоятелемъ іерусалимской церкви, твердый служитель Іисуса. Преданіе говоритъ, что первосвященникъ Анна, сынъ того Анны, который участвовалъ въ судѣ надъ Христомъ, поставилъ Іакова на выступъ кровли храма и потребовалъ, чтобъ онъ отрекся отъ Христа, но онъ исповѣдалъ передъ собравшимся народомъ свою вѣру во Христа и вмѣстѣ съ христіанами, стоявшими около него, запѣлъ гимнъ прославленія Мессіи „Осанна Сыну Давидову“; онъ былъ за это низвергнутъ съ высоты и низвергнутый побитъ камнями. Это злодѣйство было началомъ тяжкаго гоненія на христіанъ въ Іерусалимѣ. Преслѣдованіе римскихъ христіанъ Нерономъ, происшедшее вскорѣ послѣ того, придало новыя силы врагамъ христіанъ въ Палестинѣ. Казалось, что наступаетъ послѣдній часъ новой религіи. Слабые духомъ поколебались, послушались обольщеній, выставлявшихъ имъ возвращеніе къ іудейству вѣрнымъ путемъ къ спасенію жизни. Быть можетъ, въ это время было написано посланіе къ евреямъ, въ которомъ теплыми словами объясняется, что служеніе храму потеряло свое значеніе, что прежняя вѣра, бывшая прообразованіемъ и тѣнью, исполнилась во Христѣ, что потому переходъ отъ христіанства къ іудейству—паденіе съ высшей ступени религіи на низшую.—Но это гоненіе было послѣднимъ торжествомъ іудейскаго закона надъ религіею любви. Вскорѣ началась великая война, кончившаяся погибелью Іерусалима и храма и разсѣяніемъ іудеевъ по всему міру. Этому времени тяжкой скорби принадлежатъ семь посланій къ семи христіанскимъ церквамъ, составляющія начало Апокалипсиса, или „Откровенія Іоанна Богослова“. Въ нихъ краткими, но ясными чертами обрисовываются недостатки и достоинства этихъ общинъ, вѣрующіе призываются быть бдительными и твердыми до смерти, чтобы получить вѣнецъ жизни и войдти въ вѣчную славу, уготованную для нихъ Христомъ въ царствѣ Отца Его.

Іаковъ.

62.

Посланіе къ евреямъ.

Апокалипсисъ.

Распространеніе христіанства.

Этимъ кончаются наши точныя свѣдѣнія о постепенномъ распространеніи евангелія и основаніи христіанскихъ общинъ въ разныхъ частяхъ римской имперіи. О дѣятельности другихъ апостоловъ и ихъ учениковъ сохранились только преданія, такъ что мы не можемъ въ точности опредѣлить время, когда были основаны другія общины перваго и второго вѣковъ, не знаемъ и обстоятельствъ, содѣйствовавшихъ основанію ихъ. Безъ сомнѣнія, ученіе Христа рано проникло изъ Сиріи въ Александрію, гдѣ іудеи составляли значительную часть населенія, и были подготовлены къ принятію евангелія философіею Филона, получившаго греческое образованіе. Въ концѣ второго вѣка мы видимъ въ дѣятельномъ и просвѣщенномъ громадномъ городѣ цвѣтущую христіанскую церковь и школу, знаменитую до далекихъ мѣстъ, много содѣйствовавшую глубокомысленному истолкованію

основныхъ мыслей вѣроученія. Изъ Александріи христіанская проповѣдь проложила себѣ путь въ верхній Египетъ и на западъ, по берегу Африки; вѣроятно, она была возвѣщена тамъ одновременно съ тѣмъ, какъ достигла Рима. Очень рано должно было проникнуть христіанство изъ Сиріи въ Аравію, Месопотамію и Персію, потому что во всѣхъ этихъ странахъ было много іудеевъ; преданіе говоритъ, что во II вѣкѣ уже процвѣтала христіанская церковь въ Эдессѣ; а въ Аравіи, какъ мы достовѣрно знаемъ, были въ III вѣкѣ христіанскія церкви, имѣвшія епископовъ. Въ Галлію христіанство тоже проникло рано. Легенда о проповѣди Діонисія Ареопагита въ Галліи (стр. 203) возникла, быть можетъ, по ошибочному смѣшенію этого Діонисія съ другимъ, болѣе позднимъ проповѣдникомъ, тоже Діонисіемъ; но во II вѣкѣ уже были основаны христіанскія общины на берегу Роны, въ Лугдунѣ и Віеннѣ. Въ Испаніи тоже рано пріобрѣло христіанство много послѣдователей. Климентъ римскій говоритъ Коринѳской общинѣ, проповѣдуя евангеліе, что Павелъ доходилъ «до границъ запада»; быть можетъ, это надобно понимать объ Испаніи; такое объясненіе тѣмъ естественнѣе, что въ посланіи къ римлянамъ (XV, 24, 28) апостолъ говоритъ о своемъ намѣреніи отправиться въ Испанію. И къ британцамъ вѣсть о спасеніи пришла рано, по сношеніямъ римскихъ легіоновъ въ этой странѣ съ другими областями имперіи.

---

3. Имперія при Гальбѣ, Отонѣ и Вителліѣ.

Гальба съ іюня 68 до января 69. (821—822).

Сервіемъ Сульпиціемъ Гальбой начинается рядъ императоровъ, возводимыхъ на престолъ войсками; кровавыя сцены, ознаменовавшія его недолгое правленіе, предзнаменовали, какія гибельныя времена наступаютъ для Рима.

Начало правленія Гальбы.

Нимфидій, префектъ преторіанцевъ, усердно содѣйствовавшій низверженію Нерона въ надеждѣ, что старикъ Гальба будетъ дѣйствовать по его волѣ, очень скоро узналъ, что довѣріемъ новаго императора пользуются Титъ Виній, презрѣнный человѣкъ, подвергавшійся за одинъ изъ своихъ гнусныхъ поступковъ исключенію изъ войска, и безхарактерный развратникъ Корнелій Лаконъ; увидѣвъ, что не можетъ занять при Гальбѣ того положенія, на какое разсчитывалъ, Нимфидій задумалъ самъ овладѣть престоломъ при помощи преторіанцевъ, боявшихся, какъ онъ зналъ, строгости новаго императора. Онъ отправился въ ихъ станъ дѣйствовать въ свою пользу тѣми же способами, какими прежде склонилъ преторіанцевъ признать Гальбу; но трибунъ Антоній Гонoратъ убѣдилъ ихъ остаться вѣрными Гальбѣ, и они убили честолюбиваго префекта, не смотря на то, что онъ выставлялъ себя потомкомъ императорской фамиліи. Соучастникъ его замысла Цингоній Варронъ, назначенный консуломъ, и старикъ Петроній Турпиліанъ, усердный приверженецъ Нерона, были казнены безъ

всякаго допроса; не давая имъ возможности оправдаться, ихъ убили до прибытія новаго императора, который на своемъ пути по Испаніи и по Галліи возбуждалъ всеобщую ненависть къ себѣ жестокостью и алчностью. Казни, произведенныя до него, уже возбуждали опасеніе за будущее. Онъ ознаменовалъ свое вступленіе въ Римъ дѣломъ, увеличившимъ страхъ и возбудившимъ негодованіе. Воины, служившіе на флотѣ, состояли большею частью изъ рабовъ и преступниковъ; Неронъ перевелъ ихъ въ сухопутную службу и уравнялъ ихъ отрядъ достоинствомъ съ легіонами. При въѣздѣ Гальбы они стали на дорогѣ ему, громко требуя, чтобъ онъ утвердилъ это распоряженіе Нерона. Онъ сказалъ, что рѣшитъ дѣло впослѣдствіи; они приняли отсрочку за отказъ и шумъ увеличился; нѣкоторые изъ нихъ обнажили мечи. Гальба велѣлъ сопровождавшей его конницѣ рубить ихъ, она исполнила это приказаніе безпощадно, такъ что, говорятъ, число убитыхъ простиралось до нѣсколькихъ тысячъ. Гальба велѣлъ казнить по жребію десятаго изъ уцѣлѣвшихъ. Итакъ онъ вошелъ въ Римъ черезъ груды труповъ, выказывая свою силу неумѣстной жестокостью, какъ обыкновенно дѣлаютъ трусы. И какъ будто мало было этихъ свирѣпостей для того, чтобы сдѣлать ненавистнымъ новаго императора, было около того же времени получено извѣстіе, что по его приказанію были тоже безъ всякаго суда казнены въ Африкѣ Клодій Макръ, въ Германіи Фонтей Капитонъ, по подозрѣнію въ злоумышленіяхъ; а Виргиній Руфъ, человѣкъ старыхъ римскихъ правилъ, любившій свободу, былъ отставленъ отъ начальства надъ легіонами верхняго Рейна за то, что не выказалъ достаточнаго усердія къ новому императору, объявивъ, что отлагаетъ признаніе его власти до рѣшенія сената, которому одному принадлежитъ право назначать императоровъ. Должность Руфа была передана его прежнему легату, Гордеонію Флакку, бездарному и презираемому всѣми.

Смерть Гальбы.

Всюду стало проявляться разочарованіе и недовольство. Населеніе Рима, привыкшее къ зрѣлищамъ, праздникамъ, раздачѣ хлѣба, съ досадою видѣло, что Гальба вовсе не хочетъ продолжать расточительности Нерона, что этотъ скупой, суровый старикъ снисходителенъ и щедръ только къ своимъ любимцамъ и отпущенникамъ. Преторіанцы сердились на то, что онъ не даетъ имъ ожидаемыхъ подарковъ, оставляетъ безъ награды вѣрность, которую выказали они, убивъ Нимфидія; Гальба увеличилъ ихъ раздраженіе, не скрывая своего намѣренія обуздать наглость ихъ, ввести у нихъ старинную римскую дисциплину, поддерживать которую въ войскахъ онъ привыкъ; они видѣли, что будетъ положенъ конецъ веселой жизни въ ихъ станѣ и что легіоны будутъ пользоваться бо́льшимъ почетомъ у императора, чѣмъ они. Имъ были переданы слова императора, что онъ «хочетъ набирать, а не покупать воиновъ»; это еще больше запугало ихъ. Имъ нуженъ былъ предводитель, чтобы возстать противъ новаго императора, пока онъ не упрочилъ свою власть. Предводителемъ явился Маркъ Сальвій Отонъ, бывшій товарищъ оргій Нерона, посланный правителемъ въ Лузитанію, когда его жена Поппея стала любовницею Нерона. Это была почетная ссылка; по ненависти къ Нерону, онъ принялъ сторону Гальбы, сильно помогъ

этимъ успѣху возстанія и надѣялся, что въ награду за то старикъ Гальба усыновитъ его, сдѣлаетъ своимъ соправителемъ и наслѣдникомъ. Власть была нужна ему между прочимъ и для того, чтобы поправить свое состояніе, разстроенное мотовствомъ. Но Гальба, по совѣту Лакона и отпущенника Икела, избралъ своимъ соправителемъ и наслѣдникомъ молодого человѣка знатнаго происхожденія и безукоризненнаго характера, Гаія Кальпурнія Пизона Лициніана. Отонъ, ободряемый льстецами и предсказаніями астрологовъ, устроилъ заговоръ между преторіанцами. Черезъ четыре дня по усыновленіи Пизона Гальбой, преторіанцы взбунтовались, гнуснымъ образомъ убили Гальбу и его любимца Винія на форумѣ, а Пизона въ храмѣ Весты. Правленіе Гальбы продолжалось съ небольшимъ семь мѣсяцевъ; его погубила, говоритъ Тацитъ, старинная строгость, которой не могло выносить войско того времени. Преторіанцы, взоткнувъ головы убитыхъ на колья, носили ихъ среди знаменъ, другъ передъ другомъ хвалились участіемъ въ убійствѣ, какъ будто совершили прекрасный геройскій подвигъ и требовали награды за свое злодѣйство. Ужасный день завершился убійствомъ Лакона и казнью отпущенника Икела, человѣка съ гнуснымъ прошедшимъ, но очень преданнаго своему господину и потому пользовавшагося большимъ вліяніемъ. Среди необузданныхъ буйствъ преторіанцевъ былъ созванъ сенатъ; онъ одобрилъ беззаконіе и привѣтствовалъ новаго императора льстивыми постановленіями. Истерзанное тѣло Гальбы одинъ изъ его рабовъ похоронилъ въ своемъ саду въ Яникулѣ.

Январь 69 (822).

Отонъ не долго пользовался плодами своего заговора. Когда онъ ѣхалъ между тѣлами убитыхъ черезъ форумъ въ Капитолій, оттуда въ императорскій дворецъ, и народъ сопровождалъ его, съ восторгомъ ожидая возобновленія праздниковъ, какіе были при Неронѣ, рейнскіе легіоны, жаждавшіе грабежа, уже провозгласили императоромъ Авла Вителлія.

Вителлій и легіоны нижняго Рейна.

Отецъ Вителлія пріобрѣлъ себѣ расположеніе прежнихъ императоровъ безстыдною лестью и низостью, былъ награжденъ почестями; самъ Вителлій, подобно Отону, предавался разврату и мотовству, обезчестилъ себя всяческими гнусностями и растратилъ все свое состояніе. Онъ пользовался большой милостью у Нерона, потому что чрезвычайно хорошо правилъ лошадьми на скачкахъ въ циркѣ, былъ хорошій пѣвецъ и актеръ, знатокъ произведеній искусства и греческой литературы и превосходилъ всѣхъ товарищей пировъ пьянствомъ и обжорствомъ. Всѣ удивились, когда Гальба по совѣту Винія назначилъ этого развратника начальникомъ легіоновъ Нижняго Рейна, не выказавшихъ усердія къ новому императору. Вѣроятно, Гальба полагалъ, что изнѣженный придворный, растратившій свои силы въ оргіяхъ, будетъ на этой должности менѣе опасенъ, чѣмъ дѣльный военный человѣкъ. Энергическій главнокомандующій легко могъ бы воспользоваться шаткимъ настроеніемъ легіоновъ нижняго Рейна, а Вителлій, какъ надобно было думать, удовольствуется пріобрѣтеніемъ денегъ для уплаты кредиторамъ, возстановленіемъ своего промотаннаго богатства и обжорствомъ. Дѣйствительно едва-ли явились бы у Вителлія честолюбивые замыслы; но императорскій санъ былъ безъ его содѣйствія данъ ему недовольными легіонами и второстепенными начальниками. Новый главнокомандующій держалъ себя съ буйными воинами ласково, по-товарищески; это такъ понравилось имъ, что черезъ мѣсяцъ по его пріѣздѣ въ Агриппинскую Колонію легіоны нижняго Рейна провозгласили его императоромъ, дали ему названіе Германика и понесли его на плечахъ по стану. Легіоны верхняго Рейна послѣдовали ихъ примѣру; главнымъ возбудителемъ мятежа легіоновъ верхней Германіи былъ Цецина, одинъ изъ важныхъ второстепенныхъ начальниковъ, красивый молодой человѣкъ, высокаго роста, храбрый воинъ, мастеръ говорить. Переворотъ ему былъ нуженъ потому, что онъ опасался наказанія за утайку казенныхъ денегъ.

Отонъ и Вителлій.

Въ то время, какъ преторіанцы убивали Гальбу и Пизона, легіоны верхняго Рейна съ пѣшими и конными отрядами вспомогательныхъ германскихъ войскъ шли тремя колоннами черезъ Галлію и Гельвецію къ Альпамъ. Одною колонною начальствовалъ самъ Вителлій, двумя другими его легаты, Цецина и Фабій Валентъ. Они свирѣпствовали въ областяхъ тѣхъ галльскихъ племенъ, которыя хотѣли не пропускать ихъ черезъ свои земли; грабежъ и всяческія насилія, которыя совершали они по всему пути, предвѣщали, какая судьба постигнетъ Италію, куда направлялись они. Разсердившись на гельветовъ, Цецина велѣлъ своему войску неожиданно напасть на нихъ; тысячи людей были убиты или проданы въ рабство. Изъ Авентика, главнаго города гельветовъ, отправилось къ нему посольство и съ трудомъ остановило своими мольбами истребленіе народа. Съ трепетомъ думали честные люди объ исходѣ войны: который бы изъ соперниковъ ни одержалъ побѣду, отъ него нельзя было ожидать ничего, кромѣ гибели государства. Оба они были одинаково достойны презрѣнія, одинаково были въ полной зависимости отъ войска, и ясно было, что каждый изъ нихъ будетъ править государствомъ какъ Неронъ, но къ разврату и злодѣйству самого правителя присоединится неистовство буйнаго войска. Разница была только въ томъ, что Отонъ выказалъ себя человѣкомъ мужественнымъ. Вителлій въ ожиданіи торжества тратилъ время на пиры; отупѣвшій отъ обжорства и вина онъ пассивно слѣдовалъ за воинами и вождями ихъ, принуждавшими его подвигаться впередъ. Отонъ принималъ мѣры, которыми надѣялся пріобрѣсти довѣріе народа и расположеніе войска.

„Противъ ожиданія Отонъ не бездѣйствовалъ въ праздной изнѣженности", говоритъ Тацитъ: „удовольствія были отложены, онъ отбросилъ распутство и держалъ себя прилично императору". Онъ помиловалъ Цельса, человѣка, бывшаго консуломъ, пользовавшагося уваженіемъ, оставшагося вѣрнымъ Гальбѣ. Онъ казнилъ гнуснаго Тигеллина, опозорившаго себя всяческими пороками, виновнаго въ безчисленныхъ преступленіяхъ и спасеннаго при Гальбѣ благосклонностью Винія. И то и другое понравилось

сенату и народу.—Тигеллинъ умеръ, какъ жилъ. Онъ былъ на водахъ въ Синуэссѣ, когда получилъ приказаніе убить себя. Обнимая и цѣлуя толпу любовницъ, онъ перерѣзалъ себѣ горло бритвой.

Ихъ положеніе.

Валентъ и Цецина перешли Альпы; отряды конницы, стоявшіе въ Сѣверной Италіи, передались имъ; они достигли рѣки По. Отонъ повелъ на нихъ преторіанцевъ и другія войска, находившіяся въ Римѣ, въ Средней и Южной Италіи. Западныя провинціи—Испанія, Галлія, земли по Рейну, Британнія признали власть Вителлія. Югъ и востокъ имперіи признавали Отона; его власть признавалъ флотъ; изъ Мизіи, Паннонiи, Далмаціи шли къ нему сильныя подкрѣпленія. Были дѣлаемы попытки склонить того или другого изъ претендентовъ отказаться отъ сана; онѣ были напрасны; напрасны остались и ихъ попытки убить другъ друга; дѣло могло быть рѣшено только оружіемъ. Цецина, желая пріобрѣсти себѣ одному всю славу побѣды, ускорилъ походъ, вступалъ въ сраженія съ войсками Отона у Плаценціи, въ другихъ мѣстахъ, но повсюду былъ отраженъ съ урономъ и вынужденъ, отбросивъ зависть къ Валенту, котораго ненавидѣлъ и презиралъ, подождать, пока соединится съ нимъ этотъ соперникъ.

Соединившись, Валентъ и Цецина имѣли войско, болѣе многочисленное, чѣмъ Отонъ, потому ему слѣдовало бы отложить рѣшительную битву до прибытія шедшихъ къ нему подкрѣпленій; отлагать ее ему было бы тѣмъ выгоднѣе, что согласіе между противниками не могло долго удержаться при соперничествѣ между Цециной и Валентомъ и при разнородности ихъ войска, составленнаго изъ разноплеменныхъ отрядовъ. Такъ и совѣтовали Отону сдѣлать опытнѣйшіе легаты его, Цельсъ и Паулинъ. Онъ, неопытный въ войнѣ и опасавшійся, что воины могутъ измѣнить ему, хотѣлъ спѣшить битвой. Но вмѣсто того, чтобы остаться при храбромъ войскѣ, ему преданномъ, и одушевлять воиновъ своимъ участіемъ въ битвѣ, онъ уѣхалъ за рѣку въ Брикселлъ, поручивъ начальство надъ войскомъ своему брату, Луцію Сальвію Отону Тиціану, и префекту преторіанцевъ Прокулу. „Его отъѣздъ“, говоритъ Тацитъ, „нанесъ первую рану его дѣлу, потому что съ нимъ ушелъ большой отрядъ, состоявшій изъ преторіанскихъ когортъ, тѣлохранителей и конницы; оставшееся противъ непріятеля войско утратило бодрость; потому что довѣряло одному Отону, не имѣло довѣрія къ своимъ начальникамъ; притомъ и распредѣленіе власти между ними не было съ точностью опредѣлено Отономъ“.

Битва при Бедріакѣ. Апрѣль 69.

Битва произошла при Бедріакѣ, между Кремоной и Вероной, въ той мѣстности, гдѣ впадаетъ въ Ольйо горная рѣчка Кіэзе, и дальше внизъ по Ольйо. Оба соперника, судьба которыхъ рѣшалась этой битвой были далеко отъ поля сраженія. Исходъ битвы зависѣлъ исключительно отъ искусства начальниковъ и довѣрія воиновъ къ нимъ. Никакихъ интересовъ, кромѣ личныхъ, не было ни въ томъ, ни въ другомъ войскѣ: для судьбы государства было все равно, Вителлій, или Отонъ останется императоромъ; оба они были одинаково недостойны и неспособны править имперіей. Но военная честь требовала отъ воиновъ, чтобъ они сражались храбро, хотя бъ и за людей недостойныхъ. Потому битва была упорна и кровопролитна.

Бездарные полководцы Отона завели войско въ невыгодную позицію: мѣстность, перерѣзанная виноградниками и группами деревьевъ, не допускала дружнаго дѣйствія отрядовъ; однакожь они, построившись клиньями, сражались очень храбро въ рукопашномъ бою. Но у нихъ не было довѣрія къ своимъ начальникамъ, бездарнымъ и дѣйствительно уже думавшимъ объ измѣнѣ; притомъ они были смущены ложными слухами; потому они потерпѣли пораженіе и бѣжали въ станъ. Подъ охраною ночи и укрѣпленій, они оставались тамъ спокойно; главнокомандующій ихъ Тиціанъ поспѣшилъ заключить съ непріятелемъ договоръ, по условіямъ котораго разбитому войску была предоставлена свобода уйдти или присоединиться къ побѣдителямъ. Большинство войска перешло на сторону Вителлія.

Смерть Отона.

Только преторіанцы остались вѣрны Отону. Они совѣтовали ему продолжать войну, призвавъ къ себѣ паннонскія и мизійскія войска, уже пришедшія въ Аквилею. Но онъ рѣшилъ убить себя. Онъ не на столько дорожилъ жизнью и властью, чтобы желать продолженія междоусобія. Быть можетъ, его мучили упреки совѣсти за убійство Гальбы. Порочная жизнь не вполнѣ заглушила въ немъ благородныя чувства. Напрасно преданные ему люди со слезами отклоняли его отъ самоубійства. Позаботившись о томъ, чтобъ они могли спасти свою жизнь бѣгствомъ, и уничтоживъ всю свою переписку, онъ спокойно вонзилъ кинжалъ въ грудь себѣ твердою рукой. Вѣрные преторіанцы съ плачемъ и съ похвалами ему отнесли его тѣло на костеръ. Онъ передъ смертью велѣлъ, чтобъ оно было немедленно сожжено; ему не хотѣлось, чтобъ оно попало въ руки враговъ и было подвергнуто поруганію. Мужество, съ какимъ онъ убилъ себя, возбудило такой энтузіазмъ, что многіе изъ его приверженцевъ, соревнуя ему или по любви къ нему, убили себя, или у его костра, или въ Плаценціи. Онъ умеръ на 38 году жизни въ 95 день своего царствованія.

Сужденія о самоубійствѣ Отона не одинаковы. Тацитъ и Светоній, сообразно римскимъ понятіямъ, прославляютъ этотъ поступокъ, какъ мужественное дѣло, внушенное благородными чувствами, смывающее съ памяти Отона стыдъ его позорной жизни. У историковъ нашего времени мы находимъ рѣзкія порицанія самоубійству Отона. Они говорятъ, что оно было результатомъ пресыщенія жизнью, что Отонъ убилъ себя, какъ развратникъ, истощившій свои силы въ распутствѣ, что онъ, убивая себя, выказался трусомъ, что онъ кончилъ жизнь подобно Нерону, какъ комедіантъ, что онъ только лучше своего сотоварища оргій съумѣлъ сыграть свою роль. Судить о подобныхъ фактахъ мудрено. Можно только сказать, что развратная жизнь и мужественная смерть—явленія, которыя соединяются не такъ рѣдко, какъ обыкновенно думаютъ въ наше время.

Положеніе дѣлъ.

Въ Римѣ былъ праздникъ Цереры, народъ наслаждался играми и другими зрѣлищами, когда пришла вѣсть о битвѣ при Бедріакѣ и смерти Отона. Префектъ города Флавій Сабинъ тотчасъ же привелъ все находившееся въ Римѣ войско къ присягѣ на вѣрность Вителлію. Собрался сенатъ, постановилъ дать новому императору всѣ почетные титулы, какіе были даваемы прежнимъ, и отправилъ посольство къ легіонамъ Валента и Цецины, поздравить ихъ съ побѣдой и объявить имъ признательность государства. Народъ выражалъ громкими криками свою преданность Вителлію; носилъ кругомъ храмовъ, увѣнчанныя лаврами и цвѣтами, изображенія Гальбы, набросалъ столько вѣнковъ на то мѣсто, гдѣ былъ убитъ онъ, что изъ нихъ образовался цѣлый могильный холмъ. А между тѣмъ, побѣдоносное войско въ надменности своей совершало всякія неистовства: воины Вителлія грабили, убивали, буйствовали повсюду, гдѣ шли. Изнуренная Италія казалась погибающей отъ злодѣйствъ, совершаемыхъ такою массою подвигающихся по ней людей.

Вителлій въ Галліи.

Въ то время, какъ судьба имперіи рѣшалась на Бедріакской равнинѣ, Вителлій съ своимъ войскомъ медленно и безпечно шелъ внизъ по Сонѣ. Въ Ліонѣ явились къ нему полководцы, побѣдившіе при Бедріакѣ, и услышали заслуженную похвалу. Богиня счастія осыпала его своими дарами: отовсюду приходили хорошія извѣстія. Намѣстникъ Мавританіи Альбинъ, усердный приверженецъ Отона, былъ убитъ; Клувій Руфъ переплылъ изъ Испаніи въ Мавританію и заставилъ ее признать новаго императора. Семейство Вителлія осталось не пострадавшимъ отъ междоусобія. Отважный авантюристъ, хотѣвшій стать императоромъ и собравшій въ Галліи 8000 человѣкъ войска, былъ разбитъ эдуями и казненъ. Начальники войскъ Отона просили милости Вителлія и были такъ низки, что приписывали потерю сраженія при Бедріакѣ своей измѣнѣ. Почти всѣ они были прощены; только нѣкоторые центуріоны, державшіе себя благороднѣе другихъ, были наказаны смертью за свою честность.

Походъ къ Риму.

Юній Блезъ, правитель Лугдунской Галліи, человѣкъ очень богатый, далъ Вителлію денегъ, доставилъ ему все надобное для того, чтобъ явиться передъ народомъ, какъ слѣдуетъ императору, и онъ медленно пошелъ черезъ Альпы, потомъ, двигаясь по Италіи, наслаждался роскошными пирами, для которыхъ лакомыя кушанья были привозимы изъ далекихъ странъ, наслаждался гладіаторскими боями. «Роскошныя угощенія раззорили градоправителей», говоритъ Тацитъ, «истощили богатство самихъ городовъ; храбрые воины, привычные къ трудностямъ походной жизни, испортились, привыкая къ роскоши и утративъ уваженіе къ императору». Они грабили, буйствовали; все оставалось безнаказаннымъ. На ночномъ пиру въ Тицинѣ произошелъ такой безпорядокъ, что едва не началось настоящее сраженіе. По всему пространству, гдѣ шли войска, совершались сцены гнуснаго насилія. Изъ Кремоны Вителлій поѣхалъ взглянуть на поле

битвы при Бедріакѣ. Граждане Кремоны усыпали дорогу лаврами и розами, будто Вителлій ѣдетъ на праздникъ, поставили по дорогѣ жертвенники, приносили жертвы благодаренія богамъ. Поле битвы представляло ужасное зрѣлище. Со времени сраженія прошло уже сорокъ дней, а мѣстность все еще оставалась покрыта пронзенными, изрубленными, тлѣющими тѣлами людей и лошадей; на землѣ еще были пятна крови; нивы были истоптаны, деревья сломаны. На безчувственнаго развратника это не произвело тяжелаго впечатлѣнія. Онъ равнодушно смотрѣлъ на тысячи непогребенныхъ тѣлъ своихъ согражданъ и радостно принесъ божествамъ той мѣстности благодарственную жертву за ихъ милость къ нему. Светоній говоритъ, что ѣхавшіе подлѣ Вителлія съ ужасомъ отворачивались отъ страшнаго вида и зловонія и что Вителлій сказалъ имъ: «Самый пріятный запахъ тотъ, который идетъ отъ убитаго врага, а въ особенности отъ согражданина». Быть можетъ, это вымыселъ молвы, но онъ характеризуетъ тупое бездушіе Вителлія. Съ поля битвы императоръ поспѣшилъ на новые пиры, новыя игры; онъ веселился какъ Неронъ, восхищаясь танцовщиками, пѣвцами, фокусниками. Въ іюлѣ наконецъ онъ приблизился къ Риму съ войскомъ, въ которомъ было 60,000 человѣкъ; за войскомъ двигалась необозримая толпа фокусниковъ, мастеровъ править лошадьми на скачкахъ, разныхъ забавниковъ, всяческихъ тунеядцевъ и негодяевъ, для которыхъ опять наступило золотое время, какъ при Неронѣ. Города по всему пути обѣднѣли, угощая эту массу воиновъ и негодяевъ. Созрѣвавшія нивы были опустошены, истоптаны, какъ въ непріятельской землѣ. До Мильвіева моста Вителлій ѣхалъ въ военной одеждѣ; тутъ онъ, по совѣту друзей, замѣнилъ ее гражданской, чтобы не казалось, будто онъ вступаетъ въ Римъ, какъ въ завоеванный городъ. Въ Капитоліѣ встрѣтила его мать, женщина достойная уваженія; онъ далъ ей титулъ Августы.

Правленіе и мотовство Вителлія, апрѣль 69—мартъ 70 (822—823).

И началось правленіе Вителлія, которое, будь оно продолжительно, было бы для римской имперіи гибельнѣе правленій Калигулы и Нерона. Безхарактерный, трусливый, занятый только пошлыми своими наслажденіями, Вителлій допускалъ воиновъ буйствовать, своихъ любимцевъ грабить, римскую чернь безчинствовать, какъ кому угодно. Римъ представлялъ въ его правленіе странный видъ. По улицамъ и на площадяхъ толпились иноземцы его легіоновъ и вспомогательныхъ отрядовъ, замѣнившіе распущенныхъ преторіанцевъ. Праздники, игры, всяческія другія развлеченія, пиры длились непрерывно, какъ одинъ нескончаемый праздникъ. «Не прошло еще четырехъ мѣсяцевъ со времени побѣды», говоритъ Тацитъ, «а фаворитъ Вителлія, отпущенникъ его Азіатикъ, уже навлекъ на себя проклятіе народа. Честности, заботѣ о благѣ государства не было мѣста при Вителліѣ; вліяніе на дѣла пріобрѣталось однимъ путемъ: роскошными

пирами въ угощеніе императору, расточительнымъ удовлетвореніемъ его ненасытнаго обжорства. Онъ думалъ только о наслажденіяхъ настоящаго часа, мысли о будущемъ у него не было. Говорятъ, что въ немногіе мѣсяцы онъ промоталъ 900 милліоновъ сестерціевъ (45 милліоновъ рублей). Великій и несчастный городъ, въ одинъ годъ ставшій добычею сначала Отона, потомъ Вителлія, влачилъ позорное существованіе подъ властью то Винія, то Икела, то Азіатика, пока смѣнили ихъ другіе люди, но съ такимъ же характеромъ». Въ Римъ присылались рѣдкія и дорогія лакомства изъ всѣхъ земель, со всѣхъ морей; по словамъ Светонія на каждый обѣдъ Вителлія тратилось не меньше 400,000 сестерціевъ (20,000 рублей); говорятъ, что однажды было приготовлено лакомое блюдо, стоившее болѣе 50,000 рублей. Всей римской имперіи не достало бы на удовлетвореніе такого обжорства, говоритъ Іосифъ. Чтобы получать деньги на это мотовство, Вителлій допускалъ, или самъ дѣлалъ разорительные поборы, такъ что старинныя сенаторскія и всадническія фамиліи были разорены и многія изъ нихъ исчезли. Тѣ знатные люди, въ которыхъ оставалось чувство чести и нравственности, уѣхали изъ Рима въ Кампанскія виллы; нѣкоторые лишали себя жизни. Къ счастью, это постыдное правленіе было не продолжительно. Межъ тѣмъ, какъ Вителлій пировалъ въ Римѣ, на Востокѣ принялъ санъ императора человѣкъ, болѣе достойный престола, чѣмъ всѣ императоры, бывшіе послѣ Августа,—Титъ Флавій Веспасіанъ.

Веспасіанъ.

Въ сабинской землѣ, близъ города Реате, находился небольшой сельскій домъ, принадлежавшій семейству почтенному, но не знатному и не богатому: тамъ родился Титъ Флавій Веспасіанъ 17 ноября 9 года нашей эры. Онъ былъ при Калигулѣ квесторомъ, эдилемъ, преторомъ, потомъ былъ по просьбѣ своего покровителя Нарцисса назначенъ начальникомъ легіона, отличился въ войнахъ на Рейнѣ и въ Британіи, былъ награжденъ за это знаками тріумфатора и саномъ консула. При Неронѣ онъ былъ проконсуломъ Африки, пріобрѣлъ тамъ репутацію храбраго, энергичнаго, справедливаго, безкорыстнаго правителя; потому, когда понадобился опытный и осторожный полководецъ для войны съ іудеями, Неронъ назначилъ его, хотя онъ навлекъ на себя немилость тѣмъ, что не одобрялъ страсти Нерона къ актерству. Лициній Муціанъ, правитель Сиріи, получилъ приказъ содѣйствовать Веспасіану въ усмиреніи мятежа іудеевъ. Пока Веспасіанъ велъ эту войну, о которой мы разскажемъ ниже, въ Италіи произошли катастрофы, смѣнившія въ одинъ годъ Нерона Гальбой, Гальбу Отономъ, Отона Вителліемъ. Веспасіанъ, человѣкъ осмотрительный, не любившій рисковать, не хотѣлъ впутываться въ эти раздоры. Получивъ извѣстіе о смерти Нерона, онъ послалъ своего сына Тита, бывшаго его помщникомъ (легатомъ), въ Римъ выразить его преданность Гальбѣ; точно такъ же онъ призналъ Отона, потомъ Вителлія, приводилъ войско къ присягѣ на вѣрность каждому новому императору. Но когда онъ приводилъ воиновъ къ присягѣ на вѣрность Вителлію, они имѣли суровый, недовольный видъ и молчали. Изъ этого было замѣтно, что они хотятъ другого императора, и черезъ нѣсколько времени Веспасіанъ былъ почти одновременно въ нѣ-

скольких разныхъ мѣстахъ провозглашенъ императоромъ. Раньше, чѣмъ присягнули ему его легіоны, призналъ его власть правитель Египта, Тиберій Юлій Александръ, и египетское войско громко выражало свое одобреніе этому. Правитель Сиріи Муціанъ, уже довольно давно совѣтовавшій Веспасіану принять санъ императора, послѣдовалъ примѣру Юлія Александра.

Положеніе дѣлъ въ Римѣ.

Послѣ этого Веспасіанъ перестал колебаться; онъ былъ ободренъ и благопріятными предзнаменованіями, которымъ придавалъ большую важность. Въ его распоряженіи было много войскъ. Въ его собственномъ войскѣ находилось до 60,000 человѣкъ; у Муціана было четыре легіона въ Сиріи, два легіона въ Египтѣ у Александра; когда пришло въ Европу извѣстіе о принятіи имъ императорскаго сана, власть его признали легіоны, стоявшіе въ Мизіи, Паннонии, Далмаціи; они желали отмстить Вителлію за Отона. Веспасіанъ послалъ въ Далмацію Антонія Прима, человѣка даровитаго и энергичнаго, считавшаго самымъ вѣрнымъ путемъ къ успѣху быстрое наступленіе на врага; они присоединились къ нему и онъ пошелъ въ Сѣверную Италію, между тѣмъ какъ самъ Веспасіанъ поѣхалъ въ Александрію и остановилъ отправку хлѣба въ Римъ, чтобы голодъ заставилъ населеніе столицы признать его власть. Льстецы обманывали вялаго и отупѣвшаго Вителлія, скрывая отъ него истинное положеніе дѣлъ, и онъ такъ мало заботился объ отраженіи приближавшагося непріятеля, что легко было предвидѣть его паденіе. Конечно, поэтому его мать приняла ядъ, чтобы не дожить до погибели сына. Онъ заглушалъ свои опасенія обжорствомъ и пьянствомъ. «Онъ не дѣлалъ никакихъ военныхъ приготовленій», говоритъ Тацитъ, «не ободрялъ воиновъ рѣчами, не заботился о томъ, чтобъ они занимались военными упражненіями, не являлся къ народу; спрятавшись въ тѣни сада, онъ, подобно тѣмъ лѣнивымъ животнымъ, которыя бездѣйственно лежатъ, наѣвшись, не думалъ ни о прошедшемъ, ни о настоящемъ, ни о будущемъ». Эта апатія лишь по временамъ прерывалась порывами свирѣпости, когда льстецамъ и клеветникамъ удавалось пробудить въ немъ подозрѣніе противъ кого-нибудь. Такъ онъ велѣлъ отравить честнаго Юлія Блеза, который оставался непоколебимо вѣренъ ему. Наконецъ онъ послалъ противъ приближавшагося Антонія Прима Цецину съ находившимися въ Римѣ войсками. При одномъ взглядѣ на эти войска было видно, какъ гибельно подѣйствовала на германскіе легіоны буйная жизнь въ жаркомъ, нездоровомъ для нихъ климатѣ, и до какой степени упала въ нихъ дисциплина. Самъ главнокомандующій ихъ утратилъ прежнюю энергію, изнуривъ себя распутствомъ, и уже думалъ объ измѣнѣ, когда при прощаньи обнимался съ Вителліемъ.

Флотъ, стоявшій въ Равеннѣ, принялъ сторону Веспасіана. При извѣстіи

Военныя дѣйствія въ Северной Италіи.

объ этомъ, Цецина предложилъ своему войску послѣдовать этому примѣру; но онъ ошибся въ разсчетѣ: воины отвѣчали, что слава германскаго войска еще не упала такъ низко, чтобъ они, не получивъ ранъ, отдали себя со связанными руками побѣжденнымъ легіонамъ. Они оковали Цецину въ цѣпи и, соединившись съ другими отрядами, пошли къ Бедріаку, на ту мѣстность, гдѣ разбили войско Отона. Скоро туда пришелъ и Антоній, къ войску котораго присоединились преторіанцы Отона. Онъ хотѣлъ какъ можно скорѣе дать рѣшительное сраженіе, чтобы покончить дѣло, прежде чѣмъ прійдетъ къ нему и отниметъ у него честь побѣды приближавшійся Муціанъ.

Взятіе Кремоны октябрь 69.

Скоро произошло подъ стѣнами Кремоны ужасное ночное столкновеніе между войсками Вителлія и Веспасіана; въ темнотѣ бой шелъ на удачу и только уже луна, взошедшая послѣ полуночи, дала воинамъ видѣть, кто изъ нихъ съ кѣмъ сражается; былъ одинъ воинъ, съ отчаяніемъ увидѣвшій, что онъ убилъ своего отца. Воины Веспасіана были разгорячены надеждой, что если они побѣдятъ, то въ руки имъ достанется Кремона и они возьмутъ тамъ много добычи. Они побѣдили и насытили свою свирѣпость и алчность грабежомъ и неистовствомъ: взяли приступомъ Кремону и съ неукротимой яростью ринулись въ дома, били, убивали гражданъ, насиловали женщинъ и дѣвушекъ, разграбили все и зажгли богатый, прекрасный городъ. Немногіе жители, которые успѣли спастись бѣгствомъ, собрались потомъ на пепелищѣ Кремоны и построили нѣсколько бѣдныхъ хижинъ. Плѣнниковъ не было: воины Веспасіана не брали въ плѣнъ никого изъ жителей города, потому что это были римскіе граждане, и нельзя было продать ихъ въ рабство; они убивали всѣхъ.

Междоусобіе въ Римѣ.

Отъ развалинъ Кремоны Антоній повелъ свои войска въ зимній холодъ черезъ Апеннины, вступилъ въ Этрурію, пошелъ на Римъ. На встрѣчу ему двинулся Валентъ, одинъ изъ соучастниковъ оргій Нерона. Валента сопровождала толпа наложницъ. Онъ былъ взятъ въ плѣнъ и убитъ. Въ немъ Вителлій лишился послѣдняго своего защитника. Отрядъ за отрядомъ измѣнялъ Вителлію, даже въ Римѣ замѣтно уменьшалось между сенаторами и всадниками число приверженцевъ его. Когда Антоній приблизился къ Риму, онъ, отчаявшись въ возможности сопротивляться, пошелъ въ траурной одеждѣ изъ дворца, взявъ съ собой своего молодого сына, слуги шли за нимъ съ воплемъ; онъ пришелъ на форумъ и объявилъ, что для прекращенія войны и для блага отечества, онъ отказывается отъ императорской власти, возвращается въ состояніе частнаго человѣка, и прерывающимся голосомъ со слезами просилъ народъ пожалѣть его жену и дѣтей. Эта печальная сцена возбудила состраданіе толпы; приверженцы Вителлія и воины, находившіеся въ городѣ, объявили, что не принимаютъ его отреченія отъ власти, заставили его вернуться во дворецъ. Префектъ города Флавій Сабинъ, братъ Веспасіана, уже принималъ поздравленія съ тѣмъ, что его братъ признанъ императоромъ; но, увидѣвъ сочувствіе толпы Вителлію, испугался и бѣжалъ съ младшимъ сыномъ Веспасіана, Домиціаномъ, въ Капитолій. Приверженцы Вителлія и германскіе воины, бывшіе въ Римѣ, напали на Капитолій; они дѣйствовали такъ безпощадно, что не пожалѣли и великолѣпнаго храма Юпитера; онъ былъ зажженъ и обратился въ груду обгорѣлыхъ развалинъ. Сабинъ былъ убитъ наперекоръ просьбамъ Вителлія пощадить его. Домиціанъ, переодѣвшись жрецомъ Изиды, успѣлъ бѣжать въ домъ одного изъ вѣрныхъ кліэнтовъ своего отца. Раздраженное этимъ злодѣйствомъ, войско Веспасіана быстро пошло на Римъ. Всѣ попытки примиренія были отвергнуты. Перешедши Мильвіевъ мостъ, Антоній двинулъ войско на городъ съ трехъ сторонъ. Оно встрѣтило упорное сопротивленіе. Приверженцы Вителлія стояли на стѣнахъ и до поздняго вечера отражали нападающихъ, бросая въ нихъ дротики и камни; потомъ бой длился на Марсовомъ полѣ. Но войска Антонія ворвались въ городъ со всѣхъ сторонъ, и сопротивленіе прекратилось. Настроеніе толпы перешло изъ одной крайности въ другую. Отрядъ воиновъ, перемѣшавшихся съ простолюдинами и рабами, ворвался въ опустѣвшій дворецъ, нашелъ спрятавшагося тамъ Вителлія; ему связали руки на спинѣ и повели его по улицамъ, народъ ругалъ и билъ его. «Я былъ твоимъ императоромъ», сказалъ онъ одному изъ оскорблявшихъ его; это были единственныя слова, произнесенныя имъ. Его подвели къ лѣстницѣ темницы, на ступеняхъ лѣстницы лежало тѣло Сабина; тутъ его убили, отрубили ему голову, а тѣло стащили крюками въ Тибръ. Межь тѣмъ, какъ шелъ бой на стѣнахъ города и на Марсовомъ полѣ, отупѣвшій, деморализованный народъ въ другихъ частяхъ города занимался обыкновенными своими развлеченіями и веселостями.

Смерть Вителлія.

„Ужасное и гнусное зрѣлище представлялъ Римъ“, говоритъ Тацитъ: „Въ однихъ мѣстахъ шла битва, убивали людей, въ другихъ мѣстахъ люди нѣжились въ баняхъ, пировали; подлѣ крови и грудъ тѣлъ были публичныя женщины и люди, подобные имъ; весь развратъ роскошнаго спокойствія и всѣ свирѣпости взятія города приступомъ совершались одновременно, такъ что казалось, будто одна часть города охвачена безуміемъ ярости, другая безуміемъ веселья. Удовольствія не прекращались ни на минуту: люди наслаждались ими, какъ будто убійства принадлежатъ къ числу веселостей происходившаго тогда праздника (Сатурналій). Веселились, наслаждались, не думая о борьбѣ партій, радуясь среди всеобщаго бѣдствія“.

III. Флавіи. Траянъ и Адріанъ. Антонины.

1. Титъ Флавій Веспасіанъ.

А. Характеръ и правленіе Веспасіана.

Веспасіанъ 70—79. (223—832). Свирѣпости побѣдителей.

За смертью Вителлія послѣдовало время террора. Воины Веспасіана, раздраженные сопротивленіемъ и алчные, свирѣпствовали въ Римѣ; грабили, убивали, совершали всякія неистовства. Ни Антоній Примъ, ни Муціанъ, пріѣхавшій въ Римъ на другой день по взятіи города и принявшій на себя правленіе отъ имени Веспасіана, остававшагося въ Александріи, не имѣли силы или желанія остановить буйства воиновъ, опьяненныхъ своею побѣдою, и злобу доносчиковъ; а Домиціанъ и тогда уже выказывалъ всѣ тѣ дурныя страсти, которымъ потомъ далъ такой широкій просторъ: «онъ получилъ титулъ и жилище цезаря», говоритъ Тацитъ, «но, не занимаясь правительственными заботами, игралъ роль императорскаго сына лишь распутствомъ». Однако жь онъ присвоилъ себѣ власть назначать сановниковъ, и дѣлалъ это такъ произвольно, что Веспасіанъ насмѣшливо написалъ ему, не назначилъ ли онъ преемника и ему самому.— Убійствъ было много. Побѣдители не удовольствовались тѣмъ, что убили или казнили главныхъ людей побѣжденной партіи, какъ, напримѣръ, развратнаго, но храбраго Луція Вителлія, брата убитаго императора, и несчастнаго сына императора, имѣвшаго титулъ Германика; были убиты многіе другіе, не виноватые ни въ чемъ, кромѣ того, что были очень богаты или пользовались большимъ уваженіемъ народа; такъ, напримѣръ, Кальпурній Галеріанъ и проконсулъ Африки Луцій Пизонъ. Разыскивая приверженцевъ Вителлія, воины, подъ этимъ предлогомъ, врывались въ дома, убивали, грабили, предавали поруганію женщинъ и дѣвушекъ. Порядокъ возстановился только по пріѣздѣ Веспасіана. Онъ посылалъ изъ Египта хлѣбъ въ

Римъ; населеніе столицы было благодарно ему за спасеніе отъ голода; теперь оно ожидало, что онъ прекратитъ буйства, и встрѣтило его съ восторгомъ. Сенатъ поспѣшилъ дать императору всѣ тѣ права, какія въ республиканское время принадлежали сенату и народному собранію и которыя съ этой поры сдѣлались постоянными законными принадлежностями гражданской власти императора. Часть этого сенатусконсульта сохранилась на уцѣлѣвшей мѣдной доскѣ.

Сенатусконсультъ объ императорской власти Веспасіана, Lex de imperio Vespasiani, или „законъ о власти царя“, Lex regia, передавалъ императору независимое управленіе иностранными дѣлами, управленіе совѣщаніями сената и соединенную съ тѣмъ инціативу законодательства, назначеніе сановниковъ по прежнимъ формамъ и неограниченное право издавать распоряженія по религіознымъ, общественнымъ и частнымъ дѣламъ. Ранке думаетъ, что этотъ актъ можно считать первымъ опытомъ дать законную форму фактическому полновластію императора.

Порядокъ въ финансахъ и бережливость.

Вступленіемъ Веспасіана на престолъ начинается новый періодъ исторіи римской имперіи, золотой вѣкъ ея, рядъ хорошихъ императоровъ. Человѣкъ военныхъ простыхъ привычекъ, твердаго характера, яснаго практическаго разсудка, Веспасіанъ былъ чуждъ всѣхъ сумасбродствъ и пороковъ, какими позорили себя его предмѣстники. Первыми и главнѣйшими заботами новаго императора были возстановленіе дисциплины въ утратившемъ ее войскѣ и приведеніе въ порядокъ разстроенныхъ финансовъ. Воины, говоритъ Светоній, были въ однѣхъ частяхъ войска упоены до наглости побѣдой, въ другихъ озлоблены пораженіемъ; тѣ и другіе буйствовали. Веспасіанъ распустилъ большую часть воиновъ, сражавшихся за Вителлія, въ остальномъ войскѣ ввелъ старинную римскую дисциплину. Съ такой же энергіей старался онъ привести въ хорошій порядокъ государственное хозяйство, собиралъ деньги въ опустѣвшую казну. Его финансовое управленіе было строго и бережливо; это возбудило много злорѣчія въ населеленіи Рима, привыкшемъ къ расточительности императоровъ. Древніе историки говорятъ, что онъ возстановилъ всѣ налоги, отмѣненные его предмѣстниками, и ввелъ новые; что онъ самъ занимался торговыми спекуляціями; молва утверждала, что онъ нарочно посылаетъ управлять провинціями алчныхъ людей, чтобы потомъ денежными штрафами брать у нихъ награбленное, «выжимать насосавшіяся водою губки»; говорили, что онъ торгуетъ должностями, пожалованіемъ почестей, прощеніемъ преступниковъ. Разсказывали множество анекдотовъ о жадности и скупости его; въ нихъ проглядываютъ и черты шутливости, которой отличался онъ въ частныхъ разговорахъ.

Светоній разсказываетъ: однажды Титъ говорилъ отцу, что неприличенъ установленный имъ налогъ съ отхожихъ мѣстъ; когда были получены первыя деньги отъ этого налога, онъ поднесъ къ носу Тита

золотую монету и спросилъ, дурно ли отъ нея пахнетъ. Однажды погонщикъ осла задержалъ Веспасіана на дорогѣ, остановившись поправить подкову; подошелъ проситель; Веспасіану показалось, что погонщикъ задержалъ его лишь за тѣмъ, чтобы проситель имѣлъ время подойдти къ нему съ своей просьбой; онъ спросилъ погонщика, сколько прибыли дала ему поправка подковы и потребовалъ половину себѣ. Однажды явились къ нему депутаты провинціальнаго города объявить, что ихъ сограждане рѣшили поставить ему статую; онъ протянулъ имъ раскрытую ладонь и сказалъ, чтобъ они поставили статую на этомъ пьедесталѣ, то есть отдали ему деньги, какихъ стоила бы она. О Кенидѣ, наложницѣ Веспасіана, говорятъ, что она, по согласію съ нимъ, продавала гражданскія и жреческія должности, продавала помилованія преступникамъ и отдавала деньги ему.

Сооруженія. Судопроизводство. Администрація.

Но хотя смѣялись надъ скупостью Веспасіана, отдавали ему справедливость въ томъ, что онъ употребляетъ деньги на полезныя дѣла. Мы увидимъ, что при немъ римское оружіе одержало блистательныя побѣды. Онъ возвелъ много громадныхъ сооруженій: проложилъ новыя военныя дороги, при проведеніи которыхъ были прорыты горы, проломаны скалы, построены смѣлые мосты черезъ быстрыя рѣки. Онъ отстроилъ сгорѣвшій Капитолій по прежнему плану, съ тою только разницей, что сдѣлалъ зданіе выше прежняго. При пожарѣ Капитолія расплавились тѣ тысячи мѣдныхъ досокъ, на которыхъ были вырѣзаны постановленія сената и народнаго собранія; Веспасіанъ возстановилъ эти доски по спискамъ, находившимся въ областныхъ городахъ и у частныхъ людей. Онъ застроилъ улицы, еще остававшіяся незастроенными послѣ пожара, бывшаго при Неронѣ; достроилъ колоннады, начатыя Клавдіемъ; улучшилъ водопроводы; украсилъ городъ огромнымъ храмомъ Мира и колоссальнымъ амфитеатромъ, развалины котораго еще возбуждаютъ удивленіе и теперь. Эти общественныя зданія были украшены превосходнѣйшими произведеніями греческой живописи и скульптуры; а при храмѣ Мира была устроена публичная библіотека. Веспасіанъ заботился о правосудіи, о быстротѣ судопроизводства; отмѣнилъ процессы объ оскорбленіи величества, прекратилъ гнусную дѣятельность доносчиковъ. Онъ самъ часто садился на форумѣ судить дѣла, и его примѣръ возбуждалъ другихъ судей къ дѣятельности, такъ-что было рѣшено множество процессовъ, остававшихся безъ движенія во время междоусобія. Гражданскіе законы были улучшены и пополнены. Веспасіанъ востановилъ въ народѣ уваженіе къ сенаторскому и всадническому сословіямъ, удаливъ изъ нихъ людей недостойныхъ и пополнивъ ихъ почтенными людьми. Онъ назначалъ сенаторами и всадниками не однихъ италійцевъ, но и людей, живущихъ въ провинціяхъ, такъ что эти корпораціи стали общими государственными. Онъ хотѣлъ этимъ упрочить единство государства и придать больше одинаковости устройству всѣхъ частей его. Вѣроятно, съ тою же цѣлью онъ

отнялъ независимость у многихъ свободныхъ городовъ, какъ, напримѣръ, у Родоса, Самоса, Византіи, включилъ ихъ въ составъ провинцій, гдѣ находились они, и присоединилъ къ непосредственнымъ владѣніямъ Рима нѣкоторыя азіатскія союзныя государства (Киликію, Малую Арменію, Коммагену, Эмесу). Но присоединеніемъ ихъ Римъ былъ больше прежняго вовлеченъ въ пограничныя войны съ кавказскими народами, съ Арменіею, Парѳіею, арабскими племенами Сирійской пустыни и Мессопотаміи.

Характеръ Веспасіана.

Практичный человѣкъ простыхъ нравовъ, Веспасіанъ удалилъ отъ двора всю ту роскошь, всѣ тѣ блестящіе пороки, какими опозорили себя его предмѣстники; врагъ изнѣженности и распутства, онъ не терпѣлъ подлѣ себя разврата. Народъ не осуждалъ его за то, что онъ даетъ своей любовицѣ Кенидѣ такое положеніе, какъ будто она его жена; напротивъ, римлянамъ не понравилось высокомѣріе Домиціана, который, когда Кенида хотѣла обнять его по возвращеніи его въ Римъ изъ поѣздки, подалъ ей руку для поцалуя. Веспасіанъ былъ привѣтливъ; всѣ имѣли доступъ къ нему; онъ не опасался убійцъ и заговоровъ; любилъ шутить. Римляне долго вспоминали грубыя шутки, бойкія выходки, ловкіе отвѣты веселаго старика. Шутливость не покинула его и на смертномъ одрѣ: когда болѣзнь его стала опасна, онъ, намекая на апотеозъ, котораго удостоивались императоры по смерти, сказалъ: «Плохо мнѣ, я думаю, что становлюсь богомъ». Чувствуя приближеніе смерти, онъ всталъ со словами: «Императоръ долженъ умереть на ногахъ» и ожидалъ смерти въ военной позѣ.

23 іюня 79.

Отношенія Веспасіана къ философамъ и прорицателямъ.

По старому римскому обычаю, Веспасіанъ занимался больше всего военной и гражданской администраціей; однако же онъ былъ другъ искусствъ и наукъ; покровительствовалъ ученымъ и училищамъ. Но его сухому, практическому уму не нравилась мечтательность. Онъ цѣнилъ только то, что полезно государству и реальной жизни; философы, прорицатели, религіозные фантазеры сильно не нравились ему. Потому онъ изгналъ изъ Рима философовъ; не столько за ихъ философскія ученія, сколько за то, что они держали себя высокомѣрно, важничали своими философскими мантіями и бородами; любили щеголять пренебреженіемъ къ обычаямъ *); рѣзко порицали правитель-

*) Въ отрывкѣ Діона, найденномъ знаменитымъ изслѣдователемъ рукописей Маи, объ изгнаніи философовъ говорится: «Многіе стоики и циникъ Димитрій излагали ученія, несогласныя съ существующимъ порядкомъ дѣлъ, и внушали эти убѣжденія большому числу людей; потому Муціанъ убѣдилъ Веспасіана изгнать изъ Рима всѣхъ этихъ людей, кромѣ одного Музонія,—совѣтъ, внушенный Муціану нелюбовью къ наукѣ; онъ въ длинной рѣчи Веспасіану высказалъ много мыслей, заслуживающихъ быть замѣченными, какъ, напримѣръ: «Они люди тщеславные; человѣкъ отроститъ себѣ бороду, нахмуритъ брови, наброситъ на себя изорванный плащъ, станетъ ходить босой, и уже выставляетъ себя философомъ, героемъ, образцомъ добродѣтели; подымаетъ носъ, хотя

ство; смѣло высказывали свои республиканскія убѣжденія. По нелюбви къ фантазерству онъ изгналъ изъ Рима «халдеевъ», прорицателей и астрологовъ, пользовавшихся склонностью тогдашнихъ римлянъ къ суевѣрію, ко всему таинственному и чудесному. Они имѣли такую власть надъ умами, что, когда Вителлій издалъ эдиктъ, объявлявшій, что всѣ астрологи должны удалиться изъ Рима къ назначенному имъ сроку,—къ 1 числу октября,—они въ насмѣшку издали свой эдиктъ: «Халдеи объявляютъ, что къ 1 октября не должно остаться на свѣтѣ никакого Вителлія Германика». По своей нелюбви къ восторженности, императоръ преслѣдовалъ христіанъ, которыхъ считалъ имѣющими тѣ же экзальтированныя мысли, какія произвели возстаніе въ Іудеѣ. По непріязни къ людямъ, порицающимъ правительство, онъ осудилъ на изгнаніе, а потомъ и на смерть, сенатора Гельвидія Приска, имѣвшаго республиканскія убѣжденія и бывшаго зятемъ Тразеи Пета. Тацитъ прославлялъ этихъ послѣднихъ республиканцевъ, которые, подобно своему идеалу, Катону, мечтали о государственномъ устройствѣ, вычитанномъ ими изъ книгъ и совершенно не сообразномъ съ дѣйствительными условіями. Но изъ разсказа самого Тацита ясно, почему императоръ, вообще гуманный и любившій образованіе, могъ предать смерти такого честнаго и почтеннаго человѣка, какъ Гельвидій.

Гельвидій Прискъ.

Гельвидій искалъ славы преслѣдуемаго защитника свободы; въ монархическомъ государствѣ онъ хотѣлъ остаться вѣренъ призраку республики, не хотѣлъ называть Веспасіана императоромъ, не признавалъ императорскую власть законной. Тразея, Гельвидій и ихъ друзья праздновали въ своихъ домахъ дни рожденія Брута и Кассія; на этихъ праздникахъ они пили тосты во славу памяти послѣднихъ героевъ республики; такія демонстраціи раздражали Веспасіана; раздражала его, привычнаго къ строгому порядку военной дисциплины, и постоянная рѣзкая оппозиція Гельвидія въ сенатѣ. Онъ отправилъ его въ ссылку; потомъ, вѣроятно, по новымъ тайнымъ обвиненіямъ своихъ совѣтниковъ, велѣлъ казнить его. Онъ скоро раскаялся въ своемъ опрометчивомъ распоряженіи, хотѣлъ отмѣнить это приказаніе; но Гельвидій былъ уже казненъ. Тацитъ увѣковѣчилъ славу благороднаго человѣка, сохранявшаго прямодушіе и гражданскую доблесть среди испорченности нравовъ и всеобщаго раболѣпства: „Гельвидій Прискъ, уроженецъ города Террацины, человѣкъ великихъ дарованій, посвятилъ

бы ровно ничего не смыслилъ; они смотрятъ на всѣхъ свысока: знатный человѣкъ у нихъ дуракъ, простолюдинъ—подлецъ, красавецъ—развратникъ, урадъ—идеалъ красоты, богачъ — эгоистъ, бѣдняга — человѣкъ рабской души» (Діонъ, LXVI, 13). Димитрія и Гостилія Веспасіанъ не просто изгналъ изъ Рима, а послалъ на острова въ ссылку. Гостилій велъ разговоръ, когда ему было объявлено о ссылкѣ; онъ не замолчалъ, а сильнѣе прежняго сталъ говорить въ порицаніе монархической власти; но потомъ онъ смирился. Димитрій держалъ себя по прежнему, и Веспасіанъ велѣлъ сказать ему отъ своего имени: «Ты добиваешься того, чтобы я казнилъ тебя; но я не убиваю лающую на меня собаку».

себя наукамъ не для того, чтобы прикрывать названіемъ ученаго равнодушіе къ общественнымъ дѣламъ, а для того, чтобы пріобрѣсти твердость души въ перенесеніи опасностей государственной дѣятельности. Въ философіи онъ слѣдовалъ тѣмъ мыслителямъ, которые называютъ благомъ только справедливое и зломъ только дурное въ нравственномъ отношеніи, а власть, знатность и все другое внѣшнее не причисляютъ ни къ благу, ни къ злу. Когда онъ былъ еще только квесторомъ, Тразея Петъ отдалъ за него свою дочь, и онъ воспринялъ изъ характера своего тестя прямодушную твердость. Во всѣхъ дѣлахъ жизни—какъ гражданинъ, сенаторъ, мужъ, зять, другъ, онъ былъ одинаково непоколебимъ въ добромъ, былъ безбоязненъ и презиралъ богатство“.

В. Іудейская война и разрушеніе Іерусалима.

Въ царствованіе Веспасіана римляне вели великія, тяжелыя войны на Востокѣ и на Западѣ имперіи, въ Іудеѣ, въ Британіи, на устьяхъ Рейна; это были первыя большія войны противъ иноземцевъ со времени Августа.

Положеніе іудеевъ подъ владычествомъ римлянъ.

Мы знаемъ обстоятельства, по которымъ Іудея была присоединена къ римской имперіи (III, стр. 332; IV, стр. 14). Этого присоединенія желалъ зажиточный классъ іудейскаго народа, и римское владычество доставило ему спокойствіе, порядокъ, возможность наслаждаться благосостояніемъ. Римскіе правители, люди съ широкими политическими понятіями, не вмѣшивались во внутреннія дѣла іудеевъ больше того, чѣмъ было необходимо для Рима, не стѣсняли учрежденій, обычаевъ и богослуженія народа, довольствовались тѣмъ, чтобы онъ платилъ установленные налоги, уважалъ законныя права императора и его намѣстника. Синедріонъ и подчиненные ему судьи и администраторы пользовались большею свободою, чѣмъ при своихъ царяхъ; первосвященникъ не встрѣчалъ никакого препятствія исполненію своихъ обязанностей. Богослуженіе совершалось свободно. Израильскіе молодые люди были избавлены отъ военной службы. Законный порядокъ благопріятствовалъ развитію торговли, земледѣлія, промышленности; они процвѣтали; благосостояніе народа росло. Во всѣхъ областяхъ огромнаго государства разселялось много іудеевъ; эти переселенцы повсюду получали гражданскія права и богатѣли.

Въ Римѣ іудеи занимали особую часть города за Тибромъ; число ихъ простиралось до 8,000 человѣкъ. Императоры издавали иногда эдикты, воспрещавшіе восточные религіозные обряды или изгонявшіе ихъ послѣдователей изъ столицы; но эти эдикты или вовсе не исполнялись, или скоро были отмѣняемы. Іудеи тѣмъ легче подчинялись владычеству язычниковъ, что оно въ сущности не было новостью для нихъ: Иродъ и его династія только на словахъ считались держащимися національной религіи; два внука Ирода, Александръ и Тигранъ, жившіе у своего дѣда по матери, Каппадокійскаго царя Археля, даже формально перешли въ язычество и получили отъ римлянъ маленькія царства въ Арменіи.

Зелоты.

Но не всѣ іудеи равнодушно смотрѣли на владычество язычниковъ. Та партія усердныхъ приверженцевъ національной религіи, которая вела за нее геройскую борьбу съ сирійскими царями, сохраняла большое вліяніе на народъ; ея послѣдователи назывались фарисеями. Наиболѣе горячіе изъ нихъ, получившіе названіе зелотовъ, «ревнителей» вѣры, негодовали на несогласіе дѣйствительности съ требованіями закона Моисеева. Избранному народу божію было обѣщано могущество; царемъ своимъ онъ долженъ былъ имѣть только Іегову; вмѣсто того Іудея находилась подъ языческой властью; іудеи должны были платить дань язычникамъ съ той земли, которую Богъ далъ ихъ отцамъ, чтобы они вѣрно служили ему. Масса фарисеевъ была недовольна такимъ положеніемъ, а зелоты прямо желали войны, въ твердой увѣренности, что Богъ укрѣпитъ руки своихъ воиновъ. Въ народѣ стала оживать основная идея іудейской религіи, что Богъ чрезъ новаго пророка, Мессію, дастъ своему народу владычество надъ вселенной, и гора Сіонъ станетъ мѣстомъ царства Божія; у зелотовъ эта идея получила болѣзненный характеръ фанатической мечтательности. Они восторженно повторяли поэтическія мѣста священныхъ книгъ, въ несомнѣнной увѣренности, что Іерусалимъ, святое жилище истиннаго Бога и царя, станетъ столицею вселенной,—а могущество Рима будетъ сокрушено.

Іуда Гавлонитъ.

Это настроеніе мыслей проявилось, когда Августъ, присоединивъ Іудею къ имперіи, послалъ Публія Сульпиція Квиринія взять въ императорскую казну сокровища Архелая, сына Ирода, и, какъ мы уже говорили, произвести перепись населенія и оцѣнку недвижимой собственности. Іуда, уроженецъ Гамалы, мѣстечка, находившагося въ Гавлонскомъ округѣ, близъ Галилейскаго озера, названный по имени родного округа Гавлонитомъ, воспротивился переписи и поднялъ возстаніе. Оно было подавлено безъ труда; самъ онъ былъ убитъ; его приверженцы были разогнаны; но мысли, изъ которыхъ произошло возстаніе, сохранялись въ народѣ. Нѣсколько десятковъ лѣтъ не было мятежей въ Іудеѣ, но въ народѣ укрѣплялось убѣжденіе, что язычники не должны владычествовать въ святой землѣ, и вліяніе зелотовъ на умы усиливалось. Ненависть къ иноземному владычеству была источникомъ всеобщей непріязни іудеевъ къ мытарямъ, сборщикамъ налоговъ, шедшихъ въ языческую казну; іудеи гнушались мытарями, какъ „грѣшниками" и „нечистыми", то есть язычниками. Пламя, вспыхнувшее въ мятежѣ Іуды Гавлонита, было погашено, но искры тлѣли подъ пепломъ. Два сына Іуды собрали шайки разбойниковъ и вели партизанскую войну противъ римской власти; лѣтъ черезъ тридцать послѣ смерти отца они были взяты въ плѣнъ и распяты на крестѣ.

Римскіе прокураторы Іудеи. Понтій Пилатъ.

Римскіе прокураторы Іудеи, жившіе въ Кесаріи, вообще смѣнялись часто; изъ нихъ особенно извѣстенъ Понтій (Понцій) Пилатъ, правившій Іудеею долго, около одиннадцати лѣтъ въ царствованіе Тиберія. Онъ былъ человѣкъ надменный, суровый, не уважавшій іудеевъ и ихъ законовъ, и оставилъ по себѣ у іудеевъ такое же дурное воспоминаніе, какъ у христіанъ. Іудеи чрезвычайно гнушались всѣмъ, сколько нибудь похожимъ на идолопоклонство; онъ глубоко оскорбилъ ихъ религіозныя чувства, велѣлъ отряду римскаго войска, шедшему зимовать въ Іерусалимѣ, вступить въ городъ обыкновеннымъ римскимъ порядкомъ, съ знаменами; на знаменахъ были орлы и медальоны съ изображеніемъ императора; видъ ихъ взволновалъ народъ. Много лѣтъ раньше того Иродъ повѣсилъ фигуру золотого орла надъ главнымъ входомъ въ храмъ; это произвело въ народѣ такое раздраженіе, что поднялся мятежъ; идолопоклонническое изображеніе было сорвано и изломано въ куски. Мятежъ подобнаго рода противъ римскаго правителя былъ бы очень сурово наказанъ, потому іудеи прибѣгли къ просьбамъ. Пять сутокъ толпы народа стояли на дворѣ прокуратора въ Кесаріи, умоляя Пилата удалить языческія изображенія изъ святого города. Настойчивость просьбы была такъ непоколебима, что Пилатъ уступилъ. Онъ и при другихъ случаяхъ выказывалъ неуваженіе къ религіознымъ чувствамъ іудеевъ, такъ-что во время его правленія нѣсколько разъ возникали безпорядки; римское войско подавляло ихъ безпощадно. Въ евангеліи Луки упоминается, что однажды во время праздника «Пилатъ смѣшалъ кровь галилеянъ съ жертвами ихъ». (Ев. Лук. XIII, 1). Частымъ поводомъ къ столкновеніямъ между прокураторомъ и народомъ божіимъ было право римлянъ назначать и смѣнять первосвященника и хранить священное облаченіе, которое было необходимо ему для торжественнаго богослуженія. За насильственный поступокъ съ самарянами, совершавшими праздникъ на горѣ Гаризимѣ, Пилатъ былъ отставленъ отъ должности и сосланъ въ Галлію; кажется, онъ и умеръ тамъ въ слѣдующемъ году, въ годъ смерти Тиберія.

Черезъ два или три года по отставкѣ Пилата, собралась новая гроза надъ іудеями въ Іерусалимѣ и Александріи. Калигула, которому повсюду въ государствѣ воздавали божескія почести, разсердился за то, что одни іудеи отказываютъ ему въ нихъ, и велѣлъ египетскому и сирійскому правителямъ поставить его статуи въ александрійскихъ синагогахъ и въ іерусалимскомъ храмѣ (въ 39 году). Масса жителей Александріи ненавидѣла іудеевъ, составлявшихъ значительную часть населенія города: они возбуждали непріязнь язычниковъ и тѣмъ, что чуждались ихъ богослуженія, да и своею жадностью къ деньгамъ; когда они отказались исполнить повелѣніе императора, народъ поднялся противъ нихъ; многіе іудеи были убиты, нѣкоторыя синагоги ихъ разрушены. Въ Іерусалимѣ іудеи поступили благоразумнѣе и тѣмъ отклонили отъ себя погибель: они отправились къ прокуратору, умоляли его отвратить нарушеніе святости храма ихъ, и, наконецъ, онъ согласился отсрочить исполненіе приказанія. Александрійскіе іудеи отправили въ Римъ посольство, въ которомъ находился одинъ изъ ученѣйшихъ эллинистовъ того времени, философъ Филонъ; благодаря этому посольству и ходатайству Ирода Агриппы, исполненіе приказанія было отлагаемо, и дѣло тянулось до смерти Калигулы, прекратившей опасенія іудеевъ.

Іудея при Калигулѣ.

Клавдій, обязанный своимъ возведеніемъ на престолъ ловкости Ирода Агриппы (стр. 174), немедленно возстановилъ всѣ прежнія права іудеевъ и назначилъ Агриппу царемъ іудейскимъ и самарійскимъ, какъ былъ его дѣдъ. Но это возстановленное царство существовало только три года: „Ангелъ Господень поразилъ" Агриппу, „за то, что онъ не воздалъ славы Богу" (Дѣян. Апост. XII, 23). Онъ устроилъ въ Кесаріи великолѣпныя игры въ честь Клавдія и смотрѣлъ на нихъ въ великолѣпномъ облаченіи изъ серебряной ткани; внезапно съ нимъ сдѣлался тяжкій болѣзненный припадокъ, и черезъ пять дней онъ умеръ. Палестиною снова стали править римскіе прокураторы. Потомки Ирода постоянно пользовались благосклонностью римскаго двора, потому что умѣли льстить и услуживать императорамъ; благодаря тому, они сохраняли нѣкоторое участіе въ управленіи Іерусалимомъ и его окрестностями; иногда они поддерживали рим-

скихъ правителей, иногда ссорились съ ними; но все больше выказывая языческія привычки и понятія, навлекали на себя презрѣніе народа.

Положеніе іудеевъ при Неронѣ.

Благосклонность, какую оказывалъ Клавдій іудейскому народу и потомству Ирода, продолжалась и при Неронѣ, пока жива была Поппея Сабина, покровительница іудеевъ. Жалобы израильскаго народа получали благопріятное рѣшеніе въ Римѣ, особенно когда передавались или поддерживались кѣмъ нибудь изъ потомковъ Ирода. Потому прокураторы остерегались раздражать недовѣрчивый іудейскій народъ, ревниво охранявшій свою религію, не дозволяли себѣ нарушать іудейскія церковныя учрежденія, часто рѣшали въ пользу іудеевъ и ихъ ссоры съ христіанами, язычниками и самарянами, впрочемъ, иногда брали съ нихъ взятки за это. Уступчивость римскихъ правителей относительно первосвященниковъ и фанатиковъ іудейской вѣры, проявилась во всей своей несправедливости при гоненіи іудеевъ на іерусалимскихъ христіанъ и Павла. Привыкая получать удовлетвореніе своимъ претензіямъ, іудеи стали высокомѣрны; духовные правители ихъ заводили ссоры съ прокураторами,—синедріонъ стремился уменьшить вліяніе римскаго правителя на администрацію и судопроизводство, хотѣлъ сдѣлать, чтобы новые первосвященники получали свой санъ безъ его утвержденія, старался устранить надзоръ его за религіозными праздниками, не отдавать на его сохраненіе первосвященническую одежду; а когда надо было подавить внутреннихъ враговъ, синедріонъ требовалъ у него вооруженной помощи. Случаи такой надобности становились все болѣе частыми, потому что, при властолюбіи и фанатизмѣ духовныхъ правителей іудейскаго народа, число ихъ враговъ съ каждымъ годомъ росло. Возростало и число столкновеній іудеевъ съ римлянами. Подчиненіе язычникамъ само по себѣ уже казалось іудеямъ грѣхомъ противъ закона Моисеева, а присутствіе римскихъ воиновъ въ Іерусалимѣ, близъ храма, сильно раздражало ихъ. Неудовольствіе возростало и оттого, что во всѣхъ іудейскихъ городахъ увеличивалось число языческихъ колонистовъ; греки, жившіе въ Кесаріи, требовали себѣ участія въ городскомъ управленіи, права занимать почетныя должности; того же требовали язычники и въ другихъ городахъ Палестины. Римскіе воины въ Іерусалимѣ, раздражаемые религіознымъ высокомѣріемъ іудеевъ, не всегда соблюдали должное уваженіе къ храму, и своею непочтительностью къ нему часто вызывали безпорядки и жалобы. Самаряне не хотѣли платить подати храму и часто дѣлали обиды іудеямъ, идущимъ на праздникъ въ Іерусалимъ. Не платили подати храму и греческіе города Палестины, въ которыхъ язычники составляли большинство населенія.

Смуты въ Палестинѣ.

Изъ этихъ неудовольствій возникали безпорядки и мятежи, для подавленія которыхъ необходимо было вмѣшательство римлянъ; безсиліе іудейскихъ духовныхъ правителей ясно выказывалось ихъ неспособностью поддержать въ странѣ порядокъ безъ римской помощи; выказывалось этими мятежами и то, что масса іудеевъ распалась на партіи, враждебныя между собою. Разстройство государственнаго и общественнаго порядка достигло высокой степени въ послѣднія двадцать или тридцать лѣтъ передъ паденіемъ Іерусалима. Многіе изъ лучшихъ людей народа переходили въ христіанство. Вражда между іудейскими сектами увеличивалась. Чѣмъ безотраднѣе было настоящее, тѣмъ сильнѣе развивалось желаніе, чтобъ явился обѣщанный Богомъ избавитель, и ожиданіе Мессіи принимало страстный характеръ; фанатики и фантазеры легко пріобрѣтали себѣ приверженцевъ. Палестина была наполнена чародѣями, обольщавшими народъ посредствомъ мнимыхъ чудесъ, разбойниками, волновавшими массу, которая вѣрила ихъ надеждѣ избавить своими кинжалами страну отъ язычниковъ. „Въ народѣ шло глубокое броженіе", говоритъ Эвальдъ, „возникали нелѣпыя, сумасбродныя ожесточенныя стремленія разбить оковы національнаго униженія и начать новую жизнь".

Несправедливые прокураторы.

Понятно, что при такомъ состояніи дѣлъ снисходительность римлянъ, наконецъ, истощилась, и прокураторы стали принимать притѣснительныя мѣры для подавленія возростающей анархіи. Суровая система управленія началась, когда былъ назначенъ прокураторомъ Клавдій Феликсъ, братъ Палланта (стр. 181), отпущенникъ Клавдія. Тацитъ говоритъ о немъ, что онъ „свирѣпо и произвольно дѣйствовалъ съ гордостью царя и съ низостью раба". Онъ былъ человѣкъ легкомысленный и любилъ взятки, въ его суровости не было ни послѣдовательности, ни справедливости; и годы его управленія были очень тяжелы и анархичны. Въ исторіи жизни апостола Павла мы видѣли, какъ легкомысленно велъ Клавдій судебныя дѣла. Въ 61 году онъ былъ отозванъ. При его преемникахъ, Порціи Фестѣ и Альбинѣ, людяхъ слабаго характера, безпорядки возросли до невыносимости: дерзость разбойниковъ и кинжальщиковъ увеличивалась; первосвященники стали высокомѣрнѣе прежняго, брали себѣ всю десятинную подать, повергая этимъ низшее духовенство въ бѣдность. Наконецъ, въ 65 году Неронъ назначилъ правителемъ Іудеи клазоменскаго грека Гессія Флора, жена котораго была пріятельницей Поппеи. Этотъ выборъ былъ чрезвычайно дуренъ. Правда, у Гессія Флора была энергія, но онъ употребилъ ее не на возстановленіе порядка и законности, а на удовлетвореніе своей корысти. Хитрый, коварный, жестокій, лишенный всякаго благороднаго чувства, онъ правилъ такъ произвольно и притѣснительно, что римское владычество стало невыносимо. Надѣясь на могущественное покровительство Поппеи, онъ безгранично предался взяточничеству и рѣшалъ всѣ дѣла, сообразно своей денежной выгодѣ. Разбои усилились при немъ до такой степени, что были опустошены цѣлые округи, и множество жителей покинули въ отчаяніи родину.

Гессій Флоръ.

Возстаніе іудеевъ.

И, наконецъ, въ народѣ израильскомъ еще разъ пробудилась съ давнею своею силою ненависть къ иноземцамъ и ревность къ царству божію. Еще оставалось много бывшихъ сподвижниковъ Іуды Гавлонита, они образовали кадры могущественной партіи зелотовъ; къ нимъ присоединилось множество молодыхъ людей, восторженно преданныхъ свободѣ и національнымъ учрежденіямъ; эти энтузіасты заключили между собой союзъ на жизнь и на смерть для защиты закона Моисеева, поклялись изгнать римлянъ изъ святой земли, не терпѣть надъ собою языческаго повелителя, имѣть царемъ только Бога. Волненіе было усилено пришедшимъ изъ Рима рѣшеніемъ императора по дѣлу, изъ за котораго давно былъ споръ между іудеями и язычниками, жившими въ Кесаріи: Кесарія была объявлена греческимъ городомъ. Кесарійскіе іудеи, собравшіеся на богослуженіе, подверглись поруганію отъ одного изъ язычниковъ, взяли свои священныя книги, ушли изъ города и просили защиты римскаго правителя. Гессій Флоръ взялъ съ нихъ восемь талантовъ, но сказалъ, что этого мало, что іерусалимскіе іудеи должны послать ему еще шестнадцать талантовъ изъ сокровищъ храма, тогда онъ исполнитъ просьбу. Въ негодованіи на его алчность, іудеи взяли нищенскую суму и ходили

съ нею по улицамъ, прося милостыни «для бѣдняка»; эта насмѣшка раздражила Гессія Флора; онъ съ отрядомъ конницы вступилъ въ Іерусалимъ, занялъ верхнюю часть города, потребовалъ выдачи виновныхъ; іудеи не выдали ихъ; онъ изрубилъ или распялъ на крестѣ болѣе 3000 человѣкъ, и вернулся съ частью отряда въ Кесарію. Священники, другіе зажиточные и разсудительные люди старались сдержать раздраженіе народа, но напрасно: какъ только ушелъ Гессій, зелоты захватили власть въ Іерусалимѣ, прогнали римскихъ сборщиковъ податей и запретили іудеямъ платить подати языческому правительству. Иродъ Агриппа, бывшій тогда въ Іерусалимѣ и имѣвшій участіе въ управленіи городомъ по своему сану главнаго попечителя храма, старался успокоить волненіе; но толпа ругалась надъ нимъ, бросала въ него камнями; онъ поспѣшилъ уѣхать изъ города. Фанатики разрушили его дворецъ, великолѣпный домъ первосвященника, государственный архивъ; уничтожили долговые документы, чтобы возбудить въ бѣдномъ классѣ усердіе къ борьбѣ за свободу, и, опираясь на разбойниковъ и кинжальщиковъ, стали править посредствомъ террористическихъ мѣръ. Умѣренные люди были убиваемы; зелоты нашли спрятавшагося первосвященника Ананію, убили его и его брата; взяли приступомъ цитадель, называвшуюся Антоніевой, истребили находившійся въ ней римскій гарнизонъ; римскимъ отрядамъ, которые заперлись въ крѣпкихъ башняхъ, инсургенты обѣщали свободный пропускъ; а когда они сдали башни и пошли изъ города, ихъ вѣроломно убили на пути. Въ отомщеніе за это кесарійскіе язычники перебили возвратившихся въ этотъ городъ іудеевъ; ихъ погибло, по словамъ Іосифа, 20,000 человѣкъ. Тѣхъ, которые бѣжали, Флоръ велѣлъ ловить и отправилъ ихъ въ рабство, служить гребцами на римскихъ корабляхъ.

Междоусобіе въ Сиріи. 66.

Это было лозунгомъ, по которому вспыхнула въ Сиріи междоусобная война, сопровождавшаяся безпощадными свирѣпостями. Во всѣхъ городахъ и селеніяхъ Палестины стали рѣзаться язычники съ іудеями. Религіозная ненависть усиливалась національной. Ужасенъ разсказъ Іосифа о событіяхъ 66 года. Почти всѣ города Палестины были залиты кровью. Іерусалимскіе зелоты въ ожесточеніи фанатизма и въ гордости побѣды ходили по Іудеѣ, по Галилеѣ до Финикійскаго и Филистимскаго приморья и утоляли свое мщеніе кровью язычниковъ. Ущелья горъ, лѣса, пещеры наполнились бѣжавшими людьми всѣхъ сословій, въ однихъ мѣстахъ язычниками, въ другихъ—іудеями.

„Вся Сирія была охвачена страшнымъ междоусобіемъ“, говоритъ Іосифъ: „каждый городъ превратился въ два враждебные стана. Каждая изъ двухъ партій искала спасенія себѣ въ истребленіи другой. Дни проходили въ убійствѣ, ночи въ тоскливомъ трепетѣ. Къ ненависти присоединилась алчность. Кто набралъ больше добычи тотъ пріобрѣталъ больше уваженія къ себѣ, какъ человѣкъ, побѣдившій много враговъ. Повсюду лежали не погребенные трупы. Вся провинція терзалась невыразимымъ страданіемъ, и будущее угрожало бѣдствіемъ еще болѣе тяжелымъ. Въ Александріи на улицахъ шли битвы, въ которыхъ, по словамъ Іосифа, было убито 50,000 человѣкъ. Въ Дамаскѣ заманили іудеевъ въ театръ; ихъ собралось тамъ 10,000 человѣкъ; они были убиты всѣ до одного. Отъ Газы до Антіохіи свирѣпствовали убійства“.

Отраженіе Цестія Галла.

Осенью правитель Сиріи, Цестій Галлъ, повелъ на инсургентовъ войско, состоявшее изъ римлянъ и вспомогательныхъ отрядовъ. Покоривъ приморскіе города, онъ двинулся изъ Іоппіи въ глубину страны, опустошая все на пути, и отаборился подъ стѣнами Іерусалима. Онъ успѣлъ овладѣть частью города съ сѣверной стороны, но храбрый полководецъ зелотовъ Симонъ, сынъ Гіоры, уроженецъ Герасы, сдѣлалъ удачную вылазку; Цестій, не умѣвшій понять, какую силу даетъ фанатизмъ, потому слишкомъ пренебрегавшій врагомъ, былъ принужденъ поспѣшно отступать. Іудеи, одушевленные побѣдой, погнались за нимъ, истребили 400 человѣкъ римскихъ воиновъ, оставленныхъ въ Беѳоронскомъ станѣ для прикрытія отступленія, настигли войско Цестія въ горахъ и нападали на него такъ сильно, что оно едва могло пробиться въ Кесарію, потерпѣвъ тяжелый уронъ. Болѣе 5,000 воиновъ Цестія легли на пути бѣгства; весь обозъ былъ взятъ инсургентами. Велика была побѣда, прославившая осьмой день ноября. Іудеямъ казалось, что самъ Богъ помогаетъ защитникамъ закона. Націею овладѣлъ энтузіазмъ. Казалось, возвращаются дни Моисея и Навина. Святой городъ былъ освобожденъ; храмъ избавился отъ оскверненія близостью язычниковъ. Вражда партій прекратилась; всѣ онѣ соединились въ мысли объ освобожденіи отъ владычества язычниковъ. Вѣра въ близкое пришествіе Мессіи, въ наступленіе царства Божія пробудилась въ Израилѣ съ новой силой, исполнила всѣ сердца надеждою на торжество.

Дурныя предчувствія. Христіане удаляются въ Пеллу.

Но всѣ надежды и планы іудеевъ разбились при столкновеніи съ дѣйствительностью, какъ мыльный пузырь; и были предчувствія, что дѣло кончится этимъ: народъ, при всемъ своемъ энтузіазмѣ, говорилъ о знаменіяхъ и пророчествахъ, предвѣщавшихъ погибель. Іерусалимскіе христіане считали приближавшуюся войну тѣмъ временемъ, когда исполнится предсказанный учителемъ ихъ судъ Божій надъ Іерусалимомъ и храмомъ, и удалились за Іорданъ въ Пеллу. Многіе другіе граждане умѣреннаго образа мыслей, расположенные къ миру съ римлянами, тоже покинули городъ, который, какъ они предвидѣли, подвергнется погибели. Особенно много такихъ людей было въ знатномъ сословіи.

Приготовленія къ войнѣ.

Но, хотя и должно назвать возстаніе іудеевъ безразсудствомъ, нельзя не удивляться народу, который послѣ столькихъ бѣдствій и раздоровъ, ослабившихъ его, снова собралъ свои одряхлѣвшія силы, и, какъ будто помолодѣвъ, вступилъ въ борьбу на жизнь и смерть

съ могущественнымъ государствомъ, чтобы добыть себѣ свободу служенія Богу своихъ отцовъ, жизни по его заповѣдямъ. Приготовленія къ войнѣ выказывали въ іудеяхъ умъ, практичность и твердую рѣшимость жертвовать всѣмъ за свободу, вѣру, храмъ и за право имѣть своимъ царемъ одного Бога.

Іудеи хотѣли возстановить теократическое правленіе во всей его идеальной чистотѣ; народъ долженъ былъ имѣть единственнымъ царемъ своимъ Бога; отъ имени Божія правилъ духовными и мірскими дѣлами синедріонъ подъ предсѣдательствомъ первосвященника; военачальники были подчинены синедріону; ихъ избиралъ народъ, сходившійся на дворѣ храма. Іудеи стали чеканить монету съ изображеніемъ храма и надписью „святой Іерусалимъ"; эта монета была символомъ возстановленія теократическаго государства и національной независимости. Подъ надзоромъ новаго первосвященника Анны, іерусалимскіе іудеи поправляли стѣны города, заготовляли оружіе, сформировали войско, усердно обучавшееся военному дѣлу. Были назначены военачальники областей, призывавшіе населеніе ихъ къ оружію.

Іосифъ, военачальникъ Галилеи.

Однимъ изъ областныхъ военачальниковъ былъ Іосифъ, написавшій потомъ исторію этой войны. Онъ управлялъ Галилеею, оплотомъ Іудеи, формировалъ тамъ войско, обучалъ его римскимъ пріемамъ военнаго дѣла. Онъ происходилъ изъ семейства, родственнаго съ первосвященникомъ, и былъ человѣкъ умѣреннаго образа мыслей, получившій воспитаніе въ фарисейскихъ школахъ, знатокъ закона Моисеева, жилъ нѣсколько лѣтъ въ Римѣ, пріобрѣлъ знаніе греческаго и римскаго языковъ и греко-римскую образованность. По матери онъ былъ потомокъ Асмонеевъ. Онъ казался человѣкомъ, способнымъ примирить между собою всѣ партіи разноплеменнаго населенія Галилеи, соединить ихъ на защиту независимости страны. Но ему много мѣшалъ Іоаннъ Гисхальскій, отважный галилеянинъ, которому народъ довѣрялъ больше, чѣмъ Іосифу, не имѣвшему надежды на успѣхъ возстанія и дѣйствовавшему безъ энтузіазма.

Веспасіанъ въ Галилеѣ и въ Іудеѣ.

Неронъ получилъ извѣстіе о мятежѣ іудеевъ во время своихъ разъѣздовъ по Греціи (стр. 202). Онъ послалъ вести войну съ мятежниками Веспасіана, который, одинъ изъ всѣхъ римскихъ полководцевъ того времени, пріобрѣлъ славу искуснаго военачальника побѣдами надъ германцами и британцами и держалъ войска въ старинной строгой дисциплинѣ. Неронъ назначилъ его своимъ легатомъ, и онъ пошелъ въ Іудею съ тремя легіонами, изъ которыхъ два, находившіеся въ Египтѣ, были приведены къ нему его сыномъ Титомъ. Лициній Муціанъ, назначенный правителемъ Сиріи, на мѣсто умершаго Цестія Галла, получилъ приказаніе дать Веспасіану еще четыре легіона. Веспасіанъ велъ войну энергически и успѣшно. Онъ собралъ свое войско въ Антіохіи; и съ 60,000 римскихъ и союзническихъ воиновъ пошелъ на галилейскій городъ Іотапату, стоявшій между Птолемаидою и Тиберіадою. Іосифъ защищалъ городъ искусно и храбро. Іотапата держалась шесть недѣль. Но предатель, бѣжавшій къ римлянамъ, показалъ имъ слабое мѣсто укрѣпленій; городъ былъ взятъ приступомъ; 40,000 іудеевъ было убито; многіе зелоты сами

лишили себя жизни; 1200 человѣкъ были взяты въ плѣнъ. 40 человѣкъ изъ числа важнѣйшихъ воиновъ или гражданъ, въ томъ числѣ Іосифъ, успѣли уйдти и скрылись въ пещерѣ. На третій день ихъ убѣжище было найдено. Они рѣшили, что раздѣлятся по жребію на пары и тѣ, кто будетъ въ одной парѣ, убьютъ другъ друга. Іосифъ и тотъ, кому пришлось быть въ одной парѣ съ нимъ, должны были убить другъ друга послѣ всѣхъ. Онъ не захотѣлъ умереть и убѣдилъ своего товарища сдаться римлянамъ. Веспасіанъ принялъ ихъ обоихъ милостиво; Іосифъ пріобрѣлъ его расположеніе льстивымъ предсказаніемъ, что онъ будетъ императоромъ; онъ оставилъ Іосифа при себѣ, сдѣлалъ его однимъ изъ своихъ совѣтниковъ. Іосифъ сталъ человѣкомъ, преданнымъ ему. По взятіи Іотапаты были покорены Тиберіада и другіе галилейскіе города. На берегахъ того озера, гдѣ училъ Христосъ, были даны ожесточенныя битвы, въ которыхъ погибло множество инсургентовъ. Плѣнныхъ продавали въ рабство или отдавали въ тяжкую работу. Съ особеннымъ упорствомъ оборонялась Гамала. Когда голодъ ослабилъ защитниковъ крѣпости и она была взята приступомъ, болѣе 5000 человѣкъ побросались въ пропасти; побѣдители убили и стариковъ, и женщинъ, и дѣтей. Покореніе Галилеи закончилось взятіемъ Гисхалы, откуда Іоаннъ съ вооруженными людьми ушелъ ночью. Онъ привелъ свой отрядъ въ Іерусалимъ. Помощникъ Веспасіана, Цереалъ, разбилъ между тѣмъ инсургентовъ у горы Гаризима и покорилъ Самарію, а другой его помощникъ, энергическій Плацидъ, покорилъ прибрежья Іордана. Разлившаяся рѣка унесла въ Мертвое море груды тѣлъ, которыми была завалена. Веспасіанъ со всѣми своими силами двинулся на Іудею. Такому многочисленному войску, дѣйствующему подъ управленіемъ искусныхъ полководцевъ, не могли противиться ссорившіеся между собою іудеи. Римляне покоряли городъ за городомъ. Веспасіанъ уже готовился осадить Іерусалимъ и уничтожить этотъ центръ мятежа, когда военныя дѣйствія его были остановлены извѣстіями изъ Рима: Неронъ былъ низложенъ, убилъ себя; императоромъ сталъ Гальба, и вскорѣ послѣ того былъ убитъ. Легіоны Веспасіана остановились; осада Іерусалима была отсрочена, и въ немъ ожили обманчивыя надежды на спасеніе.

Партіи въ Іерусалимѣ.

Но ужь не было спасенія городу, находившемуся въ лихорадочномъ волненіи. Туда собрались массы бѣжавшихъ отовсюду; страсти бушевали. Единодушіе, произведенное въ началѣ возстанія общею опасностью и національнымъ энтузіазмомъ, скоро было разрушено фанатизмомъ зелотовъ. Партія умѣренныхъ была заподозрѣна въ расположеніи къ римлянамъ и лишилась всякаго вліянія; иродіанцы, примкнувшіе къ національному дѣлу, но не желавшіе мѣръ, которыя уничтожали возможность примиренія съ римлянами, были брошены въ темницы и убиты; зелоты убили Анну и другого вождя умѣренной партіи, хотѣвшихъ остановить ихъ буйство; овладѣли храмомъ, призвали въ Іерусалимъ идумеянъ, грубыхъ, физически сильныхъ поселянъ и произвели на улицахъ истребленіе главныхъ людей

противной партіи. Іоаннъ гисхальскій, вошедшій въ Іерусалимъ съ отрядомъ буйныхъ галилеянъ и кинжальщиковъ, захватилъ власть въ городѣ и владычествовалъ террористическими мѣрами. Но въ партіи, одолѣвшей умѣренныхъ, скоро начался раздоръ. Идумеяне поссорились съ галилеянами и впустили въ Іерусалимъ Симона, сына Гіоры; онъ, какъ мы знаемъ, бродилъ съ своимъ отрядомъ отчаянныхъ людей по сосѣднимъ съ Іорданомъ мѣстностямъ, гдѣ было много ущелій и пещеръ, велъ партизанскую войну, грабилъ. Въ Іерусалимѣ начались непрерывныя драки между воинами Іоанна гисхальскаго и этого новаго вождя; а римляне между тѣмъ поступали все ближе. Къ довершенію смутъ, возникла въ Іерусалимѣ третья партія зелотовъ, имѣвшая своимъ вождемъ Элеазара. Она заняла верхнюю часть пространства, обведеннаго укрѣпленіями храма; Іоаннъ съ своими приверженцами занималъ нижнюю часть этого пространства и нѣкоторыя укрѣпленія снаружи стѣнъ, а Симонъ занималъ городъ. Въ различіе другъ отъ друга, зелоты Симона назывались партіею простого народа, зелоты Іоанна партіею образованнаго класса, а зелоты Элеазара священническою партіей.

Части Іерусалима.

Іерусалимъ въ то время состоялъ изъ нѣсколькихъ частей, обведенныхъ каждая особыми стѣнами съ башнями. 1) Южную часть образовалъ Старый или Верхній городъ; въ составъ его входили: южный отрогъ горы храма, называвшійся Офеломъ, и ущелье Сыроваровъ. Въ немъ были Силоамскій источникъ и прудъ Соломоновъ. 2) Нижній городъ, гдѣ находилась гора Акра, или Барисъ, на которой Иродъ построилъ цитадель, названную Антоніевой (или Антоніей), былъ тоже обведенъ особою стѣною, югозападная часть которой, примыкавшая къ дворцу Ирода, имѣла три высокія и крѣпкія башни; двѣ изъ нихъ назывались именами Маріамны и Фазаила, третья Гиппикомъ. Подлѣ цитадели находился римскій преторій. Дворецъ Ирода образовалъ тоже цитадель. Отъ него къ горѣ храма вела прекрасная колоннада, называвшаяся Ксистомъ; она отдѣляла верхній городъ отъ нижняго. 3) Новый городъ, состоявшій изъ холма Безеѳы и примыкающей къ нему съ юговостока террасы, тоже былъ обведенъ чрезвычайно крѣпкою стѣною, которая шла отъ башни Гиппика на сѣверъ черезъ широкую возвышенность и подходила на востокѣ къ горѣ храма. На сѣверозападномъ углу ея стояла восьміугольная башня Псефинъ, имѣвшая 70 футовъ вышины. 4) Въ срединѣ этихъ трехъ частей города, обведенныхъ стѣнами со множествомъ башень, стоялъ храмъ; онъ съ своими пристройками и колоннадами образовалъ еще особую крѣпость, прикрываемую съ сѣверозапада Антоніевой цитаделью, а на югѣ соединенную съ старымъ городомъ мостомъ, построеннымъ черезъ ущелье сыроваровъ. По направленію снизу вверхъ, первую террасу образовалъ обширный «внѣшній дворъ» храма, на который могли входить и язычники. Красивая стѣна отдѣляла это «первое святилище» отъ «двора израиля», на который могли входить только іудеи; это «второе святилище» было тоже обведено крѣпкою стѣной. На него вела очень широкая лѣстница, имѣвшая семь великолѣпныхъ воротъ. Особенно хороши были восточныя ворота, которыя вели въ «дворъ женщинъ»; они были сдѣланы изъ коринѳской мѣди. Между воротами шли зданія съ колоннадами сокровищницы. За этими зданіями былъ второй отдѣлъ лѣстницы, имѣвшій 12 ступеней; онъ велъ въ «третье святилище», или «святилище священниковъ»; это была тоже обширная терраса; на ней стоялъ храмъ и передъ храмомъ жертвенникъ.

Осада Іерусалима Титомъ. 70.

Итакъ въ Іерусалимѣ шла ожесточенная борьба партій, когда Веспасіанъ, взявъ Хевронъ, отправился принять на себя управленіе имперіею, и оставилъ своего сына продолжать войну. Титъ подошелъ къ Іерусалиму съ двухъ сторонъ; отбивая непрерывныя вылазки осажденныхъ, онъ поставилъ подъ городомъ три укрѣпленные стана: два на сѣверѣ, третій на югѣ, у горы Элеонской. Онъ надѣялся скоро овладѣть городомъ; его расчетъ не оправдался. Враждуя между собою, всѣ три партіи осажденныхъ съ одинаковымъ мужествомъ бились противъ римлянъ. Въ праздникъ пасхи, Іоаннъ, самый отважный и хитрый изъ іудейскихъ вождей, отчасти обманомъ, отчасти силой захватилъ храмъ; священническая партія зелотовъ принуждена была подчиниться ему, и власть была раздѣлена только между нимъ и Симономъ. Взявъ съ собою Іосифа, Титъ подъѣхалъ къ стѣнамъ города и убѣждалъ осажденныхъ сдаться. Ему отвѣчали стрѣлами; одна изъ нихъ ранила Іосифа. Титъ велѣлъ ставить противъ стѣны осадныя машины; іудеи мѣшали римскимъ работамъ непрерывными вылазками; но какъ ни храбро бились они, черезъ три недѣли наружная стѣна рушилась въ нѣсколькихъ мѣстахъ, Титъ ворвался въ Новый городъ и 7 мая расположился станомъ на Безеѳѣ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стояли нѣкогда ассиріяне (I, стр. 717), и которое еще сохраняло имя «ассирійскаго стана». Но вмѣстѣ съ опасностью росло и мужество осажденныхъ. Пять дней и ночей обѣ ихъ партіи, отложивъ свой раздоръ, обороняли вторую стѣну отъ непрерывнаго приступа римскаго войска, превосходившаго ихъ числомъ; они совершали чудеса храбрости и наконецъ одержали блистательный успѣхъ: нападающіе были отбиты съ урономъ; самъ Титъ едва не погибъ; въ нѣсколько часовъ были уничтожены всѣ успѣхи, добытые долгими, тяжелыми усиліями римлянъ. Титу надобно было возобновлять осаду съ начала. Велика была радость іудеевъ: казалось, что богъ защищаетъ свой храмъ крѣпкою рукою, какъ въ старину; что оправдывается вѣрованіе въ неразрушимость храма. Но самонадѣянность, которой поддались іудеи, погубила ихъ: они менѣе внимательно стали остерегаться врага; черезъ четыре дня неутомимый Титъ и его храбрые легіоны разрушили вторую стѣну и стали готовиться къ нападенію на Старый городъ и гору храма. Титъ послалъ Іосифа снова убѣждать осажденныхъ, чтобъ они сдались. Предложеніе было отвергнуто съ насмѣшкою. Раздраженный Титъ велѣлъ распинать на крестѣ всѣхъ захватываемыхъ въ плѣнъ. Мучимые голодомъ, люди толпами выходили изъ города за стѣны рвать траву для пищи себѣ; римляне хватали и распинали ихъ; защитники Іерусалима смотрѣли на это ужасное зрѣлище, повторявшееся каждый день, и оставались непоколебимы. Ихъ отважные вожди велѣли вести подкопы подъ непріятельскія осадныя работы, сдѣлали отчаянную вылазку, зажгли римскія машины, разрушили работы, которыя непріятель возводилъ 17 дней. Тогда Титъ сталъ строить кругомъ города стѣну съ башнями, чтобъ отрѣзать всякій подвозъ припасовъ къ осажденнымъ. Озлобленные римскіе воины построили стѣну съ изумительной быстротою. Но осажденные продолжали съ мужествомъ отчаянія и фанатизма выносить страданія голода и отбивать приступы врага. Іерусалимъ былъ переполненъ народомъ, получать припасы

Римляне отражены.

Продолженіе осады. Голодъ въ Іерусалимѣ.

было невозможно; голодъ свирѣпствовалъ такъ, что каждый день умирало множество людей; былъ даже такой случай, что мать зарѣзала и съѣла свое дитя. Іосифъ говоритъ, что число умершихъ отъ голода простиралось въ іюлѣ уже до 115,880 человѣкъ. Римляне взяли цитадель Антонія и съ каждымъ днемъ тѣснѣе окружали гору храма; но зелоты продолжали обороняться съ непреклоннымъ мужествомъ. Чтобы никто не смѣлъ говорить о покорности римлянамъ, они казнили многихъ важныхъ людей, подозрѣваемыхъ въ склонности къ миру. Жертвоприношенія въ храмѣ были прекращены; но каждый день падало много людей въ жертву отчаянной борьбѣ. Мужество іудеевъ росло вмѣстѣ съ безнадежностью ихъ положенія; росло и ожесточеніе римскихъ воиновъ. Напрасно Титъ старался обуздать свирѣпость войска: всякое состраданіе было заглушено въ римлянахъ ненавистью къ обороняющимся и жаждой разграбить сокровища храма. Алчность была такъ велика, что и римскіе и азіатскіе воины Тита взрѣзывали животъ пытавшихся уйдти изъ храма, розыскивая, не найдется ли проглоченныхъ золотыхъ монетъ въ ихъ желудкѣ. Наконецъ пришелъ послѣдній часъ. Это было 10 августа 70 года нашей эры. Головня, брошенная однимъ изъ римскихъ воиновъ, зажгла храмъ. Въ порывѣ алчности и злобы римскіе воины неудержимо ринулись на укрѣпленія террасы храма и залили ее кровью; грабили, ломали все. Были убиты тысячи людей, едва державшихся на ногахъ отъ голода. Гдѣ прежде звучали гимны молитвъ, раздавались теперь стоны убиваемыхъ и дикіе крики торжества побѣдителей. Въ залѣ наружной колоннады храма искали спасенія себѣ 6.000 безоружныхъ людей; римляне зажгли залъ, и всѣ они погибли. Священники умирали на ступеняхъ жертвенника, поражая враговъ желѣзными палками; нѣкоторые бросались въ пламя. Скоро вся гора храма стала моремъ огня. Когда храмъ рушился, побѣдители, издѣваясь надъ іудейскою вѣрою, поставили на священномъ мѣстѣ свои знамена съ изображеніями орловъ и принесли языческія жертвы.

Взятіе храма.

По увѣренію Іосифа, человѣколюбивый Титъ глубоко сожалѣлъ о разрушеніи храма; оно было дѣломъ случая или воли божіей. Но одинъ изъ тогдашнихъ поэтовъ, прославляя Тита, говорилъ:

«Почернѣвшій отъ пыли іерусалимскаго боя, онъ бросаетъ зажженную стрѣлу и истребляетъ все».

Онъ говорилъ, не опасаясь, что его слова не понравятся Титу. — Въ «хроникѣ» аквитанскаго писателя V вѣка, Сульпиція Севера, вообще слѣдовавшаго Тациту, разрушеніе храма приписывается самому Титу; вѣроятно, такъ говорилъ Тацитъ, разсказъ котораго о концѣ іудейской войны не дошелъ до насъ: «Говорятъ, что Титъ созвалъ военный совѣтъ и спрашивалъ, должно ли разрушить такое зданіе, какъ храмъ. Нѣкоторые полагали, что не слѣдуетъ уничтожать посвященнаго богу зданія, превосходящаго великолѣпіемъ всѣ другія человѣческія сооруженія, что сохраненіе

храма будетъ свидѣтельствомъ кротости римлянъ, а его разрушеніе опозоритъ ихъ неизгладимымъ пятномъ жестокости. Но другіе, и въ томъ числѣ самъ Титъ, говорили, что необходимѣе всего разрушить именно храмъ, чтобы совершенно искоренить вѣру іудеевъ и христіанъ; потому что эти два вида вѣры, хотя враждебны одинъ другому, имѣютъ одно и то же основаніе, христіане произошли изъ іудеевъ; и если истребить корень, то легко погибнетъ и стволъ дерева. По божественному внушенію, этимъ воспламенились всѣ умы, и такимъ образомъ храмъ былъ разрушенъ». Сравн. I. Bernays, Die Chronik des Sulpicius Severus, Berlin, 1861.—Грецъ, въ своей «Исторіи іудеевъ» (Grätz, Geschichte der Juden) замѣчаетъ на это, что христіанская община, очень малочисленная, едва ли была извѣстна Титу хотя бы только по имени. Но развѣ уже не было много говорено о христіанахъ въ Римѣ при пожарѣ въ царствованіе Нерона.

Взятіе Стараго города.

По взятіи храма Іоаннъ и Симонъ съ остатками своихъ воиновъ ушли въ Старый городъ. Они предлагали Титу сдать его, если имъ будетъ позволено уйдти съ оружіемъ въ пустыню. Титъ, которому воины на пылающей горѣ храма дали почетный титулъ императора, отвергъ съ негодованіемъ требованіе свободнаго пропуска. Отчаянная оборона возобновилась. Скоро запылали передовыя укрѣпленія Стараго города. Бой шелъ ожесточенный. Зелоты убили 8,000 іудеевъ, укрывшихся съ ними въ Старый городъ, когда эти люди стали просить пощады у римлянъ. Непоколебимые фанатики не хотѣли слышать о подчиненіи римлянамъ. Они и римляне соперничали между собою въ дѣлахъ ярости. Восемнадцать дней длились приступы къ Старому городу. Наконецъ, нѣкоторыя части стѣны и наименѣе крѣпкія башни были разрушены таранами. Послѣдніе защитники національной независимости скрылись въ подземныя галлереи. Римляне вошли въ городъ, перерѣзали всѣхъ кого нашли, разграбили все и зажгли опустѣвшіе дома. Два дня горѣлъ городъ. Когда пожаръ кончился, Титъ велѣлъ сравнять съ землею развалины города и храма, велѣлъ оставить только три башни для охраны римскаго стана, построеннаго на пепелищѣ. Всѣ іудеи, участвовавшіе въ оборонѣ, были убиваемы, какъ попадались въ руки римлянъ; были убиты и старики или хилые люди, не годившіеся на продажу въ рабство; изъ остальныхъ побѣдитель выбралъ самыхъ сильныхъ и высокихъ для своей тріумфальной процессіи, для гладіаторскаго боя и битвъ съ дикими звѣрями; не попавшіе въ это число были посланы въ оковахъ на работу въ египетскихъ каменоломняхъ, а мальчики и юноши до 17-лѣтняго возраста были проданы въ рабство. Но тысячи іудеевъ лишили себя жизни или умерли отъ голода и болѣзней прежде, чѣмъ были уведены.—Такимъ же свирѣпымъ образомъ поступилъ раздраженный Титъ и въ другихъ іудейскихъ городахъ.—Такъ, Іерусалимъ и храмъ стали грудами мусора, и язычники восторжествовали побѣду на пустынной горѣ храма. Со времени погибели Карѳагена и Коринѳа не бывало такого зрѣлища, какъ разрушеніе Іерусалима, совершившееся въ августѣ и сентябрѣ 70 года.

Разрушеніе Іерусалима.

Тріумфъ.

По разрушеніи Іерусалима Титъ съ большею частью войска пошелъ черезъ Кесарію, устроилъ тамъ праздникъ съ гладіаторскими боями; въ одинъ день тутъ убили другъ друга 2,500 іудейскихъ плѣнниковъ; изъ Кесаріи Титъ прошелъ въ Антіохію, оттуда поплылъ въ Римъ и тамъ вмѣстѣ съ отцомъ и братомъ отпраздновалъ великолѣпный тріумфъ побѣды надъ іудеями. Въ числѣ плѣнныхъ, шедшихъ за колесницею побѣдителя, находились вожди инсургентовъ, Іоаннъ и Симонъ. Іоаннъ былъ брошенъ въ темницу и оставался въ ней до конца жизни; Симонъ былъ казненъ по древнему римскому обычаю. Іосифъ тоже присутствовалъ на торжествѣ своего покровителя; съ какими чувствами смотрѣлъ онъ на погибель своего народа, нельзя разгадать по спокойному описанію тріумфальной процессіи въ его «Исторіи іудейской войны». Послѣ взятія Іерусалима онъ прожилъ 22 года, пользуясь покровительствомъ императорской фамиліи, награжденный имѣньями, осыпанный почестями, занимаясь учеными трудами. Подобно Іереміи, онъ доказывалъ необходимость покориться врагу, былъ противникомъ горячихъ бойцовъ національной войны. Но пророкъ дѣлилъ страданія своихъ ослѣпленныхъ соотечественниковъ, оплакивалъ паденіе отечества, удалившись въ изгнаніе, отвергнувъ благосклонность побѣдителя; а Іосифъ наслаждался милостями владыкъ имперіи, платилъ имъ за богатство и почести льстивыми похвалами.—Изъ добычи, которая украшала тріумфальную процессію, особенное любопытство зрителей возбуждали вещи, взятыя въ Іерусалимскомъ храмѣ: драгоцѣнные сосуды, завѣсы, канделябры, священническія одежды, кодексъ закона Моисеева. На тріумфальныхъ воротахъ Тита въ Римѣ еще уцѣлѣли изображенія этихъ іудейскихъ святынь, и обычай римскихъ іудеевъ не проходить подъ эти ворота свидѣтельствуетъ о томъ, какъ глубока была печаль и ненависть, слѣды которой сохранились черезъ столько вѣковъ.—Римляне такъ презирали іудейскій народъ, что ни Веспасіанъ, ни Титъ не захотѣли принять титула iudaicus, «побѣдитель іудеевъ». Только надписи на монетахъ, выбитыхъ въ славу побѣды, говорили о «покоренной Іудеѣ». Обѣтованная земля избраннаго народа божія была раздѣлена на участки и роздана или распродана новымъ поселенцамъ; а подать, которую іудеи платили въ храмъ Іеговы, они теперь должны были платить ново-построенному храму Юпитера Капитолійскаго.

Конецъ іудейской войны.

Но дѣло покоренія Палестины было еще не закончено взятіемъ Іерусалима. Еще оставались двѣ сильныя крѣпости, защищаемыя храбрѣйшими инсургентами, ушедшими туда: Махеръ на восточной сторонѣ Мертваго моря, Массада на югозападѣ отъ него. Только черезъ два года легіоны успѣли подавить послѣднія конвульсіи великой войны. Махеръ сдался на капитуляцію; іудейскіе защитники этой крѣпости получили себѣ свободный пропускъ, но не включили въ договоръ коренныхъ жителей города „моавитянъ, какъ иноплеменниковъ“; жители хотѣли тайно уйти

ночью; іудеи извѣстили объ этомъ римлянъ; римляне остановили ихъ, убили мужчинъ, 1700 человѣкъ, а женщинъ и дѣтей продали въ рабство. Но скоро погибли и выдавшіе ихъ іудейскіе воины, ушедшіе въ лѣсъ. Туда пришли къ нимъ бѣжавшіе изъ Іерусалима. Римляне окружили ихъ и убили всѣхъ; ихъ было 3,000 человѣкъ. Послѣднею борьбою была оборона Массады, крѣпости, стоявшей на высокой скалѣ. Въ ней заперлись непоколебимѣйшіе фанатики, зелоты, кинжальщики и разбойники; начальникомъ ихъ былъ Элеазаръ, потомокъ Іуды Гавлонита. Они оборонялись съ изумительнымъ мужествомъ. Когда стѣны крѣпости были такъ сильно повреждены осаждающими, что близокъ сталъ часъ паденія ихъ, воины зажгли дома и бросили въ огонь всѣ сокровища, убили своихъ женъ и дѣтей и потомъ—себя. Вошедши на другой день въ крѣпость, римляне нашли среди обгорѣлыхъ развалинъ 960 мертвыхъ тѣлъ. Этимъ кончилась ужасная война. По словамъ древнихъ писателей, въ ней было убито 600,000 человѣкъ.

C. Батавская война.

Возстаніе батавовъ. Клавдій Цивилисъ.

Батавы, вступившіе при Друзѣ въ союзъ съ римлянами (стр. 89), теперь уже 80 лѣтъ служили въ ихъ войскахъ. Долго римляне поступали съ батавами дружески. Пѣхота и конница ихъ сражалась, въ походахъ на британцевъ и германцевъ, такъ храбро, что римляне были очень признательны къ батавамъ. Но при послѣднихъ императорахъ исчезла всякая справедливость и законность; всѣ провинціи, всѣ союзники подвергались угнетенію; это отразилось и на батавахъ. Они стали недовольны римлянами. Возстаніе Юлія Виндекса противъ Нерона, имѣвшее цѣлью возвратить Галліи независимость возбудило, кажется, и у батавовъ попытки подобнаго рода. Но главнокомандующій легіонами на нижнемъ Рейнѣ Фонтей Капитонъ, усердный приверженецъ Нерона, быстро подавилъ волненіе въ батавской землѣ. Главными возмутителями его онъ считалъ двухъ братьевъ Юлія Павла и Клавдія Цивилиса, людей княжескаго рода. Юлія Павла онъ казнилъ, а Цивилиса въ оковахъ отправилъ въ Римъ. Смерть Нерона возвратила свободу Цивилису, а Капитонъ за свою преданность Нерону былъ убитъ (стран. 210). Цивилисъ, походившій на Ганнибала и Серторія тѣмъ, что былъ кривой, умѣлъ хорошо воспользоваться междоусобіями римлянъ. Когда Вителлій увелъ большую часть войскъ съ нижняго Рейна, Цивилисъ, человѣкъ умный и хитрый, объявилъ себя приверженцемъ Веспасіана и сталъ собирать войско подъ предлогомъ желанія дѣйствовать въ пользу его. Антоній Примъ, явный приверженецъ Веспасіана, и Гордеоній Флаккъ, тайный приверженецъ его, вошли въ сношенія съ Цивилисомъ, скрывавшимъ истинныя свои намѣренія, пока не пришло время поступать открыто. Вителлій велѣлъ сдѣлать новый наборъ у батавовъ; это приказаніе исполнялось такъ сурово и несправедливо, что батавы взволновались. Римляне, производившіе наборъ, брали стариковъ и увѣчныхъ людей, чтобъ освобождать ихъ отъ службы за деньги; пользо-

вались наборомъ и для того, чтобы удовлетворять своей страсти къ пошлому разврату. Негодованіе народа дошло до того, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ началось сопротивленіе набору. Тогда Цивилисъ созвалъ вліятельнѣйшихъ соплеменниковъ своихъ ночью въ священную рощу подъ предлогомъ религіознаго праздника; они пировали; умы разгорячились, и Цивилисъ, пламенными словами описавъ имъ бѣдствія и притѣсненія, какимъ подвергаются они, сталъ говорить, что должно воспользоваться обстоятельствами, благопріятствующими освобожденію ихъ страны: легіоны ушли; въ римскихъ станахъ остались только старики и добыча, говорилъ онъ; германцы и галлы имѣютъ такія же мысли; имя Веспасіана даетъ благовидный предлогъ для войны. Его рѣчь была принята съ горячимъ сочувствіемъ, и всѣ бывшіе на пирѣ поклялись подъ шумъ листьевъ священнаго дуба дѣйствовать единодушно. Скоро къ батавамъ присоединились канинефаты, ихъ соплеменники, подняли по своему обычаю на щитъ и провозгласили своимъ военачальникомъ Бриннона, отважнаго человѣка изъ рода, всегда бывшаго враждебнымъ союзу съ римлянами. Бриннонъ соединился съ фризами и взялъ приступомъ римскій станъ, находившійся на берегу моря. Это было сигналомъ для нападенія на всѣ римскіе станы въ земляхъ племенъ, подготовившихся къ возстанію. Малочисленные римскіе отряды не могли удержаться въ своихъ станахъ, зажгли ихъ и, взявъ съ собою только знамена и военныя вещи, отступили въ верхнюю часть батавскаго острова.

Побѣда надъ римскими войсками.

Цивилисъ дѣйствовалъ сначала обманомъ; быть можетъ, потому, что приготовленія къ войнѣ были у него еще не кончены. Когорты, собравшіяся въ верхней части батавской земли, состояли большею частью изъ германцевъ; особенно много было тутъ нервійцевъ. Цивилисъ говорилъ имъ, чтобы они возвратились въ свои станы, обѣщаясь наказать канинефатовъ за мятежъ. Онъ говорилъ это по разсчету, что, когда когорты разойдутся по разнымъ мѣстностямъ, то легче будетъ одолѣть ихъ. Но онѣ не повѣрили ему: въ Германіи поднялось волненіе, оно имѣло очевидную связь съ дѣйствіями батавовъ, и когорты поняли коварство Цивилиса. Онѣ остались всѣ вмѣстѣ, занявъ позицію близъ Рейна, и полагали, что флотъ охранитъ ихъ отъ нападенія германцевъ. Батавы, канинефаты и фризы напали на нихъ съ трехъ сторонъ. Вспомогательный отрядъ тунгровъ, находившійся при когортахъ, перешелъ на сторону враговъ. Флотъ также принялъ сторону Цивилиса потому, что въ числѣ служившихъ на немъ большинство составляли батавы. Ослабленныя измѣною тунгровъ и флота, когорты упали духомъ, оборонялись плохо; часть римскихъ воиновъ была истреблена, остальные были взяты въ плѣнъ.

Цивилисъ возбуждаетъ галловъ къ возстанію.

Слухъ объ этой побѣдѣ быстро разнесся по Галліи, по Германіи. Германцы прислали къ Цивилису уполномоченныхъ и предлагали ему свою помощь. Онъ сталъ возбуждать галловъ къ возстанію и дѣйствовалъ въ этомъ отношеніи очень ловко: взятымъ въ плѣнъ воинамъ галльскаго происхожденія онъ предоставилъ на выборъ или свободно идти на родину, или поступить на службу къ нему, обѣщая награды и добычу; ихъ начальниковъ онъ отпустилъ на родину, тоже съ обѣщаніями и наградами. Отпуская галловъ, онъ говорилъ имъ о бѣдствіяхъ рабства, какимъ подвергаютъ ихъ римляне, объяснялъ имъ, какъ удобны теперь обстоятельства для того, чтобы свергнуть иго, которое римляне наложили на Галлію только при помощи германцевъ и самихъ же галловъ; если галлы возстанутъ, соединятся съ побѣдоносными батавами противъ римлянъ, воюющихъ теперь между собою, то они, говорилъ Цивилисъ, могутъ такъ же легко освободиться, какъ освободились германцы во время Вара. Онъ говорилъ галламъ, что драгоцѣннѣйшее благо людей—свобода, что боги помогаютъ храбрымъ, что они должны съ свѣжими силами напасть на утомленныхъ римлянъ, находящихся теперь въ очень дурномъ положеніи.

Пораженіе римлянъ.

За первой побѣдою скоро послѣдовала вторая. Муммій Луперкъ, легатъ Гордеонія Флакка, пошелъ на инсургентовъ. У него было два легіона, вспомогательные отряды убіевъ и тревировъ и отрядъ батавской конницы, на вѣрность которой онъ надѣялся. Цивилисъ двинулся на встрѣчу ему; батавы несли съ собой, взятыя ими римскія знамена, трофеи своей побѣды, напоминавшія римлянамъ о пораженіи, испытанномъ когортами ихъ. Позади батавскаго войска были жены и дѣти; женщины возбуждали мужей биться храбро; онѣ встрѣтили бы отступающухъ горькими укоризнами. Батавы съ боевымъ пѣніемъ напали на римлянъ, изъ ихъ обоза доносился пронзительный крикъ ихъ женъ. Батавская конница тотчасъ же передалась своимъ соплеменникамъ и напала на лѣвое крыло римскаго войска. Тревиры и убіи обратились въ бѣгство, римляне смутились и, чтобы не подвергнуться полному пораженію, поспѣшно ушли за Рейнъ въ Старый станъ (Castra Vetera; нынѣшній Ксантенъ). Батавія была теперь свободна. Начальникъ батавской конницы, измѣна которой рѣшила судьбу битвы, Клавдій Лабеонъ, прежній соперникъ Цивилиса, былъ отправленъ къ фризамъ, чтобы непріязнь между нимъ и Цивилисомъ не разстроивала военныхъ дѣйствій. Услышавъ объ этихъ событіяхъ, восемь когортъ батавовъ и канинефатовъ, шедшія въ Италію за Вителліемъ повернули назадъ, разбили у Бонны Гереннія Галла, хотѣвшаго остановить ихъ, пришли на родину и присоединились къ ея защитникамъ.

Осада Стараго стана.

Прибытіе этихъ опытныхъ воиновъ придало новую силу войску Цивилиса; кромѣ того, къ нему пришли съ праваго берега Рейна бруктеры и тенктеры; онъ нашелъ себя достаточно сильнымъ, чтобы напасть на Старый станъ. Но онъ все еще хотѣлъ сохранять видъ, будто сражается за Веспасіана, и послалъ двумъ легіонамъ, стоявшимъ въ Старомъ станѣ, требованіе, чтобы они признали императоромъ Веспасіана. Они уже понимали истинное его намѣреніе и отвѣчали, что батавскій измѣнникъ не долженъ быть судьею въ римскихъ дѣлахъ, а долженъ только ожидать заслуженной кары за свое преступленіе. Раздраженный этой обидною угрозой, Цивилисъ повелъ на укрѣпленія стана все свое войско, раздѣленное на отряды по племенамъ; но всѣ его приступы къ стѣнамъ

стана были отбиты; большія подвижныя башни его были разрушены бросаемыми на нихъ бревнами или сожжены, такъ что наконецъ онъ прекратилъ приступы и ограничился блокадою стана, надѣясь принудить голодомъ легіоны положить оружіе. Тѣ сосѣднія племена, которыя остались вѣрны римлянамъ, какъ напримѣръ тревиры, убіи, подверглись тяжелому мщенію.

Тяжелое положеніе осажденныхъ.

Флаккъ, стоявшій съ своими легіонами укрѣпленнымъ станомъ въ Гельдубѣ между Кельномъ и Старымъ станомъ, не могъ сдѣлать ничего для помощи осажденнымъ, потому что въ его войскѣ былъ раздоръ; воины оставались вѣрны Вителлію, а начальники были расположены признать императоромъ Веспасіана. Раздоръ дошелъ до того, что однажды ночью воины стащили съ постели и убили старика Флакка, а помощникъ его Вокула спасся отъ смерти только тѣмъ, что спрятался, надѣвъ одежду невольника. Германцы, помогавшіе Цивилису, напали на Гельдубу и нанесли большой уронъ войску убитаго Флакка, начальникомъ которыхъ былъ уцѣлѣвшій его помощникъ Вокула.—Положеніе легіоновъ, окруженныхъ непріятелемъ въ Старомъ станѣ, было бѣдственно; съѣстные припасы ихъ истощались, они видѣли, что близка ихъ погибель. Услышавъ о побѣдѣ войскъ Веспасіана въ Италіи, они послали тревирскаго вельможу Монтана сказать Цивилису, чтобъ онъ прекратилъ войну, не прикрывалъ возстаніе противъ римской власти ложнымъ увѣреніемъ, будто помогаетъ Веспасіану, котораго теперь они признали императоромъ. Цивилисъ отвергъ требованіе легіоновъ и говорилъ съ Монтаномъ такъ, что произвелъ глубокое впечатлѣніе на этого человѣка, любившаго родину. „Я получилъ прекрасную награду за мои услуги римлянамъ: смерть брата, оковы для себя“, говорилъ Цивилисъ, „а вы, тревиры и другіе люди раболѣпной души, какой награды, кромѣ неблагодарной службы, вѣчныхъ податей, розогъ, сѣкиръ и произвола вашихъ господъ, ожидаете вы за вашу кровь, которую столько разъ проливали для поддержки ихъ владычества?“ Монтанъ возвратился и сказалъ римлянамъ, что Цивилисъ отвергъ ихъ предложеніе, а слова, сказанныя лично для него Цивилисомъ, затаилъ въ своей душѣ.

Возстаніе распространяется по Галліи.

Слухи о междоусобной войнѣ въ Италіи очень благопріятствовали дѣлу Цивилиса, доставляя ему новыхъ союзниковъ. Съ нимъ вошли въ тайныя сношенія Классикъ, начальникъ тревирской конницы въ войскѣ Вокулы, человѣкъ царскаго рода, пользовавшійся большимъ вліяніемъ на тревировъ, другой тревиръ Юлій Туторъ, которому Вителлій поручилъ охранять Рейнъ отъ германцевъ, и лингонъ Юлій Сабинъ; они вовлекали въ свои замыслы другихъ вліятельныхъ людей своихъ племенъ. Заговорщики сходились на тайныя совѣщанія въ одномъ изъ домовъ Агриппинской колоніи и разсылали по всей Галліи агентовъ, говорившихъ, что надобно возстать противъ римлянъ, легіоны которыхъ ведутъ между собою истребительную войну. Эти призывы къ возстанію были поддерживаемы друидами, и галлы волновались.

Германцы не менѣе горячо сочувствовали Цивилису; много помогало

Германскіе союзники Цивилиса.

ему въ переговорахъ съ ними вліяніе пророчицы Веледы, святой дѣвушки, жившей близъ рѣки Липпе: она предвѣщала Цивилису успѣхъ и говорила, что скоро онъ возьметъ Старый станъ.

Веледа.

Тацитъ говоритъ, что Веледа жила на высокой башнѣ и не показывалась народу, чтобы тѣмъ сильнѣе было его благоговѣніе къ ней. Она дозволяла приходить къ ней только одному изъ ея родственниковъ; этотъ посредникъ передавалъ ей вопросы людей, искавшихъ ея совѣта, и приносилъ имъ ея отвѣты, какъ волю боговъ. По ея вліянію, присоединились къ Цивилису многія изъ германскихъ племенъ, сосѣднихъ съ Рейномъ.

Успѣхи инсургентовъ на Рейнѣ.

Вокула, начальствовавшій войсками въ Гельдубѣ, напрасно убѣждалъ союзниковъ остаться вѣрными. Убѣжденія инсургентовъ глубоко подѣйствовали на нихъ. Предвидя ихъ измѣну, Вокула хотѣлъ убить себя; отпущенники и рабы удержали его отъ этого намѣренія; но вскорѣ онъ былъ убитъ римскимъ дезертиромъ, котораго прислалъ въ Гельдубу Классикъ. Легаты Вокулы, Гереннiй и Нулизій, были закованы въ цѣпи и черезъ нѣсколько времени убиты. Классикъ надѣлъ на себя эмблемы сана главнокомандующаго и велѣлъ воинамъ присягнуть на службу „Галльской имперіи“. Послѣ того Туторъ съ большимъ войскомъ пошелъ вверхъ по Рейну, принуждая стоявшіе тамъ отряды принимать ту же присягу и требуя того же отъ жителей Агриппинской колоніи. Въ Могунціакѣ военные трибуны не хотѣли принять требуемой присяги и были убиты, а префектъ стана былъ прогнанъ. Классикъ между тѣмъ посылалъ въ Старый станъ агентовъ, склоняя осажденныхъ принять сторону инсургентовъ; но они не поддавались обольщеніямъ, и только голодъ отдалъ это укрѣпленіе въ руки инсургентовъ.

Погибель войска, осажденнаго въ Старомъ станѣ.

Всѣ съѣстные припасы были съѣдены легіонами, осажденными въ Старомъ станѣ; воины съѣли лошадей, весь вьючный скотъ, питались травой, корнями, листьями кустарниковъ и наконецъ предложили сдать укрѣпленіе, подъ условіемъ свободнаго пропуска себѣ. Цивилисъ потребовалъ, чтобы они дали присягу Галльской имперіи и оставили въ станѣ все свое имущество. Они согласились, и Цивилисъ далъ имъ пропускъ; но едва прошли они пять миль, германцы напали на нихъ и большую часть ихъ убили; нѣкоторые прибѣжали назадъ въ станъ, но германцы, разграбивъ его, зажгли, и пламя пожрало ихъ. Такъ погибъ храбрый гарнизонъ Стараго стана, мужественно сражавшійся и переносившій голодъ. Цивилисъ порицалъ вѣроломство германцевъ, но радовался своему успѣху. Скоро были взяты и сожжены всѣ римскіе станы по Рейну до Альпійскихъ горъ. Удержались только Могунціакъ и Виндонисса. Цивилисъ при началѣ войны далъ обѣтъ не стричь волосъ, не брить бороды, пока не одержитъ побѣду. Онъ теперь остригся и обрилъ бороду. Часть добычи онъ послалъ въ подарокъ Веледѣ, послалъ ей и взятаго въ плѣнъ Муммія Луперка, бывшаго префектомъ стана. Но Муммій не былъ доведенъ до башни пророчицы; онъ былъ убитъ на пути.

Возстаніе имѣло, повидимому, полный успѣхъ; римское владычество

на Рейнѣ, основанное долгими тяжелыми войнами, казалось, навсегда уничтоженнымъ; вся Галлія волновалась; страна, которую завоевалъ божественный Юлій и которой Августъ далъ римское устройство, готовилась, повидимому, отпасть отъ Рима вся, и казалось, что для ея покоренія понадобится новая тяжелая война. Но скоро стало ясно, что основать Галльское государство дѣло невозможное, что возстаніе не имѣетъ прочныхъ опоръ, что у инсургентовъ нѣтъ національнаго энтузіазма, что они не согласны между собою, соединены случайностью, а не одинаковостью своихъ стремленій, и что успѣхи ихъ только результатъ мимолетнаго разстройства Римской имперіи.

Когда Цивилисъ позвалъ въ Городъ Тревировъ (нынѣшній Триръ) одинъ изъ легіоновъ, покорившихся инсургентамъ, воинами овладѣло чувство стыда: увидѣвъ, что римскія знамена съ изображеніями императора замѣнены галльскими, они почувствовали себя обезчещенными. Они шли молча и медленно, такъ-что это было похоже на похоронную процессію.

Разница желаній у вождей возстанія. Юлій Сабинъ.

У каждаго изъ трехъ главныхъ вождей возстанія была своя особенная цѣль. Юлій Сабинъ, вельможа, ослѣпленный тщеславіемъ и называвшій себя потомкомъ Юлія Цезаря, хотѣлъ быть императоромъ Галліи; онъ воображалъ, что имѣетъ наслѣдственное право на этотъ санъ по своему происхожденію отъ Юлія Цезаря; принявъ титулъ императора, онъ одинъ пошелъ съ своими легіонами въ Галлію, между тѣмъ, какъ его союзники оставались на Рейнѣ. Секваны, оставшіеся вѣрными Риму, разбили его; онъ оробѣлъ, бѣжалъ въ свое помѣстье; его домъ былъ сожженъ; онъ исчезъ, и всѣ думали, что онъ сгорѣлъ. — Цивилисъ никогда не мечталъ объ основаніи Галльской имперіи; требуя, чтобы сдававшіеся римскіе отряды присягали на вѣрность ей, онъ и его батавы сами не давали этой присяги. Онъ хотѣлъ только независимости Батавіи, считалъ опорою для нея союзъ съ германцами. Его согласіе съ Классикомъ скоро разстроилось. Классикъ хотѣлъ отдать на разграбленіе войску и разрушить Агриппинскую колонію, которую и галлы, и германцы ненавидѣли за ея преданность римлянамъ. Цивилисъ помѣшалъ этому, и спасъ богатый городъ, державшій себя въ эти трудныя времена очень разсудительно и ловко. Агриппинская колонія, по настоянію Цивилиса, была принята инсургентами въ ихъ союзъ. Разумѣется, она была союзницей очень ненадежной.

Цивилисъ.

Классикъ.

Это несогласіе намѣреній у инсургентовъ уже выказалось, когда развязка междоусобной войны оставалась еще загадочна и римскія войска въ Галліи колебались между Вителліемъ и Веспасіаномъ. Но, когда ходъ войны въ Италіи рѣшилъ, что императоромъ будетъ Веспасіанъ и примирившіеся легіоны пошли изъ Италіи черезъ Альпы подъ начальствомъ отважнаго и опытнаго полководца Петиллія Цереала упрочить поколебавшееся владычество Рима, большинство инсургентовъ упало духомъ, и сами вожди возстанія утратили надежду на успѣхъ. Собраніе депутатовъ отъ галльскихъ племенъ и городовъ, созванное въ Городѣ ремовъ (Реймсѣ), разошлось, не принявъ никакихъ общихъ рѣшеній; тревиръ Валентинъ горячо говорилъ въ защиту національнаго дѣла, но депутаты ссорились между собою и разъѣхались, перессорившись. Цереалъ, пришедши на Рейнъ, держалъ себя, какъ человѣкъ, увѣренный въ побѣдѣ, и распустилъ по домамъ отряды галловъ, собранные на помощь ему, сказавъ, что для него достаточно войскъ, имъ приведенныхъ; одинъ изъ его отрядовъ разбилъ у Бингіи (нынѣшняго Бингена) Юлія Тутора, и онъ быстро повелъ свои свѣжіе надежные легіоны въ мѣстность, бывшую центромъ возстанія. Галлы видѣли, что нельзя сомнѣваться въ его побѣдѣ. Онъ взялъ приступомъ укрѣпленіе на Мозелѣ, въ которомъ заперся и храбро оборонялся Валентинъ. Этотъ отважный патріотъ былъ посланъ въ Италію, и около того времени, когда онъ былъ казненъ тамъ, Цереалъ почти безъ сопротивленія взялъ Городъ тревировъ, родину Классика и Тутора. Храбрый римскій полководецъ выказалъ себя милостивымъ побѣдителемъ: онъ простилъ городу его измѣну.

Цереалъ сдѣлалъ строгій выговоръ собравшимся въ трепетѣ гражданамъ, объяснилъ имъ, какъ безумно было ихъ возстаніе, и принялъ ихъ подъ власть Рима на прежнихъ условіяхъ. Они съ восторгомъ встрѣтили его милостивое рѣшеніе. Легіоны, присоединившіеся къ инсургентамъ, умоляли Цереала о прощеніи, глубоко сознавая позоръ и преступность своей измѣны. Цереалъ великодушно объявилъ имъ полное прощеніе, и сказалъ: «То, что произошло по несогласію между воинами и полководцами или по коварству непріятелей, было дѣломъ судьбы»; онъ объявилъ, что будутъ считать этотъ день началомъ ихъ службы, что ни императоръ, ни онъ не будетъ помнить прошлаго. Потомъ онъ велѣлъ объявить по всѣмъ частямъ войска приказъ, чтобы ни кто не смѣлъ ни серьёзно, ни въ шутку упрекать своихъ товарищей въ измѣнѣ.

Битва у города тревировъ.

Межъ тѣмъ, какъ Цереалъ былъ въ городѣ тревировъ, Цивилисъ, Классикъ и Туторъ собрали всѣ свои войска и сдѣлали неожиданное нападеніе на римскій станъ, расположенный противъ города на другомъ берегу рѣки; нападеніе было такъ быстро и сильно, что инсургенты овладѣли мостомъ, который соединялъ станъ съ городомъ, овладѣли частью самаго стана прежде, чѣмъ успѣлъ явиться на мѣсто битвы Цереалъ, ночевавшій въ городѣ; не тратя времени на то, чтобы надѣть латы, онъ бросился къ мосту подъ градомъ стрѣлъ, хваталъ бѣгущихъ руками, остановилъ ихъ, повелъ впередъ, отбилъ у непріятеля мостъ, возстановилъ въ станѣ порядокъ между своими отступавшими воинами.

Оба войска стѣснились въ станѣ; начался ужасный бой лицомъ къ лицу между шатровъ и грудъ багажа. Побѣда долго колебалась. Наконецъ Двадцать первый легіонъ, собравшись на мѣстѣ, гдѣ былъ нѣкоторый просторъ, построился въ правильный порядокъ и остановилъ наступленіе непріятеля. Въ то же время когорты, бѣжавшія при началѣ сраженія, собрались на сосѣднихъ горахъ и пошли въ бой. Непріятель принялъ ихъ за свѣжія войска, идущія на помощь Цереалу, и оробѣлъ. Германцы, думая только о томъ, чтобы сохранить награбленную добычу, поспѣшно ушли съ нею, покинувъ свой станъ. Цереалъ овладѣлъ имъ.

Измѣна Агриппинской колоніи.

Агриппинцы присоединились къ инсургентамъ лишь по принужденію; узнавъ о побѣдахъ римлянъ, они рѣшили сбросить съ себя эту неволю и новой измѣной загладить стыдъ отступничества отъ римлянъ.

Цивилисъ и Классикъ спасли Агриппинскую колонію отъ ненависти германцевъ, пріобрѣли тѣмъ право на ея признательность и, въ залогъ своего довѣрія къ агриппинцамъ, поручили охраненію ихъ—Цивилисъ своихъ жену и сестру, Классикъ—свою дочь; но для агриппинцевъ выгода была важнѣе обязанностей чести. Они выдали римлянамъ этихъ заложницъ довѣрія инсургентовъ къ нимъ; перебили германцевъ, жившихъ въ ихъ городѣ, и гнуснымъ коварствомъ истребили отрядъ фризовъ и хавковъ, шедшій къ Цивилису и остановившійся въ принадлежавшемъ къ Агриппинской области городѣ Тольбіакѣ (нынѣшнемъ Цюльпихѣ). Агриппинцы сдѣлали угощеніе этому отряду; воины, наѣвшись и напившись, заснули въ зданіи, гдѣ былъ пиръ; агриппинцы заперли двери, зажгли домъ, и гости ихъ сгорѣли. Каниннефаты одержали нѣкоторые успѣхи на морѣ; Классикъ удачно сражался съ конницей Цереала; но эти успѣхи были ничтожны сравнительно съ побѣдами Цереала.

Побѣда инсургентовъ у Стараго стана.

Центромъ военныхъ дѣйствій сдѣлалась снова та мѣстность, которая во все продолженіе войны была театромъ важнѣйшихъ событій ея,—римскій Старый станъ и его окрестности. Цивилисъ полагалъ, что воины его будутъ ободряемы тамъ воспоминаніемъ о своей побѣдѣ; при томъ туда легче всего могли приходить къ нему подкрѣпленія отъ германцевъ; онъ выбралъ эту мѣстность своею позиціею, построилъ черезъ Рейнъ плотину, вода въ рѣкѣ поднялась и залила прибрежныя низменности. На этой затопленной мѣстности Цереалъ, силы котораго были увеличены тремя новыми легіонами, вступилъ съ батавами въ сраженіе; оно кончилось для римлянъ неудачей, потому что сражаться тутъ было слишкомъ неудобно для нихъ.

Батавы знали мѣстность; при томъ у нихъ была привычка ходить по скользкой грязи, по затопленнымъ мѣстамъ; и ростомъ они были выше римлянъ, и вооруженіе у нихъ было легкое; потому они ходили въ этой мѣстности безъ большого неудобства; а тяжело вооруженные римскіе воины падали въ грязи и погружались въ воду глубоко; они и лошади ихъ тонули, захлебывались въ водѣ, или погибали подъ ударами враговъ. Римское войско въ безпорядкѣ бѣжало въ свой станъ; батавы преслѣдовали его до самой окраины затопленнаго мѣста.

Оба военачальника хотѣли, какъ можно скорѣе, возобновить битву: Цивилису хотѣлось довершить побѣду, Цереалу загладить стыдъ неудачи. Варвары провели ночь въ радостномъ пѣніи съ криками; римляне въ озлобленіи, въ угрозахъ. Какъ началось утро, оба войска стали въ боевой строй.

Тацитъ говоритъ, что Цереалъ ободрялъ къ битвѣ свои легіоны, напоминая однимъ о ихъ прежнихъ побѣдахъ, другимъ—о надобности искупить побѣдой позоръ своей измѣны. Цивилисъ тоже ободрялъ германцевъ и батавовъ. Онъ говорилъ, что „они стоятъ на слѣдахъ своей славы, попираютъ ногами прахъ и кости легіоновъ“, что „Рейнъ и боги Германіи передъ ихъ взглядомъ“, что „подъ покровительствомъ своихъ боговъ они должны биться, вспоминая о женахъ, родителяхъ, отечествѣ“; что „этотъ день будетъ или самымъ блестящимъ изъ всѣхъ дней славы ихъ предковъ, или самымъ постыднымъ въ памяти ихъ потомковъ“. Воины отвѣчали ему одобрительнымъ крикомъ и стукомъ оружія.

Битва второго дня была тоже успѣшна для батавовъ. Римскимъ воинамъ трудно было держаться крѣпко на скользкой землѣ, а батавы и германцы, высокіе ростомъ, шли впередъ по глубокой грязи и по водѣ легко и пронзали римлянъ своими длинными копьями. Съ плотины, проведенной черезъ Рейнъ, приплылъ отрядъ бруктеровъ, напалъ на правое крыло римлянъ и разстроилъ его. Казалось, что побѣда склоняется на сторону батавовъ. Но одинъ изъ батавскихъ дезертировъ подошелъ къ Цереалу и сказалъ ему, что можетъ провести отрядъ конницы хорошей, мало охраняемой дорогою, по крѣпкой почвѣ, въ тылъ ихъ враговъ. Цереалъ съ радостью принялъ предложеніе; дезертиръ провелъ часть римской конницы въ тылъ батавовъ. Узнавъ по крику смущеннаго этой аттакой врага, что конница напала на него сзади, легіоны сдѣлали сильный натискъ съ фронта и опрокинули непріятеля.

Цивилисъ уходитъ въ батавскій островъ.

Наступила ночь и прекратила сраженіе, не давъ римлянамъ преслѣдовать отступающихъ. Но Цивилисъ нашелъ неудобнымъ возобновлять битву на третій день, между прочимъ уже и потому, что къ римскому войску пришли подкрѣпленія. Онъ перевезъ на другой берегъ Рейна все, что можно было взять, зажегъ станъ съ остальнымъ багажемъ, ушелъ за рѣку на островъ батавовъ и чтобы затруднить переходъ римлянамъ, разрушилъ плотину, построенную Друзомъ. Туторъ и Классикъ тоже ушли за Рейнъ призвать новыя подкрѣпленія отъ германскихъ племенъ; съ ними ушли 113 тревирскихъ сенаторовъ и въ томъ числѣ Монтанъ, тотъ тревиръ, который ходилъ посломъ отъ римлянъ Стараго стана къ Цивилису.

Новая побѣда римлянъ.

Римляне стали готовиться перейдти Рейнъ въ четырехъ мѣстахъ, чтобы преслѣдовать инсургентовъ въ ихъ послѣднемъ убѣжищѣ; но сами были неожиданно аттакованы непріятелемъ на всѣхъ четырехъ пунктахъ. Бой шелъ упорный и довольно выгодно для батавовъ; они сломали мостъ, который начали строить римляне; Бригантикъ, племянникъ Цивилиса, служившій римлянамъ, былъ убитъ; пало много другихъ храбрыхъ римскихъ воиновъ; въ двухъ мѣстахъ римляне были отбиты отъ рѣки. Но Цереалъ съ отборнымъ отрядомъ конницы бросился на то мѣсто, гдѣ грозила наибольшая опасность, и римляне одержали побѣду. Они увидѣли Цивилиса, стали стрѣлять въ него; онъ бросился въ рѣку и вплавь достигъ другого берега. Туторъ и Классикъ уплыли черезъ рѣку въ лодкахъ.

Счастье оставалось вѣрно Цереалу и въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ забывалъ осторожность, говоритъ Тацитъ, потому онъ мало заботился о дисциплинѣ. Это выказалось черезъ нѣсколько времени послѣ побѣды, когда онъ, осмотрѣвъ зимніе станы въ Новезіѣ (Нейсѣ) и Боннѣ, поплылъ на судахъ внизъ по рѣкѣ. Онъ ушелъ ночевать на берегъ; караулы на флотѣ были такъ небрежны, что германцы незамѣтно увели нѣкоторые изъ кораблей, въ томъ числѣ красиво отдѣланный корабль Цереала. Самъ онъ спасся отъ плѣна только потому, что былъ тогда на берегу. Корабль Цереала германцы подарили Веледѣ.

Конецъ Батавской войны.

Цереалъ пошелъ съ римскимъ флотомъ внизъ по Рейну, чтобы снова напасть на батавскій островъ; Цивилисъ и въ этой опасности выказалъ умъ, осмотрительность и мужество. Плоты и плохія суда батавовъ были слишкомъ слабы противъ римскихъ триремъ; но онъ дѣйствовалъ своей жалкой флотиліей такъ искусно, такъ хорошо пользовался мѣстностью и климатическими условіями, что римляне не достигли своей цѣли. Не одолѣвъ батавовъ оружіемъ, они покорили ихъ хитростью. Батавы были утомлены войной, желали примиренія съ ними. Цереалъ, зная это, возбуждалъ въ народѣ посредствомъ своихъ агентовъ недовѣріе къ вождямъ и раздоры. Знатные люди между батавами были съ самаго начала возстанія нерасположены къ войнѣ: владычество римлянъ казалось для нихъ лучше свободы, защищать которую было тяжело. Теперь и народъ сталъ говорить о необходимости примириться; шли разговоры о томъ, что надобно купить прощеніе римлянъ выдачею имъ виновника войны. Цивилисъ не хотѣлъ подвергнуться такой постыдной судьбѣ; онъ предпочелъ самъ заключить договоръ съ римлянами, и просилъ свиданія у Цереала. Они сошлись для переговоровъ на края моста, середина котораго была сломана для взаимной безопасности того и другого вождя. Цивилисъ сталъ объяснять Цереалу происхожденіе и ходъ своего возстанія; — на изложеніи этой рѣчи его прерывается уцѣлѣвшая часть «Исторіи» Тацита, и мы не имѣемъ свѣдѣній объ окончаніи и судьбѣ вождей возстанія. Изъ послѣдующихъ фактовъ мы знаемъ, что батавы вступили въ прежнія отношенія къ римлянамъ. Мы не знаемъ о томъ, какъ шла дальше жизнь отважнаго Цивилиса и его помощниковъ—Классика и Тутора. Быть можетъ, Цивилисъ, подобно Марбоду, долженъ былъ жить въ Италіи подъ римскимъ надзоромъ. По нѣкоторымъ неопредѣленнымъ выраженіямъ у древнихъ писателей, кажется, что такова была участь Веледы, помогавшей своими пророчествами распространенію возстанія. Одинъ изъ вождей мятежа, Юлій Сабинъ, считавшійся убитымъ, появился черезъ нѣсколько лѣтъ изъ мрака неизвѣстности, въ которомъ скрывался.

Судьба Юлія Сабина.

Полагали, что Юлій Сабинъ сгорѣлъ, когда его домъ былъ зажженъ, и думали, что домъ былъ зажженъ врагами. Оказалось, что онъ самъ поджегъ свой домъ и тайно возбудилъ молву о своей смерти, чтобы укрыться отъ преслѣдованія. Изъ любви къ своей красавицѣ-женѣ Эппонинѣ онъ послѣ подавленія галльскаго мятежа остался въ Галліи, хотя это было очень опасно для него. Онъ скрылся съ своей вѣрною женой въ подземельѣ, и они прожили тамъ девять лѣтъ. Эппонина ѣздила въ Римъ просить помилованія ему; говорятъ, что онъ, переодѣтый, провожалъ ее. Веспасіанъ остался неумолимъ. Когда случайнымъ образомъ было открыто убѣжище Юлія Сабина, Веспасіанъ велѣлъ убить не только его, но и Эппонину, будучи прогнѣвленъ ея горячими укоризнами. Преданность Эппонины мужу казалась, правда, похвальной Веспасіану, но онъ былъ безпощадно строгъ относительно мятежниковъ. Въ подземельѣ родились у Юлія Сабина и Эппонины два сына, близнецы; они были пощажены. Одинъ изъ нихъ впослѣдствіи былъ убитъ въ Египтѣ, съ другимъ познакомился въ Дельфахъ Плутархъ, передающій намъ разсказъ о его отцѣ и матери.

D. Британскія дѣла.

Начало римскихъ завоеваній въ Британніи при Клавдіѣ.

Съ того времени, какъ божественный Юлій Цезарь дѣлалъ высадки на берегъ Британніи, чтобы внушить ея жителямъ уваженіе къ римскому имени, прошло около ста лѣтъ безъ новыхъ попытокъ со стороны римлянъ повторять экспедиціи Цезаря, оказавшіяся безуспѣшными. У римлянъ не было желанія покорить Британнію, хотя это было и не трудно при раздробленности ея населенія на мелкія племена съ особыми царями у каждаго и при непрерывныхъ ссорахъ и дракахъ между ними. Калигула хотѣлъ плыть въ Британнію, но не поплылъ. Только уже Клавдій серьезно захотѣлъ продолжать начатое Цезаремъ, поддавшись убѣжденіямъ бѣжавшаго къ римлянамъ князя одного изъ британскихъ племенъ. Въ Британнію былъ посланъ Авлъ Плавцій съ войскомъ, большинство котораго составляли батавы и германцы; онъ покорилъ югъ острова до Темзы. Поплылъ въ Британнію и самъ императоръ; имѣя хорошихъ полководцевъ, Плавція и Веспасіана (заслужившаго извѣстность въ этой войнѣ), Клавдій въ двѣ недѣли пріобрѣлъ столько успѣховъ, что воины три раза привѣтствовали его титуломъ императора въ смыслѣ побѣдителя. По возвращеніи его въ Римъ, сенатъ назначилъ ему тріумфъ и далъ титулъ Британника («Британскаго»). Титулъ этотъ сталъ служить обыкновеннымъ именемъ его сына. Основанная при немъ военная колонія Камулодунъ (Мальденъ, или Кольчестеръ въ Эссексѣ) стала базисомъ для новыхъ завоеваній которыми расширили въ слѣдующіе годы римское владычество Плавцій и Веспасіанъ. Римляне упрочили свою власть проведеніемъ дорогъ и построеніемъ укрѣпленныхъ становъ. — Тріумфальныя ворота, сооруженныя на римскомъ форумѣ въ честь Британскаго похода Клавдія, оставались цѣлы до среднихъ вѣковъ.

Римляне и въ Британніи слѣдовали правилу своей благоразумной политики: прежде всего упрочить свою власть на небольшомъ пространствѣ и потомъ вовлекать сосѣднія племена въ союзы съ ними, подчинять ихъ

этими договорами своему преобладанію; держась этой системы, они быстро пріобрѣли въ Британніи такую прочную силу, что власть ихъ стала непоколебима. „Для насъ очень выгодно, что эти храбрыя племена держатся порознь другъ отъ друга“, говоритъ Тацитъ: „Рѣдко два и три изъ нихъ соединяются для обороны отъ общей опасности; вообще, каждое ведетъ войну одно, и такимъ образомъ подвергаются завоеванію всѣ они“. Преемникъ Плавція Осторій Скапула покорилъ икеновъ, жившихъ въ северовосточной Англіи, и канговъ, ихъ западныхъ сосѣдей; разбилъ въ упорномъ сраженіи храбраго Каратака (Каратока), царя воинственныхъ силуровъ, жившихъ въ южномъ Уэльсѣ и въ Герифордѣ. Каратакъ, его жена, дочь, братья были взяты въ плѣнъ и отвезены въ Римъ. То мѣсто, гдѣ была битва, до сихъ поръ называется Керъ-Карадокомъ. Силуры, раздраженные униженіемъ, какому римляне подвергли ихъ царя, снова взялись за оружіе, склонили къ союзу съ собою другія племена и довольно удачно сражались въ лѣсахъ и болотахъ своего гористаго края; походы противъ нихъ были такъ тяжелы, что Осторій умеръ отъ утомленія. Но его преемники, Дидій Галлъ и Вераній, подавили мятежи и упрочили римское владычество.

Расширеніе римскаго владычества въ Британніи при Неронѣ.

При Неронѣ правителемъ Британніи былъ назначенъ опытный и предпріимчивый воинъ, Светоній Паулинъ. Римляне хотѣли довершить упроченіе своей власти надъ западной Европой, истребить въ Британніи друидовъ, вліяніемъ которыхъ поддерживался враждебный римлянамъ друидизмъ въ Галліи. Потому новый правитель повелъ войско прежде всего на завоеваніе острова Моны (Энгельси), бывшаго центромъ друидизма (III, стр. 807 и слѣд.). Тамъ въ густыхъ рощахъ друиды приносили людей въ жертву своимъ богамъ, преподавали въ священныхъ домахъ свои тайныя ученія, чародѣйствовали, прорицали будущее; вѣроятно тамъ подъ защитою религіи хранились и сокровища британцевъ. Боязливо вышли римскіе воины на берегъ острова; передъ собравшимися у берега британцами бѣгали съ неистовыми ободрительными криками женщины въ траурной одеждѣ, съ распущенными волосами, съ факелами въ рукахъ. Между воинами стояли друиды, подымая руки къ небу и проклиная враговъ. Легіоны овладѣли священными рощами и начали дѣлать окопы стана, но получили ужасное извѣстіе о возстаніи икеновъ и другихъ племенъ сѣверной Британніи. Мятежъ имѣлъ обширный размѣръ, и Светоній долженъ былъ спѣшить на усмиреніе его. Британцы были возбуждены къ ожесточенной борьбѣ опасностью, угрожавшею священному острову Монѣ, а еще болѣе обидами и притѣсненіями, какимъ подвергались отъ римскихъ откупщиковъ и грубыхъ воиновъ.

Возстаніе Боадикеи.

По словамъ Діона, главной причиной возстанія было то, что римскіе ростовщики сурово взыскивали долги съ высокими процентами; Діонъ говоритъ, что въ особенности отличался алчностью Сенека. Тацитъ разсказываетъ, что римскіе центуріоны били Боадикею, жену икенскаго царя, изнасиловали ея дочерей, ограбили вельможъ, заставляли людей царскаго рода исполнять невольническую работу, и что въ особенности много обижали британцевъ ветераны, поселенные въ Камулодунѣ.

Раздраженные обидами британцы, у которыхъ рабство еще не заглушило чувство чести, взялись за оружіе. Подъ начальствомъ оскорбленной Боадикеи собралось многочисленное войско, по словамъ римскихъ писателей, до 100,000 человѣкъ. Боадикея повела британцевъ на Камулодунъ; они сожгли городъ, убили римскихъ воиновъ, бѣжавшихъ въ храмъ. Петиллій Цереалъ—тотъ полководецъ, который впослѣдствіи подавилъ батавское возстаніе—хотѣлъ остановить британцевъ, но потерпѣлъ пораженіе; его пѣхота была истреблена; онъ съ конницею едва могъ уйдти въ укрѣпленный станъ на Темзѣ.

По взятіи Камулодуна были разрушены другіе римскіе города; инсургенты взяли многолюдный городъ Лондиній; онъ собственно не былъ римскою колоніею, но велъ тогда уже обширную торговлю, и въ немъ жило много римскихъ купцовъ. Инсургенты безпощадно перебили женщинъ, дѣтей и стариковъ, которые не успѣли уйдти подъ охрану вооруженныхъ людей. Такой же судьбѣ подвергся городъ Веруламій.

„Варвары“, говоритъ Тацитъ, „обходили укрѣпленія и бросались на тѣ города, гдѣ оборона была слаба, а богатства было много; они думали только о добычѣ, не заботясь ни очемъ иномъ. Погибло до 70,000 римскихъ гражданъ и союзниковъ потому, что варвары не брали въ плѣнъ для продажи въ рабство или для обмѣна по военному обычаю на своихъ плѣнныхъ; они предпочитали рѣзать, вѣшать, жечь, распинать на крестѣ; будто предчувствуя скоро тяжелое наказаніе, они спѣшили мстить“.

Пораженіе британцевъ.

Наказаніе скоро постигло ихъ. Паулинъ съ своимъ войскомъ, въ которомъ было около 10,000 человѣкъ, шелъ на западъ до мѣстности, на которой увидѣлъ выгодную для себя позицію; онъ сталъ ожидать на ней варваровъ; тылъ его былъ прикрытъ лѣсомъ, впереди было открытое поле. Онъ былъ увѣренъ, что побѣдитъ врага, хотя войско его и малочисленно: безпорядочная масса, опьяненная своими успѣхами и шедшая въ бой чуть не врозсыпную, не могла устоять противъ военнаго искусства римлянъ и ихъ союзниковъ. Британцы были такъ убѣждены въ побѣдѣ, что везли съ собою на телѣгахъ своихъ женъ, чтобы онѣ были свидѣтельницами ихъ торжества надъ врагомъ. Они разставили эти телѣги по окраинѣ поля. Боадикея взошла на возвышеніе, сложенное изъ дерна, говорила съ этой трибуны своимъ воинамъ о страданіяхъ и обидахъ, какимъ подвергали ихъ римляне; ободряла ихъ отомстить угнетателямъ и дала знакъ идти въ бой. «Она была высокаго роста, грознаго вида, говоритъ Діонъ, взглядъ ея былъ пронзителенъ, голосъ грубъ, русые волосы были такъ длинны, что падали почти до колѣнъ. На шеѣ у нея была зо-

лотая цѣпь, но сверхъ широкаго женскаго платья былъ накинутъ на ней военный плащъ, застегнутый на плечахъ. Въ правой рукѣ она держала копье». Битва была не продолжительна. Британцы не могли удержаться противъ непріятеля, шедшаго на нихъ плотными рядами, были опрокинуты; разставленными кругомъ телѣгами они сами заперли себя на открытомъ полѣ, потому подверглись ужасному истребленію. Говорятъ, что ихъ было убито до 80,000 человѣкъ, а у римлянъ было 400 убитыхъ и приблизительно столько же раненныхъ. Это была славная побѣда, достойная сравненія съ побѣдами древнихъ временъ, говоритъ Тацитъ. Боадикея отравилась.

Положеніе Британніи до Агриколы.

Пораженіе войска Боадикеи рѣшило судьбу Британніи. Туземцы были легко покорены, одно племя за другимъ; этому помогалъ голодъ, отъ котораго изнемогали они, оставивъ свои поля во время возстанія не засѣянными. Покореніе замедлялось только тѣмъ, что британцы очень боялись жестокаго наказанія отъ суроваго Паулина; притомъ между римскими правителями были несогласія. Потому британцы не хотѣли положить оружіе. Но, когда главнокомандующимъ былъ назначенъ человѣкъ болѣе кроткаго характера, они покорились. Безпорядки, охватившіе государство по смерти Нерона, вреднымъ образомъ отразились и въ Британніи; Тацитъ въ жизнеописаніи Агриколы говоритъ, что дисциплина въ римскихъ войскахъ тамъ упала, воины буйствовали, такъ что происходили новые мятежи туземцевъ. Эти возстанія поддерживали друиды, потому римляне суровыми мѣрами старались истребить въ Британніи туземную религію, чего не дѣлали въ другихъ странахъ; они убивали жрецовъ, разрушали жертвенники, вырубали священныя рощи. Это производило большое раздраженіе въ британцахъ; они подчинялись повелѣніямъ римлянъ, но упорно ненавидѣли враговъ своей вѣры, угнетателей своей свободы и народности. Для того, чтобы Британнія стала спокойной провинціей государства и получила отъ своихъ покорителей не одно только рабство, но и гражданское благоустройство, надобно было измѣнить систему управленія; это могъ сдѣлать только такой правитель, въ которомъ храбрость и осторожность военачальника соединялись бы съ кротостью и справедливостью.

Управленіе Агриколы. 78—85.

Таковъ былъ Юлій Агрикола, назначенный правителемъ Британніи въ концѣ царствованія Веспасіана и шесть или семь лѣтъ съ успѣхомъ и славой исполнявшій военныя и гражданскія свои обязанности. Онъ покорилъ воинственныхъ горцевъ сѣвернаго Уэльса; завоевалъ островъ Мону, покорить который помѣшало Светонію возстаніе Боадикеи; онъ старался внушить британцамъ расположеніе къ римлянамъ, къ порядку, къ образованности, поступая съ ними справедливо, кротко, выказывая довѣріе къ нимъ. Мы знаемъ изъ Тацита, что онъ успѣшно пріучалъ грубыхъ воинственныхъ туземцевъ къ удобствамъ и удовольствіямъ цивилизованной жизни, къ порядку и тишинѣ; по его убѣжденію, они строили города, подобные римскимъ, украшенные храмами, площадями, рынками; строили себѣ хорошіе дома; онъ хвалилъ усердныхъ въ этомъ дѣлѣ, наказывалъ пренебрегавшихъ его совѣтами; возбуждалъ между туземцами соперничество въ улучшеніи обстановки ихъ жизни. Онъ бралъ сыновей знатныхъ британцевъ въ школы, гдѣ преподавались имъ грамматика, реторика и другія науки, такъ что римскій языкъ быстро распространялся повсюду, и туземная одежда замѣнялась тогой. «Британцы полюбили и порочныя удовольствія», говоритъ Тацитъ, «построили себѣ роскошныя бани, полюбили пышные пиры и стали называть образованностью то, что было уже началомъ рабства». Въ четвертый годъ своего управленія Агрикола покорилъ Британнію до рѣки Твида, отдѣляющей теперь Англію отъ Шотландіи; построилъ на опасныхъ мѣстахъ укрѣпленія; оградилъ римскую провинцію отъ набѣговъ каледонцевъ, построивъ поперекъ перешейка между Клотою и Бодотріею (Клейдомъ и Фортскимъ заливомъ, между Эдинбургомъ и Дёнбартономъ) рядъ башенъ, соединенныхъ рвомъ и валомъ; разставилъ войска по этой линіи укрѣпленій. Одинъ изъ князьковъ Гиберніи (Ирландіи), бѣжавшій къ Агриколѣ, сообщилъ ему свѣдѣнія объ этомъ островѣ. Онъ построилъ флотъ, который помогалъ дѣйствіямъ войскъ его, и обошелъ кругомъ Шотландіи.

„Прекрасный видъ представляли теперь военныя дѣйствія“, говоритъ Тацитъ: „войско и флотъ помогали другъ другу; часто въ одномъ станѣ собирались пѣхота, конница, экипажи кораблей, и воины разсказывали другъ другу о своихъ подвигахъ; каждый объяснялъ другимъ опасности, какія преодолѣлъ, и съ воинскимъ самохвальствомъ они сравнивали особенности сухопутной и морской службы“.

Походъ въ Каледонію.

Въ пятомъ своемъ походѣ Агрикола разбилъ воинственныя племена, жившія въ нынѣшней Шотландіи: опасаясь быть покорены врагомъ, расширявшимъ теперь свои владѣнія и съ суши и съ моря, они собрали большое войско, но потерпѣли пораженіе; на слѣдующее лѣто Агрикола раздвинулъ римскія владѣнія до Грампіанскихъ горъ. Перенести свои побѣдоносныя знамена за этотъ хребетъ было не суждено ему; въ послѣднемъ своемъ походѣ онъ одержалъ блистательную побѣду надъ сѣверными каледонцами; эти «послѣдніе сыновья свободы и обитаемой земли» заключили союзъ между собою, поклялись непоколебимо биться за свою независимость и сражались очень храбро, но были побѣждены. Агрикола думалъ въ слѣдующемъ году покорить сѣверную Шотландію и потомъ завоевать Гибернію; но подозрительный Домиціанъ, завидовавшій пріобрѣтенной имъ славѣ, отозвалъ его изъ Британніи и вынудилъ провести остатокъ жизни бездѣйственно въ Римѣ. Такимъ образомъ Грампіанскія горы остались сѣвернымъ рубежомъ британской провинціи. Рядъ укрѣпленій,

проведенныхъ Агриколой отъ Эдинбурга до Дёнбартона, былъ впослѣдствіи усиленъ новыми сооруженіями, которыя возвелъ Антонинъ Пій: этотъ императоръ построилъ каменныя стѣны, между которыми велѣлъ насыпать валъ; этотъ валъ долго оставался границею римской провинціи. Каледонцы сѣверной части острова сохранили свою буйную независимость, благодаря отчасти своей храбрости, отчасти своей бѣдности. Римляне отражали ихъ набѣги, часто ходили въ ихъ землю наказывать ихъ; но не хотѣли покорять ее. Владѣя прекраснѣйшими и богатѣйшими странами цивилизованнаго міра, они съ презрѣніемъ отвращались отъ этихъ мрачныхъ горъ, гдѣ свирѣпствуютъ зимнія вьюги, отъ этихъ озеръ, надъ которыми лежитъ густой туманъ, отъ этихъ холодныхъ долинъ, по лѣсамъ которыхъ нагіе варвары охотятся за дикими животными.

---

2. Титъ (Флавій Веспасіанъ).

А. Характеръ и правленіе его.

Титъ 79—81 (832—834).

Наслѣдникомъ Тита Флавія Веспасіана, человѣка простыхъ, строгихъ, старинныхъ римскихъ нравовъ, былъ его сынъ, носившій имя, одинаковое съ отцомъ, и называемый обыкновенно только Титомъ, человѣкъ, имѣвшій всѣ физическія и нравственныя достоинства, какія нужны для славы государя. Въ іудейской войнѣ онъ былъ помощникомъ своего отца, завершилъ ее взятіемъ Іерусалима и вмѣстѣ съ отцомъ торжествовалъ тріумфъ побѣды надъ іудеями; по окончаніи войны онъ былъ вѣрнымъ помощникомъ своего отца по всѣмъ дѣламъ государственнаго управленія; былъ его товарищемъ по цензорской и трибунской власти, семь разъ былъ вмѣстѣ съ нимъ консуломъ; вообще принималъ такое сильное участіе во всей администраціи, что могъ считаться соправителемъ отца; потому восшествіе его на престолъ не произвело никакой перемѣны въ правительственной системѣ.

Прежняя жизнь Тита.

Титъ остается въ исторіи окруженъ славой превосходнѣйшаго государя; современники называли его „любовь и радость рода человѣческаго" и потомки повторяютъ о немъ это сужденіе. Но при его вступленіи на престолъ у римскаго народа были опасенія, потому что прежняя жизнь его была не свободна отъ пороковъ и дурныхъ поступковъ, такъ что многіе полагали, что онъ будетъ вторымъ Нерономъ. Онъ предавался всѣмъ излишествамъ чувственныхъ наслажденій, проводилъ ночи въ пирахъ, на которыхъ общество его составляли развратники и развратницы. Занимая должность префекта преторіанцевъ, онъ навлекъ на себя укоризны жестокими поступками; говорили даже, что онъ рѣшаетъ судебныя дѣла въ пользу тѣхъ, кто подкупитъ его деньгами. Страннымъ казалось уже и то самое, что сынъ императора и наслѣдникъ его взялъ на себя должность префекта преторіанцевъ, которую прежде занимали люди всадническаго сословія; должно было думать, что онъ будетъ дѣйствовать еще деспотичнѣе, чѣмъ его предмѣстники, и опасеніе оправдалось: увидѣли, что онъ взялъ на себя эту должность дѣйствительно для того, чтобы убивать подозрительныхъ людей. Узнавъ, что Авлъ Цецина составляетъ заговоръ, Титъ пригласилъ къ себѣ на обѣдъ этого человѣка, бывшаго прежде консуломъ, и велѣлъ убить его, когда онъ по окончаніи обѣда пошелъ изъ столовой. Такой развратъ, такая жестокость могли стать тѣмъ гибельнѣе для государства, что власть Тита должна была быть очень прочна: онъ былъ чрезвычайно любезенъ, умѣлъ привлекать ка себѣ людей, очаровывать ихъ. Еще въ Сиріи онъ пріобрѣлъ такую привязанность воиновъ, что могъ бы объявить себя императоромъ, и уже были тогда люди, совѣтовавшіе ему сдѣлать это.

Перемѣна характера при восшествіи на престолъ.

Но всѣ опасенія разсѣялись, когда Титъ сдѣлался императоромъ. Онъ отбросилъ свои пороки; посвятилъ всю свою жизнь благу имперіи; подчинилъ свои склонности и страсти обязанностямъ государя. Народъ выказалъ неудовольствіе на гордость иноземки, любовницы Тита. Это была красавица Береника, іудеянка изъ династіи Ирода, покинувшая по любви къ Титу свой народъ и своего мужа Ирода, царя халкидскаго; она пріѣхала съ Титомъ въ Римъ, надѣясь стать его женой и сдѣлаться по смерти его отца императрицей; быть можетъ, онъ и обѣщалъ ей это. Но римляне не хотѣли имѣть иноземку своей повелительницей, и Титъ велѣлъ ей уѣхать изъ Рима, хотя ему было тяжело разставаться съ обворожительной женщиной, съ которой онъ прожилъ двѣнадцать лѣтъ. Точно такъ же заглушилъ онъ по политическому разсчету всѣ другія свои влеченія: онъ удалилъ отъ себя недостойныхъ пріятельницъ и пріятелей, танцовщицъ и актеровъ, въ обществѣ которыхъ любилъ проводить время, и сталъ воздерживаться отъ всего, что могло подавать поводы къ порицаніямъ.

Мало въ исторіи человѣчества государей, заслужившихъ такія похвалы, какъ Титъ. Всѣ разсказы древнихъ писателей о его недолгомъ правленіи наполнены фактами, свидѣтельствующими о его любезности, кротости, сострадательности, о его благородныхъ поступкахъ. По словамъ Светонія, онъ называлъ обязанностью императора то, чтобы никто не уходилъ отъ него печальнымъ. Однажды за обѣдомъ, вспомнивъ, что въ этотъ день онъ еще никому не сдѣлалъ благодѣянія, онъ воскликнулъ: «я потерялъ день!» Светоній разсказываетъ также, что онъ велѣлъ наказать розгами и выгнать изъ Рима шпіоновъ и доносчиковъ, отравлявшихъ общественную жизнь; что онъ открылъ безплатно для бѣдныхъ людей великолѣпныя бани (термы), которыя построилъ близъ Флавіева амфитеатра; что, принявъ на себя санъ верховнаго первосвященника, онъ хотѣлъ возло-

жить этимъ на себя формальную обязанность поступать кротко и милосердо. Всѣ эти анекдоты показываютъ въ немъ человѣка благородной души, любившаго людей, желавшаго заслужить любовь народа.

Открытіе амфитеатра и бань онъ отпраздновалъ великолѣпными играми, гладіаторскими боями, боями съ хищными звѣрями; но это было почти неизбѣжной уступкой привычкамъ народа. Огромныя сбереженія, сдѣланныя его отцомъ, давали ему возможность удовлетворять своей склонности къ великолѣпнымъ постройкамъ и къ играмъ.

Бѣдствія.

Титу представлялась много случаевъ смягчать страданія народа своею благотворительностью: въ его царствованіе изверженіе Везувія погребло подъ пепломъ и лавой города Геркуланъ, Помпею и Стабіи; Римъ страдалъ отъ пожаровъ и отъ эпидеміи.—Къ несчастію, имперія потеряла своего превосходнаго государя на третьемъ году его царствованія. Ему было тогда только еще 40 лѣтъ. Онъ умеръ на минеральныхъ водахъ въ Кутиліяхъ близъ Реате, по словамъ Светонія, отъ лихорадки, по другимъ извѣстіямъ отъ яда, даннаго ему Домиціаномъ. Онъ еще дышалъ, когда братъ поскакалъ въ Римъ упрочить за собою преданность преторіанцевъ раздачей денегъ.

13 сентября 81.

В. Помпея и Геркуланъ.

Изверженіе Везувія.

Мы имѣемъ два разсказа объ изверженіи Везувія 24 августа 79 года, когда погибли подъ пепломъ и лавою его города Геркуланъ, Помпея и Стабіи, въ которыхъ первоначально жили оски, потомъ поселились самнитскіе завоеватели, назвавшіеся кампанцами, и которые потомъ сдѣлались римскими муниципіями. Одинъ изъ дошедшихъ до насъ разсказовъ даетъ Кассій Діонъ въ своей „Римской исторіи“ (LXVI, 21), другой написанъ Плиніемъ Секундомъ младшимъ, дядя котораго, натуралистъ Плиній старшій, задохся отъ удушливыхъ газовъ при этомъ изверженіи. Плиній разсказываетъ объ изверженіи Везувія въ двухъ письмахъ къ Тациту; онъ желалъ этими письмами сохранить для потомства точныя подробности о смерти своего знаменитаго дяди. Безъ сомнѣнія, и Тацитъ разсказывалъ объ этомъ изверженіи Везувія въ той части своей „Исторіи“, которая не дошла до насъ.—Въ первомъ письмѣ Плиній говоритъ о томъ, какъ умеръ близъ Стабій его дядя, бѣжавшій отъ пепла и міазмовъ; во второмъ письмѣ онъ разсказываетъ о самомъ изверженіи и его ужасныхъ результатахъ; тутъ онъ между прочимъ говоритъ: „Изъ горы поднялось страшное черное облако, отъ котораго шелъ запахъ; изъ него летѣли большіе клубы огня, подобные молніи, но гораздо больше ея. Скоро облако стало опускаться и покрыло все море, такъ что намъ не стали видны ни островъ Капрея, ни Мизенскій мысъ. На насъ сталъ падать дождь пепла, впрочемъ не особенно густой. Оглянувшись, я увидѣлъ полосу густого дыма, катившуюся сзади насъ, какъ стремительная рѣка“. Это былъ потокъ лавы, направлявшійся на Геркуланъ. „Мы сошли съ дороги на поле, чтобы не быть задавленными въ столпленіи бѣжавшихъ людей; вскорѣ насъ окружила тьма,—не такая, какая бываетъ на открытомъ воздухѣ въ безлунную облачную ночь, а такая, которую можно сравнить только съ темнотой совершенно закрытой комнаты безъ огня. Страшно громки были визгъ дѣтей, вопль женщинъ,

крики мужчинъ; дѣти звали своимъ плачемъ отцовъ и матерей, отцы и матери кричали, чтобы шли къ нимъ дѣти: искать другъ друга можно было только по крику; одни стонали, оплакивая сами себя, другіе—своихъ семейныхъ; нѣкоторые мучились страхомъ смерти такъ, что кричали о своемъ желаніи скорѣе умереть; другіе, подымая руки, молили боговъ о спасеніи; но большинству казалось, что пришла послѣдняя вѣчная ночь, которая уничтожитъ и вселенную, и боговъ“.

Кассій Діонъ, сдѣлавъ нѣсколько общихъ замѣчаній о Везувіѣ, разсказываетъ о его изверженіи при Титѣ: „Людямъ казалось, что они видѣли много мужчинъ громадной величины, какими рисуютъ гигантовъ; эти фигуры, казалось, то являются на горѣ, то ходятъ по окрестностямъ ея и даже по городамъ, носятся и по воздуху; онѣ являлись и днемъ и ночью. Затѣмъ послѣдовала тяжелая духота и начались удары землетрясенія, такіе сильные, что вся равнина колебалась, а горы подбрасывались вверхъ. Подъ землею слышенъ былъ ревъ, подобный грому, а на землѣ страшный шумъ. Вдругъ забушевало море; шумъ его отражался съ неба; потомъ послышался ужасный трескъ, будто рушились горы. Изъ вершины горы полетѣли громадные камни, потомъ поднялся огонь, и облака дыма омрачили воздухъ, закрыли солнце, какъ будто во время затменія. День сталъ ночью; свѣтъ сталъ тьмой. Люди думали, что поднялись изъ подъ земли гиганты, потому что повсюду являлись въ дыму исполинскія фигуры и звучали трубы; другіе думали, что вселенная разрушается, обращается въ свой прежній хаосъ или пожирается огнемъ. Всѣ въ ужасѣ бѣжали: одни съ открытыхъ мѣстъ въ дома, другіе изъ домовъ въ открытыя мѣста; одни съ моря на землю, другіе къ морю; каждому казалось, что безопаснѣе тамъ, гдѣ его нѣтъ. Вѣтеръ несъ густой дождь пепла, наполнявшій землю, море и воздухъ. Люди, нивы, стада погибали то въ одномъ мѣстѣ, то въ другомъ; небесныя птицы и морскія рыбы умирали. Были засыпаны пепломъ цѣлые два города Геркуланъ и Помпея, въ то самое время, когда ихъ жители сидѣли въ театрѣ. Дождь пепла былъ такъ обширенъ, что часть его достигла Африки, Сиріи, Египта, а въ Римѣ наполнила воздухъ и затмила солнце. Въ Римѣ нѣсколько времени былъ сильный страхъ потому, что не извѣстна была причина этого явленія и нельзя было предвидѣть, чѣмъ оно кончится; тамъ тоже думали, что вселенная разрушается, солнце падаетъ на землю, земля подымается къ небу. Въ первое время массы пепла въ Римѣ не сдѣлали большого вреда, но потомъ произвели сильную заразу, отъ которой умерло много людей“.

За пятнадцать лѣтъ передъ тѣмъ (въ 65 году) уже было изверженіе Везувія, соединенное съ землетрясеніемъ, сильно повредившимъ городъ Помпею; а до того времени Везувій считался совершенно угасшимъ вулканомъ; это видимъ изъ описанія той мѣстности, сдѣланнаго Страбономъ лѣтъ за пятьдесятъ до перваго изверженія: „Надъ этими мѣстами“, говоритъ онъ, „находится гора Везувій, до вершины покрытая превосходно воздѣланными нивами, а вершина ея почти вся плоская и безплодная, состоящая, повидимому, изъ пепла; тамъ есть пропасти между камней, черныхъ, какъ сажа, такъ—что, кажется, будто они выгорѣли отъ огня; потому можно думать, что это мѣсто когда-то горѣло, было кратеромъ, который угасъ, когда истощился горючій матеріалъ. Быть можетъ, это и причина плодородія окружающей мѣстности; говорятъ, что окрестности Катаны стали производить свое превосходное вино съ того времени, какъ часть ихъ покрылась пепломъ, извергнутымъ Этной“.

Раскопки въ Помпеѣ и Геркуланѣ.

Болѣе шестнадцати столѣтій города, засыпанные пепломъ Везувія, оставались скрыты подъ землей; наконецъ, они были случайнымъ образомъ

найдены,—Геркуланъ въ 1709 году, Помпея въ 1721; черезъ нѣсколько времени стали производиться раскопки, которыми отрыты части ихъ. Раскопки эти дали свѣдѣнія, чрезвычайно важныя для археологіи, даже имѣли нѣкоторое вліяніе на направленіе эстетическаго вкуса.—Отъ города Стабій, лежавшаго на морскомъ берегу, нашлись только незначительные слѣды; важнѣе были результаты раскопокъ Геркулана, но въ особенности Помпея дала намъ совершенно отчетливо видѣть образъ жизни италійцевъ того времени. Въ своемъ описаніи Помпеи (Pompeji in seinen Gebäuden, Alterthümern und Kunstwerken) Овербекъ говоритъ: „Геркуланъ засыпанъ пепломъ гораздо глубже, чѣмъ Помпея, а слой пепла залитъ толстымъ потокомъ лавы, застывшимъ очень крѣпкой каменной корой; притомъ мѣсто почти все застроено нынѣшнимъ городомъ Резиной; потому до сихъ поръ отрыта лишь очень небольшая часть Геркулана; раскопки эти ведены, какъ рудникъ; это шахты и штольни; обозрѣвать ихъ можно только при свѣтѣ факеловъ. А Помпея лежитъ теперь опять раскрытая подъ милымъ свѣтомъ кампанскаго неба, который нѣкогда радовалъ ее; мы дышимъ въ ней воздухомъ жизни, ходимъ по ея улицамъ, входимъ въ ея дома, смотримъ на ея памятники подъ лучами сіяющаго солнца, пробуждающими въ насъ радость жизни, изгоняющими изъ нашей души мысли о смерти и разрушеніи. Геркуланъ мрачная гробница, въ которой похоронено цѣлое поколѣніе. Помпея похожа на городъ, изъ котораго жители ушли при пожарѣ, и воображеніе можетъ представить себѣ ихъ возвращающимися. Дивная случайность сохранила намъ эти два города древняго міра во всей ихъ цѣлости. Тутъ кипѣла свѣжая сильная жизнь, беззаботное населеніе трудилось, торговало, ходило по улицамъ, веселилось; мысль о погибели была такъ далека отъ этихъ людей, что въ роковой день помпейскій амфитеатръ былъ наполненъ зрителями. И внезапно Парка перерѣзала нить, кипучая жизнь замерла отъ ужаснаго непредвидѣннаго событія, погрузилась въ глубокій сонъ, подобный тому, о какомъ говорятъ волшебныя сказки: гора, одѣвшаяся пламенемъ, извергла массы пепла, песку, раскаленныхъ камней; они покрыли ровнымъ слоемъ все это мѣсто жизни, охранили его отъ медленнаго разрушенія времени, таинственно сберегли для далекихъ вѣковъ все, находившееся тамъ". Раскопки сначала велись очень слабо, въ ничтожномъ размѣрѣ, часто перерывались. Но все-таки теперь отрыта уже цѣлая третья часть Помпеи и притомъ лучшая часть ея, та въ которой находятся форумъ, нѣсколько другихъ площадей, главныя улицы, важнѣйшія общественныя зданія, храмы, базилика, бани, театръ, амфитеатръ; отрыто множество домовъ, лавокъ, мастерскихъ, такъ—что теперь раскрыты нашему взгляду всѣ стороны жизни древняго міра.

---

3. Титъ Флавій Домиціанъ.

Домиціанъ 81—96 (834—849).

Титъ, вступивъ на престолъ, отказался отъ своихъ пороковъ, а его братъ Титъ Флавій Домиціанъ, получивъ императорскую власть, вполнѣ предался гнуснымъ и злымъ страстямъ, которыя проявлялись у него съ молодости. Подобно отцу и брату, онъ былъ человѣкъ даровитый и, подобно брату, получилъ хорошее образованіе. Онъ писалъ

Игры и праздники.

стихи. До насъ дошли отрывки латинскаго перевода поэмы Арата (III, стран. 413), принадлежащаго по надписи «Германику», Aratea Caesaris Germanici; этотъ переводъ лучше сдѣланнаго Цицерономъ, и нѣкоторые полагаютъ, что онъ принадлежитъ не Германику, сыну Друза, а Домиціану, тоже имѣвшему титулъ Германика. Такъ ли, или нѣтъ, но при всей своей образованности Домиціанъ былъ человѣкъ высокомѣрный, тщеславный, злой, и по его восшествіи на престолъ гнусность его характера обнаружилась во всей силѣ. Онъ нашелъ неприличнымъ для своего сана продолжать литературныя занятія, но тѣмъ усерднѣе читалъ мемуары Тиберія, стараясь научиться хитрости этого государя, котораго взялъ себѣ за образецъ. Природа дала ему крѣпкое здоровье, но онъ рано изнурилъ себя развратомъ. Отецъ и братъ не давали ему никакого участія ни въ государственныхъ, ни въ военныхъ дѣлахъ, такъ что онъ былъ лишенъ всякой опытности, и его правленіе представляетъ печальную противоположность царствованіямъ Веспасіана и Тита. Наши свѣдѣнія о дѣлахъ этого времени скудны, но всѣ извѣстія согласны въ томъ, что оно было очень дурное. Светоній говоритъ, что въ первые годы правленія Домиціанъ выказывалъ и пороки и хорошія качества, но потомъ всѣ хорошія качества его замѣнились пороками.

Домиціанъ самъ чувствовалъ, что сравненіе съ отцомъ и братомъ невыгодно для него, и хотѣлъ наверстать ихъ правительственныя способности и побѣды великолѣпіемъ своихъ праздниковъ. Еще никогда не бывало въ амфитеатрѣ и циркѣ такихъ зрѣлищъ, какъ при Домиціанѣ. Обыкновенные дневные гладіаторскіе бои и бои съ дикими звѣрями были при немъ такъ часты, что потеряли занимательность для народа, и онъ старался придать имъ новый интересъ, устроивая ихъ ночью при свѣтѣ факеловъ. Дѣйствующими лицами въ этихъ бояхъ выступали вмѣстѣ съ рабами и отпущенниками всадники и сенаторы, даже знатныя женщины. Домиціанъ хотѣлъ превзойдти Нерона великолѣпіемъ состязаній въ бѣгѣ на колесницахъ, спектаклей, музыкальныхъ и гимнастическихъ игръ, въ которыхъ принимали участіе и дѣвушки. Ему чрезвычайно нравилось смотрѣть на эти игры, сидя на высокомъ императорскомъ мѣстѣ въ пурпурномъ облаченіи, на половину греческомъ, и съ золотымъ вѣнкомъ на головѣ. Онъ устроивалъ въ огромномъ размѣрѣ и сраженія на водѣ; онъ установилъ новые религіозные праздники, чтобы чаще имѣть поводъ къ играмъ и зрѣлищамъ. Конечно, они поглощали громадныя суммы. Кромѣ того, онъ раздавалъ подарки народу, дѣлалъ пиры для всего населенія города Рима, строилъ множество зданій или для славы своего имени, или для украшенія города; нужны были громадные расходы на то, чтобъ окончить постройку храмовъ, возобновляемыхъ послѣ пожара, Капитолія, другихъ храмовъ, какъ напримѣръ Изиды и Сераписа, постройку Пантеона. Деньги, поглощаемыя этими колоссальными издержками, надобно было добывать всяческими притѣсненіями. Такимъ образомъ Домиціанъ сталъ грабителемъ по недостатку въ деньгахъ, а по трусости сталъ кровожаденъ, — говоритъ Светоній.

Но Домиціанъ не напрасно изучалъ записки Тиберія, и вначалѣ

Отношенія Домиціана къ аристократамъ и къ администраторамъ.

правленія занимался не одними веселостями. Онъ строго смотрѣлъ за администраціей, слѣдилъ за тѣмъ, какъ держатъ себя вельможи, требовалъ, чтобы не было явнаго пренебреженія къ приличіямъ. Подобно всѣмъ деспотамъ, онъ считалъ аристократовъ и вообще людей съ независимымъ состояніемъ своими противниками, подозрѣвалъ ихъ въ злоумышленіяхъ и пользовался всякимъ случаемъ унижать и казнить ихъ. Онъ дѣйствовалъ не по соображенію государственной пользы, а по злобѣ и прихоти. Примѣромъ этому служитъ то, что онъ отозвалъ Агриколу изъ Британніи (стр. 259). Вообще не могло быть рѣчи о справедливости въ его дѣйствіяхъ. Но всетаки суровость его имѣла тотъ результатъ, что администраторы и судьи остерегались нарушать законы, а вельможи подчинялись внѣшнимъ правиламъ благопристойности. Светоній говоритъ: «Домиціанъ держалъ римскихъ и провинціальныхъ правителей въ такомъ страхѣ, что никогда не бывали они болѣе честны и справедливы, чѣмъ при немъ; а послѣ него многіе изъ нихъ дозволяли себѣ всяческія преступленія». Онъ подвергалъ всей строгости закона небрежныхъ или нечестныхъ судей, нарушавшихъ свое цѣломудріе весталокъ, позорившихъ себя безнравственностью сенаторовъ; его побужденіемъ къ этому была не забота о нравственности, а зависть къ славѣ отца и брата: онъ хотѣлъ показать, что при нихъ состояніе государства было дурно и что онъ исправляетъ разстроенное ими; другимъ мотивомъ было, вѣроятно, желаніе выказывать свою власть. Сенатъ просилъ, чтобы смертные приговоры надъ сенаторами не могли быть постановляемы императоромъ помимо рѣшеній самого сената; онъ отвергъ это предложеніе, оставляя за собою неограниченное право казнить сенаторовъ; потому они въ трепетѣ за свою жизнь не отваживались противорѣчить ему. Возбуждая жестокостью ненависть въ знатномъ сословіи, онъ привлекалъ на свою сторону простолюдиновъ подарками, угощеніями, играми; а чтобъ упрочить преданность войска, онъ увеличилъ жалованье воинамъ. Онъ дѣйствовалъ какъ всѣ деспоты, опираясь на массу черни и на войско, преслѣдуя высшее и среднее сословія. Онъ поступалъ по дурнымъ побужденіямъ, но при деморализаціи высшаго класса, его жестокость часто обращалась противъ людей, заслуживавшихъ наказанія. Сенатъ уже и раньше Домиціана обезчестилъ себя раболѣпствомъ, такъ что Домиціанъ былъ правъ, поступая съ нимъ презрительно. Вѣрную картину униженія сената при Домиціанѣ представляетъ IV сатира Ювенала, въ которой излагается совѣщаніе сената о томъ, въ какомъ видѣ должна быть подана на столъ императора большая рыба: надобно ль ее подать цѣлую на блюдѣ, или разрѣзанную; сенаторы у Ювенала произносятъ серьезныя рѣчи объ этомъ важномъ вопросѣ.

Походы 84.

На войнѣ Домиціанъ игралъ презрѣнную роль. Мы знаемъ, что

онъ ходилъ на хаттовъ, но не имѣемъ свѣдѣній ни о причинахъ, ни о подробностяхъ этой войны. При его возвращеніи сенатъ назначилъ ему тріумфъ и далъ ему титулъ Германика, какъ будто онъ одержалъ побѣды. Но у Тацита мы читаемъ: «Домиціанъ зналъ, что лживый тріумфъ надъ германцами сдѣлалъ его посмѣшищемъ; на этомъ тріумфѣ шли, подъ видомъ плѣнныхъ, купленные люди, которымъ выкрасили волоса, чтобъ они походили на германцевъ, и которыхъ одѣли по германски». Кажется, что прорицательница Ганна возбуждала тогда хаттовъ къ войнѣ, какъ прежде Веледа—батавовъ, и кажется, что она также была взята въ плѣнъ и прожила свои последніе годы въ Италіи. Херуски, союзники римлянъ, были, кажется, принуждены повиноваться хаттамъ. Еще постыднѣе былъ походъ Домиціана на даковъ и другія союзныя съ ними племена, жившія понизовью Дуная. Самъ онъ развратничалъ въ Мизіи и «сражался на постели», а его полководцы терпѣли пораженія отъ царя даковъ, котораго римскіе писатели называютъ Декебаломъ и отъ его союзниковъ гетовъ, квадовъ и маркомановъ. Домиціанъ поспѣшилъ заключить миръ съ умнымъ осторожнымъ царемъ даковъ, искуснымъ полководцемъ, далъ ему подарки, далъ выгодныя обѣщанія. Но слава этой войны была всетаки увѣковѣчена тріумфомъ и памятниками.

Объ этой войнѣ говоритъ Плиній въ своемъ «Панегирикѣ» Траяну: «Теперь мы не покупаемъ, а беремъ заложниковъ; теперь мы не заключаемъ мирныхъ трактатовъ съ большими потерями и за громадные подарки, чтобы говорить потомъ, будто бы мы побѣдили». Имгофъ говоритъ: «Домиціанъ обязался немедленно заплатить большую сумму и платить ежегодную дань Декебалу, прислать ему ремесленниковъ и мастеровъ по мирнымъ промысламъ и по военному дѣлу. Но на деньги, взятыя съ союзниковъ, онъ всетаки устроилъ себѣ великолѣпный тріумфъ и старался прикрыть свой стыдъ пышной оваціей въ честь Юпитера Капитолійскаго. На тріумфѣ его были везены или несены всяческія дорогія вещи, оружіе, золотая и серебряная посуда; все это или принадлежало самому Домиціану, или было взято у союзниковъ. Онъ хотѣлъ всевозможныхъ прославленій своей побѣды, и сенатъ усердно исполнялъ его желаніе. По всему государству были воздвигаемы статуи побѣдителю; повсюду строились тріумфальныя ворота въ честь ему; на форумѣ онъ поставилъ колоссальную бронзовую статую, изображавшую его верхомъ на конѣ; Стацій долженъ былъ написать стихотвореніе на праздникъ открытія этой статуи.

Свирѣпости Домиціана.

Эти постыдные походы, представлявшие такую рѣзкую противоположность побѣдамъ Веспасіана и Тита, сдѣлали Домиціана еще болѣе подозрительнымъ и коварнымъ, чѣмъ прежде, развили его склонность къ свирѣпости. Діонъ и Светоній могли находить въ первые годы его правленія поступки, заслуживающіе похвалы, но о послѣдующемъ времени не могутъ они разсказать ничего, кромѣ дѣлъ свирѣпаго деспотизма. Въ особенности усилилась его жестокость послѣ попытки возстанія, сдѣланной Луціемъ Антоніемъ Сатурниномъ, человѣкомъ знатной фамиліи, главнокомандующимъ легіоновъ верхняго Рейна.

Надѣясь на преданность своего войска и на помощь хаттовъ, онъ хотѣлъ низвергнуть Домиціана, но былъ разбитъ Норбаномъ и погибъ въ сраженіи. Запуганный этимъ мятежемъ, Домиціанъ, по выраженію Плинія, возненавидѣлъ всѣхъ честныхъ людей. Подъ предлогомъ розысковъ о томъ, кто были соумышленники Сатурнина, онъ подвергалъ ужаснѣйшимъ пыткамъ множество вліятельныхъ людей, которыхъ опасался, или по чему либо не любилъ; они были объявляемы виновными и казнимы. Каждый уважаемый обществомъ человѣкъ казался Домиціану противникомъ или соперникомъ, котораго необходимо убить. Трусость сдѣлала его свирѣпымъ злодѣемъ. Говорятъ, что даже Агрикола, умершій около этого времени, былъ отравленъ не любившимъ его Домиціаномъ. Въ особенности подозрительны и ненавистны были ему стоики; люди благородной души искали тогда въ стоицизмѣ воспоминаній о прошломъ, надеждъ на будущее; преданность этому ученію соединяла враговъ деспотизма, и они съ нѣмымъ геройствомъ выносили мученія и смерть. Въ это время были казнены Гереннiй Сенеціонъ, Фаннія, Гельвидій Прискъ младшій, Юній Аруленъ Рустикъ, были изгнаны Артемидоръ, Луцій Телезинъ, Діонъ Хризостомъ, Эпиктетъ. Іудеи и христiане тоже подверглись преслѣдованію Домиціана, какъ мы разскажемъ послѣ.

Гереннiй Сенеціонъ, стоикъ и сенаторъ, былъ адвокатомъ испанцевъ по ихъ жалобѣ на Бебія Массу, знаменитаго доносчика, бывшаго правителемъ Испаніи; другимъ адвокатомъ испанцевъ былъ Плиній младшій. Сенеціонъ велъ дѣло такъ успѣшно, что Бебій, любимецъ императора, былъ осужденъ на изгнаніе. Всѣ подобные ему люди возненавидѣли Сенеціона. Одинъ изъ нихъ Меций Каръ, тоже гнусный доносчикъ, обвинилъ Сенеціона въ оскорбленіи величества, ставя ему въ преступленіе то, что онъ написалъ біографію Гельвидія Приска старшаго, казненнаго при Домиціанѣ, и уже много лѣтъ не проситъ себѣ никакихъ должностей. Начался процессъ. Открылось, что Фаннія, вдова Гельвидія, дочь Тразеи и по матери внука знаменитой Арріи, просила Сенеціона написать біографію Гельвидія и доставила ему матеріалы для этого труда. Фаннія и мать ея были изгнаны, Сенеціонъ былъ казненъ; книга его была осуждена сенатомъ на сожженіе. Этотъ процессъ послужилъ поводомъ къ судебному преслѣдованію всѣхъ стоиковъ. Луцій Аруленъ Рустикъ написалъ біографію Тразеи, говорилъ въ ней о своемъ другѣ съ горячимъ сочувствіемъ, назвалъ его въ ней „святымъ человѣкомъ"; этимъ онъ навлекъ на себя гнѣвъ Домиціана; императоръ ненавидѣлъ его тѣмъ сильнѣе, что онъ былъ знаменитый ученый и философъ; онъ былъ казненъ; его жена Гратилла и его братъ Маврикъ были сосланы. Послѣ того начался процессъ противъ Гельвидія Приска, преступленіе котораго состояло въ томъ, что онъ сынъ знаменитаго отца и, подобно отцу, держится ученія стоиковъ. Плиній говоритъ, что онъ давно понималъ, какой опасности подвергаютъ его знаменитое имя и честность характера, и, хотя былъ прежде консуломъ, устранился отъ всякой общественной дѣятельности, жилъ уединенно и очень осторожно; потому было очень трудно пріискать обвиненіе противъ него; оно нашлось въ шуткѣ, которая была сказана имъ въ дружескомъ кругу: говорили, что онъ

позволилъ себѣ въ піесѣ, написанной для домашняго спектакля, насмѣшливый намекъ на разводъ Домиціана съ женой (Домиціей). При обвиненіи Гельвидія въ сенатѣ одинъ изъ сенаторовъ до такой степени увлекся раболѣпнымъ усердіемъ, что самъ схватилъ его и повелъ въ темницу. По розыскамъ оказалось, что всѣ стоики держатся такихъ же преступныхъ мыслей, какъ знаменитѣйшіе изъ нихъ, осужденные на смерть; потому всѣ они были изгнаны изъ Рима и изъ Италіи. Они разсѣялись по всему свѣту; нѣкоторые уѣхали на окраины Галліи, другіе въ африканскую пустыню, въ эпирскія горы, въ скиѳскія степи. Для нѣкоторыхъ сенаторовъ, вѣроятно, были очень мучительны тѣ засѣданія, въ которыя несчастный сенатъ занимался этими и другими такими процессами. „Курія была занята войскомъ", говоритъ Имгофъ, „и окружена вооруженными толпами; креатуры Домиціана держали себя съ неимовѣрной наглостью. Онъ самъ всегда присутствовалъ въ этихъ засѣданіяхъ; при его злобѣ, при его бездушіи невозможно было и думать о пощадѣ. Неронъ все-таки давалъ иногда помилованіе, напримѣръ, если былъ въ особенно хорошемъ настроеніи духа, оттого, что ему удалось очень хорошо пропѣть что-нибудь, если оказалось, что голосъ у него былъ особенно чистъ. Но у Домиціана никогда не было хорошаго настроенія духа, страшные призраки всегда носились передъ его воображеніемъ. Неронъ по крайней мѣрѣ старался не видѣть злодѣйствъ, совершаемыхъ по его приказанію. На Домиціана было страшно смотрѣть и страшно было, когда онъ смотрѣлъ на людей. Никто изъ сенаторовъ не отваживался говорить при немъ, кромѣ тѣхъ несчастныхъ, у которыхъ онъ спрашивалъ мнѣнія. Эти первые спрошенные сенаторы отвѣчали; другіе, блѣдные, неподвижные, молча, выражали свое вынужденное согласіе тѣмъ самымъ, что оставались молча на своихъ мѣстахъ. Первый спрошенный подавалъ свое мнѣніе, всѣ принимали его, хотя оно казалось отвратительно всѣмъ и больше всѣхъ тому, кто высказалъ его".

Въ началѣ царствованія Домиціанъ не ободрялъ доносчиковъ, обуздывалъ ихъ клеветы, наказывалъ за гнусные пасквили на честныхъ людей; но теперь онъ жадно слушалъ шпіоновъ, возбуждалъ къ доносамъ, наслаждался пытками и казнями. Расточительность принуждала его быть жаднымъ, и число осуждаемыхъ на казнь увеличивалось его желаніемъ обогощаться конфискаціями. Море было наполнено плывущими въ изгнаніе, говоритъ Тацитъ, скалы островов окрашены кровью убитыхъ, въ Римѣ владычествовалъ ужасъ. Знатность, богатство, отказъ отъ почетныхъ должностей, высокое положеніе, даваемое ими, — все это было преступленіемъ; благородство души было вѣрной погибелью; доносчики награждались за свои злодѣйства жреческими должностями и консульствомъ; шпіоны подкупали рабовъ доносить на господъ, отпущенниковъ доносить на патроновъ; и у кого не было враговъ, того губилъ другъ. «Но среди этого бѣдствія являлись поразительные примѣры старой римской, почти забытой доблести. Матери провожали въ ссылку своихъ сыновей, жены мужей. Многіе жертвовали жизнью для спасенія друга или родственника и рабы твердо выносили мученія пытки, не давая показаній противъ господъ. Смерть была принимаема съ мужествомъ достойнымъ славныхъ примѣровъ старины». Процессы по оскорбленію

величества постоянно размножались, потому что съ смертнымъ приговоромъ была соединена конфискація. У сиротъ подъ ничтожными предлогами отнимались наслѣдства. Съ евреевъ сурово брали унизительный налогъ. Путешествія императора были раззореніемъ для богатыхъ людей по дорогѣ. Но Домиціанъ вмѣстѣ съ этимъ выказывалъ прежнюю свою склонность къ искусству, къ поэзіи: сооружалъ храмы, ставилъ статуи, устроивалъ музыкальныя и декламаціонныя игры, былъ любезенъ къ поэтамъ, чтобъ они прославляли его. По своему тщеславію, онъ пятнадцать разъ назначалъ себя консуломъ; ни одинъ изъ его предмѣстниковъ не принималъ на себя этого сана столько разъ. Но межъ тѣмъ какъ льстивый Стацій усердно воспѣвалъ его, онъ погибъ. Онъ мучился трусостью, онъ не находилъ покою себѣ отъ дурныхъ предзнаменованій, сновъ и пророчествъ, и его смертоносная подозрительность обратилась даже на самыхъ близкихъ къ нему людей. Прислужникамъ его свирѣпостей, соучастникамъ его распутства грозила гибель. Домиція, его жена, красавица, женщина умная, но безнравственная, объяснила имъ это, и по ея внушенію они убили его. Домиція уже видѣла себя однажды въ опасности быть казненной за свою связь съ пантомимомъ Парисомъ; Домиціанъ былъ ревнивый мужъ и велѣлъ тогда убить днемъ на улицѣ ея любовника. Говорятъ, что теперь собственно она устроила тотъ заговоръ, въ который вступили приближенные люди Домиціана и въ томъ числѣ Партеній, завѣдывавшій дворцомъ. По ихъ порученію, отпущенникъ Стефанъ убилъ его. Такимъ образомъ рука Немезиды поразила его съ той стороны, съ которой онъ считалъ себя неуязвимымъ. Не изъ порабощеннаго сената и не изъ войска вышелъ освободитель измученной имперіи; Домиціанъ обратилъ свой гибельный произволъ противъ своихъ креатуръ, противъ людей, которые стерегли двери его, и когда онъ сталъ преслѣдовать своимъ смертоноснымъ подозрѣніемъ тѣхъ, чьи кинжалы были орудіями его управленія, онъ самъ навлекъ на себя смерть. Онъ отчаянно защищался отъ убійцъ; его тѣлохранители прибѣжали на шумъ; но онъ былъ уже мертвъ. Они убили Стефана. Сенатъ съ радостью услышалъ о смерти Домиціана; велѣлъ низвергнуть его статуи и бюсты, стереть его имя изъ надписей. Но преторіанцы и римская чернь озлобились на убійцъ и убили много людей въ отмщеніе за него. Онъ былъ убитъ 18 сентября 96 года на 45 году жизни, на пятнадцатомъ году царствованія.

Смерть Домиціана.

Его наружность.

Въ молодости Домиціанъ былъ хорошъ собою; онъ былъ высокаго роста, строенъ, держалъ себя съ достоинствомъ. Онъ часто краснѣлъ, и пока его характеръ не обнаружился, это заставляло считать его человѣкомъ, скромнымъ до застѣнчивости. Безчисленныя статуи его—мраморныя, бронзовыя, серебряныя, золотыя—были низвергнуты по его смерти, ихъ ломали, бросали въ огонь; въ VI вѣкѣ, по словамъ Прокопія, оставалась лишь одна его статуя; и теперь мы имѣемъ лишь одну статую этого императора; она находится въ Мюнхенской Глиптотекѣ. Она сдѣлана изъ паросскаго мрамора; его фигура выше человѣческаго роста, онъ изображенъ какъ герой, то есть безъ одежды. Въ правой рукѣ у него военачальническій мечъ; на лѣвое плечо наброшенъ военный плащъ (paludamentum); черты лица его еще молодыя. Глаза у него были большіе, онъ былъ нѣсколько близорукъ и отъ этого впослѣдствіи пріобрѣлъ привычку всматриваться въ людей такъ, что взглядъ его казался выпытывающимъ душу и производилъ тяжелое впечатлѣніе. На лицѣ у него выражались необузданныя страсти, такъ что выраженіе становилось съ годами все болѣе злымъ. Прежняя красивость исказилась: онъ сталъ лысый, весь сухощавый, кромѣ живота, который раздулся. То, что онъ облысѣлъ, было ему чрезвычайно досадно и, будучи императоромъ, онъ раздражался, если при немъ произносили слова „лысый“ или „лысина“. Когда еще занимался литературой, онъ написалъ небольшой трактатъ о средствахъ сберегать волоса и посвятилъ его одному изъ своихъ друзей, тоже терявшему ихъ. Выраженіе лица постепенно сдѣлалось у него жестокимъ, и, когда онъ сердился, у него мгновенно выступала багровая краснота, отвратительная и ужасная. „Взглянувъ на него, человѣкъ пугался“, говоритъ Плиній: „На лицѣ у него было презрѣніе къ людямъ, взглядъ злой и наглый, цвѣтъ кожи блѣдный съ багровыми пятнами“. Сдѣлавшись императоромъ, онъ сталъ презирать умственные интересы, а между тѣмъ проводилъ много времени, запершись отъ людей, и потому часто скучалъ. Светоній говоритъ, что для развлеченія онъ ловилъ и мучилъ мухъ. Мучилъ ли онъ мухъ, или нѣтъ въ своемъ уединеніи, но въ немъ придумывалъ онъ тѣ свирѣпости, которыя сдѣлали его проклятіемъ человѣческаго рода. Онъ любилъ играть въ кости, проводилъ въ этой игрѣ даже часы, назначенные для занятій.

---

4. Нерва и Траянъ.

Нерва 96—98 (849—851).

Преторіанцы негодовали на убійство Домиціана, но убійцы были такъ сильны, что подъ ихъ вліяніемъ былъ произведенъ выборъ новаго императора. Это былъ Кокцей Нерва, сенаторъ, пользовавшійся всеобщимъ уваженіемъ, человѣкъ безукоризненной жизни, добрый. Вѣроятно, заговорщики сообщили ему о своемъ умыслѣ. Сенатъ и народъ избрали его императоромъ, и преторіанцы согласились признать его. Домиціанъ считалъ его своимъ врагомъ, потому жизнь его была въ опасности. Онъ сталъ держать себя противоположно тому, какъ дѣйствовалъ Домиціанъ. Убитый злодѣй опирался на войско и на городскую чернь, преслѣдовалъ образованный классъ. Нерва возстановилъ вліяніе сената на управленіе государствомъ и старался исцѣлить раны, нанесенныя имперіи предмѣстникомъ его. Заключенные въ темницы по политическимъ дѣламъ были освобождены, изгнанники возвратились на родину, рабы и отпущенники, дававшіе показанія противъ своихъ господъ, были наказаны смертью, донос-

чики изгнаны изъ Рима, политическіе процессы прекращены. Подать съ іудеевъ перестала быть средствомъ притѣснять ихъ. Нерва любилъ простоту и бережливость и прекратилъ лишніе расходы. Онъ продалъ дорогую посуду и коллекціи разныхъ драгоцѣнностей, которыя по тщеславію собиралъ Домиціанъ; онъ ограничилъ расходы на народные праздники, гладіаторскіе бои, другія игры и облегчилъ подати провинцій; онъ не держалъ себя высокомѣрно съ вельможами и образованными людьми, не имѣлъ недовѣрія къ нимъ, какъ Домиціанъ; назначилъ своимъ товарищемъ по консульству Виргинія Руфа, подвергавшагося гоненію при Домиціанѣ, и обѣщалъ не казнить никого изъ сенаторовъ. Но эта система правленія не могла нравиться преторіанцамъ и римской черни; въ особенности была непріятна имъ бережливость императора. Послѣ хлѣба главной потребностью черни были развлеченія, игры; Нерва отнималъ у нея эти удовольствія. Преторіанцы презирали императора, признававшаго сенатъ верховной властью въ государствѣ, они требовали, чтобы наказаны были смертью главные виновники убійства Домиціана, Партеній и префектъ Петроній. Нерва не согласился казнить ихъ; преторіанцы сами схватили и убили ихъ; это осталось безнаказаннымъ. Добродушный Нерва чувствовалъ, что не имѣетъ той энергіи, какая нужна для обузданія буйныхъ преторіанцевъ и римской черни. Онъ разсудилъ, что ему необходимо имѣть энергическаго соправителя и наслѣдника, и усыновилъ уважаемаго всѣми полководца, Марка Ульпія Траяна, который охранялъ тогда Рейнъ отъ германцевъ, угрожавшихъ нападеніями, и, вѣроятно, около этого времени далъ правильную организацію Декуматской области (стр. 111) и основалъ колоніи Aquae Aureliae и Луподунъ. «Накажи твоими стрѣлами данаевъ за мои слезы», писалъ Траяну Нерва, извѣщая его объ усыновленіи.

Характеристика Траяна въ «Панегирикѣ» Плинія.

Въ своемъ „Похвальномъ словѣ" Траяну Плиній называетъ дѣломъ божественнаго промысла то, что дерзость буйныхъ людей въ государствѣ дошла до наглости, поставившей кроткаго государя въ опасное положеніе; благодаря тому, Траянъ получилъ возможность возстановить въ государствѣ порядокъ, въ войскѣ дисциплину. Если бы безпорядки не были такъ сильны, то народъ не увидѣлъ бы въ Траянѣ желаннаго спасителя и благодѣтеля.

«Правда, великъ былъ стыдъ нашему времени, тяжела была нанесенная государству рана. Государь и отецъ народовъ былъ осажденъ, его держали въ плѣну; у него, человѣколюбиваго старика, отняли силу сохранять жизнь людямъ; лишили государя свободы отъ ига, но если это было единственнымъ средствомъ вручить тебѣ управленіе дѣлами, то я почти готовъ сказать, что это было благомъ. Дисциплина войска падала, чтобы ты могъ сдѣлаться возстановителемъ его; совершались гнусности, чтобы ты могъ противоставить имъ превосходныя дѣла; государь былъ принужденъ противъ воли допустить убійство нѣсколькихъ человѣкъ, но это привело къ тому, что намъ данъ государь, не подчиняющійся насилію. Ты давно заслужилъ быть объявленъ сыномъ и наслѣдникомъ

императора, но мы не знали бы, какъ велика польза, какую ты приносишь государству, если бы императоръ усыновилъ тебя раньше. Чтобы мы увидѣли это, должно было прійдти время, когда всѣмъ стало ясно, что, принимая власть, ты не получаешь милость, а оказываешь ее. Разстроенное государство бросилось въ твои объятія, тебѣ была дана словомъ императора власть, готовая рушиться».—Когда Траянъ былъ усыновленъ Нервой, народъ припомнилъ случай, служившій предзнаменованіемъ того, что онъ будетъ государемъ. Однажды онъ благодарилъ Юпитера Капитолійскаго за побѣду, одержанную въ Панноніи, и возложилъ на голову статуи лавровый вѣнокъ; толпа при этомъ закричала: «привѣтъ тебѣ, императоръ».

Траянъ 98—117 (851—870), его характеръ и система правленія.

Выборъ дѣйствительно былъ превосходенъ. Маркъ Ульпій Траянъ не принадлежалъ по своему происхожденію къ старинной римской аристократіи; онъ не былъ даже уроженцемъ Италіи; родиною его была испанская колонія Италика (близъ нынѣшней Севильи). Но римская гордость уже привыкла покоряться многому такому, что прежде показалось бы ей невыносимо, а блескъ, который скоро окружилъ имя новаго императора, заставилъ забыть, что онъ не старинный римскій аристократъ. Впрочемъ уже отецъ его занималъ самыя высокія должности и былъ знаменитымъ полководцемъ. Траянъ еще при жизни Нервы сталъ править государствомъ такъ, что все въ немъ быстро получило новый видъ. Наиболѣе наглыхъ людей изъ преторіанцевъ онъ размѣстилъ по разнымъ легіонамъ, и преторіанцы смирились. Когда Нерва умеръ, Траянъ былъ на Рейнѣ. Получивъ извѣстіе о смерти императора, онъ вернулся въ Римъ и принялъ императорскій санъ; ему было тогда еще только 42 года, но онъ былъ уже сѣдой. Выборомъ своихъ помощниковъ и друзей, своими распоряженіями, своей заботой о правосудіи, честности, преслѣдованіемъ пороковъ, бережливостью, строгимъ надзоромъ за правителями провинцій онъ доказалъ, что съ добрыми желаніями Нервы въ немъ соединяется проницательный умъ и сильная воля, что онъ будетъ превосходнымъ государемъ; а когда сталъ онъ вести войны, онъ одержалъ побѣды и совершилъ завоеванія, достойныя сравненія съ великими дѣлами республиканскихъ временъ. Онъ старался примирить свободу и императорскую власть, о чемъ не заботился до Нервы ни одинъ императоръ послѣ Августа. Онъ оказывалъ сенату такое же уваженіе, какъ Нерва, поднялъ сенатъ изъ того униженья, въ какое упалъ онъ при Домиціанѣ. Своимъ внутреннимъ управленіемъ, уваженіемъ къ закону, любовью къ образованію, кротостью, гражданскими доблестями, простотою своей домашней жизни, чуждой пышнаго этикета и всякой роскоши, онъ заслужилъ названіе «Превосходнѣйшаго» государя, а его военныя дѣла, общеполезныя сооруженія и административные таланты пріобрѣли ему славу величайшаго изъ императоровъ. И если во многомъ онъ былъ сынъ своего времени, не вполнѣ свободный отъ пороковъ и слабостей, то его недостатки были маловажны сравнительно съ его хорошими качествами. Если

онъ не прекратилъ гоненія на христіанъ, то уменьшилъ его; а его самолюбіе было у него не источникомъ жестокостей, какъ у Нерона и Домиціана, а мотивомъ стремиться къ дѣламъ, достойнымъ славы.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію то, что Траянъ всегда былъ одушевленъ самыми чистыми желаніями. Говорятъ, что, зная за собою слабость къ вину, онъ приказалъ, чтобы не были немедленно приводимы въ исполненіе тѣ приказанія, какія отдаетъ онъ послѣ пира; говорятъ, что, подавая префекту преторіанцевъ мечъ, эмблему поручаемой ему должности, онъ сказалъ: «За меня, когда я справедливъ; противъ меня, если я нарушу справедливость».

Траянъ, какъ воинъ и какъ полководецъ.

Плиній краснорѣчиво восхваляетъ храбрость и другія военныя доблести, выказанныя Траяномъ въ первыхъ же его походахъ; говоритъ, что, бывши военнымъ трибуномъ, онъ уже обнаруживалъ таланты полководца, изучилъ военное искусство собственнымъ опытомъ въ станѣ и въ походахъ, съ молодости пріучилъ себя выносить голодъ и жажду, зной и стужу, дѣлилъ всѣ лишенія и труды походовъ съ простыми воинами, отличался отъ массы ихъ только своей чрезвычайной физической силой, ходилъ и на войнѣ и даже въ путешествіяхъ обыкновенно пѣшкомъ. Своимъ бодрымъ мужествомъ, съ какимъ выносилъ всѣ лишенія, онъ пріобрѣлъ любовь и удивленіе воиновъ, а своей заботливостью о продовольствіи войска, своей внимательностью къ нуждамъ воиновъ, своимъ искреннимъ расположеніемъ къ нимъ и военнымъ талантомъ онъ заслужилъ ихъ довѣріе,— продолжаетъ Плиній: „Въ легіонахъ мало найдется людей, чьимъ сослуживцемъ не былъ бы ты. Старыхъ воиновъ ты почти всѣхъ знаешь по именамъ, въ разговорахъ съ ними умѣешь припомнить подвиги каждаго. Имъ нѣтъ надобности перечислять тебѣ полученныя ими раны, потому что ты былъ свидѣтелемъ, какъ они получали ихъ, и они уже слышали отъ тебя тогда похвалы себѣ“.

Первая война съ даками. 100—103.

Такой храбрый императоръ не могъ оставить на римскомъ имени позора, которому подвергли его даки при трусливомъ Домиціанѣ. Ежегодный подарокъ, который обязаны были римляне давать варварамъ, чтобъ они не дѣлали нападеній на имперію, и деньги для котораго были собираемы тяжелымъ налогомъ съ населенія придунайской провинціи, имѣлъ совершенно характеръ дани. Траянъ пересталъ платить этотъ подарокъ; даки вторглись въ Мизію, чтобы силою взять то, чего не даютъ имъ мирно. Траянъ пошелъ противъ нихъ. Первый императоръ, родившійся не въ Италіи, а въ провинціи, долженъ былъ совершать военные подвиги, чтобы римская чернь и войско повиновались ему.

Декебалъ, умный правитель и храбрый полководецъ, научившійся изъ своихъ сношеній съ римлянами понимать выгоды цивилизаціи, хорошо воспользовался десятью или двѣнадцатью годами мира, прошедшими со времени войны противъ Домиціана. Траянъ встрѣтилъ противника, прекрасно подготовившагося къ войнѣ; Декебалъ сильно оборонялся и выдерживалъ борьбу года четыре или даже лѣтъ шесть. У него были заключены союзы съ сосѣдними племенами; онъ велъ переговоры съ пареянскимъ царемъ Пакоромъ. Въ его службѣ были римскіе воины, ремесленники, инженеры; войско его было обучено и вооружено ими по римски, они изготовляли ему оружіе и строили военныя машины.

Первая война съ даками. 100—103.

Извѣстія о дакійскихъ походахъ Траяна, дошедшія до насъ, очень скудны. На Траяновой колоннѣ изображены сцены изъ этой войны, но онѣ даютъ лишь общія представленія о ней; годы и названія мѣстностностей остаются намъ неизвѣстны. Ясно только, что въ первые годы римляне перешли черезъ Дунай по льду, напали на врага, не ожидавшаго увидѣть ихъ зимою въ своемъ краѣ, разбили его въ нѣсколькихъ сраженіяхъ, довели Декебала до такой крайности, что онъ на колѣнахъ просилъ мира у Траяна, обѣщался возвратить завоеванныя римскія земли, выдать дезертировъ и римскихъ мастеровыхъ, отдать машины и оружіе. «Ты побѣдилъ чрезвычайно храбрые народы въ такое время года, которое было благопріятно имъ, затрудняло насъ», говоритъ Плиній Траяну въ «Панегирикѣ»: «когда морозъ соединяетъ берега Дуная и могутъ переходить черезъ рѣку многочисленныя войска; когда эти дикія племена защищены не столько своимъ оружіемъ, сколько климатомъ. Но какъ ты показался, они заперлись въ свои убѣжища, а наши воины по твоему мановенію радостно ходили за этою рѣкою, боролись съ варварами и съ ихъ зимою». Траянъ торжествовалъ тріумфъ побѣды надъ даками, и сенатъ далъ ему названіе «Дакійскій».

Вторая дакійская война. 104—106.

Но миръ былъ не продолжителенъ. Траянъ оставилъ гарнизоны на сѣверномъ берегу Дуная (въ нынѣшнемъ Банатѣ и Военной границѣ) и въ тѣхъ горныхъ проходахъ, открывавшихъ путь къ столицѣ дакійскаго государства, Сармизегетузѣ, обширныя развалины которой находятся близъ нынѣшняго города Варгеля. Это ясно показывало, что онъ хочетъ держать въ своихъ рукахъ власть надъ Дакіей. Царь и народъ были раздражены и рѣшили снова испытать военное счастье; приготовленія къ тому были найдены въ Римѣ нарушеніемъ мира. По волѣ императора, желавшаго пріобрѣсти славу завоевателя, объявили, посредствомъ сената, даковъ врагами государства; Траянъ снова пошелъ на Дунай. Онъ построилъ черезъ него каменный мостъ на 20 аркахъ въ самомъ узкомъ мѣстѣ рѣки, гдѣ ея теченіе чрезвычайно быстро,—нѣсколько южнѣе того ущелья, которое теперь называется Желѣзными воротами. По этому мосту онъ повелъ войско въ Дакію.

При низкомъ уровнѣ воды еще видны близъ Оршовы быки моста, сложенные изъ большихъ тесанныхъ камней. Мостъ былъ построенъ греческимъ архитекторомъ Аполлодоромъ Дамасскимъ. Онъ считался изумительнымъ сооруженіемъ, свидѣтельствующимъ, что нѣтъ ничего невозможнаго для человѣческаго искусства. Въ честь его построенія были выбиты монеты; нѣсколько экземпляровъ ихъ находится въ нашихъ коллекціяхъ. Адріанъ впослѣдствіи велѣлъ снять настилку моста, оставивъ только бы-

ки. На сосѣдней скалѣ сохранилась вырубленная надпись, говорящая, что Траянъ продолжалъ дорогу по правому берегу Дуная, начатую Тиберіемъ.

Изъ Діона мы знаемъ, что Траянъ, хорошо понимая опасности походовъ по странѣ, изрѣзанной лѣсами и болотами, велъ войну очень осторожно, что въ ней блистательно выказались военные таланты его и храбрость легіоновъ и что побѣда требовала очень большихъ усилій. У даковъ было вѣрованіе въ будущую жизнь и переселеніе душъ; оно внушало имъ презрѣніе къ смерти; они бились храбро, а ихъ царь былъ искусный полководецъ, умѣлъ хитрить, не пренебрегалъ и вѣроломными уловками. Одинъ изъ римскихъ военачальниковъ, Лонгинъ, былъ захваченъ въ плѣнъ и отравился. Но наконецъ были взяты столица государства и ея цитадель; Декебалъ убилъ себя, чтобы не идти плѣнникомъ въ цѣпяхъ на тріумфѣ врага. Дакія была покорена.

Это была первая большая война во времена имперіи, веденная для расширенія границъ государства; потому Плиній хвалитъ намѣреніе поэта Каннинія написать о ней поэму: „Предметъ новъ, богатъ, обширенъ, поэтиченъ, и сама истина тутъ похожа на чудеса; ты опишешь намъ новыя рѣки, проведенныя человѣческими руками, построеніе мостовъ, станы на крутыхъ горахъ, будешь говорить о царѣ, потерявшемъ престолъ и жизнь, но не мужество".

Но до насъ не дошло никакихъ почти извѣстій о подробностяхъ этой войны. Кромѣ того, что уже нами разсказано, мы знаемъ только, что Траянъ нашелъ сокровища, спрятанныя Декебаломъ въ рѣкѣ Саргетіи (Стрелѣ или Истригѣ), на которой стояла его столица, что завоеванныя земли (Валахія, Трансильванія, Нижняя Венгрія) были сдѣланы римской провинціей, которая была названа Дакіею, и что Траянъ поселилъ тамъ очень много колонистовъ изъ разныхъ частей имперіи. Такимъ образомъ для римской культуры была пріобрѣтена страна, лежащая между Тиссою, Карпатами и Дунаемъ; за исключеніемъ нѣсколькихъ болотистыхъ мѣстностей, она была очень хороша: равнины ея были очень плодородны, горы богаты лѣсомъ и металлами. Скоро тамъ возникли многолюдные города, какъ напримѣръ, Ulpia Trajana, Напука (Марошъ Вашаргель), Діэрна (Оршова); они были центрами, изъ которыхъ распространялась между туземцами привычка къ мирной благоустроенной жизни; латинскій языкъ сталъ господствующимъ тамъ (румынскій языкъ составляетъ видоизмѣненіе латинскаго); развилась промышленность и торговля. Расширеніе границъ привело имперію въ соприкосновеніе съ новыми врагами, дикими племенами сѣвера и востока; борьба съ ними часто была тяжела, но области, лежавшія на южномъ берегу Дуная, Мизія и Ѳракія получили очень большую пользу отъ завоеванія Дакіи; онѣ стали поль-

зоваться безопасностью, благосостояніе ихъ возросло; а воинственные туземцы Дакіи доставляли много храбрыхъ воиновъ римскимъ легіонамъ. — Около того же времени была покорена Авломъ Корнеліемъ Пальмой Петрейская Аравія; Траянъ присоединилъ ее къ имперіи подъ названіемъ провинціи Аравіи. Покореніе этой полосы земли, простирающейся отъ Чермнаго моря до Дамаска, было важно потому, что дало Палестинѣ безопасность отъ набѣговъ арабскихъ племенъ и свободу торговымъ путямъ изъ Сиріи къ Эвфрату.

Провинція Аравія.

Дакійская война распространила славу римскаго императора до очень далекихъ народовъ, послы которыхъ стали являться въ Римъ съ поздравленіями Траяну и предложеніями союза. Слава нравилась Траяну, и хотя онъ не любилъ ни пышности, ни расточительности, но полагалъ, что по поводу одержанной побѣды онъ долженъ удовлетворить страсти населенія города Рима къ блестящимъ праздникамъ и великолѣпнымъ играмъ.

Народные праздники. Сооруженія.

Тѣ книги „Исторіи" Діона, въ которыхъ разсказывалось объ этомъ и слѣдующемъ времени, не дошли до насъ. Мы имѣемъ только сухое извлеченіе изъ нихъ, сдѣланное Ксифилиномъ. Въ немъ говорится: „Траянъ далъ зрѣлища, продолжавшіяся сто двадцать три дня сряду; на нихъ было убито до 11,000 хищныхъ звѣрей и другихъ животныхъ, и бились 10,000 гладіаторовъ. Иноземнымъ посламъ были даны на этихъ зрѣлищахъ мѣста между сенаторами".

Во славу своихъ побѣдъ надъ даками и для украшенія города, Траянъ поставилъ на великолѣпной новой площади колоссальную колонну, за которой и до сихъ поръ сохраняется его имя. Онъ хотѣлъ, 113.
чтобы подъ нею былъ погребенъ его прахъ; по ней спиральной лентой идутъ рельефы, изображающіе его подвиги въ Дакіи. Этотъ великолѣпный памятникъ, имѣющій въ вышину 110 футовъ, еще стоитъ цѣлымъ между изломанныхъ гранитныхъ колоннъ форума Траяна. Внутри колонны витая лѣстница ведетъ на вершину ея; тамъ стояла колоссальная статуя апостола Петра. Но, дѣлая праздники для народа и воздвигая памятники своей славы, Траянъ не забывалъ дѣлать сооруженія для общественной пользы. Со временъ Августа ни одинъ императоръ не построилъ столько дорогъ, мостовъ, водопроводовъ, какъ Траянъ. Великолѣпная дорога, проложенная имъ черезъ Помптинскія болота и снабженная гостинницами для отдыха проѣзжающихъ, 106—110.
была изумительнѣе дорогъ, построенныхъ при республикѣ. Новая дорога изъ Брундизія въ Беневентъ тоже была достойна имени Траяна. Онъ строилъ дороги и мосты не въ одной Италіи, но и въ провинціяхъ; много слѣдовъ этихъ его сооруженій остается въ Испаніи и Германіи. Отъ Чернаго моря до Галліи была проложена непрерывная дорога. Траянъ построилъ, кромѣ моста черезъ Дунай, прекрасный каменный мостъ черезъ Рейнъ (близъ нынѣшняго Майнца); постро-

илъ мосты черезъ многія италійскія и испанскія рѣки, между прочимъ мостъ черезъ Тахо. Въ Римѣ, въ Малой Азіи (въ Прузѣ и Никомидіи), въ Египтѣ, въ другихъ областяхъ онъ построилъ водопроводы, термы, каналы, другія сооруженія, свидѣтельствующія о его неутомимой дѣятельности. Огромныя сооруженія въ гаваняхъ Центумцеллъ (Чивита Веккіи), Остіи, Анконы, были достойными памятниками его имени.

Любовь императора къ постройкамъ проявилась, кромѣ названныхъ нами, въ нѣсколькихъ другихъ великолѣпныхъ зданіяхъ, украшавшихъ городъ Римъ, гдѣ онъ построилъ между прочимъ циркъ, Одеонъ, гимназію. Его постройки возбуждали и города и частныхъ людей къ соревнованію. Траянъ покровительствовалъ строителямъ, издавалъ распоряженія, благопріятствовавшія этому дѣлу. Римскій сенатъ, города Беневентъ, Анкона, многіе другіе построили въ честь его тріумфальныя ворота; ему нравилось это. Вообще онъ любилъ постройки, которыми увѣковѣчивалась его слава. Онъ далъ свое имя нѣсколькимъ новопостроеннымъ городамъ. Надпись „Ульпій Траянъ" встрѣчалась на столькихъ сооруженіяхъ, что императоръ Константинъ называлъ эти слова „травой, растущей на всѣхъ стѣнахъ" (herba parietaria). Траянъ велѣлъ перечеканить прежнюю стертую монету; это могло отчасти быть внушено ему желаніемъ увеличить количество монеты, носящей его изображеніе. И дѣйствительно, до насъ дошло очень большое количество его монеты.

Судопроизводство и законы.

Съ такою же дѣятельностью Траянъ заботился объ улучшеніи судопроизводства, законовъ и администраціи. При помощи хорошихъ юристовъ, приглашенныхъ имъ на службу, онъ издалъ рядъ императорскихъ конституцій по различнымъ отдѣламъ общественной и частной жизни; эти законы вообще разумны и гуманны.

По словамъ Плинія, Траянъ издалъ мудрыя и справедливыя постановленія по семейному и наслѣдственному праву, запретилъ принимать безъименныя обвиненія, постановлять приговоры противъ отсутствующихъ, уничтожилъ покупку должностей и подкупъ избирателей, запретивъ кандидатамъ давать пиры и подарки, обязалъ сенаторовъ и сановниковъ имѣть третью часть своего состоянія въ земельной собственности, уничтожилъ процессы по дѣламъ объ оскорбленіи величества, изгналъ доносчиковъ изъ Италіи; словомъ ввелъ прочный законный порядокъ и наблюдалъ за тѣмъ, чтобы законы были одинаково соблюдаемы относительно знатныхъ и незнатныхъ. Онъ самъ писалъ Плинію (X, 86): „Ты знаешь мое правило, что я не хочу внушать уваженіе къ моему имени страхомъ и процессами объ оскорбленіи величества".

Администрація.

Благородный, гуманный характеръ Траяна проявлялся во всемъ его управленіи внутренними дѣлами и особенно въ его финансовой системѣ. Почти всѣ прежніе императоры угнетали народъ поборами на удовлетвореніе своей расточительности; Траянъ старался бережливостью, простотою своего двора, устраненіемъ всякой лишней роскоши изъ своей жизни, получать средства для облегченія жизни бѣдныхъ сословій.

Въ самомъ началѣ своего правленія, онъ облегчилъ нѣкоторые налоги и пошлины напримѣръ пошлины съ наслѣдствъ при близкихъ степеняхъ родства; онъ назначилъ особенную коммиссію для изслѣдованія средствъ уменьшить государственные расходы и всегда подчинялъ выгоду фиска требованіямъ справедливости. Въ его царствованіе не было конфискацій, не было завѣщаній въ пользу императора, какія прежде вынуждались страхомъ, не было никакихъ другихъ деспотическихъ мѣръ для полученія денегъ. Онъ дѣятельно заботился о пособіяхъ бѣднымъ. Слѣдуя примѣру Нервы, онъ распространилъ на италійскіе города выдачу хлѣба нуждающимся, и велѣлъ вносить дѣтей въ списки получающихъ это пособіе. Говорятъ, что каждый годъ принималось на содержаніе государства 5000 дѣтей бѣдняковъ свободнаго состоянія. Это было однимъ изъ средствъ остановить убыль населенія въ Италіи. По дѣламъ о пособіяхъ бѣднымъ и о воспитаніи дѣтей бѣдняковъ, Италія была раздѣлена на округи, и были учреждены продовольственныя кассы. На общественное воспитаніе, вѣроятно, принимались въ особенности дѣти воиновъ, потому что императоръ заботился больше всего о войскѣ; дѣти, воспитываемыя для военной службы, конечно, становились хорошими воинами. Военныя соображенія побуждали императора и къ заботамъ объ улучшеніи большихъ дорогъ; онъ улучшилъ также почту, для облегченія административныхъ сношеній и должностныхъ поѣздокъ. Очень много заботился онъ и объ улучшеніи городскаго управленія не только въ Италіи, но и въ провинціяхъ. Свободные города пользовавшіеся въ своихъ внутреннихъ дѣлахъ почти полной независимостью, онъ поставилъ подъ надзоръ императорскихъ „попечителей" (curatores или correctores).

Покровительство наукамъ.

Послѣ войска главнымъ предметомъ заботъ Траяна было распространеніе образованности. Онъ основалъ въ Римѣ большую библіотеку; основалъ на собственный счетъ много учебныхъ заведеній, въ которыхъ преподаватели получали жалованье, а воспитанники пользовались пособіями; примѣру императора слѣдовали города и богатые частные люди. Мы знаемъ, что очень усерднымъ подражателемъ Траяна былъ въ этомъ дѣлѣ Плиній. По его хлопотамъ и при значительномъ денежномъ пособіи отъ него, городъ Комъ, близъ котораго лежали его имѣнія, основалъ школу и библіотеку. Траянъ не былъ человѣкъ съ ученымъ образованіемъ, но умѣлъ цѣнить науку, любилъ бесѣды даровитыхъ и ученыхъ людей; потому правленія его и его преемника составляютъ блестящій періодъ въ исторіи римской и греческой литературы. При немъ было очень много писателей, пользовавшихся его расположеніемъ и поддержкой.

Однимъ изъ его друзей былъ ораторъ и государственный человѣкъ Плиній Секундъ младшій; Траянъ далъ ему консульство и сдѣлалъ его правителемъ Виѳиніи. Въ благодарность за то Плиній произнесъ въ засѣданіи сената „Панегирикъ" Траяну, превозносившій подвиги и высокія качества императора. До насъ дошло большое собраніе отчетовъ и писемъ Плинія

къ императору; въ нихъ излагаются дѣла всяческаго рода, важныя и неважныя; Плиній постоянно проситъ у императора рѣшеній и совѣтовъ. Тацитъ также принадлежалъ къ числу близкихъ друзей Траяна. Но наши свѣдѣнія о царствованіи этого императора очень скудны. Труды историковъ, разсказывавшихъ о немъ, погибли. Не дошли до нас его мемуары о дакійской войнѣ. „Исторія" Тацита не была доведена до его царствованія.

Парѳянская война 114—117.

Заботясь о внутреннихъ дѣлахъ государства, Траянъ не забывалъ и военныхъ. Его гордости льстила мысль перейдти за великія рѣки, бывшія до той поры границами римской имперіи. Онъ хотѣлъ затмить своими подвигами побѣды Помпея и Цезаря, отмстить за пораженіе Красса въ Месопотаміи, смыть съ римскаго имени это пятно позора. По смерти Тиридата, кліэнта римлянъ, возведеннаго ими на армянскій престолъ (стран. 16), парѳяне, пользуясь разстройствомъ римской имперіи, подчинили себѣ Арменію, и новый царь ея Эксадаръ (кажется, сынъ Тиридата) былъ въ зависимости отъ парѳянъ. Это не нравилось Траяну; окончательно раздражило его то, что парѳянскій царь Хосрой I, сынъ Пакора, низвергъ Эксадара и отдалъ армянскій престолъ своему племяннику Партамасиру. Траянъ рѣшился оружіемъ остановить расширеніе парѳянскаго могущества. Онъ отправился въ походъ; въ Аѳинахъ встрѣтило его парѳянское посольство съ подарками и увѣреніями въ дружбѣ Хосроя. Но Траянъ былъ исполненъ желанія побѣдить восточный народъ, имя котораго было соединено для римлянъ съ такими тяжелыми воспоминаніями. Въ молодости онъ былъ на границахъ Парѳіи, сопровождая своего отца, воевавшаго тамъ, теперь онъ хотѣлъ выказать далекому Востоку все свое могущество, побѣдоносно пройдти парѳянское царство. Послы Хосроя не отклонили его отъ войны, напротивъ онъ увидѣлъ въ желаніи мира со стороны парѳянъ доказательство ихъ боязни и слабости. Онъ ускорилъ походъ, отвѣчавъ посламъ, что, когда прійдетъ въ Сирію, то распорядится сообразно справедливости.

Въ числѣ пословъ, привѣтствовавшихъ Траяна въ Римѣ по его возвращеніи съ дакійской войны, были послы изъ „Индіи". Итакъ его имя уже стало извѣстно въ той далекой странѣ, куда еще не проникалъ ни одинъ европейскій завоеватель со временъ Александра и первыхъ Селевкидовъ. Очень можетъ быть, что Траянъ думалъ по завоеваніи Парѳіи идти за Индъ. Кажется, что у римлянъ пробудилась тогда новая заинтересованность походами Александра. Вѣроятно, поэтому и вздумалъ описывать ихъ Арріанъ, чья молодость совпадаетъ съ царствованіемъ Траяна.

Траянъ въ Антіохіи и въ Арменіи.

Къ сожалѣнію, очень скудны наши свѣдѣнія и о парѳянскомъ походѣ Траяна, какъ и о дакійской войнѣ. Онъ пришелъ по южной полосѣ Малой Азіи въ Антіохію; во время его остановки тамъ этотъ городъ сильно пострадалъ отъ землетрясенія, при которомъ подвергалась опасности жизнь самого императора. Абгаръ, царь Эдессы,

(или Осроэны) прислалъ ему богатые подарки, прося позволенія сохранить нейтралитетъ. Но Траянъ принудилъ эдесскаго царя покориться. Когда онъ вступилъ въ Арменію, Партамасиръ думалъ смягчить его покорностью, положилъ къ ногамъ его діадему, какъ Тигранъ къ ногамъ Помпея, надѣясь получить ее обратно изъ его рукъ и остаться армянскимъ царемъ подъ властію Рима. Траянъ однакожь объявилъ, что Арменія будетъ сдѣлана римской провинціею, которой будетъ править его намѣстникъ. Партамасиръ бѣжалъ и началъ войну. Парѳяне были ослаблены междоусобіемъ; Партамасиръ не могъ долго удержаться противъ римскихъ легіоновъ. Крѣпости его были взяты, и самъ онъ былъ убитъ въ сраженіи. Арменія была сдѣлана римской провинціей. Мелкіе цари горныхъ земель между Чернымъ и Каспійскимъ морями спѣшили выразить свою покорность римскому императору, чтобы не лишиться владѣній. Сынъ Абгара, понравившійся Траяну, выпросилъ у него прощеніе отцу; Абгаръ получилъ обратно свое царство, съ обязанностью повиноваться Риму.

Походъ въ Месопотамію и Вавилонію. 116.

О дальнѣйшихъ военныхъ дѣйствіяхъ Траяна на Востокѣ мы имѣемъ лишь отрывочныя темныя извѣстія. Изъ Діона мы знаемъ, что онъ, держа свое войско въ строгой дисциплинѣ и соблюдая большую осторожность, перешелъ Гордіэйскія горы и, непрерывно сражаясь съ врагами, прошелъ Месопотамію, пришелъ чрезъ Нисибиду къ Тигру; что въ горныхъ лѣсахъ были построены большія лодки, разобраны на куски, перевезены къ Тигру, что, составивъ тамъ опять изъ кусковъ лодки, Траянъ переплылъ эту быструю рѣку, пошелъ по восточному берегу на югъ, шелъ тѣми мѣстами, гдѣ стояла Ниневія и гдѣ Александръ одержалъ великую побѣду надъ персами; парѳяне были заняты междоусобіями въ своей землѣ, и Траянъ, не встрѣчая сопротивленія, дошелъ до Вавилона; оттуда онъ пошелъ на востокъ. Онъ хотѣлъ расчистить занесенный иломъ царскій каналъ, чтобы возстановить судоходное сообщеніе по немъ между Тигромъ и Эвфратомъ; но эта работа была такъ огромна, что пришлось бросить ее. Съ Эвфрата притащили на каткахъ лодки въ Тигръ; римляне переплыли на нихъ снова черезъ рѣку и взяли парѳянскую столицу Ктезифонъ. Траянъ покорилъ много и другихъ городовъ и земель, говоритъ Діонъ; сенатъ получалъ такъ много извѣстій о завоеваніяхъ, что уже не перечислялъ всѣ эти города и области, а далъ Траяну титулъ Парѳянскаго и постановилъ, что императоръ поименуетъ при своемъ тріумфѣ тѣ народы, какіе захочетъ назвать. Траянъ прошелъ до соединенія Тигра съ Эвфратомъ по образуемой ими широкой рѣкѣ (Шатъ эль Арабу), проплылъ на судахъ въ „океанъ" и высказалъ сожалѣніе, что преклонность лѣтъ не дозволяетъ ему плыть въ Индію, подобно Александру. Онъ ограничился тѣмъ, что принесъ жертву въ честь памяти Александра, и, получивъ извѣстіе, что многіе города и племена покоренныхъ имъ странъ возстали, вернулся усмирять мятежи. Въ числѣ возставшихъ городовъ были, по словамъ Діона, Нисибида, Эдесса и Селевкія, большой торговый городъ, въ которомъ жили греки и туземцы. Одинъ изъ полководцевъ Траяна Максимъ былъ разбитъ инсургентами и лишился жизни въ сраженіи; но Траянъ и его помощники, Лузій Квіэтъ, Эруцій Кларъ и Юлій Александръ, подавили мятежъ, взяли Нисибиду, Эдессу, Селевкію, разграбили и сожгли ихъ. Послѣ того Эдесса и Селевкія уже не могли оправиться; онѣ были, правда, возобновлены, но

остались маловажными городами. Траянъ прошелъ въ Ктезифонъ, объявилъ тамъ Хосроя низложеннымъ, провозгласилъ на его мѣсто пароянскимъ царемъ Партамаспата, потомъ двинулся на арабовъ, но занемогъ при осадѣ арабскаго города Гатры, стоявшаго въ Месопотаміи, среди пустыни и оборонявшагося храбро. Трудности похода и жаркій климатъ безводной пустыни, лишенной всякой растительности, такъ изнурили Траяна, человѣка уже стараго, что онъ послушался просьбъ сената, который убѣждалъ его возвратиться. Но онъ не доѣхалъ до Италіи. Онъ умеръ 11 августа 107 года въ киликійскомъ городѣ Селинунтѣ (Траянополѣ), на 64 году жизни. Прахъ его былъ въ золотой урнѣ привезенъ въ Римъ и похороненъ подъ воздвигнутою имъ колонной.

Общій выводъ.

Таковы скудныя свѣдѣнія, даваемыя намъ о пароянскомъ походѣ Траяна Кассіемъ Діономъ; въ существенныхъ чертахъ они сообразны съ истиной, какъ видимъ по монетамъ Траяна, изображенія и надписи на которыхъ свидѣтельствуютъ, что онъ покорилъ Арменію, Ассирію, Месопотамію, обратилъ ихъ въ римскія провинціи, далъ царя побѣжденнымъ пароянамъ. Но эти завоеванія были не прочны. Парояне очень скоро прогнали поставленнаго Траяномъ царя и выбрали себѣ другого; мы видимъ, что завоеванныя области и города возстали, даже не дожидаясь, когда Траянъ уйдетъ съ Востока, истребили оставленные въ нихъ римскіе отряды, свергли съ себя римскую власть; возвратившись съ юга, онъ взялъ, разграбилъ и сжегъ возставшіе города, но туземцы остались враждебны ему; городъ Гатра, въ которомъ находился богатый храмъ солнца, не могъ быть взятъ ни императоромъ, ни полководцемъ его Северомъ, продолжавшимъ осаду. Еще при жизни Траяна возстали іудеи въ Александріи, на Кипрѣ, въ Сиріи; этими мятежами началась кровопролитная война; она, какъ мы увидимъ, длилась около двадцати лѣтъ и кончилась лишь разсѣяніемъ остатковъ іудейскаго народа по всему пространству древняго міра. Римско-греческое владычество не могло укорениться на далекомъ Востокѣ. Народы тѣхъ странъ упорно возставали противъ него; но тѣмъ хвастливѣе возвѣщали о побѣдахъ Траяна его отчеты, монеты и памятники.

Пароянскій походъ не былъ свободенъ отъ неудачъ, и вообще благоразумнѣе было бы не думать о расширеніи римскаго государства за естественныя его границы, установленныя Августомъ; лучше было бы повторять молитву Сципіона Африканскаго младшаго, просившаго боговъ не увеличивать государство, а только сохранять своею милостью то, что уже пріобрѣтено Римомъ; но все таки правленіе Траяна — одинъ изъ самыхъ славныхъ и счастливыхъ періодовъ исторіи римской имперіи. Побѣды надъ иноземными врагами внесли свѣжій элементъ въ государственную жизнь имперіи, склонявшейся къ упадку отъ дряхлости; походы не настолько поглощали дѣятельность императора, чтобы не оставалось у него времени для

заботъ о внутреннихъ дѣлахъ: при помощи даровитыхъ совѣтниковъ, онъ улучшалъ администрацію и судопроизводство, принималъ благоразумныя мѣры для распространенія образованности, поднятія нравственности. Та характеристика Траяна, какую при началѣ его царствованія сдѣлалъ Плиній, конечно, имѣетъ въ себѣ много льстиваго преувеличенія, но въ сущности она вѣрна. «Когда я старался составить себѣ понятіе о государѣ, достойномъ пользоваться неограниченною властью, подобною могуществу безсмертныхъ боговъ», говоритъ Плиній, «мнѣ не удавалось даже въ желаніяхъ и мысляхъ моихъ вообразить государя, подобнаго тому, какого мы видимъ теперь. Многіе блистали на войнѣ славой, померкавшей во время мира, другіе были хороши въ мирныхъ дѣлахъ, а слабы на войнѣ. Нѣкоторые пріобрѣтали уваженіе къ себѣ, но внушали его страхомъ, другіе пріобрѣтали любовь, но униженіемъ. Одни теряли, сдѣлавшись государями, славу, какую заслужили, будучи частными людьми, другіе, пріобрѣтая славу, какъ правители, безчестили себя своею частною жизнью. Вообще не было государя, чьи хорошія качества не омрачались бы соединенными съ ними пороками. Но какое великое соединеніе всѣхъ достойныхъ славы качествъ находится въ нашемъ государѣ! его серьезность ничего не теряетъ отъ его веселости, его достоинство—отъ его простоты, его величіе—отъ его снисходительности. Его стройное крѣпкое тѣлосложеніе, его выразительное лицо, его почтенная голова, которой боги дали во цвѣтѣ лѣтъ сѣдину, красоту старости,—при одномъ взглядѣ на него все показываетъ въ немъ государя». Только такой императоръ, соединявшій въ себѣ энергію воина съ любовью къ дѣламъ мира, физическую силу съ нравственной, могъ дать имперіи періодъ благоденствія, разсказ о которомъ Тацитъ хотѣлъ сдѣлать отраднымъ занятіемъ своей старости, задача, которой, къ сожалѣнію, не удалось ему исполнить; только такой императоръ могъ дать имперіи одинъ изъ тѣхъ рѣдкихъ счастливыхъ періодовъ, когда, по выраженію Тацита: «люди имѣютъ свободу мыслить и свободу говорить то, что думаютъ». Сенатъ и народъ были правы, избравъ для привѣтствія слѣдующимъ императорамъ, при вступленіи ихъ на престолъ, формулу: «Царствуй счастливѣе Августа и лучше Траяна!».

5. Публій Элій Адріанъ.

А. Его правленіе и путешествія.

Адріанъ 117—138 (870—891 отъ основанія Рима).

Траянъ, уѣзжая съ Востока, поручилъ начальство надъ войскомъ и управленіе Сиріей Публію Элію Адріану, своему родственнику. Уроженецъ того же города Италики, въ которомъ родился Траянъ, Адріанъ съ шестнадцати лѣтъ находился при императорѣ, сопровождалъ его въ дакійскомъ и пароянскомъ походахъ. Траянъ обращался съ Адріаномъ, какъ съ роднымъ сыномъ, но умеръ, не усыновивъ его, и потому дѣло о наслѣдствѣ престола осталось не разрѣшено формальнымъ образомъ. Адріанъ былъ, какъ говорятъ, обязанъ престоломъ только быстротѣ и рѣшительности вдовы Траяна, Плотины, которая любила родственника своего мужа и, по словамъ Кассія Діона, составила, при содѣйствіи Цецилія Аттіана (или Таціана), бывшаго воспитателемъ и опекуномъ Адріана, актъ усыновленія его Траяномъ, написанный отъ имени покойнаго императора. Говорятъ, что Плотина нѣсколько дней скрывала смерть Траяна, чтобъ успѣть обезпечить престолъ Адріану. Достовѣрно, по крайней мѣрѣ, то, что Адріанъ, находившійся тогда въ Антіохіи, получилъ 9 августа формальное извѣстіе о томъ, что усыновленъ императоромъ и назначенъ его преемникомъ, а извѣстіе о его смерти черезъ два дня послѣ того. Но былъ ли или не былъ подложнымъ документъ объ усыновленіи Адріана, несомнѣнно то, что Траянъ, женившій его на внукѣ своей сестры Марціанѣ и поручившій ему начальство надъ войскомъ, хотѣлъ имѣть его своимъ преемникомъ. При всемъ своемъ влеченіи подражать Александру, Траянъ конечно не доходилъ до желанія оставить, какъ было при смерти Александра, судьбу государства на произволъ случая. При всеобщей увѣренности въ мысляхъ Траяна о Адріанѣ, легіоны тотчасъ же провозгласили его императоромъ, и сенатъ, у котораго онъ ласковымъ письмомъ просилъ утвержденія, утвердилъ его въ санѣ.

Миръ съ пароянами.

Новый императоръ не искалъ своей славы, какъ Траянъ, въ расширеніи предѣловъ государства, а желалъ скорѣе возвратиться въ Римъ, который уже три года не видѣлъ императора; потому онъ хотѣлъ установить прочный миръ на Востокѣ. Въ областяхъ, завоеванныхъ Траяномъ, еще оставались непріятельскіе отряды и происходили мятежи; удержать за Римомъ эти области можно было только продолжительной войной. Потому Адріанъ предпочелъ примириться съ пароянами, сдѣлавъ имъ уступки. Онъ возвратилъ имъ Ассирію и Месопотамію, призналъ царемъ Хосроя, котораго Траянъ объявилъ низложеннымъ, а его противника Партамаспата вознаградилъ царствомъ въ сосѣдней области. Арменія такъ же получила особаго царя, обязаннаго только признавать покровительство Рима. Такимъ образомъ на востокѣ былъ возстановленъ прежній порядокъ, и границей имперіи снова сталъ Эвфратъ. Адріанъ старался возстановить дружескія отношенія и съ другими сосѣдями, дѣлая уступки ихъ желаніямъ. Эта политика, вѣроятно, была благоразумна, но она противорѣчила стариннымъ римскимъ правиламъ.

Характеръ Адріана и первое время его правленія.

Въ своемъ письмѣ къ сенату Адріанъ, прося его утвержденія въ императорскомъ санѣ, говорилъ, что основаніемъ своихъ правъ на власть онъ всегда будетъ признавать рѣшеніе сената; выставляя себя такимъ приверженцемъ законнаго порядка, Адріанъ хотѣлъ пріобрѣсти усердную поддержку сената на тотъ случай, если бы явились какіе нибудь другіе претенденты. Такую же хитрую разсчетливость онъ выказалъ и въ назначеніи преторіанскихъ префектовъ. Онъ сдѣлалъ префектами своего усерднѣйшаго приверженца Аттіана и одного изъ благороднѣйшихъ людей того времени Симилиса, пользовавшагося всеобщимъ уваженіемъ; онъ хотѣлъ, чтобы народъ считалъ Аттіана виноватымъ въ тѣхъ казняхъ и другихъ жестокостяхъ, какія онъ предположилъ сдѣлать, а благородные и добрые поступки Симилиса должны были казаться народу дѣлаемыми по распоряженію императора. Адріанъ не былъ чуждъ благородныхъ чувствъ и великодушія, но по раздражительности характера, по тщеславію, по обидчивости своего самолюбія, онъ легко вовлекался въ свирѣпые поступки и былъ очень мстителенъ. Въ началѣ и въ концѣ своего правленія онъ дѣлалъ такія жестокости, которыя напоминали времена Тиберія и Домиціана.

Его честолюбіе было ненасытно, говоритъ Кассій Діонъ, и побуждало его хвататься за все. Онъ дѣлалъ статуи, рисовалъ, писалъ книги на греческомъ и латинскомъ языкахъ, стихами и прозой, хотѣлъ быть мастеромъ во всѣхъ военныхъ и мирныхъ дѣлахъ, во всѣхъ занятіяхъ и царей и простыхъ гражданъ. Это тщеславіе было бы невинно, не будь онъ чрезвычайно завистливъ; онъ завидовалъ всякому выдающемуся таланту; многимъ его завистливость стоила отставки, другимъ даже жизни. Онъ хотѣлъ превосходить всѣхъ во всемъ и ненавидѣлъ людей, пользовавшихся знаменитостью. Онъ злился даже на знаменитыхъ людей давней старины. Такъ, напримѣръ, онъ старался уничтожить любовь къ Гомеру и хотѣлъ поставить на мѣсто Гомера Антимаха, о которомъ многіе не слыхивали до той поры.

Аттіанъ совѣтовалъ Адріану убить Бебія Макра, бывшаго городскимъ префектомъ Рима и двухъ другихъ вліятельныхъ людей, тоже опасныхъ, по словамъ Аттіана. На это Адріанъ не согласился, но по зависти тотчасъ же далъ отставку храброму полководцу Лузію Квіэту, котораго Траянъ въ награду за его заслуги въ дакійской и

пареянской войнахъ назначилъ начальникомъ войска въ Палестинѣ. Адріанъ сослалъ его на родину, въ Мавританію, и черезъ нѣсколько времени велѣлъ убить. Въ слѣдующемъ году Адріанъ возвратился въ
118. Римъ; сенатъ принялъ его со всевозможными почестями, далъ ему титулъ «отца отечества»; онъ принесъ въ жертву своей подозрительности и зависти еще трехъ знаменитыхъ людей, имѣвшихъ консульскій санъ и казавшихся ему опасными соперниками, Пальму, Цельса и Нигрина.

Всѣ трое они пользовались большимъ довѣріемъ Траяна. Корнелій Пальма сдѣлалъ удачный походъ въ петрейскую Аравію, въ которой не бывали римскія войска со времени Августа (стр. 271), и былъ назначенъ правителемъ Сиріи. Въ честь его и Публія Цельса, уже подвергавшагося гоненію при Домиціанѣ, Траянъ поставилъ статуи; это всего болѣе раздражило противъ нихъ Адріана. Домицій Нигринъ былъ при Траянѣ народнымъ трибуномъ, и по его совѣту императоръ издалъ много хорошихъ законовъ, такъ что онъ пользовался очень большимъ уваженіемъ и любовью сената и народа; многіе желали, чтобы Траянъ назначилъ его своимъ преемникомъ, и нѣкоторые даже надѣялись на это. Вымышленный заговоръ противъ жизни Адріана послужилъ предлогомъ получить отъ сената приговоры, осуждавшіе на смерть всѣхъ трехъ этихъ знаменитыхъ людей; они были убиты въ разныхъ мѣстахъ: Пальма въ Террацинѣ, Цельсъ въ Баіяхъ, Нигринъ въ Фавенціи. Судьбу ихъ раздѣлили многіе другіе честные и даровитые люди, въ томъ числѣ знаменитый архитекторъ Артемидоръ Дамасскій, котораго очень уважалъ Траянъ. Адріанъ не могъ простить ему того, что однажды, когда они разсуждали при Траянѣ о важномъ художественномъ проектѣ, Артемидоръ сказалъ ему: „оставь это, рисуй тыквы", а потомъ подвергъ строгому порицанію начерченный Адріаномъ планъ храма въ честь Ромы (богини, олицетворявшей собою городъ Римъ, Roma) и Венеры. Адріанъ сослалъ его, а потомъ велѣлъ въ ссылкѣ убить.

Заботы Адріана о популярности.

Общественное мнѣніе приписывало зависти Адріана къ Траяну то, что онъ уступилъ завоеванія, сдѣланныя на Востокѣ. Еще громче и справедливѣе объясняли враждою къ Траяну казнь этихъ уважаемыхъ людей пользовавшихся его расположеніемъ. Адріанъ нашелъ надобнымъ успокоить популярными распоряженіями недовольство, возбужденное въ Римѣ этими его мѣрами. Онъ занимался тогда подавленіемъ мятежей въ Дакіи и Панноніи; онъ призвалъ туда Марція Турбана, котораго передъ тѣмъ назначилъ правителемъ Мавританіи на мѣсто Лузія Квіэта; поручивъ ему начальство надъ войсками на Дунаѣ, онъ поспѣшилъ въ Римъ. Онъ хотѣлъ отказаться и отъ завоеванной Траяномъ Дакіи, думалъ сдѣлать по прежнему Дунай сѣверной границей государства; но, послушавшись возраженій своихъ друзей, отказался отъ этой мысли. По пріѣздѣ въ Римъ онъ примирилъ съ собою народъ щедрою раздачей хлѣба; успокоилъ умы увѣреніемъ, что убійства вельможъ произведены безъ его вѣдома; далъ сенату торжественную клятву, что не будетъ наказывать смертью

никого изъ сенаторовъ, иначе, какъ по суду и приговору самого сената; сложилъ съ подданныхъ всѣ недоимки въ уплатѣ податей фиску и эрарію за шестнадцать лѣтъ; сумма этихъ недоимокъ превышала—60,000,000 рублей. Чтобъ опровергнуть молву о его зависти къ памяти Траяна онъ велѣлъ сжечь реестры недоимокъ на форумѣ Траяна, такъ что облегченіе, сдѣланное народу, оказывалось распоряженіемъ въ славу памяти Траяна. До насъ дошли надписи и монеты, говорящія объ этомъ знаменитомъ дѣлѣ великодушія Адріана. Онъ далъ отставку отъ должности преторіанскаго префекта Аттіану, бывшему его агентомъ въ дѣлѣ казней, чтобы народъ считалъ виновнымъ въ нихъ только самого Аттіана.

Сужденіе Діона объ Адріанѣ.

Начало царствованія Адріана не могло возбуждать хорошихъ ожиданій; но онъ скоро сталъ заботиться о томъ, чтобы разсѣять это дурное впечатлѣніе хорошими распоряженіями. Онъ навлекалъ на себя много справедливыхъ порицаній своимъ тщеславіемъ и произволомъ, говоритъ Діонъ, но вознагражденіемъ за эти дурныя качества были его трудолюбіе, великодушіе и административный талантъ. Онъ никогда не начиналъ войны самъ и старался прекращать войны, начинавшіяся независимо отъ его воли. Онъ не отнималъ ни у кого имущества противузаконнымъ образомъ; напротивъ, самъ дѣлалъ большіе подарки сенаторамъ, всадникамъ, другимъ лицамъ; давалъ большія суммы цѣлымъ областямъ. Онъ строго смотрѣлъ за тѣмъ, чтобы воины занимались военными упражненіями, и не позволялъ имъ поступать дерзко; поддерживалъ въ войскахъ дисциплину. Онъ съ благородной щедростью оказывалъ пособія городамъ союзниковъ и провинцій и, заботясь объ ихъ пользѣ,сооружалъ водопроводы, гавани, общественныя зданія; дарилъ хлѣбъ жителямъ; дарилъ деньги городамъ; давалъ имъ привилегіи. Онъ расширилъ благотворительныя заведенія, устроенныя Траяномъ для воспитанія бѣдныхъ сиротъ. Во всѣхъ важныхъ дѣлахъ онъ совѣтовался съ сенатомъ и часто вмѣстѣ съ наилучшими сенаторами судилъ процессы, или во дворцѣ, или на форумѣ, или въ Пантеонѣ; часто онъ приходилъ въ трибуналы, предсѣдателями которыхъ были консулы, и занималъ мѣсто между судьями.

Любовь Адріана къ путешествіямъ.

Сенатъ при Адріанѣ получилъ такое вліяніе на дѣла, какого не имѣлъ даже при Траянѣ. Это было отчасти результатомъ желанія самого Адріана, а еще больше слѣдствіемъ того, что императоръ очень много времени проводилъ въ путешествіяхъ за границами Италіи. Ни одинъ изъ прежнихъ императоровъ не изучилъ всѣхъ частей государства такъ хорошо собственными наблюденіями, какъ онъ. Адріанъ любилъ путешествовать, былъ любознателенъ, хотѣлъ видѣть все своими глазами; потому велъ странническую жизнь, и большая часть его царствованія прошла въ путешествіяхъ. Отъ Британніи до Аравіи и Каппадокіи не было ни одной провинціи, которую бы не посѣтилъ онъ; повсюду онъ осматривалъ войска, вникалъ въ администрацію, изучалъ религіозныя и гражданскія учрежденія, памятники искусствъ, строилъ громадныя сооруженія, осыпалъ

города и провинціи благодѣяніями. Онъ путешествовалъ съ очень малочисленной свитой, большую часть дороги шелъ пѣшкомъ, съ не покрытой головой и въ холодъ и въ зной, подъ кельтской изморозью, подъ жгучимъ египетскимъ солнцемъ.

Діонъ говоритъ (LXIX, стр. 9): Адріанъ переходилъ изъ провинціи въ провинцію, осматривалъ округи, города, крѣпости, укрѣпленные станы; нѣкоторыя укрѣпленія велѣлъ уничтожить, другія передѣлывалъ, строилъ новыя; осматривалъ оружіе, машины, рвы, валы; вникалъ въ образъ жизни воиновъ и ихъ начальниковъ; если находилъ ихъ жилища устроенными слишкомъ роскошно, велѣлъ передѣлывать, уничтожая изнѣженность. Онъ заставлялъ воиновъ прилежно заниматься военными упражненіями, наблюдалъ за тѣмъ, чтобы всѣ исполняли свои обязанности, хвалилъ или порицалъ, смотря по заслугамъ, и самъ, показывая примѣръ воинамъ, велъ очень суровую жизнь. Нигдѣ за стѣнами Рима онъ не надѣвалъ на себя императорскаго облаченія. Онъ былъ человѣкъ крѣпкаго здоровья, мастеръ въ гимнастикѣ и военныхъ упражненіяхъ, превосходный охотникъ; говорятъ, что однажды онъ убилъ однимъ ударомъ большого кабана. Онъ требовалъ, чтобы воины его вели суровую жизнь какъ онъ. Батавская конница его была обучена такъ хорошо, что однажды отрядъ ея въ полномъ вооруженіи переплылъ Дунай.

Путешествія Адріана.

Новѣйшие историки очень усердно старались опредѣлить хронологію путешествій Адріана; но по недостатку и неточности извѣстій о нихъ многое остается спорнымъ. Достовѣрнымъ образомъ мы знаемъ лишь главныя черты этихъ путешествій.

Путешествіе по Западу 119—120.

Посѣтивъ города Кампаніи, давъ имъ подарки и другія милости, Адріанъ отправился въ Галлію, потомъ къ легіонамъ Верхней и Нижней Германіи. Кажется, что эти войска, во время продолжительнаго мира, привыкли къ роскоши и слишкомъ спокойному образу жизни. Императоръ старался возстановить въ нихъ старинную дисциплину и суровый образъ жизни. Онъ уничтожилъ въ ихъ станахъ столовые залы, большія, прохладныя бесѣдки, сады, самъ подавалъ имъ примѣръ простоты и отреченія отъ всѣхъ лишнихъ удобствъ. Біографъ Адріана, Спарціанъ, говоритъ, что онъ довольствовался пищей простыхъ воиновъ: саломъ, сыромъ и водою съ подмѣсью уксуса, ходилъ пѣшкомъ въ простой военной одеждѣ безъ золота и дорогихъ камней. Онъ пробудилъ въ легіонахъ воинственность, а наградами и заботой о хорошемъ продовольствіи войска пріобрѣлъ любовь и преданность военачальниковъ и воиновъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ онъ заботился объ устройствѣ пограничныхъ укрѣпленій и о благосостояніи колоній; въ особенности много сдѣлалъ онъ для колоніи Augusta Vindelicorum (нынѣшняго Аугсбурга); этотъ городъ былъ названъ по его имени Эліею. Изъ Германіи онъ отправился въ Британнію. Тамъ для защиты отъ хищныхъ каледонцевъ онъ построилъ Адріанову стѣну, которая шла отъ залива Сольве до устья Тейна;

это былъ валъ, имѣвшій въ длину 80 римскихъ миль, укрѣпленный стѣною и построенными на каждой милѣ фортами. Между Карлейлемъ и Ньюкестлемъ видны остатки «Пиктской стѣны», построенной Адріаномъ и впослѣдствіи укрѣпленной новыми фортами по распоряженію Септимія Севера. Адріанъ заботился не о расширеніи границъ государства; гораздо важнѣе казалось ему упрочить ихъ. Такъ дѣйствовалъ онъ и въ Британніи.

Пиктская стѣна.

Сѣверная часть Шотландіи, которую Агрикола оставилъ каледонцамъ, была тѣсна для нихъ; потому они дѣлали набѣги на сосѣднюю часть римской провинціи, прорываясь черезъ линію пограничныхъ укрѣпленій; это принуждало римлянъ держать много войска въ той суровой и бѣдной мѣстности. Адріанъ уступилъ пиктамъ и скотамъ всю землю отъ Фортскаго залива (Firth of Forth) до рѣки Тейна (до южной границы Нортомберлэнда) и провелъ для охраны этой границы валъ, называемый Пиктской стѣной. При Антонинѣ Піѣ Лоллій Урбикъ снова присоединилъ къ имперіи Южную Шотландію, возстановилъ границу, какая была при Агриколѣ, и поправилъ возведенную имъ линію укрѣпленій; но Септимій Северъ снова отказался отъ этого завоеванія и установилъ ту границу, какую провелъ Адріанъ.

Изъ Британніи Адріанъ воротился въ Галлію и провелъ потомъ зиму въ Испаніи. Тамъ онъ созвалъ въ Тарраконѣ съѣздъ депутатовъ отъ всѣхъ испанскихъ областей; предметомъ совѣщаній было, вѣроятно, установленіе общихъ правилъ для набора войска. 121.

Изъ Испаніи Адріанъ отправился, кажется, въ Африку. По крайней мѣрѣ мы знаемъ, что онъ подавилъ возстаніе въ Мавританіи; это должно было быть въ 123 году. Кажется, въ томъ же году Адріанъ былъ на Востокѣ и предотвратилъ войну съ пареянами. Если такъ, то надобно думать, что онъ проѣхалъ изъ Мавританіи на востокъ черезъ Египетъ и посѣтилъ малоазіатскіе города. Но, по пути изъ Мавританіи въ Египетъ, онъ, вѣроятно, заѣзжалъ на нѣсколько времени въ Римъ. 123.

Первое путешествіе въ Грецію. Поѣздка въ Аѳины.

Достовѣрно то, что въ 123—125 годахъ Адріанъ посѣтилъ малоазіатскіе города, между прочимъ Никомидію, Никею, Кизикъ, сдѣлалъ въ нихъ много построекъ, оттуда черезъ Архипелагъ проѣхалъ въ Грецію и довольно долго прожилъ въ Аѳинахъ. Спарціанъ говоритъ, что онъ былъ посвященъ въ элевзинскія таинства, оказалъ много милостей аѳинянамъ и предсѣдательствовалъ въ греческомъ платьѣ на играхъ Діонисіевскаго праздника. Изъ Аѳинъ проѣхалъ онъ въ Сицилію, подымался на вершину Этны, чтобы посмотрѣть, дѣйствительно ли съ этой горы виденъ тотъ феноменъ, что солнце восходитъ окруженное радугой. Оттуда онъ вернулся въ Римъ и въ слѣдующіе два или три года лишь не надолго ѣздилъ въ Африку, а все остальное время провелъ въ столицѣ, вводя въ Римѣ греческіе религіозные обряды и ученыя учрежденія, очень понравившіеся ему въ Аѳинахъ. Близъ тріумфальныхъ воротъ Тита онъ въ эти годы

построилъ великолѣпный храмъ Венеры и Ромы (богини города Рима). Развалины этого храма еще остаются и теперь.

Вторая поѣздка въ Аѳины 129. Путешествіе по Азіи.

Второе большое путешествіе Адріана было направлено на Востокъ. Онъ довольно долго прожилъ въ Аѳинахъ и построилъ тамъ много зданій, изъ которыхъ особенно замѣчателенъ былъ храмъ Зевса Олимпійскаго. Это было, вѣроятно, въ 129 году. Изъ Аѳинъ проѣхалъ онъ въ Азію; старался упрочить тамъ миръ; вошелъ въ дружескія сношенія съ князьями кавказскихъ племенъ и земель къ сѣверу отъ Кавказа; дѣлалъ имъ подарки, оказывалъ любезности, чтобы они держали себя миролюбиво; возвратилъ парѳянскому царю Хосрою дочь, взятую въ плѣнъ Траяномъ; строго разбиралъ дѣйствія областныхъ правителей; выразилъ свою немилость городу Антіохіи, гордившемуся своимъ богатствомъ и роскошью: (антіохійцы навлекли на себя его гнѣвъ своими порицаніями ему, склонностью къ мятежамъ и тѣмъ, что ихъ примѣръ дурно дѣйствовалъ на сирійскіе легіоны). Изъ Малой Азіи онъ отправился черезъ Сирію и Палестину въ Египетъ; по обыкновенію онъ почти всю дорогу шелъ пѣшкомъ. Монеты съ хвастливыми надписями говорятъ, что онъ прошелъ и по Аравіи, называютъ его «возстановителемъ Аравіи»; но мы знаемъ, что подъ этимъ именемъ надобно понимать только петрейскую Аравію, полосу земли на востокъ отъ Палестины.

Адріанъ въ Египтѣ

Въ Египтѣ Адріанъ построилъ великолѣпный памятникъ Помпею близъ Пелузія, на мѣстѣ прежней развалившейся гробницы, и основалъ новый городъ, названный Антинoополемъ въ память Антиноя, его любимца, утонувшаго въ Нилѣ. Говорятъ, что этотъ виѳинскій юноша, котораго чрезвычайно любилъ Адріанъ, бросился въ Нилъ, принося себя въ жертву для спасенія жизни императора. Сохранились монеты, выбитыя въ воспоминаніе о посѣщеніи Александріи Адріаномъ, а въ надписи на пьедесталѣ статуи Мемнона говорится, что императрица Сабина видѣла эту звучащую статую 24 числа мѣсяца атира, соотвѣтствующаго нашему ноябрю.

Въ письмѣ, написанномъ послѣ этого путешествія, Адріанъ говоритъ объ александрійцахъ, что они люди очень трудолюбивые, что издѣлія ихъ очень хороши, но что они легкомысленны, любятъ злорѣчіе, суевѣрны, и что за возстановленіе и увеличеніе ихъ правъ они заплатили императору злословіемъ объ Антиноѣ и Верѣ. Подобно антіохійцамъ, александрійцы дѣйствительно любили насмѣшливыя остроты, и колкое остроуміе ихъ не щадило ни Адріана, ни его приближенныхъ.

B. Вторая іудейская война и смерть Адріана.

Изъ Египта Адріанъ черезъ Сирію возвратился въ Римъ и скоро получилъ тамъ извѣстіе, что основаніе римской колоніи въ Іерусалимѣ и построеніе храма Юпитера на священной горѣ Моріи вызвало іудеевъ къ возстанію. Свирѣпое подавленіе іудейскаго возстанія Веспасіаномъ и Титомъ, разрушеніе Іерусалима и храма породило въ іудеяхъ непримиримую ненависть къ римлянамъ. Угнетеніе, въ какомъ послѣ того постоянно держали іудеевъ побѣдители, увеличивало вражду Израиля къ Риму, происходившую отъ противуположности ихъ національнаго характера и ихъ религіи римскимъ учрежденіямъ. У императоровъ династіи Флавіевъ ненависть къ іудеямъ была фамильнымъ чувствомъ. Оно было и у благороднаго Тита, какъ у строгаго Веспасіана, такъ и у свирѣпаго Домиціана. Угнетаемые покорялись необходимости съ затаеннымъ ожесточеніемъ, жадно ожидая возможности отмстить своимъ притѣснителямъ. По прекращеніи рода Флавіевъ притѣсненіе смягчилось. Подать, платимая іудеями храму Юпитера Капитолійскаго, тяжелая для религіознаго чувства ихъ, была отмѣнена; было отмѣнено и запрещеніе возвратившимся изъ бѣгства іудеямъ селиться въ опустошенной обѣтованной землѣ. Но въ послѣдніе годы царствованія Траяна произошла перемѣна, не благопріятная іудеямъ. Онъ во время войны съ парѳянами убѣдился, что іудеи сочувствуютъ и готовы помогать всѣмъ врагамъ Рима, считаютъ своей національной и религіозной обязанностью ненависть къ римской имперіи. Это была та же племенная антипатія между италійцами и семитами, какая проявлялась въ войнахъ Карѳагена съ Римомъ. Траянъ хотѣлъ искоренить причину ненависти, національную разницу іудеевъ отъ остального населенія римской имперіи; хотѣлъ сдѣлать ихъ подобными другимъ народамъ, подвластнымъ Риму; уничтожить тѣ обычаи, какими отличались они отъ язычниковъ. Онъ запретилъ обрѣзаніе, бывшее символомъ принадлежности къ избранному народу божію. Этимъ запрещеніемъ онъ вступилъ на тотъ путь, какимъ шли Селевкиды. Іудейскій народъ, разсѣянный по разнымъ землямъ, не имѣлъ теперь силы вести борьбу побѣдоносно, какъ велъ ее при Маккавеяхъ; но изувѣченное тѣло еще было способно къ военнымъ движеніямъ.

Возстанія при Траянѣ. 115—117.

Мятежи скоро возникли въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ іудеи были особенно многочисленны: въ Киренѣ, въ Верхнемъ и Нижнемъ Египтѣ, на Кипрѣ. Они были усмирены полководцами Траяна Лузіемъ Квіэтомъ и Марціемъ Турбономъ съ тою безпощадною свирѣпостью, какая владычествуетъ во всѣхъ войнахъ, въ которыхъ племенное ожесточеніе соединяется съ религіозной ненавистью. На Кипрѣ, гдѣ іудеи разрушили Саламинъ и съ неумолимой яростью истребили населеніе этого города, римляне отомстили упорнымъ мятежникамъ съ такою же неумолимостью: всѣ іудеи были истреблены, и было запрещено іудеямъ изъ другихъ мѣстъ переселяться на Кипръ.—Не менѣе ужасна была война, вспыхнувшая вскорѣ послѣ того въ самой Іудеѣ. Римляне рѣшили возстановить разрушенный Іерусалимъ, но не въ томъ смыслѣ, въ какомъ желали іудеи, а съ тѣмъ же намѣреніемъ, по какому было запрещено обрѣзаніе. Они хотѣли основать на мѣстѣ священнаго іудейскаго города римскій языческій городъ, и на той горѣ, гдѣ стоялъ храмъ Іеговы, построить храмъ Юпитера Капитолійскаго.

Это оскверненіе священнаго мѣста, съ которымъ были соединены всѣ преданія іудеевъ о прошломъ величіи народа израильскаго, возбудило ихъ къ новой и уже послѣдней отчаянной борьбѣ.

Возстаніе Баркохбы. 132—135.

Между іудеями повсюду шло волненіе. Это не отклонило Адріана отъ намѣренія исполнить мысль Траяна. Онъ велѣлъ основать на мѣстѣ разрушеннаго Іерусалима колонію Элію Капитолину (Капитолійскую), которая должна была на-вѣки уничтожить надежды іудеевъ. Но между іудеями уже формировалась партія, рѣшившаяся, подобно прежнимъ зелотамъ, поднять войну для отвращенія поруганія, которому римляне хотѣли подвергнуть святое мѣсто. Вождемъ возстанія явился фанатикъ, имя котораго было Симонъ. Онъ назвалъ себя «сыномъ звѣзды», Баркохба, примѣняя къ себѣ пророчество Валаама: «Восходитъ звѣзда отъ Іакова и возстаетъ жезлъ отъ Израиля, и разитъ князей Моава и сокрушаетъ всѣхъ сыновъ Сиѳовыхъ» (книга числъ, XXIV, 17). Подъ его предводительствомъ іудеи взялись за спрятанное у нихъ оружіе и начали священную войну противъ Рима. Баркохба съумѣлъ воодушевить ихъ, возбудивъ въ нихъ вѣру, что онъ мессія, «Князь Израиля». Онъ сталъ чеканить монету, на одной сторонѣ которой было его имя, а на другой были слова «свобода Іерусалима». Много помогло его предпріятію то, что рабби Акиба, величайшій знатокъ закона Моисеева въ ту эпоху, поддерживалъ его, призналъ его мессіею. Напрасно благоразумные люди отклоняли своихъ соплеменниковъ отъ увлеченія фантазеромъ, съ одинаковой жестокостью истреблявшимъ христіанъ и язычниковъ; они передѣлали имя Баркохба, которое онъ далъ себѣ, въ Баркозиба, «сынъ лжи»; но онъ увлекъ за собою народъ, видѣвшій въ немъ чудотворца, умѣлъ внушить массѣ іудеевъ суевѣрную надежду на него. По всей имперіи волновались іудеи; при первомъ успѣхѣ инсургентовъ могло подняться возстаніе въ очень многихъ областяхъ. Потому Адріанъ послалъ въ Палестину лучшаго своего полководца, Юлія Севера, бывшаго тогда правителемъ Британніи, и далъ ему многочисленное войско. Но, какъ и при Титѣ, фанатизмъ одушевилъ угнетенный народъ такимъ энтузіазмомъ, что сила отчаяннаго сопротивленія была очень велика. Три года римскіе легіоны двигались по Палестинѣ, истребляя народъ, опустошая страну. Іудеи бились съ мужествомъ отчаянія, не жалѣя жизни для пріобрѣтенія своему народу независимости и религіозной свободы. Межъ тѣмъ какъ воины ихъ шли въ бой, старики на горахъ, видныхъ издалека, молили Господа Силъ о помощи имъ, и видъ молящихся оживлялъ надежды воиновъ на побѣду. Но, разумѣется, іудейскій народъ, сравнительно малочисленный, не могъ устоять противъ хорошо обученныхъ легіоновъ могущественной имперіи. Города Іудеи, Самаріи, Галилеи были взяты; селенія истреблены, нивы опустошены. Римляне окружали ущелья и подземныя убѣжища, въ

которыхъ скрывались уцѣлѣвшіе инсургенты, и они или умирали отъ голода, или шли въ бой и были истреблены. Баркохба съ усерднѣйшими своими приверженцами заперся въ Бетерѣ, крѣпости, находившейся, вѣроятно, между Кесаріей и Самаріей. Этотъ послѣдній оплотъ возстанія держался долго. Наконецъ, приверженцы Баркохбы поняли, что онъ обманулъ ихъ, и убили его. По взятіи Бетера война кончилась. Сколько было погибшихъ въ ней нельзя опредѣлить съ точностью. По римскимъ извѣстіямъ, число однихъ убитыхъ легіонами простиралось до 580,000. Вѣроятно, велики были и потери побѣдителей, но о нихъ мы не знаемъ. Плѣнные іудеи продавались за ничтожную цѣну на рынкахъ Теребинта (близъ Хеврона) и Газы. Адріанъ не захотѣлъ торжествовать тріумфа надъ презрѣнными „рабами". Народъ божій подвергся угнетенію, болѣе тяжелому, чѣмъ до войны. Торжество освященія Эліи Капитолины было совершено самимъ императоромъ. Селиться въ этомъ городѣ, даже близко подходить къ нему было запрещено іудеямъ подъ страхомъ смертной казни. На южныхъ воротахъ новаго города было поставлено, въ насмѣшку надъ ними, изображеніе свиньи. На мѣстѣ храма Адріанъ поставилъ двѣ статуи, изображавшія самого его. Рабби Акиба былъ казненъ. Преданія іудейскаго народа прославляютъ его, какъ вѣрнаго служителя Іеговы, какъ мученика. Мишна (собраніе преданій объ ученіи знаменитыхъ истолкователей закона, составленное около 220 года, пополненное въ IV вѣкѣ комментаріемъ Гемарой и ставшее вмѣстѣ съ нею уставомъ вѣры, Талмудомъ) называетъ Акибу славою закона. Многіе другіе раввины, принимавшіе участіе въ возстаніи, тоже умерли мученической смертью; рабби Яшбабъ былъ убитъ молящійся, и тѣло его было брошено на пожраніе собакамъ и птицамъ; Ананія былъ сожженъ вмѣстѣ съ книгою Закона. Всякое священническое богослуженіе было строго воспрещено. Іудейское населеніе исчезло въ Палестинѣ. Уцѣлѣвшіе іудеи покинули опустошенную страну, скрылись въ далекихъ областяхъ отъ преслѣдованія, грозившаго истребленіемъ народу божію. У него не осталось своей страны; онъ сохранилъ свое существованіе только въ разсѣяніи между другими народами. Іудеи жили среди ихъ, не смѣшиваясь съ ними, оставаясь вѣрны своей вѣрѣ и своимъ обычаямъ. — Гора Сіонъ, находясь за стѣнами новой колоніи, была обращена въ нивы и огороды. — Впослѣдствіи іудеямъ было разрѣшено приходить въ Іерусалимъ на одинъ день въ году, 10 августа, день разрушенія храма Титомъ; взявъ пошлину, пускали ихъ въ этотъ день плакать на священномъ мѣстѣ; они приходили въ траурной одеждѣ и плакали о погибшемъ величіи своего народа, о паденіи надеждъ своихъ. Юпитеръ Капитолійскій былъ покровителемъ новой колоніи. Но въ ней, вмѣстѣ съ язычниками, поселилось и много христіанъ. Они называли ее прежнимъ именемъ Іерусалима.

Уничтоженіе іудейскаго населенія въ Палестинѣ.

Дѣйствія Арріана на Черномъ морѣ. 134.

Во время этой ужасной войны Адріанъ жилъ отчасти въ Римѣ, отчасти въ Аѳинахъ, откуда ему было удобнѣе слѣдить за тѣмъ, что происходило на Востокѣ. Сѣверной границѣ римскихъ владѣній въ Азіи угрожала опасность нападенія алановъ, воинственнаго пастушескаго скиѳскаго народа, жившаго на Кирѣ (Курѣ) между Кавказомъ и Каспійскимъ моремъ. Искусными дѣйствіями правителя Каппадокіи, Флавія Арріана, и подарками Адріана аланскому царю, эта война была прекращена въ самомъ началѣ своемъ. Арріанъ, знаменитый философъ, полководецъ, государственный человѣкъ и писатель, пользовавшійся большимъ довѣріемъ Адріана и сдѣланный правителемъ Каппадокіи, собственно потому, что положеніе этой области было опасно, составилъ, по поводу войны съ аланами, «Описаніе береговъ» («Периплъ») Чернаго моря.

„Периплъ" Арріана—главный источникъ нашихъ свѣдѣній о восточной части береговъ Чернаго моря; онъ написанъ въ формѣ донесенія императору объ экспедиціи, плывшей вдоль этихъ береговъ. Съ особенной подробностью Арріанъ описываетъ народы, земли и города отъ Трапезунта до Босфора Киммерійскаго, Колхиду и рѣку Фазисъ, о которыхъ такъ много разсказывали греческіе миѳы, богатый городъ Діоскурію, одинъ изъ главныхъ рынковъ торговли невольниками, Пантикапею (Керчь) на Таврическомъ полуостровѣ (въ Крыму), городъ знаменитый смертью Митридата (III, 776), островъ Левку, лежащій передъ устьемъ Дуная и стоявшій на этомъ островѣ храмъ Ахиллеса, которому приносили жертвы и дѣлали подарки мореплаватели.

Подозрительность и жестокость Адріана.

Два послѣдніе года Адріанъ провелъ въ Римѣ или въ сосѣднемъ съ Римомъ Тибурѣ, занимаясь громадными постройками, свидѣтельствующими о его любви къ искусству и дѣятельности. Труды обширныхъ путешествій разстроили его здоровье, и, не имѣя дѣтей, онъ долженъ былъ озаботиться назначеніемъ преемника себѣ. Мысли объ этомъ выборѣ и болѣзненность раздражали его нервы до того, что въ немъ развилась страшная жестокость. Онъ смертоносной подозрительностью преслѣдовалъ всѣхъ, въ комъ предполагалъ надежды получить послѣ него престолъ.

Отъ его подозрительности погибли его близкій родственникъ Сервіанъ, девяностолѣтній старикъ, котораго прежде самъ онъ хотѣлъ назначить своимъ преемникомъ, и племянникъ или внукъ Сервіана, Фускъ, осьмнадцатилѣтній юноша. Ихъ преступленіе состояло въ томъ, что они надѣялись, что онъ сдѣлаетъ ихъ своими наслѣдниками, и не скрыли своего негодованія, когда онъ при новомъ припадкѣ болѣзни усыновилъ и объявилъ цезаремъ Луція Цейонія Коммода (получившаго по усыновленіи имя Луція Элія Вера). Смерть императрицы Сабины, умершей въ это время, была приписываема отравленію. Она и Адріанъ всегда ненавидѣли другъ друга, и молва говорила, что Сабина однажды сказала, что употребляла искусственныя средства, чтобы не родить Адріану сына, который, подобно отцу, былъ бы губителемъ людей.

Усыновленіе и смерть Элія Вера.

Новый цезарь Элій Веръ, зять Нигрина, убитаго Адріаномъ, былъ знатенъ, уменъ и привѣтливъ, былъ красавецъ, но развратникъ. Въ молодости онъ, подобно Антиною, былъ соучастникомъ грязнаго распутства Адріана, потомъ велъ очень сладострастную жизнь. Говорятъ, что онъ изобрѣлъ для себя особенную постель съ четырьмя перинами и сѣтчатымъ пологомъ, и что когда онъ, натертый персидскимъ ароматнымъ масломъ, ложился на нее съ любовницами, то она покрывалась простынею, сплетенною изъ розъ и лилій. Своихъ скороходовъ онъ называлъ именами боговъ вѣтра и наряжалъ въ костюмъ съ крыльями. Его любовница, отпущенница Пантея, гречанка изъ города Смирны, превосходила, по словамъ Лукіана, саму Аспазію красотой, умомъ и образованностью. Въ то время, какъ Веръ былъ усыновленъ, онъ уже такъ изнурилъ свое здоровье, что былъ близокъ къ смерти. Послѣ торжества усыновленія, отпразднованнаго играми, всяческими развлеченіями для народа и раздачею подарковъ войску, онъ, назначенный во второй разъ консуломъ, поѣхалъ въ Паннонію управлять этой провинціей, но по разстройству здоровья скоро вернулся въ Римъ и умеръ тамъ 1 января 138 года. Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ императоръ усыновилъ Тита Аврелія Фульва Антонина и назначилъ его своимъ наслѣдникомъ подъ условіемъ, чтобъ онъ усыновилъ Луція Вера и Марка Аврелія (Луцій Веръ былъ сынъ умершаго цезаря). Адріанъ страдалъ неисцѣлимо, ни лекарства, ни чародѣйскія средства не могли смягчить его мученій, которыя были такъ велики, что жизнь казалась ему нестерпима, и нѣсколько разъ онъ хотѣлъ убить себя. Вскорѣ по усыновленіи Антонина, онъ велѣлъ перевезти себя въ Баіи и умеръ тамъ 10 іюля. Сенатъ не хотѣлъ причислить умершаго императора къ богамъ (дать ему консекрацію), какъ это обыкновенно дѣлалось; но Антонинъ потребовалъ этого и тѣмъ пріобрѣлъ себѣ названіе Pius («почтительный къ отцу»). Тѣло Адріана было предано сожженію въ Путеолахъ, тамъ былъ погребенъ и прахъ его; Антонинъ построилъ въ городѣ храмъ божественному Адріану, назначилъ жрецовъ для служенія ему и установилъ каждые четыре года совершать тамъ въ память его торжество съ играми.

Смерть Адріана 138.

C. Характеръ Адріана; его любовь къ искусству.

Иностранная политика Адріана.

Адріанъ взялъ образцомъ себѣ Августа. Онъ отказался отъ азіатскихъ завоеваній Траяна и хотѣлъ, чтобы государство ограничилось тѣми предѣлами, какія имѣло при Августѣ, которому онъ подражалъ и во внутренней политикѣ, и въ дѣлѣ покровительства искусствамъ и литературѣ. Онъ хотѣлъ отказаться и отъ Дакіи, какъ отказался отъ азіатскихъ завоеваній Траяна, но сдѣлать этого было нельзя потому, что тамъ было поселено много римлянъ и италійцевъ: не-

возможно было отдать ихъ въ жертву варварамъ. Но въ Британніи и на Эвфратѣ онъ отказался отъ земель, владѣніе которыми вело къ непрерывнымъ войнамъ; онъ давалъ подарки царямъ и старшинамъ земель, сосѣднихъ съ сѣверной границею имперіи, оказывалъ имъ любезности, чтобы удерживать ихъ отъ нападеній. Онъ считалъ себя въ правѣ выказывать миролюбіе потому, что заботился о войскѣ и оно всегда было готово отражать враговъ; онъ поддерживалъ въ легіонахъ дисциплину, не дозволялъ воинамъ предаваться изнѣженности, заботился объ укрѣпленіи границъ государства; а безпощадное подавленіе возстанія іудеевъ показываетъ, съ какою строгостью усмирялъ онъ мятежи. Подобно Августу, онъ заботился объ усиленіи монархической власти. По наружности онъ предоставлялъ сенату большое вліяніе на дѣла и постоянно выказывалъ ему уваженіе, но на дѣлѣ не допускалъ никакого ограниченія своего полновластія; сенатъ былъ у него только органомъ, провозглашавшимъ волю императора. Онъ выбралъ нѣсколькихъ людей, бывшихъ консулами, и другихъ сенаторовъ и составилъ изъ нихъ „совѣтъ“ или „консисторій государя“ (Consilium или Consistorium Principis) и отдавалъ на разсмотрѣніе этому совѣту всѣ важныя административныя и судебныя дѣла; это было удобнымъ средствомъ больше прежняго сосредоточить все управленіе государствомъ въ рукахъ императора, и въ сущности всѣ важныя дѣла были рѣшаемы самимъ Адріаномъ при содѣйствіи этого совѣта, сенатъ лишился всякаго вліянія на ходъ ихъ.

Сенатъ и совѣтъ государя.

Правда, по формѣ всѣ члены совѣта государя оставались подъ контролемъ сената, изъ членовъ котораго были они избраны. Но они занимали такое положеніе, что когда дѣла переходили на разсмотрѣніе сената, онъ принималъ рѣшенія, уже данныя этимъ дѣламъ ими. Засѣданія совѣта происходили подъ предсѣдательствомъ императора или, въ его отсутствіе, подъ предсѣдательствомъ префектовъ преторія; эти префекты, имѣвшіе первоначально только военныя обязанности, постепенно сдѣлались гражданскими правителями; имъ былъ данъ санъ сенаторовъ. Адріанъ назначалъ членами своего совѣта людей даровитыхъ и хорошо знавшихъ государственныя дѣла; этому примѣру слѣдовали и тѣ изъ позднѣйшихъ императоровъ, которые были благоразумны. При Адріанѣ къ числу членовъ совѣта принадлежали знаменитые юристы Юлій Цельсъ, Сальвій Юліанъ, Нерацій Прискъ. Учрежденіе совѣта было началомъ, изъ котораго развилось то, что нынѣ называется министерствомъ; предсѣдателями этого министерства были префекты преторія; подобно власти императоровъ, съ учрежденіемъ совѣта возросла власть и этихъ сановниковъ. Учредивъ совѣтъ, изъ котораго постепенно сформировалось министерство, Адріанъ положилъ первыя основанія и всей вообще бюрократической іерархіи, которая, постепенно развиваясь, сдѣлалась чрезвычайно многосложной и получила свое окончательное устройство при Константинѣ.

Формы законодательства.

Адріанъ очень усердно занимался судопроизводствомъ; съ его царствованія начинается и въ судебномъ устройствѣ, какъ въ администра-

ціи, новая эпоха. Высшими судьями въ Италіи онъ назначилъ четырехъ человѣкъ консульскаго сана; къ нимъ перешли судебныя обязанности преторовъ, юридическая дѣятельность которыхъ прекратилась. Адріанъ и въ Римѣ и въ провинціяхъ самъ судилъ дѣла; онъ садился или на открытомъ мѣстѣ, или въ общественномъ зданіи, куда былъ допускаемъ народъ. Многія изъ его постановленій свидѣтельствуютъ о его юридическомъ талантѣ и его гуманности; таковы, напримѣръ, законы о политическихъ преступленіяхъ и о правахъ господъ надъ рабами. Съ его царствованія личныя рѣшенія императора по юридическимъ вопросамъ, такъ называемыя императорскія конституціи, получаютъ формальнымъ образомъ силу законовъ. Онѣ и разъясненія законовъ юристами становятся главнымъ источникомъ права, а эдикты курульныхъ сановниковъ (jus honorarium), бывшіе главнымъ источникомъ права въ прежнія времена, были собраны и приведены въ порядокъ Сальвіемъ Юліаномъ. Этотъ сводъ эдиктовъ, названный „постояннымъ эдиктомъ“, edictum perpetuum, былъ объявленъ государственнымъ кодексомъ, къ которому ни какіе судебные сановники не могутъ дѣлать никакихъ прибавленій. Послѣ того вся законодательная власть сосредоточилась въ рукахъ императора. Пополненія къ прежнимъ законамъ дѣлались посредствомъ императорскихъ рескриптовъ, которымъ было присвоено значеніе „автентичныхъ истолкованій“; такимъ образомъ, всѣ трибуналы были совершенно подчинены законодательной власти императора, и если предсѣдатели главныхъ трибуналовъ еще продолжали издавать эдикты, то ихъ эдикты сдѣлались маловажными и постепенно утратили законодательную силу. Очень дѣятельно заботился Адріанъ и о благосостояніи провинцій. Онъ внимательно наблюдалъ за областными правителями, старался ввести во всѣхъ частяхъ государства одинаковость налоговъ, одинаковое судопроизводство, вообще уравнять положеніе всѣхъ частей имперіи. Посѣщая провинцію, онъ обыкновенно оказывалъ ей щедрыя милости: строилъ водопроводы, гавани, бани, площади, или облегчалъ положеніе бѣдствующихъ округовъ, городовъ раздачей хлѣба, денегъ, освобожденіемъ отъ налоговъ, давалъ новыя права населенію.

Заботливость Адріана о провинціяхъ. Его страсть къ постройкамъ.

Въ своихъ путешествіяхъ онъ очень заботился о проложеніи дорогъ, строилъ множество зданій, возстановлялъ опустѣвшіе города, разрушившіеся памятники. Аврелій Викторъ говоритъ, что его сопровождало огромное число плотниковъ, каменщиковъ, другихъ мастеровыхъ, раздѣленныхъ, какъ войско, на центуріи и когорты. Средства для громадныхъ издержекъ на постройки давала Адріану бережливость въ другихъ расходахъ; онъ превосходно велъ государственное хозяйство и зналъ его такъ хорошо, какъ заботливый домовладѣлецъ свое частное хозяйство. Въ Греціи Павзаній повсюду находилъ памятники щедрости Адріана. Мавританія, Ливія, Сицилія, Македонія, Ахаія, Виѳинія называютъ его на своихъ монетахъ

„возстановителемъ“. Онъ строитъ даже цѣлые города; или для возстановленія прошлой славы ихъ, какъ напримѣръ, Іерусалимъ, переименованный въ Элію Капитолійскую (Aelia Capitolina); или потому, что они были разрушены землетрясеніемъ, какъ напримѣръ Никея и Никомедія; или просто въ славу своего имени, какъ напримѣръ Ѳракійскій городъ, который до сихъ поръ сохраняетъ названіе Адріанополя. Отъ Киренейской Африки до Виѳиніи, Македоніи, Понта были города, основанные имъ и называвшіеся его именемъ; и почти въ каждомъ городѣ, каждой провинціи было что нибудь, построенное имъ. Антиноополь, основанный имъ въ Египтѣ, равнялся великолѣпіемъ своихъ сооруженій съ прекраснѣйшими городами Птолемеевъ. Громадныя развалины въ Нимѣ—вѣроятно, остатки храма, построеннаго Адріаномъ въ честь Плотины и построенной также имъ базилики (судебнаго зала). Но особенно много зданій и памятниковъ возвелъ онъ въ греческихъ городахъ Европы и Малой Азіи. Храмъ, построенный имъ въ Кизикѣ, считался однимъ изъ семи чудесъ свѣта. Въ своемъ любимомъ городѣ Аѳинахъ онъ достроилъ знаменитый храмъ Зевса Олимпійскаго (II, 17), начатый за 600 лѣтъ до него Пизистратомъ и остававшійся недоконченнымъ, хотя много разъ цѣлыя поколѣнія трудились надъ этой громадною работой. Онъ построилъ въ Аѳинахъ Панелленій, предназначенный быть центромъ новаго общаго для всѣхъ грековъ праздника, который долженъ былъ называться панелленійскимъ, построилъ множество другихъ храмовъ и разныхъ общественныхъ зданій, особенно въ юговосточной части Аѳинъ, которая была названа городомъ Адріана; ее отдѣляли отъ стараго города великолѣпныя ворота съ высокой аркой, украшенныя колоннами и пилястрами коринѳскаго стиля. Въ Коринѳѣ Адріанъ построилъ бани, въ Мегарѣ мраморный храмъ Аполлона, въ Мантинеѣ храмъ Антиноя, въ которомъ была поставлена статуя этого любимца императора. Адріанъ соединилъ Пелопоннесъ съ материкомъ Греціи великолѣпной коринѳскою дорогой, проложенной черезъ Истмъ. Примѣръ императора возбуждалъ соревнованіе. Такъ, напримѣръ, отецъ Ирода Аттическаго построилъ въ Троадѣ водопроводъ, на который, кромѣ значительной суммы, данной императоромъ, употребилъ около милліона рублей изъ своихъ средствъ.

Любовь Адріана къ искусствамъ.

Адріанъ строилъ сооруженія отчасти по заботливости о пользѣ провинцій, но еще больше изъ тщеславія: онъ хотѣлъ прославить себя и увлекался любовью къ искусствамъ. Онъ самъ былъ художникъ, и вообще по обширности знаній и по художественнывъ талантамъ занималъ выдающееся мѣсто между своими современниками. Его покровительство наукамъ, литературѣ, искусствамъ создало новую эпоху ихъ процвѣтанія.

Въ „Извлеченіи“ Аврелія Виктора говорится, что за пристрастіе ко всему греческому, римляне называли Адріана грекомъ, въ насмѣшливой формѣ этого слова, graeculus. Онъ очень хорошо зналъ греческую литературу; совершенно усвоилъ себѣ вкусъ и обычаи аѳинянъ; говорилъ по гречески, какъ аѳинянинъ; умѣлъ пѣть, играть на китарѣ; зналъ медицину; былъ живописецъ, скульпторъ. Вообще онъ былъ человѣкъ очень даровитый, такъ что мало было людей, превосходившихъ его умомъ и талантами. Онъ былъ одаренъ чрезвычайно сильной памятью, быстротою соображенія и такою живостью ума, что могъ въ одну минуту переходить отъ занятія однимъ предметомъ къ другому, совершенно различному.

Тибуртинская вилла Адріана.

Свою любовь къ искусствамъ и богатство своихъ знаній Адріанъ выказалъ съ наибольшимъ блескомъ въ построеніи знаменитой своей Тибуртинской виллы (Тибуртина или вилла Адріана), близъ стариннаго города эквовъ Тибура (нынѣшняго Тиволи), въ мѣстности очаровательныхъ водопадовъ. „Въ Тибуртинской виллѣ“, говоритъ Спарціанъ, „были воспроизведены знаменитѣйшія зданія и мѣстности, напримѣръ, Лицей, Академія, Пританей, часть египетскаго города Канопа съ храмомъ Сераписа, аѳинская Расписная Стоя (Stoa Poikile); было воспроизведено даже царство умершихъ“. Эта великолѣпная вилла еще и теперь, послѣ всѣхъ опустошеній, какимъ подвергалась въ теченіе столькихъ столѣтій, производитъ своими развалинами очаровательное впечатлѣніе. Эти группы храмовъ, театровъ, бань, великолѣпныхъ заловъ и колоннадъ, казематовъ для тѣлохранителей императора были раскинуты среди роскошнаго сада, окружность котораго составляла десять римскихъ миль (около 15 верстъ). Адріанъ хотѣлъ тутъ какъ будто возсоздать впечатлѣнія своихъ путешествій, чтобы продолжать наслаждаться въ утомленіи болѣзненной старости тѣми зрѣлищами, какими любовался, когда могъ видѣть ихъ на мѣстѣ. Мозаиковые полы, арабески стѣнъ, обломки плафоновъ, мозаиковые столы, безчисленныя драгоцѣнности, найденныя подъ развалинами зданій виллы показываютъ, что внутренняя отдѣлка ихъ была великолѣпна. Но и самыя зданія и многочисленныя статуи, въ нихъ открытыя, замѣчательны лишь техническимъ совершенствомъ работы; геніальной силы творчества въ нихъ нѣтъ. Статуи Антиноя лучше всѣхъ другихъ. Вилла была особенно богата египетскими памятниками изъ чернаго и цвѣтного мрамора; но старинныя египетскія формы перепутаны въ нихъ съ греческими такъ, что они не представляютъ вѣрнаго воспроизведенія египетской старины, онѣ лишь фантастическія созданія моднаго вкуса, въ сущности довольно плохого.

Статуи Антиноя.

«Статуи Антиноя, говоритъ Грегоровіусъ, лучшія произведенія скульптуры періода римской имперіи, онѣ почти единственныя произведенія, въ которыхъ проявляется самостоятельное творчество тогдашней пластики, уже очень бѣдной идеями и формами. Фигура Антиноя была такъ прекрасна, что идеализировать ее было легко; благодаря тому, возродились въ тогдашней скульптурѣ граціозныя формы Аполлона и Бакха, и міръ искусства обогатился превосходными статуями, рельефами и камеями».

«Характеристическая черта въ типѣ Антиноя — наивное, нѣсколько грустное выраженіе прекраснаго лица. Глаза лежатъ глубоко; разрѣзъ вѣкъ болѣе продолговатый, чѣмъ высокій, брови узки и слегка выгнуты; носъ очень мало отступаетъ отъ греческаго контура; губы полны; голова прекрасный овалъ. Формы тѣла мягки; грудь, животъ, ноги имѣютъ нѣкоторую полноту, напоминающую не столько Аполлона, сколько Бакха, аттрибуты котораго обыкновенно и придаваемы были Антиною».

«Нѣкоторыя изъ сохранившихся статуй Антиноя имѣютъ очень большое художественное достоинство. Одна изъ самыхъ превосходныхъ та, которая находится въ Римѣ, въ Палаццо Браски. Она сдѣлана изъ лунескаго или каррарскаго мрамора; фигура Антиноя гораздо больше человѣческаго роста; она имѣетъ въ вышину $15^1/_2$ итальянскихъ пальмъ. Антиной изображенъ стоящимъ; ему даны аттрибуты Бакха. На волосахъ, падающихъ по плечамъ, лежитъ плющевый вѣнокъ; на самомъ верху головы поставленъ другой аттрибутъ Бакха — шишка пиніи, — украшеніе плохое. На лѣвомъ плечѣ застегнута палла (широкая мантія), оставляющая открытыми правую руку, грудь и часть живота. Лѣвая рука поднята и держитъ тирсъ, тоже украшенный шишкою пиніи».

Гробница Адріана.

Изъ множества сооруженій, которыми Адріанъ украсилъ Римъ, очень замѣчателенъ былъ храмъ Венеры и Ромы (богини Рима), окруженный колоннадою (передняя сторона ея имѣла 10 колоннъ, боковыя стороны по 20); еще болѣе замѣчателенъ Мавзолей или гробница Адріана, Moles Hadriani, сооруженная на правомъ берегу Тибра; къ ней велъ съ лѣваго берега рѣки Эліевъ мостъ, лежавшій на пяти аркахъ и имѣвшій въ ширину 300 футовъ. Эта гробница была въ средніе вѣка превращена въ цитадель и стала называться замкомъ святого Ангела (Sant'Angelo) потому, что на самой вершинѣ зданія поставлена была статуя Архангела Михаила. Замокъ святого Ангела—одно изъ прекраснѣйшихъ зданій Рима.

Покровительство Адріана наукѣ и мистицизму.

Создавая своимъ покровительствомъ искусству новый, послѣдній цвѣтущій періодъ его, Адріанъ такъ же былъ щедрымъ покровителемъ поэзіи, музыки, учености. Онъ самъ былъ поэтъ, писалъ и прозой; но до насъ не дошло почти ничего отъ литературныхъ его произведеній. Онъ покровительствовалъ въ особенности греческой литературѣ и философіи; греческіе философы, софисты, реторы были любимыми его собесѣдниками, пользовались щедрыми наградами отъ него; но многіе изъ этихъ друзей и страдали отъ его завистливаго тщеславія. Въ пожилые годы у него развилась большая склонность къ астрологическому суевѣрію и къ восточному мистицизму, въ таинственныхъ ученіяхъ котораго онъ искалъ сокровенной мудрости; его окружала толпа софистовъ, фантазеровъ, мистиковъ, получавшихъ отъ него и деньги и почести.

Кажется, онъ основалъ ученое общество, называвшееся Атенеемъ и собиравшееся часто около него. Въ числѣ ученыхъ, находившихся въ особенной близости къ нему, были Арріанъ, Плутархъ, философы и софисты Геліодоръ, Эпиктетъ, Фаворинъ, Діонисій Милетскій, реторы Фронтонъ (уроженецъ африканскаго города Цирты) и Иродъ Аттическій, человѣкъ имѣвшій колоссальное богатство, источникомъ котораго былъ кладъ, найденный его отцомъ въ имѣньѣ, находившемся близъ Мараѳона. Иродъ Аттическій жилъ съ царской роскошью и построилъ въ Аѳинахъ и въ Дельфахъ зданія, соперничавшія великолѣпіемъ съ постройками самого императора.—Покровительство Адріана было менѣе полезно литературѣ чѣмъ скульптурѣ. Онъ наложилъ на умственную дѣятельность своего времени печать своего дурного вкуса. Онъ написалъ въ подражаніе Антимаху поэму Catacriani, которую наполнилъ такой ученостью, что она была совершенно непонятна безъ подробнаго комментарія; написалъ и свою автобіографію, но такъ восхвалялъ себя въ ней, что нашелъ неудобнымъ назвать себя самого авторомъ ея, и велѣлъ назваться составителемъ ея своему отпущнику Флегонту, написавшему нѣсколько сочиненій о разныхъ занимательныхъ и чудесныхъ исторіяхъ.—Въ религіозныхъ дѣлахъ Адріанъ отличался большею терпимостью чѣмъ его предмѣстникъ. Лампридій даже говоритъ, что храмы безъ статуй боговъ, построенные Адріаномъ въ нѣсколькихъ городахъ, были посвящены имъ Христу; это извѣстіе не заслуживаетъ довѣрія, но христіане дѣйствительно пользовались при немъ большею свободою, чѣмъ при Траянѣ. Іудеевъ онъ очень притѣснялъ. Его склонность къ мистицизму, къ суевѣрнымъ восточнымъ обрядамъ перенесла въ Римъ новые иноземные культы, увеличила хаосъ религіозной пу-

танницы въ столицѣ имперіи, благопріятствовала развитію фантастическихъ обрядовъ и мрачнаго суевѣрія.

Характеръ Адріана.

Обозрѣвая наши свѣдѣнія объ Адріанѣ, мы должны признать, что онъ при всѣхъ своихъ недостаткахъ былъ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ людей падающаго Рима. Величайшей признательности заслуживаетъ онъ какъ правитель: онъ улучшилъ судопроизводство, уклонялся отъ войнъ, заботился о провинціяхъ, о войскѣ, о безопасности границъ, о распространеніи образованія; своимъ покровительствомъ искусству создалъ новый періодъ его процвѣтанія. Все это показываетъ въ немъ великіе правительственные таланты, умъ, способность понимать свое время. Въ его частной жизни, въ его личномъ характерѣ тоже были хорошія стороны. Онъ выказывалъ очень разностороннюю дѣятельность, сильную волю и большую даровитость. Онъ былъ отважный охотникъ, неутомимо ходилъ пѣшкомъ, пріучилъ себя выносить всякія лишенія, поддерживалъ въ войскѣ строгую дисциплину; читая это, мы думаемъ, что онъ былъ похожъ болѣе на героевъ республики, чѣмъ на своихъ изнѣженныхъ, сладострастныхъ, порочныхъ современниковъ. Но мы какъ будто переносимся во времена Калигулы и Нерона, читая о томъ, что онъ окружалъ себя мистиками, софистами, реторами, очаровывался ихъ пустословіемъ, ихъ безплодными умствованіями, вѣрилъ астрологическому шарлатанству, восточнымъ мистическимъ ученіямъ, увлекался нелѣпѣйшими суевѣріями, роскошничалъ въ своихъ виллахъ, окруженный прислужниками своихъ противуестественныхъ пороковъ. И однако же онъ, развратникъ, искалъ славы себѣ въ построеніи громадныхъ сооруженій, между тѣмъ, какъ большинство римскихъ императоровъ думало заслужить славу пустымъ великолѣпіемъ праздниковъ, народныхъ развлеченій, гладіаторскихъ боевъ; надобно сказать, что онъ все таки былъ гораздо выше такихъ императоровъ. Есть много справедливаго въ словахъ Аврелія Виктора о немъ:

„Характеръ Адріана былъ непостояненъ, разнообразенъ. Онъ какъ будто могъ по произволу быть то добродѣтельнымъ человѣкомъ, то порочнымъ. Онъ умѣлъ довольно хорошо обуздывать горячность своего темперамента и ловко прикрывать свою мрачную подозрительность, свое сладострастіе, тщеславіе маской воздержности, любезности, доброты, умѣлъ утаивать свое пламенное честолюбіе. По чрезмѣрной впечатлительности, онъ обижалъ людей и серьёзными и шутливыми словами, но умѣлъ на колкости отвѣчать колкостями, на стихи стихами *), такъ что казалось: онъ всегда готовъ къ отвѣту на все. Очень дурно держалъ себя

*) Флоръ написалъ о немъ:

Ego nolo Caesar esse,
Ambulare per Britannos,
Scythicas pati pruinas.

относительно своей жены, Сабины, обращался съ нею, какъ съ невольницей, и своими обидами довелъ ее до того, что она лишила себя жизни. Водяная болѣзнь, которую долго выносилъ онъ терпѣливо, увеличила на послѣдокъ его раздражительность до такой степени, что онъ въ ожесточеніи отъ своихъ страданій велѣлъ казнить многихъ сенаторовъ. Онъ дожилъ до 62 лѣтъ и умеръ печальной, мучительной смертью".

Но эта характеристика выставляетъ лишь одну сторону Адріана, изображаетъ его слишкомъ дурнымъ. Онъ былъ человѣкъ большихъ, разностороннихъ дарованій, воспріимчивый ко всѣмъ великимъ мыслямъ, краснорѣчивый, остроумный, но раздражительный, поддававшійся впечатлѣніямъ минуты. Его характеру не доставало единства; много въ немъ было хорошаго и много дурного.

---

6. Антонинъ Пій и Маркъ Аврелій.

Антонинъ Пій. 138—161. (891—914 отъ основанія Рима).

Преемникъ Адріана, скромный, добрый Антонинъ Пій, былъ украшеніемъ престола. Къ сожалѣнію, мы имѣемъ лишь очень скудныя свѣдѣнія объ этомъ превосходномъ государѣ, да и они относятся болѣе къ его частной жизни, къ его личному характеру, чѣмъ къ государственнымъ дѣламъ, такъ что историкъ можетъ составить лишь очень недостаточный разсказъ о его правленіи изъ отрывочныхъ извѣстій Юлія Капитолина, Аврелія Виктора, Эвтропія и плохого извлеченія, въ которомъ дошла до насъ относящаяся къ его царствованію часть „Исторіи" Кассія Діона. Въ иностранной политикѣ Антонинъ держался системы Адріана. Слѣдуя прекраснымъ словамъ Сципіона: „по моему лучше сохранить жизнь одного гражданина, чѣмъ убить тысячу враговъ", Антонинъ, по возможности, избѣгалъ войны, сосредоточивая всѣ свои заботы на внутреннихъ дѣлахъ государства. А когда онъ былъ принужденъ вести войну, говоритъ Діонъ, то ставилъ свою славу въ справедливости, а не въ завоеваніяхъ; онъ хотѣлъ только сохранить за имперіей ея прежнія владѣнія, а не расширить ея границы. Онъ съ величайшей внимательностью искалъ самыхъ справедливыхъ людей для назначенія на правительственныя должности; честныхъ правителей онъ награждалъ, плохихъ устранялъ

(«Я не хочу быть Цезаремъ, ходить по Британіи, страдать отъ скиѳскаго инея». Адріанъ отвѣчалъ на это пародіею, которую передаетъ Спарціанъ:

Ego nolo Florus esse,
Ambulare per tabernas,
Latitare per popinas,
Culices pati rotundos.

(«Я не хочу быть Флоромъ, ходить по тавернамъ, прятаться по плохимъ гостинницамъ, страдать отъ толстыхъ комаровъ»).

отъ должностей, не выказывая къ нимъ суровости. Этимъ онъ пріобрѣлъ себѣ уваженіе не только подданныхъ, но и другихъ народовъ, такъ что парѳяне и скиѳы присылали ему золотые вѣнки, и варвары принимали его судьею для рѣшенія своихъ ссоръ.

Капитолинъ говоритъ, что иберійскій царь Фарасманъ пріѣхалъ въ Римъ выразить свое уваженіе императору, что Антонинъ далъ царя одному изъ колхидскихъ племенъ, возстановилъ власть изгнаннаго босфорскаго царя Реметалька, защитилъ отъ набѣговъ скиѳскихъ номадовъ греческую колонію на Борисѳенѣ, Ольбію, оставшуюся независимой республикою, и что достаточно было письма отъ Антонина къ парѳянскому царю, чтобы тотъ отказался отъ своего намѣренія напасть на Арменію.

Антонинъ не выѣзжалъ изъ Италіи. Границы государства на Рейнѣ, въ Британніи, въ Африкѣ защищали отъ нападеній враждебныхъ государствъ или дикихъ племенъ мужественные полководцы его храбрыхъ войскъ. Лоллій Урбикъ оттѣснилъ въ Каледоніи варваровъ и укрѣпилъ новымъ валомъ ту линію границы, по которой провелъ окопы Агрикола. Въ Африкѣ мавры были прогнаны въ пустыни Атласа и принуждены прекратить свои набѣги. На Дунаѣ и на Рейнѣ границы имперіи были хорошо защищаемы отъ даковъ и германцевъ; аланы были удерживаемы отъ набѣговъ; мятежи въ Египтѣ и въ Ахаіи были усмирены. Но мы не имѣемъ подробныхъ извѣстій объ этихъ дѣлахъ. Римскія войска совершали подвиги при Антонинѣ, но исторія не имѣетъ свѣдѣній объ этихъ побѣдахъ.

Личный характеръ Антонина.

Всѣ древніе писатели превозносятъ добродѣтели Антонина: кротость его, заботливость о правосудіи, объ учебныхъ и благотворительныхъ учрежденіяхъ, щедрость его къ другимъ при большой бережливости въ собственномъ образѣ жизни. Сохранился памятникъ, на которомъ изображены мальчики и дѣвочки, въ благодарности протягивающіе руки къ нему, своему благодѣтелю; изъ этого мы видимъ, что онъ, подобно Нервѣ и Траяну, учреждалъ воспитательныя заведенія для бѣдныхъ сиротъ. Гуманными законами онъ защитилъ рабовъ отъ произвола жестокихъ господъ. Характеръ его былъ почти совершенно чистъ отъ всякихъ человѣческихъ слабостей, говоритъ Аврелій Викторъ; безукоризненность его жизни показываетъ, что и продолжительное спокойствіе не производитъ вреднаго вліянія на благородныхъ людей, и что государства бываютъ счастливы, когда ими управляетъ мудрость. Антонина сравнивали съ Нумой. Кротость была врожденной добродѣтелью его; онъ любилъ пользоваться относительно преступниковъ императорскимъ правомъ помилованія или смягченія наказаній. Однажды обнаружился заговоръ; глава его, думавшій сдѣлаться императоромъ, былъ отправленъ въ ссылку; другой заговорщикъ самъ лишилъ себя жизни; императоръ запретилъ розыскивать ихъ соучастниковъ, сказавъ, что народу не нужно знать, сколько у

него враговъ. Доносчики при немъ безмолвствовали; конфискации были рѣдки. Однажды въ Римѣ поднялся мятежъ по случаю недостатка въ хлѣбѣ; Антонинъ вышелъ къ толпѣ; она бросала въ него камнями, но онъ хладнокровно разъяснялъ причину бѣдствія и успокоилъ народъ. Свое огромное личное богатство онъ употреблялъ на пособіе другимъ. Онъ былъ щедръ къ реторамъ и философамъ; учреждалъ для нихъ преподавательскія каѳедры съ большимъ жалованьемъ. Онъ дѣлалъ игры для народа, далъ бѣднымъ гражданамъ безплатный входъ въ общественныя бани; во времена дороговизны онъ, кромѣ обыкновенной раздачи хлѣба, давалъ бѣднымъ людямъ масло и вино. Онъ оказалъ щедрую поддержку жителямъ Родоса, Кизика и другихъ городовъ Малой Азіи, при землетрясеніи, которому подверглась вся она отъ Виѳиніи до Ликіи, щедро помогалъ населенію Рима, Нарбона, Антіохіи, другихъ городовъ, пострадавшихъ отъ пожаровъ. Онъ дѣлалъ общеполезныя сооруженія въ Римѣ и другихъ городахъ Италіи.

Антонинъ докончилъ сооруженіе зданій и памятниковъ, начатыхъ Адріаномъ; поправилъ старые храмы, въ томъ числѣ храмъ Агриппы, водопроводы и бани; построилъ храмъ Адріана, амфитеатръ, улучшилъ гавани Террацины и Каеты, украсилъ многими зданіями свой родной городъ Ланувій. Онъ основалъ воспитательный домъ для дѣвочекъ; это учрежденіе онъ назвалъ фавстинскимъ въ честь своей жены Фавстины; оно было расширеніемъ воспитательнаго дома, основаннаго Траяномъ.

Характеръ правленія Антонина и смерть его.

Антонинъ очень дѣятельно заботился о хорошей администраціи и объ улучшеніи законовъ. Онъ оказывалъ большое уваженіе сенату, держалъ себя относительно сенаторовъ такъ, какъ желалъ, будучи сенаторомъ, видѣть императора, держащимъ себя относительно его. По всѣмъ важнымъ дѣламъ онъ спрашивалъ мнѣнія опытныхъ совѣтниковъ, и они всегда имѣли свободный доступъ къ нему. Хорошихъ правителей онъ оставлялъ на ихъ должностяхъ долгіе годы, и вообще не любилъ часто смѣнять должностныхъ людей. Интриганы не имѣли при немъ вліянія на дѣла. Онъ не ѣздилъ изъ Рима дальше своихъ имѣній, лежавшихъ въ Кампаніи; но хорошо зналъ все, что дѣлается во всѣхъ частяхъ имперіи; его благодѣтельная заботливость приносила пользу всѣмъ имъ. Онъ очень тщательно вникалъ не только въ важныя, но и въ мелочныя дѣла, постоянно заботясь объ экономіи въ расходахъ, такъ что надъ нимъ даже смѣялись за бережливость на государственныя деньги; но, благодаря ей, всѣ провинціи пользовались при немъ благосостояніемъ, а государственная касса находилась въ хорошемъ положеніи. Онъ, подобно Адріану, любилъ искусства; объ этомъ свидѣтельствуетъ построеніе прекраснаго мраморнаго храма на восточной сторонѣ форума; остатки этого «храма Антонина и Фавстины» сохранились до нашего времени. Послѣ царствованія, продолжавшагося 23 года, онъ на 70 году жизни скончался въ Лоріѣ, гдѣ была у него вилла. Антонинъ былъ стройнаго тѣлосложенія; голова его была прекрасна, онъ имѣлъ пріятный и сильный голосъ. Образъ его жизни былъ воздержный, простой. Его преемникъ въ своихъ „Размышленіяхъ" говоритъ, что онъ во всемъ поступалъ обдуманно, спокойно, не торопливо, велъ всѣ дѣла въ хорошемъ порядкѣ по твердымъ правиламъ, которымъ никогда не измѣнялъ. Сенатъ почтилъ его память апотеозомъ и установилъ въ славу его всѣ почести, какія были воздаваемы наилучшимъ государямъ; народъ очень одобрялъ это потому, что любилъ его за кротость, благоразуміе и чистую нравственность. Капитолинъ въ заключеніе біографіи его говоритъ, что онъ былъ едва ли не единственный императоръ, который, сколько зависѣло отъ него, не проливалъ крови ни гражданъ, ни враговъ, что и по благоденствію его царствованія, спокойнаго и человѣколюбиваго, и по его благочестію справедливо сравниваютъ его съ Нумой.

Маркъ Аврелій. 161—180. (914—933).

Маркъ Аврелій Антонинъ, котораго часто называютъ философомъ, былъ достойный преемникъ Антонина Пія. Онъ происходилъ отъ знатной фамиліи, переселившейся въ Италію изъ Испаніи. Усердіе, съ какимъ онъ, знатный юноша, учился у Ирода Аттическаго, Фронтона и Секста Херонейскаго (внука Плутарха), обратило на него вниманіе Адріана и, по желанію императора, онъ былъ усыновленъ Антониномъ Піемъ, котораго Адріанъ назначилъ своимъ преемникомъ (стр. 295). Сдѣлавшись императоромъ, Антонинъ далъ Марку Аврелію титулъ цезаря, женилъ его на своей дочери Фавстинѣ, постоянно оказывалъ полное довѣріе ему, имѣлъ его своимъ помощникомъ во всѣхъ государственныхъ дѣлахъ. По смерти Антонина Пія, Маркъ Аврелій взошелъ на престолъ; ему было тогда 40 лѣтъ. Онъ сдѣлалъ своимъ соправителемъ Луція Вера, другого пріемнаго сына Антонина Пія. Веръ былъ девятью годами моложе его. Государству угрожали войны на Сѣверѣ и на Востокѣ, и Маркъ Аврелій нуждался въ помощникѣ тѣмъ болѣе, что былъ не особенно крѣпокъ здоровьемъ; быть можетъ, онъ ослабилъ его своимъ чрезмѣрнымъ усердіемъ въ занятіяхъ реторикою и философіей.

Его преданность философіи.

Капитолинъ говоритъ, что Маркъ Аврелій, бывши двѣнадцатилѣтнимъ мальчикомъ, уже сталъ одѣваться и жить, какъ стоикъ; въ учебные часы онъ надѣвалъ философскій плащъ; онъ спалъ на голой землѣ, и, только по усиленнымъ просьбамъ матери, сталъ потомъ спать на матрасѣ, покрытомъ звѣриными шкурами. Онъ до конца жизни выказывалъ величайшее уваженіе къ своимъ учителямъ; онъ поставилъ имъ статуи, украшалъ гробницы ихъ цвѣтами, приносилъ жертвы въ честь ихъ памяти. Въ своихъ „Размышленіяхъ" онъ называетъ особенной милостью боговъ къ себѣ то, что они дали ему превосходныхъ родителей и наставниковъ. На слѣдующихъ страницахъ мы увидимъ, что стоическая философія совершенно овладѣла мыслями Марка Аврелія, и онъ во всѣхъ своихъ правительственныхъ дѣйствіяхъ слѣдовалъ ея ученію. Очень рано она отвлекла его отъ гимна-

стическихъ упражненій и отъ охоты за звѣрями и птицами, хотя эти развлеченія нравились ему прежде; она сдѣлала его съ молодыхъ лѣтъ нравственно похожимъ на старика. Онъ сохранялъ величайшее душевное спокойствіе и при радостныхъ и при печальныхъ случаяхъ, говоритъ Аврелій Викторъ, такъ-что выраженіе лица его всегда оставалось одинаково, и это было у него съ молодости. Только изъ уваженія къ привычкамъ народа, онъ присутствовалъ на общественныхъ играхъ въ амфитеатрахъ, въ циркѣ, или бывалъ на спектакляхъ въ театрѣ; но такъ мало интересовался ими, что во время игръ и спектаклей читалъ книги, слушалъ доклады сановниковъ, подписывалъ правительственные акты. Его мысли были далеки отъ этихъ развлеченій. Но, будучи очень строгъ къ самому себѣ, онъ былъ снисходителенъ къ другимъ и очень добръ. „Онъ былъ воздерженъ безъ желанія принуждать къ тому другихъ“, говоритъ Капитолинъ, „кротокъ безъ слабости, серьёзенъ безъ суровости“. Онъ велѣлъ давать гладіаторамъ тупое оружіе, чтобы они не могли наносить другъ другу смертельныхъ ранъ. Онъ царствовалъ, сообразно мысли Платона, что цари должны быть философами, или царями должны быть философы.

Положеніе государства.

Философу на престолѣ очень нравилось бы, будь его царствованіе такимъ же мирнымъ, какъ правленіе предшественника его; но судьба принудила его много воевать. Продолжительный миръ, которымъ пользовалась имперія, ослабилъ, кажется, дисциплину легіоновъ, стоявшихъ по границамъ государства, и уменьшилъ боязнь римскаго оружія въ сосѣднихъ племенахъ; наши свѣдѣнія о томъ времени очень скудны, но все таки мы знаемъ, что британскіе легіоны взбунтовались, хотѣли сдѣлать императоромъ своего главнокомандующаго Стація Приска, что войско, стоявшее на армянской границѣ, привыкло жить изнѣженно и буйно, что дисциплина въ немъ упала, что оно не занималось военными упражненіями; это внушило парѳянскому царю, Вологезу III, надежду овладѣть Арменіею, съ потерею которой не могли примириться парѳяне; мы знаемъ также, что на сѣверной границѣ государства поднялось опасное броженіе: маркоманы взялись за оружіе; съ ними вступили въ союзъ квады, свевы, гермундуры, другія германскія и нѣкоторыя сарматскія племена; они хотѣли овладѣть сосѣдними областями римской имперіи.

Маркъ Аврелій и Луцій Веръ.

И такъ у государства было много враговъ; при томъ оно сильно страдало отъ наводненій, голода, заразы. Марку Аврелію было бы необходимо имѣть хорошаго помощника; но товарищъ его былъ помощникомъ очень плохимъ; да и самъ онъ не имѣлъ тѣхъ качествъ, какихъ требовали обстоятельства. Луцій Веръ привыкъ въ отцовскомъ домѣ предаваться чувственнымъ излишествамъ (стр. 295), остался съ этими привычками на всю жизнь, изнурилъ себя пьянствомъ и развратомъ. Маркъ Аврелій среди владычествующихъ пороковъ сохранилъ нравственную чистоту, велъ простую и честную жизнь въ старинномъ римскомъ духѣ, умѣлъ переносить всѣ труды и лишенія; но онъ смотрѣлъ на великія государственныя дѣла съ точки зрѣнія пустой школьной премудрости; мысли его были ограничены узкимъ горизонтомъ стоицизма, и ему казалось важнѣе размышлять о жизни, чѣмъ всматриваться въ нее и дѣйствовать энергически, какъ слѣдуетъ благоразумному государю. Замкнувшись въ свой стоицизмъ, онъ занимался лишь самимъ собою, такъ-что не умѣлъ ни обуздать пороковъ своего соправителя, ни удержать отъ разврата свою жену Фавстину, недостойную дочь Антонина Пія. Луцій Веръ въ Лаодикеѣ и въ роскошныхъ рощахъ Дафны, гдѣ веселились граждане Антіохіи, предавался всѣмъ порокамъ, которыми издавна были знамениты большіе города Сиріи; его храбрые легаты Авидій Кассій, Марцій Веръ и вызванный изъ Британніи на Востокъ Стацій Прискъ успѣшно сражались съ парѳянами, но самъ онъ только развратничалъ. Фавстина, знаменитая и своей красотой, и своимъ распутствомъ, пренебрегала всякимъ приличіемъ; говорятъ, что, веселясь на прелестномъ берегу Кампаніи, она выбирала въ любовники себѣ изъ полунагихъ рыбаковъ и матросовъ тѣхъ людей, которые казались наиболѣе сильными. Но императоръ до конца ея жизни высказывалъ ей самое нѣжное расположеніе.

Парѳянская война. 162—165.

О парѳянской войнѣ мы не имѣемъ почти никакихъ свѣдѣній. Велерѣчивые разсказы о ней, надъ реторическими преувеличеніями которыхъ смѣялся Лукіанъ, не дошли до насъ. По краткимъ извѣстіямъ, уцѣлѣвшимъ въ извлеченіи изъ Діона, мы знаемъ однако же, что борьба была упорна, длилась три или четыре года, что римскія войска подвергались великимъ бѣдствіямъ и одерживали блестящія побѣды. Пользуясь упадкомъ дисциплины у римлянъ, Вологезъ истребилъ цѣлый легіонъ, стоявшій въ армянскомъ городѣ Элегіи. Но Авидій Кассій возстановилъ честь римскаго оружія, отклонилъ отъ союза съ парѳянами племена, помогавшія имъ, оттѣснилъ ихъ за Тигръ, взялъ многолюдный, сильно укрѣпленный греческій городъ Селевкію и Ктезифонъ, столицу парѳянскаго царя, построенную на томъ мѣстѣ, гдѣ прежде былъ только станъ кочевыхъ парѳянъ. Селевкія была сожжена; говорятъ, что при этомъ погибло 300,000 человѣкъ, половина прежняго ея населенія; Селевкія не могла уже никогда оправиться отъ этого тяжелаго удара. Въ Ктезифонѣ былъ разрушенъ дворецъ, но городъ скоро сталъ опять великолѣпенъ. Арменія и Месопотамія снова были присоединены къ римской имперіи. На обратномъ пути въ Сирію Кассій потерялъ много войска. Луцій Веръ за побѣды, одержанныя другими, получилъ въ слѣдующемъ году участіе въ тріумфѣ, которымъ Маркъ Аврелій отпраздновалъ окончаніе войны. Кассій за свои побѣды былъ сдѣланъ правителемъ Азіи.

Внутреннія дѣла.

Маркъ Аврелій между тѣмъ старался улучшить внутреннее положеніе государства, издавалъ хорошіе законы, дѣлалъ благоразумныя распоряженія (между прочимъ онъ уменьшилъ число дней, въ которые не было производства дѣлъ въ судахъ). Какъ въ частной жизни, такъ и въ управленіи государствомъ онъ слѣдовалъ ученію стои-

ческой философіи; оно предписывало ему самымъ добросовѣстнымъ образомъ исполнять обязанности сана, даннаго ему судьбой, и онъ совершенно посвятилъ себя заботамъ о благѣ государства и подданныхъ. Члены его совѣта были хорошіе юристы; онъ уважалъ ихъ мнѣнія и при ихъ помощи издавалъ благоразумныя постановленія; улучшалъ судопроизводство, отмѣнялъ злоупотребленія въ частномъ юридическомъ бытѣ, напримѣръ, въ дѣлахъ опеки, или въ присвоеніи сословныхъ правъ людямъ, которымъ не должны были они принадлежать. Сенату Маркъ Аврелій оказывалъ такое же уваженіе, какъ Антонинъ Пій. Но всѣ результаты заботъ его объ улучшеніи государственнаго быта и поднятіи нравственности разрушалъ Луцій Веръ дурнымъ примѣромъ своей жизни. Маркъ Аврелій и его соправитель были совершенной противоположностью одинъ другому; они какъ будто были представителями крайняго развитія правилъ тѣхъ двухъ философскихъ школъ, между которыми дѣлилось тогда большинство образованныхъ римлянъ, одинъ—стоицизма, другой—эпикуреизма.

Характеръ и образъ жизни Луція Вера.

Маркъ Аврелій былъ человѣкъ точнаго исполненія обязанностей, заученныхъ по книгамъ, Луцій Веръ—человѣкъ, наслаждавшійся жизнью. При Адріанѣ и Антонинахъ владычествовала мода на ученость, и Луція Вера учили очень усердно, но ученіе не шло ему на умъ. Ему лучше нравились развлеченія. Онъ любилъ бывать на играхъ цирка, на гладіаторскихъ бояхъ, пировалъ съ веселыми пріятелями до поздней ночи. Потому Антонинъ Пій держалъ его на второмъ мѣстѣ, выдвигая Марка Аврелія впередъ. Титулъ Цезаря былъ данъ Марку Аврелію еще въ 139 году, а Луцій Веръ не получилъ его до вступленія своего пріемнаго брата на престолъ. Трибунскую власть Маркъ Аврелій получилъ еще въ 147 году, а Луцій Веръ тоже только уже при вступленіи на престолъ Марка Аврелія. Но, кажется, онъ мало огорчался тѣмъ, что Антонинъ Пій не даетъ ему почестей: тѣмъ больше было ему досуга предаваться веселостямъ, и онъ, легкомысленный, лѣнивый на работу, былъ, вѣроятно, радъ, что ему не поручаютъ никакихъ дѣлъ. Антонинъ только по уваженію къ волѣ Адріана усыновилъ его и потомъ не отнималъ у него правъ, данныхъ усыновленіемъ; полюбилъ его за веселый прямодушный характеръ. Онъ былъ изъ числа тѣхъ людей, которые проводятъ жизнь въ чаду удовольствій, наслаждаясь всѣмъ, что даетъ настоящая минута, не заботящихся о будущемъ, чуждающихся честолюбія потому, что оно мѣшаетъ веселиться. По скуднымъ извѣстіямъ, какія даетъ намъ о немъ его біографія, написанная Капитолиномъ, мы видимъ, что страсть къ наслажденіямъ вовлекала его въ глупости и пороки; но онъ былъ на столько справедливъ и добродушенъ, что искренно признавалъ превосходство Марка Аврелія надъ нимъ и добровольно подчинялся во всѣхъ государственныхъ дѣлахъ своему старшему соправителю. По возвращеніи изъ сладострастной Сиріи, гдѣ ознакомился онъ съ новыми наслажденіями и пороками, онъ жилъ такъ, что сильно огорчалъ Марка Аврелія своимъ дурнымъ вліяніемъ на общество. Его дворецъ былъ похожъ на притонъ разврата. Онъ проводилъ цѣлые ночи въ пирахъ съ актерами, шутами, флейтистами, отпущенниками; въ числѣ удовольствій этихъ пировъ были даже гладіаторскіе бои; иногда онъ, переодѣтый, бродилъ съ товарищами своего пьянства по улицамъ, заходилъ веселиться въ самыя пошлыя таверны и публичные дома. Маркъ Аврелій огорчался безпутствомъ своего соправителя, но по правиламъ стоическаго ученія заботился лишь о собственной добродѣтели, не дѣлая упрековъ товарищу.

Капитолинъ описываетъ пиръ Луція Вера, на которомъ было двѣнадцать гостей и который обошелся въ 6,000,000 сестерціевъ (200,000 рублей). Каждый гость получилъ въ подарокъ рабовъ, прислуживавшихъ ему за столомъ, всю посуду, съ которой ѣлъ и пилъ, получилъ по живому экземпляру всѣхъ животныхъ, мясо которыхъ было за столомъ. Когда былъ выпитъ одинъ кубокъ, въ него не наливали опять вина, а подавали новый кубокъ, и всѣ они были драгоцѣнные, золотые, серебряные, оправленные дорогими камнями, или сдѣланные изъ дорогого матеріала, называвшагося александрійскимъ кристалломъ. Вѣнки для гостей были сплетены изъ цвѣтовъ другой поры года и перевиты золотыми лентами. Гостямъ были розданы золотые флаконы съ ароматическими маслами. Пьянство и игра въ кости длились до поздняго утра, и, когда гости отправлялись домой, каждый получилъ въ подарокъ экипажъ, отдѣланный серебромъ; мулы и слуга, правившій экипажемъ, тоже были подарены ему.

Луцій былъ высокій стройный мужчина, говоритъ Капитолинъ, черты его лица были пріятны; онъ носилъ по варварскому обычаю длинную бороду; сросшіяся брови придавали его взгляду величественное выраженіе. Онъ такъ гордился своими рыжеватыми волосами, что посыпалъ ихъ золотымъ порошкомъ, чтобы они больше блестѣли. Говорилъ онъ нѣсколько запинаясь. Любовью къ веселостямъ онъ походилъ на Нерона, но не унижалъ себя пошлыми сумасбродствами и не былъ жестокъ.

Смерть Луція Вера. 169.

Когда вспыхнула война съ германцами, Маркъ Аврелій послалъ своего соправителя въ походъ, чтобы оторвать его отъ развратной жизни въ Римѣ. Луцію Веру было очень грустно разставаться съ играми цирка, на которыхъ онъ обыкновенно предсѣдательствовалъ, съ актерами и сирійскими товарищами пировъ и отправляться въ суровыя дунайскія земли, гдѣ предстояли ему труды и опасности военной жизни. Но отказаться отъ поѣздки онъ не могъ. Онъ не вернулся изъ этого похода. Нѣсколько времени онъ прожилъ на театрѣ войны, поѣхалъ назадъ въ Римъ, но на пути съ нимъ сдѣлался апоплексическій ударъ. Его привезли въ Альтинъ (въ нынѣшней венеціанской области), гдѣ черезъ три дня онъ умеръ. Была молва, что онъ отравленъ или Фавстиною, любовникомъ которой, какъ говорили, былъ онъ прежде, или даже, что онъ отравленъ самимъ Маркомъ Авреліемъ; и то, и другое клевета.

Германская война.

Въ эти годы происходило обширное волненіе племенъ, простиравшееся отъ Иллиріи по Дунаю до Рейна, имѣвшее отголоски въ Галліи, даже въ Британніи. Очень жаль, что мы имѣемъ лишь скудныя, безсвязныя извѣстія объ этой великой войнѣ римлянъ съ германцами, называющейся обыкновенно маркоманской, по имени народа, игравшаго въ ней важнѣйшую роль со стороны враговъ Рима. Она была очень опасна для римлянъ. Ихъ историки сравниваютъ ее со второю пунической войной и съ нашествіемъ кимвровъ. Нападенія, отъ ко-

торыхъ отбивались тогда римляне, были началомъ великаго передвиженія племенъ, называющагося переселеніемъ народовъ. Капитолинъ перечисляетъ множество германскихъ племенъ, одно за другимъ бившихся съ римлянами; изъ этого видно, что они подвигались къ римскимъ границамъ, и мѣсто разбитыхъ передовыхъ племенъ занимали шедшія сзади ихъ.

Первый походъ 169—170. Ужасъ въ Римѣ.

Войска, расположенныя на дунайской границѣ для охраненія Панноніи, Дакіи, Мизіи, Норика, были, кажется, очень ослаблены парѳянскою войной, и эпидеміей, отъ нея развившейся. Это облегчило варварамъ нападенія на римскія области. Тѣснимыя съ сѣверо-востока готами и, страдая отъ бѣдности, многія германскія племена двинулись вмѣстѣ на римскія области, прорвались чрезъ границу въ нѣсколькихъ мѣстахъ, наводнили своими толпами все пространство до Аквилеи, грабили, опустошали его, уводили жителей въ плѣнъ сотнями тысячъ. Хавки вторглись въ Бельгію (гдѣ впрочемъ удачно отражалъ ихъ Дидій Юліанъ); они перешли Рейнъ и вторглись въ Рецію. Со времени кимбровъ и тевтоновъ римляне считали германцевъ очень опасными врагами; вторженіе германскихъ племенъ возбудило теперь ужасъ въ изнѣженномъ Римѣ, находившемся и безъ того въ унынiи отъ свирѣпствовавшей тамъ эпидеміи. Страхъ былъ такъ великъ, говоритъ Капитолинъ, что Маркъ Аврелій нашелъ надобнымъ устроить самый торжественный изъ римскихъ обрядовъ поклоненія, называвшійся lectisternium (угощеніемъ боговъ), велѣлъ совершать множество другихъ обрядовъ и жертвоприношеній римскихъ и чужеземныхъ, а знаменитый врачъ Галенъ принималъ между тѣмъ медицинскія мѣры для борьбы съ эпидеміей. Императоръ старался заключать переговоры съ нападавшими племенами; ему удалось склонить къ миру квадовъ; они возвратили часть уведенныхъ ими плѣнныхъ, и новый царь, выбранный ими, просилъ себѣ отъ императора утвержденія въ санѣ. Но язиги и маркоманы продолжали грабить, а квады, не смотря на данныя римлянамъ обѣщанія, помогали имъ; потому Маркъ Аврелій принужденъ былъ самъ отправиться въ походъ. Онъ перешелъ юлійскіе Альпы, пришелъ въ Карнунтъ и отчасти силой оружія, отчасти договорами избавилъ римскія пограничныя области отъ набѣговъ германцевъ.

Вторая война 171—175.

Миръ держался не долго. Едва императоръ съ своимъ молодымъ сыномъ, Коммодомъ, отпраздновалъ тріумфъ, въ Римъ пришла страшная вѣсть о новыхъ вторженіяхъ варваровъ. Если вѣрить Лукіану, Маркъ Аврелій обратился къ помощи чародѣйства; это, какъ мы увидимъ, было въ духѣ римлянъ того времени. Лукіанъ говоритъ, что, по совѣту знаменитаго пророка Александра Абонотихскаго, были пущены за Дунай два льва, на погибель врагамъ; но враги убили иноземныхъ звѣрей, какъ простыхъ собакъ или волковъ; нанесли сильное пораженіе начальнику дунайскихъ войскъ и стали опустошать

Паннонію и Иллирію, доходили до окрестностей Аквилеи. Марку Аврелію надобно было идти на войну самому. Въ казнѣ не было денегъ, и чтобы пріобрѣсти ихъ, онъ обратился къ средству, похожему на сборъ добровольныхъ пожертвованій: онъ велѣлъ нести на форумъ Траяна и продавать съ публичнаго торга драгоцѣнности, которыми Адріанъ и Луцій Веръ наполнили дворцы; были вынесены на продажу уборы изъ драгоцѣнныхъ камней, золотая посуда, были вынесены даже шелковыя, затканныя золотомъ одежды императрицы, ея жемчугъ и дорогіе камни. Аукціонъ продолжался два мѣсяца и оправдалъ ожиданія, далъ Марку Аврелію средство пополнить ослабѣвшіе ряды легіоновъ наборами и вербовкой хищныхъ далматовъ и дардановъ, привычныхъ къ войнѣ; были принимаемы въ войско даже рабы и гладіаторы.

По окончаніи сборовъ, войска двинулись на Дунай. Самъ императоръ пошелъ туда, гдѣ опасность была наиболѣе велика, и, расположившись главной квартирой въ Карнунтѣ, сталъ управлять дѣйствіями противъ язиговъ, квадовъ и маркомановъ, а его легаты Помпеянъ и Пертинаксъ прогнали хаттовъ и ихъ союзниковъ изъ Норика и Реціи. Германцы храбро сопротивлялись; между ихъ убитыми были находимы вооруженныя женщины. Маркоманы даже одержали побѣду; въ этомъ сраженіи былъ убитъ префектъ стана Макринъ Виндексъ; они были побѣждены, лишь когда пошелъ на нихъ самъ императоръ. Но наиболѣе трудна была борьба съ язигами и квадами. Язиги были, наконецъ, разбиты въ кровопролитномъ сраженіи на льду Дуная; римскіе воины въ этой битвѣ клали на ледъ свои щиты, чтобы не скользили ноги; побѣжденные язиги были прогнаны за рѣку. Ободренный этимъ успѣхомъ императоръ пошелъ въ землю квадовъ, но подвергся тамъ большой опасности. Войско было окружено непріятелемъ и отрѣзано отъ воды, а въ это время былъ палящій лѣтній зной; только чудомъ были спасены римляне отъ погибели: внезапно разразилась гроза, освѣжила ихъ, дала имъ воду и съ тѣмъ вмѣстѣ помѣшала врагамъ стеречь ихъ; они ушли отъ погибели быстрымъ отступленіемъ. 172.

Молніеносный легіонъ и колонна Марка Аврелія.

Христіанское сказаніе приписываетъ чудесное избавленіе войска молитвѣ воиновъ Молніеноснаго легіона (Legio fulminata), состоявшаго, по этой легендѣ, изъ христіанъ; языческое преданіе говоритъ, что гроза была произведена волшебствомъ египетскаго чародѣя, находившагося въ свитѣ императора. На прекрасной колоннѣ, которую императоръ поставилъ въ память войны съ германцами и которая до сихъ поръ остается, подобно колоннѣ Траяна, однимъ изъ лучшихъ украшеній Рима, есть изображеніе относящееся, кажется, къ этому случаю: одинъ изъ рельефовъ, которыми покрыта колонна изображаетъ Юпитера—Дождеподателя (Jupiter Pluvius); вѣроятно, это означаетъ какое нибудь счастливое событіе, происшедшее при дождѣ и грозѣ. Есть письмо императора, разсказывающее, что гроза была произведена молитвою Двѣнадцатаго легіона; есть и преданіе, что Двѣнад-

цатый легіонъ получилъ по этому случаю названіе Молніеноснаго; и письмо, и преданіе—вымыслы. Двѣнадцатый легіонъ, стоявшій, обыкновенно, въ Египтѣ, носилъ уже болѣе ста лѣтъ имя Молніеноснаго.

Конецъ войны.

Война длилась нѣсколько лѣтъ; подробныхъ извѣстій о ней мы не имѣемъ, но знаемъ, что она была очень тяжела для римлянъ. Маркъ Аврелій покончилъ ее договорами, по которымъ германскія племена или союзы племенъ обязывались прекратить нападенія. Положеніе римской границы вообще осталось прежнее. Нѣкоторыя германскія племена, жившія по сосѣдству съ нею, поступили на жалованье къ римлянамъ съ обязанностью охранять Дакію отъ нападеній; молодые люди изъ другихъ племенъ поступили воинами въ римскія войска; множество германцевъ получили земли въ пограничныхъ провинціяхъ: Панноніи, Мизіи, Дакіи, Германіи; даже въ Италіи. Было установлено, что между землями варваровъ и римской границей должна оставаться не населенная и не воздѣланная широкая полоса земли; что варвары могутъ приходить на римскую границу для торговли только въ опредѣленные дни и въ назначенныя мѣста.—Дольше всѣхъ племенъ вели войну квады и язиги. Маркъ Аврелій назначилъ тысячу золотыхъ монетъ въ награду за выдачу римлянамъ царя квадовъ, Аріогеза; онъ былъ, наконецъ, выданъ; тогда квады и маркоманы заключили миръ съ римлянами и возвратили имъ плѣнныхъ, число которыхъ простиралось до 50,000 человѣкъ. Аріогезъ былъ посланъ въ Александрію; дальнѣйшая жизнь его намъ неизвѣстна.—Покинутые союзниками, язиги не могли однѣми своими силами продолжать войну. Они возвратили плѣнныхъ, число которыхъ было, какъ говорятъ, 100,000 человѣкъ; вступили въ союзъ съ римлянами, дали 8000 всадниковъ на службу имъ; было условлено, что ненаселенная полоса земли между поселеніями квадовъ и римской границей будетъ вдвое шире, чѣмъ по другимъ мѣстамъ границы. Колонна Антонина,—то есть Марка Аврелія, покрыта рельефами, изображающими блистательные подвиги римлянъ, о которыхъ не дошло до насъ письменныхъ извѣстій. Мы видимъ на ней побѣдоносныя битвы, смѣлые переходы по болотамъ, поросшимъ камышами, переходы черезъ рѣки по мостамъ, видимъ побѣжденныхъ враговъ, протягивающихъ руки къ императору съ мольбою о пощадѣ.

Мятежъ и смерть Авидія Кассія 175.

Маркъ Аврелій тѣмъ болѣе спѣшилъ покончить войну съ германцами, что получилъ страшное извѣстіе: Авидій Кассій, правитель Азіи, грозный врагамъ своею храбростью и военнымъ талантомъ, грозный и своимъ воинамъ жестокостью, съ какой поддерживалъ строгую дисциплину, провозгласилъ себя императоромъ; Антіохія, нѣкоторые другіе азіатскіе города признали его власть; въ самомъ Римѣ проявлялись признаки опаснаго волненія. Говорятъ, Авидій Кассій былъ потомокъ того Кассія, который былъ душою заговора

противъ Юлія Цезаря. Онъ прославился побѣдами въ Арменіи и усмирилъ въ Египтѣ хищныхъ пастуховъ (буколовъ), жившихъ въ болотистыхъ низменностяхъ Дельты (стр. 20). Гордый своими побѣдами, онъ уже давно думалъ стать императоромъ. Вѣроятно, онъ презиралъ Луція Вера за изнѣженность, и, быть можетъ, Маркъ Аврелій казался ему слишкомъ снисходителенъ, слабъ, не способенъ къ правленію. Мы не знаемъ, по какимъ обстоятельствамъ онъ, именно теперь, рискнулъ провозгласить себя императоромъ; говорятъ, что поводомъ къ этому было ложный слухъ о смерти Марка Аврелія; по другому извѣстію, императрица Фавстина, видя болѣзненность мужа и желая обезпечить себя и своихъ дѣтей, возбудила Авидія къ восстанію, обѣщавшись выйдти за него замужъ. Маркъ Аврелій, наскоро покончивъ путемъ договоровъ войну съ германцами, отправился въ Сирію подавить мятежъ. Но прежде чѣмъ онъ пріѣхалъ туда, Авидій Кассій былъ уже убитъ центуріономъ Антоніемъ.

Великодушіе императора.

Императоръ продолжалъ однако свой путь и, благодаря его пріѣзду, возставшія области быстро успокоились. Онъ предоставилъ разслѣдованіе о соумышленникахъ Авидія сенату и другимъ законнымъ трибуналамъ; смягчилъ только приговоры, произнесенные ими. Не былъ казненъ ни одинъ мятежникъ. Наиболѣе виновные, въ томъ числѣ сынъ Авидія, были наказаны ссылкой, да и то выборъ мѣста, гдѣ они будутъ жить, былъ предоставленъ имъ самимъ. Имущество Авидія должно было, по закону, поступить въ императорскій фискъ; Маркъ Аврелій возвратилъ половину этого имущества дѣтямъ Авидія, а другую передалъ въ государственную казну (эрарій). Съ возставшими городами онъ такъ же поступилъ очень кротко; антіохійцевъ онъ наказалъ тѣмъ, что запретилъ имъ ихъ обычные праздники съ играми; это было впрочемъ большимъ огорченіемъ для нихъ. Его пріѣздъ на Востокъ вообще имѣлъ очень хорошія послѣдствія. Онъ упрочилъ миръ съ парѳянами, наградилъ многіе города за ихъ вѣрность освобожденіемъ отъ налоговъ и другими милостями; такія же милости онъ щедро далъ обѣднѣвшимъ городамъ, чтобъ ихъ благосостояніе могло поправиться. При поѣздкѣ его по Малой Азіи, въ одной изъ мѣстностей, близъ Тавра, умерла его жена Фавстина, порочную жизнь которой онъ терпѣлъ съ философскимъ спокойствіемъ, не дѣлая никакихъ упрековъ ей. По его желанію, ей былъ данъ апотеозъ; онъ построилъ храмъ на томъ мѣстѣ, гдѣ она умерла, и основалъ въ честь ея памяти воспитательный домъ для дочерей римскихъ гражданъ, по образцу подобнаго учрежденія, основаннаго Антониномъ Піемъ; этотъ воспитательный домъ былъ названъ фавстинскимъ. На виллѣ Альбани есть барельефъ, изображающій дѣвочекъ, тѣснящихся около Фавстины и сыплющихъ хлѣбныя зерна въ складки ея одежды. Это жертва благодарности, приносимая ими ей.— Пробывъ три года въ Сиріи и въ Египтѣ, императоръ возвратился

через Аѳины въ Италію, оказывая милости народу по всему пути, назначая жалованье и давая другія награды ученымъ, философамъ и ораторамъ. Въ благодарность за его благодѣянія аѳиняне посвятили его въ элевзинскія таинства. Въ Римѣ онъ отпраздновалъ вмѣстѣ съ Коммодомъ второй тріумфъ. По случаю этого торжества онъ устроилъ игры для народа, роздалъ награды и подарки воинамъ. Процессы противъ мятежниковъ были прекращены: Маркъ Аврелій не хотѣлъ осквернять свое правленіе казнями.

Возобновленіе войны на Дунаѣ.

На Дунаѣ между тѣмъ возобновилась война. Римскія войска, стоявшія по границѣ, обижали квадовъ и маркомановъ, угоняли ихъ стада, портили ихъ нивы, давали пріютъ ихъ дезертирамъ; ихъ жалобы оставались напрасны, и они взялись за оружіе. Въ то время, какъ Маркъ Аврелій чеканилъ монету, надпись на которой возвѣщала, что въ римской имперіи владычествуетъ миръ, на берегахъ Дуная поднялись бѣдствія войны: германскія племена возобновили союзы между собою и вторглись въ римскія владѣнія. При извѣстіи объ этомъ, императоръ, по старинному обычаю, потрясъ окровавленнымъ копьемъ передъ храмомъ Беллоны въ знакъ того, что необходимо вести войско на враговъ, и въ сопровожденіи Коммода отправился изъ Рима на Дунай. Своему опытному полководцу Пертинаксу онъ поручилъ оборону Дакіи, а самъ расположился, какъ прежде, главною квартирою въ паннонскомъ городѣ Карнунтѣ. Объ этой (третьей) войнѣ съ германцами мы знаемъ еще меньше, чѣмъ о прежнихъ. Геродіанъ во вступленіи къ своей „Исторіи императоровъ" говоритъ, что Маркъ Аврелій побѣдилъ тогда нѣкоторыя племена, заключилъ миръ съ нѣкоторыми другими, что нѣкоторыя ушли отъ римскихъ границъ; Діонъ упоминаетъ о большой битвѣ, въ которой варвары держались противъ римлянъ цѣлый день, но были напослѣдокъ совершенно истреблены. Эта побѣда не сломила, однако же, силу враговъ.

Третья война. 178—180.

5 августа 178.

Смерть Марка Аврелія 17 марта 180. Конецъ войны.

Война еще продолжалась, когда Маркъ Аврелій занемогъ и умеръ. Онъ скончался въ паннонскомъ городѣ Виндобонѣ (нынѣшней Вѣнѣ). Умирая, онъ тревожился душою за будущность государства. Свои личныя страданія онъ выносилъ спокойно и ожидалъ смерти безбоязненно, вѣрный правилу, которому слѣдовалъ въ жизни: „Человѣкъ въ свое не долгое земное существованіе долженъ жить сообразно природѣ, а когда настанетъ минута возвращенія въ отечество, долженъ покориться этому спокойно, какъ созрѣвшая маслина, которая, упадая, благословляетъ дерево, ее породившее и благодаритъ вѣтвь, на которой держалась". Прахъ умершаго императора былъ перевезенъ въ Римъ и при всеобщей печали погребенъ въ Мавзолеѣ Адріана. Памятники и статуи сохраняли потомству память о мудромъ и добромъ государѣ. Его тріумфальныя ворота на Корсо оставались цѣлы до 1662 года; его статуя на конѣ и колонна до сихъ поръ украшаютъ Римъ. Онѣ свидѣтельствуютъ, что римское искусство, хотя и падало, еще сохраняло тогда достоинство, правдивость, изящество. Коммодъ, желая скорѣе вернуться къ наслажденіямъ столичной жизни, поспѣшилъ кончить утомительную войну договорами, показавшими германцамъ слабость дунайской границы.

Условія этихъ договоровъ не извѣстны намъ подробно. Мы знаемъ только, что римляне покинули укрѣпленія, построенныя ими за Дунаемъ, а германскія племена обѣщались возвратить плѣнныхъ, выдать дезертировъ и посылать вспомогательные отряды въ римское войско, что римляне обязались давать имъ за это ежегодное вознагражденіе; множество германцевъ получило земли въ разныхъ мѣстностяхъ имперіи.

Основаніемъ германскихъ поселеній въ римской имперіи были проложены пути вторженіямъ германскихъ племенъ въ нее; притомъ въ самомъ войскѣ имперіи стало съ этой поры служить очень много германцевъ; варвары, поселившіеся въ римскихъ владѣніяхъ, не скоро утратили сочувствіе къ своимъ соплеменникамъ; это облегчало успѣхъ германскихъ нападеній на имперію. Еще при Маркѣ Авреліѣ обнаружилось, каковы чувства германцевъ, переселяющихся въ имперію. По одному изъ прежнихъ его договоровъ съ германскими племенами была основана близъ Равенны германская колонія. Услышавъ о возобновленіи войны маркоманами, эти колонисты задумали овладѣть Равенной. Попытка не удалась, и они были разселены по разнымъ другимъ мѣстностямъ. Теперь Коммодъ далъ варварамъ новые опорные пункты въ имперіи для нападенія на нее. Это имѣло гибельныя послѣдствія.

Переворотъ въ умственной и общественной жизни, произшедшій при Адріанѣ и Антонинахъ.

Смертью Марка Аврелія начинается новый періодъ исторіи римской имперіи; потому займемся теперь внутренней жизнью римскаго государства, разсмотримъ переворотъ, какому подверглись въ первыя три столѣтія нашей эры его литература, наука, религія, философія. Сдѣлать это теперь тѣмъ удобнѣе, что главное значеніе Марка Аврелія и двухъ предшествовавшихъ ему императоровъ состоитъ въ ихъ вліяніи на умственную жизнь современниковъ. Антонины важны не политической или военной дѣятельностью; ихъ мысли гораздо больше были заняты философіей, литературой, религіею; эта сфера жизни была и для всего образованнаго общества имперіи гораздо болѣе занимательною, чѣмъ дѣйствія войскъ въ отдаленныхъ странахъ и политическія дѣла, отъ участія въ которыхъ общество было устранено. Философскія размышленія Марка Аврелія о самомъ себѣ служатъ, какъ мы увидимъ, яснымъ свидѣтельствомъ того, что интересы людей сосредоточивались тогда въ области душевной жизни ихъ.

IV. Умственная жизнь во времена римской имперіи.

1. Утонченная образованность. Сатира.

Характеръ жизни во времена римской имперіи

Періодъ римской имперіи, начинающійся правленіемъ Нервы и кончающійся смертью Марка Аврелія, можетъ производить впечатлѣніе времени очень хорошаго. Такъ, напримѣръ, одинъ изъ довольно значительныхъ нѣмецкихъ историковъ конца прошлаго и начала нынѣшняго вѣка, Гегевишъ, говоритъ: «Это была самая счастливая для человѣчества эпоха римской исторіи»; раньше того Гиббонъ говорилъ объ этомъ времени: прочное зданіе римскаго могущества имѣло своимъ основаніемъ и своею опорою мудрость вѣковъ. Провинціи, повиновавшіяся Траяну и Антонинамъ, были объединены законами, украшены искусствами. Иногда та или другая изъ нихъ могли страдать отъ злоупотребленій своего мѣстнаго правителя; но общія основанія правленія были мудры, просты и благотворны. Народы римской имперіи спокойно жили по обычаямъ и религіи своихъ предковъ, а почетность и выгодность гражданскаго ихъ положенія повышалась справедливою градаціей до равенства съ ихъ побѣдителями. Но подъ этой блестящей внѣшностью скрывались неисцѣлимые недуги; мы достаточно знакомы съ ними по нашему разсказу о фактахъ государственной жизни, такъ что намъ не нужно теперь вновь описывать общественную жизнь того времени, подробно говорить о порокахъ той эпохи, о ея роскоши, сладострастіи, легкомысліи, достаточно будетъ кратко припомнить уже извѣстное намъ, и мы увидимъ, какъ неосновательны похвалы этому періоду, какъ мало права имѣетъ онъ на названіе счастливаго времени. Человѣческое счастіе основывается на гармоніи внѣшнихъ условій жизни съ внутреннимъ ея содержаніемъ; этой гармоніи тогда совершенно не было. Какъ у грековъ александрійскаго періода, у народовъ временъ имперіи очень высокая культура, очень развитая наружная цивилизація соединялась съ глу-

бокой нравственной испорченностью, и примѣръ благородныхъ государей, реформы, производимыя ими, не уничтожали этой испорченности, а развѣ только на время задерживали ея развитіе. Искусства и науки находили покровительство себѣ при дворѣ императоровъ, во дворцахъ богачей и становились достояніемъ всѣхъ сословій. Промышленность и торговля процвѣтали; прекрасныя изящно устроенныя жилища и многолюдство городовъ заставляли думать, что люди, наслаждаясь благосостояніемъ и образованностью, живутъ удобно и счастливо. Въ Римѣ и въ большихъ провинціальныхъ городахъ устроивались школы, распространявшія просвѣщеніе. Остатки мостовъ шосейныхъ дорогъ, развалины зданій той эпохи въ Италіи, во многихъ городахъ римскихъ провинцій,—напримѣръ, въ нынѣшнемъ Трирѣ, въ Нимѣ, въ Арлѣ, такъ величественны, что возбуждаютъ удивленіе; статуи, саркофаги, жертвенники съ барельефами и надписями, глиняныя вазы, мѣдная посуда изящной формы, всяческія другія вещи, найденныя подъ развалинами, громадные водопроводы, термы, амфитеатры—все свидѣтельствуетъ о широкомъ распространеніи изящнаго вкуса, о высокой культурѣ народовъ римской имперіи во II вѣкѣ нашей эры. Статуи, барельефы, картины, чеканныя издѣлія, монеты того времени показываютъ, что художественная техника еще держалась по чистотѣ и совершенству исполненія на прежней высотѣ, что художники, огромное большинство которыхъ были греки, еще оставались превосходными мастерами своего дѣла. Восточная и греческая культуры соединялись въ Римѣ и разливались оттуда по Западу до отдаленнѣйшихъ частей имперіи. Римскіе города въ Испаніи, Галліи, Британніи, на Рейнѣ, на Дунаѣ были разсадниками образованности между покоренными народами, все болѣе и болѣе принимавшими римскую культуру, отвыкавшими отъ своихъ національныхъ особенностей, усвоивавшими себѣ нравы и религіозные обычаи, юридическія понятія, языкъ и одежду господствующаго народа. Любовь къ наукамъ распространялась по всей имперіи. Гомеръ и Виргилій читались, были объясняемы отъ Геркулесовыхъ столбовъ до береговъ Рейна и Дуная. Высшія сословія всѣхъ провинцій имѣли одинаковую умственную и общественную образованность. Но она была лишь иноземнымъ растеніемъ, основывалась лишь на холодномъ и рабскомъ подражаніи, потому не имѣла живой силы, не возвышала душу; она лишь полировала поверхность, не проникая въ сердце, служила только украшеніемъ быта, средствомъ для наслажденій, не порождая благородныхъ стремленій въ людяхъ. Нравственность, душевное благородство, твердость характера были качествами мало извѣстными и мало цѣнимыми; какъ и въ искусствѣ, въ литературѣ не было творческой силы, да и не считалась надобной она. Во дворцахъ богачей блестящее великолѣпіе мебели, посуды, одежды, дорогихъ ковровъ ослѣпляло глаза, и люди до пресыщенія наслаждались всѣми чувствен-

ными удовольствіями, въ особенности тѣми, какія даютъ пиры и сладострастіе. Всѣ продукты земли и моря, пригодные для гастрономіи, присылались отовсюду въ кухни и погреба римскихъ богачей; поварское искусство, сервировка стола стали наукой, многосложныя правила которой были приведены въ систему. Ночь обращалась въ день. Пресыщенный вкусъ гастрономовъ возбуждался только изысканными кушаньями; достоинство пира состояло не въ томъ, чтобы кушанья были дѣйствительно хороши для вкуса, а въ томъ, чтобы они были рѣдкія, дорогія и чтобы ихъ было очень много. О римскихъ гастрономахъ мы можемъ судить по Целію Апицію, знаменитому представителю искусства ѣды, жившему при Тиберіѣ. До насъ дошла книга о поварскомъ искусствѣ, приписываемая ему. Обжорство стало наукой; наслажденіе ѣдой и питьемъ на пирахъ имѣло своими приправами музыку, танцы, представленія фокусниковъ. Страсть къ наслажденіямъ овладѣла и простолюдинами. Энергія римскаго народа уже не поддерживалась войной и земледѣліемъ, она упала; онъ изнѣжился, испортился развратомъ, восхищался зрѣлищами, какія устроивало для него государство въ театрахъ и амфитеатрахъ, предавался разслабляющимъ удовольствіямъ въ роскошныхъ баняхъ, построенныхъ въ Римѣ для народа императорами, желавшими всячески отвлекать гражданъ отъ серьезныхъ мыслей. Общественныя игры становились все чаще, увеличивалось число звѣрей и гладіаторовъ, выводимыхъ на арену, число колесницъ и лошадей на скачкахъ. Театръ былъ только великолѣпнымъ наслажденіемъ для глазъ и раздраженіемъ чувственности; публика интересовалась актерами, танцовщиками, пѣвцами до такой степени, что споры изъ за ихъ достоинствъ доходили иногда до кровопролитныхъ схватокъ: императоры бывали принуждены изгонять всѣхъ пантомимовъ изъ Рима, чтобы прекратить уличные безпорядки. Чувство чести дотого упало, отвращеніе къ труду такъ развилось, что сотни тысячъ жителей столицы кормились только ежедневными подачками отъ императора; они уже не довольствовались прежней раздачей хлѣба: съ народными праздниками были обыкновенно соединены пиры на государственный счетъ и денежные подарки (congiaria), а въ особенно торжественныхъ случаяхъ бросали въ толпу билеты (досчечки съ надписями), по которымъ выдавались всяческіе предметы роскоши. Нравственность, семейная жизнь исчезли изъ всѣхъ сословій; деньги и чувственныя удовольствія были богами, въ жертву которымъ люди приносили честь и совѣсть.

Сатирическая литература. Испорченность нравовъ вызывала сатиру; этотъ видъ поэзіи былъ единственнымъ, въ которомъ являлись истинно талантливыя произведенія. Горькое негодованіе давало поэтическую силу словамъ Персія и Ювенала. Два вида поэзіи, близкіе къ сатирѣ, также имѣли талантливыхъ представителей: Марціалъ въ своихъ эпиграммахъ остроумно и очень мѣтко характеризовалъ факты и лица немногими

ѣдкими чертами; приписываемый Петронію обширный разсказъ, подобный нынѣшнимъ романамъ, превосходно описываетъ легкимъ разговорнымъ языкомъ народную жизнь того времени во всей ея пошлости и безнравственности. Но напрасенъ остался гнѣвъ Персія; изобличавшаго своихъ развращенныхъ современниковъ и пустоту ихъ реторической модной образованности; напрасно онъ хотѣлъ мрачными разговорами своихъ сатиръ, какъ Тацитъ своими реторическими разсказами, возстановить прежнюю энергію, нравственность и простоту;—напрасно даровитый Ювеналъ рисовалъ картины дѣйствительности, ужасающія омерзительностью изображаемаго въ нихъ разврата, напрасно негодованіе (indignatio) внушало ему, какъ онъ говоритъ, горькіе стихи;—напрасно греческій писатель Лукіанъ, одаренный необыкновеннымъ остроуміемъ, превосходно осмѣивалъ въ своихъ завлекательныхъ произведеніяхъ пороки и слабости своего времени, нелѣпость воспитанія, ошибочность понятій, напрасно онъ стремился уничтожить устарѣлые обычаи, разрушить религію, основанную на суевѣріи, чтобы на развалинахъ могло возникнуть новое лучшее устройство жизни;—человѣческая помощь была безсильна спасти погибающій древній міръ; нужна была небесная помощь; она уже явилась, но римляне въ своемъ ослѣпленіи не видѣли ее потому, что она явилась не въ блескѣ власти, а въ одеждѣ смиренія и униженья.

A. Персій. Ювеналъ. Петроній. Марціалъ.

Авлъ Персій Флаккъ, происходившій отъ старинной всадническої фамиліи, родился и выросъ въ Волатеррахъ. Потомъ онъ учился въ Римѣ у самыхъ лучшихъ преподавателей. На шестнадцатомъ году онъ, подъ вліяніемъ Карнута, уже проникся любовью къ нравственнымъ идеаламъ стоицизма; энтузіазмъ къ нимъ укрѣпился въ немъ постоянными бесѣдами съ Тразеею Петомъ, жена котораго, Аррія младшая, была его родственница. Онъ возмущался господствовавшими пороками, и въ ранней молодости сталъ писать сатиры, по примѣру Луцилія и Горація. Онъ былъ еще не опытенъ, мало зналъ общество, судилъ о немъ не по собственнымъ наблюденіямъ, а по ученію стоицизма. Изъ этого ученія заимствовалъ онъ мрачную грусть, придающую характеръ болѣзненнаго раздраженія его мыслямъ; строгій идеалъ добродѣтели, который противопоставляетъ онъ безнравственной дѣйствительности, тоже заимствованъ имъ изъ стоицизма; съ юношескою горячностью убѣждаетъ онъ общество исправиться, пока нравственная порча еще не стала неисцѣлимой. Персій 34—62.

Персій нападаетъ не на отдѣльныхъ людей съ ихъ личными особенностями порочной жизни, а на пороки общества, на господствующее направленіе его. Говорятъ, что въ нѣкоторыхъ сатирахъ онъ характеризуетъ Нерона; но это не доказано.—Въ первой сатирѣ онъ бичуетъ пошлость владычествующаго характера современной литературы и ея представителей, гибельное вліяніе придворнаго вкуса на раболѣпствующихъ писателей. Во второй сатирѣ показываетъ, какъ лицемѣрны мотивы большинства людей:

устами люди молятся объ одномъ, а въ сердцѣ желаютъ совершенно иного. Въ третьей сатирѣ содержаніе разнообразно, живо, драматично. Персій доказываетъ въ ней, что дурное воспитаніе, изнѣженность, праздность молодыхъ людей главныя причины нравственной порчи, и поразительными чертами онъ изображаетъ въ лицѣ умирающаго развратника ужасныя послѣдствія безполезной растраты времени и силъ въ молодости. Въ четвертой сатирѣ Персій развиваетъ одну изъ основныхъ мыслей стоицизма, необходимость самопознанія; въ пятой, посвященной Карнуту, излагаетъ ученіе стоицизма о свободѣ; хорошія описанія живой дѣйствительности придаютъ поэтичность этимъ абстрактнымъ мыслямъ. Шестая сатира противопоставляетъ тщеславной порочной роскоши Рима счастливую, скромную сельскую жизнь, естественность и простоту ея.

Этими шестью сатирами ограничивается все, оставшееся послѣ Персія; онъ умеръ на 28 году, когда его талантъ только еще начиналъ созрѣвать. Сатиры Персія собраны по его смерти друзьями. Хотя языкъ ихъ теменъ, такъ что еще въ древности понадобилось писать комментаріи къ нимъ, Персій былъ однимъ изъ любимыхъ авторовъ не только въ древности, но и въ средніе вѣка. „Его сатиры“, говоритъ Бернгарди, „одушевлены нравственнымъ энтузіазмомъ, согрѣты теплымъ чувствомъ, проникнуты безпощадною ненавистью къ пороку“. Онъ хотѣлъ бичевать испорченность нравовъ и даетъ своимъ читателямъ простую, здоровую пищу безъ всякихъ льстивыхъ прикрасъ.

Ювеналъ род. около 60, умеръ 140.

Децимъ Юній Ювеналъ родился въ Аквинѣ, вѣроятно, въ царствованіе Нерона; юношею переселился въ Римъ, занимался тамъ реторикою. При Домиціанѣ онъ сталъ писать сатиры. При этомъ императорѣ или позднѣе онъ былъ отправленъ въ ссылку, или въ верхній Египетъ, или въ Британнію; причиною ссылки было, какъ говорятъ, то, что онъ одной изъ своихъ сатиръ обидѣлъ пантомима, пользовавшагося вліяніемъ при дворѣ. Говорятъ, онъ и умеръ въ ссылкѣ, на 80 году жизни.—Собраніе сатиръ Ювенала раздѣлено на 5 книгъ; въ немъ находится 16 сатиръ, но послѣдняя приписана Ювеналу ошибочно. Онъ закончилъ свою поэтическую дѣятельность при Адріанѣ. Онъ говоритъ, что сталъ писать сатиры по негодованію на порочность своего времени. Дѣйствительно, онѣ исполнены негодованія; въ нихъ слышится отчаяніе человѣка, глубоко огорченнаго испорченностью общества и полагающаго, что его современники неспособны исправиться. Персій направляетъ свою сатиру не противъ отдѣльныхъ лицъ, а вообще противъ пороковъ, имѣетъ хотя слабую надежду исправить общество; Ювеналъ нападаетъ на отдѣльныхъ порочныхъ людей и убѣжденъ въ неисцѣлимости пороковъ, гнусность которыхъ изображаетъ рѣзкими чертами во всей ихъ омерзительности. Его сатира—личная; но для безопасности онъ бралъ представителями бичуемыхъ имъ пороковъ людей, уже умершихъ, принадлежавшихъ главнымъ образомъ ко времени Домиціана. Его сатиры — картины современнаго быта, не имѣющія идеальнаго фона, не просвѣтленныя надеждой на улучшеніе общества. Говорятъ, что онѣ имѣютъ трагическій характеръ; но этотъ трагизмъ лишь печаль, возбуждаемая въ благородномъ человѣкѣ дѣйствительностью, погрязшей въ отвратительную безнравственность. Ювеналъ—реалистъ, изображающій пороки во всей наготѣ ихъ омерзительности. У него замѣтно вліяніе реторики, которой занимался онъ въ молодости: слогъ его сжатый и блестящій; онъ стремится производить сильное впечатлѣніе неожиданными оборотами, темными намеками, передѣланными цитатами изъ прежнихъ поэтовъ. Планъ сатиры у него всегда составленъ хорошо и выдержанъ строго; какія бъ отступленія онъ ни дѣлалъ, ходъ мыслей остается у него связнымъ. Подобно Персію, и онъ былъ однимъ изъ любимыхъ авторовъ въ средніе

вѣка. Ему было дано названіе „нравственный“, ethicus. У него много такихъ намековъ на факты и на лица, которые требуютъ поясненій, потому еще въ древности были составлены комментаріи къ нему.

Содержаніе. Первая сатира.

Въ первой сатирѣ Ювеналъ объясняетъ мотивы, заставившіе его писать сатиры; всѣ эти мотивы сводятся къ одному: онъ негодуетъ на владычество пороковъ. «Если не талантъ, то негодованіе порождаетъ стихи», говоритъ онъ: «теперь такое время, что трудно не писать сатиры».

Вторая.

Вторая сатира направлена противъ изнѣженности и разврата знатныхъ людей, которые съ восторгомъ говорятъ о доблестяхъ своихъ предковъ, а сами погрязаютъ во всякихъ порокахъ и портятъ весь народъ своимъ примѣромъ. «Они, говоритъ Ювеналъ,—унижаютъ себя до того, что становятся участниками самыхъ гнусныхъ мистерій, совершаютъ омерзительныя противоестественныя оргіи; внуки знаменитыхъ дѣдовъ публично выступаютъ гладіаторами».

Третья.

Въ третьей сатирѣ, написанной съ мастерскимъ искусствомъ, одинъ изъ друзей поэта объясняетъ ему, почему рѣшился покинуть Римъ и поселиться въ Кумахъ; онъ превосходно описываетъ непріятности и неудобства, какимъ подвергается въ Римѣ честный человѣкъ, не желающій пріобрѣтать богатство общепринятыми пошлыми способами, льстить сильнымъ людямъ, быть прислужникомъ ихъ преступленій и пороковъ. Тутъ рѣзкими чертами изображаются всѣ тайные недуги общества шумной столицы, въ особенности интриганство корыстолюбивыхъ грековъ, готовыхъ за деньги на все. «Этотъ человѣкъ годится на все: быть преподавателемъ грамматики и реторики, математикомъ, живописцемъ, прислужникомъ при туалетѣ, авгуромъ, врачомъ, акробатомъ, колдуномъ,—все умѣетъ голодный грекъ; онъ, лишь бы велѣть ему, залѣзетъ на небо».

Четвертая.

Въ четвертой сатирѣ разсказывается происходившее въ присутствіи Домиціана совѣщаніе сената по вопросу о томъ, цѣльной ли или разрѣзанной на куски должно подать на столъ императора чрезвычайно большую рыбу, пойманную въ Адріатическомъ морѣ; мы уже говорили объ этой рѣзкой картинѣ униженія, въ какомъ находился сенатъ при Домиціанѣ; въ заключеніе Ювеналъ говоритъ: хорошо было бъ, если бы злодѣй употреблялъ все свое время на такія дурачества вмѣсто того, чтобъ убивать знаменитыхъ сенаторовъ, людей благородной души, за которыхъ никто не отомстилъ ему.

Пятая.

Пятая сатира описываетъ обѣдъ кліэнтовъ у патрона, который издѣвается надъ ними; она превосходно изображаетъ надменное обращеніе богачей съ бѣдными тунеядцами и жалкую роль, какую принуждены играть эти голодные льстецы. Лучше просить милостыню, говоритъ Ювеналъ, чѣмъ изъ-за приглашенія на обѣдъ выносить наглость грубаго покровителя, который ѣстъ за столомъ самыя изысканныя кушанья, пьетъ самыя дорогія вина, а своимъ бѣднымъ гостямъ даетъ дешевыя, плохія. Въ заключеніе поэтъ говоритъ: кто дозволяетъ подвергать себя такому униженію, тотъ достоинъ его; кто такъ пошлъ, что соглашается жить въ этихъ постыдныхъ отношеніяхъ къ богачу, тотъ заслуживаетъ такого обѣда и такого патрона.

Шестая.

Шестая сатира — ужасающая картина разврата женщинъ въ Римѣ; всѣ черты тутъ мрачны, нѣтъ ничего сколько нибудь отраднаго. Поэтъ, отклоняя своего друга, Постума, отъ мысли о женитьбѣ, говоритъ ему, что женщины ихъ времени совершенно забыли нравственныя правила. Жена сенатора, убѣжавшая съ гладіаторомъ, и Мессалина—вовсе не исключенія; такія качества стали общими у женщинъ. Даже религіозные праздники служатъ у нихъ предлогомъ для разврата. А если какая нибудь женщина не развратница, то она мучитъ мужа гордостью, честолюбіемъ, капризами, щегольствомъ, расточительностью. Есть женщины, которымъ нравится заниматься мужскими гимнастическими упражненіями, даже участвовать въ гладіаторскихъ играхъ; другія любятъ разсуждать о литературѣ, заставляютъ молчать грамматиковъ и реторовъ, даже читаютъ публичныя лекціи; третьи увлекаются иноземными суевѣріями, ходятъ къ прорицателямъ, астрологамъ; есть добывающія отъ этихъ людей волшебные напитки, которыми освобождаютъ себя отъ всѣхъ мѣшающихъ имъ, даже отъ дѣтей и мужей *).

---

*) Страсть къ ворожбѣ и къ астрологіи была болѣзнью того времени, такъ что

Седьмая.

Седьмая сатира описываетъ печальное положеніе поэтовъ и ученыхъ въ Римѣ: при равнодушіи общества къ искусству и наукѣ, они умирали съ голоду. Эта сатира написана въ началѣ царствованія Траяна, отъ котораго поэтъ ожидаетъ облегченія бѣдствій.

Восьмая.

Восьмая сатира бичуетъ тщеславіе знатныхъ людей, гордящихся своими предками и живущихъ безнравственно. Она написана въ формѣ совѣта молодому вельможѣ. Поэтъ говоритъ ему, что изображенія предковъ на стѣнахъ залъ только тогда служатъ въ честь человѣку, когда онъ имѣетъ душевное благородство и живетъ честно. Истинное благородство лежитъ въ душѣ человѣка, и у знатнаго римлянина оно проявляется тѣмъ, какъ исполняетъ онъ обязанности курульнаго сановника въ Римѣ и правителя въ провинціяхъ; по поводу этого, Ювеналъ изображаетъ поступки хорошаго правителя и поступки дурного. Здравый смыслъ, продолжаетъ онъ, не обольщается знатностью рода, презираетъ и знатныхъ людей, когда они дурны; онъ ставитъ Сенеку выше Нерона, Цицерона выше Катилины, Марія выше Катула; и не плебеи ли были Деціи?

Девятая.

Девятая сатира, имѣющая форму разговора, бичуетъ противоестественные пороки, бывшіе тогда въ модѣ.

Десятая.

Десятая сатира нѣсколько походитъ содержаніемъ на вторую сатиру Персія: она также говоритъ о томъ, чего люди просятъ себѣ у боговъ. Ювеналъ доказываетъ историческими примѣрами, что тѣ блага, которыхъ обыкновенно выпрашиваютъ себѣ люди—богатство, власть, краснорѣчіе, военная слава, долгая жизнь, красота—не должны считаться истинными благами, не даютъ человѣку счастія. Человѣкъ долженъ желать себѣ: «имѣть здоровую душу въ здоровомъ тѣлѣ, мужественное сердце, свободное отъ страха смерти. Добродѣтель и мудрость—единственный путь къ спокойствію жизни».

Одиннадцатая.

Одиннадцатая сатира—приглашеніе Персику на обѣдъ у поэта въ его виллѣ близъ Тибура; онъ весело описываетъ свою скромную жизнь, въ противоположность изысканности обѣдовъ, обжорству и пьянству знатныхъ развратниковъ. Гость найдетъ у него такой обѣдъ, какіе бывали въ славныя времена Рима; домъ у него убранъ не пышно, столовая посуда не великолѣпна, нѣтъ у него изящной прислуги, не будетъ танцовщицъ; украшеніемъ разговора будутъ только стихи Гомера и Виргилія.

Двѣнадцатая.

Двѣнадцатая сатира—приглашеніе другу поэта Корвину отпраздновать возвращеніе другого друга Катулла, который счастливо спасся отъ опасной бури на морѣ. По поводу того, что Катуллъ спасся отъ смерти, Ювеналъ сильно нападаетъ на людей, всякими хитростями добивающихся доли въ чужихъ наслѣдствахъ: за обѣдомъ, на который онъ приглашаетъ Корвина, такихъ людей не будетъ. На этомъ обѣдѣ празднуется не смерть, а спасеніе человѣка.

Тринадцатая.

Въ тринадцатой сатирѣ Ювеналъ утѣшаетъ своего друга Кальвина, котораго обманулъ безсовѣстный пріятель, отказавшійся возвратить ввѣренныя ему Кальвиномъ деньги; по этому поводу поэтъ описываетъ господствующую въ обществѣ безсовѣстность и говоритъ, что обманщикъ имѣетъ наказаніе себѣ въ томъ, что сознаніе безчестнаго поступка отнимаетъ у него всякую радость.

Четырнадцатая.

Четырнадцатая сатира говоритъ

часто были издаваемы эдикты противъ этого шарлатанства, и астрологи изгонялись изъ Рима. «Толпы прорицателей и волшебниковъ, называвшихся халдеями, магами, астрологами, математиками, наводняли города и въ особенности Римъ», говоритъ Шмидтъ: «Они своими чародѣйскими фокусами привлекали къ себѣ толпу и находили довѣріе даже въ образованныхъ сословіяхъ при тоскѣ, какая угнетала тогда людей. Повсюду распространялось то заблужденіе ума, которое видитъ въ естественныхъ событіяхъ дѣйствіе сверхъестественныхъ силъ и хочетъ пользоваться этими силами на выгоду себѣ или во вредъ другимъ; суевѣріе наполняло тогда вселенную волшебными призраками, и отъ него ведетъ свое начало средневѣковое вѣрованіе въ существованіе вѣдьмъ. Тогда было множество людей, вѣровавшихъ, что есть женщины, которыя могутъ волшебными формулами и травами, собираемыми въ полночь, очаровывать или губить людей, портить хлѣбъ на нивѣ сосѣда. Повсюду являлись чародѣйскія книги и на греческомъ и на латинскомъ языкахъ».

о дурномъ воспитаніи; поэтъ выказываетъ въ ней основательное знакомство съ педагогіей, проводя справедливую мысль, что дурныя привычки родителей передаются дѣтямъ и что самое важное условіе хорошаго воспитанія то, чтобы родители подавали дѣтямъ хорошій примѣръ. Онъ описываетъ разныя дурныя привычки и въ особенности жадность къ деньгамъ, объясняетъ, какъ вредятъ эти привычки счастію людей.

Пятнадцатая.

Дѣйствительно ли принадлежитъ Ювеналу пятнадцатая сатира, вопросъ, рѣшаемый учеными неодинаково. Она направлена противъ суевѣрія или религіозной нетерпимости. Поводомъ къ этому служитъ случай, произошедшій «въ консульство Юнка», то есть позднѣе 127 года: два племени въ Египтѣ поссорились между собою изъ-за своего сектантскаго фанатизма. Вражда дошла до формальнаго сраженія; побѣдители растерзали и съѣли плѣнника.

Шестнадцатая.

Шестнадцатая сатира считается подложной; это лишь отрывокъ; въ немъ говорится, какія выгоды имѣетъ воинъ сравнительно съ людьми не военнаго сословія.

Петроній.

Мы уже говорили о Гаіѣ Петроніѣ, который своимъ искусствомъ устроивать пиры и другія веселости пріобрѣлъ такую благосклонность Нерона, что императоръ принялъ его въ кругъ ближайшихъ своихъ друзей, совершенно полагался на его вкусъ въ распоряженіяхъ придворными веселостями, сдѣлалъ его „распорядителемъ изящества“, elegantiae arbiter; милость Нерона къ нему возбудила наконецъ зависть въ Тигеллинѣ; этому злодѣю удалось погубить его. Тацитъ разсказываетъ, что онъ умеръ чрезвычайно мужественно: онъ перерѣзывалъ себѣ одну артерію за другой, чтобы смерть приближалась медленно, и все время, пока умиралъ, спокойно занимался разговорами и чтеніемъ, какъ дѣлали стоики; но они, умирая, разговаривали о безсмертіи души, читали философскіе трактаты возвышеннаго содержанія, а онъ говорилъ о наслажденіяхъ жизни и читалъ эротическіе стихи. Тацитъ прибавляетъ, что онъ былъ не похожъ на обыкновенныхъ мотовъ и развратниковъ, что онъ глубоко изучилъ искусство наслаждаться; днемъ спалъ, а ночи проводилъ въ литературныхъ трудахъ и въ удовольствіяхъ. Многіе считаютъ этого Петронія авторомъ очень оригинальнаго произведенія, называющагося Satiricon; оно писано прозой, въ которую вставлено много легкихъ граціозныхъ стихотвореній и отдѣльныхъ стиховъ. Должно полагать, что это сочиненіе имѣло очень большой объемъ; до насъ дошелъ отрывокъ его, состоящій изъ 141 главы. Кажется, что въ XII вѣкѣ оно еще было цѣло. То, что мы имѣемъ теперь, стало извѣстно въ нынѣшнемъ своемъ видѣ по розысканіямъ, сдѣланнымъ до 1663 года; послѣ того были печатаемы пополненія, будто бы найденныя въ рукописяхъ, но они оказались или подлогами, или отрывками изъ другихъ книгъ. Содержаніе Сатирикона дѣйствительно сатирическое; онъ представляетъ нѣчто подобное роману, или юмористическому разсказу о приключеніяхъ двухъ отпущенниковъ, Энкольпія и Аскильта, и обнищавшаго поэта Эвмольпа. Важнѣйшую часть дошедшаго до насъ отрывка составляетъ „пиръ Трималхіона“, богатаго отпущенника, который хочетъ играть роль образованнаго свѣтскаго человѣка, но на каждомъ словѣ обнаруживаетъ свое невѣжество. Это живая картина современныхъ нравовъ, написанная остроумно и талантливо; въ ней характеризуется бытъ цѣлыхъ областей, какъ напримѣръ Кампаніи, описываются нравы разныхъ городовъ, какъ напримѣръ Кротона, изображаются типическіе характеры, какъ напримѣръ трусливый, но добродушный сластолюбецъ Энкольпій, тщеславный лишенный вкуса поэтъ Эвмольпъ, проповѣдникъ нравственности, но человѣкъ безнравственной жизни, и надменный любитель роскоши, богачъ Трималхіонъ; характеристики живы и правдивы, хотя въ нихъ есть юмористическое преувеличеніе. Сатира проникнута ироніею, свидѣтельствующей о томъ, что авторъ былъ человѣкъ свободный отъ предубѣжденій. Его

нравственный идеалъ—жизнь, полная чувственныхъ удовольствій, но облагороженная художественными и умственными наслажденіями. Языкъ его дѣйствующихъ лицъ всегда соотвѣтствуетъ характеру ихъ: Энкольпій говоритъ изящнымъ и легкимъ языкомъ образованнаго общества, Эвмольпъ—напыщеннымъ языкомъ, въ которомъ много устарѣлыхъ или иноземныхъ словъ и оборотовъ, Трималъхіонъ--кампанскимъ простонароднымъ нарѣчіемъ съ грецизмами.

«Граціозности картинъ Сатирикона сильно помогаетъ множество забавныхъ или плебейскихъ словъ, не вычитанныхъ изъ книгъ, а взятыхъ изъ жизни», говоритъ Бернгарди: «безъ нихъ это нагое описаніе чувственныхъ излишествъ, грязныхъ приключеній, безнравственныхъ желаній и поступковъ было-бы непріятно и утомительно. Правда, оно и само по себѣ представляетъ большой интересъ для насъ, потому что даетъ живую характеристику нравовъ и понятій простолюдиновъ южной Италіи, но безъ юмора оно было бы отвратительно; онъ своею фантастическою капризностью даетъ веселость картинамъ пошлости, авторъ беззаботно переходитъ отъ серьезности къ шуткѣ; рисуя чувственныя наслажденія, онъ умѣетъ, какъ истинный эпикурецъ, касаться и болѣе высокихъ интересовъ; игрою юмора поддерживается занимательность разсказа; благодаря ей Петроній нравился изящному обществу».—Авторъ «Сатирикона»—человѣкъ, жившій въ аристократическомъ кругу; это очевидно по изяществу его языка, граціозности тона, неистощимости остроумія; онъ имѣетъ хорошее художественное и ученое образованіе, и съ тѣмъ вмѣстѣ онъ преданъ чувственнымъ наслажденіямъ, онъ человѣкъ порочный; ясно, что онъ принадлежалъ къ знатному обществу императорскаго Рима; и очень вѣроятно, что онъ жилъ въ первомъ вѣкѣ имперіи: на это время указываютъ описанія надменности, роскоши, колоссальнаго богатства отпущенниковъ, сожалѣніе о томъ, что погибаетъ истинное краснорѣчіе, что альфреско вытѣсняетъ всякую другую живопись. Потому многіе предполагаютъ, что авторъ «Сатирикона»—Петроній, распорядитель пировъ Нерона; но это лишь догадка.—По легкомысленному тону, по неприличности многихъ описаній, «Сатириконъ» походитъ на «Декамеронъ» Боккаччіо.

Марціалъ род. около 40 ум. 101.

Маркъ Валерій Марціалъ превосходно писалъ эпиграммы, піэсы, состоящія лишь изъ немногихъ стиховъ, часто лишь изъ четырехъ или двухъ, дающія бойкимъ выраженіемъ остроумной мысли минутное удовольствіе читателю. Марціалъ родился въ испанскомъ городѣ Бильбилѣ. Когда ему было лѣтъ двадцать, онъ поѣхалъ въ Римъ изучать юриспруденцію и прожилъ въ Римѣ 35 лѣтъ. Блестящее время его поэтической дѣятельности совпадаетъ съ правленіемъ Домиціана. Человѣкъ безхарактерный, онъ долго льстилъ двору и вельможамъ, добиваясь ихъ милостей; разочаровавшись, онъ вернулся бѣднякомъ на родину; Плиній младшій далъ ему денегъ на дорогу. Онъ умеръ на родинѣ, послѣ 100-го года нашей эры, не доживъ, какъ ему хотѣлось бы, до 75 лѣтъ. Его эпиграммы Бернгарди называетъ „тунеяднымъ растеніемъ, выросшимъ на гниломъ деревѣ монархическаго Рима." Не заботясь о стыдѣ и приличіи, онъ мѣтко, съ блестящимъ остроуміемъ схватываетъ въ нихъ всякія смѣшныя стороны фактовъ и людей; языкъ его изященъ, стихъ легокъ и граціозенъ. Эпиграммы его раздѣлены на 15 книгъ, изъ которыхъ 13-ая имѣетъ особое заглавіе: „Ксеніи".

Имгофъ говоритъ: «Стихи лились у Марціала легко; но мысли его были непостоянны; онъ очень зорко видѣлъ недостатки и недуги своего времени, но ему не очень часто удавалось вѣрно очертить тѣ действительно ихъ образы, какіе уловлялъ его взглядъ. Бѣдность и благоразуміе сдерживали его остроуміе въ узкихъ границахъ: онъ осмѣивалъ только личные недостатки того или другого человѣка и общечеловѣческіе пороки;

политической стороны современнаго быта онъ не касался. Потому, хотя его остроуміе всегда мѣтко и рѣзко, эскизы его очерчены мастерски, но онъ понималъ самъ, что въ нихъ будетъ мало занимательности, если не придавать ея имъ пошлыми средствами, и въ угожденіе пресыщенному вкусу придворнаго круга онъ обрисовывалъ гнусныя сцены, унижалъ поэзію до скандала. Онъ льститъ людямъ, которыхъ презираетъ, которыми гнушается, онъ добивается отъ нихъ подачекъ себѣ; сплетая имъ лавровые вѣнки, онъ принуждаетъ себя лгать; это производитъ очень непріятное впечатлѣніе.—Домиціанъ не былъ равнодушенъ къ льстивымъ похваламъ, которыми осыпалъ его поэтъ, онъ далъ Марціалу санъ всадника, назначилъ его трибуномъ; но это не избавило его отъ нищеты. Дождь лилъ сквозь кровлю его бѣднаго домика; а когда поэтъ Аррунцій Стелла, человѣкъ богатый, поправилъ его домъ, у него не было тоги, выйдти изъ дома. По смерти Домиціана, Марціалъ сталъ льстить Нервѣ и Траяну, но они пренебрегали похвалами его продажной музы. Онъ безъ стыда и негодованія изображаетъ пороки своего времени, шутитъ гладкими стихами надъ грязными гнусностями, самъ не возвышаясь надъ ними своими мыслями,—это показываетъ глубокую испорченность того поколѣнія, потому что Марціалъ, безъ сомнѣнія, писалъ такимъ тономъ, какой нравился его публикѣ, образованному обществу. Онъ самъ говоритъ, что шутки занимательны лишь когда приправлены сладострастіемъ. Его эпиграммы и были таковы; потому онѣ вмѣстѣ съ произведеніями Овидія были любимымъ чтеніемъ римскаго свѣтскаго общества.

B. Лукіанъ.

Лукіанъ родился около 130 умеръ 200.

Лукіанъ родился въ сирійскомъ городѣ Самосатѣ, росъ въ бѣдности, былъ сначала каменьщикомъ; онъ изучилъ философію, ораторское искусство, дѣлалъ большія путешествія, объѣхалъ всѣ важнѣйшія области римской имперіи, читалъ лекціи ораторскаго краснорѣчія, блисталъ своими талантами отъ Тигра до Галліи, пріобрѣлъ себѣ преподаваніемъ краснорѣчія и публичными лекціями хорошее состояніе, поселился въ Аѳинахъ, центрѣ образованности, и предался занятіямъ науками и литературой. Потеря состоянія вынудила его при Антонинахъ поступить на государственную службу. Онъ получилъ должность судьи въ Египтѣ и занималъ ее до конца жизни. Въ своихъ многочисленныхъ, вообще недлинныхъ произведеніяхъ, написанныхъ простымъ, чистымъ языкомъ, обыкновенно имѣющихъ разговорную форму и отчасти сатирическое, отчасти философское содержаніе онъ съ неистощимымъ юморомъ, мѣткимъ остроуміемъ, рѣзкой ироніей осмѣивалъ всѣ пороки и глупости своего времени, въ особенности лицемѣріе, мистицизмъ, религіозное суевѣріе; его разговоры отличаются такимъ же изяществомъ, какъ старая аѳинская комедія; у него богатое воображеніе; его произведенія—рядъ блестящихъ картинъ, занимательныхъ разсказовъ; онъ смотритъ на религію съ философской точки зрѣнія, одинаково смѣется надъ умирающимъ язычествомъ, которое при Адріанѣ и Антонинахъ было окружено искусственнымъ блескомъ, и надъ христіанствомъ, надъ праздниками, миѳами языческими, надъ легендами и чудесами новой вѣры; его насмѣшки безпощадны: онъ не довольствуется нападеніями на суевѣріе, но осмѣиваетъ самыя основы религіозныхъ убѣжденій; преданія старины, религіозная поэзія, идеальныя произведенія искусства, имѣющія религіозный характеръ, не внушаютъ ему уваженія; во всѣхъ религіяхъ онъ одинаково видитъ только обманъ и легковѣріе, только нелѣпыя выдумки. Съ той же безпощадностью осмѣиваетъ онъ тщеславныя привычки большихъ городовъ, недобросовѣстность и тщеславіе реторовъ и софистовъ, пошлость историковъ, сумасбродство и надменность философовъ, машинально твердящихъ избитыя фразы своихъ учителей, гордящихся своими бородами, философ-

скими плащами и палками, воображающихъ, что хвастовство небрежностью и грубостью одежды важнѣе заботъ о здравомъ смыслѣ, и противорѣчащихъ своему ученію своими поступками; въ особенности смѣется онъ надъ стоиками, защищавшими языческую религію, и надъ циниками, которые выставляли на показъ свою бѣдность, тщеславились своею грубостью, пренебреженіемъ къ приличію, даже своимъ невѣжествомъ, а между тѣмъ при случаѣ обирали людей безстыдно. Онъ преслѣдуетъ ихъ и въ царствѣ мертвыхъ. Тамъ Діогенъ и Менипиъ нападаютъ на всѣхъ, бывшихъ при жизни красивыми, богатыми, могущественными; осмѣиваютъ суетность ихъ стремленій. Въ „Икаромениппѣ“ онъ осмѣиваетъ и ученіе философовъ о будущей жизни и представленія народной религіи о ней. Онъ осмѣиваетъ дурное воспитаніе, небрежность родителей о дѣтяхъ, то, что родители ввѣряютъ дѣтей наемнымъ учителямъ; ему хотѣлось бы возстановить гимнастическія упражненія. Своими веселыми насмѣшками онъ хотѣлъ исправить людей. Но эта цѣль разумѣется осталась недостижимой: пороки и глупости, надъ которыми смѣялся онъ, продолжали господствовать; онъ только довершилъ разрушеніе языческой религіи. Онъ одинъ изъ тѣхъ отрицателей, которые являются въ переходныя времена. Они очищаютъ воздухъ какъ весеннія бури и, уничтожая старое, разрыхляютъ почву, на которой выростаетъ новое. Но создавать новое могутъ только люди положительнаго направленія мысли, а Лукіанъ не имѣлъ положительныхъ убѣжденій, не имѣлъ идеаловъ и энтузіазма. Этимъ отличается онъ отъ Аристофана, на котораго походитъ остроуміемъ, зоркостью, съ какой подмѣчаетъ все смѣшное и нелѣпое, богатствомъ фантазіи, облекающей мысли въ живую драматическую форму.

Обзоръ произведеній Лукіана.

Краткій обзоръ важнѣйшихъ произведеній Лукіана покажетъ намъ, что въ нихъ отразились всѣ стороны жизни того времени, и изображены всѣ слабости, глупости и недуги этой изнѣженной, вялой эпохи, отвыкшей отъ энергіи; жизнь образованнаго общества вся очерчена имъ, то въ вѣрныхъ снимкахъ, то въ каррикатурахъ.

Сонъ. Нигринъ.

Въ маленькомъ разсказѣ «Сонъ» Лукіанъ говоритъ, какъ случилось, что онъ, покинувъ свое ремесло, посвятилъ себя наукѣ; въ «Нигринѣ» онъ описываетъ испорченность римской жизни, низость поселившихся въ Римѣ философовъ, которые втираются въ домы богатыхъ и знатныхъ людей, льстятъ имъ, чтобы быть приглашенными къ обѣду; онъ противопоставляетъ имъ скромность, воздержность, душевное благородство истиннаго мудреца, платоника Нигрина. «Кто любитъ только богатство, очарованъ золотомъ, измѣряетъ счастье пурпуромъ, властью; кто никогда не вкушалъ истинной свободы, не зналъ прямодушной смѣлости, не видѣлъ истины, выросъ между льстецами и рабами, посвятилъ всего себя на службу сладострастію, кто другъ роскошныхъ обѣдовъ, вина, волокитства, кому нравится шарлатанство, кто наслаждается безстыдными пѣснями,—для такихъ людей Римъ—истинный пріютъ»,—говоритъ Лукіанъ: «Римъ—болото, на которомъ ростутъ гадкія травы, въ которомъ вращаются толпы доносчиковъ, надменныхъ царедворцевъ, лизоблюдовъ, льстецовъ, грабителей, плутовъ, выманивающихъ себѣ чужія наслѣдства, ложныхъ друзей; гдѣ голодные кліэнты до разсвѣта являются засвидѣтельствовать свое уваженіе высокомѣрному патрону, какъ только онъ проснется, и выносятъ ругательства его прислуги, чтобы выпросить себѣ нищенскій обѣдъ». Въ «Нигринѣ» Лукіанъ уже порицалъ то, что философы заискиваютъ милости

О наемныхъ ученыхъ.

богачей; эта мысль развивается въ разговорѣ «О наемныхъ ученыхъ» и въ «Апологіи» составляющей прибавленіе къ этому разговору: Лукіанъ рѣзкими чертами описываетъ тѣ униженія, какимъ подвергаютъ себя ученые и философы, чтобы получить пропитаніе отъ богачей или хотя доступъ къ нимъ, высокомѣріе этихъ тщеславныхъ покровителей, низкопоклонничество ученыхъ наемниковъ ихъ. Эти небольшія произведенія написаны

Тимонъ.

серьезнымъ тономъ; превосходный разговоръ «Тимонъ» написанъ юмористически и блещетъ остроуміемъ. Тимонъ разбогатѣлъ; у него являются ложные друзья; въ числѣ ихъ находится философъ Трасиклъ, который утромъ читаетъ лекцію о добродѣтели и воздержности, а потомъ, сѣвъ за чужой обѣдъ, «накидывается на кушанья, какъ ястребъ, отталкиваетъ сосѣда локтями, обливаетъ себѣ бороду, соусомъ и нагнувшись надъ тарелкой, глотаетъ ѣду, какъ голодная собака, будто надѣется найдти въ этой тарелкѣ верховное благо»; этотъ Трасиклъ разсуждаетъ о самообладаніи и нравственности, нажравшись, напившись и охвативъ обѣими руками флейтистку; проникнутый сознаніемъ о ничтожествѣ богатства, онъ проситъ у Тимона мѣшокъ золотыхъ денегъ, — онъ увѣряетъ, что роздастъ ихъ нуждающимся. — Въ «Прометеѣ», въ «Разговорахъ

Разговоры боговъ.

боговъ» и въ «Разговорахъ морскихъ боговъ» весело осмѣивается старинная миѳологія, жизнь боговъ изображается съ поэтическимъ юморомъ въ каррикатурномъ видѣ; въ «Жертвоприношеніяхъ» Лукіанъ осмѣиваетъ нелѣпость религіозныхъ празд-

Разговоры въ царствѣ мертвыхъ и проч.

никовъ, жертвоприношеній, молитвъ, обрядовъ. «Разговоры въ царствѣ мертвыхъ» осмѣиваютъ, кромѣ боговъ и героевъ, тѣхъ людей, которые были знамениты красотой, могуществомъ, богатствомъ, подвигами. Эти разговоры принадлежатъ къ числу самыхъ блестящихъ произведеній Лукіана. Циники Діогенъ и Менипиъ играютъ въ нихъ ту роль, какъ между богами Олимпа Момъ: они горько осмѣиваютъ жителей подземнаго царства, срываютъ съ нихъ маски, доказываютъ мимолетность всѣхъ тѣхъ благъ, которыхъ такъ жадно добиваются люди, оказывающіеся въ царствѣ мертвыхъ лишенными всего того, чѣмъ гордились и славились; циники называли всѣ земныя блага ничтожными, осмѣивали стремленіе людей къ нимъ, потому они въ царствѣ мертвыхъ не чувствуютъ себя несчастными: смерть не отняла у нихъ ничего, они поютъ и смѣются, между тѣмъ, какъ другіе жалуются и плачутъ, подвергая себя осмѣянію циниковъ. Изъ

Харонъ.

разговоровъ въ царствѣ мертвыхъ особенно хорошъ «Харонъ или Обозрѣватель земли». Въ одномъ изъ предыдущихъ разговоровъ Менипиъ сходилъ изъ царства живыхъ въ царство тѣней, чтобъ узнать тамъ цѣль жизни, а въ этомъ разговорѣ Харонъ въ сопровожденіи Гермеса выходитъ изъ царства тѣней на землю, чтобы посмотрѣть съ горы, какъ живутъ люди. Передъ нимъ проносится рядъ поразительныхъ сценъ: Милонъ, знаменитый атлетъ кротонскій, въ цвѣтѣ силъ становится добычею смерти; Крезъ въ своемъ дворцѣ, обведенномъ тройной стѣной, сидитъ на золотомъ престолѣ, разговаривая съ Солономъ и готовится послать богатые дары въ Дельфы, а Киръ готовитъ ему гибель; царица массагетская Томира опускаетъ голову Кира въ мѣхъ, наполненный кровью; поваръ подаетъ Поликрату самосскому его перстень; потомъ Гермесъ и Харонъ видятъ многолюдный городъ; люди толпятся по улицамъ, какъ пчелы въ ульѣ; духи глупостей, чувственныхъ страстей, алчности, гнѣва, ненависти летаютъ около людей; нѣсколько выше носятся надъ людьми Страхъ и Надежда, а выше всѣхъ духовъ мойры, прядущія людямъ тонкую ткань савановъ; люди суетливо хлопочатъ, какъ будто не ожидаютъ ихъ болѣзни и смерть: одинъ строитъ себѣ новый домъ до окончанія котораго не доживетъ онъ, другой радуется рожденію сына, который черезъ семь лѣтъ будетъ отнятъ у него смертью, третій ссорится съ сосѣдомъ изъ-за границъ своего поля. Харонъ сравниваетъ человѣческую жизнь съ пузырями въ водѣ пѣнящагося ручья; выскакиваютъ изъ воды крупные пузыри и мелкіе, держатся на ней одни нѣсколько побольше времени, другіе нѣсколько поменьше, но всѣ лопаются, исчезаютъ. Харонъ спрашиваетъ Гермеса, не пойдти ли ему въ городъ растолковать людямъ, какъ они глупы; но Гермесъ удерживаетъ его: идти къ людямъ было бы напрасно; они не разумны, они глухи къ словамъ истины. Харонъ проситъ показать ему мѣста, гдѣ они хоронятъ своихъ умершихъ; Гермесъ показываетъ ему передъ воротами города великолѣпныя гробницы; Харонъ видитъ, что люди носятъ туда мертвымъ ѣду и питье, какъ будто они могутъ ѣсть и пить. Гермесъ показываетъ Харону гробницы Ахиллеса и Аякса у Сигейскаго мыса; Харонъ хочетъ видѣть знаменитые города, о которыхъ такъ много слышалъ въ царствѣ мертвыхъ, Ниневію, Вавилонъ, Микены, Клеоны, Трою; нѣкоторые изъ нихъ исчезли, такъ что не осталось и слѣда; отъ другихъ сохранились

лишь ничтожные остатки; погибаютъ и города, какъ люди; даже рѣки изсыхаютъ: трудно отыскать и русло, которымъ текла въ Арголидѣ рѣка Инахъ. Харонъ возвращается въ царство мертвыхъ съ благодарностью къ Гермесу за то, что онъ показалъ ему во всей истинѣ суетность человѣческой жизни. «Когда Лукіанъ приходитъ къ такимъ мыслямъ», говоритъ Преллеръ, «его юморъ становится глубоко серьезенъ; его фантазія не истощима на поразительныя картины неразумія и суетности человѣческой жизни».

Трагическій Зевсъ.

Въ остроумномъ разговорѣ «Трагическій Зевсъ» стоикъ Тимоклъ доказываетъ существованіе божественнаго провидѣнія, сравнивая вселенную съ кораблемъ, который не могъ бы идти, не правь имъ рука кормчаго; эпикуреецъ Дамидъ возражаетъ ему, что кормчій устроиваетъ на своемъораблѣ разумный порядокъ, а какой же разумный порядокъ можно найдти на землѣ?—Мерзкіе развратники, отцеубійцы, святотатцы занимаютъ на ней первыя мѣста, а многіе изъ самыхъ лучшихъ людей затѣснены въ самыя низшія.

Уличенный Зевсъ.

Въ блестящемъ разговорѣ «Уличенный Зевсъ» съ такой же рѣзкой иронией осмѣиваются господствующія понятія о судьбѣ и провидѣніи.

Лжепророкъ Александръ Абонотихскій.

Съ безпощадной рѣзкостью изобличаетъ Лукіанъ тѣхъ обманщиковъ, которые спекулировали на господствовавшую тогда склонность къ суевѣрію, фантазерству, извлекали выгоду себѣ изъ человѣческой слабости и простоты. Одно изъ замѣчательнѣйшихъ его произведеній „Александръ или Лжепророкъ“. Оно посвящено Лукіаномъ его другу Кельсу (Цельсу),—быть можетъ, этотъ Кельсъ тотъ эпикурейскій философъ, который написалъ трактатъ противъ христіанства, извѣстный намъ по Оригену, опровергающему его. Лукіанъ разсказываетъ жизнь знаменитаго мага и пророка Александра, называвшагося абонотихскимъ по имени пафлагонскаго города, бывшаго родиной его. Лукіанъ изображаетъ всю гнусность его шарлатанства, имѣя основательныя свѣдѣнія о немъ. Лукіанъ долго наблюдалъ этого обманщика и чтобы точнѣе изучить его плутовство вошелъ въ сношенія съ нимъ; это было очень рискованное дѣло, и Лукіанъ едва не поплатился за то жизнью: хитрый плутъ догадался о намѣреніи Лукіана, и, когда онъ поплылъ назадъ, Александръ подговаривалъ корабельщиковъ бросить въ море человѣка, подсмотрѣвшаго его плутни. Но корабельщики только высадили его на берегъ на пути. Александръ, человѣкъ очень умный, былъ необыкновенно хорошъ лицомъ, провелъ молодость помощникомъ шарлатана, который былъ врачомъ, чародѣемъ, вызывалъ мертвыхъ, пользовался большой славой и разбогатѣлъ. Александръ былъ прислужникомъ разврата этого негодяя и въ благодарность за то шарлатанъ научилъ его своему плутовству. Скоро ученикъ превзошелъ учителя. Нѣсколько времени Александръ странствовалъ по свѣту вмѣстѣ съ византійцемъ, писавшимъ комедіи, шарлатанствовалъ такъ ловко, что пріобрѣлъ репутацію пророка, получающаго откровенія отъ Аполлона и Асклепія; потомъ онъ поселился въ своемъ родномъ городѣ Абонотихѣ. Религіозное фантазерство издавна владычествовало въ той странѣ; Александръ скоро былъ признанъ тамъ боговдохновеннымъ пророкомъ и чудотворцемъ; по его совѣту, граждане Абонотиха построили храмъ Асклепія; туда стали стекаться тысячи людей просить помощи и откровеній о будущемъ у пророка, фигурировавшаго тамъ въ фантастическомъ костюмѣ съ распущенными по плечамъ волосами. Красавецъ пророкъ былъ величественъ въ этомъ костюмѣ. День и ночь давалъ онъ пророчества, раздавалъ страждущимъ чудотворныя лѣкарства; число посѣтителей храма росло съ каждымъ годомъ; городъ богатѣлъ отъ нихъ; еще больше богатѣлъ пророкъ и сталъ такимъ важнымъ человѣкомъ, что знатный римлянинъ Рутиліанъ женился на его дочери, рожденной ему богинею луны. Это родство ограждало пророка отъ враговъ, и онъ шарлатанствовалъ 30 лѣтъ, обманывая народъ откровеніями, получаемыми

отъ Асклепія, и совершаемыми силою Асклепія исцѣленіями. Онъ умеръ при Антонинѣ Піѣ богачемъ и святымъ; но и по смерти своей онъ продолжалъ давать пророчества; его ученики продолжали его дѣло. Шарлатанство Александра опиралось на языческую религію, потому онъ смертельно ненавидѣлъ христіанъ и эпикурейцевъ; христіанъ за то, что они не вѣровали въ языческую миѳологію, а эпикурейцевъ за то, что они вообще отрицали религію и стремились понимать вещи сообразно здравому смыслу. Александръ говорилъ, что слѣдуетъ побить камнями всѣхъ христіанъ и эпикурейцевъ; и когда въ Абонотихѣ совершались религіозные праздники по случаю его бракосочетанія съ богинею луны, то на эти праздники не были допускаемы атеисты и христіане. Но другой шарлатанъ, чья жизнь также послужила предметомъ одной изъ горькихъ сатиръ Лукіана, Перегринъ Протей, былъ нѣкоторое время въ сношеніяхъ съ христіанами.

Перегринъ Протей и христіане.

Разсказъ Лукіана о жизни Перегрина Протея, проникнутый очень ѣдкой насмѣшливостью, имѣетъ форму письма къ другу автора, Кронію. Перегринъ, философъ цинической школы, любившій называть себя Протеемъ—такъ разсказываетъ Лукіанъ—провелъ молодость въ порокахъ и преступленіяхъ и разсудилъ поступить въ секту христіанъ, исполненныхъ мыслями о своей особенной мудрости; онъ съумѣлъ пріобрѣсти такое довѣріе христіанъ, что они выбрали его правителемъ своей общины (епископомъ) и онъ былъ у нихъ пророкъ, учитель въ ихъ синагогѣ (церкви), руководилъ всѣми ихъ дѣлами. Когда правитель Сиріи посадилъ его, какъ христіанскаго епископа, въ темницу, всѣ христіане очень заботились о немъ, потому что распятый философъ, котораго чтутъ они, какъ бога, училъ ихъ, что всѣ они братья; сообразно этому, все имущество у нихъ общее, и когда съумѣетъ втереться къ нимъ ловкій плутъ, то скоро можетъ разбогатѣть, пользуясь ихъ простодушіемъ. Они также полагаютъ, что и тѣломъ и душою они безсмертны и будутъ жить вѣчно, потому они презираютъ смерть и многіе изъ нихъ добровольно идутъ на нее.—Перегринъ Протей просидѣлъ въ темницѣ не долго. По освобожденіи, онъ велъ бродячую жизнь на счетъ христіанъ, пока они увидѣли однажды, что онъ ѣстъ мясо животнаго, принесеннаго въ жертву язычниками; тогда они исключили его изъ своей общины. Онъ отправился въ Египетъ, занялся тамъ удивительными упражненіями въ добродѣтели, какими занимаются циники: обрилъ себѣ половину головы, выпачкалъ лицо грязью и публично дѣлалъ на площади всяческія непристойности, въ подтвержденіе той мысли циниковъ, что все это вещи индифферентныя; онъ тоже и бичевалъ себя, и велѣлъ бить себя палками. Изъ Египта онъ отправился въ Римъ, подымалъ тамъ молву о себѣ, ругая императора Антонина Пія, пока городской префектъ прогналъ его изъ Рима; этимъ сумасбродъ пріобрѣлъ себѣ у толпы славу страдальца за свободу. Уѣхавъ въ Грецію, онъ дѣлалъ тамъ множество глупостей: уговаривалъ грековъ взбунтоваться противъ римлянъ, ругалъ почтеннаго ученаго, знатнаго человѣка (Ирода Аттическаго) за то, что онъ пріучилъ грековъ къ изнѣженности построеніемъ водопровода въ Олимпіи, такъ что посѣтители олимпійскаго праздника перестали мучиться жаждою. Истощивъ всѣ способы привлекать къ себѣ вниманіе толпы, онъ объявилъ, что на слѣдующемъ олимпійскомъ праздникѣ бросится въ огонь, — до такого безумія доходила его страсть возбуждать удивленіе. Онъ говорилъ, что сдѣлаетъ это для блага человѣчества, чтобы научить людей презрѣнію къ смерти, мужественному терпѣливому перенесенію ужаснѣйшихъ страданій, по примѣру божественнаго Геракла, бывшаго идеаломъ циниковъ. Когда пришло время исполнить похвальбу, онъ произнесъ тор-

жественную рѣчь, въ которой говорилъ, что хочетъ „возложить на золотую жизнь золотой вѣнецъ, потому что человѣкъ, жившій подобно Гераклу, долженъ и умереть, подобно Гераклу, и возвратиться въ Эѳиръ, откуда пришелъ“. Дѣло ясное, говоритъ Лукіанъ: онъ надѣялся, что толпа будетъ умолять его отложить его намѣреніе; но многіе кричали: „исполни, что рѣшилъ“, и ему пришлось умереть мученикомъ своего дурачества. Лукіанъ разсказываетъ, какъ очевидецъ, что Перегринъ, сопровождаемый главными людьми „собачьяго общества“ (цинической школы) подошелъ къ костру и при восхожденіи луны бросился въ пламя передъ глазами множества народа. Трудно рѣшить, лежалъ ли въ основаніи разсказа Лукіана дѣйствительный фактъ, или вся исторія Перегрина Протея только сатира на энтузіазмъ, съ какимъ принимали смерть христіанскіе мученики, каррикатура тѣхъ проявленій религіозной восторженности, которыя возбуждали и удивленіе и насмѣшки язычниковъ во времена Марка Аврелія. Но можно полагать, что Лукіанъ хотѣлъ написать сатиру на мученическій героизмъ христіанъ; на эту мысль наводитъ то, что Перегринъ выставленъ у него принадлежавшимъ нѣкоторое время къ христіанской общинѣ *).

Когда Перегринъ бросился въ огонь, Лукіанъ—по крайней мѣрѣ такъ разсказываетъ онъ—сказалъ циникамъ, печально стоявшимъ у костра: «Идите по домамъ, тщеславные глупцы! Что за удовольствіе смотрѣть, какъ жарится старый дуракъ, и что за пріятность нюхать отвратительный чадъ горящаго мяса?»—Небольшой, блестящій остроуміемъ, разговоръ «Собраніе боговъ»—ѣдкая сатира на сліяніе разныхъ религій, спутывавшихся тогда въ вѣрованіяхъ народа: Момъ жалуется, что въ залъ олимпійскихъ боговъ прокралось множество иноземцевъ, одѣтыхъ странно, не умѣющихъ даже говорить по-гречески: мидянинъ Митра въ персидскомъ платьѣ, съ тіарою на головѣ, скиѳъ Замолксисъ, бывшій рабъ, египтянинъ Анубисъ, у котораго голова не человѣческая, а собачья, и другіе такіе; и каждый привелъ къ собою всю свою свиту; за обѣденнымъ столомъ боговъ теперь тѣснота, идетъ безтолковый крикъ на разныхъ языкахъ, такъ что ничего не поймешь, не достаетъ амброзіи и нектара для такой толпы; Момъ предлагаетъ назначить коммиссію, чтобы разобрать, кто имѣетъ законныя права находиться въ компаніи боговъ, какъ аѳиняне дѣлывали по временамъ для провѣрки того, кто дѣйствительно гражданинъ, кто самозванецъ.—Въ «Другѣ лжи» разсказываются замѣчательные примѣры вызыванія умершихъ, исцѣленія волшебными средствами и вообще тогдашняго суевѣрія; упоминается между прочимъ о знаменитомъ палестинскомъ сирійцѣ, который своими заклинаніями изгонялъ злыхъ духовъ изъ бѣсноватыхъ и бралъ за это хорошія деньги.

Собраніе боговъ.

Отношенія Лукіана къ философамъ.

Послѣ религіознаго суевѣрія, главнымъ предметомъ насмѣшки Лукіана были философскія нелѣпости, какъ мы видѣли по его разсказу о Перегринѣ Протеѣ. Истинныхъ мудрецовъ онъ уважалъ; съ такимъ же почтеніемъ, какъ о платоникѣ Нигринѣ, онъ говоритъ о честномъ, разсудительномъ эклектикѣ Демонаксѣ, въ разговорѣ, заглавіемъ котораго служитъ имя этого философа; съ уваженіемъ говоритъ онъ и о циникѣ Состратѣ, человѣкѣ очень сильномъ, который такъ усердно подражалъ идеалу

*) Виландъ въ своемъ разговорѣ «Перегринъ Протей» защищалъ его, выставлялъ честнымъ фантазеромъ; Гёте и Шиллеръ по поводу этого помѣстили въ своихъ «Ксеніяхъ» шутку: Перегринъ Протей, возвратившійся на землю, говоритъ:

«Если увидишь Виланда, поблагодари его отъ меня; но онъ оказалъ мнѣ слишкомъ много чести: я былъ, дѣйствительно, обманщикъ».

своей школы, Гераклу, что жилъ на Парнассѣ подъ открытымъ небомъ, расчищалъ дороги, строилъ мосты, бился съ разбойниками; но противоположность практики съ теоріей у большинства философовъ заставляла Лукіана осмѣивать ихъ. На словахъ они рабски держались ученія основателей своихъ школъ, безпрестанно твердили ихъ мудрыя изреченія, а на самомъ дѣлѣ интриговали, безчестили себя алчностью, развратомъ, перебранками, нерѣдко переходившими въ драки, были смѣшны своимъ тщеславнымъ костюмомъ, своимъ высокомѣріемъ, пренебрегали приличіями, занимались пустыми мудрованіями, вся важность которыхъ состояла въ щегольствѣ непонятными никому выраженіями и софистическими аргументаціями.

Лукіанъ уже въ «Тимонѣ» осмѣивалъ шарлатанство философовъ; еще остроумнѣе смѣется надъ ними онъ въ прекрасномъ разговорѣ «Продажа философовъ съ публичнаго торга»; тутъ выводятся на продажу всѣ основатели философскихъ школъ, отъ Пиѳагора до Пиррона; при продажѣ излагаются ихъ ученія; само собою разумѣется, что всѣ они осмѣиваются, и дешевизна цѣны, за какую продается, напримѣръ, Діогенъ, или Аристиппъ, или Эпикуръ опредѣляетъ цѣнность ихъ философіи. Прибавленіемъ къ этому разговору служитъ другой, называющійся «Рыбакъ». Философы, осмѣянные въ предыдущемъ разговорѣ, являются изъ царства умершихъ на землю отмстить Лукіану за насмѣшки надъ ними; но онъ доказываетъ имъ, что смѣялся не надъ ихъ ученіемъ—онъ самъ ознакомился съ истиной черезъ нихъ—а только надъ пустыми школьными мудростями, которыя выдаются за ихъ ученія мнимыми ихъ послѣдователями. Лукіанъ говоритъ, что доброе и прекрасное не страдаетъ отъ насмѣшекъ надъ глупостями, оно выступаетъ отъ нихъ чище и блистательнѣе, какъ золото подъ ударами молота, что онъ только сорвалъ маску съ обманщиковъ, шарлатановъ, плутовъ, которые повторяютъ афоризмы мудрецовъ, но позорятъ себя алчностью, сварливостью, лестью, обжорствомъ, пьянствомъ и всякими пороками, выставилъ этихъ лжецовъ во всей омерзительности ихъ. Дѣло отдано на судъ Философіи; она и засѣдающія съ нею въ судѣ Истина, Нравственность, Добродѣтель оправдываютъ Лукіана; Философія поручаетъ ему, какъ опытному рыбаку, продолжать ловлю обманщиковъ. Въ «Икаромениппѣ или Воздушномъ путешествіи» осмѣиваются съ аристофановскимъ остроуміемъ и философы, и боги. Мениппъ, мысли котораго смущены спорами философовъ объ устройствѣ вселенной и о провидѣніи, придѣлываетъ себѣ крылья, чтобы подняться на небо, узнать тамъ истину въ самомъ источникѣ ея. Онъ останавливается на лунѣ отдохнуть и слышитъ жалобы Селены на философовъ, болтающихъ о томъ, чего они не знаютъ; на Олимпѣ находитъ онъ боговъ совершенно такими, какъ описываетъ ихъ Гомеръ.—Въ веселомъ разговорѣ «Гермотимъ» или «О философскихъ школахъ» Ликинъ (то-есть Лукіанъ) доказываетъ Гермотиму, слѣпому приверженцу стоицизма, что нельзя рѣшить, какая изъ философскихъ системъ справедлива; каждая школа находитъ себя непогрѣшимой, не давая себѣ труда ознакомиться съ ученіемъ другихъ школъ, говоритъ Ликинъ, и пустыя мудрствованія, какими занимаются онѣ, не облагороживаютъ человѣка, а только отклоняютъ его отъ разсудительной жизни, наполняя его глупымъ тщеславіемъ, внушая ему, что безплодныя теоріи выше нравственности. «Мнѣ кажется, ты забываешь, что добродѣтель состоитъ въ честномъ, разумномъ, мужественномъ образѣ дѣйствій; вы не стремитесь къ этой добродѣтели, а проводите большую часть вашей жизни въ жалкихъ спорахъ изъ-за словъ, въ діалектическихъ хитросплетеніяхъ о неразрѣшимыхъ вопросахъ.—Въ разговорѣ «Бѣглецы» невѣжество и пошлость циниковъ изображаются такими грубыми чертами, что въ нихъ мало остроумія; потому многіе критики полагаютъ, что этотъ разговоръ ошибочно приписанъ Лукіану, что это подѣлка подъ его разговоръ «Рыбакъ»; но и въ немъ, и въ разговорѣ «Пиръ» или «Лапиты» есть много маленькихъ живыхъ картинъ, ярко изображающихъ наглость, грубость, обжорство и алчность циниковъ.

Продажа философовъ съ публичнаго торга.

Рыбакъ.

Икаромениппъ.

Гермотимъ.

Бѣглецы.

Пиръ.

Насмѣшки надъ реторами.

Реторовъ Лукіанъ осмѣиваетъ не менѣе рѣзко, чѣмъ философовъ. Въ ѣдкой сатирѣ „Школа краснорѣчія" учитель объясняетъ ученику способы пріобрѣсти репутацію хорошаго оратора. Прежде говорили, что для этого нужны продолжительныя усердныя занятія, теперь не то; теперь есть быстрый и легкій методъ достичь цѣли и пріобрѣсти большой успѣхъ. Нѣкоторые полагаютъ, что въ лицѣ этого учителя изображенъ Поллуксъ, аѳинскій преподаватель софистики, жившій при императорѣ Коммодѣ.

Школа краснорѣчія.

Этотъ учитель большой щеголь, онъ одѣтъ изысканно, манеры его заученыя, онъ говоритъ очень бойко, нагло, не заботясь о томъ, чтобы въ его словахъ былъ смыслъ. Онъ объясняетъ ученику, что слава пріобрѣтается легко: надобно знать нѣсколько фразъ изъ аттическихъ ораторовъ, вообще употреблять аттическіе обороты рѣчи, непонятныя слова, блестящія общія мѣста, вставлять иногда въ рѣчь стихи, говорить съ паѳосомъ, быть дерзкимъ; кромѣ того, слѣдуетъ угощать друзей обѣдами, чтобъ они рукоплескали, осмѣивать соперниковъ, клеветать на нихъ; при употребленіи этихъ средствъ, успѣхъ вѣренъ; разумѣется, также надобно какъ можно больше воровать у прежнихъ ораторовъ. — Одною изъ смѣшныхъ слабостей того времени была мода выставлять себя человѣкомъ ученымъ; Лукіанъ осмѣиваетъ ее сатирой на библіомановъ, которые покупаютъ много книгъ, но не для того, чтобы читать, а лишь для того, чтобы хвалиться своими библіотеками.

Какъ слѣдуетъ писать исторію.

Въ превосходномъ трактатѣ „Какъ слѣдуетъ писать исторію" вторая половина написана серьезнымъ тономъ; но и въ немъ много насмѣшекъ. Введеніе одушевлено блестящимъ юморомъ, блестятъ имъ и разсказы Лукіана о лекціяхъ исторіи, какія слышалъ онъ въ свою поѣздку по Іоніи и Ахаіѣ. Парѳянская война Марка Аврелія (стр. 301) произвела множество историческихъ книгъ и лекцій; такъ что, по словамъ Лукіана, теперь доказана справедливость мысли Гераклита: „война — мать всего".

Лукіанъ приводитъ примѣры того, какъ пишутъ исторію: одинъ историкъ осыпаетъ враговъ ругательствами и проклятіями, называетъ парѳянскаго царя Терситомъ, римскаго императора Ахиллесомъ; другой переписалъ изъ Ѳукидида цѣлыя рѣчи и разсказы; третій пишетъ такъ безсмысленно, что кажется, будто читаешь дневникъ обознаго служителя; четвертый беретъ на себя философскую мудрость, переплетаетъ свои льстивыя похвалы силлогизмами и діалектическими оборотами; другіе обокрали Геродота, или пускаются въ поэзію, преувеличиваютъ, лгутъ. Осмѣявъ такихъ историковъ, Лукіанъ излагаетъ условія, необходимыя для того, чтобъ историческая книга была дѣйствительно хороша. Историкъ долженъ имѣть здравыя сужденія о вещахъ и талантъ разсказчика, любить правду, не измѣнять ей ни изъ страху, ни для лести; онъ долженъ изучить прежнихъ хорошихъ историковъ, вообще быть человѣкомъ образованнымъ, писать простымъ яснымъ языкомъ, по плану, хорошо обдуманному, долженъ провѣрять строгой критикой матеріалы, которыми пользуется; онъ долженъ быть художникомъ, изображающимъ событія въ живой картинѣ.

Характеристика нравовъ общества у Лукіана.

Разговоры гетеръ.

Главными предметами сатиры Лукіана были религія и дурныя стороны ученой дѣятельности, но онъ и другія сферы жизни изображалъ съ такою естественностью и правдивостью, что весь бытъ того времени отражается, какъ въ зеркалѣ, въ его юмористическихъ и сатирическихъ картинахъ; такъ напримѣръ „въ Разговорахъ гетеръ" онъ очень живо описываетъ легкомысленные нравы этихъ женщинъ, приключенія которыхъ были въ давнія времена главнымъ предметомъ аттической комедіи и римскихъ драматурговъ Плавта и Теренція, подражавшихъ аттическимъ авторамъ.

Виландъ говоритъ: «Я полагаю, что бытъ гетеръ былъ достоинъ вниманія Лукіана, философа практической жизни; для полноты изображенія нравовъ тогдашняго общества, необходимо было изобразить этихъ сиренъ, имѣвшихъ сильное вліяніе на жизнь большихъ городовъ; Лукіанъ описываетъ ихъ вѣрными чертами, правдивыми красками въ маскахъ и безъ масокъ; онъ не прикрашиваетъ ихъ, но и не уродуетъ, онъ говоритъ о нихъ съ философскимъ безпристрастіемъ».

Луцій, или оселъ.

Многіе изслѣдователи сомнѣваются, дѣйствительно ли принадлежитъ Лукіану знаменитый разсказъ „Луцій, или оселъ". Въ немъ есть такія скандальныя мѣста, что Виландъ не рѣшился перевести ихъ; напримѣръ, разсказы о позорной жизни общества странствующихъ жрецовъ сирійской богини, о томъ, какъ развратная женщина влюбилась въ очарованнаго осла. Но древніе меньше насъ шокировались подобными неприличіями. За исключеніемъ такихъ мѣстъ, разсказы, рядъ которыхъ соединенъ въ этомъ романѣ, очень хороши: они написаны легкимъ языкомъ, въ нихъ очень много фантазіи, форма ихъ прекрасна; особенно хороши „Истинныя исторіи" — прелестные маленькіе разсказы о лжи, плутовствѣ, шарлатанскихъ чудесахъ. Очаровательность восточныхъ сказокъ соединена тутъ съ граціозностью греческой формы изложенія. „Истинныя исторіи" написаны, очевидно, въ насмѣшку надъ любовью тогдашней публики къ описаніямъ путешествій, наполненнымъ выдумками, и къ чудеснымъ разсказамъ. Особенно хороши описанія природы и образа жизни на „островѣ блаженныхъ", и „городъ сновъ". Очень граціозна и „Похвала мухѣ". Лукіанъ хорошо понималъ живопись, какъ показываютъ его „Картины" „Залъ", „Аэтіонъ" и многія мѣста въ другихъ его произведеніяхъ; изученіе картинъ и любовь къ нимъ, вѣроятно, много содѣйствовали развитію его искусства писать очень живо: его изображенія природы и быта, его характеристики аллегорическихъ и дѣйствительныхъ лицъ очень опредѣлительны и пластичны. Совершенно справедливы тѣ слова, какія говоритъ о немъ Истина въ его „Рыбакѣ": „онъ изобразилъ людей въ очень отчетливой и полной картинѣ, совершенно вѣрно передающей не только очертанія фигуръ ихъ, но и черты ихъ характеровъ".

Истинныя исторіи.

Похвала мухѣ.

---

2. Прозаическая литература.

А. Общій характеръ ея.

Значеніе реторики.

Политическая жизнь затихла при имперіи, потому даровитые люди и весь образованный классъ все больше и больше уходили изъ дѣйствительнаго міра въ область мысли, изъ практической жизни въ царство искусства и литературы, умственнаго наслажденія, любознательности, учености, изъ безотраднаго настоящаго въ прошедшее. Они старались забыть о дѣйствительности, погружаясь въ чтеніе, въ литературныя и ученыя занятія; этому соотвѣтствуетъ и характеръ литературы, которую создавали они. Въ ней было мало свѣжести, энергіи; они старались восполнить эти недостатки рефлексіей и заботливой отдѣлкой формы. Краснорѣчіе было изгнано изъ политической

жизни, лишенной свободы; ему оставались только судебные залы и аудиторіи, потому оно попало подъ вліяніе реторовъ, преподавателей, учившихъ говорить краснорѣчиво по правиламъ, замѣнять искреннее одушевленіе учеными и художественными прикрасами, ловкимъ распредѣленіемъ мыслей, остроумнымъ развитіемъ ихъ, эффектной декламаціей. Реторика была для римлянъ временъ имперіи умственной гимнастикой; вся литература, вся образованность ихъ приняла реторическій характеръ; естественный тонъ рѣчи замѣнился искусственнымъ патетизмомъ. Публикѣ нравились діалектическія хитросплетенія, прикрашенныя афоризмами и остротами. Руководителями римлянъ въ этомъ искусствѣ говорить краснорѣчиво были греческіе преподаватели, называвшіеся софистами; профессія оратора была прибыльна и почетна, аудиторіи преподавателей краснорѣчія привлекали къ себѣ и молодежь, и людей солидныхъ лѣтъ; тамъ они слушали и сами декламировали рѣчи на заданныя темы; нѣкоторыя рѣчи были писанныя, отдѣланныя съ большою заботливостью, другія были импровизаціями; преподаватели реторики блистали въ обществѣ; знаменитѣйшие изъ нихъ какъ, напримѣръ, Діонъ Хризостомъ, Иродъ Аттическій, Фаворинъ, дѣлались членами императорскаго совѣта, друзьями императоровъ; бѣдность содержанія, скудость мыслей они прикрывали изяществомъ формы, красивымъ многословіемъ. Предметами декламацій служили темы, взятыя изъ давней старины, безобидныя, безопасныя. Мода на это краснорѣчіе возникла въ Греціи; оттуда она перешла въ Римъ, изъ Рима распространилась по всѣмъ большимъ городомъ западной части имперіи. Въ Римѣ явился знаменитый преподаватель краснорѣчія Квинтиліанъ. Его «Руководство къ краснорѣчію» и «Разговоръ объ ораторахъ», приписываемый Тациту, принадлежатъ къ лучшимъ произведеніямъ римской литературы такъ называемаго серебрянаго вѣка.

Упадокъ поэзіи. Подпавъ подъ вліяніе реторики, литература все больше и больше отдалялась отъ жизни и природы, становилась подражательной, скованной формами. Это отчужденіе отъ истины и оригинальности всего замѣтнѣе въ поэзіи, утратившей всякую свѣжесть и силу; реторическая напыщенность, утрировка замѣняла въ ней недостатокъ поэтическаго творчества и фантазіи, искусственный паѳосъ прикрывалъ прозаичность содержанія, тривіальность мыслей. Самый поразительный образецъ этого безвкусія представляютъ напыщенныя драмы, приписываемыя Аннею Сенекѣ. Эпическія поэмы Лукана, Силія Италика, Валерія Флакка и Стація—почти сплошь сухія подражанія Виргилію, и хотя въ нихъ менѣе напыщенности, чѣмъ въ драмахъ Сенеки, но онѣ ни мало не завлекательны; ни темы, заимствованныя изъ римской исторіи или греческой миѳологіи, ни реторическая отдѣлка формы, ни прикрасы описаній не придаютъ имъ интереса. Стацій писалъ при Домиціанѣ, и вѣяніе холоднаго деспотизма мертвило его талантъ;

цвѣты его поэзіи льдяные узоры, застывающіе зимою на стеклахъ. Луканъ взялъ эпическую форму, лишь какъ способъ изложенія своихъ политическихъ понятій. У другихъ поэтовъ подражаніе Овидію подъ вліяніемъ декламацій школъ реторики превращается въ напыщенность, совершенно не естественную. У дидактическихъ поэтовъ, какъ напримѣръ у Манилія и Колумеллы, написавшаго часть своего трактата о сельскомъ хозяйствѣ стихами, поэтическая форма лишь оболочка сухого ученаго изложенія. Истинная поэзія, исчезнувъ изъ жизни, исчезла изъ литературы. Но грамматики и комментаторы, какъ напримѣръ Авлъ Геллій, усердно занимались объясненіемъ прежнихъ классическихъ поэтовъ, дѣлали сборники извлеченій изъ нихъ и прозаическихъ писателей классическаго періода. Имя «поэтъ» было почти забыто, говоритъ Гиббонъ; имя ораторовъ дерзко присвоили себѣ софисты; туча критиковъ, компиляторовъ и комментаторовъ затмевала науку, и за упадкомъ геніальности скоро послѣдовала испорченность вкуса. Во всемъ являлись признаки литературной дряхлости.

Прозаики серебрянаго вѣка. Менѣе пострадала подъ давленіемъ тяжелыхъ обстоятельствъ прозаическая литература серебрянаго вѣка, хотя и прозаики писали больше для мыслителей, чѣмъ для людей практической жизни, а многіе изъ нихъ, какъ, напримѣръ, Помпоній Мела, Колумелла и Плиній Старшій, говорили даже о предметахъ реальной жизни кудревато, сантиментально, темно, и всѣ историки, кромѣ великаго Тацита— Светоній, Курцій Руфъ, Флоръ и пр., были далеко ниже великихъ историковъ классическаго времени. Только Тацитъ могущественно возвышается надъ своимъ временемъ энергіей, правдивостью, художественностью изложенія, и благородствомъ характера; у всѣхъ остальныхъ и содержаніе и формы испорчены вліяніемъ политическаго рабства и реторической моды. Отъ этихъ недостатковъ не съумѣли охранить себя ни Сенека, щеголяющій изяществомъ выраженій и глубокомысленными афоризмами, ни Плиній младшій, пишущій съ великосвѣтскимъ изяществомъ. Но хотя ихъ языкъ нельзя назвать классическимъ, онъ все еще языкъ умныхъ людей, мысль которыхъ освѣжается знакомствомъ съ писателями старой свободной Греціи. Лексиконъ обогатился новыми словами и выраженіями, но выигравъ отъ этого въ свѣжести и оригинальности, слогъ утратилъ стройность, какую имѣютъ періоды прозаиковъ золотого вѣка. Новыя выраженія часто были дѣломъ аффектаціи или умственной лѣности. Только у Тацита слогъ вполнѣ соотвѣтствуетъ содержанію. Въ своей «Лѣтописи», въ своей «Исторіи» этотъ величайшій римскій историкъ разсказалъ судьбу римскаго государства во время имперіи съ правдивостью и безбоязненностью, достойною временъ республики, и отъ его разсказа вѣетъ республиканскимъ духомъ Катона; въ біографіи Агриколы и въ описаніи Германіи, онъ собралъ драгоцѣнныя для насъ свѣдѣнія о давнихъ временахъ британскаго и германскаго на-

родовъ; его сжатый, отрывистый слогъ, его краткіе періоды, его выраженія, часто странныя, иногда темныя, служатъ вѣрнымъ отголоскомъ тревожнаго душевнаго состоянія людей его времени. Онъ обладалъ всѣмъ хорошимъ, что могла дать та эпоха высокой образованности: его знанія обширны, онъ ученый изслѣдователь, онъ хорошо изучилъ источники, онъ глубоко понимаетъ государственную жизнь, онъ удивительно хорошо знаетъ общество и человѣческое сердце, его изложеніе глубокомысленно и вмѣстѣ наглядно; мрачная картина, рисуемая имъ съ грустью, производитъ сильное, можно сказать, потрясающее впечатлѣніе.

Юриспруденція

Ученая дѣятельность изслѣдователей и компиляторовъ, начавшаяся при Августѣ, продолжалась и расширялась. Римская юриспруденція приближалась къ эпохѣ полнаго своего развитія: юристы собирали законы, эдикты курульныхъ сановниковъ, конституціи (постановленія) императоровъ, судебныя рѣшенія, приводили въ порядокъ и разъясняли ихъ, разработывали юридическія понятія. Развитіе юриспруденціи—единственное серьезное дѣло прогресса въ этотъ періодъ. Опытные юристы, бывшіе при республикѣ помощниками курульныхъ сановниковъ, уже пользовались большимъ уваженіемъ; при имперіи значеніе юристовъ стало еще важнѣе. Они были совѣтниками императора; они писали его постановленія, потому пользовались очень большимъ вліяніемъ на дѣла и, занимаясь практической дѣятельностью, они выработали себѣ практическій слогъ. Edictum perpetuum Адріана, утвержденный сенатусконсультомъ, сталъ центромъ постоянно расширявшихся юридическихъ работъ; юридическій языкъ получилъ то техническое совершенство, какое мы находимъ въ трудахъ великихъ юристовъ III вѣка: Гаія, Папиніана, Ульпіана, Павла; въ немъ понятія имѣютъ точную опредѣленность, и каждое выраженіе имѣетъ точный смыслъ. Гаій и его преемники дали римскому праву такое развитіе, что оно стало раціональнымъ, космополитическимъ правомъ всей имперіи.

Греческая литература.

Въ другихъ практическихъ наукахъ греки, по прежнему, остались учителями римлянъ. Исторія, географія, астрономія были въ первыя два столѣтія нашей эры обогащены трудами великихъ греческихъ ученыхъ, писавшихъ впрочемъ уже не классическимъ языкомъ прежнихъ греческихъ прозаиковъ, а подчинявшихся реторическому вкусу своего времени и вліянію школьной философіи, не имѣвшихъ и того умственнаго величія, какъ прежніе греческіе прозаики. Плутархъ, уроженецъ беотійскаго города Херонеи, собралъ въ своихъ «Параллельныхъ біографіяхъ» и въ многочисленныхъ другихъ трудахъ разнообразнаго содержанія такое множество матеріаловъ, что его сочиненія служатъ богатымъ источникомъ свѣдѣній обо всѣхъ временахъ, обо всѣхъ сторонахъ жизни древняго міра. Походы Александра Великаго прекрасно разсказаны Арріаномъ, малоазійскимъ грекомъ,

который пользовался большимъ уваженіемъ Адріана и, подобно Ксенофонту, служившему образцомъ для него, былъ замѣчательный философъ, государственный человѣкъ и полководецъ; онъ составилъ также описаніе Индіи. Аппіанъ, Кассій Діонъ, Геродіанъ, другіе греческіе ученые излагали исторію Римской имперіи.

Сборникъ военныхъ анекдотовъ, составленный Поліэномъ и называющійся «Стратагемы», и трактатъ Эліана о тактикѣ грековъ сообщаютъ много свѣдѣній о военной исторіи. Другой Эліанъ составилъ въ началѣ III вѣка два сборника: «Разные разсказы» и «Разсказъ о животныхъ»; въ нихъ находится множество драгоцѣнныхъ свѣдѣній по разнымъ сторонамъ жизни древнихъ народовъ; они расположены безъ строгой системы и собраны безъ критики; но въ нихъ внесено много назидательныхъ легендъ, доказывающихъ, что провидѣніе правитъ природою и судьбою людей, такъ что книги эти могутъ назваться апологіею народной греческой религіи противъ невѣрующихъ. Атеней, знаменитый грамматикъ, реторъ и софистъ, уроженецъ Александріи, жившій въ Римѣ въ царствованіе Коммода, составилъ подъ заглавіемъ «Обѣдъ ученыхъ» (Deipnosophistai), сборникъ извлеченій изъ множества—болѣе чѣмъ изъ 1500—сочиненій, большая часть которыхъ не дошли до насъ; этотъ сборникъ, разсказывающій обо всѣхъ сторонахъ древней жизни, служитъ для насъ богатымъ источникомъ свѣдѣній о литературѣ, поэзіи, естествознаніи, грамматикѣ, общественномъ и частномъ бытѣ древнихъ народовъ. Клавдій Птолемей собралъ результаты прежнихъ ученыхъ трудовъ по географіи астрономіи, хронологіи, привелъ ихъ въ систему, пополнилъ собственными наблюденіями; и труды его пользовались во все продолженіе среднихъ вѣковъ величайшимъ авторитетомъ у христіанскихъ и у магометанскихъ народовъ. Павзаній, о которомъ мы знаемъ только, что онъ родился въ Малой Азіи (вѣроятно, въ лидійскомъ городѣ Магнезіи), много лѣтъ путешествовалъ по разнымъ странамъ и при Адріанѣ или при Антонинахъ поселился въ Римѣ, написалъ «Путешествіе» (Periegesis) по Греціи; слогъ его имѣетъ нѣсколько поэтическій характеръ, языкъ его мѣстами теменъ или напыщенъ; изложеніе предметовъ безпорядочно, критики у него нѣтъ; но онъ собралъ множество важныхъ свѣдѣній и разсказовъ о религіи, миѳологіи, памятникахъ искусствъ, художникахъ, о фактахъ греческой исторіи, о топографіи Греціи; такъ что его трудъ имѣетъ чрезвычайно большую важность. Его сборникъ, превосходный трудъ Страбона (стр. 81) и «Географія» Птолемея принадлежатъ къ числу важнѣйшихъ источниковъ нашихъ свѣдѣній о географіи и этнографіи древняго міра. Можно назвать милостью судьбы что, то незадолго передъ погибелью религіи, искусства и поэзіи древняго міра явился такой путешественникъ по Греціи, какъ Павзаній, воспріимчивый ко всѣмъ впечатлѣніямъ, восторженный поклонникъ исчезающаго ве-

личія древности, и оставилъ намъ описаніе всего замѣчательнаго въ Средней Греціи и въ Пелопоннесѣ.—Греки разработывали и медицину; Галенъ пергамскій написалъ множество медицинскихъ трактатовъ, изъ которыхъ дошло до насъ болѣе ста; онъ собралъ въ нихъ наблюденія Гиппократа и другихъ прежнихъ врачей, привелъ въ систему и расширилъ собственными свѣдѣніями. По исторіи греческой философіи, Діогенъ Лаэртій написалъ въ III вѣкѣ компиляцію, которая при всѣхъ своихъ недостаткахъ имѣетъ очень большую важность: правда, она составлена безъ основательнаго знакомства съ предметомъ, въ ней много неточностей, но она богатый источникъ свѣдѣній о системахъ и о жизни философовъ. У грековъ возникъ въ этомъ періодѣ новый видъ литературы, романъ; эти греческіе разсказы, происшедшіе, быть можетъ, изъ восточныхъ сказокъ и поэмъ, послужили образцами для романовъ слѣдующаго времени. «Милетскія сказки», вѣроятно, издавна были источникомъ разсказовъ о любовныхъ приключеніяхъ и о продѣлкахъ ловкихъ плутовъ, доставляли матеріалъ для маленькихъ повѣстей, какія разсказываетъ Лукіанъ и какимъ подражалъ Апулей. Въ IV и V вѣкахъ романъ получилъ большое развитіе, впрочемъ все-таки не достигалъ такого важнаго общественнаго значенія, какое пріобрѣлъ въ новое время. Къ числу извѣстнѣйшихъ романовъ, писанныхъ на греческомъ языкѣ, подобномъ языку старыхъ писателей, принадлежатъ: «Левкиппа и Клитофонъ» Ахилесса Татія Александрійскаго, «Эѳіопскія исторіи» Геліодора, уроженца Финикіи, «Хереи и Каллироя» Харитона Афродисійскаго и «Хариклея и Ѳеагенъ»,—разсказъ о любовныхъ приключеніяхъ Хариклеи, дочери Эѳіопскаго царя, и Ѳеагена, знатнаго ѳессалійца, отличающійся отъ другихъ романовъ скромностью, въ которой замѣтно вліяніе христіанства.

Птолемей около 130.

Клавдій Птолемей, современникъ Антониновъ, усердно изучалъ изслѣдованія прежнихъ александрійскихъ ученыхъ, Эратосѳена, Гиппарха и другихъ (III, 418), по рукописямъ библіотеки, находившейся въ Александріи при храмѣ Сераписа. Его труды по географіи, хронологіи, астрономіи составили эпоху въ этихъ наукахъ, служили во все продолженіе среднихъ вѣковъ основаніемъ понятій о нихъ у христіанъ и арабовъ, были переведены на латинскій и арабскій языки. Его «Руководство къ географіи» представляетъ полное изложеніе этой науки. Основаніемъ его труда были работы Марина Тирскаго, который жилъ во II вѣкѣ эры, писалъ немногими годами раньше Птолемея и оказалъ большія услуги географіи, заботливо составленными картами и обозначеніемъ долготы и широты разныхъ мѣстностей. Птолемей собралъ всѣ свѣдѣнія, какія было можно въ его время найдти въ трудахъ спеціалистовъ, въ книгахъ о путешествіяхъ и добыть изъ разговоровъ съ купцами и моряками. Къ тексту, раздѣленному на восемь книгъ, онъ прибавилъ карты, превосходившія точностью всѣ прежнія. Онъ заботился болѣе всего о полнотѣ собственно географическихъ свѣдѣній, этнографическихъ подробностей у него мало, такъ что трудъ Страбона имѣетъ содержаніе болѣе широкое и живое; у Птолемея много ошибокъ въ опредѣленіи границъ далекихъ малоизвѣстныхъ земель; цифры долготы и широты недостаточно точны, иногда очень невѣрны; но тѣмъ не менѣе его руководство, наполненное драгоцѣнными данными, извлеченными изъ разсказовъ путешественниковъ,

имѣетъ чрезвычайно важное значеніе. Оно и трудъ Страбона—главныя работы по географіи древняго міра.

Астрономія.

Еще выше, чѣмъ географія Птолемея, цѣнилась въ средніе вѣка его астрономія. Заглавіе его руководства къ астрономіи Megale Syntaxis (Большой сводъ). Вмѣсто «большой» стали называть этотъ сводъ «величайшимъ» Megiste. Арабы, прибавивъ къ этому слогу членъ «эль» или «аль», сдѣлали изъ него слово Альмагестъ; подъ этимъ заглавіемъ астрономія Птолемея была извѣстна не только у арабовъ, но и у христіанъ въ средніе вѣка. Главнымъ основаніемъ работы Птолемея служили труды великаго астронома Гиппарха. Присоединивъ къ нимъ результаты изслѣдованій другихъ астрономовъ, онъ составилъ руководство, которое на много вѣковъ осталось основаніемъ всѣхъ астрономическихъ понятій. Его представленія объ устройствѣ вселенной таковы: въ центрѣ вселенной находится земля, имѣющая форму шара; сравнительно съ величиной вселенной, этотъ шаръ такъ малъ, что его можно считать за точку; земля неподвижна; около нея вращаются луна, солнце и небо неподвижныхъ звѣздъ. Солнце и планеты расположены въ неодинаковыхъ разстояніяхъ отъ земли; ближе всѣхъ къ ней луна, далѣе слѣдуютъ Меркурій, Венера, солнце, Марсъ, Юпитеръ и Сатурнъ; луна и солнце вращаются около земли по эксцентрическимъ кругамъ.

Астрономія Птолемея тоже была переведена на арабскій и латинскій языки и служила въ продолженіе среднихъ вѣковъ основаніемъ всѣхъ астрономическихъ понятій. По его даннымъ считалась величина года и установлялся календарь. Птолемею приписывается также учебникъ астрологіи, называющійся въ латинскомъ переводѣ Quadripartitum; это служитъ замѣчательнымъ свидѣтельствомъ того, какъ сильно было тогда владычество суевѣрія надъ умами.

Хронологія.

Птолемей былъ для послѣдующихъ вѣковъ главнымъ авторитетомъ и по хронологіи. Онъ составилъ «Списокъ царей» (Canon). Въ этомъ хронологическомъ трудѣ онъ дѣлитъ исторію древняго міра на четыре періода, соотвѣтственно четыремъ государствамъ, поочередно бывшимъ наиболѣе могущественными, приводитъ имена царей и счетъ годовъ ихъ правленія по египетской величинѣ года. Первое мѣсто у него занимаетъ вавилонско-ассирійское царство; онъ приводитъ имена двадцати его царей, первымъ изъ которыхъ у него поставленъ Набонассаръ, имя, не встрѣчающееся ни въ какихъ другихъ источникахъ; далѣе слѣдуетъ персидское царство и списокъ десяти его царей; третье царство—македонско-египетское; Птолемей приводитъ здѣсь тринадцать именъ царей; въ четвертомъ царствѣ, римскомъ, онъ перечисляетъ императоровъ отъ Августа до Антонина. По этой системѣ были составляемы учебники всеобщей исторіи до XVIII вѣка.

Галенъ родился 131, умеръ около 200.

Галенъ, человѣкъ съ философскимъ образованіемъ, старавшійся соединить въ одну систему ученія Аристотеля и Платона, много путешествовалъ, пріобрѣлъ обширныя свѣдѣнія по естественнымъ наукамъ и былъ знаменитѣйшимъ врачомъ своего времени. Опираясь главнымъ образомъ на труды Гиппократа, онъ первый выработалъ полную систему медицины. У него встрѣчается, между прочимъ, та мысль, что душевныя и физическія качества народовъ обусловливаются географическимъ положеніемъ ихъ земель. Бо́льшую часть жизни онъ провелъ въ Римѣ; онъ жилъ тамъ при Антонинахъ и былъ врачомъ Коммода. Его сочиненія и понятія пользовались во все продолженіе среднихъ вѣковъ величайшимъ уваженіемъ у христіанъ и арабовъ.

Атеней.

Компиляція Атенея состояла изъ пятнадцати книгъ; двѣ первыя и начало третьей не дошли до насъ вполнѣ; мы имѣемъ только извлеченіе изъ нихъ, сдѣланное очень поздно. Въ числѣ гостей, бесѣдующихъ на вымышленномъ пирѣ находятся знаменитые люди того времени, Галенъ, Ульпіанъ; находится и самъ Атеней; онъ въ своемъ сочиненіи пересказываетъ своему другу Тимократу все, что говорилось на пирѣ. Разсказъ начинается похвалой хозяину, и разговоръ переходитъ къ удовольствіямъ пировъ, къ знатокамъ и любителямъ этихъ удовольствій, потомъ бесѣда идетъ объ умѣренности героевъ Гомера и такъ далѣе, о разныхъ сортахъ вина, о его изготовленіи, о водѣ, о другихъ напиткахъ; послѣ того описываются разныя кушанья изъ растительнаго царства,—тутъ есть подробрости, интересныя для ботаники,—описываются кушанья изъ животнаго цар-

ства, потомъ описываются свадебные и другіе пиры разныхъ народовъ, идетъ рѣчь и о музыкѣ, и о паразитахъ, и о рабахъ, по поводу того, что рабы прислуживаютъ за пирами, о многомъ другомъ, чего можетъ касаться разговоръ по поводу пировъ. Шестая и слѣдующія книги описываютъ рыбъ, разныя качества ихъ, въ томъ числѣ и цѣлебныя; въ десятой книгѣ перечисляются знаменитые гастрономы, обжоры, пьяницы; въ одиннадцатой подробно описываются разные сорты кубковъ и другой посуды, изъ которой пьютъ; слѣдующія книги говорятъ о разныхъ другихъ наслажденіяхъ жизни, о роскоши, о любви, о музыкѣ, танцахъ, пѣніи, о всяческихъ играхъ.

Діогенъ Лаэртій около 210? Діогенъ Лаэртій посвятилъ свой трудъ какой-то знатной женщинѣ, бывшей почитательницею Платона. По мнѣнію однихъ, это была Аррія, подруга Галена; по мнѣнію другихъ, императрица Юлія Домна. Во введеніи авторъ говоритъ о томъ, что философія возникла не у варваровъ, а у грековъ; потомъ излагаетъ ея исторію, которую начинаетъ съ Ѳалеса; во второй книгѣ онъ говоритъ объ Анаксимандрѣ и философахъ того же направленія, о Сократѣ и его школѣ, въ третьей книгѣ о Платонѣ, въ четвертой объ академикахъ, въ пятой объ Аристотелѣ и перипатетикахъ, въ шестой о циникахъ, въ седьмой о стоикахъ отъ Зенона до Хрисиппа; послѣ того переходитъ къ италійской философіи и въ восьмой книгѣ говоритъ о Пиѳагорѣ и Эмпедоклѣ, въ девятой о Гераклитѣ, элеатской школѣ, атомистахъ; десятая (послѣдняя) книга подробно излагаетъ ученіе Эпикура.

В. Реторы и софисты.

Греческіе реторы и софисты. Греки оставались учителями и образцами ораторскаго искусства для римлянъ. Въ Римѣ поселялись греческіе преподаватели реторики; ихъ школы были посѣщаемы многочисленными слушателями. Въ другихъ городахъ, гдѣ господствовалъ греческій языкъ, отъ Массиліи до Тарса, знаменитые реторы тоже имѣли многочисленныхъ учениковъ. Одинъ изъ знаменитѣйшихъ греческихъ софистовъ временъ имперіи былъ Діонъ, названный Хризостомомъ (златоустымъ), уроженецъ виѳинскаго города Прусы.

Діонъ Хризостомъ родился около 50 умеръ 115. Онъ учился на родинѣ реторикѣ, софистикѣ, философіи, пріобрѣлъ многосторонія свѣдѣнія и поѣхалъ въ Римъ. Но Домиціанъ, опасавшійся ученыхъ, сталъ смотрѣть на него подозрительно; онъ бѣжалъ изъ Рима въ одеждѣ нищаго и сталъ странствовать по дунайскимъ землямъ, былъ даже у гетовъ. По смерти Домиціана, онъ склонялъ дунайскіе легіоны признать императоромъ Нерву и возвратился въ Римъ; Нерва и Траянъ осыпали его почестями; онъ умеръ въ Римѣ при Траянѣ. До насъ дошло отъ него 80 рѣчей и разсужденій политическаго, нравственнаго и философскаго содержанія. Древніе хвалятъ его за правильный языкъ, прекрасный слогъ, блестящую декламацію, за талантъ говорить рѣчи экспромптомъ, хвалятъ за теплоту чувства и за живость описаній. Діономъ начинается новый періодъ греческой литературы: съ его времени писатели стали стараться подражать древнимъ образцамъ.

Реторика въ Аѳинахъ. Греческая реторика имѣла свой золотой вѣкъ при Адріанѣ и Антонинахъ; мы видѣли, что Адріанъ очень любилъ Аѳины, покровительствовалъ искусствамъ и наукамъ, оживлялъ ихъ своею благосклонностью и щедростью. При Антонинахъ въ Аѳинахъ были основаны двѣ школы: одна для преподаванія философіи, другая для преподаванія реторики; учителямъ въ нихъ было назначено жалованье отъ государства. „Надежда занять эти выгодныя должности привлекала въ Аѳины множество софистовъ", говоритъ Вестерманъ: „многіе кандидаты пріѣзжали изъ Малой Азіи. Самолюбіе нѣкоторыхъ преподавателей скоро обратило эти лекціи въ публичныя чтенія. Софисты декламировали на площадяхъ, въ храмахъ, театрахъ; при многочисленности ихъ часто устроивались публичныя состязанія въ искусствѣ краснорѣчія. Въ своихъ путешествіяхъ софисты, при остановкахъ въ большихъ городахъ, тоже показывали свое искусство, иногда по приглашенію самихъ городовъ. На публичныхъ чтеніяхъ щегольство краснорѣчіемъ выказывалось во всей своей пышности, и особенно любили реторы блистать своимъ талантомъ, вызываясь говорить экспромптомъ на какую угодно тему. Тщеславіе вело къ пошлости, мастера роняли свое мастерство. Языкъ портился, слогъ страдалъ отъ излишества украшеній, смыслъ погибалъ отъ необузданности фантазіи". Публичныя декламаціи были пустымъ щегольствомъ, лишеннымъ всякаго содержанія. Изъ множества реторовъ и софистовъ этого времени знаменитѣйшимъ

Иродъ Аттическій 101—177. былъ Иродъ Аттическій, происходившій изъ знатнаго мараѳонскаго рода, обладавшій колоссальнымъ богатствомъ и благородно употреблявшій его на украшеніе Аѳинъ. Адріанъ назначилъ его предсѣдателемъ панэлленійскихъ игръ (стр. 298), при Антонинахъ онъ занималъ высшія должности въ Римѣ; потомъ удалился отъ общественныхъ дѣлъ, посвятилъ свой досугъ занятіямъ науками и краснорѣчіемъ, строилъ общественныя сооруженія, соперничествовавшія великолѣпіемъ съ постройками императоровъ. Еще остаются развалины Одеона, крытаго театра, построеннаго имъ у юго-восточной подошвы аѳинскаго Акрополя. Рѣчи его не дошли до насъ; древніе очень хвалятъ ихъ за легкость языка, изящество формы; говорятъ также, что мысли у него были оригинальны, но не изысканы, что слогъ его былъ краснорѣчивъ, но ясенъ и безъискусственъ. Изъ множества его друзей мы упомянемъ только о Фаворинѣ, уроженцѣ Арелата (Арля). О сочиненіяхъ, дошедшихъ до насъ подъ именемъ Фаворина, мы не знаемъ, дѣйствительно-ли они принадлежатъ ему; онъ былъ извѣстенъ и какъ реторъ и какъ философъ; въ практической жизни держался стоицизма, но по тщеславію писалъ противъ Эпиктета; въ теоретической философіи онъ былъ эклектикомъ. Важное значеніе онъ имѣетъ не по своимъ ораторскимъ и философскимъ трудамъ, а потому, что пользовался большимъ уваженіемъ у Адріана. Онъ раздѣлялъ склонность этого императора къ темному слогу, къ устарѣлымъ выраженіямъ, содѣйствовалъ своимъ вліяніемъ на ученыхъ развитію мелочности въ ихъ трудахъ, придавая большую важность изслѣдованію ничтожныхъ вопросовъ и укрѣплялъ въ императорѣ пристрастіе къ греческому языку, между тѣмъ какъ Корнелій Фронтонъ защищалъ латинскій языкъ. Авлъ Геллій, ученикъ и горячій приверженецъ Фаворина, превозноситъ изящество его слога, Филостратъ хвалитъ очаровательность его декламаціи. Въ тѣ времена скудости мысли придавали такую важность пустымъ состязаніямъ реторовъ и софистовъ, что споръ между Фавориномъ и Полемономъ, знаменитымъ греческимъ реторомъ, возбуждалъ величайшій интересъ. Полемонъ, учитель Ирода Аттическаго, своимъ преподаваніемъ и своими пышными публичными рѣчами вошелъ въ милость у императора, былъ осыпанъ почестями и пріобрѣлъ такое богатство, что и на своихъ путешествіяхъ и въ своемъ домѣ (въ городѣ Смирнѣ) жилъ съ царскимъ великолѣпіемъ. За благозвучіе и силу декламаціи его называли „Олимпійской трубой". „Аттическія ночи" Авла Геллія прекрасно знакомятъ насъ съ характеромъ ученой жизни при дворѣ Адріана.

Аристидъ умеръ около 189. Большое вліяніе на развитіе реторики имѣлъ ученикъ Ирода Аттическаго, Элій Аристидъ Мизійскій. Онъ пользовался такимъ уваженіемъ Марка Аврелія, что этотъ императоръ, по его просьбѣ, востановилъ городъ Смирну, разрушенный въ 179 году землетрясеніемъ. До насъ дошли 55 его рѣчей и декламацій и два разсужденія о реторикѣ. Современники восхищались имъ, но эти его сочиненія страдаютъ многословіемъ и запутанностью.

Долгая болѣзнь развила въ немъ суевѣріе; онъ проводилъ дни и ночи въ храмахъ Асклепія, имѣлъ откровенія отъ него въ сновидѣніяхъ. До насъ дошелъ трактатъ о реторикѣ, написанный современникомъ Аристида Гермогеномъ, уроженцемъ Тарса. Талантъ Гермогена развился чрезвычайно рано: на 15 году онъ былъ уже преподавателемъ, на 17 сталъ писателемъ, но на 25 подвергся неизлѣчимому умственному ослабленію. Трактатъ Гермогена о реторикѣ долго оставался учебникомъ этого искусства и былъ комментируемъ многими другими реторами. Въ немъ даются правила распредѣленія частей ораторской рѣчи, излагается ученіе о реторическихъ фигурахъ и пр. Знаменитымъ реторомъ слѣдующаго поколѣнія былъ Флавій Филостратъ лемносскій, написавшій біографіи знаменитыхъ софистовъ и реторовъ, имѣющія при всей своей напыщенности довольно большую историческую важность. Есть другое сочиненіе гораздо болѣе важное, написанное по желанію императрицы Юліи Домны авторомъ, имя котораго также Флавій Филостратъ; это—біографія Аполлонія Тіанскаго, о которой мы будемъ говорить послѣ. Есть другія сочиненія, написанныя авторомъ того же имени. Принадлежатъ ли всѣ они тому Филострату, который написалъ біографіи реторовъ, или было нѣсколько разныхъ писателей этого имени—вопросъ не рѣшенный.

Римскіе реторы.

Въ реторикѣ римляне были безусловными подражателями грековъ и вначалѣ писали рѣчи слогомъ еще болѣе напыщеннымъ, чѣмъ ихъ учители *); но потомъ у нихъ явились хорошіе преподаватели реторики, исправившіе ихъ вкусъ. Въ первое время римскіе реторы только переводили отрывки изъ греческихъ и составляли по нимъ списки реторическихъ фигуръ; такъ дѣлали Рутилій Лупъ, жившій при Тиберіѣ, и Корнелій Цельсъ, написавшій сухой учебникъ реторики. Но потомъ, когда молодые люди образованныхъ сословій полюбили занятія въ аудиторіяхъ реторовъ, стали произносить рѣчи, мѣряться силами въ диспутахъ, то римскіе преподаватели краснорѣчія начали писать самостоятельные трактаты.

Сенека реторъ.

Маркъ Анней Сенека (называемый реторомъ въ отличіе отъ его сына, философа), уроженецъ испанскаго города Кордубы; человѣкъ не особенно ученый и талантливый, но одаренный необыкновенной силой памяти, составилъ сборникъ учебныхъ

*) Въ «Сатириконѣ», приписываемомъ, какъ мы знаемъ, Петронію, Энкольпій читаетъ публичную лекцію, въ которой осуждаетъ глупыхъ реторовъ: вмѣсто того, чтобы научать истинному краснорѣчію, они занимаются только надутымъ пустословіемъ, такъ что, когда ихъ ученики являются на форумъ, то видятъ себя въ невѣдомомъ мірѣ, потому что въ школѣ не учатся они ничему, происходящему въ дѣйствительной жизни, а слушаютъ декламаціи о пиратахъ, которые съ оковами въ рукахъ подстерегаютъ на берегу несчастныхъ захватить ихъ въ плѣнъ, о тираннахъ, которые велятъ сыновьямъ отрубать головы отцамъ, объ оракулахъ, требующихъ для прекращенія моровой язвы принесенія трехъ или четырехъ дѣвушекъ въ жертву; эти ужасные предметы излагаются въ школьныхъ декламаціяхъ словами сладкими, какъ медовые пряники, посыпанные макомъ. При такомъ преподаваніи невозможно научиться хорошему вкусу, какъ живущему на кожевенномъ заводѣ нельзя уберечь носъ отъ вони,—продолжаетъ Энкольпій: не удивительно, что краснорѣчіе погибло; реторы забавляются пустозвонствомъ, лишаютъ рѣчь всякой энергіи, всякой жизни, и, разумѣется, она должна падать. Древніе греческіе поэты и ораторы не знали такихъ декламацій. Ихъ величественный, цѣломудренный слогъ не щеголяетъ пестротой и надутостью, онъ прекрасенъ своей естественностью. Напыщенное краснорѣчіе пришло въ Аѳины изъ Азіи и заразило тамъ своимъ ядовитымъ дыханіемъ молодежь; съ той поры истинное краснорѣчіе замолкло, поэзія утратила свою чистоту, живопись замѣнилась египетскимъ малярствомъ.

рѣчей для пособія себѣ въ преподаваніи ораторскаго искусства своимъ сыновьямъ; онъ сдѣлалъ сводъ рѣчей знаменитѣйшихъ реторовъ по довольно многимъ реторическимъ темамъ, записалъ по памяти ихъ мнѣнія о разныхъ вопросахъ реторики, собралъ лучшія ихъ декламаціи и диспуты (Suasoriae et controversiae).

Квинтиліанъ род. около 40, умеръ 118.

Его соотечественникъ Маркъ Фабій Квинтиліанъ, учившійся въ римскихъ школахъ и расширившій свои понятія въ дружескихъ бесѣдахъ съ хорошими ораторами, сдѣлавшійся при Веспасіанѣ преподавателемъ краснорѣчія и получившій отъ Домиціана должность воспитателя внуковъ его сестры, написалъ превосходное „Руководство къ ораторскому искусству“ (Institutio oratoria). Это обширный трактатъ, состоящій изъ двѣнадцати книгъ, онъ излагаетъ всѣ части теоріи ораторскаго искусства и представляетъ стройную систему его, основанную на нравственныхъ принципахъ. Квинтиліанъ энергически возстаетъ противъ тогдашней испорченности вкуса, ставитъ образцами краснорѣчія прежнихъ римскихъ ораторовъ и въ особенности Цицерона. Благодаря ему, вкусъ римлянъ сталъ улучшаться. Бернгарди говоритъ: „Онъ въ систематическомъ порядкѣ разсказываетъ, какъ должно воспитывать ребенка, подготовляя его къ тому, чтобы современемъ онъ сдѣлался ораторомъ, какъ должно дѣйствовать на него вліяніями практической жизни и теоретическими уроками, чтобы вполнѣ развились его нравственныя силы и онъ выросъ благороднымъ человѣкомъ. Педагогическая часть трактата Квинтиліана очень богата содержаніемъ, привлекательна теплотою чувства и даетъ намъ наглядное знакомство съ тѣмъ, какъ велось у римлянъ воспитаніе ораторовъ. Удивительное изящество формы даетъ занимательность изложенію подробностей, которыя сами по себѣ были бы скучны, не будь онѣ разсказаны такъ живо и хорошо“. Квинтиліанъ былъ очень хорошій преподаватель, человѣкъ благороднаго характера, одаренный чистымъ эстетическимъ вкусомъ. Послѣдніе годы его жизни были опечалены семейными несчастіями: умерла его жена, еще молодая женщина, умерли оба его сына. Трактатъ Квинтиліана оставался во всѣ средніе вѣка основаніемъ преподаванія реторики.

Разговоръ объ ораторахъ.

Знаменитый „Разговоръ объ ораторахъ“ или „О причинахъ упадка краснорѣчія“ большинство ученыхъ считаютъ произведеніемъ Тацита и полагаютъ, что оно написано имъ въ молодости. По мысли и по изложенію, оно превосходно. Каждый изъ участниковъ разговора излагаетъ свои понятія довольно длинной рѣчью. Всѣ они говорятъ очень краснорѣчиво, съ теплымъ чувствомъ, съ энергіей. Трагикъ Матернъ, ораторъ Апръ и государственный человѣкъ Мессала разбираютъ старый вопросъ о томъ, кто выше, поэтъ или ораторъ, и разсуждаютъ о разницѣ между ораторской дѣятельностью при республикѣ и во времена имперіи. Нѣкоторые сомнѣваются въ томъ, дѣйствительно ли Тацитъ написалъ этотъ разговоръ; причина сомнѣнія та, что слогъ въ немъ имѣетъ болѣе плавности, чѣмъ въ произведеніяхъ, несомнѣнно принадлежащихъ Тациту. Самая блестящая часть разговора та, въ которой проводится параллель между республиканскимъ и монархическимъ краснорѣчіемъ; авторъ горячо сочувствуетъ республиканскому и отдаетъ ему рѣшительное предпочтеніе. Но и вообще разговоръ очень богатъ дѣльными мыслями, драгоцѣнными для насъ свѣдѣніями и прекрасными характеристиками, очень тонкими и точными.—Корнелій Фронтонъ, уроженецъ Цирты, знаменитый юристъ и реторъ, занимавшій очень высокія должности при нѣсколькихъ императорахъ, долго владычествовалъ надъ направленіемъ римской литературы. До недавняго времени мы имѣли только небольшой трактатъ его о грамматикѣ, но въ нынѣшнемъ столѣтіи найдена часть его обширной переписки съ Антониномъ Піемъ и съ его воспитанниками, Мар-

комъ Авреліемъ и Луціемъ Веромъ, найдены его школьныя декламаціи и часть его исторіи пареянской войны. Послѣ этого значительно понизились тѣ похвалы ему, какія прежде повторялись со словъ древнихъ писателей, превозносящихъ его произведенія. „Фронтонъ былъ человѣкъ съ большимъ честолюбіемъ и ограниченнымъ умомъ", говоритъ Бернгарди: „жалкій характеръ его времени очевиденъ изъ того, что онъ по завистливости старается унижать своихъ предшественниковъ и систематической реакціей возвращаетъ литературу къ тому языку, на какомъ писали за нѣсколько столѣтій. Его слогъ хлопотливо слѣпленъ изъ устарѣлыхъ выраженій, собранныхъ изъ старинныхъ авторовъ; этою мозаикой архаизмовъ онъ старается прикрыть скудость своихъ знаній и мыслей".

По примѣру Рима, было основано много школъ въ провинціальныхъ городахъ западной части государства; молодые люди получали въ этихъ школахъ общее образованіе, готовились къ изученію юриспруденціи, занимались упражненіями въ ораторскомъ искусствѣ. Эти латинскія школы реторики были почти такъ же знамениты, какъ греческія; въ особенности усердно занимались реторикою въ школахъ большихъ городовъ Галліи: въ Массиліи, Лугдунѣ, Августодунѣ (Отѣнѣ), Арелатѣ, Толозѣ, Бурдигалѣ (Бордо), Нарбонѣ, Колоніи Тревировъ (Триръ). Преподаватели получали большое жалованье, высокіе титулы и высказывали свою признательность императорамъ пышными рѣчами.

C. Римская поэзія.

Драма. Сенека-трагикъ.

Гибельное вліяніе реторики на поэзію чрезвычайно сильно отразилось въ девяти (или десяти) трагедіяхъ, которыя, по древнему преданію, приписываются Аннею Сенекѣ, знаменитому философу. Мы не имѣемъ данныхъ, чтобы съ точностью рѣшить, кто былъ ихъ авторъ: дѣйствительно ли философъ Сенека, или его отецъ, реторъ, или какой-нибудь другой писатель, неизвѣстный намъ по имени, или онѣ принадлежатъ не одному автору, а разнымъ. Но очевидно, что онѣ написаны во вкусѣ реторики перваго вѣка нашей эры и были предназначены не для сцены, а для публичной декламаціи. „По всей вѣроятности, это сборникъ трагедій разныхъ авторовъ", говоритъ Бернгарди: „Основателемъ этой реторической манеры писать былъ Сенека, и подъ его именемъ были собраны произведенія, болѣе или менѣе сходныя между собою по слогу, принадлежавшія разнымъ писателямъ его декламаторской школы. Въ исторіи литературы много примѣровъ подобнаго рода: произведенія, написанныя во вкусѣ знаменитаго человѣка, были выдаваемы за написанныя имъ". Послѣдняя трагедія этого сборника. „Октавія" имѣетъ своею темою смерть несчастной Октавіи, жены Нерона; она написана реторомъ, драматическая способность котораго ограничивалась тѣмъ, что онъ нанизалъ рядъ разговоровъ и хоровъ, не имѣющихъ внутренней связи между собой, и наполнилъ ихъ декламаціонными и учеными прикрасами. Всѣ остальныя трагедіи и по содержанію и по формѣ—подражанія трагедіямъ Софокла и Эврипида; раболѣпство подражанія простирается до того, что удержанъ даже хоръ, для котораго не было мѣста на римской сценѣ; лирическія декламаціи хора принимаютъ иногда формы одъ. Но подражаніе вовсе не направлено къ тому, чтобы сохранить естественность, благородство, идеальность греческихъ образцовъ; —все это замѣняется стремленіемъ произвести эффектъ, средствами для котораго служатъ напыщенный паѳосъ, пустая декламація, утрировка страшныхъ и отвратительныхъ подробностей, щегольство миѳологической

ученостью, блестящими афоризмами, замысловатыми оборотами рѣчи. Планъ нѣкоторыхъ трагедій составленъ недурно, но съ исключительной заботой объ эффектѣ; сцены идутъ одна за другой безсвязно, потому что у автора или авторовъ не было заботы о цѣльности впечатлѣнія, было только желаніе производить эффектъ отдѣльными эпизодами; дѣйствующія лица не имѣютъ ясно обрисованныхъ индивидуальныхъ характеровъ; это миѳологическія фигуры, въ уста которымъ вложены длинныя патетическія рѣчи, наполненныя афоризмами стоической философіи, искусственными порывами чувства и холодной моралью. Языкъ не лишенъ благозвучія, но утомителенъ и непріятенъ изысканностью, напыщенностью и многословіемъ. Ни драматическаго дѣйствія, ни знанія человѣческаго сердца нѣтъ, ихъ замѣняетъ утрировка. Отвратительнѣйшія сцены, какія только можетъ изобрѣсти фантазія, происходятъ передъ глазами зрителя: на сцену выбрасываются куски растерзаннаго тѣла Ипполита; Медея бросаетъ трупы дѣтей къ ногамъ ихъ отца; опьянѣвшій Тіэстъ пьетъ кровь своихъ дѣтей, примѣшанную къ вину; героизмъ доходитъ до неправдоподобія; преувеличены до неестественности и злодѣйства, происходящія обыкновенно отъ бѣшеной мстительности; свѣтъ и тѣни лежатъ рядомъ, какъ бѣлыя и черныя пятна безъ всякихъ среднихъ переходовъ; это лишь пестрое полотно, а не картина. Есть отдѣльныя мѣста очень хорошія; но они кусочки золота, замкнутые въ камнѣ рудничной скалы. — Трагедіи Сенеки имѣли большое вліяніе на новую драму, въ особенности на классическую драму французовъ; въ эпоху безвкусія онѣ были предпочитаемы своимъ греческимъ образцамъ. Даже Лессингъ еще ослѣплялся ихъ фальшивымъ блескомъ.

Ѳиваида. — Троянки. — Медея. — Безуміе Геркулеса. — Геркулесъ на Этѣ. — Ипполитъ. — Эдипъ. — Агамемнонъ. — Тіэстъ.

Достоинства трагедій, приписываемыхъ Сенекѣ неодинаковы. Менѣе всѣхъ похожи на истинную драму «Ѳиваида», или «Финикіянки»; это этюдъ, не получившій окончательной отдѣлки, рядъ безсвязныхъ сценъ, большая часть которыхъ взята изъ «Эдипа въ Колонѣ» Софокла; другія заимствованы изъ другихъ эпизодовъ ѳиванскаго цикла миѳовъ. — Одна изъ лучшихъ трагедій — «Троянки»; это рядъ эффектныхъ сценъ плача плѣнницъ по взятіи Трои и новыхъ страданій, которымъ подвергаютъ Гекубу и Андромаху смерть Астіанакса и принесеніе Поликсены въ жертву (II, 90). «Медея»—подражаніе драмѣ Эврипида (II, 572); раздраженіе Медеи доведено римскимъ подражателемъ до отвратительной свирѣпости. «Безуміе Геркулеса» тоже подражаніе Эврипиду (II, 575); «Геркулесъ на Этѣ»—подражаніе «Трахинянкамъ» Софокла; обѣ эти трагедіи состоятъ изъ безсвязныхъ сценъ. Въ «Безуміи Геркулеса» изображается то, какъ онъ, убивъ Лика, подвергается сумашествію и убиваетъ жену и дѣтей; содержаніе трагедіи «Геркулесъ на Этѣ»—его самосожженіе. Послѣ «Троянокъ» лучшая піэса «Ипполитъ»; она подражаніе «Ипполиту» Эврипида, но есть въ ней отступленія отъ греческаго образца и при томъ не дурныя. Сцена признанія Федры Ипполиту въ своей любви къ нему очень хороша; Расинъ подражалъ ей. Одна изъ самыхъ слабыхъ драмъ «Эдипъ», подражаніе «Эдипу царю» Софокла (II, 567); тутъ излагается судьба Эдипа до той поры, какъ онъ ослѣпилъ себя, а Іокаста лишила себя жизни; очень слаба и трагедія «Агамемнонъ», подражаніе «Агамемнону» Эсхила (II, 565). Гораздо лучше ихъ «Тіэстъ», хотя содержаніе этой трагедіи ужасно до отвратительности. До насъ не дошли греческія драмы, основанныя на легендѣ о Тіэстѣ, потому мы не знаемъ которой изъ нихъ подражалъ авторъ. Лессингъ находитъ высокій трагизмъ въ патетическихъ сценахъ этой драмы и особенно въ той ужасной сценѣ, когда Тіэстъ узнаетъ, что Атрей подалъ ему ѣсть мясо его дѣтей и пить кровь ихъ.

Эпосъ.

Вліяніе реторики сильно отразилось и на эпической поэзіи римлянъ монархическаго времени. Изъ римскихъ эпическихъ поэтовъ этого періода

Луканъ 38—65.

пріобрѣли знаменитость Луканъ, Силій Италикъ, Валерій Флаккъ и Стацій; всѣ они подражали Виргилію и писали реторическимъ слогомъ. Маркъ Анней Луканъ, сынъ сестры философа Сенеки, родился въ 38 году въ испанскомъ городѣ Кордубѣ, воспитывался въ Римѣ въ кругу даровитаго семейства, самъ былъ даровитъ, учился прилежно, и талантъ его развился рано. Корнутъ, въ домѣ котораго познакомился онъ съ Персіемъ, внушилъ ему любовь къ стоической философіи. Дядя ввелъ его въ кругъ приближенныхъ Нерона; онъ написалъ стихотвореніе въ честь императора; отчасти за эту похвалу, отчасти по своему пристрастію къ поэзіи, Неронъ сначала благоволилъ къ нему, награждалъ его, но потомъ сталъ завидовать славѣ, которую онъ пріобрѣлъ своими стихотвореніями, устранилъ его отъ себя, запретилъ ему публично читать его стихи. Луканъ возненавидѣлъ Нерона. Эта перемѣна видна въ его поэмѣ: въ началѣ „Фарсаліи" онъ прославляетъ Нерона, говоритъ, что его царствованіе принесетъ государству миръ и счастіе; но въ слѣдующихъ ея пѣсняхъ сочувствіе автора принадлежитъ уже партіи республиканцевъ, и въ особенности Катону. Луканъ, какъ мы знаемъ, принялъ участіе въ заговорѣ Пизона; по открытіи злоумышленія, онъ старался спасти свою жизнь просьбами и доносами на соучастниковъ; но все осталось напрасно, Неронъ велѣлъ ему умереть. Онъ перерѣзалъ себѣ артеріи и умеръ, читая вслухъ то мѣсто „Фарсаліи", гдѣ описывается смерть воина, истекающаго кровью. Смерть прославила Лукана: современники и потомство стали считать его мученикомъ за свободу.

Фарсалія.

Уваженіе къ автору было перенесено и на его «Фарсалію», историческую эпопею, оставшуюся недоконченной; онъ успѣлъ написать десять книгъ, въ которыхъ доводитъ разсказъ до александрійской войны. «Фарсалію» прославляли выше ея истиннаго достоинства, ставили на ряду съ Энеидой; но уже Квинтиліанъ говоритъ, что при всемъ своемъ талантѣ Луканъ болѣе ораторъ, чѣмъ поэтъ; а Петроній замѣчаетъ, что исторія, написанная стихами, еще не эпопея. У Лукана не было художественнаго творчества, не было ни воображенія, ни теплоты чувства. Онъ выбралъ предметомъ своей поэмы войну Цезаря съ Помпеемъ, отчасти потому, что описаніе послѣдняго времени республики давало ему просторъ высказывать свою любовь къ свободѣ и къ республикѣ, свой катоновскій стоицизмъ; онъ выражаетъ эти чувства длинными рѣчами своихъ республиканскихъ героевъ; другимъ мотивомъ выбора этой темы была склонность его къ реторической декламаціи, для которой очень богатый матеріалъ представляютъ трагическая смерть прославляемаго имъ Помпея, стоическая доблесть Катона и блестящія побѣды Цезаря; пользуясь этими темами, онъ пишетъ патетическія рѣчи и картины. Онъ очень усердно выставляетъ себя стоикомъ, восторженнымъ приверженцемъ свободы, но его искусственный жаръ оставляетъ насъ холодными, между прочимъ и потому, что льстивыя похвалы Нерону, вплетенныя въ первыя пѣсни поэмы, доказываютъ неискренность его республиканскаго энтузіазма: мы видимъ, что онъ прославляетъ республику не по душевной преданности ей, а по холодному разсчету. Поэма имѣетъ строго-историческое содержаніе безъ всякихъ эпическихъ пріемовъ изложенія; боги не участвуютъ непосредственнымъ образомъ въ ходѣ событій, они только ободряютъ, или предостерегаютъ людей оракулами, сновидѣніями, предзнаменованіями. Слогъ неровенъ, сухъ, прозаиченъ, въ стихѣ нѣтъ изящества. Но поэма не лишена достоинствъ: нѣкоторыя рѣчи и по формѣ, и по содержанію превосходны; многія описанія сдѣланы хорошо и даже поэтичны; характеры главныхъ дѣйствующихъ лицъ обрисованы заботливо и выдержаны; подъ непривлекательной формой часто виденъ благородный патріотизмъ.

Силій Италикъ 25—100.

Подобно Лукану, Силій Италикъ написалъ эпопею; объемъ ея великъ; предметомъ ея взята вторая пуническая война, разсказываемая въ 17 пѣсняхъ отъ паденія Сагунта до тріумфа Сципіона. Содержаніе заимствовано изъ Ливія и Полибія; по формѣ своей, поэма подражаніе Виргилію. Боги являются въ ней, но не управляютъ событіями, а лишь пополняютъ собою антракты въ качествѣ праздныхъ фигурантовъ. О жизни автора мы знаемъ только, что онъ былъ богатъ, что у него были виллы, наполненныя произведеніями искусствъ, что онъ въ прекрасной обстановкѣ занимался тамъ своими поэтическими трудами, что онъ былъ юристъ, получилъ санъ консула, что онъ чрезвычайно уважалъ Виргилія, ежегодно праздновалъ день его рожденія и вступалъ въ его гробницу съ такимъ благоговѣніемъ, какъ будто входитъ въ храмъ. Плиній младшій хвалитъ его краснорѣчіе, любовь къ искусствамъ, ученость, но говоритъ, что онъ при Неронѣ поступалъ низко, обезчестилъ себя доносами, замѣчаетъ, что въ его произведеніяхъ больше трудолюбія, чѣмъ таланта, и что онъ любилъ читать ихъ въ обществѣ, желая слушать сужденія о нихъ. Есть у него восхваленіе Домиціану, изложенное въ формѣ предсказанія Юпитера.

Валерій Флаккъ умеръ около 89.

Даровитѣе Силія былъ Гай Валерій Флаккъ; Марціалъ называетъ его соотечественникомъ Ливія; итакъ, вѣроятно, родиною его былъ Патавій. Большую часть жизни онъ провелъ въ этомъ городѣ, занимаясь науками и поэзіей. Кажется, онъ былъ бѣденъ. Марціалъ совѣтуетъ ему бросить поэзію, сдѣлаться юристомъ. Блестящимъ временемъ его поэтической дѣятельности были царствованія Веспасіана и Тита. Онъ умеръ въ молодыхъ лѣтахъ; Квинтиліанъ говоритъ: „Смерть его — великая потеря для насъ". Его поэма „Аргонавты" (Argonautica), состоящая изъ восьми книгъ, осталась недокончена и дошла до насъ въ очень испорченномъ видѣ; по содержанію она сходна съ поэзіею Аполлонія родосскаго объ Аргонавтахъ (III, 412), уступаетъ ей граціозностью и естественностью, но превосходитъ ее искуснымъ расположеніемъ эпизодовъ и точностью характеристики лицъ; по формѣ она—подражаніе Энеидѣ, но въ ней нѣтъ граціозности этой поэмы; языкъ ея тяжелъ.

Стацій 61—96.

Даровитѣйшимъ поэтомъ временъ имперіи былъ Публій Папиній Стацій. Онъ родился въ Неаполѣ; отецъ его, довольно знаменитый грамматикъ и поэтъ, поселился потомъ въ Римѣ, училъ тамъ дѣтей вельможъ, былъ даже учителемъ Домиціана. Стацій выросъ въ этомъ кругу и привыкъ къ низкой лести, позорящей его произведенія. Поэтическій талантъ его развился рано; въ особенности блисталъ онъ способностью импровизировать; она пріобрѣла ему благосклонность двора и удивленіе современниковъ. Домиціанъ долго покровительствовалъ ему, давалъ награды на поэтическихъ состязаніяхъ; но потомъ онъ утратилъ расположеніе императора, возвратился въ Неаполь и умеръ тамъ бѣднякомъ въ молодыхъ лѣтахъ. Его произведенія очень долго пользовались большой славою; римлянамъ нравились его эпопеи: „Өиваида", состоящая изъ 12 книгъ и „Ахиллеида", которая осталась неокончена (онъ успѣлъ написать только двѣ пѣсни); но еще болѣе нравилось собраніе лирическихъ стихотвореній, которое онъ по разнообразію его содержанія назвалъ „Лѣсами" (Silvae).

Өиваида.

«Өиваида», льстивымъ вступленіемъ посвященная Домиціану, разсказываетъ войну между сыновьями Эдипа; разсказъ очень подробенъ и растянутъ, особенно вначалѣ. Кажется, Стацій слѣдовалъ главнымъ образомъ Антимаху, «Өиваида» котораго не дошла до насъ. Сообразно вкусу своего времени, онъ щеголяетъ ученостью и реторическими прикрасами; но онъ одаренъ живой фантазіей; въ слогѣ онъ болѣе подражаетъ Овидію, нежели Виргилію; языкъ его легокъ, стихъ благозвученъ. Глубокихъ мыслей и энергіи у него нѣтъ, но нѣкоторые разсказы и описанія удачны (напримѣръ, жилище Сна въ XI книгѣ, встрѣча жены и сестры Полиника у его тѣла въ XII книгѣ).

Ахиллеида.

Ахиллеида также посвящена Домиціану; Стацій написалъ только двѣ пѣсни; продолжать

поэму, кажется, не дала ему смерть. Въ первыхъ двухъ пѣсняхъ разсказывается жизнь Ахиллеса на Скиросѣ и его плаваніе къ троянскому берегу; это рядъ граціозныхъ картинъ и разсказовъ.

Лѣса.

Между своими работами надъ „Ѳиваидой“ и „Ахиллеидой“ Стацій писалъ лирическія стихотворенія, сборникъ которыхъ назвалъ „Лѣсами“. Это произведенія минутнаго поэтическаго вдохновенія; нѣкоторыя изъ нихъ написаны гекзаметромъ, другія болѣе легкими размѣрами; къ нимъ присоединены предисловія, написанныя прозой. Содержаніе этихъ стихотвореній идиллическое, они импровизаціи, которыми живой талантъ Стація угождалъ желанію высокихъ его покровителей; онъ набрасывалъ ихъ быстро въ нѣсколько дней или часовъ, не работалъ надъ ихъ отдѣлкой; но они такъ граціозны, такъ чисты, наивны, что въ нихъ ни мало не отражается мрачное время, украшеніями котораго они служили. Въ нихъ нѣтъ ни малѣйшаго намёка на ужасы послѣднихъ лѣтъ царствованія Домиціана, хотя большая часть ихъ написана въ эти годы: въ нихъ владычествуетъ невозмутимый миръ, или по крайней мѣрѣ тихая покорность судьбѣ. Поэтъ почти не знаетъ порицанія; у него встрѣчаются лишь немногіе дурные отзывы о временахъ, давно минувшихъ; настоящее является въ самомъ розовомъ свѣтѣ. Поэтъ пользовался благосклонностью Домиціана именно за то, что не хотѣлъ помнить о фактахъ, совершавшихся кругомъ его, и по своей бѣдности усердно льстилъ, восхищался всѣмъ, чѣмъ велѣли ему восхищаться. По смерти Домиціана онъ вернулся бѣднякомъ на родину и умеръ тамъ, покинутый прежними друзьями. Слава, какой пользовались произведенія Стація, была такъ велика, что Данте ставитъ его рядомъ съ Виргиліемъ; быть можетъ, такому уваженію Данте къ нему содѣйствовало преданіе, что онъ былъ христіанинъ,—вымыселъ, разумѣется, ни на чѣмъ не основанный.

Дидактическіе поэты.

От дидактической поэзіи временъ имперіи дошло до насъ менѣе остатковъ, чѣмъ отъ эпической, и свѣдѣнія наши о дидактическихъ поэтахъ того времени скудны. Такъ, напримѣръ, до недавняго времени ученые не умѣли рѣшить, кѣмъ написана дидактическая поэма „Этна“, состоящая изъ 640 гекзаметровъ и въ духѣ Лукреція излагающая научныя понятія о вулканахъ; теперь большинство ученыхъ думаетъ, что авторомъ ея былъ Луцилій младшій, другъ Сенеки. „Факты изверженія огнедышущей горы описаны въ этой поэмѣ вѣрно, но безъ поэтической индивидуальности“, говоритъ Гумбольдтъ. Болѣе талантливо написана поэма объ астрономіи и астрологіи, состоящая изъ пяти книгъ; авторъ ея Манилій, жившій, вѣроятно, при Тиберіѣ, былъ человѣкъ талантливый, но не особенно образованный. Сообщивъ необходимыя подготовительныя свѣдѣнія изъ астрономіи, онъ излагаетъ ученіе халдеевъ о вліяніи небесныхъ свѣтилъ на судьбу людей. „Эту не поэтическую поэму“, говоритъ Бернгарди, „Манилій изложилъ съ удивительною живостью и придалъ ей разнообразіе множествомъ картинъ и моральными разсужденіями. Тонъ изложенія вообще благородный и энергическій; но оно слишкомъ многословно“. Въ трактатѣ Колумеллы о сельскомъ хозяйствѣ десятая книга „О садоводствѣ“, написана гекзаметрами, она предназначена служить дополненіемъ къ „Георгикамъ“ Виргилія. Остальныя одиннадцать книгъ, въ которыхъ говорится о пользѣ и пріятности сельскаго хозяйства, о хлѣбопашествѣ, винодѣліи, о деревьяхъ, о скотоводствѣ и о разныхъ другихъ занятіяхъ сельскаго хозяина, написаны прозой. Юній Модератъ Колумелла, уроженецъ Гадеса, жившій при Клавдіѣ, имѣлъ основательныя теоретическія и практическія знанія по сельскому хозяйству и желалъ своимъ трактатомъ

Луцилій младшій. Манилій. Колумелла.

остановить упадокъ его. Сочиненіе Колумеллы самое основательное и подробное изложеніе сельско-хозяйственныхъ знаній, какое дошло до насъ отъ древняго міра.

Компиляторы Авлъ Геллій род. около 125 умеръ 175.

Изъ безчисленныхъ компиляторовъ, грамматиковъ и комментаторовъ того времени замѣчательнѣе всѣхъ Авлъ Геллій, написавшій „Аттическія ночи“. Эта компиляція состоитъ изъ 20 книгъ (отъ восьмой книги дошло до насъ только оглавленіе). Занимаясь во время Адріана въ Аѳинахъ изученіемъ философіи, онъ по зимнимъ ночамъ дѣлалъ извлеченія изъ греческихъ и римскихъ писателей, продолжалъ это дѣло, возвратившись въ Римъ, и такимъ образомъ у него образовался сборникъ выписокъ очень разнообразнаго содержанія, расположенныхъ безъ системы. Литературнаго достоинства этотъ сборникъ не имѣетъ, хотя составитель щеголяетъ прикрасами слога въ старинномъ вкусѣ, но онъ даетъ намъ огромное количество свѣдѣній о языкѣ, исторіи, обо всѣхъ сторонахъ древняго быта, и многія выписки сдѣланы изъ произведеній классическаго времени, не дошедшихъ до насъ. Такое же значеніе имѣетъ трактатъ Нонія Марцелла о латинскомъ языкѣ. Авторъ, очевидно, хотѣлъ остановить упадокъ языка своимъ сборникомъ выраженій, принадлежащихъ лучшимъ временамъ; съ тѣмъ вмѣстѣ онъ хотѣлъ угодить тогдашнему пристрастію къ стариннымъ словамъ и оборотамъ. Сборникъ составленъ хорошо и расположенъ по правильной системѣ. Главное достоинство его для насъ то, что въ немъ много цитатъ изъ авторовъ, не дошедшихъ до насъ, въ особенности изъ поэтовъ.—Въ началѣ V вѣка Макробій, неоплатоникъ, жившій при дворѣ Ѳеодосія младшаго, составилъ такой же сборникъ „Разговоры во время Сатурналій“, въ нихъ много свѣдѣній по исторіи, миѳологіи и по разнымъ сторонамъ быта прежнихъ временъ.

Марцеллъ. Макробій.

Д. Сенека. Плиній. Тацитъ.

Сенека до Р. Х.—65 по Р. Х. Неодинаковость сужденій о Сенекѣ.

Въ исторіи встрѣчается мало лицъ, сужденія о которыхъ были бы такъ разнорѣчивы, какъ о философѣ Луціѣ Аннеѣ Сенекѣ, сынѣ ретора, носившаго то же имя. Нѣкоторые ученые прославляли его, какъ мудрѣйшаго и добродѣтельнѣйшаго человѣка во всемъ древнемъ Римѣ; христіанскіе писатели выказывали величайшее уваженіе къ нему, почерпали изъ его сочиненій назиданія себѣ; возникла даже легенда, что онъ былъ знакомъ съ апостоломъ Павломъ, что онъ былъ христіанинъ; другіе ученые называли его лицемѣромъ, шарлатаномъ, который, проповѣдуя въ своихъ сочиненіяхъ добродѣтель, превознося нравственныя блага, разсуждая о ничтожности матеріальныхъ благъ, на самомъ дѣлѣ былъ ростовщикъ и притѣснитель, всяческими средствами увеличивавшій свое богатство, льстившій сильнымъ людямъ, угождавшій господствующимъ порокамъ; говорили даже, что онъ внушилъ своему воспитаннику Нерону тѣ правила, которыя сдѣлали впослѣдствіи этого злодѣя омерзеніемъ рода человѣческаго. Всѣ согласны только въ томъ, что Сенека былъ знаменитѣйшимъ человѣкомъ своего времени, имѣлъ громадное вліяніе на литературу и умственную жизнь современниковъ и потомковъ. По воззрѣнію древняго міра, человѣкъ былъ прежде всего гражданинъ, понятія о нрав-

Литературныя качества его.

ственности были совершенно подчинены интересамъ государства и народа; Сенека сталъ на болѣе высокую, чисто человѣческую точку зрѣнія, училъ нравственности, общей для всѣхъ людей, говорилъ испорченному обществу падающаго государства объ идеальномъ порядкѣ жизни, о божественномъ промыслѣ. Въ этомъ смыслѣ правы тѣ, которые называютъ его предвѣстникомъ христіанскихъ понятій. Форма произведеній у него дѣло второстепенное, сравнительно съ содержаніемъ. Прежніе писатели стремились произвести въ читателѣ гармоническое настроеніе души художественными и эстетическими средствами, дѣйствовали на сердце черезъ эстетическое чувство; Сенека держится правила говорить прямо сердцу читателя, дорожитъ только содержаніемъ своихъ словъ, а не формою ихъ изложенія. Нельзя сказать, что его языкъ не краснорѣчивъ, слогъ его не энергиченъ; напротивъ, онъ пишетъ сильнымъ языкомъ, и слогъ его часто блеститъ эффектными выраженіями, смѣлыми антитезами; но у него нѣтъ плавнаго, гармоническаго построенія періодовъ; тонъ его всегда одинаковъ; повсюду у него реторическія прикрасы; ходъ мыслей неровенъ, часто капризенъ; свѣтъ и тѣни производятся у него только искусственными антитезами; въ его слогѣ отражается тревожность и

Характеръ его. шаткость его характера. Сенека былъ человѣкъ очень даровитый, имѣвшій живое, богатое воображеніе, сильный умъ, обширныя знанія; но у него не было такой твердости характера, чтобы среди безнравственной обстановки стойко держаться правды и добра, не было силы противиться искушеніямъ, оставаться вѣрнымъ своему убѣжденію. Въ религіи и въ наукѣ онъ отдавалъ предпочтеніе стоической философіи, но впадалъ въ безхарактерный эклектизмъ, не чуждался даже эпикуреизма; такъ и въ жизни, любя добродѣтель, онъ былъ уступчивъ къ пороку; зная, въ чемъ состоитъ истинное благо, онъ отдавался чувственности, раболѣпствовалъ передъ владычествующимъ развратомъ, льстилъ сильнымъ интриганамъ; желалъ хорошаго, но былъ слабъ, и при всемъ своемъ умѣ былъ мелочно честолюбивъ. Его нравственное ученіе не основывается на коренныхъ истинахъ, оно состоитъ изъ множества казуистическихъ правилъ относительно частныхъ случаевъ, съ указаніемъ на добровольную смерть, какъ на послѣднее убѣжище отъ несчастій. Въ слогѣ его сочиненій отражается шаткость его характера.

„Онъ былъ человѣкъ необыкновеннаго ума“, говоритъ Бернгарди, „у него являлось множество новыхъ мыслей, онъ превосходно умѣлъ дѣйствовать на душу, очаровывать разнообразіемъ идей, быстро идущихъ одна за другой, паѳосомъ своей неистощимой декламаціи. Трудно дойдти до справедливаго сужденія объ этомъ человѣкѣ, въ которомъ великій талантъ соединялся съ бездушнымъ тщеславіемъ, испанская пылкость соединялась съ холодной реторикой; мудрено разобрать, насколько въ немъ было притворства, насколько—энтузіазма. Прекрасныя, часто возвышенныя мысли его были бы еще привлекательнѣе, если бы можно было думать, что онѣ высказываются искренно, по твердому убѣжденію. Но Сенека былъ вѣрнымъ представителемъ своего времени, исполненнаго противорѣчій.“ „Кто краснорѣчивѣе его прославлялъ добродѣтель“, говоритъ Герлахъ, „кто безпощаднѣе бичевалъ порокъ? А между тѣмъ онъ поддавался житейскимъ обольщеніямъ. Онъ глубоко понималъ и превосходно описывалъ благородную свободу мудреца, а между тѣмъ заискивалъ милостей Нерона и служилъ ему совѣтникомъ даже въ преступленіяхъ. Онъ раскрывалъ сокровеннѣйшія тайны человѣческаго сердца; для него оставалось тайной только его собственное сердце, въ которомъ перепутывались непримиримыя желанія. Онъ, какъ пророкъ, предвидѣлъ будущее развитіе человѣческихъ понятій, но настоящее держало его въ оковахъ. Возвышенныя мысли наполняли его душу и возносили ее въ лучшій міръ, и вслѣдъ за этими мыслями мы находимъ у него разсужденія совершенно житейскаго, даже чувственнаго направленія. Онъ понималъ истину, но у него не было силы воли. Онъ обогатилъ свой умъ знаніями, но душа его не была просвѣтлена любовью къ добру. Онъ чувствовалъ позорность настоящаго, но не могъ возвыситься надъ нею. Преданность высокому нравственному идеалу на словахъ—недостаточное вознагражденіе за скудость врожденнаго, душевнаго благородства, проявляющагося въ жизни“.

Жизнь Сенеки. Сенека въ молодости переселился въ Римъ, занимался тамъ изученіемъ реторики и философіи, потомъ посвятилъ себя государственной службѣ. Онъ достигъ сана квестора, но его каррьера была прервана ссылкой на Корсику, продолжавшейся восемь лѣтъ (стран. 182). Онъ былъ сосланъ въ первый годъ правленія Клавдія. Причиной тому было, какъ говорятъ, участіе въ распутствѣ Юліи, дочери Германика. Агриппина, сдѣлавшись императрицей, возвратила его въ Римъ, назначила воспитателемъ своего сына Нерона; дала ему претуру, потомъ консульство (въ 58 году); онъ платилъ ей за милости лестью. Мы уже говорили, что онъ старался смягчить буйство и жестокость своего воспитанника, но что его заботы остались напрасны, потому что Неронъ былъ уже испорченъ, когда былъ порученъ ему. Онъ умѣлъ соединить жизнь при развратномъ дворѣ съ своими добродѣтельными убѣжденіями, и если справедливо извѣстіе, передаваемое Діономъ, то онъ увеличивалъ ростовщичествомъ богатство, даваемое ему милостями императора. У него были великолѣпные сады и виллы, онъ велъ роскошную жизнь римскихъ вельможъ. Онъ считалъ императорскую власть необходимостью; говорилъ, что императоръ— душа государства, что подданные должны любить государя и быть послушны; но старался удерживать императора отъ свирѣпостей. Заговоръ Пизона далъ Нерону желанный поводъ избавиться отъ скучнаго моралиста. Сенека перерѣзалъ себѣ артеріи и ускорилъ смерть, задушившись парами горячей ванны. Его жена Паулина хотѣла послѣдовать его примѣру, перерѣзала себѣ артеріи, но была спасена отъ смерти: кровь успѣли остановить, и она прожила еще нѣсколько лѣтъ; ея лицо навсегда осталось чрезвычайно блѣднымъ отъ потери

крови.—Сенека имѣлъ большія достоинства, говоритъ Квинтиліанъ: быстрый и сильный умъ, большое трудолюбіе, обширныя знанія (впрочемъ тѣ помощники, которымъ поручалъ онъ подыскивать справки, вводили его иногда въ обманъ); его литературная дѣятельность была очень разносторонняя, онъ писалъ рѣчи, стихи, разговоры, посланія; въ философіи не доставало ему основательности, но онъ мастерски умѣлъ нападать на пороки, у него много превосходныхъ мыслей и хорошихъ характеристикъ; только слогъ у него дуренъ и дѣйствовалъ тѣмъ вреднѣе, что дурныя качества его привлекательны.

Сочиненія Сенеки. 1. Письма.

До насъ дошло много произведеній Сенеки. Сборникъ его „Нравственныхъ писемъ" (Epistolae morales) къ Луцилію, представляетъ антологію нравственной философіи; изложеніе не имѣетъ строгой систематичности. Оно богато тонкими замѣчаніями о лицахъ и фактахъ. До насъ дошло 124 письма; они были написаны въ 62—65 годахъ. Въ концѣ сборника Сенека говоритъ, что хотѣлъ объяснить своему молодому другу превосходство человѣка надъ другими существами: „Оно состоитъ въ свободномъ чистомъ духѣ, стремящемся къ богу, возвышающемся надъ всѣмъ земнымъ, находящемъ всѣ блага въ самомъ себѣ. Итакъ, что же такое составляетъ твое достоинство? Разумъ. Развивай его на сколько можешь". Сборникъ обнародованъ, вѣроятно, по смерти Сенеки. Онъ наполненъ возвышенными афоризмами и разсужденіями о нихъ, похожими иногда на проповѣди. Сенека постоянно доказываетъ превосходство добродѣтели, чистой совѣсти, благочестивой жизни надъ богатствомъ и земными наслажденіями, говоритъ, что истинное счастіе состоитъ въ мудрости, въ отреченіи отъ эгоизма, въ любви къ богу и добрымъ людямъ.

2. Нравственныя разсужденія.

Къ „Нравственнымъ письмамъ" примыкаетъ рядъ философскихъ и нравственныхъ разсужденій о разныхъ вопросахъ морали. Недоконченный трактатъ „О милосердіи" (De clementia), посвященный Нерону и написанный въ 56 году, объясняетъ, какъ хорошо милосердіе въ государѣ и чѣмъ оно должно выражаться у него. Трактатъ „О гнѣвѣ" показываетъ дурныя послѣдствія этой страсти. Въ трактатѣ „О добрыхъ дѣлахъ" съ утомительной основательностью перечисляются и разъясняются разные виды хорошихъ поступковъ. Гораздо занимательнѣе небольшія разсужденія о нѣкоторыхъ основныхъ мысляхъ стоической морали, какъ напримѣръ, разсужденіе „О промыслѣ", доказывающее благоустройствомъ вселенной необходимость признавать божественный промыслъ и объясняющее, что истинный мудрецъ можетъ подвергаться бѣдствіямъ, но никогда не подвергается несчастію, потому что онъ выше всѣхъ случайностей жизни, и самоубійство, дозволительное по ученію стоиковъ, всегда даетъ ему возможность избавиться отъ несчастія. Занимательны также разсужденія „О душевномъ спокойствіи", „О постоянствѣ", „О краткости жизни", „О счастливой жизни". Разсужденіе „О душевномъ спокойствіи", посвященное другу Сенеки, Аннею Серену, было написано въ 49 году. Въ разсужденіи „О счастливой жизни" Сенека доказываетъ, что счастіе невозможно безъ добродѣтели, какъ будто въ оправданіе себѣ, прибавляетъ, что есть и другія блага, какъ, напримѣръ, здоровье и обезпеченное состояніе, которыя, если не составляютъ необходимости, то полезны для счастія, что не должно презирать богатства, не слѣдуетъ только давать ему владычества надъ душой. Къ этой же группѣ разсужденій принадлежитъ отрывокъ „О музѣ мудреца".

3. Утѣшенія.

Къ лучшимъ произведеніямъ Сенеки принадлежатъ два письма „Въ утѣшеніе" (De consulatione) его матери Гельвіи и Марціи, дочери историка Кремуція Корда; совершенно иной характеръ имѣетъ письмо „Въ утѣшеніе" отпущеннику и любимцу Клавдія.

Письмо къ Гельвіи.

Въ письмѣ къ Гельвіи, написанномъ во время ссылки въ 42 году, Сенека утѣшаетъ и успокоиваетъ мать, огорченную этимъ бѣдствіемъ его. Доводы, приводимые Сенекою не имѣютъ ничего новаго, но они изложены хорошо, содержатъ въ себѣ много прекрасныхъ мыслей о душевномъ спокойствіи, какое даютъ человѣку чистая совѣсть, умственныя занятія, благородныя стремленія, о равнодушіи, съ какимъ мудрецъ переноситъ всѣ житейскія непріятности; потому это письмо всегда дѣйствовало на опечаленныхъ людей успокоительно и ободрительно. Но отвратительное дѣйствіе производитъ письмо, въ которомъ Сенека утѣшаетъ Полибія, могущественнаго отпущенника, опечаленнаго смертью брата. Оно написано также во время ссылки (въ 43 году) и дошло до насъ въ испорченномъ видѣ. Придворная реторика, безхарактерная лесть пошлому фавориту Клавдія и самому Клавдію проявляется тутъ такъ утрированно, что почитатели Сенеки называли это письмо подложнымъ; вѣроятно, оно не предназначалось для обнародованія. Раболѣпно унижаясь передъ императоромъ, отправившимъ его въ ссылку, и передъ Полибіемъ, Сенека безчеститъ науку и даетъ прискорбное доказательство, что его благородныя тирады не исходили отъ сердца, а были только продуктами соображенія и таланта.

Письмо къ Полибію.

Письмо къ Марціи.

Несравненно лучше письмо къ Марціи, написанное, вѣроятно, не задолго передъ ссылкой (въ 41 году); оно богато мыслями, изложенными живо. Дочь твердаго стоика и республиканца, добродѣтельно лишившаго себя жизни, испытала столько горя, что Сенека находилъ надобнымъ говорить съ ней энергическимъ тономъ. Онъ разсуждаетъ всего больше о томъ, что судьба часто поражаетъ тяжелыми ударами наилучшихъ людей, что земное счастіе никогда не бываетъ полнымъ, что ранняя смерть во время владычества пороковъ—возвращеніе въ лучшій міръ, что она отрадна, что она въ такія времена—единственное вѣрное спасеніе отъ гоненій и страданій.

4. Apokolokyntosis.

Сенекѣ приписывается остроумная, очень ѣдкая сатира, изображающая умершаго Клавдія въ самомъ презрѣнномъ видѣ и написанная отчасти прозой, отчасти стихами. Она называется Apokolokyntosis („Возведеніе въ санъ тыквы",—слово составленное по образцу слова apotheosis, возведеніе въ божескій санъ, въ который были возводимы другіе умершіе императоры). Она разсказываетъ, что Клавдій „человѣкъ, созданный богами въ гнѣвѣ ихъ", является въ царство умершихъ и, по предложенію Августа, изгоняется изъ общества небожителей, отводится въ ту область подземнаго міра, гдѣ находятся осужденные злодѣи; тамъ убитые имъ друзья, жена и прислужники встрѣчаютъ его ругательствами; по ихъ жалобѣ, судья умершихъ осуждаетъ его, любившаго игру въ кости, „вѣчно играть неудачно въ кости"; наконецъ Калигула требуетъ, чтобы Клавдія отдали ему какъ его раба и передаетъ его своему отпущеннику Менандру служить собакой.

5. Изслѣдованія по естествознанію.

Самое важное произведеніе Сенеки „Изслѣдованія по естествознанію", трактатъ, состоящій изъ семи книгъ (Quaestionum Naturalium libri VII). Сенека посвятилъ это сочиненіе Луцилію, которому адресовалъ свои „нравственныя письма". Оно важнѣйшій трудъ римской литературы по физикѣ и служило главнымъ руководствомъ къ ея изученію въ средніе вѣка. Изложеніе свѣдѣній по естествознанію выходитъ для Сенеки средствомъ доказать истину религіозныхъ и нравственныхъ убѣжденій, которыхъ держится онъ; потому его изложеніе постоянно сопровождается нравственными замѣтками. Онъ дѣлаетъ обзоръ небесныхъ явленій, въ особенности электрическихъ, говоритъ о кометахъ, водѣ, воздухѣ, землетрясеніи; изложе-

ніе у него живое, но нѣтъ спокойствія, надобнаго для натуралиста, слогъ имѣетъ реторическій характеръ, все разсматривается съ телеологической точки зрѣнія, и часто Сенека дѣлаетъ порицанія людямъ за то, что они не понимаютъ цѣлей промысла и дѣйствуютъ наперекоръ имъ. Въ концѣ онъ жалуется на равнодушіе своихъ современниковъ къ естествознанію и философіи. Имена философовъ, говоритъ онъ, менѣе извѣстны, чѣмъ имена пантомимовъ.

Переписка съ Павломъ.

Есть сборникъ писемъ Сенеки къ Павлу (восемь писемъ) и Павла къ Сенекѣ (шесть писемъ). Эти письма подложныя, но самый подлогъ свидѣтельствуетъ о сильномъ впечатлѣніи, какое производили сочиненія Сенеки на христіанъ. У него есть много мыслей, сходныхъ съ ученіемъ апостола Павла, потому даже въ недавнія времена были дѣлаемы попытки доказать знакомство Павла съ сочиненіями Сенеки или наоборотъ заимствованіе мыслей Павла Сенекой. Эти попытки совершенно ошибочны.

Плиній Старшій. 23—79.

Какъ во времена республики Варронъ написалъ обширное сочиненіе, излагавшее свѣдѣнія объ исторіи гражданской и религіозной жизни всѣхъ италійскихъ племенъ, такъ во времена имперіи ученый, обладавшій всесторонними знаніями Гай Плиній Секундъ съ неутомимымъ трудолюбіемъ составилъ сборникъ всѣхъ знаній о природѣ и ея отношеніяхъ къ человѣку. Эти знанія болѣе соотвѣтствовали характеру временъ имперіи, чѣмъ тѣ, которыми занимался Варронъ: интересы имперіи требовали забвенія о старинѣ съ ея политической жизнью. Гай Плиній родился въ городѣ Цизальпійской Галліи Новомъ Комѣ (Novumcomum), занималъ важныя административныя и военныя должности: былъ при Клавдіѣ начальникомъ конницы въ Германіи, при Неронѣ прокураторомъ въ Испаніи, при Веспасіанѣ и Титѣ начальникомъ Мизенскаго флота; исполнялъ свои должностныя обязанности очень добросовѣстно; но при своей неутомимой дѣятельности находилъ досугъ для ученыхъ занятій и умеръ мученикомъ своей любознательности при изверженіи Везувія (стран. 262). Его племянникъ упоминаетъ въ одномъ изъ своихъ писемъ о нѣсколькихъ его сочиненіяхъ историческаго, военнаго и реторическаго содержанія; они всѣ погибли. До насъ дошелъ только послѣдній трудъ его «Естественная исторія», написанная имъ въ пожилыхъ лѣтахъ; это энциклопедія естествознанія, результатъ изумительнаго трудолюбія и громадной учености. Она состоитъ изъ 37 книгъ; въ нихъ излагается собственно такъ называемая естественная исторія, медицина, астрономія, географія, исторія искусства. Плиній говоритъ, что собралъ матеріалы для этой работы болѣе, чѣмъ изъ двухъ тысячъ писателей. Онъ занимался чтеніемъ и дѣланіемъ выписокъ день и ночь, даже за обѣдомъ и когда бралъ ванну. Въ поѣздкахъ постоянно сопровождалъ его переписчикъ. Но громадность массы матеріаловъ повредила формѣ изложенія, и разработка разныхъ частей предмета не одинаково хороша. Лучше всего изложена ботаника, въ которой Плиній слѣдовалъ трактату Діоскорида (III, 418.). Онъ посвятилъ свой трудъ императору Титу. Въ началѣ онъ говоритъ, что вселенная — вѣчное, неизмѣримое, не созданное и безсмертное божество, а кончаетъ онъ воззваніемъ къ природѣ — матери всѣхъ существующихъ предметовъ, которой онъ, по его выраженію, служилъ усерднѣе всѣхъ квиритовъ. Многобожіе считаетъ онъ глупостью, порожденіемъ умственной слабости людей.

Естественная исторія Плинія не во всѣхъ своихъ частяхъ представляетъ свѣдѣнія, одинаково хорошо провѣренныя, и вообще этотъ громадный трудъ—работа человѣка, страстно любящаго науку, но не изслѣдователя, не спеціалиста. Основное воззрѣніе Плинія состоитъ въ томъ, что природа создала все съ разумною цѣлью и эта цѣль все благо человѣка. Слогъ его неровенъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ напыщенъ, иногда поэтиченъ и теменъ, иногда сухъ; картинныхъ описаній у него нѣтъ. Но богатство собранныхъ имъ свѣдѣній по всѣмъ отдѣламъ знанія дало его труду чрезвычайно большое значеніе для развитія человѣческой образованности. По выраженію его племянника, „Естественная исторія“ его разнообразна, какъ сама природа; Александръ Гумбольдтъ говоритъ о ней: „Она—произведеніе непреодолимой склонности къ всеобъемлющему собиранію свѣдѣній, дѣлаемому иногда поверхностно; слогъ ея неровенъ, иногда простъ и ограничивается перечисленіемъ предметовъ, иногда богатъ мыслями, живъ, иногда прикрашенъ реторикой; она бѣдна индивидуальными описаніями природы; но во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло касается величественнаго взаимодѣйствія силъ производящаго благоустроенный космосъ,—когда Плиній говоритъ объ этомъ „величіи природы“, какъ называетъ онъ, Naturae majestas, онъ одушевляется энтузіазмомъ, исходящимъ изъ глубины сердца“. У Плинія нѣтъ строгаго научнаго порядка, и форма изложенія у него вообще дурна, но, продолжаетъ Гумбольдтъ: „привлекательно дѣйствуютъ его стремленіе понять предметъ, его нравственная серьезность, его благородное одушевленіе мыслью о величіи природы; любовь къ ней успокоиваетъ и утѣшаетъ его въ печаляхъ его бѣдственнаго времени, въ скорби о суетности людей“. Во все продолженіе среднихъ вѣковъ „Естественная исторія“ Плинія пользовалась очень большимъ уваженіемъ, которое было отчасти переносимо и на трудъ полигистора Гаія Юлія Солина, составившаго по Плинію „Землеописаніе“. Солинъ занимается всего болѣе физической географіей; все у него взято изъ Плинія, самъ онъ не прибавилъ ничего.

Солинъ.

Плиній младш. род. 62 умеръ около 113.

Гай Цецилій Плиній Секундъ младшій, усыновленный своимъ дядей и имѣвшій при его смерти 17 лѣтъ, учился краснорѣчію у Квинтиліана, завершилъ свое образованіе изученіемъ философіи, потомъ посвятилъ себя государственной службѣ. Это было при Домиціанѣ. Одинъ изъ гнусныхъ доносчиковъ взвелъ на Плинія обвиненіе, подвергавшее жизнь его большой опасности; но смерть Домиціана спасла его. Онъ заслужилъ расположеніе Траяна, который сдѣлалъ его консуломъ, а черезъ два года назначилъ правителемъ Виѳиніи. Онъ былъ человѣкъ съ хорошимъ состояніемъ, очень образованный, имѣлъ благородный характеръ, оставался чистъ отъ господствующихъ по-

роковъ, пользовался своею властью и довѣріемъ императора для того, чтобы приносить обществу пользу, отвращать по возможности зло. Его сострадательность и гуманность распространялись даже на несвободныхъ людей въ его имѣніяхъ; но онъ далеко уступалъ своему другу Тациту твердостью характера, любовью къ свободѣ и вообще не имѣлъ гражданской доблести стараго времени. «Счастіе было очень благосклонно къ Плинію», говоритъ Бернгарди: «могущественные люди и самъ императоръ были расположены къ нему; онъ имѣлъ хорошихъ друзей, любилъ и часто имѣлъ возможность оказывать имъ услуги; былъ богатъ; былъ счастливъ и въ первомъ, и во второмъ бракѣ; жизнь его была спокойная, полная радостей; словомъ, онъ былъ благородный свѣтскій человѣкъ, старавшійся жить спокойно; глубокихъ недуговъ своего времени онъ не понималъ». Подражая Цицерону, онъ любилъ употреблять часы пріятнаго досуга на

Его письма.

переписку съ друзьями. Деликатный, изящный тонъ этихъ писемъ даетъ высокое понятіе объ образованности того времени; они принадлежатъ къ лучшимъ памятникамъ серебрянаго вѣка римской литературы; но по искусственности и прикрашенности ихъ изящества, по придворному характеру ихъ мыслей, мы видимъ, что тогда уже миновало время свободной, мужественной умственной дѣятельности».

Разница между письмами Плинія и Цицерона.

Плиній усердно старается подражать въ своихъ письмахъ Цицерону; сравнивая эти подражанія съ образцами, мы ясно видимъ, какъ велика была перемѣна, произведенная въ понятіяхъ людей монархическимъ порядкомъ, при которомъ одинъ повелѣваетъ, а всѣ другіе подчиняются его распоряженіямъ. По тону каждаго письма Плинія уже видно, какое положеніе въ обществѣ занимаетъ человѣкъ, которому онъ пишетъ; условная полировка замѣнила собою естественность, изящный тонъ гуманности служитъ признакомъ образованности. Плиній и Цицеронъ сходны только въ одномъ—въ тщеславіи и въ наивномъ самодовольствѣ, съ какимъ проявлялось оно у нихъ. Самовосхваленіе владычествуетъ и портитъ впечатлѣніе, производимое Плиніевыми словами, такъ что самыя прекрасныя мысли его писемъ оставляютъ насъ холодными.

Содержаніе и характеръ писемъ Плинія

Письма Плинія собраны имъ самимъ, они раздѣлены на 10 книгъ; послѣднюю книгу составляетъ его переписка съ Траяномъ. Онъ посылаетъ отчеты императору, испрашиваетъ его рѣшеній; Траянъ отвѣчаетъ на вопросы; эта переписка даетъ намъ ясное понятіе о тогдашней администраціи, о полной зависимости всего въ государствѣ отъ воли всемогущаго императора. Въ другихъ девяти книгахъ собраны письма Плинія къ друзьямъ; они даютъ намъ множество свѣдѣній о домашней и общественной жизни Рима, о судопроизводствѣ, управленіи, наукѣ; въ нихъ много характеристикъ замѣчательныхъ людей, много описаній мѣстностей, виллъ; есть разсказы о физическихъ событіяхъ, есть анекдоты изъ общественной жизни. Заботливой отдѣлкой Плиній придалъ своимъ письмамъ очень изящную форму; многія изъ нихъ могутъ назваться образцовыми по деликатности и граціозности тона; часто встрѣчаются превосходныя замѣтки о людяхъ и нравахъ того времени; очень многія письма привлекательны выражающимся въ нихъ доброжелательствомъ, благородствомъ мыслей, нравственною чистотою, такъ что авторъ заслуживаетъ славы одного изъ самыхъ добрыхъ и благородныхъ людей между древними писателями. Но у него слишкомъ замѣтны желаніе выражаться красиво, любовь къ антитезамъ, которыя иногда натянуты, погоня за остроумными, блестящими оборотами словъ.

Панегирикъ.

Плиній младшій былъ знаменитъ какъ ораторъ, но изъ его рѣчей дошла до насъ только одна — „Панегирикъ“ Траяну, который онъ произнесъ въ 100 году въ сенатѣ для выраженія благодарности Траяну за полученіе консульства, а потомъ переработалъ и увеличилъ въ объемѣ. Это произведеніе страдаетъ тѣми же недостатками, какъ и письма, но еще больше, чѣмъ они: искуственность слога, погоня за блестящими оборотами, звонкими выраженіями доведена тутъ до крайности; кромѣ того, „Панегирикъ“ растянутъ реторическимъ многословіемъ, стремленіемъ къ живописности картинъ и наполненъ придворной льстивостью.

Въ одномъ изъ своихъ писемъ Плиній говоритъ, что хотѣлъ дать въ „Панегирикѣ“ руководство государямъ: „Учить государя, какимъ долженъ быть онъ—задача прекрасная, но трудная, такъ что браться за нее—дѣло слишкомъ гордое. Но хвалить превосходнаго государя и похвалою ему какъ будто ставить на высотѣ свѣтъ для его преемниковъ, чтобы они шли къ этому свѣту—дѣло полезное и не гордое“. Со времени Плинія панегирики государямъ вошли въ моду; подражанія страдаютъ всѣми недостатками образца, не имѣя его достоинствъ. Вошло въ обычай, что по праздникамъ обыкновеннаго календаря и при торжествахъ по особеннымъ случаяхъ, знаменитый ораторъ или высокій сановникъ произносилъ панегирикъ передъ императоромъ, осыпая его всяческой пошлой лестью, какую только возможно выдумать. До насъ дошли два такіе панегирика. Авторъ одного, галльскій ораторъ Клавдій Мамертинъ, восхваляетъ императоровъ Максимина и Діоклеціана; въ другомъ реторъ Эвменій—Констанція Хлора. Оба они не знаютъ мѣры похваламъ, сравниваютъ превозносимыхъ ими государей и съ героями и съ богами; оба, кажется, считали раболѣпство самой высшей ихъ всѣхъ добродѣтелей.

Корнелій Тацитъ род. около 55 умеръ около 119.

Въ жизни и произведеніяхъ Сенеки, Плинія Старшаго и его племянника отражается и хорошими и дурными сторонами своими монархическое время; величайшій изъ римскихъ историковъ, Корнелій Тацитъ, по характеру и образу мыслей, близокъ къ людямъ временъ республики; онъ какъ будто представитель погибшихъ поколѣній, уцѣлѣвшій одинъ и живущій между людьми чуждой ему эпохи и чуждыхъ ему понятій. Онъ родился, повидимому, въ Интерамнѣ (Терни) въ Южной Этруріи, вѣроятно, около 55 года нашей эры, и умеръ, кажется, при Адріанѣ; точнѣе этого мы не можемъ опредѣлить годъ его смерти. При Веспасіанѣ онъ занималъ нѣкоторыя правительственныя должности; спасся отъ свирѣпостей Домиціана тѣмъ, что держался вдали отъ общественной жизни; при Траянѣ, будучи уже человѣкомъ пожилыхъ лѣтъ, посвятилъ себя историческимъ трудамъ.

Если разговоръ объ ораторахъ дѣйствительно принадлежалъ ему, то, вѣроятно, это былъ первый литературный трудъ его, написанный, быть можетъ, при Титѣ; но Тацитомъ ли написано это произведеніе, вопросъ очень спорный.

Жизнеописаніе Агриколы.

Вѣроятно, еще въ правленіе Нервы, то-есть въ 97—98 годахъ, около времени своего консульства, Тацитъ написалъ превосходное жизнеописаніе своего тестя Агриколы, завоевателя Британіи. Тацитъ изображаетъ его какъ истиннаго римлянина старыхъ временъ, остававшагося благороднымъ человѣкомъ среди всеобщей низости, какъ свѣтлое явленіе въ мракѣ печальной деморализаціи.

Германія.

Въ слѣдующемъ (99-мъ) году была написана „Германія", краткій очеркъ природы германской страны и обычаевъ ея жителей, перечисляемыхъ по племенамъ; Тацитъ писалъ, кажется, не по собственнымъ наблюденіямъ, а по извѣстіямъ другихъ авторовъ и по изустнымъ разсказамъ. Это этнографическая идиллія. Тацитъ излагаетъ свѣдѣнія о германцахъ безъ строгой системы, но въ ясномъ порядкѣ, и даетъ полную картину ихъ быта; онъ пишетъ безъ вражды, напротивъ, съ темнымъ сочувствіемъ германцамъ, хотя смотритъ на нихъ съ точки зрѣнія римлянина; у него была мысль выставить въ яркомъ свѣтѣ изнѣженность и порочность римскаго общества изображеніемъ простой жизни энергическаго, хотя необразованнаго народа. Его книга — драгоцѣннѣйшій источникъ свѣдѣній о германской старинѣ. Есть въ ней ошибки и недоразумѣнія, есть пробѣлы, но она даетъ массу достовѣрныхъ извѣстій. — Въ первые годы правленія Траяна Тацитъ началъ писать одинъ изъ двухъ главныхъ своихъ трудовъ,

Исторія.

„Исторію" (Historiae), разсказъ о событіяхъ римской исторіи своего времени, отъ Гальбы до смерти Домиціана. Эта исторія состояла, кажется, изъ 14 книгъ. Изъ нихъ дошли до насъ только первыя четыре и начало пятой. Этотъ разсказъ представлялъ законченное драматическое цѣлое. Тацитъ предполагалъ заняться въ старости продолженіемъ его, разсказать исторію римской имперіи при Нервѣ и Траянѣ. Но когда онъ довелъ до конца свой трудъ, обнимавшій періодъ отъ Гальбы до Нервы, Траянъ еще былъ живъ; Тацитъ находилъ неудобнымъ хвалить его, когда онъ еще царствуетъ, рѣшился разсказать о времени отъ смерти Августа до той эпохи, съ

Лѣтопись.

которой начинался его конченный трудъ, и написалъ „Лѣтопись" (Annales), послѣднее свое произведеніе. Онъ писалъ по лучшимъ источникамъ, между прочимъ по Acta, оффиціальному періодическому изданію, походившему на наши газеты, и по документамъ. Онъ подвергалъ эти матеріалы критикѣ. „Лѣтопись" разсказывала въ строгомъ хронологическомъ порядкѣ исторію внутреннихъ и внѣшнихъ дѣлъ римской имперіи съ 14 до 68 года нашей эры, и состояла изъ 16 книгъ; средина ея и конецъ не дошли до насъ. Сохранились первыя шесть книгъ (пятая не вполнѣ) и послѣднія шесть, кромѣ конца 16-ой книги.

Характеръ Тацита, какъ историка.

Тацитъ описываетъ агонію стараго римскаго духа, изнемогавшаго въ борьбѣ съ торжествующею деморализаціей; онъ смотритъ на свое время съ трагическимъ чувствомъ; ужасающая испорченность нравовъ, описываемая имъ, возбуждаетъ въ немъ негодованіе; онъ говоритъ объ упадкѣ своей націи съ горечью патріота. Въ прошедшемъ видитъ онъ лучшее: римскій народъ былъ тогда свободенъ, характеры были сильнѣе, нравы чище. Глубоко любя этотъ идеалъ старины и ея свободы, сожалѣя о погибели республики, онъ, однако-же, не имѣетъ надежды, что она возродится; онъ съ грустной покорностью принимаетъ существующій порядокъ, прославляетъ сохраняющихъ старинные честные нравы и считаетъ умѣренность единственною практически возможною добродѣтелью. Онъ былъ родственъ стоической школѣ по серьезности и чистотѣ своихъ нравственныхъ убѣжденій, но не принадлежалъ къ ней, и въ горечи своего чувства онъ высказываетъ иногда мысли, близкія къ эпикурейскому ученію *). Тацитомъ часто овладѣваетъ сомнѣніе въ божественной справедливости при мысляхъ о томъ, что принципатъ захватилъ все подъ свою власть, что расширеніе его силы шло съ неодолимостью роковаго процесса природы, что онъ низвергалъ и давилъ все благородное, сопротивлявшееся ему, а презрѣнные злодѣи, заслуживавшіе смерти каждымъ изъ тысячъ своихъ дѣлъ, оставались долго или на весь свой вѣкъ безнаказанными; въ тьмѣ ночи онъ съ горячимъ стремленіемъ ищетъ руки божества, которая вывела бъ его на свѣтъ, и не находитъ ея; понятно, что отчаяніе внушаетъ ему мрачныя мысли. Съ удивительнымъ знаніемъ человѣческаго сердца онъ раскрываетъ самыя затаенныя движенія души испорченныхъ людей, всѣ интриги и гнусности безнравственнаго, изнѣженнаго двора; грустно описываетъ порочность и пошлость римскаго общества, разъясняетъ самыя секретныя черты характера дѣйствующихъ лицъ и выводитъ изъ ихъ качествъ мотивы ихъ поступковъ, срываетъ маску притворства съ лицемѣровъ; въ сомнительныхъ случаяхъ онъ склоненъ предполагать нечистыя побужденія; но радостно цѣнитъ благородство честныхъ людей, отдаетъ справедливость мужеству Друза, Германика, Арминія, добродѣтели Туснельды и Агриппины, величію души Тразеи Пета, Гельвидія Приска, твердости, съ какою умеръ Сенека; его сердцу, пламенно любящему свободу, отечество и все благородное, пріятно изображать въ яркомъ сіяніи эти свѣтлыя явленія среди владычествующаго мрака. Онъ съ теплымъ чувствомъ, согрѣвающимъ и читателя, излагаетъ несправедливость угнетателей, защищаетъ права угнетенныхъ, хочетъ возвратить вялымъ людямъ испорченнаго вѣка утраченную ими энергію, ободрить благородныхъ людей на мужественное презрѣніе къ тяжкому гнету. Его слогъ очень сжатъ, наполненъ афоризмами, языкъ его устарѣлый, и часто у него попадаются обороты, слишкомъ возвышенные для прозаической рѣчи; конструкція предложеній у него отрывочная, иногда сбивчивая; но нельзя не признать его разсказъ художественнымъ и краснорѣчивымъ. Провѣривъ строгою критикою свои матеріалы, онъ излагаетъ факты съ величайшимъ безпристрастіемъ, но выборомъ выраженій заявляетъ свои чувства. Разсказъ у него драматиченъ, въ тонѣ разсказа преобладаетъ грустное настроеніе: Тацитъ глубоко скорбитъ о бѣдственномъ времени, которое описываетъ, объ утратѣ благъ милаго ему прошлаго, онъ страстно желаетъ лучшаго въ будущемъ, грустит о своей одинокости среди испорченнаго общества. Печальный тонъ его — проявленіе основного его

*) „Не знаю, судьба-ли правитъ человѣческой жизнью, или случай. Мудрѣйшіе мыслители думаютъ объ этомъ не одинаково, и многіе полагаютъ, что боги безучастны къ человѣческимъ дѣламъ, что поэтому такъ часто страдаютъ хорошіе люди, благоденствуютъ дурные. Другіе думаютъ, что событіями правитъ судьба, но не по движеніямъ небесныхъ свѣтилъ, а по первоначальному сцѣпленію естественныхъ причинъ; они говорятъ, что мы имѣемъ свободу воли въ выборѣ, какъ поступить, а когда выборъ сдѣланъ, то послѣдствія его неизбѣжны; что мнѣнія толпы о счастьѣ и несчастьѣ ошибочны, что многіе среди бѣдствій счастливы, твердо перенося свою тяжелую участь, а большинство имѣющихъ изобиліе во всемъ очень несчастны, потому что дурно пользуются своими средствами. Какъ бы то ни было, но большинство людей вѣритъ, что каждому при рожденіи предназначена его доля; что если въ предсказаніяхъ объ этомъ часто бываютъ ошибки, то лишь по обману прорицателей, не знающихъ своего дѣла".

чувства покорности неотвратимому игу. Изображая ходъ великой исторической трагедіи своего вѣка, онъ беретъ на себя роль древняго хора, сопровождая поступки дѣйствующихъ предостереженіями своимъ современникамъ. Нравственная строгость и глубокомысліе изложенія были, конечно, главными причинами того, что кругъ читателей великаго историка былъ въ древности не очень обширенъ, а въ средніе вѣка его творенія были почти совершенно забыты. Нынѣ о немъ судятъ не всѣ одинаково. Передъ нашимъ временемъ, въ продолженіе двухъ столѣтій ученые единодушно уважали его, какъ величайшаго изъ римскихъ историковъ, какъ человѣка строгой нравственности и друга свободы. Но въ наше время нашлись любители щегольства упражненіями въ критикѣ; подвергая сомнѣнію добросовѣстность Ѳукидида, они еще усерднѣе производятъ такое же упражненіе надъ Тацитомъ. Они говорятъ, что разсказ Тацита о римскихъ цезаряхъ заимствованъ изъ мемуаровъ и памфлетовъ личныхъ враговъ цезарей, что поступки и слова цезарей представлены у Тацита въ искаженномъ видѣ, что искажены имъ они по его республиканскому предубѣжденію. Подвергая сомнѣнію его объективность и добросовѣстность, они говорятъ, что у него нѣтъ и оригинальности, что онъ, и по формѣ, и по содержанію, подражатель писателей, жившихъ незадолго передъ нимъ или современныхъ ему, Клувія Руфа, Плутарха, Плинія и т. д.; что онъ написалъ не римскую исторію, а исторію римской аристократіи и ея подавленія цезарями. Защитникамъ цезарей не нравится историкъ, находящій, что со времени установленія принципата идетъ непрерывный упадокъ народа и государства, полагающій, что благоразуміе требуетъ молча терпѣть неотвратимое. Дѣло натуральное, что не можетъ сочувствовать республиканско-философскимъ убѣжденіямъ и субъективному паѳосу приверженца прежнихъ римскихъ учрежденій Меривель, разсматривающій римскую исторію съ точки зрѣнія крайнихъ англійскихъ консерваторовъ; ему даже непонятны чувства Тацита. Но Тацитъ правъ. Онъ съ грустью смотритъ на настоящее, не надѣется на лучшее въ будущемъ; но онъ вовсе не безусловный панегиристъ прошлаго. Онъ не видитъ въ немъ золотого вѣка. Онъ держится мысли стоиковъ, что нѣтъ эпохи, въ которой не было бы дурного, и что, какъ въ природѣ быстрое теченіе рѣки уноситъ нечистоту, а стоячая вода гніетъ, такъ и въ человѣческой жизни застой производитъ гибельное дѣйствіе.

Е. Другіе латинскіе и греческіе историки имперіи.

Римскіе историки.

Другіе римскіе историки серебрянаго вѣка латинской литературы ничтожны по сравненію съ Тацитомъ; потому достаточно будетъ краткихъ замѣтокъ о нихъ. Ихъ мысль была подавлена деспотизмомъ, деморализаціею, суевѣріемъ; у нихъ нѣтъ правдивости и безпристрастія, главныхъ достоинствъ историка.

Веллей Патеркулъ.

Мы уже упоминали о Веллеѣ Патеркулѣ, льстецѣ Тиберія (стр. 84). Въ своей „Римской исторіи“ онъ дѣлаетъ очень краткій очеркъ исторіи республики; отдѣлавшись отъ разсказа о ней нѣсколькими пышными похвалами, онъ разсказываетъ слогомъ придворной газеты первыя десятилѣтія имперіи. Его современникъ Валерій Максимъ, принадлежавшій къ старинному знаменитому роду Валеріевъ, составилъ сборникъ анекдотовъ изъ древней, въ особенности римской, исторіи; онъ пересказываетъ съ декла-

Валерій Максимъ.

маторской напыщенностью, но безъ всякой критики и системы, „замѣчательныя дѣла и изреченія знаменитыхъ людей римскаго и другихъ народовъ“, какъ онъ говоритъ, посвящая въ раболѣпныхъ выраженіяхъ свою работу Тиберію. Онъ былъ сначала республиканцемъ, хвалилъ Катона, а потомъ превозносилъ Тиберія, какъ благодѣтеля государства. Его работа плоха, но и въ древности, и въ средніе вѣка ее любили читать, подражали ей, дѣлали извлеченія изъ нея; два извлеченія даже дошли до насъ.

Курцій Руфъ.

Гораздо больше достоинства имѣетъ исторія Александра Великаго, написанная Квинтомъ Курціемъ Руфомъ. Она состояла изъ десяти книгъ; двѣ первыя погибли, въ остальныхъ есть пробѣлы. Разсказ Курція—нѣчто среднее между исторіею и романомъ; прежде восхищались имъ; это было несправедливо; но онъ имѣетъ хорошія стороны. Правда, онъ пишетъ, какъ реторъ, ему нравятся баснословные разсказы, пышныя описанія, длинныя вымышленныя рѣчи; исторія великаго македонскаго завоевателя для него не предметъ серьезнаго изслѣдованія, а занимательная тема, дающая много матеріала краснорѣчію; онъ хотѣлъ только изображать самыми яркими красками эффектныя событія; но съ формальной стороны его разсказъ хорошъ, такъ что понятны похвалы, съ какими говорили о немъ въ средніе вѣка и послѣ, до недавняго времени. Языкъ Курція чистъ и правиленъ и хотя нѣсколько испорченъ слишкомъ поэтическими и натянутыми оборотами, но вообще достоинъ классическаго періода, часто напоминаетъ Ливія и Корнелія Непота; періоды построены искусно и благозвучны; изложеніе изящно; событія разсказываются съ живостью, доходящею почти до драматизма; чтенію придаетъ занимательность романическій блескъ, которымъ озаренъ герой разсказа. — Между учеными было много споровъ о томъ, кто именно былъ Курцій Руфъ, написавшій это произведеніе, и когда онъ жилъ; нѣкоторые полагали, что онъ—реторъ Курцій, о которомъ упоминаетъ Светоній; другіе думали, что онъ — Квинтъ Курцій Руфъ, о которомъ говоритъ Тацитъ и который былъ при Клавдіѣ проконсуломъ Африки; третьи отвергали оба эти предположенія; остается спорнымъ и время, къ которому относить это произведеніе; правдоподобнѣе всего полагать, что авторъ его былъ реторъ и жилъ въ первыя десятилѣтія нашей эры, когда исторія уже утратила серьезный характеръ, а служила для развлеченія.

Флоръ.

„Краткій очеркъ“ (Epitome) римской исторіи Юнія (или Луція Аннея) Флора былъ написанъ при Траянѣ. Разсказъ идетъ отъ основанія Рима до установленія единовластія Августа (29 года до Р. Х.); слогъ разсказа сжатый, блестящій, напыщенный, переполненный афоризмами и реторическими украшеніями, но правильный и плавный; авторъ не имѣетъ основательныхъ свѣдѣній; въ хронологіи у него нѣтъ точности; онъ даетъ легкія очерки важнѣйшихъ и занимательнѣйшихъ событій политической и военной исторіи Рима, восторженно восхваляя счастье и чистоту нравовъ римлянъ въ старыя времена. Матеріалъ взятъ главнымъ образомъ изъ Ливія. Въ средніе вѣка „Краткій очеркъ“ Флора пользовался большою любовью.

Фронтинъ (умеръ около 180).

Юлій Фронтинъ, современникъ Тацита, нѣсколько старшій его лѣтами, занималъ высокія должности и написалъ при Домиціанѣ трактаты о землемѣріи, о римской тактикѣ, о военныхъ хитростяхъ, о постройкѣ и ремонтѣ римскихъ водопроводовъ (которыми завѣдывалъ онъ). Трактатъ о военныхъ хитростяхъ (Strategematikon), не смотря на встрѣчающіяся въ немъ ошибки, имѣетъ довольно большую важность для военной исторіи; онъ служилъ главнымъ источникомъ для трактата о военномъ искусствѣ, написаннаго Вегеціемъ въ первой половинѣ V вѣка (позднѣе 425 года) и пользовавшагося большой популярностью въ средніе вѣка.

Светоній род. около 70; ум. ок. 150.

Светоній Транквиллъ, другъ Плинія младшаго, бывшій трибуномъ при Траянѣ и секретаремъ Адріана, написалъ „Біографіи" первыхъ двѣнадцати императоровъ (отъ Цезаря до Домиціана). Это сборникъ біографическихъ и историческихъ анекдотовъ и другихъ свѣдѣній, заимствованныхъ отчасти изъ оффиціальныхъ документовъ, отчасти изъ историковъ, мемуаровъ, изустныхъ разсказовъ. Авторъ не соблюдаетъ хронологическаго порядка, не умѣетъ различать важнаго отъ неважнаго, не имѣетъ ни историческаго таланта, ни проницательнаго ума, не понимаетъ ни прагматической связи между событіями, ни психологической связи между поступками человѣка; не имѣетъ и нравственнаго мужества, потому о послѣднихъ императорахъ говоритъ менѣе подробно, чѣмъ о прежнихъ. Но онъ собралъ много извѣстій, даетъ много свѣдѣній о правительственной дѣятельности и частной жизни императоровъ, потому трудъ его имѣетъ очень большую важность. Въ средніе вѣка онъ былъ однимъ изъ самыхъ популярныхъ авторовъ. Онъ пишетъ сжатымъ слогомъ, холоднымъ, дѣловымъ. Языкъ его правиленъ.—Онъ написалъ также біографіи „знаменитыхъ людей"—грамматиковъ, реторовъ, поэтовъ и проч.; отъ этого его труда до насъ дошли только извѣстія и отрывки.—Примѣръ Светонія нашелъ много подражателей; но другіе сборники безсвязныхъ историческихъ и біографическихъ свѣдѣній, составленные по его образцу, много хуже его біографій по содержанію, а еще болѣе по языку. Самый извѣстный изъ этихъ компиляторовъ—Марій Максимъ, продолжатель Светонія, написавшій біографіи императоровъ отъ Нервы до Элагабала; его обширный трудъ, хотя и страдалъ недостаткомъ критики, былъ важнымъ пособіемъ для историковъ, жившихъ позднѣе его.—Современникъ Марія Максима, Юлій Африканскій (Africanus), написалъ хронологическій обзоръ событій, доведенный до 218 года.

Марій Максимъ.

Юлій Африканскій.

Писатели исторіи императоровъ.

Историки, называемые общимъ именемъ „писателей исторіи императоровъ", Scriptores historiae Augustae,—компиляторы, собиратели анекдотовъ и извлеченій. Работы ихъ составляютъ рядъ біографій императоровъ отъ Адріана до Діоклеціана и Константина. Языкъ ихъ безвкусенъ и грубъ, они скудны мыслями, у нихъ совершенно нѣтъ ни критики, ни историческаго таланта, судить о фактахъ они не умѣютъ; во всемъ у нихъ ярко отражается упадокъ литературы и образованности. Изъ нихъ только Флавій Вопискъ Сиракузскій хорошъ по крайней мѣрѣ тѣмъ, что съ точностью передаетъ свѣдѣнія, взятыя изъ документовъ; другіе—Элій Спарціанъ, Юлій Капитолинъ, Вулкацій Галликанъ, Элій Лампридій и Требеллій Полліонъ (дошедшій до насъ только въ передѣлкѣ) собирали безъ хронологическаго порядка, безъ историческаго смысла разныя свѣдѣнія изъ архивовъ и прежнихъ историковъ. О томъ, что исторія должна развивать мысль читателя, внушать ему благородныя чувства, они не имѣли никакого понятія. Они набирали извѣстія машинально, и лишь отъ счастливаго случая зависѣло, что между хламомъ ничтожныхъ мелочей попадали въ ихъ компиляціи важныя свѣдѣнія о внутреннихъ или внѣшнихъ дѣлахъ, о государственномъ устройствѣ, судопроизводствѣ, обычаяхъ. Эти писатели не всегда удовлетворяютъ самымъ скромнымъ требованіямъ образованности и здраваго смысла, говоритъ Бернгарди: „По мыслямъ и по языку они принадлежатъ къ неразвитой массѣ, взглядъ ихъ внимательно обращается на всѣ пошлости, — особенно на блестящія проявленія разврата; и значительная часть ихъ интереса для насъ состоитъ въ томъ, что они—самые первые необразованные римскіе историки, раздѣляющіе съ незнатною и знатною чернью страсть къ скандальнымъ анекдотамъ и пищущіе языкомъ черни: они ввели въ литературу идіотизмы простонароднаго языка, непра-

Вопискъ.

вильныя формы словъ, ошибочную конструкцію фразъ, грубыя простонародныя и провинціальныя слова".

Послѣдніе латинскіе историки этого періода принадлежатъ времени Юліана. До насъ дошла краткая исторія императоровъ отъ Августа до Юліана (De Caesaribus); плохое произведеніе, приписываемое Аврелію Виктору; ему же приписывается „Краткій очеркъ" (Epitome) римской исторіи, составленный недурно. Многіе критики приписываютъ Аврелію Виктору и сборникъ біографій „знаменитыхъ людей города Рима" (De viris illustribus); другіе полагаютъ, что эти біографіи не принадлежатъ ему, что они написаны авторомъ, имя котораго осталось неизвѣстно; кромѣ римлянъ, есть въ этомъ сборникѣ біографіи нѣкоторыхъ людей, игравшихъ большую роль въ римской исторіи, какъ, напримѣръ, Пирра, Ганнибала.—Эвтропій, бывшій секретаремъ Юліана, написалъ, по порученію императора Валента, „Краткій обзоръ" (Breviarium) римской исторіи, доведенный до смерти Іовіана; онъ не особенно хорошо изучалъ свой предметъ, но выборъ фактовъ у него недуренъ; о временахъ республики онъ говоритъ очень коротко и холодно, исторію имперіи разсказываетъ съ нѣкоторымъ одушевленіемъ, даже дѣлаетъ недурныя характеристики. Разсказъ его простъ, понятенъ каждому, потому его произведеніе имѣло много читателей и было рано переведено на новые языки.—Послѣднимъ языческимъ историкомъ Рима, писавшимъ по-латыни, былъ Аммліанъ Марцеллинъ, грекъ, уроженецъ Антіохіи, долго служившій въ войскѣ; по смерти Юліана онъ поселился въ Римѣ и посвятилъ себя ученымъ занятіямъ. Основательностью знанія, умомъ и нравственнымъ благородствомъ онъ далеко превосходитъ другихъ историковъ того періода. Его историческій трудъ, конченный имъ въ 389—391 годахъ, составлялъ продолженіе „Исторіи" Тацита и разсказывалъ исторію римской имперіи отъ Нервы до смерти Валента; первыя 13 книгъ потеряны; уцѣлѣла только та часть, которая излагаетъ событія 353—378 годовъ; авторъ разсказываетъ о нихъ большею частью какъ очевидецъ. По глубокому пониманію государственныхъ дѣлъ, правдивости, безпристрастію, по благородному негодованію на господствующую деморализацію, на угнетеніе, подавляющее всѣ честныя желанія, по правильности взгляда на безотрадное настоящее, Аммліанъ Марцеллинъ можетъ быть названъ достойнымъ продолжателемъ Тацита, котораго выбралъ образцомъ себѣ. Онъ язычникъ, но свободенъ отъ религіозныхъ предубѣжденій, смотритъ на всѣ факты съ объективной точки зрѣнія и судитъ о нихъ безпристрастно, высказываетъ свои мнѣнія прямодушно, мужественно. Но у него нѣтъ основательной образованности, хотя онъ и очень любитъ выставлять свои географическія, историческія, археологическія знанія; форма разсказа у него плоха: онъ пишетъ тяжелымъ, напыщеннымъ слогомъ; вообще, въ его манерѣ изложенія рѣзко отразился глубокій упадокъ литературы и латинскаго языка. Притомъ, замѣтно, что латинскій языкъ не родной автору, что онъ отчасти выучился ему изъ простонародныхъ разговоровъ, отчасти заимствуетъ его изъ старыхъ классическихъ писателей.

Аврелій Викторъ.

Эвтропій.

Аммліанъ Марцеллинъ, род. 333.

Важнѣе латинскихъ историковъ временъ имперіи греческіе, хотя и у нихъ ясны слѣды того, что умы людей были тогда скованы деспотизмомъ и суевѣріемъ: лакъ реторики и софистики не скрываетъ недостатка мужественнаго прямодушія въ ихъ произведеніяхъ, ихъ сужденіями руководитъ льстивое раболѣпство, коренной порокъ ихъ

Греческіе историки и философы.

трусливаго, деморализованнаго вѣка. Важнѣйшій изъ нихъ—Плутархъ, плодовитый историкъ и моралистъ, произведенія котораго пользовались большою популярностью. Онъ родился въ беотійскомъ городѣ Херонеѣ, учился въ Аѳинахъ, обширными путешествіями расширилъ свои знанія о человѣческой жизни, поселился въ Римѣ, усердно изучалъ произведенія древнихъ писателей, бесѣдовалъ съ Фавориномъ, съ другими учеными и реторами, пріобрѣлъ большую начитанность и проникся восторженною любовью къ старымъ временамъ Греціи и Рима, которою согрѣты его произведенія. Гоненіе на философовъ и ученыхъ при Домиціанѣ сдѣлало непріятной для него жизнь въ Римѣ; Онъ вернулся въ Херонею и съ любовью занялся дѣлами своего родного маленькаго города. Онъ былъ жрецомъ Аполлона пиѳійскаго; эта личная связь съ дельфійскимъ храмомъ усиливала его желаніе прославлять древнюю Грецію; онъ считалъ эти дѣла задачею своей жизни. Говорятъ, что Траянъ сдѣлалъ его консуломъ; Адріанъ, его ученикъ и другъ, далъ ему высокую правительственную должность въ Греціи; онъ умеръ, кажется, въ первые годы правленія этого императора.

Біографіи.

Сочиненія Плутарха дѣлятся на историческія и такъ называемыя моральныя. Историческія написаны въ формѣ „Параллельныхъ біографій"; параллельными называются они потому, что обыкновенно онъ беретъ двухъ знаменитыхъ людей, грека и римлянина, которые, какъ ему кажется, имѣютъ нѣкоторое сходство между собою, и, написавъ ихъ біографіи, разсматриваетъ, въ чемъ сходство между ними, въ чемъ разница; такъ у него соединены біографіи Тезея и Ромула, Ликурга и Нумы, Алкивіада и Коріолана, Аристида и Катона Старшаго, Пирра и Марія, Лизандра и Суллы.—Нѣкоторыя біографіи погибли; напримѣръ, жизнеописанія Сципіона младшаго и старинныхъ поэтовъ.—Названіе „моральныхъ", данное остальнымъ сочиненіямъ Плутарха, не охватываетъ ихъ содержанія, очень разнообразнаго. За исключеніемъ произведеній, подлинность которыхъ болѣе или менѣе сомнительна (напр. „О воспитаніи", „Изреченія царей и полководцевъ", „Изреченія спартанцевъ", „Пословицы"), мы имѣемъ около 70 трактатовъ Плутарха по разнымъ отдѣламъ знаній; нѣкоторые изъ нихъ относятся къ греческимъ и римскимъ древностямъ, обычаямъ, учрежденіямъ, напр.: „О счастьѣ римлянъ", „О счастьѣ и дарованіяхъ Александра" и проч.; другіе излагаютъ мысли о житейскихъ вопросахъ, напр. „Какъ слѣдуетъ читать поэтовъ", „Какъ отличать друзей отъ льстецовъ", „Какую пользу можно получать отъ враговъ", „О добродѣтели и порокѣ", „О владычествѣ надъ гнѣвомъ", „О родительской любви", „О болтливости и проч.; нѣкоторые относятся къ религіознымъ вопросамъ, напр. „Объ упадкѣ оракуловъ", „О судьбѣ", „Объ Изидѣ и Озирисѣ", „О суевѣріи" и проч.; въ нѣкоторыхъ другихъ излагаются философскіе вопросы, напр. „О демонѣ Сократа", „О Тимеѣ Платона", „Объ ученіяхъ философовъ" и проч.

Моральныя сочиненія.

Характеръ сочиненій Плутарха съ литературной стороны.

Плутархъ понималъ величіе древней Греціи, древняго Рима; онъ превозносилъ подвиги тѣхъ вѣковъ, выставлялъ ихъ идеальными временами; но съ тѣмъ вмѣстѣ онъ умѣлъ нравиться современнымъ ему людямъ высшаго круга, къ которому и самъ принадлежалъ по образованности и по общественному положенію: онъ писалъ занимательно, его произведенія пріятно

дѣйствовали на фантазію и на чувство. Въ біографіяхъ онъ обращаетъ главное свое вниманіе на обрисовку характеровъ, потому приводитъ множество анекдотовъ, мелкихъ подробностей, вдается въ разсужденія. По его собственному выраженію, иногда маловажный случай, одна шутка, одна фраза лучше характеризуетъ человѣка, чѣмъ всѣ его побѣды. Благодаря своей обширной учености, онъ набиралъ много такихъ подробностей; онъ составлялъ изъ нихъ очень занимательные очерки характеровъ; описывая людей, онъ обыкновенно идеализируетъ ихъ, и тѣмъ глубже впечатлѣніе, производимое этими изображеніями. Онъ имѣлъ громадную начитанность, но пользовался своими источниками безъ критики и выбиралъ иногда плохіе источники. Не смотря на этотъ недостатокъ, его біографіи чрезвычайно важны для насъ, потому что труды многихъ изъ тѣхъ писателей, которыми пользовался онъ, не дошли до насъ. Его сочиненія привлекательны романическимъ колоритомъ, возбуждающимъ фантазію, теплою любовью къ древнему міру, чистою нравственностью, гуманностью; онъ пишетъ такъ, что внушаетъ молодымъ и впечатлительнымъ умамъ любовь къ великимъ людямъ древняго міра, восхищеніе ими. Языкъ его имѣетъ аттическую чистоту, о соблюденіи которой онъ очень заботился; но періоды его иногда тяжелы своею длиннотою, и разсказъ его нерѣдко бываетъ многословенъ, растянутъ, переполненъ реторическими украшеніями и цитатами.

Религіозныя и философскія убѣжденія Плутарха.

По религіознымъ и философскимъ убѣжденіямъ, Плутархъ представляетъ прямую противоположность Лукіану, осмѣивающему миѳы, разрушающему старую народную религію своими насмѣшками и отрицаніемъ. Плутархъ, изображая всѣ явленія древняго міра съ благородной, почтенной стороны, защищаетъ старую религію, старается поддержать ее, давая миѳамъ возвышенное истолкованіе, выставляя на первый планъ нравственные элементы языческаго вѣроученія, возставая противъ скептицизма и суевѣрія. По приверженности къ старой религіи, онъ былъ рѣшительнымъ противникомъ господствовавшихъ въ его время философскихъ школъ, отвергавшихъ ея миѳологію, и въ особенности эпикурейской школы, имѣвшей атеистическій характеръ. Разумѣется, его усилія поддержать колеблющуюся народную религію горячими, но слабыми разсужденіями были напрасны, и странно было соединять съ борьбою противъ суевѣрія защиту оракуловъ; но трогательно видѣть, какъ усердно хлопочетъ частный человѣкъ защищать падающую религію, прочностью которой, по его мнѣнію, обусловлено счастье людей, какъ онъ старается очистить ее, выбрать изъ разрушающагося зданія тѣ камни, которые годятся для постройки новаго храма гуманности. Понятно, что при такомъ идеальномъ направленіи Плутархъ долженъ былъ имѣть сильное влеченіе къ философіи Платона; но онъ не держался исключительно ея, бралъ и изъ другихъ системъ тѣ мысли, какія соотвѣтствовали его нравственнымъ понятіямъ. Такимъ образомъ, у него выходилъ шаткій эклектизмъ.—Діалектическая и логическая часть философскихъ системъ мало интересовала его, онъ дорожилъ только религіозными и нравственными ученіями. По его системѣ, есть существа, занима-

ющія среднее положеніе между богомъ и людьми: духи («демоны»); отъ нихъ исходятъ оракулы, предзнаменованія, другія откровенія языческой религіи; они исполняютъ молитвы приносящихъ жертвы имъ; Плутархъ предполагаетъ существованіе двухъ принциповъ, добраго и злого; есть у него ученіе объ очищеніи души воздержаніемъ, подавленіемъ страстей; такимъ образомъ, въ его эклектизмѣ уже находятся зародыши неоплатонизма. Онъ былъ послѣднимъ восторженнымъ проповѣдникомъ гуманнаго духа древнихъ грековъ, походить на которыхъ старался онъ образомъ жизни и понятія которыхъ старался усвоить себѣ.

Максимъ Тирскій.

Въ слѣдующемъ поколѣніи представителемъ направленія, котораго держался Плутархъ, былъ реторъ и философъ Максимъ Тирскій, отъ котораго дошло до насъ довольно большое количество рѣчей или маленькихъ трактатовъ (ихъ насчитывается 41). Подобно Плутарху, онъ устраняетъ разницу между многобожіемъ народной греческой вѣры и ученіемъ о единомъ богѣ объясненіемъ, что божество миѳовъ и поэтовъ — или духи, „демоны", или олицетворенія разныхъ проявленій единаго божественнаго существа; вообще онъ старается преобразовать падающую древнюю религію философскимъ и аллегорическимъ подведеніемъ ея подъ идею о единомъ богѣ.

Эпиктетъ.

Современникомъ Плутарха былъ Эпиктетъ, уроженецъ фригійскаго города Гіераполя. Первоначально онъ былъ рабомъ Эпафродита, отпущенника и любимца Нерона; получивъ свободу, онъ посвятилъ себя изученію философіи; руководителемъ его былъ стоикъ Музоній Руфъ; черезъ нѣсколько времени онъ самъ сталъ преподавать философію; когда Домиціанъ (эдиктомъ, обнародованнымъ въ 94 году) изгналъ изъ Рима философовъ, Эпиктетъ удалился въ эпирскій городъ Никополь и прожилъ тамъ, хромой старикъ, бѣднякъ, остальные свои годы, имѣя единственнымъ своимъ стремленіемъ то, которымъ былъ одушевленъ Сократъ, бывшій образцомъ для него: онъ изучалъ самого себя, чтобы понять отношеніе человѣка къ міру, нравственно совершенствовать себя и помогать нравственному совершенствованію окружавшихъ его учениковъ.

Ученіе и жизнь его.

У Эпиктета стоическій образъ мыслей соединялся съ простотою жизни Сократа и первыхъ циниковъ; заслуживъ уваженіе своею честностью, онъ доказалъ, что вѣрность ученію о душевной свободѣ, о маловажности внѣшнихъ благъ, о спокойномъ перенесеніи бѣдствій можетъ облагородить человѣка и въ самомъ низкомъ общественномъ положеніи. Онъ поставилъ главнымъ содержаніемъ своей философіи ученіе о нравственности, основанное на правилѣ „терпѣливо выноси страданія и лишенія"; діалектику и физическую часть философіи онъ считалъ полезными лишь настолько, насколько онѣ нужны для полученія вывода, что человѣкъ — существо свободное. По ученію Эпиктета, принципъ духовной свободы человѣка можетъ ясно высказываться въ его жизни лишь когда онъ имѣетъ правильныя понятія о нравственности, объ отношеніи человѣка къ богу, другимъ людямъ, природѣ, когда онъ понялъ обязанности, которыя происходятъ изъ этихъ отношеній, и когда его свободная воля пріучена практикою къ согласію съ его обязанностями. Такимъ образомъ, нравственность обусловлена знаніемъ, волею и упражненіемъ.

Философія Эпиктета имѣла практическое направленіе; его ученіе и его жизнь были чисты; онъ былъ исполненъ смиренія и благочестія, благодарилъ бога за все, говорилъ, что все благое—даръ божій; ставилъ первою обязанностью человѣка благоговѣніе передъ богомъ; — все это подало поводъ къ мнѣнію, что онъ заимствовалъ свою философію изъ христіанства; оно ошибочно; христіанское ученіе не было извѣстно ему. — Его философія имѣла сильное вліяніе; многіе люди того времени и слѣдующихъ поколѣній были послѣдователями ея; и почти все ученіе стоиковъ послѣ него было ея отголоскомъ. Разсужденія Марка Аврелія въ „Бесѣдахъ съ самимъ собою" совершенно согласны съ ученіемъ Эпиктета; они—философія Эпиктета, примѣненная къ личному положенію Марка Аврелія. — Ученіе Эпиктета отличается отъ прежней стоической философіи тѣмъ, что еще сильнѣе требуетъ, чтобы человѣкъ углублялся въ самого себя, устранялся отъ внѣшняго міра, какъ суетнаго, считалъ себя только орудіемъ божественной воли, старался пріобрѣсти душевное спокойствіе повиновеніемъ голосу своей совѣсти.

Арріанъ.

Эпиктетъ былъ похожъ на Сократа тѣмъ, что передавалъ свое ученіе только изустно; оно было изложено письменно только его учениками. Замѣчательнѣйшимъ изъ нихъ былъ Флавій Арріанъ, человѣкъ благороднаго характера, потому хорошо понимавшій и передавшій ученіе своего наставника. Къ сожалѣнію, до насъ не дошли ни его біографія Эпиктета («О жизни и смерти Эпиктета»), ни его «Дружескія изслѣдованія», трактатъ состоявшій изъ 12 книгъ; а дошла только первая половина его «Лекцій Эпиктета», въ которыхъ онъ передавалъ мысли своего учителя съ величайшею заботою о точности и большею частью его собственными словами. «Руководство» (Encheiridion) къ изученію нравственной философіи Эпиктета, дошедшее до насъ вполнѣ, пользовалось величайшимъ уваженіемъ и у язычниковъ, и у христіанъ, было объясняемо комментаріями и парафразами; нравственность, излагаемая въ немъ, такъ чиста, что нѣкоторые христіанскіе ученые считали Арріана христіаниномъ. Онъ былъ достойнымъ ученикомъ Эпиктета, какъ видимъ по этому «Руководству» и по дошедшей до насъ части «Лекцій».

«Лекціи Эпиктета».
«Руководство».

Характеръ Арріана.

Подобно Эпиктету, Арріанъ своею жизнью доказалъ высокое нравственное достоинство стоической философіи; а его политическая и военная дѣятельность свидѣтельствуютъ, что изученіе самого себя и умственныя занятія не отнимаютъ у человѣка способности къ общественнымъ дѣламъ, что истинный философъ—человѣкъ дѣльный и въ практической жизни.— Арріанъ былъ уроженецъ Никомедіи; Адріанъ сдѣлалъ его префектомъ Каппадокіи, Антонинъ Пій далъ ему санъ консула. Сочиненія Арріана о военномъ дѣлѣ и въ особенности о походахъ Александра Великаго, Ана-

basis (III, 171) и объ Индіи, принадлежатъ къ лучшимъ произведеніямъ литературы того времени. Подобно Ксенофонту, котораго взялъ образцомъ для себя, Арріанъ въ своемъ „Анабазисѣ" придаетъ большое значеніе оракуламъ, предзнаменованіямъ, жертвоприношеніямъ, вообще всему религіозному. Онъ пишетъ простымъ языкомъ, тоже по примѣру Ксенофонта. Кромѣ этихъ произведеній, дошли до насъ еще два сочиненія Арріана: трактатъ объ охотѣ, написанный тоже по образцу, данному Ксенофонтомъ, и описаніе береговъ Чернаго моря, о которомъ мы уже упоминали. Другія его сочиненія погибли.

Аппіанъ.

Современникомъ Арріана былъ Аппіанъ; уроженецъ Александріи, онъ, какъ мы знаемъ отъ него самого, занималъ высокія должности на родинѣ, былъ потомъ адвокатомъ въ Римѣ, наконецъ получилъ должность «прокуратора»,—то есть, завѣдующаго финансовымъ управленіемъ,—или въ Египтѣ или, по мнѣнію другихъ ученыхъ, въ самомъ Римѣ. Въ царствованіе Антонина Пія онъ написалъ «Римскую исторію»; она состояла изъ 24 книгъ; нѣкоторыя изъ нихъ погибли, нѣкоторыя изъ дошедшихъ до насъ имѣютъ пробѣлы.

Характеръ его «Римской исторіи».

Аппіану показался неудобенъ лѣтописный или синхронистическій порядокъ, котораго держались прежніе историки римскаго государства; онъ избралъ другой методъ, дававшій возможность не разрывать на куски разсказъ объ одномъ событіи, какъ это часто бываетъ при лѣтописной системѣ; онъ распредѣлилъ разсказъ по этнографическому порядку: онъ излагаетъ исторію каждаго изъ покоренныхъ римлянами народовъ, отъ перваго соприкосновенія этого народа съ ними до присоединенія его земли къ римскому государству, а въ началѣ дѣлаетъ обзоръ исторіи этого народа до столкновенія его съ римлянами. Такимъ образомъ, римская исторія распадается у него на нѣсколько разныхъ разсказовъ.—Для насъ особенно важны тѣ пять книгъ его исторіи, въ которыхъ онъ разсказываетъ междоусобныя войны. Главною задачею его труда было показать, какъ шло расширеніе римскаго государства; потому онъ обращаетъ свое вниманіе по преимуществу на исторію войнъ. Онъ пересказываетъ извѣстія прежнихъ историковъ, часто переписываетъ ихъ буквально, потому достоинство разныхъ частей его труда не одинаково: оно опредѣляется тѣмъ, хороши или плохи источники, которыми пользуется онъ. Аппіанъ пишетъ съ любовью къ римлянамъ; но онъ былъ человѣкъ правдивый, умѣлъ понимать и цѣнить благородныя старыя времена; онъ чуждается всякаго преувеличенія, всякой реторической декламаціи, впадаетъ иногда въ сухость; но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ равняется достоинствомъ изложенія съ писателями лучшаго періода. Онъ не отрицаетъ вліянія воли боговъ на ходъ человѣческихъ дѣлъ, но находитъ причины возвышенія и упадка народовъ въ качествахъ и поступкахъ самихъ людей.

Кассій Діонъ.

Кассій Діонъ Кокцеянъ былъ нѣсколько моложе Аппіана. Онъ происходилъ отъ знатной фамиліи, родился въ 155 году въ виѳинскомъ городѣ Никеѣ, учился въ одной изъ аѳинскихъ реторскихъ школъ, получилъ хорошее образованіе, занималъ разныя должности при Коммодѣ и слѣдующихъ императорахъ, былъ сенаторомъ и два раза кон-

суломъ, потомъ вернулся въ родной городъ, провелъ старость и умеръ тамъ. Онъ написалъ исторію римскаго государства отъ основанія Рима до времени своего второго консульства (229 года). Она состояла изъ 80 книгъ: первыя 36 погибли, кромѣ нѣсколькихъ отрывковъ; изъ остальныхъ нѣкоторыя дошли до насъ вполнѣ, другія въ очень неполномъ видѣ.

Содержаніе и характеръ «Исторіи» Діона.

Десять лѣтъ (201—211) Діонъ занимался собираніемъ матеріаловъ; двѣнадцать лѣтъ (211—222) употребилъ на обработку ихъ; о 222—229 годахъ онъ внесъ въ свой трудъ, кажется, лишь краткія замѣтки. Книги 37—54 сохранились вполнѣ; разсказъ въ нихъ обнимаетъ время отъ войны съ Мидридатомъ до смерти Агриппы; изъ 55—60 книгъ мы имѣемъ большіе отрывки; отъ остальныхъ двадцати книгъ дошло до насъ извлеченіе, сдѣланное въ XI вѣкѣ Ксифилиномъ. Діонъ пишетъ реторическимъ слогомъ; нѣтъ у него ни благороднаго образа мыслей, ни безпристрастія; нѣтъ ни особенной проницательности, ни таланта обрисовывать событія и характеры; но онъ смотритъ на дѣла съ практической точки зрѣнія государственнаго человѣка, онъ основательно изучилъ предметъ и вообще онъ человѣкъ съ обширными учеными знаніями; потому его „исторія" имѣетъ большую цѣну для насъ; особенно та часть ея, которая относится къ временамъ имперіи даетъ намъ много важныхъ свѣдѣній. Онъ хорошо знаетъ государственное устройство, законы, военное дѣло, говоритъ о нихъ много и основательно; за развитіемъ государственныхъ учрежденій онъ слѣдитъ внимательно и пересказываетъ его дѣльно. Противникъ демократіи и всякихъ безпорядковъ, онъ видитъ въ Октавіанѣ великаго правителя, который установленіемъ монархической власти спасъ государство. Какъ для Арріана образцомъ служитъ Ксенофонтъ, такъ Діонъ старается подражать Ѳукидиду и отчасти Полибію; онъ не имѣетъ такого таланта, чтобы хоть нѣсколько походить на нихъ. Его разсказъ растянутъ и тяжелъ; у него нѣтъ ни глубокомыслія, ни оригинальности, ни возвышенности понятій. Ульрици говоритъ: „Тацитъ умѣлъ соединить съ исторіею императорскаго двора исторію государства, и даетъ намъ видѣть ходъ государственныхъ дѣлъ подъ всеподавляющимъ деспотизмомъ цезарей; этого искусства нѣтъ у Діона, и кругъ его понятій слишкомъ узокъ для заботы о чемъ нибудь подобномъ. Нѣтъ у него правдивости истинно историческаго взгляда». У него нѣтъ благороднаго нравственнаго чувства, негодующаго на всеобщую деморализацію и возвышающагося надъ нею. Человѣкъ ограниченнаго ума и суевѣрный, онъ придаетъ большую важность чудесамъ, предзнаменованіямъ, сновидѣніямъ, постоянно приводитъ ихъ, но не видно у него ни глубокаго религіознаго чувства, ни возвышенныхъ представленій о божественномъ промыслѣ.

Геродіанъ.

Пополненіемъ къ Діону служитъ Геродіанъ. Его исторія римскихъ императоровъ обнимаетъ время отъ смерти Марка Аврелія до Гордіана III (180—238). Онъ не больше, какъ лѣтописецъ - реторъ; въ его разсказѣ нѣтъ ни теплоты, ни жизни, ни точности; бѣдность мыслей онъ часто прикрываетъ наборомъ синонимовъ, любитъ вставлять вымышленныя рѣчи, которыя часто даже не соотвѣтствуютъ сущности дѣла; но всетаки его трудъ не лишонъ достоинства. Онъ

вообще правдивъ; языкъ его натураленъ, свободенъ отъ погони за искусственнымъ аттицизмомъ; разсказъ его проникнутъ благороднымъ нравственнымъ чувствомъ. Но онъ не умѣетъ соединять подробности въ связное цѣлое, и, кажется, у него даже не было мысли о надобности въ томъ.

Дексиппъ.

Въ III вѣкѣ возникла манера присоединять къ исторіи своего времени краткій очеркъ событій всей исторіи прежнихъ временъ. Первый шагъ къ этому сдѣлалъ Публій Гереннiй Дексиппъ, уроженецъ Аѳинъ, хорошій полководецъ, принявшій въ 267 году начальство надъ волонтерами, собравшимися въ Аттикѣ для отраженія вторгнувшихся въ Грецію германскихъ варваровъ и прогнавшій ихъ оттуда. Онъ пользовался также большимъ уваженіемъ какъ государственный человѣкъ и ученый. Онъ написалъ нѣсколько историческихъ сочиненій, въ томъ числѣ исторію войнъ съ готами, отъ Деція до Авреліана.

Зосимъ.

Зосимъ, жившій при Ѳеодосіѣ II, написалъ исторію римской имперіи отъ Августа до 410 года; и по формѣ, и по содержанію, трудъ его такъ хорошъ, какъ будто принадлежитъ не періоду упадка литературы.—

Поліэнъ.

Реторъ Поліэнъ, бывшій родомъ изъ Македоніи, написалъ трактатъ о военныхъ хитростяхъ (Strategemata). Это компиляція, состоящая изъ восьми книгъ и посвященная Марку Аврелію и его соправителю Луцію Веру; анекдоты изъ военной исторіи давнихъ временъ, собранные въ ней, очень неодинаковы по историческому достоинству.

Іосифъ род. въ 37, ум. послѣ 103.

Флавій Іосифъ, ученый іудей, происходившій изъ священническаго рода, усвоивъ себѣ въ Римѣ греко-римскую образованность, употребилъ свой литературный талантъ на изложеніе исторіи своего народа, его религіи, его страданій.

Онъ написалъ на еврейскомъ языкѣ, потомъ перевелъ на греческій „Исторію іудейской войны", состоящую изъ семи книгъ; это живой разсказъ о великой борьбѣ, кончившейся разрушеніемъ Іерусалима и храма. Онъ самъ былъ отчасти дѣятелемъ, отчасти очевидцемъ ея. Онъ пишетъ цвѣтистымъ слогомъ и по тогдашнему обыкновенію подробно разсказываетъ о замѣчательныхъ мѣстахъ, о любопытныхъ обычаяхъ, вставляетъ въ разсказъ длинныя рѣчи, составленныя самимъ авторомъ и предназначенныя служить характеристикою дѣйствующихъ лицъ, передавать ихъ устами мысли автора о положеніи дѣлъ въ данное время, или излагать господствовавшія тогда мнѣнія. Іосифъ отдался въ плѣнъ врагамъ и служилъ имъ; сознаніе, что онъ навлекъ на себя порицаніе своего народа, выражается у него рѣзкими, иногда несправедливыми сужденіями о вождяхъ возстанія. Но многія мѣста въ „Исторіи іудейской войны" написаны превосходно. Другой большой трудъ Іосифа—„Іудейская археологія", состоящая изъ 20 книгъ и конченная въ 93 или 94 году. Это исторія народа израильскаго, отъ самаго начала его преданій. Цѣлью Іосифа было внушить римлянамъ, презиравшимъ и ненавидѣвшимъ іудеевъ, болѣе выгодное понятіе объ этомъ народѣ, избавить іудеевъ отъ притѣсненій, которымъподвергало ихъ предубѣжденіе побѣдителей. Въ тѣ времена римляне очень любили восточную мудрость. Пользуясь этимъ, Іосифъ старается доказать имъ, что іудеи достойны ихъ уваженія. Но онъ умѣлъ понимать лишь свое время; идеи иныхъ временъ были чужды ему, и онъ не могъ оцѣнить истиннаго

величія своего народа въ давнюю старину. Притомъ, онъ не стѣснялся искажать историческія преданія прибавленіемъ выдумокъ, недавнихъ или новыхъ.—Пополненіемъ къ „Исторіи іудейской войны" служитъ его автобіографія, пополненіемъ къ „Іудейской Археологіи"—трактатъ „О древности іудейскаго народа", написанный въ опроверженіе Апіона, нападавшаго на іудеевъ. Эта апологія, состоящая изъ двухъ книгъ, проникнута теплою любовью къ закону Моисееву. Въ Автобіографіи онъ выставляетъ на видъ свои услуги династіи Флавіевъ, свою преданность Риму; въ „Исторіи іудейской войны" онъ говоритъ гораздо болѣе сдержаннымъ тономъ, представляетъ себя не измѣнникомъ своему народу, а человѣкомъ, принявшимъ сторону римлянъ лишь по необходимости.

F. Позднѣйшая литература.—Юриспруденція.

Упадокъ латинскаго языка и римской литературы.

Царствованіемъ Адріана кончается «серебряный вѣкъ» римской литературы; слѣдующіе писатели причисляются къ «мѣдному вѣку»; подъ тяжелымъ игомъ деспотизма образованность умирала; падала и римская литература. Адріанъ и Антонины много содѣйствовали ея упадку своимъ пристрастіемъ къ греческому языку и своимъ дурнымъ вкусомъ, портившимъ и языкъ, и слогъ, искажавшимъ и поэзію и прозу. Мы видѣли, что Адріанъ и Маркъ Аврелій покровительствовали греческому искусству, греческимъ философамъ и реторамъ; Адріана называли въ насмѣшку «дряннымъ грекомъ», graeculus; Маркъ Аврелій писалъ свои размышленія по-гречески. Пристрастіе императоровъ ко всему греческому было уже и само по себѣ достаточной причиной вельможамъ предпочитать греческую литературу латинской; а натянутое подражаніе старинному языку, введенное въ латинскую литературу Фронтономъ, отталкивало отъ нея всѣхъ людей со вкусомъ; этотъ уроженецъ Африки пользовался большою благосклонностью императоровъ; литераторы поддѣлывались подъ вкусъ могущественнаго ретора; но умные самостоятельные люди не хотѣли читать ихъ произведеній, принуждены были читать греческія книги. Адріанъ, Фронтонъ, ихъ сотоварищи по вкусу воображали, что подражаніемъ старинѣ можно возвратить въ литературу давно исчезнувшій изъ жизни римскій духъ, что для этого достаточно писать стихи въ родѣ старинныхъ италійскихъ пѣсенъ, какія пѣли арвальскіе братья, въ родѣ старинныхъ фесценнинъ, употреблять старинныя, давно забытыя слова и обороты, набираемыя изъ Катона, Плавта, Эннія, устарѣлыя формы рѣчи, какія господствовали до Варрона и Лукреція.

Фронтонъ.

Фронтонъ, человѣкъ съ этимъ извращеннымъ направленіемъ вкуса, пользовался покровительствомъ императоровъ, благодаря тому, владычествовалъ надъ литературою, пріобрѣлъ восторженныхъ поклонниковъ, сталъ основателемъ школы; и все это—милости императоровъ, высокія правительственныя должности, восхищеніе современниковъ, какъ напримѣръ Авла Геллія, и потомковъ, какъ напримѣръ Сидонія Аполлинарія,—онъ прі-

обрѣлъ, благодаря искусству прикрывать скудость знаній и бѣдность мыслей старинными выраженіями, холоднымъ реторическимъ паѳосомъ, напыщеннымъ слогомъ.—Фронтонъ имѣлъ горе видѣть блескъ своей славы померкающимъ; но не могла возвратить утраченнаго интереса латинской литературѣ и подорвавшая его авторитетъ африканская школа, основателемъ которой былъ даровитый Луцій Апулей, уроженецъ Карѳагена: она замѣнила холодный педантизмъ послѣдователей Фронтона необузданностью фантазіи; это не было улучшеніемъ, и тѣмъ менѣе могло отвлечь образованный классъ римской публики отъ предпочтенія греческихъ сочиненій латинскимъ, что свой искусственный блескъ африканская школа заимствовала изъ греческихъ же все писателей. «Золотой оселъ» Апулея—произведеніе, чуждое характеру римской національности: реторика съ претензіею на остроуміе, капризно придуманныя новыя слова, путанница поэтическихъ и старинныхъ словъ съ простонародными,—все это совершенно не римскія черты. Онѣ все больше и больше развивались въ послѣдующей латинской литературѣ.—Только въ юриспруденціи проявлялась еще и въ III вѣкѣ сила римскаго ума, его практичность, логическая послѣдовательность, только въ ней сохранялся точный научный языкъ. Императоры, презирая или считая опасными всѣ другія науки, покровительствовали развитію юриспруденціи. Она, подобно стоической философіи, была полезна упроченію абсолютизма: юристы точно также, какъ стоики, провозглашали первой обязанностью человѣка покорность власти. Но, кромѣ ученія о покорности, юриспруденція получила отъ своей союзницы, стоической философіи, широкіе принципы и поставила ихъ основаніями своей системы, по которымъ должны рѣшаться всѣ сомнительные вопросы; эти взятыя изъ стоицизма идеи о равенствѣ и общихъ правахъ всѣхъ людей сдѣлали римскую юриспруденцію общечеловѣческою системою естественнаго права.—Въ III вѣкѣ Востокъ уже началъ бороться съ Западомъ за преобладаніе въ имперіи; эта борьба постепенно отняла у Рима, у Италіи господство надъ умственною жизнью государства. Римъ пересталъ быть центромъ литературы и науки; въ греческомъ мірѣ становятся важнѣе его Аѳины, Александрія, потомъ Константинополь; въ Галліи, въ Испаніи, въ Африкѣ латинская цивилизація пріобрѣтаетъ свои особые центры; а когда христіанство стало владычествовать въ литературѣ, національныя особенности сгладились одинаковостью христіанскаго характера умственной жизни, греческія и латинскія книги возникали на общей почвѣ, имѣли одинаковое содержаніе. Когда будемъ говорить о христіанской апологетикѣ, мы ознакомимся съ діалогомъ Минуція Феликса «Октавій». Въ то время, когда язычество и христіанство еще боролись за господство надъ народами, получила въ послѣдній разъ нѣкоторое оживленіе латинская языческая поэзія и возникла христіанская. Трудолюбивымъ изуче-

Апулей.

Латинская поэзія.

ніемъ классическихъ поэтовъ нѣкоторые стихотворцы, не лишенные таланта, жившіе въ IV вѣкѣ и бывшіе почти всѣ провинціалами, пріобрѣли способность писать недурныя лирическія и эпическія произведенія; они хорошо владѣли языкомъ и стихомъ; въ ихъ сочиненіяхъ замѣтно подражаніе, они принадлежатъ книжному, а не дѣйствительному міру, но они достойны лучшаго времени. Поэтъ Авзоній, уроженецъ Бурдигалы, въ своихъ идилліяхъ граціозно описалъ берега Мозеля; Фестъ Авіэнъ, потомокъ философа Музонія Руфа, написалъ, кромѣ другихъ поэтическихъ произведеній, поэму, изображающую берега Средиземнаго моря отъ Гадеса до Массиліи; въ половинѣ III вѣка сициліанецъ Кальпурній и Аврелій Немезіанъ писали подражанія Эклогамъ и Георгикамъ Виргилія; у нихъ мало естественности и изобрѣтательности, но встрѣчаются прекрасныя описанія; таково, напримѣръ, описаніе зала съ миѳологическими картинами въ третьей эклогѣ Кальпурнія. Клавдій Клавдіанъ, уроженецъ Александріи, находившійся въ дружбѣ съ римской аристократіей и съ людьми, составлявшими дворъ Гонорія въ Равеннѣ, благозвучными стихами, легкимъ и правильнымъ языкомъ прославлялъ военныя и административныя дѣла своего покровителя, Стилихона, и три консульства Гонорія; его современникъ Рутилій Намаціанъ описалъ чистымъ, заимствованнымъ у Виргилія языкомъ свое возвращеніе изъ Равенны на родину въ Галлію. Христіанскіе поэты, уроженцы Испаніи и Галліи, писали духовныя пѣсни древнимъ языкомъ и размѣромъ; но они только назидательны, а не изящны и, не смотря на старинныя выраженія, принадлежатъ по своему духу среднимъ вѣкамъ. Важнѣйшіе изъ нихъ Ювенкъ и Пруденцій. Современникъ Ювенка, Публій Оптацій Порфирій, вѣроятно, уроженецъ Африки, христіанинъ знатнаго рода, получилъ возвращеніе изъ ссылки и пріобрѣлъ расположеніе Константина стихотвореніемъ въ честь его; оно написано реторически и очень льстиво.

Авзоній. Авіэнъ.

Кальпурній. Немезіанъ.

Клавдіанъ.

Намаціанъ.

Ювенкъ и Пруденцій. Порфирій.

Мы видѣли, что при имперіи значеніе юристовъ возвысилось: многія должности отдавались по преимуществу имъ, и со времени Адріана исключительно юристы были назначаемы на важнѣйшую должность въ государствѣ, преторіанскую префектуру, и на должности членовъ государственнаго совѣта, имѣвшія очень большую важность; юристы составляли эдикты, рескрипты (отвѣты императоровъ на вопросы сановниковъ или частныхъ лицъ) и декреты (судебныя рѣшенія императоровъ, какъ верховныхъ апелляціонныхъ судей); словомъ, юристы писали всѣ тѣ акты, изъ которыхъ составлялись конституціи (законы императоровъ). Соразмѣрно возростанію значенія юристовъ, росло и усердіе къ занятію юриспруденціей; число юристовъ увеличивалось; они сдѣлались особымъ сословіемъ; трибуналы обращались къ нимъ за совѣтами въ затруднительныхъ случаяхъ; они были адвокатами; они приводили въ порядокъ законы, писали комментаріи на нихъ, писали трактаты о важныхъ или трудныхъ юридическихъ вопросахъ; преподавали въ большихъ городахъ юриспруденцію; сначала это были курсы отдѣльныхъ преподавателей, потомъ возник-

Юриспруденція.

ли юридическія школы. Въ юриспруденціи римляне остались болѣе независимы отъ греческаго вліянія, чѣмъ въ другихъ отрасляхъ знанія; она основывалась на прочныхъ преданіяхъ старины. Юристы писали простымъ, точнымъ языкомъ людей, имѣющихъ большую житейскую опытность и многостороннее образованіе; ихъ слогъ вообще не носитъ на себѣ педантическаго оттѣнка. Юриспруденція подверглась упадку не такъ быстро, какъ другія отрасли римской литературы. Сальвій Юліанъ составилъ при Адріанѣ полный сводъ преторскихъ эдиктовъ, Edictum perpetuum; этотъ его трудъ былъ основаніемъ всѣхъ позднѣйшихъ кодексовъ. Гай, младшій современникъ Юліана, составилъ руководство къ изученію частнаго права Institutionum commentarii. Этотъ трактатъ, состоявшій изъ 4 книгъ, былъ учебникомъ права до временъ Юстиніана. Полное развитіе юриспруденціи дали великіе юристы, занимавшіе высшія государственныя должности при Септиміѣ Северѣ и Александрѣ Северѣ; всѣ они рѣшали юридическіе вопросы въ духѣ совершенно одинаковомъ, и ихъ юридическимъ трудамъ было дано значеніе законовъ, утвержденныхъ императоромъ. Главнымъ изъ нихъ былъ Эмилій Папиніанъ, префектъ преторія, убитый при Каракаллѣ; его „Вопросы", въ которыхъ излагались общія юридическія понятія и „Отвѣты"—рѣшенія по частнымъ случаямъ, получили классическое значеніе. Разработку науки продолжали Юлій Павелъ и Домицій Ульпіанъ, бывшіе префектами преторія при Александрѣ Северѣ. Павелъ писалъ очень много; важнѣйшіе изъ его трудовъ—трактаты о „Преторскомъ правѣ" и о „Гражданскомъ правѣ". Ульпіанъ, уроженецъ Тира, былъ опекуномъ и потомъ уважаемымъ совѣтникомъ Александра Севера и, какъ мы знаемъ, былъ убитъ преторіанцами. Онъ, кромѣ другихъ трудовъ, написалъ большіе трактаты по тѣмъ же отраслямъ юриспруденціи, какъ Павелъ; его трактатъ о преторскомъ правѣ называется комментаріями къ эдикту (ad Edictum), трактатъ о гражданскомъ правѣ комментаріями къ Сабину (ad Sabinum). Четвертымъ великимъ юристомъ былъ ученикъ Ульпіана, Гереннiй Модестинъ. Эти четыре юриста довели до совершенства обработку юридическаго языка, придали ему точность. Изложеніе у нихъ очень живое; они сначала разъясняютъ общее юридическое понятіе, потомъ съ полною послѣдовательностью примѣняютъ его къ разрѣшенію частныхъ вопросовъ. Ихъ труды вытѣснили изъ употребленія прежнія юридическія сочиненія и стали основаніемъ преподаванія юриспруденціи. Главное достоинство ихъ состоитъ не въ томъ, чтобъ они установляли философскіе принципы права; этимъ они вовсе не занимаются; они только берутъ основныя понятія положительнаго римскаго права и съ большимъ діалектическимъ искусствомъ примѣняютъ ихъ къ рѣшенію частныхъ вопросовъ.—Въ слѣдующемъ столѣтіи подверглась упадку и юриспруденція, юристы стали довольствоваться изученіемъ трудовъ своихъ великихъ предшественниковъ и составленіемъ сборниковъ императорскихъ распоряженій. Своды законовъ, составленные при Ѳеодосіѣ и Юстиніанѣ, положили конецъ научнымъ изслѣдованіямъ, и творческая сила юриспруденціи угасла.

Папиніанъ.

Павелъ. Ульпіанъ.

Модестинъ.

Авзоній. 309—392.

Децимъ Магнъ Авзоній, уроженецъ Бурдигалы (Бордо), сынъ Юлія Авзонія, бывшаго императорскимъ врачомъ при Валентіанѣ, потомъ префектомъ Иллиріи, учился очень усердно, въ особенности много занимался юриспруденціей и реторикой. Онъ былъ воспитателемъ императора Граціана, получилъ отъ него въ 375 году консульскій санъ, но потомъ удалился отъ политической дѣятельности, чтобы посвятить послѣдніе свои годы наукѣ и поэзіи. Говорятъ, что онъ былъ христіаниномъ. Кажется, это правда, хотя въ его сочиненіяхъ владычествуетъ языческая форма и языческая культура. Лучшія изъ его поэтическихъ произведеній—двадцать идиллій, главное содержаніе которыхъ составляютъ описанія природы; языкъ въ нихъ простой, легкій. Самая длинная и самая знаменитая изъ нихъ Mosella—описаніе долины Мозеля, по которой проѣхалъ Авзоній въ 370 году. Эта идиллія состоитъ изъ 483 гекзаметровъ. Гумбольдтъ говоритъ: „Mosella, написанная въ старинномъ городѣ Трирѣ, воспѣваетъ берега прекрасной рѣки, холмы которыхъ уже были тогда покрыты виноградниками; нѣкоторыя мѣста этой идилліи не лишены граціи, но главную часть ея составляетъ сухое перечисленіе мѣстностей, ручьевъ, текущихъ въ Мозель, разной рыбы, живущей въ этой рѣкѣ, такъ что общій характеръ идилліи чисто дидактическій". Тринадцатая идиллія Cento nuptialis составлена изъ подбора стиховъ Виргилія; изъ нихъ слѣплено сладострастное стихотвореніе, написать которое поручилъ Авзонію императоръ Валентиніанъ. Отъ Авзонія дошло до насъ много другихъ стихотвореній; подлинность приписываемыхъ ему эпиграммъ сомнительна; его посланія похожи на пустыя реторическія упражненія, написанныя въ подражаніе Горацію; есть у него мелкія стихотворенія, написанныя о родныхъ, и называющіяся Parentalia; есть маленькая поэма, излагающая ходъ дневныхъ занятій человѣка и называющаяся „Эфемеридой". Въ прозѣ онъ написалъ „Благодарственную рѣчь" (Gratiarum actio) императору Граціану; она подражаніе Плинію; языкъ ея напыщенный, льстивый до раболѣпства. Дошли до насъ и нѣкоторыя другія сочиненія Авзонія; всѣ они показываютъ, что онъ былъ человѣкъ начитанный, живой, умный и съ тѣмъ вмѣстѣ свидѣтельствуютъ, что его эпоха была не способна создавать художественныя произведенія, самостоятельныя по своимъ мыслямъ и написанныя безъискусственнымъ языкомъ.

Клавдіанъ около 400.

Клавдій Клавдіанъ, александрійскій грекъ, изучилъ уже взрослымъ человѣкомъ латинскій языкъ такъ хорошо, что сталъ однимъ изъ лучшихъ латинскихъ поэтовъ времени паденія имперіи; онъ усвоилъ себѣ слогъ августова времени, былъ человѣкъ талантливый, воспѣвалъ подвиги Стилихона, который за это награждалъ его должностями и поставилъ въ Римѣ статую въ честь ему; Клавдіанъ воспѣвалъ также императора Гонорія, изливалъ свою ненависть къ византійской имперіи въ политическихъ памфлетахъ и въ сатирахъ „противъ Руфина" и „противъ Эвтропія"; его поэтическій разсказъ „Похищеніе Прозерпины" излагаетъ этотъ миѳъ очень мило.—Онъ написалъ похвальныя оды по поводу трехъ консульствъ Гонорія, послѣ стихотворенія въ честь Стилихона и его жены Серены; прославлялъ войну съ гетами и побѣду надъ Гильдономъ; написалъ нѣсколько стихотвореній въ похвалу своимъ друзьямъ; содержаніе этихъ произведеній мелочно, они переполнены реторикой, но въ нихъ есть живые разсказы, хорошія описанія; Клавдіанъ имѣлъ сильное воображеніе, но оно иногда вовлекало въ излишнюю фантастичность. Реторика и патетизмъ изложенія плохо гармонируютъ съ сухостью его темъ. Этимъ недостаткомъ страдаютъ и его полемическія произведенія. Гораздо лучше тѣ его мелкія стихотворенія, въ которыхъ онъ могъ давать волю своему таланту; таковы его стихотвореніе „На свадьбу императора Гонорія" (in nuptias Honorii et Mariae), его „Фесценнины", пять небольшихъ посланій, семь граціозныхъ идиллій, эпиграммы, въ числѣ которыхъ находятся написанныя не имъ, а другимъ христіанскимъ поэтомъ. Остался отъ Клавдіана отрывокъ миѳологической поэмы о войнѣ боговъ съ гигантами, Gigantomachia, но, кажется, что это переводъ съ греческаго.

«Клавдіанъ имѣлъ поэтическій талантъ, богатое воображеніе, вкусъ, обширныя знанія», говоритъ Бернгарди: «онъ умѣлъ цѣнить древнихъ поэтовъ и хорошо усвоилъ себѣ ихъ

языкъ». Гиббонъ въ сущности согласенъ съ этимъ; сказавъ, что у Клавдіана нѣтъ глубины и теплоты чувства, онъ продолжаетъ: «По порученію своего покровителя, Клавдіанъ писалъ похвалы и порицанія; эта рабская работа развила въ немъ врожденную склонность переходить границы истины. Но его недостатки вознаграждаются до нѣкоторой степени его достоинствами. Онъ былъ одаренъ рѣдкимъ талантомъ придавать интересъ самымъ мелочнымъ темамъ, разнообразить самыя сходныя. Его колоритъ, особенно въ описательной поэзіи, живъ и блестящъ; ему почти никогда не измѣняютъ развитый образованностью умъ и богатая фантазія; слогъ его вообще не принужденный, иногда бываетъ даже энергичнымъ, стихъ его плавенъ и благозвученъ».

Апулей около 160. Луцій Апулей, человѣкъ очень даровитый и остроумный, родился въ царствованіе Адріана въ нумидійскомъ городѣ Мадаврѣ, учился въ Аѳинахъ и въ Римѣ, много путешествовалъ, ознакомился въ своихъ путешествіяхъ съ понятіями и глупостями людей своего времени, былъ посвященъ во всякія религіозныя таинства, поселился въ Карѳагенѣ, пріобрѣлъ себѣ тамъ извѣстность хорошаго преподавателя реторики, знаменитость писателя и чудотворца. Онъ женился на матери своего друга, Понтанія, богатой вдовѣ, женщинѣ пожилыхъ лѣтъ, съ которой сблизился во время одной изъ своихъ поѣздокъ: на пути онъ занемогъ въ городѣ, гдѣ былъ ея домъ, и лежалъ у нея больной; она ухаживала за нимъ, и онъ выздоровѣлъ. Женитьба на ней подала поводъ къ обвиненію, что онъ пріобрѣлъ ея любовь чародѣйствомъ и чародѣйствомъ же убилъ ея сына. Онъ былъ преданъ суду и оправдался. Его защитительная рѣчь, „Апологія“, дошла до насъ. Она написана языкомъ болѣе чистымъ, чѣмъ другія его произведенія. Онъ нападаетъ въ ней на суевѣріе, на неразуміе массы, видящей чародѣя въ каждомъ, занимающемся естественными науками; все это умно; но съ тѣмъ вмѣстѣ онъ защищаетъ нѣкоторые виды волшебства, такъ называемую естественную магію, которая, по его словамъ, старается постичь дѣйствіе силъ природы и облекаетъ найденныя ею тайныя знанія въ символическія формулы и обряды; онъ говоритъ, что эта магія совершенно различна отъ волшебства, пользующагося суевѣріемъ и невѣжествомъ толпы; онъ защищаетъ таинственные культы съ ихъ посвященіями и разными символическими обрядами, но не оправдываетъ фантазерства, шарлатанства и распутства, прикрывавшагося подъ таинственными обрядами. Апулей былъ дитя своего вѣка, изучалъ все то, чѣмъ интересовались его современники, надъ нѣкоторыми изъ ихъ фантазій смѣялся, другими былъ увлеченъ самъ, нѣкоторымъ даже придалъ болѣе широкое развитіе. Онъ держался системы Платона въ ея позднѣйшей передѣлкѣ, соединялъ съ нею мистическія ученія и магію, въ своихъ сочиненіяхъ приспособлялся ко вкусу своихъ современниковъ, любившихъ разсказы о чудесахъ, всяческія суевѣрія, изнѣженную чувственность, сладострастное фантазерство, и пріобрѣлъ себѣ репутацію мага и чудотворца, подобнаго Аполлонію Тіанскому или Александру Абонотиху, хотя пылкій, но въ сущности разсудительный и насмѣшливый африканецъ, онъ, вѣроятно, былъ вовсе не похожъ на этихъ азіатскихъ пророковъ. До насъ дошло много его сочиненій. О его „Апологіи“ мы уже говорили; кромѣ того, онъ составилъ сборникъ извлеченій изъ реторскихъ декламацій, Florida; написалъ трактатъ о духовѣдѣніи; однимъ изъ основаній вѣры въ духовъ онъ выставляетъ то, что говорилъ Сократъ о своемъ демонѣ; онъ строитъ подробную теорію о существованіи особеннаго міра духовъ, занимающихъ средину между божествомъ и людьми; у него выходитъ нѣчто подобное вѣрованіямъ, господствовавшимъ въ средніе вѣка. Есть у него краткій очеркъ тѣхъ сторонъ философіи

Платона; которыя казались ему соотвѣтствующими символическому мистицизму его времени, есть передѣлка одного изъ физическихъ трактатовъ Аристотеля; но главное его произведеніе „Девять книгъ метаморфозъ, или о золотомъ ослѣ“. Часть этого сочиненія составляетъ большой эпизодъ, разсказывающій о любви Амура и Психеи. (Онъ занимаетъ книги 4—6). Мы уже говорили объ этой миѳологической аллегоріи. Психея, поддавшись обольщенію и земному желанію, подвергается разлукѣ съ своимъ возлюбленнымъ (Амуромъ), очищается страданіями, примиряется и соединяется съ нимъ. Метаморфозы.

«Золотой оселъ» нѣчто подобное юмористическому роману. Основаніемъ его служитъ разсказанная Лукіаномъ исторія человѣка, который былъ превращенъ волшебствомъ въ осла и послѣ разныхъ приключеній избавился отъ своей бѣды тѣмъ, что съѣлъ нѣсколько розъ на праздникѣ Реи; это сатирическо-фантастическій обзоръ суевѣрій и пороковъ римскаго міра. Всѣ нравственные недуги и нелѣпости того историческаго времени изображаются у Апулея во всей ихъ наготѣ; описанія распутства сладострастны и часто омерзительны. Апулей описываетъ и религіозное фантазерство съ его процессіями, съ его шарлатанствомъ и лицемѣріемъ; склонность своихъ современниковъ къ демонологіи, таинственнымъ обрядамъ, разсказамъ о чудесахъ, изнѣженность и роскошь горожанъ, жизнь бродягъ и разбойниковъ, картины которой у него часто бываютъ прекрасны. (Старуха, принадлежащая къ шайкѣ разбойниковъ, разсказываетъ граціозную исторію Амура и Психеи). Есть у Апулея и превосходное описаніе великолѣпныхъ египетскихъ таинствъ съ ихъ символами и посвященіями. По всему разсказу разлита веселая иронія, представляющая странный контрастъ съ нравоучительной тенденціей, лежащей въ основѣ всего произведенія. Языкъ разсказа реторическій, напыщенный; но пламенная чувственность и поэтическій колоритъ дѣлаютъ его привлекательнымъ; множество сладострастныхъ сценъ раздражаютъ фантазію. При томъ читатель постоянно чувствуетъ, что Апулей передаетъ факты, что его описанія пороковъ того времени отвѣчаютъ дѣйствительности. Вѣроятно, Апулей заимствовалъ основную сказку своего романа о золотомъ ослѣ не изъ Лукіана; должно полагать, что оба они заимствовали ее изъ Луція Патрскаго, сказка котораго не дошла до насъ.—Слогу Апулея подражали позднѣйшіе африканскіе писатели, а содержаніе «Золотого осла» давало поэтическій матеріалъ многимъ писателямъ новаго времени; пользовались имъ напримѣръ Лесажъ въ своемъ «Жильблазѣ» и Макіавелли.

---

3. Философія и Религія.

А. ПАДАЮЩЕЕ ЯЗЫЧЕСТВО.

а. Философія.

Какъ въ реторикѣ, медицинѣ, географіи, такъ и въ философіи римляне были учениками грековъ, заимствовали отъ нихъ свои понятія о законахъ мышленія, о верховномъ благѣ, о цѣляхъ и нравственныхъ правилахъ практической жизни. Въ III томѣ нашей книги (стр. 419 слѣд.) мы ознакомились съ философскими системами, которыя были основаны въ IV вѣкѣ до нашей эры Эпикуромъ, Зенономъ Греческая философія въ римской имперіи.

и Пирроном; мы видели, что ученія этихъ греческихъ философовъ были перенесены въ Римъ, распространились тамъ въ образованномъ класѣ и приняли практическое направленіе, приспособившись къ понятіямъ, обычаямъ и учрежденіямъ римлянъ (III. 602). Особенно много послѣдователей между римлянами нашли себѣ эпикуреизмъ и стоицизмъ.

Эпикуреизмъ.

Ученіе Эпикура, облеченное въ поэтическую форму Лукреціемъ Каромъ, человѣкомъ сильнаго таланта (стр. 61), сдѣлалось, благодаря Горацію, житейской философіей знатнаго общества при Августѣ и продолжало имѣть многихъ послѣдователей въ первые два вѣка нашей эры. Людямъ, жаждавшимъ наслажденій, нравилась философія, говорившая, что все въ мірѣ находится въ процессѣ вѣчнаго возникновенія и видоизмѣненія, что вселенной управляетъ случай, что нѣтъ ничего, существующаго отдѣльно отъ матеріи, что сила существуетъ только въ соединеніи съ матеріей, душа только въ соединеніи съ тѣломъ, что надъ круговоротомъ вѣчныхъ распаденій и сочетаній нѣтъ неизмѣннаго правящаго духовнаго существа, что нѣтъ области, въ которую переселялась бы душа по смерти тѣла, что потому цѣль человѣческой жизни—счастіе здѣсь на землѣ. Это ученіе освобождало людей отъ боязни божественнаго наказанія, давало имъ свободу предаваться чувственности, беззаботно наслаждаться недолгимъ временемъ, отдѣляющимъ рожденіе отъ смерти. Потому эпикуреизмъ былъ философіей толпы, жившей со дня на день съ единственной мыслью пользоваться всѣмъ, что даетъ минута, знатныхъ придворныхъ сластолюбцевъ и вялыхъ людей, искавшихъ высшаго счастія въ эвдемонизмѣ, въ спокойномъ состояніи тѣлеснаго и душевнаго удовольствія.

Это чувственное направленіе эпикуреизма было искаженіемъ ученія Эпикура, который ставилъ счастіе въ свободѣ отъ всѣхъ болѣзненныхъ ощущеній, нарушающихъ душевное спокойствіе, потому требовалъ честности, самообладанія, простого образа жизни, удовлетворяющаго естественныя потребности человѣка. Ученіе объ умѣренности и воздержности было не сообразно съ духомъ времени, потому эпикуреизмъ исказился, былъ превращенъ въ поверхностную философію наслажденія, и послѣдователи его стали неспособны къ энергической умственной дѣятельности. Они образовали многочисленную школу, но она далеко уступала другимъ философскимъ школамъ въ научной дѣятельности и не пользовалась такимъ уваженіемъ, какъ онѣ. Послѣдователи эпикуреизма все больше и больше поддавались квіэтизму и много помогали развитію господствовавшаго влеченія общества къ индифферентизму и космополитизму.

Стоическая философія и циники.

Болѣе важное значеніе и въ научномъ, и въ житейскомъ отношеніи имѣла во времена римской имперіи стоическая философія, и особенно та практическая форма, которая была дана стоицизму Панетіемъ и его ученикомъ Посидоніемъ (стр. 45) и еще болѣе развита Сенекою и Эпиктетомъ. Стоицизмъ рано получилъ доступъ въ аристократическій кругъ; въ числѣ его послѣдователей находились вліятельные государственные люди, какъ напримѣръ Катонъ, потому это ученіе осталось свободнымъ отъ глупостей и пошлостей, какими навлекла на себя презрѣніе родственная ему циническая школа; циники, представлявшіе собою плебейскую сторону мыслей, аристократическую сторону которыхъ представлялъ стоицизмъ, были посмѣшищемъ толпы, предметомъ насмѣшекъ и для сатиры. Они имѣли нѣкоторое сходство съ капуцинами; были бездомными скитальцами по свѣту, презирали всѣ удобства цивилизованной жизни, своими изорванными плащами, длинными, нечесанными волосами и бородами они выражали свое пренебреженіе къ привычкамъ образованныхъ людей, щеголяя тѣмъ, что не имѣютъ никакихъ потребностей и живутъ, какъ велитъ природа.

Мы видѣли, что Лукіанъ очень часто и ѣдко осмѣивалъ циниковъ; но онъ не смѣшивалъ Діогена, Демонакса и подобныхъ имъ прежнихъ циниковъ съ учениками, исказившими ихъ мысли, съ людьми, какіе называли себя циниками въ его время, но были въ сущности шарлатанами, подъ философской маской которыхъ скрывалось очень много дурного. Впрочемъ было бы несправедливо судить по насмѣшкамъ Лукіана обо всѣхъ циникахъ временъ имперіи. Между ними были люди, которые, довольствуясь охапкой соломы вмѣсто постели и бѣднымъ плащомъ, были образцами добродѣтели. По крайней мѣрѣ такъ говоритъ Сенека о циникѣ Димитріѣ, который былъ изгнанъ изъ Рима Нерономъ, удалился въ Аѳины и при Веспасіанѣ вернулся въ Римъ. Онъ былъ, говоритъ Сенека, учителемъ добродѣтели, наставникомъ въ искусствѣ жить бѣдно; своимъ отреченіемъ отъ всего, кромѣ необходимаго, и своею нравственной энергіею онъ пристыжалъ людей своего вѣка.

Стоическая философія пользовалась уваженіемъ, благодаря отчасти серьезному нравственному характеру своего ученія, отчасти потому, что между послѣдователями ея было много почтенныхъ людей, отчасти по своему стремленію примирить знаніе съ религіей. Она примиряла ихъ аллегорическимъ истолкованіемъ вѣрованій, привычныхъ народу, и ученіемъ, что есть существа, занимающія средину между богомъ и людьми. Эти существа называла она «демонами» (духами). Стоицизмъ, подобно эпикуреизму, училъ, что высшая цѣль жизни—счастіе, основанное на мудрой воздержности, эвдемонизмъ; но въ понятіи объ этомъ верховномъ благѣ и о пути къ его достиженію стоическое ученіе очень сильно отличалось отъ эпикуреизма. Эпикурейцы говорили, что человѣческая душа и вселенная возникли изъ случайнаго сочетанія болѣе или менѣе тонкихъ и совершенныхъ атомовъ, которые, соединившись, снова распадаются; что таковы же и боги, если боги существуютъ; стоики различали видимый міръ, природу, отъ духовной первобытной силы, все создающей и все оживляющей; эта сила, которую называли они божествомъ, одарена во-

лею и разумомъ, говорили они; она произвела изъ самой себя видимый міръ, движетъ и правитъ имъ, какъ согрѣвающая его жизненная сила; человѣческая душа — истеченіе этой силы; цѣль человѣческой жизни состоитъ въ томъ, чтобы познавать живущую въ насъ божественную силу, охранять ее въ чистотѣ, приводить ее въ согласіе съ душею вселенной (божествомъ); счастіе человѣка состоитъ въ этомъ согласіи; оно — жизнь, сообразная съ природой, невозмущаемая никакими нарушеніями гармоніи съ нею.

Итакъ, по ученію стоиковъ, счастіе не зависитъ отъ внѣшняго міра. Онъ индифферентенъ для мудреца, который заботится лишь о томъ, чтобы сохранить свою душу въ первобытной чистотѣ, такъ, чтобъ она оставалась подобной богу и могла по смерти тѣла вновь соединиться съ нимъ. Средствами къ тому, чтобы душа была подобна божеству, служатъ мудрость и добродѣтель; къ этимъ высшимъ благамъ ведетъ философія. Они пріобрѣтаются и сохраняются тѣмъ вѣрнѣе, чѣмъ неуклоннѣе слѣдуетъ человѣкъ голосу своего разума; разумъ долженъ владычествовать надъ жизнью; слѣдуя ему, человѣкъ долженъ сохранять себя свободнымъ, смотрѣть съ полнымъ равнодушіемъ на все внѣшнее, считать себя орудіемъ божественной воли и, повинуясь ей, послушно плыть по рѣкѣ жизни внѣшняго суетнаго міра. Обладая мудростью и добродѣтелью, человѣкъ вполнѣ счастливъ, какимъ бы внѣшнимъ бѣдствіямъ ни подвергался онъ; нищета и преслѣдованія враговъ не отнимаютъ у него счастія, и смерть не бѣдствіе для него; а если онъ не обладаетъ этими высшими благами, то онъ несчастный глупецъ, хотя бы имѣлъ богатство и всѣ внѣшнія блага. Мудрецу не трудно сохранять равнодушіе во всѣхъ бѣдствіяхъ жизни, смотрѣть спокойно на все: онъ знаетъ, что все совершается по вѣчной неизмѣнной необходимости, по таинственному закону природы, который называется судьбою (Heimarmene); такъ что уже при самомъ началѣ устройства вселенной лежали въ ней зародыши всѣхъ послѣдующихъ явленій; потому всѣ созданныя существа носятъ въ себѣ самихъ необходимость своей судьбы, и сопротивленіе неотвратимому было бы несообразно съ природой. То, что называется зломъ, входитъ въ планъ промысла и оно только кажется зломъ, кромѣ одного лишь истиннаго зла, — того, которое проистекаетъ изъ человѣческой воли; а свобода воли лежитъ въ планѣ творца; она необходимое качество человѣческой души, вложенное въ нее богомъ; важнѣйшая обязанность мудреца состоитъ въ томъ, чтобы держать свою волю подъ контролемъ разума, который не давалъ бы ей ничего избирать безразсудно; подъ этимъ контролемъ она не дѣлаетъ ничего дурного и привыкаетъ находить пріятнымъ то, что одобряется разумомъ и природой.

Эти принципы вели къ строгому различенію внутренней жизни человѣка отъ жизни окружающаго міра, требовали точнаго опредѣленія отношеній между этими двумя сферами; стоики установили подробныя правила отношеній мудреца къ внѣшней жизни, къ ея благамъ и къ бѣдствіямъ, какимъ можетъ подвергать она. Во времена имперіи стоическая школа сосредоточила все свое вниманіе на нравственномъ ученіи, сдѣлало главною своею задачею выработку ученія

о нравственныхъ обязанностяхъ. Но правильное ученіе о нихъ имѣетъ необходимымъ своимъ основаніемъ теоретическую истину, науку; потому коренное назначеніе человѣка состоитъ по стоической философіи въ стремленіи къ познанію истины о божественномъ и человѣческомъ мірѣ; только стремленіе къ истинѣ даетъ счастіе, слѣдовательно счастіе вполнѣ зависитъ отъ воли самого мудреца.

Такимъ образомъ стоическое ученіе о морали не могло довольствоваться общими, широкими правилами; оно должно было давать предписанія для всяческихъ случаевъ, опредѣлять, какъ именно долженъ поступить человѣкъ при всякомъ данномъ сочетаніи обстоятельствъ. Цицеронъ хвалилъ стоическую философію за строгую послѣдовательность, съ какой она выводитъ изъ основного абстрактнаго принципа систему правилъ, простирающуюся до опредѣленія обязанностей въ каждомъ конкретномъ случаѣ. Эту послѣдовательность мы видимъ и въ трактатахъ Сенеки о нравственныхъ обязанностяхъ и въ изложеніи нравственной философіи Эпиктета, сдѣланномъ Арріаномъ, у котораго въ безчисленныхъ варіантахъ повторяются основныя правила стоической морали: „живи сообразно природѣ“; „терпи и отказывайся“; „добродѣтель (практическая мудрость)—единственное благо, ея исполненіе—высшая обязанность, обладаніе ею—истинное счастіе“; „сохраняй душевное спокойствіе“; „всегда слѣдуй разуму и владычествуй надъ всѣми желаніями и страстями“; „истинное зло состоитъ только въ безнравственности, въ нарушеніи добродѣтели, а нарушеніе зависитъ отъ нашей свободной воли; то, что не зависитъ отъ нашей воли можетъ производить пріятныя или болѣзненныя ощущенія, но не можетъ быть названо ни добромъ, ни зломъ“.

Арріанъ говоритъ: человѣкъ необразованный никогда не ожидаетъ пользы или вреда себѣ отъ самого себя, ждетъ всего отъ внѣшнихъ фактовъ; философъ ждетъ пользы и вреда себѣ только отъ самого себя. Признаки мудраго человѣка таковы: онъ никого не порицаетъ, никого не хвалитъ, ни на кого не жалуется, никому не дѣлаетъ упрековъ; никогда не говоритъ о себѣ такъ, чтобы приписывать себѣ какую-нибудь важность или какое-нибудь знаніе; если онъ терпитъ въ чемъ-нибудь неудачу, онъ обвиняетъ самого себя; когда кто-нибудь хвалитъ его, онъ въ душѣ смѣется надъ хвалящимъ, а когда его порицаютъ, онъ не оправдывается. Онъ удаляетъ отъ себя всякія желанія; онъ имѣетъ отвращеніе только отъ того, что противно природѣ вещей, зависящихъ отъ нашей воли; онъ всегда поступаетъ спокойно, безстрастно, онъ не заботится о томъ, если его считаютъ глупцомъ. Словомъ, онъ постоянно наблюдаетъ за самимъ собой, какъ за коварнымъ врагомъ.

Отношеніе стоиковъ къ государству и обществу.

Убѣжденіе въ томъ, что счастіе основано исключительно на душевной свободѣ, развивало въ стоикахъ твердость характера, независимость, давало имъ силу дѣйствовать по правиламъ своей философіи; потому во времена всеобщей деморализаціи только стоическая школа давала обществу людей, которые не плыли по теченію, имѣли мужество возставать противъ деспотизма, противорѣчить льстецамъ и прислужникамъ его и, въ сознаніи своего нравственнаго достоинства, не гнались за богатствами, не оскверняли себя участіемъ въ господствующемъ развратѣ. Мы видѣли людей, которые, при сви-

рѣпой тираніи императоровъ перваго вѣка нашей эры, погибли жертвами своей любви къ свободѣ, своей вѣрности республиканскимъ убѣжденіямъ, образцомъ которой былъ для нихъ Катонъ. Мы знаемъ этихъ людей, при мысли о которыхъ радуется великая душа Тацита, которые своею безукоризненною жизнью и мужественною смертью заслужили славу въ потомствѣ: Аннея Корнута, Тразею Пета, Гельвидія Приска и другихъ; мы видѣли, что заговоръ Пизона подвергъ погибели многихъ вліятельныхъ представителей стоической философіи и знаменитѣйшаго изъ нихъ Сенеку; его другъ Музоній Руфъ, самый ревностный защитникъ стоическаго ученія, былъ отправленъ въ ссылку и принужденъ копать землю при прорытіи канала черезъ Истмъ; только смерть Нерона дала ему свободу возвратиться въ Римъ. Мы видѣли, что Эпиктетъ велъ въ дали отъ Рима простую жизнь по примѣру Сократа и славился своими добродѣтелями. Но имѣя много достоинствъ, стоическая школа имѣла и дурныя стороны: многіе стоики были слишкомъ проникнуты чувствомъ своего превосходства надъ другими людьми, тщеславились своей строгой нравственностью; они учили, что боги народной религіи—лишь «имена и символы» разныхъ проявленій жизни природы, но многіе изъ нихъ были преданы суевѣріямъ; они такъ любили проповѣдовать мораль, что часто это переходило у нихъ въ бранчивость. Ихъ мораль превращалась въ казуистику, и они жертвовали принципами практическому разсчету; они любили навязываться людямъ съ своими совѣтами. Эти дурныя стороны проявились очень рѣзко, когда при Адріанѣ и Антонинахъ стоическая философія сдѣлалась оффиціальной, модной; Маркъ Аврелій объявилъ себя ея послѣдователемъ; множество людей стали тогда называть себя стоиками для пріобрѣтенія благосклонности императоровъ; философскій плащъ стоика очень часто былъ теперь прикрытіемъ и нравственной пустоты, и безнравственности, моральныя сентенціи сдѣлались пустословіемъ. Но, кромѣ этихъ недостатковъ, общихъ всѣмъ философскимъ и религіознымъ школамъ, стоицизмъ имѣлъ ту дурную сторону, что въ своей исключительной заботѣ о личной душевной жизни человѣка онъ чуждался дѣйствительной жизни и смотрѣлъ на нее съ узкой школьной точки зрѣнія; его послѣдователи не старались улучшить, облагородить общественный и государственный бытъ практической дѣятельностью, все больше и больше сторонились отъ общества, замыкаясь въ свою гордость нравственными достоинствами, и вообще при каждомъ затруднительномъ или опасномъ случаѣ они руководились не живыми мотивами, а соображеніями о томъ, какъ слѣдуетъ поступить въ этомъ дѣлѣ по предписаніямъ ихъ школьной морали. Но школа не можетъ воспитать человѣка безъ содѣйствія жизни; теорія должна быть провѣряема и исправляема по фактамъ. Кто судитъ о дѣйствительной жизни въ неисчислимомъ разнообразіи ея явленій только по заученнымъ школьнымъ правиламъ, остается въ большей части случаевъ педантомъ, фантазеромъ или непрактичнымъ доктринеромъ.

Маркъ Аврелій.

Такими и были тѣ стоики, которыхъ осмѣивалъ Лукіанъ. Нельзя избавить и благороднаго Марка Аврелія отъ этого упрека въ несогласіи душевной жизни съ условіями дѣйствительности, какую часто чувствуетъ не практичный моралистъ при столкновеніи его заученныхъ правилъ съ дѣйствительностью. Тѣ монологи съ самимъ собою, изъ которыхъ состоитъ его трактатъ, подъ заглавіемъ „Для самого себя", дѣлаютъ величайшую честь сердцу императора, и стоики были правы, гордясь послѣдователемъ своего ученія, который на престолѣ цезарей оставался вѣренъ ученію стоицизма, неизмѣнно исполнялъ правила стоической морали; но его собственный домашній бытъ, пороки его жены, его сына, его приближенныхъ, всѣ эти гнусности, на которыя онъ преднамѣренно закрывалъ глаза, ясно доказывали, что школа отдѣлена отъ жизни непереходимой пропастью. Правило стоицизма заботиться только о самомъ себѣ безъ заботы о другихъ было въ особенности не примѣнимо къ положенію государя; потому жизнь Марка Аврелія—рядъ колебаній и противорѣчій. Странное впечатлѣніе производитъ то, что императоръ, среди неотступныхъ требованій жизни, на походѣ, окруженный опасностью и смертью, пишетъ афоризмы совершенно школьнаго характера, абстрактныя размышленія о суетѣ человѣческой жизни, о мимолетности всѣхъ ея благъ, ничтожности всѣхъ человѣческихъ желаній, тщетѣ всѣхъ заботъ дѣйствительной жизни; въ подтвержденіе стоическому афоризму, что смерть не зло, доказываетъ, что она принадлежитъ къ естественнымъ событіямъ, противъ которыхъ не должны бороться мудрецы, и выводитъ изъ этихъ разсужденій увѣщаніе самому себѣ спокойно слѣдовать волѣ боговъ, когда они отзовутъ его съ поприща земной жизни. Въ его увѣщаніяхъ самому себѣ непрерывнымъ рядомъ идутъ благородныя чувства и мысли: онъ внушаетъ себѣ обязанность сохранять спокойствіе во всѣхъ бѣдствіяхъ жизни, быть искреннимъ въ мысляхъ о себѣ, справедливымъ и кроткимъ относительно другихъ, всегда слѣдовать голосу бога, говорящему намъ въ нашей совѣсти, не обольщаться похвалой, не смущаться порицаніемъ людей; мы постоянно видимъ его стремленіе охранить свою душу чистой отъ пороковъ, подавлять свои страсти, никогда не забывать справедливости и человѣколюбія; онъ напоминаетъ себѣ, что, дѣлая добро, не слѣдуетъ разсчитывать на благодарность, что добрыя дѣла должно дѣлать по внутреннему влеченію, какъ дѣлаетъ пчела медъ, какъ виноградная лоза приноситъ свои гроздья: все это достойно величайшаго почтенія; но во всемъ этомъ нѣтъ ни малѣйшаго проблеска умственной самостоятельности, нѣтъ свободнаго выраженія естественныхъ человѣческихъ чувствъ или сильной практической воли; все облечено грустнымъ чувствомъ, которое любитъ останавливаться на мысляхъ о смерти; и тяжелое впечатлѣніе производитъ этотъ странный дневникъ душевной жизни императора, писанный среди военныхъ тревогъ и трудовъ „въ землѣ квадовъ".

Скептицизмъ.

Разныя философскія школы разнорѣчили между собою въ мысляхъ о томъ, что составляетъ цѣль жизни, какіе пути ведутъ къ счастью; философы спорили между собою съ горячностью сектантовъ; размножались философскія общества, разъѣдавшія общественную жизнь своею критикою или своими фантазіями; раздоры между ними стали

больше прежняго, когда, кромѣ эпикуреизма и стоицизма, сдѣлались модными ученіями Академическая философія, перипатетическая философія и пиѳагореизмъ; потомъ стали пріобрѣтать множество приверженцевъ восточныя понятія, возникли системы, которыя подводили подъ эти понятія разные элементы греческихъ философскихъ ученій и слѣпляли изъ всего этого новыя мистическія построенія. Понятно, что при этой путаницѣ системъ многіе мыслящіе люди старались соединить ихъ всѣ въ одно цѣлое, а другіе стали отрицать всѣ ихъ. Изъ желанія примирить всѣ системы возникъ эклектизмъ или синкретизмъ, выбиравшій изъ всѣхъ ученій то, что казалось ему пригоднымъ для практической жизни; а тѣ, кому не нравилось это сліяніе несовмѣстныхъ элементовъ и каждая отдѣльная школа сама по себѣ представлялась неудовлетворительной, теряли надежду достичь достовѣрной истины и впадали въ скептицизмъ. Эта система, игравшая важную роль уже и въ древней Греціи, отрицавшая и тогда догматизмъ другихъ философскихъ ученій, была теперь развиваема новыми аргументаціями, и скептики воображали, что находятъ успокоеніе себѣ въ мысли о неспособности человѣческаго разума узнать истину по важнѣйшимъ вопросамъ умственной жизни. Этимъ путемъ пошелъ уже Аркесилай, знаменитѣйшій мыслитель такъ называемой средней Академіи; сбивчивость ученія Платона объ идеяхъ привела его къ рѣшительному индифферентизму, онъ нашелъ благоразумнѣйшимъ воздерживаться отъ всякаго опредѣленнаго мнѣнія и держаться только внушеній опыта даже и въ области нравственныхъ вопросовъ. Карнеадъ слѣдовалъ въ сущности тому же направленію. Филонъ и въ особенности Антіохъ Аскалонскій дали преподаванію въ Академіи болѣе положительное направленіе, стали основателями новой академической школы, склонявшейся къ догматизму и сближавшейся съ ученіемъ стоиковъ. Тѣ прежніе послѣдователи Академіи, которымъ не нравилось это направленіе главныхъ ея преподавателей, совершенно отдѣлились отъ нея и вдались въ пирроновскій скептицизмъ. Возстановителемъ скептицизма былъ Энесидемъ, который жилъ, кажется, во время Цицерона и былъ нѣсколько моложе его лѣтами. Сочиненія Энесидема не дошли до насъ, но мы имѣемъ памятниками этого новаго скептицизма, смѣлаго и послѣдовательнаго въ своемъ отрицаніи, трактаты Секста Эмпирика, жившаго въ концѣ II вѣка нашей эры.

До насъ дошли три трактата Секста Эмпирика: „Основанія пирронизма“, „Противъ математиковъ“, „Противъ догматиковъ“. Онъ доказываетъ, что человѣческій умъ, по самой природѣ своей, неспособенъ достичь такого знанія, которое имѣло бы объективную достовѣрность. Мы не можемъ никакими усиліями перейдти за границы субъективнаго мнѣнія. Напрасны всѣ наши попытки постичь сущность предметовъ, объективную связь между ними, дѣйствительное отношеніе познаваемаго нами бытія къ нашему

познанію; изъ этого слѣдуетъ, что достовѣрнаго знанія нѣтъ, и цѣлью нашихъ стремленій должно быть только то, чтобъ удерживаться отъ всякихъ рѣшительныхъ сужденій объ истинѣ или лживости какого бы то ни было мнѣнія; этимъ мы достигнемъ непоколебимаго душевнаго спокойствія. Секстъ Эмпирикъ полагаетъ, что къ такому выводу, дающему намъ душевное спокойствіе, насъ можетъ привести только неизмѣнная любовь къ истинѣ и строгое научное мышленіе, и что единственный путь къ счастію— добродѣтель; такимъ образомъ, скептицизмъ въ своихъ практическихъ выводахъ сходился съ ученіемъ стоиковъ. По мнѣнію скептиковъ, внѣшнія блага тоже вещи индифферентныя, а всякое страстное желаніе, нарушающее покой души, блаженство апатіи, слѣдуетъ считать зломъ. Но въ практической жизни скептики не слѣдовали какимъ нибудь опредѣленнымъ школьнымъ правиламъ; они говорили, что въ каждомъ данномъ случаѣ должно поступать сообразно внушеніямъ разсудка; этимъ скептицизмъ сближался съ ученіемъ Эпикура.

Итакъ, скептицизмъ отрицалъ всякую положительную истину и съ неуклонной діалектической послѣдовательностью доказывалъ, что по каждому данному вопросу разумъ, взвѣшивая доводы въ пользу какого бы то ни было рѣшенія и противъ него, приходитъ къ невозможности принять это рѣшеніе за истинное ли или за ложное, что поэтому всякое стремленіе къ знанію и къ истинѣ безплодно; а въ практическомъ отношеніи скептицизмъ приходилъ къ тому результату, что человѣческой волѣ остается свободный выборъ слѣдовать правиламъ стоиковъ, или правиламъ эпикурейцевъ. Возникновеніе такой школы служило яснымъ доказательствомъ, что древняя философія пережила свое время, что всѣ ея формы устарѣли. Подобно полководцу, который разрушаетъ все и, опустошивъ страну, самъ умираетъ въ ней отъ голода, скептицизмъ разрушилъ всю древнюю философію и отнялъ всякую пищу у человѣческаго разума. Онъ очистилъ этимъ просторъ для развитія новыхъ ученій, но нанесъ древней философіи смертельный ударъ; она изнемогала въ отчаяніи.

Фантазерство и синкретизмъ.

На просторѣ опустошенія, произведеннаго скептицизмомъ, распространилось черезъ нѣсколько времени христіанское ученіе; но прежде чѣмъ оно овладѣло этой пустыней, по ней носились дикимъ роемъ фантастическія теоріи, общій характеръ которыхъ состоялъ въ томъ, что онѣ сочетали здравыя мысли древней философіи съ продуктами необузданной игры воображенія, съ туманнымъ мистицизмомъ, съ уродливымъ суевѣріемъ, составляя изъ этой противоестественной смѣси разнородныхъ мыслей и вѣрованій странныя фантасмагоріи. Въ ученіи стоиковъ и платониковъ была теорія о существованіи области, занимающей средину между божественнымъ міромъ и земнымъ; въ эту область стоики и платоники помѣщали «демоновъ» (духовъ) и такимъ образомъ сближали свое ученіе съ народною ре-

лигіею, говоря, что духи соотвѣтствуютъ богамъ народной вѣры. Въ этомъ уже лежалъ зародышъ фантастическихъ религіозныхъ системъ. Другой причиной ихъ возникновенія было то, что влеченіе сердца избавиться и отъ школьныхъ философскихъ фразъ, и отъ умершей народной религіи, и вело многихъ римлянъ II и III столѣтій къ принятію восточныхъ тайноученій; потребность живой вѣры среди всеобщей деморализаціи побуждала людей слабаго характера искать опоры себѣ въ мистицизмѣ, въ суевѣріи; общественная жизнь не представляла высокихъ цѣлей; пресыщенные всѣми наслажденіями образованные люди чувствовали душевную пустоту и отдавались въ руки шарлатановъ, вызывателей духовъ, чародѣевъ, чудотворцевъ, а масса стремилась къ проповѣдникамъ тайныхъ ученій, искала посвященія въ религіозныя таинства, участія въ освященныхъ религіею оргіяхъ; вкоренившееся въ умы благоговѣніе къ великимъ именамъ Пиѳагора и Платона доставляло приверженцевъ фантазерамъ, пророкамъ, чародѣямъ, основывавшимъ секты, прикрашиваемыя названіями ученій этихъ знаменитыхъ людей; поколѣніе, лишенное душевной энергіи, жадно хваталось за систему, подъ прикрытіемъ этихъ блестящихъ именъ удовлетворявшую склонности его къ таинственному и чудесному и подававшую падающему язычеству въ его безпомощности новую опору и оружіе противъ христіанства. Изъ этихъ источниковъ происходило громадное количество суевѣрій, сплетавшихся въ разнообразныя системы философскаго и религіознаго синкретизма; онѣ опутывали молодое христіанство и грозили поглотить его. Фантазеры, бѣжавшіе отъ философскаго отрицанія, бросились въ тайно ученія, обѣщавшія своимъ послѣдователямъ силу совершать чудеса; чувственно-фантастическія теоріи выростали на болотѣ суевѣрства; всѣ нелѣпости и пошлости того вѣка находили себѣ просторъ въ этихъ системахъ, въ которыхъ сливались греческія и восточныя, особенно іудейскія и египетскія понятія и миѳическія аллегоріи; сумасброды и обманщики, проповѣдники этихъ ученій, одинаково противоположныхъ старинной греческой философіи и христіанству, обольщали легковѣрныхъ своими сношеніями съ духами, говорили о тайныхъ силахъ природы, которыя могутъ обращать на службу себѣ люди, посвященные въ волшебныя знанія, дурачили ихъ своими пророчествами, чудесами, импонировали имъ странными символами и обрядами; составилась даже наука истолкованія сновъ; руководство къ ней написалъ Артемидоръ Эфесскій, или, какъ онъ предпочтительно называлъ себя по мѣсту рожденія своей матери, Дальдійскій. Обозрѣвая пестрый хаосъ фантастическихъ ученій того времени, приходишь къ мысли, что язычество будто хотѣло передъ своимъ исчезновеніемъ блеснуть своими сокровищами: много тутъ было возвышенныхъ идей, благородныхъ стремленій, искреннихъ чувствъ; но они были перемѣшаны съ нелѣпыми и отвратительными вымыслами испорченной фан-

тазіи, съ внушеніями низкихъ страстей, съ мистификаціями шарлатановъ, называвшихъ себя философами, съ глупостями халдейскихъ астрологовъ; сокровища, которыми щеголяло язычество, были похожи на уборы, въ которые наряжается раззорившееся аристократическое семейство: прежніе драгоцѣнные камни были замѣнены фальшивыми, золото — мишурой.

Филонъ около 40 года.

Въ царствованіе Калигулы пріѣхалъ въ Римъ Филонъ, александрійскій іудей, происходившій отъ знатной фамиліи; іудеи назначили его однимъ изъ пословъ, которыхъ отправили хлопотать по ихъ дѣламъ. Онъ былъ наиболѣе замѣчательный изъ тѣхъ александрійскихъ іудеевъ, которые, получивъ греческое ученое образованіе, старались соединить ветхозавѣтную религію съ идеями греческой, въ частности платоновской и стоической философіи, доказывая, что религіозныя, философскія и нравственныя истины, высказанныя наилучшими языческими мыслителями, задолго до ихъ временъ были даны іудеямъ божественнымъ откровеніемъ. Въ своемъ стремленіи доказать это, Филонъ и другіе іудеи одинаковаго съ нимъ направленія мыслей видоизмѣняли священныя преданія платоническими и стоическими понятіями. Ихъ ученіе не произвело особеннаго впечатлѣнія на ихъ языческихъ современниковъ, но имѣло большое вліяніе на христіанскихъ ученыхъ и на греко-римскую религіозную философію II и III вѣковъ. Филонъ былъ въ іудейскомъ вѣроученіи представителемъ идеализма, подобнаго идеализму неоплатониковъ въ язычествѣ. Онъ хорошо зналъ греческую философію, заимствовалъ изъ нея свои основныя понятія, которыми старался объяснить божественныя тайны, но съ тѣмъ вмѣстѣ оставался вѣрующимъ приверженцемъ священныхъ книгъ своего народа, ставилъ данное въ нихъ откровеніе выше всякой иной мудрости; главною цѣлью его многочисленныхъ ученыхъ трудовъ, написанныхъ нѣсколько реторическимъ языкомъ, но проникнутыхъ искреннимъ одушевленіемъ, было защитить отъ порицаній и прославить отечественную религію. Задачею своей жизни онъ поставилъ доказать одинаковость ученій Платона о богѣ, о благѣ, объ идеяхъ и ученій стоиковъ о душѣ вселенной и о добродѣтели съ откровенными истинами іудейской религіи, убѣдить образованныхъ язычниковъ, что эти ученія были издавна собственностью народа іудейскаго.—Въ первомъ вѣкѣ нашей эры жилъ Аполлоній Тіанскій, мудрецъ и чудотворецъ, хотѣвшій реформировать ученіе пиѳагорейцевъ, передаваемое священными легендами, въ которыхъ, разумѣется, съ каждымъ поколѣніемъ видоизмѣнялись старинныя преданія, лежавшія въ ихъ основѣ; едва ли имѣлъ онъ сколько нибудь важное вліяніе на своихъ современниковъ; жизнеописаніе его, составленное въ III вѣкѣ Филостратомъ — не болѣе, какъ романъ, написанный въ такое время, когда христіанство и неоплатоническая философія заинтересовали римлянъ, а мистицизмъ и вѣра въ чудеса овладѣли всѣми классами римскаго общества. Александръ Абонотихскій, магъ и пророкъ, шарлатанство котораго осмѣялъ Лукіанъ, вышелъ изъ школы Аполлонія; потому должно полагать, что и самъ Аполлоній былъ однимъ изъ тѣхъ чудотворцевъ и прорицателей, которыхъ было тогда множество на Востокѣ и которые добывали себѣ деньги и славу, обманывая легковѣрную толпу; вѣроятно, идеальная фигура боговдохновеннаго чудотворца, которую рисуетъ Филостратъ, давая ей имя Аполлонія, вовсе не похожій на дѣйствительнаго Аполлонія продуктъ религіознаго и философскаго синкретизма II и III вѣковъ.

Аполлоній Тіанскій 3—96.

Ученіе Филона и его сочиненіе.

Ученіе Филона, составленное изъ греческихъ и еврейскихъ элементовъ, имѣетъ такой видъ: отъ вѣчности существовали два основные принципа: богъ, существо духовное, и хаосъ—матерія, изъ которой созданъ міръ. Богъ—существо, непостижимое человѣческимъ умомъ. Изъ божественнаго существа первоначально произошелъ духовный міръ, міръ идей, прототиповъ, дѣятельностью которыхъ созданы предметы матеріальнаго міра. Разумная сила этихъ прототиповъ проникаетъ въ матерію и изъ этого дурного матеріала создаетъ, по ихъ образу, матеріальный, видимый міръ. Эта дѣйствующая сила духовнаго міра—логосъ, «разумъ»; она—связь, соединяющая видимый матеріальный міръ съ невидимымъ богомъ; она принадлежитъ обоимъ основнымъ принципамъ, и богу, и матеріи; въ богѣ она—сила покоящаяся, въ матеріи—сила дѣйствующая и сокращающая; итакъ логосъ—намѣстникъ бога въ видимомъ мірѣ, «второй богъ»; какъ разумъ человѣка проявляется во множествѣ мыслей, которыя при всемъ своемъ различіи другъ отъ друга, составляютъ единое цѣлое, происходя отъ одной силы и будучи всѣ охватываемы ею, такъ изъ логоса происходятъ безчисленные прототипы и основныя силы предметовъ видимаго міра; эти прототипы и силы соотвѣтствуютъ и ангеламъ еврейской вѣры, и Платоновымъ идеямъ, и божествамъ языческой миѳологіи. Ученіе о логосѣ—главная часть системы Филона. Во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ Ветхаго Завѣта, гдѣ говорится о явленіяхъ бога людямъ или о дѣйствіяхъ промысла, говорится, по его мнѣнію, о логосѣ; логосъ—образъ бога, намѣстникъ его, «перворождный сынъ божій». Онъ податель всѣхъ духовныхъ даровъ, посредникъ между людьми и богомъ, возносящій къ нему ихъ просьбы, ходатайствующій за нихъ передъ нимъ. Логосъ раздѣляется на множество существъ, каждое изъ которыхъ—проявленіе какого-нибудь отдѣльнаго качества или дѣйствія его. Какъ логосъ произошелъ изъ бога, такъ изъ логоса произошелъ человѣкъ; потому человѣкъ имѣетъ въ себѣ разумъ (имѣетъ въ себѣ логоса); имѣетъ и свободу; первая чета людей употребила свободу во зло, этимъ произведенъ грѣхъ.—Филонъ воображалъ, что находитъ свое ученіе въ Ветхомъ Завѣтѣ; для того, чтобы находить его тамъ, онъ даетъ натянутыя истолкованія словамъ священныхъ книгъ; по его мнѣнію, слова священнаго писанія имѣютъ, кромѣ простого, буквальнаго смысла, другой, высшій, аллегорическій; онъ давалъ аллегорическія объясненія и повелѣніямъ закона Моисеева, оставляя впрочемъ за ними силу повелѣній божіихъ. Его ученіе имѣло большое вліяніе на христіанскихъ гностиковъ.—Сочиненія Филона можно раздѣлить на четыре группы: 1) Историко-біографическія сочиненія написаны нѣсколько реторическимъ слогомъ; важнѣйшія изъ нихъ: «О сотвореніи міра», «Жизнь Авраама», «Жизнь Іосифа», «Три книги о Моисеѣ», составленныя по священному писанію и по легендамъ и предназначенныя главнымъ образомъ для язычниковъ, въ защиту іудейской религіи; 2) Трактаты о нравственности. Основнымъ изъ нихъ должно считать «О десяти заповѣдяхъ»; къ нему примыкаютъ разсужденія о разныхъ добродѣтеляхъ, двѣ книги «О наградахъ и наказаніяхъ», проникнутыя пламенной любовью къ іудейскому народу и родинѣ и восторженными надеждами; «О благородствѣ» іудейскаго народа. 3) Политическія сочиненія, разсказы объ общественной дѣятельности автора; сюда относится книга «О посольствѣ» въ Римъ. 4) Аллегорическія объясненія священнаго писанія, предназначенныя главнымъ образомъ для іудеевъ и написанныя Филономъ въ старости, спокойнымъ тономъ, комментаріи къ разнымъ отдѣламъ Пятикнижія (о священныхъ законахъ, о херувимахъ, о жертвоприношеніи Каина и Авеля, о потомствѣ Каина, о Ноѣ, о раздѣленіи языковъ, о сновидѣніяхъ, о жертвоприношеніяхъ и священствѣ и проч.). Мы перечислили только важнѣйшіе изъ сочиненій Филона. У него много мыслей, одинаковыхъ съ Новымъ Завѣтомъ и вообще съ христіанскими понятіями; большая часть этихъ мыслей были въ его время всеобщими у іудеевъ, жившихъ въ греческихъ городахъ.

Біографія Аполлонія Тіанскаго, написанная Филостратомъ.

Въ III вѣкѣ, когда христіанство быстро распространялось, проповѣдники его говорили тономъ увѣренности въ побѣдѣ, и защитники язычества видѣли надобность собрать всѣ силы на борьбу, искали новаго оружія, софистъ Флавій Филостратъ написалъ, по порученію императрицы Юліи

Домны, жены Септимія Севера, біографію Аполлонія Тіанскаго. При составленіи этого довольно большого сочиненія, состоящаго изъ восьми книгъ, онъ пользовался письменными матеріалами, въ особенности дневникомъ Дамида Ниневійскаго, который сопровождалъ Аполлонія въ его путешествіяхъ и оставилъ записки о его жизни, ученіи и чудесахъ. Сочиненіе Филострата не было, кажется, прямо направлено противъ христіанства, имѣло цѣлью только прославленіе пиѳагорейской философіи въ лицѣ послѣдняго великаго ея проповѣдника и очищеніе падавшей оффиціальной религіи; но Аполлоній былъ изображенъ у Филострата чертами, напоминавшими о Христѣ. Дамидъ и другіе писатели, изъ которыхъ бралъ Филостратъ разсказы о немъ, представлялись похожими на евангелистовъ; сходство казалось такъ велико, что въ концѣ III вѣка Гіероклъ, правитель Виѳиніи, отличавшійся свирѣпостью во время гоненія на христіанъ при Діоклеціанѣ, написалъ подъ заглавіемъ „Слова любви къ истинѣ“ разсужденіе, въ которомъ противопоставлялъ Іисусу Аполлонія Тіанскаго, божественною мудростью и силою совершившаго великія чудеса, наставника и благодѣтеля людей. Параллель между Аполлоніемъ Филострата и Христомъ вообще такъ ясна, что издавна былъ подымаемъ вопросъ, слѣдуетъ ли считать книгу Филострата результатомъ добросовѣстнаго убѣжденія его въ фактической истинѣ разсказываемаго имъ, или онъ писалъ лишь для того, чтобъ ослабить христіанство изображеніемъ боговдохновеннаго языческаго чудотворца, человѣка чистой нравственной жизни, возвѣстившаго людямъ божественное откровеніе, и дать этимъ новую опору язычеству; было много споровъ о томъ, заключаетъ ли въ себѣ разсказъ Филострата историческую истину, или онъ просто тенденціозный романъ, могло ли умиравшее язычество дѣйствительно произвести искренняго энтузіаста, подобнаго Аполлонію Филострата, или Филостратъ просто перенесъ на фантастическое лицо, названное языческимъ мудрецомъ, разсказы христіанъ о божественномъ основателѣ ихъ вѣры.

Черты, которыми Аполлоній Филострата напоминаетъ Христа.

Аполлоній Филострата многими чертами напоминаетъ Христа: онъ сынъ Божій; онъ одаренъ предвѣдѣніемъ будущаго и силою совершать чудеса, изгоняетъ демоновъ изъ бѣсноватыхъ, воскрешаетъ мертвыхъ (онъ воскресилъ въ Римѣ дочь бывшаго консула, которую несли хоронить); онъ ходитъ по городамъ, окруженный учениками; ученики его вѣруютъ, что онъ имѣетъ власть надъ бурею и огнемъ; онъ совершаетъ чудеса только для блага другихъ, не для своей пользы; его чудеса служатъ опорою вѣры его учениковъ; они совершаются не силою натуралистической магіи и не чародѣйствомъ, а исключительно божественною силою чудотворца. Подобно Христу, Аполлоній былъ преданъ однимъ изъ своихъ учениковъ (Эвфратомъ) и былъ подвергнутъ суду; въ разсказѣ о взятіи его подъ стражу и о допросѣ его на судѣ многія подробности напоминаютъ разсказы евангелистовъ (его допрашивалъ императоръ; однимъ изъ обвиненій противъ него было то, что нѣкоторые считаютъ его за бога). Какъ Іисусъ говорилъ о себѣ, что пришелъ не разрушить, а исполнить законъ, такъ и Аволлоній не разрушалъ прежнюю вѣру, а только преобразовалъ ее на основаніи древней философіи, въ частности на основаніи системъ Пиѳагора и Платона, провозглашенныя которыми высокія ученія о Богѣ, устройствѣ вселенной, нравственныхъ обязанностяхъ человѣка онъ вновь возвѣщалъ людямъ; онъ, подобно Пиѳагору и Платону, требовалъ отъ своихъ послѣдователей чистой нравственности, добродѣтели, человѣколюбія, самопознанія, повиновенія голосу совѣсти. Онъ былъ мужественнымъ защитникомъ свободы, естественныхъ правъ противъ тиранства, смѣло говорилъ противъ деспотизма цезарей. Словомъ, онъ идеалъ мудреца; глубочайшее знаніе человѣческихъ и божественныхъ истинъ соединяется въ немъ съ чистѣйшею нравственностью, страхъ смерти безсиленъ надъ нимъ; онъ такъ много возвышается надъ людьми, что должно считать его существомъ сверхъестествен-

нымъ,—богомъ, какъ и признали его индійскіе мудрецы еще въ его молодости. Это подтверждается и таинственнымъ исчезновеніемъ его.

Тенденція сочиненія Филострата.

Итакъ, Аполлоній Филострата очень напоминаетъ Христа; это сходство можно объяснять двумя разными предположеніями: фигурѣ Аполлонія даны Филостратомъ черты Христа съ намѣреніемъ, враждебнымъ христіанству, или фигура его образовывалась въ представленіяхъ язычниковъ подъ вліяніемъ христіанства и составляетъ продуктъ религіознаго синкретизма. Этого второго мнѣнія держится, въ числѣ многихъ другихъ ученыхъ, Бауръ; въ своемъ изслѣдованіи Apollonius von Tyana und Christus онъ говоритъ: «Не подлежитъ сомнѣнію, что сочиненіе Филострата—разсказъ совершенно идеализированный, имѣющій очень мало историческаго основанія. Въ немъ очевидна тенденція собрать въ похвалу изображаемаго лица все, что можетъ придать изображенію прелесть удивительности и печать идеальнаго совершенства». Но Бауръ полагаетъ, что, идеализируя Аполлонія, Филостратъ не имѣлъ цѣли, враждебной христіанству, о которомъ онъ и не говоритъ ни однимъ словомъ: «Онъ хотѣлъ писать объективно, потому воздерживался отъ всякихъ упоминаній о христіанствѣ, хотя все изложеніе ведется у него съ мыслью о христіанствѣ, въ параллель разсказамъ христіанъ; онъ только хотѣлъ изъ элементовъ, представляемыхъ язычествомъ, создать идеальное лицо, подобное Христу. Онъ понималъ, что чѣмъ объективнѣе будетъ изложеніе, тѣмъ вѣрнѣе достигнетъ своей цѣли». Бауръ продолжаетъ: религіозный синкретизмъ, который произвелъ сочиненіе Филострата и котораго держались многіе члены императорской фамиліи, былъ не враждебенъ христіанству, напротивъ, уважалъ его наравнѣ съ другими религіями. Въ домашней молельной комнатѣ (lararium) Александра Севера рядомъ съ олимпійскими богами стояли статуи Христа и Аполлонія Тіанскаго. Перенося на Аполлонія черты, заимствованныя изъ евангелій, Филостратъ желалъ, быть можетъ, внести христіанскія понятія въ государственную римскую религію; а быть можетъ, его мысли были такъ наполнены христіанскими понятіями, что онъ почти бозсознательно придаетъ своему идеальному мудрецу черты Христа.—Другіе ученые полагаютъ, что дѣло было не такъ, что сочиненіе Филострата написано съ цѣлью, враждебною христіанству, что онъ не по наивному синкретизму придавалъ черты Христа лицу, которое вовсе не походитъ на дѣйствительнаго Аполлонія Тіанскаго, лицу, прикрашенному, вымышленному, что онъ писалъ съ намѣреніемъ остановить распространеніе христіанства, грозившее погибелью язычеству, что планъ этой работы, исполненной имъ, былъ составленъ въ кругу образованныхъ людей, которыхъ собрала около себя императрица Юлія Домна, и что книга Филострата предназначена была служить чтеніемъ не для обыкновенной римской довольно малочисленной публики, а для массы народа.—Въ противоположность мнѣнію, что Аполлоній Филострата—идеализированное лицо тенденціознаго романа, принадлежащее почти исключительно вымыслу, нѣкоторые ученые полагаютъ, что Филостратъ не хотѣлъ выдумывать, что чудеса Аполлонія, о которыхъ разсказываетъ онъ, взяты имъ изъ преданій, созданы не его сознательнымъ вымысломъ, а простодушною фантазіею искреннихъ почитателей Аполлонія, или что самъ Аполлоній позволялъ себѣ чародѣйское шарлатанство, желая дѣйствовать на воображеніе людей, пользоваться ихъ легковѣріемъ.

Истинный и идеализированный Аполлоній.

Мы не имѣемъ данныхъ для точнаго рѣшенія вопроса о томъ, что такое былъ въ дѣйствительности Аполлоній. Очевидно только, что люди его суевѣрнаго времени считали его волхвомъ, астрологомъ, заклинателемъ духовъ, вызывателемъ умершихъ, что особенно велика была его репутація чародѣя на Востокѣ, что онъ производилъ сильное впечатлѣніе на умы своею величественною наружностью, воздержнымъ образомъ жизни, глубокой ученостью и пріобрѣлъ себѣ много приверженцевъ. Лукіанъ обрисовалъ намъ фигуры подобныхъ ему людей въ разсказахъ объ Александрѣ Абонотихскомъ и Перегринѣ Протеѣ, но Лукіанъ не идеализировалъ ихъ, какъ Филостратъ Аполлонія, а безжалостно сорвалъ съ нихъ романическое покрывало своею рѣзкою сатирой. Должно впрочемъ полагать, что

Аполлоній былъ человѣкъ болѣе почтенный, чѣмъ эти пошлые шарлатаны; такъ надобно думать потому, что онъ два вѣка, отъ Каракаллы, построившаго ему первый храмъ, до Діоклеціана, пользовался большимъ уваженіемъ въ языческомъ мірѣ. Ему строили жертвенники и святилища, во многихъ храмахъ его статуя стояла рядомъ съ изображеніями прежнихъ боговъ. Только полная побѣда христіанства отняла у него божественныя почести. Очень можетъ быть, что онъ хотѣлъ учредить религіозное общество, которое стремилось бы облагородить язычество, реформируя его на основаніи ученій старинныхъ философовъ, особенно Пиѳагора и Платона; очень вѣроятно, что народное суевѣріе рано облекло легендами и миѳами дѣятельность этого мудреца, какъ вообще бываетъ относительно подобныхъ ему загадочныхъ людей; жизнь Пиѳагора, служившаго ему образцомъ, была перенесена народною фантазіею въ туманную область чудесныхъ вымысловъ; то же самое могло быть и съ нимъ. Очень вѣроятно, что онъ былъ дѣйствительно человѣкъ замѣчательныхъ способностей; онъ не пріобрѣлъ такого сильнаго и прочнаго вліянія на умы, какъ тѣ люди, которые были основателями религій или философскихъ школъ; но изъ того не слѣдуетъ, что онъ былъ человѣкъ ничтожный: когда онъ явился, язычество ужъ умирало, было неспособно къ возрожденію; а онъ, кажется, былъ человѣкъ мягкаго характера, не имѣвшій энергіи, какая была бы нужна для пріобрѣтенія религіознаго могущества, былъ болѣе расположенъ къ тихой, созерцательной жизни мудреца, чѣмъ къ практической дѣятельности.

Жизнь Аполлонія Тіанскаго по Филострату

Главныя черты жизни Аполлонія Тіанскаго по Филострату были слѣдующія: онъ родился (въ началѣ нашей эры) въ каппадокійскомъ городѣ Тіанѣ (населеніе этого города было греческое). Рожденію его предшествовало, данное его матери, божественное предвозвѣщеніе, что она родитъ Протея, того бога прорицателя, которому извѣстно все сокровенное, далекое и будущее. Онъ былъ рожденъ ею на лугу. Онъ былъ прекрасенъ. Когда ему было 14 лѣтъ, онъ былъ отданъ въ ученье оратору Эвтидему, жившему въ Тарсѣ. Но, гнушаясь развратомъ, господствовавшимъ въ этомъ городѣ, онъ скоро удалился оттуда въ Эги; въ Эгахъ онъ изучалъ системы Платона и Хрисиппа, и съ «невыразимой таинственной любовью» предался пиѳагорейской философіи; шестнадцатилѣтнимъ юношей онъ уже строго исполнялъ всѣ ея заповѣди, воздерживался отъ мяса и вина, носилъ льняную одежду и не стригъ волосъ. Онъ поселился въ храмѣ Асклепія и посвятилъ всего себя на служеніе этому богу. Прекрасная, величественная наружность, нравственныя и умственныя достоинства скоро доставили ему великую славу. Потомъ онъ жилъ въ Антіохіи, въ другихъ городахъ, проводя свою молодость въ непрерывномъ исполненіи правилъ пиѳагорейской добродѣтели, въ ученыхъ занятіяхъ, религіозныхъ размышленіяхъ, бесѣдахъ съ благочестивыми жрецами. У него возникла мысль о далекомъ путешествіи: онъ хотѣлъ познакомиться съ индійскими мудрецами. Въ сопровожденіи двухъ служителей онъ отправился въ Ниневію; тамъ присоединился къ нему Дамидъ, ставшій съ того времени неразлучнымъ спутникомъ и задушевнѣйшимъ другомъ его. Вездѣ, куда приходили, они наблюдали нравы народовъ, осматривали все замѣчательное, и Аполлоній повсюду возбуждалъ удивленіе своею строгою добродѣтелью, глубиною знаній, мудростью рѣчей. Онъ имѣлъ даръ говорить на всѣхъ языкахъ. Онъ довольно долго прожилъ въ Вавилонѣ, гдѣ принялъ его съ почетомъ благочестивый царь Барданъ; онъ бесѣдовалъ тамъ съ магами. Потомъ путники перешли Кавказъ (т. е. Паропамизъ, «Индійскій Кавказъ»), «отдѣляющій индійскую страну отъ мидійской», переправились черезъ Индъ, и съ рекомендательными письмами, данными имъ отъ благочестиваго царя таксильскаго, прошли въ священную страну, лежащую за Гифазомъ, пришли къ тому холму, на которомъ живутъ индійскіе браманы, соединенные въ святое общество. Ихъ старѣйшина Іархъ возбудилъ своими знаніями и мудростью удивленіе

Аполлонія. «Аполлоній участвовалъ во всѣхъ открытыхъ и тайныхъ бесѣдахъ этихъ мужей, знающихъ все и считающихъ себя богами за свою праведную жизнь; они бесѣдовали о предвѣщаніяхъ, показываемыхъ небесными свѣтилами, о предвѣдѣніи будущаго, о жертвахъ и призываніяхъ, пріятныхъ богамъ; и все, что видѣлъ онъ, внушало ему удивленіе къ глубокой тайной мудрости этихъ мужей, въ особенности Іарха». — Пробывъ тамъ четыре мѣсяца, Аполлоній возвратился черезъ Вавилонъ и Ниневію въ Антіохію, оттуда поѣхалъ черезъ Кипръ въ Іонію, «возбуждая удивленіе и глубокое почтеніе къ себѣ во всѣхъ, умѣющихъ цѣнить мудрость». Въ іонійскихъ городахъ онъ принесъ пользу людямъ своими нравственными поученіями, онъ совѣтовалъ имъ заниматься философіею, жить единодушно, заботиться о хорошемъ управленіи своими общественными дѣлами. Въ Эфесѣ онъ чудотворно избавилъ народъ отъ моровой язвы. Въ Пергамѣ онъ исцѣлилъ многихъ больныхъ. Онъ отправился въ Грецію черезъ Иліонъ и Лесбосъ, «гдѣ почтилъ погребеннаго тамъ Паламеда, какъ божественнаго мужа, отъ котораго произошла премудрость». Въ Греціи онъ посѣтилъ знаменитѣйшіе города и храмы, бесѣдовалъ съ жрецами, присутствовалъ на олимпійскихъ играхъ. Потомъ черезъ Критъ, родину Зевса, онъ пріѣхалъ въ Римъ. Неронъ тогда воздвигъ тамъ тяжкое гоненіе на философовъ и прорицателей; робкіе люди совѣтовали Аполлонію не ходить туда, но онъ безбоязненно вошелъ съ восьмью учениками въ этотъ городъ, публично училъ тамъ въ храмахъ и бесѣдовалъ одинаково съ незнатными и знатными, приходившими къ нему. Тигеллинъ, префектъ преторія, нашелъ опаснымъ человѣка, показывающаго такое знаніе божественныхъ предметовъ, и призвалъ его предъ свой судъ. Но Аполлоній вышелъ изъ допроса побѣдоносно. Тигеллинъ не отважился взять подъ стражу человѣка, одареннаго, какъ онъ увидѣлъ, божественною силою. Изъ Рима Аполлоній отправился въ Испанію, прошелъ ее до Гадеса, потомъ черезъ Сицилію и Африку возвратился въ Грецію: получивъ посвященіе въ Элевзинскія таинства, онъ отправился въ Египетъ. Александрійцы, до которыхъ доходила слава его, приняли его какъ бога. Въ Александріи онъ имѣлъ разговоръ съ Веспасіаномъ и предсказалъ ему, что Вителлій будетъ убитъ, и онъ будетъ императоромъ. Философъ Эвфратъ, бывшій до той поры другомъ и приверженцемъ его, поссорился съ нимъ въ Александріи. Онъ же съ десятью учениками отправился по Нилу въ Эѳіопію къ гимнософистамъ. По пути онъ посѣщалъ всѣ храмы и святыя мѣста и бесѣдовалъ съ жрецами о религіи. Бесѣдовалъ онъ и съ гимнософистами о религіозныхъ и философскихъ предметахъ, но нашелъ, что они далеко уступаютъ мудростью индійцамъ. Съ ихъ старѣйшиною онъ бесѣдовалъ объ искусствѣ и доказалъ ему, что «художникъ не только подражатель, но, силою своего воображенія, и творецъ». Онъ посѣтилъ источники Нила, и, вернувшись оттуда, проѣхалъ въ Аргосъ киликійскій, тамъ бесѣдовалъ съ Титомъ о правительственномъ искусствѣ. Потомъ онъ жилъ въ разныхъ странахъ и городахъ, повсюду научаясь и научая, исцѣляя больныхъ и совершая чудеса. — Въ двухъ послѣднихъ книгахъ жизнеописанія Аполлонія разсказываются страданія и опасности, которымъ подвергался онъ при Домиціанѣ. Эвфратъ донесъ тиранну, что Аполлоній имѣетъ сношенія съ Нервою и другими людьми, которыхъ злодѣй считалъ своими врагами, что онъ предсказалъ Нервѣ полученіе императорскаго престола. Домиціанъ велѣлъ оковать Аполлонія и бросить его въ темницу. Призванный на судъ, Аполлоній произнесъ рѣчь, въ которой подробно и блистательно опровергъ обвиненія въ политическихъ злоумышленіяхъ и въ чародѣйствѣ, изложилъ свои правила, объяснилъ свои цѣли, свою дѣятельность и, сказавъ, что императоръ не властенъ ни надъ душею, ни надъ тѣломъ его, внезапно исчезъ изъ зала суда. Въ тотъ же мигъ онъ явился въ Путеолахъ своимъ друзьямъ Дамиду и Димитрію, къ великому изумленію ихъ, потомъ отправился въ Олимпію и поселился тамъ въ храмѣ Зевса. Когда по Греціи, считавшей его погибшимъ, разнеслась вѣсть о его спасеніи, знатнѣйшіе пожилые люди и юноши изъ всѣхъ городовъ пришли въ Олимпію видѣть и слышать его и чтили его, какъ бога. Черезъ 40 дней онъ отправился въ беотійскій городъ Лебадею, посѣтить пещеру Трофонія; его сопровождало множество народа; толпы тѣснились къ нему, слышать изъ устъ его слова мудрости,

которую безвозмездно излагалъ онъ всѣмъ желающимъ. Послѣдніе годы жизни провелъ онъ въ Эфесѣ, окруженный множествомъ учениковъ. Тамъ видѣлъ онъ духомъ, какъ убиваютъ Домиціана приближенные, возвѣстилъ присутствующимъ смерть тиранна и въ письмѣ къ Нервѣ далъ новому императору совѣты о правительственныхъ дѣлахъ. Потомъ онъ уединился отъ взора людей, чтобъ умереть безъ свидѣтелей, а Дамида послалъ въ Римъ, сказавъ ему: «Хотя ты и будешь философствовать по собственнымъ понятіямъ, но имѣй всегда передъ глазами меня».

Религіозный и философскій синкретизмъ.

Средняя Академія выработала изъ ученія Платона о недостовѣрности чувственнаго знанія полный скептицизмъ, разрушившій его ученіе о сверхчувственномъ мірѣ; но нѣкоторые другіе философы держались догматизма, доказывали, въ противоположность отрицательному направленію перваго вѣка нашей эры, возможность знанія о сверхчувственномъ и поставили главнымъ своимъ занятіемъ развитіе ученія о божествѣ и его отношеніяхъ къ міру и человѣку. Мыслители этого направленія принимали фантастическія построенія геніальной фантазіи Платона за реальныя, научныя истины и построили на нихъ религіозно-философскую систему, въ которую внесли изъ всяческихъ религіозныхъ и философскихъ ученій всѣ теоретическія и практическія мысли, родственныя ученію Платона объ идеяхъ; этимъ способомъ они составили систему, очаровывавшую воображеніе богатствомъ мистическихъ воззрѣній и символовъ, и она стала духовной атмосферой, охватившей всю умственную жизнь того вѣка. Въ глубокомысленныхъ миѳахъ объ Аполлонѣ очистителѣ, исцѣлителѣ, заступникѣ и о Гераклѣ, человѣкѣ, сдѣлавшемся богомъ (II, 53, 70), были подъ покровомъ аллегорій находимы ученія о сущности души, объ отношеніи божественнаго духа къ человѣческому; въ старыхъ восточныхъ мистеріяхъ и символахъ — великія истины о вѣчной, постоянно обновляющейся жизни человѣческой души; въ халдейскихъ прорицаніяхъ, въ ѳеогоническихъ поэмахъ и въ гимнахъ Орфея, которымъ религіозное шарлатанство и народное легковѣріе придавало глубокую древность, находили тайныя ученія греческой и восточной мудрости; принимали за божественное откровеніе фантастическія книги, приписываемыя египетскому богу или полубогу, Гермесу Тревеличайшему (Трисмегисту), отцу всей религіозной мудрости, всѣхъ наукъ и искусствъ; эти книги, переведенныя въ александрійское время на греческій языкъ или просто сочиненныя греческими мистификаторами, излагали религіозно-философскія ученія во вкусѣ александрійскаго вѣка, мистическія ученія о богѣ, вселенной и душѣ, астрологическія и магическія фантазіи. Этимъ способомъ была построена система религіознаго и философскаго синкретизма, соединявшая всякія восточныя и греческія фантастическія ученія въ хаотическое цѣлое; это было нѣчто, подобное идеальному пантеону; божества, миѳы и символы всѣхъ народовъ сливались въ этой системѣ, значеніе ихъ истолковывалось

аллегорическими объясненіями въ духѣ ученія Платона объ идеяхъ; строгое, стоическое ученіе о добродѣтели и воздержаніи было утрировано во вкусѣ восточнаго аскетизма; вѣрованіе въ духовъ и въ чудеса, зародыши котораго находятся у Плутарха, является у Апулея ужъ очень развитымъ, и скоро оно дошло до крайней фантастичности; люди чувствовали сладострастное восхищеніе, погружаясь въ мистицизмъ; прежняя народная религія, которую эти фантазеры горячо защищали противъ начинавшаго одолѣвать ее христіанства, получала духовный характеръ черезъ аллегорическое истолкованіе ея миѳовъ и догматовъ. «Новое направленіе умственной жизни», говоритъ Риттеръ: «проявлялось обоготвореніемъ даровитыхъ людей, считавшихся основателями святой жизни, смѣшеніемъ всяческихъ формъ богослуженія, влеченіемъ къ мистическому слiянію съ божествомъ, достигаемому посредствомъ аскетизма и фантастическихъ обрядовъ, презрѣніемъ къ практической жизни, которая сдѣлалась болѣе или менѣе нечистою».

Неоплатоническая философія.

Научная сторона этого синкретизма имѣла самымъ рѣшительнымъ своимъ выраженіемъ неоплатоническую философію, возникшую въ Александріи, гдѣ соприкасались и отчасти смѣшивались греческая философія, восточныя религіозныя умозрѣнія, іудейство и христіанство. Основателемъ своего ученія неоплатоники считали Аммонія Саккаса (или Сакка, Закка). Онъ былъ уроженецъ Александріи, сынъ христіанскихъ родителей, воспитанный въ христіанствѣ; по пріобрѣтеніи умственной самостоятельности, онъ сдѣлался послѣдователемъ языческой философіи и составилъ себѣ эклектическую систему ея изъ сочетанія ученій Платона, пиѳагорейцевъ, Аристотеля съ восточными религіозно-философскими представленіями. Соединивъ такимъ образомъ разнородныя языческія воззрѣнія въ одну фантастическую теософію, онъ изустно излагалъ ее небольшому кругу любознательныхъ и даровитыхъ учениковъ; долго она оставалась тайнымъ ученіемъ, которое сообщалось только избраннымъ; потому онъ не излагалъ ея письменно: отъ него не осталось никакихъ сочиненій. Но его великій ученикъ Плотинъ, уроженецъ египетскаго города Ликополя, сталъ для него тѣмъ, чѣмъ былъ Платонъ для Сократа; Плотинъ обнародовалъ его ученіе; но оно совершенно преобразовалось, проходя черезъ богатую фантазію излагателя. Плотинъ десять лѣтъ былъ слушателемъ Аммонія; ему было тридцать восемь лѣтъ, когда императоръ Гордіанъ пошелъ въ Персію, онъ отправился при римскомъ войскѣ туда; думалъ изъ Персіи пройдти въ Индію: онъ хотѣлъ ознакомиться съ восточною мудростью въ родныхъ ея странахъ. Смерть Гордіана разстроила этотъ планъ. Плотинъ вернулся, два года жилъ въ Антіохіи, потомъ переселился въ Римъ и пріобрѣлъ тамъ большой успѣхъ; юноши и пожилые люди сходились слушать его лекціи, становились восторженными послѣдователями его платоническаго идеализма, аскетической морали, отрекались отъ мірской суеты, предавались подвижничеству. Онъ производилъ сильное впечатлѣніе: серьезность восточныхъ мудрецовъ, погруженныхъ въ благочестивое умосозерцаніе, соединялась въ немъ съ греческимъ свѣтлымъ настроеніемъ души, онъ велъ строгую подвижническую жизнь, воздерживался отъ всякихъ чувственныхъ удовольствій, не ѣлъ мяса; 26 лѣтъ училъ онъ, чтимый

[Marginal notes: Аммоній Саккасъ умеръ около 243. — Плотинъ 205—270. — 242. — 244.]

какъ пророкъ и чудотворецъ; и пока не пало язычество, люди молились при жертвенникахъ, воздвигнутыхъ въ честь ему. Императоръ Галліэнъ, жена императора, знатнѣйшіе вельможи и аристократки Рима принимали его ученіе какъ небесное благовѣстіе; многіе знатные люди, умирая, поручали своихъ дѣтей попеченію святого, божественнаго охранителя. Онъ даже надѣялся, что императоръ поможетъ ему основать въ Кампаніи городъ Платонополь, въ которомъ онъ введетъ аристократическо-коммунистическія учрежденія по системѣ Платона; но совѣтники императора помѣшали этому. Послѣдніе годы жизни Плотинъ страдалъ тяжкою болѣзнью; за нимъ ухаживалъ ученикъ его Эвстихій. Онъ умеръ 66-ти лѣтъ. Другой восторженный ученикъ его, Порфирій, по первоначальному своему имени Мальхъ, уроженецъ Тира, человѣкъ ученый и дѣятельный, но не имѣвшій его глубокомыслія, геніальности и пророческой экзальтаціи, описалъ его жизнь и распространялъ неоплатоническое ученіе на Западѣ изустнымъ преподаваніемъ и книгами. Между прочимъ, Порфирій написалъ трактатъ въ опровերженіе христіанства; но это его сочиненіе не дошло до насъ. Онъ привелъ въ порядокъ сочиненія своего наставника. Плотинъ не вполнѣ хорошо владѣлъ греческимъ языкомъ и мало заботился объ отдѣлкѣ своихъ сочиненій, пренебрегая формою; потому его трактаты темны, изложеніе въ нихъ многословно и сбивчиво.

[Marginal note: Порфирій 233—305.]

Ученіе Плотина.

Сочиненія Плотина, раздѣленныя по предметамъ на шесть „девятикнижій“ (эннеадъ) показываютъ, что, кромѣ произведеній Платона, особенно усердно изученныхъ имъ, онъ зналъ системы Аристотеля и стоиковъ; очень многое заимствовалъ онъ изъ этихъ греческихъ источниковъ, многое изъ іудейской религіозной философіи Филона, многое изъ египетской символистики, многое изъ писателей, дававшихъ аллегорическое истолкованіе всякимъ греческимъ и восточнымъ миѳамъ; всѣ эти разнохарактерные элементы онъ соединилъ въ одну систему и облекъ все фантастическимъ мистицизмомъ. Онъ сосредоточивалъ свое вниманіе на вопросахъ о духовной жизни и о богѣ, руководился внушеніями фантазіи, презирая матеріальный міръ, пренебрегая опытными знаніями, и вмѣсто философіи, которая необходимо должна имѣть своимъ основаніемъ опытныя науки, онъ даетъ вымыслы воображенія, похожіе на сонный бредъ. Онъ вѣритъ въ явленія боговъ и духовъ людямъ, съ точностью описываетъ разные разряды духовъ, вѣритъ въ прорицанія и тоже классифицируетъ ихъ, очень уважаетъ мистеріи; мало того, вводитъ въ свою систему всяческіе виды колдовства, объясняя ихъ симпатіею, соединяющею всѣ предметы чувственнаго міра. Въ своемъ экзальтированномъ, болѣзненномъ идеализмѣ онъ идетъ путемъ діалектическихъ выводовъ, не стѣсняющихся никакими соображеніями осмотрительности, и подымается на такую высоту, на которой душа добродѣтельнаго мудреца, преодолѣвшая свое тѣло, очистившаяся аскетизмомъ отъ узъ чувственности, достигаетъ способности „созерцать божество“, таинственно соединяется съ богомъ „въ блаженныя минуты восторга любви къ нему“; съ этой фантастической высоты Плотинъ видитъ, что мыслящій духъ человѣка лишь истеченіе верховнаго существа, бога; что вселенная имѣетъ живую душу; что эта душа вселенной также истеченіе изъ бога; что и она и человѣческій духъ жаждутъ возвращенія въ бога; это вело къ ученію, что должно удаляться отъ призрачнаго міра чувственнаго бытія, что житейскія добродѣтели ничтожны сравнительно съ религіознымъ самоуглубленіемъ созерцательной жизни; это развивало квіэтизмъ, аскетизмъ, было подобно ученію браминовъ, и точно такъ же ставило духъ человѣка во враждебныя отношенія къ тѣлу. Но каковы бы ни были недостатки

неоплатонической системы, ученіе Плотина послѣдняя отважная попытка греческаго ума разгадать вопросы о происхожденіи и устройствѣ вселенной также истеченіе изъ бога; что она и человѣческій духъ жаждутъ возвращенія въ бога; это вело къ ученію, что должно удалиться отъ призрачнаго міра чувственнаго бытія, что житейскія добродѣтели ничтожны сравнительно съ религіознымъ самоуглубленіемъ созерцательной жизни, это развивало квіэтизмъ; аскетизмъ было, подобно ученію ораманов, и точно также ставило духъ человѣка во враждебныя отношенія къ тѣлу. Но каковы бы ни были недостатки неоплатонической системы, ученіе Плотина—послѣдняя отважная попытка греческаго ума разгадать вопросы о происхожденіи и устройствѣ вселенной.

«Философія Плотина», говоритъ Штейнгардъ, «старалась соединить ученіе Платона о мірѣ идей и ученіе Аристотеля объ имманентной (присной) цѣлесообразности всего существующаго, подводя эти мысли подъ понятіе о верховномъ благѣ; это верховное благо у Плотина не постулатъ (затреба) мышленія, какъ у Платона, а принимаемый не допускающею никакихъ сомнѣній вѣрою источникъ всего существующаго; оно центръ его системы. Плотинъ хотѣлъ подняться выше мышленія, найдти болѣе чистое познаваніе истины посредствомъ созерцанія божества въ состояніи экстаза; это стремленіе уносило его за предѣлы разума, открывало широкій доступъ въ его систему фантазерству и фанатизму; и не только противники Плотина называли его философію фантазерствомъ, сами ученики его увлекались въ ней собственно фантастическою стороною ея. Но она была попыткою довести умосозерцаніе до такой экзальтаціи, въ которой человѣческое самосознаніе сливается съ идеею о божествѣ, и человѣкъ чувствуетъ себя имѣющимъ божественную природу. Плотинъ училъ разсматривать природу и человѣческую жизнь въ свѣтѣ этого сознанія человѣка о божественности своего духа и тѣсно связывалъ понятіе о божественности человѣческой природы съ ученіемъ о прекрасномъ, о добродѣтели, о разумномъ мышленіи; такимъ образомъ, онъ открывалъ человѣческому мышленію путь, на какой не вступало оно до него у западныхъ народовъ, онъ дѣлался предшественникомъ христіанскихъ философовъ; онъ ставилъ тотъ вопросъ, который сдѣлался верховнымъ вопросомъ ихъ мышленія; онъ стремился къ разрѣшенію этого вопроса фантастическимъ путемъ, но глубокомысленно. Въ его теологіи соединены всѣ нити древней греческой философіи: Nus Анаксагора, единое неизмѣнное бытіе Парменида, вѣчная первобытная единица пиѳагорейцевъ, идея добраго, о которой говорили Сократъ и Платонъ, неподвижный, движущій все разумъ Аристотеля, божественная природа стоиковъ; всѣ эти понятія входятъ въ его систему, являются моментами и дѣйствующими силами въ его божественной тріадѣ. Съ до-христіанской точки зрѣнія возможно было только расширить форму системы Плотина, но невозможно было дать его ученію разработку болѣе глубокую».

Іамблихъ умеръ около 333.

Это формальное расширеніе пытались дать системѣ Платона его ученики Амелій и Теодоръ. Они развили его ученіе о духовной тріадѣ; систем стала отъ этого еще мистичнѣе прежняго.—Еще дальше пошелъ Іамблихъ, уроженецъ келесирійскаго города Халкиды, истинный основатель философскаго синкретизма. Плотинъ и Порфирій считали высочайшимъ торжествомъ, цѣлью философскаго стремленія созерцаніе бога посредствомъ экстаза, мистическое соединеніе очищенной самоуглубленіемъ и аскетизмомъ души мудреца съ богомъ въ блаженныя минуты восторга; Іамблихъ, ученикъ Порфирія, сочетавъ чувственныя представленія восточнаго мистицизма и демонологію современнаго суевѣрія съ платоновскимъ идеализмомъ и пиѳагорейской мистической теоріею числъ, выработалъ изъ этой смѣси ученіе о непрерывномъ вмѣшательствѣ духовъ въ человѣческую жизнь; основаніемъ его системы было фантазерство, подобное бреднямъ колдовства и опиравшееся на теургическую символику. Онъ распредѣлилъ боговъ, ангеловъ, разныхъ духовъ на классы, училъ средствамъ вызывать ихъ и заставлять служить волѣ заклинателя; этими средствами были символы, молитвы, заклинанія, освященія, разные другіе обряды чародѣйства. До насъ дошла часть его трактата „О пиѳагорейской философіи“, дошелъ трактатъ „О египетскихъ мистеріяхъ“ приписываемый, но, быть можетъ, не принадлежащій ему. Многочисленные ученики, важнѣйшими изъ которыхъ были Сопатръ Апамейскій, Эдесій Каппадокійскій, Прискъ Ѳеспротійскій, поддерживали и распространяли его теургическое ученіе, подвергаясь иногда гоненіямъ христіанскихъ императоровъ; Юліанъ очень покровительствовалъ этой теургіи; по смерти послѣдняго императора язычника ея последователи, изнемогавшіе отъ скорби разочарованія, были подавлены преслѣдованіями.—Современникъ Юліана Эвнапій описалъ напыщеннымъ слогомъ жизнь „божественнаго“ Іамблиха, съ полной вѣрою во всѣ его фантастическія мысли и въ его чудеса.

Лонгинъ род. около 213 ум. 273.

Изъ учениковъ Аммонія Саккаса самый знаменитый послѣ Плотина—Лонгинъ, заслужившій громкую славу ученостью, мужественнымъ характеромъ и благородствомъ души. Онъ былъ человѣкъ свѣтлаго ума, усердный изслѣдователь истины; потому не могъ надолго остаться приверженцемъ туманнаго неоплатонизма; но, отбросивъ его, не примкнулъ ни къ какой другой изъ господствовавшихъ тогда философскихъ школъ. Онъ укрѣпилъ свой разсудокъ изученіемъ Платона и другихъ великихъ мыслителей, расширилъ свои понятія путешествіями, прожилъ нѣсколько времени въ Аѳинахъ преподавателемъ, послѣ того посвятилъ себя политической дѣятельности, но не покинулъ ученыхъ занятій. Онъ написалъ много сочиненій; изъ нихъ дошелъ до насъ только одинъ трактатъ „О возвышенномъ“; языкъ этого трактата чистъ, изложеніе живо; а по содержанію онъ такое замѣчательное произведеніе, что должно жалѣть о погибели другихъ сочиненій Лонгина. О политической дѣятельности его мы разскажемъ послѣ; здѣсь достаточно будетъ сказать, что онъ былъ совѣтникомъ пальмирской царицы Зеновіи, былъ казненъ за преданность ей и принялъ смерть съ мужествомъ и спокойствіемъ героя и мудреца.

Упадокъ неоплатонизма и вліяніе его на послѣдующія системы религіозной философіи.

Проклъ 412—485.

Послѣдній фазисъ развитія неоплатонизма представляетъ дѣятельность Прокла; этотъ мыслитель, жившій въ V вѣкѣ въ Аѳинахъ, былъ послѣднею опорой падающаго язычества, обряды котораго онъ могъ совершать дома только втайнѣ; за вѣрность старинной религіи онъ подвергался клеветамъ и гоненіямъ. Онъ былъ человѣкъ очень образованный; его комментаріи къ произведеніямъ Платона показываютъ, что онъ имѣлъ многостороннія знанія; у него былъ поэтическій талантъ. И однако же, человѣкъ съ такими качествами, притомъ жившій въ Аѳинахъ, въ центрѣ классическаго міра, занимается фантастическими построеніями, цѣпляется за старинные миѳы и обряды, чтобъ утолить жажду своей души, вѣритъ пустословію шарлатановъ, прикрывавшихъ свои вздорные вымыслы именами знаменитыхъ философовъ;—это жалкое зрѣлище свидѣтельствуетъ объ умственномъ безсиліи одряхлѣвшаго язычества. Читая Прокла, мы не знаемъ, уважать ли его нѣжную привязанность къ стариннымъ преданіямъ и національнымъ божествамъ, или смѣяться надъ глупостью фантазерства, съ какимъ этотъ образованный человѣкъ благородной души, безукоризненной жизни хлопотливо строитъ изъ гнилыхъ матеріаловъ зданіе своей теософіи на основаніи восточной демонологіи и другихъ мистическихъ вздоровъ, сооружаетъ пантеонъ языческихъ догматовъ и философемъ на пескѣ и болотной грязи. Ученики Прокла Исидоръ Дамасскій и Симплицій были послѣдними проповѣдниками языческой философіи. Юстиніанъ велѣлъ за-

крыть ихъ аудиторіи; они удалились въ Персію, надѣясь найдти тамъ обѣтованную землю своихъ фантазій. Но, обманувшись въ ожиданіяхъ, вернулись на родину и дожили тамъ свой вѣкъ въ безвѣстности, не тревожимые никѣмъ, но съ разрушенными надеждами, съ сомнѣніемъ въ душѣ. Неоплатонизмъ угасъ. Однакожь нѣкоторыя изъ его идей оказывали глубокое вліяніе на развитіе пережившей его теософіи.

В. Религіозныя направленія въ Римской имперіи.

Народная и государственная религія римской имперіи.

Межь тѣмъ какъ образованные классы римско-греческаго государства искали себѣ нравственной опоры въ теоретическихъ и практическихъ ученіяхъ разныхъ философскихъ школъ, старались утолить ими жажду сердца, почерпнуть изъ нихъ отраду въ бѣдствіяхъ того несчастнаго времени и хотѣли при распаденіи государственнаго и общественнаго быта охранить спокойствіе своей душевной жизни философскими системами, народъ безпомощно оставался при религіи, которая утратила прежнее свое идеальное содержаніе, отъ которой съ равнодушнымъ презрѣніемъ отвернулись образованные люди, получившіе изъ философскихъ ученій болѣе высокія идеи. Прежніе праздники, жертвоприношенія, общественныя молитвы, другіе обряды прежняго богослуженія продолжали совершаться, но были пустой безжизненной формалистикой; толпа держалась ея по привычкѣ, по уваженію къ старымъ преданіямъ, по воспоминаніямъ дѣтства, но безъ теплой вѣры, безъ твердаго убѣжденія; государство продолжало при имперіи поддерживать эту формалистику по политическому разсчету, какъ дѣлала это и республика: правительство считало необходимостью сохранять старое богослуженіе потому, что оно срослось съ государственными учрежденіями, на немъ основывалась формальная нравственность общественнаго быта, всѣ государственныя дѣйствія были соединены, по преданію, съ ауспиціями и разными обрядами, считавшимися принадлежностью и мирныхъ и военныхъ дѣлъ. На старинной религіи былъ основанъ и апотеозъ императоровъ, этотъ заимствованный у восточныхъ деспотовъ и греческихъ царей александрійскаго періода обычай воздавать государю божескія почести, которыя предоставлялись ему постановленіемъ сената; со времени «божественнаго» Юлія апотеозъ императора сдѣлался государственнымъ учрежденіемъ, отъ котораго нельзя было отступить; уже по этому одному было необходимо поддерживать религію, на которой основывался онъ. Но эта народная и государственная религія, состоявшая собственно лишь въ соблюденіи внѣшнихъ формъ, въ исполненіи предписанныхъ обрядовъ, произношеніи предписанныхъ молитвъ, была, какъ мы видѣли въ III томѣ, только формалистикой. Римская государственная церковь, имѣвшая императора своимъ верховнымъ первосвященникомъ, была блистательна; у ней были толпы жрецовъ, ав-

гуры, разные другіе священнослужители, были весталки, было множество прекрасныхъ храмовъ и статуй, все государство было усѣяно ея священными мѣстами; не только по городамъ и селеніямъ, но и по полямъ и лѣсамъ, по дорогамъ и перекресткамъ стояли ея жертвенники, стояли они у пороговъ домовъ, каждый очагъ былъ маленькимъ святилищемъ ея. Но она была въ сущности лишь политическимъ механизмомъ, въ которомъ нравственныя потребности человѣческаго сердца находили очень мало пищи себѣ; это былъ такой же механизмъ, какъ судопроизводство, администрація, такое же машинальное дѣло, какъ дисциплина войска. Всѣ эти религіозныя учрежденія, праздники, оракулы, мистеріи продолжались и сохраняли по разнымъ областямъ государства свое мѣстное разнообразіе; народу всегда и вездѣ нужны праздники, обряды, церемоніи. Держались въ памяти людей и миѳы, продолжали интересовать собой фантазію; они были созданія греческаго духа, греческаго эстетическаго вкуса и доставляли богатый матеріалъ творчеству поэтовъ и художниковъ; объ этихъ миѳахъ и символахъ римское правительство не особенно заботилось; если жители Рима и всей Италіи ознакомились съ ними, то не черезъ заботу правительства объ ихъ введеніи, а по книгамъ поэтовъ, по статуямъ и картинамъ. Правительство и духовенство заботились только объ исполненіи религіозныхъ обрядовъ по старинымъ формамъ; миѳы и вѣрованія они предоставляли поэтамъ и философамъ, которые могли ихъ излагать, какъ хотѣли; даже мистеріи правительство ограничивало только тогда, когда онѣ, какъ напримѣръ вакханаліи, становились оргіями, опасными для нравственности и для государства. Римская государственная церковь не имѣла теологіи. Философы свободно могли объяснять миѳы о богахъ въ смыслѣ пантеизма, называть боговъ силами природы, олицетвореніями разныхъ явленій ея, или говорить, что боги живутъ въ блаженномъ бездѣйствіи, не имѣя никакого участія въ жизни природы и человѣка, могли, по примѣру Эвгемера и другихъ раціоналистовъ, доказывать, что боги были люди, ставшіе предметовъ поклоненія за оказанныя людямъ услуги; а кому было мало прежнихъ боговъ, тѣ могли, какъ Апулей и неоплатоники, наполнять всю атмосферу новыми «демонами» (духами). Сообразно тому, римская духовная администрація допускала воздавать почести Христу, не мѣшала его послѣдователямъ распространять ихъ ученіе. Говорятъ, что при Александрѣ Северѣ въ придворномъ кругу чтили Іисуса, какъ чтили Зороастра, Пиѳагора, Платона и Аполлонія Тіанскаго, что въ домашнемъ храмѣ Александра Севера стояло изображеніе Іисуса рядомъ съ изображеніями другихъ божественныхъ мудрецовъ. Правительство не мѣшало Лукіану осмѣивать всѣхъ олимпійскихъ боговъ, выставлять глупостью вѣру въ загробную жизнь, всѣ миѳы, священные символы оракулы. Между тѣмъ какъ Плутархъ суевѣрно старался поддержать

Римская духовная администрація

все это и глубоко печалился, что люди ужъ не вѣрятъ въ оракулы, въ прорицанія духовъ, въ комедіяхъ и въ пантомимахъ свободно изображались всѣ скандалы миѳологіи: волокитство Юпитера, любовныя похожденія Венеры, и публика хохотала; миѳологія служила главнымъ матеріаломъ для сладострастныхъ картинъ въ стихотвореніяхъ и прозаическихъ разсказахъ, какъ мы видимъ по «Метаморфозамъ» Апулея и по стихотворенію «Любовь Марса и Венеры», написанному въ III вѣкѣ Репозіаномъ, о которомъ мы только и знаемъ, что онъ авторъ этого произведенія.

Сліяніе религій въ Римѣ.

Религіозная терпимость римскаго правительства выказывалась не съ одной только отрицательной стороны, не ограничивалась тѣмъ, что боги миѳологіи были беззащитно предоставлены въ жертву теоріямъ философовъ, насмѣшкамъ поэтовъ; правительство само благопріятствовало увеличенію числа боговъ и формъ богослуженія. Оно переносило иноземныя божества и обряды въ Римъ, а оттуда во всѣ части государства, переносило римскія божества и обряды въ покоренныя варварскія земли. Теокрасія, «смѣсь боговъ», была необходимымъ результатомъ основныхъ понятій греко-римскаго язычества и главнымъ источникомъ религіозной терпимости. Греческіе и римскіе писатели съ наивной беззаботностью давали иноземнымъ богамъ имена своихъ, по сходству ихъ самихъ или обрядовъ служенія имъ; такъ дѣлаютъ Геродотъ и Плутархъ, Цезарь и Тацитъ (что подало поводъ ко множеству недоразумѣній и ошибокъ у новѣйшихъ изслѣдователей). Римское правительство было далеко отъ желанія стѣснять богослуженіе покоренныхъ народовъ; римляне не только терпѣли иноземные обряды, они сами принимали участіе въ нихъ, даже приглашали божества побѣжденныхъ народовъ переселиться въ Римъ, строили храмы имъ въ Римѣ, учреждали праздники въ честь ихъ. Такимъ образомъ, греческія божества и богослужебные обряды перемѣшались съ италійскими; мало того, римляне думали, что не дѣлаютъ обиды прежнимъ богамъ, вводя въ ихъ небесное жилище и малоазійскія, сирійскія, египетскія, персидскія божества.

Служеніе солнцу, Баалъ.

Такъ рядомъ съ греческимъ Геліосомъ, котораго назвали римляне латинскимъ соотвѣтствующимъ именемъ Sol; они стали чтить сирійскаго бога солнца Баала. Въ Баальбекѣ „городѣ Солнца“, или по-гречески Геліополѣ, Антонинъ Пій построилъ на фундаментѣ стараго храма новый, развалины котораго возбуждаютъ удивленіе. Тамъ, на колесницѣ, запряженной волами, стояло золотое изображеніе бога солнца. Ему приносили жертвы жрецы въ вышитой золотомъ пурпурной одеждѣ, съ діадемами на головахъ; они давали оракулы отъ его имени. Въ сирійскомъ городѣ Эмесѣ воздавалось поклоненіе богу солнца Элагабалу; его чтили тамъ подъ видомъ чернаго камня. Юноша Антонинъ Бассіанъ, жрецъ этого бога, былъ такъ

Элагабалъ.

преданъ ему, что, сдѣлавшись императоромъ, принялъ его имя, перевезъ въ Римъ божественный камень, построилъ своему богу храмы, учредилъ въ честь его праздники, устроилъ бракъ его съ карѳагенской „Небесной

дѣвой“; ея изображеніе было привезено для этого брака въ Римъ, были привезены всѣ сокровища ея храма въ приданое ей, и представитель бога императоръ сочетался бракомъ съ первою весталкою; это было очень замѣчательнымъ завершеніемъ теокрасіи. Смѣсью всяческихъ религій съ римско-греческою была отнята у нея національность, ей былъ данъ космополитскій характеръ, и римляне получали все больше и больше пристрастія къ восточному мистицизму.

Митра.

Шире чѣмъ служеніе Баалу распространился культъ Митры, персидскаго бога солнца (I, 385, 388); это показываютъ многочисленные камни Митры, находимые въ разныхъ областяхъ римской имперіи; изображеніе, вырѣзанное на нихъ, означаетъ, какъ мы знаемъ, побѣду бога солнца, отца и создателя всѣхъ хорошихъ предметовъ, надъ сопротивлявшейся ему силой земной природы, символомъ которой служитъ быкъ.

Таинства Митры.

Митра выводилъ души людей изъ мрака земной жизни въ жилище небеснаго свѣта; на этомъ понятіи были основаны религіозныя таинства, которыми люди, тяготившіеся бѣдствіями своего земного существованія, избавлялись отъ нравственныхъ несовершенствъ, угнетавшихъ душу ихъ. Желавшій быть посвященнымъ въ таинства Митры подвергался испытаніямъ, называвшимся наказаніями и состоявшимъ, какъ свидѣтельствуетъ и самое названіе ихъ, въ тяжкихъ добровольныхъ лишеніяхъ и страданіяхъ. Эти испытанія имѣли семь степеней и служили для того, чтобы желающій посвященія могъ доказать ту твердость души, какая дѣлаетъ человѣка достойнымъ получить мечъ и вѣнокъ «воина Митры»; вѣнокъ возлагался на голову посвящаемаго, какъ символъ того, что самъ Митра увѣнчалъ его. Испытаніями руководили іерофанты. Римскіе вельможи, царедворцы, даже сами императоры подвергали себя испытаніямъ, чтобъ удостоиться посвященія, чрезъ которое душа пріобрѣтала спасеніе.

Общество посвященныхъ въ таинства Митры было религіознымъ братствомъ, распространившимся по всей имперіи, какъ доказываютъ „митреи“, кельи Митры, найденныя въ Римѣ, въ Александріи, во многихъ мѣстностяхъ на сѣверѣ отъ Альпъ и отъ Дуная. Эти кельи, въ которыхъ совершались обряды служенія Митрѣ, очень не велики, въ нихъ находятъ жертвенники, статуи, другіе символы. Находятъ въ нихъ и человѣческіе черепы; это заставляетъ полагать, что испытанія стоили иногда жизни испытуемымъ. Поводомъ къ устройству этихъ „черныхъ пещеръ Митры“ могло быть преданіе, что Зороастръ освятилъ для служенія творцу и правителю міра Митрѣ обильную цвѣтами и родниками пещеру въ горахъ Персіи. Неоплатоники, особенно Порфирій, совѣтуютъ людямъ „очищать душу служеніемъ Митрѣ, дающимъ отраду въ земной жизни и блаженство въ загробной“. Римляне назвали „Непобѣдимымъ солнцемъ“ Sol invictus, Митру, царя небесныхъ войскъ, ведущаго непрерывную борьбу съ силами мрака и непрерывно побѣждающаго ихъ. Въ этомъ смыслѣ Митра былъ символическимъ божествомъ римскаго императора, главнокомандующаго

побѣдоносныхъ войскъ. Имя Sol invictus — одинъ изъ примѣровъ синкретизма.

Служеніе богинѣ природы.

Другимъ предметомъ усерднаго мистическаго служенія была «Великая мать», богиня природы, бывшая олицетвореніемъ рождающей силы и жизни. Таинства ея были соединены съ дикими оргіями. Мы говорили (I, 537—539, 543; II, 370 и пр.) о богинѣ, которая въ Сиріи была чтима подъ именемъ Астарты, въ Африкѣ подъ именемъ «богини неба» (по греческому переводу, Ураніи), на островахъ въ приморскихъ городахъ Греціи, подъ именемъ Афродиты, въ каппадокійскомъ городѣ Команѣ и въ другихъ мѣстностяхъ подъ другими именами. Мы знаемъ, что праздники ея сопровождались дикими криками радости и воплями печали, заунывными мелодіями флейтъ, бѣшеными плясками, дикимъ экстазомъ, въ которомъ женщины отдавались безъ разбора всѣмъ желающимъ, а мужчины оскопляли себя, и великолѣпные храмы богини, окруженные очаровательными рощами, служили гнусными мѣстами дикихъ обрядовъ, шумно совершаемыхъ оскопленными жрецами (галлами) и неистовствующими женщинами; тамъ были толпы гіеродуловъ, просившихъ милостыню, и гіеродулъ, дѣвушекъ, продававшихъ себя; туда сходились массы народа, и въ сумасбродномъ увлеченіи шумными обрядами, предавались всяческимъ безстыдствамъ сладострастія. Есть сатира, приписываемая Лукіану и разсказывающая о служеніи «сирійской богинѣ», которую чтили въ великолѣпномъ храмѣ города Гіераполя, близъ Эвфрата. Дѣйствительно ли Лукіанъ авторъ этой сатиры, или она написана кѣмънибудь другимъ, но она представляетъ поразительную картину и производитъ впечатлѣніе тѣмъ болѣе сильное, что написана простымъ, наивнымъ языкомъ Геродота. Насмѣшекъ не было нужно; простой разсказъ—лучшее осмѣяніе этихъ гнусныхъ нелѣпостей.

Азіатскій культъ богини рожденія былъ перенесенъ въ Римъ еще во времена республики (III, 601); уже и тогда праздновались торжества печали о смерти Адониса (или Аттиса) и радости о воскресеніи его. Это служеніе совершалось и какъ особенный культъ „великой матери" и Аттиса и какъ часть культа Беллоны, старинной италійской богини войны. Но при республикѣ римское правительство не допускало въ Италію ни буйныхъ оргій этого культа, ни его оскопленныхъ жрецовъ, ни служительницъ его проститутокъ, называвшихся гіеродулами. Удерживаемый въ границахъ приличія, онъ совершался только въ самомъ Римѣ; въ другихъ мѣстностяхъ Италіи онъ былъ запрещенъ; и было запрещено свободнымъ римскимъ гражданамъ оскоплять себя и дѣлаться жрецами этого культа. Но при имперіи римляне жадно стремились ко всему, что могло раздражать чувственность или вносить какое нибудь разнообразіе въ монотонность жизни, подавляемой деспотизмомъ. Тогда „служеніе великой матери" распространилось по имперіи. Повсюду явились бродячія общества жрецовъ ея; римляне и римлянки поступали въ толпы гіеродуловъ и гіеродулъ, совершавшихъ свои фантастическія процессіи у жертвенника Беллоны, пре-

дававшихся неистовой печали и безумной радости на праздникахъ Аттиса; обряды этого культа превратились въ дикія, гнусныя тайныя оргіи.

Лукіанъ и Апулей знакомятъ насъ съ бродячими обществами гнусныхъ служителей сирійской богини. Они ходили изъ города въ городъ, изъ селенія въ селеніе, возили съ собою на ослѣ изображеніе своей богини, наряженное въ фантастическій костюмъ, и безстыднымъ нищенствомъ выпрашивали денегъ: «они, одѣтые въ женское платье, поютъ и пляшутъ подъ звуки бубновъ и флейтъ, бичуютъ себя, наносятъ себѣ раны ножами, а между тѣмъ воруютъ и потомъ вознаграждаютъ себя за бичеваніе и раны гнуснѣйшимъ распутствомъ». Число людей, оскоплявшихъ себя для поступленія въ жрецы Великой матери увеличивалось до того, что императоры должны были издавать особые законы противъ оскопленія. Но и помимо религіозныхъ мотивовъ число эвнуховъ возростало. Въ IV вѣкѣ во всѣхъ знатныхъ римскихъ домахъ были въ числѣ прислуги эвнухи.

Жажда спасенія.

Мучимое тоскою души языческое общество въ III вѣкѣ стремилось выработать изъ древнихъ религій такія ученія, которыя утоляли бы сердце, жаждущее спасенія, давали бы увѣренность въ блаженной загробной жизни, сообщали бы земной жизни возвышенныя стремленія. Печальны многія изъ явленій, какія производила эта потребность: распространялась вѣра въ демоновъ, въ чудеса, развивался фанатизмъ, мистицизмъ; люди бросались въ аскетическое подвижничество; но все это были проявленія душевной тоски, жажды спастись отъ нея; люди хотѣли заключить союзъ съ таинственными силами, съ многочисленными разрядами духовъ и боговъ, отъ которыхъ зависѣло дарованіе человѣку вѣчнаго блаженства, они шли разными путями къ вѣрованію въ загробную жизнь. Прекраснѣйшимъ выраженіемъ этой жажды спасенія служитъ аллегорическій разсказъ объ Амурѣ и Психеѣ у Апулея (стр. 377). Психея (душа) имѣетъ божественное происхожденіе; но она отпадаетъ отъ бога и въ земной своей жизни совершаетъ ошибки; она должна подвергнуться испытаніямъ и очищеніямъ, чтобы сдѣлаться снова достойной вѣчнаго блаженства; небесная Любовь (Амуръ, Эросъ) хочетъ спасти ее, спасаетъ, возводитъ на небо; этотъ женихъ Психеи, Амуръ или Эросъ—откровеніе божества, возвращающаго къ себѣ заблудшее человѣчество и возсоединяющаго его съ собою.

Таинства и посвященія.

Но путемъ къ этой возвышенной цѣли люди того времени, преданнаго мистицизму и суевѣрію избирали чаще всего тайноученія съ фантастическими обрядами посвященія; они предпочитали безсильныя тѣни умирающаго язычества восходящему свѣту христіанства. Митра, богъ солнца, очиститель, давалъ безсмертіе душамъ, посвященнымъ въ его таинство; къ той же цѣли приводили таинства подземныхъ боговъ. У древнихъ грековъ уже были тайноученія о круговоротѣ жизни, о воскресеніи умершихъ; эти таинства, примыкавшія къ миѳамъ о Деметрѣ, Персефонѣ и Діонисѣ, эти старыя греческія элевзинскія таинства оставались и во времена имперіи, но фанатизмъ одряхлѣвшаго язычества не довольствовался поэтическими

и художественными обрядами ихъ; люди искали спасенія себѣ въ новыхъ таинствахъ, въ которыхъ отвратительнымъ образомъ соединялись распутство и добровольное мученіе посвященныхъ. Таковы были таинства Сабазія (искаженныя ѳракійскими и фригійскими элементами таинства Діониса), тайное служеніе Гекатѣ, богинѣ волшебства и подземнаго міра, и въ особенности тавроболіи, тайный культъ Великой матери и Аттиса.

Кровавое крещеніе тавроболій.

Посвящаемый, одѣтый въ символическую одежду съ золотыми украшеніями, становился въ полночь въ яму; она покрывалась просверленными досками; на нихъ приносили въ жертву быка и барана. Кровь жертвъ текла сквозь отверстія досокъ на лицо, волоса и одежду посвящаемаго. Мы не знаемъ, какой смыслъ имѣло это, и не знаемъ другихъ частей обряда посвященія; но это кровавое крещеніе имѣло силу очищать душу, было „возрожденіемъ", давало воспринявшимъ его помощь божества и въ жизни и при смерти. Они носили залитую кровью одежду. Число ихъ было очень велико; посвященіе воспринимали и мужчины, и женщины.

Служеніе Серапису и Изидѣ.

Наряду съ культомъ Митры и кровавымъ крещеніемъ тавроболій очень распространены были таинства Изиды и Сераписа. Въ представленіи о Сераписѣ съ понятіями объ Озирисѣ соединялись элементы разныхъ другихъ религій; онъ былъ главнымъ богомъ государственной религіи Египта при Птолемеяхъ; храмъ его въ Александріи, Serapeion, былъ однимъ изъ великолѣпнѣйшихъ сооруженій древняго міра; культъ его соединялся съ поклоненіемъ Изидѣ, къ первоначальному понятію о которой, какъ о богинѣ природы, прибавилось много другихъ представленій. Со времени Цезаря и Антонія Римъ вошелъ въ очень тѣсныя сношенія съ Египтомъ; служеніе Серапису и Изидѣ перенесено было изъ Александріи въ Римъ. Сначала оно не пользовалось уваженіемъ, даже имѣло дурную нравственную репутацію; при Тиберіѣ нѣсколько жрецовъ Изиды были за сводничество распяты на крестѣ, а изображеніе Изиды было брошено въ Тибръ. Но при Антонинахъ и въ особенности при Каракаллѣ этотъ культъ сталъ пользоваться благосклонностью двора и подъ его покровительствомъ очень распространился. Не только въ Италіи, но и въ Испаніи, Галліи, на Рейнѣ было построено множество храмовъ этого культа, многочисленные жрецы котораго, носившіе бѣлую льняную одежду, совершали шумныя процессіи и таинственные обряды посвященія.

Процессіи Изиды.

Изида въ эти времена считалась владычицею моря. Два раза въ годъ— весною при началѣ времени, благопріятнаго мореплаванію, и въ концѣ его, передъ наступленіемъ зимы,—ходили изъ храмовъ Изиды процессіи къ морю. Принадлежностью ихъ были оркестры музыкантовъ, хоры пѣвцовъ въ бѣлыхъ одеждахъ. Эти процессіи сопровождала толпа посвященныхъ, потрясавшихъ звонкими систрами; они были тоже въ бѣлыхъ льняныхъ одеждахъ; за ними шли жрецы съ разными символами и несли изображенія Изиды, Сераписа и Анубиса и священные аттрибуты ихъ, за изображеніями божествъ шелъ верховный жрецъ. Пришедши къ морю, наполняли ароматами и священными приношеніями богато украшенный „корабль Изиды", пускали его въ море и шли такою же процессіею назадъ. Апулей въ послѣдней книгѣ „Метаморфозъ" очень живо описываетъ по собственнымъ впечатлѣніямъ процессію, которая ходила къ морю изъ коринѳскаго храма Изиды; кажется, такія же процессіи совершались по всѣмъ прибрежьямъ Средиземнаго моря; онѣ походили на карнавальный маскарадъ. Въ нихъ принимали участіе и императоры, судя по тому, что на мозаикѣ, изображающей такую процессію и сдѣланной по приказанію Коммода, онъ представленъ несущимъ изображеніе Анубиса. Кажется, впрочемъ, что, вошедши въ моду, культъ Изиды нѣсколько улучшился въ нравственномъ отношеніи. Прежде главными поклонницами Изиды, богини рожденія и любви, были проститутки, и храмы ея были мѣстами любовныхъ свиданій и сводничества. Но теперь люди готовились къ посвященію въ таинства Изиды воздержаніемъ отъ всякихъ чувственныхъ удовольствій, омовеніями и очищеніями; и когда, по откровенію, получаемому во снѣ, была назначаема ночь посвященія, они, получая его, давали обѣтъ вести чистую жизнь; богиня награждала ихъ за это счастіемъ и долголѣтіемъ на землѣ, а по кончинѣ безсмертіемъ.

Агонія язычества.

Все это ясно показываетъ, что язычество разлагалось, что прежняя народная религія утратила силу, и люди тоскливо стремились обезпечить себѣ блаженство въ загробной жизни. Въ прежнія времена, когда люди были энергичны, они думали только о практической жизни, о дѣйствительности, о настоящемъ и для нихъ достаточно было смутныхъ представленій о загробной жизни, какія давала прежняя религія, они довольствовались миѳами о царствѣ тѣней и объ островахъ, на которыхъ живутъ блаженные. Но теперь настоящее было тяжело и мрачно, оно не давало успокоенія и отрады людямъ, и угнетенныя тоскою сердца искали себѣ утѣшенія въ надеждахъ на загробную жизнь, они стремились пріобрѣсти знаніе о ней или твердую въ нее вѣру. Всѣ философскія системы, основныя ученія которыхъ изложены нами на предыдущихъ страницахъ, сходятся между собою въ одномъ: онѣ отрицали древнюю народную религію, осмѣивали ее. Ихъ ученія были различны во всѣмъ остальномъ: одни мыслители учили, что надъ всѣмъ владычествуетъ судьба; другіе говорили о круговоротѣ возникновенія и погибели предметовъ чувственнаго міра, внѣ котораго не существуетъ ничего; третьи проповѣдовали существованіе первобытнаго духа и безчисленныхъ, исшедшихъ изъ него другихъ духовъ, или учили мистицизму, возлагали надежды свои на таинственную символистику, или требовали умерщвленія всѣхъ похотей тѣла; но всѣ одинаково отрицали народную религію. Многобожіе пережило всевозможныя формы развитія и оставляло теперь неудовлетворенными душевныя стремленія людей; осталась безуспѣшна даже попытка освѣжить и очистить языческія понятія помощью хри-

стіанскихъ идей, соединить съ греческой философіей египетскую религію и христіанство. Все это пролагало христіанству путь къ побѣдѣ: оно замѣняло распавшееся многобожіе единымъ богомъ, утѣшало страждущихъ людей примѣромъ распятаго Спасителя, обѣщало вѣчное блаженство въ награду за вѣру.

Гнилость опоръ язычества.

Сознавая, что ослабѣваетъ въ борьбѣ съ христіанствомъ, язычество прибѣгало къ всевозможнымъ средствамъ задержать побѣду противника: серьезная наука и благородное искусство, служившія прежде опорами язычеству, теперь находились въ упадкѣ, и оно обратилось къ помощи тайныхъ ученій Востока, къ фантастической демонологіи, къ астрологическимъ и магическимъ мистификаціямъ или хотѣло пріобрѣсти душевное спасеніе и вѣчную жизнь символическими обрядами, походившими на христіанскія таинства, — на крещеніе, причащеніе. Религіозные вопросы стали дѣломъ всѣхъ сословій: христіанство учило, что всѣ вѣрующіе образуютъ общество святыхъ, такъ и въ язычествѣ всѣ стали стремиться къ посвященію въ таинства. Въ первомъ вѣкѣ нашей эры римское правительство часто запрещало иноземные культы, изгоняло изъ Рима вмѣстѣ съ философами астрологовъ и маговъ, а во второмъ и третьемъ вѣкахъ мы видимъ приверженцевъ этихъ культовъ въ аристократическомъ сословіи и на престолѣ. Загадочная смерть Антиноя была приписываема вѣрѣ его въ магическія силы: говорили, что этотъ юноша, по религіозному суевѣрію, бросился въ воды Нила для того, чтобы купить продленіе жизни своему повелителю принесеніемъ молодой жизни въ жертву за него; говорили, что за это самопожертвованіе и воздавалъ Адріанъ такія чрезвычайныя почести погибшему. Маркъ Аврелій, стоикъ, собралъ передъ походомъ на маркомановъ жрецовъ, пророковъ и маговъ всяческихъ націй совершать всевозможныя заклинанія,для пріобрѣтенія помощи боговъ; знаменитый дождь, который спасъ его на войнѣ съ квадами, былъ, по языческому преданію, произведенъ заклинаніемъ египетскаго жреца. О Коммодѣ говорили, что онъ убивалъ дѣтей для отвращенія грозившей ему опасности чародѣйскими обрядами надъ тѣлами ихъ. Септимій Северъ и его сынъ, свирѣпый Каракалла, вѣрили всякимъ тайнымъ ученіямъ, совершали разные магическіе обряды, совѣтовались съ астрологами. Черезъ нѣсколько времени римляне стали прибѣгать даже къ помощи волшебства и прорицаній друидовъ. Въ IV вѣкѣ, уже по смерти Константина, языческій писатель Фирмикъ Матернъ составилъ трактатъ объ астрологіи, „Восемь книгъ ученія“ (Mathesis); это пустѣйшее суевѣріе, проповѣдники котораго, „халдеи“, въ прежнія времена часто были изгоняемы за свое шарлатанство, вредное государству и нравственности, было теперь приведено въ систему и выставлено средствомъ къ достиженію чистой нравственности.

Въ трактатѣ Фирмика Матерна, излагающемъ астрологическія бредни о вліяніи звѣздъ на судьбу людей, о гороскопахъ, открывающихъ будущія событія жизни человѣка, говорится, что «математикъ (т. е. астрологъ) долженъ вести богоподобную жизнь, потому что имѣетъ сношенія съ богами»; и всѣ занимающіеся астрологіей должны жить добродѣтельно, потому что «звѣздамъ принадлежатъ наши страсти, а божественной природѣ духа принадлежитъ наша сила сопротивляться страстямъ».

Такимъ образомъ, язычество напрягало всѣ силы вести борьбу съ христіанствомъ въ области умственной и нравственной жизни; но когда

всѣ эти усилія оказались безуспѣшны, язычество не пренебрегло и матеріальнымъ средствомъ борьбы, подвергло христіанъ преслѣдованію.

B. Христіанство во второмъ и третьемъ вѣкахъ.

а. Церковь подъ угнетеніемъ язычниковъ.

Когда легіоны Веспасіана стояли подъ стѣнами Іерусалима, пришла въ римскій станъ вѣсть, что при междоусобіи въ столицѣ сгорѣлъ храмъ Юпитера Капитолійскаго съ принадлежащими къ нему святилищами Юноны и Минервы. Черезъ восемь мѣсяцевъ, 10 августа 70 года, одинъ изъ римскихъ воиновъ бросилъ пылающую головню въ Іерусалимскій храмъ Іеговы, и это высокочтимое святилище обратилось въ пепелъ. Такъ одинъ вслѣдъ за другимъ были уничтожены римскими воинами, безсознательными исполнителями велѣній божіихъ, римское національное святилище — религіозный центръ государства и святилище истиннаго бога. Ихъ исчезновеніе очищало мѣсто для поклоненія богу въ духѣ и въ истинѣ. Разрушеніе Іерусалима имѣло важное вліяніе на судьбу молодой христіанской церкви: по уничтоженіи Іерусалима, іудеи, вѣрующіе въ Мессію и отвергнувшіе Мессію, совершенно раздѣлились. Число вѣрующихъ съ каждымъ годомъ увеличивалось въ большихъ городахъ греко-римской имперіи, и христіанскія общины въ нихъ принимали въ свой составъ людей образованныхъ, а маленькая община христіанъ, оставшаяся въ Пеллѣ, скоро затерялась во мракѣ неизвѣстности. Такимъ образомъ, разрушеніе прежняго центра поклоненія Іеговѣ приблизило христіанство къ его назначенію, воспринимать въ себя людей всякихъ національностей, сдѣлаться всемірною религіей. Римляне продолжали нѣсколько времени не замѣчать разницы между христіанами и живущими въ ихъ городахъ іудеями, потому что іудейскія синагоги служили для апостоловъ первыми мѣстами проповѣди; но скоро обнаружилось и для римлянъ различіе между новою церковью, увѣренною въ побѣдѣ, и старымъ омертвѣлымъ въ своей формалистикѣ іудействомъ.

Слѣдствія разрушенія Іерусалима.

Мы видѣли, что римляне отличались большою вѣротерпимостью, что они ввели въ свою государственную религію не только греческихъ боговъ, но и культы восточныхъ народовъ, египтянъ, персовъ, сирійцевъ, даже халдейское служеніе свѣтиламъ небеснымъ съ его астрологическимъ суевѣріемъ. Всѣ подвластные Риму народы имѣли свободу служить своимъ богамъ по своимъ обрядамъ, лишь бы только примыкали внѣшнимъ образомъ къ организму государственной религіи, не отказывались участвовать въ римскихъ государственныхъ обрядахъ и праздникахъ, чтить храмы и жертвенники императоровъ, возведенныхъ въ санъ боговъ. Но христіанство не хотѣло имѣть ника-

Противоположность между христіанствомъ и язычествомъ.

кой связи съ язычествомъ, стало въ рѣшительное противорѣчіе съ нимъ, не хотѣло унизиться до положенія одной изъ терпимыхъ религій, называло себя единственной истинной религіей; исповѣдующіе евангеліе устранялись отъ участія въ государственныхъ религіозныхъ праздникахъ, жертвоприношеніяхъ, обрядахъ и процессіяхъ; многіе не соглашались даже быть воинами, считая преступленіемъ проливать кровь, не принимали государственныхъ и общественныхъ должностей, потому что занимающіе ихъ должны были исполнять языческіе обряды; христіане гнушались свирѣпыми зрѣлищами боя съ хищными звѣрями и гладіаторскаго боя; уклонялись даже отъ житейскихъ сношеній съ язычниками, отъ брачныхъ союзовъ съ ними, чтобы не оскверняться языческимъ суевѣріемъ, припутывавшимся ко всѣмъ житейскимъ дѣламъ; — это возбудило ненависть въ народѣ, подозрѣніе въ правительствѣ и начались тяжкія гоненія на христіанскія общины, имѣвшія совсѣмъ не тотъ составъ, какъ другія религіозныя общины: другія состояли изъ людей одной націи, державшихся своего стараго національнаго богослуженія; христіанскія общины состояли изъ людей разныхъ народностей и утверждали, что онѣ однѣ обладаютъ истиннымъ откровеніемъ, истинною вѣрою; сообразно этому убѣжденію, они презирали государственную религію, не повиновались ея требованіямъ, ясно высказывали увѣренность въ скорой погибели имперіи; все это заставляло римскихъ правителей сомнѣваться въ искренности увѣреній христіанъ, что они покорные подданные, повинующіеся власти. Христіане говорили, что Сынъ Человѣческій сойдетъ съ неба разрушить грѣховное языческое государство. Подозрѣнія противъ нихъ увеличивались тѣмъ, что они собирались для богослуженія по ночамъ, отчасти для того, чтобъ укрыться отъ подсматривавшихъ за ними, отчасти по желанію быть бодрствующими въ часъ пришествія Спасителя, возвращенія котораго они ждали. — По обыкновенному счету, было десять гоненій на христіанъ; первымъ гоненіемъ называются убійства христіанъ Нерономъ. По церковному преданію, тогда получили мученическую смерть апостолы Петръ и Павелъ; десятымъ гоненіемъ считается то, которое было въ началѣ IV вѣка: Діоклеціанъ и Галерій мучили и казнили тогда христіанъ, требуя отъ нихъ приношенія жертвъ языческимъ богамъ, разрушали и жгли церкви, жгли священныя книги христіанъ. Въ дѣйствительности гоненіе на христіанъ было непрерывное, оно усиливалось соразмѣрно увеличенію числа ихъ, имѣло характеръ непримиримой религіозной борьбы; римское правительство стало вести ее безпощадно съ того времени, какъ увидѣло, что христіанство угрожаетъ уничтожить прежнюю государственную религію. А пока эта религія оставалась крѣпка и не обнаружилась непримиримость христіанства съ нею, правительство не обращало большого вниманія на христіанъ: обра-

зованное сословіе въ римской имперіи считало христіанство суевѣріемъ невѣжественныхъ простолюдиновъ и презирало его.

Гоненія на христіанъ въ I вѣкѣ.

Гоненіе на христіанъ при Неронѣ было только дѣломъ кровожадности этого тирана; болѣе глубокихъ причинъ оно не имѣло. При Флавіяхъ христіане, подвергаясь тѣмъ же притѣсненіямъ, какъ іудеи, должны были платить одинаковый съ ними налогъ; ихъ считали іудейскою сектою, «людьми, которые ведутъ іудейскую жизнь, не будучи іудеями». Смутная молва, что христіане ожидаютъ появленія царя изъ рода Давидова возбудила подозрѣніе Домиціана. Онъ велѣлъ разыскивать потомковъ Давида, къ нему были приведены два внука Іуды, брата Господня. Онъ самъ сталъ допрашивать ихъ; но услышалъ, что они люди бѣдные, имѣютъ лишь небольшой клочокъ земли, который воздѣлываютъ своими руками; мозоли на ихъ рукахъ доказывали справедливость этого; о царствѣ, котораго они ожидаютъ, они сказали, что ожидаютъ его только при концѣ міра, когда небесный царь прійдетъ судить живыхъ и мертвыхъ и воздать каждому по дѣламъ его; при всей своей подозрительности Домиціанъ убѣдился, что они люди безвредные для него и отпустилъ ихъ. Менѣе снисходителенъ оказался онъ, когда ему было доложено о нѣкоторыхъ знатныхъ и богатыхъ людяхъ, что они христіане. Незадолго передъ смертью его былъ казненъ сынъ его дяди Сабина, Титъ Флавій Клементъ, человѣкъ консульскаго сана, за «безбожіе», то есть за непризнаваніе боговъ государственной религіи, а жену Клемента, внуку Веспасіана Домитиллу, онъ велѣлъ отправить въ ссылку на островъ Пандатарію.

Возростаніе числа христіанъ.

Суровѣе стали гоненія во II вѣкѣ, такъ называемомъ «вѣкѣ апостольскихъ отцовъ»; въ народѣ ходила молва о вѣрованіи, по которому какіе-то люди полагаютъ, что на Востокѣ возсіяетъ свѣтъ, одолѣетъ тьму и дастъ міру вѣчное спасеніе. Эта молва пріобрѣтала довѣріе себѣ между язычниками и, безъ сомнѣнія, много содѣйствовала тому, что они принимали восточныя вѣрованія, искали себѣ спасенія отъ душевныхъ страданій въ египетскихъ и персидскихъ тайноученіяхъ, въ астрологическихъ фантазіяхъ халдеевъ, въ сирійской и малоазійской магіи; но она также пролагала дорогу къ принятію христіанства. Проповѣдь евангелія могущественно дѣйствовала на душу; ученіе христіанъ о нравственной свободѣ человѣка казалось выше идеи рока, господствующей у древнихъ греческихъ поэтовъ, выше ученія стоиковъ о необходимости; христіанство обѣщало отпущеніе грѣховъ и вѣчную жизнь; число послѣдователей его возростало.

а) Жажда спасенія.

Мы видѣли, что люди II и III столѣтій сильно интересовались вопросами о безсмертіи души, о цѣли человѣческой жизни, что при безотрадности настоящаго они устремляли свои мысли къ небеснымъ силамъ, которыя могутъ дать вѣчное блаженство. Но старые боги оставались глухи къ мольбамъ, вѣра въ нихъ умирала и, мучимые созна-

ніемъ своей грѣховности, люди обращались къ христіанскимъ общинамъ, находили въ нихъ твердую вѣру, и христіанскій богъ слышалъ молитвы ихъ. Въ особенности усердно принимали новую религію всѣ «труждающіеся и обремененные», бѣдняки, рабы, отпущенники: христіанство возвращало имъ человѣческія права, въ которыхъ отказывало имъ язычество; христіане признавали всѣхъ людей равными передъ богомъ, говорили, что всѣ должны быть равны и передъ закономъ, проповѣдывали свободу человѣческой души, братскую любовь между людьми; дѣлаясь христіанами, бѣдняки и рабы получали въ обществѣ своихъ единовѣрцевъ положеніе, равное всѣмъ другимъ, видѣли себя людьми уважаемыми. Но и въ образованныхъ классахъ, въ знатномъ сословіи христіанство пріобрѣтало все болѣе и болѣе послѣдователей. У образованныхъ людей того времени было влеченіе къ таинственнымъ вѣрованіямъ; они находили удовлетвореніе ему въ ученіи о Спасителѣ, сынѣ божіемъ, о чудесахъ его, въ таинствахъ крещенія и причащенія, дававшихъ духовное возрожденіе къ новой жизни и общеніе съ Христомъ.

b) Бѣдняки и рабы.

c) Образованные люди.

Очень издавна возникла легенда, что Сенека, болѣе всѣхъ латинскихъ писателей проповѣдовавшій чистое понятіе о богѣ и чистую нравственность, и Арріанъ, занимающій такое же мѣсто между греческими писателями, имѣли сношенія съ апостолами, заимствовали отъ нихъ свои возвышенныя ученія. Когда мы будемъ говорить о гностикахъ, мы увидимъ, что ихъ ученія имѣли близкое родство съ неоплатонической философіей и возникли изъ сочетанія языческихъ понятій съ христіанскими.

d) Среднее сословіе.

Живое сочувствіе себѣ находило христіанство и въ среднемъ сословіи. Обоготвореніе римскихъ деспотовъ осквернило древнюю религію и казалось подтвержденіемъ теоріи Эвгемера, говорившей, что языческіе боги—обоготворенные люди. Людямъ, даже не очень образованнымъ, стало ясно, что старая государственная религія—созданіе политики и обмана; люди привыкли читать у сатириковъ насмѣшки надъ безнравственными миѳами, надъ любовными похожденіями Зевса и Афродиты, видѣть ихъ приключенія представляемыми на сценѣ въ безстыдныхъ спектакляхъ, читать сладострастныя описанія любовныхъ приключеній боговъ и богинь въ стихотворныхъ и прозаическихъ разсказахъ; старые боги и богини сдѣлались въ глазахъ общества существами пошлыми; оно отвратилось отъ нихъ; большинству непріятна была мысль отказаться отъ земныхъ наслажденій для блаженства въ будущей жизни, оно бросалось во всяческія суевѣрія; но мистеріи восточныхъ религій, шарлатанства маговъ и астрологовъ не могли долго устоять противъ христіанства *). Воины легіоновъ, переходившихъ съ востока на западъ, съ запада на востокъ, скрывали въ сердцахъ, какъ драгоцѣнное сокровище, христіанское ученіе и при случаѣ передавали его другимъ; купцы и должностные люди, странствовавшіе по областямъ обширной имперіи, видѣвшіе путаницу языческихъ вѣрованій, находившіе повсюду странныя суевѣрія, чуствовали превосходство духовной религіи, проповѣдовавшей чистую нравственность, и дѣлались распространителями христіанскаго ученія; въ Галлію и Британнію евангельская проповѣдь была принесена воинами легіоновъ; распространенію христіанскаго ученія содѣйствовало то, что на всемъ востокѣ имперіи владычествовалъ одинъ языкъ, греческій, на всемъ западѣ такъ же одинъ—латинскій, и что принадлежность къ одному государству соединяла людей всѣхъ народностей. Языческое богослуженіе, имѣвшее аристократическую роскошь, теряло свою привлекательность: религія братской любви и равенства становилась привлекательнѣе его людямъ; Спаситель, принявшій на себя образъ раба, умершій рабскою смертью и давшій своимъ ученикамъ вѣру, что онъ пріидетъ въ небесной славѣ и будетъ вѣчно царствовать надъ ними, былъ угнетенному и страждущему человѣчеству понятнѣе и милѣе язычества, обоготворявшаго императоровъ, имѣвшаго своими богами существа пошлыя или абстрактныя понятія.

*) Въ такъ называемыхъ «Признаніяхъ Климента», основаніемъ которыхъ служитъ разсказъ, сочиненный во II или III столѣтіи, описывается ходъ душевной жизни человѣка, мучимаго сомнѣніемъ и стремящагося къ истинѣ. Ученія философовъ, противорѣчащія одно другому, не удовлетворяютъ его; онъ думаетъ найдти успокоеніе себѣ въ египетскихъ мистеріяхъ, въ демонологіи, наконецъ находитъ желанную отраду своей душѣ въ христіанствѣ. Юстинъ мученикъ разсказываетъ о себѣ то же самое.

Успѣхи христіанства пробудили язычество отъ прежняго вялаго индифферентизма. Язычники увидѣли, что прежнимъ религіямъ угрожаетъ погибель, что разрушаются понятія и обычаи предковъ. Они собрали всѣ свои силы для борьбы на жизнь и смерть съ грознымъ врагомъ. Сопротивленіе возникало изъ всяческихъ мотивовъ, и пошлыхъ и благородныхъ: соединялись на борьбу съ христіанствомъ люди, для которыхъ идолопоклонство было источникомъ денежной прибыли, и люди, проникнутые уваженіемъ къ высокой умственной жизни прежнихъ вѣковъ. Осмѣивали христіанство сатирики, писали противъ него философы, въ числѣ противниковъ его были Кельсъ, Лукіанъ, Порфирій; правительство поражало его мечомъ преслѣдованія; клевета взводила на него ужасныя обвиненія и раздражала противъ него народъ злымъ истолкованіемъ его религіозныхъ обрядовъ. Почитаніе духовнаго бога было выставляемо безбожіемъ, причащеніе было называемо людоѣдствомъ, таинственность христіанскихъ собраній слыла составленіемъ заговоровъ, и молва говорила, что христіане предаются въ своихъ тайныхъ собраніяхъ разврату. Усердными растространителями этихъ обвиненій были іудеи, хотя и сами

Сопротивленіе язычниковъ и клеветы ихъ.

страдали отъ народной ненависти. Но всѣ преслѣдованія обращались въ славу евангелія. Насмѣшка Лукіана хоронила вѣру въ старыхъ боговъ, а христіанству она не принесла вреда; «Истинное Слово» эпикурейскаго или платоническаго философа Кельса вызвало христіанскую апологетику.

„Истинное слово", Aletes logos, Кельса не дошло до насъ; но Оригенъ написалъ на него опроверженіе, въ которомъ разбираетъ мысли Кельса шагъ за шагомъ и часто приводитъ буквальныя изъ него выписки; потому его содержаніе довольно хорошо извѣстно намъ. Кельсъ былъ человѣкъ обширной учености, жившій во время Марка Аврелія; онъ презиралъ христіанство и собралъ все, что можно было, съ языческой и политической точки зрѣнія, сказать противъ него и его послѣдователей, чтобъ оправдать гоненія на нихъ. Онъ былъ краснорѣчивый писатель, довольно хорошо знакомый съ іудейскими и христіанскими книгами; иногда онъ выводитъ іудея, нападающаго на христіанство съ точки зрѣнія своей вѣры и народности. Подобно Кельсу, опровергалъ христіанство Цецилій (извѣстный намъ по „Разговору" Минуція Феликса), писали противъ христіанства и нѣкоторые другіе языческіе философы, въ томъ числѣ неоплатоникъ Порфирій. Ихъ нападенія были направлены на разсказы христіанъ о жизни Христа, отчасти на христіанскіе религіозные обычаи. Противники христіанъ говорили въ укоризну имъ, что они обоготворили человѣка, наказаннаго смертью за преступленія, что они принимаютъ въ свою вѣру грѣшниковъ и преступниковъ, между тѣмъ какъ посвященія въ языческія таинства удостоиваются только люди чистые сердцемъ; что они дѣлятся на партіи, враждующія между собою, что они скрываютъ свое ученіе, боятся гласности, что они ненавидятъ вѣчный Римъ, что ихъ ученіе имѣетъ иноземное происхожденіе, что ихъ разсказы не достовѣрны; къ этому присоединялся разборъ нѣкоторыхъ догматовъ христіанскаго ученія, присоединялись попытки оправдать язычество съ научной и съ исторической точки зрѣнія; противники христіанства говорили, что всѣ хорошія и справедливыя мысли, какія находятся въ немъ, уже давно были высказаны философіею; что почитаніе единаго бога, истина, вовсе не чуждая язычеству, что многобожіе не противорѣчитъ ей, что существованіе второстепенныхъ божествъ, добрыхъ и злыхъ духовъ, подверждается историческими фактами, что засвидѣтельствованы исторіей чудеса, совершонныя этими богами, пророчества, данныя оракулами и т. д. Трактаты, написанные противъ христіанства, не дошли до насъ, отчасти потому, что въ позднѣйшія, христіанскія времена возбуждали отвращеніе, и не были переписываемы; но содѣйствовало погибели ихъ и то, что христіанскіе императоры повелѣвали уничтожать ихъ.

Гоненія на христіанъ во II и III вѣкахъ.

Гонителями христіанъ были вообще лучшіе, энергичнѣйшіе императоры, потому что болѣе дурныхъ заботились о поддержаніи государственнаго благоустройства, одною изъ принадлежностей котораго были религіозныя учрежденія. Они хотѣли, чтобы все въ государствѣ подчинялось ихъ волѣ, подавляли всякія тайныя общества, уклонявшіяся отъ правительственнаго контроля. Такъ, напримѣръ, былъ гонителемъ христіанства Траянъ, одинъ изъ лучшихъ императоровъ.

Траянъ.

Онъ запретилъ всякія тайныя общества, такъ что уничтожено было даже общество ремесленниковъ, составившееся въ Никомедіи для того, чтобы слѣдить, не вспыхнулъ ли гдѣ пожаръ, и спѣшить гасить его. Понятно, что при такой политикѣ императора христіанскія общины не могли не быть подвергнуты гоненію. Какого образа дѣйствій относительно христіанъ держался онъ, мы съ точностью знаемъ изъ переписки его съ Плиніемъ.

Будучи правителемъ Виѳиніи, Плиній получалъ доносы, въ которыхъ перечислялись по именамъ христіане, бывавшіе на тайныхъ сборищахъ и нарушавшіе тѣмъ императорскій эдиктъ. Плиній призывалъ обвиняемыхъ; если, не смотря на всѣ его угрозы, они твердо оставались при отвѣтѣ, что они христіане, онъ казнилъ ихъ, а если они говорили, что обвинены напрасно или соглашались отказаться отъ своего „суевѣрія", какъ выражается Плиній, и приносили жертву передъ изображеніемъ императора, то онъ освобождалъ ихъ. Онъ подвергалъ пыткѣ двухъ женщинъ, называвшихся у христіанъ „служительницами" (ministrae); но и при помощи пытокъ не узналъ отъ нихъ ничего, кромѣ того, что христіане собираются по извѣстнымъ днямъ, поютъ поочередными хорами пѣсню, въ которой прославляютъ Христа, какъ Бога, что они даютъ клятву не дѣлать ничего дурнаго и что ихъ собранія кончаются обѣдомъ, очень скромнымъ. Доносы стали учащаться; потому Плиній нашелъ надобнымъ попросить инструкцій у императора. Въ своемъ отвѣтѣ Траянъ одобряетъ 112
образъ дѣйствій Плинія и говоритъ: розыскивать христіанъ не должно; безъименные доносы оставлять безъ вниманія; но кто будетъ уличенъ въ томъ, что исповѣдуетъ христіанство, долженъ быть наказанъ: прощеніе получаетъ онъ только въ томъ случаѣ, когда отречется отъ Христа и принесетъ жертву богамъ. Письмо Плинія и отвѣтъ императора проливаютъ яркій свѣтъ на понятія римскаго высшаго общества о христіанахъ, которыхъ оно презирало и съ тѣмъ вмѣстѣ жалѣло, какъ людей заблуждающихся. Письмо Плинія очень важно и въ томъ отношеніи, что сообщаетъ намъ свѣдѣнія о первоначальной формѣ христіанскаго богослуженія, праздновавіи воскреснаго дня, поочередномъ пѣніи хоровъ, нравственныхъ правилахъ, діакониссахъ, вечеряхъ любви, потому приведемъ здѣсь эти письма, подлинность которыхъ едва-ли можетъ подлежать сомнѣнію.

Письмо Плинія.

(Epist. X, 97).

«Я поставилъ себѣ правиломъ, государь, обращаться съ вопросами къ тебѣ во всѣхъ сомнительныхъ случаяхъ: кто лучше тебя можетъ разсѣять мое сомнѣніе или научить мое незнаніе? Прежде я никогда не присутствовалъ при розыскахъ противъ христіанъ, потому не знаю, слѣдуетъ ли ихъ розыскивать и какому наказанію подвергать ихъ; не знаю я и того, должно ли дѣлать различіе между ними по лѣтамъ, или слѣдуетъ одинаково поступать съ людьми не зрѣлыхъ лѣтъ и зрѣлыми, можно ли прощать раскаивающихся, или человѣкъ, бывшій христіаниномъ, не избавляется отъ наказанія, отрекаясь отъ христіанства; надобно ли наказывать уже и за самое имя безъ всякихъ другихъ преступленій или только за преступленія, если они соединены съ этимъ именемъ. Съ людьми, на которыхъ доносили мнѣ, что они христіане, я поступалъ до сихъ поръ такимъ образомъ: я спрашивалъ ихъ, христіане ли они; если они говорили «да», я спра-

шивалъ во второй и въ третій разъ и угрожалъ имъ смертной казнью; если они оставались при своемъ отвѣтѣ, я велѣлъ казнить ихъ; это потому, что я полагалъ: въ чемъ бы ни состояло то, чего держатся они, слѣдуетъ наказать ихъ за непослушаніе, за упорство. Другихъ, зараженныхъ тѣмъ же безуміемъ, я велѣлъ записать, чтобъ отправить ихъ въ Римъ, потому что они римскіе граждане. Скоро оказалось, что христіанъ много (такъ вообще бываетъ, когда начинаютъ заниматься изслѣдованіемъ какого-нибудь преступленія). Я получилъ безъименное письмо, содержавшее въ себѣ списокъ многихъ людей, которые сказали мнѣ, что они не христіане и никогда не были христіанами, повторяли за мной слова молитвы, которую читалъ я имъ, совершили возліяніемъ вина и бросаніемъ ароматовъ въ огонь жертву передъ твоимъ изображеніемъ, которое для этого велѣлъ я принести вмѣстѣ съ изображеніями боговъ и, кромѣ того, они произносили брань на Христа,—все это такія вещи, сдѣлать которыя никогда не соглашаются, какъ говорятъ, настоящіе христіане. Я полагалъ, что могу отпустить этихъ людей. Другіе, на которыхъ было указано доносчикомъ, признали себя христіанами, но скоро отреклись отъ этого и сказали, что прежде они были христіане, но перестали быть,—иные, уже года три, другіе—много лѣтъ; нѣкоторые уже двадцать лѣтъ. Всѣ они воздали религіозныя почести твоему изображенію и изображеніямъ боговъ и произносили проклятіе Христу. Но они говорили, что ихъ вина или ихъ ошибка состояла главнымъ образомъ лишь въ томъ, что они въ извѣстный день собирались передъ разсвѣтомъ и поочередно пѣли пѣснь въ честь Христа, какъ бога, и обязывались клятвой не на что-нибудь преступное, а на то, чтобы не совершать ни воровства, ни грабежа, ни нарушенія супружеской вѣрности, не измѣнять обѣщанію, не отказывать въ отдачѣ ввѣреннаго имъ имущества; что послѣ того они, обыкновенно, расходились и снова сходились только на общій, но невинный обѣдъ; и что они, однако же, перестали это дѣлать послѣ моего эдикта, которымъ я, сообразно твоему повелѣнію, запретилъ общества (гетеріи). Но тѣмъ необходимѣе показалось мнѣ узнать посредствомъ пытки истину отъ двухъ рабынь, которыя назывались у нихъ «служительницами»; однако же я не открылъ ничего, кромѣ нелѣпаго суевѣрія и отложилъ формальный розыскъ, чтобы прежде услышать твои повелѣнія, потому что дѣло казалось мнѣ заслуживающимъ твоего вниманія, особенно по тому, что если розыскивать, то подвергнется опасности много людей всѣхъ сословій и обоего пола: зараза этого суевѣрія распространилась не только по городамъ, но и по селамъ, вообще по всей области. Но я думаю, что можно одолѣть ее. По крайней мѣрѣ достовѣрно то, что люди начали снова посѣщать храмы, которые были почти вовсе покинуты и приносить торжественныя жертвы, которыя долго не были приносимы, снова начали продаваться жертвенныя животныя, которыя прежде очень рѣдко находили покупщиковъ. Изъ этого можно заключить, какое множество людей можетъ быть исправлено, если допускать ихъ раскаяніе.

Траянъ Плинію.

Ты, мой милый Секундъ, избралъ должный путь по дѣлу о розыскѣ относительно людей, на которыхъ донесено тебѣ, что они христіане. Тутъ нельзя постановить никакого общаго распоряженія, никакого правила, которое было бы опредѣленной нормой. Не должно розыскивать ихъ, но если на нихъ донесено и они уличены, должно наказывать ихъ; притомъ, если человѣкъ говоритъ, что онъ не христіанинъ и докажетъ это дѣломъ, т. е. призываніемъ нашихъ боговъ, онъ долженъ за свое раскаяніе получать прощеніе, хотя бъ существовало подозрѣніе, что онъ христіанинъ. Но не подписанныя обвиненія не могутъ приниматься относительно какого бы то ни было преступленія, потому что это было бы очень опаснымъ примѣромъ и было бы противно духу моего времени.

Апостольскіе отцы.

Церковное преданіе упоминаетъ о нѣсколькихъ замѣчательныхъ дѣяте-

ляхъ христіанской церкви, жившихъ въ правленіе Траяна; таковы были: Симеонъ, преемникъ Іакова въ управленіи іерусалимской церковью, который былъ, какъ христіанинъ и потомокъ Давида, распятъ на крестѣ по приказанію римскаго правителя Аттика въ 107 году; Климентъ римскій, который, по болѣе позднему преданію, былъ римскимъ епископомъ и которому уже во II вѣкѣ было приписываемо посланіе римской христіанской общины къ общинѣ коринѳской; въ немъ Климентъ съ отцовской нѣжностью, въ трогательныхъ выраженіяхъ убѣждаетъ коринѳскихъ христіанъ отложить свои раздоры, примириться, жить единодушно, имѣть братскую любовь между собою и взаимную снисходительность. Игнатій, епископъ антіохійскій, былъ приведенъ на допросъ къ Траяну, отправлявшемуся въ пареянскій походъ, твердо исповѣдалъ свою вѣру во Христа, единороднаго сына истиннаго бога; за это былъ, по приказанію Траяна закованъ въ цѣпи и отвезенъ грубыми воинами черезъ Смирну и Филиппы въ Римъ, а тамъ брошенъ въ амфитеатрѣ для забавы римскаго народа на растерзаніе дикимъ звѣрямъ; такъ говоритъ церковное преданіе. Игнатію приписываются семь посланій; они написаны, вѣроятно, годами пятидесятью позднѣе его времени, но все таки служатъ важными памятниками понятій христіанъ въ очень раннюю эпоху. Приблизительно въ одно время съ ними были составлены бесѣды и признанія (Recognitiones) Климента, въ которыхъ разсказываются, между прочимъ, споръ Петра съ Симономъ Волхвомъ и признанія римлянина Климента о ходѣ его душевной жизни (стр. 407). Въ посланіяхъ Игнатія уже опровергаются нѣкоторыя изъ понятій о природѣ Христа, развившихся впослѣдствіи времени и признанныхъ тогда церковью за еретическія; въ нихъ говорится также о необходимости сохранить единство церкви, которому угрожаютъ ереси. Представителемъ церковнаго единства выставляется епископъ и сильно говорится о „вселенскомъ“ (каѳолическомъ) характерѣ церкви; это показываетъ, что іерархическія тенденціи уже сильно развились въ то время, когда были написаны посланія. Есть посланіе, приписываемое Варнавѣ; но оно написано александрійскимъ христіаниномъ въ началѣ II вѣка, а не спутникомъ Павла. Развивая мысль, находящуюся въ посланіи къ евреямъ, онъ доказываетъ, что сущность іудейскаго закона исполнилась во Христѣ, а іудейскіе обряды не должны быть исполняемы христіанами. Тому же времени принадлежитъ „Пастырь“ Герма (или Эрмы), книга, пользовавшаяся очень большимъ уваженіемъ во многихъ христіанскихъ общинахъ. Въ ней подъ формою откровеній, данныхъ въ сновидѣніяхъ или черезъ ангеловъ, излагаются при помощи сравненій и аллегорій благочестивыя увѣщанія вести святую жизнь, отречься отъ міра, и говорится, что павшіе по крещеніи могутъ спастись покаяніемъ.

Адріанъ.

При Адріанѣ и Антонинѣ Піѣ гоненіе на христіанъ было отмѣнено; но запрещеніе тайныхъ обществъ, остававшееся въ силѣ, давало правителямъ провинцій возможность поступать съ христіанами жестоко. Бывали случаи, что народъ то въ одномъ, то въ другомъ городѣ кричалъ на играхъ: «Бросать христіанъ львамъ»; при народныхъ бѣдствіяхъ тоже слышались иногда подобные крики; говорятъ, что Адріанъ одобрилъ представленіе правителя Малой Азіи, Граніана, о несправедливости предавать христіанъ смерти безъ суда просто по требованію народа и что, сообразно этому представленію, императоръ послалъ преемнику Граніана Минуцію (или Миницію) Фундану эдиктъ,

125. постановлявшій, что христіанъ должно наказывать только когда
они по суду уличены въ какомъ нибудь преступленіи; а злоба кле-
ветниковъ и доносчиковъ должна быть обуздываема строжайшими
мѣрами. Говорятъ также, что Адріанъ имѣлъ склонность къ хри-
стіанству; но это результатъ недоразумѣнія: онъ имѣлъ склонность
только къ мистицизму и къ религіозному синкретизму, а собственно
о христіанахъ онъ думалъ презрительно, какъ показываетъ одно изъ
дошедшихъ до насъ писемъ его.

Истребленіе іудеевъ въ Палестинѣ при подавленіи возстанія ихъ въ царствованіе Адріана нанесло послѣдній ударъ тому отдѣлу христіанъ, который соблюдалъ обряды закона Моисеева. Христіанскія общины въ Палестинѣ могли теперь сохранять себя отъ изгнанія изъ Палестины только отказавшись отъ исполненія іудейскихъ обрядовъ; потому они отмѣнили у себя обрѣзаніе и другіе іудейскіе обычаи, приняли тѣ понятія, какія внушалъ Павелъ. Въ общинѣ, которую основали прежніе іерусалимскіе христіане въ построенной на мѣстѣ Іерусалима колоніи Эліи Капитолійской, старшиною былъ избранъ человѣкъ, обратившійся въ христіанство изъ язычества, Маркъ; до разрушенія Іерусалима такихъ случаевъ не было въ этой общинѣ.

Антонинъ Пій. Преемникъ, Адріана Антонинъ Пій, дѣйствовалъ въ его духѣ. Говорятъ, что онъ издалъ такой же эдиктъ, какъ Адріанъ, когда въ народѣ поднялись безпорядки, враждебные христіанамъ. Поводомъ къ раздраженію народа были разныя несчастія, въ томъ числѣ землетрясенія. Язычники полагали, что причина ихъ гнѣвъ боговъ за терпимость къ «безбожникамъ» и «врагамъ боговъ», какъ называли христіанъ. Въ Ахаіи христіане подвергались гоненію, при которомъ погибъ Публій, епископъ аѳинскій. Христіанское преданіе говоритъ, что Антонинъ Пій воспретилъ преслѣдовать христіанъ.

Эдиктъ Антонина, приводимый Евсевіемъ въ „Церковной Исторіи" никакъ не можетъ быть признанъ подлиннымъ; а христіанскій апологетъ Мелитонъ положительно говоритъ, что при Антонинѣ гоненіе на христіанъ продолжалось; притомъ мы знаемъ, что въ царствованіе Антонина были въ Смирнѣ и въ Римѣ процессы противъ христіанъ, и что они велись по правиламъ, какія установилъ Траянъ.

Маркъ Аврелій. Преслѣдованія христіанъ при Антонинѣ были только отдѣльными случаями, а не результатомъ повелѣній императора. Иначе сталъ дѣйствовать преемникъ Антонина, Маркъ Аврелій. Его понятія были опутаны узкими школьными правилами стоицизма, онъ, гордясь стоической мудростью, презрительно отвращался отъ религіи, которая имѣла первыми своими проповѣдниками неученыхъ галилейскихъ рыбаковъ и внушала своимъ послѣдователямъ энтузіазмъ, несовмѣстный съ первымъ требованіемъ стоической философіи, душевнымъ спокойствіемъ; притомъ Марку Аврелію, вѣроятно, казались правдивыми слухи, обвинявшіе христіанъ въ тяжкихъ преступленіяхъ противъ нравственности. Какъ бы то ни было, но этотъ благородный государь, который по своимъ нравственнымъ правиламъ и образу жизни былъ гораздо ближе къ христіанамъ, чѣмъ его предмѣстники и большая часть его преемниковъ, предоставилъ просторъ смертельной ненависти, какую питалъ къ христіанамъ народъ въ Галліи и въ Малой Азіи. Императоръ-философъ, считавшій, по правилу своей школы, экзальтацію качествомъ очень вреднымъ, былъ до такой степени ослѣпленъ, что издалъ эдиктъ, повелѣвавшій изгонять и казнить распространителей новыхъ религій, какъ людей, волнующихъ умы, тревожащихъ общество. Траянъ, по крайней мѣрѣ, велѣлъ не розыскивать христіанъ, судить ихъ только по поводу положительнаго заявленія о нихъ; Маркъ Аврелій отмѣнилъ и это единственное снисхожденіе къ нимъ Траяна.

Одною изъ множества жертвъ этого гоненія былъ Юстинъ, которому
церковь дала по преимуществу имя мученика, человѣкъ ученаго образо- Юстинъ и Поликарпъ.
ванія, уроженецъ самарійскаго города Сихема. По доносу одного изъ фи-
лософовъ цинической школы, онъ и пять другихъ христіанъ были подвер-
гнуты бичеванію и смертной казни отсѣченіемъ головы за непоколебимую
вѣрность евангельскому ученію, въ защиту котораго прежде писалъ онъ
императору краснорѣчивыя апологіи. Въ Малой Азіи, по церковному пре- 165
данію, были умерщвлены нѣкоторые епископы, напримѣръ Папій и Сагарій. Но знаменитѣйшимъ изъ пострадавшихъ за вѣру былъ Поликарпъ, епископъ смирнскій, преданный сожженію за то, что отказался произнести хулу на Господа, которому вѣрно служилъ 86 лѣтъ. — Впрочемъ вѣроятнѣе, что онъ принялъ смерть за вѣру раньше, еще при Антонинѣ.—Поликарпу приписывается посланіе къ филиппійцамъ. Оно въ духѣ апостола Павла, и выраженіями, подобными словамъ Павла, убѣждаетъ филиппійцевъ твердо держаться вѣры въ распятаго и воскресшаго Христа, исполнять правила христіанскихъ добродѣтелей и особенно благотворительности.

Въ Юстинѣ церковь чтитъ не только мученика за вѣру, но и перваго апологета ея: апологія, написанная имъ, самая древняя изъ всѣхъ до насъ дошедшихъ. Христіанскіе апологеты. Во времена Антониновъ язычники собрали, какъ мы видѣли, на борьбу противъ христіанъ всѣ свои умственныя силы и всѣ средства насилія; ученые выступили съ обвиненіями противъ христіанства, поддерживали требованіе народа, кричавшаго, что должно преслѣдовать христіанъ; христіанскіе писатели стали защищать свою вѣру противъ обвиненій: ссылались на благочестивую, нравственно чистую жизнь христіанъ, которые, несмотря на всѣ гоненія противъ нихъ, остаются непоколебимы въ вѣрности императорамъ, въ повиновеніи законамъ, ссылались на дѣла христіанскаго человѣколюбія, на заботы христіанъ о бѣдныхъ, на святость супружескаго союза у нихъ, доказывали, что многобожіе покинуто всѣми образованными людьми между самими язычниками,

что оно поддерживается только натянутыми фальшивыми истолкованіями, что всѣ справедливыя и хорошія мысли, высказанныя языческими философами, находятся и въ христіанствѣ; что представленіе о страдающемъ и посредствомъ смерти прославляющемся богѣ находится и въ греческихъ миѳахъ, потому оно не такъ противорѣчитъ человѣческому разуму, какъ говорятъ поверхностные противники христіанства; приводили въ доказательство истины и божественности христіанскаго ученія тѣ дѣйствія, какія оказываетъ оно на исповѣдующихъ его, говорили въ подтвержденіе истины его о радостной готовности, съ какою принимали за него смерть мученики, о неудержимомъ, быстромъ распространеніи христіанства по всѣмъ странамъ наперекоръ всяческимъ враждебнымъ ему усиліямъ людей и злыхъ духовъ (демоновъ).

Древнѣйшія апологіи христіанства были написаны философомъ Аристи-
125. домъ и прозорливцемъ Квадратомъ и посланы ими императору Адріану; эти апологіи, защищавшія христіанство отъ клеветы на него, не дошли до насъ; но двѣ апологіи, написанныя Юстиномъ, уцѣлѣли; одна изъ нихъ краткая; другая, длинная, имѣетъ для насъ большую важность. Юстинъ былъ воспитанъ въ язычествѣ; мучимый сомнѣніями, онъ напрасно искалъ успокоенія душѣ въ ученіяхъ стоиковъ, но нашелъ его въ евангеліи, обратиться къ которому посовѣтовалъ ему почтенный старецъ, встрѣченный имъ при одинокой прогулкѣ по берегу моря. Юстинъ понялъ, что не достаточно имѣть правильное понятіе о божествѣ, надобно имѣть теплоту чувства и жить благочестиво. Онъ проповѣдовалъ евангеліе въ разныхъ городахъ и наконецъ въ Римѣ; сочиненіями и бесѣдами онъ обращалъ ко
150. Христу ищущихъ истины. Для опроверженія ложныхъ слуховъ, ходившихъ о христіанахъ, онъ написалъ трактатъ „Апологію, адресованную къ императору Антонину Пію“. Обвиненіе христіанъ въ атеизмѣ онъ опровергалъ тѣмъ, что познаніе истиннаго бога, даваемое христіанствомъ, находилось уже и у наилучшихъ греческихъ мудрецовъ; онъ говорилъ, что у нихъ оно еще не вполнѣ ясно и что оно совершенно разъяснено божественнымъ откровеніемъ въ евангеліи. Онъ оправдывалъ христіанскую вѣру ссылками на благочестивую жизнь и добрыя дѣла христіанъ, на предсказанія въ іудейскихъ священныхъ книгахъ и въ книгахъ сивиллъ, на природу, въ которой онъ повсюду находитъ фигуру креста, оправдывалъ христіанство описаніемъ и объясненіемъ богослужебныхъ формъ, символовъ, обычаевъ христіанъ. Защищая христіанство противъ язычниковъ въ своихъ апологіяхъ, онъ въ „Разговорѣ съ Трифономъ іудеемъ“ доказываетъ превосходство христіанства надъ закономъ моисеевымъ; доказательства его основаны на объясненіяхъ, какія даетъ онъ мѣстамъ Ветхаго Завѣта, на которыя ссылается. Разговоръ проникнутъ убѣжденіемъ въ побѣдѣ евангелія. Ученикъ Юстина, сиріецъ Таціанъ, не ограничивается защитою христіанства, а нападаетъ на язычество, выставляетъ на видъ пошлость языческой миѳологіи, нелѣпость языческой религіи, безнравственность многобожія; по его сужденіямъ о древнихъ философахъ,
173. видно, что онъ не зналъ ихъ ученій и греческихъ обычаевъ. Аѳинагоръ слѣдовалъ примѣру Юстина, оправдывая христіанъ отъ обвиненій противъ нихъ; гоненія на христіанство приписываетъ онъ демонамъ, которые внушили язычникамъ мысль считать ихъ богами и вовлекли ихъ въ идолопоклонство; христіанъ обвиняли во враждѣ къ римской имперіи; онъ опровергалъ это ссылкой на пассивное повиновеніе христіанъ властямъ и на то, что они молятся за императора. Около того же времени писали въ защиту христіанства Мелитонъ, епископъ города Сардъ, Клавдій Аполлинарій, епископъ іерапольскій, и Мильтіадъ; изъ ихъ апологій не дошло до насъ почти ничего, но сохранилось „Посланіе къ Діогнету“, авторъ котораго не называетъ себя по имени; эта апологія написана талантливо человѣкомъ, имѣющимъ научное образованіе и съ пламенной любовью преданнымъ христіанству. Сдѣлавъ краткую характеристику язычества съ его безжизненными богами и іудейства съ его формалистикой, показавъ, что эти религіи не могутъ удовлетворить глубокой религіозной потребности души, авторъ даетъ краснорѣчивый очеркъ христіанскаго ученія и христіанской нравственности. Онъ пишетъ съ теплымъ убѣжденіемъ въ торжествѣ христіанства; по тону его рѣчи и по характеру мысли видно, что онъ человѣкъ высокой образованности. Наконецъ заслуживаетъ вниманія апологія, написанная въ концѣ II вѣка африканскимъ реторомъ, занимавшимся въ Римѣ адвокатурой, Минуціемъ Феликсомъ; это разговоръ въ родѣ цицероновскихъ; авторъ далъ ему заглавіе „Октавій“. Особенной глубины или оригинальности мыслей въ немъ нѣтъ, но онъ замѣчателенъ изяществомъ формы и ясностью изложенія; Минуцій въ систематическомъ порядкѣ приводитъ всѣ упреки, какіе дѣлали язычники христіанству, всѣ похвалы ихъ прежней религіи и даетъ на мысли язычниковъ отвѣты, какіе были дѣлаемы образованными христіанами. Менѣе изященъ по формѣ и проникнутъ болѣе рѣзкимъ полемическимъ чувствомъ трактатъ Арнобія „Противъ язычниковъ“ (Adversus nationes). Авторъ его былъ уроженецъ Африки, реторъ, воспитанный въ язычествѣ, перешедшій въ началѣ IV вѣка въ христіанство и нападающій на покинутое имъ многобожіе съ реторическимъ жаромъ. Его трактатъ—быстро излившійся порывъ пламеннаго негодованія прозелита.

Гоненіе на христіанъ въ Малой Азіи продолжалось, кажется, до самой смерти Марка Аврелія. Преданіе о Молніеносномъ легіонѣ не имѣетъ, какъ мы говорили, историческаго основанія (стр. 311); 174-й годъ, къ которому относится оно, не произвелъ никакой перемѣны въ отношеніяхъ Марка Аврелія къ христіанству. Черезъ три года даже возникло новое гоненіе на христіанъ въ Ліонѣ и его окрестностяхъ; молодые люди и старики, женщины и дѣвушки были мучимы и убиваемы, или бросаемы на растерзаніе звѣрямъ; епископъ ліонскій Потинъ, 90 лѣтній старикъ, былъ заключенъ въ темницу и умеръ тамъ. При слѣдующихъ императорахъ христіане страдали только вмѣстѣ со всѣмъ населеніемъ имперіи; особеннаго преслѣдованія противъ нихъ не было. Марція, любовница Коммода, была христіан- Коммодъ.
ка. По ея вліянію, трусливый злодѣй воздерживался отъ преслѣдованія христіанъ. Церковное преданіе говоритъ только объ одномъ мученикѣ, казненномъ въ его правленіе. Это былъ Аполлоній; явился доносчикъ на него; преданный суду сената, онъ остался вѣренъ Христу и, по закону, былъ казненъ; но раньше его умеръ доносчикъ, бывшій, кажется, рабомъ его. Общаго гоненія не было, но прежніе эдикты противъ христіанъ не были отмѣнены, потому христіане ос-

тавались отданы на произволъ правителямъ провинцій, и нѣкоторые правители пріобрѣтали себѣ расположеніе народа казнями ненавистныхъ ему христіанъ. Септимій Северъ былъ сначала расположенъ къ христіанамъ; онъ принялъ въ число своихъ приближенныхъ христіанина, раба, который излѣчилъ его отъ болѣзни; кормилицею Каракаллы была христіанка. Но въ началѣ III вѣка (въ 202 году) Северъ издалъ эдиктъ, запрещавшій людямъ переходить въ христіанство или іудейство. Результатомъ было то, что въ Африкѣ и Египтѣ начались судебные процессы противъ христіанъ; судьи дѣйствовали по эдикту Траяна и по правиламъ еще болѣе жестокимъ, которыми пополнилъ его Маркъ Аврелій; они подвергали христіанъ пыткамъ, чтобы принудить ихъ отказаться отъ своей вѣры. Въ Александріи была предана смерти Потаміэна, красотѣ и добродѣтелямъ которой дивились люди; она умерла за Христа съ такою твердостью души, которая обратила многихъ въ христіанство. Въ Карѳагенѣ были брошены львамъ двѣ молодыя женщины Перпетуя и Фелицитата; въ Нумидіи умеръ за Христа отецъ Оригена, Леонидъ. Есть легенда, что въ это время (въ 202 году) принялъ смерть за ХристаИриней, ученикъ Поликарпа, епископъ лугдунскій (ліонскій), избранный въ этотъ санъ въ 178 году послѣ мученической кончины Потина и знаменитый своимъ трактатомъ противъ еретиковъ; но эта легенда возникла поздно, она имѣетъ своею цѣлью прославленіе лугдунской церкви.

Септимій Северъ.

Преданіе объ Иринеѣ.

Ириней сильно возстаетъ противъ людей, мѣшающихъ постичь разумомъ божественныя тайны, и противъ людей, которые изъ-за разницы мнѣній, нарушающихъ христіанское единодушіе, „хотятъ дробить тѣло Христа". Въ духѣ евангелія отъ Іоанна онъ говоритъ о любви, какую проявилъ Іисусъ Христосъ, Богочеловѣкъ, своею смертью для искупленія рода человѣческаго; Ириней убѣждаетъ христіанъ проникнуться любовью, примѣръ которой показалъ имъ Христосъ; это былъ главный предметъ поученій Иринея, внушавшаго христіанамъ единодушіе; средствомъ поддержать единодушіе онъ ставилъ принадлежность къ единой церкви, освящающей людей своими таинствами. Онъ вѣрилъ въ близкое начало тысячелѣтняго царства славы божіей на землѣ и горячо говорилъ о томъ, что христіане должны жить благочестиво. Благочестіе и единодушіе, христіанскую любовь онъ ставилъ выше всѣхъ философскихъ изслѣдованій о божественныхъ тайнахъ. Ученикомъ Иринея считается Ипполитъ, которому, быть можетъ, принадлежитъ найденный въ 1842 году на Аѳонѣ трактатъ „Противъ всѣхъ ересей". Ипполитъ былъ пресвитеръ и нѣкоторое время былъ епископомъ одного изъ двухъ отдѣловъ христіанской общины въ Римѣ, распавшейся тогда на двѣ партіи по дѣлу о выборѣ епископа. Онъ считается основателемъ западнаго правила о времени празднованія пасхи. Въ 1551 году найдена близъ Рима его статуя, на которой перечислены его сочиненія. Въ Римѣ долго существовалъ народный праздникъ въ честь его. Онъ пользовался большой славой между христіанами. Вмѣстѣ съ другимъ римскимъ епископомъ, своимъ соперникомъ, онъ былъ въ 235 году сосланъ въ Сардинію и умеръ тамъ.

Слѣдующіе императоры были равнодушны или даже милостивы къ христіанамъ. Александръ Северъ поставилъ, какъ мы знаемъ, изображеніе Іисуса въ числѣ статуй боговъ своего дворцоваго храма; Юлія Мамея, мать Александра Севера, любила бесѣдовать съ Оригеномъ, когда жила въ Антіохіи; по случаю одного имущественнаго процесса, Александръ Северъ призналъ за римской христіанской общиной права корпораціи. Но въ кодексѣ законовъ, составленномъ Ульпіаномъ, были помѣщены прежніе законы противъ христіанъ. При Филиппѣ Арабѣ христіане пользовались спокойствіемъ, такъ что возникло преданіе, будто онъ былъ христіаниномъ. Благодаря терпимости, какою пользовалось христіанство со времени Коммода, число его послѣдователей увеличилось такъ, что или стало необходимо признать за ними права отдѣльнаго религіознаго общества, или употребить всѣ силы государства на преслѣдованіе ихъ. Декій, преемникъ Филиппа Араба, человѣкъ старинной римской энергіи, избралъ путь преслѣдованія. Онъ велѣлъ правителямъ провинцій подвергнуть христіанъ такому гоненію, чтобы христіанство совершенно исчезло. Это было сдѣлано роковымъ эдиктомъ, обнародованнымъ въ 250 году: онъ постановилъ, что христіане должны участвовать въ обрядахъ государственной религіи; за ослушаніе онъ назначалъ смертную казнь. Ужасъ охватилъ вѣрующихъ. Имъ предстояло или отречься отъ Христа и принести жертву языческимъ богамъ, или быть подвергнутыми казни за непокорность закону. Изъ богатыхъ и знатныхъ людей между христіанами многіе покорились необходимости; но во всѣхъ сословіяхъ нашлось очень много людей, твердыхъ въ исповѣданіи Христа, принявшихъ за него мученія и смерть.

Александръ Северъ.

Филиппъ Арабъ.

Декій.

Епископы іерусалимскій и антіохійскій умерли въ темницѣ. Пресвитеръ Піоній былъ преданъ сожженію въ Антіохіи; въ Римѣ умеръ за Христа Фабіанъ. Многіе бѣжали, жертвуя для вѣры своимъ имуществомъ: оно, по закону, было конфисковано. Кипріанъ, епископъ карѳагенскій, краснорѣчивый и пламенный проповѣдникъ, тоже спасся отъ гоненія бѣгствомъ; но въ слѣдующіе годы онъ, какъ усердный боецъ за чистоту и единство церкви, очень много содѣйствовалъ своими сочиненіями, проповѣдями и поступками развитію идеи о вселенской епископской церкви; при императорѣ Валеріанѣ въ 258 году онъ былъ казненъ; говорятъ, что руки палача язычника дрожали. По церковному преданію, во время гоненія Декія семь юношей христіанъ заснули близъ Эфеса въ пещерѣ, гдѣ скрылись отъ преслѣдованія; они проспали два столѣтія и, очнувшись, съ изумленіемъ увидѣли, что крестъ сіяетъ надъ городомъ и узнали, что онъ восторжествовалъ въ государствѣ.

Мученики.

Галлъ слѣдовалъ примѣру Декія; Валеріанъ вначалѣ былъ благосклоненъ къ христіанамъ, но очень не долго; въ 258 году онъ издалъ эдиктъ, по которому должно было казнить пресвитеровъ, а другихъ христіанъ наказывать конфискаціей имущества и тюремнымъ

Валеріанъ.

заключеніемъ. По церковному преданію, жертвами этого закона были, кромѣ Кипріана, римскій епископъ Сикстъ и его діаконъ Лаврентій. Отъ Лаврентія потребовали, чтобъ онъ принесъ сокровища церкви; онъ привелъ хромыхъ и другихъ немощныхъ людей и сказалъ, что сокровища церкви—они; это было принято за насмѣшку; онъ былъ привязанъ къ желѣзному стулу или къ желѣзной рѣшеткѣ и замученъ огнемъ. Въ слѣдующемъ году Валеріанъ взятъ былъ въ плѣнъ персами; сынъ его Галліэнъ издалъ эдиктъ о терпимости, которымъ отмѣнилъ гоненіе на христіанъ, и далъ ихъ общинамъ права корпорацій. Послѣ того христіане пользовались свободой исповѣданія до Діоклеціана, при которомъ церковь снова подверглась тяжкому гоненію, но вскорѣ послѣ того при Константинѣ восторжествовала надъ язычествомъ.

Слѣдствія гоненій.

Говорятъ, что на крови мучениковъ создалась церковь; твердость вѣры, съ какою выносили они страданія пытокъ и принимали смерть, пріобрѣтала новыхъ вѣрующихъ Христу. «Доблесть старыхъ временъ Греціи и Рима возродилась въ преданности христіанъ ихъ вѣрѣ, и готовность пострадать за вѣру овладѣвала иногда массою христіанъ», говоритъ Буркгардъ: «они стремились къ смерти, духовные наставники должны были убѣждать ихъ, чтобъ они щадили себя. Мученики стали идеалами христіанъ, героями вѣры, имена ихъ оставались славны въ памяти слѣдующихъ поколѣній; на ихъ гробницахъ молились христіане, ихъ считали ходатаями за людей передъ Богомъ. Въ дни гоненія христіане скрывались въ катакомбахъ *), гдѣ были погребены ихъ родные, въ ущельяхъ горъ, въ пещерахъ; бѣдствія укрѣпляли ихъ вѣру, охраняли молодую церковь отъ распаденія, поддерживали энергію ея. Нѣкоторые христіане отрекались отъ вѣры, соглашались совершать жертвоприношеніе передъ изображеніями языческихъ боговъ и императора или по крайней мѣрѣ выдавали на сожженіе свои священныя книги, но число этихъ «павшихъ» было незначительно въ сравненіи съ множествомъ твердыхъ «воиновъ Божіихъ и Христовыхъ», которые оставались вѣрны клятвѣ, данной

*) Катакомбы первоначально назывались просто кладбищами (Coemeterium), это были подземныя кладбища; какія бывали въ древности и у язычниковъ. Христіанскія подземныя кладбища встрѣчаются во многихъ мѣстахъ: но особенно обширный размѣръ имѣютъ они въ окрестностяхъ Рима. Это галереи, вырытыя въ туфовомъ камнѣ, очень мягкомъ. По бокамъ галерей вырыты ниши для гробовъ. Кромѣ христіанскихъ катакомбъ, есть іудейскія. Въ III вѣкѣ римская христіанская община имѣла 25 или 26 этихъ подземныхъ кладбищъ, кромѣ того было около 20 фамильныхъ кладбищъ. Обычай хоронить въ катакомбахъ прекратился около 400 года. Римскія катакомбы были найдены въ 1578 году, ихъ изслѣдованіе ознакомило насъ не только съ похоронными обрядами римской христіанской общины первыхъ вѣковъ, но и съ христіанскимъ искусствомъ, съ обычаями и понятіями христіанъ того времени.

при крещеніи; радостно принимали мученическую смерть, чтобъ, умерши за Христа, воскреснуть съ Нимъ въ славѣ. Въ разсказахъ о гоненіяхъ и мученикахъ есть преувеличенія. Но за устраненіемъ всѣхъ частностей, какія историческая критика находитъ ошибочными, остается все таки множество примѣровъ дивной вѣрности Христу; величественное зрѣлище представляетъ мученическая борьба новой религіи противъ могущественнѣйшаго изъ всѣхъ государствъ древняго міра и торжество ея надъ этимъ государствомъ съ его тысячелѣтнею языческою культурою. Предчувствіе этой побѣды очень рано возникло и у христіанъ, и у язычниковъ, наполняя сердца христіанъ радостной надеждой. Угнетенное человѣчество, жаждавшее избавленія. воспріимчиво вникало благой вѣсти о Спасителѣ, вѣра въ котораго даетъ отраду земной жизни, отнимаетъ у смерти жало ея и у ада его побѣду

b. Развитіе понятій въ христіанскихъ общинахъ и церковнаго устройства ихъ.

Развитіе понятій о христіанствѣ.

Было мнѣніе, что христіанская церковь до Адріана не знала ересей; оно не согласно съ историческими фактами. Мы видѣли, что уже Павелъ долженъ былъ защищать свое ученіе отъ іудействующихъ христіанъ, требовавшихъ, чтобы язычники, принимающіе христіанство, исполняли іудейскіе обряды, защищать его и противъ людей, которые, злоупотребляя христіанскою свободою, проповѣдовали ученія, не согласныя съ проповѣдью, слышанной отъ Павла. Но, конечно, пока церковь еще только формировалась, не могла быть проводима такая опредѣленная граница раздѣла между ученіемъ, принимаемымъ церковью, и мнѣніями, не согласными съ нимъ, какая была установлена впослѣдствіи. Притомъ люди, не одинаково думавшіе о нѣкоторыхъ вопросахъ вѣры, были соединены общими враждебными отношеніями къ языческому міру. Но когда число христіанскихъ общинъ сдѣлалось велико во многихъ областяхъ имперіи, то стали развиваться разницы мнѣній по различію національностей въ разныхъ странахъ, по неодинаковости образованія; а между тѣмъ еще не было такой власти, которая пользовалась бы авторитетомъ во всѣхъ общинахъ христіанъ по всему пространству имперіи; такимъ образомъ, возникли уклоненія, которыя впослѣдствіи оказались не совмѣстными съ ученіемъ церкви.

Отношеніе христіанства къ іудейству.

Довольно долго существовали разныя понятія о томъ, каково отношеніе христіанства къ закону Моисееву. Многіе изъ христіанъ, бывшихъ прежде іудеями, думали объ этомъ иначе, нежели люди, обратившіеся въ христіанство изъ язычества. Павелъ училъ, что христіане свободны отъ узъ іудейства, но онъ не хотѣлъ, чтобъ христіанство считалось ученіемъ, порвавшимъ всѣ историческія связи съ

религіей Ветхаго завѣта; онъ училъ, что эта религія находитъ въ христіанствѣ свое завершеніе и что законъ Моисеевъ долженъ быть исполняемъ христіанами, хотя не въ буквальномъ, но въ духовномъ смыслѣ. По этому ученію, должно было признавать ошибающимися и людей, подчинявшихъ христіанство обрядамъ закона Моисеева, и людей, которые отвергали Моисея и пророковъ, хотѣли вносить въ христіанство языческую философію. Въ обоихъ случаяхъ христіанство утратило бы свой существенный характеръ. Такимъ образомъ, законъ самосохраненія требовалъ, чтобы молодая церковь отвергла оба эти стремленія, изъ которыхъ одно проявлялось въ назареяхъ и эбіонитахъ («бѣдныхъ»), другое въ гностикахъ.

Эбіониты или назареи.

1. Эбіониты состояли главнымъ образомъ изъ людей, переселившихся изъ Іерусалима въ Пеллу. За эбіонитами умѣреннаго образа мыслей осталось названіе назареевъ, которое первоначально было даваемо всѣмъ христіанамъ ихъ врагами и заключало въ себѣ оттѣнокъ презрѣнія къ нимъ (Дѣянія Апостол. XXIV, 5). Эбіониты соблюдали обрѣзаніе и другіе обряды іудейства, не допускали язычниковъ въ свою общину, или если допускали, то не признавали ихъ полноправными членами ея. Потому они отстали отъ развитія христіанскихъ идей и отдѣлились отъ вселенской церкви. Іисуса они считали или человѣкомъ, который достигъ праведности совершеннымъ исполненіемъ закона Моисеева, или существомъ сверхъестественнымъ, родившимся отъ дѣвы; они были малочисленны, почти вовсе не имѣли послѣдователей за предѣлами Сиріи; раздробились на мелкія секты и въ IV вѣкѣ исчезли.

Эбіониты гностики.

Нѣкоторые эбіониты думали, что «небесный Христосъ» существо божественной природы, или Логосъ, соединился съ Іисусомъ, сыномъ Іосифа и Маріи, при крещеніи его; это мнѣніе находится и у іудействующаго христіанина Керинѳа, прибавившаго къ нему гностическую идею, что создатель міра одинъ изъ высшихъ ангеловъ, служащихъ высочайшему Богу; что этотъ ангелъ, создавшій міръ по порученію высочайшаго Бога, далъ и законъ Моисеевъ. Керинѳъ училъ также, что со вторымъ пришествіемъ Христа начнется тысячелѣтнее царство праведныхъ на землѣ; онъ очень сильно говорилъ объ этомъ и сдѣлался однимъ изъ главныхъ основателей Хиліазма, какъ называлось вѣрованіе въ это тысячелѣтнее царство. Многіе изъ позднѣйшихъ эбіонитовъ также соединяли съ своею іудействующею вѣрою гностическія идеи. Повидимому, изъ круга эбіонитовъ-гностиковъ вышли «Бесѣды и признанія», ошибочно приписываемыя Клименту, епископу римскому (стр. 416).

Докеты.

Противоположность эбіонитамъ, іудействующимъ христіанамъ, составляли докеты. Эта секта возникла еще въ апостольскій вѣкъ. Подъ вліяніемъ идеальной философіи Платона и восточнаго дуализма, докеты говорили, что вся матеріальная сторона существа Іисуса была только призракомъ, что на самомъ дѣлѣ онъ былъ существо исключительно духовное.

Гностики.

2. Гностики. Именемъ гностиковъ называли по преимуществу тѣхъ религіозныхъ философовъ, которые, по обычаю восточныхъ религіозныхъ мудрецовъ и греческихъ философовъ, въ особенности греческихъ язычниковъ, посвященныхъ въ таинства, различали вѣру отъ знанія (Gnosis), обыкновенныя вѣрованія, излагаемыя для всѣхъ, отъ высшаго познанія религіозныхъ тайнъ, доступнаго лишь немногимъ посвященнымъ или одареннымъ

высокой силой ума. Гностики дѣлились на разныя секты, смотря по тому, какія идеи преобладали у нихъ, восточныя теософическія или греческія философскія; но вообще владычествовали у нихъ восточныя фантастическія представленія. Гносисъ, „знаніе“ высшей религіозной истины, имѣлъ во всѣхъ своихъ видахъ окраску политеистической миѳологіи, родственной язычеству. Ни одна изъ гностическихъ сектъ не доходила до единобожія въ точномъ смыслѣ слова, до понятія о единомъ богѣ, создавшемъ все по своей свободной волѣ и непосредственно, неограниченно правящемъ вселенной. Богъ гностиковъ существо сокровенное и, собственно говоря, чуждое міру; до сознанія о себѣ онъ достигаетъ только посредствомъ возникновенія множества существъ, истекающихъ изъ него (эманацій его); эти существа дѣлятся на множество степеней по градаціямъ своего участія въ божественной природѣ. Видимый міръ не созданъ свободною волею этого бога; его создалъ изъ мертвой злой матеріи Деміургъ („Строитель міра“), божественное существо, подчиненное высочайшему богу; человѣкъ созданъ тоже Деміургомъ, надъ нимъ властвуетъ слѣпая судьба, на его жизнь имѣютъ вліяніе разныя существа, владычествующія надъ пространствомъ между землею и небомъ; человѣкъ не имѣетъ свободной воли, потому онъ, собственно говоря, не грѣшитъ и не отвѣтственъ за свои поступки. Матерія—источникъ зла; пока человѣкъ находится подъ вліяніемъ матеріи, онъ остается въ узахъ зла, онъ не спасенъ. Спасеніе совершается тѣмъ, что существа свѣтлаго царства (эоны) освобождаютъ человѣка отъ матеріи, переносятъ его въ царство свѣта. Одно изъ такихъ существъ, по ученію гностиковъ,—Христосъ; онъ одинъ изъ высшихъ эоновъ, явившійся на землѣ для того, чтобы воспринять вселенную въ полноту божественной жизни и прекратить великое распаденіе, владычествующее во вселенной; такимъ образомъ, Христосъ, по ученію гностиковъ, существо миѳическое и аллегорическое; его человѣческая природа, его страданіе и смерть утрачивали въ гностицизмѣ то значеніе, какое имѣютъ въ христіанствѣ. Люди должны освобождаться отъ владычества тѣла аскетическимъ подвижничествомъ, окончательное освобожденіе отъ него даетъ имъ смерть, сдѣлавшись по смерти духовными существами, подобными ангеламъ, они входятъ съ торжествомъ въ царство свѣта. Гностики не придавали большого значенія ни церковнымъ таинствамъ, ни священному писанію; на церковную вѣру не нападали они, находя, что она необходима для массы народа, неспособной понять духовной истины, но свое ученіе ставили гораздо выше этой вѣры. Нравственное ученіе и образъ жизни гностиковъ колебались между противоположными крайностями: нѣкоторыя секты возлагали на себя строгое подвижничество, доходившее нерѣдко до самоистязаній и добровольнаго преданія себя на мученичество; другія секты учили, что человѣку, духъ котораго освободился отъ рабства матеріи, дозволительно все, освобождали себя отъ соблюденія всякихъ законовъ нравственности, предавались всякимъ излишествамъ чувственныхъ наслажденій. Но при всѣхъ своихъ недостаткахъ гностицизмъ имѣлъ очень сильное вліяніе на ходъ религіозной жизни тѣхъ временъ. Онъ былъ попыткою сближенія вѣры съ наукою; но это сближеніе онъ производилъ фантастически и, не имѣя реальныхъ основъ, палъ.

Гностическія системы.

Гностицизмъ дробился на множество системъ. Въ большей части изъ нихъ коренною идеею было персидское представленіе о царствѣ свѣта и царствѣ тьмы, въ которыхъ живутъ духовныя существа,—въ одномъ добрыя, въ другомъ злыя, ведущія между собою борьбу за владычество надъ видимымъ міромъ и надъ человѣкомъ. Такъ, напримѣръ, въ царствованіе Адріана Сатурнинъ Антіохійскій училъ, что духи семи планетъ создали

Сатурнинъ.

видимый міръ и человѣка изъ матеріи, принадлежащей царству сатаны. Духъ свѣта изъ состраданія послалъ въ видимый міръ искру божественной жизни, но она не могла одолѣть злыхъ силъ, пока наконецъ явился Христосъ, облеченный призракомъ тѣла и спасъ человѣчество, давъ ему гносисъ и законъ. Законъ повелѣваетъ воздерживаться отъ всего, чѣмъ человѣкъ подчиняется матеріи; потому самъ Сатурнинъ воздерживался отъ брака, а многіе изъ его послѣдователей и отъ употребленія мяса въ пищу.

Базилидъ (или Василидъ), уроженецъ Александріи, жившій въ одно время съ Сатурниномъ, тоже ставилъ основной идеей своей системы представленіе о царствѣ свѣта и царствѣ тьмы. Верховное существо въ царствѣ свѣта—богъ, совершенно непостижимый и не имѣющій имени. Онъ существуетъ въ вѣчности внѣ преемства времени; въ немъ сокрыты всѣ сѣмена жизни. Изъ этого первобытнаго существа развивается міръ блаженныхъ духовъ; эти духи—олицетворенія идей; ихъ семь: Разумъ (Nus), Умъ (Logos), Мышленіе (Phronesis), Мудрость (Sophia), Сила (Dynamis), Справедливость (Dikaiosyne), Миръ (Eirene); первобытное существо привлекаетъ ихъ къ себѣ, они возвышаются къ нему и вмѣстѣ съ нимъ образуютъ первую священную осмерицу (огдоаду) или первое небо. Этотъ первый міръ духовъ окруженъ вторымъ міромъ духовъ, образующимъ отраженіе его; второй міръ духовъ составляютъ олицетворенныя силы; имъ правитъ Святой Духъ; второй міръ окруженъ третьимъ, третій четвертымъ и т. д., такъ что число всѣхъ духовныхъ міровъ, или небесъ 365. Всѣ эти міры—проистекли изъ бога, они отраженіе его, и богъ познаетъ въ нихъ свое существо. Всѣ вмѣстѣ они называются таинственнымъ словомъ Abraxas (буквы этого слова, по своему значенію въ греческой нумераціи, образуютъ число 365); таинственное слово Abraxas имѣетъ магическую силу. Низшій міръ и человѣчество находятся подъ управленіемъ духа, называющагося Архонтомъ (правителемъ). Онъ орудіе высшаго божества, ведущее видимую вселенную къ цѣли ея, къ очищенію. Онъ тотъ іудейскій богъ, откровеніе котораго дано чрезъ Моисея и который давалъ вдохновеніе пророкамъ. Но онъ не имѣлъ такого могущества и такой мудрости, какія были нужны для исполненія лежавшаго на немъ дѣла; потому, когда пришло опредѣленное время, первый происшедшій изъ верховнаго существа духъ, Разумъ (Nus), соединился съ человѣкомъ Іисусомъ, чтобы дать людямъ полное божественное откровеніе. Это соединеніе совершилось во время крещенія Іисуса, и тогда Іисусъ, сынъ Іосифа и Маріи, сдѣлался сыномъ божіимъ. Страдалъ и умеръ только человѣкъ Іисусъ, а не соединившійся съ нимъ Разумъ; пострадать и умереть Іисусу было необходимо для очищенія отъ матеріи, отъ грѣха, потому что матерія—источникъ грѣха; такимъ образомъ грѣхъ былъ и въ Іисусѣ, но количество этой грѣховности въ немъ было чрезвычайно мало. Какъ онъ очистился страданіемъ, такъ и для всякаго человѣка страданіе имѣетъ очищающую силу; потому страданія должны считаться благами, милостью божіею; и въ особенности такова мученическая смерть. Чѣмъ больше освобождается человѣкъ отъ матеріальнаго міра, отъ тьмы и страстей, присущихъ матеріи, тѣмъ ближе онъ къ спасенію, къ вступленію въ блаженный міръ духовъ.

Еще замысловатѣе система Валентина, уроженца Александріи, переселившагося въ 140 году въ Римъ и прожившаго тамъ до 160 года. Онъ составилъ свое ученіе подъ вліяніемъ идей Платона. Изъ первобытнаго божественнаго существа, въ которомъ самосознаніе сохраняетъ покой, подобный безсознательности, произошелъ рядъ другихъ существъ, произведенныхъ актомъ его любви. Эти существа исходятъ изъ него четами; въ каждой четѣ одно существо—духъ мужескаго пола, другое—женскаго пола; первую высочайшую чету образуютъ божественный Разумъ (Nus) и Истина. Изъ этого небеснаго супружества (Сизигіи) происходятъ Логосъ и Жизнь; изъ ихъ супружества—Человѣкъ и Церковь. Такимъ порядкомъ исходятъ одни изъ другихъ тридцать духовныхъ существъ, называющихся эонами; всѣ они—отраженія божественнаго существа и прототипы явленій духовной жизни. Духовный міръ, въ которомъ существуютъ они—Плерома, «Полнота», то-есть полнота божественной жизни. Они проникнуты стремленіемъ возсоединиться съ первобытнымъ существомъ, изъ котораго произошли; женское существо

самой послѣдней четы этихъ духовъ, Мудрость (Sophia), такъ сильно стремится къ возсоединенію, что, увлекаясь этою жаждою, ниспадаетъ изъ Плеромы и скитается въ бѣдственной тоскѣ безпріютно. Въ этомъ состояніи она рождаетъ Деміурга, творца видимой вселенной. Онъ формируетъ вселенную изъ хаоса, вещества, лишеннаго всякой формы и всякихъ опредѣленныхъ качествъ. Создавъ вселенную, Деміургъ формируетъ ее по божественной идеѣ, но созданію его не достаетъ совершенства. Чтобы возстановить гармонію, нарушенную несовершенствами видимой вселенной, изъ первобытнаго божественнаго существа исходитъ новая чета эоновъ, Христосъ и Святой Духъ. Изъ ихъ сочетанія произошелъ человѣкъ Іисусъ, дѣлающійся Спасителемъ (Soter). Онъ, какъ человѣкъ, родился отъ Маріи; но, кромѣ земного тѣла, имѣлъ небесное, такъ что человѣческій образъ былъ только оболочкой его. Люди, познающіе его, то-есть «истинные» христіане (христіане, принявшіе высшую гностическую истину), становятся «духовными» существами, между тѣмъ какъ люди іудейской вѣры остаются только на степени «душевныхъ» (психическихъ) людей, а язычники занимаютъ низшую степень, оставаясь «чувственными» людьми. Въ концѣ существованія видимой вселенной Спаситель, окруженный духовными людьми, собранными къ нему силой истины, возвратится въ Плерому; Деміургъ съ душевными людьми останется у предѣловъ Плеромы, а матеріальный міръ обратится въ ничто. Послѣдователи Валентина составляли самую вліятельную изъ гностическихъ сектъ; она дѣлилась на двѣ школы—восточную и италійскую и еще продолжала существовать въ IV вѣкѣ.

У старинныхъ церковныхъ писателей «гностиками» безъ всякихъ дополнительныхъ опредѣленій назывались офиты, ученіе которыхъ возникло въ Египтѣ. Оно говорило, что Іалдабаотъ, сынъ Хаоса, создатель видимой вселенной—злое существо, старающееся разстроивать намѣренія добраго бога. Духи планетъ, повинующіеся Іалдабаоту, создали, по его повелѣнію, человѣка, подобнаго имъ. Но высшая Мудрость вдохнула въ созданнаго ими человѣка божественный духъ. Раздраженный ими, Іалдабаотъ создалъ Офіоморфа, «змѣеобразнаго духа» на пагубу людямъ. Чтобы человѣкъ не достигъ до познанія Бога, Офіоморфъ запретилъ ему вкушать отъ древа познанія. Но небесная мудрость сжалилась надъ несчастными людьми и, принявъ видъ змѣи, убѣдила ихъ нарушить эту заповѣдь. Они вкусили отъ запрещеннаго плода и сознали божественность своей природы. Такимъ образомъ, по системѣ офитовъ, грѣхопаденіе превращалось въ полученіе людьми нравственной свободы и высшаго знанія. Іалдабаотъ, прогнѣвившись на людей, изгналъ ихъ изъ рая на землю, самое низшее изъ небесныхъ тѣлъ, подвергъ ихъ соблазнамъ и страданіямъ плоти; но небесная мудрость не покинула ихъ своею помощью. Іалдабаотъ произвелъ Мессію, предназначеннаго возвратить іудейскій народъ къ служенію ему; небесная мудрость исполнила этого Мессію духомъ истины, такъ что онъ сталъ Христомъ; Іалдабаотъ предалъ Мессію смерти; но когда Мессія умеръ тѣломъ на крестѣ, небесная мудрость вознесла божественную часть его на небо, гдѣ находится Іалдабаотъ, и Христосъ мало по малу отнимаетъ владычество у Іалдабаота, лишаетъ его свѣта и жизни, такъ что онъ наконецъ падаетъ въ бездну небытія. Секта офитовъ еще продолжала существовать въ VI вѣкѣ. Офиты.

Карпократъ, уроженецъ Александріи, и сынъ его Эпифанъ передѣлали христіанское ученіе въ языческую философію. Они считали Христа наставникомъ мудрости, подобнымъ Платону и Пиѳагору, которые, припоминая свое прежнее существованіе въ мірѣ блаженства возсоединились съ божественною единицею, къ возсоединенію съ которой стремятся всѣ конечныя существа. Преданность этому влеченію къ божественной единицѣ—любовь и вѣра; мѣсто нравственности и религіи занимаетъ у Карпократа и Эпифана сознаніе человѣка о своемъ божественномъ достоинствѣ; имѣющій это сознаніе возвышается надъ всѣми положительными законами и обязанностями. Изъ этой мысли очень легко возникалъ такъ называемый антиномизмъ, систематическое пренебреженіе нравственными обязанностями, систематическій развратъ. Карпократ и Эпифанъ.

Маркіонъ, сынъ синопскаго епископа, поселился нѣсколько ранѣе половины второго вѣка въ Римѣ и сталъ проповѣдывать тамъ ученіе, состоявшее изъ христіанскихъ идей, Маркіонъ.

передѣланныхъ въ гностическомъ духѣ, и находившееся въ рѣзкомъ противорѣчіи съ ученіемъ Ветхаго Завѣта. По его гностической системѣ, видимая вселенная и живущіе въ ней люди созданы Деміургомъ, духовнымъ существомъ, имѣющимъ лишь ограниченную мудрость и ограниченное могущество; этого Деміурга іудейскій народъ чтилъ подъ именемъ Іеговы. Богъ, въ безконечной любви своей къ человѣчеству, послалъ на землю къ людямъ Христа, облеченнаго тѣломъ, не состоявшимъ изъ земного вещества, но имѣвшимъ способность дѣйствовать и страдать, подобно человѣческому тѣлу. Христосъ далъ людямъ откровеніе объ истинномъ и благомъ богѣ; это откровеніе спасаетъ людей. Вѣрующіе во Христа и по любви къ Богу ведущіе святую жизнь войдутъ въ царство небесное; войдутъ въ него и люди, умершіе до явленія Христа на землѣ, но увѣровавшіе въ него при его сошествіи въ адъ; а не вѣрующіе останутся подъ владычествомъ Деміурга и, смотря по своимъ дѣламъ, получатъ или нѣкоторую степень менѣе высокаго блаженства, или осужденіе. Маркіонъ отвергалъ Ветхій Завѣтъ, но имѣлъ часть священныхъ книгъ Новаго Завѣта и признавалъ ихъ истиннымъ откровеніемъ божіимъ. Это были посланія Павла и евангеліе, отличавшееся отъ евангелія Луки отсутствіемъ начала и нѣкоторыми другими пробѣлами. Маркіонъ проповѣдывалъ строгій аскетизмъ.

Манихеи. Родственны гностикамъ и въ особенности маркіонитамъ были манихеи,— секта, имѣвшая многочисленныхъ послѣдователей на Востокѣ, въ Африкѣ и въ Италіи, подвергавшаяся одинаково суровому гоненію и отъ язычниковъ и отъ христіанъ. Основателемъ манихейства былъ Мани, магъ, изгнанный при Сассанидахъ изъ Персіи, человѣкъ очень даровитый, ученый, много путешествовавшій. Онъ задумалъ преобразовать всѣ тѣ религіи, съ какими ознакомился, и соединить ихъ въ одну. Онъ говорилъ христіанамъ, что онъ тотъ „Утѣшитель“, Параклетъ, о которомъ говорилъ Христосъ; отвергнутый христіанами, онъ вернулся въ Персію, пріобрѣлъ себѣ большое уваженіе у царя и народа; но маги отвергали его, онъ велъ съ ними борьбу временами удачную, наконецъ былъ послѣ торжественнаго состязанія съ ними при царѣ Варанѣ I объявленъ лжеучителемъ и распятъ на крестѣ. Съ него содрали кожу, набили ее соломой и повѣсили на воротахъ персидской столицы въ устрашающій примѣръ его послѣдователямъ. Его ученіе было смѣсью персидской религіи съ христіанскимъ гносисомъ и основною своею идеею имѣло представленіе о двухъ противоположныхъ началахъ, добромъ и зломъ, ведущихъ между собою борьбу въ природѣ и въ душѣ человѣка.

Ученіе Мани. По ученію Мани, существуютъ отъ вѣчности два начала, независимыя другъ отъ друга, враждебныя одно другому: Богъ въ царствѣ свѣта и Демонъ въ царствѣ мрака. Но въ царствѣ мрака никогда не было спокойствія и согласія; злыя силы постоянно вели между собою злобную борьбу и наконецъ въ своихъ тревожныхъ передвиженіяхъ донеслись до границы своего царства и увидѣли царство свѣта во всемъ блескѣ его. Прекративъ вражду между собою, онѣ соединились на борьбу противъ царства свѣта; для борьбы съ ними Богъ создалъ перваго человѣка изъ вѣчнаго свѣта и далъ ему пять чистыхъ стихій: свѣтъ, огонь, воздухъ, воду, землю. Онъ былъ побѣжденъ, и хотя самъ спасся, но часть его свѣта была увлечена силами зла въ царство мрака. Для того, чтобъ этотъ свѣтъ избавился отъ плѣна, богъ черезъ посредство «Матери жизни» создалъ видимую вселенную, въ которой похищенный мракомъ свѣтъ составляетъ жизненное начало, душу вселенной и ожидаетъ избавленія себѣ отъ плѣна. Чтобы совершить это избавленіе, произошли отъ бога два новыя свѣтлыя существа: Христосъ и Святой Духъ; Христосъ или Митра живетъ на солнцѣ и на лунѣ, а Святой Духъ въ эѳирѣ распространяющемся надъ вселенною; они привлекаютъ къ себѣ силы свѣта, погруженныя въ матеріальномъ мірѣ и возводятъ ихъ обратно въ царство вѣчнаго свѣта. Чтобъ

удержать въ матеріи заключенныя въ ней силы свѣта, демоны создали новое существо, нынѣшняго человѣка, по образу перваго,— и въ человѣческомъ сердцѣ повторяется великая борьба между царствомъ свѣта и царствомъ тьмы, такъ что въ человѣкѣ соединяются оба противоположныя царства. Человѣческая душа свободна и по своему существу она принадлежитъ царству свѣта; но соблазны матеріи и обольщенія Демона успѣваютъ держать ее въ оковахъ тьмы. Такимъ образомъ въ язычествѣ и въ іудействѣ «сынъ вѣчнаго свѣта» былъ связанъ узами матеріи, былъ «Іисусомъ Страждущимъ».—Чтобы дѣло избавленія совершилось быстрѣе, Христосъ, сидящій на престолѣ по правую сторону свѣтлаго бога, покинулъ свой небесный престолъ и явился на землѣ, облеченный призракомъ тѣла; его страданіе и смерть на крестѣ были только кажущіяся это былъ символъ того страданія, въ которомъ находится свѣтъ, разлитый по всей природѣ, связанный узами матеріи; онъ разлитъ въ природѣ повсюду, но особенно въ растительномъ царствѣ, и повсюду страдаетъ. Христосъ своимъ ученіемъ началъ избавленіе свѣта, привлекая его къ себѣ, такъ что спасеніе міра дѣйствительно исходитъ отъ креста, сіяющаго свѣтомъ, христіане справедливо говорятъ это; но апостолы поняли ученіе Христа въ своемъ іудейскомъ смыслѣ, и оно изложено ими неудовлетворительно; потому для довершенія побѣды свѣта явился Мани, обѣщанный самимъ Христомъ, «Утѣшитель». Чистая истина изложена исключительно въ его книгахъ. Въ концѣ существованія видимой вселенной свѣтъ совершенно освободится изъ царства мрака, и тогда злыя силы снова будутъ враждовать между собою.

Устройство манихейскихъ общинъ. Манихейская секта дѣлилась на два класса людей: „избранные“ или „совершенные“ одни знали тайный смыслъ ученія и были обязаны соблюдать строжайшее воздержаніе: не вступали въ бракъ, не ѣли мяса, не пили вина; другой классъ образовали „слушающіе“ (катехумены), продолжавшіе вести обыкновенный образъ жизни и, по заступничеству „совершенныхъ“, получавшіе прощеніе за свои грѣховныя матеріальныя занятія и удовольствія. Въ вознагражденіе за молитвы „совершенныхъ“ они давали имъ приношенія, главнымъ образомъ состоявшія изъ оливокъ; эти плоды, дающіе масло, которое употребляется на освѣщеніе, считались свѣтлыми плодами и составляли главную пищу манихейскаго духовенства. Матерія, по ученію манихеевъ,— вмѣстилище зла; потому они считали недостаточнымъ, чтобы человѣкъ владычествовалъ надъ своимъ тѣломъ, находили надобнымъ умерщвлять плоть, и важнѣйшими заповѣдями ихъ морали были подвиги аскетизма. Они праздновали воскресный день постомъ. День смерти Мани былъ главнымъ праздникомъ ихъ и назывался праздникомъ каѳедры (Вета). Ученіе о примиреніи, о побѣдѣ свѣта надъ мракомъ, добра надъ зломъ, составлявшее сущность манихейства, привлекало къ нему умы въ продолженіи двухъ столѣтій; съ одинаковой ненавистью преслѣдуемое христіанами и магами, манихейство погибло въ VI вѣкѣ, но его идеи находили отголоски себѣ во все продолженіе среднихъ вѣковъ.

Споръ о времени празднонія пасхи. Іудействующіе христіане и вѣрующіе, обратившіеся въ христіанство изъ язычниковъ, были несогласны между собою не только въ понятіяхъ, но и въ обычаяхъ. Во II вѣкѣ общины западныхъ областей имперіи уже не соблюдали іудейскихъ праздниковъ или придали имъ новое, христіанское значеніе. Іудейская суббота была замѣнена днемъ воскресенія Спасителя; праздникъ пасхи сталъ праздникомъ воскресенія Христа изъ мертвыхъ. Апостолъ Павелъ уже называетъ Христа истиннымъ пасхальнымъ агнцемъ, жертвою за искупленіе человѣчества. Это истолкованіе праздника пасхи въ христіанскомъ

смыслѣ находится и въ евангеліи отъ Іоанна. Произошла перемѣна и во времени празднованія пасхи. По поводу этой перемѣны былъ долгій споръ. Сирійскіе и малоазійскіе христіане продолжали праздновать пасху по іудейскому правилу въ четырнадцатый день мѣсяца нисана; на западѣ христіане отступили отъ этого чуждаго имъ обычая; они считали надобнымъ совершать праздникъ воскресенія Христа въ воскресный день недѣли; а воспоминаніе о страданіи и смерти Спасителя они совершали въ пятницу передъ воскресеніемъ, въ которое праздновали пасху. Такимъ образомъ во II вѣкѣ уже возникло несогласіе между западной и восточной половиной христіанъ. Это несогласіе получило характеръ горячаго спора, потому что римская церковь пользовалась имъ для выгодъ своего властолюбія, а ненависть къ іудеямъ давала рѣзкій тонъ обвиненіямъ противъ праздновавшихъ пасху въ одинъ день съ ними; западныя общины называли еретиками этихъ «кватвордецимановъ» (четыренадесятниковъ), объявляли ихъ отлученными отъ церкви. Впослѣдствіи на никейскомъ соборѣ вопросъ былъ рѣшенъ дѣйствительно въ смыслѣ западныхъ общинъ. Соборъ постановилъ, что пасха должна праздноваться въ воскресенье, слѣдующее за днемъ весенняго полнолунія.

Монтанизмъ.

Гностицизмъ имѣлъ сильное вліяніе на теоретическое ученіе своего времени и слѣдующихъ вѣковъ; большое значеніе въ дѣлѣ развитія нравственныхъ ученій имѣла секта, основателемъ которой былъ фригіецъ Монтанъ; къ ней принадлежалъ очень вліятельный христіанскій писатель Тертулліанъ. Эта секта, называющаяся по имени основателя монтанизмомъ, была реакціею противъ начинавшагося тогда ослабленія прежней строгой нравственности христіанъ; приверженцы ея не хотѣли отдѣляться отъ другихъ христіанъ, но въ послѣдствіи времени были отлучены отъ вселенской церкви и основали свою особую церковь.

Говорятъ, что Монтанъ въ молодости былъ жрецомъ фригійской богини Кибелы, матери боговъ. Сдѣлавшись христіаниномъ, онъ черезъ нѣсколько времени далъ не тотъ смыслъ, какой давала церковь обѣщанію Христа послать своимъ ученикамъ „утѣшителя“. Церковь говорила, что это обѣщаніе исполнено нисшествіемъ Святаго Духа на апостоловъ въ праздникъ пятидесятницы. Монтанъ объявлялъ себя тѣмъ утѣшителемъ, котораго обѣщалъ послать Христосъ; послѣдователи Монтана считали его пророкомъ, который предназначенъ богомъ довершить начатое Христомъ дѣло спасенія людей. Не отвергая догматовъ, обрядовъ и учрежденій, установившихся въ церкви, Монтанъ хотѣлъ только ввести въ нее болѣе строгій образъ жизни и, для его поддержанія, болѣе строгую дисциплину, чтобы церковь сдѣлалась „обществомъ святыхъ“; но онъ выдавалъ свои мысли за новое божественное откровеніе, получаемое имъ въ состояніи боговдохновеннаго экстаза; это противорѣчило основному ученію церкви, что откровеніе, данное Христомъ и апостолами, должно признавать законченнымъ. Въ сопровожденіи двухъ пророчицъ, Присциллы и Максимиллы, Монтанъ ходилъ по городамъ

Фригіи, страны издавна отличавшейся религіознымъ фантазерствомъ, и убѣждалъ христіанъ готовиться подобно ему аскетическимъ образомъ жизни къ второму пришествія Господа и началу тысячелѣтняго царства святыхъ. О тысячелѣтнемъ царствѣ уже говорилъ Керинѳъ (стр. 424) и мысль о скоромъ началѣ этого царства была очень распространена между христіанами прежнихъ поколѣній; но оно медлило прійдти, и она ослабѣла. Теперь Монтанъ оживилъ ее. Его послѣдователи прониклись ею; ихъ пророки пламенными рѣчами возвѣщали, что приближается конецъ міра, страшный судъ и описывали самыми яркими красками блаженство, какимъ скоро начнутъ наслаждаться святые въ земномъ тысячелѣтнемъ царствѣ своемъ. Но этого блаженства можно достичь только неутомимою борьбой противъ плоти, противъ міра и похотей его, говорили они, и требовали воздержанія, покаянія, совѣтовали не вступать въ бракъ, совершенно запрещали второй бракъ, называли всѣ земныя радости грѣховными, осуждали даже занятіе искусствомъ, наукой, образованность, соблюденіе приличій хорошаго общества, говорили, что все это грѣховныя языческія дѣла. Христіане откупались отъ преслѣдованій деньгами, избѣгали ихъ соблюденіемъ осторожности; монтанисты осуждали это, прославляли счастье мученической смерти, говорили, что должно искать ея, а нѣкоторые изъ нихъ и дѣйствительно искали ея. Они учили, что люди, осквернившіе себя убійствомъ, любодѣяніемъ, идолослуженіемъ и другими смертными грѣхами, должны быть на вѣки безусловно исключаемы изъ церкви, не могутъ очиститься отъ грѣха никакимъ покаяніемъ. Изъ Малой Азіи монтанизмъ распространился по Италіи, Галліи, Африкѣ; нѣкоторые изъ знаменитыхъ учителей церкви смотрѣли на него благосклонно; они полагали, что если благоразумно воспользоваться здоровыми элементами его, отбрасывая фантастическіе, то онъ можетъ содѣйствовать улучшенію нравственности вѣрующихъ. Въ особенности думалъ такъ Ириней, имѣвшій склонность къ мистицизму, потому смотрѣвшій снисходительно на фантазерство монтанистовъ; онъ горячо вступался за нихъ передъ римскимъ епископомъ. Но церковь тогда уже находила возможнымъ надѣяться на прекращеніе гоненій, на то, что правительство перестанетъ считать христіанъ людьми, вредными государству; она находила для этого надобнымъ, чтобъ они держали себя разсудительно; потому она и исключила безразсудныхъ фантазеровъ изъ своей среды. Въ отвергнутомъ ею монтанизмѣ фанатики взяли верхъ надъ людьми болѣе или менѣе умѣренными, и въ немъ оттого развилось экзальтированное направленіе. Монтанисты стали рѣзко осуждать церковь за то, что она допускаетъ второй бракъ, принимаетъ раскаявшихся грѣшниковъ въ общество вѣрующихъ и вообще не достаточно строга; они составили свою особую церковь, объявили экстазъ боговдохновеннымъ состояніемъ души, чрезъ которое ихъ пророки становятся выше епископовъ.—Монтанисты были отвергнуты духовенствомъ азіатскихъ общинъ около 170 года; потомъ отвергла ихъ и вся христіанская церковь. Монтанизмъ продолжалъ существовать какъ особая, впрочемъ, малочисленная церковь, дробившаяся на разные отдѣлы, многіе изъ которыхъ принимали фантастическія названія; въ VI вѣкѣ онъ исчезъ.

Новатіанцы.

Въ III вѣкѣ явилась секта, родственная монтанистамъ, послѣдователи которой назывались новатіанцами. Когда гоненія на христіанъ прекратились, въ церкви возникли споры о томъ, какъ должно поступать съ людьми, отрекавшимися отъ христіанства во время преслѣдованія. Многіе, какъ напримѣръ, римскій епископъ Корнелій, полагали, что эти «павшіе» должны быть принимаемы въ церковь по исполненіи болѣе или ме-

нѣе строгихъ и продолжительныхъ подвиговъ покаянія. Но римскій пресвитеръ Новатіанъ (Новаціанъ), обратившійся въ христіанство изъ язычества, бывшій прежде философомъ, испытавшій много душевныхъ страданій и сдѣлавшійся строгимъ аскетомъ, возсталъ противъ снисходительности къ павшимъ. У него нашлись приверженцы въ Римѣ, они отказались отъ общенія съ Корнеліемъ, выбрали своимъ епископомъ Новатіана; онъ училъ, что павшіе не могутъ быть принимаемы въ церковь. Въ Африкѣ нашлись христіане, одобрившіе это мнѣніе. Но церковь отвергла ученіе Новатіана; его послѣдователи отказались отъ общенія съ ней, составили свою особую «церковь святыхъ и чистыхъ» и крестили во второй разъ тѣхъ изъ христіанъ, которые переходили въ ихъ общество изъ вселенской церкви. Они говорили, что павшіе могутъ быть помилованы Богомъ, но въ свою церковь не принимали ихъ. Новатіанская секта существовала около двухъ столѣтій, но, постепенно ослабѣвая, исчезла.

Александрійская школа.

Христіанству пришлось вести ученую борьбу противъ язычества; потому христіанскіе учители сами должны были усвоить себѣ греческое образованіе, сдѣлаться людьми учеными. Монтанисты проповѣдывали презрѣніе къ языческой мудрости; это мнѣніе было нелѣпо; защитники христіанства противъ нападеній языческихъ ученыхъ имѣли необходимую надобность въ тѣхъ знаніяхъ, которыми обладали враги его. Раньше всего сознано это было христіанами въ томъ городѣ, который уже нѣсколько столѣтій былъ центромъ умственной жизни цивилизованнаго міра, гдѣ находились представители всѣхъ философскихъ школъ, были преподаватели всяческихъ ученыхъ и религіозныхъ системъ, гдѣ возникали ученія, соединявшія идеи греческой философіи съ представленіями восточныхъ религій и таинствъ,—въ Александріи. Тамъ въ концѣ II вѣка возникла первая школа ученаго преподаванія христіанскихъ понятій, первая «школа катехетовъ» (поучаемыхъ христіанству). Преподавателями въ ней сдѣлались люди великаго ума, и скоро ея вліяніе распространилось на весь христіанскій міръ. Мы не знаемъ въ точности, кто былъ основателемъ ея, но можно предполагать, что это былъ Аѳинагоръ (Атенагоръ), написавшій апологію христіанства и ссылавшійся на философію въ подтвержденіе нѣкоторыхъ его ученій. Потомъ руководителемъ александрійской школы былъ Пантенъ, до обращенія въ христіанство бывшій стоикомъ и старавшійся распространить проповѣдь христіанства до отдаленныхъ земель Востока. Ученикъ Пантена, Климентъ, и ученикъ Климента, Оригенъ, доставили своимъ преподаваніемъ громкую славу александрійской школѣ.

Климентъ александрійскій умеръ около 220.

Титъ Флавій Климентъ былъ грекъ, получившій литературное и философское образованіе, человѣкъ кроткаго характера. Разнорѣчія философскихъ школъ заставили его искать истины въ христіанствѣ; онъ увѣровалъ во Христа, будучи уже человѣкомъ среднихъ лѣтъ; онъ много путешествовалъ, повсюду изучалъ нравы и понятія язычниковъ, іудеевъ, христіанъ и внесъ въ свой образъ мыслей всѣ тѣ философскія идеи, которыя казались ему хорошими, ведущими человѣка къ справедливости и благочестію; христіанское ученіе онъ признавалъ завершеніемъ всѣхъ

стремленій философіи. Онъ былъ главнымъ преподавателемъ александрійской школы 12 лѣтъ (180—202). Когда началось гоненіе при Септиміѣ Северѣ, онъ долженъ былъ бѣжать и скрылся въ Палестинѣ.

Его сочиненія.

Изъ его сочиненій особенно замѣчательны: 1) Поученіе эллинамъ, въ которомъ онъ доказываетъ, что язычество нелѣпо и безнравственно, что истина и чистая нравственность находятся въ христіанскомъ ученіи. 2) «Педагогъ» («Дѣтоводитель») это слово употреблено апостоломъ Павломъ въ посланіи къ галатамъ III, 24; оттуда и взялъ его Климентъ въ заглавіе своего трактата. Онъ объясняетъ, какъ Сынъ Божій (Логосъ), божественный воспитатель людей, ведетъ ихъ къ нравственной жизни; объясняя это, Климентъ излагаетъ христіанское ученіе о нравственности. 3) Stromata, т. е. «Ковры» важнѣйшее сочиненіе Климента, названное имъ такъ потому, что представляетъ пеструю ткань изложенія разнообразныхъ философскихъ проблемъ и отвѣтовъ на нихъ по христіанскому ученію. Цѣль трактата состоитъ въ томъ, чтобы разъяснить отношенія греческой философіи къ христіанству и убѣдить занимающихся ею въ истинѣ его. Климентъ приводитъ множество цитатъ изъ греческихъ философовъ, поэтовъ, миѳографовъ; благодаря тому, сохранилось очень много драгоцѣнныхъ данныхъ о религіяхъ и философіи древняго міра. (Клименту принадлежитъ древнѣйшій гимнъ во славу Христа; онъ написанъ языкомъ, напоминающимъ Пиндара). Благочестивый христіанинъ, находившій въ вѣрѣ источникъ знанія, Климентъ въ своихъ «Stromata» собралъ изъ греческихъ философовъ всѣ мысли, согласныя съ христіанствомъ, опровергъ элементы гностицизма, враждебные христіанству, а въ своемъ изложеніи христіанской нравственности онъ съ большою кротостью разобралъ бывшіе между христіанами споры и далъ имъ рѣшеніе въ смыслѣ умѣренномъ, благоразумномъ, какой и былъ послѣ одобренъ церковью; вообще онъ не говоритъ повелительнымъ тономъ, а только совѣтуетъ обратить вниманіе на его мысли.

Оригенъ 185—254.

Великій ученикъ Климента, Оригенъ, родился въ Александріи; когда отецъ его Леонидъ принялъ мученическую смерть при Септиміѣ Северѣ (стр. 415) онъ хотѣлъ также принять ее, и только хитростью любовь матери удержала его отъ исканія мученичества. Въ 203 году онъ, 18-лѣтній юноша, былъ уже назначенъ главнымъ преподавателемъ Александрійской школы. Онъ совершенно посвятилъ себя ученымъ занятіямъ и преподаванію и трудился съ такою неутомимостью, что его назвали „стальнымъ". Онъ былъ человѣкъ великаго ума и твердой воли, усвоилъ себѣ всю ученость Александріи, сталъ „ученымъ путеводителемъ въ царство небесное", какъ говорили о немъ. Онъ велъ жизнь чрезвычайно воздержную и хотя былъ бѣденъ, но не хотѣлъ брать никакого вознагражденія отъ своихъ учениковъ. Говорятъ, что въ порывѣ ошибочнаго энтузіазма онъ самъ оскопилъ себя. Каракалла подвергъ гоненію христіанскую школу въ Александріи: Оригенъ бѣжалъ въ Кесарію (Палестинскую), но продолжалъ и тамъ преподавать и говорить рѣчи для распространенія христіанства. Императрица Юлія Маммея любила бесѣдовать съ Оригеномъ, человѣкомъ уже знаменитымъ, изучившимъ неоплатоническую философію и обращавшимъ ее въ прославленіе христіанства, пользовавшимся и всѣми другими системами греческой философіи для того, чтобы привлекать ко Христу людей образованныхъ. Онъ былъ посвященъ въ пресвитеры съ нарушеніемъ правилъ церковнаго порядка; это послужило предлогомъ епископу Александрійскому Димитрію преслѣдовать его; истиннымъ мотивомъ преслѣдованія была зависть къ его славѣ. Онъ былъ отлученъ отъ Александрійской церкви, какъ лжеучитель, вернулся въ Кесарію и продолжалъ неутомимо трудиться надъ ученой разработкой христіанскихъ понятій; Кесарію онъ покидалъ лишь изрѣдка и не надолго—или для того, чтобы спас-

тись отъ преслѣдованія, или для того, чтобы опровергнуть ошибочныя ученія, возникавшія въ сосѣднихъ областяхъ. При Деціѣ онъ былъ подвергнутъ пыткѣ, закованъ въ цѣпи, и только смерть императора спасла его. Вскорѣ послѣ того онъ умеръ въ Тирѣ. Онъ былъ знаменитъ между современниками и остался славенъ въ потомствѣ. Въ исторіи христіанской философіи онъ занимаетъ положеніе нѣсколько сходное съ тѣмъ, какое имѣетъ Платонъ въ исторіи греческой философіи. Онъ былъ основателемъ школы, имѣвшей идеальное направленіе и давшей много знаменитыхъ учителей христіанской философіи.

Сочиненія Оригена и характеръ его экзегетики.

Оригенъ писалъ очень много. Одинъ изъ главныхъ разрядовъ его сочиненій составляютъ объясненія на книги священнаго писанія; примѣняя къ нимъ правила александрійской критики и экзегетики, онъ облегчилъ христіанамъ ихъ пониманіе; другой разрядъ составляютъ Бесѣды, имѣющія практическое направленіе. Онъ исходилъ отъ вѣрованія, что всѣ книги священнаго писанія исполнены божественнымъ вдохновеніемъ и что поэтому все въ нихъ должно имѣть возвышенный религіозный смыслъ; тѣ мѣста, буквальный смыслъ которыхъ казался ему не имѣющимъ этого характера, онъ объяснялъ въ аллегорическомъ смыслѣ, для котораго буквальный служитъ только оболочкою; онъ говоритъ: какъ въ человѣческомъ организмѣ тѣло лишь оболочка души, а съ душею соединенъ разумный и безсмертный духъ, такъ подъ буквальнымъ смысломъ словъ священнаго писанія скрывается нравственный (душевный) и таинственный, или аллегорическій (духовный). Оригенъ былъ первымъ наставникомъ, изложившимъ христіанское ученіе въ полномъ его составѣ. Памятникомъ основательности, съ какой изучалъ онъ священное писаніе, осталась такъ называемая Hexapla, огромный трудъ, состоящій въ томъ, что написаны рядомъ въ шесть столбцовъ шесть текстовъ священнаго писанія,—подлинникъ и разные греческіе переводы. Этимъ сопоставленіемъ разныхъ переводовъ съ подлинникомъ Оригенъ облегчилъ пониманіе его. Многіе изъ сочиненій Оригена погибли; нѣкоторыя дошли до насъ только въ латинскомъ переводѣ, а вообще они были передѣланы въ слѣдующія столѣтія сообразно позднѣйшимъ понятіямъ. Оригенъ твердо и успѣшно защищалъ христіанство противъ язычниковъ и въ частности противъ Кельса (стр. 412), противъ гностиковъ и еретиковъ. Послѣ его опроверженій было признано ошибочнымъ ожиданіе тысячелѣтняго царства и признано ересью ученіе патрипассіанцевъ, о которыхъ мы будемъ говорить ниже. Но черезъ три столѣтія послѣ его смерти и нѣкоторыя изъ его собственныхъ мнѣній были осуждены.

Идеализмъ александрійской школы.

Климентъ и Оригенъ дали изложенію христіанскаго ученія научную форму, пользуясь для этого своимъ знакомствомъ съ греческою философіей; они охранили вѣрующихъ отъ гностическаго фантазерства, доказывая, что должно сдерживать произволъ воображенія историческими данными, ученіемъ евангелія и церкви. Оригенъ училъ, что богъ существо духовное и безконечное; сообразно тому, онъ объяснялъ, что должно понимать въ аллегорическомъ смыслѣ тѣ мѣста священнаго писанія, въ которыхъ говорится о богѣ антропоморфическимъ языкомъ. Но богъ существо духовное, а не абстрактное, онъ существо живое, разумное и свободное, правящее міромъ; онъ создалъ міръ своимъ Словомъ (Логосомъ) и послалъ Слово въ міръ спасти людей, освободить ихъ души отъ оковъ зла. Въ эти оковы зла человѣческія души предали себя собственною виною, свободнымъ выборомъ своимъ; но—и вотъ одно изъ тѣхъ мнѣній въ понятіяхъ

Оригена, которыя были впослѣдствіи признаны ошибочными—этотъ грѣхъ души совершили въ существованіи предшедствовавшемъ ихъ земной жизни; онѣ жили нѣкогда на небѣ и, за совершонный ими грѣхъ, изгнаны изъ небеснаго существованія въ земную жизнь:—Слово (Логосъ) или «Сынъ Божій», по ученію Оригена,—вѣчная божественная мудрость; нѣкоторые отблески проявленій божественной мудрости находились и у язычниковъ, но вполнѣ открыта людямъ божественная истина Христомъ. Умеревъ на крестѣ въ жертву за людей, Христосъ искупилъ весь родъ человѣческій; потому въ концѣ существованія нынѣшняго земного міра всѣ люди, отпавшіе отъ Бога, возвратятся къ нему, и настанетъ состояніе примиренія съ Богомъ, святости и блаженства, изчезнетъ всякое зло;—Оригенъ учитъ тому, что высказано знаменитыми стихами Шиллера:

Allen Sündern soll vergeben
Und die Hölle nicht mehr sein,

«всѣмъ грѣшникамъ будетъ прощено, и болѣе не будетъ ада». Онъ учитъ, что душа вознесется къ Богу и, получивъ небесное просвѣтленное тѣло, будетъ жить вѣчно въ духовномъ блаженствѣ. Грѣхопаденіе было актомъ свободной воли, такимъ же актомъ будетъ и возвращеніе души къ Богу; церковныя таинства облегчаютъ душѣ человѣка очищеніе отъ грѣха, но имѣютъ свою цѣлительную силу только въ томъ случаѣ, когда воспринимаются человѣкомъ съ вѣрою; если человѣкъ не хочетъ избавиться отъ грѣха, то не получаетъ благодати. Стремясь понимать все въ идеальномъ смыслѣ, Оригенъ однако же никогда не впадалъ въ фантазерство, всегда оставался вѣренъ положительному ученію церкви, насколько было оно опредѣлено въ его время. Но его понятія о развитіи вселенной, о воскресеніи, о свободѣ воли казались многимъ изъ христіанъ его времени слишкомъ близкими къ ученіямъ греческихъ философовъ и, уже при его жизни, были предметомъ сильныхъ нападеній. Не менѣе горячо защищали ихъ его ученики. По своему философскому глубокомыслію, его сочиненія никогда не пользовались популярностью.

Реалистическое направленіе. Тертулліанъ. 160—230.

Александрійскіе ученые были представителями идеалистическаго направленія, старались воспользоваться здоровыми элементами греческой философіи и гностицизма; представителемъ реалистическаго, практическаго направленія мыслей былъ отважный Тертулліанъ, ораторъ и юристъ, ставшій христіаниномъ въ лѣтахъ уже довольно не молодыхъ и сдѣлавшійся пресвитеромъ карѳагенской церкви. Держась суроваго мрачнаго монтанизма (стран. 425), онъ нападалъ на греческую философію, считалъ ее матерью ересей и отпаденій отъ христіанства, отвергалъ всякую самостоятельность разума въ дѣлахъ религіи, требовалъ безграничной вѣры въ то, что казалось ему ученіемъ цер-

кви. Но и у него была мысль, заимствованная изъ греческой философіи, хорошо изученной имъ онъ полагалъ, что въ душѣ человѣка есть врожденное сознаніе о единомъ богѣ и что оно, хотя иногда и бываетъ омрачено страстями, въ каждомъ человѣкѣ можетъ проясниться. Конечно, онъ прибавлялъ, что до полнаго сознанія божественныхъ истинъ душа достигаетъ, только возродившись къ новой жизни благодатью Христа по вступленіи въ церковь, потому что истиной обладаетъ исключительно церковь, общество вѣрующихъ, основанное апостолами и хранящее въ чистотѣ ихъ преданіе.

Ученіе и характеръ Тертулліана.

До своего перехода въ монтанизмъ Тертулліанъ былъ однимъ изъ самыхъ рѣзкихъ защитниковъ безусловнаго авторитета вселенской церкви. Но съ безпощадной суровостью осуждая еретиковъ, ставящихъ свои личныя мнѣнія выше рѣшеній церкви, онъ сильно говорилъ о надобности очистить ее, чтобъ она дѣйствительно была обществомъ святыхъ. Проповѣдникъ суровой дисциплины, онъ возставалъ противъ снисходительности римской церви, казавшейся ему хуже „вертепа разбойниковъ". Онъ безпощадно осуждалъ искусство и поэзію, а театръ называлъ домомъ діавола. Онъ училъ, что христіанинъ долженъ умереть для всѣхъ мірскихъ удовольствій, жить только для Бога, быть воиномъ христовымъ, не признавать никакого другаго военачальника, кромѣ Христа, и потому устраняться отъ военной службы. Безбрачную жизнь онъ считалъ высокой святостью, но бракъ признавалъ нерасторжимымъ; говорилъ, что онъ не расторгается даже и смертью, что потому второй бракъ не долженъ быть допускаемъ церковью. Въ своихъ понятіяхъ о Богѣ Тертулліанъ расходится съ александрійской школою, имѣвшей идеалистическое направленіе: его представленія о Богѣ имѣютъ реалистическій характеръ. Душа, по его ученію, неразрывно связана съ тѣломъ и немыслима безъ тѣла. Она зачинается вмѣстѣ съ зачатіемъ тѣла и точно такъ же, какъ оно, происходитъ отъ родителей; потому Тертулліанъ признавалъ наслѣдственность первобытнаго грѣха и училъ, что тѣло воскреснетъ. У Тертулліана все принимало пластическую форму; абстрактное понятіе не удовлетворяло его, онъ любилъ конкректное, осязаемое. Онъ былъ плодовитый писатель и по своему слогу принадлежалъ къ африканской школѣ (стр. 372). Языкъ его сочиненій блестящій, реторическій; его фантазія неудержимо играетъ матеріальными представленіями объ идеальномъ; но у него есть горячее чувство, и онъ старается дать религіознымъ идеямъ такую точность, какую имѣли понятія римской юриспруденціи. Изящества формы у него нѣтъ, быть хладнокровнымъ и разсудительнымъ онъ не умѣетъ; его сочиненія очень оригинальны, и онъ излагаетъ свои мысли чрезвычайно занимательно.

Кипріанъ 200—258.

Епископъ карѳагенскій Кипріанъ, о которомъ уже упоминали мы, былъ соотечественникъ Тертулліана. Онъ происходилъ изъ знатной фамиліи, получилъ языческое образованіе, перешелъ въ христіанство уже взрослымъ человѣкомъ, употребилъ большую часть своего богатства на дѣла благотворительности, приготовился къ священству строгимъ подвижничествомъ и сдѣлался пресвитеромъ. Когда выбрали его карѳагенскимъ епископомъ, онъ, послѣ нѣкотораго колебанія, принялъ этотъ санъ. Выборъ его возбудилъ зависть въ тѣхъ пресвитерахъ,

которые были старше его. Сначала онъ старался примирить ихъ съ собою, совѣтуясь съ ними обо всѣхъ дѣлахъ; но скоро его энергическій и властолюбивый характеръ проявился въ полной силѣ, онъ хотѣлъ быть властелиномъ своей церкви; паства его, уже давно не испытывавшая гоненій, привыкла пользоваться удобствами благосостоянія, какимъ пользовались тогда всѣ сословія въ плодородной, богатой африканской провинціи; онъ сталъ строго требовать отъ карѳагенскихъ христіанъ суроваго аскетическаго образа жизни. Этимъ онъ возбудилъ противъ себя много неудовольствія; число его противниковъ возросло, и порицанія ихъ получили сильный вѣсъ, когда онъ, бѣжавшій отъ опасности во время гоненія, бывшаго при Деціѣ, сталъ, по миновании бѣды, сурово поступать съ «павшими», то есть отрекавшимися отъ христіанства для спасенія жизни во время гоненія, онъ говорилъ, что бѣгство дозволительно, но отреченіе такой грѣхъ, котораго нельзя простить. Очень долго онъ не уступалъ даже требованію «исповѣдниковъ» (Confessores), тѣхъ людей, которые во время гоненій твердо выдержали заключеніе въ темницу и другія страданія: они говорили, что павшіе должны быть прощены, онъ не соглашался.

Борьба Кипріана за епископскую власть.

Противники Кипріана воспользовались неудовольствіемъ, какое возбуждала его суровость, и хотѣли низвергнуть его; партія, главою которой былъ пресвитеръ Новатъ, прямо требовала его низложенія. Но она дѣйствовала слишкомъ горячо и притомъ по личнымъ нечистымъ мотивамъ; благодаря тому, Кипріанъ вышелъ изъ борьбы побѣдителемъ. Новатъ и его приверженцы бѣжали въ Римъ и вступили тамъ въ союзъ съ партіею Новатіана; понятія этихъ двухъ партій о церковной дисциплинѣ были прямо противоположны, но ихъ соединяло то, что обѣ онѣ боролись противъ своихъ епископовъ. Кипріанъ между тѣмъ примирилъ съ собою карѳагенскую паству самоотверженной заботливостью о страдающихъ, какую выказалъ во время моровой язвы, сталъ любимцемъ карѳагенскихъ христіанъ. Онъ неутомимо трудился надъ упроченіемъ епископской власти; этому были посвящены всѣ семь лѣтъ послѣ его побѣды до самаго времени его мученической смерти. Въ борьбѣ съ Новатомъ онъ одолѣлъ желаніе пресвитеровъ участвовать въ управленіи дѣлами, потомъ, по поводу спора о крещеніи еретиковъ, онъ выдержалъ борьбу противъ притязаній римскаго епископа на преобладаніе надъ другими епископами. Римскій епископъ, держась прежнихъ обычаевъ, утверждалъ, что крещеніе, совершонное еретикомъ, должно быть признаваемо дѣйствительнымъ крещеніемъ. Кипріанъ, отвергая это, говорилъ, что обычаи, несоотвѣтствующіе истинѣ, не должны служить основаніями дѣйствій. Азіатскіе и африканскіе епископы приняли сторону Кипріана и отвергли ученіе римскаго епископа. Но римская церковь осталась при немъ. Этотъ споръ не помѣшалъ однако-же римской церкви принимать африканскихъ мучениковъ въ число своихъ святыхъ. Кипріанъ сильно боролся за единство вселенской церкви и за епископскую власть. Эту борьбу онъ считалъ задачею своей жизни. Еретики и всѣ, уклоняющіеся отъ повиновенія церкви, были въ его глазахъ мятежниками противъ бога, подобными Корею и Даѳану. Онъ видѣлъ въ земной церкви много несогласій, имѣлъ много огорченій отъ

противниковъ и тѣмъ пламеннѣе желалъ, чтобы скорѣе настало время торжествующей небесной церкви, чтобы прекратилось существованіе земного міра и наступило царство небесное.

Борьба церкви съ ересями и торжество ея ученія.

1. Въ догматикѣ.

Тѣ ученія, которыя возникали изъ сочетанія христіанскихъ понятій съ идеями греческой философіи, были послѣ нѣкоторой борьбы отвергаемы христіанской церковью, какъ ереси; въ спорахъ съ еретиками пріобрѣтали бо́льшую и бо́льшую опредѣленность тѣ понятія и правила, которыя были признаваемы церковью за истинныя. Первоначальное исповѣданіе вѣры, требуемое отъ принимающихъ крещеніе, состояло въ признаніи Христа Мессіею, о которомъ предвозвѣщали пророки, сыномъ божіимъ и спасителемъ міра; мало по малу это исповѣданіе становилось подробнымъ и черезъ нѣкоторое время составился символъ вѣры, въ которомъ кратко излагались догматы вѣрованія въ Бога Отца, Сына и Духа, въ искупленіе грѣховъ и воскресеніе мертвыхъ; это «правило вѣры» служило условіемъ принятія въ общество христіанъ. Оно было въ соединеніи съ церковнымъ преданіемъ и собранными въ «Канонъ» книгами священнаго писанія основою единства христіанской церкви; и самое составленіе этого правила вѣры было обусловлено надобностью дать точное опредѣленіе ученію церкви въ противоположность мнѣніямъ, опровергаемымъ ею. Большая часть ересей имѣли своими основаніями разногласія въ понятіяхъ о таинствѣ воплощенія, о Логосѣ и объ отношеніи Сына къ Отцу; потому рано составился символъ вѣры, отвергавшій мнѣнія еретиковъ, что Іисусъ былъ только человѣкъ, хотя человѣкъ, рожденный дѣвою отъ наитія Св. Духа, возвеличенный Богомъ и поставленный отъ Бога Господомъ церкви; этотъ символъ вѣры отвергалъ и мнѣнія другихъ еретиковъ, которые, слѣдуя понятіямъ греческой философіи, считали Логоса эманаціею первобытнаго божественнаго существа. Отвергая эти ереси, церковь установляла своимъ символомъ ученіе о Троицѣ.

Монархіане.

Римскій епископъ Діонисій въ половинѣ III вѣка сталъ учить, что Отецъ и Сынъ имѣютъ одинаковую сущность и равно вѣчны. При Константинѣ вселенская церковь установила догматъ о Троицѣ. Въ прежнія времена существовало мнѣніе, называющееся монархіанскимъ ученіемъ. Праксей, твердый исповѣдникъ христіанства во время гоненія при Маркѣ Авреліи, пріѣхавшій изъ Малой Азіи въ Римъ отклонить римскую общину отъ сочувствія монтанистамъ, училъ, что въ Сынѣ воплотился Отецъ и что въ лицѣ Христа пострадалъ Отецъ; это ученіе было названо патрипассіанскимъ (ученіемъ, что страдалъ отецъ). Важнѣйшими представителями монархіанства были: Ноэтъ, римскій епископъ Каллистъ (Каликстъ I) и въ особенности Савеллій, птолемаидскій пресвитеръ, жившій въ половинѣ III вѣка. По ученію Савеллія, Отецъ, Сынъ и Духъ—три проявленія (Prosopa) верховнаго единаго существа (Monas). Черезъ нѣкоторое время церковь признала савелліанъ еретиками, потому что ихъ ученіе различало Сына отъ Отца. Павелъ Самосатскій, сдѣлавшійся въ 260 году епископомъ антіохійскимъ, хотѣлъ объединить разныя формы монархіанства ученіемъ, что Іисусъ рожденъ отъ Духа Святаго, какъ человѣкъ, и съ человѣкомъ Іисусомъ соединилось воплотившееся въ немъ Слово.

Сирійскіе епископы на антіохійскомъ соборѣ низложили Павла, какъ еретика. Павелъ, пользовавшійся большимъ значеніемъ при дворѣ Зеновіи, царицы пальмирской, не захотѣлъ подчиниться рѣшенію собора и отказаться отъ своей епископской должности. Императоръ Авреліанъ предоставилъ рѣшеніе дѣла между нимъ и антіохійскимъ соборомъ римскому епископу; этотъ судья рѣшилъ въ пользу собора.

Другимъ ученіемъ, которое должна была церковь охранять отъ ересей, былъ догматъ объ отношеніи человѣческой души къ Богу и ко вселенной. Оригенъ, слѣдуя понятіямъ Платона, приписывалъ душѣ существованіе, предшедствовавшее рожденію тѣла; Тертулліанъ училъ, что душа возникаетъ вмѣстѣ съ тѣломъ. Церковь, охраняя себя отъ этихъ теорій, заимствованныхъ изъ греческой философіи, установила ученіе, что человѣкъ созданъ по образу Божію, что онъ существо свободное и что человѣческая душа безсмертна. Въ то время всѣ учители церкви полагали, что воля человѣка свободна и что онъ имѣетъ силу дѣлать выборъ между добромъ и зломъ, что владычество діавола надъ волею человѣка уничтожено Христомъ. Въ IV вѣкѣ былъ установленъ догматъ о воскресеніи тѣла человѣческаго.

2. Священное писаніе и преданіе.

Еслибы христіанская вѣра основывалась только на преданіи, еретикамъ было бы удобно утверждать, что ихъ мнѣнія составляютъ истинное церковное преданіе. Потому церковь озаботилась собрать евангелія и апостольскія посланія, заботилась и о томъ, чтобъ это собраніе книгъ Новаго завѣта было переписываемо въ большомъ количествѣ экземпляровъ. Но уваженіе къ преданію не ослабѣвало въ ней. Въ собраніи каноническихъ книгъ Новаго завѣта, составленномъ ею, преданіе имѣло прочную основу, а наставники вѣры твердое руководство.

3. Церковное устройство.

Въ борьбѣ противъ еретиковъ пріобрѣтали опредѣлительность и правила церковнаго устройства. Въ общинахъ, основанныхъ апостолами, владычествовало, какъ мы видѣли, чувство братства всѣхъ вѣрующихъ, и каждый изъ нихъ служилъ общинѣ дарами, полученными имъ отъ Бога; для соблюденія порядка община избирала изъ своей среды пресвитеровъ («старѣйшинъ»), діаконовъ («служителей», то есть помощниковъ пресвитеровъ). По мѣрѣ того, какъ общины становились многочисленными, возникали другія должности; такъ напримѣръ «чтецъ» (lector) имѣлъ своею обязанностью хранить священныя книги и читать ихъ въ богослужебномъ собраніи общины; экзорцисты произносили при крещеніи тѣ молитвы, которыми отгонялись злые духи, аколуѳы и привратники были служители, исполнявшіе менѣе высокія обязанности. Пресвитеры назывались и епископами («надзирателями»); первоначально не было, кажется, точнаго различія между этими названіями; кажется, это были два имени для одной и той же должности; человѣкъ, занимавшій эту должность,

называлcя пресвитеромъ въ томъ смыслѣ, что онъ былъ глава общины, епископомъ въ томъ смыслѣ, что онъ наблюдалъ за ея дѣлами. Пресвитеры или епископы имѣли надзоръ за нравственностью вѣрующихъ, управляли богослуженіемъ, завѣдывали внѣшними дѣлами общины; діаконы, которыхъ было, обыкновенно, семь и, помощники ихъ, иподіаконы, управляли общиннымъ имуществомъ, завѣдывали пособіями бѣднымъ и попеченіемъ о больныхъ; имъ помогали женщины, называвшіяся діаконисами. Каждая община первоначально составляла особое цѣлое; связью между разными общинами была только одинаковость вѣры и любви къ Спасителю. Но при разрозненности общинъ та или другая изъ нихъ легко могла подвергнуться вліянію еретиковъ или, разсѣявшись во время гоненія, исчезнуть; потому церковь имѣла надобность объединяться и внѣшними связями и внутренними. Самымъ естественнымъ способомъ объединенія было то, что мелкія и новыя общины обращались за совѣтами къ болѣе старымъ и знаменитымъ, называвшимся апостольскими, и сообразовались съ ихъ ученіемъ, богослуженіемъ, устройствомъ, обычаями, какъ съ непарушимыми апостольскими учрежденіями. Такимъ образомъ у всѣхъ общинъ или по крайней мѣрѣ у большинства ихъ получали преобладаніе одинаковыя ученія и обычаи въ противоположность еретикамъ, ставившимъ свои личныя мнѣнія выше общаго христіанскаго ученія, изустно переданнаго апостолами первымъ епископамъ, а отъ этихъ епископовъ ихъ преемникамъ; этимъ способомъ установлялась и непрерывная одинаковость управленія общинами каѳолической (вселенской) церкви: епископы этой церкви были признаваемы за преемниковъ апостоловъ, и церковь учила, что на нихъ по преемству перешли дары божественной благодати, изліянной на апостоловъ.

Епископы.

Развитію этихъ понятій о церковномъ единствѣ содѣйствовало распространіе христіанства. При увеличеніи числа вѣрующихъ надобно было основывать новыя общины или въ томъ же городѣ, гдѣ уже существовала прежняя община, или въ его окрестностяхъ. Чтобы новая община была вѣрнымъ подобіемъ прежней, основывавшей ее, дѣломъ ея основанія завѣдывалъ пресвитеръ прежней церкви, пользовавшійся особеннымъ уваженіемъ по своимъ лѣтамъ и нравственнымъ достоинствамъ; онъ и послѣ того сохранялъ нѣкоторый авторитетъ въ ней, какъ ея „надзиратель“, епископъ. Обязанность епископа состояла въ завѣдываніи внѣшнимъ церковнымъ порядкомъ, богослуженіемъ, совершеніемъ таинствъ крещенія и причащенія, въ охраненіи ея отъ еретическихъ мнѣній; довѣріе къ правильности его ученія основывалось главнымъ образомъ на томъ, что онъ преемникъ апостола, основателя старшей общины, и на томъ, что эта община неизмѣнно сохранила апостольское преданіе. Въ церкви установилось вѣрованіе, что апостолъ, основатель общины, назначилъ одного изъ ея пресвитеровъ надзирателемъ ея, епископомъ, и посвятилъ его въ преемника себѣ чрезъ возложеніе рукъ, сообщившее ему благодать, а этотъ премникъ въ свою очередь посвятилъ преемника себѣ такъ же возло-

женіемъ рукъ, и это продолжалось по преемству въ слѣдующихъ поколѣніяхъ. Вѣрованіе христіанъ въ преемство даровъ Духа Святого епископами было очень сильною охраною церкви отъ еретическихъ ученій. Оно развилось рано, и потому съ очень ранняго времени епископство образуетъ особенный высшій санъ, различный отъ пресвитерства. Въ посланіяхъ, приписываемыхъ Игнатію антіохійскому, епископы уже рѣшительно поставлены выше пресвитеровъ, и духовная жизнь общинъ является находящейся въ полной зависимости отъ нихъ. Правда, впрочемъ, что именно это и заставляло издавна многихъ ученыхъ сомнѣваться въ подлинности посланій Игнатія: казалось, что въ такое раннее время не могло быть такого полнаго развитія епископской власти. Посланія, приписываемыя Игнатію имѣютъ важную черту сходства съ бесѣдами Климента (стран. 419); и въ тѣхъ, и въ другихъ основная мысль одна и та же: для спасенія вѣрующихъ и для блага церкви необходимо единство; представителями Христа, единаго главы церкви, служатъ епископы; кто отдѣляется отъ епископа, отпадаетъ отъ единства церкви, подвергаетъ себя всяческимъ заблужденіямъ и всякимъ опасностямъ грѣха; эта одинаковость мыслей тѣмъ замѣчательнѣй, что бесѣды Климента проникнуты духомъ посланій апостола Павла, а Игнатій, по церковному преданію, былъ преемникомъ апостола Петра и посланія его проникнуты духомъ іерусалимской общины.

Посланія Игнатія и бесѣды Климента.

По изложенію Баура, содержаніе ученія объ епископствѣ въ посланіяхъ Игнатія таково: «Епископы—представители и органы церковнаго единства, они, по благодати своего сана, непосредственные представители и органы Бога и Христа; въ каждой общинѣ черезъ посредство епископа дѣйствуетъ Христосъ. Итакъ, глава каждой общины Христосъ, руководящій дѣятельностью ея епископа. Такимъ образомъ всѣ общины тѣсно соединены между собою, но соединены только тѣ общины, которыя неуклонно повинуются своимъ епископамъ». Въ Бесѣдахъ Климента тѣ же мысли излагаются слѣдующимъ образомъ: «Церковь сравнивается съ кораблемъ, плывущимъ по бурному морю; на этомъ кораблѣ собраны люди всяческихъ странъ; господинъ его—Богъ, кормчій — Христосъ; дѣйствіями гребцовъ управляетъ, по распоряженіямъ кормчаго, епископъ; плывущіе на кораблѣ—христіане; они плывутъ къ желанной пристани вѣчнаго блаженства. Для церкви необходимо благоустройство. Оно возможно только подъ условіемъ единства власти. Обыкновенная причина войнъ та, что на землѣ много царей; а если бы на всей землѣ былъ только одинъ царь, то на ней былъ бы вѣчный миръ. Потому Богъ поставилъ единаго владыку Христа надъ тѣми людьми, которые соединятся въ вѣчной жизни».

Духовенство и міряне.

При возвышеніи власти епископовъ возвысилась и власть пресвитеровъ. Съ развитіемъ христіанскихъ общинъ стали необходимы для проповѣдыванія вѣры болѣе или менѣе обширныя свѣдѣнія, а для пріобрѣтенія ихъ надобно было долго учиться. Притомъ и количество занятій по завѣдыванію дѣлами общины увеличилось; потому образовалось особое сословіе священниковъ, имѣвшихъ своею профессіею исполненіе духовныхъ и церковныхъ обязанностей, заботу о паствѣ, о спасеніи вѣрующихъ. Во II вѣкѣ уже установилось понятіе о священникахъ, какъ о посредникахъ между Христомъ и своими общинами; проповѣдывать въ церкви и совершать богослуженіе было уже исключительнымъ правомъ священниковъ; но община избирала всю свою іерархію, имѣвшую три степени: епископовъ, пресви-

теровъ и діаконовъ. Понятіе о духовенствѣ, какъ объ особенномъ сословіи, вполнѣ развилось при борьбѣ церкви противъ гностиковъ и монтанистовъ; въ этой борьбѣ установилась идея о томъ, что церковные сановники, рукополагаемые при своемъ посвященіи, составляютъ сословіе, особенно близкое къ Богу—клиръ, между тѣмъ какъ остальные вѣрующіе только «міряне». Вмѣстѣ съ развитіемъ іерархіи шло объединеніе церкви, на Западѣ ходъ объединенія былъ быстрѣе, чѣмъ на Востокѣ, потому что римская община переносила на себя въ религіозныхъ дѣлахъ то значеніе, какое имѣлъ Римъ въ государствѣ, и епископъ ея присвоилъ себѣ власть надъ другими западными епископами. Много помогла развитію іерархіи на западѣ и энергія, съ какою Кипріанъ, епископъ карѳагенскій, защищалъ мысль объ епископской власти. Въ его сочиненіяхъ эта мысль получила полную разработку.

По ученію Кипріана, христіанская церковь получаетъ основанное на вѣрѣ въ Христа единство только черезъ подчиненіе епископской власти; только подъ управленіемъ епископовъ она можетъ обороняться отъ ересей и спастись отъ распаденія, быть вселенской церковью, отвергающей всякія односторонности, объединяющей всѣхъ истинно вѣрующихъ, непоколебимой и вѣчной. Кипріанъ училъ, что на епископовъ перешли всѣ права, которыя далъ Христосъ апостоламъ; перешла вся благодать, полученная отъ Христа апостолами; епископы—органы божественнаго духа, живущаго въ церкви; какъ апостолы вмѣстѣ съ благодатью получили отъ Христа власть прощать грѣхи, такъ и епископамъ принадлежитъ это право. Позднѣйшее ученіе римской церкви о «власти ключа», принадлежащей епископамъ вообще и въ частности римскому епископу, было развитіемъ ученія Кипріана.

Іерархія.

По мѣрѣ того, какъ упрочивалась мысль о власти епископовъ надъ церковью, духовенство выдѣлялось изъ массы вѣрующихъ, какъ особенное сословіе, и права общины переходили къ іерархіи; кончилось тѣмъ, что пресвитеровъ и діаконовъ стали назначать епископы; что духовенство сельскихъ общинъ было подчинено епископу городской общины; онъ сдѣлался главою церковнаго округа, эпархіи, а епископы второстепенныхъ городовъ провинціи стали въ свою очередь зависѣть отъ епископа главнаго города провинціи, отъ архіепископа или митрополита. Въ первое время христіанской церкви духовною ея столицею былъ Іерусалимъ, святой городъ; по его разрушеніи, сталъ присвоивать себѣ первенство епископъ города Рима, основывая свое притязаніе отчасти на томъ, что Римъ столица имперіи, отчасти на томъ, что преданіе приписывало основаніе римской церкви первенствующему апостолу, Петру. Но притязаніе римскаго епископа на первенство было признано только въ западной части государства, да и тамъ не безъ противорѣчій, какъ мы увидимъ ниже; на востокѣ наибольшимъ уваженіемъ пользовались церкви антіохійская и эфесская, какъ первыя, основанныя за предѣлами Палестины. Въ III вѣкѣ сравнялась съ ними своимъ значеніемъ александрійская,

благодаря своему ученому авторитету, а въ IV вѣкѣ Константинопольская, какъ столичная.

Соборы.

Стремленіе къ единству церкви, къ устраненію изъ нея всякихъ ересей имѣло своимъ результатомъ то, что составлялись соборы, и церковная дисциплина была подведена подъ прочныя правила. Естественно и необходимо было представителямъ вселенской церкви собираться на совѣщанія о вѣроученіи и о церковномъ устройствѣ, чтобы принимать рѣшенія, которыя были бы признаваемы всею церковью. Пока христіане находились подъ господствомъ язычниковъ, не довѣрявшихъ имъ, не возможно было устроивать соборы въ очень обширномъ размѣрѣ. Потому первые соборы были только областные. Такіе соборы происходили въ концѣ II и въ началѣ III вѣка въ Малой Азіи, для принятія единодушныхъ рѣшеній по спорамъ съ монтанистами и по вопросу о времени празднованія пасхи. Полнаго развитія система соборнаго управленія достигла при установленіи власти епископовъ надъ общинами: митрополиты совѣщались съ соборами епископовъ своего округа и принимали, по согласію съ ними, рѣшенія, имѣвшія законную силу для всѣхъ церквей округа. По ученію церкви, соборами епископовъ руководилъ Духъ Святой; въ особенности прочно установилось это вѣрованіе относительно вселенскихъ соборовъ. Соборъ апостоловъ, бывшій въ Іерусалимѣ, говорилъ о своихъ постановленіяхъ: «угодно Святому Духу и намъ» (Дѣян. Апост. XV, 28); областные соборы употребляли такія же выраженія; тѣмъ болѣе примѣнялось ко вселенскому собору вѣрованіе, что онъ принимаетъ свои рѣшенія подъ руководствомъ Духа Святого. Вселенскіе соборы начинаются съ того времени, какъ императоръ (Константинъ) сталъ покровителемъ христіанъ. Законодательная власть въ церкви принадлежала имъ. При спорахъ о догматахъ, ученіемъ вселенской церкви становилось то мнѣніе, которое было одобрено большинствомъ голосовъ на вселенскомъ соборѣ; оно обыкновенно высказывалось въ умѣренныхъ выраженіяхъ, чуждыхъ крайностямъ, въ которыя вдавались спорившіе между собою богословы; мнѣніе меньшинства было послѣ того признаваемо ересью; послѣдователи его покорялись ученію церкви и доказывали искренность свою покаяніемъ или исключались изъ вселенской церкви, и отвергнутое ею мнѣніе слабѣло, черезъ нѣсколько времени исчезало.

Отлученіе и покаяніе.

Отлученные отъ вселенской церкви за ошибочныя мнѣнія или за грѣхи могли примиряться съ церковью покаяніемъ. Были установлены правила этого покаянія. Оно было болѣе или менѣе продолжительно, имѣло разныя степени строгости. Тревога совѣсти, мучимой мыслью объ устраненіи отъ блаженства, получаемаго только принадлежащими къ церкви, заставляла людей исполнять даже и очень суровыя правила покаянія; было мало людей, которые не думали бы, что отвергнутый церковью отвергается и Богомъ. Во времена гоненій число павшихъ и желавшихъ примириться

съ церковью было велико, потому церковь находила надобнымъ облегчать для нихъ покаяніе; общины и епископы смягчали его для нихъ; часто это дѣлалось по ходатайству твердыхъ исповѣдниковъ Христа, выдержавшихъ мученія и просившихъ о снисхожденіи къ слабымъ.

Общій выводъ. Такимъ образомъ, въ первые три вѣка установилась власть духовенства, къ которому мало по малу перешло управленіе дѣлами церкви, первоначально принадлежавшее общинамъ. Ко времени Константина уже совершенно прочно установилось то устройство, что власть въ церкви принадлежитъ духовенству, что міряне должны подчиняться ему въ дѣлахъ вѣры; что оно одно совершаетъ богослуженіе, что не повинующіеся ему должны быть отлучаемы отъ церкви.

Начало монашества. Межъ тѣмъ какъ церковь вырабатывала себѣ іерархическую организацію, возникли зародыши той формы религіозной жизни, которая сильно содѣйствовала впослѣдствіи распространенію христіанства между новыми народами. Склонность къ отреченію отъ мірской жизни, къ отшельничеству, издавна существовавшая у восточныхъ народовъ, получила болѣе широкое развитіе у христіанъ. Въ борьбѣ съ роскошнымъ, сладострастнымъ язычествомъ возникло у нихъ грустное понятіе о мірской жизни. Земля была, по мнѣнію многихъ христіанъ, юдолью плача. У ревностнѣйшихъ послѣдователей Христа было сильное влеченіе къ небесному царству. Терпѣніе, презрѣніе къ смерти, любовь къ врагамъ были признаками искреннихъ христіанъ. Развитію склонности къ отреченію отъ земныхъ благъ содѣйствовало суровое ученіе такихъ наставниковъ какъ Тертулліанъ и Кипріанъ, осуждавшее всѣ земныя наслажденія, даже и тѣ, которыя доставляетъ наука или искусство. Были христіане, воздерживавшіеся отъ вина, отъ мяса; секта энкратитовъ даже въ причащеніи употребляла вмѣсто вина воду. Особенно полезнымъ для спасенія души считался обѣтъ вѣчнаго цѣломудрія. Во времена преслѣдованій эта строгая нравственность пріобрѣтала очень большую силу и, у нѣкоторыхъ вѣрующихъ, доходила до аскетизма.

Павелъ 235—340. Нѣчто, подобное монашеству, встрѣчается еще до христіанства на Востокѣ, между прочимъ и въ Египтѣ, гдѣ возникло христіанское монашество. Съ конца IV вѣка является множество сказаній о подвигахъ отшельниковъ и объ основаніи монастырей. По этимъ легендамъ, основаніе монашеству было положено слѣдующимъ образомъ: при Деціѣ Павелъ удалился въ Ѳиванскую пустыню и прожилъ 90 лѣтъ въ пещерѣ, близъ которой были источникъ воды и пальмовое дерево, дававшее ему пищу и одежду. Такую же отшельническую жизнь избралъ молодой египтянинъ Антоній.

Антоній 251—350. Онъ рано остался сиротою; господинъ себѣ, человѣкъ богатый, онъ услышалъ, однажды, въ церкви чтеніе словъ Христа богатому юношѣ: „Все, что имѣешь, продай и раздай нищимъ“ (Лука XVIII, 22). Онъ почувствовалъ, что это повелѣніе относится и къ нему; человѣкъ твердой воли и пламенной вѣры, онъ, 20-лѣтній юноша, роздалъ свое имущество бѣднымъ, надѣлъ власяницу и удалился въ пустыню. Онъ жилъ сначала въ гробницѣ, потомъ въ полуразвалившемся укрѣпленіи на горѣ; два раза въ годъ его друзья приносили ему хлѣбъ, и онъ мужественно выносилъ борьбу съ своими желаніями и съ демонами, искушавшими его. Когда настало гоненіе на христіанъ (послѣднее гоненіе), онъ покинулъ пустыню и пошелъ въ Александрію, помогалъ христіанамъ, заключеннымъ въ темницу, ободрялъ ихъ. Исполнивъ эту обязанность служенія людямъ, онъ возвратился въ пустыню, сопровождаемый учениками, избравшими, подобно ему, жизнь въ бѣдности и воздержаніи. Онъ проводилъ въ молитвѣ цѣлыя ночи, ѣлъ только хлѣбъ, часто не вкушалъ пищи по два дня. Онъ былъ врачомъ души и тѣла: исцѣлялъ больныхъ, утѣшалъ страждующихъ, примирялъ враждующихъ. Онъ посѣтилъ Павла передъ его кончиной, потомъ ушелъ еще дальше въ пустыню и скончался тамъ въ возрастѣ 105 лѣтъ, чтимый за святость своей жизни.

Антоній былъ, по церковному преданію, основателемъ собственно такъ называемаго монашества въ томъ смыслѣ, какой получило слово монахъ съ его времени. Первоначально монахами назывались отшельники, жившіе въ уединеніи, анахореты, пустынники; Антоній собралъ нѣкоторыхъ пустынниковъ въ одно поселеніе, такъ что они стали жить вмѣстѣ; правилами жизни онъ поставилъ для нихъ молитву и физическій трудъ. Дальнѣйшій шагъ былъ сдѣланъ его ученикомъ Пахоміемъ, который ввелъ обычай окружать поселеніе монаховъ стѣною, устроилъ первый монастырь въ нынѣшнемъ смыслѣ слова и далъ живущимъ въ монастырѣ подробныя, точныя правила жизни. Монахи его монастыря пріобрѣтали трудомъ своихъ рукъ насущный хлѣбъ себѣ и средства для пособія бѣднымъ, давали обѣтъ бѣдности, цѣломудрія и послушанія. Черезъ нѣсколько времени возникли и женскіе монастыри, въ которыхъ монахини жили по тѣмъ же правиламъ.

4. Германцы.

Германскія племена, сохранявшія въ своихъ лѣсахъ чистые нравы и воспріимчивость къ возвышеннымъ идеямъ, остававшіяся чуждыми разврату и раболѣпству римскаго міра, были предназначены получить нетлѣнное сокровище христіанской образованности и нравственности; они были новый мѣхъ, въ который влилось новое вино, разорвавшее старый мѣхъ; германцы и галлы составляли то войско, съ которымъ побѣдилъ Константинъ подъ знаменіемъ креста; потому здѣсь умѣстно будетъ сдѣлать обзоръ германской страны и перемѣнъ, происшедшихъ въ жизни германцевъ съ той поры, когда бились они съ римлянами на Липпе и на Везерѣ за свою свободу.

Въ характерѣ германцевъ издавна была склонность дѣлиться на

племена и соединяться въ свободные союзы племенъ, на точныхъ условіяхъ договора; сильнѣйшее изъ племенъ, соединявшихся въ союзъ, управляло его дѣлами и давало ему свое имя. Мы уже видѣли такіе союзы при первыхъ столкновеніяхъ римлянъ съ германцами; но во II и III столѣтіяхъ нашей эры болѣе прежняго проявилось у германцевъ влеченіе образовать союзы для болѣе успѣшнаго сопротивленія римскимъ завоеваніямъ. Въ великой маркоманской войнѣ, которую вели Маркъ Аврелій и Коммодъ на берегахъ Дуная, очевидно, дѣйствовали союзы германскихъ и сарматскихъ племенъ (стр. 311). Оружіе римлянъ, при содѣйствіи политическаго искусства, раздробило тогда эти союзы, ослабило силу враговъ заключеніемъ договоровъ съ отдѣльными племенами. Разъединенію помогло то, что язиги, люди сарматской (славянской) народности, отличались отъ германскихъ своихъ союзниковъ, маркомановъ и квадовъ, языкомъ, общественнымъ устройствомъ и образомъ жизни; единодушіе между ними не могло быть прочно. Черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ мы видимъ во всѣхъ частяхъ германской страны новые союзы племенъ подъ новыми именами; но не имѣемъ достовѣрныхъ свѣдѣній объ ихъ возникновеніи; мы знаемъ только ихъ дѣйствія и ихъ имена по разсказамъ древнихъ писателей объ ихъ вторженіяхъ въ пограничныя области римской имперіи, о борьбѣ императоровъ и полководцевъ съ ними на Рейнѣ и на Дунаѣ. Имена этихъ союзовъ новые ученые считаютъ военными прозвищами, произведенными отъ названій оружія. Падавшая римская имперія, поддерживаемая только мечомъ легіоновъ, представляла для молодыхъ отважныхъ племенъ заманчивую добычу, и у нихъ естественно явилась мысль достичь соединенными силами того, чего не могли пріобрѣсти ихъ племена порознь. Какъ бы то ни было, но достовѣрно то, что въ III и IV вѣкахъ мелкія племена, родственныя или сосѣднія между собою, слились въ большіе народы и что дѣла, измѣнившія ходъ исторіи человѣчества, были совершены союзами племенъ. Быть можетъ, образованію этихъ союзовъ содѣйствовалъ старинный германскій обычай, по которому къ военачальникамъ или военнымъ царямъ, знаменитымъ знатностью, мужествомъ и подвигами, собирались ихъ соплеменники и составляли ихъ дружины, а къ этимъ дружинамъ присоединялись храбрые люди другихъ племенъ (стр. 124). Такими дружинами въ послѣдствіи времени были основаны государства въ римскихъ провинціяхъ; быть можетъ, и теперь племенные союзы группировались около дружинъ. Но сначала они были только внѣшними товариществами для общихъ военныхъ предпріятій, не касались внутренняго быта племенъ, оставляли ихъ независимыми другъ отъ друга. Долго племена остаются самостоятельными членами союза, имѣющими особыхъ военачальниковъ (герцоговъ) или королей, и подчиняются общему предводителю только въ походахъ. Въ тотъ періодъ, который называется временемъ переселенія народовъ, нѣко-

торые союзы были приняты въ составъ римскаго государства; эти германцы, называвшіеся у римлянъ foederati (союзники), были присоединяемы къ пограничнымъ легіонамъ, или получали округи для поселенія себѣ съ семействами въ римскихъ провинціяхъ.

Франки.

1. Франки. Племена, жившія по нижнему Рейну, по Везеру и у Гарца и храбро сражавшіяся съ Друзомъ и Германикомъ, сигамбры, хамавы, хатты, аттуарійцы (жившіе на Липпе), тубанты (въ графствѣ Маркскомъ), вѣроятно, и бруктеры, соединились въ союзъ и приняли общее почетное имя франковъ („свободныхъ“); подъ этимъ прозваніемъ скрылись имена отдѣльныхъ племенъ, но сами племена остались на нѣкоторое время самостоятельными. „Главныя племена франкскаго союза, сигамбры и хатты“, говоритъ Цейсъ: „называются съ половины III вѣка общимъ именемъ франковъ, но они долго дѣйствуютъ по прежнему, какъ разные народы; они только имѣютъ общее имя и непреодолимое влеченіе грабить римскія области и овладѣвать ими“. Сигамбры, въ соединеніи съ хамавами, образуютъ главную массу нижнерейнскихъ франковъ; эти франки жили на рѣкѣ Исалѣ (Эйсселю) и по имени ея стали называться салійцами или салійскими франками; центрами ихъ земли были мѣстности по Эйсселю и по Гаму; впослѣдствіи, при Хлодіонѣ и Меровеѣ, они завоевали сѣверо-западную часть Галліи. Верхнерейнскіе франки или рипуаріи (жители берега Рейна) жили на правомъ берегу этой рѣки отъ Кельна до Майнца; впослѣдствіи постепенно завоевали области и на лѣвомъ берегу Рейна по Мозелю до Мааса. Тѣ изъ нихъ, которые остались на родинѣ за Рейномъ, распространились со временемъ за Майнъ и подъ именами франковъ и гессенцевъ (гессовъ) овладѣли землями по Регницу, Веррѣ и Фульдѣ. Главнымъ племенемъ этой группы франковъ были хатты. Многіе филологи производятъ имя франковъ отъ главнаго оружія ихъ, называвшагося франкой или франкиской (римляне называютъ франку framea). По соображеніямъ общей выгоды, они установили общіе законы, основанные на договорахъ и постепенно вкоренившіеся въ ихъ привычки. Они дѣлились на округи (gau), выбирали на народныхъ собраніяхъ своихъ „королей“ изъ знатнѣйшаго рода, носившаго въ отличіе отъ остальныхъ франковъ длинные волосы. Тѣснимые съ востока саксонцами, они перешли Рейнъ и долгими войнами отняли у римлянъ бельгійскую Галлію, болотистыя низменности которой, трудно доступныя для враговъ, служили безопаснымъ жилищемъ для нихъ; при удобныхъ случаяхъ они ходили оттуда на новыя завоеванія. Въ III вѣкѣ франки сдѣлали отважный набѣгъ съ устій Рейна черезъ всю Галлію въ Испанію и вернулись съ богатою добычей. Нѣкоторыя племена франковъ служили римлянамъ какъ foederati, союзники, другія находились подъ римской властью, нѣкоторыя жили въ полной независимости; во времена паденія римской имперіи они раздвигались далѣе на югъ, отчасти по влеченію завладѣть плодоносными малонаселенными землями, отчасти потому, что ихъ тѣснили другія племена, жившія за ними или нападавшія на нихъ съ моря. Оружіемъ франковъ были копье и франка, нѣчто въ родѣ короткаго дротика съ длиннымъ ножомъ или широкаго меча на длинной рукояткѣ. Они были народъ храбрый и хитрый. Выраженіями этихъ качествъ служатъ сказка о похожденіяхъ лисицы (Рейнеке Фукса, какъ называется эта лисица на нынѣшнемъ нѣмецкомъ языкѣ) и легенда о Зигфридѣ и Нибелунгахъ; и тотъ и другой разсказъ первоначально принадлежали салійскимъ франкамъ. Болѣе столѣтія франки были опустошителями Галліи, наконецъ овладѣли

ею. Ихъ сѣверные сосѣди, фризы, остались въ своей родинѣ на берегу Нѣмецкаго моря и очень долго сохраняли свои старинные обычаи.

Саксы. **2. Саксы.** На сѣверѣ отъ Гарца, между Эльбой, Эйдеромъ и Эмсомъ, возникъ союзъ саксовъ, составившiйся изъ соединенiя херусковъ, хавковъ, ангриваровъ, нордальбингцевъ и нѣкоторыхъ другихъ менѣе значительныхъ племенъ. Нордальбингцами назывались племена, жившiя на сѣверъ отъ нижней Эльбы: англы, саксоны или старосаксы, стормары. Главнымъ племенемъ саксонскаго союза, очевидно, были херуски, имѣвшiе право на первенство по своей прежней силѣ и славѣ. Впослѣдствiи саксы дѣлились на три группы: остфалы были, безъ сомнѣнiя, прежнiе херуски; вестфалы—прежнiе хавки, ангары или энгры—прежнiе ангровары. На югъ отъ саксовъ по Салѣ и Веррѣ до Гарца жили тюринги, произошедшiе, вѣроятно, изъ соединенiя части херусковъ съ гермундурами. Витехиндъ говоритъ, что названiе „саксы“ произошло отъ остроконечнаго ножа, называвшагося сагсомъ, sahs; этимъ оружiемъ саксы вѣроломно перекололи тюринговъ, заманивъ ихъ на мирное свиданiе, и овладѣли ихъ землею. Если дѣйствительно саксы получили свое имя отъ этого злодѣйскаго коварства, то впослѣдствiи загладили его стыдъ храбростью, вѣрностью слову, хорошими нравами. Гриммъ говоритъ: когда франкскiя племена все въ большемъ и большемъ числѣ переселялись съ нижняго Рейна въ Галлiю, саксы стали подвигаться массою на западъ, и нѣкоторые отдѣлы ихъ перешли съ франками за Рейнъ, а другiе плавали моремъ на западъ и овладѣвали нѣкоторыми мѣстностями бельгiйскаго или галльскаго приморья. Моремъ плавали въ Галлiю, вѣроятно, сѣверо-западные саксы, которые впослѣдствiи славились, какъ отважные моряки, плавали вдоль береговъ и селились, гдѣ понравится имъ. Мы будемъ разсказывать о сухопутныхъ и морскихъ набѣгахъ саксовъ, бывшихъ предшественниками норманновъ въ дѣлѣ морского разбоя; мы увидимъ, что они грабили прибрежье Нѣмецкаго моря и Британскаго пролива, были ужасомъ и римлянъ и провинцiаловъ тѣхъ мѣстностей. На войнѣ ими предводительствовалъ военачальникъ (герцогъ), избираемый народнымъ собранiемъ, внутренними дѣлами управляли областные судьи (графы). Саксы распространили свое нарѣчiе и свои нравы по всей сѣверной Германiи; изъ всѣхъ германцевъ они были самыми твердыми хранителями старинныхъ привычекъ.

Алеманны. **3. Алеманны.** Плодородная равнина по верхнему и среднему Рейну до Лана, горная страна Шварцвальда, изъ которой текутъ Дунай и Некаръ, горныя страны Оденвальда и Вогезовъ были мало по малу заняты союзомъ алеманновъ, „всякихъ людей“, составившимся изъ германцевъ разнаго происхожденiя, и главнымъ образомъ, не изъ цѣлыхъ племенъ, а изъ дружинъ; большинство алеманновъ были свевы; свевскаго происхожденiя были напримѣръ ютунги. Ютунги. Неукротимая отвага алеманновъ дѣлала много заботъ римлянамъ и сколько разъ ни разбивали ихъ римскiя войска, они возобновляли свои нападенiя съ новой энергiей. Центромъ, около котораго сгруппировался союзъ алеманновъ, были, вѣроятно, племена тенктеровъ и узипетовъ. Первоначально алеманны жили по Некару и между Майномъ и Дунаемъ; тѣснимые бургундами, они стали прорываться черезъ линiю римскихъ окоповъ Декуматской области, заняли эту землю, лежавшую по верховью Рейна и кругомъ Боденскаго озера; когда римская имперiя еще болѣе ослабѣла, они овладѣли и землею по западному берегу Рейна и назвали ее Ализасомъ (Эльзасомъ) „чужимъ поселенiемъ“, потому что она была отнята ими у чужеземцевъ. Потомки вангiоновъ, неметовъ, трибоковъ и другихъ нѣмецкихъ племенъ, жившихъ около Вормса, Шпейера, Страсбурга и давно принявшихъ римскую культуру, вѣроятно, были приняты въ

алеманскiй союзъ, какъ и потомки кельтовъ, жившiе въ Декуматской области. Восточными сосѣдями алеманновъ были пришедшiе съ сѣвера швабы, Швабы. племя свевскаго происхожденiя; впослѣдствiи они вступили въ союзъ съ алеманнами. На сѣверѣ отъ швабовъ по Майну жили бургунды (бургундiоны), Бургунды. которые, слѣдуя общему движенiю германцевъ, покинули свою прежнюю область, лежавшую на Одерѣ, и подошли къ цѣли общихъ германскихъ желанiй, римской землѣ. „Алеманны и швабы, многочисленныя племена“, говоритъ Цейсъ, „являются союзниками между собою съ той самой поры, какъ мы видимъ ихъ живущими въ сосѣдствѣ между собою; никакой опредѣленной границы между ними нельзя найдти ни въ какую эпоху; можно только сказать, что швабы жили на востокѣ, алеманны ближе къ Рейну. Они какъ будто одинъ народъ; швабы это—ютунги, племя нижненѣмецкаго происхожденiя; но кажется, что они въ своемъ союзѣ съ алеманнами рано передѣлали свое нижненѣмецкое нарѣчiе въ верхненѣмецкое“. Первое столкновенiе алеманновъ съ римлянами было при Каракаллѣ; впослѣдствiи они овладѣли Рецiею и дѣлали оттуда набѣги на Сѣверную Италiю.

4. Готы. При Каракаллѣ, когда римляне въ первый разъ услышали имя алеманновъ, привыкли они слышать имя другого германскаго племени, Готы и родственныя съ ними племена. готовъ, о которыхъ очень много думать пришлось имъ впослѣдствiи. Страна отъ Эльбы до Вислы, отъ Балтiйскаго моря до Карпатовъ, была покинута своими прежними жителями, многочисленными германскими племенами; они пошли искать себѣ новаго отечества далеко отъ родины; долго боролись они съ римской имперiю, разрушили ее, но и сами исчезли между чужими народами. Это передвиженiе племенъ съ низовья Вислы и съ южнаго берега Балтiйскаго моря на обширную равнину, разстилающуюся къ югу и востоку отъ Карпатовъ до устiй Дуная и сѣвернаго берега Понта, произошло, вѣроятно, въ тѣ годы, когда Маркъ Аврелiй воевалъ съ маркоманами и, вѣроятно, было произведено готами, многочисленнымъ и храбрымъ народомъ, который, по старинному народному преданiю, переплылъ въ Германiю съ острова Сканзiи (Скандинавiи). Готы заняли земли, гдѣ прежде жили геты и скиѳы; они присоединили къ себѣ отчасти мирными договорами, отчасти оружiемъ сосѣднiя германскiя и сарматскiя племена и раздвинулись очень далеко на востокъ; первоначально восточною границей ихъ была рѣка Прутъ, но въ IV вѣкѣ готское царство простиралось отъ Тисы до Дона и отъ устiй Дуная и береговъ Понта далеко за Карпаты: эстiи (эсты), жившiе у Балтiйскаго моря, были данниками готовъ; такимъ образомъ готское царство охватывало тѣ обширныя степи, жители которыхъ назывались у грековъ скиѳами (II, 413 слѣд.); древнiе писатели часто переносятъ имя скиѳовъ и на новыхъ владѣтелей этой страны, на германцевъ готовъ. Къ этому восточному союзу готовъ принадлежали многiя германскiя племена или части племенъ, жившiя подъ управленiемъ племенныхъ королей, областныхъ графовъ и родоначальниковъ; сначала ихъ племенныя имена закрывались общимъ союзнымъ названiемъ готовъ; но когда между ними связь распалась, они стали дѣйствовать подъ своими особенными именами, и нѣкоторыя изъ нихъ прiобрѣли большую военную знаменитость. Къ числу этихъ племенъ принадлежали герулы, тайфалы, ругiйцы, скиры, туркилинги, вандалы, гепиды; вѣроятно, также бастарны и певкины, жившiе на сѣверѣ отъ устiй Дуная, а впослѣдствiи переселенные римлянами на южный берегъ его. Готскiя племена шли въ походы не дружинами, а цѣлыми переселяющимися племенами съ женами и дѣтьми; везли съ собою на телѣгахъ и шатры, домашнiя вещи, святыни. Нѣкоторые отдѣлы ихъ, вѣроятно, уходили отъ

своихъ племенъ и соединялись съ другими, образуя новыя племена. Уже во II вѣкѣ готы и родственныя имъ племена, между которыми особенно отличались грубостью, отвагой и военной ловкостью герулы, предпринимали водою и сухимъ путемъ хищническія вторженія въ римскую имперію. Это съ нѣкоторыми перерывами длилось до IV вѣка. Они ушли на югъ съ Балтійскаго моря, Одера и Вислы, вѣроятно, по влеченію завладѣть лучшими землями и потому, что имъ было тѣсно въ своей землѣ; вѣроятно и потому, что иноплеменные сосѣди тѣснили ихъ съ тыла. Намъ придется много говорить объ опустошительныхъ набѣгахъ готовъ на римскія владѣнія, о томъ, какъ они грабили или разрушали греческіе города на Черномъ морѣ и на Пропонтидѣ отъ Питиунта и Трапезунта до Никомедіи, Византіи, Халкедона и отъ Геллеспонта до Эфеса, Ѳессалоники, прибрежные города и острова Эгейскаго моря; придется много говорить о тяжкихъ войнахъ и о мирныхъ договорахъ, которыми римскіе императоры останавливали эти опустошенія, принуждая страшныхъ враговъ силою оружія къ тому, чтобъ они оставили въ покоѣ дунайскія области государства, или склоняя ихъ къ миролюбію подарками, единовременными и ежегодными. Когда Авреліанъ покинулъ задунайскія завоеванія Траяна, прежняя римская провинція Дакія досталась готамъ. Прежде тутъ жили геты, о которыхъ упоминаетъ еще Геродотъ (II, 419). Этимъ объясняется ошибка греческихъ и римскихъ писателей, полагавшихъ, что готы, жившіе на мѣстѣ гетовъ, были потомки ихъ. Эту ошибку раздѣляютъ и нѣкоторые новые ученые. У самихъ готовъ въ послѣдствіи времени возникло мнѣніе, что ихъ предки съ давнихъ вѣковъ жили въ Дакіи, приняли вѣроученіе Замолксиса и воевали съ Даріемъ. Въ IV вѣкѣ Днѣпръ (Борисѳенъ) былъ границею между западными готами (тервингами), и восточными (грейтунгами). Западные готы (вестготы) жили въ обильныхъ лугами земляхъ между низовьемъ Дуная и Карпатами (въ Трансильваніи, Молдавіи и Валахіи) и на южно-русской равнинѣ; восточные готы (остготы) въ песчанистыхъ степяхъ на сѣверъ отъ Меотиды. Западные готы дѣлились на нѣсколько племенъ, но все повиновались королю, избираемому изъ рода Балтовъ („храбрыхъ"). Былъ общій король и у восточныхъ готовъ; они избирали его изъ рода Амаловъ или амелунговъ (безупречныхъ или, по мнѣнію Феликса Дана, неутомимыхъ героевъ; у готовъ была аристократія, высшій разрядъ свободныхъ людей *). Готы имѣли живой характеръ, были воспріимчивы къ мягкимъ нравамъ и образованности, потому со времени Константина пользовались уваженіемъ въ восточномъ римскомъ царствѣ; были вѣрными союзниками его. Къ нимъ рано проникло христіанство, у нихъ явились писанные законы, явились образованные люди. Готское племя имѣло множество пѣсенъ и раньше всѣхъ другихъ германцевъ стало писать на своемъ языкѣ. Около половины IV вѣка епископъ Ульфила (Вульфила, 318—388), происходившій изъ семейства, взятаго въ плѣнъ эстами въ Малой Азіи, составилъ готскій алфавитъ на основаніи грече-

Геты.

*) О томъ, что у готовъ были короли, говоритъ Кассіодоръ; но, по мнѣнію Зибеля, онъ называетъ королями старшинъ округовъ или племенъ, на которыя дѣлился народъ. Это были не короли всего народа, а тѣ вельможи или старшины, которыхъ Тацитъ называетъ principes или proceres; Зибель полагаетъ, что первымъ королемъ остготовъ сталъ Теодерихъ: готскіе племенные союзы были раздроблены нашествіемъ гунновъ; готы бѣжали разрозненными толпами въ римскія владѣнія или въ горы и пустыни; нѣсколько десятковъ лѣтъ вели странствующую военную жизнь, забыли племенныя связи; только по этому, какъ полагаетъ Зибель, могли всѣ они признать власть Теодериха.

скаго съ прибавленіемъ знаковъ, заимствованныхъ изъ рунъ, и перевелъ на готскій языкъ почти все священное писаніе, не успѣлъ перевести только двѣ послѣднія книги царствъ; значительные отрывки этого перевода сохранились; это древнѣйшій памятникъ германскаго языка. Христіанство скоро распространилось у готовъ; они приняли его отъ аріанскихъ проповѣдниковъ и остались аріанами.

Свевы.

Приняли участіе въ передвиженіи германскихъ племенъ и свевы, которыхъ въ давнія времена римляне считали, по слухамъ, самыми страшными изъ германцевъ. Первоначально жили они между Эльбою и Одеромъ и на своихъ праздникахъ въ лѣсахъ приносили въ жертву людей. Нѣкотовыя племена свевскаго союза примкнули къ другимъ германцамъ, нападавшимъ на римскія владѣнія; нѣкоторыя другія основали свои особыя государства, какъ напримѣръ бургунды, поселившіеся на востокѣ отъ алеманновъ, и лангобарды, поселившіеся на низовьѣ Эльбы; покинули родину и семноны, пошли подъ старымъ союзнымъ именемъ свевовъ искать себѣ доли въ добычѣ. „То племя, которое въ эпоху переселенія народовъ называется свевами, было лишь одно изъ племенъ, называвшихся прежде этимъ общимъ именемъ, племя семноновъ"; говоритъ Цейсъ: „когда германцы стали сильно нападать на Италію, семноны подъ именемъ свевовъ пошли вмѣстѣ съ вандалами и аланами на западъ". Послѣ долгихъ странствованій они поселились наконецъ въ сѣверо-западной части Пиренейскаго полуострова.

Лангобарды.

Аланы и сарматы.

На востокъ отъ Кавказа и по Волгѣ кочевали аланы, воинственные пастухи стройнаго тѣлосложенія, люди съ русыми волосами. За ними въ невѣдомыхъ областяхъ нынѣшней Россіи кочевали многочисленныя племена сарматовъ, ежегодно переходившія, по обычаю прежнихъ скиѳовъ, съ лѣтнихъ пастбищъ на зимнія. Пастушество, охота и хищническіе набѣги были единственными занятіями этихъ искусныхъ наѣздниковъ, одѣтыхъ въ чешуйчатыя кожаныя латы; оружіемъ ихъ были копья и стрѣлы. Они возили съ собою женъ, дѣтей и имущество на большихъ телѣгахъ, покрытыхъ навѣсами въ родѣ шатровъ и запряженныхъ волами. На ихъ стоянкахъ эти кибитки образовали нѣчто, подобное городу изъ шатровъ; при сраженіяхъ они ставили кибитки кольцомъ въ родѣ укрѣпленнаго стана. Когда они вторгались изъ своихъ степей въ римскія владѣнія, они ужасали цивилизованныхъ людей уже и однимъ своимъ страшнымъ видомъ: у нихъ были нечесанные длинные волосы и бороды, выраженіе лица ихъ было дикое, свирѣпое, они завертывались въ шкуры.

V. Полное развитіе военнаго деспотизма.

1. Коммодъ и его преемники.

Коммодъ 180—192. (933—945).

Въ разсказѣ о римской исторіи мы остановились на томъ критическомъ времени, когда благородный государь умеръ далеко отъ столицы и на престолъ вступилъ девятнадцати-лѣтній юноша слабаго, не самостоятельнаго ума и трусливаго характера. Почти цѣлое столѣтіе Римомъ правили превосходные императоры, получавшіе престолъ по усыновленію. Этотъ способъ передачи власти давалъ такіе хорошіе результаты, что должно удивляться, какъ могъ отступить отъ него Маркъ Аврелій, усердно заботившійся о благѣ государства. Это было новымъ доказательствомъ, что школьныя занятія отнимали у него способность правильно понимать дѣйствительную жизнь и вѣрно судить о людяхъ. Онъ думалъ, что ученье и примѣръ сильнѣе врожденныхъ качествъ, а между тѣмъ образъ жизни Фавстины, матери его сына, показывалъ ему, что страсти имѣютъ надъ людьми чувственными больше силы, чѣмъ разумныя и добродѣтельныя внушенія. Но онъ или не видѣлъ, или не хотѣлъ видѣть легкомыслія жены; такъ не замѣчалъ онъ и пошлости своего сына, не способнаго къ благороднымъ чувствамъ. Если бы замѣчалъ, то, вѣроятно, не далъ бы участія въ императорской власти безразсудному юношѣ, болѣе походившему на свою развратную мать, чѣмъ на философа отца, не освободилъ бы его отъ всякаго подчиненія разумнымъ требованіямъ, давъ ему неограниченную власть.

Начало правленія.

Молодой императоръ, возстановивъ миръ на Дунаѣ, вернулся въ Римъ. Онъ былъ встрѣченъ восторженными привѣтствіями войска и народа *). Онъ былъ стройный человѣкъ высокаго роста, красавецъ

*) Геродіанъ I, 7. «Когда Коммодъ приближался къ столицѣ, весь сенатъ, вся масса населенія бросились на встрѣчу ему; каждый хотѣлъ первый поднести ему лавровый

лицомъ, былъ одаренъ очень большою физическою силой, и былъ первый «порфирородный» (porphyrogenitus) императоръ: Маркъ Аврелій былъ уже государемъ, когда родился онъ. Въ первые три года Коммодъ сохранилъ свои руки не обагренными въ крови, потому что отъ природы былъ не столько золъ, сколько слабъ и боязливъ, и въ началѣ слушался благоразумныхъ совѣтниковъ, которыми окружилъ его отецъ. Когда они были вытѣснены товарищами его разврата, и новые совѣтники, воспользовавшись опасностью, какой подвергся онъ, овладѣли его довѣріемъ; онъ сталъ дѣйствовать жестоко и, привыкая въ распутствѣ къ свирѣпости, дошелъ до кровожадности. Въ началѣ своего правленія онъ отвергъ предателя, хотѣвшаго купить себѣ безнаказанность доносомъ на соумышленниковъ: секретарь и повѣренный всѣхъ тайнъ Авидія Кассія (стр. 312, слѣд.), просилъ свиданія съ императоромъ; Коммодъ не допустилъ его къ себѣ и, не читая, сжегъ документы, выданные имъ. Но впослѣдствіи Коммодъ такъ поощрялъ доносы и шпіонства, что въ Римѣ исчезло довѣріе между людьми, стали владычествовать подозрительность и ужасъ, замерли послѣдніе остатки гражданскихъ доблестей.

Попытка убійства 183.

Несчастный случай, который произвелъ гибельную перемѣну въ образѣ дѣйствій Коммода, былъ слѣдующій: однажды вечеромъ императоръ шелъ изъ амфитеатра; въ темномъ, узкомъ портикѣ убійца, подстерегавшій его, бросился на него съ обнаженнымъ мечомъ, воскликнувъ: „Это посылаетъ тебѣ сенатъ!“ Прежде, чѣмъ убійца могъ нанести ударъ, онъ былъ схваченъ тѣлохранителями, онъ сознался, что былъ подосланъ убить императора его сестрою Луциллою. Она была замужемъ за Луціемъ Веромъ, а по его смерти вышла за мужъ за сенатора Клавдія Помпеяна. Она была не довольна тѣмъ, что занимаетъ не первое, а второе мѣсто во дворцѣ, завидовала императрицѣ. Ея второй мужъ былъ человѣкъ превосходный, непоколебимо вѣрный обязанностямъ, и она не открыла ему своего замысла; она вела такой же образъ жизни, какъ ея мать, имѣла много любовниковъ, и между ними нашлись раззорившіеся честолюбцы, готовые служить орудіями ея властолюбія. Соучастники заговора были наказаны смертью; Луцилла была сначала сослана, потомъ казнена.

Свирѣпости Коммода.

Этотъ случай произвелъ неизгладимое впечатлѣніе на робкаго и подозрительнаго Коммода. Въ его ушахъ постоянно звенѣли слова, сказанныя убійцей, и онъ видѣлъ смертельныхъ враговъ во всѣхъ сенаторахъ, во всѣхъ людяхъ, возвышавшихся надъ толпою знатностью или богатствомъ. Доносчики, почти совершенно исчезнувшіе

вѣнокъ и цвѣты, какіе были въ ту пору года; все это множество людей вышло далеко за городъ привѣтствовать молодого императора, происходившаго отъ такого знаменитаго рода; римляне отъ искренней души любили его, потому что онъ родился и выросъ между ними, имѣлъ своими предками три поколѣнія императоровъ и былъ римляниномъ очень знатной фамиліи».

изъ Рима при Антонинѣ Піѣ и Маркѣ Аврелiѣ, снова занялись своимъ ремесломъ, запугивали трусливаго императора выдуманными опасностями и заговорами, преслѣдовали фальшивыми обвиненіями всѣхъ уважаемыхъ обществомъ людей. Все, что даетъ почетное положеніе въ обществѣ, было преступленіемъ. Богатство возбуждало усердіе доносчиковъ, потому что часть добычи доставалась имъ; честная жизнь была нѣмымъ порицаніемъ разврата Коммода; заслуги, оказанныя государству, были доказательствами ума и энергіи, опасныхъ императору; кто пользовался довѣріемъ отца, тѣ всѣ были ненавистны сыну. Подозрѣніе равнялось уликѣ, обвиненіе было осужденіемъ на смерть. Казнь вліятельнаго сенатора вела къ надобности казнить всѣхъ, жалѣвшихъ о немъ: они могли пожелать отмстить за него. Разъ отвѣдавъ человѣческой крови, Коммодъ уже не зналъ ни состраданія, ни раскаянія.

Въ числѣ казненныхъ совершенно невинныхъ людей Діонъ говоритъ о двухъ братьяхъ Квинктиліѣ Кондіанѣ и Квинктиліѣ Максимѣ, людяхъ замѣчательныхъ образованностью, военными подвигами и горячей братской любовью. Они вмѣстѣ занимались учеными трудами (написали прекрасный трактатъ о сельскомъ хозяйствѣ); всѣ ихъ труды и удовольствія были общія; и умерли они вмѣстѣ. Они были люди честные, заслуженные, богатые, потому прислужники Коммода нашли ихъ опасными.

Переннисъ. 185.

Съ каждымъ годомъ развивались развратъ и свирѣпость Коммода. При такомъ правленіи должность преторіанскаго префекта необходимо должна была имѣть чрезвычайную важность. Потому императоръ давалъ ее людямъ, которые своимъ возвышеніемъ были обязаны исключительно ему, не пользовались уваженіемъ въ обществѣ, не были знатны, не пріобрѣли никакихъ правъ на почетъ ни своимъ характеромъ, ни заслугами; этихъ ничтожныхъ людей, навлекавшихъ на себя ненависть исполненіемъ его свирѣпыхъ приказаній, онъ легко могъ отдавать на жертву раздраженію народа. Со времени Адріана были обыкновенно два преторіанскіе префекта, и оба эти мѣста были, обыкновенно, занимаемы юристами. Коммодъ снова соединилъ въ рукахъ одного человѣка всю власть, принадлежавшую преторіанскимъ префектамъ, и снова далъ ей военный характеръ. Онъ назначилъ преторіанскимъ префектомъ Перенниса, человѣка очень даровитаго, энергичнаго и чрезвычайно честолюбиваго, заслужившаго расположеніе императора раболѣпнымъ усердіемъ исполнять его волю. Подъ видомъ преданности императору, заботливости о его безопасности, Переннисъ неутомимо обвинялъ въ злоумышленіяхъ и казнилъ вліятельныхъ и богатыхъ людей, чтобъ обогащаться конфискаціею ихъ имуществъ, долю изъ которыхъ онъ получалъ; кромѣ того, онъ добывалъ себѣ деньги всяческими притѣсненіями и продажею должностей. Такимъ образомъ, онъ пріобрѣлъ несмѣтное богатство. Коммодъ

думалъ только о распутствѣ, играхъ и пирахъ, не занимался государственными дѣлами, предоставлялъ Переннису полный произволъ; отвага и честолюбіе фаворита росли. Онъ заслужилъ себѣ должность преторіанскаго префекта убійствами, расширялъ свое могущество тѣмъ же средствомъ; онъ владычествовалъ надъ Римомъ; его сынъ, человѣкъ отважный, былъ главнокомандующимъ иллирскихъ легіоновъ. Вѣроятно, Коммоду стало казаться опаснымъ такое могущество честолюбца, и, вѣроятно, онъ былъ радъ случаю низвергнуть Перенниса. Этотъ случай состоялъ въ томъ, что британское войско прислало въ Римъ многочисленную депутацію жаловаться на Перенниса; говорятъ, что число депутатовъ, присланныхъ войскомъ было 1,500; это были храбрѣйшіе воины, выбранные своими товарищами; они отъ имени войска потребовали прекращенія причинъ его неудовольствія. Коммодъ немедленно казнилъ Перенниса. Было объявлено, что Переннисъ хотѣлъ убить императора, чтобы самому занять его мѣсто; мы не знаемъ, справедливо ли было это обвиненіе, или оно было выдумано въ оправданіе казни. У Діона характеръ Перенниса изображенъ менѣе гнуснымъ, чѣмъ у другихъ историковъ.

Заговоръ Матерна 188.

Появленіе британской депутаціи въ Римѣ уже показывало упадокъ дисциплины; скоро послѣ того появились другіе симптомы деморализаціи войска. Матернъ, простой воинъ, человѣкъ отважный, набралъ изъ дезертировъ, отпущенниковъ и бѣглыхъ рабовъ многочисленную шайку разбойниковъ, ходилъ съ нею по Галліи, по Испаніи, грабилъ богатые беззащитные города. Правители тѣхъ провинцій долго смотрѣли на грабежъ бездѣйственно, быть можетъ, получая за то часть добычи; наконецъ, грозныя приказанія изъ Рима принудили ихъ покинуть безпечность; они по общему плану двинули войска противъ разбойниковъ, окружили шайку Матерна со всѣхъ сторонъ; она не могла бы устоять потому, что войска были слишкомъ многочисленны; Матернъ придумалъ средство себѣ спастись и отмстить. По его совѣту, разбойники переодѣлись и разошлись маленькими группами; прокравшись между войскъ, они пошли пустынными горными тропинками въ Римъ и, не замѣченные никѣмъ, собрались тамъ ко времени мегалесскаго праздника, когда народъ шумно и буйно веселился (III, стр. 592). Матернъ хотѣлъ съ надежнѣйшими товарищами вмѣшаться въ отрядъ тѣлохранителей, убить императора и сдѣлаться изъ разбойника повелителемъ государства. Но нѣкоторые его соумышленники, по зависти къ нему, выдали умыселъ. Матернъ и отважнѣйшіе изъ его товарищей были схвачены и казнены.

Апрѣль 188 Клеандръ.

Народъ благодарилъ боговъ за спасеніе императора отъ двухъ заговоровъ. Но если бы вступилъ на престолъ Переннисъ или Матернъ, государство едвали стало бы страдать больше, чѣмъ страдало отъ Коммода. Онъ боялся злоумышленій; все больше и больше удалялся отъ народа, жилъ на своихъ виллахъ, занимался фехтованьемъ съ гладіаторами, а всю администрацію и судебную власть предоставилъ новому префекту Клеандру, фригійцу, который попалъ во дво-

рецъ рабомъ и пріобрѣлъ расположеніе своего повелителя усердной услужливостью. Клеандръ не былъ такъ честолюбивъ, какъ Переннисъ; господствующей страстью его было корыстолюбіе; сдѣлавшись префектомъ, онъ удовлетворялъ своей алчбѣ, продавая должности и въ самомъ Римѣ и въ провинціяхъ, рѣшая судебныя дѣла за взятки. Онъ публично продавалъ санъ консула, санъ патриція, сенатора, говоритъ Гиббонъ, и кто отказался бы купить пожертвованіемъ большей части своего состоянія эти пустые, почти постыдные, титулы, тотъ попалъ бы въ число злоумышленниковъ. Клеандръ удерживалъ у себя деньги, назначенныя на содержаніе благотворительныхъ учрежденій. Правители провинцій грабили народъ и дѣлились добычею съ префектомъ. Богатые преступники легко покупали себѣ безнаказанность и губили жаловавшихся на нихъ, губили свидѣтелей. Клеандръ поддерживалъ себя въ милости у императора лестью и великолѣпными подарками, которые отъ времени до времени клалъ къ его ногамъ; онъ устроивалъ великолѣпныя игры, дѣлалъ общественныя постройки, чтобы расположить къ себѣ народъ. По интригамъ Клеандра, были казнены сенаторъ Бурръ, мужъ сестры Коммода, отважившійся говорить ему о гнусности его любимца, и Аррій Антонинъ, наслѣдникъ имени и добродѣтели Антониновъ, бывшій проконсулъ Азіи и отказавшійся дѣлать несправедливости, которыхъ требовалъ Клеандръ. Фаворитъ императора выдумалъ заговоръ, назвалъ Бурра и Антонина соучастниками его, и Коммодъ велѣлъ казнить ихъ.

Казнь Клеандра. 189.

Ослѣпляемый праздниками, которые щедро давалъ ему Клеандръ, римскій народъ три года выносилъ тираннію алчнаго фригійца, бывшаго раба. Но во время эпидеміи, страшно свирѣпствовавшей въ Римѣ, когда умирало по 2000 человѣкъ въ день, постигло столицу еще другое бѣдствіе: начался голодъ; оказалось, что онъ былъ произведенъ спекуляціею Клеандра, закупившаго весь хлѣбъ; народъ толпою пошелъ ко дворцу императора;—дворецъ, въ которомъ жилъ тогда Коммодъ, находился въ одномъ изъ предмѣстій Рима;—толпа обступила дворецъ и потребовала головы Клеандра. Отрядъ преторіанской конницы напалъ на толпу, она побѣжала въ городъ; конница преслѣдовала ее, но въ узкихъ улицахъ встрѣтила болѣе упорное сопротивленіе; народъ бросалъ изъ оконъ и съ кровель дротики, камни, другія тяжелыя вещи на преторіанцевъ; они принуждены были отступить. Народъ толпою, многочисленнѣе прежней, подступилъ къ воротамъ дворца, повторяя свое требованіе. Коммодъ развратничалъ въ отдаленной части и не слышалъ шума, не зналъ ничего о томъ, что дѣлается. Фадилла, сестра императора, и Марція, самая любимая наложница его, испуганныя, вбѣжали, съ распущенными волосами, въ комнату, бросились на колѣна передъ Коммодомъ, умоляя его успокоить раздраженную толпу, пожертвовавъ ненавистнымъ префектомъ. Коммодъ вскочилъ въ испугѣ, дрожа за свою жизнь, велѣлъ отрубить голову злодѣя, воткнуть на копье и показать народу. Толпа разошлась съ криками радости.

Коммодъ въ роли Геркулеса.

Сыну Марка Аврелія было бы легко навсегда сохранить за собою любовь изнѣженнаго римскаго народа, если бъ онъ не нарушалъ всѣхъ правилъ пристойности. Ему не повредило бы неудовольствіе сенаторовъ: толпа восхищалась играми и праздниками, которыхъ много давалъ онъ ей, самъ наслаждаясь ими. Но въ его правленіи не было ничего такого, чѣмъ хотя сколько-нибудь прикрывались бы гнусности его частной жизни. Сынъ государя, ставившаго знаніе и мудрость выше всего, онъ съ дѣтства выказывалъ отвращеніе къ умственнымъ занятіямъ, ко всему благородному. Онъ любилъ только развлеченія грубой черни: игры цирка, гладіаторскій бой, бой съ дикими звѣрями. Отецъ пригласилъ въ Римъ для него самыхъ лучшихъ преподавателей; ихъ уроки были скучны, отвратительны ему; онъ нашелъ себѣ другихъ наставниковъ—мавра и парѳянина, у которыхъ усердно учился стрѣлять изъ лука и бросать дротикъ, и достигъ необыкновеннаго мастерства въ этихъ искусствахъ. Показывать это мастерство народу было величайшимъ наслажденіемъ его. Когда онъ сдѣлался императоромъ, онъ сталъ давать въ циркѣ и въ амфитеатрахъ великолѣпныя игры, какія бывали при Неронѣ и Домиціанѣ; ихъ занимательность для черни увеличивалась тѣмъ, что главнымъ бойцомъ на арену выступалъ самъ императоръ. Сначала онъ показывалъ свое искусство только избраннымъ зрителямъ на аренахъ своихъ дворцовъ и виллъ; но похвалы льстивыхъ придворныхъ вскружили ему голову, онъ забылъ всякое достоинство, всякій стыдъ и сталъ героемъ на публичныхъ аренахъ. Изъ всѣхъ земель—изъ Индіи, Парѳіи, изъ пустынь Аравіи, Эѳіопіи были съ громадными издержками привозимы въ звѣринцы цирковъ иноземныя животныя, въ томъ числѣ такія, которыхъ еще не видывалъ Римъ; и дивный стрѣлокъ императоръ убивалъ ихъ на торжественныхъ зрѣлищахъ. Льстецы называли его римскимъ геркулесомъ; это имя такъ понравилось тщеславному глупцу, что онъ велѣлъ изображать себя на монетахъ съ аттрибутами Геркулеса; по сторонамъ престола его стояла булава и лежала львиная шкура, онъ самъ въ торжественныхъ случаяхъ являлся съ накинутой на вышитую золотомъ порфиру львиной шкурой и съ булавой Геркулеса; но въ своемъ подражаніи этому герою онъ не доходилъ до того, чтобы подвергать свою жизнь опасности при убиваніи хищныхъ звѣрей: ихъ сотнями выпускали изъ звѣринцевъ на арену, они бѣгали по песку, а римскій Геркулесъ стоялъ за крѣпкой рѣшеткой въ полной безопасности; мѣткія стрѣлы, остріе которыхъ имѣло форму полумѣсяца, поражали львовъ, тигровъ, слоновъ, пантеръ, жирафъ, перерѣзывали длинную шею страусовъ, а до героя никакъ не могли допрыгнуть жертвы его искусства. При фехтованіи съ гладіаторами онъ имѣлъ

шлемъ, щитъ и мечъ,—былъ, какъ это называлось у римлянъ, гладіаторомъ секуторомъ, а его противникъ имѣлъ своимъ оружіемъ только трезубецъ и сѣтку, бросаемую на веревкѣ, подобно аркану.

Говорятъ, что онъ одержалъ въ этомъ боѣ побѣду 735 разъ. Сенатъ долженъ былъ присутствовать при его подвигахъ; только Помпеянъ, мужъ сестры императора Луциллы, осмѣливался не бывать тутъ. Славныя побѣды императора были записываемы въ государственные документы, и онъ доходилъ въ своемъ позорѣ до того, что бралъ за свои гладіаторскіе труды громадное вознагражденіе, для уплаты котораго былъ установленъ новый налогъ. Вообще онъ былъ изобрѣтателенъ въ дѣлѣ добыванія денегъ на свое мотовство. Діонъ говоритъ, что сенаторы, въ томъ числѣ и самъ онъ, жены и дѣти сенаторовъ должны были дарить императору въ день его рожденія по двѣ золотыя монеты, а члены правительственныхъ совѣтовъ другихъ городовъ по пяти драхмъ.

Развратъ Коммода.

Но Коммодъ былъ не только сражающійся Геркулесъ, онъ былъ и Геркулесъ на службѣ Омфалы; эту роль онъ исполнялъ даже еще лучше. Геродіанъ говоритъ, что, послѣ мятежа народа противъ Клеандра, Коммодъ удалился отъ всѣхъ серьезныхъ или честныхъ занятій и не допускалъ къ себѣ ни одного человѣка честной жизни. День и ночь онъ проводилъ въ необузданномъ распутствѣ. Каждый даровитый или образованный человѣкъ считался врагомъ императора и подвергался гоненію. Шуты и актеры, разыгрывавшіе сцены гнуснаго сладострастія, владычествовали надъ Коммодомъ. Эту характеристику его образа жизни, которую Геродіанъ даетъ намъ въ общихъ неопредѣленныхъ выраженіяхъ, Элій Лампридій пополняетъ подробностями, гнусность которыхъ омерзительна; онъ разсказываетъ о томъ, какъ распутничалъ Коммодъ въ обществѣ трехъ сотъ развратницъ и негодяевъ всякихъ сословій и всякихъ народностей; быть можетъ, молва преувеличивала эти мерзости; но, хотя бы мы и стали сомнѣваться въ достовѣрности той или другой подробности, несомнѣнно то, что какъ римская религія и цивилизація представляли тогда смѣсь италійскихъ, греческихъ и восточныхъ элементовъ, такъ въ римскомъ развратѣ соединялись пороки всѣхъ народовъ римскаго государства, и безнравственность достигала ужасающаго развитія.

Смерть Коммода. 192.

По характеру, Коммодъ походилъ на Домиціана; жилъ подобно ему; подобно ему и умеръ. Его распутство и его злодѣйства увеличивались съ каждымъ годомъ, росла и ненависть къ нему. Онъ зналъ, что его ненавидятъ и, чѣмъ болѣе трусилъ, тѣмъ свирѣпѣе становился. Жертвами смертоносной подозрительности кровожаднаго труса были не только люди консульскаго и сенаторскаго сана, въ особенности всѣ тѣ, которые находились въ родствѣ съ Антонинами, хотя бы и дальнемъ; должны были трепетать за свою жизнь и сами ис-

полнители его злодѣйскихъ приказаній, товарищи его распутства, даже его любовницы. Говорятъ, что Марція, которой онъ велѣлъ оказывать почти такія же почести, какъ если бъ она была его женой, нашла однажды ночью на его постели записную дощечку, на которой, въ числѣ другихъ обреченныхъ на смерть людей, были имена ея самой, Эклекта, сановника, завѣдывавшаго дворцомъ, и Лета, префекта преторіанцевъ. Она сообщила имъ объ этомъ, и они вмѣстѣ съ нею рѣшили отвратить отъ себя погибель, убить Коммода. Ядъ, данный ему Марціею, дѣйствовалъ не достаточно быстро, такъ какъ онъ былъ человѣкъ очень крѣпкаго здоровья, а потому они позвали гладіатора Нарцисса ускорить его смерть. Нарциссъ покончилъ съ Коммодомъ, и умеръ искуснѣйшій стрѣлокъ, красивѣйшій мужчина въ цѣломъ Римѣ. Его позорная жизнь была прекращена въ ночь, которой кончился 192 и начинался 193 годъ. Онъ готовилъ на слѣдующій день новое униженіе сенату; въ этотъ день онъ хотѣлъ вступить въ санъ консула и хотѣлъ прійдти въ сенатъ для принятія этого сана въ одеждѣ гладіатора и со свитой, составленной изъ гладіаторовъ.

Провозглашеніе Пертинакса императоромъ. 193. (946).

Смерть Коммода была похожа на смерть Домиціана; сходенъ былъ съ преемникомъ Домиціана и новый императоръ: заговорщики хотѣли, чтобы выборъ достойнаго человѣка въ санъ императора оправдывалъ убійство Коммода. Эклектъ и Летъ въ ту же ночь отправились къ Пертинаксу, старику сенатору, пользовавшемуся общимъ уваженіемъ. Сынъ лигурійскаго торговца лѣсомъ, онъ своими талантами и заслугами поднялся до самыхъ высокихъ военныхъ и правительственныхъ должностей. При появленіи страшныхъ прислужниковъ свирѣпости Коммода Пертинаксъ полагалъ, что они присланы убить его. Послѣ нѣкотораго колебанія онъ принялъ предлагаемый ему ими опасный титулъ. Они отправились въ преторіанскій станъ, объявили воинамъ, что Коммодъ умеръ отъ апоплексическаго удара, что на престолъ вступилъ Пертинаксъ, и обѣщали подарки, какіе обыкновенно дѣлались при воцареніи новаго императора. Преторіанцамъ не было пріятно извѣстіе о смерти Коммода, но они радостно привѣтствовали новаго императора, котораго знали за храбраго воина, хорошаго, честнаго правителя, и который обѣщалъ имъ подарки; съ лавровыми вѣтвями въ рукахъ они повели его въ сенатъ. Въ сенатѣ извѣстіе о смерти злодѣя произвело восторгъ; съ криками радостныхъ привѣтствій новому императору, съ клятвами вѣрности ему смѣшивались проклятія Коммоду, врагу государства, тиранну, гладіатору, бравшему деньги за свое публичное фехтованье. Сенатъ постановилъ, что память Коммода предается вѣчному безчестію, что статуи его должны быть низвергнуты, что тѣло его должно быть оттащено крюками въ ту загородку цирка, куда таскали съ арены трупы убитыхъ гладіаторовъ и звѣрей. И досадно было услышать,

что уже нельзя исполнить этого послѣдняго рѣшенія, потому что люди, остававшіеся во дворцѣ, наскоро похоронили убитаго.

Правленіе Пертинакса, его реформы.

Пертинаксъ въ санѣ императора сохранилъ всѣ тѣ благородныя качества, которыми заслужилъ уваженіе и довѣріе честныхъ людей. Онъ былъ хорошій семьянинъ, доброжелательный другъ всѣхъ честныхъ сенаторовъ, постоянно приглашалъ ихъ раздѣлять съ нимъ его скромный обѣдъ, былъ справедливый и кроткій государь; казалось, возвращаются счастливыя времена Антониновъ. Всѣ распоряженія новаго императора показывали, что онъ взялъ образцомъ себѣ Марка Аврелія, который очень уважалъ его. Невинные изгнанники и люди, невинно брошенные въ темницы, были возвращены, освобождены, получили обратно свои имущества, доносчики подверглись наказаніямъ; была возстановлена законность въ судопроизводствѣ, были приняты мѣры для возстановленія порядка въ государственномъ хозяйствѣ.

Расточительность Коммода совершенно истощила казну такъ, что въ ней не было денегъ на покрытіе обыкновенныхъ расходовъ. Но, не смотря на то, Пертинаксъ отмѣнилъ обременительные налоги, введенные Коммодомъ, и уничтожилъ несправедливыя притязанія казны по разнымъ взысканіямъ. Онъ говорилъ, что ему кажется лучше быть слугою бѣднаго государства и сохранить чистую совѣсть, чѣмъ собирать богатства тираническими, безчестными средствами. Онъ считалъ бережливость императора и заботливость его о государственныхъ дѣлахъ вѣрнѣйшимъ источникомъ благосостоянія имперіи. Онъ уменьшилъ на половину придворные расходы, продалъ тѣхъ рабынь и рабовъ, съ которыми развратничалъ Коммодъ, дѣлалъ хорошія распоряженія для развитія земледѣлія, торговли, промышленности.

Смерть Пертинакса.

Но реформы, быстро производимыя императоромъ, раздражили многихъ. Летъ вознегодовалъ на то, что не пользуется такимъ вліяніемъ, какое имѣлъ при Коммодѣ; онъ считалъ себя въ правѣ владычествовать при императорѣ, котораго возвелъ на престолъ; онъ возбудилъ противъ него преторіанцевъ, которые и безъ того досадовали на императора за бережливость и стремленіе возстановить дисциплину. Они два раза неудачно дѣлали попытки низвергнуть Пертинакса, въ третій разъ это удалось: среди дня толпа наиболѣе буйныхъ преторіанцевъ пришла съ оружіемъ ко дворцу; дворцовая стража участвовала въ заговорѣ: слуги Коммода отворили ворота. Пертинаксъ спокойно и мужественно вышелъ на встрѣчу бунтовщикамъ, сталъ напоминать имъ объ ихъ присягѣ, объ ихъ обязанностяхъ. Они на минуту смутились, но ударъ, нанесенный однимъ изъ нихъ, галломъ, быстро прекратилъ ихъ колебаніе. Императоръ упалъ, покрытый множествомъ ранъ. Убійцы взоткнули его голову на копье и съ торжествомъ понесли въ преторіанскій станъ; народъ плакалъ. Пертинаксъ царствовалъ только 87 дней. Ему было 67 лѣтъ, когда

онъ погибъ. Причиною его смерти было желаніе поднять испорченный народъ изъ униженія и спасти гнилое общество отъ совершеннаго разстройства.

Преторіанцы продаютъ санъ императора.

Префектъ города Сульпиціанъ, родственникъ Пертинакса, находился въ преторіанскомъ станѣ, когда убійцы принесли туда голову императора; онъ сталъ просить у нихъ престола, предлагая большія деньги. Но прежде, чѣмъ онъ и преторіанцы сошлись въ цифрѣ, явился передъ стѣнами стана другой соискатель, богатый сенаторъ Дидій Юліанъ, потомокъ юриста Сальвія Юліана (стр. 374), бывшій правителемъ разныхъ отдаленныхъ провинцій. Онъ пировалъ съ гостями; пришло извѣстіе, что въ преторіанскомъ станѣ продается престолъ; льстивые гости стали говорить хозяину, что онъ—самый достойный престола человѣкъ, его жена и дочь поддерживали ихъ. Юліанъ отправился къ стану; единственнымъ правомъ его на престолъ могли быть деньги, и онъ сталъ предлагать ихъ больше Сульпиціана. Выгода торговли вызвала неслыханное безстыдство въ преторіанцахъ: они стали формально продавать престолъ съ аукціона. Ихъ повѣренные ходили отъ одного покупщика къ другому и цѣна подымалась. Сульпиціанъ, находившійся въ самомъ станѣ, довелъ цѣну до обѣщанія 5000 драхмъ каждому преторіанцу. Юліанъ, стоявшій передъ стѣной, поднялъ цѣну до 6250 драхмъ, и покупка осталась за нимъ. Кромѣ того, что онъ обѣщалъ больше Сульпиціана, преторіанцы предпочли его, отчасти, быть можетъ, и по тому соображенію, что Сульпиціанъ, родственникъ убитаго, вѣроятно, наказалъ бы убійцъ, а со стороны Юліана этой опасности не было. Преторіанцы отворили ворота, провозгласили Юліана императоромъ; онъ принялъ отъ нихъ присягу на вѣрность. Сульпиціанъ не былъ наказанъ за свое соискательство.

Дидій Юліанъ признанъ императоромъ.

Сенатъ не отважился противорѣчить. Преторіанцы стали въ боевой порядокъ и повели своего избранника въ Курію; сенаторы приняли его тамъ поздравленіями, лестью и постановили, что ему передается санъ императора. Онъ отправился во дворецъ, тамъ еще лежалъ обезглавленный трупъ Пертинакса и стоялъ на столѣ простой обѣдъ его. По словамъ Діона, Дидій посмѣялся надъ скромностью этого обѣда и провелъ ночь, пируя, играя въ кости; по словамъ Спарціана, онъ провелъ ее въ тревожномъ раздумьи. Оба извѣстія могутъ быть соглашены: быть можетъ, сначала онъ пировалъ съ пріятелями и въ шумѣ пира забывалъ опасности своего положенія, а когда пирующіе разошлись, онъ впалъ въ тяжелое раздумье.

Его положеніе 193.

Ему слѣдовало быть тревожнымъ. Власть его не имѣла никакихъ опоръ; единственными приверженцами его были продажные люди, готовые служить всякому. Сенаторы и всадники были принуждены скрыть свои чувства подъ видомъ покорности, но народъ громко высказывалъ негодованіе на то, что санъ императора обезчещенъ; толпа ругала, про-

клинала Юліана. Сами преторіанцы стыдились императора, который былъ обязанъ своимъ саномъ исключительно ихъ алчности. Легіоны, стоявшіе въ провинціяхъ, не захотѣли перенести наглости преторіанцевъ и позора, какому подвергли они римское имя. Три войска въ трехъ разныхъ странахъ одновременно возстали; каждое изъ нихъ провозгласило императоромъ своего главнокомандующаго: въ Британніи былъ объявленъ императоромъ Клодій Альбинъ, въ Сиріи Песценній Нигеръ, въ Иллиріи Септимій Северъ; по числу войскъ они были одинаково сильны; всѣ трое были даровитые люди, опытные полководцы; но по характеру были не одинаковы.

1. Альбинъ. Децимъ Клодій Альбинъ былъ человѣкъ знатнаго, но обѣднѣвшаго рода. О немъ есть извѣстіе, что „подъ философскимъ плащомъ строгости нравовъ онъ скрывалъ почти всѣ пороки, какіе унижаютъ человѣческую природу"; но это суровое сужденіе высказано писателемъ, враждебнымъ ему, служившимъ сопернику, одолѣвшему его. Онъ пользовался довѣріемъ Марка Аврелія и Коммода. Ему пріобрѣло много приверженцевъ то, что онъ искренно или притворно выказывалъ себя другомъ свободы, горячимъ патріотомъ. Онъ сказалъ теперь въ этомъ смыслѣ рѣчь передъ своимъ войскомъ; прославлялъ въ ней счастіе и славу, какими пользовался Римъ во время республики, выразилъ намѣреніе возвратить сенату и народу ихъ прежнія права, говорилъ, что съ этой цѣлью онъ возсталъ противъ Юліана. По примѣру Гальбы, онъ отказался принять титулы августа и императора, данные ему легіонами. Онъ объявилъ, что приметъ санъ императора только когда дастъ его ему сенатъ.

2. Песценній Нигеръ. Мнѣнія римлянъ о характерѣ Альбина были не одинаковы, но Гай Песценній Нигеръ пользовался всеобщимъ уваженіемъ, хотя и былъ человѣкъ незнатнаго происхожденія. Управляя Сиріею, онъ умѣлъ пріобрѣсти привязанность легіоновъ и любовь населенія этой провинціи. Въ войскѣ онъ поддерживалъ дисциплину, внушалъ ему уваженіе своею храбростью; туземцевъ онъ привлекалъ къ себѣ привѣтливостью и тѣмъ, что участвовалъ въ ихъ пышныхъ праздникахъ и шумныхъ веселостяхъ. Весь Востокъ желалъ, чтобъ онъ сдѣлался владыкой имперіи; подвластные ей азіатскіе цари признали его, предлагали ему свою помощь; въ Римѣ общественное мнѣніе было на его сторонѣ.

3. Септимій Северъ. Но межь тѣмъ какъ Песценній тратилъ время, пируя въ роскошной Антіохіи, третій соискатель, Луцій Септимій Северъ, правитель дунайскихъ провинцій, дѣйствовалъ быстро. Септимій Северъ родился въ Африкѣ, происходилъ отъ римской всаднической фамиліи, повышался по службѣ со ступени на ступень, получилъ, наконецъ, должность главнокомандующаго въ суровыхъ провинціяхъ, гдѣ легіоны сохраняли воинственность; онъ былъ человѣкъ чрезвычайно честолюбивый, но умѣлъ скрывать свои замыслы. Ни соблазны пороковъ, ни страхъ опасностей, ни чувство состраданія не могли отклонить его отъ стремленія къ цѣли. Теперь онъ увидѣлъ, что пришло время захватить императорскую власть, которую уже давно предвѣщали ему сновидѣнія и знаменія; онъ вѣрилъ имъ; какъ въ Маріѣ, въ немъ съ хитростью соединялось суевѣрство.

Какъ только провозгласили Септимія Севера императоромъ его легіоны, онъ тотчасъ двинулся на Римъ, справедливо разсчитывая,

что успѣхъ дѣла зависитъ отъ быстроты; онъ всячески торопилъ походъ своихъ легіоновъ, которые велъ въ Италію черезъ Юлійскіе Альпы. Войска его, привычныя къ тяжелымъ походамъ, мужественно шли за смѣлымъ вождемъ, который ободрялъ ихъ своимъ примѣромъ и рѣчами, обѣщалъ имъ огромныя награды. При извѣстіи о приближеніи Септимія Севера Юліанъ и его приверженцы совершенно оробѣли. Сенатъ и народъ тайно радовались, что мщеніе скоро постигнетъ низкаго человѣка, купившаго престолъ, и наглыхъ преторіанцевъ. Юліанъ и преторіанцы готовились обороняться, но видно было, что сами они не имѣютъ надежды на побѣду. Юліанъ выказывалъ нерѣшительность, дѣлалъ распоряженія, противорѣчившія одно другому; преторіанцы блѣднѣли при одной мысли о томъ, что имъ придется промѣнять изнѣженныя наслажденія бань и театры на труды и опасности войны. Сначала они хотѣли защищать Юліана, стыдясь покинуть его, боясь наказанія отъ Севера; но Северъ безостановочно шелъ къ Риму; напрасно Юліанъ хотѣлъ задержать его переговорами, напрасно посылалъ убійцъ въ его станъ; онъ отвергалъ переговоры, а зоркость преданныхъ ему воиновъ охранила его отъ убійцъ. Онъ уже подошелъ на два перехода къ Риму и послалъ туда объявить, что онъ не хочетъ ставить убійство Пертинакса въ преступленіе всѣмъ преторіанцамъ, дастъ имъ прощеніе, если они покинутъ Юліана и выдадутъ главныхъ виновниковъ. Они тотчасъ же бросили мысль о сопротивленіи, схватили виновныхъ въ убійствѣ Пертинакса и объявили сенату, что не будутъ защищать Юліана. Этимъ была рѣшена судьба тщеславнаго человѣка, израсходовавшаго свое громадное состояніе на покупку власти, которая дала ему однѣ тревоги и длилась только шестьдесятъ шесть дней. Къ Северу было отправлено посольство пригласить его отъ имени сената и народа принять императорскій санъ, а во дворецъ былъ посланъ сенатомъ вооруженный отрядъ убить шестидесяти-лѣтняго старика Юліана, какъ презрѣннаго преступника; посланные нашли его въ одной изъ отдаленныхъ комнатъ дворца и убили.

Септимій Северъ овладѣваетъ Римомъ. Смерть Юліана. 193.

2 іюня 193.

Септимій Северъ и его династія.

Первымъ дѣломъ новаго императора было подавить преторіанцевъ. Казнивъ смертью выданныхъ ему главныхъ преступниковъ, онъ велѣлъ другимъ преторіанцамъ явиться безъ оружія въ назначенное мѣсто; они послушно пришли; онъ окружилъ ихъ отборными иллирскими войсками, направившими на нихъ копья; вошелъ въ середину

Септимій Северъ 193—211. (946—964) Распущеніе преторіанцевъ.

круга, сказалъ имъ грозную рѣчь, осуждая ихъ трусость и вѣроломство, объявилъ, что прогонетъ ихъ въ отставку, велѣлъ имъ разойтись и подъ страхомъ смерти запретилъ показываться въ Римѣ и окрестностяхъ столицы. А между тѣмъ другой отрядъ его войска занялъ ихъ станъ, забралъ ихъ оружіе. Северъ устроилъ великолѣпныя похороны Пертинаксу, тѣло котораго было, впрочемъ, давно погребено, и сказалъ рѣчь въ похвалу добродѣтелямъ этого прекраснаго государя; похвалой ему Северъ очень ловко выказалъ уваженіе къ сенату, видѣвшему въ Пертинаксѣ идеалъ государя; но эта рѣчь была послѣднимъ знакомъ почтенія новаго императора къ сенату. Онъ ввелъ въ Римъ многочисленное войско; это ясно показывало, что онъ хочетъ править не такъ, какъ Пертинаксъ, считаетъ источникомъ и опорою своей власти не сенатъ, а войско. Въ горячей похвалѣ характеру Пертинакса, какую находимъ у Діона, бывшаго тогда сенаторомъ, слышится неудовольствіе на то, что новый императоръ шелъ другимъ путемъ.

Северъ побѣждаетъ своихъ противниковъ 193—197.

Владычество Севера было еще не прочно; на Востокѣ и на Западѣ были у него соперники, искусные полководцы, имѣвшіе многочисленныя войска; онъ немедленно сталъ готовиться къ борьбѣ съ ними. По счастію для него, они не съумѣли согласиться между собою; онъ дѣйствовалъ быстро, счастье помогало ему; важное преимущество ему давало и то, что власть его была признана сенатомъ и народомъ римскимъ; притомъ съ талантами полководца онъ соединялъ хитрость ловкаго обманщика; благодаря всему этому, онъ одолѣлъ обоихъ противниковъ, мало уступавшихъ ему силою своихъ войскъ и военными талантами. Сначала онъ отправился на Востокъ. Вся эта половина государства отъ Эвфрата до Византіи признавала императоромъ Песценнія Нигера; Септимій Северъ хотѣлъ дать своему походу на него такой видъ, какъ будто это не междоусобная война, а лишь подавленіе произошедшихъ на Востокѣ безпорядковъ. Онъ увѣрялъ Альбина въ своихъ дружескихъ чувствахъ, чтобы западный соперникъ воображалъ себя его товарищемъ и спокойно оставался въ Британніи, не пришелъ въ Италію, пока онъ будетъ на Востокѣ. Въ письмахъ къ Альбину Септимій Северъ называлъ его цезаремъ, то есть своимъ соправителемъ, и подавалъ ему надежду, что назначитъ его своимъ преемникомъ; старался оставить и Нигеру надежду на возможность примиренія. Жена и дѣти Нигера находились въ Римѣ, потому что Коммодъ задерживалъ въ столицѣ семейства правителей провинцій, чтобы эти заложники обезпечивали ему вѣрность ихъ. Северъ осыпалъ любезностями жену и дѣтей Нигера, держалъ себя съ ними будто съ родными, продолжалъ дѣлать такъ даже и въ то время, когда уже сражался съ Нигеромъ. Сирійскіе легіоны были побѣждены въ нѣсколькихъ сраженіяхъ на Геллеспонтѣ и въ проходахъ киликійскихъ горъ паннонскими войсками, болѣе привычными выносить военные труды и лишенія; 193–195. послѣ пораженія при Иссѣ Песценній Нигеръ былъ настигнутъ гнавшимися за нимъ побѣдителями и убитъ. Тогда Северъ отбросилъ притворство, велѣлъ убить жену и дѣтей погибшаго соперника. Нѣсколько раньше того онъ отправилъ къ Альбину посольство съ очень любезнымъ письмомъ, повидимому, искреннимъ, задушевнымъ; но поручилъ посламъ заманить Альбина на свиданіе, при которомъ не было бы у него вооруженной свиты и убить его. Этотъ замыселъ былъ узнанъ; Альбинъ спасся отъ кинжаловъ убійцъ и увидѣлъ, что не можетъ дальше бездѣйствовать, долженъ начать борьбу съ вѣроломнымъ соперникомъ; но время, благопріятное борьбѣ, уже миновало для Альбина: когда онъ переплылъ съ британскимъ войскомъ въ Галлію, Песценній Нигеръ уже погибъ. Если бы Альбинъ велъ войну одновременно съ Нигромъ, Северъ, вѣроятно, былъ бы подавленъ ихъ соединенными силами; такъ надобно думать потому, что Северъ едва могъ одолѣть Альбина теперь, когда этотъ соперникъ былъ уже одинъ. Рѣшительная битва произошла не подалеку отъ Лугдуна (Ліона), на равнинѣ близъ Тринурція (нынѣшняго Треву); она была 197. очень упорна и кровопролитна. Побѣда уже склонялась на сторону Альбина, но Северъ успѣлъ остановить свои начинавшіе отступать легіоны и одолѣлъ врага. Лучшіе воины всѣхъ римскихъ войскъ погибли въ этой ужасной битвѣ. Вся равнина была покрыта убитыми и ранеными; кровь текла ручьями въ Рону. Убыль въ войскахъ была пополнена принятіемъ на службу варваровъ.—Альбинъ погибъ подобно Нигру: его догнали, бѣгущаго съ поля битвы, и убили. Голову его, воткнутую на копья, принесли Северу; онъ послалъ ее въ Римъ сенату съ письмомъ, наполненнымъ грозными упреками. Обезглавленное тѣло Альбина онъ велѣлъ бросить въ Рону, велѣлъ убить жену и сыновей Альбина и тоже бросить въ Рону ихъ тѣла. Летъ держался во время битвы двусмысленно, выжидая, кто останется побѣдителемъ. Северъ послалъ его на войну противъ парѳянъ и черезъ нѣсколько времени онъ былъ тамъ убитъ по распоряженію императора.

Судьба Византіи.

Мщеніе суроваго побѣдителя не удовлетворилось убійствомъ семействъ его соперниковъ. Провинціи и города, поставленные судьбой въ необходимость признать власть Альбина или Нигра, тоже были подвергнуты наказанію; тяжеле всѣхъ пострадала Византія за свою преданность Нигру. Она была тогда однимъ изъ самыхъ богатыхъ городовъ имперіи; по выгодности своего положенія для обороны и посильнымъ укрѣпленіямъ, она казалась неодолимой; Нигеръ выбралъ ее главнымъ оплотомъ своимъ, поставилъ въ ней самыя надежныя войска. Северъ на пути въ Азію пытался взять ее, но всѣ его приступы были отбиты отъ крѣпкихъ стѣнъ храбрыми защитниками ихъ; онъ оставилъ часть войска и флота блокировать Византію съ моря и суши, а самъ пошелъ въ Азію. Когда Нигеръ былъ убитъ, хра-

брѣйшіе полководцы и воины его пробились въ Византію и стали ободрять ея гарнизонъ словами и примѣромъ своимъ. Отъ Севера нельзя было ждать пощады, и городъ оборонялся съ мужествомъ
194—197. отчаянія. Византія три года выдерживала осаду; успѣшности обороны особенно помогъ искусный и отважный инженеръ Прискъ, соотечественникъ Діона. Самъ Северъ не могъ отказать ему въ удивленіи. Когда голодъ изнурилъ обороняющихся, и Византія была взята, Северъ пощадилъ только Приска, не по великодушію, а потому что хотѣлъ пользоваться талантами его въ борьбѣ съ другими своими врагами.

Твердость, съ какою византійцы выносили страданія долгой осады, показывала, что римляне еще не утратили своей военной энергіи; даже Діонъ, человѣкъ сухого сердца, проникается одушевленіемъ, описывая, какимъ благосостояніемъ пользовалась Византія передъ осадой, съ какимъ мужествомъ гарнизонъ и граждане сражались и выносили всѣ бѣдствія; печально разсказываетъ онъ, какъ суровый побѣдитель разрушилъ Византію, лишилъ имперію самаго твердаго ея оплота противъ варваровъ Понта и Азіи *). Взявъ изнуренную голодомъ Византію, Северъ велѣлъ убить всѣхъ начальниковъ и всѣхъ воиновъ, разрушить укрѣпленія, отнялъ у Византіи самостоятельное управленіе своими городскими дѣлами и подчинилъ ее Перинѳу. Но черезъ столѣтіе разрушенная Византія была возстановлена и сдѣлана великолѣпнымъ городомъ, столицею имперіи. — Антіохія, жители которой славились роскошью и остроуміемъ, тоже была наказана за преданность Нигру, она была лишена самостоятельнаго завѣдыванія своими дѣлами; но черезъ нѣсколько времени Северъ сдѣлался благосклоннымъ къ ней.

Суровость, выказанная побѣдителемъ въ Галліи и въ другихъ провинціяхъ.

Северъ наказалъ богатые города и провинціи Востока отнятіемъ правъ и конфискаціями; прошелъ въ Нисибиду и заставилъ парѳянъ снова страшиться римскаго имени. Галлія и Британнія тоже были сурово наказаны: многіе вліятельные люди этихъ провинцій были казнены, другіе отправлены въ ссылку за то, что въ борьбѣ между соперниками, чуждой ихъ интересамъ, они принуждены были повиноваться повелителю войскъ, занимавшихъ страну ихъ; еще больше, чѣмъ казненныхъ и сосланныхъ, было число людей, у которыхъ Северъ конфисковалъ имущества. Онъ раздѣлилъ Британнію на двѣ провинціи, находя, что опасно поручать одному человѣку начальство надъ всѣми войсками на этомъ отдаленномъ островѣ.

---

*) Кассій Діонъ LXXIV, 12. Когда всѣ припасы были съѣдены, и надежды осажденныхъ исчезли, жители твердо переносили всѣ страданія и продолжали мужественно отбиваться; они снимали балки съ своихъ домовъ на постройку кораблей; женщины отрѣзали свои волосы, чтобы вить изъ нихъ веревки для машинъ; граждане разрушали театры, чтобы бросать камни ихъ на враговъ; бросали на враговъ бронзовыя статуи. Пищи не было; они размачивали въ водѣ ремни и ѣли ихъ; когда и этого пропитанія не стало, большинство гражданъ уплыло изъ города во время сильной бури, не дозволявшей непріятельскимъ кораблямъ пуститься въ море за ними; они рѣшились погибнуть или добыть себѣ пищи. Сдѣлавъ неожиданную высадку на сосѣдній берегъ, они разграбили найденные запасы. Оставшіеся въ городѣ ѣли трупы убитыхъ, но не сдавались.

Казнь множества Сенаторовъ.

Сенатъ держалъ себя очень осторожно во время борьбы, но изъ всѣхъ трехъ претендентовъ Северъ пользовался наименьшимъ сочувствіемъ въ сенатѣ. Самъ Діонъ говоритъ, что, кромѣ тѣхъ сенаторовъ, которые находились при войскахъ или въ провинціяхъ и открыто принимали сторону претендента, признаваемаго въ тѣхъ мѣстностяхъ, всѣ другіе сенаторы держали себя нейтрально. Не расположеніе сената къ Северу было замѣчено имъ; когда онъ овладѣлъ Римомъ, сенатъ выказалъ раболѣпную преданность ему, но онъ затаилъ въ душѣ злобу, и, когда пришло время, онъ отмстилъ. Голова Альбина, присланная въ сенатъ, была предзнаменованіемъ того, какая судьба ждетъ многихъ сенаторовъ. Спарціанъ перечисляетъ по именамъ сенаторовъ, казненныхъ Северомъ; въ его спискѣ находится 41 имя. Онъ съ негодованіемъ прибавляетъ: «этого убійцу такихъ почтенныхъ людей, которые всѣ имѣли высокій санъ, многіе изъ которыхъ были преторами, многіе консулами, чтутъ въ Африкѣ, какъ Бога!» Убивая сенаторовъ, Северъ почти всегда приказывалъ убивать ихъ женъ, дѣтей и кліэнтовъ. Онъ считалъ это необходимымъ для того, чтобы предотвратить возстаніе, обезпечить себя отъ заговоровъ. Въ одной изъ своихъ рѣчей сенаторамъ онъ сказалъ, что Коммодъ былъ именно такой императоръ, какого они достойны, потому что люди, не имѣющіе вѣрности и чести, должны быть казнимы. Онъ хотѣлъ отнять у сената всякое участіе въ управленіи государствомъ, подчинить всѣ дѣла исключительно военному деспотизму. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ хотѣлъ отнять у Рима и у Италіи всякія преимущества надъ провинціями. Онъ далъ новые болѣе высокіе титулы правителямъ, зависѣвшимъ лично отъ императора. Онъ сталъ носить императорскую порфиру; она съ того времени сдѣлалась постоянной одеждой императоровъ. Вообще онъ правилъ, какъ военный деспотъ, власть котораго совершенно неограниченна.

Характеръ правленія Севера.

Подобно всѣмъ военнымъ деспотамъ, Северъ не довѣрялъ высшему сословію, старался унизить и ослабить сенаторскія фамиліи и вообще всѣ знатные роды; но, хотя онъ называлъ Коммода своимъ братомъ, онъ былъ несравненно выше его, какъ человѣкъ энергическій. Онъ считалъ надобностью давать народу великолѣпныя игры въ циркахъ и въ амфитеатрахъ; громадныя суммы, какія получалъ онъ отъ конфискацій и денежныхъ штрафовъ, доставляли ему средства соперничать блескомъ игръ съ Коммодомъ. Но онъ не ограничивалъ свою правительственную дѣятельность заботой о народныхъ развлеченіяхъ, обращалъ ее и на предметы, болѣе достойные хорошаго правителя. Онъ дѣлалъ много построекъ; щедрой раздачей хлѣба и другихъ предметовъ продовольствія онъ пріобрѣлъ себя любовь массы населенія города Рима; онъ заботился о безпристрастномъ судопроизводствѣ, и самъ усердно занимался рѣшеніемъ процессовъ; въ молодости онъ былъ юристъ, и юриспруденція оставалась во все его цар-

ствованіе самымъ любимымъ его занятіемъ послѣ военнаго дѣла; правители провинцій боялись строгаго императора; благодаря тому, во всемъ государствѣ водворился порядокъ; провинціи отдохнули; многимъ городамъ Северъ далъ разныя права и льготы, такъ что они считали его своимъ благодѣтелемъ, вторымъ основателемъ и ставили памятники въ честь его.

Новый преторіанскій корпусъ.

Но, имѣя нѣкоторыя хорошія стороны, правленіе Севера было окончательнымъ разрушеніемъ остатковъ республиканскимъ учрежденій. Грубый воинъ, состарѣвшійся въ походахъ и станѣ, онъ любилъ только войско и военный порядокъ; онъ постоянно стремился лишить всякаго значенія сенатъ, ненавидѣвшій его и трепетавшій его гнѣва, удалялъ изъ сената всѣхъ образованныхъ и энергическихъ людей, замѣщалъ ихъ раболѣпными льстецами, угодливыми прислужниками своими, давалъ подарки и отличія воинамъ; повысилъ жалованье имъ, чтобъ они были привязаны къ нему, даже позволялъ имъ буйствовать; постоянно увеличивалъ составъ легіоновъ, набирая въ нихъ людей изъ всѣхъ сословій и всѣхъ народовъ; пріучалъ ихъ презирать все непринадлежащее къ военному сословію. Онъ возстановилъ корпусъ преторіанцевъ, увеличилъ число ихъ, сдѣлалъ службу въ этомъ корпусѣ предметомъ военнаго честолюбія, увеличивъ жалованье имъ и давъ имъ разныя другія привилегіи. Прежде въ преторіанскомъ корпусѣ большинство воиновъ составляли италійцы, или, по крайней мѣрѣ, уроженцы сосѣднихъ провинцій; это войско рѣдко посылалось на войну, не имѣло привычки къ перенесенію походныхъ трудовъ, вело праздную жизнь въ своемъ станѣ, наслаждаясь роскошными удовольствіями столицы. Септимій Северъ сталъ брать въ преторіанцы воиновъ изъ легіоновъ, стоявшихъ по границамъ; изъ нихъ выбирались тѣ, которые отличались физической силой, храбростью и вѣрностью; переводъ въ преторіанцы былъ наградой и почетомъ. Септимій Северъ увеличилъ число преторіанцевъ до 50,000 человѣкъ. Такое войско, состоявшее изъ людей всякихъ народностей, потому не имѣвшее никакихъ патріотическихъ чувствъ, было могущественнымъ и послушнымъ орудіемъ военнаго деспотизма, безграничнаго произвола, составлявшаго основу управленія Севера. Съ увеличеніемъ числа преторіанцевъ, возросло и могущество ихъ начальниковъ. Со времени Севера первый префектъ преторіанцевъ сталъ первымъ человѣкомъ въ государствѣ послѣ императора; онъ имѣлъ первый голосъ въ государственномъ совѣтѣ, завѣдывалъ не только военными дѣлами, но и юстиціей и администраціей.

Плавціанъ.

Десять лѣтъ первымъ преторіанскимъ префектомъ былъ Плавціанъ, человѣкъ, превосходившій всѣхъ своихъ предмѣстниковъ алчностью, развратомъ, деспотизмомъ и жестокостью; но за свою преданность императору пользовавшійся неизмѣнной его благосклонностью. Діонъ разсказываетъ ужасающій примѣръ того, какъ нагло и свирѣпо пользовался Плавціанъ

своимъ безграничнымъ могуществомъ: когда его дочь выходила за старшаго сына императора, онъ велѣлъ оскопить сто человѣкъ свободнаго состоянія, чтобъ его дочь была окружена, какъ восточныя царицы, толпою эвнуховъ. Придворная интрига, выдумавшая, будто Плавціанъ хочетъ низвергнуть императора, дала, наконецъ, его зятю предлогъ убить его. Маркъ Антонинъ, старшій сынъ Севера, называемый обыкновенно Каракаллою, закололъ своего тестя во дворцѣ передъ глазами отца. Отрубленную голову Плавціана Каракалла послалъ показать своей женѣ, его дочери, чтобы опечалить и оскорбить ее, и своей матери, чтобы порадовать ее. Северъ съ трудомъ согласился позволить Каракаллѣ это убійство, потому что очень дорожилъ Плавціаномъ, при содѣйствіи котораго довелъ военный деспотизмъ до полнаго развитія и уничтожилъ послѣднюю тѣнь республиканскихъ учрежденій. При помощи Плавціана были выработаны основные принципы новаго государственнаго права. Оно установляло, что „императорская власть основана на безвозвратномъ отреченіи сената и народа римскаго отъ всѣхъ правительственныхъ правъ и на безвозвратной передачѣ всѣхъ ихъ императору“ (прежде предполагалось, что верховная власть остается за сенатомъ и народомъ, и что императоръ лишь временный уполномоченный сената и народа), „Императоръ выше всѣхъ законовъ, и власть его не ограничена ни какими законами; онъ имѣетъ право, по своему произволу, располагать имуществомъ и жизнью подданныхъ, распоряжаться государствомъ, какъ своимъ личнымъ имѣніемъ“. Въ такомъ видѣ является императорская власть у знаменитыхъ юристовъ, жившихъ при династіи Севера, у Папиніана, Павла и Ульпіана.

Пареянская война. 198—202.

Но внутреннія дѣла не заставляли Севера забывать о внѣшнихъ; побѣдивъ Нигра, онъ присоединилъ къ имперіи провинцію, главнымъ городомъ которой была Нисибида и большую часть которой составляли земли, отнятыя у пареянъ; онъ отмстилъ имъ за то, что они помогали Нигру; но, какъ только увелъ онъ главную массу войска съ Востока на войну съ Альбиномъ на Западѣ, пареяне подступили къ Нисибидѣ. Летъ, командовавшій войсками въ ней, оборонялся храбро и отбилъ пареянъ. Побѣдивъ Альбина, Северъ возвратился на Востокъ; его сопровождалъ бѣжавшій къ римлянамъ братъ пареянскаго царя Вологеза IV; часть войска и обозъ Северъ послалъ внизъ по Эвфрату на лодкахъ, которыя построилъ въ верховьи рѣки, а самъ съ главными силами пошелъ берегомъ; взялъ Ктезифонъ, новую столицу пареянъ, построенную изъ развалинъ Вавилона и Селевкіи, переселилъ оттуда множество людей въ провинціи, отдаленныя отъ границы. Онъ велѣлъ расчистить царскій каналъ, соединявшій Эвфратъ съ Тигромъ и занесенный пескомъ. Сдѣлавъ его судоходнымъ, онъ перевелъ свою флотилію изъ Эвфрата въ Тигръ и пошелъ обратно въ Нисибиду берегомъ Тигра, потому, что на берегахъ Эвфрата уже не было ни хлѣба, ни травы, ни топлива. На пути въ Нисибиду Северъ осадилъ богатый городъ Гатру, стоявшій на скалѣ среди пустыни и сильно укрѣпленный. Взять эту крѣпость было трудно, какъ уже испытали римляне при Траянѣ (стран. 282); но она была центромъ караванной торговли, въ ней находилось много

товара, это возбуждало алчность Северовыхъ воиновъ, а царь ея былъ на сторонѣ Песценнія Нигра, и Северъ хотѣлъ отмстить ему. Дѣло кончилось неудачей. Знаменитый защитникъ Византіи Прискъ успѣлъ поставить осадныя машины подъ стѣнами крѣпости и охранить ихъ отъ огня осажденныхъ; осадныя работы подвинулись на столько, что можно было сдѣлать приступъ, и крѣпость была бы взята; но Северъ въ рѣшительную минуту остановилъ приступъ, не желая, чтобы сокровища, находившіяся въ храмѣ Солнца, были разграблены воинами, и надѣясь, что жители добровольно покорятся. Онъ ошибся. На слѣдующій день онъ возобновилъ приступъ; тутъ европейскія войска отказались сражаться, азіатскія пошли, но были отбиты. Своевольство преторіанцевъ распространилось и между воинами легіоновъ. Северъ принялъ мѣры для возстановленія дисциплины.

Тріумфальныя ворота. Война въ Британніи 208—211.

Послѣ довольно долгихъ остановокъ въ Сиріи, потомъ въ Египтѣ, Северъ возвратился въ Римъ. Сенатъ и народъ римскій постановили соорудить тріумфальныя ворота въ честь побѣдъ, одержанныхъ императоромъ въ Месопотаміи. Эти ворота еще стоятъ при входѣ на форумъ. Они были покрыты великолѣпными украшеніями; но остатки украшеній, уцѣлѣвшіе до нашего времени, показываютъ упадокъ искусства. Техническое исполненіе рельефовъ имѣетъ ремесленный характеръ, фигуры на нихъ лишены выраженія, безжизненны. Черезъ нѣсколько лѣтъ Северъ, человѣкъ уже пожилой, но сохранявшій всю прежнюю энергію, отправился на войну въ Британнію. Онъ взялъ съ собою своихъ сыновей Антонина (Каракаллу) и Гету, думая отучить ихъ въ походной жизни отъ изнѣженности и разврата, которому предавались они въ Римѣ. Не смотря на то, что страдалъ подагрой, онъ прошелъ далеко на Северъ за Адріанову стѣну; онъ хотѣлъ покорить пиктовъ и скотовъ, жившихъ въ Каледоніи, или по крайней мѣрѣ прекратить набѣги этихъ воинственныхъ горцевъ на римскую провинцію. Походъ по горной странѣ былъ труденъ, но Северъ выказалъ въ немъ свою обыкновенную отвагу и твердость. Онъ велѣлъ прорубать лѣса, пролагать черезъ болота бревенчатыя гати, отводить рѣки, и прошелъ до сѣвернаго края острова. Но враги оборонялись упорно; климатъ былъ суровъ; зимніе мѣсяцы были очень тяжелы для римлянъ, и войско терпѣло большой уронъ. Северъ, раздраженный вѣроломствомъ враговъ, нарушившихъ заключенный съ нимъ договоръ, поклялся истребить все населеніе каледонскихъ горъ; но, потерявъ, какъ говорятъ, до 50,000 воиновъ, онъ покинулъ мысль покорить римской власти эту страну холода и тумана. Онъ даже отказался отъ сѣверной полосы, присоединенной Антониномъ Піемъ къ римской провинціи, отодвинулъ границу назадъ до линіи укрѣпленій, возведенныхъ Адріаномъ, поправилъ этотъ валъ, построилъ на немъ новыя стѣны и другія укрѣпленія, чтобы сѣверные горцы встрѣчали тутъ неодолимую преграду своимъ нападеніямъ.

Смерть Севера. 211.

Септимій Северъ уже не вернулся изъ Британніи. Много успѣховъ въ жизни имѣлъ онъ, но душа его мучилась тоскою. Благодаря счастью и талантамъ, онъ изъ ничтожнаго положенія поднялся до владычества надъ имперіею, государь которой былъ могущественнѣйшимъ человѣкомъ на землѣ. Но въ концѣ жизни онъ былъ такъ угнетенъ физическими и нравственными страданіями, что думалъ отравиться. Неудача похода въ Каледонію, болѣзнь, а особенно семейное горе и раскаяніе въ жестокостяхъ, совершонныхъ имъ по раздражительности характера, терзали его.

Каракалла, Гета и Юлія Домна.

У Севера было два сына: Маркъ Аврелій Антонинъ, называемый обыкновенно Каракаллой, по имени, которое далъ ему народъ, и Публій Септимій Гета. Северъ еще въ 198 году сдѣлалъ Каракаллу августомъ, то есть своимъ товарищемъ по императорской власти. Въ 209 году онъ далъ санъ августа и Гетѣ; это произвело открытую вражду между братьями, съ дѣтства ненавидѣвшими другъ друга. Оба они уже давно дѣлали много огорченій отцу своей непримиримой враждой, своимъ буйствомъ и развратомъ. Діонъ говоритъ, что оба они соперничали между собою въ распутствѣ и злодѣйствахъ: насиловали женщинъ, предавались самымъ грязнымъ порокамъ, вели дружбу съ гладіаторами, съ конюхами и добывали себѣ деньги всякими грабительствами. О Каракаллѣ говорятъ, что онъ, нетерпѣливо желая стать императоромъ, много разъ составлялъ злоумышленія противъ жизни отца и дѣлалъ попытки поднять противъ него войско.—Юлія Домна, жена императора, славившаяся красотой и умомъ, тоже дѣлала мужу много огорченій своимъ распутствомъ. Она была сиріянка, родилась въ Эмесѣ; Северъ, вѣрившій сновидѣніямъ и другимъ предзнаменованіямъ, женился по смерти первой жены на этой красавицѣ, бракъ съ которой долженъ былъ, по астрологическимъ предзнаменованіямъ, принести ему счастье. Но при всей своей красотѣ, умѣ и образованности она не могла надолго подчинить себѣ мрачнаго и ревниваго мужа. О ней говорятъ, что живое воображеніе соединялось въ ней съ большой разсудительностью. Мы уже говорили, что она была покровительницей философовъ и вообще ученыхъ, старалась при ихъ помощи поддержать падающее язычество. Въ благодарности за милость, которыми она осыпала ихъ, они превозносили ея блестящія дарованія. Но по своему образу жизни она, кажется, была истинной дочерью развратной Сиріи.

Душевныя тревоги ускорили смерть императора, страдавшаго подагрой. Въ послѣдніе дни раздумывая о ничтожествѣ земнаго величія, онъ говорилъ: „я достигъ всего и нѣтъ мнѣ отрады ни въ чемъ". Онъ часто осуждалъ Марка Аврелія за дурную снисходительность къ порочному сыну, за назначеніе этого сына преемникомъ власти, но самъ показалъ такой же примѣръ чрезмѣрной отцовской снисходительности. Передъ смертью онъ объявилъ, что оба его сына должны быть императорами вмѣстѣ, убѣждалъ ихъ жить согласно, рекомендовалъ ихъ войску. Онъ умеръ въ Эборакѣ (въ нынѣшнемъ Іоркѣ), на 65 году жизни, на 18 году царствованія, прославленнаго побѣдами. Говорятъ, что при извѣстіи о его смерти въ сенатѣ было

4 февраля 211.

сдѣлано восклицаніе: «Северу или не слѣдовало родиться, или не слѣдовало умирать». Эти слова были выраженіемъ опасеній за будущность.

Каракалла 211—217 (964—970). Общее правленіе братьевъ. Убійство Геты.

Легіоны, бывшіе въ Британніи, исполнили волю умершаго и провозгласили императорами обоихъ его сыновей, хотя Каракалла требовалъ, чтобы санъ этотъ былъ признанъ за нимъ однимъ. Братья отправились въ Римъ присутствовать при похоронахъ и апотеозѣ отца и принять поздравленія сената и народа. Уже на пути, въ Галліи, потомъ въ Италіи, ссоры между ними были такъ сильны, что они принимали всяческія предосторожности другъ противъ друга. Въ Римѣ они поселились въ разныхъ половинахъ огромнаго дворца, задѣлали или заперли всѣ ходы изъ одной половины въ другую; выходя изъ дворца, каждый окружалъ себя многочисленными тѣлохранителями; нѣкоторые совѣтовали имъ раздѣлить между собой имперію, такъ чтобы одинъ взялъ себѣ Востокъ, а другой — Западъ; но римскій народъ былъ еще слишкомъ гордъ, чтобы допустить раздѣлъ имперіи; не желалъ этого и Каракалла, думавшій завладѣть всѣмъ одинъ. Въ ссорахъ между братьями прошелъ годъ. Каракалла рѣшился убить брата. По просьбѣ матери, глубоко огорчавшейся ссорой, онъ согласился на свиданіе съ братомъ въ ея комнатахъ, обѣщаясь примириться съ нимъ; во время свиданія вооруженные люди, спрятанные Каракаллой въ сосѣдней комнатѣ, бросились на Гету. Онъ подбѣжалъ къ матери, она обняла его, чтобы защитить; убійцы остановились; Каракалла ободрилъ ихъ, помогъ имъ, и Гета былъ убитъ въ объятіяхъ матери. Каракалла поспѣшилъ въ преторіанскій станъ, сильно тревожась мыслью о томъ, какъ примутъ его преторіанцы, уважавшіе волю его отца и любившіе простого, прямодушнаго Гету больше, нежели его, хитраго, коварнаго человѣка. Онъ сталъ говорить имъ, что онъ лишь оборонялся отъ Геты, который хотѣлъ убить его; преторіанцы слушали мрачные, съ ропотомъ негодованія; но онъ обѣщалъ имъ огромные подарки, роздалъ имъ все громадное количество денегъ, собранное въ казнѣ Северомъ, и убѣдилъ ихъ этимъ въ правотѣ своего дѣла. Когда преторіанцы одобрили убійство, то и сенатъ выразилъ свою преданность Каракаллѣ; такимъ образомъ, онъ достигъ своей цѣли, сталъ императоромъ одинъ. Предложеніе воздать божескія почести убитому Гетѣ онъ принялъ охотно, и говорятъ, что онъ выразилъ свое согласіе каламбуромъ, въ которомъ была игра созвучіемъ словъ divus (божественный) и vivus (живой): sit divus, dum non sit vivus (пусть будетъ богомъ; лишь бы не быть ему живому).

27 февраля 212.

Свирѣпая тираннія Каракаллы.

Оставшись одинъ императоромъ, Каракалла далъ полную волю своей свирѣпости. Онъ хотѣлъ истребить всѣхъ, имѣвшихъ расположеніе къ убитому брату; всѣхъ, въ комъ предполагалъ сожалѣніе объ немъ. Онъ казнилъ всѣхъ друзей Геты, слугъ его, отпущенниковъ его; жалѣть о Гетѣ было преступленіемъ. Мать Геты Юлія Домна должна была скрывать свои слезы, принимать съ улыбающимся лицомъ убійцу; ея другъ Фодилла, дочь Марка Аврелія, уважаемая всѣми, была убита за то, что жалѣла о Гетѣ. Говорятъ, что 20,000 человѣкъ—и мужчинъ, и женщинъ—были казнены за расположеніе къ нему. Гельвій Пертинаксъ, сынъ императора Пертинакса, поплатился жизнью за то, что сказалъ, что Каракалла можетъ къ другимъ своимъ титуламъ прибавить «Гетскій» Geticus (это каламбуръ; «побѣдитель гетовъ, убійца Геты»). Изъ множества жертвъ тиранства Каракаллы общество сожалѣло въ особенности о великомъ юристѣ Папиніанѣ, который былъ преторіанскимъ префектомъ въ послѣднія семь лѣтъ царствованія Севера и, по возможности, удерживалъ его отъ жестокости и произвола; Северъ, умирая, просилъ Папиніана заботиться о томъ, чтобы сыновья его жили согласно между собой, и охранять ихъ обоихъ. Каракалла потребовалъ теперь отъ Папиніана, чтобъ онъ написалъ рѣчь въ оправданіе убійства Геты; Папиніанъ отказался, отвѣчая на его требованіе словами: «легче совершить, чѣмъ оправдать братоубійство». Каракалла велѣлъ убить его. Среди интригъ двора Папиніанъ, дѣловой человѣкъ, юристъ, сохранилъ себя чистымъ отъ злоупотребленій своими техническими знаніями, и безтрепетно обрекъ себя на смерть своимъ отказомъ; это, говоритъ Гиббонъ, озаряетъ его память славой болѣе блестящей, чѣмъ его юридическая знаменитость и его многочисленныя юридическія сочиненія, превосходныя по силѣ ума и изяществу формы, знаменитые его «Вопросы и отвѣты» (Quaestiones et responsa). Казни не ограничивались Римомъ; жертвами ихъ были не одни только друзья Геты; истребивъ всѣхъ, кого считалъ сожалѣвшими о Гетѣ, Каракалла сталъ убивать сенаторовъ и всадниковъ, считавшихся друзьями свободы, или просто возбуждавшихъ его алчность своимъ богатствомъ, которое конфисковалъ онъ, казнивъ ихъ. Заливъ Римъ кровью, онъ распространилъ свою свирѣпость на провинціи; аренами его тиранства въ особенности были богатые, роскошные города Востока. Онъ ненавидѣлъ свою жену Плавтиллу, по ненависти къ ея отцу Плавціану; она и ея братъ были сосланы на островъ Липару и убиты тамъ. Нѣкоторые изъ древнихъ писателей говорятъ, что, убивъ Плавтиллу, Каракалла женился на своей мачихѣ Юліи Домнѣ, которая, хотя была теперь уже въ пожилыхъ лѣтахъ, все еще оставалась красавицей, и сама позаботилась возбудить кокетливыми нарядами чувственное влеченіе въ своемъ пасынкѣ.

Характеръ Каракаллы.

Черезъ годъ по убійствѣ Геты Каракалла уѣхалъ изъ Рима и уже не возвратился туда: Говорятъ, что отецъ, умирая, далъ ему совѣтъ «заботиться объ упроченіи любви войска и считать за ничто всѣхъ остальныхъ подданныхъ»; сынъ усердно слѣдовалъ этому совѣту. Забота Севера упрочить преданность войска императору была уже

великимъ бѣдствіемъ для государства, портило и само войско, которое было избаловано милостями императора; при Каракаллѣ это стало еще хуже. Своей безразсудной снисходительностью онъ такъ избаловалъ войско, что дисциплина упала; безграничная расточительность на награды воинамъ, увеличеніе жалованья, подарки имъ истощали казну, принуждали Каракаллу раззорять государство налогами и грабежами. Онъ увеличилъ прежніе налоги, между прочимъ пошлину съ наслѣдствъ, съ передачи имущества въ подарокъ и съ актовъ объ отпускѣ рабовъ на волю, ввелъ новые налоги, принуждалъ города дѣлать взносы, называвшіеся добровольными подарками. Разсказы древнихъ писателей наполнены извѣстіями о свирѣпости и грабительствѣ Каракаллы. Но нѣкоторыя его распоряженія показываютъ, что при всей своей порочности и жестокости онъ имѣлъ правительственные таланты. Такъ, напримѣръ, онъ довершилъ начатое Адріаномъ и Северомъ объединеніе государства изданіемъ закона, предоставившаго всему свободному населенію имперіи права гражданства. Главнымъ мотивомъ этого важнаго постановленія былъ, по всей вѣроятности, разсчетъ денежной выгоды: получивъ право римскаго гражданства, жители провинцій подверглись платежу тѣхъ налоговъ, которые были взимаемы только съ римскихъ гражданъ; это были пошлины съ наслѣдствъ, получаемыхъ по завѣщаніямъ ли, или, по праву родства, безъ завѣщаній. Но, по какимъ бы мотивамъ ни былъ изданъ этотъ законъ, онъ имѣлъ величайшую политическую важность: онъ открылъ всѣмъ свободнымъ людямъ громадной имперіи доступъ ко всѣмъ должностямъ въ ней, и только съ этого времени получили равноправность съ римлянами всѣ народы имперіи; только теперь она стала объединеннымъ государствомъ. Правда и то, что люди всѣхъ народностей, уравненные въ правахъ, одинаково страдали отъ алчности Каракаллы, принужденнаго добывать всяческими средствами деньги на содержаніе войска и подарки воинамъ. Впрочемъ, онъ расточительно тратилъ деньги не на одно войско, а также и на громадныя постройки. Въ южной части Рима онъ построилъ колоссальныя термы Антонина; развалины этихъ громадныхъ залъ и безчисленныхъ комнатъ еще остаются памятникомъ его расточительности.

Каракаллѣ было пріятно только военное общество; онъ раздѣлялъ грубые вкусы простыхъ воиновъ. Онъ никогда не имѣлъ склонности къ образованію; отецъ далъ ему превосходныхъ учителей, онъ учился плохо и не пріобрѣлъ изъ ихъ уроковъ ничего, кромѣ нѣкотораго искусства говорить рѣчи; но съ дѣтства онъ усердно занимался физическими упражненіями и, одаренный отъ природы большой силой, сталъ отличнымъ наѣздникомъ, охотникомъ, гребцомъ, превосходно плавалъ; онъ раздѣлялъ въ походахъ всѣ труды и лишенія простыхъ воиновъ: ходилъ пѣшкомъ, неся на себѣ оружіе и всю

аммуницію, исполнялъ въ станѣ всѣ обязанности простого воина, обѣдалъ вмѣстѣ съ рядовыми и веселился заодно съ ними; подобно грубымъ простолюдинамъ, онъ страстно любилъ смотрѣть на гладіаторскій бой, на битвы съ хищными звѣрями въ амфитеатрѣ, на скачки колесницъ въ циркѣ. Онъ любилъ войну, хотѣлъ во всемъ подражать Александру, но, не имѣя политическаго образованія, не могъ найдти разсудительной цѣли для военныхъ дѣйствій, тратилъ время и силу войска на безсмысленныя военныя дѣла. На Дунаѣ уже начиналось то передвиженіе народовъ, которымъ была впослѣдствіи разрушена римская имперія. Каракалла не съумѣлъ сдѣлать тамъ ничего, кромѣ того, что вѣроломно напалъ на алеманновъ; онъ безъ надобности бился въ Месопотаміи съ парѳянами, заискивалъ расположеніе воиновъ пріятельскимъ обращеніемъ съ ними въ станѣ и походахъ, отводилъ войска на квартиры въ богатые города Востока, пьянствовалъ и развратничалъ тамъ вмѣстѣ съ воинами; они изнѣживались на этихъ роскошныхъ квартирахъ, утрачивали воинственность, привыкали пренебрегать дисциплиной. Но Каракаллѣ казалось, что онъ успѣшно подражаетъ своему образцу Александру; онъ принялъ имя Александра, аттрибуты, съ которыми изображался Александръ, сформировалъ себѣ фалангу, по образцу македонской, преслѣдовалъ философовъ, державшихся системы Аристотеля, потому что Аристотель считался врагомъ Александра въ послѣдніе годы жизни македонскаго завоевателя; онъ, по примѣру Александра, посѣтилъ Иліонъ и гробницу Ахиллеса, оплакивалъ своего умершаго, или убитаго любимца, по примѣру того, какъ Ахиллесъ оплакивалъ Патрокла, Александръ—Гефестіона. Но ничего похожаго на хорошія качества Александра онъ не имѣлъ и, въ поступкахъ своего образца, могъ подражать только дурному. Жестокостью онъ далеко превосходилъ Александра: безчисленныя казни всѣхъ родныхъ, всѣхъ друзей прежнихъ императоровъ, оставляли далеко за собой примѣры жестокости, показанные Александромъ, убившимъ Филота и Парменіона. Александръ носилъ облаченіе персидскаго царя; Каракалла, въ подражаніе тому, сталъ носить германское платье; носилъ русый парикъ, чтобы походить на германцевъ цвѣтомъ волосъ. Онъ составилъ себѣ отрядъ тѣлохранителей изъ германцевъ, потому что варвары, храбрость которыхъ узналъ онъ на войнѣ съ алеманнами и готами, казались ему болѣе надежнымъ орудіемъ деспотизма, чѣмъ уроженцы государства, соединенные хотя слабыми связями человѣчности съ гражданами.

Дѣйствія Каракаллы на Востокѣ 215—217.

Извѣстія о жизни и походахъ Каракаллы, передаваемыя намъ Діономъ, Геродіаномъ и Спарціаномъ, не во всемъ согласны между собою; но всѣ эти историки говорятъ, что не было изъ прежнихъ дурныхъ императоровъ ни одного, съ которымъ не сравнился бы Каракалла сумасбродствомъ, коварствомъ и свирѣпостью. Неронъ, Доми-

ціанъ и Коммодъ убивали людей только въ Римѣ, въ Италіи, въ Греціи. Каракалла былъ врагомъ всего населенія имперіи. Подобно Калигулѣ онъ извѣстенъ подъ насмѣшливымъ названіемъ (его прозвали Каракаллою за то, что онъ любилъ въ молодости носить галльскій плащъ, называвшійся caracalla); и по своимъ поступкамъ онъ походилъ всего больше на Калигулу; оба они были сумасброды, у которыхъ кружилась голова отъ ихъ всемогущества; нѣкоторые ученые даже считаютъ это особеннымъ видомъ дѣйствительнаго помѣшательства и называютъ «цезарскимъ сумасшествіемъ». Ужасающій примѣръ коварства, мстительности и свирѣпости Каракаллы представляетъ кровопролитіе, которое устроилъ онъ въ Александріи. Легкомысленное населеніе этого города было насмѣшливо и возбудило противъ себя раздраженіе въ Каракаллѣ колкими шутками по поводу убійства Геты и любовной связи или брака Каракаллы съ Юліею Домной, которую александрійцы называли Іокастой; смѣялись они и надъ низкимъ ростомъ Каракаллы, негодившимся для человѣка, игравшаго роль Ахиллеса и Александра; онъ рѣшилъ наказать ихъ. Мы разскажемъ словами Геродіана объ этомъ истребленіи людей, на которое Каракалла смотрѣлъ, ставъ подъ колоннадой храма Сераписа.

Каракалла объявилъ, что дастъ въ Александріи рядъ праздниковъ; когда въ городъ сошлось изъ всѣхъ окрестностей множество народа на эти праздники, онъ послалъ по городу вѣстниковъ приглашать всѣхъ молодыхъ людей собраться на обширную площадь: онъ объявилъ, что хочетъ сформировать фалангу въ честь Александра и что эта фаланга будетъ называться Александровой; у него уже были двѣ фаланги, македонская и спартанская, эта будетъ третья; молодые люди станутъ въ ряды, онъ пересмотритъ ихъ, выберетъ тѣхъ, которые годятся для такой почетной службы; молодые люди сошлись; съ ними пришли ихъ родители и родственники; надежда на почетную службу была привлекательна; всѣ были увѣрены въ благосклонности императора, потому что онъ уже оказалъ городу очень милостивое расположеніе. Каракалла прошелъ по рядамъ молодыхъ людей, останавливался передъ нѣкоторыми юношами, говорилъ съ ними, каждому сказалъ что-нибудь любезное. А между тѣмъ войско окружало площадь. Народъ не подозрѣвалъ ничего. Когда Каракалла разсчиталъ, что войско окружило народъ, онъ кончилъ смотръ, отошелъ съ своими тѣлохранителями въ сторону, далъ знакъ;—воины бросились со всѣхъ сторонъ на окруженныхъ ими молодыхъ людей и остальной народъ и стали убивать всѣхъ. Другіе воины, оставшіеся за кругомъ убивающихъ, рыли огромныя ямы и бросали въ нихъ тѣла убитыхъ, бросали всѣхъ упавшихъ и бѣжавшихъ; наполнивъ ямы, засыпали землею. Многіе были брошены въ ямы еще живыми, многіе даже вовсе не раненными. Погибли и многіе воины. Раненые и не раненые, бросаемые въ ямы, хватались за воиновъ и увлекали ихъ съ собою въ могилы; другіе воины, не разбирая ничего, засыпали землею своихъ товарищей. Число убитыхъ было такъ велико, что текли цѣлые ручьи крови и стала красной вода не только въ устьяхъ Нила, очень широкихъ, но и въ морѣ по всему прибрежью Александріи.

Изъ Александріи Каракалла отправился черезъ Антіохію въ Месопотамію, чтобы подвигами на востокѣ пріобрѣсти имя «Парѳянскаго». Онъ обманулъ парѳянъ коварными увѣреніями въ желаніи заключить съ ними союзъ; парѳяне остались не готовы къ войнѣ, онъ напалъ

на нихъ, безоружныхъ. Онъ захватилъ въ плѣнъ Абгара, эдесскаго царя, заковалъ его въ цѣпи, послалъ въ Римъ; царство его сдѣлалъ римской провинціей, а городу Эдессѣ далъ права римской колоніи.

Смерть Каракаллы. 217.

Скоро послѣ покоренія Эдессы кончилась жизнь Каракаллы. Подобно отцу, онъ вѣрилъ въ прорицанія, въ астрологію. Магъ, очень опытный въ своемъ искусствѣ, жившій въ Африкѣ, сдѣлалъ предсказаніе, что преемникомъ Каракаллы будетъ Макринъ, преторіанскій префектъ, человѣкъ даровитый, дослужившійся своими талантами до высшей должности въ государствѣ и пользовавшійся безукоризненной репутаціей. Префектъ города Рима послалъ донесеніе о предсказаніи мага Каракаллѣ, бывшему тогда въ Эдессѣ. Донесеніе было подано Каракаллѣ, когда онъ былъ на играхъ и мысли его были совершенно поглощены скачкой колесницъ. Онъ отдалъ всѣ привезенныя донесенія, въ томъ числѣ и это, Макрину, велѣвъ просмотрѣть ихъ и доложить объ ихъ содержаніи ему по окончаніи игръ. Макринъ, прочитавъ донесеніе о пророчествѣ, увидѣлъ, что ему предстоитъ смерть; Каракалла уже и безъ того не любилъ его за то, что онъ не хотѣлъ обѣдать и веселиться съ простыми воинами, какъ дѣлалъ императоръ; итакъ Макринъ не могъ ждать пощады себѣ. Онъ скрылъ отъ Каракаллы донесеніе о пророчествѣ мага, рѣшившись спасти себя отъ смерти убійствомъ его, и склонилъ на это дѣло отважнаго воина, Марціала, который негодовалъ на Каракаллу за отказъ въ просьбѣ: Марціалъ просилъ, чтобы императоръ сдѣлалъ его центуріономъ, Каракалла не согласился. На поѣздкѣ въ Карры Каракалла нѣсколько удалился отъ своей свиты, Марціалъ воспользовался этой минутой и вонзилъ ему въ сердце кинжалъ. Одинъ изъ скиѳскихъ стрѣлковъ, находившихся въ числѣ тѣлохранителей императора, пустилъ въ Марціала стрѣлу; онъ умеръ, и смерть его оставила неизвѣстнымъ, что онъ убилъ императора по чужому внушенію. Макринъ притворился опечаленнымъ, и никто не подозрѣвалъ его. Легіоны не могли согласиться между собою выбрать императоромъ кого нибудь другого; Макринъ обѣщалъ большіе подарки, если выберутъ его, и на четвертый день по убійствѣ онъ былъ провозглашенъ императоромъ. Онъ назначилъ своего сына Діадуменіана, прекраснаго мальчика, цезаремъ; по поводу этого войско получило новые подарки и пиры. При возведеніи въ санъ цезаря Діадуменіанъ получилъ имя Антонина.

8 Апрѣля 217.

Провозглашеніе Макрина императоромъ.

Макринъ и Діадуменіанъ. 217—218. (970—971).

Но у Макрина было много враговъ, и положеніе его становилось съ каждымъ днемъ труднѣе. Сенатъ, по ненависти къ Каракаллѣ, радостно призналъ Макрина императоромъ; но когда первое впечатлѣніе отрады прошло, въ сенатѣ возникло неудовольствіе на то, что войско, не испросивъ его согласія, возвело на престолъ человѣка, не знатнаго и не имѣвшаго за собою никакихъ блистательныхъ заслугъ. Сенатъ находилъ это обидой для себя. Преданность войска новому

императору была еще менѣе прочна; Макринъ служилъ въ гражданскихъ должностяхъ, не имѣлъ привычекъ военачальника и робѣлъ, когда войско начинало буйствовать; оно скоро замѣтило, что угрозами можетъ заставлять его дѣлать все, что хочетъ. Переговоры Макрина съ Марціаломъ были ведены не такъ, чтобы совершенно никто не зналъ о нихъ, и скоро обнаружилось, что истиннымъ виновникомъ убійства былъ Макринъ; притворство, съ какимъ жалѣлъ онъ о смерти Каракаллы, увеличивало тяжесть его преступленія въ глазахъ воиновъ. Ихъ неудовольствіе возросло, когда Макринъ, находя невозможнымъ покрывать громадные расходы на содержаніе войска, рѣшилъ уменьшить жалованье воинамъ и уже сдѣлалъ это относительно людей, вновь принимаемыхъ на службу. Досада быть можетъ разсѣялась бы, еслибъ легіоны были въ походѣ и одерживали побѣды; но Макринъ оставлялъ ихъ всю зиму безъ дѣла въ Сиріи, а когда пареяне вторглись въ римскія области отмстить за коварное нападеніе Каракаллы и Макринъ весною повелъ войско на нихъ, то не одержалъ никакихъ побѣдъ и унизилъ римское имя, заключивъ съ врагами постыдный миръ; онъ согласился уплатить пареянамъ большую сумму въ вознагражденіе за военные убытки. Неудовольствіе войска было увеличено реформою, какую ввелъ онъ въ образѣ жизни воиновъ. Самъ онъ въ роскошной восточной одеждѣ пировалъ, забывая свою прежнюю дѣловую жизнь, а между тѣмъ оставилъ войско въ станахъ, лишилъ его этимъ привычныхъ удобствъ жизни по квартирамъ въ большихъ городахъ; воины скучали, не имѣя прежнихъ удовольствій и будучи подчинены строгой дисциплинѣ, отъ которой отвыкли при Каракаллѣ.

Измѣна войска.

Приверженцы убитаго императора хорошо знали, что войско не довольно Макриномъ. Юлія Домна, которую отправилъ онъ жить въ Антіохіи, не захотѣла выносить униженнаго положенія, въ какое повергла ее смерть Каракаллы: она лишила себя жизни. У нея была сестра Юлія Меза, имѣвшая двухъ дочерей, Соэмису и Мамею; обѣ дочери были вдовы, у каждой былъ сынъ; Юлія Меза и все ея семейство переѣхали изъ Антіохіи въ другой сирійскій городъ Эмесу, гдѣ сынъ Соэмисы, подростающій юноша Варій Авитъ Бассіанъ былъ первосвященникомъ въ храмѣ Элагабала, бога солнца. Близъ Эмесы стояла станомъ часть войска; воины приходили въ храмъ Солнца, видѣли тамъ юношу первосвященника, восхищались великолѣпнымъ облаченіемъ его и красивостью его фигуры; въ лицѣ его они находили черты сходства съ Каракаллой. Меза была женщина хитрая; мысли о власти были для нея дороже честнаго имени дочерей; она велѣла своему отпущеннику Эвтихіану Комазону распространять молву, что Бассіанъ—побочный сынъ Каракаллы, и пріобрѣла расположеніе воиновъ, раздавая имъ очень много денегъ изъ несмѣтнаго богатства, оставшагося въ наслѣдство ей отъ ея сестры Юліи

Домны. Когда воины были достаточно подготовлены, Меза съ Бассіаномъ, принявшимъ императорское имя Антонина, явилась въ станъ, и войско съ восторгомъ провозгласило Бассіана императоромъ. Отряды, стоявшіе въ другихъ станахъ, послѣдовали этому примѣру; Макринъ оставался въ Антіохіи, робѣлъ, предлагалъ войскамъ въ награду за вѣрность увеличеніе жалованья, подарки, пиры; но всѣ войска, находившіяся въ Сиріи, приняли сторону Бассіана; остались вѣрны Макрину только преторіанцы. Не подалеку отъ Антіохіи произошла рѣшительная битва. Преторіанцы выказали такую храбрость, что ряды инсургентовъ поколебались. Меза и Соэмиса вышли изъ своихъ крытыхъ экипажей, стали ободрять легіоны; Бассіанъ, который послѣ всегда былъ трусомъ, на этотъ разъ одушевился смѣлостью. Его приближенный царедворецъ, эвнухъ Ганнисъ, умѣвшій только пировать, тоже оказался на этотъ разъ человѣкомъ энергическимъ; съ мечомъ въ рукѣ, Бассіанъ поскакалъ на конѣ въ бой, а Ганнисъ остановилъ, привелъ въ порядокъ отступавшіе легіоны. Но при храбрости преторіанцевъ Макринъ все таки могъ бы одержать побѣду, если бъ не оробѣлъ. Онъ бѣжалъ изъ битвы; бой остался не рѣшеннымъ, но бѣгство Макрина доставило полное торжество противникамъ. Преторіанцы цѣлый день ждали возвращенія императора. Убѣдившись, что онъ трусливо бѣжалъ, они сдались на почетныхъ условіяхъ: войска, сражавшіяся съ ними, встрѣтили ихъ радостно.—Макринъ продлилъ бѣгствомъ свою жизнь лишь на нѣсколько дней. Воины, посланные въ погоню, отыскали его убѣжище и, по приказанію новаго императора, онъ и его сынъ были убиты.

Провозглашеніе Бассіана Элагабала императоромъ. 16 мая 218.

Битва при Антіохіи.

Смерть Макрина и его сына іюнь 218.

Бассіанъ Антонинъ приписывалъ свое счастье милости своего бога, принялъ въ честь его имя Геліогабала (такъ произносили римляне названіе Элагабала); этотъ юноша соединялъ въ своихъ привычкахъ сирійскіе и римскіе пороки; онъ изумилъ имперію, разъигрывая вмѣстѣ роль жреца и роль женщины на оргіяхъ гнуснаго распутства.— Въ письмѣ, которымъ извѣщалъ сенатъ о своемъ восшествіи на престолъ, онъ говорилъ, что будетъ въ своемъ правленіи слѣдовать примѣрамъ Марка Аврелія и Августа; но своими поступками не замедлилъ показать, что эти обѣщанія пустыя слова. Онъ отправился въ Италію, но остановился на зиму въ Никомедіи; и на пути, и въ Никомедіи онъ проводилъ время въ пирахъ, развратѣ, жреческомъ плутовствѣ; дѣлами правили его бабушка Меза и ея дочери. Онъ не занимался ничѣмъ, кромѣ своихъ пошлостей. Онъ являлся не иначе, какъ въ широкомъ развѣвающемся жреческомъ облаченіи, сшитомъ изъ шелковой ткани съ золотыми узорами, надѣвъ на голову высокую тіару, на шею ожерелье, на руки браслеты, набѣлившись и нарумянившись. Въ этомъ нарядѣ изображала его статуя, которая была поставлена въ сенатѣ выше изображенія Богини Побѣды, и сенаторы должны были поклоняться этой статуѣ. Въ слѣдующемъ

Бассіанъ Антонинъ Геліогабалъ 218—222 (971—975).

218—219.

219.

году онъ пріѣхалъ въ Римъ вмѣстѣ съ своимъ богомъ, которому далъ первое мѣсто между всѣми богами, и осквернилъ себя всяческими мерзостями и глупостями, какія можетъ придумать испорченное воображеніе безразсуднаго, развратнаго пятнадцати-лѣтняго юноши, воспитаннаго въ сирійской изнѣженности и обезумѣвшаго отъ своего всемогущества. Его богъ, прославленіе котораго считалъ онъ важнѣйшею задачею своей жизни, былъ черный камень, имѣвшій форму конуса и украшенный оправой изъ драгоцѣнныхъ камней. Онъ хотѣлъ, чтобы вся имперія приняла культъ этого бога, которому онъ построилъ великолѣпный храмъ со множествомъ жертвенниковъ на Палатинскомъ холмѣ; тамъ совершалось шумное служеніе новому богу: курились массы ѳиміама и, при дикомъ грохотѣ оркестра, сиріянки исполняли сладострастные танцы, а римскіе сенаторы и другіе знатные римляне въ восточномъ облаченіи прислуживали при жертвоприношеніяхъ.

Мы уже говорили о томъ, какъ Геліогабалъ совершилъ сліяніе разныхъ религій въ одну, устроивъ бракосочетаніе своего Бога Солнца съ Небесною Дѣвою, богинею Карѳагена, и вмѣстѣ съ тѣмъ отпраздновалъ свое бракосочетаніе съ одною изъ весталокъ, насильно приведенною на этотъ мистическій бракъ. Эта нелѣпая профанація языческаго богослуженія, конечно, возмущала вѣрующихъ и подрывала уваженіе къ религіи въ массѣ народа.

Гнусное распутство Геліогабала.

Было бы неприлично вдаваться въ описаніе глупостей и мерзостей сирійскаго развратника. Всѣ символическіе разсказы восточныхъ миѳовъ о гермафродитныхъ божествахъ были осуществляемы на дѣлѣ этимъ сумасбродньмъ негодяемъ: онъ игралъ то роль бога, то роль богини въ оргіяхъ своего распутства. Попирая ногами въ своемъ развратѣ всѣ законы природы и правила приличія, онъ безумствовалъ и въ своей ѣдѣ: ему нравилось зимою только то, что ростетъ лѣтомъ, а лѣтомъ то, что составляетъ зимнюю пищу, и только то, что привозилось изъ далекихъ странъ. Сладострастіе, деспотизмъ, профанація языческой религіи достигали омерзительнѣйшаго размѣра въ жизни Геліогабала. Рядомъ съ распутствомъ и шутовствомъ шли казни богатыхъ и вліятельныхъ людей, казавшихся ему подозрительными; сладострастное служеніе Ваалу соединялось съ кровавыми обрядами сумасбродныхъ таинствъ, при которыхъ совершались гаданія по внутренностямъ приносимыхъ въ жертву людей. Безумная расточительность заставляла свирѣпаго развратника чеканить монету все болѣе и болѣе низкой пробы и уменьшать вѣсъ ея: порча монеты началась еще при Каракаллѣ; Геліогабалъ велъ ее въ такомъ размѣрѣ, что государственный кредитъ упалъ, имперіи грозило банкротство.

Смерть Геліогабала.

Меза, которая при содѣйствіи дочерей управляла государствомъ,

увидѣла, что ея распутный внукъ готовитъ себѣ погибель своими гнусностями и рѣшилась низложить его, чтобы сохранить императорскую власть въ своей фамиліи; она хотѣла замѣстить его другимъ своимъ внукомъ Александромъ Бассіаномъ, сыномъ Мамеи. Воспользовавшись минутой нѣжнаго расположенія Геліогабала, она уговорила его дать Александру санъ цезаря, чтобы его «божественныя занятія не были прерываемы земными заботами», какъ она объяснила ему. Скоро онъ раскаялся, увидѣвъ, что Александръ, прекрасно воспитанный своею матерью и дѣйствовавшій постоянно подъ ея руководствомъ, пріобрѣлъ любовь сената и преторіанцевъ. Онъ нашелъ, что ему надобно убить Александра, и отнялъ у него санъ цезаря, чтобы подготовить убійство; но сенатъ выслушалъ сообщеніе объ отнятіи сана у Александра въ молчаніи, не выразилъ одобренія, а преторіанцы при этомъ извѣстіи подняли страшный ропотъ; Геліогабалъ возвратилъ Александру санъ и сдѣлалъ попытку убить его. Попытка не удалась, потому что Мамея заботливо наблюдала за безопасностью сына. Но въ преторіанскомъ станѣ разнесся слухъ, что Александръ убитъ; воины взволновались такъ грозно, что Геліогабалъ нашелъ надобнымъ отправиться къ нимъ, взявъ съ собой двоюроднаго брата. Они встрѣтили императора ропотомъ, Александра— криками радости; разсердившись на такую встрѣчу, Геліогабалъ рѣшился наказать воиновъ, особенно шумѣвшихъ. Эта несвоевременная строгость привела въ ярость преторіанцевъ, большинство которыхъ уже были привлечены Мезою и Мамеею на сторону Александра. Они подняли мятежъ, легко одолѣли приверженцевъ Геліогабала, убили его и Соэмису; поволокли его изуродованное тѣло по улицамъ Рима и бросили въ Тибръ. Сенатъ постановилъ, что память его предается вѣчному позору.

10 марта 222.

Александръ Северъ 222—235 (975—988).

Убивъ Геліогабала и его мать, преторіанцы провозгласили императоромъ Александра; сенатъ поспѣшилъ утвердить ихъ выборъ. Сенатъ желалъ, чтобы онъ принялъ имя Антонина, но онъ, по желанію преторіанцевъ, принялъ имя Севера, родственникомъ котораго былъ. Ему было только семнадцать лѣтъ, потому государствомъ правили его мать и бабушка. Меза черезъ нѣсколько мѣсяцевъ умерла и править стала одна Мамея, женщина разсудительная; сынъ, скромный юноша, во всемъ слушался матери. Она была дружна, какъ мы знаемъ, съ Оригеномъ; и у христіанъ возникло впослѣдствіи преданіе, что она была христіанка; конечно, это мнѣніе ошибочно, но ея нравственныя правила дѣйствительно были согласны съ христіанскою моралью. Она правила государствомъ милостиво, воспитала сына въ чистой нравственности, сама вела совершенно скромную жизнь. При томъ она была чужда честолюбія своей матери и сестры. Довольствуясь тѣмъ, что сынъ во всемъ исполняетъ ея совѣты, она предоставляла ему одному всѣ внѣшнія почести. Меза сама присутство-

Мамея.

вала въ сенатѣ; Мамея не только не присутствовала, но распорядилась, чтобы изданъ былъ законъ, воспрещавшій женщинамъ присутствовать въ сенатѣ. Свою дѣйствительную власть она однако же охраняла очень ревниво. Когда жена Александра пріобрѣла нѣкоторое вліяніе на мужа, а ея отецъ сталъ вмѣшиваться въ государственныя дѣла, то Мамея предала его суду, по обвиненію въ заговорѣ, и онъ былъ казненъ, а молодую императрицу она, къ величайшему огорченію Александра, сослала въ Африку. Дѣйствуя такъ рѣшительно, Мамея устраняла всякое соперничество и сохраняла за

Ея правленіе.

собою полную власть надъ императоромъ и государствомъ. Александръ не имѣлъ сильныхъ страстей, былъ человѣкъ уступчивый, добродушный, и послушно подчинялся матери, которой привыкъ слушаться въ дѣтствѣ и которая всѣми своими силами заботилась о его пользѣ. Оставаясь подъ ея ласковой опекой, онъ никогда не достигъ самостоятельности; но государству ея власть была полезна. Довольствуясь внѣшними почестями, добродушный Александръ занимался невинными развлеченіями, въ родѣ того, что съ большимъ вниманіемъ ухаживалъ за домашней птицей. Мать между тѣмъ хорошо вела государственныя дѣла, издавала прекрасные законы объ администраціи, о судопроизводствѣ. Она была очень бережлива, и ее винили за то въ скупости; но послѣ расточительности Геліогабала бережливость была необходима и, благодаря ей, Мамея получила возможность значительно уменьшить обременительные налоги, введенные Каракаллой, такъ что государство стало поправляться отъ раззоренія. Мамея удалила изъ всѣхъ административныхъ, судебныхъ и военныхъ должностей негодяевъ, назначенныхъ Геліогабаломъ, замѣнила ихъ способными и честными людьми, образованными, справедливыми, мужественными. Для того, чтобы въ управленіи былъ твердый порядокъ, она, по примѣру Адріана (стр. 296), учредила государственный совѣтъ; онъ состоялъ изъ шестнадцати самыхъ умныхъ и честныхъ сенаторовъ, выбранныхъ при содѣйствіи самого сената. Предсѣдателемъ этого совѣта былъ великій юристъ Ульпіанъ, назначенный префектомъ преторія; онъ помогалъ Мамеѣ своими совѣтами и, подобно ей, заботился вести Александра хорошимъ путемъ, охранять его отъ вліянія льстецовъ.

Образъ жизни Александра.

Заботы матери о сынѣ были не напрасны. Читая біографію Александра, написанную Эліемъ Лампридіемъ, мы видимъ, что онъ былъ совершенной противоположностью Геліогабалу. Гнусный предмѣстникъ Александра позорилъ дворецъ всяческими сумасбродствами и мерзостями, обращалъ религію въ шутовскую комедію, унижалъ сенатъ и правительственныхъ сановниковъ, презиралъ литературу и образованность; Александръ велъ воздержную жизнь, былъ человѣкъ чистой нравственности, какого еще не бывало на престолѣ со времени Марка Аврелія; въ своемъ домашнемъ святилищѣ онъ поставилъ изображенія благодѣтелей человѣчества (стр. 399), и весь досугъ, остававшійся ему отъ административныхъ и судебныхъ дѣлъ, употреблялъ на изученіе классическихъ произведеній древней литературы. Его скромные обѣды оживлялись разговорами съ превосходными друзьями, людьми добродѣтельными и учеными; въ числѣ его гостей за обѣдомъ всегда находился Ульпіанъ. Свобода совѣщаній сената была возстановлена; Александръ обращался съ нимъ почтительно, и каждый изъ хорошихъ сенаторовъ имѣлъ доступъ къ императору, «котораго не боялся и за котораго не краснѣлъ». Біографы Александра говорятъ, что въ назначенные часы дворецъ былъ открытъ для всѣхъ подданныхъ и что глашатай восклицалъ при началѣ аудіенцій, какъ на элевзинскихъ таинствахъ: «Пусть вступаютъ въ эти священныя стѣны только люди, чувствующіе свою душу чистой и невинной».

Буйство преторіанцевъ. Смерть Ульпіана 228.

Но государь съ такимъ характеромъ не годился для того желѣзнаго вѣка. Кротость и снисходительность Александра считалась слабостью; войска буйствовали, а когда безпорядокъ доходилъ до того, что необходимо было наказать виновныхъ, строгость возбуждала ропотъ, потому что была непривычна. Упадокъ дисциплины у преторіанцевъ и въ легіонахъ заставилъ правительство принять мѣры для ея возстановленія; оно дѣйствовало очень осмотрительно и мягко, но все таки преобразованіе такъ раздражило преторіанцевъ, что они подняли бунтъ. Они приписывали реформу Ульпіану и ненавидѣли его, какъ охранителя законовъ и народа отъ ихъ наглости; онъ бѣжалъ во дворецъ, они ворвались вслѣдъ за нимъ и убили его у ногъ императора, который напрасно прикрылъ его своей мантіей и умолялъ буйныхъ воиновъ пощадить его. Три дня на улицахъ Рима шелъ бой между преторіанцами и народомъ; преторіанцы стали, наконецъ, жечь дома; граждане были запуганы этимъ, прекратили бой, уступили побѣду воинамъ. Императоръ не имѣлъ силы немедленно наказать мятежниковъ; онъ принужденъ былъ увѣрить главнаго изъ нихъ въ безнаказанности, дать ему награды; и только послѣ, поссоривъ преторіанцевъ съ нимъ, могъ наказать его.

Кассій Діонъ (историкъ), пытавшійся возстановить дисциплину въ паннонскихъ легіонахъ, подвергался опасности тоже быть убитымъ. Императоръ спасъ его, наградилъ за заслуги саномъ консула, но посовѣтовалъ ему не показываться раздраженнымъ преторіанцамъ. Потому онъ провелъ почти все время своего консульства въ Кампаніи, занимаясь своимъ историческимъ трудомъ.

Примѣръ преторіанцевъ нашелъ подражаніе себѣ въ легіонахъ, стоявшихъ по провинціямъ. Въ Иллиріи, въ Мавританіи, въ Арменіи, Месопотаміи буйныя войска мятежничали, убили своихъ начальниковъ, смѣялись надъ приказаніями императора. Войскамъ могъ бы внушить страхъ и уваженіе къ себѣ только императоръ, доказавшій свою храб-

рость, опытный въ обращеніи съ воинами; Александръ былъ не таковъ, и его правленіе было безплодной борьбой съ буйствомъ войскъ, концомъ борьбы было убійство его. Только однажды удалось ему твердостью и отвагой усмирить взбунтовавшійся легіонъ: обращаясь къ воинамъ, онъ, какъ нѣкогда Цезарь, назвалъ ихъ квиритами (гражданами) вмѣсто обыкновеннаго слова соратники; это пристыдило ихъ, они возвратились къ повиновенію. При всѣхъ своихъ прекрасныхъ качествахъ Александръ не пріобрѣлъ уваженія современниковъ и славы въ потомствѣ; это потому, что онъ былъ человѣкъ слабаго характера, вялый, какъ сиріецъ; вредило почтенію къ нему и то, что мать держала его подъ опекой. Привыкнувъ владычествовать, она стала горда, и бережливость перешла у нея въ алчность, бросала тѣмъ дурную тѣнь на правленіе Александра; она продолжала требовать отъ него, уже совершеннолѣтняго мужчины, такой же почтительной покорности, какъ прежде отъ юноши; этимъ она унижала сына въ глазахъ народа и войска, вредила и себѣ.

Основаніе новаго персидскаго царства 226.

Межь тѣмъ какъ римское войско, массу котораго составляли храбрые, но грубые уроженцы пограничныхъ провинцій и, еще болѣе грубые, дакійскіе, германскіе, другіе варварскіе наемники, выказывало презрѣніе къ императору, къ законамъ, пренебрегало даже правилами дисциплины, на Востокѣ произошелъ переворотъ, имѣвшій очень большое вліяніе на судьбу имперіи. Ардширъ (Артаксерксъ), человѣкъ неизвѣстнаго происхожденія, признанный льстивыми историками за потомка старыхъ персидскихъ царей, хорошій воинъ, получилъ за свои военныя заслуги высокія почести отъ парѳянскаго царя Артабана и заплатилъ ему за милости мятежемъ. Онъ поднялъ возстаніе въ четвертый годъ правленія Александра, разбилъ парѳянъ въ трехъ большихъ сраженіяхъ; самъ Артабанъ былъ убитъ; парѳяне совершенно упали духомъ, и Ардширъ основалъ новое персидское царство Сассанидовъ. Послѣдніе потомки парѳянской династіи Арсакидовъ покорились побѣдителю, согласились довольствоваться должностями областныхъ правителей; Ардширъ принялъ титулъ царя царей и оживилъ національное чувство персовъ возстановленіемъ старыхъ обычаевъ и старой религіи, которую парѳяне исказили примѣсью греко-римскаго идолопоклонства и которая распалась при нихъ на безчисленныя секты. Персидское государство при Сассанидахъ стало наслѣдственною монархіею; но подъ властью царя было множество мѣстныхъ правителей, болѣе или менѣе наслѣдственныхъ и до нѣкоторой степени самостоятельныхъ.

Царство Сассанидовъ.

Парѳяне, завоевавъ персидскія земли, скоро усвоили себѣ персидскій языкъ и обычаи; но, по своему происхожденію, парѳянская династія и аристократія были иноземцы; персы не забывали этого, ненавидѣли и презирали парѳянъ. Артаксерксъ раздѣлялъ желаніе персовъ истребить изъ

персидской исторіи всякое воспоминаніе о парѳянахъ, и оно дѣйствительно исчезло изъ персидскихъ преданій: въ нихъ нѣтъ даже воспоминаній о побѣдахъ парѳянъ надъ римлянами. Въ персидскихъ историческихъ поэмахъ и легендахъ ничего не говорится ни о пораженіи Красса и Антонія, ни о послѣдующихъ войнахъ съ римлянами въ Месопотаміи и въ Арменіи. Весь парѳянскій періодъ пропущенъ; новое персидское царство является прямымъ продолженіемъ стараго, послѣ перерыва, произведеннаго побѣдами Александра Македонскаго. Мы видѣли, что Сассаниды усердно старались искоренить парѳянскіе обычаи, въ которыхъ еще оставалось много слѣдовъ прежней кочевой жизни, возстановить старые персидскіе обычаи и старую религію во всей ихъ чистотѣ (I, стр. 378). Ардширъ созвалъ въ Бактрѣ (Балхѣ) соборъ маговъ; на немъ, по преданію и по откровенію, были возстановлены книги Зороастра; Ардширъ обнародовалъ законъ, строго воспрещавшій всякое иное богослуженіе, кромѣ установленнаго Зороастромъ; храмы парѳянъ были разрушены, статуи, изображавшія ихъ обоготворенныхъ царей, были съ поруганіемъ низвергнуты, и правительство силой заставило всѣ секты присоединиться къ общей національной религіи. Старинные персидскіе жертвенники служенія огню были возобновлены, и на нихъ стало приносить жертвы, совершать при нихъ молитвы могущественное духовенство, сословіе маговъ, главою котораго былъ самъ царь. Послѣдователи греко-римскаго язычества, закона Моисеева и христіане подверглись при Сассанидахъ жестокимъ гоненіямъ; религіозное единство связало всю массу населенія въ крѣпкое цѣлое и сильно содѣйствовало упроченію новаго государства. Столицею Сассанидовъ былъ Медаинъ, построенный на развалинахъ Ктезифона и Селевкіи. Онъ скоро сталъ великолѣпнымъ городомъ. Связь провинцій при парѳянахъ была слаба: парѳянскій царь дозволялъ осьмнадцати могущественнѣйшимъ областнымъ правителямъ называться тоже царями, не могъ отнять у нихъ самостоятельности, такъ что они были почти независимыми государями; горныя племена не покорялись парѳянамъ; греческіе города, уцѣлѣвшіе въ парѳянскомъ царствѣ, управляли своими дѣлами независимо отъ парѳянъ; въ новомъ персидскомъ царствѣ было больше единства: Артаксерксъ силой или договорами достигъ того, что всѣ эти цари, народы и города признали его власть; но и въ царствѣ Сассанидовъ самодержавіе царя было ограничено учрежденіями, нѣсколько напоминающими феодальное устройство: престолъ окружали маги, составлявшіе могущественное сословіе, и наслѣдственные владѣльцы болѣе или менѣе обширныхъ областей. Подобно прежнимъ персидскимъ царямъ, Сассаниды жили лѣтомъ въ Экбатанѣ, гдѣ воздухъ былъ прохладенъ, зиму они проводили въ Ктезифонѣ, громадномъ городѣ страны теплаго климата.

Война Александра съ персами 231—233.

Возгордившись тѣмъ, что совершенно одолѣлъ парѳянъ, Ардширъ вообразилъ, что можетъ соединить подъ своей властью всѣ тѣ земли, надъ которыми персы господствовали при Дарiѣ. Онъ послалъ въ Римъ высокомѣрныя требованія; они были отвергнуты, и онъ вторгся въ Месопотамію. Александръ надѣлъ военное платье и отправился съ многочисленнымъ войскомъ черезъ имперію на Востокъ; римскій народъ грустно провожалъ его за ворота, потому что онъ своею кротостью и справедливостью пріобрѣлъ любовь гражданъ; они теперь огорчались за него, зная, что онъ идетъ на войну очень неохотно. На пути встрѣтило императора посольство Ардшира, состояв-

шее изъ 400 знатныхъ персовъ; это были отборные люди, высокаго роста, красивые, богато одѣтые, ѣхавшие на превосходныхъ коняхъ. Они повторили надменныя требованія своего царя. Вмѣсто всякаго отвѣта Александръ велѣлъ отобрать у нихъ оружіе и лошадей, отвести ихъ во Фригію и заставить тамъ пахать землю. Война съ персами длилась три года; мы не имѣемъ достовѣрныхъ свѣдѣній о ней. Если вѣрить блистательнному отчету, который былъ присланъ императоромъ сенату и сохраненъ Эліемъ Лампридіемъ, то Александръ Северъ одержалъ побѣды не менѣе великія, чѣмъ Александръ Мекедонскій, которому онъ подражалъ, какъ прежде дѣлалъ Каракалла. Но Лампридій пишетъ его біографію тономъ панегирика, выставляетъ его идеаломъ государя, въ родѣ того, какъ писалъ о Кирѣ Ксенофонтъ. У Геродіана дѣло изложено не въ такомъ великолѣпномъ видѣ, какъ писалъ сенату Александръ. Геродіанъ хвалитъ благородный характеръ Александра, превозноситъ его добродѣтели, но сообщаетъ свѣдѣнія, изъ которыхъ видимъ, что персидскій царь далеко превосходилъ императора твердостью и отвагой. Когда Александръ отправлялся на войну, то предполагалось, что онъ самъ будетъ находиться при главномъ войскѣ, пойдетъ далеко въ персидское царство; вмѣсто того онъ, или по совѣту матери, опасавшейся за его жизнь, или по собственной робости, провелъ лѣто въ Месопотаміи бездѣйственно и безславно. Это отнимало бодрость у войска: оно сильно страдало отъ непривычнаго климата, отъ копій и стрѣлъ персидскихъ всадниковъ. Ардширъ держалъ себя не такъ: онъ пошелъ въ Мидію, куда вторглось сѣверное крыло римлянъ; послѣ нѣсколькихъ сраженій оно принуждено было въ зимній холодъ отступать по горамъ, гдѣ не было дорогъ, и потерпѣло очень большія потери. Оттуда Ардширъ пошелъ въ болотистыя равнины Вавилоніи, надѣясь уничтожить копьями и стрѣлами своихъ быстрыхъ всадниковъ южное крыло римлянъ. Только храбрости и военной опытности легіоновъ, составлявшихъ центръ, римскій народъ былъ обязанъ тѣмъ, что гордыя надежды Ардшира не осуществились. Римскія войска возвратились съ Тигра, потерпѣвъ огромный уронъ; но и персы понесли такія потери, что въ слѣдующіе годы Ардширъ былъ принужденъ сохранять миръ. Вмѣсто того, чтобы завоевать Сирію и Малую Азію, онъ не могъ отнять у римлянъ даже и Месопотамію, хотя въ имперіи начались междоусобія. Знатные персы съ своими подвластными людьми носились на быстрыхъ коняхъ по равнинамъ, искусно бросали копья, пускали стрѣлы; но пѣхота мало поддерживала ихъ; она состояла изъ людей, торопливо набранныхъ, не обученныхъ военному дѣлу, не получавшихъ правильнаго содержанія, кормившихся только грабежомъ: потому персы не могли выдерживать правильныхъ битвъ съ легіонами, одѣтыми въ желѣзо, хорошо обученными, дѣйствовавшими по преданіямъ искусной тактики.

Смерть Артаксеркса 240.

Артаксерксъ пятью годами пережилъ Александра; онъ оставилъ по себѣ у персовъ славу великаго полководца и законодателя. Его сынъ Сапоръ (Шапуръ) былъ достойнымъ преемникомъ ему.

Война на Рейнѣ 234—235.

Возвратившись съ Востока, Александръ получилъ тревожныя извѣстія о грозныхъ движеніяхъ германцевъ на Рейнѣ и на Дунаѣ. Они вторгались въ римскія области, дѣлали неожиданныя нападенія на станы и города по берегамъ пограничныхъ рѣкъ. Императоръ снова разстался съ мирною жизнью въ столицѣ и отправился на войну въ далекія области. Онъ взялъ съ собою возвратившійся съ Востока и пополненный новымъ наборомъ корпусъ преторіанцевъ. Мать отправилась вмѣстѣ съ нимъ. Вялый, не имѣющій самостоятельности, онъ не внушалъ ни любви, ни довѣрія воинамъ; онъ хотѣлъ быстро возстановить упавшую дисциплину, ввелъ для этого строгія мѣры; онѣ противорѣчили кротости и слабости его характера, потому были неожиданными для воиновъ и раздражили ихъ. При Каракаллѣ, при Септиміи Северѣ воины охотно подчинялись строгой дисциплинѣ потому, что эти императоры дѣлили ихъ труды и лишенія; но смѣшны и досадны воинамъ были строгія распоряженія человѣка, котораго называли они изнѣженнымъ сирійцемъ, трусливымъ рабомъ матери и сената, который въ Месопотаміи держался далеко отъ полей битвъ, оставляя своимъ бездѣйствіемъ легіоны подъ копьями и стрѣлами непріятеля. Теперь онъ велъ войну съ германцами такъ же вяло; не было рѣшительныхъ сраженій, которыя дали бы побѣду, не было надежды на безопасность отъ врага; притомъ Александръ выказалъ намѣреніе отправить часть легіоновъ на Востокъ; воины стали говорить между собою, что надобно замѣнить этого труса храбрымъ вождемъ, который возвратитъ войску славу, государству—величіе. Скоро обнаружилось, о комъ думали тѣ воины, которые возбуждали своихъ товарищей къ мятежу, кого считали они достойнымъ престола; это былъ ѳракіецъ Максиминъ, полуварваръ по своему происхожденію, сынъ поселянина, пастухъ, физической силой и храбростью дослужившійся до важныхъ военныхъ должностей и назначенный теперь обучать военному дѣлу молодыхъ воиновъ, набранныхъ большею частью изъ уроженцевъ Паннонiи.

Заговоръ въ войскѣ.

Максиминъ ѳракіецъ

Юлій Капитолинъ говоритъ, что, однажды, на гимнастическихъ играхъ войска Максиминъ обратилъ на себя вниманіе Септимія Севера необыкновенной силой: онъ въ одинъ день одолѣлъ на кулачномъ бою шестнадцать противниковъ, а на слѣдующій день бѣжалъ рядомъ съ императоромъ, скакавшимъ на конѣ, и потомъ одолѣлъ въ борьбѣ семь человѣкъ самыхъ сильныхъ воиновъ. Септимій Северъ принялъ его въ число преторіанцевъ. Благодаря своимъ заслугамъ и расположенію Севера и Каракаллы, онъ сдѣлался центуріономъ въ преторіанскомъ войскѣ. При Макринѣ и Геліогабалѣ онъ не хотѣлъ служить, прожилъ эти годы въ отставкѣ; но при Александрѣ быстро повысился на службѣ. Онъ считался очень опытнымъ

и дѣльнымъ воиномъ, потому ему было поручено производить наборы и обучать новобранцевъ.

Максиминъ өракіецъ Смерть Александра и его матери 19 марта 235.

Человѣкъ чрезвычайной физической силы и умный, хотя и совершенно необразованный, вначалѣ даже неумѣвшій порядочно говорить по-латыни, Максиминъ өракіецъ былъ кумиромъ воиновъ. Историки того времени пишутъ пристрастно, потому трудно сказать, на сколько онъ самъ участвовалъ въ заговорѣ, который кончился убійствомъ Александра и его матери въ станѣ близъ Майнца и возведеніемъ любимаго военачальника на престолъ. Достовѣрно только то, что остались безнаказанны воины, ворвавшіеся въ шатеръ Александра, убившіе его, съ плачемъ умолявшаго о пощадѣ, убившіе потомъ его гордую, алчную мать и многихъ друзей ихъ.

---

3. Распаденіе имперіи въ періодъ отъ воцаренія Максимина Өракійца до смерти Галліэна.

Максиминъ Өракіецъ 235—238 (988—991).

Съ провозглашеніемъ Максимина Өракійца императоромъ начинается самый печальный періодъ римской имперіи. Ея судьбою распоряжались буйныя войска, не знавшія ни какой родины, кромѣ своего стана, не имѣвшія понятія ни о чемъ, кромѣ военнаго ремесла, не признававшія никакихъ законовъ, кромѣ приказаній главнокомандующаго, умѣвшаго внушить имъ страхъ. Буйные преторіанцы съ руками, обагренными въ крови римлянъ, держали императоровъ на престолѣ или низвергали ихъ. Полнымъ олицетвореніемъ этого владычества необузданныхъ воиновъ былъ грубый варваръ, ставшій преемникомъ кроткаго Александра и начавшій энергически вести войну на сѣверныхъ границахъ имперіи; онъ былъ готско-аланскаго происхожденія, но твердо хотѣлъ охранить и упрочить могущество имперіи. Онъ былъ совершенной противоположностью своему предмѣстнику и недовѣрчиво смотрѣлъ на все, въ чемъ состояла слава древняго Рима, кромѣ одного военнаго ремесла. Человѣкъ совершенно необразованный, онъ презиралъ не только науку, но и цивилизованныя формы общественной жизни. Школы при немъ пришли въ упадокъ потому, что онъ считалъ ученыхъ людьми вредными, преслѣдовалъ ихъ. Онъ считалъ своими врагами и всѣхъ людей, знатныхъ или уважаемыхъ обществомъ. Все, чему покровительствовали Александръ и его мать, заботившіеся о развитіи образованности, өракійскій варваръ свирѣпо преслѣдовалъ. Онъ преслѣдовалъ и всѣхъ тѣхъ, кто близко зналъ его въ прежнемъ низкомъ состояніи, обидѣли ль они его тогда презрѣніемъ или оказывали ему благодѣянія, все равно,—онъ хотѣлъ истребить всѣхъ ихъ, чтобы съ ними исчезла память о прежнемъ его ничтожествѣ. Заговоръ, дѣйствительно-ли существовавшій или выдуманнный, послужилъ ему желаннымъ предлогомъ къ истребленію знатныхъ людей. 236.

Свирѣпость и грабительство Максимина.

Главою заговора былъ названъ Магнусъ, сенаторъ консульскаго сана. Онъ и его мнимые соучастники были осуждены безъ всякихъ юридическихъ формъ, безъ допросовъ, безъ свидѣтелей; число казненныхъ простиралось до 4,000 человѣкъ. Италія и всѣ провинціи были наполнены шпіонами и доносчиками, говоритъ Гиббонъ. Знатнѣйшіе римскіе вельможи, люди, управлявшіе провинціями, бывшіе главнокомандующими, награжденные консульскимъ саномъ и тріумфальными почестями, были, по самому пустому обвиненію, приковываемы къ телѣгамъ и немедленно отводимы къ императору. Наказаніе, ограничивавшееся конфискаціей и ссылкой, было рѣдкой милостью, была милостью даже и простая смертная казнь. Страдальцевъ зашивали въ шкуры животныхъ и отдавали на растерзаніе звѣрямъ или убивали булавами. Максиминъ до того презиралъ цивилизованную жизнь, что въ свое трехлѣтнее царствованіе ни разу не пріѣхалъ ни въ Римъ, ни вообще въ Италію. Столицу замѣнялъ ему станъ. Онъ жилъ на Рейнѣ или на Дунаѣ. Знатный или образованный человѣкъ рисковалъ жизнью, если показывался на глаза ему. Алчность его равнялась жестокости. Чтобы обогащать своихъ воиновъ, онъ грабилъ городскія кассы, бралъ изъ храмовъ драгоцѣнности, доводилъ богатыхъ людей до раззоренія наложеніемъ громадныхъ взысканій, или конфисковалъ ихъ имущества совсѣмъ. По всей имперіи стоялъ вопль ужаса; всѣ въ тайнѣ молились богамъ объ отмщеніи врагу рода человѣческаго. Римскій сенатъ былъ доведенъ тиранствомъ варвара до такого отчаянія, что рѣшился на дѣйствія, какихъ нельзя было ожидать отъ этого раболѣпнаго учрежденія.

Возстаніе Гордіановъ. 237.

Въ провинціи Африкѣ поборы одного изъ финансовыхъ администраторовъ произвели возстаніе. Два богатые молодые человѣка были осуждены имъ заплатить громадные штрафы, которые должны были сдѣлать ихъ нищими. Они вооружили своихъ рабовъ, къ нимъ присоединились сосѣдніе поселяне; спрятавъ кинжалы подъ одежду, они рано утромъ вошли въ домъ притѣснителя, убили его, овладѣли городомъ и пошли къ правителю провинціи Гордіану, человѣку очень знатному, происходившему по отцу отъ Гракховъ, по матери отъ императора Траяна, очень богатому, образованному, знаменитому заслугами, и предложили ему быть императоромъ. Онъ умолялъ не подвергать его, старика, такой опасности, дать ему умереть спокойно; но они настойчиво повторяли предложеніе. Наконецъ, онъ согласился, разсудивъ, что при подозрительности и свирѣпости Максимина отказъ не спасъ бы его: для Максимина было бы довольно и того, что его считали достойнымъ сана императора; злодѣй убилъ бы его. Въ Римъ было отправлено посольство извѣстить сенатъ, что проконсулъ Африки Гордіанъ принялъ санъ императора, сдѣлалъ сына своимъ соправителемъ и проситъ утвержденія сената. Гордіанъ пріобрѣлъ всеобщее уваженіе въ Римѣ, въ Италіи, въ провинціяхъ сво-

ими добродѣтелями, щедростью, кротостью, справедливостью; онъ былъ человѣкъ очень знатный. По предложенію консула Силлана, сенатъ одобрилъ выборъ его и объявилъ Максимина, его сына и его приверженцевъ врагами отечества. Принявъ это отважное рѣшеніе, сенатъ продолжалъ дѣйствовать твердо, велѣлъ казнить Виталіана, префекта той части преторіанцевъ, которая оставалась въ Римѣ, человѣка, подобнаго Максимину свирѣпостью; преторіанцамъ были розданы подарки, даны обѣщанія, и они приняли сторону сената. Народъ съ восторгомъ призналъ власть Гордіановъ; вся Италія послѣдовала примѣру Рима.

Смерть Гордіановъ.

Но мужественное рѣшеніе, къ которому были приведены сенатъ и народъ римскій свирѣпостью и алчностью варвара, владычествовавшаго надъ имперіей, оказались запоздавшими; межъ тѣмъ какъ двадцать сенаторовъ, назначенныхъ своими товарищами для завѣдыванія военными дѣлами, принимали энергическія мѣры для обороны Италіи отъ Максимина и посылали по провинціямъ пословъ склонять ихъ населеніе къ признанію императора, провозглашеннаго сенатомъ и народомъ, Гордіаны уже погибли. Капелліанъ, правитель Мавританіи, свирѣпый слуга Максимина, собралъ отрядъ ветерановъ и толпу варваровъ, бывшихъ на римской службѣ, и пошелъ въ провинцію Африку; Гордіаны еще не успѣли собрать и обучить войско; Капелліанъ, не встрѣчая сопротивленія, подошелъ къ резиденціи Гордіановъ, Карѳагену; младшій Гордіанъ выступилъ противъ него съ отрядомъ людей, отвыкшихъ отъ войны, изнѣженныхъ, потерпѣлъ пораженіе и самъ былъ убитъ. При извѣстіи объ этомъ, отецъ его, восьмидесятилѣтній старикъ, закололся; это было черезъ 36 дней по его провозглашеніи императоромъ. Карѳагенъ въ трепетѣ отворилъ ворота побѣдителю. Капелліанъ сталъ казнить и грабить.

Сенатъ провозглашаетъ императорами Пупіэна Максима и Бальбина.

Извѣстіе о погибели Гордіановъ произвело ужасъ въ Римѣ. Сенаторы собрались въ храмѣ богини Согласія; долго сидѣли они молча; наконецъ, сталъ говорить старикъ сенаторъ, происходившій изъ фамиліи Траяна; пламенными словами онъ доказывалъ сенаторамъ, что имъ предстоитъ лишь одинъ выборъ: мужественная война или позорная смерть отъ раздраженнаго злодѣя; Максиминъ не пощадитъ ихъ, но война противъ него можетъ быть удачной. Сенатъ понялъ справедливость мыслей старика и принялъ его предложеніе провозгласить императорами двухъ уважаемыхъ сенаторовъ, Клодія Пупіэна Максима и Целія Бальбина. Оба они были уже пожилые люди; тѣ качества, какихъ недоставало одному изъ нихъ, находились у другого, такъ что они вмѣстѣ могли хорошо управлять дѣлами. Пупіэнъ Максимъ былъ человѣкъ низкаго происхожденія, необразованный, отличавшійся на войнѣ храбростью, возвысившійся по службѣ талантами и заслугами, уважаемый за свою честность; бывши префектомъ города Рима, онъ пріобрѣлъ всеобщее расположеніе своею справедливостью;

Бальбинъ, знатный и богатый человѣкъ, знаменитый ораторъ, юристъ и поэтъ, имѣлъ ту кротость, которой не доставало суровому Пупіэну, и могъ смягчать характеръ правленія. Но межъ тѣмъ, какъ сенаторы благодарили въ Капитоліѣ боговъ покровителей Рима за внушенный ими хорошій выборъ, народъ обступилъ храмъ и шумно потребовалъ, чтобы назначенъ былъ товарищемъ императоровъ, цезаремъ Маркъ Антоній Гордіанъ, внукъ старшаго Гордіана, племянникъ младшаго, тринадцатилѣтній мальчикъ. Сенаторы согласились, чтобы раздоръ въ Римѣ не ослабилъ сопротивленія общему врагу.

Вторженіе Максимина въ Италію и смерть его. 238.

Максиминъ былъ чрезвычайно раздраженъ этими извѣстіями. Но онъ не пошелъ немедленно на Римъ, онъ хотѣлъ прежде кончить войну на Рейнѣ и на Дунаѣ. На Рейнѣ онъ, по крайней мѣрѣ по его словамъ, одержалъ великія побѣды надъ германцами. Прогнавъ непріятелей за Рейнъ и за Дунай, возстановивъ безопасность границъ государства, онъ пошелъ, наконецъ, изъ Сирміа въ Италію. Воины его были хорошо обучены и храбры, онъ увеличилъ свои силы, принявъ на службу отважныхъ молодыхъ людей изъ варварскихъ племенъ. Но его промедленіе на границахъ имперіи дало полководцамъ сената время приготовиться къ оборонѣ; они приняли мѣры, какихъ требовало благоразуміе. Когда войско Максимина вошло въ Италію, оно увидѣло себя въ безлюдной мѣстности. Жители селеній и неукрѣпленныхъ городовъ ушли, покинувъ свои дома, угнали съ собою скотъ, увезли съѣстные припасы. Мосты были сломаны. Люди оставались только въ крѣпостяхъ, имѣвшихъ сильные гарнизоны, снабженныхъ провіантомъ и военными запасами. Сенатъ надѣялся, что этими мѣрами будетъ затруднено наступленіе непріятеля, что онъ будетъ изнуренъ и утратитъ отвагу. Надежда оправдалась. Максиминъ осадилъ Аквилею; граждане ея мужественно помогали гарнизону оборонять крѣпость; они защищались успѣшно, осада затянулась; въ войскѣ Максимина начались голодъ, болѣзни отъ сырого климата и дурной воды; эти бѣдствія произвели ропотъ; не имѣя извѣстій изъ Италіи, войско Максимина стало думать, что вся она приняла сторону сената, что одолѣть противниковъ будетъ очень трудно; начались разговоры о томъ, что не должно подвергать себя столькимъ опасностямъ для поддержанія власти деспота, ненавистнаго всѣмъ. Особенно силенъ былъ ропотъ въ томъ отрядѣ преторіанцевъ, который имѣлъ своимъ постояннымъ станомъ городъ Альбу; жены, дѣти, имущество этихъ воиновъ остались тамъ, и они опасались за свои семейства и собственность. Такимъ образомъ составился заговоръ; воины ворвались въ шатеръ Максимина, убили его, убили и его сына Максима, имѣвшаго санъ цезаря, юношу, чрезвычайно красиваго лицомъ. Взоткнувъ ихъ головы на копье, воины пошли къ стѣнамъ города; осажденные увидѣли, что осаждающіе хотятъ мириться съ ними, отворили ворота, вынесли пищу и питье изнуренному голодомъ вой-

ску; оно объявило, что покоряется власти сената и будетъ вѣрно служить законнымъ императорамъ Максиму и Бальбину.

Убійство Пупіэна и Бальбина. 238. Но счастливые дни мира и законнаго порядка, которыми надѣялись римляне пользоваться, не наступили. Когда Максимъ вернулся съ преторіанцами изъ Аквилеи въ Римъ, онъ нашелъ тамъ междоусобіе; тѣ преторіанцы, которые оставались въ Римѣ, подняли мятежъ противъ императоровъ, назначенныхъ сенатомъ. Жители Рима осадили ихъ станъ; онъ былъ сильно укрѣпленъ; граждане не могли взять его; преторіанцы дѣлали вылазки, врывались въ городъ, жгли и рѣзали. Максимъ возстановилъ порядокъ, но не на долго. Та часть преторіанцевъ, которая ходила съ нимъ въ Аквилею, раздѣляла чувства товарищей, остававшихся въ станѣ подъ стѣнами Рима; эти воины шли мрачные при торжественномъ вступленіи въ городъ, межъ тѣмъ, какъ народъ радовался. Видно было, что они недовольны побѣдою сената надъ буйствомъ войскъ. Оставшіеся въ Римѣ и возвратившіеся изъ Аквилеи преторіанцы скоро согласились между собою, что надобно свергнуть постыдную для нихъ власть сената надъ войскомъ. Успѣхъ мятежа былъ облегченъ несогласіемъ между императорами. Максимъ презиралъ Бальбина, какъ изнѣженнаго аристократа, Бальбинъ презиралъ Максима, какъ необразованнаго простолюдина. И оба они не замѣчали, какая опасность грозитъ имъ, такъ-что мятежъ застигъ ихъ врасплохъ. Онъ вспыхнулъ черезъ три мѣсяца по смерти Максимина. Римъ праздновалъ капи-
15 іюня 238. толійскія игры; все населеніе города было занято ими. Отрядъ преторіанцевъ ворвался во дворецъ, захватилъ обоихъ императоровъ, потащилъ ихъ по улицамъ, ругался надъ ними и, опасаясь, что народъ и отрядъ германскихъ тѣлохранителей освободитъ ихъ, поспѣшилъ ихъ убить; сдѣлавъ свое дѣло, мятежники бросили на улицѣ истерзанные трупы императоровъ и ушли въ станъ. Туда былъ приведенъ Гордіанъ, преторіанцы провозгласили этого тринадцатилѣтняго мальчика августомъ (то есть императоромъ); они разсчитывали, что ребенокъ не помѣшаетъ имъ буйствовать; его провозглашеніе императоромъ было побѣдой ихъ надъ сенатомъ и народомъ.

Гордіанъ (III). 238—244. (992—997). Гордіанъ (III) не дожилъ до совершеннолѣтія и до самостоятельности. Сначала онъ былъ оставленъ подъ надзоромъ своей матери и находился подъ вліяніемъ окружающихъ ее эвнуховъ; эта восточная зараза была привезена въ Римъ Геліогабаломъ и съ той поры отравляла придворную жизнь. Эвнухи плотной толпой отдѣляли императора отъ народа и обогащались продажей должностей. Юноша былъ вырванъ изъ ихъ рукъ Тимеситеемъ, который былъ преподавателемъ реторики ему и на дочери котораго онъ женился. Тимеситей былъ человѣкъ даровитый и благородный; Гордіанъ назначилъ его префектомъ преторіанцевъ и, слушаясь его во всемъ, правилъ государствомъ крѣпко и справедливо. Но это счастливое время было не продолжительно. Вторженіе персовъ въ Месопотамію принудило императора отправиться на войну съ ними. Тимеситей въ молодости занимался только ученой работой, ознакомился съ военнымъ дѣломъ уже только въ пожилыхъ лѣтахъ; но управлялъ походомъ и войною превосходно: войско было хорошо снабжено провіантомъ, дѣйствовало противъ непріятеля успѣшно, такъ что охотно подчинялось строгой дисциплинѣ, введенной Тимеситеемъ, а персы отступили за Тигръ. Письмо, въ которомъ Гордіанъ сообщаетъ сенату объ успѣхахъ, пріобрѣтенныхъ имъ, служитъ блестящимъ доказательствомъ заслугъ его тестя. Но Тимеситей внезапно умеръ. Молва говорила, что онъ 243.
умеръ отъ отравы. Со смертью Тимеситея кончилось счастье Гордіана. Преемникомъ умершаго префекта былъ назначенъ Юлій Филиппъ, арабъ, уроженецъ города Бостры. Въ молодости онъ велъ хищническую жизнь своихъ соплеменниковъ, обучился военному дѣлу въ ихъ набѣгахъ. Говорятъ, что онъ отравилъ Тимеситея; быть можетъ, эта молва несправедлива, но не подлежитъ сомнѣнію то, что, сдѣлавшись префектомъ преторіанцевъ, онъ погубилъ Гордіана, чтобы занять его мѣсто. Хитрыми распоряженіями онъ устроилъ дѣло такъ, что войско осталось безъ провіанта и распустилъ молву, что, въ этомъ виновата неопытность молодого государя; воины стали негодовать на императора; Филиппъ составилъ заговоръ, довелъ дѣло до бунта, и Гордіанъ былъ убитъ мятежниками на берегу Эвфрата. Послѣ была построена въ память о немъ великолѣпная гробница на до- Мартъ 244.
рогѣ изъ Киркесія въ Ктезифонъ; она оставалась цѣла нѣсколько столѣтій. Войско провозгласило Филиппа императоромъ; сенатъ и народъ римскій безъ сопротивленія признали его власть.

О царствованіи Филиппа Араба мы не имѣемъ и тѣхъ скудныхъ свѣдѣній, какими хотя нѣсколько проясняютъ мракъ римской исторіи въ царствованіе его предшественниковъ и преемниковъ ихъ біографіи, составляющія сборникъ такъ называемой «Исторіи императоровъ». Римлянамъ было такъ постыдно владычество иностранца надъ ними; они такъ ненавидѣли и презирали Филиппа, что, при всемъ раболѣпствѣ тѣхъ временъ, не нашлось человѣка, который захотѣлъ бы написать его біографію. Онъ кончилъ войну, заключивъ съ Сапоромъ миръ на условіяхъ, позорныхъ для Рима, и, вернувшись въ Римъ, хотѣлъ смягчить ненависть народа устройствомъ блестящаго торжества по случаю того, что исполнилось тысяча лѣтъ отъ основанія Рима; но все было напрасно: римляне презирали иностранца и пятилѣтнее царствованіе его осталось пробѣломъ въ исторіи римскихъ императоровъ. Филиппъ Арабъ 244—249. (997—1002

Въ Римѣ издавна праздновались такъ называемыя „вѣковыя игры", Ludi seculares; тѣ изъ нихъ, которыя были устроены Августомъ, остались навсегда прославлены гимномъ Горація, написаннымъ для пѣнія на нихъ. Праздникъ тысячелѣтія Рима 248.

Онѣ и прежде того и послѣ были великимъ праздникомъ для поколѣнія, при которомъ происходили. Три ночи совершались жертвоприношенія на берегу Тибра; Марсово поле было освѣщено безчисленными ислипами и факелами, гремѣла музыка, были веселые танцы при сіяніи этой иллюминаціи. Было такъ и при Филиппѣ: хоры дѣвушекъ и юношей знатнѣйшихъ фамилій пѣли гимны, просившіе милостивыхъ боговъ дать благословеніе нынѣшнему и будущему поколѣніямъ римскаго народа, сохранить его добродѣтель, счастіе и владычество; но мыслящіе люди печально смотрѣли на безотрадное настоящее и ждали еще болѣе тяжкихъ бѣдствій въ будущемъ. Границы римской имперіи оставались тѣ же, какъ при Августѣ и Адріанѣ, и форма правленія оставалась, повидимому, прежняя; но нравственныя силы народа угасли, энергія его исчезла, благосостояніе упало.

Смерть Филиппа.

Измѣна войска возвела Филиппа на престолъ; измѣна войска и низвергла его въ гробъ. Легіоны въ Мизіи возмутились; императоръ послалъ Декія, сенатора знатнаго рода, человѣка старинныхъ римскихъ нравовъ, усмирить возстаніе. Мятежные воины потребовали, чтобы Декій принялъ санъ императора, грозя убить его, если онъ откажется; онъ согласился и повелъ инсургентовъ на Филиппа, разбилъ его не подалеку отъ Вероны; Филиппъ былъ убитъ или въ сраженіи, или черезъ нѣсколько дней послѣ того въ Веронѣ. Преторіанцы убили въ Римѣ его сына и главныхъ сановниковъ. Сенатъ и провинціи радостно признали власть новаго императора. Но римскій престолъ былъ тогда гибельнымъ достояніемъ. Декій хотѣлъ возстановить благоустройство въ государствѣ; но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ вторженіе готовъ оторвало его отъ мирныхъ занятій; онъ принужденъ былъ идти на Дунай. Мы уже перечисляли тѣ германскія племена, которыя непрерывно вторгались тогда въ римскія провинціи на Дунаѣ и на Рейнѣ и своими нападеніями наконецъ разрушили изнуренную имперію. Готы жили на равнинѣ между Днѣпромъ и Дунаемъ, очень удобной для земледѣлія и скотоводства; но имъ было лѣнь пріобрѣтать себѣ средства для жизни трудомъ, они предпочитали праздность, бѣдность и грабежъ; теперь они вторглись въ Дакію, опустошили ея нивы и селенія; но городовъ и многолюдныхъ селеній было мало въ этой странѣ; добыча, пріобрѣтенная въ ней, не удовлетворила жадности варваровъ, они перешли Дунай, чтобъ ограбить богатые города Мизіи и Ѳракіи, захватили тамъ много сокровищъ, взяли множество плѣнныхъ и, обремененные добычей, пошли назадъ. Декій гнался за ними неосторожно; они неожиданно обернулись, разбили его, взяли его станъ. Это былъ первый случай побѣды полунагихъ варваровъ надъ римскимъ императоромъ. Они осадили Филиппополь. Но храбрый Декій собралъ свои разсѣянныя войска, возстановилъ дисциплину, послалъ Клавдія и другихъ опытныхъ полководцевъ стеречь горные проходы, и отрѣзалъ готамъ отступленіе. Освобождая имперію отъ враговъ, онъ хотѣлъ возстановить въ ней старинные нравы, чтобы она вновь окрѣпла; хотѣлъ ожи-

Декій 249—251. (1002—1004).

вить старый римскій духъ, старыя учрежденія и религію римскаго народа.

Съ этой цѣлью онъ издалъ эдиктъ противъ христіанъ, о которомъ уже говорили мы, и возстановилъ санъ цензора. Онъ назначилъ цензоромъ храбраго и честнаго Валеріана, котораго сенатъ единогласно рекомендовалъ, какъ человѣка, самаго достойнаго этой должности. Но римскій народъ утратилъ энергію, и невозможно было возсоздать прочный порядокъ на прежнихъ гнилыхъ основаніяхъ. Если бы Декій и процарствовалъ долго, у него не достало бы силы подавить распространявшееся христіанство и возбудить энергію въ изнѣженномъ, испорченномъ римскомъ народѣ.

Смерть Декія.

Но судьба не дала Декію долгаго царствованія. Варвары, взявъ, наконецъ, Филиппополь, пошли назадъ съ добычей и огромнымъ числомъ плѣнныхъ. Декій пошелъ на встрѣчу имъ, увѣренный въ побѣдѣ. Много ихъ погибло во время осады, уцѣлѣвшіе были изнурены; они предлагали возвратить добычу и плѣнныхъ, если Декій дастъ имъ свободный путь на родину. Онъ не согласился ни на какую уступку, требовалъ, чтобы они сдались на безусловный произволъ его. Готы предпочли смерть рабству, и въ кровавой битвѣ, близъ одного изъ небольшихъ городовъ Мизіи, отчаяніе храбрыхъ варваровъ одержало побѣду надъ превосходствомъ силъ и военнымъ искусствомъ легіоновъ. При самомъ началѣ сраженія былъ убитъ ударомъ стрѣлы въ лицо сынъ императора, прекрасный и даровитый юноша, уже получившій отъ отца санъ его соправителя; отецъ воскликнулъ ужаснувшимся войскамъ, что смерть одного воина не важна для государства, и они возобновили бой, одушевившись отвагой. Двѣ первыя линіи готовъ были истреблены или разогнаны; но при нападеніи на третью, прикрытую спереди болотомъ, римляне потерпѣли пораженіе, потому что въ своихъ тяжелыхъ латахъ не могли свободно двигаться по топкой мѣстности. Многіе утонули въ болотѣ или были пронзены длинными копьями враговъ. Въ числѣ погибшихъ былъ и мужественный императоръ. Декію было тогда 50 лѣтъ. Онъ оставилъ по себѣ память превосходнаго государя, энергичнаго на войнѣ, привѣтливаго въ дѣлахъ мира; римляне говорили, что онъ и его сынъ жили и умерли, подобно благороднѣйшимъ людямъ старыхъ временъ. Тѣло Декія не было найдено; вѣроятно, оно утонуло въ болотѣ. Второй сынъ его, Гостиліанъ, получилъ отъ сената и войска санъ императора; это было сдѣлано по уваженію къ памяти его отца; но государствомъ правилъ Галлъ, главнокомандующій пограничныхъ войскъ. Очень скоро Гостиліанъ умеръ отъ заразы, которая, какъ эпидемія, бывшая во времена Ѳукидида, перешла въ Европу изъ Египта; она особенно жестоко свирѣпствовала въ Италіи; въ Римѣ умерло отъ нея очень много людей. По смерти Гостиліана, императоромъ сдѣлался Галлъ.

Галлъ 251—253 (1004—1006). Чтобъ избавить иллирскія провинціи отъ ужаснаго опустошенія Галлъ согласился на постыдныя условія мира: онъ оставилъ готамъ всю ихъ добычу и плѣнныхъ, обѣщалъ платить имъ ежегодное вознагражденіе за то, чтобы они не нападали на имперію. Римскій народъ еще не до такой степени потерялъ чувство чести, чтобы не стыдиться такого позорнаго мира. Галлъ навлекъ на себя договоромъ съ готами ненависть и презрѣніе римлянъ. Негодованіе противъ него увеличилось, когда оказалось, что сдѣланныя имъ уступки варварамъ принесли новыя бѣды государству: богатая добыча, съ какою возвратились на родину готы, возбудила ихъ соплеменниковъ, не участвовавшихъ въ договорѣ, вторгнуться въ имперію; эти новыя полчища варваровъ ходили по Иллиріи, опустошая все. Эмиліанъ, правитель Мизіи и Панноніи, разбилъ ихъ неожиданнымъ нападеніемъ, отнялъ у нихъ добычу, прогналъ ихъ за Дунай. Войско провозгласило его императоромъ. Галлъ, беззаботно веселившійся въ Римѣ, пошелъ съ преторіанцами на встрѣчу сопернику, быстро двинувшемуся въ Италію. Они сошлись близъ Сполеція (Сполето). Войско Галла, обольщенное обѣщаніемъ прибавки къ жалованью, передалось Эмиліану; Эмиліанъ 253. Галлъ и его сынъ Волузіанъ были убиты. Эмиліанъ въ письмѣ къ сенату говорилъ, что будетъ уважать сенатъ и законы и побѣдитъ всѣхъ враговъ государства. Но вскорѣ по отправленіи этого письма онъ погибъ. Онъ еще стоялъ у Сполеція, когда пришелъ въ ту мѣстность Валеріанъ, который велъ галльскіе и германскіе легіоны на помощь Галлу. Воины Эмиліана, уже привычные къ измѣнѣ, убили его, чтобы не подвергаться опасностямъ войны съ Валеріаномъ. Онъ былъ убитъ черезъ четыре мѣсяца по принятіи сана императора.

Валеріанъ. 253—260. Галліэнъ 253—268 (1006—1021). Сенатъ, римскій народъ, войско, провинціи радостно признали императоромъ Валеріана. Онъ былъ знатнаго рода, человѣкъ образованный; его безукоризненный образъ жизни, кротость, умъ, опытность въ дѣлахъ пріобрѣли ему всеобщее уваженіе, такъ что при Деціѣ онъ былъ признанъ самымъ достойнымъ изъ всѣхъ сенаторовъ занять возстановленный тогда санъ цензора. Но его царствованіе было очень печальнымъ временемъ. По отцовской любви онъ сдѣлалъ соправителемъ своего сына Галліэна, человѣка изнѣженнаго и порочнаго. У новаго императора явилось столько соперниковъ, у имперіи было столько внѣшнихъ враговъ, что государство казалось разрушающимся. Воинственный персидскій царь Сапоръ сдѣлалъ вторженіе въ Месопотамію, прошелъ въ Сирію; готы возобновили свои нападенія на дунайскія провинціи; нападали на пограничныя римскія области и другія германскія племена, соединявшіяся тогда въ сильные союзы (стран. 446, слѣд.). Племена одного изъ этихъ союзовъ, принявшія общее имя франковъ, нападали на нижнюю германскую провинцію и на Галлію; племена другого союза, назвавшіяся алеманнами, вторглись въ верхнюю германскую провинцію и въ Гельвецію.

Правители провинцій и главнокомандующіе войскъ принимали императорскій санъ; этихъ узурпаторовъ было много въ тѣ восемь или десять лѣтъ, когда Валеріанъ, оставивъ Галліэна въ Римѣ управлять внутренними дѣлами государства, сражался на Востокѣ. Требеллій Полліонъ, не разборчиво заимствуя выраженіе, найденное имъ въ исторіи Аѳинъ, говоритъ, что въ римскомъ государствѣ было тогда «тридцать тиранновъ»; число узурпаторовъ не было такъ велико, но все таки ихъ было много. Станъ каждаго изъ нихъ былъ нѣкоторое время какъ будто столицей особаго государства.

Галліэнъ съ своимъ несовершеннолѣтнимъ сыномъ Салониномъ пріѣхалъ въ городъ Тревировъ (Триръ) и занимался тамъ выказываніемъ блеска своего сана; франки между тѣмъ опустошали Галлію; Постумъ, храбрый воинъ, выслужившійся изъ простолюдиновъ до сана правителя Галліи, напрасно старался одолѣть ихъ; они прошли всю страну до Пиренеевъ, проникли въ Испанію, разрушили тамъ многіе богатые города, въ томъ числѣ Тарраконъ (Таррагону); развалины этихъ городовъ еще и въ V вѣкѣ показывали, гдѣ шли тогда франки. Захвативъ на испанскомъ берегу корабли, они поплыли даже въ Мавританію, о которой и не слыхивали на родинѣ. Ихъ появленіе въ этой роскошной, изнѣженной провинціи было изумительной неожиданностью. (Вторженіе франковъ въ Галлію и въ Испанію 256.) —Въ то же время свевскія племена, составившія союзъ алеманновъ („всякихъ людей“), вторглись въ Декуматскую землю, перешли Гельветскіе альпы, вторглись въ Сѣверную Италію, опустошали эту богатую область; угрожали самому Риму. (Нашествіе алеманновъ на Декуматскую землю и сѣверную Италію 256.) Сенатъ принялъ энергическія мѣры: сдѣлалъ наборъ войска и, подкрѣпивъ этими новобранцами находившихся въ Римѣ преторіанцевъ, послалъ свое войско противъ варваровъ; алеманны, опасаясь потерять добычу, ушли съ нею изъ Италіи. Но императоръ не выразилъ сенату признательности за избавленіе Итали отъ варваровъ. Онъ опасался, что сенатъ, ободренный этимъ успѣхомъ, станетъ заниматься военными дѣлами и, подчинивъ себѣ войска, ограничитъ его власть. Потому онъ запретилъ сенаторамъ начальствовать войсками и даже приближаться къ станамъ легіоновъ. (Галліэнъ воспрещаетъ сенату заниматься военными дѣлами.) Сенаторы охотно подчинились этому запрещенію; ихъ энергія была только мимолетнымъ порывомъ; они считали освобожденіе отъ военныхъ обязанностей милостью и съ удовольствіемъ предоставили охраненіе государства грубымъ поселянамъ и варварамъ, предаваясь наслажденіямъ бань, театра, роскошной жизни въ своихъ городскихъ и загородныхъ дворцахъ. Алеманны сдѣлали второе нападеніе на Италію; противъ нихъ пошелъ самъ Галліэнъ и разбилъ ихъ близъ Медіолана (Милана). Ему понравилась Пипа, дочь одного изъ свевскихъ князей; онъ женился на ней и далъ ея отцу землю въ Панноніи. Впрочемъ римляне не хотѣли признавать женитьбу императора на дочери варвара за бракъ; они считали Пипу не женою, а только наложницею Галліэна.

Морское нападеніе готовъ 258—259. Межъ тѣмъ какъ Галліэнъ и его полководцы съ трудомъ обороняли западныя провинціи отъ германцевъ, другое германское племя опустошало прибережья и острова восточной части государства. Готы, на плоскихъ лодкахъ, имѣвшихъ покатую крышу для защиты отъ дождя, плавали по Черному морю, Пропонтидѣ, Геллеспонту, опустошая

европейскія и въ особенности малоазійскія прибрежья (стран. 449). Въ богатыхъ городахъ Малой Азіи они находили добычу, почти не встрѣчая сопротивленія; но грабили они и европейскую Грецію: ихъ лодки вошли въ Пирей, они толпами ходили по Аттикѣ, по другимъ областямъ Греціи; наконецъ, аѳинянинъ Дексиппъ, хорошій государственный человѣкъ, полководецъ и историкъ, прогналъ ихъ (стр. 370). Они думали плыть даже въ Италію; они сожгли въ Эфесѣ великолѣпный храмъ Артемиды. Межь тѣмъ какъ готы и присоединившіеся къ нимъ другіе германцы грабили греческіе города, разрушали прекрасныя зданія, истребляли произведенія искусствъ, на далекомъ востокѣ римское имя подверглось позору, несравненно болѣе постыдному, чѣмъ пораженіе Красса (III, 862). Персидскій царь Сапоръ завоевалъ Арменію, находившуюся подъ покровительствомъ римлянъ; армянскій царь Хосрой былъ убитъ людьми, подосланными Сапоромъ; сынъ Хосроя Тиридатъ скрывался отъ побѣдителей. Сапоръ принудилъ сдаться римскіе гарнизоны, стоявшіе въ Каррахъ и Нисибидѣ, опустошалъ берега Эвфрата. Старикъ Валеріанъ пошелъ защищать восточную границу государства. Персы осаждали Эдессу; Валеріанъ направился къ этому городу, но преторіанскій префектъ, гнусный измѣнникъ, склонилъ императора идти черезъ такую мѣстность, гдѣ войско попало въ отчаянное положеніе; оно было окружено непріятелемъ и должно было или просить мира, или погибнуть отъ голода и непріятельскихъ стрѣлъ. Римскій императоръ, почтенный старикъ, достойный уваженія не только по своему сану, но и по своимъ благороднымъ качествамъ, подвергся тяжкой судьбѣ: онъ былъ взятъ въ плѣнъ и остался въ плѣну до конца жизни. По разсказамъ нѣкоторыхъ древнихъ писателей, это было такъ: Сапоръ требовалъ свиданія съ Валеріаномъ; римское войско угрозами принудило императора согласиться на свиданіе, онъ ввѣрилъ свою жизнь варварамъ, и они въ виду римскаго войска увели его въ плѣнъ. Войско совершенно упало духомъ, положило оружіе; Сапоръ назначилъ новаго императора, Киріада, сирійца, уроженца Антіохіи, запятнавшаго себя всяческими пороками и преступленіями, бѣжавшаго изъ римскихъ владѣній и жившаго при персидскомъ дворѣ. Теперь онъ сталъ орудіемъ Сапора для завоеванія Сиріи. Новый императоръ былъ проводникомъ персовъ; они быстро переправились черезъ Эвфратъ и пошли черезъ халкидскую область къ Антіохіи, богатому, роскошному, главному городу Сиріи. Антіохійцы, не предчувствуя опасности, сидѣли въ театрѣ; одна изъ актрисъ неожиданно увидѣла, что на сосѣднихъ горахъ показались персы; веселье смѣнилось ужасомъ; непріятель ворвался въ городъ, разграбилъ его, истребилъ множество жителей, многихъ забралъ въ плѣнъ. Той же судьбѣ подверглись другіе сирійскіе города. Персы дошли до киликійскаго города Тарса, опустошая все на пути. Осталась не взята ими только Эмеса. Жрецы эмесскаго

Валеріанъ взятъ въ плѣнъ персами 260.

Нашествіе персовъ на Сирію и Малую Азію 261—262.

храма вооружили подвластныхъ ему поселянъ, фанатизировали ихъ, и они отразили персовъ. Изъ Тарса персидское конное войско прошло, не встрѣчая сопротивленія, черезъ ущелья Тавра въ Каппадокію. Главный городъ этой области Кесарія (или Мазака) долго оборонялся подъ управленіемъ храбраго гражданина Демосѳена; но персы были впущены въ городъ измѣной, залили его кровью и разграбили. Сапоръ не надѣялся долго удержать подъ своею властью завоеванныя римскія области, потому рѣшилъ обратить ихъ въ пустыню, совершенно ограбить ихъ и переселить жителей въ Персію. Когда онъ на обратномъ пути шелъ по окраинѣ сирійской пустыни, ему прислалъ богатые подарки Оденатъ, царь цвѣтущаго оазиса, на которомъ стоялъ тогда великолѣпный городъ Пальмира. Оденатъ просилъ персидскаго царя быть благосклоннымъ къ нему. Сапоръ, возгордившійся своими завоеваніями, принялъ за обиду себѣ то, что Оденатъ не выразилъ безусловной покорности ему, велѣлъ бросить подарки въ Эвфратъ и далъ посламъ отвѣтъ, что велитъ Оденату явиться къ нему съ руками, связанными на спинѣ. Оденатъ собралъ воиновъ арабскихъ племенъ, кочевавшихъ въ пустынѣ, и пошелъ вслѣдъ за персами, возвращавшимися къ Эвфрату, нападалъ на нихъ съ тыла и съ фланговъ, наносилъ имъ много вреда, отнялъ у нихъ часть добычи и плѣнныхъ, преслѣдовалъ ихъ до самаго Эвфрата. Такимъ образомъ, съ врагами Рима сражался сиріецъ или арабъ, между тѣмъ, какъ римскій императоръ томился въ плѣну, подвергаясь грубымъ обидамъ.

Цари, союзные съ персами, просили Сапора освободить Валеріана; они говорили ему, что благосклонность счастья не прочна, что могущество Рима возстановится, что императоръ за свое освобожденіе согласится на выгодныя для персовъ условія міра. Но Сапоръ не слушалъ ихъ совѣтовъ; онъ держалъ Валеріана въ плѣну до самой смерти и обращался съ нимъ обидно, презрительно. Говорятъ, что Сапоръ выводилъ его въ императорской порфирѣ и въ цѣпяхъ на позорище народу; что когда персидскій царь садился на коня, онъ ставилъ ногу на согнутую спину императора; что когда старикъ, удрученный горемъ, умеръ, Сапоръ велѣлъ содрать съ трупа шкуру, набить ее соломой и хранить въ знаменитѣйшемъ храмѣ Персіи;—быть можетъ, это вымыслы, но они показываютъ, какіе слухи у римлянъ ходили о судьбѣ Валеріана въ плѣну; и должно думать, что она дѣйствительно была очень тяжела. Сохранились персидскіе скульптурные рисунки, изображающіе взятіе Валеріана въ плѣнъ. Говорятъ, что онъ томился въ плѣну девять или десять лѣтъ.

Судьба Валеріана.

Галліэнъ ничего не сдѣлалъ для освобожденія отца. Всѣ сожалѣли о судьбѣ несчастнаго императора, но сынъ оставался совершенно равнодушенъ къ ней; онъ хвалилъ храбрость отца, но, по словамъ своего біографа, радовался, что избавился отъ его строгаго надзора. Находились раболѣпные люди, прославлявшіе равнодушіе

Характеръ Галліэна.

Галліэна при этомъ несчастіи государства и при всѣхъ другихъ бѣдствіяхъ имперіи, называвшіе это равнодушіе стоической твердостью духа; но вся жизнь Галліэна показываетъ въ немъ человѣка легкомысленнаго и развратнаго; онъ былъ даровитъ и впечатлителенъ, потому чувственность не поглощала всѣхъ его мыслей: онъ интересовался искусствомъ, науками, неоплатонической философіей; между наслажденіями зрѣлищъ и пустой пышности онъ находилъ досугъ для разговоровъ съ Плотиномъ (стран. 394), занимался греческими таинствами; онъ считался хорошимъ ораторомъ, изящнымъ поэтомъ. Но, какъ правитель, онъ игралъ жалкую роль. Извѣстія о нашествіяхъ враговъ, о пораженіяхъ и мятежахъ своихъ войскъ онъ принималъ съ легкомысленными шутками; и въ то время, когда государство страдало отъ ужаснѣйшихъ бѣдствій, отъ землетрясенія, заразы и голода, когда казна была пуста и чеканилась легковѣсная, низкопробная монета, довершавшая разореніе народа, онъ давалъ великолѣпные праздники, торжествовалъ тріумфы, ставя въ славу себѣ побѣды, одержанныя Оденатомъ. А провинціи отпадали отъ имперіи, такъ что власть Галліэна была признаваема только въ Италіи. Число узурпаторовъ не простиралось до тридцати, какъ считаетъ Требеллій; эту цифру можно составить только, внося въ списокъ имена ихъ женъ и дѣтей; но всѣ провинціи повиновались узурпаторамъ; казалось, что имперія рушится, и бѣдствія народа были такъ велики, что о настоящемъ люди думали съ отчаяніемъ, о будущемъ съ безнадежностью. Въ Александріи, гдѣ вмѣстѣ съ греками жили азіатцы всяческихъ племенъ, гдѣ было множество римскихъ купцовъ, гдѣ существовали рядомъ и отчасти перепутывались религіи и національные обычаи многоразличныхъ народовъ, вспыхнуло междоусобіе, и съ нѣкоторыми перерывами длилось двѣнадцать лѣтъ; цѣлыя части города были опустошены, великолѣпные дворцы разрушены, богатство громаднаго торговаго города погибло. Узурпаторы смѣняли другъ друга въ Александріи, бѣдствія города при нихъ были такъ ужасны, что епископъ Діонисій сравниваетъ возстановленіе власти Галліэна съ появленіемъ солнца изъ черной тучи. Въ Сициліи толпы невольниковъ и взбунтовавшихся поселянъ ходили отъ моря до моря, опустошали плантаціи; казалось, что возвратились времена прежнихъ невольническихъ войнъ (III, стр. 596; слѣд.). Суровые горцы, жившіе въ ущельяхъ скалъ Исавріи, свергли съ себя власть Рима, завладѣли приморьемъ и возобновили морской разбой, которымъ издавна любили заниматься жители того берега Малой Азіи (III, стр. 755, слѣд.).

Распаденіе государства.

Провинціальные императоры.

Главной причиной всѣхъ возстаній было негодованіе народовъ на беззаботность развратника Галліэна, роскошничавшаго при всеобщемъ бѣдствіи. Правители провинцій и главнокомандующіе войскъ, стоявшихъ по границамъ, не могли не презирать Галліэна, выказавшаго такое постыдное равнодушіе къ судьбѣ плѣннаго отца; они стыдились повиноваться такому бездушному сластолюбцу; они сознавали свое превосходство надъ нимъ; примѣры столькихъ возстаній, доставлявшихъ престолъ своимъ вождямъ, ободряли ихъ; они провозглашали себя императорами областей, ввѣренныхъ охраненію ихъ, или были принуждаемы своими войсками принять императорскій санъ. Почти всѣ эти узурпаторы, называвшіе себя «августами» (то есть, императорами), были даровитые полководцы, пріобрѣтавшіе себѣ уваженіе своихъ войскъ и признательность своихъ провинцій мужественной обороной границъ имперіи отъ враговъ. Храбрость и военная опытность были тогда единственными качествами, дававшими право на власть. Потому неудивительно, что изъ девятнадцати полководцевъ, носившихъ въ годы царствованія Галліэна титулъ августовъ, было только два человѣка знатнаго происхожденія: Тетрикъ, бывшій прежде сенаторомъ, и Луцій Пизонъ, потомокъ старинной аристократической фамиліи; всѣ остальные были простолюдины, поднявшіеся изъ ничтожества до важныхъ военныхъ должностей; всѣ они скоро погибали, а нѣкоторые покупали себѣ мимолетную безопасность союзомъ съ варварами, постыдною данью имъ.

Почти не было провинціи, которая не находилась бы болѣе или менѣе долгое время подъ властью мѣстнаго императора; даже въ провинціи Африкѣ, которой не угрожали никакіе враги, былъ провозглашенъ императоромъ трибунъ Цельсъ. На него возложили мантію карѳагенской богини неба; но черезъ семь дней онъ былъ убитъ, и тѣло его было брошено на растерзаніе собакамъ. Особенно много было эфемерныхъ владыкъ въ Галліи и на Востокѣ. Они были одинъ за другимъ низвергаемы, обыкновенно послѣ недолгаго владычества; и ни одинъ изъ нихъ не умеръ естественною смертью. Въ Галліи и сосѣднихъ западныхъ провинціяхъ послѣ убійства Салонина были августами: Постумъ, римскій юристъ и полководецъ, энергически сражавшійся съ германцами на Рейнѣ и убитый (въ 267 году) своими воинами за то, что не дозволилъ имъ ограбить Могунціакъ; Лолліанъ, Викторинъ, вмѣстѣ съ которымъ правила его гордая и отважная мать Викторина, Марій, бывшій кузнецъ, оружейникъ, храбрый и честный человѣкъ, убитый черезъ три дня по полученіи императорскаго сана, и, наконецъ, Тетрикъ. На Востокѣ быстро смѣняли другъ друга въ императорскомъ санѣ Киріадъ, Макріанъ и его сынъ Квіэтъ, Балиста, Требелліанъ; наконецъ упрочилъ за собою владычество храбрый Оденатъ. Требеллій Полліонъ говоритъ, что онъ провелъ молодость въ лѣсахъ, горахъ и песчаныхъ пустыняхъ, укрѣпилъ тѣло и духъ охотою на львовъ, пантеръ и медвѣдей, привыкъ переносить зной, дождь и всякія лишенія, сталъ могучимъ воиномъ; судя по этому, должно полагать, что основатель пальмирскаго царства былъ первоначально старшиною или княземъ какого нибудь кочевого арабскаго племени; по его смерти, стала править государствомъ его жена, знаменитая умомъ и красотой Зеновія. Она, вѣроятно, происходила изъ династіи набатейскихъ государей.

Оденатъ. 264—267.

Еще во времена Соломона славился Тадморъ, стоявшій въ прекрасномъ плодородномъ оазисѣ сирійской пустыни, на караванномъ

пути изъ Финикіи въ Вавилонію; онъ уже былъ тогда важнымъ складочнымъ мѣстомъ этой торговли (I, 534). Впослѣдствіи Тадморъ сталъ называться Пальмирой. При Селевкидахъ Пальмира приняла греческую культуру; греческіе архитекторы украсили ее храмами и дворцами; но громаднымъ и великолѣпнымъ городомъ стала она уже только во времена римской имперіи, въ особенности съ эпохи Траяна и Адріана. Царь Пальмиры Оденатъ удачно сражался съ персами, отнялъ у нихъ месопотамскія крѣпости, до Ктезифона. Сапоръ, побѣдитель Валеріана, подвергся даже тому огорченію и стыду, что Оденатъ овладѣлъ его гаремомъ. Но, не смотря на свои побѣды, Оденатъ признавалъ надъ собою верховную власть римскаго императора и принялъ титулъ августа только когда римскій сенатъ, съ согласія Галліэна, далъ ему этотъ санъ, поручилъ управлять Востокомъ и охранять эту часть имперіи. Оденатъ одержалъ много побѣдъ въ Месопотаміи и въ Малой Азіи; но скоро былъ вмѣстѣ съ своимъ сыномъ Иродомъ, котораго сдѣлалъ своимъ соправителемъ,
267. убитъ въ Эмесѣ на пирѣ своимъ племянникомъ, озлобленнымъ за полученное отъ него оскорбленіе; тѣлохранители Одената закололи убійцу. Даровитая и мужественная жена Одената, красавица Зеновія, стала править пальмирскимъ царствомъ.

В Ахаіи войско принудило своего главнокомандующаго, храбраго проконсула Валента, принять санъ императора. Галліэнъ послалъ противъ него Кальпурнія Пизона; но, пришедши въ Ѳессалію, Пизонъ самъ принялъ императорскій титулъ. Валентъ съумѣлъ возмутить противъ соперника войско его, оно убило Пизона; но онъ пользовался большимъ уваженіемъ за свой
Пизонъ. благородный характеръ, такъ что Валентъ раздражилъ многихъ убійствомъ его и скоро самъ былъ убитъ; а римскій сенатъ, съ согласія Галліэна, рѣшилъ почтить Пизона сооруженіемъ памятника. При подобныхъ случаяхъ Галліэнъ выказывалъ мимолетные порывы справедливости и сострадательности, но они были только проявленіями его сознанія, что онъ безсиленъ; когда онъ могъ поступать сурово, онъ губилъ своихъ противниковъ съ
Свирѣпость Галліэна. безпощадной свирѣпостью. Требеллій Полліонъ приводитъ письмо, которое написалъ онъ, когда былъ разбитъ и лишилъ себя жизни храбрый полководецъ Ингенуй, котораго мизійскіе легіоны провозгласили императоромъ. Галліэнъ пишетъ главнокомандующему, усмирившему этотъ мятежъ:

„Не достаточно будетъ, чтобы ты умертвилъ только людей, сражавшихся противъ меня. Должно истребить всѣхъ мужчинъ, не исключая ни дѣтей, ни стариковъ, но такъ, чтобы моя честь осталась не запятнана этимъ. Ты долженъ умертвить каждаго, кто говорилъ дурно о насъ, сынѣ Валеріана, отцѣ и братѣ стольких государей. Ингенуй былъ провозглашенъ императоромъ, этого довольно. Истязай, убивай, руби въ куски. Ты знаешь теперь мою волю. Мстительность того, кто собственноручно написалъ тебѣ это, должна одушевлять твое сердце“.

Многіе изъ полководцевъ, принимавшихъ тогда императорскій титулъ дѣлали это лишь по принужденію: того требовали воины и немедленно убили бы главнокомандующаго, еслибъ онъ отказался. Когда легіоны Понта принудили Сатурнина принять санъ императора, онъ сказалъ: „Вы потеряли хорошаго главнокомандующаго и сдѣлали плохого императора“.

Смерть Галліэна и Авреола.

Пока возстанія ограничивались отдаленными провинціями, Галліэнъ мало огорчался ими: чувство чести не было въ немъ такъ живо, чтобы извѣстія о нихъ надолго перерывали его безпечныя удовольствія. Дѣло перемѣнилось, когда Авреолъ, простолюдинъ, ставшій начальникомъ конницы на среднемъ Дунаѣ, былъ провозглашенъ императоромъ и пошелъ съ своими легіонами черезъ Альпы, взялъ Медіоланъ и угрожалъ самому Риму. Покинувъ свои удовольствія, Галліэнъ отважно пошелъ противъ него и выказалъ такое стратегическое искусство, которое сдѣлало бы честь опытному полководцу. Въ исторіи не рѣдки примѣры, что люди впечатлительнаго характера, покидая изнѣженныя удовольствія, оказывались храбрыми энергическими воинами. Авреолъ былъ совершенно разбитъ въ сраженіи на берегу Адды и, раненный, заперся въ Медіоланѣ. Битва происходила близъ моста, который послѣ того былъ названъ мостомъ Авреола, pons Aureolie, и до сихъ поръ сохраняетъ это имя въ измѣненной формѣ Понтиролло. Галліэнъ осадилъ Медіоланъ и велъ осаду такъ искусно и дѣятельно, что Авреолъ съ каждымъ днемъ опасался взятія крѣпости. Но въ станѣ Галліэна возникъ заговоръ; говорятъ, что онъ былъ возбужденъ хитростью Авреола, сообщившаго нѣкоторымъ изъ военачальниковъ своего противника, что онъ хочетъ казнить ихъ. Галліэнъ пировалъ ночью; ему принесли фальшивое извѣстіе, что Авреолъ сдѣлалъ вылазку. Онъ, не надѣвъ латъ, вскочилъ на коня и поскакалъ въ темнотѣ къ мѣсту предполагаемаго боя. Стрѣла, пущенная неизвѣстно кѣмъ, пронзила его грудь. Рана была смертельная. 20 марта 268. Заговорщики уже раньше условились между собою выбрать императоромъ Марка Аврелія Клавдія, храбраго воина, уроженца иллирской провинціи, выслужившагося своею храбростью, бывшаго однимъ изъ лучшихъ помощниковъ Деція въ войнѣ съ варварами и подвинувшагося еще выше по службѣ при Валеріанѣ; теперь онъ начальствовалъ отрядомъ войска въ Павіи. Онъ не участвовалъ въ заговорѣ; заговорщики поспѣшно вызвали его въ станъ главнаго войска и провозгласили императоромъ; воинамъ было обѣщано по двѣнадцати золотыхъ монетъ, и они согласились признать его. Авреолу не принесла пользы смерть Галліэна. Клавдій энергически продолжалъ осаду; Авреолъ принужденъ былъ сдаться на волю новаго противника. Войско Клавдія требовало казни Авреола; Клавдій послѣ нѣкотораго колебанія согласился уступить требованію. Сенатъ радостно принялъ извѣстіе о восшествіи на престолъ Клавдія и отмстилъ казнью родныхъ и слугъ Галліэна за презрѣніе, которому подвергался отъ него. Ихъ тѣла были брошены на лѣстницу темницы. Пришедши въ Римъ, Клавдій прекратилъ казни и далъ амнистію

всѣмъ, подвергавшимся преслѣдованію. Онъ былъ человѣкъ справедливый и кроткій, хотѣлъ прекратить раздоры, возстановить довѣріе къ императорской власти, ободрить упавшихъ духомъ гражданъ.

4. Императоры изъ дунайскихъ провинцій.

Клавдій 268—270. (1030—1023). Клавдій II, называемый Готскимъ, Gothicus, храбрый воинъ, человѣкъ твердаго характера и скромнаго образа жизни, могъ бы возстановить могущество имперіи, если бы правилъ ею долго; но онъ царствовалъ только два года. Готы снова сѣли на большія лодки въ устьѣ Днѣстра и пустились опустошать берега имперіи. Говорятъ, что число ихъ лодокъ было 2,000, число воиновъ — 320,000. Они, по прежнему, стали грабить приморскіе города восточныхъ областей отъ Аѳона до Крита и Кипра; часть ихъ лодокъ была разбита бурями о скалы. Они собрались, наконецъ, у Ѳессалоники и осадили этотъ богатый городъ. Клавдій напомнилъ своимъ легіонамъ о прежней славѣ римскаго оружія, внушилъ имъ необходимость строго соблюдать дисциплину и повелъ ихъ на варваровъ, далеко превосходившихъ числомъ римское войско. Требеллій Полліонъ приводитъ письмо, въ которомъ храбрый императоръ описываетъ сенату печальное состояніе своего войска и выражаетъ твердую рѣшимость поддержать честь римскаго имени.

„Сообщаю вамъ, что 320,000 варваровъ напали на римское государство. Если я одержу побѣду надъ ними, ваша признательность будетъ наградой мнѣ, а если я не пріобрѣту побѣды, то вы припомните, что я получилъ власть послѣ Галліэна. Государство совершенно разстроено и изнурено. Мы должны сражаться съ врагами послѣ возстаній Валеріана, Постума, Ингенуя, Регилліана, Лолліана, Цельса и столькихъ другихъ, доведенныхъ до мятежа справедливымъ презрѣніемъ къ Галліэну. У насъ недостатокъ въ щитахъ, мечахъ и дротикахъ. Сильнѣйшія провинціи государства, Галлію и Испанію, отнялъ у насъ Тетрикъ, и мы со стыдомъ должны признаться, что всѣ стрѣлки служатъ въ войскахъ Зеновіи. При такомъ положеніи дѣлъ, какъ бы ни малы были наши успѣхи, ихъ должно будетъ считать великими“.

Битва при Наиссѣ. 269. Римляне сошлись съ готами на Моравѣ, одномъ изъ притоковъ Дуная, и близъ Наисса (Ниша) въ землѣ дардановъ произошла ужасная битва, начавшаяся неудачно для римлянъ, но, благодаря римской тактикѣ и стратегическому искусству Клавдія, кончившаяся побѣдой ихъ надъ безпорядочной отвагой варваровъ. Говорятъ, что на полѣ битвы легло 50,000 готовъ; остальные разбѣжались разными отрядами; но эти полчища были еще такъ многочисленны, что война длилась до зимы и часть зимы; по Мизіи, Ѳракіи, Македоніи ходили войска, повсюду совершались битвы. Наконецъ, готы были загнаны въ ущелья Гемуса, и большинство ихъ погибло тамъ отъ зимней стужи, голода, повальныхъ болѣзней и римскаго оружія. Къ веснѣ оставалось уже довольно мало враговъ. Сотни тысячъ воиновъ, которые въ прошломъ году поплыли изъ устья Днѣстра съ увѣренностью въ побѣдѣ, лежали подъ землей или были отведены въ рабство; довольно многіе товарищи ихъ служили теперь въ римскомъ войскѣ: они въ отчаяніи просили принятія на службу, и Клавдій принималъ ихъ. «Щитами враговъ покрыты рѣки, мечами и копьями покрыты берега», писалъ императоръ начальнику иллирскихъ войскъ, «костями ихъ усѣяны поля, трупами завалены дороги; ихъ огромный обозъ остался безъ воиновъ». Добыча, взятая римлянами, была громадна; число женщинъ, захваченныхъ въ плѣнъ, было, говорятъ, такъ велико, что на долю каждому воину досталось по двѣ плѣнницы, многимъ по три. Готы хотѣли поселиться на югѣ отъ Дуная, потому взяли съ собою свои семейства и имущество; у нихъ былъ необозримый обозъ. Но эпидемическая болѣзнь, истребившая множество варваровъ, перешла и къ римлянамъ; самъ императоръ умеръ отъ нея. Онъ скончался въ Сирміѣ. 270. Всѣ печалились о смерти этого храбраго, справедливаго, привѣтливаго государя; ему было дано за его побѣды имя Готскаго.

Императоръ Константинъ былъ потомкомъ Криспа, брата Клавдія; потому придворные историки слѣдующаго періода очень усердно восхваляли Клавдія. Уже и біографія „божественнаго Клавдія“, написанная Полліономъ, болѣе походитъ на панегирикъ, чѣмъ на исторію.

Передъ смертью Клавдій, заботясь не о возвышеніи своего рода, а только о благѣ государства, совѣтовалъ военачальникамъ возвести на престолъ храбраго полководца, Домиція Авреліана. Войско послѣдовало волѣ умирающаго императора. Авреліанъ 270—275. (1023—1028). Авреліанъ былъ сынъ поселянина, жившаго близъ Сирмія, поступилъ на службу простымъ воиномъ, возвысился своими талантами и храбростью, въ готской войнѣ былъ начальникомъ конницы и очень много содѣйствовалъ ея успѣху. Братъ Клавдія, Квинтиллъ, находившійся въ Аквилеѣ, провозгласилъ себя императоромъ и былъ признанъ въ этомъ санѣ сенатомъ; но очень скоро увидѣлъ безнадежность своего положенія и черезъ семнадцать дней по принятіи сана императора, закололся.

Характеръ Авреліана. Авреліанъ былъ по характеру и по привычкамъ воинъ. Онъ не желалъ богатства и оставался бѣденъ до своей женитьбы. По рекомендаціи Валеріана, богатый сенаторъ Ульпій Кринитъ, происходившій изъ фамиліи Траяна, усыновилъ его и женилъ на своей до-

чери. Авреліанъ былъ извѣстенъ строгостью, съ какой поддерживалъ дисциплину; воины дали ему прозваніе manus ad ferrum, «всегда готовый къ бою»; а потомъ была у воиновъ пѣсня о немъ, говорившая, что онъ пролилъ больше крови, чѣмъ сколько вина находится въ чьемъ нибудь погребѣ. Такого человѣка войско согласилось выбрать императоромъ; это показываетъ, что военный духъ очень поднялся при Клавдіѣ. Поддержать воинственность и дисциплину войска было главной заботой Авреліана. Его біографъ Флавій Вопискъ приводитъ составленную имъ инструкцію о томъ, какъ долженъ держать себя воинъ въ станѣ, на походѣ, на квартирахъ; она показываетъ, какой строгій порядокъ ввелъ онъ въ своихъ войскахъ. Въ одномъ изъ своихъ писемъ онъ говоритъ, что войско должно обогащаться не притѣсненіемъ населенія провинцій, а добычею, пріобрѣтаемой отъ враговъ. У него было столько энергіи, что войско повиновалось его приказаніямъ. Авреліанъ былъ мужчина высокаго роста, очень сильный, держалъ себя величественно; никто не подумалъ бы, что этотъ императоръ сынъ паннонскаго поселянина. Видъ его одушевлялъ воиновъ старинной римской храбростью. Когда онъ сдѣлался императоромъ, войско ожидало отъ него великихъ побѣдъ и не ошиблось. Правленіе Авреліана длилось только пять лѣтъ, даже нѣсколько менѣе полныхъ пяти лѣтъ; но оно было наполнено множествомъ великихъ подвиговъ. Прежде всего Авреліанъ озаботился возстановить безопасность на границѣ по Дунаю. Смерть Клавдія, повидимому, ободрила готовъ: въ римскія владѣнія вторглись новыя полчища ихъ; съ ними были вандалы и ютунги; произошла новая битва, длившаяся до ночи и оставшаяся не рѣшенной. Обѣ стороны нашли надобнымъ примириться. Авреліанъ уступилъ германцамъ Дакію, завоеванную Траяномъ. Римскимъ колонистамъ ея онъ велѣлъ переселиться на правый берегъ Дуная. Но многіе изъ нихъ остались въ Дакіи, находя переселеніе бѣдствіемъ, болѣе тяжелымъ, чѣмъ подвластность готамъ. Они учили поселившихся въ Дакіи германцевъ земледѣлію, ремесламъ, цивилизованному образу жизни, поддерживали сношенія съ переселившимися на южный берегъ Дуная соплеменниками, содѣйствовали своимъ вліяніемъ сохраненію союза, заключеннаго Авреліаномъ съ готами. Около ста лѣтъ условія этого союза были добросовѣстно соблюдаемы. 2000 готовъ поступили на службу въ римскую конницу; они поддерживали дружескія отношенія между готами и римлянами; содѣйствовали этому также сыновья и дочери готскихъ старшинъ или князей, отданные римлянамъ въ залогъ вѣрности союзу; эти мальчики и дѣвочки были отвезены въ Римъ, получили тамъ хорошее воспитаніе, потомъ юноши женились на римлянкахъ, дѣвушки вышли за римлянъ и поддерживали дружбу между своими готскими и римскими родными. Римскіе купцы вели на Дунаѣ значительную торговлю съ готами и получали отъ нея большія выгоды.

Окончаніе войны съ готами. 270.

Война съ алеманами. 270–271.

Едва возстановилъ Авреліанъ миръ на иллирской границѣ, ему пришлось защищать отъ варваровъ Италію. Алеманны, вторгнувшіеся въ сѣверную часть ея при апатичномъ Галліэнѣ, сохранили о богатствѣ этой плодородной страны воспоминаніе, которое завлекало ихъ къ новымъ нашествіямъ. При Клавдіѣ они дошли до Гардскаго озера; онъ остановилъ ихъ, принудилъ вернуться; но черезъ два года ихъ буйныя полчища снова опустошали Сѣверную Италію. 40,000 всадниковъ и 80,000 пѣшихъ варваровъ грабили селенія и неукрѣпленные города равнины между рѣкою По и Альпами. Услышавъ объ этомъ вторженіи, Авреліанъ взялъ часть войскъ, наиболѣе способную къ быстрымъ переходамъ, поспѣшно пришелъ съ Дуная въ Италію, искусными стратегическими движеніями отрѣзалъ путь отступленія германцамъ, возвращавшимся съ добычею на родину; они послали просить у него пропуска, обѣщая стать союзниками римлянъ, если имъ дано будетъ за это денежное вознагражденіе. Авреліанъ принялъ пословъ въ собраніи всего войска; это было зрѣлище, способное внушить страхъ непріятелю, и самъ онъ своимъ величественнымъ видомъ производилъ импонирующее впечатлѣніе. Онъ нашелъ предложенія германцевъ дерзкими и отпустилъ ихъ пословъ съ гнѣвными словами, что они должны отдаться на его волю безъ всякихъ условій, или испытаютъ всю строгость его мщенія. Но прежде чѣмъ дѣло было рѣшено примиреніемъ или битвой, другія необходимыя дѣла принудили Авреліана удалиться изъ Сѣверной Италіи. Оставленные имъ тамъ военачальники не съумѣли удержать непріятеля запертымъ, истребить его голодомъ или оружіемъ; алеманны прорвались сквозь слабыя мѣста римскихъ позицій въ тылу ихъ и успѣли уйдти на равнину рѣки По. Они снова стали опустошать ее: отъ Медиолана до Вероны грабили селенія, истребляли хлѣбъ на поляхъ. Авреліанъ пошелъ на враговъ, поспѣшно собравъ легіоны и вспомогательныя войска, какія могъ собрать, и взявъ съ собой преторіанцевъ. Но при Плаценціи на него неожиданно бросились варвары, скрывавшіеся въ засадѣ въ лѣсу, нанесли римлянамъ тяжелое пораженіе, преслѣдовали ихъ по Эмиліевой дорогѣ въ Этрурію и въ Умбрію; самому Риму угрожала опасность быть разграбленнымъ ими. Римляне умоляли боговъ о помощи, приносили жертвы, совершали обряды очищенія, чтобы смягчить ихъ гнѣвъ. Но еще не пришло время, чтобы кони варваровъ пили воду Тибра. У Fanum Fortunae близъ Митавра, гдѣ погибъ Газдрубалъ (III, 497), Алеманны были побѣждены Авреліаномъ и пошли назадъ; при Павіи они потерпѣли второе пораженіе, такое тяжелое, что послѣ того уже не вторгались въ Италію.

Укрѣпленіе Рима. 271, 272.

И такъ на этотъ разъ Римъ избавился отъ опасности. Но исчезло прежнее убѣжденіе, что онъ не нуждается въ стѣнахъ для защиты отъ враговъ. Прежнія стѣны Рима были теперь безполезны, потому

что городъ расширился далеко за нихъ; Авреліанъ благоразумно разсудилъ обвести городъ новою крѣпкою стѣною. Ея сооруженіе, начатое имъ, было окончено Пробомъ. Она охватывала и Марсово поле и часть города, находившуюся на правомъ берегу Тибра и служила основою для всѣхъ слѣдующихъ оборонительныхъ сооруженій. По новѣйшимъ измѣреніямъ окружность ея составляла $12^1/_4$ римскихъ миль (около 17 верстъ). Она была построена изъ кирпича, имѣла казематы со сводами, башни у воротъ и другія башни по всей своей окружности. Она была колоссальнымъ сооруженіемъ и служила для обороны не только отъ внѣшнихъ враговъ, но и противъ мятежей самихъ римлянъ.

Покореніе Галліи.

Отразивъ варваровъ отъ сѣверной границы государства, Авреліанъ обратилъ оружіе на то, чтобы вновь присоединить къ имперіи западныя и восточныя провинціи, еще остававшіяся подъ властью особыхъ государей. Мы видѣли, что въ Галліи строгость Постума произвела мятежъ въ его легіонахъ и онъ былъ убитъ въ Могунціакѣ, что послѣ него быстро смѣнилось нѣсколько узурпаторовъ. Когда одинъ изъ нихъ, Викторинъ, человѣкъ энергическій, но развратный, былъ убитъ въ Агриппинской колоніи заговорщиками, главою которыхъ сталъ военачальникъ, оскорбленный имъ въ своемъ семейномъ быту, то мать его, Викторина, сохранила въ своихъ рукахъ власть. Она была женщина умная, привлекала къ себѣ людей щедростью, имѣла вліяніе на дѣла при жизни сына, а теперь приняла титулъ «августы». Сохранились монеты съ ея изображеніемъ и этимъ титуломъ. По ея вліянію, былъ признанъ императоромъ Марій, послѣ смерти Марія—Тетрикъ; оба они оставались подвластны ей. Войско чтило ее, какъ сверхъестественное существо, и называло матерью воиновъ. Она хотѣла, чтобы Западъ имперіи сталъ государствомъ независимымъ отъ Рима, какъ сталъ Востокъ подъ управленіемъ Зеновіи. По ея смерти сталъ государемъ всего Запада Тетрикъ, бывшій прежде правителемъ Аквитаніи. Онъ былъ человѣкъ слабаго характера, не имѣлъ и боевой храбрости, боялся войска; оно презирало его, и онъ былъ рабомъ своихъ буйныхъ воиновъ. Когда Авреліанъ сталъ готовиться къ походу противъ него, онъ, какъ говорятъ, вступилъ въ тайныя сношенія съ противникомъ, умолялъ Авреліана избавить его отъ невыносимаго положенія; но, боясь своихъ воиновъ, принималъ мѣры для обороны. Когда войска сошлись при Каталавнѣ (Шалонѣ на Марнѣ), Тетрикъ при самомъ началѣ битвы бѣжалъ съ нѣсколькими преданными людьми отъ своего войска къ Авреліану. Битва потеряла всякій смыслъ, но легіоны Тетрика продолжали сражаться чрезвычайно храбро и были почти совершенно истреблены. Авреліанъ взялъ Лугдунъ (Ліонъ) и наказалъ этотъ городъ за сопротивленіе. Весь Западъ имперіи покорился римскому императору. Тетрикъ долженъ былъ идти плѣнникомъ въ тріумфальной процессіи побѣдителя, но скоро Авреліанъ далъ ему высокій санъ соправителя (корректора) Италіи; по своей почетности, это было одной изъ первыхъ должностей въ государствѣ.

Зеновія.

Наибольшую славу Авреліанъ пріобрѣлъ покореніемъ Пальмирскаго царства. При скудости и недостовѣрности извѣстій о дѣлахъ того времени трудно рѣшить, до войны съ Тетрикомъ или послѣ нея онъ покорилъ Востокъ. По мнѣнію Гиббона, это было послѣ покоренія Запада. По смерти Одената (стран. 502), Пальмирскимъ царствомъ правила его жена Зеновія, женщина, замѣчательная по уму, храбрости, образованности, красотѣ и нравственно-чистому образу жизни. Говорили, что Оденатъ былъ обязанъ своими успѣхами всего болѣе совѣтамъ ея. Когда она стала правительницей государства, она расширила его границы и очень заботилась о его благосостояніи. Оно простиралось отъ южнаго предѣла Палестины до Месопотаміи. Къ нему принадлежали богатый и великолѣпный торговый городъ Дамаскъ и область Эмесскаго храма; Малая Азія до Анкиры, столицы Галатіи, покорилась Зеновіи; римскія войска, находившіяся въ Египтѣ, были деморализованы и слабо противились завоеваніямъ Пальмирской царицы. Можно было думать, что подъ ея властью соединятся всѣ области отъ Эвфрата до Нила и до Геллеспонта, и что «вторая Семирамида», какъ называли Зеновію, станетъ царицею всего Востока. Она уже и приняла этотъ титулъ. Она говорила, что происходитъ отъ Клеопатры; но, не уступая египетской царицѣ красотой, была далеко выше ея чистотою нравственности и правительственными талантами. Она вмѣстѣ съ мужемъ ѣздила на охоту, участвовала въ его походахъ и пріобрѣла привычку выносить всѣ трудности военной жизни. Она очень заботилась о пріобрѣтеніи высокой образованности, какъ видимъ это по ея благосклонности къ знаменитому философу и государственному человѣку Лонгину (стр. 397); она любила греческій языкъ, греческую науку, изучала исторію. Въ ея царствѣ пользовались полною терпимостью всѣ національные обычаи, всѣ религіи многочисленныхъ племенъ, подвластныхъ ей, она старалась ослабить вражду между ними распространеніемъ космополитской философіи. Мы знаемъ, что она была дружна съ Павломъ Самосатскимъ, имѣвшимъ много приверженцевъ въ Антіохіи (стр. 438). Она хорошо умѣла пользоваться обстоятельствами и никогда не увлекалась неблагоразумными порывами: когда полезно было дать прощеніе, она умѣла подавлять въ себѣ гнѣвъ; когда было необходимо наказать, она заглушала въ себѣ голосъ состраданія; бережливая до скупости, она бывала, когда надобно, щедра до расточительности. Она была, какъ говоритъ Гиббонъ, едва ли не единственною женщиной, преодолѣвшей могуществомъ своего ума рабскую вялость, на которую осуждены женщины климатомъ и нравами Азіи.

Требеллій Полліонъ, написавшій біографію Зеновіи, говоритъ о ней: цвѣтъ ея лица былъ смуглый, черные глаза ея блистали необыкновеннымъ, какъ бы божественнымъ огнемъ, сила котораго смягчалась очаровательной прелестью ея; зубы ея были бѣлы, какъ жемчугъ. Она имѣла звучный, сильный голосъ.—Дворъ ея былъ великолѣпенъ, при немъ соблюдался персидскій этикетъ, подданные преклоняли передъ нею колѣна, по обычаю, заимствованному у Персовъ. Но сервировка ея обѣда была такая, какъ у римскихъ императоровъ; столъ сіялъ золотою посудою, украшенной дорогими камнями. Въ торжественныхъ случаяхъ она выходила къ народу въ пурпурной мантіи, украшенной дорогими камнями и со шлемомъ на головѣ. Но обыкновенно она ѣздила верхомъ въ военной одеждѣ или въ открытой колесницѣ; часто она шла пѣшкомъ съ войскомъ по три, по четыре римскія мили. Въ своемъ образѣ жизни она была очень скромна и воздержна, но иногда присутствовала на пирахъ своихъ полководцевъ и сановниковъ. Прислугою при ней были пожилые эвнухи, служанокъ у нея было очень мало. Ея сыновья были выучены говорить по-латыни; сама она говорила на этомъ языкѣ плохо, но хорошо говорила по-египетски, по-сирійски, по-гречески. Исторію Востока она изучила очень основательно и говорятъ, что сама написала обзоръ ея. По греческимъ книгамъ она знала и римскую исторію.

Пораженіе войскъ Зеновіи.

Счастье, помогавшее Авреліану въ другихъ его войнахъ, осталось вѣрно ему и въ азіатскомъ походѣ. Анкира отворила ему ворота; Тіана была сдана ему измѣною и получила пощаду по уваженію его къ памяти Аполлонія, въ Антіохіи партія Павла Самосатскаго должна была передать управленіе церковью каѳолической партіи, по рѣшенію епископа римскаго, на судъ котораго императоръ отдалъ споръ между ними. Авреліанъ взялъ Антіохію послѣ сильнаго сраженія близъ этого города; жители бѣжали, но императоръ обѣщалъ имъ прощенье, и они вернулись. Вторая битва, бывшая близъ Эмесы, рѣшила судьбу Востока. Пальмирская пѣхота, большинство которой составляли легковооруженные стрѣлки, не выдержала натиска легіоновъ, которые одолѣли готовъ и алемановъ; но пальмирская тяжелая конница, одѣтая по-персидски въ латы съ головы до ногъ, сражалась упорно и была побѣждена только хитростью: римляне обратились въ притворное бѣгство, она погналась за ними, ряды ея разстроились, и римляне одолѣли ее. Быть можетъ, даже бѣгство и не было притворное, а въ самомъ дѣлѣ римляне были побѣждены, но успѣли остановиться и оправиться. Зеновія сама присутствовала при обоихъ сраженіяхъ, но не командовала войсками; ихъ дѣйствіями управлялъ ея полководецъ Забдъ (или Забдасъ, Zabdas). Послѣ пораженія при Эмесѣ, царица бѣжала въ Пальмиру; крѣпкія стѣны

Осада Пальмиры.

столицы могли выдержать долгую осаду. Авреліанъ поспѣшно пошелъ отъ Эмесы черезъ пустыню къ Пальмирскому оазису; на пути толпы арабскихъ всадниковъ сильно нападали на римлянъ съ тыла и съ фланговъ. Самъ Авреліанъ въ письмѣ къ сенату хвалилъ мѣры, которыя приняла Зеновія для обороны Пальмиры. Городъ могъ долго сопротивляться, осада была тяжела, потому Авреліанъ предлагалъ Зеновіи сдаться на почетныхъ для нея условіяхъ: онъ обѣщалъ дать ей приличную ея сану обстановку и оставить городу Пальмирѣ всѣ прежнія права. Зеновія съ презрѣніемъ отвергла это предложеніе, разсчитывая на то, что римское войско не будетъ имѣть подвоза провіанта и что персы придутъ на помощь ей. Но непобѣдимый богъ Солнца, покровитель Рима, на котораго надѣялся Авреліанъ, какъ самъ говоритъ въ письмѣ къ сенату, помогъ императору. Незадолго передъ тѣмъ умеръ Сапоръ; это ослабило энергію персидскаго правительства; а провіантъ, благодаря хорошимъ распоряженіямъ Авреліана, былъ въ изобиліи доставляемъ изъ Сиріи въ римскій станъ подъ Пальмирой. Полководецъ Авреліана, Пробъ, покоривъ Египетъ, привелъ свои войска на помощь императору при осадѣ. Зеновія увидѣла, что Пальмира будетъ взята и рѣшилась бѣжать. Она сѣла на самаго быстраго изъ своихъ дромадеровъ и поскакала къ Эвфрату.

Бѣгство и плѣнъ Зеновіи.

Она уже примчалась къ берегу, когда настигли ее всадники, посланные въ погоню Авреліаномъ, она была приведена плѣнницей къ императору. Пальмира отказалась отъ сопротивленія, граждане отворили ворота Авреліану, онъ вступилъ въ городъ, какъ милостивый побѣдитель. Правда, жители должны были отдать оружіе, коней, верблюдовъ, отдать свои сокровища: золото, дорогіе камни, шелковыя и пурпурныя одежды, но сохранили остальное имущество и всѣ прежнія права. Пробывъ нѣсколько времени въ Пальмирѣ, императоръ возвратился въ Эмесу, взявъ съ собою Зеновію и важнѣйшихъ ея сановниковъ, а въ покоренномъ городѣ оставилъ 600 стрѣлковъ. Въ Эмесѣ онъ сталъ судить взятыхъ въ плѣнъ сановниковъ; подвергъ суду и Зеновію. На первомъ своемъ свиданіи съ Авреліаномъ царица держала себя твердо и гордо. Онъ спросилъ ее, какъ осмѣлилась она возстать противъ римскаго императора; она дала ловкій отвѣтъ: «Я не считала императорами Авреола и Галліэна; только въ тебѣ, мой побѣдитель, я чту моего господина». Но въ часъ опасности твердость духа покинула ее. Легіоны шумно требовали ея смерти; она оробѣла и купила себѣ жизнь, пожертвовавъ честью своего имени. Она сложила вину упорной обороны съ себя на своихъ совѣтниковъ, въ особенности на Лонгина, которымъ былъ написанъ презрительный отвѣтъ Авреліану. Она выдала этимъ своихъ вѣрныхъ слугъ на жертву гнѣвному побѣдителю. Лонгинъ умеръ съ твердостью и спокойствіемъ мудреца. Послѣ этихъ казней Авреліанъ продолжалъ обратный путь, но вскорѣ по переправѣ черезъ Геллеспонтъ получилъ извѣстіе, что пальмирцы возмутились, умертвили римскаго правителя и гарнизонъ. Авреліанъ немедленно пошелъ назадъ, рѣшившись безпощадно наказать вѣроломный городъ. Онъ взялъ Пальмиру, и развалины ея показываютъ, какъ безжалостно исполнилъ онъ свое рѣшеніе. Были умерщвлены не только всѣ мужчины, сражавшіеся

Возстаніе и погибель Пальмиры.

противъ римлянъ, но и старики, дѣти, женщины и мирные жители селеній оазиса; дома и храмы Пальмиры были разрушены, всѣ цѣнныя вещи увезены въ Римъ. Когда раздраженіе Авреліана затихло, онъ раскаялся въ своей свирѣпости, велѣлъ возстановить храмъ солнца, помогъ возобновить дома тѣмъ пальмирцамъ, которые успѣли скрыться отъ истребленія. Но городъ, бывшій блестящимъ центромъ образованности, торговли, богатства Востока, уже не могъ подняться на прежнюю высоту; онъ остался ничтоженъ. Бѣдные дома, построенные возвратившимися изъ бѣгства жителями, разрушались отъ новыхъ бѣдствій, подъ рукою новыхъ разорителей, и маленькій городъ обратился въ жалкую деревню. Теперь тамъ живутъ 30 или 40 семействъ; хижины ихъ, сбитыя изъ глины, стоятъ на обширномъ дворѣ разрушеннаго великолѣпнаго храма. Развалины Пальмиры производятъ дивное впечатлѣніе; по нимъ еще можно видѣть, какъ великолѣпенъ и громаденъ былъ городъ, стоявшій среди безводной, песчаной пустыни, по которой и теперь, какъ тогда, бродятъ номады со своими шатрами и верблюдами и мчатся на быстрыхъ коняхъ бедуины драться между собою или грабить купеческій караванъ.

Покореніе Египта. Тріумфъ Авреліана. 274.

Изъ Сиріи Авреліанъ пошелъ въ Египетъ, гдѣ владычествовалъ Фирмъ, другъ и союзникъ Одената и Зеновіи. Фирмъ былъ богатый купецъ; онъ сталъ вождемъ возставшихъ египетскихъ номадовъ и поселянъ, овладѣлъ Александріей, провозгласилъ себя императоромъ, издавалъ законы, чеканилъ монету. Авреліанъ побѣдилъ, взялъ въ плѣнъ и распялъ его на крестѣ. Одержавъ столько побѣдъ, императоръ возвратился въ Римъ отпраздновать тріумфъ.

Вописк подробно описываетъ длинную тріумфальную процессію. Впереди вели 20 слоновъ и множество пантеръ, львовъ, жирафовъ и другихъ животныхъ пустыни; за ними шли 800 паръ гладіаторовъ, предназначенныхъ для боя въ амфитеатрахъ, потомъ плѣнники и плѣнницы разныхъ племенъ въ своей національной одеждѣ, съ руками, связанными на спинѣ; тутъ было 10 женщинъ, одѣтыхъ амазонками. Передъ плѣнными несли доски, на которыхъ были написаны имена ихъ народовъ и странъ. Римляне смотрѣли съ особеннымъ любопытствомъ на Тетрика и его сына, одѣтыхъ по-галльски, въ алые военные плащи и желтое исподнее платье, и на Зеновію, царицу Востока, у которой на рукахъ и на ногахъ были золотыя цѣпи, а на шеѣ и на одеждѣ было столько украшеній изъ драгоцѣнныхъ камней, что она съ трудомъ шла подъ ихъ тяжестью; персидскій рабъ велъ ее за золотую цѣпь, положенную на шею ей. Она шла передъ великолѣпной колесницей, на которой думала сама ѣхать въ тріумфѣ, побѣдивъ Авреліана; за этой колесницей ѣхали двѣ другія, тоже украшенныя золотомъ и драгоцѣнными камнями; одна изъ нихъ принадлежала Оденату, другая была подаркомъ персидскаго царя. Тріумфальная колесница, на которой ѣхалъ Авреліанъ, принадлежала готскому царю; ее везли четыре оленя. Великолѣпіе процессіи увеличивали послы иноземныхъ царей въ своихъ странныхъ костюмахъ; ихъ было много; много было и подарковъ, и добычи. Въ концѣ процессіи шли сенаторы, депутаціи народа и войска. Но сенаторы очень досадовали на то, что Авреліанъ подвергъ стыду идти плѣнникомъ въ этой процессіи Тетрика, бывшаго прежде сенаторомъ.

Дальнѣйшая судьба Тетрика и Зеновіи.

Судьба Тетрика и Зеновіи не была сурова. Авреліанъ возвратилъ Тетрику его санъ и имущество, и черезъ нѣсколько времени сдѣлалъ его правителемъ Луканіи; былъ милостивъ и къ его сыну. Зеновія жила какъ римская аристократка на прекрасной виллѣ близъ Тибура; ея дочери вышли за знатныхъ римлянъ. Во времена Требеллія Полліона и Іеронима еще существовали ея потомки, и одна изъ знатныхъ римскихъ фамилій гордилась происхожденіемъ отъ нея.

Культъ Непобѣдимаго Солнца.

Авреліанъ далъ великолѣпныя игры народу, щедрые подарки воинамъ, выразилъ свою благодарность богамъ за ихъ милости, украсивъ храмы ихъ. Въ особенности усердно чтилъ онъ бога Солнца, котораго съ дѣтства считалъ своимъ покровителемъ: мать Авреліана была жрица въ одномъ изъ небольшихъ святилищъ этого бога, и его благосклонности приписывалъ онъ всѣ свои успѣхи. Молва говорила, что побѣда при Эмесѣ была дана ему непосредственной помощью этого бога, явившагося ему въ битвѣ. Онъ возстановилъ храмъ Солнца въ Пальмирѣ и построилъ въ Римѣ на Квиринальскомъ холмѣ великолѣпный храмъ „Непобѣдимому Солнцу“ (Sol invictus). Съ того времени Непобѣдимое Солнце стало высшимъ божествомъ государственной религіи; этотъ богъ въ Римѣ сдѣлался царемъ всѣхъ небесныхъ божествъ, какимъ былъ на Востокѣ.

Суровость Авреліана.

Авреліанъ желѣзною рукой низвергъ враговъ и возстановилъ единство государства. Но имперія страдала не только отъ нападеній варваровъ и отъ возстанія полководцевъ; бѣдствіемъ не менѣе тяжкимъ былъ упадокъ нравственности и законнаго порядка во внутреннихъ дѣлахъ. Начавъ борьбу съ этимъ зломъ, Авреліанъ встрѣтилъ сильное сопротивленіе. Раздраженный неблагодарностью, отсутствіемъ симпатіи его благородному стремленію, онъ далъ полную волю своей природной склонности къ суровымъ мѣрамъ и возбудилъ противъ себя ожесточеніе, омрачившее конецъ его жизни. Сановникъ, завѣдывавшій чеканкою монеты, Фелициссимъ, оказался человѣкомъ недобросовѣстнымъ; Авреліанъ узналъ, что монета чеканилась низкопробная, что отъ этого произошло разстройство въ торговлѣ; онъ рѣшилъ вынуть изъ обращенія дурную монету и безпощадно наказать виновныхъ въ ея порчѣ. Фелициссимъ былъ казненъ; но объявленіе, что низкопробная монета теряетъ свой номинальный курсъ, произвело страшный коммерческій кризисъ. Вспыхнуло возстаніе. Наши свѣдѣнія о немъ очень скудны; но мы знаемъ, что на улицахъ Рима шелъ ожесточенный бой; самъ императоръ въ письмѣ къ своему отцу Ульпію говоритъ, что при подавленіи мятежа убито 7,000 воиновъ. Этотъ горькій опытъ ожесточилъ Авреліана противъ аристократіи, которая и съ самаго начала была менѣе, чѣмъ войско и народъ, расположена къ императору, сыну поселянина. Онъ казнилъ множество людей сенаторскаго и всадническаго сословій. Были казнены даже члены императорской фамиліи. «Рука палачей утомлялась», говорится въ одномъ стихотвореніи того времени: «темницы были наполнены узниками,

несчастный сенатъ оплакивалъ смерть или отсутствіе знаменитѣйшихъ своихъ членовъ; Римъ стоналъ подъ игомъ желѣзнаго деспотизма».

Смерть Авреліана. 275 г.

Опасенія, внушаемыя суровостью императора, который считалъ мечъ единственнымъ средствамъ управленія, были причиною его смерти. Вскорѣ послѣ своего тріумфа онъ отправился въ новый походъ, отмстить персамъ за позоръ, которому подвергло римлянъ взятіе въ плѣнъ Валеріана. Но ему не суждено было перейдти изъ Европы въ Азію. По разсказу Вописка, онъ былъ убитъ предателями. Онъ грозилъ своему секретарю Мнестею строгимъ наказаніемъ за денежныя вымогательства. Чтобы спасти свою жизнь, Мнестей устроилъ заговоръ. Искусно поддѣлавшись подъ почеркъ императора, онъ написалъ списокъ людей, которыхъ Авреліанъ хочетъ казнить. Онъ внесъ въ этотъ списокъ себя и нѣсколькихъ важнѣйшихъ военачальниковъ и показалъ имъ его. Не подозрѣвая обмана, они рѣшили спасти себя убійствомъ императора. По своимъ высокимъ должностямъ они могли часто бывать подлѣ государя, потому легко нашли случай убить его на пути между Византіей и Гераклеей. Смертельный ударъ былъ нанесенъ человѣкомъ, которому Авреліанъ всегда оказывалъ уваженіе и довѣріе. Имя этого убійцы было Мукапоръ. Войско и народъ жалѣли объ энергическомъ государѣ; сенатъ радовался, что избавился отъ палача. Убійца скоро получилъ заслуженную награду: когда обманъ открылся, раздраженные воины привязали его къ бревну и бросили на растерзаніе хищнымъ звѣрямъ. Авреліану войско поставило великолѣпный памятникъ и послало сенату просьбу выбрать новаго императора, потому что никто изъ военачальниковъ, участвовавшихъ въ злоумышленіи противъ Авреліана, не достоинъ занять его мѣсто, и потому воины отказываются отъ выбора новаго императора.

Январь 275.

Междуцарствіе.

Сенаторы были изумлены почтительностью войска, его уваженіемъ къ законной власти и опредѣлили воздать величайшія почести памяти императора, умѣвшаго возбудить въ войскѣ преданность народу; но они опасались, что настроеніе войска скоро перемѣнится, потому не отважились исполнить его просьбу, отвѣчали, что предоставляютъ назначеніе императора волѣ войска. Оно осталось при своемъ рѣшеніи; государство съ удивленіемъ видѣло этотъ необыкновенный обмѣнъ отказовъ отъ власти располагать судьбою имперіи. Три раза сенатъ и войско обмѣнялись отказомъ, такъ что прошло 8 мѣсяцевъ до назначенія новаго императора. Правители провинцій, судьи, другія должностныя лица исполняли въ это время свои обязанности обыкновеннымъ порядкомъ. Строгая дисциплина, введенная Авреліаномъ, продолжала дѣйствовать и по его смерти.

Тацитъ. 275, 276 (1028, 1029).

Длить междуцарствіе было опасно, потому что государство могло подвергнуться нападенію внѣшнихъ враговъ; сенатъ рѣшился сдѣлать выборъ и назначилъ императоромъ перваго сенатора, Клавдія Тацита,

потомка великаго историка *). Тацитъ, 75-ти лѣтній старикъ, человѣкъ почтеннаго характера и очень богатый, не хотѣлъ мѣнять свою спокойную жизнь на опасную карьеру правителя государства. Но просьбы сенаторовъ вынудили его согласиться. Войско и народъ радостно привѣтствовали новаго императора. Сенатъ съ торжествомъ извѣстилъ важнѣйшіе города имперіи о вступленіи на престолъ государя по выбору сенаторовъ. Тацитъ обѣщалъ предоставить сенату верховную власть и въ управленіи, и въ законодательствѣ, и въ юстиціи. Это было подобно тому, какъ умирающій огонь свѣчи вспыхиваетъ въ послѣдній разъ передъ своимъ исчезновеніемъ.

Смерть Тацита 276.

Царствованіе честнаго, благороднаго Тацита длилось меньше времени, чѣмъ предшествовавшее ему междуцарствіе. Онъ отчасти договоромъ, отчасти мечомъ избавилъ имперію отъ вторгнувшихся въ нее алановъ, скиѳскаго кочеваго народа, жившаго въ степяхъ на сѣверѣ отъ Меотиды, и отъ соединившихся съ аланами готовъ. Эти хищники опустошали прибрежья Малой Азіи; Тацитъ самъ пошелъ на нихъ и, не смотря на свою старость, хорошо исполнялъ обязанности полководца. Онъ одолѣлъ враговъ, но не могъ обуздать буйство своего войска, проявившееся съ прежней силою. Его кротость и привѣтливость только увеличивали наглость воиновъ. Онъ умеръ въ каппадокійскомъ городѣ Тіанѣ, мы не знаемъ, естественною ли смертью или насильственною, отъ болѣзни ли, произведенной огорченіями, или отъ рукъ мятежныхъ воиновъ. Его братъ Флоріанъ принялъ санъ императора, не спросивъ согласія сената, но былъ признанъ только въ западныхъ провинціяхъ и черезъ три мѣсяца былъ убитъ. Потомки его и Тацита жили въ бѣдности и безвѣстности; Тацитъ передалъ на государственныя надобности свое огромное состояніе, и вознагражденіемъ за это они имѣли только воспоминаніе о прошлой славѣ своего рода и надежду на будущее величіе, никогда не исполнившуюся.

Пробъ. 276—272 1029—1035.

Легіоны Востока, убившіе Флоріана, возвели на престолъ храбрѣйшаго человѣка въ цѣломъ войскѣ, иллирійца Проба, со славою служившаго со времени Валеріана и получившаго всѣ военныя награды, въ томъ числѣ и вѣнки за взятіе крѣпости и спасеніе жизни гражданъ. Чтобы быть признаннымъ во всей имперіи за императора, онъ почтительнымъ письмомъ просилъ утвержденія сената. Сенаторы, обрадованные такимъ уваженіемъ къ нимъ, одобрили выборъ войска и

---

*) Вопискъ говоритъ, что императоръ Тацитъ велѣлъ, чтобы въ каждой общественной библіотекѣ былъ экземпляръ сочиненій его предка и чтобы каждый годъ было дѣлаемо на государственный счетъ десять списковъ ихъ. Казалось бы, этимъ обезпечивалось сохраненіе ихъ потомству. А между тѣмъ большая часть ихъ погибла, и важнѣйшій изъ тѣхъ отрывковъ, какіе дошли до насъ, уцѣлѣлъ только въ одной рукописи (стр. 357).

дали Пробу всѣ императорскіе титулы и почести. Онъ былъ человѣкъ не только храбрый, но и благоразумный, потому льстилъ сенату увѣреніями въ своей преданности, признавалъ власть сената въ административныхъ и судебныхъ дѣлахъ, но начальство надъ войскомъ и назначенія на военныя должности удержалъ исключительно за собою.

Характеръ его.

Пробъ былъ воинственный государь, подобно Авреліану и Клавдію, происходившій тоже изъ Иллиріи. Подъ его знаменами научились быть искусными полководцами нѣкоторые изъ знаменитѣйшихъ императоровъ слѣдующаго времени. Онъ поддерживалъ въ войскѣ строгую дисциплину, хотя не былъ такимъ суровымъ человѣкомъ, какъ Авреліанъ. Чтобы избавиться отъ людей, возбуждавшихъ мятежи, и внушить войску страхъ, онъ пригласилъ на обѣдъ всѣхъ, участвовавшихъ въ убійствѣ Авреліана, и всѣхъ, злоумышлявшихъ противъ Тацита, и велѣлъ умертвить ихъ. Положеніе государства было такъ опасно, что поддерживать порядокъ въ немъ было необходимо съ мечомъ въ рукѣ; надобно было отражать и внѣшнихъ враговъ. Буйство легіоновъ дошло до такой степени и главнокомандующіе ихъ были такъ дерзки, что даже Пробъ, внушавшій войску уваженіе своею храбростью, принужденъ былъ постоянно бороться съ мятежниками. Все его царствованіе прошло въ походахъ для подавленія возстаній и для отраженія варваровъ, вторгавшихся въ имперію со всѣхъ сторонъ. Особенно много хлопотъ было ему защитить Галлію, на которую дѣлали опустошительные набѣги германцы. Онъ возвратилъ государству 70 городовъ, занятыхъ варварами. Его полководцы прогнали франковъ въ болотистое низовье Рейна, а самъ онъ отразилъ алемановъ и ихъ союзниковъ: бургунды, вандалы и лигійцы, или по собственному соображенію, или приглашенные алеманами, пришли съ береговъ Одера на Западъ и вмѣстѣ съ ними грабили Галлію до бассейна Сены. Онъ прогналъ ихъ. Лигійцы, разбитые имъ въ кровопролитной битвѣ, вернулись на родину въ Силезію. Ихъ герцогъ Семнонъ и его сынъ были взяты въ плѣнъ римлянами; въ битвѣ и на обратномъ пути въ Силезію погибло столько ихъ, что съ той поры имя ихъ исчезаетъ изъ исторіи. Вопискъ говоритъ, что въ сраженіяхъ, освободившихъ Галлію отъ германцевъ, было убито 400,000 враговъ и что императоръ давалъ по золотой монетѣ за каждую голову варвара. Чтобы предотвратить возобновленіе набѣговъ, Пробъ перешелъ Рейнъ. Между Майномъ и Неккаромъ онъ разбилъ племена западной Германіи, ослабленныя пораженіями, нанесенными имъ въ Галліи, и принудилъ ихъ просить мира. Они обѣщали не нападать на Галлію, возвратить добычу и плѣнныхъ, доставлять хлѣбъ, рогатый скотъ и лошадей римскимъ войскамъ въ рейнскихъ городахъ и въ Декуматской области, которую Пробъ снова присоединилъ къ имперіи; за это императоръ дозволилъ имъ жить въ занятыхъ ими мѣстностяхъ.

Побѣды надъ германцами. 277.

«Вся Германія покорена», писалъ Пробъ сенату: «Девять царей разныхъ племенъ лежали съ мольбою у моихъ или, вѣрнѣе сказать, у вашихъ ногъ. Для васъ теперь пашутъ всѣ варвары, для васъ они сѣютъ; они сражаются вмѣстѣ съ нами противъ другихъ племенъ. 400,000 варваровъ убито; мы взяли 16,000 людей съ оружіемъ въ рукахъ. 70 прекрасныхъ городовъ вырваны изъ ихъ рукъ и почти всѣ области Галліи освобождены. Нивы ея распахиваются волами варваровъ; на нашихъ лугахъ пасутся взятыя нами стада варварскихъ племенъ; ихъ табуны снабжаютъ конями нашу конницу; наши магазины наполнены ихъ хлѣбомъ. Имъ оставлена только земля, все остальное наше».—Конечно, эти выраженія преувеличенны.

Но хотя Пробъ и говорилъ о своихъ побѣдахъ гордымъ тономъ, онъ считалъ надобнымъ очень остерегаться варваровъ. Германцы, принятые въ римскую военную службу, были распредѣлены по легіонамъ маленькими отрядами, не болѣе какъ человѣкъ изъ 50 или 60 каждый. Пробъ хотѣлъ, чтобъ они, служа государству, не замѣчали своей многочисленности. Плѣнныхъ онъ поселилъ въ отдаленныхъ провинціяхъ: въ Британніи, во Ѳракіи, въ другихъ мѣстностяхъ по Черному морю. Онъ давалъ варварамъ землю, снабжалъ ихъ скотомъ, земледѣльческими орудіями, давалъ имъ другія выгоды, привлекая ихъ на службу государству; эти сильные, храбрые люди были нужны для пополненія римскихъ войскъ.

Относительно нѣкоторыхъ варваровъ разсчетъ императора оказался удаченъ: вандалы, поселенные въ Британніи, бастарны, поселенные въ дунайскихъ областяхъ, были вѣрны Риму; но другія племена предпочитали буйную военную жизнь мирному земледѣлію и продолжали свои набѣги; подъ прекраснымъ небомъ Юга и Запада они находили себѣ опору въ водворенныхъ тамъ соплеменникахъ. Зосимъ передаетъ народный разсказъ о плаваніи франковъ, поселенныхъ на Понтѣ: они черезъ Босфоръ и Геллеспонтъ проникли въ Средиземное море, переплыли все его и по Атлантическому океану вернулись къ своимъ братьямъ, жившимъ на устьяхъ Рейна; на пути они грабили берега Малой Азіи, Греціи, Африки, даже взяли городъ Сиракузы. Объ этомъ славномъ возвращеніи плѣнниковъ были пѣсни у франковъ.

Сооруженіе вала по германской границѣ.

Но самая важная изъ мѣръ, принятыхъ Пробомъ для охраненія границы, было улучшеніе пограничнаго вала, который начинался верстахъ въ 20 выше Регина (Регенсбурга), шелъ, извиваясь, по горамъ, долинамъ, болотамъ и кончался у хребта Тавнуса. По валу, огражденному рвомъ, была построена стѣна съ башнями; въ укрѣпленіяхъ вдоль вала Пробъ поселилъ воиновъ, далъ имъ земли, дома, другія хозяйственныя постройки. Развалины этихъ укрѣпленій жители той мѣстности называютъ чертовой стѣной: по своей колоссальности, работа производитъ впечатлѣніе чего-то превышающаго человѣческія силы. Но и эта стѣна не удержала враговъ, какъ не удержала стѣна, построенная для охраны Британніи отъ пиктовъ, не удержала китайская стѣна. Черезъ нѣсколько лѣтъ по смерти Проба, алеманны прорвались въ Декуматскую область и заняли ее (стр. 111.).

Походы Проба на Востокѣ. 278—279.

Едва Пробъ успѣлъ избавить отъ враговъ Западъ, тревожныя извѣстія принудили его идти на Востокъ. Онъ пошелъ въ Азію черезъ Рецію и Иллирію; по пути принималъ мѣры для возстановленія безопасности этой границы; имперія ослабѣвала, онъ для поддержанія силъ ея селилъ вдоль границы варварскія племена. Его дѣйствія на Востокѣ были такъ же благотворны для государства, какъ и на Западѣ. Онъ покорилъ исаврійцевъ. Со времени Галліэна они жили въ своихъ горахъ независимо и опустошали набѣгами сосѣднія области и приморскія мѣстности. Онъ разрушилъ нѣкоторыя изъ ихъ горныхъ укрѣпленій, наказалъ смертью могущественнѣйшаго изъ ихъ разбойническихъ князьковъ, оставилъ въ ихъ землѣ довольно большое число своихъ ветерановъ и на нѣсколько времени прекратилъ ихъ разбои.

Возстаніе и смерть Сатурнина 279—280.

Послѣ того онъ пошелъ на Сатурнина. Это былъ даровитый, заслуженный полководецъ; Пробъ вполнѣ довѣрялъ ему и назначилъ его главнокомандующимъ войскъ на Востокѣ; но, по совѣтамъ друзей, Сатурнинъ возсталъ противъ императора, увлекшись ободреніями, какія получилъ отъ легкомысленныхъ александрійцевъ; послѣ онъ самъ говорилъ, что напрасно промѣнялъ свою прежнюю счастливую жизнь на обманчивую почесть. Дѣйствительно, его положеніе было очень дурно. Побѣжденный Пробомъ, онъ былъ убитъ. Онъ былъ образованный человѣкъ, посѣщавшій въ Африкѣ и въ Римѣ аудиторіи реторовъ. Межъ тѣмъ какъ Пробъ возстановлялъ порядокъ въ Азіи, его полководцы прошли въ верхній Египетъ, подавили тамъ послѣдніе остатки мятежа, покорили блеммієвъ, полудикій кочевой нубійскій народъ, взяли города Коптъ и Беренику, очень важные для торговыхъ сношеній съ Аравіей и съ Индіей. Эти успѣхи Проба произвели такое впечатлѣніе на персидскаго царя, что онъ отправилъ къ императору блестящее посольство съ подарками и просилъ мира. Пробъ отвергъ подарки, но согласился на миръ. Потомъ неутомимый императоръ подавилъ въ Галліи возстанія Беноза и Прокула, строго наказалъ главныхъ виновниковъ, простилъ увлеченныхъ ими и, возстановивъ порядокъ въ Галліи, воротился въ Римъ, отпраздновалъ блестящій тріумфъ и устроилъ игры для народа.

Побѣды и тріумфъ Проба. 280—281.

Вѣроятно, при этихъ играхъ совершили смѣлый подвигъ 80 германскихъ плѣнныхъ. Они были назначены сражаться въ гладіаторскомъ боѣ, но вырвались изъ темницы, убили стражу и пошли по улицамъ, убивая всѣхъ, кого встрѣчали; наконецъ сошлись войска и одолѣли ихъ; всѣ они умерли геройской смертью.

Смерть Проба 282.

Черезъ годъ послѣ своего тріумфа энергическій императоръ былъ убитъ. Почти всѣ римскіе императоры, царствовавшіе по смерти Марка Аврелія, были убиваемы; этой участи подвергались и дурные государи и хорошіе; погибъ и Пробъ отъ буйныхъ воиновъ, которыхъ онъ столько разъ водилъ къ побѣдѣ. Главнымъ источникомъ

буйства войскъ была праздная жизнь въ станахъ; Пробъ считалъ необходимымъ для возстановленія дисциплины прекратить эту праздность и заставлялъ воиновъ работать. Когда онъ былъ въ Египтѣ, онъ велѣлъ войску рыть каналъ и производить работы для улучшенія плаванія по Нилу. Въ другихъ областяхъ воины, по его приказанію, строили храмы, другія зданія, мосты. Онъ хотѣлъ, чтобъ они въ мирное время занимались работой; онъ даже надѣялся достичь того, чтобы военное сословіе слилось съ остальнымъ населеніемъ государства, и говорилъ, что скоро не будетъ надобности имѣть постоянныя войска, что населеніе будетъ повиноваться гражданской власти, управлять государствомъ будетъ сенатъ. Въ Галліи, въ Панноніи воины расчистили для земледѣлія заброшенныя земли, развели виноградники. Близъ Сирмія, города, въ которомъ родился Пробъ и къ которому онъ сохранялъ большую любовь, воины осушили большой болотистый округъ и обратили его въ пахатную землю. Виноградники въ Панноніи, на Рейнѣ и на Мозелѣ были насажены Пробомъ. Онъ самъ управлялъ этими работами, и въ одной изъ мѣстностей работъ была построена башня, съ которой онъ могъ обозрѣвать ходъ дѣла. Онъ не хотѣлъ замѣчать, что въ легіонахъ ростетъ неудовольствіе. Они роптали, что не имѣютъ въ мирное время отдыха отъ утомленія походовъ, что вмѣсто вознагражденія за перенесенныя ими опасности, они принуждены работать, какъ колодники. Однажды, когда Пробъ пришелъ къ работавшимъ и сталъ требовать, чтобы они работали усерднѣй, недовольство перешло въ открытый бунтъ. Воины бросили рабочіе инструменты и схватились за оружіе. Пробъ, видя опасность, бѣжалъ въ башню; мятежники ворвались туда и убили его. Скоро войско раскаялось въ своемъ преступленіи, поставило памятникъ благородному императору. По другимъ извѣстіямъ, Пробъ былъ убитъ мятежниками на походѣ противъ Кара, котораго провозгласило императоромъ другое войско.

Октябрь 282.

Каръ. 282—283 (1035—1036).

Новый императоръ Каръ былъ человѣкъ знатнаго происхожденія, получившій въ Римѣ хорошее образованіе, имѣвшій санъ сенатора, занимавшій одну изъ высшихъ военныхъ должностей, состарѣвшійся въ походахъ, искусный полководецъ, храбрый воинъ, справедливый администраторъ. Сдѣлавшись императоромъ, онъ сохранилъ въ своемъ образѣ жизни военную простоту. Сенату онъ не оказалъ такого уваженія, какъ Пробъ, извѣстилъ его о своемъ восшествіи на престолъ холоднымъ письмомъ. Сенаторы были недовольны, но молчали. Поэтъ Кальпурній (стр. 373) написалъ стихотвореніе, въ которомъ пророчески описывалъ счастье, какимъ будетъ наслаждаться имперія при новомъ государѣ. Кару было уже 60 лѣтъ; онъ сдѣлалъ своими помощниками своихъ сыновей, Карина и Нумеріана, далъ имъ титулъ цезарей; Карину предоставилъ почти неограниченное полномочіе и послалъ его въ Галлію поддержать тамъ порядокъ; оттуда Каринъ прі-

Каринъ и Нумеріанъ.

ѣхалъ въ Римъ управлять западной половиной имперіи. А самъ Каръ между тѣмъ воевалъ съ сарматами, то есть съ язигами: услышавъ о смерти Проба, они вторглись въ римскія владѣнія; Каръ нанесъ имъ рѣшительное пораженіе; 16,000 ихъ легло на полѣ битвы; 20,000 воиновъ, стариковъ и женщинъ было отведено въ рабство. Избавивъ отъ враговъ Иллирію и Ѳракію, Каръ пошелъ на персовъ. Пробъ передъ смертью собирался начать эту войну. Каръ побѣдоносно прошелъ по Месопотаміи; персидское войско было тогда на восточной границѣ своего государства; при томъ въ Персіи происходили мятежи, такъ что Каръ легко взялъ Селевкію и Ктезифонъ, хотѣлъ идти, по примѣру Траяна, въ глубину Персіи; но во время грозы разразился подлѣ него ударъ грома, онъ былъ оглушенъ, его слуги зажгли шатеръ, и онъ сгорѣлъ. Старикъ становился все болѣе суровымъ и возбудилъ противъ себя много вражды, при томъ войску не хотѣлось идти въ неизвѣстныя страны. Въ станѣ распространилась молва о пророчествѣ, говорившемъ, что никому изъ римскихъ императоровъ не суждено пройдти дальше Ктезиѳона и что Каръ наказанъ смертью за попытку перейдти эту границу. Начальство надъ войскомъ приняль сынъ Кара Нумеріанъ, дѣйствіями котораго руководилъ его тесть, префектъ преторіанцевъ Апръ. Уступая желанію суевѣрнаго войска, Нумеріанъ отступилъ за Тибръ. Человѣкъ слабаго характера и здоровья, болѣе пригодный для занятія краснорѣчіемъ и поэзіей, чѣмъ для суровой походной жизни, Нумеріанъ занемогъ на отступленіи. Апръ держалъ его шатеръ подъ строгой охраной и распоряжался всѣмъ, какъ государь; это возбудило подозрѣніе въ войскѣ, и когда оно стояло близъ Босфора, воины ворвались въ шатеръ императора; они увидѣли тамъ Нумеріана умершимъ. То, что Апръ скрывалъ его смерть, заставляло предполагать убійство. Войско собралось на совѣщаніе въ Халкедонѣ, военачальники стали разсуждать о томъ, кого назначить императоромъ, и выбрали начальника тѣлохранителей, Діоклеціана. Онъ тотчасъ пошелъ къ престолу и сѣлъ на него. Къ новому императору привели Апра, закованнаго въ цѣпи. Діоклеціанъ, не давъ обвиняемому оправдываться, вонзилъ въ грудь ему мечъ, воскликнувъ: «онъ — убійца Нумеріана!» Гаій Аврелій Валерій Діоклъ Діоклеціанъ, уроженецъ далматскаго города Діоклеи, сынъ раба, дослужился храбростью и талантами до высокихъ военныхъ должностей и до консульскаго сана. Теперь убійство Апра упрочило за нимъ престолъ. Человѣкъ суевѣрный, онъ въ молодости получилъ въ Бельгіи отъ друидской прорицательницы предсказаніе, что, убивъ вепря, онъ сдѣлается императоромъ; ему было теперь ясно, что пророчица говорила объ Апрѣ (aper значитъ вепрь). Сооружая себѣ мавзолей, онъ велѣлъ сдѣлать на немъ барельефъ, изображавшій охоту на каледонскаго вепря; это было напоминаніемъ о томъ, что онъ, новый Мелеагръ, тоже убилъ вепря. Каринъ не былъ въ состо-

Смерть Кара Октябрь 283.

Нумеріанъ и Апръ 284.

Провозглашеніе Діоклеціана императоромъ Сентябрь 284.

яніи противиться энергическому человѣку, провозглашенному императоромъ на Востокѣ. Этотъ сынъ Кара велъ гнусную жизнь; отдалъ важнѣйшія должности прислужникамъ своего распутства, оскорблялъ знатнѣйшія фамиліи своимъ высокомѣріемъ, безчестилъ ихъ, дѣлая ихъ дочерей жертвами своего разврата, считалъ необузданное удовлетвореніе сладострастія правомъ верховной власти. Онъ старался пріобрѣсти расположеніе римскихъ простолюдиновъ великолѣпными играми въ театрахъ, амфитеатрахъ и циркахъ; но оно было слабой опорой ему при ненависти сената и всего знатнаго сословія. Впрочемъ у этого развратника не было недостатка въ мужествѣ. Весною войска его и Діоклеціана сошлись у Марга, небольшого мизійскаго города неподалеку отъ Дуная. Войско Карина было многочисленнѣе и храбрѣе, побѣда начинала склоняться на его сторону: ряды враговъ были уже сломлены, но всѣ выгоды, доставленныя Карину множествомъ войска, были напрасны: военный трибунъ, жену котораго обольстилъ онъ, нашелъ во время битвы случай отмстить за свой семейный стыдъ и закололъ развратника. Битва прекратилась. Діоклеціанъ, уже утратившій всякую надежду на побѣду, былъ признанъ войскомъ Карина въ санѣ императора. Отчасти по врожденной кротости, отчасти по благоразумному политическому разсчету, онъ поступилъ съ приверженцами Карина очень милостиво; это возбудило надежду, что онъ будетъ превосходнымъ государемъ и пріобрѣло ему всеобщую любовь. Побѣдитель въ междоусобной войнѣ не отнялъ ни у кого изъ побѣжденныхъ ни имущества, ни даже должности, говоритъ Аврелій Викторъ. Никто не подвергся ни казни, ни изгнанію; это было дѣломъ, совершенно необыкновеннымъ.

Каринъ. Его характеръ и смерть. 285.

285.

---

5. Діоклеціанъ и Константинъ.

Діоклеціанъ былъ болѣе государственный человѣкъ, чѣмъ воинъ. Одинъ изъ христіанскихъ писателей того времени говоритъ даже, что онъ былъ трусъ; вѣроятно, эти слова внушены ненавистью и несправедливы, но дѣйствительно у Діоклеціана было мало отваги. Въ его поступкахъ преобладала житейская разсчетливость человѣка, имѣющаго большую опытность. Подобно Августу, основателю монархической власти, Діоклеціанъ, довершитель монархическаго устройства имперіи, предпочиталъ политическія средства открытому насилію и дѣйствовалъ всегда умѣренно, разсудительно, съ полнымъ самообладаніемъ. Онъ преобразовалъ государственное устройство не военнымъ путемъ, не побѣдами, а искуснымъ дѣйствіемъ на умы людей: онъ

Діоклеціанъ 285—305 (1038—1058). Его характеръ.

скрывалъ свои честолюбивые планы подъ маской военнаго прямодушія; хорошо зная людей, ловко пользовался ими для выгодъ своего властолюбія, умѣлъ соединять гордость съ привѣтливостью, строгость съ кротостью, щедрость съ бережливостью, твердость съ гибкостью; благодаря этимъ талантамъ, онъ освободилъ монархическую власть отъ всякаго стѣсненія, сдѣлалъ ее независимой отъ войска и отъ сената и, при помощи юристовъ, бывшихъ его совѣтниками, ввелъ абсолютное монархическое правленіе, форма котораго получила потомъ полное развитіе въ Византіи; онъ былъ горячій приверженецъ суевѣрій своего времени; его называли «любителемъ гаданій о будущемъ, постоянно занимавшимся священными обрядами». Онъ былъ окруженъ жрецами, разсматривалъ внутренности животныхъ, принесенныхъ въ жертву, очень тревожно слѣдилъ за предзнаменованіями, какія находили римляне въ молніи. Онъ вѣрилъ и въ то, что имена служатъ предзнаменованіями; потому принялъ названіе Юпитерова, Jovius, а своему соимператору Максиміану далъ названіе Геркулесова, Herculius.

Раздѣлъ власти. Желая обезпечить престолъ отъ мятежей войска и честолюбія полководцевъ, облегчить управленіе громаднымъ государствомъ и придать болѣе энергіи дѣлу обороны границъ отъ враговъ, нападавшихъ на имперію со всѣхъ сторонъ, Діоклеціанъ раздѣлилъ императорскую власть съ помощниками, выбралъ себѣ соправителей, надѣясь, что всѣ они, соединенные одинаковостью интересовъ, будутъ помогать другъ другу и взаимной поддержкой устранять мятежи. Онъ назначилъ августомъ своего давняго сподвижника Максиміана, суроваго воина. Сынъ поселянина изъ окрестностей Сирмія, не имѣвшій никакого образованія, не знавшій законовъ, умѣвшій только сражаться, Максиміанъ былъ послушнымъ исполнителемъ мыслей Діоклеціана. Имѣя санъ августа, онъ считался равнымъ Діоклеціану. Черезъ нѣсколько лѣтъ каждый изъ нихъ назначилъ себѣ помощника. Эти помощники назывались цезарями и были предназначены сдѣлаться наслѣдниками августовъ. Діоклеціанъ назначилъ своимъ цезаремъ Галерія, бывшаго въ молодости пастухомъ, человѣка суроваго и необразованнаго, но энергичнаго; Максиміанъ сдѣлалъ своимъ цезаремъ Констанція, которому было дано названіе Хлоръ (желтозеленый, блѣдный) по цвѣту его лица. Это былъ образованный человѣкъ кроткаго, привѣтливаго характера; отецъ его Эвтропій былъ однимъ изъ знатнѣйшихъ вельможъ Дарданіи, а мать его была племянница императора Клавдія. Государство было раздѣлено между соправителями слѣдующимъ образомъ: августъ Діоклеціанъ, избравшій своею столицею Никомедію, управлялъ азіатскими провинціями, Египтомъ и Ѳракіею; его цезарь Галерій, имѣвшій резиденціею Сирмій, управлялъ иллирскими провинціями и Греціею; августъ Максиміанъ, имѣвшій резиденціей Медіоланъ, управлялъ Италіею, сосѣдними островами и

Максиміанъ 286.

1 марта 293.

Галерій.

Констанцій Хлоръ.

Африкою, а его цезарь Констанцій Хлоръ, избравшій резиденціею Городъ Тревировъ (Триръ), защищалъ отъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ западную часть имперіи, Испанію, Галлію, Британнію. Чтобы связь между соправителями была прочнѣе, цезари, по требованію Діоклеціана, развелись съ своими прежними женами и вступили въ бракъ съ родственницами августовъ. Галерій женился на Валеріи, дочери Діоклеціана, Констанцій на Ѳеодорѣ, падчерицѣ Максиміана. Діоклеціанъ постановилъ, что августы послѣ 20 лѣтняго царствованія сойдутъ съ престоловъ, и мѣста ихъ займутъ цезари. Назначеніемъ 20 лѣтняго срока для царствованія августовъ Діоклеціанъ хотѣлъ упрочить преданность имъ цезарей: зная, что въ опредѣленное время наслѣдуютъ ихъ власть, цезари не должны были имѣть никакого мотива дѣйствовать во вредъ имъ, — такъ разсчитывалъ Діоклеціанъ. Всѣ три соправителя его имѣли полную правительственную власть въ своихъ частяхъ государства; но, обязанные ею Діоклеціану, они охотно предоставляли ему первенство. Онъ руководилъ ихъ дѣйствіями, былъ старшимъ изъ четырехъ государей.

Двадцать лѣтъ Діоклеціанъ искусно и энергически правилъ государствомъ; могущество имперіи возстановилось при немъ, порядокъ въ ней упрочился, но многое въ ней совершенно измѣнилось. Римъ потерялъ свое прежнее преобладаніе, потому что ни одинъ изъ четырехъ государей не имѣлъ тамъ постоянной резиденціи. Діоклеціанъ пріѣзжалъ въ Римъ лишь изрѣдка и обыкновенно уѣзжалъ скоро по пріѣздѣ, потому что ему не нравилась привычка римскаго населенія обращаться съ императорами запросто. Любя дѣлать постройки, онъ строилъ зданія и въ Римѣ; термы, сооруженныя имъ, имѣли 3000 комнатъ и составляли одно изъ великолѣпнѣйшихъ украшеній города; кромѣ термъ онъ построилъ въ Римѣ нѣсколько храмовъ и портиковъ. Но онъ дѣлалъ гораздо больше построекъ въ новыхъ резиденціяхъ, Никомедіи и Медіоланѣ. Новый дворецъ въ Никомедіи, построенный въ формѣ стана, состоялъ изъ множества зданій. И въ Никомедіи и въ Медіоланѣ были построены театры, амфитеатры, цирки, бани, колоннады, дворцы, соперничавшіе громадностью съ римскими. Городъ Тревировъ тоже сталъ великолѣпною столицей. Нерасположенный къ Риму, Діоклеціанъ не любилъ и сенатъ. Еще недавно Пробъ выказывалъ большое уваженіе къ сенату; Діоклеціанъ пользовался всякимъ случаемъ оскорбить и унизить его; Максиміанъ, слѣдуя примѣру Діоклеціана, дѣлалъ то же, но еще грубѣе. Важнѣйшіе сенаторы были обвиняемы въ выдуманныхъ заговорахъ, лишаемы имущества и сенаторскаго званія, если не были казнимы. Преторіанцы, замѣчая, что теряютъ власть надъ имперіей, выказали расположеніе защищать сенатъ; это подало августамъ желанный предлогъ уменьшить число преторіанцевъ и преимущества ихъ службы; гордое войско, столько времени владычествовавшее надъ императорами и надъ государствомъ, было доведено до совершеннаго безсилія. Мѣсто преторіанцевъ заняли два иллирскіе легіона, отличавшіеся преданностью Діоклеціану; имъ было поручено охраненіе его и Максиміана. Одному изъ этихъ легіоновъ было дано названіе Юпитерова, другому Геркулесова (или, короче, названіе Іовіанцевъ и Геркуліанцевъ). Римъ перестать быть центромъ государства, сановники государей жили въ ихъ новыхъ резиденціяхъ, правитель-

Новый порядокъ дѣлъ. Уменьшеніе значеніе Рима.

Никомедія и Медіоланъ.

Сенатъ.

Преторіанцы.

Новые легіоны тѣлохранителей.

ственныя и судебныя дѣла рѣшались тамъ; потому сенатъ уже не имѣлъ въ своемъ завѣдываніи государственныхъ дѣлъ и обратился въ мѣстный правительственный совѣтъ города Рима. Императоры иногда льстили тщеславію сената пустыми формальными почестями, но онъ былъ безсильнымъ остаткомъ старины. Такимъ образомъ исчезла та форма раздѣленія власти между императоромъ и сенатомъ, которая была введена Августомъ; сенатъ пересталъ считаться представителемъ верховной власти народа. Императоры нашли теперь не нужнымъ принимать на себя прежнія магистратуры, напоминавшія своими именами о республикѣ, уже не брали на себя титула консуловъ, цензоровъ, народныхъ трибуновъ. Вся полнота власти, принадлежавшей теперь государямъ обозначались военнымъ ти-

«Императоръ и господинъ».

туломъ „императоръ“; къ формулѣ привѣтствія императору было прибавлено слово „господинъ“ (dominus); объ императорѣ говорили, какъ о божествѣ (numen); вошла въ употребленіе формула „божественное величіе“ императора. Новая правительственная система, введенная Діоклеціаномъ, получила полное развитіе при Константинѣ; мы ознакомимся съ нею, когда будемъ говорить объ этомъ преемникѣ Діоклеціана. Теперь были положены только главныя основанія этого бюрократическаго порядка, но и того было достаточно, чтобы дать администраціи новый характеръ. Личность государя была возведена на такую высоту, на какой стояли восточные цари, и прежній простой военный порядокъ двора былъ замѣненъ стариннымъ

Восточный церемоніалъ.

персидскимъ церемоніаломъ. Почти всѣ прежніе императоры довольствовались простою пурпурною мантіею; теперь государи стали носить облаченіе восточныхъ царей: длинную, широкую шелковую или парчевую одежду, украшенную жемчугомъ и дорогими камнями; обувь, тоже украшенную дорогими камнями; діадему, бѣлую повязку, вышитую жемчугомъ. Доступъ къ императору былъ затрудненъ формальностями придворнаго этикета. Пріемные залы дворца были наполнены придворными сановниками, служителями, тѣлохранителями; внутреннія комнаты были поручены охраненію эвнуховъ. Кто получалъ доступъ къ императору, долженъ былъ, подходя къ нему, падать на колѣна и преклонять лицо до земли по восточному обычаю. Діоклеціанъ былъ человѣкъ разсудительный и хорошо понималъ вредъ, какой должно принести государству это восточное устройство, отдѣлявшее государя отъ народа; онъ не увлекался тщеславіемъ, не по любви къ пышности вводилъ этотъ порядокъ, неудобства котораго зналъ: онъ дѣйствовалъ по разсчету личной выгоды государя. Хорошо понимая, что блестящія формы ослѣпляютъ людей, онъ полагалъ, что великолѣпная обстановка, которой окружилъ онъ государя, внушитъ благоговѣніе къ его власти; что монархъ, устранившись отъ простыхъ отношеній къ народу и войску, станетъ выше опасностей, какимъ прежде подвергало государей буйство воиновъ; онъ надѣялся, что привыкнувъ преклоняться

Результаты новаго порядка раболѣпства.

передъ государемъ, народъ и войско будутъ искренно уважать его. Новое придворное устройство имѣло два важныя дурныя послѣдствія: оно уничтожило послѣдніе остатки благородныхъ чувствъ и создало раболѣпную придворную литературу; исчезъ обычай говорить съ государемъ или о государѣ простымъ языкомъ, развилась реторическая лесть. Знаменитые панегиристы того времени, Мамертинъ, Эвменій и другіе, соперничали между собою въ пышныхъ описаніяхъ золотого вѣка, наставшаго для имперіи подъ владычествомъ Діоклеціана и его соправителей. Другимъ послѣдствіемъ пышнаго придворнаго устройства было возростаніе налоговъ. Осо-

Обременительность налоговъ

бенно были увеличены поземельный налогъ, подушная подать и патентный сборъ за торговлю. Въ трактатѣ „О смерти гонителей христіанства“, приписываемомъ Лактанцію, говорится: „Каждый изъ четырехъ государей

держалъ больше воиновъ, чѣмъ сколько ихъ было прежде въ цѣлой имперіи. Налоги возросли до неслыханной обременительности; число людей, получающихъ содержаніе отъ правительства, было громадно; угнетенные налогами земледѣльцы покидали свои нивы и пахотная земля поросла лѣсомъ. Провинціи были раздроблены на округа. Въ каждомъ округѣ, въ каждомъ городѣ были толпы администраторовъ и сборщиковъ налоговъ; у нихъ было мало заботы о пользѣ народа; происходили безчисленныя конфискаціи, поборы, штрафы, сопровождаемые невыносимыми насиліями“. Трактатъ, въ которомъ находится эта характеристика, написанъ въ духѣ, враждебномъ Діоклеціану, потому можно бы подумать, что она слишкомъ мрачна; но другія болѣе безпристрастныя сочиненія того времени подтверждаютъ ее, а еще несомнѣннѣе доказывается справедливость ея обѣдненіемъ провинцій. Дѣйствительность представляетъ рѣзкую противоположность блестящимъ похваламъ панегиристовъ Діоклеціана. Правда впрочемъ, что были въ его дѣятельности другія стороны, имѣвшія хорошіе результа-

Многосторонняя дѣятельность Діоклеціана.

ты. Онъ возстановилъ могущество имперіи, улучшилъ судопроизводство, издалъ хорошіе законы по торговымъ дѣламъ, строилъ дворцы, храмы, термы, давалъ этими сооруженіями работу художникамъ и мастеровымъ; покровительствовалъ наукамъ. Онъ былъ человѣкъ гордый, ему нравилось быть земнымъ провидѣніемъ, представителемъ всемогущаго Юпитера, правящаго всѣмъ на землѣ. Ему хотѣлось, чтобы все въ государствѣ зависѣло отъ него. Онъ издалъ законы о всяческихъ предметахъ и крупныхъ, и мелкихъ. Онъ между прочимъ установилъ прочную монетную систему. Общій характеръ его правленія былъ произвольный, деспотичный. Онъ издалъ законъ, установлявшій цѣну товаровъ и величину заработной платы. 301.
Это было невыносимымъ нарушеніемъ правъ собственности. Впрочемъ, намѣреніе Діоклеціана было хорошее: онъ желалъ обуздать алчность, думалъ, что такса будетъ полезна для массы населенія. Но дѣйствительно онъ успѣлъ обуздать другой порокъ—страсть къ доносамъ. Онъ старался охранить провинціаловъ отъ притѣсненій правителей и ростовщиковъ. Заботы подобнаго рода показываютъ, что онъ желалъ блага своимъ подданнымъ.

Возстаніе багавдовъ въ Галліи 287.

Римская имперія была такъ разстроена, и у ней было столько внѣшнихъ враговъ, что соединенныя усилія всѣхъ четырехъ государей были едва достаточны для поддержанія порядка во внутреннихъ дѣлахъ и для отраженія варваровъ. Въ Галліи масса населенія находилась въ рабствѣ или въ состояніи, подобномъ рабству. Часть нивъ была воздѣлываема рабами; огромное число другихъ поселянъ попало въ крѣпостную зависимость отъ вельможъ и другихъ богачей, на земляхъ которыхъ жило; эти люди были приписаны къ землѣ, которую воздѣлывали на своихъ господъ, получая отъ нихъ скудное вознагражденіе; кромѣ того, было много колоновъ, земледѣльцевъ, не имѣвшихъ своей земли, бравшихъ въ аренду мелкіе участки у богачей; было много людей, работавшихъ по найму. Вся эта масса сельскихъ бѣдняковъ сильно страдала отъ набѣговъ варваровъ; они вредили ей гораздо больше, чѣмъ крупнымъ землевладѣльцамъ и горожанамъ. Но крупные землевладѣльцы — люди сенаторскихъ фамилій и жрецы—не хотѣли дать облегченій своимъ разорившимся подданнымъ и, когда возстановилось спокойствіе, они хотѣли оставить въ

своихъ рукахъ всѣ выгоды его. Поселяне, доведенные до отчаянія нестерпимымъ угнетеніемъ, возстали противъ своихъ притѣснителей; рабы и бродяги присоединились къ нимъ. Эти шайки, багавды, какъ онѣ назывались, вели опустошительную партизанскую войну, разрушавшую всѣ основы общественнаго порядка, и упорно сопротивлялись многочисленнымъ войскамъ, посланнымъ противъ нихъ. Вооруженные земледѣльческими орудіями, эти сильные люди на своихъ рабочихъ лошадяхъ разъѣзжали по странѣ, грабили всѣ неукрѣпленныя поселенія и, не довольствуясь грабежомъ, уничтожали все, что могли. Они стали нападать и на укрѣпленные города. Масса городскихъ бѣдняковъ сочувствовала имъ и часто отворяла имъ ворота. Главные вожди инсургентовъ, Эліанъ и Амандъ, римляне, перешедшіе на сторону туземцевъ и называемые въ христіанскихъ легендахъ христіанами, построили укрѣпленный станъ при впаденіи Марны въ Сену, и дѣлали оттуда набѣги, въ которыхъ заходили иногда очень далеко.
287. Они приняли титулъ императоровъ. Инсургенты взяли, ограбили и разрушили городъ Августодунъ (Отёнъ). Нѣсколько времени онъ оставался въ развалинахъ, потомъ, по просьбѣ ретора Эвменія, былъ возстановленъ Константиномъ. — Наконецъ Максиміанъ взялъ укрѣпленный станъ мятежниковъ и разсѣялъ отряды ихъ, благодаря тому, что у нихъ не было хорошаго оружія. Порядокъ возстановился; возстановилось и прежнее угнетеніе. Нивы и виноградники были опустошены, дороги разрушены.

Возстаніе Каравзія.

Едва Максиміанъ подавилъ возстаніе поселянъ въ Галліи, онъ получилъ извѣстіе о мятежѣ въ Британніи. Каравзій, галлъ изъ племени менапійцевъ, простолюдинъ, искусный морякъ и храбрый воинъ, достигъ должности начальника эскадры, сборнымъ пунктомъ для которой служилъ Гезоріакъ (Булонь) и которая имѣла своимъ назначеніемъ охранять берега Британскаго пролива и Атлантическаго океана отъ морского разбоя франковъ. Вмѣсто того, чтобы преслѣдовать морскихъ разбойниковъ, хитрый менапіецъ вошелъ въ тайный союзъ съ ними: они давали ему часть добычи, а онъ предоставлялъ имъ волю грабить. Получая огромныя суммы отъ морскихъ разбойниковъ, онъ щедро раздавалъ деньги своимъ матросамъ и воинамъ своей флотиліи, пріобрѣлъ ихъ привязанность, и когда Максиміанъ хотѣлъ наказать его за союзъ съ пиратами, его эскадра согласилась плыть съ нимъ въ Британнію. При помощи своихъ матросовъ и воиновъ, онъ овладѣлъ этой провинціей; войска, стоявшія тамъ, приняли его сторону, и онъ провозгласилъ себя императоромъ. Государи, правившіе римской имперіей, не имѣли средствъ наказать этого мятежника. Семь лѣтъ онъ владычествовалъ въ Британніи. Ге-
287—293. зоріакъ оставался въ его рукахъ. Его корабли господствовали въ Британскомъ каналѣ, на Атлантическомъ океанѣ и Нѣмецкомъ морѣ. Онъ былъ въ союзѣ съ нижнерейнскими франками; ихъ воины слу-

жили въ его войскѣ; онъ чеканилъ монету и вообще разыгрывалъ роль законнаго государя. Наконецъ Констанцій Хлоръ, получивъ санъ цезаря, собралъ войска западной части государства, осадилъ Гезоріакъ, взялъ эту крѣпость. Максиміанъ между тѣмъ тѣснилъ нижне- 292.
рейнскихъ франковъ, такъ что они были не въ состояніи помогать своему союзнику. Утративъ Гезоріакъ, Каравзій потерялъ преобладаніе на морѣ; владычество его въ самой Британніи поколебалось; одинъ изъ его приближенныхъ, Аллектъ, убилъ его и принялъ ти- 293.
тулъ императора. Но Констанцій, собравшій много кораблей, напалъ на Британнію съ трехъ сторонъ, высадилъ на берега ея свои войска болѣе многочисленныя, чѣмъ военныя силы Аллекта, разбилъ 296.
его, и узурпаторъ погибъ. Британскій народъ радостно привѣтствовалъ Констанція Хлора, возстановившаго принадлежность Британніи къ имперіи, отъ которой десять лѣтъ она была отдѣлена.

Защита границъ государства отъ внѣшнихъ враговъ.

Одновременно съ подавленіемъ мятежей, Діоклеціанъ и его соправители заботились объ отраженіи варваровъ, помогавшихъ мятежникамъ. Максиміанъ и Констанцій вели успѣшную войну съ германцами, прогнали ихъ за Рейнъ; Максиміанъ вступилъ въ Германію, ходилъ по берегамъ Некара и по сѣверному берегу Дуная; Констанцій освободилъ землю батавовъ отъ франковъ и одержалъ блистательную побѣду у Андоматуна (Лангра) надъ алеманнами. Діокле- 298.
ціанъ, охотно предоставлявшій военныя дѣйствія Максиміану, велъ съ варварами переговоры, ссорилъ ихъ между собою и упрочивалъ результаты побѣдъ Максиміана и Констанція заботами объ укрѣпленіи границъ.

Мамертинъ прославляетъ Діоклеціана за то, что онъ съумѣлъ перессорить алеманновъ съ бургундами, вандаловъ съ готами, такъ что они ослабляли другъ друга кровопролитными битвами. Отъ истока Рейна до устья Дуная были поправлены прежніе станы и другія укрѣпленія; мѣста, особенно опасныя, были защищены новыми укрѣпленіями; такимъ образомъ, сѣверная граница была приведена въ безопасность отъ вторженій варваровъ; на югѣ также шла линія укрѣпленныхъ становъ отъ Египта до персидской границы; благодаря тому, населеніе государства жило спокойно и радовалось своей безопасности отъ враговъ. Діоклеціанъ умѣлъ извлекать пользу для имперіи отъ сосѣдства варваровъ: тѣхъ изъ нихъ, которые попадались въ плѣнъ, онъ селилъ въ опустѣвшихъ мѣстностяхъ, гдѣ они воздѣлывали нивы и служили пастухами; другихъ варваровъ, просившихъ у него спасенія отъ враговъ, онъ также селилъ въ провинціяхъ, обязывая ихъ жить мирно и заниматься честнымъ трудомъ; такъ были поселены на римскихъ земляхъ карпы, бастарны и сарматы. Изъ другихъ варварскихъ племенъ Діоклеціанъ принималъ молодыхъ воиновъ на службу въ легіоны.

Усмиреніе мятежа въ Египтѣ 29 .

Не одинъ только западъ надобно было охранять отъ мятежей и отъ нападеній варваровъ; весь югъ отъ Нила до Атласскаго хребта былъ охваченъ возстаніемъ; на востокѣ персы вошли въ Месопота-

мію и въ Арменію, и началась долгая тяжелая война. Четыре государя раздѣлили между собою трудъ борьбы съ врагами: Констанцій Хлоръ дѣйствовалъ на западѣ, Галерій на востокѣ; Максиміанъ побѣдилъ Юліана, принявшаго въ Карѳагенѣ титулъ императора, усмирилъ дикихъ мавровъ, жившихъ въ ущельяхъ Атласа и дѣлавшихъ опустошительные набѣги на богатую провинцію Африку; самъ Діоклеціанъ пошелъ въ Египетъ. На югѣ этой области еще волновались блемміи, возстаніе которыхъ незадолго передъ тѣмъ было усмирено; буколы, гнѣздившіеся въ поросшихъ тростникомъ болотахъ Дельты грабили сосѣдніе округи, а въ Александріи принялъ титулъ императора Ахиллей. Діоклеціанъ осадилъ Александрію; она еще не оправилась отъ ударовъ, которымъ подверглась при Каракаллѣ и Галіэнѣ. Но граждане ея мужественно выносили восемь мѣсяцевъ тяжкія страданія осады. Раздраженный упорствомъ ихъ, Діоклеціанъ разрушилъ водопроводы и сталъ дѣйствовать безпощадно. Онъ зажегъ городъ, и Александрія покорилась. Ахиллей былъ убитъ въ сраженіи. Овладѣвъ Александріею, Діоклеціанъ велѣлъ умертвить приверженцевъ узурпатора, отдалъ дома и храмы на разграбленіе своимъ ожесточеннымъ воинамъ. Еще болѣе тяжкой судьбѣ подверглись знаменитый древній городъ Бузирисъ въ среднемъ Египтѣ и богатый торговый городъ Коптъ на югѣ: они были совершенно разрушены по приказанію раздраженнаго императора. Этой жестокостью онъ хотѣлъ запугать египтянъ, чтобъ они не отваживались нарушать спокойствіе государства своими мятежами. Для обузданія дикихъ блеммієвъ Діоклеціанъ далъ другому ливійскому племени, нобатамъ, землю у пороговъ Нила на югѣ отъ Сіэны, обязавъ ихъ защищать границу государства.

Нобаты и римляне долго совершали ежегодный праздникъ съ жертвоприношеніемъ на островѣ Филахъ, возобновляя обѣщаніе соблюдать заключенный между ними договоръ; и кажется, что Египетъ довольно долго пользовался безопасностью отъ набѣговъ дикарей, отъ которыхъ много страдалъ прежде. Между развалинами храма Сераписа въ Александріи еще стоитъ огромная колонна, вырубленная изъ одного цѣльнаго камня; надпись на ней прославляетъ „непобѣдимаго Діоклеціана, священнѣйшаго самодержца, божественнаго покровителя Александріи". Однимъ изъ благонамѣренныхъ распоряженій Діоклеціана въ Египтѣ было то, что онъ велѣлъ собрать и сжечь древнія египетскія книги объ искусствѣ, превращать въ золото и серебро другіе металлы; мы знаемъ, что Египетъ былъ тогда центромъ всяческихъ тайныхъ наукъ и суевѣрія (стр. 393).

Война съ персами 297—298. Въ славное правленіе Діоклеціана была возстановлена честь римскаго оружія въ войнѣ съ персами. Ихъ царь былъ принужденъ смириться передъ могуществомъ римской имперіи. По взятіи Валеріана въ плѣнъ (стран. 493), Арменія оставалась подъ владычествомъ Сассанидовъ. Послѣдній потомокъ армянской династіи Тиридатъ жилъ изгнанникомъ въ римскихъ владѣніяхъ. Памятники прежней незави-

симости Арменіи были разрушены, статуи обоготворенныхъ царей армянскихъ низвергнуты, національное служеніе солнцу и лунѣ было замѣнено служеніемъ Ормузду. Но подъ иноземнымъ игомъ армяне сохраняли пламенную любовь къ національной независимости и съ нетерпѣніемъ ждали возможности взяться за оружіе. Тиридатъ, бѣжавшій къ римлянамъ ребенкомъ, научился у нихъ военному искусству. Когда онъ, еще молодой человѣкъ, но уже опытный полководецъ, явился на границѣ Арменіи, туземные вельможи собрались 286.
къ нему. Въ Персіи шла война между двумя братьями; это благопріятствовало успѣху армянскаго возстанія; страна освободилась отъ персидскаго ига, и храбрый Тиридатъ сталъ мстить персамъ за прежнія обиды походами въ ихъ землю. Но его престолъ былъ еще не проченъ. Нарсесъ овладѣлъ всею Персіею, одолѣвъ своего брата, и Нарсесъ
повелъ всѣ военныя силы государства противъ армянъ. Тиридатъ не 292—301.
могъ устоять противъ враговъ, гораздо болѣе многочисленныхъ, чѣмъ армянское войско, былъ принужденъ снова бѣжать къ римлянамъ; Арменія была покорена персами. Діоклеціанъ вступился за Тиридата. Оставшись самъ съ частью войска въ Антіохіи охранять государство отъ другихъ враговъ, онъ послалъ своего помощника Галерія за Эвфратъ. Въ Месопотаміи было дано нѣсколько битвъ, оставшихся нерѣшительными. Но въ безводной степи близъ Карръ, гдѣ погибли легіоны Красса (III, 862.), римское войско снова было разбито тяжело вооруженной конницей и стрѣлками враговъ. Галерій съ разсѣянными остатками его бѣжалъ въ Сирію; Тиридатъ спасся, переплывъ въ полномъ вооруженіи черезъ Эвфратъ. При извѣстіи объ этомъ пораженіи Діоклеціанъ пошелъ изъ Антіохіи на встрѣчу разбитому войску. Галерій въ императорской порфирѣ подошелъ къ его колесницѣ; все войско было свидѣтелемъ униженія, которому Діоклеціанъ подвергъ своего помощника. Галерій въ смущеніи стоялъ у колесницы Діоклеціана; это длилось довольно много времени; Діоклеціанъ поѣхалъ назадъ въ сопровожденіи войска; Галерій долженъ былъ идти подлѣ его колесницы; Діоклеціанъ велъ его такимъ образомъ болѣе римской мили. Галерій просилъ позволенія отмстить персамъ. Діоклеціанъ далъ ему закаленное въ бояхъ иллирское войско и большой отрядъ готовъ, находившихся въ римской службѣ. Онъ снова перешелъ Эвфратъ и двинулся теперь на персовъ не безводной равниной,
а горами по сѣверной окраинѣ ея. Съ проводниками изъ мѣстныхъ 298.
жителей онъ самъ осмотрѣлъ положеніе персидскаго стана и напалъ на него ночью; варвары испугались и бѣжали; римляне взяли станъ, захватили богатую добычу въ шатрахъ царя и вельможъ, взяли въ плѣнъ нѣсколько женъ Нарсеса, его сестеръ и дѣтей; Галерій велѣлъ оказывать плѣнницамъ уваженіе, какого требуетъ ихъ санъ. Это пораженіе отняло бодрость у персидскаго царя; онъ послалъ одного изъ своихъ вельможъ съ неограниченными полномочіями для заключенія

мира. Посолъ пріѣхалъ въ Нисибиду, гдѣ присоединился къ Галерію Діоклеціанъ. Галерій, человѣкъ горячій, желалъ идти за Тигръ въ глубину персидскаго царства, но долженъ былъ подчиниться волѣ осторожнаго, разсчетливаго Діоклеціана. Секретарь императора Пробъ былъ отправленъ къ персидскому царю съ объявленіемъ, чего требуетъ Діоклеціанъ; Нарсесъ послѣ нѣкотораго колебанія согласился на все.

Миръ. Персы уступили римлянамъ всю Месопотамію и пять областей на востокѣ отъ Тигра, въ томъ числѣ горную страну Гордіэну, Курдистанъ, гдѣ жили воинственные кардухи; кромѣ того, персы предоставили римлянамъ право назначать царя въ Иберію, и такимъ образомъ, отдали подъ ихъ власть проходы черезъ Кавказъ, признали Тиридата армянскимъ царемъ и уступили ему на сѣверной границѣ землю, не принадлежавшую прежде къ Арменіи. Діоклеціанъ возвратилъ Нарсесу его плѣнныхъ женъ, дѣтей и сестеръ и построилъ укрѣпленія по новой границѣ имперіи. Такимъ образомъ, установился довольно прочный миръ съ персами; онъ длился 40 лѣтъ.

Олимпійскій праздникъ въ Антіохіи. Діоклеціанъ былъ теперь на верху могущества и славы. Юпитеръ, покровитель его, далъ ему высочайшее земное величіе, и онъ воображалъ себя представителемъ олимпійскаго царя боговъ на землѣ. Мы уже говорили, что онъ принялъ титулъ Юпитерова, Iovius. Онъ явился представителемъ Юпитера на блестящихъ играхъ, которыя устроилъ въ священной антіохійской рощѣ.

Онъ предсѣдательствовалъ на этихъ играхъ; вмѣсто длинной бѣлой шелковой одежды, вышитой золотомъ, въ какой обыкновенно бывали предсѣдатели игръ, онъ былъ въ императорской порфирѣ. Онъ ни на минуту не хотѣлъ переставать быть императоромъ. Онъ являлся съ аттрибутами Зевса. На головѣ у него былъ вѣнокъ изъ дорогихъ камней, на ногахъ были бѣлыя сандаліи, въ рукѣ длинный жезлъ чернаго дерева. Старикъ высокаго роста, сухощавый, съ коротко остриженными сѣдыми волосами и бородой, съ голубыми глазами, большимъ носомъ и свѣтлымъ цвѣтомъ лица, онъ шелъ въ этомъ облаченіи величественный, но нѣсколько сгорбленный отъ лѣтъ и раскланивался на всѣ стороны народу, въ молчаніи преклонявшемуся передъ нимъ, взошелъ на престолъ, сѣлъ и подалъ знакъ, по которому начались игры.

Гоненіе на христіанъ 303—305. Божественное величіе императора, являвшагося представителемъ Зевса на землѣ, было оскорбляемо насмѣшками христіанъ. Старинная государственная религія видимо разрушалась вѣрою, которую исповѣдывали они. Эта мысль мучила Діоклеціана, мѣшала ему наслаждаться успѣхами его правленія. Во всѣхъ легіонахъ находились христіане. Когда были совершаемы языческіе обряды, эти воины крестились, чтобы охранить себя отъ оскверненія; суевѣрному Діоклеціану казалось, что крестнымъ знаменіемъ ихъ отнимается сила у жертвоприношеній; они говорили, что скорѣе покинутъ почетную и выгодную

военную службу, чѣмъ согласятся участвовать въ обрядахъ, запрещаемыхъ ихъ вѣрой. Онъ упрекалъ себя за то, что такъ долго щадилъ людей, презирающихъ его божественное величіе. Царедворцы, юристы и военачальники, преданные язычеству, усиливали его недовольство христіанами, внушая ему, что эти люди не надежны въ политическомъ отношеніи. Но самымъ сильнымъ врагомъ христіанъ былъ Галерій, находившійся подъ вліяніемъ языческихъ жрецовъ и своей матери, усердной язычницы. По внушенію матери и жрецовъ, Галерій пріѣхалъ къ Домиціану въ Никомедію и убѣдилъ его начать безпощадное гоненіе на христіанъ, омрачившее послѣдніе годы его славнаго царствованія.

На праздникъ Терминалій, 23 февраля 303 года, воины, стоявшіе въ Никомедіи, ворвались въ находившуюся тамъ прекрасную христіанскую церковь, расхитили или изломали все въ ней и разрушили ее. Вслѣдъ за тѣмъ былъ обнародованъ императорскій эдиктъ, воспрещавшій христіанамъ собираться для богослуженія, постановлявшій, что они должны выдать свои священныя книги, повелѣвавшій правителямъ жечь эти книги и разрушить всѣ христіанскія церкви. Далѣе эдиктъ постановлялъ, что должностныя лица, отказывающіяся принимать участіе въ жертвоприношеніяхъ, лишаются своихъ должностей, что у всѣхъ христіанъ отнимаются политическія права, а тѣ христіане, которые находятся въ рабствѣ, не могутъ быть отпускаемы на волю. Судьи получали право при процессахъ противъ христіанъ подвергать ихъ пыткѣ, какого бы сословія ни были они. Списокъ этого ужаснаго эдикта быть повѣшенъ на такомъ мѣстѣ, гдѣ могли бы читать его всѣ. Одинъ изъ христіанъ сорвалъ его и разорвалъ, произнося язвительныя насмѣшки надъ императоромъ. Этотъ христіанинъ былъ схваченъ и осужденъ на сожженіе, какъ мятежникъ. Чтобы продлить его страданія, его жгли на медленномъ огнѣ. Но во все время своихъ долгихъ мученій страдалецъ сохранилъ радостное выраженіе лица. Вскорѣ послѣ того въ императорскомъ дворцѣ два раза вспыхивалъ пожаръ. Діоклеціанъ и Галерій предположили, что это былъ поджогъ и что поджигатели были христіане; что они хотѣли сжечь своихъ гонителей, надѣялись прекратить гоненіе смертью ихъ. Темницы наполнились христіанами; важнѣйшіе царедворцы были подвергаемы пыткѣ и казни за то, что они христіане. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ при обнародованіи эдикта христіане пытались сопротивляться; эти безпорядки были очень маловажны, но самаго легкаго ослушанія было достаточно, чтобы раздражить Діоклеціана; сначала ему было непріятно принимать противъ христіанъ жестокія мѣры, но въ гнѣвѣ на непокорныхъ онъ издалъ рядъ новыхъ свирѣпыхъ эдиктовъ. Вторымъ эдиктомъ онъ повелѣлъ правителямъ бросать въ темницы всѣхъ епископовъ, пресвитеровъ и діаконовъ и употреблять всяческія средства принужденія, чтобы заставить ихъ принести жертву богамъ; третьимъ эдиктомъ это было распространено на всѣхъ христіанъ. Такимъ образомъ, были подвергнуты гоненію всѣ христіане по всему пространству имперіи. Между ними являлись люди, умышленно раздражавшіе противъ себя народъ и правителей по страстному своему желанію принять мученическую смерть.—Эдикты должны были имѣть силу законовъ по всей имперіи, но не во всѣхъ частяхъ ея исполнялись они съ одинаковою строгостью. Галерій и Максиміанъ были враждебны христіанамъ, и въ частяхъ государства, находившихся подъ ихъ управленіемъ, было по

всей вѣроятности совершено очень много свирѣпостей, многіе христiане приняли мученическую смерть. Но Констанцій и его сынъ Константинъ всячески старались смягчить суровость эдиктовъ. Чтобы не показаться Діоклеціану бунтовщикомъ, Констанцій велѣлъ разрушать церкви, но людей онъ по возможности щадилъ.

Тріумфъ Діоклеціана и Максиміана и ихъ отреченіе отъ власти. 29 ноября 303.

Гоненіе на христіанъ еще свирѣпствовало, когда Діоклеціанъ отпраздновалъ двадцатилѣтіе своего правленія великолѣпнымъ тріумфомъ, въ которомъ далъ участіе Максиміану. На этомъ торжествѣ, называемомъ по-латыни Виценналіями, Римъ въ послѣдній разъ видѣлъ тріумфальную процессію, въ которой были несены трофеи, были ведены плѣнники и плѣнницы изъ всѣхъ частей извѣстнаго древнимъ міра. Тутъ были между прочимъ изображенія плѣнныхъ женъ и дѣтей Нарсеса. Отпраздновавъ Виценналіи, Діоклеціанъ исполнилъ давно принятое имъ рѣшеніе отказаться отъ власти, когда совершится двадцать лѣтъ его царствованію. Онъ заставилъ своего товарища Максиміана дать передъ жертвенникомъ Юпитера Капитолійскаго клятву сложить власть въ одно время съ нимъ и передать санъ августовъ цезарямъ. Послѣ того онъ уѣхалъ изъ Рима, который украсилъ колоссальными термами, названными по его имени Діоклеціановыми, и, страдая тяжкой болѣзнью, возвратился черезъ Иллирію въ Никомедію. Тамъ больной прожилъ онъ зиму, запершись въ своемъ дворцѣ. Блѣдный, исхудалый выѣхалъ онъ 1-го мая за городъ на поле, гдѣ собралось войско и народъ; тамъ передъ статуей Юпитера онъ торжественно отрекся отъ власти и съ величайшей поспѣшностью поѣхалъ въ ту мѣстность Далмаціи, которую избралъ пріютомъ отдыха своей старости. Въ тотъ же день Максиміанъ, исполняя обѣщаніе, отказался отъ императорскаго сана въ Медіоланѣ и уѣхалъ на свою виллу въ Луканіи. Діоклеціанъ уже много лѣтъ строилъ себѣ жилище на своей родинѣ въ далматскомъ городѣ Салонѣ; эта масса дворцовъ, храмовъ, колоннадъ, бань, окруженныхъ садомъ, занимала такое пространство, что городъ Спалатро, весь помѣщается между развалинами сооруженій жилища Діоклеціана. Зданія были расположены по плану римскаго стана и образовали четыреугольникъ. Главный входъ назывался золотыми воротами.

304—305.

Жизнь Діоклеціана въ Салонѣ 305—313.

Въ Салонѣ императоръ, сложившій съ себя власть, провелъ послѣднія девять лѣтъ своей жизни, наслаждаясь сельской тишиной, радуясь тому, что можетъ ухаживать за своими садами безъ всякихъ заботъ о политическихъ дѣлахъ. Когда черезъ нѣсколько времени Максиміанъ и Галерій убѣждали его снова принять на себя власть, онъ съ улыбкой отказался и прибавилъ: „Если бы вы увидѣли капусту, которую я посадилъ въ Салонѣ своими руками, вы не сдѣлали бы мнѣ этого предложенія“. Но тѣ междоусобія, которымъ подвергло имперію Максиміаново властолюбіе, нарушили спокойствіе Діоклеціана. Его жена и дочь были убиты на Востокѣ, и самъ онъ, быть можетъ, ускорилъ свою смерть, чтобы не подвергнуться унизительнымъ бѣдствіямъ. Римскій сенатъ, съ согласія Константина, постано-

313.

вилъ, что умершему Діоклеціану должны быть воздаваемы божескія почести. Это былъ послѣдній языческій апоѳеозъ.—Близъ Салоны еще остаются развалины огромнаго дворца Діоклеціана, свидѣтельствующія и о его великолѣпіи, и объ упадкѣ искусствъ и вкуса въ ту эпоху.

Войны между соправителями.

По отреченіи Діоклеціана и Максиміана наступила эпоха междоусобій, лишь не надолго прерывавшихся спокойствіемъ. Галерій, суровый воинъ, человѣкъ мрачнаго и горячаго характера, хотѣлъ присвоить себѣ такое же преобладаніе надъ своими соправителями, какое имѣлъ Діоклеціанъ. По его желанію, Діоклеціанъ передъ своимъ отъѣздомъ въ Салону далъ санъ цезаря его племяннику Максимину Дазѣ (или Даѣ), молодому человѣку, иллирійцу, воспитанному въ деревенской грубости, суровому отъ природы и по привычкамъ военной жизни; Максиминъ долженъ былъ быть цезаремъ на востокѣ, а на западъ Діоклеціанъ послалъ Севера, которому Максиміанъ, неохотно отказывавшійся отъ власти, долженъ былъ передать управленіе Италіею и Африкою, какъ цезарю запада. Северъ слишкомъ любилъ чувственныя удовольствія, но имѣлъ правительственные таланты. Галерій надѣялся, что, опираясь на этихъ цезарей, онъ будетъ имѣть преобладаніе надъ другимъ августомъ, Констанціемъ Хлоромъ, который былъ постоянно занятъ войнами въ Галліи и Британніи, такъ что не имѣлъ досуга вмѣшиваться въ дѣла другихъ частей государства. Галерій думалъ современемъ соединить въ своихъ рукахъ власть надъ всѣми частями имперіи. При самомъ вступленіи въ санъ августа ему уже удалось расширить свою долю государства отъ границъ Италіи до Сиріи. Максиминъ Даза, получившій въ управленіе Сирію и Египетъ, и Северъ, получившій Италію и Африку, были только помощниками его.

Констанцій и Галерій.

Рѣзкую противоположность Галерію и его помощникамъ представлялъ Констанцій Хлоръ, человѣкъ кроткаго характера и расположенный покровительствовать христіанамъ. Въ Александріи, въ Карѳагенѣ, по всему пространству отъ Антіохіи до Медіолана съ большой пышностью совершалось языческое богослуженіе, и христіане, отказывавшіеся ѣсть мясо животныхъ, принесенныхъ въ жертву, были подвергаемы жестокому преслѣдованію. А въ Галліи и въ Британніи эдикты противъ христіанъ были, по отреченіи Діоклеціана, оставлены совершенно бездѣйственными, и въ числѣ важнѣйшихъ сановниковъ находились христіане. Первою женою Констанція Хлора была Елена, дочь содержателя гостинницы въ одномъ изъ маленькихъ приморскихъ городовъ неподалеку отъ Никомедіи. Увидѣвъ ее во время одного изъ своихъ походовъ, Констанцій женился не ней. Она сдѣлалась христіанкой. При возведеніи въ санъ цезаря Констанцій принужденъ былъ развестись съ нею, но онъ любилъ ее, и при его дворѣ въ Трирѣ сохранили вліяніе христіане. Его расположеніе къ Еленѣ

поддерживалось тѣмъ, что у него былъ отъ нея сынъ, Константинъ (родившійся въ 274 году въ дакійскомъ городѣ Наиссѣ). Галерій сильно ненавидѣлъ Констанція Хлора, который одинъ могъ воспротивиться его стремленію владычествовать надъ всѣми частями государства. Но здоровье Констанція было очень разстроено, и надобно было ожидать, что онъ скоро умретъ; Галерій надѣялся, что безъ всякихъ хлопотъ будетъ избавленъ отъ опаснаго соперника естественной его смертью. Сынъ Констанція

Константинъ. Константинъ служилъ въ войскѣ Діоклеціана; Галерій задерживалъ его на востокѣ, поручалъ ему опасныя дѣла и подъ разными предлогами отлагалъ исполненіе просьбъ и требованій Констанція, желавшаго, чтобы сынъ пріѣхалъ помогать ему, больному, въ управленіи дѣлами. Наконецъ были истощены всѣ предлоги отказовъ, и Галерій позволилъ Константину отправиться къ отцу. Говорятъ, что Константинъ уѣхалъ раньше срока, который былъ назначенъ для его отъѣзда; что онъ сдѣлалъ это тайкомъ отъ Галерія и на первыхъ станціяхъ велѣлъ перерѣзывать сухожилія ногъ у почтовыхъ лошадей, которыхъ оставлялъ за собой, чтобы не возможна была быстрая погоня за нимъ. Констанцій былъ очень обрадованъ пріѣздомъ сына и немедленно назначилъ его главнокомандующимъ галльскихъ легіоновъ. Константинъ уступалъ отцу образованностью и благородствомъ характера, но всетаки былъ человѣкъ очень замѣчательный. Онъ былъ высокаго роста, величественной наружности, мастеръ во всѣхъ гимнастическихъ упражненіяхъ, безстрашный воинъ, привѣтливый правитель; въ его характерѣ было очень много энергіи, но она сдерживалась разсудительностью; въ душѣ онъ былъ очень честолюбивъ, но казался спокойнымъ, холоднымъ; чувственныя наслажденія не обольщали его. Вскорѣ по пріѣздѣ сына Констанцій умеръ на походѣ противъ каледонянъ. Онъ скончался въ британскомъ городѣ Эборакѣ черезъ тринадцать мѣсяцевъ послѣ того, какъ сдѣлался августомъ. Войско тотчасъ же провозгласило Константина его преемникомъ. Константинъ показалъ видъ, что противъ желанія уступаетъ непреклонному требованію войска и написалъ Галерію очень почтительное письмо, въ которомъ скромно просилъ его утвержденія. Галерій былъ раздраженъ извѣстіемъ о провозглашеніи Константина императоромъ; его замыслы рушились, и самовластіе, съ какимъ Константинъ принялъ санъ августа, было чрезвычайно обидно ему. Но онъ былъ не въ силахъ низложить Константина, получившаго свой санъ по праву наслѣдства и по желанію войска; онъ затаилъ свою досаду, отлагая мщеніе до будущаго, но далъ Константину только титулъ цезаря, и притомъ младшаго изъ двухъ цезарей; санъ августа онъ далъ Северу.

25 іюля 306.

Провозглашеніе Максенція императоромъ.

Не прошло трехъ мѣсяцевъ по возведеніи Севера въ санъ августа, какъ явился у него неожиданный врагъ. Максенцій, сынъ Максиміана

и зять Галерія, полагалъ, что имѣетъ право на участіе во власти. Но Галерій и его соправители судили иначе. Максенцій былъ человѣкъ развратный и бездарный, потому, предоставляя ему огромные доходы, они не давали ему никакой доли въ управленіи государствомъ. Такъ прошло полтора года. Онъ мучился честолюбіемъ, а когда услышалъ объ успѣхѣ Константина, имъ овладѣла и зависть. Онъ безъ труда пріобрѣлъ себѣ приверженцевъ между гражданами города Рима, склонилъ на свою сторону малочисленный корпусъ преторіанцевъ, остававшійся въ Римѣ и исполнявшій обязанности гарнизона столицы. Сенатъ и народъ римскій были очень недовольны пренебреженіемъ, въ какомъ оставляли ихъ Діоклеціанъ и Галерій. Провинціальные города, понравившіеся государямъ, сдѣлались великолѣпными резиденціями, а Римъ терялъ свое величіе. Прежде онъ былъ центромъ, куда стекались богатства изъ всѣхъ частей государства, считался городомъ, владычествующимъ надъ имперіей, теперь быстро утрачивалъ и богатство, и политическое значеніе. Теряла свои прежнія преимущества надъ провинціями и вся Италія. Пять столѣтій она пользовалась свободой отъ поземельнаго и имущественнаго налога; теперь эта льгота была отмѣнена, и Галерій назначилъ агентовъ для переписи населенія Италіи и для оцѣнки ихъ имущества, чтобы по этимъ спискамъ распредѣлить налогъ. Понятно, что Римъ былъ расположенъ къ возстанію. Римляне хотѣли имѣть государя, который жилъ бы, какъ прежніе императоры, въ палатинскомъ дворцѣ, возвратилъ бы Риму блескъ. Максенцій желалъ стать такимъ императоромъ. Между преторіанцами составился заговоръ: они убили префекта города и нѣкоторыхъ другихъ сановниковъ, преданныхъ Северу, и провозгласили императоромъ Максенція. Сенатъ и народъ радостно одобрили ихъ дѣло. Какъ только дошло это извѣстіе до Максиміана, онъ покинулъ виллу, на которой жилъ по требованію Діоклеціана, отдыхая противъ собственнаго желанія, и, по просьбѣ сына и сената, снова принялъ императорскій санъ. Северъ быстро повелъ войско на Римъ, подавить возстаніе. Но ворота города не были отворены ему; часть войска его перешла къ врагамъ; онъ увидѣлъ, что не возьметъ Римъ, и отступилъ въ Равенну; за ея стѣнами и окружавшими ее болотами, онъ надѣялся продержаться, пока Галерій пришлетъ ему новое войско. Но Максиміанъ, искусный полководецъ подступилъ къ Равеннѣ, подослалъ къ Северу своихъ агентовъ; они внушили ему, неопытному въ политическихъ дѣлахъ, недовѣріе къ его воинамъ и военачальникамъ; запуганный, онъ согласился сдать городъ и отказаться отъ власти подъ условіемъ, что жизнь его будетъ пощажена. Но онъ получилъ только почетные похороны. Максиміанъ и Максенцій отвезли его въ Римъ, и тамъ онъ былъ принужденъ лишить себя жизни. Онъ перерѣзалъ себѣ артеріи. Тѣло

Максиміанъ вновь принимаетъ на себя санъ императора. Смерть Севера 307.

Февраль 307.

его было положено въ гробницѣ, которую построилъ для себя и своего семейства Галерій.

Правленіе шести государей. Побѣдители Севера должны были готовиться къ борьбѣ съ Галеріемъ. Старикъ Максиміанъ поѣхалъ за Альпы и заключилъ союзъ съ Константиномъ, давъ ему санъ августа и отдавъ за него свою дочь Фавсту. Свадьба была отпразднована въ Арелатѣ (Арлѣ). Максиміанъ возвратился въ Римъ и сталъ готовиться къ защитѣ противъ Галерія, который, пылая мщеніемъ, вступилъ въ Италію съ огромнымъ войскомъ, собраннымъ въ иллирскихъ и азіатскихъ областяхъ. Его угрозы показали римлянамъ и вообще италійцамъ, что пощады отъ него не будетъ, и они прониклись мужествомъ отчаянія, отдавали въ распоряженіе Максиміану и Максенцію всѣ свои богатства, усердно шли сами въ ихъ войско, чтобы спасти себя отъ ярости раздраженнаго варвара. Галерій повсюду встрѣчалъ сильное сопротивленіе, нашелъ надобнымъ предложить миръ; его предложеніе было отвергнуто, онъ принужденъ былъ отступать. Его легіоны на обратномъ пути опустошили сѣверную Италію, Максенцій преслѣдовалъ его до границы Италіи, онъ ушелъ въ Иллирію и отправился на свиданіе съ Діоклеціаномъ въ Карнунтъ. По совѣщанію съ Діоклеціаномъ, онъ назначилъ на мѣсто Севера своимъ соправителемъ Лицинія. Это былъ вѣрный другъ его съ самой молодости, жившій на походахъ въ одномъ шатрѣ съ нимъ. Онъ отдалъ новому государю въ управленіе иллирскія провинціи. Максиминъ, правившій Сиріею и Египтомъ, разсердился на то, что Галерій назначилъ новаго цезаря, и вынудилъ себѣ у него санъ августа. Такимъ образомъ въ римскомъ государствѣ было теперь шесть государей: на западѣ владычествовали Максиміанъ и его сынъ и зять, охотно признававшіе его первенство; на востокѣ господствовали Галерій и два его соправителя, сохранявшіе признательность и уваженіе къ нему, опытному полководцу. Казалось, что имперія уже безвозвратно распалась на двѣ половины, восточную и западную.

Смерть Максиміана 310. Согласіе между Максиміаномъ и его сыномъ не было продолжительно. Максенцій считалъ законнымъ государемъ Италіи себя, потому что онъ избранъ сенатомъ и народомъ, и перестапъ слушаться отца. Раздраженный его неблагодарностью, Максиміанъ уѣхалъ въ Галлію просить помощи у Константина. Дочь и зять приняли его съ дѣтской любовью, обращались съ нимъ почтительно: онъ, чтобы не возбуждать въ нихъ никакихъ подозрѣній, сложилъ съ себя во второй разъ императорскій санъ. Вскорѣ послѣ того Константинъ отправился въ походъ на Рейнъ. Властолюбивый тесть воспользовался его отсутствіемъ, захватилъ казну, хранившуюся въ Арелатѣ, подкупилъ этими деньгами находившіяся по сосѣдству войска и распустилъ молву о смерти Константина. Узнавъ объ этомъ коварствѣ, Константинъ поспѣшно повелъ на него войско съ Рейна; онъ съ

принявшими его сторону войсками ушелъ въ Массалію, думая обороняться въ этой приморской крѣпости или, если оборона будетъ невозможна, уплыть моремъ. Но его смерть была близка. Константинъ подступилъ къ Массаліи, сталъ готовиться къ приступу; измѣнившія ему войска купили себѣ прощеніе, сдавъ крѣпость и выдавъ ему Максиміана. Старикъ былъ осужденъ на смерть и лишилъ себя жизни. Подъ руководствомъ Діоклеціана Максиміанъ правилъ государством такъ, что заслужилъ славу; но, оставшись безъ руководителя, онъ погубилъ себя безразсуднымъ честолюбіемъ. Въ началѣ XI вѣка былъ найденъ въ Марсели его гробъ. Набальзамированное его тѣло сохранилось хорошо; архіепископъ марсельскій велѣлъ бросить въ море трупъ человѣка, бывшаго врагомъ Бога и Константина. Легенда говоритъ, что съ той поры море въ этомъ мѣстѣ бушуетъ день и ночь. Въ слѣдующемъ году погибъ и Галерій, который по отступленіи изъ Италіи проводилъ время въ пирахъ и въ постройкѣ громадныхъ зданій; онъ умеръ отъ мучительной болѣзни, которая, какъ вѣровали христіане, была наказаніемъ ему отъ Бога. За нѣсколько недѣль до его смерти былъ изданъ первый эдиктъ вѣротерпимости отъ имени его и двухъ другихъ государей. Христіанамъ было разрѣшено собираться для своего богослуженія; но эта уступка христіанамъ со стороны Галерія не могла загладить памяти о мученіяхъ и казняхъ, которымъ прежде подвергалъ онъ вѣрующихъ во Христа. Его часть государства раздѣлили между собою его соправители. Максиминъ взялъ себѣ азіатскія провинціи, Лициній европейскія. Раздѣлъ совершился миролюбиво. Но Лициній и Максиминъ не довѣряли другъ другу; каждый изъ нихъ охранялъ войсками свой берегъ Геллеспонта и Босфора.

Февраль 310. Май 311. 311.

Смерть отца освободила Максенція отъ всякаго стѣсненія, и онъ необузданно предался своимъ склонностямъ къ распутству и тиранству. Мятежъ въ Африкѣ далъ ему поводъ ограбить и сжечь богатые города Цирту и Карѳагенъ, опустошить ихъ плодородныя области, произвести множество казней и конфискацій по всей Африкѣ. Римъ, гдѣ онъ обыкновенно жилъ, очень много страдалъ отъ его грабительства и распутства. За преданность сенаторовъ, радостно привѣтствовавшихъ его вступленіе на престолъ, онъ платилъ ненавистью; онъ вынуждалъ ихъ давать огромныя суммы подъ именемъ добровольныхъ подарковъ, безчестилъ ихъ женъ и дочерей. Жена городского префекта, женщина скромной жизни, христіанка, вонзила себѣ въ грудь кинжалъ, чтобы спасти свою честь отъ его насилія. Чтобы сохранить привязанность воиновъ, онъ дѣлалъ имъ подарки и позволялъ всяческія буйства. Терпѣніе римлянъ наконецъ истощилось. Сенатъ отправлялъ тайныя посольства къ Константину, умоляя его избавить Римъ отъ тирана. Осторожный, разсчетливый Константинъ нѣсколько времени медлилъ рѣшеніемъ. Его присутствіе было

Тиранство Максенція.

необходимо на нижнемъ Рейнѣ; онъ хотѣлъ довершить покореніе жившихъ тамъ германскихъ племенъ и строилъ каменный мостъ черезъ Рейнъ у Кёльна. Но Максенцій, ослѣпленный гордостью, воображавшій свое войско непобѣдимымъ, присвоивалъ себѣ первенство надъ своими соправителями, издалъ нѣсколько распоряженій, оскорбительныхъ для Константина, готовился къ войнѣ; очевидно было, что онъ хочетъ идти на Константина и, подъ предлогомъ мести за смерть отца, захватить себѣ его провинціи. Константинъ рѣшился предупредить противника и пошелъ въ Италію.

Походъ Константина въ Италію 312.

Въ 312 году Константинъ перешелъ Коттійскіе Альпы. Предпріятіе, начатое имъ, было очень рискованно. У него было 40,000 человѣкъ, онъ шелъ на врага, войско котораго было вчетверо многочисленнѣе. Но галльскіе воины были хорошо обучены; въ войскѣ Константина господствовала строгая дисциплина; онъ, его полководцы и воины имѣли полное взаимное довѣріе, это давало имъ такую силу, какой не имѣли изнѣженные, непривычные къ войнѣ, деморализованные легіоны Максенція. Съ самаго начала похода обнаружилось, что побѣда останется за Константиномъ. Прежде, чѣмъ до Рима дошла вѣсть о томъ, что онъ двинулся черезъ Альпы, онъ уже подошелъ къ Сузѣ и взялъ, благодаря неодолимой отвагѣ своихъ воиновъ, эту сильную крѣпость приступомъ. Полководцы Максенція повели на него тяжелую конницу, одѣтую въ желѣзо. Онъ одержалъ надъ нею блистательную побѣду близъ Турина, овладѣлъ Медіоланомъ и всею равниною рѣки По до Адидже. Но трудная борьба предстояла ему подъ стѣнами Вероны, гдѣ войсками начальствовалъ храбрый и опытный полководецъ Руриций Помпеянъ. Послѣ нѣсколькихъ сраженій Константинъ одолѣлъ въ рѣшительной битвѣ. Она была ужасна и длилась цѣлую ночь; Помпеянъ былъ убитъ; много тысячъ воиновъ его легло на полѣ сраженія. Верона и ея гарнизонъ сдались на произволъ побѣдителя. Изъ мечей побѣжденнаго войска были выкованы цѣпи для плѣнныхъ. Константинъ дѣйствовалъ въ Сѣверной Италіи очень быстро и съ такою же быстротою пошелъ теперь на Римъ. Максенцій, шесть лѣтъ державшій себя, какъ развратный трусъ, одушевился мужествомъ. Въ Сивиллиныхъ книгахъ нашлось пророчество, предвѣщавшее ему побѣду. Впослѣдствіи оказалось, что темнымъ выраженіямъ пророчества было дано ошибочное истолкованіе. Стѣны Рима были крѣпки, запасы провіанта были велики; Римъ могъ бы выдержать долгую осаду. Но Максенцій надѣялся на пророчество, надѣялся на преторіанцевъ, число которыхъ онъ увеличилъ до прежняго размѣра, надѣялся на многочисленность другихъ своихъ войскъ, хотя это были воины, собранные на-скоро въ Африкѣ и въ Италіи, плохо обученные. Онъ пошелъ на встрѣчу врагу. Приблизившись къ Риму, Константинъ увидѣлъ войско Максенція, стоящимъ въ боевомъ порядкѣ на правомъ берегу Тибра; тылъ позиціи былъ прикрытъ рѣкой, а Мильвіевъ мостъ давалъ свободный переходъ за нее. Тутъ у Красныхъ скалъ (Saxa rubra) произошла великая битва, рѣшившая не только судьбу римской имперіи, но и то, какая религія будетъ владычествовать во вселенной. Хистіанское преданіе говоритъ, что въ ночь передъ этимъ сраженіемъ Константинъ видѣлъ на небѣ сіяющій крестъ. Онъ сражался подъ знаменемъ, на которомъ былъ изображенъ крестъ (labarum). Онъ выигралъ битву стремительной аттакой, опрокинувшей конницу Максенція. Преторіанцы сражались чрезвычайно храбро, зная, что если Константинъ побѣдитъ, то распуститъ ихъ привилегированный корпусъ; но римская конница на обоихъ флангахъ была обращена въ бѣгство галльской конницей; ветераны Константина напали на преторіанцевъ съ трехъ сторонъ, и они были побѣждены; ихъ тѣла покрыли мѣсто боя. Максенцій хотѣлъ бѣжать въ Римъ; но на мосту была такая давка, что онъ былъ столкнутъ въ рѣку; онъ утонулъ въ ней, потому что на немъ было тяжелое вооруженіе; оно погрузило его тѣло глубоко въ илъ, такъ что долго пряплось искать его трупъ, и онъ былъ найденъ лишь на другой день.

Битва у Мильвіева моста 28 Октября 312.

Константинъ въ Римѣ.

Побѣдитель вступилъ въ Римъ при радостныхъ крикахъ народа и принялъ мѣры для упроченія своей власти надъ всею западною половиною имперіи. Были казнены оба сына Максенція, былъ истребленъ весь его родъ; сенатъ и народъ желали, чтобы казнены были и всѣ приверженцы тирана; но Константинъ съ благородной твердостью воспротивился этому. Онъ обнародовалъ всеобщую амнистію, чтобъ остановить доносы и преслѣдованія; онъ хотѣлъ прекратить раздоры примиреніемъ враждовавшихъ. Узники, брошенные Максенціемъ въ темницы, были освобождены. Но два важныя распоряженія Константина показали сенату и римскому народу, что миновало время ихъ привилегій. Корпусъ преторіанцевъ былъ навсегда уничтоженъ; уцѣлѣвшіе преторіанцы были распредѣлены по легіонамъ, стоявшимъ на границахъ, преторіанскій станъ былъ разрушенъ. Свобода сенаторовъ отъ податей была отмѣнена. Максенцій уже вынуждалъ ихъ давать взносы, которые называлъ добровольными подарками; Константинъ обложилъ ихъ постоянными взносами соразмѣрно имуществу каждаго; они были раздѣлены на разряды по размѣру ихъ богатства, и былъ установленъ налогъ опредѣленной величины по каждому разряду. Такимъ образомъ санъ сенатора сдѣлался почестью очень обременительной.

Смерть Максимина 313.

Передъ своимъ походомъ въ Италію Константинъ обезпечилъ себѣ дружбу или по крайней мѣрѣ нейтралитетъ Лицинія. Но Максиминъ былъ въ союзѣ съ Максенціемъ. Послѣ побѣды у Мильвіева моста Константинъ имѣлъ свиданіе съ Лициніемъ въ Медіоланѣ; они возобновили союзъ между собою и скрѣпили его бракомъ сестры Кон-

стантина съ Лициніемъ. На медіоланскомъ свиданіи они обнародовали новый эдиктъ о вѣротерпимости, ограждавшій христіанъ отъ всякихъ гоненій, обидъ и предоставлявшій имъ свободу богослуженія. Едва кончились свадебные праздники, августы получили извѣстія, принуждавшія ихъ отправиться—одного на западъ, другого на востокъ: Константинъ поспѣшилъ на нижній Рейнъ отразить франковъ, Лициній на Босфоръ остановить Максимина. Этотъ государь, управлявшій Сиріею, предположилъ, что дружба Константина съ Лициніемъ опасна для него и неожиданно двинулся съ большимъ войскомъ изъ Антіохіи расширить свои владѣнія. Усиленными переходами подъ зимними проливными дождями и снѣжными вьюгами онъ пришелъ въ Виѳинію, поспѣшно переправился черезъ Босфоръ и осадилъ Византію прежде, чѣмъ узналъ Лициній о его походѣ. Послѣ недолгой осады онъ взялъ Византію, взялъ Гераклею; но счастье скоро покинуло его. У него было войско болѣе многочисленное, чѣмъ у Лицинія, но иллирскіе воины были храбрѣе сирійскихъ, а Лициній былъ хорошій пол-
30 апрѣля 313. ководецъ; потому въ рѣшительной битвѣ при Гераклеѣ онъ одержалъ блистательную побѣду. Онъ и его воины передъ сраженіемъ призывали «высочайшаго бога» на помощь себѣ и получили ее. Максиминъ сбросилъ съ себя императорскую мантію и бѣжалъ черезъ Никомедію въ свои владѣнія; но не доѣхалъ до Антіохіи: онъ умеръ въ Тарсѣ отъ мучительной болѣзни, произведенной отравой. Онъ былъ ненавистенъ своимъ распутствомъ и тиранствомъ, и никто не жалѣлъ о немъ. Его владѣнія взялъ себѣ Лициній и, блистательно празднуя въ Никомедіи свою побѣду, объявилъ, что медіоланскій эдиктъ вѣротерпимости распространяется и на восточную половину имперіи.

Свирѣпость Лицинія.

Максиминъ навлекъ на себя ненависть распутствомъ и алчностью, Лициній сталъ ненавистенъ своей безчеловѣчной жестокостью. Казалось, что возвращается свирѣпое и отвратительное время діадоховъ. Лициній не удовольствовался тѣмъ, что убилъ невиновныхъ ни въ чемъ дѣтей Максимина и его жену, убитъ былъ имъ и нисколько не опасный ему Северіанъ, сынъ Севера; онъ убилъ и Валерію, жену своего друга и благодѣтеля Галерія, ея мать Приску, жену Діоклеціана, убилъ и ребенка Кандидіана, сына Валеріи.

Смерть императрицъ и Кандидіана 314.

Максиминъ долго держалъ въ ссылкѣ и нищетѣ Валерію, Приску и Кандидіана по злобѣ на то, что Валерія, женщина чистой нравственности, не согласилась стать женою его, человѣка развратнаго. Діоклеціанъ напрасно просилъ Максимина отпустить ихъ въ Салону, чтобъ они закрыли ему глаза, потому что онъ чувствуетъ приближеніе смерти. Максиминъ держалъ ихъ въ ссылкѣ. Когда онъ умеръ, онѣ освободились, пріѣхали изъ сирійской пустыни въ Никомедію и просили Лицинія о покровительствѣ. Свирѣпый тиранъ принялъ ихъ съ коварнымъ дружелюбіемъ, но черезъ нѣсколько дней велѣлъ убить Кандидіана. Валерія и Приска въ ужасѣ бѣжали изъ дворца; онъ велѣлъ розыскать и убить ихъ. Пятнадцать мѣсяцевъ несчастныя скитались въ бѣдной одеждѣ, укрываясь отъ преслѣ-

дователей; въ Ѳессалоникѣ онѣ были схвачены и казнены. Лициній велѣлъ бросить тѣла ихъ въ море.

Война Константина съ Лициніемъ.

По смерти Максимина владычество надъ римской имперіей раздѣлили между собою Константинъ и Лициній; но ихъ дружба была не продолжительна. Константинъ выдалъ свою сестру Анастасію за молодого римскаго вельможу Бассіана и возвелъ его въ санъ цезаря, Бассіанъ надѣялся получить въ управленіе Италію и Африку; но Константинъ не далъ ему ихъ, онъ сталъ досадовать на это. Лициній поддерживалъ его неудовольствіе на Константина, отправлялъ къ нему тайныхъ пословъ, возбуждалъ его силой взять области, которыхъ не даетъ ему Константинъ. Заговоръ былъ открытъ, и Константинъ казнилъ безразсуднаго цезаря. Соучастники заговора бѣжали къ Лицинію; Константинъ требовалъ ихъ выдачи, Лициній отказалъ ему въ этомъ; Константинъ принялъ отказъ за доказательство участія Лицинія въ умыслѣ Бассіана. Лициній велѣлъ низвергнуть статуи Константина въ Эмонѣ (Лайбахѣ), городѣ, который находился на границѣ Италіи съ Иллиріей и вѣроятно былъ предметомъ спора между императорами. Константинъ воспользовался этой обидой, какъ предлогомъ объявить войну Лицинію. Войска встрѣтились въ Паннонiи у Цибариса на берегу Савы. Воины Лицинія би- 8 октября 315.
лись храбро, но стратегическій талантъ Константина одержалъ побѣду. Вторая битва на мардійской равнинѣ во Ѳракіи имѣла такой же исходъ. Лициній потерялъ въ этихъ двухъ сраженіяхъ лучшихъ своихъ ветерановъ и не рѣшился на третью битву, послалъ просить мира у Константина и принялъ всѣ условія, предписанныя имъ.

Валентъ, котораго Лициній назначилъ цезаремъ, былъ лишенъ этого сана и казненъ; дунайскія провинціи, Македонія и Греція были присоединены къ владѣніямъ Константина; у Лицинія остались только Ѳракія, Малая Азія, Сирія и Египетъ. Сыновья Константина Криспъ и Константинъ и сынъ Лицинія были сдѣланы цезарями и объявлены наслѣдниками своихъ отцовъ.

Константинъ соединяетъ всю имперію подъ своей властью. 324—325.

Послѣ этого римская имперія восемь лѣтъ пользовалась внутреннимъ спокойствіемъ. Константинъ въ это время прославилъ свое имя блестящими побѣдами надъ готами на Дунаѣ и увеличилъ число своихъ приверженцевъ, оказывая покровительство христіанамъ, издавая хорошіе законы, улучшивъ монетную систему и выказывая себя другомъ ученыхъ. Онъ нѣсколько разъ пріѣзжалъ въ Римъ, но всегда лишь не на долго. Вѣроятно въ эти годы онъ построилъ тріумфальныя ворота, уцѣлѣвшія до сихъ поръ. Они—печальный памятникъ упадка искусствъ и начавшаго входить въ обычай дурного способа украшать новыя сооруженія заимствованнымъ блескомъ: переносить статуи и барельефы съ прежнихъ памятниковъ на новые. Таланты

и побѣды Константина производили впечатлѣніе тѣмъ болѣе сильное, что представляли контрастъ поступкамъ Лицинія. Прежде Лициній покровительствовалъ христіанамъ, теперь сталъ притѣснять ихъ, потому что они были расположены къ его сопернику. Константинъ очень ласкалъ христіанъ, разсчитывая воспользоваться ихъ содѣйствіемъ въ борьбѣ съ Лициніемъ. Онъ имѣлъ твердое намѣреніе сдѣлаться властителемъ всей имперіи. Итакъ предстояла рѣшительная борьба, подобная той, какая была между Октавіаномъ и Антоніемъ. Мы не имѣемъ свѣдѣній о поводахъ, по которымъ началась она; вѣроятно они состояли въ томъ, что Константинъ, ведя войну на Дунаѣ, самовластно распоряжался въ пограничныхъ владѣніяхъ Лицинія, а Лициній разгадалъ его намѣреніе овладѣть всею имперіею. Оба они давно готовились къ войнѣ; это видно изъ того, что и тотъ, и другой имѣли при началѣ ея очень многочисленное войско. Лициній, одушевившись прежнимъ своимъ мужествомъ, ждалъ врага въ укрѣпленномъ станѣ близъ Адріанополя, имѣя 150,000 человѣкъ пѣхоты и 15,000 конницы. Войско, съ которымъ пришелъ туда изъ Ѳессалоники Константинъ было нѣсколько меньше числомъ, но состояло изъ опытныхъ воиновъ. Стремительная рѣка Гебръ раздѣляла противниковъ; нѣсколько дней военныя дѣйствія ограничивались мелкими стычками; наконецъ Константинъ, блестящимъ образомъ выказавшій тутъ и стратегическій талантъ, и личную храбрость, преодолѣлъ затрудненія, представляемыя переходомъ черезъ рѣку и, военной хитростью выманивъ Лицинія изъ его крѣпкой позиціи, нанесъ ему рѣшительное пораженіе. Съ немногими разстроенными отрядами Лициній бѣжалъ въ Византію, а большинство воиновъ его, уцѣлѣвшихъ отъ битвы, было взято въ плѣнъ побѣдителемъ; взятъ былъ и укрѣпленный станъ его. У Лицинія былъ сильный и хорошій флотъ, состоявшій изъ египетскихъ и финикійсихъ кораблей; въ Виѳиніи было собрано новое войско; Византія была сильно укрѣплена, и война могла бы длиться много времени. Но счастіе совершенно измѣнило Лицинію. Часть его кораблей погибли отъ бурь; остальной флотъ былъ разбитъ у Халкедона старшимъ сыномъ Константина Крипсомъ, человѣкомъ талантливымъ. Тѣ корабли, которые не были потоплены или взяты въ плѣнъ, ушли въ разныя гавани. Константинъ велъ осаду Византіи очень энергично; Лициній уѣхалъ изъ крѣпости, близкой къ паденію и вступилъ въ битву на другой сторонѣ пролива у Хризополя; онъ былъ снова разбитъ и потерялъ половину войска. Послѣ этого пораженія онъ упалъ духомъ. Его жена, Констанція, сестра Константина, выпросила у брата обѣщаніе пощадить его жизнь. Онъ въ Никомедіи положилъ порфиру и упалъ самъ къ ногамъ побѣдителя, призналъ его своимъ владыкой и былъ посланъ въ Ѳессалонику жить тамъ подъ стражей. Но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Константинъ велѣлъ удавить его; предлогомъ было выставлено то, что онъ задумываетъ возстановить свою власть. За десять лѣтъ передъ тѣмъ онъ убилъ въ этомъ городѣ жену и дочь Діоклеціана. Смертью Лицинія было упрочено владычество Константина надъ всею римскою имперіею и торжество христіанства надъ язычествомъ. Константинъ въ предыдущіе годы издалъ нѣсколько эдиктовъ, которыми ограждалъ христіанъ отъ притѣсненій и отмѣнялъ ссылку въ изгнаніе или въ работу, заключеніе въ темницу и конфискаціи, какимъ подверглась нѣкоторые изъ нихъ до его правленія, предоставилъ имъ свободу богослуженія, независимое управленіе принадлежащими ихъ церквамъ имуществами, далъ разныя привилегіи христіанскому духовенству. Теперь онъ объявилъ твердое намѣреніе стремиться къ тому, чтобы въ имперіи было воздаваемо поклоненіе только «истинному Богу». Онъ руководился не религіознымъ убѣжденіемъ, потому что вѣрилъ только въ «силу рока», а разсчетомъ политической пользы: онъ видѣлъ, что христіанство становится сильнѣе язычества, потому перешелъ на сторону христіанъ.

VI. Римская имперія въ IV вѣкѣ.

Обзоръ исторической литературы этого періода. (Дополненіе къ обзору, помѣщенному въ началѣ тома). Источники исторіи четырехъ столѣтій, слѣдовавшихъ за смертью Константина Великаго, очень скудны; извѣстія, сообщаемыя ими, не только сухи, но и недостовѣрны, потому что писатели тѣхъ вѣковъ пристрастны: часто они искажаютъ факты и характеры сообразно своимъ религіознымъ симпатіямъ и антипатіямъ, часто льстятъ и клевещутъ по личнымъ разсчетамъ. Историки христіанской церкви Е в с е в і й, разсказъ котораго идетъ до 324 года, и его продолжатели, безусловно, принимаютъ сторону христіанъ, и въ частности приверженцевъ вселенской церкви: одинъ изъ продолжателей Евсевія, Руфинъ, писалъ по-латыни; разсказъ его идетъ до 395 года; изъ тѣхъ продолжателей Евсевія, которые писали по-гречески, наиболѣе важны: Сократъ Схоластикъ (разсказъ его идетъ до 439 г.), Эрмій Созоменъ (до 423), Ѳеодоритъ (до 427), Никифоръ Каллистъ (въ дошедшей до насъ части его труда разсказъ доведенъ до 610 г.)—Языческіе писатели въ своихъ похвалахъ язычникамъ часто увлекаются пристрастіемъ до забвенія всякой критики; этимъ страдаетъ Зосимъ, талантливый историкъ, служившій при дворѣ Ѳеодосія II (стр. 370); тотъ же недостатокъ былъ у Дексиппа и Эвнапія, труды которыхъ, написанные нѣсколько раньше исторіи Зосима, извѣстны намъ лишь по отрывкамъ; то же должно сказать объ императорѣ Юліанѣ и его приверженцахъ Ливаніѣ, Ѳемистіѣ. Съ той же точки зрѣнія, какъ историки христіанской церкви, смотрятъ на событія и на людей почти всѣ лѣтописцы; важнѣйшіе изъ нихъ: Сульпицій Северъ, юристъ, потомъ пресвитеръ, жившій въ Галліи (его хроника идетъ до 400 года); испанскій пресвитеръ Павелъ Орозій (его «Исторія противъ язычниковъ» идетъ до 417 года); испанскій епископъ Идацій, хроника котораго идетъ до 469 года, и продолжатель Идація, св. Исидоръ, архіепископъ Севилльскій, написавшій «Хронику визиготовъ», Chronicon wisigothorum. Лишь для немногихъ историковъ тѣхъ вѣковъ здравый смыслъ и правдивость были дороже личныхъ пристрастій: таковы **Амміанъ Марцеллинъ** (стр. 363) и греческій историкъ **Прокопій**, о которомъ мы будемъ говорить въ одномъ изъ слѣдующихъ отдѣловъ. Относительно нѣкоторыхъ періодовъ источниками служатъ, по недостатку историческихъ извѣстій, поэты и панегиристы, Клавдіанъ (стр. 371) и Сидоній Аполлинарій (умершій въ 488 году). Для исторіи готовъ главный источникъ—**Іорданъ**, составившій свою «Исторію готовъ» по произведенію Кассіодора, не дошедшему до насъ; для исторіи франковъ главные источники—церковные историки **Григорій Турскій** и Фредегаръ, о которыхъ мы будемъ говорить послѣ. Свѣдѣнія объ этихъ писателяхъ и другихъ источникахъ исторіи германскихъ племенъ собраны Ваттенбахомъ (Deutschlands Geschichtsquellen im Mittelalter). При всей скудости источниковъ, нѣкоторые отдѣлы исторіи этихъ вѣковъ достаточно разъяснены трудолюбіемъ новыхъ изслѣ-

дователей; этихъ работъ много, и въ числѣ ихъ есть очень основательныя. Намъ пріятно было пользоваться ими. Нѣкоторыя изъ нихъ ужь названы нами въ началѣ этого тома (труды Вайца, Якова Гримма, Зибеля, Дана, Кауфмана, Прейса, Буркгарда): здѣсь назовемъ еще: I n a m a-S t e r n e g g, Deutsche Wirthschaftsgeschichte; Die geschichte des römischen Rechts im Mittelalter, von S a v i g n y; Die Geschichte der Städteverfassung von Italien, von K. H e g e l (Leipz, 1847); K. M a n n e r t, Geschichte der alten Deutschen, besonders der Franken (Stuttg und Tüb. 1829, 2 тома); Die Germanischen Ansiedelungen und Landtheilungen in den Provinzen des römischen Westreichs, von G a u p p, Breslau 1844.—Монографіи: J. A s c h b a c h, Geschichte der Westgothen. Frankf. am Main, 1827, 2 тома; M a n s o, Leben Constantin's des Grossen, Wien, 1819; его же Geschichte des ostgothischen Reiches in Italien, Bresl., 1824; K ö p k e. Die Anfänge des Königthums bei den Gothen, Berl., 1859; G. Waitz, Über das Leben und die Lehre des Ulfila, Hannover, 1840; H u s c h b e r g, Geschichte der Alemannen und Franken, Sulzbach, 1840; P a p e n c o r d t, Geschichte der vandalischen Herrschaft in Afrika, Berl. 1837; A l e x. F l e g l e r, Das Königreich der Langobarden in Italien, Leipz., 1851; B i n d i n g, geschichte des burgundischen Königreichs, Leipz., 1868; F e l i x D a h n, Procopius von Cäsarea, Berl., 1865;—кромѣ того, монографіи, перечисленныя на стран. 2.—Живое описаніе состоянія Италіи во время переселенія народовъ представляетъ Thomas Hodgkin, Italy and her invaders, 376—476, Oxford, 1880, 2 тома.—Не менѣе усердно занимались ученые исторіею церкви. Кромѣ книгъ Неандера, Газе, Гагенбаха, Гизелера, о которыхъ мы ужь упоминали, назовемъ: T z s c h i r n e r, Der Fall des Heidenthums, Leipz., 1829; C h. B a u r, Die christliche Kirche vom Anfange des IV bis zum Ende des VI Jahrhunderts, Tübingen, 1859; L a s a u l x, Der Untergang des Heidenthums, München, 1854. Юліанъ Отступникъ былъ предметомъ нѣсколькихъ монографій; изъ нихъ назовемъ: N e a n d e r, Über den Kaiser Julian. Leipz., 1812; S t r a u s s, Der Romantiker auf dem Throne der Cäsaren, Mannheim, 1847; A u e r, Kaiser Julian der Abtrünnige, Wien, 1855 (полемическое произведеніе, написанное противъ защитниковъ Юліана). Исторія царствованія Юстиніана изложена Изамберомъ (I s a m b e r t, Histoire de Justinien, Paris, 1856, 2 тома); назовемъ также Ad. Schmidt, Der Aufstand in Constantinopel unter Kaiser Justinian, Zürich, 1854. Исторія императоровъ иконоборцевъ основательно изслѣдована Шлоссеромъ (S c h l o s s e r, Geschichte der bilderstürmenden Kaiser, Frankf., 1812).—Исторія нѣмецкой церкви въ этомъ періодѣ очень основательно изложена Ретбергомъ и Крафтомъ (R e t t b e r g, Kirchengeschichte Deutschlands, 2 тома, Göttingen, 1846, 1848; K r a f f t, Die Anfänge der christlichen Kirche bei den germanischen Völkern, Berlin, 1854. Свѣдѣнія о христіанско-римской литературѣ до эпохи Каролинговъ изложены у Рюкерта (H. R ü c k e r t, Culturgeschichte des dentschen Volks in der Zeit des Übergangs vom Heidenthum in das Christenthum, 2 тома, Leipz., 1853 слѣд.) и въ дополнительныхъ томахъ къ Römische Literaturgeschichte von Baehr.—О Григоріи Турскомъ есть монографія Лёбеля (Loebell, Gregor von Tours und seine Zeit, Leipz, 1839).—Исторія западно-европейской литературы въ первыя столѣтія среднихъ вѣковъ написана Эбертомъ: A d o l f E b e r t, Allgemeine Geschichte der Literatur des Mittelalters im Abendland. Band I. Die christlich-lateinische Literatur bis Zum Zeitalter Karl's des Grossen, Leipz., 1874; Bd. II. Von Karl dem Grossen bis zum Tode Karl's des Kahlen, Leipz., 1880). Изъ сочиненій объ исторіи отдѣльныхъ странъ, кромѣ трудовъ національныхъ историковъ, пособіями для насъ служили монографіи, входящія въ составъ сборника Geschichte der europäischen Staaten Герена и Укерта: A l e x. S c h m i d t, Geschichte von Frankreich; L a p p e n b e r g, Geschichte von England; H. L e o, Geschichte von Italien.

Единовластіе Константина и смерть его. *).

(325—337).

Константинъ Великій.

Константинъ достигъ цѣли своего честолюбія. Онъ былъ младшимъ изъ цезарей, теперь сталъ господиномъ всей римской имперіи, и власть его была безграничнѣе той, какую имѣли Авреліанъ и Пробъ. Онъ обдумывалъ осторожно и дѣйствовалъ быстро; имя великаго, данное ему лестью современниковъ, оставлено за нимъ потомствомъ. Но онъ достигъ единовластія, проливъ рѣки крови; христіанскія добродѣтели, кротость и человѣколюбіе не проникли въ его душу. Когда онъ воевалъ въ Галліи, онъ уже выказалъ свою жестокость убійствомъ плѣнныхъ варваровъ: по его приказанію бросали ихъ массами на арену трирскаго амфитеатра для растерзанія звѣрямъ; его руки были обагрены кровью его тестя и мужей его сестеръ; панегиристы говорятъ въ оправданіе ему, что эти его родственники заслужили смерть своими властолюбивыми злоумышленіями; но въ чемъ былъ виноватъ сынъ Лицинія, одиннадцатилѣтній мальчикъ, убитый по его приказу? чѣмъ извинить то, что по внушенію коварной Фавсты Константинъ безъ судебнаго изслѣдованія велѣлъ убить старшаго сына, Криспа, храбраго и благороднаго человѣка?

Мы не имѣемъ достовѣрныхъ свѣдѣній о томъ, какъ произошло это чер-

---

*) Генеологическая таблица потомства Констанція Хлора:

Констанцій Хлоръ

1-ая жена, Елена; 2-ая жена, Θеодора.

А. Потомство Констанція Хлора отъ 1-ой жены, Елены:

Констанцій Хлоръ—Елена

Сынъ Константинъ Великій.

Сынъ отъ 1-й жены, Минервины	Дѣти отъ 2-й жены, Фавсты:				
	1. Константинъ II † 340.	2. Констанцій † 361.	3. Константъ † 350.	4. Констанція (мужъ Ганнибаліанъ).	5. Елена (мужъ Юліанъ).
Криспъ.					

В. Потомство Констанція Хлора отъ 2-ой жены, Θеодоры:

Констанцій Хлоръ—Θеодора.

1. Далмацій		2. Юлій Константинъ		3. Констанція (мужъ Лициній).	4. Анастасія.	5. Евтропія
Далмацій † 337.	Ганнибаліанъ † 337. (жена Констанція).	Галлъ (жена Констанція).	Юліанъ (жена Елена).	Лициній II † 336.		Непоціанъ.

Фавста и Криспъ.

ное дѣло. По однимъ извѣстіямъ, Фавста поступила съ Криспомъ, какъ Федра съ Гипполитомъ: она предлагала пасынку быть ея любовникомъ, была отвергнута и обвинила его передъ отцомъ въ покушеніи на ея честь; по другимъ извѣтіямъ, она хотѣла устранить наслѣдника престола, чтобы наслѣдство досталось ея сыновьямъ. Было ли дѣйствительно то, или другое, мы не знаемъ, но если справедливо извѣстіе, что черезъ нѣсколько времени Константинъ по требованію Елены велѣлъ удушить Фавсту горячими парами въ банѣ, то убійство ея служитъ доказательствомъ, что Криспъ былъ невиненъ и его смерть была ея дѣломъ. Но можно думать совершенно иначе: Криспъ былъ человѣкъ благородный, воспитанный Лактанціемъ въ хорошихъ правилахъ; народъ любилъ его; властолюбивый отецъ могъ считать его опаснымъ для себя; на праздникѣ Виценналій онъ потребовалъ себѣ участія въ правленіи, и, быть можетъ, отецъ принесъ его въ жертву своему нежеланію дѣлиться съ нимъ властью. Константинъ хотѣлъ быть основателемъ династіи и уже поступалъ съ родными такъ, какъ дѣлали султаны.

Основаніе Константинополя.

Человѣкъ гордый, Константинъ не удовольствовался честью быть государемъ всей римской имперіи. Онъ хотѣлъ стать создателемъ новой эры, основателемъ «новаго Рима». Старый Римъ не соотвѣтствовалъ притязаніямъ расширившейся власти повелителей имперіи. Это былъ городъ республиканскихъ преданій и учрежденій; въ немъ былъ сенатъ, при всемъ своемъ вынужденномъ раболѣпствѣ сохранявшій воспоминаніе о прежнемъ своемъ могуществѣ; населеніе Рима было дерзко и любило судить о дѣйствіяхъ правительства, всегда было готово порицать ихъ. Оно умѣло придумывать мѣткія слова, и его остроуміе не щадило императоровъ, оно не благоговѣло предъ дворомъ. Мы видѣли, что со времени Діоклеціана государи предпочитали Риму другія резиденціи. Константинъ лишь изрѣдка, по необходимости соблюсти приличіе, пріѣзжалъ во дворецъ, на палатинскомъ холмѣ, и не оставался тамъ долго. (Его нелюбовь къ Риму могла быть однимъ изъ поводовъ къ составленію легенды; будто онъ подарилъ Римъ епископу Сильвестру; но эта легенда вымыселъ, и притомъ поздняго происхожденія). Онъ не хотѣлъ жить въ Римѣ, и очень натурально было явиться у него желанію основать, по примѣру великихъ государей давней старины, новую столицу, чтобъ она увѣковѣчила славу его имени и чтобъ ея населеніе, обязанное всѣмъ основателю города, платило ему за благодѣянія преданностью, держалось въ политикѣ и религіи тѣхъ мнѣній, какія предписываетъ ему государь. Константинъ сначала полагалъ основать столицу на томъ мѣстѣ, гдѣ стояла Троя, миθическая отчизна римскаго народа; но скоро оказалось, что романтическія идеи не имѣютъ силы увлекать его до забвенія о реальныхъ выгодахъ. Не было мѣстности, которая представляла бы по своему положенію такія удобства для основанія столицы, какъ Византія, стоящая на проливѣ, которымъ Черное море соединяется съ Пропонтидой. Туда былъ путь товарамъ со всѣхъ сторонъ свѣта, тамъ была превосходная гавань, которая по своей

формѣ называлась «рогомъ», а по богатству своей торговли «золотымъ»; окрестности города были холмы, покрытые виноградниками, фруктовыми садами и межъ нихъ долины, очень плодородныя; эта мѣстность образовала полуостровъ, который легко было защитить стѣной отъ нападенія враговъ; у Византіи была рѣшена судьба многихъ войнъ, ея стѣны выдержали много осадъ, она была центральнымъ пунктомъ, изъ котораго легко могли ходить войска и на Дунай и на Эвфратъ для защиты имперіи отъ опаснѣйшихъ враговъ. Эти выгоды мѣстоположенія Византіи были очевидны. Легенда говоритъ, что былъ и другой мотивъ, по которому Константинъ рѣшился сдѣлать Византію своей столицей: по преданію эта мысль была дана ему внушеніемъ отъ Бога.

Константинополь или Новый Римъ.

Константинъ велъ постройку столицы очень быстро. Торжественное освященіе фундамента западной стѣны города было совершено 4 ноября 326 года, и меньше чѣмъ черезъ четыре года (11 мая 330) уже была освящена новая резиденція. Константинъ хотѣлъ, чтобы Новый Римъ не уступалъ ни въ чемъ Старому, потому очень заботливо укрѣпилъ его и украсилъ великолѣпными зданіями. Двѣ большія площади были со всѣхъ сторонъ застроены колоннадами и украшены статуями; одна изъ нихъ была названа площадью Августы въ честь августы Елены, матери императора; другая была названа по имени самого императора. Въ центрѣ площади Константина стояла высокая порфировая колонна, а на ней бронзовая статуя бога солнца съ вѣнкомъ, окруженнымъ лучами; черезъ нѣсколько времени эта статуя была передѣлана такъ, что сдѣлалась изображеніемъ самого Константина; легенда соединила съ нею фантастическія повѣрья *). Гипподромъ (циркъ), до сихъ поръ служащій туркамъ для обученія войска, былъ громадное и великолѣпное зданіе, имѣвшее около 400 шаговъ въ длину и 100 въ ширину, и украшенное внутри статуями, обилисками и сплетенной изъ трехъ бронзовыхъ змѣй колонной съ золотымъ треножникомъ, стоявшимъ прежде въ Дельфійскомъ храмѣ: это былъ даръ грековъ Аполлону Дельфійскому послѣ побѣды при Платеѣ. Искусство временъ Константина не могло создавать хорошихъ произведеній, потому для украшенія новой столицы были взяты отовсюду прежнія знаменитыя произведенія искусства. Константинъ, при всѣхъ выраженіяхъ своей преданности христіанству, не дѣлалъ ничего враждебнаго язычеству; освященіе новой столицы было по его приказанію совершено однимъ изъ понтифексовъ и неоплатоникомъ Сопатромъ съ языческими обрядами; онъ построилъ храмы богинѣ Счастія (Tyche) и Діоскурамъ; онъ постановилъ, чтобы ежегодно въ день основанія совершалась въ гипподромѣ торжественная процессія; тутъ несли его статую, у которой на ладони протянутой правой руки стояло изображеніе генія-покровителя новой столицы; его преемники должны были преклонять колѣна передъ этой статуей. Судя по всему этому должно думать, что статуи боговъ и героевъ, перевезенныя

*) Говорили, что подъ мраморнымъ базисомъ колонны зарытъ тайно перевезенный въ новую столицу палладіумъ города Рима, а внутри колосальной статуи положена часть Животворящаго Креста. Статуя была разбита молніей и опрокинута бурей 5 апрѣля 1101 года; но большая часть колонны уцѣлѣла до сихъ поръ.

въ Константинополь, были оставлены при Константинѣ непередѣланными; но въ послѣдствіи времени, когда усилилась антипатія ко всему языческому онѣ были передѣланы: языческіе аттрибуты изображеній были замѣнены христіанскими символами. Константинъ хотѣлъ занимать нейтральное положеніе между язычествомъ и христіанствомъ, потому построилъ въ своей столицѣ и христіанскую церковь въ честь святыхъ апостоловъ; она была сложена изъ разноцвѣтнаго мрамора, окружена колоннадами и разными пристройками; все это вмѣстѣ образовало великолѣпное цѣлое. Неподалеку отъ гипподрома стоялъ дворецъ, громадное зданіе, почти не уступавшее палатинскому дворцу огромностью и богатствомъ украшеній, окруженное колоннадами, дворами, садами. Бани, театры, водопроводы, хлѣбные магазины, прекрасный домъ для засѣданій сената на площади августы, великолѣпные дома сенаторовъ и другихъ знатныхъ людей, поселившихся въ резиденціи государя, образовали нѣсколько группъ роскошныхъ зданій, между которыми построили себѣ дома промышленники, торговцы, хозяева кораблей, привлеченные въ новую столицу торговыми выгодами ея положенія и пособіями, какія давалъ переселяющимся въ нее императоръ. Онъ всячески заботился о томъ, чтобъ она стала многолюднымъ городомъ. Онъ давалъ подарки и почетные должности сенаторамъ и другимъ вельможамъ, чтобъ они переселялись изъ Рима въ Византію. Многіе обольщались этимъ, другіе и безъ наградъ сами желали жить близъ императорскаго двора. Скоро Новый Римъ сталъ почти такъ же многолюденъ, какъ Старый. Онъ имѣлъ тѣ же привилегіи. Члены городского управленія получили санъ сенаторовъ, граждане Византіи получили всѣ права гражданъ города Рима; хлѣбъ, вино и масло были раздаваемы народу въ Византіи еще щедрѣе, нежели въ Римѣ; общественныя игры и другія развлеченія для народа были не менѣе великолѣпны, чѣмъ тѣ, какія бывали прежде въ Римѣ. Климатъ былъ превосходенъ, окрестности прекрасны, положеніе города очень выгодно для торговли. Потому Константинополь, раздѣленный подобно Риму на 14 частей, скоро сталъ по своей величинѣ вторымъ городомъ вселенной. Но онъ выросъ не самъ собой, онъ былъ тепличное растеніе. Блескъ Византіи былъ заимствованный, украшавшія ее произведенія искусства были взяты изъ другихъ городовъ, ея населеніе было разноплеменною смѣсью, не имѣло ни національнаго единства, ни патріотизма, ни славнаго прошлаго. Римъ, покинутый императоромъ все-таки производилъ впечатлѣніе болѣе величественное, чѣмъ Византія. Его тріумфальныя ворота, храмы, театры, цирки, термы, площади, украшенныя статуями, живописно расположенныя по долинамъ и холмамъ, оживленныя садами и журчаньемъ фонтановъ, вода которыхъ текла въ городъ по 19 водопроводамъ на высокихъ аркахъ, придавали прежней столицѣ такое величіе, какого далеко не имѣлъ искусственно созданный Константинополь. Но Римъ не годился быть столицею христіанскаго государства: онъ оставался языческимъ городомъ, и долго послѣ Константина язычество еще преобладало въ немъ надъ христіанствомъ. Латеранская базилика—единственная римская христіанская церковь, о которой мы достовѣрно знаемъ, что она была построена Константиномъ, не могла сравниться по великолѣпію съ языческими храмами въ Римѣ.

Устройство двора и государственнаго управленія.

Новая резиденція государя стала центромъ имперіи, и государь сдѣлался единственнымъ лицомъ, отъ котораго зависѣло все въ государствѣ: Константинъ далъ полное развитіе тому устройству имперіи, основныя черты котораго были созданы Діоклеціаномъ, и все

населеніе было поставлено въ отношеніе подданства; степень почета, какой пользовался человѣкъ въ обществѣ, и степень его участія въ государственныхъ дѣлахъ опредѣлялась теперь не талантами или заслугами его, а произволомъ государя. Высшее сословіе было раздроблено искусственнымъ раздѣленіемъ на разные классы; каждый вліятельный человѣкъ былъ связанъ съ дворомъ и государемъ интересами своего тщеславія; масса была покинута своими естественными руководителями, стала недвижна и безжизненна; ея летаргія перерывалась только вспышками слѣпыхъ страстей; эти безсмысленныя судороги изнуряли ее, она впадала въ прежнюю летаргію. Константинъ распредѣлилъ людей по іерхическому порядку, всѣ мѣста въ которомъ были даваемы и отнимаемы произволомъ императора; а положеніе человѣка въ обществѣ обусловливалось тѣмъ, какое мѣсто занимаетъ онъ въ этой іерархіи. Каждому опредѣленному мѣсту въ ней было присвоено право на опредѣленную степень почета; такимъ образомъ населеніе византійской имперіи было повергнуто въ пошлое порабощеніе; народы, бывшіе потомками поколѣній прославленныхъ великими подвигами и геніальными созданіями умственной жизни, стали жалкой принадлежностью двора, преданнаго порокамъ, запятнаннаго злодѣйствами, наполненнаго пошлыми льстецами, мелкими честолюбцами, интригантами, и толпами коварныхъ эвнуховъ. Всѣ тѣ хитрыя средства, которыми народъ былъ порабощенъ пошлому и безнравственному деспотизму въ Египтѣ и Персіи, были примѣнены къ дѣлу порабощенія народа византійскимъ дворомъ; результатъ былъ тѣмъ гибельнѣе, что государство было громадно, порабощенные народы цивилизованы, а игравшіе ими интриганты не имѣли никакихъ убѣжденій, никакихъ правилъ чести. «Слово византизмъ» обозначаетъ собою совокупность всего пошлаго и порочнаго въ государственной жизни, то позорное состояніе, при которомъ беззаконіе владычествуетъ надъ всѣмъ. Византійская политика, развившаяся при преемникахъ Константина, стала системой, вліяніе которой проявляется во всей послѣдующей исторіи цивилизованнаго міра. «Все подчинено произволу деспота, соединяющаго въ своихъ рукахъ духовную и мірскую власть», такъ описываетъ Буркгартъ чудовище византинизма: «Нравственность замѣнена принятіемъ того образа мыслей, какой провозглашается деспотомъ; искренность, естественность замѣнена лицемѣріемъ, алчностью и коварствомъ; въ искусствѣ и литературѣ безжизненное повтореніе заученнаго; вообще такое состояніе, которое напоминаетъ собою египетскій бытъ и подобно ему имѣетъ живучесть инерціи». По градаціи придворныхъ и правительственныхъ должностей люди дѣлились на классы, у каждаго изъ которыхъ былъ особый титулъ: свѣтлые (Illustres), достопочтенные (Spectabiles), знаменитѣйшіе (Clarissimi) и т. д. Эти саны давались дипломами, дипломы были украшены символическими фигурами (Insignia), языкъ

дипломовъ былъ наполненъ странными выраженіями въ родѣ «ваше великолѣпіе», «ваша важность» (magnificentia, gravitas); все это показывало развитіе тщеславія. Блескъ двора былъ такъ привлекателенъ, что люди толпами стремились на служебную карьеру, которая вела къ большому жалованью, къ почестямъ и другимъ выгодамъ; принадлежность къ двору ограждала даже личную безопасность человѣка, потому что нанесеніе раны царедворцу и даже самому низшему дворцовому служителю, эвнуху—считалось мятежомъ, а виновные въ мятежѣ наказывались безпощадно, и обвиняемыхъ въ этомъ преступленіи можно было подвергать пыткѣ, хотя бы они были свободные люди. Византійская придворная іерархія, принадлежащіе къ которой имѣли должностную одежду бѣлаго цвѣта, изгладила послѣдніе остатки республиканскихъ учрежденій. Правда, Константинъ сохранилъ сенатъ и назначалъ консуловъ, давалъ своимъ приближеннымъ титулъ патриціевъ, но все это были пустыя почетныя названія, недававшія ни какого вліянія на государственныя дѣла. Въ сенатъ были помѣщаемы тѣ потомки старыхъ римскихъ фамилій, которые не хотѣли принимать новыхъ должностей; сенатъ былъ учрежденіемъ, имѣвшимъ только почетъ, не имѣвшимъ власти; императоръ ежегодно назначалъ изъ числа сенаторовъ двухъ консуловъ; они 1 января торжественно вступали въ свой санъ, и годъ по прежнему обозначался ихъ именами. Рѣшеніе судебныхъ и административныхъ дѣлъ, составленіе законовъ принадлежало императору, которому помогалъ его совѣтъ (консисторій); въ завѣдываніе этого совѣта перешли всѣ важныя дѣла еще со времени Адріана (стр. 296), членовъ его императоръ назначалъ по произволу изъ числа своихъ приближенныхъ. Консулы, патриціи, прифекты, главнокомандующій конницы, главнокомандующій пѣхоты и семь придворныхъ сановниковъ, соотвѣтствовавшихъ нынѣшнимъ министрамъ и исполнявшихъ «священную службу» при особѣ императора, составляли высшій классъ придворной и государственной іерархіи; они имѣли титулъ «свѣтлыхъ». Имперія была раздѣлена на четыре префектуры, каждая префектура дѣлилась на діэцезы; діэцеза дѣлилась на провинціи; администрація, судопроизводство и финансы были ввѣрены одному правителю, начальство надъ войсками въ его области другому, такъ что гражданскій правитель не имѣлъ военной власти; всѣ граждане платили налогъ съ имущества;—таковы были основныя черты бюрократическаго устройства, установленнаго Константиномъ и подчинявшаго все населеніе государства административной опекѣ.

Благосостояніе падало; самостоятельность общинъ была подавлена; обременительность налоговъ разоряла населеніе. Муниципальными городами управлялъ совѣтъ, состоявшій изъ небольшого числа богатыхъ собственниковъ; члены его назывались декуріонами; остальные жители городовъ были все больше и больше устраняемы отъ уча-

стія въ дѣлахъ. Византинизмъ, созданный Константиномъ, образовалъ новую эру, въ исторіи человѣчества. Тщеславное стремленіе къ титуламъ заглушало всѣ гражданскія чувства, унижало людей, развивало въ нихъ всякія пошлыя склонности. Господствующими качествами стали раболѣпство передъ высшими, наглость относительно низшихъ; эти новые пороки нисколько не мѣшали существованію прежнихъ дурныхъ привычекъ; административная опека только пріучала людей лицемѣрить. Когда умерла свобода, всѣ гражданскія добродѣтели исчезли, замѣнились эгоизмомъ. Люди привыкли гнуть спину, льстить и лгать, утратили энергію, стали трусами и развратниками. Скоро сдѣлалось невозможностью составить изъ римскихъ гражданъ войско, которое устояло бы противъ враговъ, и императорскія войска стали формироваться изъ варваровъ. Трусливое населеніе имперіи умѣло только веселиться и развратничать. Государство лежало у ногъ своего повелителя, чья власть не имѣла никакихъ предѣловъ. Но и это мрачное время представляетъ нѣкоторые проблески свѣта: понятія о государствѣ, правѣ и законѣ, выработанныя прежними лучшими временами, не могли быть совершенно заглушены; не могли погибнуть и внесенныя христіанствомъ въ римскую имперію понятія о человѣческихъ правахъ и личной свободѣ; благодаря тому, римская имперія не могла совершенно впасть въ старинный восточный деспотизмъ и общественная жизнь не могла подвергнуться полному оцѣпенѣнію.

1. Административное раздѣленіе государства.

1. Префекты, которые, со времени Септимія Севера, соединяли въ своихъ рукахъ гражданское и военное управленіе государствомъ, получили по уничтоженіи преторіанцевъ другое положеніе въ государствѣ. Константинъ раздѣлилъ имперію на четыре части, по примѣру, данному Діоклеціаномъ; правитель каждой изъ этихъ частей назывался префектомъ. 1. Префектура Востока обнимала всѣ области имперіи отъ южной границы Египта до рѣки Фазиса и отъ ѳракійскихъ горъ до границъ Персіи. 2. Паннонія, Дакія, Македонія и Греція составляли иллирскую префектуру (Иллирикъ). 3. Италія, альпійскія земли до Дуная, Сицилія, другіе острова западной части Средиземнаго моря и африканскія области отъ Кирены до Геркулесовыхъ столбовъ образовали италійскую префектуру. 4. Западныя страны отъ Пиктской стѣны въ Британніи до Южнаго берега Испаніи составляли галльскую префектуру. Префектъ, подъ начальствомъ котораго находилось цѣлое войско крупныхъ и мелкихъ администраторовъ, былъ намѣстникъ императора, завѣдывалъ всѣми частями гражданскаго управленія и судопроизводства, финансовымъ управленіемъ, полиціей, промышленностью, почтою, путями сообщенія, чеканкою монеты и вообще наблюдалъ за исполненіемъ законовъ. Префектуры дѣлились на діэцезы; ихъ было четырнадцать; діэцезы, дѣлились на провинціи; число провинцій было 118. Діэцезами правили помощники префектовъ, викаріи, провинціями проконсулы, консуляры, ректоры или президенты. Римъ и Константинополь имѣли каждый особаго префекта, называвшагося городскимъ. Изъ числа викаріевъ самыми старшими по почету были викарій Ахаіи и викарій Египта. Каждый годъ происходили

съѣзды депутатовъ въ каждой провинціи; эти собранія депутатовъ передавали префекту свои просьбы объ улучшеніяхъ, какія считали надобными.

2. Войско.

2. Въ прежнія времена правители областей имѣли начальство надъ войсками въ нихъ; это давало правителямъ возможность производить возстанія, вело къ междоусобіямъ. Потому уже до Константина нѣкоторые императоры отдѣляли гражданское управленіе областями отъ начальства надъ войскомъ. Чтобы навсегда упрочить спокойствіе государства и сдѣлать престолъ незыблемымъ, Константинъ постановилъ общій ненарушимый законъ, что гражданскіе правители неимѣютъ начальства надъ войсками. Военное управленіе, совершенно отдѣленное отъ гражданскаго, было поручено двумъ главнокомандующимъ: одинъ начальствовалъ всею конницею, другой всею пѣхотою. Корпусами войскъ, находившимися въ областяхъ имперіи начальствовали comites и duces (изъ названія должности слово comes сдѣлалось впослѣдствіи титуломъ, который теперь соотвѣтствуетъ титулу графъ: тоже произошло съ названіемъ должности dux: оно стало титуломъ, соотвѣтствующимъ титулу герцогъ). Когда имперія раздѣлилась на восточную и западную, въ каждой былъ главнокомандующій конницы и главнокомандующій пѣхоты; черезъ нѣсколько времени число ихъ увеличилось, такъ что всѣхъ главнокомандующихъ въ обѣихъ имперіяхъ было восемь. При военачальникахъ состояли многочисленные администраторы, завѣдывавшіе военнымъ судопроизводствомъ. Войска были раздѣлены на дворцовыя и пограничныя. Это распредѣленіе имѣло очень вредныя послѣдствія. Дворцовыя войска получали болѣе высокое жалованье, имѣли разныя другія преимущества надъ пограничными, потому презирали ихъ и, будучи размѣщены по большимъ городамъ внутри имперіи, вели изнѣженную жизнь, отвыкали отъ строгой дисциплины. Гиббонъ говоритъ: воины мало по малу утрачивали военныя качества, привыкали къ порокамъ мирной жизни; они или занимались ремеслами, или разслабляли себя банями и театрами; стали пренебрегать военными упражненіями, привыкли къ разборчивости въ пищѣ, къ щегольству и, внушая ужасъ мирному населенію своимъ буйствомъ, сами дрожали при вторженіяхъ варваровъ. Пограничныя войска негодовали на то, что при службѣ болѣе трудной и опасной они получаютъ меньше жалованья и пользуются меньшимъ почетомъ, нежели дворцовыя; потому служили неохотно и, въ случаяхъ войны, часто уходили изъ-подъ знаменъ, присоединялись къ врагамъ и вмѣстѣ съ ними грабили государство. Населеніе имперіи имѣло отвращеніе отъ военной службы, такъ что многіе уродовали себя, чтобъ избавиться отъ нея; потому стало необходимо принимать варваровъ въ легіоны. Ряды войска все больше и больше наполнялись германцами и скиѳами. Эти полудикіе иноземцы стали получать самыя важныя военныя и даже гражданскія должности, что, разумѣется, вредило образованности: варвары высоко поднявшіеся по службѣ усвоивали только внѣшнія формы культуры, оставаясь по своимъ понятіямъ и нравамъ дикарями. Часто поступали на службу имперіи цѣлыя племена варваровъ; ихъ воины составляли особые вспомогательные отряды. Эти чужеземцы сохраняли на римской службѣ свои племенныя чувства, и часто случалось, что они должны были сражаться съ соплеменниками; разумѣется, они при всякой возможности присоединялись къ этимъ врагамъ государства, потому все больше входило въ обычай то средство удерживать варваровъ отъ нападеній, которое употреблялось и прежде; имъ давали подарки, назначали ежегодное вознагражденіе за соблюденіе мира. Но въ римскомъ войскѣ все еще оставались старыя военныя преданія, держались остатки прежней дисциплины, и до самаго паденія государства легіоны его были

одушевлены чувствомъ своего превосходства надъ варварами и сражались храбро.

3. Придворные сановники.

3. Къ высшему разряду сановниковъ, къ „свѣтлымъ“, illustres, принадлежали, какъ мы знаемъ, кромѣ префектовъ и главнокомандующихъ, семь должностныхъ лицъ, находившихся при особѣ императора, охранявшихъ его безопасность и завѣдывавшихъ администраціею и финансами; это были: 1) Эвнухъ, завѣдывавшій дворцомъ и штатомъ личной прислуги императора „начальникъ священной опочивальни“ (praepositus sacri cubiculi). Ему были подчинены завѣдующій священной опочивальней (primicerius sacri cubiculi) и помощники этого завѣдующаго (cubicularii); начальникъ стана священнаго дворца (comes castrensis sacri palatii), подъ начальствомъ котораго были многочисленные молодые царедворцы, составлявшіе личную прислугу императора; завѣдующій императорскимъ столомъ, завѣдующій императорскими винами, завѣдующій освѣщеніемъ дворца, начальникъ императорскаго гардероба (comes sacrae vestis), тридцать „хранителей молчанія“ (Silentiarii) и огромная толпа низшихъ придворныхъ. 2) Начальникъ военной и гражданской службы при дворцѣ (magister officiorum) завѣдывалъ аудіенціями, былъ начальникомъ тѣлохранителей, принималъ просьбы, апелляціи, другіе документы, адресуемые на имя императора; переписку по этимъ дѣламъ вели письмоводители опочивальни (chartularii cubiculi), раздѣленные на четыре канцеляріи (scrinia); начальникъ дворцовой службы завѣдывалъ также всѣми арсеналами и военными мастерскими и рѣшалъ дѣла, возникавшія по придворному вѣдомству. Ему были подчинены курьеры („агенты“), развозившіе по провинціямъ императорскіе эдикты и бывшіе съ тѣмъ вмѣстѣ шпіонами; эти „очи государя“ были притѣснителями должностныхъ лицъ и мучителями народа; ихъ сначала было нѣсколько сотъ, потомъ число ихъ возросло до 10,000. 3) Квесторъ священнаго дворца составлялъ законы и писалъ другіе документы, исходившіе отъ имени императора. 4) Государственный казначей (comes sacrarum largitionum) завѣдующій императорскими щедротами, управлялъ государственными финансами, завѣдывалъ торговлей, промышленностью, чеканкой монеты и проч. Подъ его начальствомъ было множество служащихъ, раздѣленныхъ на одиннадцать канцелярій. 5) Завѣдующій частной собственностью императора (comes rerum privatarum divinae domus) управлялъ обширными земельными владѣніями императора, которыя были разбросаны по всему государству; особенно много было ихъ въ Каппадокіи; обширныя пахотныя земли и конскія пастбища, принадлежавшія Команскому храму жреческаго государства, перешли по его уничтоженіи въ собственность императора. Этотъ сановникъ имѣлъ подъ своимъ начальствомъ четыре канцеляріи и множество управляющихъ имѣніями государя. 6 и 7) Начальникъ придворной конницы и начальникъ придворной пѣхоты (comites domesticorum equitum et peditum), командовали войсками, охранявшими дворецъ и особу императора; они были преемниками преторіанскихъ префектовъ и часто назначались главнокомандующими на войнахъ.

4. Налоги.

4. Для покрытія громадныхъ государственныхъ расходовъ необходимы были обременительные налоги. Прежніе источники доходовъ были обширныя государственныя земли, доходъ отъ чеканки монеты; принадлежавшія государству солеварни, рудники, каменоломни и проч.; таможенныя пошлины, патентный налогъ; пошлина въ пять процентовъ съ цѣны невольниковъ, отпускаемыхъ на волю, и съ наслѣдствъ. Эти налоги были теперь недостаточны, потому было установлено много новыхъ. Прежде императорамъ подносились подарки, при вступленіи на престолъ и при каждомъ радостномъ событіи въ императорскомъ семействѣ; теперь эти

подарки были сдѣланы податью. Діоклеціанъ ввелъ поземельный налогъ, при Константинѣ онъ былъ увеличенъ и подведенъ подъ болѣе строгія и широкія правила. Онъ взимался со всякой недвижимой собственности, съ рабовъ и скота; часть его была взимаема деньгами, часть натурой. Для опредѣленія величины этого налога производилась каждыя 15 лѣтъ перепись и оцѣнка всей собственности, ему подлежащей. Первая такая перепись была произведена 1-го сентября 312 года. Годы, въ которые производились эти переписи, назывались индиктіонными. Императоръ подписывалъ пурпурными чернилами эдиктъ, опредѣлявшій, какую сумму налога должна уплачивать каждая область; это и называлось индиктіономъ (indictio, „указаніе“). Правители областей разсылали этотъ документъ по округамъ областей, распредѣляя сумму налога соразмѣрно ихъ населенію. Богатѣйшіе землевладѣльцы избирали въ каждомъ городѣ или округѣ декуріоновъ, которые вмѣстѣ съ табуляріями (императорскими агентами, дѣлавшими перепись имущества) опредѣляли сумму, какую долженъ заплатить деньгами и натурой каждый землевладѣлецъ; сборщики налоговъ взимали эти суммы. Декуріоны отвѣчали своимъ имуществомъ за исправность взноса; всѣ недоимки по ихъ округу или городу взыскивались съ нихъ. Эта обременительная обязанность была страшна всѣмъ; притомъ на декуріонахъ лежали другіе тяжелые расходы; потому каждый всячески старался уклониться отъ должности декуріона. Свободные люди, не имѣвшіе поземельной собственности и не платившіе индиктіоннаго налога—купцы, ремесленники, свободные чернорабочіе и даже публичныя женщины—платили промышленный или поголовный налогъ, размѣръ котораго опредѣлялся на четырехлѣтніе сроки. Кромѣ того, были особенные налоги съ сенаторовъ (стран. 539), пошлины за пожалованіе должностей и титуловъ; производство шелковыхъ и льняныхъ тканей, окраска ихъ, оружейное дѣло—были монополіями; право заниматься ими покупалось. Обременительность налоговъ и притѣсненія, какими сопровождалось ихъ взиманіе, имѣли своимъ послѣдствіемъ то, что города пришли въ упадокъ, землевладѣльцы и промышленники обѣднѣли, а свободные поселяне записывались въ число людей подвластныхъ крупнымъ землевладѣльцамъ, чтобъ избавиться отъ налоговъ, падавшихъ на свободныхъ домохозяевъ. Обѣднѣнію содѣйствовали частыя междоусобія и опустошительныя нашествія варваровъ. Чтобы не уменьшались государственные доходы надобно было прибѣгать къ очень несправедливымъ и стѣснительнымъ мѣрамъ; такъ напримѣръ сынъ былъ обязанъ заниматься ремесломъ отца, и у людей была отнята свобода выбора профессіи.

Отношенія Константина къ христіанству.

Послѣ побѣды надъ Лициніемъ, бывшей также побѣдою христіанства надъ язычествомъ, Константинъ все яснѣе и яснѣе высказывалъ свою склонность къ христіанству, но не становился во вражду къ прежней народной религіи и собственно говоря до конца жизни сохранялъ нейтралитетъ, какого держался въ началѣ. Онъ отлагалъ свое крещеніе до послѣднихъ часовъ своей жизни, удерживалъ за собою санъ верховнаго первосвященника, соединенный съ саномъ императора, подобно своимъ предшественникамъ воздавалъ божеское почитаніе Непобѣдимому солнцу, бывшему олицетвореніемъ всемогущества императоровъ; и мы уже говорили, что онъ отдалъ свою новую столицу подъ покровительство вмѣстѣ и богинѣ Счастія и Кресту. Памятникомъ этой сдержанности и неопредѣленности религіоз-

ной системы Константина служатъ тріамфальныя ворота, поставленныя сенатомъ и народомъ римскимъ въ честь ему послѣ побѣды у Мильвіева моста и покрытыя украшеніями, взятыми съ прежнихъ памятниковъ: подъ нынѣшней надписью ихъ «По внушенію Бога» еще проглядываетъ прежняя надпись «По волѣ всевышняго, всеблагого Юпитера».

Итакъ видѣніе Креста, явившееся Константину, какъ онъ говорилъ, передъ битвой у Мальвіева моста, не отклонило его вполнѣ отъ прежней религіи. Онъ сдѣлалъ монограмму имени Христа изображеніемъ на знамени своего войска, вдѣлалъ въ свой шлемъ одинъ изъ гвоздей, которыми пригвозденъ былъ ко кресту Христосъ, вдѣлалъ другой въ удила своего коня. Но продолжалъ чеканить монету съ изображеніями прежнихъ боговъ и въ особенности Непобѣдимаго солнца; есть и законы, показывающіе, что онъ никогда не переставалъ вѣрить въ силу прежнихъ боговъ. Онъ издавалъ запрещенія вопрошать оракуловъ, совершать языческія таинства, приносить жертвы, но смотрѣлъ сквозь пальцы на нарушеніе этихъ постановленій и нѣсколько разъ подтверждалъ на вѣчныя времена привилегіи языческихъ жрецовъ провинціи Африки.

Только въ послѣднее десятилѣтіе своей жизни Константинъ отступилъ отъ роли нейтральнаго правителя, предоставляющаго одинаковыя права обѣимъ религіямъ, и сталъ выказывать себя безусловнымъ покровителемъ христіанства. Онъ повелѣлъ праздновать воскресный день (надобно впрочемъ припомнить, что этотъ день священный для христіанъ былъ у язычниковъ посвященъ богу солнца); онъ ввелъ христіанскихъ епископовъ въ число своихъ приближенныхъ, совѣтовался съ ними по религіознымъ дѣламъ, убѣждалъ ихъ заниматься науками, чтобы сдѣлаться людьми способными бороться съ язычествомъ при помощи ученыхъ знаній; произносилъ публичныя рѣчи по религіознымъ дѣламъ христіанъ. Онъ взялъ драгоцѣнныя вещи изъ нѣкоторыхъ языческихъ храмовъ для украшенія Византіи, велѣлъ разрушить нѣкоторые храмы за происходившіе въ нихъ безнравственные обряды, какъ напримѣръ храмы богини природы въ Афакѣ на Ливанѣ и въ Геліополѣ; велѣлъ разрушить нѣкоторые другіе за обманы ихъ жрецовъ, какъ напримѣръ храмъ Асклепія «Обольстителя душъ» въ киликійскомъ городѣ Эгахъ. Разрушая языческіе храмы, онъ строилъ христіанскія церкви въ Палестинѣ и другихъ областяхъ.

Вмѣстѣ съ своею матерью Еленою, въ 326 году крестившейся въ Іорданѣ, Константинъ построилъ въ Святой землѣ нѣсколько церквей. На томъ мѣстѣ, гдѣ былъ Гробъ Господень, стоялъ храмъ Афродиты, онъ былъ сломанъ, пещера Гроба была окружена колоннадами и подлѣ нея построена высокая, обширная мраморная церковь съ двойной колоннадою; скоро туда стали собираться на праздникъ Пасхи многочисленные богомольцы изъ другихъ странъ. Елена построила церкви въ Виѳлеемѣ на томъ мѣстѣ, гдѣ родился Спаситель, и на горѣ Элеонской; въ дубравѣ Маврійской, гдѣ совершали богослуженіе іудеи, христіане и арабы, было оставлено только христіанское богослуженіе.

Константинъ усердно заботился о томъ, чтобъ обезпечить матеріальное положеніе христіанскихъ церквей и духовенства. Онъ велѣлъ обратить часть общиннаго имущества на содержаніе церквей и духовенства, отдалъ церквамъ доходы нѣкоторыхъ языческихъ храмовъ, разрѣшилъ дѣлать завѣщанія въ пользу церквей или духовныхъ лицъ, дозволилъ церквамъ владѣть недвижимой собственностью, призналъ христіанское духовенство особымъ сословіемъ (клиромъ), далъ ему разныя привилегіи, какъ напримѣръ право суда по религіознымъ дѣламъ, по процессамъ относительно браковъ и завѣщаній освободилъ его отъ налоговъ, отъ обязанности занимать свѣтскія должности, отъ военной службы; сдѣлавшись привилегированнымъ сословіемъ, духовенство заняло высокое положеніе въ обществѣ. Константинъ нашелъ духовенство ужь имѣющимъ крѣпкую организацію, такъ что или долженъ былъ опираться на него, или ждать, что оно станетъ враждебно ему. Потому онъ далъ духовенству всевозможныя доказательства своей благосклонности и предоставилъ ему участіе въ управленіи общественными дѣлами; взамѣнъ того, духовенство стало усердно поддерживать Константина и совершенно игнорировало то, что онъ не вполнѣ отказывается отъ язычества. Итакъ духовенство стало особымъ сословіемъ, завѣдующимъ религіозными дѣлами, школами, благотворительными учрежденіями; естественно было, что развилось его іерархическое устройство и что низшіе разряды духовныхъ лицъ были поставлены въ полную зависимость отъ высшихъ. Воздержаніе отъ брака было признано на первомъ вселенскомъ соборѣ (въ 325 году) или обязанностью епископовъ, или, по крайней мѣрѣ, добродѣтелью ихъ; такимъ образомъ для духовенства были отмѣнены законы, подвергавшіе денежнымъ штрафамъ не вступающихъ въ бракъ.

Союзъ церкви и свѣтской власти.

Возростающее могущество церкви и духовенства ограничило власть свѣтскаго правительства; духовенство взяло подъ свое руководство возвышеннѣйшія стороны человѣческой жизни; но, взамѣнъ присвоенія себѣ нѣкоторой правительственной власти, христіанская церковь окружила императора ореоломъ божественной святости: она давала ему торжественное освященіе, и онъ пріобрѣлъ право называть себя государемъ «божіею милостью». Въ первое время по принятіи христіанства императоромъ онъ считался «всеобщимъ епископомъ», «средоточіемъ церкви»; благоговѣніе къ нему было сдѣлано религіозной обязанностью. «Когда императоръ получилъ санъ августа», говорится въ одномъ изъ христіанскихъ произведеній того времени, «то всѣ обязаны повиноваться и неутомимо служить ему, какъ воплощенному богу; потому что и въ мирѣ, и на войнѣ человѣкъ служитъ Богу,

когда вѣрно повинуется тому, кто владычествуетъ по волѣ божіей». Императоръ утверждалъ избираемыхъ епископовъ, созывалъ соборы, руководилъ ихъ совѣщаніями, утверждалъ ихъ рѣшенія. Такимъ образомъ духовенство стало покорнымъ орудіемъ императора и въ особенности усердно служило ему, когда онъ былъ усерденъ къ православію и своею свѣтскою властью помогалъ церкви подавлять ереси.

При Константинѣ явились еще только зачатки этихъ новыхъ отношеній. Въ догматическихъ спорахъ между христіанами онъ вообще соблюдалъ нейтралитетъ, какъ въ предыдущіе годы занималъ нейтральное положеніе между христіанами и язычниками. Онъ основывалъ благотворительныя учрежденія; еще больше, нежели онъ, занималась этимъ его мать. Онъ и тутъ руководился политическимъ разсчетомъ.

Крещеніе Константина и смерть его. 337.

На Пасху 337 года Константинъ занемогъ. Минеральныя воды въ небольшомъ виѳинскомъ городѣ Дрепанѣ, который онъ расширилъ и назвалъ въ честь своей матери Еленополемъ, не принесли ему пользы. Онъ велѣлъ вписать себя въ число катехуменовъ (поучаемыхъ вѣрѣ) и переѣхалъ около времени Пятидесятницы въ одно изъ предмѣстій Никомедіи. Тамъ на одрѣ смерти онъ принялъ крещеніе отъ епископа Евсевія, приверженца аріанства. Прежде онъ думалъ креститься въ Іорданѣ, но болѣзнь уже не позволяла отлагать дѣло. Вскорѣ по принятіи крещенія онъ скончался на 65 году жизни. Онъ былъ правителемъ части государства, потомъ всей имперіи 31 годъ. Его тѣло было съ необыкновеннымъ торжествомъ погребено въ церки Святыхъ апостоловъ въ Константинополѣ; тамъ поставили ему великолѣпный памятникъ. Память его прославляли и язычники, и христіане. Язычники стали воздавать ему божескія почести, а христіане превозносили его, какъ основателя христіанскаго государства и дали ему названіе Великаго. Не задолго до его смерти умерла на 80 году жизни Елена, неутомимо занимавшаяся построеніемъ церквей и дѣлами христіанской благотворительности. Понятно, что государь, основавшій новую эру въ религіозной и политической жизни имперіи, былъ предметомъ сильныхъ порицаній со стороны приверженцевъ прежняго порядка и былъ превозносимъ сторонниками новыхъ учрежденій. Безпристрастный историкъ не будетъ исключительно слѣдовать ни тому, ни другому мнѣнію; не назоветъ вѣрной характеристикой Константина ни тѣ похвалы, какими возвеличиваютъ его Евсевій и другіе христіанскіе писатели, ни суровыя порицанія, какимъ подвергаютъ его Зосимъ и Юліанъ. Въ его характерѣ много и дурного, и хорошаго. Онъ исполненъ непримиримыхъ противорѣчій. Эвтропій и авторъ «Краткаго очерка» римской исторіи, обыкновенно называемый Авреліемъ Викторомъ, справедливо говорятъ, что была большая разница между первой и второй половинами правленія Константина: въ

Характеръ Константина.

первыя десять лѣтъ онъ заслуживалъ похвалы; но съ того времени какъ сдѣлался владыкою всей имперіи, онъ сталъ жестокимъ угнетателемъ подданныхъ, расточительно награждалъ своихъ любимцевъ, предался тщеславію и пышности; измѣнилась и самая наружность его: въ молодости онъ былъ строенъ, имѣлъ при своемъ высокомъ ростѣ величественный видъ, выказывалъ отвагу, неутомимую дѣятельность, одушевлялъ войско примѣромъ своего мужества; а въ старости господствующая страсть его, честолюбіе, превратилась въ мелочное тщеславіе, онъ сталъ смѣшнымъ и жалкимъ предавшись роскоши, изнѣженности, выказывая такую любовь къ пышнымъ нарядамъ, какой страдаютъ обыкновенно только женщины, а не мужчины. Лишь въ одномъ онъ остался похожъ на прежняго Константина: до конца жизни онъ дѣйствовалъ по холодному разсчету, умѣлъ вѣрно судить о людяхъ и обстоятельствахъ, и ловко пользоваться ими, никогда не поддавался увлеченію. Онъ не стѣснялся никакими нравственными правилами въ своихъ поступкахъ, руководясь только разсчетомъ, и на религію онъ смотрѣлъ исключительно съ точки зрѣнія политической выгоды; на сторону христіанъ онъ сталъ только потому, что справедливо нашелъ ихъ партію болѣе сильной, чѣмъ языческая. Предвидя, что они одолѣютъ, онъ разсудилъ помогать имъ. Мы видѣли, что онъ безжалостно губилъ своихъ противниковъ, даже и тѣхъ, съ кѣмъ былъ соединенъ родствомъ, что по подозрѣнію или по разсчету предосторожности онъ убилъ своего племянника, еще ребенка, и даже своего сына Криспа, даровитаго и благороднаго человѣка; мы видѣли, какъ долго оставался онъ нейтральнымъ въ религіозныхъ дѣлахъ, чтобы крѣпче держать въ зависимости отъ себя и язычниковъ, и христіанъ. Принявъ крещеніе, онъ сказалъ: «Теперь исчезаетъ всякое двусмысліе»; этими словами онъ самъ призналъ, что вся его жизнь была двусмыслена. Упреки совѣсти за убійство сына и за другія злодѣйства, быть можетъ тревожили временами его душу, и быть можетъ въ эти часы тоски онъ чувствовалъ потребность искать утѣшеніе въ христіанствѣ; но если и бывали у него такіе порывы, то они были мимолетны; лесть царедворцевъ и придворныхъ богослововъ скоро заглушала въ немъ голосъ совѣсти. По крайней мѣрѣ мы знаемъ, что въ кругу приближенныхъ онъ всегда былъ веселымъ собесѣдникомъ, возбуждалъ удивленіе своими остротами и насмѣшками. Много черныхъ пятенъ лежитъ на его характерѣ, но нельзя назвать не заслуженнымъ данное ему названіе «великій». Лампридій въ біографіи Геліогабала приводитъ слова Константина: «Стать императоромъ—дѣло судьбы, но кого сила рока поставила властителемъ, долженъ стараться быть достоинъ власти»; кажется это было правило, котораго держался онъ; по крайней мѣрѣ онъ дѣйствительно совершилъ въ свое долгое царствованіе много хорошаго. Всѣ тѣ границы имперіи, которыя подвергались опасностямъ вторженій,—Рейнъ, Дунай и Эвфратъ—были

энергично защищаемы; по южному берегу Дуная Константинъ построилъ рядъ укрѣпленій. Шестидесятилѣтній старикъ, онъ самъ пошелъ за Дунай на готовъ, одолѣвавшихъ римскіе отряды, и нанесъ имъ пораженіе въ ихъ собственной землѣ. Онъ далъ землю въ Панноніи вандаламъ, жившимъ подъ управленіемъ царскаго рода Асдинговъ въ плодородной гористой странѣ по верховью Тисы и по Марошу между сарматами (язигами) но вытѣсненнымъ оттуда готами. Послѣ того онъ сталъ дѣлать громадныя приготовленія къ походу на персовъ, но умеръ, не кончивъ ихъ и войну началъ ужъ его преемникъ. Многочисленныя постановленія Константина свидѣтельствуютъ о его похвальной заботливости улучшить судопроизводство и администрацію. Развившаяся при немъ система налоговъ довела до обѣдненія многія области и города; привиллегіи, которыя далъ онъ высшимъ сановникамъ, ихъ потомству, христіанскому духовенству и отставнымъ воинамъ, уничтожили равенство гражданъ передъ закономъ; но онъ старался благоразумными законами ограничить произволъ администраторовъ и судей, защитить подданныхъ отъ ихъ взяточничества. Онъ не могъ вызвать къ жизни умершую талантливость, не могъ поднять упавшія искусства и литературу, оживить изсохшую поэзію; но онъ покровительствовалъ развитію практическихъ знаній: юриспруденціи, медицины, реторическаго краснорѣчія; старался поднять до прежняго высокаго состоянія юридическія школы и другія научныя учрежденія въ Аѳинахъ, Римѣ, Беритѣ, въ другихъ городахъ, основывалъ ихъ въ Константинополѣ. Пошлины и монополіи сильно мѣшали свободному развитію промышленности; но она всетаки оживилась благодаря спокойствію въ государствѣ и тѣмъ удобствамъ для торговли, какія были даны улучшеніемъ дорогъ и почтъ. Христіанство Константина осталось до конца не вполнѣ очищено отъ языческихъ примѣсей, но въ послѣдніе годы жизни онъ выказывалъ симпатію къ истинамъ христіанскаго ученія и, доставивъ торжество христіанской церкви, далъ новое направленіе умственной жизни человѣчества. Онъ былъ великій полководецъ и организаторъ, превосходно умѣлъ понимать идеи своего времени и пересоздавать сообразно имъ государственныя учрежденія. Менѣе всего можно хвалить его отношенія къ семейству. Онъ предоставлялъ своей матери слишкомъ большое вліяніе на дѣла и подъ конецъ жизни подчинился ей. Онъ позаботился обучить своихъ сыновей военному дѣлу; они стали мастерами въ фехтованіи, верховой ѣздѣ, во всѣхъ гимнастическихъ упражненіяхъ, имѣли своими наставниками знаменитыхъ юристовъ и богослововъ; но были испорчены вліяніемъ льстецовъ и роскошной изнѣженностью придворной жизни; отецъ дозволялъ имъ пріобрѣсти дурныя привычки; а раздѣливъ между ними области, соединеніе которыхъ подъ одну власть стоило ему столькихъ трудовъ и было куплено страшнымъ кровопролитіемъ, онъ предалъ государство и свою семью на жертву новымъ бѣдствіямъ.

---

2. Имперія при сыновьяхъ Константина.

Кровавое начало правленія новыхъ государей.

Константинъ повелѣлъ, чтобы имперію раздѣлили между собою три сына его и дали нѣкоторыя провинціи въ управленіе двумъ его племянникамъ. Старшему изъ своихъ сыновей, Константину, онъ назначилъ западную часть государства, которую наслѣдовалъ отъ своего отца: Британнію, Галлію, Испанію и Мавританію; второму сыну, Констанцію, онъ далъ Азію и Египетъ; а третьему, Константу, Италію, Сицилію и провинцію Африку; одинъ изъ его двухъ племянниковъ Далмацій долженъ былъ получить Иллирикъ, Македонію и Грецію, а другой, Ганнибаліанъ, Понтъ, Каппадокію и Арменію. Но Констанцій какъ только похоронилъ тѣло отца—велѣлъ убить Далмація и Ганнибаліана, велѣлъ убить двухъ своихъ дядей, братьевъ умершаго императора, нѣсколькихъ другихъ родственниковъ, префекта тѣлохранителей Аблавія, бывшаго всемогущимъ при Константинѣ, и нѣсколькихъ вельможъ, по своему богатству и высокому положенію казавшихся ему опасными соперниками. Предлогомъ этихъ убійствъ былъ выставленъ вымышленный заговоръ; на убитыхъ клеветали, будто они отравили Константина; другимъ лживымъ оправданіемъ убійства была выдумка, что войско не хотѣло признавать государями никого, кромѣ Константина. Сыновья Юлія Констанція, одного изъ убитыхъ дядей, Галлъ и Юліанъ, были пощажены; Галлъ потому, что былъ тяжело боленъ и казался близокъ къ смерти, а Юліанъ потому, что былъ еще ребенокъ. Области, назначенныя Далмацію и Ганнибаліану, раздѣлили между собою Констанцій и Константъ, оба еще юноши: Констанцію было тогда 20 лѣтъ, Константу 17.

Констанцій 337—361. Персидскія войны 338—350. Сапоръ II 309—380.

Констанцій во все продолженіе своего царствованія былъ занятъ войною съ персами, въ которой иногда самъ начальствовалъ войскомъ. Нападеніе персовъ грозило государству еще при Константинѣ. Сапоръ II, сынъ Гормизда, внукъ того Нарсеса, котораго принудили къ постыдному миру Галерій и Діоклеціанъ (стр. 529), желалъ загладить побѣдами стыдъ, нанесенный этимъ миромъ персидскому имени. Хотя онъ былъ воспитанъ въ гаремѣ, но былъ мужественный государь, храбрость и умъ котораго признавали даже враги. Онъ сначала воевалъ съ кочевыми арабскими племенами, возстановилъ честь персидскаго оружія покореніемъ ихъ, пріобрѣлъ себѣ храбрыхъ союзниковъ, и начавшіяся въ Арменіи смуты дали ему надежду овладѣть Атропа-

теной, отнятой у персовъ римлянами. Тиридатъ, царствовавшій подъ покровительствомъ римлянъ, хотѣлъ упрочить за собою дружбу Константина введеніемъ христіанства въ Арменіи, но возстановилъ этимъ противъ себя многихъ вельможъ, не хотѣвшихъ отказаться отъ многобожія и многоженства. Опираясь на эту партію, Сапоръ достигъ своей цѣли. Хосрой, сынъ Тиридата, человѣкъ безхарактерный, проводившій жизнь во дворцѣ, построенномъ среди лѣса и занимавшійся тамъ охотой и не заботившійся кромѣ этого ни о чемъ другомъ, уступилъ Хосрою Атропатену и обѣщался платить дань. Римское войско приближалось тогда къ театру войны, но и это не ободрило его.

342. На берегахъ Тигра и въ степяхъ Месопотаміи, гдѣ уже столько разъ бились римскіе легіоны съ тяжелой конницей Востока, шла теперь продолжительная война. Было дано девять кровопролитныхъ битвъ, но ни та, ни другая сторона не одержала перевѣса.

Сраженіе при Сингарѣ 348. Въ сраженіи при Сингарѣ, среди пустынной месопотамской равнины, римляне побѣдили, но, занявшись грабежомъ персидскаго стана, были при наступленіи ночи застигнуты врасплохъ воротившимися врагами, обратились въ бѣгство и цѣлыми массами падали подъ копьями и стрѣлами персовъ. Позоръ былъ тѣмъ больше, что христіанскій государь обезчестилъ себя, велѣвъ убить взятаго въ плѣнъ сына Сапора. Но Нисибида оборонялась отъ персовъ съ мужествомъ, напоминавшимъ славныя дѣла республиканскаго времени.

338, 346, 350. Жители и гарнизонъ этой крѣпости три раза выдержали осаду. При послѣдней осадѣ персы облегчили себѣ взятіе крѣпости искусственнымъ наводненіемъ, но всетаки были отбиты. Наконецъ Сапоръ былъ отвлеченъ отъ продолженія войны на западѣ нападеніемъ старыхъ враговъ Персіи, массагетовъ, на сѣверо-восточную часть его царства. Событія, происходившія на западѣ римской имперіи, заставляли и Констанція желать прекращенія войны: онъ хотѣлъ вести войско въ Галлію; такимъ образомъ было заключено перемиріе, освободившее Нисибиду отъ осады и возстановившее прежнюю границу имперіи.

Смерть Константина 340. Смерть Константа 350.

Мирныя отношенія между сыновьями Константина Великаго держались не долго. Старшій изъ нихъ, Константинъ, досадовалъ на братьевъ за то, что они не дали ему доли, когда дѣлили области убитыхъ двоюродныхъ братьевъ. Онъ требовалъ, чтобы Константъ уступилъ ему провинцію Африку. Костантъ не согласился, Константинъ пошелъ на него, занялъ Сѣверную Италію до Аквилеи, перешелъ Юлійскіе Альпы, преслѣдуя брата, ушедшаго въ дунайскія провинціи, но попалъ въ засаду и былъ убитъ. Его области покорились побѣдителю, который такимъ образомъ сталъ владѣть двумя третями отцовскаго государства. Но, кромѣ наслѣдственнаго права, признаваніе котораго еще не упрочилось въ умахъ, Константъ не имѣлъ никакихъ качествъ нужныхъ для того, чтобъ удержаться на престолѣ. Онъ былъ высокомѣренъ и развратенъ, давалъ преобладающее вліяніе на

дѣла товарищамъ и прислужникамъ своего пошлаго распутства, они грабили и злодѣйствовали. Его безславное правленіе длилось 13 лѣтъ. Наконецъ составился въ войскѣ заговоръ; мятежъ вспыхнулъ, когда Константъ находился въ Галльскомъ городѣ Августодунѣ (Отёнѣ); онъ бѣжалъ, былъ настигнутъ и убитъ въ испанскомъ прибрежномъ городѣ Геленѣ (прежде называвшемся Иллиберисомъ). Императоромъ сталъ глава заговорщиковъ Магненцій, начальникъ тѣлохранителей, называвшихся іовіанцами и геркуліанцами (стр. 523). Онъ грабилъ страну, чтобы обогащать своихъ воиновъ.

Магненцій и Ветраніонъ 350.

Ветраніонъ, главнокомандующій иллирскихъ и ѳракійскихъ войскъ, опытный полководецъ, состарѣвшійся въ походахъ, человѣкъ не знатнаго происхожденія и ограниченнаго ума, выступилъ на защиту наслѣдственныхъ правъ династіи Константина Великаго; но Констанція, вдова Ганнибаліана, женщина честолюбивая, убѣдила его принять санъ императора, надѣясь достичь владычества при его содѣйствіи. Констанцій выказалъ себя въ этомъ трудномъ положеніи достойнымъ сыномъ Константина Великаго. Изъ трехъ пословъ, отправленныхъ Магненціемъ къ нему съ предложеніемъ союза, онъ велѣлъ двухъ заковать въ цѣпи, а третьяго отпустилъ съ гордымъ отвѣтомъ. Онъ пошелъ сначала на Ветраніона. Войска сошлись на Сардикской равнинѣ; въ виду ихъ Констанцій вступилъ въ переговоры съ Ветраніономъ, человѣкомъ необразованнымъ, выучившимся читать только въ старости, и доказывалъ свое наслѣдственное право на престолъ такъ краснорѣчиво, что войска Ветраніона, состоявшія большею частью изъ германцевъ, у которыхъ князья были выбираемы изъ одного рода, нашли доводы Констанція справедливыми; ихъ начальники были подкуплены Констанціемъ, возбуждали ихъ перейдти на его сторону, и они передались ему. Ветраніонъ бросился къ его ногамъ, прося пощады; Констанцій дозволилъ неопасному для него старику доживать свой вѣкъ въ Прусѣ и далъ ему богатое содержаніе.

Война съ Магненціемъ. 351—353.

Для Константина было большимъ счастіемъ то, что онъ быстро одолѣлъ Ветраніона, потому что къ той мѣстности, гдѣ встрѣтились ихъ войска, уже приближался Магненцій, войско котораго состояло изъ людей храбрыхъ племенъ: германцевъ, галловъ, испанцевъ. Онъ надѣялся овладѣть и восточной половиной государства, взялъ приступомъ важную крѣпость Сискію, блокировалъ Сирмій и навелъ ужасъ на императора, ставшаго укрѣпленнымъ станомъ близъ Кибалиса. Констанцій послалъ краснорѣчиваго уполномоченнаго, Филиппа, предложить ему миръ и право остаться государемъ всего запада до Альпъ. Но Магненцій былъ такъ увѣренъ въ побѣдѣ; что отвѣчалъ обѣщаніемъ пощады Констанцію, если онъ немедленно откажется отъ императорскаго сана. Констанцій, въ надеждѣ на Бога, покровительствующаго справедливому дѣлу, наказывающаго злодѣевъ, пошелъ на противника, осаждавшаго крѣпость Мурсу (Эссекъ); на

широкой равнинѣ, разстилающейся передъ этимъ городомъ по правому берегу Дравы, произошла страшная битва, рѣшившая судьбу имперіи. Войска запада и востока цѣлый день бились съ геройскимъ мужествомъ: наконецъ, тяжелая конница Констанція разорвала ряды непріятеля, и германцы, не имѣвшіе латъ, массами пали подъ стрѣлами, для которыхъ высокія фигуры ихъ представляли вѣрную цѣль. Магненцій исполнялъ обязанности искуснаго полководца и храбраго воина, межь тѣмъ, какъ Констанцій весь день молился съ епископомъ Валентомъ въ одной изъ церквей Мурсы. Вечеромъ побѣжденный противникъ Констанція сбросилъ съ себя знаки императорскаго сана и бѣжалъ. Онъ ушелъ за Юлійскіе Альпы, надѣясь удержаться въ сильной приморской крѣпости Аквилеѣ. Сынъ Эвтропіи Непоціанъ, еще юноша, принялъ въ Римѣ титулъ императора. Магненцій легко одолѣвъ этотъ мятежъ, велѣлъ убить его, его мать Эвтропію и многихъ, помогавшихъ имъ. Но этимъ онъ возбудилъ такую ненависть къ себѣ въ приверженцахъ династіи Константина и во всѣхъ благородныхъ людяхъ, что итальянскіе города отворяли ворота Констанцію, какъ только приближались къ нимъ восточныя войска. Видя безнадежность своего дѣла въ Италіи, Магненцій пошелъ въ Галлію. Отрядъ восточныхъ войскъ нагналъ его при Павіи, но потерпѣлъ пораженіе, и Магненцій успѣлъ уйдти за Альпы. Но онъ уже не надѣялся побѣдить, отправилъ пословъ, умоляя Констанція о пощадѣ и предлагая совершенно отказаться отъ власти. Констанцій остался неумолимъ. Окруженный измѣнниками, Магненцій скоро увидѣлъ передъ собою одинъ выборъ: или убить себя, или быть выданнымъ неумолимому противнику. Онъ предпочелъ смерть и въ Лугдунѣ (Ліонѣ) бросился на свой мечъ. Его примѣру послѣдовалъ его братъ Деценцій, котораго онъ сдѣлалъ своимъ соправителемъ. Приверженцы узурпатора подверглись жестокому преслѣдованію. Отъ пиктской стѣны до Мавританскихъ горъ свирѣпствовали пытки, казни, конфискаціи. Съ виновными погибали и невинные, которымъ враги хотѣли мстить за прошлое, или богатство которыхъ возбуждало алчность побѣдителей.

Битва при Мурсѣ 28 сентября 351.

10 августа 353.

Смерть Галла.

Но свирѣпости совершались не на одномъ Западѣ. На Востокѣ въ это время погибли жертвами злобы Констанція нѣсколько человѣкъ его фамиліи. Во время войны съ Магненціемъ Константинъ далъ санъ цезаря своему племяннику Галлу, красивому молодому человѣку съ русыми шелковистыми волосами, сдѣлалъ его своимъ соправителемъ на Востокѣ, женилъ его на своей сестрѣ Константинѣ, назначилъ ему резиденціей великолѣпный городъ Антіохію. До той поры онъ жилъ съ братомъ Юліаномъ подъ стражей, какъ въ тюрьмѣ, въ старомъ укрѣпленномъ дворцѣ каппадокійскихъ царей. Жизнь подъ арестомъ, въ постоянной опасности быть казненнымъ раздражила его; онъ принялъ власть съ недовѣріемъ къ императору, не довѣрялъ онъ и ни-

Мартъ 351.

кому. Его жена усиливала его раздраженіе. Онъ сталъ править жестоко, мстить людямъ, обижавшимъ его, грабилъ и тиранствовалъ. До Констанція доходило много жалобъ на него, но пока Магненцій былъ живъ, Констанцій не предпринималъ ничего противъ Галла. Когда Магненцій закололся, Констанцій, по совѣту эвнуха Евсевія, бывшаго начальникомъ дворца и руководившаго поступками императора, послалъ двухъ сановниковъ въ Антіохію съ порученіемъ разсмотрѣть положеніе дѣлъ на Востокѣ и отмѣнить злоупотребленія. Своей гордостью они раздражили Галла и его жену; агенты Галла подняли противъ нихъ жителей Антіохіи. Они были убиты и, покрытыя сотнями ранъ, тѣла ихъ были брошены въ Оронтъ. Но Констанцій скоро отмстилъ Галлу. Константина умерла раньше, чѣмъ пришло время мщенія. Галлъ былъ отозванъ изъ Антіохіи и запертъ въ тюрьму въ истрійскомъ городѣ Полѣ. Евсевій пріѣхалъ туда, подвергъ его допросу, велѣлъ связать ему руки на спинѣ и отрубить голову. Такъ одинъ изъ сыновей Константина довершалъ истребленіе своихъ родственниковъ.

Декабрь 354.

Юліанъ.

Констанцію совѣтовали убить и Юліана. Эвнухи говорили императору, что Юліанъ станетъ мстить ему. Императоръ сослалъ его изъ Никомедіи въ Медіоланъ; придворные эвнухи окружили его шпіонами, чтобы получить матеріалъ для клеветы и погубить его. Но онъ держалъ себя очень осторожно; такъ напримѣръ, при горячей преданности язычеству, онъ показывалъ себя усерднымъ христіаниномъ; императрица Евсевія, благородная женщина, вступилась за него передъ мужемъ, разстроила интриги эвнуховъ и успѣла охранить руки мужа чистыми отъ крови этого родственника. Констанцій дозволилъ Юліану поселиться въ Аѳинахъ для окончанія ученія. Юліанъ жилъ тамъ въ кругу реторовъ и философовъ, бесѣдовалъ съ ними въ густыхъ аллеяхъ Академіи, страстно полюбилъ систему Платона, съ которой еще въ Никомедіи ознакомился по рукописямъ лекцій Ливанія, и сдѣлался восторженнымъ поклонникомъ Геліоса, могучаго бога, которому приписывалъ свое спасеніе и молился съ пламенной вѣрой.

Назначеніе Юліана цезаремъ.

355.

Въ это время сильные враги грозили римской имперіи со всѣхъ сторонъ. Берега Рейна опустошали германцы. Войсками тамъ начальствовалъ Сильванъ, франкъ, находившійся въ римской службѣ; онъ энергически отражалъ ихъ, но, оклеветанный передъ императоромъ, получилъ вмѣсто заслуженной награды обиду и задумалъ поднять мятежъ. Вѣроломнымъ убійствомъ его агенты Констанція избавили имперію отъ междоусобія; но германцы стали нападать сильнѣе прежняго. Императоръ и его полководцы должны были постоянно биться съ ними на верхнемъ Рейнѣ и у Боденскаго озера. На дунайской границѣ римляне съ трудомъ отбивались отъ квадовъ и отъ ихъ сарматскихъ союзниковъ, поселившихся подлѣ нихъ въ покинутой рим-

лянами Дакіи. На Востокѣ неутомимый Сапоръ постоянно дѣлалъ нападенія на сосѣднія области, такъ что императоръ принужденъ былъ послать противъ него всѣ вйска изъ Малой Азіи, и она осталась беззащитной въ добычу хищнымъ исаврянамъ. Они вышли изъ своихъ горныхъ укрѣпленій и стали опустошать всю страну до Селевкіи. Констанцій увидѣлъ, что не можетъ одинъ управлять военными дѣйствіями на всѣхъ театрахъ войны, потому послушался совѣтовъ Евсевіи, назначилъ Юліана цезаремъ и правителемъ галльскихъ областей. Юліану было тогда 25 лѣтъ. Съ печалью оторвался онъ отъ ученыхъ занятій въ Аѳинахъ и поѣхалъ въ Медіоланъ къ императору. Констанцій возвелъ его въ санъ цезаря передъ глазами всего войска и женилъ на своей сестрѣ Еленѣ. Промѣнявъ свой философскій плащъ на панцырь и порфиру, Юліанъ чувствовалъ себя утратившимъ свое счастье. Прежніе ученые собесѣдники его замѣнились толпою царедворцевъ, слѣдившихъ за каждымъ его шагомъ, подслушивающихъ каждое слово его, прочитывавшихъ тайкомъ переписку его. Потому онъ былъ очень радъ, когда императоръ отпустилъ его изъ дворца, поручивъ ему возстановить оружіемъ честь имперіи въ опустошаемой варварами Галліи.

Поѣздка Констанція въ Римъ и походъ его за Дунай 356—358.

По отъѣздѣ Юліана, Констанцій пробылъ въ Италіи еще полтора года. Онъ поѣхалъ въ Римъ, принялъ тамъ увѣренія сената и народа римскаго въ преданности, любовался на великолѣпныя зданія города, который прежде зналъ только по описаніямъ, и поставилъ въ память о своемъ посѣщеніи тотъ обелискъ, который украшаетъ теперь Латеранскую площадь. Изъ Рима отправился онъ защищать Дунай, навелъ пловучій мостъ черезъ эту рѣку, перешелъ на сѣверный берегъ, строго отмстилъ квадамъ за ихъ нападенія, принудилъ ихъ заключить миръ, возвратить всѣхъ плѣнныхъ, дать заложниковъ въ обезпеченіе вѣрности условіямъ договора, внушилъ страхъ передъ римскимъ оружіемъ и сарматамъ, которые были тогда ослаблены междоусобіемъ: ихъ рабы возмутились и составили особый народъ, который римляне и греки называютъ лимигантами. Сарматы заключили миръ съ римлянами. Во время переговоровъ о немъ лимиганты сдѣлали вѣроломное нападеніе, думая захватить въ плѣнъ или убить императора. Онъ истребилъ ихъ и отдалъ сарматамъ ихъ землю, простиравшуюся отъ Тисы на востокъ до владѣній тайфаловъ. Сарматскіе цари и князья дали заложниковъ и поклялись на мечахъ, которые чтили они, какъ боговъ, соблюдать миръ съ римлянами. За эти побѣды войско дало Констанцію титулъ Сарматскаго.

Новая война съ персами 359—360.

Въ Сирміѣ посолъ персидскаго царя передалъ Констанцію его требованіе, чтобъ императоръ уступилъ царю царей Сапору, брату солнца и луны, Арменію и Месопотамію. Констанцій желалъ бы не возобновлять войну съ храбрымъ Сапоромъ, но честь имперіи требовала дать мечомъ отвѣтъ на такую дерзость. Какъ только возвратился посолъ съ отказомъ Констанція, Сапоръ повелъ сильное войско въ Месопотамію. Римскихъ войскъ тамъ было мало; начальники ихъ были не согласны между собой, и персы легко завоевали бы всю Месопотамію, если бы крѣпость Амида (Діарбекръ) не задержала ихъ геройской обороной три мѣсяца передъ своими стѣнами. Каждый день они возобновляли приступы, крѣпость наконецъ была взята и, за свою мужественную оборону, залита кровью и разрушена; но потеря 30,000 ветерановъ персидскаго войска отняла у царя отвагу идти дальше. Когда пришелъ съ войсками Констанцій, онъ увидѣлъ разрушенные города и опустошенныя поля, но уже не имѣлъ случая отмстить персамъ. Безъ всякихъ успѣховъ онъ вернулся въ Антіохію.

Дѣйствія Юліана въ Галліи 356—360.

Межь тѣмъ какъ льстецы напрасно напрягали свой умъ, чтобъ извлечь изъ дѣлъ персидскаго похода матеріалъ для панегирика императору, онъ и его придворные съ неудовольствіемъ думали о славѣ, которую пріобрѣлъ въ Галліи Юліанъ. До назначенія главнокомандующимъ Юліанъ больше занимался книгами, чѣмъ оружіемъ; притомъ агенты Констанція всячески мѣшали ему интригами, затрудняли его дѣйствія, возбуждая неповиновеніе въ его помощникахъ; потому нельзя было ожидать, что онъ совершитъ славные подвиги. Но недостатокъ опытности замѣнили для него другія качества, полезныя полководцу: онъ подавалъ войску примѣръ простой жизни, умѣнья выносить всякія лишенія; его любовь къ славѣ, благородство его души, презрѣніе къ смерти, внушенное ему философіей, одушевляли воиновъ отвагой; онъ внимательно слѣдилъ за всѣмъ, возстановилъ въ войскѣ дисциплину, и уваженіе, съ какимъ онъ выслушивалъ совѣты опытныхъ военачальниковъ, въ особенности Саллюстія, пробуждало всеобщее довѣріе къ нему. Такимъ образомъ новому цезарю удалось въ четыре года возстановить безопасность по всей границѣ, черезъ которую до него прорывались варвары.

Походы Юліана на алемановъ 356—357.

Въ первомъ своемъ походѣ Юліанъ далъ нѣсколько сраженій алеманнамъ; нѣкоторыя изъ этихъ дѣлъ были удачны, другія неудачны; онъ замѣстилъ двухъ ненадежныхъ помощниковъ своихъ опытными и вѣрными людьми, возстановилъ этимъ повиновеніе себѣ и, на второмъ походѣ, далъ алеманнамъ большую битву близъ Страсбурга; римская тактика и личный талантъ Юліана одержали блистательную побѣду надъ отвагой и физической силой германцевъ; 6000 враговъ легли на полѣ сраженія; массы бѣжавшихъ утонули въ Рейнѣ. Въ числѣ плѣнныхъ находился король Кнодомаръ; была взята въ плѣнъ и его дружина. Изъ семи королей, начальствовавшихъ отрядами алеманновъ, онъ былъ самый могущественный, самый храбрый и превосходилъ всѣхъ физическою силой. Юліанъ послалъ его императору какъ живое свидѣтельство своей побѣды. Констанцій оказалъ плѣнному почетъ, велѣлъ ему жить въ Римѣ въ той части города, которая называлась «стоянкой иностранцевъ»: но онъ тосковалъ въ

плѣну и скоро умеръ. Чтобъ удержать алеманновъ отъ новыхъ набѣговъ Юліанъ два раза переходилъ за Рейнъ, провелъ свое войско въ глубину прежней Декуматской области до береговъ Майна, раззорилъ селенія алеманновъ, увезъ хлѣбъ съ ихъ полей, угналъ ихъ стада; запугалъ ихъ такъ, что они обѣщались возвратить всѣхъ римскихъ плѣнныхъ и не нарушать мира.

Походъ на франковъ 358. Въ слѣдующемъ году Юліанъ пошелъ на франковъ, занявшихъ плодородную равнину по низовью Рейна и по Маасу; они превосходили всѣхъ германцевъ страстью къ набѣгамъ и дикой отвагой. Онъ пошелъ изъ своего зимняго стана, находившагося въ Лутеціи (Парижѣ), и быстрыми переходами достигъ земли франковъ, когда они вовсе не ждали нападенія; они были такъ напуганы его внезапнымъ появленіемъ, что, проигравъ только одно сраженіе у Токсандріи (Тессендерло близъ Люттиха), отправили къ Юліану пословъ съ мольбой о пощадѣ. Хамавамъ онъ велѣлъ возвратиться въ прежнюю ихъ землю за Рейномъ, салійскимъ франкамъ дозволилъ остаться въ Брабантѣ, но они должны были сдѣлаться подданными римскаго императора и дать заложниковъ въ обезпеченіе вѣрности. Юліанъ послалъ Констанцію 600 молодыхъ франковъ, которыхъ захватилъ въ плѣнъ при взятіи двухъ укрѣпленій на Маасѣ. Императоръ опредѣлилъ ихъ на службу въ отрядѣ своихъ тѣлохранителей. Успѣху Юліана много содѣйствовалъ отважный германецъ Харіэттонъ, человѣкъ громаднаго роста и удивительной силы, поссорившійся съ своими соплеменниками, бѣжавшій къ римлянамъ и съ отважными товарищами дѣлавшій смѣлыя нападенія на франковъ. Батавы, жившіе по прежнему подъ управленіемъ своихъ князей, были принуждены признать надъ собою власть римлянъ, какъ было въ старину, и какъ въ прежнія времена были оставлены свободными отъ дани, съ обязанностью давать римлянамъ войско.

Благоразумность распоряженій Юліана. После того Юліанъ снова пошелъ за Рейнъ, чтобы принудить всѣхъ пограничныхъ германцевъ къ соблюденію мира съ римлянами. Онъ достигъ этого, побѣдивъ нѣкоторыя племена, запугавъ другія. Онъ опять прошелъ въ глубину Декуматской области и нѣсколько времени стоялъ станомъ между Кохеромъ и Якстомъ. Онъ освободилъ изъ плѣна множество римлянъ и, возвратившись въ Галлію, занялся возстановленіемъ городовъ, разрушенныхъ варварами. Покоренныя германскія племена должны были присылать работниковъ и привозить строительные матеріалы. Такимъ образомъ, были возстановлены 12 укрѣпленныхъ городовъ по Рейну отъ Майнца до устья этой рѣки. Галлія была такъ опустошена, что запасы провіанта для гарнизоновъ этихъ крѣпостей нельзя было собрать въ той мѣстности, надобно было привезти ихъ изъ Британніи. Снабженныя провіантомъ, возобновленныя крѣпости стали оплотомъ противъ нападеній варваровъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ Юліанъ усердно заботился облегчить бѣдствія народа хорошимъ судопроизводствомъ и благоразумной администраціей, чтобы возстановленое мечомъ могущество имперіи было упрочено любовью

подданныхъ; онъ успѣлъ сдѣлать много хорошаго, хотя помощники его, привыкшіе угнетать народъ, мѣшали ему. Благодаря миру и правосудію, земледѣліе, промышленность и торговля оправились; города ожили; молодые люди, боявшіеся обременять себя семействомъ, стали вступать въ бракъ; въ странѣ снова начались домашніе и общественные праздники. Особеннымъ расположеніемъ Юліана пользовалась Лутеція, городъ племени паризіевъ, находившійся на островѣ рѣки Сены. На южномъ берегу противъ этого острова Юліанъ построилъ себѣ дворецъ, кругомъ дворца возникло много общественныхъ зданій и частныхъ домовъ.

Констанцій отзываетъ часть войска изъ Галліи 359. Извѣстія о побѣдахъ Юліана возбуждали въ Констанціѣ зависть и опасеніе. Льстецы истощали свое остроуміе на то, чтобъ осмѣивать странности полководца, продолжавшаго носить бороду, какъ философъ, и всячески доказывали ничтожность его побѣдъ; но нельзя было обмануть народъ: онъ не обращалъ вниманія на это злословіе и понималъ пустоту самохвальныхъ объявленій, въ которыхъ императоръ приписывалъ себѣ честь побѣдъ, одержанныхъ на Рейнѣ. Народъ и войско съ любовью и удивленіемъ смотрѣли на полководца, въ которомъ соединялись старинная римская энергія, простота обычаевъ, чистота жизни. Констанцій рѣшилъ отнять у ненавистнаго соперника большую часть войска и поставить его въ такое положеніе, чтобъ онъ утратилъ свою славу. Когда Юліанъ былъ въ Лутеціи, пришло повелѣніе императора, чтобы четыре легіона и лучшіе отряды вспомогательныхъ войскъ немедленно были посланы въ Азію для обороны восточной границы. Это приказаніе очень смутило и войска и Юліана. Воины, отзываемые въ Азію, родились или обжились въ Галліи; они не хотѣли покинуть женъ и дѣтей и разстаться съ любимымъ полководцемъ, чтобъ идти сражаться подъ безславными знаменами ненавистнаго деспота въ далекой странѣ, въ непривычномъ климатѣ противъ страшнаго врага. Войско и вся Галлія были опечалены и раздражены. Негодованіе рѣзко выказалось, когда войска сошлись въ Лутеціи, откуда долженъ былъ отправить ихъ на Востокъ Юліанъ. Онъ сдѣлалъ обѣдъ для старшихъ и младшихъ начальниковъ, и угощая ихъ, высказалъ сожалѣніе, что не можетъ по заслугамъ наградить своихъ храбрыхъ сподвижниковъ. Разгоряченные виномъ, они по окончаніи обѣда ушли съ большимъ раздраженіемъ противъ Констанція. Черезъ нѣсколько часовъ они воротились во дворецъ въ сопровожденіи воиновъ и массы народа и провозгласили Юліана августомъ. Напрасно онъ отклонялъ отъ себя опасный санъ, упрашивалъ и упрекалъ шумящихъ, напоминая имъ о повиновеніи, напрасно грозилъ имъ наказаніемъ за измѣну обязанности послушанія; они подняли его на щитъ и положили ему на голову, какъ діадему, богатое ожерелье. Понятно, что противники Юліана называли все это дѣло результатомъ хитрости его; но онъ постоянно увѣрялъ, что не зналъ о намѣреніи войска и только уступилъ насилію.

Провозглашеніе Юліана императоромъ 360.

Дѣйствія Юліана на Рейнѣ. Принявъ, къ радости народа и войска, санъ августа, Юліанъ послалъ Констанцію почтительное письмо, въ которомъ просилъ императора признать его государемъ Запада. Онъ удалилъ отъ должностей сановниковъ, враждебныхъ ему, и принялъ мѣры для того, чтобъ удержать за собою свой санъ силой оружія. Онъ принялъ въ войско шайки разбойниковъ и осужденныхъ на смерть приверженцевъ Магненція; этихъ шаекъ было много въ Галліи, онѣ значительно увеличили военную его силу. Онъ пошелъ опять на Рейнъ, быстрымъ походомъ въ землю аттуаріевъ усмирилъ это франкское племя, сдѣлавшее набѣгъ на Галлію, перешелъ за Рейнъ, внушилъ страхъ алеманнамъ, велѣлъ передъ ихъ глазами схватить коварнаго князя ихъ Видомара и увести его въ плѣнъ. Послѣ этого онъ могъ разсчитывать на то, что они будутъ держать себя мирно. Онъ осмотрѣлъ укрѣпленія по Рейну отъ той мѣстности, гдѣ нынѣ стоитъ Клеве, до Базеля и сдѣлалъ распоряженія, какія были нужны для безопасности границы. Со времени Константина Великаго никто не одерживалъ на Западѣ такихъ побѣдъ, не достигъ такихъ успѣховъ, какъ Юліанъ. Онъ сдѣлалъ шесть походовъ, четыре раза былъ за Рейномъ, усмирилъ варваровъ и возстановилъ миръ въ Галліи.

Переговоры съ Констанціемъ. Констанцій былъ въ Антіохіи, когда получилъ извѣстіе о возстаніи галльскаго войска. Онъ осыпалъ пословъ Юліана упреками, отвѣчалъ на письмо племянника надменными угрозами и отказалъ признать его въ санѣ августа. Отвѣтъ императора возбудилъ негодованіе въ войскѣ Юліана; видя это, онъ укрѣпился въ намѣреніи защищать свою новую власть оружіемъ. Незадолго передъ тѣмъ въ Віэннѣ онъ праздновалъ день Богоявленія, какъ христіанинъ; теперь онъ публично объявилъ, что поручаетъ себя покровительству безсмертныхъ боговъ. Порвавъ связи съ Констанціемъ, онъ отказался отъ притворства въ религіи. Съ радостными криками, звеня щитами, воины приняли слово Юліана, что онъ идетъ войною на Констанція, и клялись идти съ нимъ, хотя бы до предѣловъ вселенной.

Походъ Юліана въ Византію. Смерть Констанція 361. Римской имперіи угрожало междоусобіе и притомъ въ такое время, когда на Востокѣ еще длилась война съ персами, а на Западѣ алеманны, втайнѣ возбуждаемые Констанціемъ къ войнѣ, ждали только удаленія войскъ Юліана, чтобы вторгнуться за Рейнъ. Ненависть, долго прикрывавшаяся маской дружбы, проявилась теперь во всей своей силѣ: Констанцій и Юліанъ готовились биться на жизнь и смерть. Императрица Евсевія и жена Юліана Елена, вліяніе которыхъ поддерживало мирныя отношенія, обѣ незадолго передъ тѣмъ умерли. Казалось, что римской имперіи предстоитъ разрушеніе, что междоусобіе поможетъ врагамъ одолѣть ее. Но судьба отвратила отъ нея междоусобіе. Юліанъ съ небольшимъ, но закаленнымъ въ бояхъ войскомъ перешелъ черезъ Шварцвальдъ на Дунай, быстро подвигался внизъ по этой рѣкѣ, то берегомъ ея, то на лодкахъ, торжественно выступилъ въ Сирмій и оттуда чрезъ Иллирскія горы пошелъ къ Византіи. Въ это время Констанцій умиралъ въ маленькомъ городѣ Мопсукренѣ, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Тарса; онъ страдалъ лихорадкой; болѣзнь была усилена душевнымъ раздраженіемъ, и онъ скончался, на 45 году жизни, на 24 году царствованія. 3 ноября 361. Онъ былъ человѣкъ очень образованный, но лишенный самостоятельности характера, завистливый, подозрительный, наслѣдовавшій всѣ дурныя качества отца, но не имѣвшій его талантовъ. Его любимецъ Евсевій, владычествовавшій его именемъ, хотѣлъ продлить свою власть, провозгласивъ другого императора, но войско не допустило этого: оно послало Юліану увѣреніе въ своей преданности. Юліанъ торжественно вступилъ въ Константинополь при радостныхъ крикахъ народа и войска и принялъ поздравленія сената. Скоро прибыла въ столицу печальная процессія, сопровождавшая тѣло Констанція. Юліанъ на похоронахъ шелъ въ простой одеждѣ безъ діадемы. Констанцій былъ погребенъ въ церкви Святыхъ Апостоловъ, гдѣ была семейная гробница рода Константина Великаго.

---

3. Юліанъ Отступникъ и языческая реакція.

(361—363).

Характеристика Юліана. На высотѣ могущества человѣку труднѣе сохранить славу мудреца, чѣмъ въ угнетенномъ положеніи. Кромѣ притворства, съ какимъ Юліанъ выставлялъ себя христіаниномъ, жизнь его была до вступленія на престолъ безукоризненна. Его лицемѣріе было вынужденное. Онъ былъ окруженъ предателями. Во всемъ остальномъ онъ заслуживалъ похвалы: онъ стоялъ выше пороковъ своего испорченнаго времени и побѣдоносно сражался съ врагами. По природной склонности, онъ былъ человѣкъ ученыхъ занятій, не расположенный къ военной жизни; но онъ со славой и успѣхомъ исполнялъ обязанности полководца. Онъ былъ хорошій правитель, справедливый судья; его управленіе Галліей доказывало, что человѣкъ, укрѣпившій свои умственныя силы наукой и размышленіемъ, можетъ быстро пріобрѣсти опытность и знанія, надобныя для практической жизни. Онъ былъ возведенъ на престолъ, не добиваясь того; по крайней мѣрѣ нѣтъ достовѣрныхъ доказательствъ противнаго. Если онъ началъ войну, то отказъ Констанція вести переговоры съ нимъ принудилъ его обороняться. На походѣ отъ Рейна къ Босфору онъ заслужилъ славу гуманнаго полководца. Но на вершинѣ величія его слава померкла;

его любовь къ справедливости не рѣдко была заглушаема пристрастіемъ и мстительностью; его философская терпимость не устояла въ борьбѣ съ влеченіемъ доставить торжество своимъ личнымъ мыслямъ; его умъ, бывшій прежде такимъ яснымъ и проницательнымъ, омрачился тщеславіемъ и предубѣжденіемъ, и онъ не съумѣлъ понять живой дѣйствительности. Правда, трудно разсмотрѣть истинныя черты его сквозь туманъ лести его панегиристовъ и клеветы его противниковъ; но самъ онъ далъ намъ въ своихъ сочиненіяхъ матеріалы для вѣрнаго сужденія о немъ.

Реформы двора и администраціи.

Лучшія стороны правленія Юліана—преобразованіе придворнаго быта и возстановленіе старой римской дисциплины. Онъ былъ поклонникъ славныхъ временъ старины; любя ихъ учрежденія и понятія, онъ изгналъ изъ дворца многолюдный придворный штатъ, который сформировался при Діоклеціанѣ и Константинѣ, удалилъ толпы прислуги, эвнуховъ и царедворцевъ, носившихъ великолѣпные костюмы, получавшихъ богатое жалованье и бывшихъ большею частью прислужниками порока; при отставкѣ онъ не далъ имъ никакого пособія, и потому многіе изъ нихъ были повергнуты въ нищету. Онъ отмѣнилъ роскошные обѣды, потому что и на престолѣ остался вѣренъ той воздержности и простотѣ, какую соблюдалъ въ школѣ и въ походахъ. Съ того времени какъ его жена Елена умерла отъ родовъ, онъ велъ жизнь цѣломудреннаго вдовца. Вмѣсто великолѣпнаго облаченія своихъ предмѣстниковъ онъ носилъ одежду философа и былъ такъ чуждъ щегольства, что не расчесывалъ свою длинную бороду. Онъ былъ неутомимо дѣятеленъ: самъ вникалъ во всѣ дѣла громаднаго государства, наблюдалъ за администраторами, заботился о безпристрастіи судей, ввелъ строгую дисциплину, возстановившую въ войскѣ старинное римское мужество, охранялъ провинціи отъ притѣсненій правителей. Часы досуга и часть ночи, когда его помощники отдыхали или веселились, онъ посвящалъ ученымъ и литературнымъ занятіямъ. Доносчики и шпіоны исчезли при немъ, граждане вздохнули свободно, видя, что законы не нарушаются и въ судахъ владычествуетъ безпристрастіе. Юліанъ очень заботился о возстановленіи благосостоянія греческихъ городовъ, обѣднѣвшихъ подъ тяжелымъ игомъ деспотизма. Онъ любилъ ихъ, потому что съ ихъ именами было соединено все то, чѣмъ дорожилъ онъ. Давая имъ пособія, онъ совѣтовалъ имъ возобновить прежнія народныя игры и священные обряды. Но онъ былъ совершенно равнодушенъ къ играмъ цирка; онъ рѣдко бывалъ на нихъ, и его пренебреженіе къ нимъ возбуждало неудовольствіе въ толпѣ, жаждавшей зрѣлищъ.

Слабость и безразсудства Юліана.

Во всемъ этомъ Юліанъ выказывалъ себя государемъ рѣдкихъ достоинствъ; но во многомъ другомъ онъ оказывался человѣкомъ тщеславнымъ и безразсуднымъ. Уменьшеніе придворныхъ расходовъ было благомъ для государства; но не сообразно съ житейскимъ здравымъ смысломъ было то, что императоръ замѣнилъ персидскій придворный церемоніалъ простотою циника. Вмѣсто великолѣпнаго облаченія, усыпаннаго драгоцѣнными каменьями, онъ носилъ грязный философскій плащъ—это было такое же тщеславіе, только другого рода; и высокомѣріемъ чудака было то, что онъ въ своемъ сатирическомъ сочиненіи «Ненавистникъ бороды» хвалился своимъ пренебреженіемъ къ удобствамъ жизни, своей скудной пищей, даже своей неопрятностью. Это возстановленіе погибшихъ формъ быта во времена, имѣвшія совершенно иной характеръ, было такъ же нелѣпо, какъ рыцарство Донъ-Кихота. Всѣ поступки Юліана показываютъ, что онъ самъ чувствовалъ противоестественность и безуспѣшность своихъ хлопотъ объ оживленіи умершей старины; это видно по шаткости его отношеній къ язычникамъ и христіанамъ; по фантастической торопливости, съ какою спѣшилъ онъ изъ одного храма въ другой и приносилъ жертвы всяческимъ богамъ. Къ этимъ жалкимъ дурачествамъ присоединялась мстительность, отклонявшая его отъ правосудія. Онъ учредилъ въ Халкедонѣ особенный трибуналъ, членами котораго назначилъ шесть высшихъ гражданскихъ и военныхъ сановниковъ; этому трибуналу онъ поручилъ судить и наказывать всѣхъ тѣхъ людей, которые своими интригами и клеветами раздражали Констанція противъ его брата Галла и противъ него. Ему слѣдовало бы набросить покровъ прощенія и забвенія на прошлое. Юліанъ запугалъ общество этими процессами, судьями въ которыхъ были люди, заслуживавшіе быть не судьями, а подсудимыми. Какъ при Констанціѣ, такъ и теперь, царствованіе началось казнями и конфискаціями. Большая часть казненныхъ были злодѣи, достойные смерти, какъ напримѣръ Евсевій, бывшій начальникомъ дворца при Констанціѣ. Но были казнены и благородные люди, какъ напримѣръ Урсулъ, управлявшій финансами, честный человѣкъ, имѣвшій право на благодарность Юліана, но возбудившій противъ себя непріязнь въ войскѣ и принесенный въ жертву ей.

Отношенія Юліана къ христіанамъ.

Болѣе же всего навлекъ на себя Юліанъ ненависть массы населенія своею враждою къ христіанству и своимъ запоздалымъ усердіемъ оживить умершее язычество. Этимъ онъ такъ раздражилъ своихъ современниковъ, что имя его дошло до потомства опозореннымъ; ему было дано постыдное названіе «отступника», человѣка, измѣнившаго истинной вѣрѣ, въ которой онъ былъ воспитанъ и которую исповѣдывалъ въ молодости.

1. Ходъ умственнаго развитія Юліана.

Констанцій отбросилъ сдержанность въ религіозныхъ дѣлахъ, какую сохранялъ отецъ. Онъ сталъ дѣйствовать враждебно язычеству. Онъ издалъ нѣсколько эдиктовъ, повелѣвавшихъ прекратить „языческое суевѣріе“, уничтожить „безуміе жертвоприношеній“ и запереть храмы. Эти повелѣнія не вездѣ были исполняемы; но за совершеніе языческихъ обрядовъ происходили сильныя судебныя преслѣдованія въ восточной половинѣ государства; при своей безхарактерности, Констанцій подъ вліяніемъ эвнуховъ

часто подвергалъ суровымъ наказаніямъ людей, нарушавшихъ эдикты противъ язычества. Галлъ и Юліанъ воспитывались сообразно этой системѣ, и она была для нихъ тѣмъ ненавистнѣе, что Констанцій, принуждавшій ихъ исполнять христіанскіе обряды, былъ убійцей ихъ отца и другихъ родныхъ, а тѣ духовные, которые воспитывали ихъ, подозрительно слѣдили за всѣми ихъ поступками, старались вывѣдывать ихъ мысли и очень строго принуждали ихъ исполнять христіанскіе обряды. Результатъ заботъ вполнѣ соотвѣтствовалъ желаніямъ Констанція. Галлъ и Юліанъ усердно исполняли всѣ обряды, постоянно молились, посѣщали гробы мучениковъ. Сдѣлавшись взрослымъ человѣкомъ, Галлъ остался вѣренъ христіанскому ученію; но оно не могло смягчить его грубыхъ и жестокихъ склонностей. Юліанъ, человѣкъ живого ума, полюбившій древнюю поэзію, съ которой знакомилъ его старикъ невольникъ, одинъ изъ его учителей, проникался все больше и больше сочувствіемъ язычеству, которое казалось ему тѣмъ привлекательнѣе, что было для него запретной областью. Онъ жилъ мыслями въ древнемъ мірѣ; постоянно мечталъ о герояхъ и богахъ Гомера; они были симпатичны его душѣ. Потомъ онъ учился у преподавателей, остававшихся язычниками, и его любовь къ древней религіи возросла. Онъ понималъ ея миѳы въ аллегорическомъ смыслѣ, какой давала имъ неоплатоническая философія; языческіе символы и таинства очаровывали его фантазію; искусство, поэзія, праздники, жертвоприношенія древнихъ грековъ нравились ему, одаренному отъ природы пылкимъ воображеніемъ. Онъ жадно слушалъ неоплатоническихъ философовъ—Эдесія, Хрисанѳія, Максима и другихъ, излагавшихъ ему фантастическія системы, о которыхъ мы говорили въ одномъ изъ предыдущихъ отдѣловъ. Особенно нравилось ему ученіе о томъ, что душа имѣетъ небесное происхожденіе, что, прикованная къ тѣлу, она жаждетъ избавиться отъ него и возвратиться въ божественную отчизну; онъ усердно старался очистить свою душу воздержаніемъ, борьбою противъ чувственныхъ влеченій, освободить ее отъ узъ матеріи, сдѣлать способной къ созерцанію божества. Это идеальное воззрѣніе на отношенія человѣка къ божеству совершенно овладѣло его мыслями и чувствами: ему казалось, что онъ находится въ сношеніяхъ съ богами и духами; онъ приписывалъ свои намѣренія и поступки ихъ внушеніямъ. Въ Аѳинахъ онъ былъ посвященъ въ элевзинскія таинства. Съ той поры онъ былъ вполнѣ язычникомъ, хотя по житейской необходимости скрывалъ это, исполнялъ обряды ненавистнаго ему христіанства, которое называлъ „религіею мертвецовъ и гробовъ“. Онъ страстно любилъ греческую религію, представлявшую для него свѣтлый контрастъ христіанству, которое находилъ онъ мрачнымъ; она привлекала его къ себѣ потому, что всѣ прекрасные факты древней жизни казались ему соединены съ нею, и онъ считалъ ее источникомъ умственнаго развитія древнихъ грековъ. Христіанство онъ находилъ враждебнымъ героическому міру древности, величію Рима при прежнихъ императорахъ. Онъ хотѣлъ быть похожъ на Александра и Юлія Цезаря, и ему не могла нравиться религія, ставившая терпѣливое перенесеніе бѣдъ выше геройскихъ подвиговъ, учившая подражать смиренію Христа и говорившая, что она уничтожаетъ мудрость премудрыхъ и отвергаетъ разумъ разумныхъ. Онъ былъ одинъ изъ тѣхъ эллиновъ, о которыхъ апостолъ Павелъ говоритъ, что ученіе о распятомъ Христѣ они считаютъ безуміемъ.

Люди, посвященные въ тайну мыслей Юліана, восхищались тѣмъ, что человѣкъ, раздѣляющій ихъ убѣжденія, сталъ властелиномъ им-

2. Начало правленія Юліана. Эдиктъ о вѣротерпимости.

періи: они ожидали, что онъ, каждое утро молящійся Гермесу, духу, оживляющему собою вселенную, возвратитъ имперію къ поклоненію прежнимъ богамъ. Его вступленіе на престолъ возбудило умирающее язычество на послѣднюю борьбу. Первымъ распоряженіемъ Юліана было повелѣніе отворить языческіе храмы, поправлять тѣ изъ нихъ, которые начинали разрушаться, вновь воздвигнуть разрушенные жертвенники, возобновить торжественныя жертвоприношенія и другіе языческіе обряды. Вслѣдъ за тѣмъ онъ обнародовалъ эдиктъ, установлявшій полную вѣротерпимость въ имперіи, дававшій подданнымъ свободу совѣсти, предоставлявшій совершенное равенство правъ поклонникамъ старыхъ боговъ и христіанамъ, православнымъ и еретикамъ, дозволявшій даже іудеямъ возвратиться въ Іерусалимъ и построить храмъ.

3. Возобновленіе языческаго богослуженія.

Подготовивъ себѣ этимъ свободу дѣйствій, Юліанъ съ горячностью фанатика занялся возстановленіемъ языческаго богослуженія и борьбою съ христіанствомъ. Но онъ не хотѣлъ вести борьбу кровавымъ путемъ гоненій. Онъ зналъ, что мученичество укрѣпляетъ преслѣдуемую религію, что мученики дали христіанству множество вѣрующихъ; онъ избралъ мягкія средства подавленія. Прежде всего надобно было, по его мнѣнію, дать новый блескъ языческому богослуженію и возвысить значеніе языческаго духовенства; потому онъ принялъ санъ верховнаго первосвященника и подавалъ народу примѣръ усерднаго служенія старымъ богамъ. Ливаній, другъ и панегиристъ его, говоритъ, что онъ каждый день встрѣчалъ жертвоприношеніемъ восходящаго бога солнца и провожалъ жертвоприношеніемъ заходящаго,—бога, проявляющаго въ себѣ всю полноту божественнаго всемогущества; что онъ самъ участвовалъ въ принесеніи жертвъ, клалъ дрова на жертвенникъ, бралъ жертвенный ножъ, разсматривалъ внутренности жертвы; чтобъ удобнѣе было исполнять эти священнодѣйствія, онъ соорудилъ въ своемъ дворцѣ святилище бога солнца. Онъ самъ говоритъ о себѣ, что съ дѣтства сильно полюбилъ сіяніе бога Геліоса, что видъ дневного неба и, по ночамъ, свѣтилъ небесныхъ всегда наполнялъ его душу восторгомъ. Онъ говоритъ, что Геліосъ, видимый всѣмъ и все видящій,—истинный отблескъ высочайшей божественной премудрости, что въ немъ соединяется чувственное и сверхъ чувственное, небесное и земное въ самомъ реальномъ видѣ. Онъ усердно старался возобновить прежнее великолѣпное служеніе солнцу и весь блескъ языческихъ обрядовъ, снова сдѣлать эти пышныя церемоніи и таинства народною религіею, вновь научить народъ поклоняться проявленію божественной силы въ природѣ. Онъ возобновилъ старинныя гекатомбы, праздники, на которыхъ были приносимы въ жертву сто быковъ. Онъ преобразовалъ организацію языческаго духовенства, думая оживить его этой реформой, создать такую іерархію въ язычествѣ, которая доставила бы

язычеству единство, даваемое христіанской церкви ея іерархіею, оживила бы поэзію греческой миѳологіи и художественное великолѣпіе прежняго языческаго культа. Ливаній съ восторгомъ говоритъ о праздникахъ, на которыхъ повсюду представлялось зрѣлище, казавшееся ему величественнымъ: пылало пламя на жертвенникахъ, текла кровь жертвенныхъ животныхъ, курился ѳиміамъ, ходили процессіи жрецовъ и авгуровъ. Сохранилось посланіе, въ которомъ Юліанъ, верховный первосвященникъ, внушаетъ жрецамъ, что они должны подавать людямъ примѣръ хорошей нравственности, благотворительности, человѣколюбія, пріобрѣтать возвышенныя понятія о религіи, изучая мысли Пиѳагора, систему Платона, стоическую философію, и передавать народу очищенныя понятія о вѣрѣ.

4. Мѣры противъ христіанъ.

Параллельно заботамъ возстановить язычество на новыхъ основаніяхъ и сообщить ему всѣ нравственныя достоинства христіанства, шли мѣры, направленныя прямо противъ христіанъ. Языческій первосвященникъ, приписывавшій свое восшествіе на престолъ покровительству безсмертныхъ боговъ, Юліанъ, считалъ важнѣйшей своей обязанностью возвратить языческому богослуженію и жрецамъ привилегированное положеніе, которое было отнято у нихъ христіанскими императорами, низвести христіанъ на степень людей, религія которыхъ только пользуется терпимостью. Онъ отнялъ у христіанскаго духовенства права и доходы, данныя прежними императорами, прекратилъ выдачу хлѣба христіанскимъ духовнымъ лицамъ, отмѣнилъ льготы отъ податей, предоставленныя имъ, лишилъ ихъ права дѣлать завѣщанія о своемъ имуществѣ и получать имущества по завѣщаніямъ. Онъ повелѣлъ, чтобы христіанскія общины или епископы возвратили языческимъ храмамъ тѣ имѣнія, какія были переданы имъ, и возстановили тѣ святилища, которыя были разрушены ими. Онъ оказывалъ милостивый пріемъ поэтамъ, ораторамъ, философамъ, объявлявшимъ теперь себя язычниками; такихъ людей явилось множество; они отовсюда съѣзжались къ нему; онъ награждалъ ихъ почестями и богатыми доходами, оказывалъ эти милости и тѣмъ, которые были не достойны ихъ по своему высокомѣрію и корыстолюбію, какъ напримѣръ Максимъ. А тѣмъ христіанскимъ преподавателямъ реторики и граматики, которые устояли противъ соблазна измѣнить вѣрѣ, онъ запретилъ преподавать въ школахъ классическую литературу. «Люди, презирающіе Ѳукидида и Гомера», говорилъ онъ съ насмѣшкой, «пусть объясняютъ въ своихъ галилейскихъ церквахъ Матѳея и Луку; языческими писателями не для чего имъ заниматься». Онъ находилъ, что, считая греческихъ боговъ демонами, они должны отвергать и произведенія языческой литературы; онъ хотѣлъ отнять у христіанъ тѣ знанія, которыя пріобрѣтали они изученіемъ греческой литературы и безъ которыхъ не могли выдержать борьбу съ язычествомъ. Онъ при всякомъ случаѣ выказывалъ презрѣніе къ

«легковѣрнымъ ученикамъ рыбаковъ», «галилеянамъ», какъ называлъ онъ христіанъ. Онъ воображалъ, что можетъ презирать ихъ потому, что онъ ученикъ Платона. Когда они приносили ему жалобы на какія-нибудь имущественныя обиды, онъ отказывалъ имъ, напоминаніемъ о словахъ Христа: «Кто захочетъ взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду» (Матѳ. V, 40) или утѣшалъ ихъ тѣмъ, что они получатъ царство небесное. Онъ былъ человѣкъ умный и хорошій писатель, ловко владѣлъ оружіемъ насмѣшки, и оно дѣйствовало сильнѣе, чѣмъ то, что онъ удалилъ христіанъ отъ двора, отъ должностей, отъ преподаванія. Онъ снялъ христіанскія эмблемы со шлемовъ воиновъ; велѣлъ воинамъ воздавать почести его изображенію, ввелъ жертвоприношенія и другіе языческіе обряды въ войскѣ и во всѣхъ оффиціальныхъ дѣлахъ. Эти мѣры были, по его мнѣнію, достаточны для того, чтобы христіанство постепенно исчезло.

Результаты мѣръ противъ христіанства.

Дѣйствительно мѣры, принятыя Юліаномъ противъ христіанства, были достаточны для того, чтобы привлечь въ язычество множество раболѣпныхъ честолюбцевъ, мѣняющихъ свои правила по желаніямъ государя, приспособляющихся ко всякому требованію власти. Число отступниковъ сдѣлалось бы очень велико, если бы правленіе Юліана длилось много лѣтъ. Выгоды, какія можетъ предоставлять людямъ милость государя, и невыгоды, какимъ подвергаетъ немилость его, такъ многочисленны и велики, что нужна большая честность и твердость характера, чтобы не поддаться искушенію, не уклониться отъ непріятностей. Мѣры, умно принятыя Юліаномъ, дѣйствовали успѣшнѣе прежнихъ гоненій, когда мученики пріобрѣтали послѣдователей Христу. Онъ предоставилъ христіанъ въ жертву ихъ спорамъ между собою, обрекъ ихъ на невѣжество и униженіе, а приносившихъ жертвы языческимъ богамъ награждалъ почестями, должностями, денежными выгодами; онъ сдѣлалъ образованность привиллегіею язычниковъ. При этихъ преимуществахъ надъ христіанствомъ язычество должно было стать опаснымъ противникомъ ему. Распространенію христіанства сильно содѣйствовало то, что оно воспринимало въ себя хорошіе элементы изъ языческаго міра; такъ теперь и языческая религія могла возродиться, только облагородившись новыми элементами, усвоивъ себѣ чистое нравственное ученіе, прочную организацію, заботливость о страждущихъ. Юліанъ встрѣтилъ нѣкоторое сопротивленіе себѣ, когда велѣлъ возстановить храмъ Аполлона въ прекрасной лавровой и кипарисовой рощѣ Дафны, предмѣстья Антіохіи, и вынести изъ сосѣдства съ этимъ храмомъ погребенныя тамъ кости христіанскаго мученика; храмъ былъ вскорѣ послѣ своего построенія сожженъ; это могло быть досадно Юліану; были ему и другія досады; случалось иногда, что онъ увлекался гнѣвомъ на христіанъ, раздражавшихъ его рѣзкими проявленіями своей ненависти; но всетаки, процарствуй онъ долго, то при благоразуміи, удерживавшемъ его отъ крутыхъ мѣръ, при ясности его понятій о цѣли, которую онъ поставилъ себѣ, побѣда христіанства надъ возстановляемымъ язычествомъ могла бы сдѣлаться трудной; христіанство могло бы утратить пріобрѣтенный перевѣсъ, и возобновившаяся борьба была бы упорна и продолжительна. Юліанъ хотѣлъ привлечь къ себѣ іудеевъ, чтобъ они были союзниками его противъ христіанъ. Онъ освободилъ послѣдователей закона Моисеева отъ податей, которыми были они обременены, помогалъ исполненію ихъ же-

Покровительство Юліана іудеямъ.

ланія построить храмъ Іеговы въ Іерусалимѣ; онъ находилъ выгоднымъ для язычества, чтобы на томъ мѣстѣ, куда шли христіанскіе паломники поклониться святому гробу, совершалось іудейское богослуженіе. Іудеямъ очень хотѣлось возстановить іерусалимскій храмъ, но прежде, чѣмъ возвели они фундаментъ его, ихъ покровитель Юліанъ погибъ. Христіанское преданіе говоритъ, что построенію іудейскаго храма мѣшали чудесныя препятствія: изъ земли появилось пламя и разрушило работу, потому что Богу было угодно, чтобы на святомъ мѣстѣ совершалось только христіанское богослуженіе.

Юліанъ въ Антіохіи. 362—363.

При всемъ своемъ усердіи къ возстановленію прежней государственной религіи, Юліанъ не забывалъ обязанностей императора. Бывши правителемъ Галліи, онъ упрочилъ безопасность рейнской границы и наказалъ враговъ за ихъ набѣги походами въ ихъ землю; теперь онъ желалъ пріобрѣсти славу защитника и распространителя владѣній Рима на Востокѣ, хотѣлъ не только отнять у Сапора завоеванія, сдѣланныя персами въ Месопотаміи, но и присоединить къ имперіи новыя области за Тигромъ. Онъ провелъ зиму 362 и 363 годовъ въ Антіохіи, занимаясь тамъ приготовленіями къ походу на персовъ слѣдующею весной. Онъ имѣлъ радость увидѣть тамъ знаменитаго ретора и софиста (ученаго) Ливанія, сочиненія котораго имѣли огромное вліяніе на развитіе его образа мыслей; онъ давно желалъ личнаго знакомства съ писателемъ, котораго глубоко уважалъ и сталъ теперь уважать еще больше, нашедши, что онъ человѣкъ независимаго, благороднаго характера. Но это удовольствіе было отравлено для Юліана насмѣшками антіохійцевъ, любившихъ злословіе и умѣвшихъ злословить остроумно. Въ Антіохіи была дороговизна хлѣба, они приписывали ее Юліану; онъ напрасно старался устранить ее установленіемъ таксы и другими искусственными мѣрами; антіохійцы въ досадѣ на него пѣли пѣсни, въ которыхъ осмѣивали его любовь къ язычеству и странный видъ императора въ одеждѣ философа. Онъ не былъ способенъ мстить за насмѣшки свирѣпостями по примѣру Каракаллы и отвѣчалъ на нихъ маленькимъ сатирическимъ трактатомъ «Ненавистникъ бороды» (Misopogon); иронически сознаваясь въ своихъ слабостяхъ и ошибкахъ, онъ ѣдко осмѣивалъ въ этой остроумной сатирѣ изнѣженность и безнравственность антіохійцевъ.

Походъ въ Месопотамію. 363.

Весною Юліанъ пошелъ на персовъ. Проходя чрезъ Гіераполь, онъ выразилъ сожалѣніе о погибели, находившагося тамъ знаменитаго храма, окруженнаго кипарисовыми рощами, имѣвшаго многочисленную корпорацію жрецовъ. Переправившись черезъ Эвфратъ, онъ пошелъ въ Карры. Армянскій царь отказалъ ему въ своемъ содѣйствіи отчасти по уваженію къ памяти своего благодѣтеля Констанція, отчасти по ненависти къ язычеству Юліана и по досадѣ на его гордость. Но и безъ помощи армянъ военныя дѣйствія Юліана шли

успѣшно; войско было многочисленно и прекрасно организовано; въ немъ были римскіе ветераны и храбрые галлы, была легкая пѣхота изъ областей по Нижнему Дунаю и Черному морю, была легкая конница изъ арабскихъ степей. Полководецъ былъ герой, умѣвшій сражаться такъ же хорошо, какъ говорить и писать. Войско шло внизъ по берегу Эвфрата черезъ Никефорій и Керкесій на югъ до Макефракты; рядомъ съ войскомъ плыла флотилія, доставлявшая ему съѣстные припасы. Близъ Макефракты еще были видны остатки старинной мидійской стѣны, ограждавшей вавилонскую низменность отъ вторженій горцевъ съ сѣвера. Римскому войску пришлось тутъ выдержать трудную борьбу. Тяжелая персидская конница постоянно угрожала флангамъ и тылу римлянъ; туземцы прорвали плотины, вода поднялась въ безчисленныхъ каналахъ, перерѣзывавшихъ Вавилонію— «рѣкахъ вавилонскихъ», у которыхъ нѣкогда плакали плѣнные іудеи. Разливъ былъ такъ великъ, что затопилъ землю и мѣшалъ движенію войска. Но Юліанъ искусно и мужественно преодолѣвалъ всѣ затрудненія: персы были прогнаны; пальмовыя рощи дали матеріалъ для постройки плотовъ, мостовъ и для подвижныхъ башенъ при осадѣ крѣпостей. Римляне взяли и разрушили до основанія большой, сильно укрѣпленный городъ Перисаборъ или, по другому имени, Амбаръ. Крѣпость Маогальмаха, имѣвшая высокія стѣны и башни, была взята посредствомъ подкопа, дома ея были разграблены, жители убиты или взяты въ рабство, и городъ былъ сожженъ. Отряды побѣдоноснаго войска доходили до стѣнъ Ктезифона, жгли роскошные сельскіе дворцы, опустошали ихъ великолѣпные парки, украшенные фонтанами и цвѣтниками. Во всѣхъ трудностяхъ и опасностяхъ похода Юліанъ показывалъ воинамъ примѣръ мужества, и представлявшіеся ему соблазны не могли отвратить его отъ правилъ воздержности. Онъ думалъ только о томъ, чтобъ отмстить врагамъ Рима, возстановить служеніе старымъ богамъ и дать антіохійскимъ реторамъ матеріалъ для состязанія о полученіи награды за панегирикъ.

Юліанъ въ Персіи.

Не встрѣчая сопротивленія, Юліанъ дошелъ до того мѣста, гдѣ прежде стояла Селевкія, городъ, имѣвшій греческое населеніе. Изъ развалинъ Селевкіи была построена на западномъ берегу Тигра крѣпость Кохе, предмѣстье великолѣпнаго Ктезифона, стоявшаго на другомъ берегу рѣки. Ктезифонъ и Кохе вмѣстѣ назывались Мадаинъ. Ктезифонъ былъ зимней резиденціей персидскихъ царей, какъ въ прежнемъ персидскомъ царствѣ Вавилонъ. Юліану хотѣлось овладѣть Ктезифономъ, хотя трудно было надѣяться на возможность этого: восточный берегъ былъ очень крутъ; его охраняли безчисленные стрѣлки, одѣтые въ желѣзо всадники и сотни слоновъ. Но Юліанъ отважился на попытку переправы, казавшейся дѣломъ невозможнымъ. Онъ поправилъ обвалившійся каналъ Траяна (стран. 281); возстановивъ судоходство по немъ, перевелъ свой

флотъ изъ Эвфрата въ Тигръ, обманулъ непріятеля, устроивъ военныя игры: весь день воины его веселились, и непріятель не ожидалъ нападенія, а ночью они поплыли къ восточному берегу. Непріятель былъ отброшенъ, римляне взяли его станъ захватили богатую добычу: драгоцѣнную посуду, дорогое оружіе, другія драгоцѣнности, и осадили Ктезифонъ. Сапоръ прислалъ Гормизду, персу, начальствовавшему отрядомъ конницы въ римскомъ войскѣ, просьбу быть посредникомъ между нимъ и Юліаномъ и предлагалъ выгодныя условія мира. Юліанъ, подобно Александру, которому подражалъ, отвергъ всякую мысль о мирѣ и, чтобы войско не думало объ отступленіи, имѣло выборъ только между смертью и побѣдой, велѣлъ сжечь свою флотилію. Черезъ нѣсколько времени онъ покинулъ окрестности Ктезифона, вѣроятно потому, что потерялъ надежду взять его, и пошелъ на сѣверъ, чтобы соединиться съ отрядами Прокопія и Севастіана, шедшими по сѣверной части Месопотаміи; быть можетъ, онъ разсчитывалъ дать персамъ рѣшительную битву на арбельской равнинѣ, гдѣ побѣдилъ Дарія Александръ. Но счастье теперь не благопріятствовало римлянамъ. Армянскій царь измѣнилъ имъ; это задержало ихъ сѣверные отряды. Еще гибельнѣе была хитрость персидскаго вельможи, который явился къ императору подъ видомъ дезертира и обманулъ его коварнымъ совѣтомъ: заманилъ Юліана въ глубину персидскаго царства, въ опустошенную мѣстность; римское войско подверглось голоду и принуждено было идти назадъ.

Отступленіе и смерть Юліана.

Отступленіе къ Тигру было тяжело; персидская конница, собравшаяся къ Сапору изъ отдаленныхъ областей царства, шла кругомъ римлянъ и непрерывно нападала на нихъ. Бѣдствія ихъ увеличивались съ каждымъ днемъ; недостатокъ пищи, палящій зной ассирійскаго лѣта, трудность похода, постоянныя нападенія персовъ изнурили ветерановъ Юліана; самъ онъ опасался за судьбу войска, хотя храбро и разсудительно исполнялъ всѣ обязанности полководца и воина; зловѣщіе сны и дурныя предзнаменованія смущали его душу. Во второй половинѣ іюня римляне дошли до хребта, покрытаго лѣсами. Имъ надобно было перейдти его; едва вступили они въ горы, персы, тайно отъ нихъ успѣвшіе занять высоты, бросились на нихъ со всѣхъ сторонъ. Юліанъ и тутъ выказалъ себя хорошимъ полководцемъ. Онъ неутомимо объѣзжалъ ряды, приводилъ ихъ въ порядокъ, ѣздилъ то къ переднему отряду войска, то къ заднему; было жарко, потому онъ снялъ съ себя панцырь; дротикъ ударилъ его въ бокъ, и онъ замертво упалъ съ лошади. Увидѣвъ его паденіе, войско воодушевилось мужествомъ отчаянія и жаждою мщенія; персы были отбиты; Юліанъ еще имѣлъ силу ободрять своихъ вѣрныхъ сподвижниковъ; въ послѣднемъ разговорѣ съ философами Максимомъ и Прискомъ, и другими близкими людьми онъ сказалъ, что радостно возвращаетъ Творцу свою жизнь, какъ заемъ,

которымъ распоряжался добросовѣстно. Христіанскіе писатели, осыпающіе проклятіями память отступника, говорятъ, что онъ, умирая, сказалъ съ ненавистью:

«Ты побѣдилъ, галилеянинъ!».

Юліанъ — «романтикъ на тронѣ цезарей».

Давидъ Штраусъ называетъ Юліана романтикомъ на тронѣ цезарей. Онъ умеръ въ цвѣтѣ силъ: ему былъ только 32-ой годъ. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые, будучи поставлены на границѣ двухъ историческихъ періодовъ, обращаются къ прошедшему, болѣе привлекательному для нихъ, вмѣсто того, чтобы понять характеръ будущаго и смѣло дѣйствовать въ его духѣ; пытаясь противиться прогрессивному ходу исторіи, они падаютъ, раздавленные имъ. Изъ всѣхъ государей династіи Константина Юліанъ былъ самый замѣчательный по благородству мыслей, гуманности характера, по силѣ воли, мужеству и по образованности; но онъ трагически погибъ, потому что не хотѣлъ признавать могущество реальныхъ отношеній. Философско-поэтическая фантасмагорія, которую хотѣлъ онъ противопоставить христіанству и на защиту которой истощалъ свой умъ, свою иронію, свое краснорѣчіе, была пуста, безполезна для жизни, безсильна надъ сердцемъ людей, непонятна простому здравому смыслу, безплодна для дѣлъ любви къ людямъ. Поэзія язычества давно умерла, прежняя народная вѣра пала, закрытая мистицизмомъ, реторикой и софистикой, и не могла дать желаннаго успокоенія языческому сердцу. Мысль Юліана возстановить язычество не имѣла почвы въ настоящемъ. Язычество уже стало тогда трупомъ. Намѣреніе оживить его было нелѣпостью. На это фантастическое дѣло истратилъ свои силы человѣкъ, имѣвшій великія качества души, и потерпѣлъ постыдную неудачу. Его правленіе длилось только 20 мѣсяцевъ, и сдѣланное имъ исчезло, не оставивъ слѣда. Надъ его гробомъ шелъ споръ между языческими и христіанскими писателями; языческіе, даровитѣйшимъ изъ которыхъ былъ Ливаній, превозносили до небесъ память погибшаго императора; Григорій Назіанзинъ и другіе христіане топтали его въ грязь. Сужденія о немъ навсегда остались разнорѣчивы соотвѣтственно тому или другому образу мыслей ученыхъ, а въ тѣ времена взаимная ненависть партій доходила до такого ожесточенія, что возникъ слухъ, будто дротикъ, убившій императора, былъ брошенъ рукою одного изъ христіанъ, находившихся въ его войскѣ, и нашлись люди, прославлявшіе это дѣло какъ подвигъ благочестія.

Языческая литература.

Правленіе Юліана было временемъ послѣдняго проблеска угасающей языческой литературы. Самъ императоръ былъ очень даровитымъ писателемъ. Его примѣръ и его ободренія одушевляли другихъ языческихъ писателей, замѣчательнѣйшими изъ которыхъ были Ливаній и Ѳемистій.

Юліанъ.

Важнѣйшимъ изъ сочиненій Юліана былъ полемическій трактатъ противъ

христіанства. Отъ этого произведенія дошли до насъ только отрывки, приведенные въ опроверженіи, которое написалъ Кириллъ александрійскій; по нимъ видно, что оно представляло странную смѣсь разсудительныхъ мыслей, учености, софистики и фантазерства. Юліанъ говорилъ въ немъ, что понятіе о Богѣ Сынѣ находится и въ языческой религіи, въ миѳахъ о Зевсѣ и Геліосѣ,—божествахъ, отъ которыхъ происходятъ всѣ силы природы и всѣ хорошія качества людей, или въ миѳѣ объ Аполлонѣ и его сынѣ Асклепіи, цѣлителѣ людей. Другія сочиненія Юліана показываютъ, что онъ былъ лучшимъ послѣ своего друга Ливанія писателемъ умирающаго язычества, что онъ имѣлъ обширныя знанія, мастерски владѣлъ реторикой и писалъ хорошимъ слогомъ; этими достоинствами отличаются его письма, его рѣчи въ защиту старыхъ боговъ, его разговоръ „Цезари", остроумная и рѣзкая сатира во вкусѣ Лукіана, содержащая въ себѣ характеристики императоровъ отъ Августа до Константина, и его „Ненавистникъ бороды"—сатира, въ которой онъ защищалъ себя отъ насмѣшекъ антіохійцевъ. Правда, его реторика изыскана, и онъ слишкомъ любитъ вставлять цитаты изъ древнихъ писателей; но эти недостатки вознаграждаются чистотою языка и живостью слога.—Ливаній, родившійся въ Антіохіи въ 314 или 316 году, занимался въ Аѳинахъ реторикою и философіею такъ усердно и успѣшно, что скоро сталъ однимъ изъ знаменитѣйшихъ ученыхъ. Онъ надѣялся получить должность преподавателя въ Аѳинахъ, но это было разстроено интригами его враговъ; онъ и всю жизнь много страдалъ отъ казней.—Онъ сталъ читать лекціи въ Константинополѣ и хотя не могъ получить должности преподавателя, имѣлъ такой успѣхъ, что аудиторіи оффиціальныхъ преподавателей стояли пустыя. Эти люди по зависти оклеветали его; онъ долженъ былъ уѣхать. Онъ отправился въ 346 году въ Никомедію и пять лѣтъ читалъ тамъ публичныя лекціи, пользовавшіяся громаднымъ успѣхомъ. Юліану было запрещено слушать эти лекціи, но онъ досталъ себѣ ихъ въ рукописи и усердно изучалъ. Послѣ того Ливаній читалъ лекціи въ Константинополѣ, потомъ поселился въ Антіохіи; тамъ онъ и прожилъ до конца жизни; онъ умеръ въ концѣ IV вѣка. Императоры, царствовавшіе послѣ Юліана, очень уважали Ливанія, какъ ученаго и литератора; но много онъ страдалъ и отъ болѣзней, семейныхъ несчастій и отъ вражды съ другими софистами, ссоры съ которыми часто происходили, кажется, отъ его неуживчивости и гордости. Онъ писалъ очень много, и ни отъ кого изъ софистовъ не дошло до насъ столько сочиненій, сколько отъ него. Мы имѣемъ его рѣчи и сочиненія, предназначенныя быть образцами для работъ его воспитанниковъ; уцѣлѣли также составленный имъ обзоръ содержанія рѣчей Демосѳена и біографія этого оратора. Изъ рѣчей Ливанія имѣютъ важное историческое значеніе тѣ, которыя онъ произносилъ передъ Юліаномъ и, по смерти Юліана, объ этомъ императорѣ. Очень важны и его письма; ихъ дошло до насъ очень много, и нѣкоторыя изъ нихъ были написаны къ лицамъ, игравшимъ важную роль въ исторіи. Вестерманъ говоритъ: „Ливаній, безспорно, самый даровитый изъ софистовъ того времени. Онъ внимательно изучалъ древнихъ ораторовъ и старался подражать имъ; иногда подражалъ удачно. Конструкція у него часто напоминаетъ Демосѳена, описанія его изящны и живы. Но онъ не могъ освободиться отъ недостатковъ своего времени. Его слогъ часто представляетъ странную смѣсь классическихъ элементовъ съ новыми. Онъ слишкомъ занятъ формой; она для него важнѣе мыслей. Темы, на которыя онъ пишетъ, часто бываютъ ничтожны, и тогда мысли тонутъ въ многословіи. Думая только о томъ, чтобы говорить эффектно, онъ часто бываетъ теменъ, потому что подчиняетъ связности выраженій

Ливаній.

логическую связь мыслей". Современникъ Ливанія, ораторъ Ѳемистій, былъ тоже язычникъ, но имѣлъ характеръ болѣе мягкій. Онъ былъ уроженецъ Пафлагоніи; Констанцій сдѣлалъ его сенаторомъ, Юліанъ префектомъ Константинополя. Онъ очень долго былъ преподавателемъ краснорѣчія въ Константинополѣ, много писалъ, участвовалъ въ политическихъ дѣлахъ. Ѳеодосій назначилъ его учителемъ своего сына, Аркадія. Отъ него дошло до насъ 34 рѣчи; большая часть ихъ написаны для выраженія признательности государямъ, или въ похвалу умершимъ императорамъ.

Ѳемистій.

---

4. Валентиніанъ и Валентъ.

Юліанъ былъ послѣдній представитель династіи Константина Великаго и, подобно Александру, которому подражалъ, онъ не оставилъ распоряженія о томъ, кому передаетъ императорскую власть: онъ хотѣлъ, чтобы войско выбрало достойнѣйшаго. Этимъ оно было поставлено въ большое затрудненіе, потому что префектъ Саллюстій, даровитѣйшій и опытнѣйшій изъ военачальниковъ, пользовавшійся полнымъ довѣріемъ Юліана, отказался отъ предложеннаго ему престола. Медлить выборомъ было нельзя, и случай сдѣлалъ, что выбранъ былъ Іовіанъ, начальникъ тѣлохранителей, человѣкъ ничтожный, изнѣженный; единственными достоинствами были его любезный и веселый характеръ и то, что онъ былъ христіанинъ. Онъ повелъ войско къ Тигру, оно хотя съ большимъ трудомъ дошло до этой рѣки, но не могло переправиться через нее, страдало отъ голода было тѣснимо непріятелемъ. Іовіанъ рѣшился заключить миръ и принялъ условія, постыдныя для римлянъ: уступилъ персамъ славныя завоеванія Діоклеціана и Галерія, пять областей на восточной сторонѣ Тигра, отказался отъ власти надъ армянскимъ царемъ, отдалъ персамъ месопотамскія крѣпости Нисибиду, Сингару и Арабское укрѣпленіе, столько разъ отражавшія персовъ, онъ далъ знатныхъ заложниковъ въ обезпеченіе того, что исполнитъ эти условія. Онъ такъ спѣшилъ заключить миръ, что не внесъ въ него условія, чтобы персы помогли римскому войску переправиться черезъ Тибръ и снабдили его продовольствіемъ для перехода черезъ безплодную месопотамскую степь. Потому на походѣ черезъ нее множество храбрыхъ воиновъ погибло отъ утомленія и голода. Войско пришло въ населенныя мѣстности совершенно изнуренное и разстроенное. Жители Нисибиды и Сингары съ отчаяніемъ въ душѣ покинули родные города и переселились въ Амиду, и другія мѣстности. Іовіанъ поспѣшилъ въ Антіохіи насладиться удобствами жизни. Онъ былъ покрытъ позоромъ, потому что до него еще не бывало примѣра, чтобы римскій императоръ уступилъ побѣдоносному врагу часть римскихъ владѣній.

Іовіанъ. 363—364.

Арменія. Черезъ два года Сапоръ, умѣвшій помогать успѣхамъ своего оружія хитрыми переговорами и коварствомъ, привелъ въ Экбатану закованнаго въ серебряныя цѣпи армянскаго царя; вѣроломный союзникъ и римлянъ, и персовъ, плѣнный царь былъ брошенъ въ темницу. Его жена Олимпіада, дочь Аблавія, казавшагося опаснымъ соперникомъ трусливому Констанцію и убитаго имъ (стран. 555), тоже была привезена плѣнницей въ столицу Сапора. У армянскаго царя былъ сынъ, котораго звали Пара. Онъ велъ скитальческую жизнь и въ 374 году былъ коварно убитъ на пирѣ однимъ изъ римскихъ военачальниковъ. Около двадцати лѣтъ Арменіей управлялъ намѣстникъ персидскаго царя. Но по смерти Сапора, умершаго въ 379 году, армяне свергли персидское иго, и царь ихъ возобновилъ союзъ съ римлянами.

Іовіанъ велѣлъ похоронить Юліана въ Тарсѣ; но самъ не поѣхалъ на похороны, остался въ Антіохіи. Онъ издалъ постановленіе, которымъ отмѣнилъ эдикты Юліана, относившіеся къ религіознымъ дѣламъ, и возстановилъ владычество христіанской церкви въ имперіи. Но для успокоенія язычниковъ онъ обнародовалъ эдиктъ о вѣротерпимости. Ораторъ Ѳемистій отъ имени сената благодарилъ императора за этотъ эдиктъ. Въ Антіохію собралось много православныхъ и аріанскихъ епископовъ, они хотѣли, чтобъ императоръ рѣшилъ ихъ споръ. Послѣ нѣкотораго колебанія онъ принялъ сторону православныхъ епископовъ. Аѳанасій, бѣжавшій изъ Александріи, возвратился на свою патріаршую каѳедру. Іовіанъ остановился въ Антіохіи лишь для того, чтобы дать отдыхъ войску. Онъ горѣлъ нетерпѣніемъ войдти въ Константинопольскій дворецъ. Но въ Константинополь было привезено только уже мертвое тѣло его. Онъ умеръ внезапной смертью

17 февраля 364. на пути туда въ одномъ изъ большихъ городовъ между Анкирой и Никіей.

Валентиніанъ I. 364—375. Престолъ снова былъ предложенъ Саллюстію, и онъ снова отказался. Черезъ 10 дней по смерти Іовіана военачальники согласились между собою въ новомъ выборѣ и провозгласили императоромъ Валентиніана. Онъ былъ сынъ простолюдина, паннонскаго воина, выслужившійся до высшихъ военныхъ должностей; вся жизнь его прошла въ походахъ и въ станѣ, и онъ имѣлъ всѣ тѣ хорошія качества, для развитія которыхъ достаточенъ такой образъ жизни. Онъ былъ высокаго роста, имѣлъ величественную наружность, былъ храбрый и опытный воинъ, былъ человѣкъ проницательнаго практическаго ума, простыхъ и чистыхъ нравовъ; но не имѣлъ школьныхъ знаній, не зналъ даже греческаго языка; впрочемъ, хотя не учился краснорѣчію, онъ умѣлъ говорить плавно и бойко. Онъ былъ христіанинъ, но держалъ себя такъ умѣренно, что оставался въ милости у Юліана; сдѣлавшись императоромъ, онъ не выказывалъ религіозной нетерпимости.

Когда выборъ, сдѣланный военачальниками, былъ одобренъ войскомъ, Валентиніанъ назначилъ своего младшаго брата, Валента, сво-

имъ соправителемъ и отдалъ подъ его власть восточную половину государства, отъ низовья Дуная до персидской границы; а самъ онъ, избравъ своей резиденціей Миланъ, управлялъ иллирской, италійской и галльской префектурами. Положеніе государства стало такъ тяжело, что бремя управленія имперіей превышало силы одного человѣка. Всѣ границы нуждались въ неусыпной охранѣ, а внутри государства происходили злоумышленія; сильное землетрясеніе подвергло страшнымъ бѣдствіямъ прибрежья Далмаціи, Греціи, Египта и Сициліи; народъ въ ужасѣ говорилъ, что оно предвѣщаетъ скорое разрушеніе государства. Валентиніанъ назначаетъ брата своимъ соправителемъ. Валентъ. 364—378.

Единственнымъ достоинствомъ Валента была преданность брату и готовность подчиняться его умственному превосходству. Въ первый же годъ своего правленія этотъ бездарный государь принужденъ былъ вести войну за престолъ съ Прокопіемъ, дальнимъ родственникомъ Юліана, опасавшимся ссылки и вѣчнаго заключенія въ темницу, потому поднявшимъ мятежъ. Воспользовавшись отъѣздомъ Валента изъ Константинополя, Прокопій провозгласилъ себя тамъ императоромъ; вдова императора Констанція поддерживала его; легіоны тѣлохранителей приняли его сторону; онъ пошелъ съ ними и другими, признавшими его власть, войсками на Валента и заключилъ союзъ съ готами, перешедшими въ большомъ числѣ Дунай. Валентъ оробѣлъ и думалъ купить себѣ пощаду отреченіемъ отъ престола, но военачальники его, сохранившіе мужество, удержали его отъ этого постыднаго намѣренія. Когда противники сошлись, то войска Прокопія, послушавшись убѣжденій Саллюстія, старика Арбетіона, отчасти испугавшись грознаго вида великана и красавца Аринтея, одного изъ военачальниковъ Валента, покинули узурпатора; Прокопій бѣжалъ, скитался нѣсколько времени по лѣсамъ и горамъ Фригіи, былъ схваченъ, приведенъ въ станъ Валента и казненъ. Мятежъ Прокопія. 365—366.

Готы, союзники Прокопія, медленно шли черезъ Мизію и Ѳракію; путь отступленія былъ отрѣзанъ имъ, и они сдались. Своимъ громаднымъ ростомъ они, по словамъ Эвнатія, возбуждали удивленіе въ жителяхъ тѣхъ городовъ, куда были отведены въ плѣнъ, а своими невѣжественными обычаями вызывали смѣхъ. Ихъ соплеменники стали мстить за то, что они не были отпущены на родину; война длилась три года; мы не имѣемъ достовѣрныхъ свѣдѣній о томъ, чѣмъ кончилась она. Реторъ Ѳемистій говоритъ, что Валентъ заключилъ миръ съ вестготскимъ королемъ Атанарихомъ, что свиданіе ихъ происходило на кораблѣ, стоявшемъ посреди Дуная. Онъ самъ былъ очевидцемъ этого, но на правдивость его нельзя полагаться. По его словамъ, былъ прекращенъ платежъ ежегоднаго вознагражденія готамъ за сохраненіе мира или уменьшена величина этого платежа, и торговля готовъ съ римлянами была ограничена двумя городами на Дунаѣ.

Мятежъ Прокопія сдѣлалъ Валентиніана и Валента очень недо- Внутреннія дѣла.

вѣрчивыми, и они стали править съ такой суровостью, которая доходила до свирѣпости. Они полагали, что это необходимо для предотвращенія погибели государства, что только ужасомъ можно поддержать его единство. Отъ Рима до Антіохіи повсюду были розыски и процессы; были преслѣдуемы всѣ, считавшiеся чародѣями и всѣ, возбуждавшіе гнѣвъ или подозрѣніе государей какими нибудь проявленіями недовольства; казни были такъ многочислены, что казалось будто возвратились времена Нерона и Домиціана. Валентиніанъ отъ природы былъ вспыльчивъ и суровъ. Имѣя теперь полный просторъ предаваться этимъ врожденнымъ склонностямъ, онъ дошелъ до безжалостной жестокости; а Валентъ былъ доведенъ до нея своей трусостью. Говорятъ, что за спальной Валентиніана была комната, въ которой онъ держалъ двухъ медвѣдей и что онъ часто бросалъ людей на растерзаніе имъ. Должность главнаго судьи въ Римѣ занималъ Максиминъ, родомъ готъ, человѣкъ свирѣпый; онъ истреблялъ людей съ демонской злобой. Но были и хорошія стороны въ правленіи Валентиніана и Валента, особенно Валентиніана. Оба государя оставались вѣрны скромнымъ привычкамъ своей молодости. При ихъ дворахъ владычествовала простота и бережливость, безъ той утрировки, въ какую вдавался Юліанъ. Благодаря ихъ бережливости и благоразумному управленію финансами, подати были облегчены, и благосостояніе народа возросло; города получили право избирать себѣ «защитниковъ» (defensores), дѣятельность которыхъ обуздывала произволъ правителей. И хотя Валентиніанъ былъ грубый воинъ, человѣкъ необразованный, но покровительствовалъ наукѣ: прежнія высшія школы въ Аѳинахъ, Римѣ, Константинополѣ были поддерживаемы и расширяемы; были основаны новыя школы для преподаванія реторики, философіи, юриспруденціи и другихъ наукъ; благодаря тому, былъ задержанъ упадокъ литературы и образованности. Историки Аврелій Викторъ и Эвтропій, поэты Авіэнъ и Авзоній принадлежатъ этому времени; мы видѣли, что они были послѣдними представителями угасающей древней науки и поэзіи. Аѳины еще долго оставались знамениты своими школами реторики и философіи. Въ религіозныхъ дѣлахъ Валентиніанъ и Валентъ слѣдовали разнымъ системамъ. Патріархъ константинопольскій, аріанинъ, внушилъ Валенту фанатическое усердіе поддерживать аріанство; этотъ государь, если не подвергалъ православныхъ прямому гоненію, то склонялъ ихъ принимать аріанство и отдавалъ во всемъ предпочтеніе аріанамъ. Валентиніанъ въ своей части государства предоставлялъ людямъ свободу совѣсти. Онъ одинаково защищалъ не только христіанъ всѣхъ исповѣданій, но и язычниковъ и даже іудеевъ отъ произвола правителей и насилій толпы; онъ дозволялъ язычникамъ совершать ауспиціи, и вообще всѣмъ предоставлялъ свободу слѣдовать той религіи, какая кому кажется истинной. Валентиніанъ правилъ западомъ почти 12 лѣтъ сурово, но справедливо, поддерживалъ порядокъ внутри государства, защищалъ границы отъ враговъ. Онъ издалъ эдикты для обузданія алчности духовенства, пользовавшагося религіозностью людей для увеличенія своихъ богатствъ: запретилъ духовенству пріобрѣтать собственность по завѣщаніямъ и дарственнымъ актамъ, заманивать богатыхъ и знатныхъ молодыхъ людей въ монашескую жизнь. Онъ обуздалъ высокомѣріе епископа римскаго Дамаса, жившаго съ царской пышностью и надменно вмѣшивавшагося въ свѣтскія дѣла. Онъ энергически охранялъ оружіемъ границы государства на Рейнѣ, въ Британніи, въ Африкѣ. Валентъ старался дѣйствовать, подобно ему, на восточной границѣ и на Дунаѣ.

1. Военныя дѣйствія въ Галліи и Германіи, 366—372. Война съ алеманцами. Январь 366.

1. Гордый сановникъ Валентиніана Урсакій уменьшилъ подарки, какіе, по обычаю или договору, давались алеманнамъ при восшествіи на престолъ новаго императора; раздраженные этимъ, они напали на римскія владѣнія. Храбрый графъ Харіэттонъ и другой римскій военачальникъ были побѣждены и знамя батавовъ было захвачено врагами. Валентиніанъ грозилъ батавамъ, что отниметъ у нихъ оружіе и продастъ ихъ въ рабство; они клялись, что смоютъ съ себя позорное пятно кровью алеманновъ; подъ этимъ условіемъ онъ простилъ ихъ; они присоединились къ войску, которое повелъ на враговъ Іовинъ, и сражались храбро. Іовинъ, неожиданно напавъ близъ Меца на безпорядочную толпу алеманскихъ воиновъ, истребилъ ихъ; сдѣлалъ такое же неожиданное нападеніе на другой отрядъ ихъ, стоявшій на берегу Мозеля: нѣкоторые изъ нихъ купались въ рѣкѣ, другіе причесывали себѣ волосы, или пировали, когда Іовинъ бросился на нихъ; много ихъ было истреблено, остальные разсѣялись. Послѣ этихъ успѣховъ Іовинъ нанесъ тяжелое пораженіе главному войску алеманновъ въ кровопролитной битвѣ при Шалонѣ на Марнѣ; 366.
6,000 враговъ легли на полѣ битвы, король ихъ былъ захваченъ въ плѣнъ, и воины безъ вѣдома Іовина повѣсили его на деревѣ. Іовинъ съ торжествомъ возвратился къ императору въ Лутецію и получилъ отъ него въ награду санъ консула. Другой алеманскій король Витикабъ, человѣкъ слабаго сложенія, но подобный храбростью своему отцу Вадомару (стран. 565), былъ предательски убитъ. Это еще больше ослабило алеманновъ. Но одинъ изъ ихъ князей Рандонъ напалъ во время христіанскаго праздника на Могунціакъ, ограбилъ городъ и увелъ жителей въ плѣнъ. Раздраженный этимъ, Валентиніанъ рѣшился самъ пойдти въ землю алеманновъ. Онъ собралъ грозное войско; поручилъ начальство надъ однимъ его крыломъ Іовину, надъ другимъ Северу, взялъ съ собой своего сына Граціана, юношу, 368.
котораго не задолго передъ тѣмъ сдѣлалъ своимъ соправителемъ. Войско перешло Рейнъ. Валентиніанъ, подвергавшійся лично большой опасности, разбилъ алеманновъ, стоявшихъ на горѣ у Солицинія

близъ Некара, и снова укрѣпилъ фортами и башнями берега Рейна отъ Кельна до Базеля. При постройкѣ этихъ укрѣпленій онъ выказалъ себя опытнымъ механикомъ, топографомъ и архитекторомъ. Онъ хотѣлъ построить укрѣпленіе на правомъ берегу Рейна, на горѣ Пирѣ (вѣроятно, на одной изъ горъ около Гейдельберга). Но этой работѣ помѣшало неожиданное нападеніе алемановъ; Валентиніанъ отвелъ войско на зиму въ Триръ и вознаградилъ воиновъ за труды похода блестящими играми. Алеманскій король Макріанъ лѣчился на минеральныхъ водахъ въ горахъ Тавнуса; Валентиніанъ хотѣлъ внезапнымъ нападеніемъ захватить его въ плѣнъ, но это не удалось: алеманны, ходившие на грабежъ, извѣстили Макріана о приближеніи непріятеля, онъ успѣлъ убѣжать горными тропинками. Не захвативъ его въ плѣнъ, Валентиніанъ опустошилъ сосѣднюю область. Въ извѣстіяхъ о римскихъ дѣлахъ этого времени встрѣчаются имена двухъ другихъ германскихъ племенъ, бургундовъ и саксовъ. Бургунды, жившие по верховью Майна и по Салѣ, часто воевали съ южными своими сосѣдями алеманнами изъ-за соляныхъ источниковъ. Римляне, по-старинному правилу ссорить германцевъ, старались увеличивать эту вражду между ними. У римлянъ существовало, какъ говоритъ Амміанъ, преданіе, что бургунды происходятъ отъ римскихъ воиновъ, которыхъ Друзъ оставилъ охранять укрѣпленія на Эльбѣ. Этой сказкой римляне воспользовались теперь, чтобы склонять бургундовъ къ союзу съ ними. Но, кажется, переговоры не имѣли важныхъ послѣдствій. Саксы нападали на обезсиленную Галлію, какъ впослѣдствіи норманны. На своихъ плоскодонныхъ лодкахъ, борты которыхъ были сплетены изъ прутьевъ и обтянуты кожами, они плавали вдоль морскихъ береговъ и подымались по низовьямъ всѣхъ большихъ рѣкъ отъ Эльбы до Гаронны, брали добычу, захватывали плѣнныхъ. Отрядъ ихъ, грабившій Арморику, былъ окруженъ римскими войсками; римляне дали имъ свободный пропускъ, но при ихъ отступленіи вѣроломно напали на нихъ, нѣкоторыхъ убили, другихъ взяли въ плѣнъ. Самые высокіе и сильные изъ плѣнниковъ были выбраны для гладіаторскаго боя; но когда имъ велѣли идти на арену амфитеатра, 29 человѣкъ изъ нихъ закололи себя.

2. Британскія дѣла. 367—370.

2. Межъ тѣмъ какъ Валентиніанъ, имѣвшій свою главную квартиру то въ Трирѣ, то въ Лутеціи, охранялъ Рейнъ, его полководецъ Ѳеодосій, походившій благородствомъ характера и дарованіями на Агриколу, упрочилъ владычество римлянъ въ Британніи и въ Африкѣ. Въ Британніи онъ отразилъ набѣги хищныхъ каледонцевъ, возстановилъ дисциплину въ римскомъ войскѣ, и провинція, успокоенная имъ, отдохнула отъ прежнихъ бѣдствій. Въ Африкѣ онъ своимъ мужествомъ и рѣшительностью подавилъ возстаніе и расширилъ римскія владѣнія на югъ, покорилъ ту полосу, которая теперь называется землею финиковыхъ пальмъ (Биледъ-уль-Джеридъ). Романъ, прави-

Африканская война. 372, 373.

тель Африки, человѣкъ корыстолюбивый, притѣснялъ богатые города и сельское населеніе плодородной части Нумидіи такъ безсовѣстно, что отъ его грабежа они страдали больше, чѣмъ отъ набѣговъ номадовъ; но онъ подкупалъ вліятельныхъ придворныхъ и потому оставался безнаказаннымъ. Наконецъ мавританскій князь Фирмъ возсталъ противъ римскаго ига и нашелъ себѣ много приверженцевъ въ угнетенномъ населеніи римской провинціи. Ѳеодосій сражался тогда съ германцами. Валентиніанъ послалъ его въ Африку подавить мятежъ. Фирмъ хитрилъ какъ Югурта, но Ѳеодосій выказалъ таланты Метелла и Суллы. Фирмъ бѣжалъ къ одному изъ царьковъ кочевыхъ племенъ, но былъ арестованъ имъ и, чтобы не быть выданнымъ Ѳеодосію, лишилъ себя жизни. Романъ избавился отъ заслуженнаго наказанія, благодаря покровительству подкупленныхъ имъ придворныхъ сановниковъ, а возстановитель римскаго владычества въ Африкѣ былъ черезъ нѣсколько времени по ложному доносу обвиненъ въ измѣнѣ императору и казненъ въ Карѳагенѣ. 373. 376.

3. Война съ квадами на Дунаѣ.

Это гнусное повелѣніе казнить заслуженнаго полководца было дано не Валентиніаномъ: онъ умеръ раньше того. Но при немъ произошли въ одинъ годъ два мятежа римскихъ сановниковъ въ двухъ мѣстностяхъ, очень далекихъ одна отъ другой. Около того времени, какъ армянскій царевичъ Пара былъ коварно убитъ на пирѣ, пронзенный копьемъ сильнаго римскаго воина (стр. 584), правитель нижней Паннонiи Валеріанъ обезчестилъ себя другой измѣною закону гостепріимства. 374. Онъ пригласилъ къ себѣ въ гости квадскаго короля Габинія; король довѣрчиво пріѣхалъ, и Валеріанъ велѣлъ убить его за обѣдомъ, думая, что по его смерти квады не посмѣютъ продолжать своихъ требованій, чтобы римляне прекратили постройку укрѣпленій на границѣ ихъ земли. Но коварный поступокъ не принесъ пользы римлянамъ. Въ справедливомъ негодованіи, квады взялись за оружіе, перешли Дунай и съ присоединившимися къ нимъ другими германцами и сарматами стали грабить римскія владѣнія. Дочь императора Констанція, невѣста Граціана, ѣхавшая къ жениху, едва не была захвачена ими въ плѣнъ. Только благодаря находчивости и отвагѣ одного изъ римскихъ военачальниковъ, она успѣла скрыться въ Сирміи. Черезъ нѣсколько времени варвары подступили къ стѣнамъ этого города. Префектъ Пробъ, начальствовавшій войсками въ немъ, оробѣлъ и хотѣлъ бѣжать. Люди, менѣе трусливые, съ трудомъ отклонили его отъ этой мысли и убѣдили поправлять стѣны. Варвары не имѣли осадныхъ машинъ, не могли взять городъ и пошли на войско, которымъ начальствовалъ главный правитель Паннонiи Эквицій. Они полагали, что ихъ король убитъ по его приказанію, и хотѣли отмстить ему. У него было два легіона, но квады разбили его и стали ходить по римскимъ областямъ, опустошая ихъ.

Смерть Валентиніана 375.

При извѣстіи объ этомъ Валентиніанъ, бывшій въ походѣ противъ

алеманновъ, заключилъ на берегу Рейна противъ Майнца миръ съ ихъ королемъ и пошелъ въ дунайскія провинціи. Квады и сарматы не стали дожидаться его, ушли въ свою землю. Валентиніанъ перешелъ Дунай у Аквинка, отмстилъ врагамъ опустошеніемъ ихъ страны и расположился на зимнія квартиры въ Брегеціонѣ (близъ Пресбурга), думая весной продолжать походъ. Квады, считая сопротивленіе невозможнымъ, отправили къ нему пословъ съ просьбой о пощадѣ. Послы смиренно подошли къ престолу; когда они стали говорить о фактахъ, которыми извиняется ихъ нападеніе или по крайней мѣрѣ уменьшается ихъ вина, вспыльчивый императоръ пришелъ въ такое раздраженіе, что отъ страстнаго волненія у него разорвался кровяной сосудъ, и онъ упалъ на руки окружавшихъ.

17 ноября 375. Граціанъ 375—383. Валентиніанъ II 375—392.

Старшій сынъ Валентиніана Граціанъ, которому тогда было 17 лѣтъ и который былъ уже возведенъ отцомъ въ санъ августа, былъ немедленно провозглашенъ императоромъ западной половины государства. Но былъ провозглашенъ императоромъ и второй сынъ Валентиніана, называвшійся тоже Валентиніаномъ и родившійся отъ второй жены покойнаго государя, красавицы Юстины. Онъ былъ четырехлѣтній ребенокъ, и дѣло было устроено вельможами, надѣявшимися управлять отъ его имени. Граціанъ скрылъ свою досаду и объявилъ, что подчиняется волѣ иллирскаго войска. Юстина съ своимъ сыномъ поселилась въ Медіоланѣ, а Граціанъ, юноша крѣпкаго здоровья и энергическаго характера, страстно любившій войну и охоту, избралъ своею резиденціею городъ Тревировъ, омываемый Мозелемъ, живописные берега котораго идиллически воспѣлъ его учитель Авзоній (стр. 374).

Начало переселенія народовъ. Смерть Валента.

Гунны.

Съ незапамятныхъ временъ въ Алтайскихъ горахъ жилъ дикій пастушескій народъ монгольскаго племени; имѣвшій отвратительныя черты лица. Китайскіе государи всячески старались избавить свою имперію отъ опустошительныхъ нашествій этого страшнаго врага: водили противъ него многочисленныя войска; построили громадную стѣну, которая, казалось бы, должна была служить непреодолимой задержкой полчищамъ всадниковъ, вооруженныхъ лукомъ и стрѣлами или копьемъ; но все было напрасно: китайцы обыкновенно принуждены были покупать себѣ безопасность подарками или данью. Родоначальники ордъ и общій вождь ихъ, имѣвшій титутъ танджу, получали въ даръ отъ китайцевъ золотыя и серебряныя ткани на украшеніе своихъ кибитокъ или хижинъ; китайцы отдавали своихъ дочерей въ жены имъ. Даже дочери императора проводили съ тоской годы своей молодости въ кибиткахъ ихъ родоначальниковъ. Въ I томѣ мы видѣли, что при династіи Хань въ I и II вѣкахъ нашей эры это постыдное иго было свергнуто китайцами (стр. 43). Потерпѣвъ неудачи въ войнахъ съ китайцами, варвары перессорились между собою; орды ихъ раздѣлились, власть общаго хана исчезла. Китайцы, пользуясь этими раздорами, принуждали одну орду за другой вести мирную жизнь и платить Китаю дань, и защищать его границу. Но нѣкоторыя племена дикарей, получившія названія гунновъ, имѣли отвращеніе отъ образованности, которую вводили у ихъ соплеменниковъ китайцы; они ушли со своими стадами черезъ горы на западъ. Скоро они раздѣлились на двѣ части. Одни остановились въ плодородныхъ мѣстахъ обширной равнины по теченію Оксуса и Яксарта; тамъ они, подъ вліяніемъ хорошаго климата и сношеній съ болѣе цивилизованными народами, постепенно приняли болѣе мягкіе обычаи и наконецъ даже замѣнили свою кочевую анархію благоустроенной государственной жизнью. Эти племена, извѣстныя подъ названіемъ эвфалитовъ или «бѣлыхъ гунновъ», то воевали съ иранцами, то вели мирныя сношенія съ ними. Другой отдѣлъ продолжалъ идти на сѣверозападъ; эти номады раскинули наконецъ свои кибитки по берегамъ Волги и продолжали тамъ прежнюю суровую кочевую жизнь. Зимой они съ своими стадами рогатаго скота и овецъ спускались къ устьямъ Волги, а лѣтомъ доходили до Саратова и даже до впаденія Камы въ Волгу. Вѣроятно, они очень долго жили въ приволжскихъ степяхъ, занимаясь, какъ въ древности скиѳы, скотоводствомъ и охотничествомъ, и дѣлая хищническіе набѣги на сосѣднія племена. Въ IV вѣкѣ, тѣснимые новыми ордами, пришедшими изъ восточной Азіи, они пошли далѣе на западъ; нѣкоторыя изъ новыхъ ордъ присоединились къ нимъ. Они напали на алановъ, конное племя, которому примѣсь сарматской и германской крови дала красивыя черты лица, свѣтлые волоса и способность принять цивилизованные обычаи. Аланы жили на обширной, богатой пастбищами равнинѣ между Дономъ и Волгой, вели кочевую пастушескую жизнь, возили съ собой женъ, дѣтей, имущество на телѣгахъ, покрытыхъ кожами въ родѣ шатровъ. Рабовъ у нихъ не было. Они поклонялись богу войны подъ символомъ воткнутаго въ землю обнаженнаго меча; украшали своихъ лошадей и оружіе кусками кожи, содранной съ убитыхъ враговъ. По этимъ обычаямъ видно, что они были народъ воинственный. Но хотя они очень храбро отбивались отъ новаго страшнаго врага, гунны одолѣли ихъ въ кровопролитной битвѣ. Аланскій царь и храбрѣйшіе воины его пали въ сраженіи; остальному народу былъ только одинъ выборъ бѣжать или покориться. Гунны предложили аланамъ соединиться съ ними на равныхъ правахъ. Большинство алановъ согласилось, и воины ихъ увеличили силу гуннскихъ пол-

Аланы.

чищъ. Меньшинство ушло въ кавказскія горы, и потомки этихъ бѣжавшихъ алановъ еще остаются тамъ до сихъ поръ. Другая часть алановъ, не захотѣвшихъ соединиться съ гуннами, ушла къ Балтійскому морю, и оттуда эти аланы въ соединеніи съ германскими племенами двинулись черезъ нѣсколько времени на юго-западъ, ворвались въ римскую имперію и поселились сначала въ Галліи, потомъ въ Испаніи.

Нравы гунновъ

Готы, владѣнія которыхъ простирались тогда на востокъ до западнаго берега Дона, со страхомъ смотрѣли на приближеніе новыхъ враговъ, отвратительныхъ видомъ и свирѣпыхъ. Гунны не имѣли бороды, глаза у нихъ были узкіе, о нихъ говорили, что ихъ лица не имѣютъ ни красоты въ молодости, ни почтеннаго выраженія въ старости. Амміанъ Марцеллинъ описываетъ наружность гунновъ и образъ ихъ жизни чертами, по которымъ видно, какое ужасное впечатлѣніе производили на жителей римской имперіи эти восточные варвары, казавшіеся готамъ потомками вѣдьмъ (альраунъ) и злыхъ духовъ пустыни.

Амміанъ Марцеллинъ говоритъ: „Гунны, о которыхъ почти нѣтъ извѣстій у древнихъ писателей, живутъ за Меотійскимъ озеромъ до Ледовитаго моря. Дикость ихъ нравовъ безгранична. У нихъ есть обычай дѣлать порѣзы на щекахъ у новорожденныхъ мальчиковъ; это уничтожаетъ ростъ бороды и обезображиваетъ лицо. Они крѣпкаго тѣлосложенія, руки у нихъ длинныя, и формой тѣла они похожи на животныхъ или на грубо отесанные чурбаны. Они чрезвычайно отвратительны видомъ и необыкновенно способны выносить всякія неудобства и лишенія, такъ что вовсе не употребляютъ огня и не умѣютъ готовить себѣ хорошую пищу. Они живутъ исключительно кореньями, травами и сырымъ мясомъ всяческихъ животныхъ, которое нѣсколько размягчаютъ тѣмъ, что кладутъ его на спину лошади и ѣздятъ на немъ. Никогда не входятъ они подъ кровлю дома, избѣгая домовъ, какъ гробницъ; у нихъ нѣтъ даже тростниковыхъ шалашей. Они кочуютъ по горамъ и лѣсамъ, привыкаютъ къ голоду и жаждѣ, къ непогодѣ. Одежда у нихъ льняная или кожаная, сшитая изъ шкуръ мелкихъ дикихъ животныхъ. И дома, и въ разъѣздахъ носятъ они одну и ту же одежду и не снимаютъ ея съ тѣла, пока она спадетъ съ него, изорвавшись въ лохмотья. На головахъ у нихъ шапки; ноги, поросшія волосами, они завертываютъ въ козьи шкуры, обувь у нихъ такая безобразная, что въ ней трудно ходить; потому они не могутъ сражаться пѣшіе. Они какъ будто приросли къ своимъ некрасивымъ, но крѣпкимъ лошадямъ и дѣлаютъ всѣ свои обыкновенныя дѣла, не слѣзая съ нихъ: день и ночь сидятъ они на лошадяхъ; сидя верхомъ, покупаютъ и продаютъ, ѣдятъ и пьютъ, даже спятъ, наклонившись къ шеѣ лошади. На своихъ общественныхъ собраніяхъ они тоже не слѣзаютъ съ лошадей. Надъ ними нѣтъ крѣпкой царской власти; своихъ военачальниковъ они выбираютъ быстро и безпорядочно изъ числа старшинъ. Въ сраженіяхъ они съ ужаснымъ крикомъ бросаются на врага, построившись клиньями. Они ловки, и лошади у нихъ быстры, потому они часто разсыпаются врозь, чтобъ обмануть врага, и потомъ въ безпорядочной схваткѣ истребляютъ его. Въ своихъ нашествіяхъ они быстро идутъ впередъ, не нападая на крѣпости и укрѣп-

ленные станы. Издали они бьются, бросая дротики и пуская стрѣлы, наконечники которыхъ искусно сдѣланы изъ заостренныхъ костей. Въ рукопашномъ бою они употребляютъ мечъ; и межъ тѣмъ какъ врагъ смотритъ на движенія меча, они внезапно накидываютъ арканъ и, затянувъ его, дѣлаютъ врага беззащитнымъ. У нихъ нѣтъ ни нивъ, ни дворовъ, ни домовъ; не зная никакого закона, они кочуютъ какъ скитальцы на своихъ телѣгахъ; эти телѣги ихъ жилища, тамъ сидятъ, ихъ жены, занимаясь немногими своими хозяйственными дѣлами, ткутъ грубую одежду и держатъ подлѣ себя дѣтей. Родятся они въ одномъ мѣстѣ, ростутъ въ другихъ и не знаютъ родины. Они вѣроломны, непостоянны, увлекаются всякой новой мыслью, безусловно слѣдуютъ внушенію минуты. Такъ живутъ они, подобно неразумнымъ животнымъ, не понимая разницы между добродѣтелью и порокомъ, не имѣя никакого уваженія къ религіи. Они чрезвычайно жадны до золота, и характеръ ихъ такъ не постояненъ и раздражителенъ, что въ одинъ день они ссорятся и мирятся нѣсколько разъ“.

Готское царство при Германрихѣ.

Когда гунны съ новыми своими союзниками перешли Донъ, чтобы покорить земли на западѣ отъ него, готское царство достигло наибольшаго своего могущества и объема. Знаменитый король остготовъ происходившій изъ славнаго рода Амаловъ, Германрихъ, покорилъ всѣ сосѣдніе германскіе и сарматскіе народы силой оружія или путемъ договоровъ. Всѣ они признавали власть этого государя, которому теперь было болѣе ста лѣтъ. Даже князья вестготовъ, происходившіе изъ рода Бальтовъ, Атанарихъ, Фридигернъ и Алавивъ (котораго римляне называютъ Алавіемъ), повиновались Германриху и довольствовались саномъ «судей», ему подчиненныхъ. Подъ властью могущественнаго остготскаго короля находились всѣ племена, жившія на востокѣ отъ квадовъ по Тисѣ и Марошу: язиги, та часть вандаловъ, которая осталась въ Дакіи; тайфалы, безчестившіе свою храбрость гнусными пороками; виктофалы и соплеменники ихъ гепиды, повиновались Германриху и племена, жившія на востокѣ отъ остготовъ: герулы, поселившіеся въ низменности по берегу Меотиды, ихъ южные сосѣди скиры и сѣверные сосѣди, роксоланы; подвластны ему были и племена, жившія по Вислѣ и у Балтійскаго моря венды и эстіи. Это была обширная федерація, которою Германрихъ правилъ съ полновластіемъ завоевателя и жестокостью тиранна, и долго по его смерти готы пѣли о его славныхъ дѣлахъ; но эти пѣсни погибли, и воспоминанія о подвигахъ долгой жизни остготскаго героя дошли до насъ очень неполныя и затуманенныя вымыслами преданія. Народы, надъ которыми царствовалъ онъ, еще не имѣли лѣтописей.

Пораженіе готовъ.

Германрихъ повелъ свои войска на страшныхъ враговъ. Но счастье, такъ долго служившее ему, покинуло его. Покоренныя племена были склонны отложиться отъ готовъ; Германрихъ велѣлъ привязать къ лошадямъ и разорвать ими жену ушедшаго изъ-подъ его знаменъ роксоланскаго князя; ея братья напали на него, ранили его, и раны

еще не зажили, когда гунны напали на его войско. Отчаявшись въ побѣдѣ, Германрихъ вонзилъ въ себя мечъ, не желая пережить паденія созданнаго имъ царства. Его преемникъ Винитаръ вступилъ въ битву съ гуннами и потерпѣлъ пораженіе. Онъ и храбрѣйшіе воины его легли на полѣ битвы. Два храбрые готскіе военачальники, Алатей и Сафрахъ, ушли съ остатками войска и несовершеннолѣтнимъ сыномъ Винитара и успѣли дойдти до Днѣстра, гдѣ стоялъ станомъ Атанарихъ съ вестготами. Остальные остготы покорились гуннамъ и получили позволеніе сохранить свое національное единство. Въ числѣ полководцевъ Аттилы находились потомки остготскаго королевскаго рода Амаловъ.

Вестготы переходятъ на южный берегъ Дуная. 376.

Атанарихъ хотѣлъ сражаться съ гуннами, продолжавшими идти на западъ. Но отрядъ гуннской конницы переправился въ лунную ночь черезъ Днѣстръ, такъ что вестготы не замѣтили этого, и напалъ на нихъ съ тыла; они смутились и въ страхѣ перессорились. Атанарихъ съ частью войска отступилъ въ лѣса между Прутомъ и Дунаемъ, тамъ были сдѣланы засѣки, и онъ хотѣлъ обороняться за ними. Но большинство остготовъ съ двумя другими судьями, Фридигерномъ и Алавіемъ ушло къ Дунаю, чтобы переправиться на южный берегъ подъ защиту римлянъ. Валентъ находился тогда въ Антіохіи, притѣсняя православныхъ и слѣдя за движеніями персовъ. Вестготскіе послы явились къ нему и протягивая съ мольбою руки, просили убѣжища своему народу и хлѣба для утоленія его голода. Они говорили, что если онъ дозволитъ вестготамъ перейдти Дунай и поселиться въ опустѣвшихъ мѣстностяхъ Ѳракіи, то они, въ благодарность за спасеніе, будутъ повиноваться ему и охранять границы государства. Валентъ былъ усердный аріанинъ, а часть вестготовъ уже исповѣдывала аріанство (стр. 451) или была согласна принять его (только Атанарихъ, по ненависти къ римлянамъ, преслѣдовалъ готовъ, принявшихъ христіанство; въ станѣ его стояло на священной колесницѣ уродливое изображеніе какого-то германскаго божества и былъ поставленъ жертвенникъ). Отчасти по сочувствію къ своимъ единовѣрцамъ, отчасти по желанію пріобрѣсти защитниковъ для самой опасной части границъ государства, Валентъ согласился на просьбу вестготовъ подъ условіемъ, что они выдадутъ римлянамъ свое оружіе и что знатныя семейства ихъ отдадутъ дѣтей римлянамъ, въ залогъ вѣрности народа императору; послы согласились. Но готы успѣли уклониться отъ исполненія наиболѣе важнаго изъ этихъ условій, отъ выдачи оружія. Они подкупили римскихъ военачальниковъ и правителей, давъ имъ денегъ или красивыхъ дѣвушекъ. Подкупленные распорядители переправы позволяли готамъ садиться съ оружіемъ на лодки и паромы, перевозившія ихъ черезъ Дунай. На равнины нижней Мизіи переправилось 200,000 вооруженныхъ готовъ съ

Бѣдствія готовъ.

женами, дѣтьми, рабами и всѣмъ имуществомъ. Начальники той об-

ласти, Лупицинъ и Максимъ, алчные люди, пренебрегавшіе общимъ благомъ для удовлетворенія своему корыстолюбію, стали извлекать выгоду себѣ изъ этого переселенія. Они медлили назначеніемъ земель для готовъ и, доставляя имъ хлѣбъ, брали за съѣстные припасы чрезвычайно высокую цѣну. Готы отдавали за пищу все, что пріобрѣли въ прежнія времена: полотняную одежду, ковры съ бахромой, другія цѣнныя вещи; скоро все это было отдано, и они принуждены были для полученія пищи отдавать своихъ дѣтей въ рабство. За одинъ хлѣбъ въ нѣсколько фунтовъ, за кусокъ мяса, за дохлую собаку римляне брали у готовъ взрослаго человѣка въ рабы себѣ. Готы озлобились. Они были въ плодородной области, видѣли вокругъ себя изобиліе, а корыстолюбивые римляне принуждали ихъ страдать отъ голода, чтобы за безцѣнокъ брать у нихъ имущество. Ожесточеніе ихъ усилилось тѣмъ, что римляне требовали у нихъ женъ и дочерей на удовлетвореніе своему распутству. Нуженъ былъ лишь какой-нибудь мелкій поводъ, чтобы всѣ они взялись за оружіе. Этотъ поводъ далъ имъ самъ Лупицинъ. Онъ пригласилъ къ себѣ Фридигерна и Алавія въ Маркіанополь, главный городъ нижней Мизіи, и угощалъ ихъ за роскошнымъ столомъ, а между тѣмъ римская стража не впускала въ городъ массу голодныхъ готовъ, хотѣвшихъ купить себѣ пищу и гнала съ рынка пришедшихъ туда; изъ-за этого произошла драка, нѣсколько было убито. Раздраженный Лупицинъ велѣлъ убивать готовъ, составлявшихъ свиту Фридигерна и Алавія. Фридигернъ ушелъ изъ его дворца, сказавъ, что идетъ успокоить готовъ, дравшихся съ римлянами, ускакалъ изъ города, велѣлъ готамъ распустить знамена, трубить въ рога и повелъ свои полчища на городъ. Лупицинъ поспѣшно собралъ войско и двинулся на встрѣчу варварамъ, но былъ разбитъ и бѣжалъ; храбрѣйшіе воины его были перебиты, другіе бѣжали, побросавъ оружіе и знамена. Раздраженные готы пошли по Ѳракіи, грабили, опустошали, рѣзали. Къ нимъ присоединился многочисленный отрядъ ихъ соплеменниковъ, находившійся въ римской службѣ. Люди, работавшіе въ рудникахъ Ѳракіи и очень страдавшіе отъ притѣсненія своихъ надзирателей, бѣжали къ варварамъ и сдѣлались проводниками ихъ, указывали имъ, гдѣ они найдутъ склады продовольствія. Дѣти готовъ, освободившіеся изъ рабства, увеличивали раздраженіе своихъ отцовъ, братьевъ и другихъ родныхъ разсказами о страданіяхъ, которымъ подверглись въ рабствѣ.

Возстаніе въ Маркіанополѣ. 337.

Битва у Ив. 377.

Валентъ рѣшилъ двинуть на готовъ всѣ военныя силы государства. Ветераны восточныхъ войскъ получили приказаніе идти въ дунайскія области; Валентъ послалъ просить помощи у Граціана, императора западной половины имперіи, а самъ отправился въ Константинополь, чтобы находиться ближе къ театру военныхъ дѣйствій. Въ нижней Мизіи неподалеку отъ города Томъ, въ мѣстности,

которая называлась Ad Salices (у ивъ), произошло сильное сраженіе между Фридигерномъ и полководцами Валента. На боевой крикъ римлянъ, звучавшій по правиламъ пѣнія, варвары отвѣчали дикими военными пѣснями, въ которыхъ потомки одушевляли себя напоминаніями о славныхъ подвигахъ предковъ. Съ обѣихъ сторонъ было убито много храбрыхъ воиновъ; битва кончилась утомленіемъ обоихъ войскъ. Побѣда осталась нерѣшенной. Тѣла убитыхъ были покинуты безъ погребенія въ добычу хищнымъ птицамъ. Амміанъ Марцеллинъ еще видѣлъ поле сраженія покрытымъ костями.

Бѣдственное положеніе восточной имперіи. Римляне хотѣли запереть готовъ въ тѣсной полосѣ между Гемусомъ и Дунаемъ, надѣялись истребить ихъ тамъ голодомъ. Но Фридигернъ вошелъ въ сношенія съ тою частью остготовъ, которая ушла съ Днѣстра съ сыномъ Германриха и теперь бродила по сѣверному берегу Дуная. Онъ убѣдилъ этихъ остготовъ переправиться черезъ Дунай и напасть на римлянъ съ тыла. Римскіе полководцы отступили, вестготы Фридигерна ринулись изъ той мѣстности, гдѣ были заперты, какъ бросаются дикіе звѣри, сломавъ ограду звѣринца, соединились съ остготами и тайфалами и стали снова опустошать всѣ области отъ Дуная до Геллеспонта. Къ нимъ присоединились конные отряды алановъ и сарматовъ и своими быстрыми набѣгами расширяли пространство, подвергавшееся опустошенію. Алеманны, нарушивъ договоръ, пошли въ это время за Рейнъ; Граціанъ принужденъ былъ отложить походъ на востокъ и отражать болѣе близкаго врага. Онъ побѣдилъ часть алеманновъ при Аргентаріи (близъ Кольмара или Горбурга). Ихъ князь Пріарій и большинство воиновъ были убиты; Граціанъ загналъ остальныхъ въ долины Шварцвальда, принудилъ просить мира и, давъ его, взялъ у нихъ заложниковъ.

Битва при Адріанополѣ. 378. Межъ тѣмъ какъ Граціанъ, 19-лѣтній юноша, выказалъ таланты хорошаго полководца и государственнаго человѣка, возстановивъ безопасность земель по верхнему Рейну, дядя его Валентъ, ослѣпленный льстецами, погубилъ своей самоувѣренностью честь римскаго оружія. Онъ получалъ отъ своего полководца Севастіана блестящія донесенія о побѣдахъ; народъ Константинополя кричалъ въ ипподромѣ, что императоръ долженъ прогнать за Дунай варваровъ, которыхъ самъ впустилъ въ государство; отбросивъ свою обыкновенную апатію, онъ рѣшился самъ принять начальство надъ войскомъ. Племянникъ, заключивъ миръ съ алеманнами, тотчасъ же пошелъ на помощь ему. Онъ поспѣшилъ дать битву, чтобы Граціанъ не раздѣлилъ съ нимъ славу побѣды, въ которой онъ былъ увѣренъ. Эта опрометчивая битва произошла 9 августа близъ Адріанополя. Помощники Валента дѣйствовали искусно, легіоны выказали старинную римскую храбрость; но римская пѣхота, сдѣлавъ передъ сраженіемъ большой поспѣшный переходъ подъ зноемъ лѣтняго дня, была

утомлена. Готская и сарматская конница была гораздо многочисленнѣе римской и опрокинула ее; легіоны, покинутые своею конницею, были осыпаемы стрѣлами враговъ, и битва при Адріанополѣ кончилась такимъ пораженіемъ, которое, по числу погибшихъ римлянъ, равнялось пораженію при Каннахъ, а по своимъ послѣдствіямъ было несравненно гибельнѣе его. Стѣсненные врагами, воины легіоновъ падали почти беззащитно подъ копьями варваровъ. Двѣ трети огромнаго войска погибли; въ числѣ убитыхъ находились главнокомандующій пѣхоты, главнокомандующій конницы, двое изъ первыхъ сановниковъ двора и 35 второстепенныхъ военачальниковъ. Погибъ и самъ Валентъ. Говорятъ, что онъ съ своею свитою спрятался въ хижинѣ близъ поля битвы, что она была зажжена врагами и что онъ сгорѣлъ вмѣстѣ со всѣми другими, бывшими въ ней. Только благодаря наступившей ночи, успѣла уйти въ стройномъ порядкѣ хотя небольшая часть войска, начальство надъ которой приняли искусные полководцы Викторъ и Рихомеръ, человѣкъ варварскаго, быть можетъ германскаго происхожденія. Знаменитѣйшій ораторъ того времени, Ливаній, произнесъ рѣчь въ память императору и погибшимъ воинамъ. Онъ краснорѣчиво выразилъ овладѣвшія всѣми чувства скорби и ужаса. Отряды готской конницы доходили до самаго Босфора; но ихъ ярость была безсильна противъ крѣпкихъ стѣнъ Константинополя. Напрасны остались и нападенія готовъ на Адріанополь. Фридигернъ сказалъ, что не воюетъ съ каменными стѣнами, и готамъ не удалось овладѣть сокровищами богатыхъ городовъ. Но они ходили по всѣмъ областямъ до самой подошвы Юлійскихъ Альпъ, и опустошенія, насилія, убійства, совершонныя ихъ буйными толпами, были ужасны.

Блаженный Іеронимъ, проѣзжавшій по этимъ областямъ черезъ 20 лѣтъ, говоритъ, что тамъ послѣ произведеннаго варварами опустошенія остались только небо и земля, что города были разрушены, люди истреблены, нивы поросли терновникомъ и лѣсомъ. Разумѣется, можно предполагать, что въ этой характеристикѣ есть нѣкоторое преувеличеніе. Амміанъ Марцеллинъ разсказываетъ фактъ жестокости самихъ римлянъ. По приказанію правителя Азіи, готскіе юноши, жившіе заложниками въ главныхъ городахъ восточныхъ областей, были въ назначенный день выведены на площади, заперты на нихъ и убиты дротиками и стрѣлами, пускаемыми изъ оконъ и съ кровель домовъ.

6. Өеодосій Великій.

(370—395).

Граціанъ назначаетъ Өеодосія императоромъ Востока. 379.

Граціанъ, шедшій къ Адріанополю, услышалъ на пути о пораженіи и смерти дяди, поѣхалъ въ Сирмій и назначилъ храбраго полководца Өеодосія главнокомандующимъ войскъ на Востокѣ, а вскорѣ послѣ того августомъ восточной половины государства. Это было внушено Граціану мудрой заботливостью о благѣ имперіи. Послѣ несправедливой казни, которой подвергся отецъ Өеодосія (стр. 589), онъ жилъ въ ссылкѣ въ своемъ испанскомъ имѣніи, занимаясь сельскимъ хозяйствомъ, былъ чуждъ всякой надежды и всякаго желанія получить власть. Имя его стало знаменито въ исторіи и остается до сихъ поръ мило усерднымъ христіанамъ. Ему дано названіе великаго. Онъ былъ уроженецъ той же провинціи и, быть можетъ, того же города, гдѣ родились Траянъ и Адріанъ. Будучи даровитымъ полководцемъ, онъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ человѣкъ образованный. Ему было тридцать три года, когда онъ сдѣлался августомъ. Народъ восхищался мужественной красотой его лица, которое находилъ напоминающимъ изображенія Траяна. Люди проницательные полагали, что находятъ въ немъ болѣе вѣрное сходство съ Траяномъ по качествамъ ума и сердца.

Өеодосій одолѣваетъ готовъ 380—382.

Өеодосій оправдалъ довѣріе императора и народа. Мы не имѣемъ той части исторіи Амміана Марцеллина, въ которой разсказывались событія лѣтъ, слѣдовавшихъ за пораженіемъ при Адріанополѣ. До насъ дошли только разсказы, не имѣющіе такой достовѣрности, какъ тѣ факты, о которыхъ мы знаемъ отъ Марцеллина, одного изъ немногихъ историковъ, писавшихъ съ цѣлью облегчать людямъ пониманіе настоящаго вѣрнымъ изображеніемъ прошлаго. Мы должны заимствовать свои свѣдѣнія изъ Зосима, разсказъ котораго пристрастенъ, изъ Эвнатія и другихъ панегиристовъ и реторовъ, вдающихся въ декламацію, изъ церковныхъ писателей, разсматривающихъ все съ религіозной точки зрѣнія. Но при всей недостаточности точныхъ извѣстій мы видимъ по ходу событій, что Өеодосій дѣйствовалъ противъ готовъ очень благоразумно и осторожно, что, одолѣвъ ихъ, онъ одушевилъ населеніе падающей имперіи бодрой надеждой на лучшее будущее. Онъ расположился главною квартирой въ Өессаликѣ, зорко слѣдилъ за движеніями готовъ и по систематическому плану направлялъ дѣйствія своихъ помощниковъ. Сначала онъ ограничивался обороной. Онъ усилилъ гарнизоны укрѣпленныхъ городовъ, безопасные за стѣнами; они при удобныхъ случаяхъ дѣлали вылазки; молва объ ихъ удачныхъ сраженіяхъ разносилась по странѣ, римляне

ободрялись, надежда варваровъ на побѣду ослабѣвала, мужество ихъ падало. Өеодосій старался одолѣть враговъ не столько битвами, сколько переговорами, возбуждавшими ссоры между ними. Ему удалось этой благоразумной политикой разстроить согласіе между многочисленными родоначальниками и князьями варваровъ, склонными завидовать другъ другу, потому расположенными къ раздорамъ. Особенно хорошо стало удаваться это Өеодосію по смерти Фридигерна; варвары, тяготившіеся повиновеніемъ одному вождю, не выбрали себѣ новаго общаго военачальника. Зависть и ненависть между племенами проявилась съ большей силой, и начались раздоры. Войско варваровъ распалось на безпорядочныя толпы, думавшія только о грабежѣ, слѣдовавшія только буйнымъ влеченіямъ дикихъ страстей. Эти грабители такъ безразсудно опустошали нивы и уничтожали склады хлѣба, что стали погибать отъ голода.

Договоръ съ Атанарихомъ.

Өеодосій мастерски пользовался раздорами между варваровъ. Онъ склонилъ нѣкоторыхъ изъ ихъ вождей вступить въ римскую службу и посылалъ ихъ дѣлать неожиданныя нападенія на другіе отряды такихъ же варваровъ. Особенно важно было то, что ему удалось заключить договоръ съ Атанарихомъ, тѣмъ остготскимъ княземъ, ненавистникомъ римлянъ и христіанъ, который сначала держался въ лѣсахъ по рѣкѣ Пруту, потомъ, вытѣсненный оттуда гуннами, перешелъ по примѣру вестготовъ на южный берегъ Дуная. Өеодосій принялъ съ большими почестями этого варвара, одѣтаго въ звѣриныя шкуры, пригласилъ его въ Константинополь; тамъ онъ скоро умеръ,—быть можетъ, отъ необузданности, съ какой предался непривычнымъ наслажденіямъ; Өеодосій сдѣлалъ ему торжественные похороны. Почетъ, оказанный его тѣлу, очень понравился его свитѣ; Өеодосій раздавалъ ей щедрые подарки, и войско Атанариха проникло такой преданностью къ великодушному императору, что все въ полномъ своемъ составѣ поступило на его службу. Онъ почти совершенно истребилъ ту часть остготовъ, вождями которой были—Алатей и Сафрахъ (стр. 594). Эти остготы, называвшіеся грейтунгами, соединились съ Фридигерномъ; но по смерти его ушли отъ вестготовъ, четыре года ходили по западнымъ и сѣвернымъ областямъ и, подкрѣпленные новыми толпами германцевъ, вернулись на низовья Дуная. Өеодосій пошелъ на нихъ. Лазутчики, подосланные имъ, обманули варваровъ, сказавъ имъ, что римское войско не ждетъ ихъ нападенія, что они застигнутъ его врасплохъ и легко истребятъ. Они въ темную ночь поплыли на своихъ плохихъ лодкахъ черезъ Дунай напасть на римлянъ. Римскіе корабли ждали ихъ на широкой рѣкѣ и безъ труда разбивали ихъ лодки; почти всѣ они или утонули въ рѣкѣ, или были перебиты римлянами, встрѣтившими ихъ на берегу. Въ числѣ утонувшихъ былъ и Алатей.

Январь 381.

Побѣда надъ остготами. 386.

Готы поселяются на южномъ берегу Дуная.

Этой побѣдой кончилась война съ готами. Они оставались все еще такъ сильны, что Өеодосій благоразумно предпочелъ случайностямъ дальнѣйшихъ военныхъ дѣйствій миръ съ ними. Опустошенія, продолжавшіяся десять лѣтъ, сдѣлали многія мѣстности совершенно безлюдными. И такъ было много простора для новыхъ поселенцевъ.

По обѣ стороны Босфора и Геллеспонта были обширныя пустыни, которыя могли снова покрыться роскошными нивами, получивъ новое населеніе. Ѳеодосій отважился на рискованное дѣло: онъ отдалъ варварамъ эти пустыя земли. Остатки остготовъ были поселены въ Лидіи и Фригіи. Вестготы получили себѣ землю во Ѳракіи. Они жили тамъ подъ верховной властью императора, но сохранили свой языкъ, свои обычаи и законы. Родоначальники и племенные князья, по прежнему, правили ими въ мирное время и были вождями ихъ на войнѣ; римскихъ правителей и судей не было надъ ними. Они образовали внутри римской имперіи особое государство, которое находилось лишь въ очень слабой связи съ остальною имперіею. Въ римское войско было принято 40,000 готовъ; они составляли особые отряды такъ называемыхъ «союниковъ» (foederati) и пользовались разными привилегіями. Императоръ и его совѣтники надѣялись, что готы современемъ примутъ римскую цивилизацію и сольются въ одинъ народъ съ прежнимъ населеніемъ римскихъ областей, или что они по крайней мѣрѣ будутъ благодарны и вѣрны имперіи. Это оказалось не такъ. Германцы и туземцы оставались раздѣлены между собою взаимною ненавистью, и германцы сохраняли свои обычаи.

Граціанъ.

Межъ тѣмъ какъ Ѳеодосій одолѣлъ готовъ и послѣ того доставилъ восточной половинѣ имперіи спокойствіе и отдыхъ, государь западной половины, Граціанъ, своимъ пошлымъ образомъ жизни возбудилъ негодованіе войска и неудовольствіе народа. Онъ рано измѣнилъ прекраснымъ качествамъ, которыми въ первые годы правленія пріобрѣлъ всеобщее уваженіе. Оказалось, что его хорошіе поступки были только отголосками прекраснаго воспитанія, которое далъ ему отецъ, а природное расположеніе влекло его къ дурному. Во вторую половину своего царствованія онъ страстно предавался охотѣ, чрезвычайно любилъ стрѣлять изъ лука и наряжаться въ фантастическіе костюмы, такъ что за это сравнивали его съ Коммодомъ. Онъ до такой степени любилъ охоту, что проводилъ цѣлые дни въ лѣсахъ, обведенныхъ оградой на подобіе парковъ; отрядъ алановъ, превосходно стрѣлявшихъ изъ лука, былъ самой любимой частью его тѣлохранителей; онъ являлся передъ народомъ и войскомъ въ мѣховой одеждѣ скиѳскаго воина, съ большимъ скиѳскимъ лукомъ. Походя этими склонностями на Коммода, онъ оставался однако же чуждъ жестокости и разврату, которыми обезчестилъ себя этотъ его предмѣстникъ. Руки Граціана проливали только кровь дикихъ животныхъ. Но его страсть къ охотѣ мѣшала ему быть хорошимъ правителемъ и подвергала его презрѣнію. Народъ и войско, въ негодованіи на него, забывали его образованность, кротость его характера, чистоту его нравовъ; христіане не цѣнили даже и благочестія, съ какимъ онъ искоренялъ послѣдніе остатки язычества.

Аврелій Викторъ младшій говоритъ, что Граціанъ имѣлъ довольно хорошее ученое образованіе, умѣлъ писать стихи, говорить краснорѣчиво, составлять разсужденія на тэмы, разборомъ которыхъ занимались реторы. Но день и ночь онъ думалъ только о стрѣльбѣ изъ лука, и высочайшимъ наслажденіемъ его было попадать въ цѣль. Въ пищѣ онъ былъ воздерженъ, не поддавался ни склонности къ вину, ни сладострастію; словомъ, онъ былъ бы превосходнымъ правителемъ, если бы занимался государственными дѣлами.

Смерть Граціана. 383.

Проводя время съ охотниками и своими аланами, Граціанъ не замѣчалъ, что въ войскѣ ростетъ неудовольствіе. Оно перешло наконецъ въ мятежъ. Британскіе легіоны провозгласили императоромъ Максима, бывшаго соотечественникомъ, сослуживцемъ и соперникомъ Ѳеодосія. Онъ переправился въ Галлію; войска, находившіяся тамъ, радостно признали его власть. Граціанъ съ немногими приверженцами бѣжалъ изъ Лутеціи, своей любимой резиденціи, на югъ; онъ хотѣлъ уѣхать въ сѣверную Италію, надѣясь найдти тамъ помощь у своего младшаго брата, Валентиніана. Но правитель Лугдунской Галліи задержалъ его обманчивыми обѣщаніями, пока настигъ его въ Лугдунѣ отрядъ конницы, посланный Максимомъ въ погоню за нимъ. Эти всадники убили его. Вмѣстѣ съ нимъ былъ убитъ франкскій князь Меллобавдъ, человѣкъ, дѣйствовавшій двусмысленно.

25 августа 383.

Владычество Максима въ Галліи 383—388.

Максимъ отправилъ къ императору восточной половины государства посольство съ выраженіемъ своей печали о смерти Граціана, который былъ убитъ, какъ онъ увѣрялъ, безъ вѣдома его; въ почтительныхъ, но не униженныхъ словахъ, онъ предлагалъ императору миръ, и Ѳеодосій не нашелъ себя достаточно сильнымъ для попытки наказать узурпатора, располагавшаго галльскими войсками. Онъ скрылъ свою досаду и согласился на заключеніе договора, по которому Максимъ былъ признанъ государемъ областей, находящихся за Альпами, а Валентиніану были оставлены Италія, Африка и западная Иллирія. Максимъ обязался не отмѣнять законовъ, изданныхъ Граціаномъ.

Подавленіе язычества въ Римѣ. 382—284.

Ѳеодосій былъ очень усерденъ къ православію и не задолго передъ заключеніемъ договора съ Максимомъ принялъ крещеніе. Онъ считалъ важнѣйшей своею обязанностью уничтожить во всей имперіи аріанскую ересь и язычество. Должно полагать, что, требуя сохраненія законовъ Граціана, онъ хотѣлъ главнымъ образомъ того, чтобы не были отмѣнены распоряженія этого императора по дѣламъ религіи. Граціанъ не слѣдовалъ правилу вѣротерпимости, котораго держался его отецъ, и принялъ строгія мѣры противъ язычества. Онъ сложилъ съ себя санъ верховнаго первосвященника, который сохраняли за собой прежніе императоры, запретилъ гаданія по внутренностямъ жертвенныхъ животныхъ, отнялъ у жрецовъ и у весталокъ содержаніе, какое прежде давало имъ государство, воспретилъ имъ получать имущество по завѣщаніямъ, лишилъ ихъ всѣхъ при-

вилегій. Онъ велѣлъ вынести изъ Куріи римскаго сената жертвенникъ Викторіи, которой сенаторы приносили жертвы возліяніемъ вина и куреніемъ ароматовъ. Этотъ жертвенникъ уже былъ удаленъ изъ Куріи Констанціемъ, но былъ возстановленъ Юліаномъ. Повелѣніе Граціана удалить его изъ Куріи чрезвычайно огорчило приверженцевъ старой религіи; они сильно хлопотали объ отмѣнѣ этого распоряженія. Префектъ Рима Симмахъ отъ имени сената просилъ объ этомъ молодого императора, Валентиніана II. Рѣчь Симмаха проникнута грустнымъ чувствомъ. Онъ умолялъ императора не отнимать у стариковъ жертвенника Побѣды, который привыкли любить они съ дѣтства, не лишать ихъ отрадныхъ надеждъ, внушаемыхъ имъ богинею побѣды; онъ говорилъ отъ имени вѣчнаго Рима, умоляющаго, чтобы при неизвѣстности о томъ, въ чемъ состоитъ религіозная истина, не былъ отнимаемъ у римлянъ обычай предковъ, не была уничтожаема вѣра, силою которой они покорили себѣ весь образованный міръ. Но просьба Симмаха осталась напрасна. Амвросій, епископъ медіоланскій убѣждалъ императора, не оказывать никакого снисхожденія язычеству, говорилъ, что христіанскій государь не долженъ воздвигать жертвенниковъ никакому иному божеству, кромѣ своего бога, что памятники язычества оскорбляютъ взоры вѣрующихъ, что никому не наносится обиды воздаваніемъ должной чести истинному Богу, когда при этомъ не дѣлается насилія совѣсти людей, предоставляется имъ свобода убѣжденія. Просьбы языческихъ сенаторовъ остались напрасны. Черезъ нѣсколько времени жертвенникъ Викторіи былъ возстановленъ узурпаторомъ Евгеніемъ, но скоро Евгеній погибъ, и Ѳеодосій совершенно уничтожилъ всѣ языческіе символы.

Максимъ и Валентиніанъ II. 387—388.

По смерти Граціана, Италіею и Африкою правила Юстина отъ имени своего малолѣтняго сына, Валентиніана II. Она была усердной послѣдовательницей аріанства, и съ нею вступилъ въ сильную борьбу епископъ ея резиденціи, Медіолана, Амвросій, человѣкъ твердаго и строгаго характера, пользовавшійся чрезвычайно большимъ уваженіемъ медіоланцевъ. Онъ упорно не соглашался отдать императрицѣ хотя бы одну изъ городскихъ церквей для аріанскаго богослуженія. Ссора Юстины съ Амвросіемъ и народомъ ея столицы возбудила въ Максимѣ надежду овладѣть тою частью государства, которая принадлежала Валентиніану II. Свое честолюбіе онъ прикрывалъ усердіемъ къ православію. Въ его усердіи нельзя было сомнѣваться, потому что при немъ были казнены испанскій еретикъ Прискилліанъ и важнѣйшіе послѣдователи этого возстановленія манихейства; ихъ казнь была первымъ примѣромъ наказанія еретиковъ смертью. Набравъ притѣснительными средствами много денегъ въ Галліи, Британніи, Испаніи, Максимъ составилъ себѣ сильное войско, большинство котораго образовали германцы, захватилъ хитростью при содѣйствіи предателей проходы черезъ Альпы, побѣдоносно прошелъ по Сѣверной Италіи, овладѣлъ Медіоланомъ; Юстина съ своимъ сыномъ бѣжала отъ него. Амвросій уклонился отъ формальной дружбы съ узурпаторомъ, но говорилъ съ каѳедры народу, что должно покориться волѣ Божіей. Максимъ продолжалъ походъ такъ успѣшно, что Юстина,

бѣжавшая въ Аквилею, увидѣла себя и тамъ въ опасности, сѣла съ сыномъ и придворными на корабль и уплыла въ Ѳессалонику. Ѳеодосій, чьей помощи она просила, пріѣхалъ къ ней туда и, влюбившись въ ея дочь, красавицу Галлу, обѣщалъ возстановить власть ея сына. Максимъ, не имѣвшій ни личной храбрости, ни военныхъ талантовъ, былъ разбитъ Ѳеодосіемъ на Савѣ, близъ города Сискіи, бѣжалъ въ Аквилею и былъ убитъ тамъ передъ глазами Ѳеодосія раздраженными воинами его. Но дочери и мать узурпатора были спасены императоромъ и получили отъ него достаточныя средства къ жизни. Августъ 388.

Отношенія Амвросія къ Ѳеодосію.

Ѳеодосій женился на сестрѣ Валентиніана; этотъ (второй) бракъ его былъ счастливъ. Императоръ сохранялъ въ своей частной жизни простоту и воздержность, какими отличался въ молодости; въ своихъ правительственныхъ дѣйствіяхъ онъ былъ благоразуменъ, справедливъ и кротокъ. Только въ религіозныхъ дѣлахъ выказывалъ онъ строгость; во всемъ другомъ, если поступалъ иногда жестоко, то лишь въ порывахъ раздраженія. Особенно сильно пострадала отъ одного изъ такихъ порывовъ Ѳессалоника. Онъ поступилъ съ нею не такъ милостиво, какъ съ Антіохіей. Легкомысленные антіохійцы однажды произвели безпорядки и низвергли статую Ѳеодосія и первой его жены Флакциллы. Ѳеодосій хотѣлъ отнять у нихъ политическія права, но, по просьбѣ ихъ епископа и другихъ посредниковъ, простилъ ихъ. 387. Черезъ три года произошли безпорядки въ Ѳессалоникѣ. Жители этого города убили начальника стоявшихъ въ немъ войскъ, убили нѣсколькихъ другихъ должностныхъ людей и ругались надъ ихъ тѣлами. Они были наказаны за это свирѣпо. 390. Ѳеодосій заманилъ ихъ въ циркъ, устроивъ игры; войско окружило циркъ и перерѣзало собравшихся въ немъ; убито было по крайней мѣрѣ 7,000 человѣкъ. Извѣстіе объ этомъ ужасномъ дѣлѣ привело Амвросія въ такое негодованіе, что онъ нѣсколько времени уклонялся отъ сношеній съ императоромъ и согласился впустить въ церковь, и причастить его только когда онъ исполнилъ возложенное на него покаяніе: сложивъ съ себя знаки царскаго сана, Ѳеодосій сталъ посрединѣ церкви и со слезами просилъ о прощеніи его грѣха. Требованіе Амвросія показываетъ, до какой высоты поднялось тогда могущество епископовъ; а благородное смиреніе съ какимъ властитель римскаго государства исполнилъ покаяніе, возложенное на него Амвросіемъ, показываетъ, что онъ признавалъ христіанскую церковь, имѣющей право обуздывать злоупотребленія власти. Епископы принимали на себя роль народныхъ трибуновъ. Императоры понимали, что христіанство, учащее повиноваться власти, даетъ престолу ихъ такую прочность, какой не можетъ сообщить ему никакое политическое искусство, потому умнѣйшіе изъ нихъ охотно исполняли требованія христіанской церкви; такъ и сдѣлалъ теперь Ѳеодосій.

Арбогастъ. Смерть Валентиніана II. 391, 392.

Ѳеодосій ввелъ Валентиніана въ Медіоланъ и возстановилъ власть его надъ всею западною половиною имперіи. Вскорѣ послѣ того молодой императоръ посѣтилъ Римъ, доставилъ тамъ побѣду христіанству надъ язычествомъ и возвратившись въ свой медіоланскій дворецъ, предался изнѣженному бездѣйствію: такова была его природная склонность и только крайняя опасность могла заставлять его

391. думать о дѣлахъ. Скоро по его возвращеніи въ Медіоланъ умерла Юстина. Освободившись отъ вліянія матери, онъ сталъ слушать совѣты Амвросія и другихъ православныхъ, и сдѣлался такимъ воздержнымъ, добродѣтельнымъ и благочестивымъ, что римскій народъ ожидалъ отъ его правленія благоденствія государству. Но онъ рано погибъ. Храбрый и хитрый воинъ франкскаго происхожденія, Арбогастъ, получилъ отъ Граціана должность главнокомандующаго галльскихъ войскъ. По смерти Граціана онъ остался вѣренъ законному государю и оказалъ большія услуги въ войнѣ съ Максимомъ; потому Ѳеодосій и Валентиніанъ оставляли его главнокомандующимъ. Но честолюбивый франкъ не захотѣлъ довольствоваться этимъ высокимъ положеніемъ: онъ хотѣлъ стать властелиномъ западной имперіи. Онъ дѣйствовалъ для исполненія своего замысла съ большимъ благоразуміемъ и очень хитро. Онъ пріобрѣлъ себѣ расположеніе галльскаго войска щедростью къ военачальникамъ и простымъ воинамъ; а между тѣмъ выказывалъ такую преданность молодому императору, что совершенно овладѣлъ его довѣріемъ и захватилъ его въ свои руки: прежніе сановники были удалены, всѣ вліятельныя должности были отданы франкамъ, и наконецъ Арбогастъ заманилъ Валентиніана въ Галлію, въ городъ Віэнну. Тамъ Валентиніанъ увидѣлъ, что Арбогастъ владычествуетъ надъ нимъ и рѣшился свергнуть съ себя иго, лишить Арбогаста всѣхъ должностей; какія занималъ онъ. Въ торжественномъ собраніи придворныхъ императоръ подалъ Арбогасту грамоту объ его отставкѣ; Арбогастъ съ презрѣніемъ бросилъ грамоту на землю и сказалъ: «Моя власть не зависитъ отъ улыбки или досады государя». Императоръ въ негодованіи схватилъ мечъ одного изъ тѣлохранителей, но окружающіе удержали его. Черезъ нѣсколько дней онъ былъ найденъ мертвымъ въ своей комнатѣ. Арбогастъ
15 мая 392. и его друзья распускали молву, что императоръ въ отчаяніи самъ лишилъ себя жизни. Тѣло его было торжественно перевезено въ Медіоланъ; Амвросій сказалъ надгробную рѣчь, въ которой восхвалялъ добродѣтели несчастнаго государя.

Евгеній и Арбогастъ. 392—394.

Арбогастъ понималъ, что ему не удобно принять на себя императорскій санъ, что римскій народъ не захочетъ подчиниться государю варварскаго происхожденія; онъ благоразумно нашелъ, что гораздо лучше будетъ ему править, прикрываясь именемъ римлянина, который будетъ въ полной зависимости отъ него и провозгласилъ императоромъ ретора, Евгенія, который былъ квесторомъ (государственнымъ секретаремъ). Новый императоръ, человѣкъ образованный, умный и благородный, отправилъ въ Константинополь посольство; онъ такъ же, какъ прежде Максимъ выражалъ Ѳеодосію сожалѣніе о смерти императора и просилъ себѣ утвержденія на престолѣ. Ѳеодосій отпустилъ пословъ съ великолѣпными подарками, но съ неопредѣленнымъ отвѣтомъ. Онъ два года отлагалъ войну, хотя жена со слезами упрашивала его не медлить мщеніемъ за ея брата. Наконецъ онъ приготовился къ походу; его разноплеменное войско было превосходно обучено. Святой отшельникъ изъ ѳивандской пустыни предсказалъ ему побѣду, и онъ двинулъ на западъ страшныя полчища варваровъ, которыми начальствовали ихъ племенные князья, научившіеся въ римской службѣ военному искусству, которое потомъ обратили они противъ Рима. Не встрѣчая врага, Ѳеодосій прошелъ Паннонію и перешелъ Юлійскія Альпы. На равнинѣ, разстилающейся до самой Аквилеи, онъ увидѣлъ укрѣпленный станъ галльскаго войска. Арбогастъ дѣйствовалъ какъ искусный полководецъ. Скоро произошла битва; она длилась до ночи и была прекращена темнотой. Потеря на сторонѣ Ѳеодосія была больше, чѣмъ на сторонѣ Арбогаста, и притомъ Арбогастъ ночью занялъ Альпійскіе проходы. Положеніе Ѳеодосія было очень опасно; но ему помогла измѣна нѣкоторыхъ военачальниковъ противника, помогла и сама природа. Когда битва возобновилась, внезапно поднялся очень сильный вѣтеръ, который несъ густыя облака пыли въ лицо воинамъ Арбогаста, такъ что имъ было трудно сражаться; съ тѣмъ вмѣстѣ нѣкоторые изъ военачальниковъ Арбогаста, обольщенные обѣщаніями большихъ наградъ, перешли на сторону Ѳеодосія. Это доставило ему рѣшительную побѣду и владычество надъ всей римской имперіей. Евгеній былъ убитъ воинами Ѳеодосія въ ту минуту, какъ упалъ къ его ногамъ, прося о пощадѣ. Арбогастъ нѣсколько дней укрывался въ горахъ и наконецъ вонзилъ мечъ въ грудь себѣ. Амвросій, уклонявшійся отъ всякихъ сношеній съ Евгеніемъ, приверженцемъ язычества, радостно привѣтствовалъ въ Медіоланѣ благочестиваго императора, которому, какъ вѣрили христіане, помогъ одолѣть врага Самъ Богъ.

Ѳеодосій становится государемъ всей имперіи 394.

---

7. Паденіе язычества.

Ѳеодосій отблагодарилъ духовенство за его преданность и молитвы, издавъ законы, строго воспрещавшіе языческое богослуженіе. Онъ ужъ раньше того говорилъ римскому сенату, что прежняя вѣра — заблужденіе, совѣтовалъ сенаторамъ принять христіанство, «дающее искупленіе всѣмъ грѣхамъ»; но сенаторскія фамиліи не хотѣли покинуть старой религіи. Теперь онъ объявилъ, что посѣщеніе языческихъ храмовъ, гаданія о будущемъ по внутрянностямъ жертвенныхъ животныхъ и всякіе обряды идолослуженія будутъ наказываемы, какъ преступленія противъ императора и государства. Эти запрещенія завершали собою рядъ распоряженій, которыми Ѳеодосій искоре-

нялъ языческое богослуженіе. Но онъ сохранялъ уваженіе къ Симмаху и Ливанію, искреннимъ приверженцамъ погибающей старой вѣры, людямъ достойнымъ почтенія по благородству характера.— Священный огонь Весты угасъ; послѣдняя весталка, сѣдая дѣвушка, прокляла въ свиданіи на-единѣ Серену, жену Стилихона, радостно надѣвшую золотой уборъ, взятый изъ храма матери боговъ, и дожила въ безвѣстности остатокъ своихъ дней; были заперты святилища оракуловъ, и умолкли прорицанія ихъ; сивиллинскія книги были преданы сожженію; жрецы и жрицы языческаго богослуженія были прогнаны изъ ихъ храмовъ; многіе храмы были разрушены, другіе стояли пустые, и время превращало ихъ въ развалины; уцѣлѣли только немногія, особенно великолѣпныя святилища, спасенныя отъ погибели тѣмъ, что были превращены въ христіанскія церкви, какъ напримѣръ, римскій Пантеонъ, карѳагенскій храмъ дѣвы небесной, геліопольскій (баальбекскій) храмъ солнца. Народъ сталъ молиться на гробахъ мучениковъ, и надъ ними воздвигались храмы христіанскаго богослуженія. Только въ глухихъ сельскихъ мѣстностяхъ и горахъ, и въ нѣкоторыхъ философскихъ школахъ языческая вѣра довольно долго, около ста лѣтъ, продержалась противъ преслѣдованій, которымъ безпощадные эдикты преемниковъ Ѳеодосія подвергали храмы, богослуженіе и приверженцевъ старой религіи; надъ поселянами, сохранявшими языческую вѣру по своему простодушному невѣжеству, образованные люди смѣялись, и само язычество получило презрительное названіе «деревенской вѣры», paganismus; философы, остававшіеся приверженцами язычества, были предметомъ ненависти; ихъ тайныя мистическія ученія считались подозрительными ихъ называли служащими злымъ духамъ. Ненависть доходила иногда до убійствъ; такъ были убиты въ Константинополѣ нѣсколько человѣкъ, бывшихъ усердными приверженцами эллинизма; въ Александріи была убита Гипатія, красавица, скромная, благородная дѣвушка, знаменитая преподавательница философіи, управлявшая неоплатоническою академіею. Юстиніанъ нанесъ послѣдній ударъ изнемогшей старой религіи, объявивъ, что послѣдователи ея не могутъ владѣть недвижимой собственностью, занимать общественныя должности, быть преподавателями, и запретивъ подъ страхомъ смертной казни языческія жертвоприношенія. Аѳинская Академія, существовавшая девять сотъ лѣтъ, была заперта, и послѣдніе семь приверженцевъ платоновой философіи и греческой религіи, подобно тѣнямъ семи мудрецовъ, удалились въ Персію; они думали найдти тамъ осуществленіе своихъ идеаловъ, но, какъ мы говорили, обманулись въ надеждѣ (страница 398). Какъ прежде усвоили себѣ христіане греческую образованность, научились пользоваться реторикой и діалектикой, такъ теперь стали пользоваться они греческимъ искусствомъ: христіанское богослуженіе сдѣлалось великолѣпнымъ; церкви стали украшаться изобра-

женіями священныхъ символовъ, христіанская іерархія сдѣлалась государственнымъ учрежденіемъ; даже похороны получили характеръ религіознаго торжества; на соркофагахъ часто изображались вмѣстѣ съ новыми древніе символы; вообще, христіанство воспользовалось всѣми тѣми элементами древняго искусства, которые могли быть обращены въ украшеніе ему.

Разрушеніе храмовъ.

Въ 381 году Ѳеодосій запретилъ языческія жертвоприношенія; во многихъ мѣстахъ это повело къ разрушенію храмовъ и жертвенниковъ; такой результатъ былъ тѣмъ натуральнѣе, что въ эдиктахъ, повелѣвавшихъ префектамъ воспретить жертвоприношенія, были употреблены слова, которымъ можно было давать болѣе широкій смыслъ; императоръ повелѣвалъ: „уничтожить орудія идолослуженія“. Первоначально эти эдикты дѣйствовали только въ восточной имперіи: но послѣ побѣды надъ Максимомъ (въ 388 году) ихъ дѣйствіе было распространено на Италію и на весь западъ. Исполненіе ихъ было поручено людямъ, усердно желавшимъ заслужить ревностью къ вѣрѣ милость императора и расположеніе духовенства, на востокѣ—Кинегію, на западѣ—Іовію и Гавденцію. Многіе изъ языческихъ храмовъ были превосходными созданіями греческаго искусства. Можно было бы сохранить ихъ, обративъ ихъ въ христіанскія церкви или давъ имъ какое нибудь житейское назначеніе. Но язычники надѣялись, что явится второй Юліанъ и возстановитъ старую религію; это раздражило духовенство, монаховъ и всю массу христіанъ. Напрасно Ливаній умолялъ императора пощадить храмы, возстановленію которыхъ содѣйствовалъ онъ при Юліанѣ; его краснорѣчивыя просьбы были безсильны передъ враждою къ язычеству и желаніемъ воспользоваться сокровищами языческихъ храмовъ. Въ Галліи святой Мартинъ Турскій ходилъ съ монахами по городамъ и селеніямъ, разрушая храмы, разбивая идоловъ, срубая священныя деревья. Въ Сиріи епископъ Маркеллъ, проникнутый горячимъ усердіемъ къ вѣрѣ, разрушилъ, не щадя трудовъ, огромный аламейскій храмъ Зевса; постройка была необыкновенно крѣпкая; для того, чтобы повалить стѣны, пришлось дѣлать подкопы подъ фундаментъ; исполнивъ эту работу, требовавшую очень большихъ усилій, Маркеллъ пошелъ по Сиріи съ отрядомъ воиновъ и гладіаторовъ, разрушая другія жилища діавола; наконецъ его убили раздраженные поселяне. Особенно усердно занимались дѣломъ разрушенія монахи, приходившіе въ городъ изъ своихъ пустынь истреблять памятники служенія діаволу; Ливаній горько жалуется на нихъ. Въ большей части мѣстностей разрушители не встрѣчали значительнаго сопротивленія; только въ Александріи, населеніе которой часто подымало мятежи, произошла и по поводу разрушенія храмовъ сильная борьба. Древнее пророчество говорило, что разлитіе Нила будетъ происходить правильнымъ порядкомъ лишь пока будетъ цѣлъ храмъ Сераписа. Это громадное, прекрасное сооруженіе стояло на холмѣ; къ нему вела великолѣпная лѣстница, имѣвшая сто ступеней, и съ террасы храма открывался видъ на весь городъ и на море. Епископъ Ѳеофилъ, оставившій по себѣ очень дурную память не только у язычниковъ, но и у христіанъ, раздражилъ александрійцевъ тѣмъ, что при разрушеніи другого храма велѣлъ носить съ поруганіемъ по улицамъ города взятыя изъ нихъ символы идолослуженія; когда онъ выказалъ намѣреніе разрушить и храмъ Сераписа, жрецы и прислуга этого храма, ободряемые философомъ Олимпіемъ, взялись за оружіе, укрѣпились въ храмѣ, и мстили за старыхъ боговъ, совершая безчеловѣчныя жестокости надъ захваченными въ плѣнъ хри-

Разрушеніе храма Сераписа въ Александріи.

389.

стіанами. Правитель Египта убѣдилъ враждующихъ прекратить междоусобіе и ждать, какое рѣшеніе дѣлу дастъ императоръ. Ѳеодосій велѣлъ разрушить храмъ идолослуженія. Епископъ собралъ мастеровыхъ и разрушилъ великолѣпный храмъ; жрецы Сераписа скрылись, для спасенія своей жизни, или бѣжали. Когда были наносимы первые удары колосальной статуѣ Сераписа, язычники ждали, что рушится вмѣстѣ съ нею, по древнему пророчеству, вселенная, что небо и земля превратятся въ хаосъ, изъ котораго произошли; и сами христіане не были свободны отъ этого страха. Но все въ природѣ продолжало идти прежнимъ порядкомъ, и Нилъ въ слѣдующіе годы продолжалъ оплодотворять Египетъ своими разливами. Фундаментъ храма былъ такъ крѣпокъ, что христіане бросили работу разрушенія его; на немъ послѣ была построена церковь въ честь христіанскихъ мучениковъ. Статуи боговъ и другія каменныя принадлежности языческаго суевѣрія были разбиты, золотая и серебряная утварь храма была изломана. Была истреблена и библіотека, находившаяся при храмѣ Сераписа. Она уцѣлѣла, когда въ александрійскую войну при Цезарѣ сгорѣла другая библіотека, находившаяся при царскомъ дворцѣ, и была потомъ увеличена новыми покупками. Теперь и она погибла. Видъ пустыхъ полокъ возбуждалъ негодованіе испанскаго ученаго, Павла Орозія, посѣтившаго Александрію черезъ двадцать лѣтъ по разрушеніи храма Сераписа; онъ глубоко скорбѣлъ о погибели сокровищъ этой библіотеки, хотя былъ усердный христіанинъ и главною цѣлью своей „Всеобщей Исторіи“ поставилъ защиту христіанства отъ обвиненій язычниковъ, какъ выразилъ это и самымъ заглавіемъ ея: Historiarum libri VII adversus paganos, „Исторія противъ язычниковъ“. По разрушеніи храма Сераписа другія святилища были заперты или разрушены безъ сопротивленія.

Подавленіе язычества. 391.

Черезъ два года, когда языческіе храмы и жертвенники ужъ почти совершенно исчезли на Востокѣ, Ѳеодосій издалъ медіоланскій (миланскій) эдиктъ, запрещающій языческое богослуженіе и на западѣ, гдѣ еще были сожигаемы ароматы на жертвенникахъ въ храмахъ боговъ, и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ еще совершались обряды языческаго культа подъ видомъ сельскихъ праздниковъ. По медіоланскому эдикту, всякія жертвоприношенія и вообще всѣ религіозные обряды въ языческихъ храмахъ были объявлены преступленіями противъ власти императора, подлежащими или тяжелымъ денежнымъ штрафамъ, или даже конфискаціи всего имущества; часть отбираемаго у преступника отдавалась въ награду донесшему на него. (10 ноября. 392.) Въ слѣдующемъ году этотъ эдиктъ былъ изданъ въ передѣланномъ, болѣе строгомъ видѣ, и къ прежнимъ запрещеніямъ было прибавлено: „Никто не долженъ въ какомъ бы то ни было мѣстѣ убивать невинное животное въ жертву безсмысленнымъ идоламъ или тайнымъ грѣхомъ чтить своего лара возжиганіемъ огня, своего духа-покровителя возліяніемъ вина, или въ почитаніе своимъ пенатамъ сожигать ароматы, возжигать свѣчи, вѣшать гирлянды“. Въ 393 году были въ послѣдній разъ отпразднованы олимпійскія игры; вѣроятно, въ этомъ году была перевезена въ Константинополь изъ олимпійскаго храма знаменитая колосальная статуя Зевса, созданіе Фидія, 800 лѣтъ дававшее отраду душѣ каждаго эллина, смотрѣвшаго на нее. Черезъ нѣсколько лѣтъ самый храмъ сгорѣлъ. Такъ исчезла изъ міра и эта сторона древней жизни. Преемники Ѳеодосія повторяли воспрещеніе языческихъ обрядовъ, давая эдиктамъ противъ нихъ все болѣе и болѣе строгую форму; они повелѣвали разбивать статуи боговъ, разрушать до основанія тѣ храмы и жертвенники, какіе еще оставались, употреблять камни ихъ на мосты, водопроводы, на мощеніе дорогъ. Аркадій, празднуя крещеніе сына своего, послалъ отрядъ войска въ Газу разрушить до

основанія восемь остававшихся тамъ храмовъ; войску было велѣно употребить оружіе противъ сопротивленія язычниковъ разрушенію ихъ. На мѣстѣ главнаго храма императрица Евдокія построила великолѣпную церковь Животворящаго креста; въ день пасхи было ужь совершено освященіе этой церкви. Въ слѣдующіе два года, по „эдикту о секуляризаціи“, были конфискованы всѣ языческіе храмы, ихъ земли, всякія другія имущества и доходы; эдиктъ постановлялъ обратить все это на дѣла общественной пользы. (407, 408.) Въ то время, когда былъ обнародованъ этотъ эдиктъ, германцы подвергли ужасному опустошенію Италію. Приверженцы языческой религіи говорили, что бѣдствія ниспосланы старыми богами въ наказаніе государству за измѣну имъ, совѣтовали возобновить прежнія жертвоприношенія и обряды примиренія съ богами, и по возможности возобновить ихъ. Августинъ и Орозій нашли надобнымъ написать большіе трактаты для опроверженія мысли, что въ несчастіяхъ этого времени виновато христіанство. И правда, бѣдствія имѣли своею причиною не перемѣну религіи, а трусость, испорченность населенія государства. Эдикты противъ язычества были издаваемы еще и во второй половинѣ V вѣка; все еще была и тогда нужна, какъ видимъ изъ нихъ, борьба съ язычествомъ; оно умирало медленно, какъ умираютъ религіи одряхлѣвшихъ народовъ, которые чувствуютъ, что старыя понятія срослись неразрывно съ ихъ существованіемъ и что они не могутъ покинуть старины, не обрекая себя на смерть. Въ 412 и 415 годахъ были изданы новые эдикты, возлагавшіе на мѣстныхъ правителей обязанность строго исполнить постановленіе о конфискаціи всего имущества языческихъ храмовъ, изгонявшіе жрецовъ изъ городовъ, уничтожавшіе всѣ религіозныя общества, и всѣ праздники, имѣвшіе связь съ язычествомъ. (412,415.)

Убійство Гипатіи. 416.

Около этого времени Кириллъ, епископъ александрійскій, племянникъ прежняго епископа Ѳеофила, возбудилъ волненіе, жертвою котораго сдѣлалась Гипатія, дочь математика Ѳеона, управлявшая преподаваніемъ въ неоплатонической школѣ, славившаяся и красотою, и ученостью, и благородствомъ характера, и чистотою жизни. Она обвинялась въ томъ, что возбуждала противъ христіанъ Ореста, правителя Египта. Раздраженная толпа схватила ее, привела въ христіанскую церковь и, мучительнымъ образомъ, убила, растерзала на куски ея тѣло и бросила ихъ въ огонь. Историкъ христіанской церкви, Сократъ, говоритъ, что это дѣло покрыло позоромъ Кирилла и александрійскихъ христіанъ. Въ 416 и 417 годахъ были изданы эдикты, лишавшіе язычниковъ права занимать какія бы то ни было должности по администраціи или судопроизводству, служить въ войскѣ, имѣть рабами христіанъ. (461, 417.) При Валентиніанѣ III былъ изданъ эдиктъ противъ книгъ, враждебныхъ христіанству; онъ говорилъ: „Все, что писали противъ христіанской религіи Порфирій и другіе, должно быть предано огню“. При жестокомъ и развратномъ императорѣ Зенонѣ (царствовавшемъ въ 474—491 годахъ) неоплатоникъ Гіероклъ былъ подвергнутъ бичеванію, а одинъ изъ учениковъ Прокла казненъ по подозрѣнію императрицы Верины въ томъ, что онъ чародѣй. Въ концѣ V вѣка были прекращены бои гладіаторовъ и бои съ звѣрями, языческіе праздники запрещены или замѣнены христіанскими; съ этимъ исчезли послѣдніе остатки язычества. Юстиніанъ велѣлъ прекратить преподаваніе въ аѳинской академіи; этимъ было уничтожено и существованіе идеальной стороны эллинизма. (Закрытіе аѳинской академіи. 529.) Мы ужь говорили, что преподаватели Платоновой философіи въ академіи удалились по закрытіи этой школы въ Персію, потомъ получили позволеніе вернуться въ отечество и провели тамъ остатокъ жизни, покинутые всѣми; ихъ было семь человѣкъ; имена ихъ были: Дамаскій

(родомъ изъ Сиріи), Симплицій (уроженецъ Киликіи), Эвламій (уроженецъ Фригіи), Прискіанъ (бывшій родомъ изъ Лидіи), Гермій и Діогенъ (уроженцы Финикіи), Исидоръ (уроженецъ Газы).

---

8. Развитіе христіанскаго ученія и распространеніе христіанства.

1. Клиръ. Въ побѣдоносной борьбѣ съ язычествомъ христіанская церковь пріобрѣла іерархическое устройство. Оно достигло полнаго развитія въ IV и V вѣкахъ. Мы видѣли возникновеніе степеней чиноначалія въ клирѣ: первую степень занимали патріархи, вторую—митрополиты или архіепископы, третью—епископы, они составляли высшее духовенство; за ними слѣдовали архидіаконы (предсѣдатели епископскихъ судовъ), пресвитеры, діаконы, низшіе служители церкви. Послѣ торжества христіанства, все духовенство стало привилегированнымъ сословіемъ; ему предоставлены и дѣйствительныя преимущества надъ мірянами, и знаки внѣшняго отличія отъ нихъ.

И у грековъ и у восточныхъ народовъ древняго міра духовенство имѣло великолѣпную одежду. Іудейскіе священники также имѣли ее. Христіанское духовенство стало при богослуженіи также надѣвать великолѣпное облаченіе; оно было свое особое для каждаго духовнаго сана.—Право заступничества за преслѣдуемыхъ и осужденныхъ, принадлежавшее жрецамъ и въ особенности весталкамъ, перешло на духовенство. Храмы издавна были убѣжищами (азилями); это право перешло на христіанскія церкви. Привилегіи жреческихъ корпорацій, судебная власть ихъ, право независимаго завѣдыванія имуществомъ храмовъ были даны Константиномъ христіанскому духовенству; потомъ онъ и его преемники увеличили права духовенства. Особенно возвысилось въ западной половинѣ имперіи значеніе римскаго епископа, котораго уже въ IV вѣкѣ называли по преимуществу „папою“ („отцомъ“). Оно опиралось на политическое первенство города Рима и на преданіе, что римское епископство было основано апостолами Петромъ и Павломъ; западное духовенство, наперекоръ протестамъ епископовъ кареагенскихъ и митрополитовъ (архіепископовъ) сѣверной Италіи обыкло предоставлять римскому епископу окончательное рѣшеніе догматическихъ и другихъ церковныхъ споровъ; эта привычка вѣроятно произошла изъ того, что политическія дѣла издавна рѣшались въ Римѣ. Первенство римскаго епископа на западѣ было уже зародышемъ распаденія западной и восточной церквей, потому что патріархъ константинопольскій достигъ такого же первенства на востокѣ. Но онъ находился въ полной зависимости отъ византійскаго императора, и его первенство было только результатомъ интереса императоровъ возвышать значеніе епископа своей столицы; а римскій епископъ выводилъ свои права исключительно изъ основаній, имѣвшихъ церковный характеръ. Съ особенною послѣдовательностью держались этого воззрѣнія папа Левъ I, получившій названіе „Великаго“. По его понятіямъ, Самъ Богъ далъ церкви такое устройство, что епископы раздѣляются на классы, каждый низшій классъ ихъ подчиненъ высшему, а самую высокую степень занимаетъ преемникъ апостола Петра; онъ глава церкви; ему принадлежитъ управленіе ею; подчиненіемъ ему всѣ члены церкви соединяются въ одно органическое цѣлое; Римская епископская каѳедра, занимаемая преемниками апостола Петра, тотъ камень, на которомъ основана вселенская церковь; римскій епископъ, глава вселенской церкви, долженъ, по божественному устроенію, управлять ею. По поводу спора Льва I съ Иларіемъ, епископомъ Арелатскимъ, Валентиніанъ III въ 445 году призналъ справедливымъ притязаніе римскаго епископа на первенство передъ всѣми другими. Возвышенію авторитета римскихъ епископовъ много содѣйствовало то, что на западѣ очень мало было догматическихъ споровъ, требовавшихъ вмѣшательства свѣтской власти; эти споры волновали почти исключительно восточную половину христіанскаго міра. Еще болѣе помогло возростанію могущества римскихъ епископовъ то обстоятельство, что послѣдніе государи западной имперіи были слабы, искали себѣ опоры въ римскомъ епископѣ и поддерживали его притязанія; а когда западная имперія пала, то римскій епископъ сдѣлался представителемъ православнаго населенія Италіи, защитникомъ его передъ аріанскими государями Рима.

Приматство римскаго епископа.

Левъ I. 440—461.

2. Богослуженіе. Когда христіанство восторжествовало, были построены великолѣпныя церкви, скульптура и живопись издавна примѣнялись христіанами къ изображенію религіозныхъ символовъ; при постройкѣ богатыхъ церквей примѣненіе этихъ искусствъ расширилось. Когда христіане пріобрѣли свободу открыто совершать свое богослуженіе, оно сдѣлалось многосложнымъ, получило торжественность. Само собою разумѣется, что вѣрующіе пользовались тѣми формами прежняго религіознаго великолѣпія, которыя находили сообразными съ архитектурными и другими художественными надобностями своего богослуженія.

Христіанскіе храмы (базилика). На Востокѣ—въ Константинополѣ, Никомедіи, Антіохіи—великолѣпныя, украшенныя золотомъ церкви строились по формамъ прежнихъ храмовъ, съ куполами; западная церковь заимствовала для своихъ церквей форму судебныхъ зданій, называвшихся базиликами; это были продолговатыя залы съ полукруглымъ выгибомъ стѣны противоположной главному входу. Входъ былъ съ одной изъ узкихъ сторонъ зала. Вдоль зала шли два ряда колоннъ, дѣлившія его на три продольныя полосы. Кровля была довольно плоская. На церкви, построенныя по формѣ базиликъ, было перенесено и названіе этихъ зданій. Потомъ форма базиликъ, была измѣнена такъ, что получила религіозный характеръ: на длинныхъ сторонахъ зданія стали дѣлать выступы (крылья), такъ что зданіе приняло фигуру креста.

Паперть (atrium или aula), на которой стоялъ сосудъ съ освященной водой, вела въ передній придѣлъ, гдѣ слушали богослуженіе готовящіеся къ крещенію (катехумены, «оглашенные», то есть, поучаемые вѣрѣ) и кающіеся, не имѣвшіе права вступать въ главный отдѣлъ храма. Въ алтарѣ, отдѣленномъ отъ остального храма балюстрадой и занавѣсами, находился престолъ; за нимъ на возвышеніи стояло кресло епископа (каѳедра), а по обѣ стороны стояли полукругомъ кресла для остального духовенства. Храмъ обыкновенно былъ окруженъ принадлежащими къ нему постройками: одною изъ нихъ была часовня для крещенія (baptisterium), имѣвшая круглую форму. Надъ центральною частью храма, гдѣ поперечныя крылья соединялись съ продольными стѣнами, строили впослѣдствіи куполъ, символъ небеснаго свода.

Украшенія. Иконы. Церковное пѣніе.

Въ IV вѣкѣ ужъ возникъ обычай украшать внутренность церкви орнаментами и картинами изъ Священной исторіи, большею частью мозаичными. Прежде христiане довольствовались символическими фигурами: изображенія креста, пастуха, агнца, рыбы, корабля, пальмы, феникса, голубя; дѣлались на стѣнахъ катакомбъ и жилищъ, на гробахъ, саркофагахъ, на посудѣ христiанъ съ очень ранняго времени. Потомъ являются изображенія Христа. Мало по малу, проникли въ церкви и другія иконы. Въ IV вѣкѣ шла по поводу этого борьба. Нѣкоторые областные соборы и влiятельнѣйшіе богословы высказывались тогда противъ употребленія иконъ, и въ частности находили, что не должно допускать изображеній Христа и Бога-Отца. Но уже давно было въ обычаѣ изображать Христа въ символическомъ видѣ Добраго Пастыря, давно находился въ Эдессѣ Нерукотворенный образъ Спасителя; и скоро повсюду вошло въ обычай имѣть въ церквахъ иконы, изображающія Христа, Богоматерь, святыхъ. Церковь, построенная во имя какого нибудь святого, обыкновенно украшалась иконами, изображающими его жизнь; а вообще церкви были украшаемы изображеніями событій Священной исторіи. Августинъ осуждаетъ этотъ обычай, но Кириллъ Александрійскій одобрялъ и старался распространить его. Теоретическое основаніе для него было найдено папою Григоріемъ I; онъ говорилъ, что иконы—книги бѣдныхъ, не умѣющихъ читать; по иконамъ и эти вѣрующіе пріобрѣтаютъ свѣдѣнія о Священной исторіи. Но искусство падало, и христіанство не могло остановить этого; какъ показываютъ намъ барельефы на саркофагахъ, церковныя украшенія, диптихи, уцѣлѣвшіе отъ тѣхъ вѣковъ. Вѣрующіе были созываемы къ богослуженію ударами молота въ металлическую доску. Колокола появились въ VII вѣкѣ. Поочередное пѣніе двухъ хоровъ (антифональное пѣніе) и поочередное пѣніе священнослужителя и общины (респонсоріальное пѣніе) перешло въ Италію съ Востока. Амвросій Медіоланскій улучшилъ итальянское церковное пѣніе введеніемъ греческихъ церковныхъ мелодій. Богослужебныя молитвы получили опредѣленную форму (стали, по терминологіи западнаго богослуженія, литаніями). Христіанскіе проповѣдники изучали правила краснорѣчія. Наибольшаго блеска достигло церковное краснорѣчіе въ концѣ IV вѣка въ Сиріи, Малой Азіи, Константинополѣ.

Почитаніе Богоматери. Почитаніе мучениковъ и другихъ святыхъ.

Почитаніе Дѣвы Маріи стало всеобщимъ въ каѳолической церкви по установленіи догмата о признаваніи ея богоматерью. Первоначально особеннымъ усердіемъ въ служеніи ей, царицѣ небесной, матери и дѣвѣ, отличались женщины; впослѣдствіи, по принятіи христіанства германцами оно сильно развилось у нихъ. Уваженіе къ памяти страдальцевъ, мужественно принявшихъ смерть за вѣру во времена гоненій, имѣли своимъ естественнымъ проявленіемъ почитаніе останковъ ихъ. Издавна христіане оказывали уваженіе къ катакомбамъ, въ которыхъ были погребены тѣла мучениковъ (стр. 422); они совершали свое богослуженіе тамъ; совершали тамъ даже свои религіозныя торжества; украшали стѣны этихъ подземныхъ галлерей и ниши гробницъ въ нихъ изображеніями, надписями. Надъ гробами мучениковъ христіане строили церкви; чтили ихъ, какъ святыхъ, призывали ихъ заступничество передъ богомъ; хранили ихъ чудотворныя мощи въ храмахъ. Почитаніе нѣкоторыхъ святыхъ ограничивалось мѣстностями, въ которыхъ жили или пострадали они, или гдѣ покоились ихъ останки; почитаніе другихъ было всеобщимъ. Нѣкоторые святые были покровителями городовъ, областей; помощь другихъ призывали въ особенныхъ, опредѣленныхъ случаяхъ. Кромѣ христіанскихъ мучениковъ, между которыми первыми были Стефанъ и апостолы, были чтимы святые Ветхаго Завѣта, основатели церквей, проповѣдники, содѣйствовавшіе распространенію или прославленію христіанства; составилось множество благочестивыхъ сказаній о святыхъ. Развилось и почитаніе ангеловъ, окружающихъ престолъ Божій.

Праздники.

Параллельно развитію понятій шло и увеличеніе числа праздниковъ. Языческіе праздники были замѣнены христіанскими. Съ іудейскими праздниками это было сдѣлано давно: іудейскій день субботній былъ замѣненъ воскресеньемъ; іудейскому празднику Пасхи было дано новое, христіанское значеніе. Былъ сдѣланъ праздникомъ день Вознесенія. Пятидесятница, бывшая у іудеевъ праздникомъ жатвы, сдѣлалась праздникомъ Сошествія Святого Духа на апостоловъ. Около 360 года христіане стали праздновать день Рождества Христова во время зимняго солнцестоянія, когда римляне праздновали сатурналии въ воспоминаніе о золотомъ вѣкѣ мира и патріархальной простоты. Лѣтъ за сто передъ этимъ установился въ восточной церкви праздникъ Богоявленія, въ память крещенія Христа, на западѣ сдѣлавшійся воспоминаніемъ о поклоненіи волхвовъ новорожденному Спасителю. Временемъ празднованія Рождества было опредѣлено 25 число декабря по тому разсчету, что Благовѣщеніе праздновалось 25 марта, въ день сотворенія міра. Въ эпоху лѣтняго солнцестоянія христіане стали праздновать день рожденія Іоанна Крестителя.

Къ этимъ великимъ праздникамъ прибавились праздники въ честь Богоматери (Благовѣщеніе, 25 марта, и Срѣтеніе, 2 февраля, въ 40-й день по Рождествѣ) и праздники въ честь святыхъ (день всѣхъ святыхъ, въ восточной церкви, въ первое воскресенье послѣ Пятидесятницы, въ западной 1 ноября; день мученической кончины апостоловъ Петра и Павла, 29 іюня; въ западной церкви день основанія каѳедры Петра, то есть основанія антіохійскаго епископства апостоломъ Петромъ). Былъ установленъ праздникъ Воздвиженія Животворящаго Креста, въ память обрѣтенія святого креста Христова императрицею Еленою 14 сентября 366 года. Такимъ образомъ составился христіанскій календарь; многіе праздники въ немъ передвигаются по числамъ года сообразно времени празднованія Пасхи; разсчетъ времени, когда праздновать Пасху, былъ составляемъ первоначально въ Александріи.

Вѣроученіе.

Приспособляя свои формы къ привычкамъ и потребностямъ греко-римскаго міра, христіанская вселенская церковь въ борьбѣ съ ересями постепенно придавала большую опредѣленность формуламъ своего вѣроученія. Христіанскій востокъ долго волновался спорами аріанъ и аѳанасіанцевъ объ отношеніи вѣчнаго сына Божія къ Богу-Отцу; церковь, при содѣйствіи свѣтской власти, наконецъ одолѣла

аріанъ, ученіе которыхъ осудила, какъ еретическое, и между христіанами признававшими рѣшенія вселенской церкви, какъ законъ вѣры, установилось единство понятій о таинствѣ Троицы. Всѣ замѣчательные учители восточной церкви того времени посвящали свои силы опредѣленію и защитѣ этого догмата; важнѣйшими изъ нихъ были: Василій Великій, братъ его Григорій Нисскій, Григорій Назіанзинскій, Евсевій Кессарійскій; на западѣ ученіе вселенской церкви о Троицѣ защищали Амвросій и Иларій. Сосредоточивая свои силы на этомъ важнѣйшемъ дѣлѣ того времени, учители церкви не могли обращать большого вниманія на разногласія по предметамъ второстепеннымъ. Только на западѣ былъ тогда другой важный споръ нѣкоторыхъ епископовъ съ Прискилліаномъ, возобновлявшимъ гностическія и манихейскія лжеученія; Прискилліанъ былъ первый еретикъ, наказанный смертью. Эпифаній епископъ кипрскаго города
385. Константіи, написавшій обширный трактатъ противъ еретиковъ, и находившій еретическія мысли даже у Оригена, не былъ самостоятельный мыслитель, онъ только защищалъ тѣ ученія, которыя ужь были установлены вселенскою церковью; такой же характеръ имѣла дѣятельность другого отца церкви, несравненно болѣе ученаго, чѣмъ Эпифаній, Іеронима, уроженца паннонскаго города Стридона.

Эпифаній умеръ 403.

Іеронимъ умеръ 420.

Іеронимъ пріобрѣлъ въ Римѣ классическое образованіе, расширилъ свои свѣдѣнія въ путешествіяхъ по Западу и Востоку, былъ восторженный почитатель Оригена, сочиненія котораго переводилъ на латинскій языкъ со всевозможною точностью, чтобы разсѣять невѣрныя понятія о нихъ, составившіяся у латинскихъ христіанъ по неправильнымъ переводамъ Руфина. Но потомъ онъ отказался отъ свѣта, сталъ вести аскетическую жизнь въ кругу отшельниковъ и писалъ поученія для благочестивыхъ женщинъ. Онъ зналъ еврейскій языкъ, усердно изучалъ Священное писаніе и оказалъ великую услугу западной церкви исправленіемъ прежняго латинскаго перевода Библіи. Этотъ исправленный имъ переводъ, извѣстный подъ названіемъ Вульгаты, до сихъ поръ сохраняетъ оффиціальное значеніе въ римско-католической церкви. Человѣкъ ученый, дѣятельный, практичный, онъ знакомилъ западъ съ еврейской и греческо-христіанской наукой. Старость онъ провелъ въ отшельничествѣ близъ Виѳлеема. Онъ превозносилъ монашество и безбрачіе. Писалъ онъ очень много; но его сочиненія не имѣютъ важнаго значенія въ исторіи христіанскаго вѣроученія; они помогали только развитію монашеской учености; въ частности, онъ былъ первымъ знаменитымъ составителемъ сказаній о подвигахъ и чудесахъ святыхъ отшельниковъ. Его пылкое воображеніе находило себѣ въ этихъ сказаніяхъ просторъ.

Іоаннъ Златоустъ. 347—407.

Іоаннъ, получившій названіе Златоустаго (или Златоуста), уроженецъ Антіохіи, учился краснорѣчію у Ливанія и посвятилъ свой ораторскій даръ служенію церкви. Онъ объяснялъ Священное Писаніе по разсудительному и ясному методу антіохійской школы и стремился собственной жизнью осуществлять тотъ идеалъ священнослужителя, который изобразилъ въ одномъ изъ первыхъ своихъ произведеній. Онъ высоко цѣнилъ созерцательную отшельническую жизнь, которую самъ велъ шесть лѣтъ; но выше аскетическаго подвижничества онъ ставилъ исполненіе обязанностей проповѣдника, пастыря душъ. Онъ былъ знаменитѣйшимъ проповѣдникомъ своего времени; сдѣлавшись пресвитеромъ въ Антіохіи, онъ во время смутъ, когда были низвергнуты изображенія императора и императрицы (стр. 598) содѣйствовалъ своими превосходными проповѣдями «о статуяхъ» успокоенію безпорядковъ и отвращенію бѣдъ, угрожавшихъ Антіохіи. Всемогущій префектъ Эвтропій, на половину хитростью, на половину силою, завлекъ его въ Константинополь и сдѣлалъ патріархомъ (въ 398 году). Народъ, чьи пороки обличалъ онъ, проникся восторженной къ нему преданностью; сильный любовью народа, онъ обратилъ свое мугучее краснорѣчіе на обличеніе беззаконій правительства, навлекъ на себя ненависть злой и порочной императрицы Эвдоксіи, и сдѣлался жертвою ея мщенія.

Орудіемъ Эвдоксіи сталъ властолюбивый и жестокій Ѳеофилъ, епископъ Александрійскій, преслѣдовавшій приверженцевъ Оригена; онъ сталъ обвинять въ ереси Іоанна, защищавшаго ихъ, собралъ въ халкидонѣ нѣсколько епископовъ, раболѣпствовавшихъ передъ Эвдокіею, и подъ ничтожными, нелѣпыми предлогами это собраніе обвинило Іоанна въ мятежничествѣ; онъ былъ лишенъ сана и отправленъ въ ссылку (въ 403 году). Угрозы народа заставили Эвдоксію возвратить его на Константинопольскій патріаршій престолъ. Но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ снова навлекъ на себя гнѣвъ ея рѣчью по поводу праздника освященія ея статуи; онъ въ этой рѣчи назвалъ Эвдоксію Иродіадою. Она снова отправила его въ ссылку (въ 404 году), сначала въ Исаврію, потомъ въ Понтъ. Римскій епископъ вступался за него, но безуспѣшно. Не была смягчена его судьба и по смерти Эвдоксіи, умершей въ 405 году отъ выкидыша. Онъ скончался 14 сентября 407 года близъ понтскаго города Команы; въ нищетѣ, притѣсняемый и оскорбляемый, онъ умиралъ, благословляя Бога за все. Черезъ тридцать лѣтъ тѣло святого пастыря, величайшаго изъ всѣхъ христіанскихъ проповѣдниковъ первыхъ вѣковъ, было торжественной процессіею перевезено въ Константинополь. Знатоки согласны въ томъ, что Іоаннъ Златоустъ былъ великій ораторъ: языкъ его чистъ, и онъ мастерски владѣлъ имъ; слогъ его прекрасенъ; онъ умѣетъ хорошо пользоваться правилами греческой реторики и греческой философіею; у него неистощимое богатство пластическихъ образовъ, сравненій; онъ богатъ мыслями,— такъ что даетъ интересъ и разнообразіе даже самымъ обыкновеннымъ темамъ; онъ превосходно умѣетъ дѣйствовать на сердце, возбуждать благородныя чувства, изображать съ драматическою живостью и правдой глупость и гнусность пороковъ.

Синезій.

Какъ Іоаннъ Златоустъ всегда съ уваженіемъ говорилъ о своемъ учителѣ Ливаніи, такъ Синезій Киренскій, ученикъ несчастной Гипатіи, уважалъ ее, остался вѣренъ ея ученію и послѣ того, какъ сдѣлался христіаниномъ. По рекомендаціи Ѳеофила онъ былъ избранъ

въ 411 году епископомъ птолемаидскимъ. Онъ стремился примирить христіанство съ философіею, и, человѣкъ добросовѣстный, тяготился тѣмъ, что не вполнѣ успѣваетъ достичь этого. Когда его покровитель, Θеофилъ, сталъ вождемъ нападавшихъ на ученія Оригена, онъ не захотѣлъ участвовать въ этомъ гоненіи на идеальное направленіе христіанской философіи.

Августинъ. 353--430.

Межъ тѣмъ какъ восточная церковь была занята установленіемъ каѳолическаго ученія о догматѣ Троицы и ученія объ отношеніи Сына Божія къ Богу Отцу, западъ занимался практическими вопросами о церковной дисциплинѣ, о сущности грѣха, о свободѣ человѣческой воли и о божественной благодати; главнымъ дѣятелемъ со стороны защитниковъ тѣхъ понятій, которыя были признаны церковью за истинныя, на западѣ былъ Августинъ, какъ на востокѣ Аѳанасій. По его вліянію, карѳагенскій соборъ (съ 411 году) отлучилъ отъ церкви донатистовъ, приверженцевъ неумолимой строгости къ людямъ, впавшимъ въ грѣхъ, и донатисты послѣ того подверглись гоненію. Вслѣдъ за тѣмъ западная церковь была взволнована спорами, возникшими по поводу ученія Пелагія; они кончились установленіемъ церковнаго ученія о первородномъ грѣхѣ и о предопредѣленіи.

Пелагіанство.

Пелагій, британскій монахъ, человѣкъ очень строгаго образа жизни, принужденный междоусобіями покинуть родину и поселившійся сначала въ Римѣ, потомъ въ Карѳагенѣ, желалъ укрѣпить нравственную энергію вѣрующихъ ученіемъ о свободѣ человѣческой воли. Это его стремленіе раздѣлялъ Целестій. Они находили у многихъ восточныхъ богослововъ мнѣніе, что человѣческая природа не вполнѣ испорчена грѣхопаденіемъ Адама, что человѣкъ можетъ силою собственной воли сдѣлаться достойнымъ божественной благодати, что послѣ того церковь помогаетъ его нравственному улучшенію и, при ея содѣйствіи, онъ становится достойнымъ вѣчнаго блаженства. Они стали настойчиво доказывать справедливость этого воззрѣнія. Августинъ выступилъ противникомъ ихъ мысли, что воля человѣка, хотя ослаблена и порабощена грѣхомъ, осталась свободна въ выборѣ между добромъ и зломъ. Онъ полагалъ, что послѣдовательное развитіе этой идеи ведетъ къ ученію, опасному для вѣры въ искуплечіе людей Спасителемъ и въ полученіе благодати исключительно людьми, принадлежащими къ истинной церкви; потому онъ сталъ доказывать, что воля человѣка не имѣетъ свободы избрать добро, что сила желать добра дается исключительно божественною благодатью; такимъ образомъ, онъ выработалъ ученіе о совершенномъ порабощеніи воли людей первороднымъ грѣхомъ и о предопредѣленіи; онъ говорилъ, что грѣхопаденіе Адама совершенно испортило человѣческую природу, сдѣлало людей неспособными собствечною силою желать добра, что поэтому только божественная благодать черезъ посредство церкви создаетъ въ нѣкоторыхъ людяхъ способность къ добру, всѣ другіе люди оставлены божественнымъ правосудіемъ на погибель, и что, слѣдовательно, эти люди отъ вѣчности осуждены божественнымъ предопредѣленіемъ на вѣчную погибель. Это направленіе мыслей Августина было выводомъ изъ его собственной жизни, въ которой рѣзко проявился контрастъ грѣховности и благодати; онъ ставилъ свое благочестіе въ томъ, чтобы безусловно осуждать свою природу и приписывать все доброе въ

себѣ дѣйствію особенной благодати Божіей. — Ученіе пелагіанцевъ было осуждено на нѣсколькихъ провинціальныхъ соборахъ; но ученіе Августина о предопредѣленіи никогда не признавалось за истинное хотя бы только и одною западною церковью; а восточной церкви оно всегда оставалось чуждо. По уваженію къ Августину, западная церковь не приняла формальнымъ образомъ и того ученія, которое пріобрѣло наибольшее число защитниковъ въ ней; это ученіе, сходное съ понятіями восточныхъ богослововъ, говорило, что чрезъ грѣхопаденіе Адама всѣ люди подверглись склонности къ грѣху, но склонность эта не такъ велика, чтобы человѣкъ сталъ по своей природѣ неспособенъ желать добра; онъ имѣетъ свободу выбора между добромъ и зломъ; но безъ содѣйствія божественной благодати, даваемой черезъ церковь, не можетъ стать такимъ хорошимъ, чтобы сдѣлаться достойнымъ блаженства; сила достичь этого дается ему только церковью. Это воззрѣніе высказано было въ западной церкви монахами южной Галліи, и средневѣковая теологія западной церкви, выработанная монахами, вообще держалась его. Но западная церковь не установила формальнымъ образомъ и этого понятія; она ограничилась принятіемъ рѣшенія, что тайна божественнаго предопредѣленія непостижима человѣческому уму, и не можетъ быть разъяснена имъ. — Послѣ того, какъ было отвергнуто церковью пелагіанство, стало входить во всеобщее обыкновеніе крестить младенцевъ.

Аріанство.

Мы видѣли, что во II и III вѣкахъ происходили сильные споры по поводу разныхъ мнѣній о божественной природѣ Христа и объ отношеніи Сына къ Отцу. Они вспыхнули съ новою силою, когда александрійскій пресвитеръ Арій, человѣкъ ученый и безупречный по образу жизни, сталъ учить, что Сынъ былъ нѣкогда созданъ изъ ничего божественною волею, что Онъ первое созданіе существовавшее раньше всѣхъ временъ и духовныхъ міровъ (эоновъ) и создавшее видимый міръ, что поэтому можно называть Его богомъ, но что Онъ существо зависимое отъ Отца, какъ первое созданіе отъ создателя. Это мнѣніе, ставившее Христа ниже Бога-Отца, возбудило сильное противорѣчіе. Церковь, отвергнувшая мнѣнія монархіанъ, отожествлявшихъ Христа съ Богомъ-Отцомъ, отвергла теперь и противоположное мнѣніе, не воздававшее Христу полной божественной славы, ставившее его выше всѣхъ другихъ созданныхъ существъ, называвшее господомъ вселенной, но не признававшее его равнымъ Богу Отцу. Ни одна изъ прежнихъ ересей не колебала церковь такъ сильно; число аріанъ было очень велико, временами едва ли не равнялось числу ихъ противниковъ; государственная власть становилась иногда на сторону аріанъ, и аріанство было оффиціальнымъ образомъ признаваемо за истинное христіанское ученіе. — Первымъ противникомъ Арія выступилъ его духовный начальникъ, епископъ александрійскій Александръ; въ дѣло замѣшалось, быть можетъ, и личное неудовольствіе, потому что при выборѣ епископа были люди, желавшіе дать этотъ санъ Арію, а не Александру. Епископъ противопоставилъ мнѣнію своего бывшаго соперника ученіе, что Сынъ (Логосъ) отъ вѣчности рожденъ изъ существа Отца, потому равенъ ему. Арій, человѣкъ краснорѣчивый и хорошо владѣвшій діалектикою, не согласился отказаться отъ своего мнѣнія, и мѣстный соборъ, созванный въ Александріи, лишилъ его пресвитерскаго сана и отлучилъ отъ церкви. Но александрійскій народъ и значительная часть восточ- 321.
наго духовенства приняли его сторону. Евсевій Никомидійскій, желавшій дѣйствовать дипломатически и съ тѣмъ вмѣстѣ сохранить репутацію человѣка очень благочестиваго, и Евсевій Кесарійскій, человѣкъ ученый, написавшій исторію церкви, защищали Арія. Императоръ убѣждалъ духо-

венство прекратить споръ, который казался ему напраснымъ; умѣренные люди старались найдти такую формулу, на которой могли бы примириться спорящіе; но всѣ эти попытки остались безполезны; Константинъ, считавшій единодушіе между христіанами необходимымъ, созвалъ представителей церкви, епископовъ, на соборъ въ виѳинскій городъ Никею. Это былъ

Никейскій символъ вѣры. 325.

первый вселенскій соборъ. На немъ совѣщались, подъ предсѣдательствомъ императора, 318 епископовъ; большинство ихъ было изъ восточной половины государства. Евсевій Кесарійскій называетъ этотъ соборъ „великимъ духовнымъ вѣнкомъ, сплетеннымъ изъ разныхъ цвѣтовъ“, „подобіемъ лика апостольскаго“, „повтореніемъ собранія апостоловъ въ день Пятидесятницы, когда снисшелъ на нихъ Святой Духъ“. Споры были продолжительны. Наконецъ огромное большинство одобрило рѣшеніе, формулированное человѣкомъ, занимавшимъ очень невысокое положеніе въ іерархическомъ порядкѣ. Это былъ Аѳанасій, одинъ изъ діаконовъ александрійской церкви, человѣкъ, въ которомъ ученость соединялась съ аскетическимъ образомъ жизни и непоколебимой вѣрностью убѣжденію. Предложенное имъ рѣшеніе было сообразно съ ученіемъ Александра. Оно было признано истиннымъ, и провозглашено, какъ ученіе вселенской церкви. Приверженцы ученія Александра ужь раньше склонили на свою сторону Осія Кордовскаго, имѣвшаго вліяніе на Константина; Осій склонилъ императора въ пользу ихъ мнѣнія; такимъ образомъ, получилъ силу закона вѣры принятый соборомъ догматъ, признавшій, что „Іисусъ Христосъ, Сынъ Божій, Единосущенъ (Homousios) Отцу“, ученіе говорящихъ, что „было время, когда Онъ не существовалъ или что Онъ созданъ изъ ничего, или не изъ божественной природы“, было осуждено соборомъ. Арій былъ сосланъ въ Иллирію; ему остались вѣрны и послѣдовали за нимъ въ ссылку только два египетскіе епископа; другіе епископы, прежде защищавшіе его ученіе, теперь по уваженію къ волѣ императора и по желанію мира подписали исповѣданіе вѣры, принятое большинствомъ собора, нашедши, по примѣру Евсевія Кесарійскаго, возможнымъ понимать его въ смыслѣ, согласномъ съ ихъ мнѣніемъ. Евсевій Никомидійскій, не согласившійся на осужденіе Арія, былъ черезъ три мѣсяца отправленъ въ ссылку. Императоръ повелѣлъ, что имѣющія у себя сочиненія Арія должны, подъ страхомъ наказанія смертью, выдать ихъ, и что они должны быть сожжены; и объявилъ послѣдователей Арія врагами христіанства. Черезъ три года, по смерти Александра, Аѳанасій, главный защитникъ ученія, принятаго соборомъ, сдѣлался епископомъ александрійскимъ. Слово Homousios, „единосущный“ стало выраженіемъ, которымъ послѣдователи никейскаго исповѣданія вѣры кратко обозначили свою преданность ему.

Смерть Арія. Ссылка Аѳанасія.

Но борьба не была прекращена рѣшеніемъ никейскаго собора. Подписавъ исповѣданіе вѣры, принятое большинствомъ, аріане остались при своемъ мнѣніи, несогласномъ съ тѣмъ смысломъ, какой имѣло это исповѣданіе по объясненію большинства. Они убѣдили Константина, что они защитники единства Бога; императоръ сталъ благоволить къ нимъ. Арій, подписавъ формулу, составленную въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ, былъ возвращенъ. Мѣстный соборъ, сошедшійся въ Тирѣ, принялъ, по внуше-

335. нію Евсевія Никомидійскаго, обвиненія, несправедливо взведенныя на Аѳанасія, и объявилъ его лишеннымъ сана епископа александрійскаго. Онъ тайно пріѣхалъ въ Константинополь и, не испросивъ позволенія явиться къ императору, остановилъ его на дорогѣ, требуя справедливости. Императоръ велѣлъ подвергнуть обвиненія противъ него провѣркѣ. Но противники его убѣдили императора, что собственно онъ виновникъ раздора, волнующаго церковь; и онъ былъ отправленъ въ изгнаніе въ Триръ.

Въ слѣдующемъ году императоръ велѣлъ принять Арія въ общеніе церкви; 336.
но вечеромъ наканунѣ дня, назначеннаго для этого, онъ внезапно умеръ въ Константинополѣ. Друзья говорили, что онъ былъ отравленъ; противники называли его смерть судомъ Божіимъ. Въ слѣдующемъ году умеръ Константинъ. Новый императоръ Византіи, Констанцій, дозволилъ Аѳана-

Евсевіане или полуаріане.

сію возвратиться въ Александрію, гдѣ онъ былъ встрѣченъ народомъ съ восторгомъ; но съ тѣмъ вмѣстѣ противникъ Аѳанасія, Евсевій Никомидійскій, получилъ санъ патріарха константинопольскаго, то есть, преобладающее вліяніе на религіозныя дѣла. Онъ далъ имъ новый оборотъ. Соборъ, созванный въ Антіохіи въ 341 году, принялъ формулу, среднюю между боровшимися мнѣніями: „Сынъ отъ вѣчности рожденъ изъ сущности Отца, подобосущенъ (Homoiusios) ему, и подчиненъ Отцу“; этимъ рѣшеніемъ соборъ хотѣлъ примирить боровшіяся партіи, но только создалъ третью, послѣдователи которой были названы евсевіанами или полу-аріанами. Споры съ ними занимали нѣкоторое время приверженцевъ никейскаго собора сильнѣе, нежели съ аріанами.

Антіохійскій соборъ снова низложилъ Аѳанасія. Онъ бѣжалъ въ Римъ и нашелъ тамъ покровительство у папы Юлія. Григорій Каппадокійскій, человѣкъ рабскаго происхожденія, возвысившійся и обогатившійся умѣньемъ льстить, захватилъ, подъ охраною войска, александрійскій патріаршій престолъ и своимъ корыстолюбіемъ довелъ угнетенную александрійскую паству до отчаянія. Евсевіане владычествовали на Востокѣ подъ покровительствомъ Констанція: западная церковь поддерживала Аѳанасія. Для примиренія западной и восточной церквей былъ созванъ соборъ во ѳракійскомъ городѣ Сардикѣ (въ 343 году); но примиреніе не осуществилось. Довольно большое число восточныхъ епископовъ собралось въ Филиппополѣ и подтвердило осужденіе Аѳанасія. Но уступая требованію западнаго императора Константа, Констанцій дозволилъ въ 349 году Аѳанасію возвратиться въ Александрію, жители которой произвели мятежъ, убили угнетавшаго ихъ Григорія и его помощниковъ, и бросили тѣла ихъ въ море. Аѳанасій, радостно встрѣченный народомъ, снова занялъ патріаршій престолъ. Но черезъ четыре года былъ опять низложенъ и изгнанъ. Поводомъ къ этому послужило то, что приверженцы Аѳанасія, Маркеллъ епископъ Анкирскій и Фотинъ епископъ сирмійскій, дѣлали различіе между воплотившимся сыномъ Божіимъ и вѣчнымъ сыномъ Божіимъ, пребывающимъ въ единеніи съ Отцомъ; это можно было выставлять за отрицаніе божественности вочеловѣчившагося сына Божія; противники Аѳанасія такъ и сдѣлали, и обвинили его въ ереси. Ученіе Фотина было осуждено соборомъ въ Сирміи (въ 351); послѣ того, по настоянію Констанція, бывшаго теперь государемъ всей имперіи, на соборахъ Арелатскомъ (въ 353 году), Медіоланскомъ (въ 353) и Ариминскомъ (въ 359 году) епископы западной церкви тоже осудили ученіе Аѳанасія и приняли полу-аріанское исповѣданіе вѣры.—Отрядъ воиновъ, посланный арестовать Аѳанасія, ворвался въ церковь, гдѣ находился онъ; но онъ успѣлъ спастись бѣгствомъ. Онъ скрылся въ пустыню и жилъ тамъ у отшельниковъ. Оттуда онъ посылалъ вѣрующимъ трактаты, въ которыхъ опровергалъ ученіе своихъ противниковъ. Его приверженцы, въ томъ числѣ Либерій, епископъ римскій, были низложены съ епископскихъ каѳедръ и отправлены въ ссылку.

Покровительство двора аріанству.

Итакъ, восторжествовали полу-аріане или евсевіане. Императрица и вліятельнѣйшіе царедворцы, и эвнухи владычествовавшіе надъ Констанціемъ были на ихъ сторонѣ; до конца его царствованія свѣтская власть покровительствовала противникамъ никейскаго исповѣданія; казалось, что подавляемое правительствомъ ученіе о единосущіи сына отцу должно исчезнуть. Но господствующая партія состояла изъ разныхъ фракцій, согласныхъ между собою только въ оппозиціи Аѳанасію и никейскому исповѣданію, это была коалиція людей, державшихся разныхъ мнѣній. Евсевіане

занимали средину между аѳанасіанцами и аріанами, отвергали ученіе Арія, не хотѣли быть называемы аріанами. А епископы Аэтій и Эвномій, помогавшіе евсевіанамъ въ борьбѣ съ Аѳанасіемъ, шли дальше самого Арія: они говорили, что всѣ догматы христіанства должны быть совершенно понятны человѣческому разуму, что человѣкъ можетъ постигать бога съ такою же ясностью, какъ самого себя; діалектически развивая мысль Арія, они совершенно отрицали божественность Христа. Другая фракція, вождями которой были паннонскіе епископы Урсакій и Валентъ, угождавшіе желаніямъ двора, старались прекратить раздоръ, совѣтуя довольствоваться неопредѣленными выраженіями, отбросить употребленіе терминовъ, о которыхъ шелъ споръ. Такимъ образомъ, господствующая партія распадалась на отдѣлы, спорившіе между собою. Констанцій покровительствовалъ то одной изъ этихъ фракцій, то другой. Вмѣсто того, чтобы примирить ихъ твердымъ требованіемъ подчиненія какому нибудь одному мнѣнію, онъ своими колебаніями усиливалъ раздоры. Онъ созывалъ соборъ за соборомъ, такъ что, по выраженію Амміана Марцеллина, всѣ дороги были покрыты разъѣзжающими по соборамъ епископами, и почтовыя лошади были измучены толпами этихъ проѣзжихъ. И чѣмъ больше совѣщались они, тѣмъ меньше было согласія между ними.

Кончина Аѳанасія. Характеръ его.

Формулы исповѣданія вѣры размножались, люди не знали, чему имъ вѣрить, правительство рѣшало религіозные вопросы по перемѣнчивымъ политическимъ соображеніямъ, духовенство было подчинено придворнымъ интригамъ. Юліанъ, вступивъ на престолъ, своимъ эдиктомъ о вѣротерпимости успокоилъ на нѣкоторое время раздоры. Онъ возвратилъ Аѳанасію каѳедру патріарха александрійскаго. Аѳанасій понялъ, какой опасностью грозитъ Христіанству владычество язычника, пользующагося враждою между христіанами для нападеній на ихъ вѣру, и смотрящаго съ радостью на ихъ раздоры; потому онъ предложилъ признавать членами вселенской церкви всѣхъ тѣхъ, кто подпишетъ никейское исповѣданіе. Но вожди обѣихъ враждовавшихъ между собою партій отвергли примиреніе; а Юліанъ нашелъ Аѳанасія вреднымъ для себя, говорилъ, что въ немъ соединяется „весь ядъ галилейской школы", и Аѳанасій принужденъ былъ бѣжать въ пустыню отъ его ненависти. Смерть Юліана дала Аѳанасію возможность воротиться въ Александрію. Императоръ Валентъ былъ горячимъ приверженцемъ аріанства; партіи возобновили между собой борьбу религіозными доводами и придворными интригами; вражда доходила до мятежей.
373. Но Аѳанасій спокойно скончался въ санѣ патріарха александрійскаго. Сорокъ шесть лѣтъ прошло съ той поры, какъ онъ получилъ этотъ санъ. Все это время онъ неуклонно боролся за догматъ единосущія Сына Отцу. Пять разъ онъ былъ изгоняемъ съ своей каѳедры, двадцать лѣтъ провелъ въ ссылкѣ или въ бѣгствѣ; не осталось почти ни одной провинціи, въ которой не привелось бы ему жить, страдая за догматъ единосущія, защиту котораго онъ поставилъ цѣлью и честью своей жизни. Противники называли его тиранномъ; императоры то преслѣдовали его, то высказывали уваженіе ему, но и въ томъ, и въ другомъ случаѣ боялись его; египетскій народъ любилъ его какъ отца и чтилъ какъ святого. Онъ неутомимо исполнялъ то, что считалъ своей обязанностью; свою славу онъ оберегалъ ревниво, о своей безопасности не заботился. Можно порицать его суровость къ противникамъ, но возвышенностью своего характера и своими вѣскими дарованіями онъ заслужилъ удивленіе современниковъ и потомства.

Аріанство продолжало владычествовать восемь лѣтъ по смерти Аѳанасія; но при Ѳеодосіи восторжествовало никейское исповѣданіе, въ которомъ

Окончательное установленіе догмата о Троицѣ.

былъ воспитанъ этотъ императоръ. На торжествѣ своего пріѣзда въ Константинополь (въ 380 году), онъ объявилъ, что будетъ считать принадлежащими къ вселенской церкви только исповѣдующихъ никейскій символъ вѣры, а всѣ послѣдователи аріанскихъ сектъ будутъ преданы божественному и земному наказанію. Онъ назначилъ константинопольскимъ патріархомъ Григорія Назіанзина (Назіанзскаго), бывшаго тогда духовнымъ пастыремъ маленькой общины послѣдователей никейскаго исповѣданія въ одномъ изъ предмѣстій столицы; императоръ съ войскомъ ввелъ его въ каѳедральную церковь и изгналъ аріанъ изъ всѣхъ церквей восточной имперіи. Созванный Ѳеодосіемъ въ 381 году въ Константинополѣ вселенскій соборъ, на который не были допущены аріане, постановилъ Никейскій символъ вѣры закономъ церкви, дополнилъ его и предалъ осужденію всѣхъ, не покоряющихся этому дополненному символу. Черезъ семь лѣтъ (въ 388 году) это стало закономъ и для западной половины имперіи. Константинопольскій соборъ установилъ также догматъ о единосущіи Духа Святого съ Отцомъ, и предалъ осужденію македоніанъ, не признававшихъ этого единосущія. Такимъ образомъ, для всей римской имперіи было поставлено закономъ вѣры ученіе вселенской церкви о Тріединомъ Богѣ, и вселенская церковь установила, что исповѣданіе единаго Бога въ трехъ лицахъ составляетъ необходимое условіе принадлежности къ ней, а потому и спасеніе души. Но германскіе народы—готы, вандалы, лангобарды—принявшіе христіанство отъ аріанскихъ проповѣдниковъ, очень долго сохраняли аріанство. Христіане римской имперіи стали считать аріанство религіею варваровъ, и отъ этого увеличилась ихъ непріязнь къ ереси, являвшейся имъ въ ненавистномъ видѣ національной религіи мистическихъ враговъ грекоримскаго міра и его вселенской церкви.

Споры о соединеніи божеской и человѣческой природы во Христѣ.

Установленіемъ догмата о Троицѣ еще не кончились споры о томъ, какъ должно понимать ученіе, что Христосъ—истинный Богъ и истинный человѣкъ. Никейскій соборъ установилъ догматъ, что Христосъ—истинный Богъ. Вселенской церкви оставалось опредѣлить, въ какомъ смыслѣ и въ какомъ размѣрѣ должно признавать, что онъ съ тѣмъ вмѣстѣ и человѣкъ. Аполлинарій, епископъ лаодикейскій, человѣкъ классическаго образованія, другъ Аѳанасія, сталъ учить, что изъ трехъ частей человѣческаго существа Христосъ имѣетъ только двѣ, тѣло и душу, а третья часть человѣческой природы, духъ, имѣетъ въ немъ божественную природу. У Аполлинарія явилось много противниковъ. Григорій Назіанзинъ и другіе отцы церкви, опровергая его, говорили, что Христосъ имѣетъ вполнѣ всю человѣческую природу. Ихъ ученіе было признано церковью, мнѣніе Аполлинарія отвергнуто ею, какъ ересь. Но этимъ только начался рядъ другихъ споровъ объ отношеніи человѣческой природы во Христѣ къ божественной. Александрійская школа понимала единство божественной и человѣческой природы во Христѣ такъ строго, что человѣческая природа исчезала въ божественной; антіохійская школа, стремясь доказать самостоятельное существованіе человѣческой природы во Христѣ, доводила понятіе о ея самостоятельности до того, что это ученіе казалось нарушающимъ понятіе о единствѣ.

Несторіане.

Мнѣніе о самостоятельности человѣческой природы во Христѣ излагалъ въ крайнемъ его развитіи Несторій, бывшій сначала пресвитеромъ въ Антіохіи, а въ 428 г. получившій санъ патріарха Константинопольскаго. Онъ говорилъ, что Дѣву Марію не должно называть богоматерью, и училъ, что человѣческая природа во Христѣ различна отъ божественной, что онѣ только дѣйствовали вмѣстѣ въ дѣлѣ искупленія. Возражая ему, Кириллъ Александрійскій, племянникъ и преемникъ патріарха Ѳеофила, училъ, что обѣ

природы совершенно соединены во Христѣ, такъ что «Христосъ, какъ Богъ, съ тѣмъ вмѣстѣ человѣкъ, и какъ человѣкъ, съ тѣмъ вмѣстѣ Богъ, что Онъ родился человѣкомъ какъ Богъ, и потому Дѣву Марію должно называть богоматерью». Римская церковь приняла его сторону. По его настоянію, ученіе Несторія было осуждено на двухъ мѣстныхъ соборахъ; Кириллъ изложилъ свое ученіе въ двѣнадцати «анаѳеметизаціяхъ»; Несторій отвѣчалъ на нихъ двѣнадцатью противоположными анаѳематизаціями. Императоръ Ѳеодосій II въ 431 году нашелъ надобнымъ, чтобы споръ былъ прекращенъ вселенскимъ соборомъ, и назначилъ мѣстомъ собора Эфесъ. Кириллъ и его преверженцы открыли соборъ до прибытія сирійскихъ и греческихъ епископовъ, и предали осужденію Несторія, но Іоаннъ, патріархъ антіохійскій, пріѣхавъ съ своими епископами, составилъ другой соборъ; на немъ было осуждено ученіе Кирилла. Императоръ сначала утвердилъ оба рѣшенія, низложилъ и Несторія, и Кирилла. Но потомъ Кириллъ склонилъ на свою сторону императора и его сестру Пульхерію, бывшую истинной правительницею государства; патріархъ Константинопольскій, навлекшій на себя неудовольствіе проповѣдями противъ пороковъ двора, былъ сосланъ въ оазисъ африканской пустыни. Ученый, не умѣвшій дѣйствовать ловко, Несторій былъ неспособенъ удержаться въ борьбѣ съ Кирилломъ, и умеръ въ бѣдственной ссылкѣ въ 440 году. Тѣ изъ его послѣдователей, которые не отреклись отъ его ученія, были низложены. Но его ученіе перешло изъ Антіохіи въ Эдессу, оттуда распространилось по Месопотаміи и Персіи, въ епископства Нисибидское и Ктезифонское. Христіане, уцѣлѣвшіе тамъ, такъ называемые «Халдейскіе христіане», продолжаютъ держаться этого ученія. Оно проникло далеко на востокъ, даже въ Индію, гдѣ несторіане называются учениками апостола Ѳомы.

Монофелиты (марониты).

Но побѣда ученія, защищаемаго александрійскою школою, была еще не прочна. Евтихій, архимандритъ одного изъ константинопольскихъ монастырей, развивая мысли Кирилла въ спорѣ противъ Несторія, сталъ учить, что человѣческая нрирода во Христѣ слилась съ божественною, и потому Христосъ имѣетъ только одну природу. Флавіанъ, патріархъ константинопольскій, возсталъ противъ этого ученія, и оно было, съ одобренія епископа римскаго Льва I, осуждено на константинопольскомъ соборѣ (въ 448 году), и Евтихій былъ низложенъ. Діоскуръ, патріархъ александрійскій, другъ и преемникъ Кирилла, вступился за Евтихія; императоръ Ѳеодосій II повелѣлъ епископамъ собраться въ Ефесѣ (въ 449 году) для окончательнаго рѣшенія спора. Діоскуръ, человѣкъ властолюбный и жестокій, собралъ изъ горныхъ монастырей монаховъ, вооруженныхъ булавами, возмутилъ народъ, и разъяренная толпа убила Флавіана; собравшіеся епископы были принуждены оправдать Евтихія и осудить ученіе Флавіана. Но это насиліе возбудило всеобщее негодованіе. Пока Ѳеодосій, покровительствовавшій Діоскуру, былъ живъ, постановленія собора 449 г. сохранили силу. Но по смерти Ѳеодосія императрица Пульхерія и мужъ ея императоръ Маркіанъ повелѣли въ 451 году епископамъ собраться въ Халкидонѣ. Это былъ четвертый вселенскій соборъ. Онъ отмѣнилъ рѣшенія Эфесскаго собора 449 года, низложилъ Діоскура, осудилъ Евтихія и установилъ догматъ, что во Христѣ нераздѣльно и неслiянно соединены божественная природа предвѣчно рожденнаго Бога Сына, единосущнаго Отцу, и человѣческая природа, воспріятая отъ Дѣвы Маріи, богоматери. Послѣдователи ученія Евтихія объ одной природѣ во Христѣ, получившіе отъ своихъ противниковъ названіе монофизитовъ (признающихъ одну природу), искали покровительства двора, религіозный споръ сталъ источникомъ мятежей и дворцовыхъ переворотовъ.

Энотиконъ.

Императоръ Зенонъ хотѣлъ прекратить раздоры посредствомъ примирительной формулы, составленной въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ. Но этотъ такъ называемый «энотиконъ» (объединяющій символъ), установленный властью императора, только увеличилъ вражду партій: обѣ онѣ одинаково порицали энотиконъ; строгіе монофизиты рѣшительно отвергли его. Монофизитское ученіе было постоянно отрицаемо вселенскою церковью. Юстиніанъ хотѣлъ прекратить раздоръ уступками монофизитамъ и осужденіемъ тѣхъ изъ нихъ, которые не довольствуются этими уступками, но все было напрасно; они отдѣлились отъ вселенской церкви и учредили свою особую церковь; отдѣлы ихъ составляютъ: 1) копты, въ Египтѣ; 2) армяне; 3) якобиты

Монофизиты (Евтихіане).

(въ Сиріи и Месопотаміи).—Императоръ Ираклій хотѣлъ склонить армянскихъ и сирійскихъ монофизитовъ возвратиться къ вселенской церкви; съ этой цѣлью онъ требовалъ отъ вселенской церкви принятія формулы, говорившей, что хотя во Христѣ двѣ природы, но воля одна; это ученіе, одобренное римскимъ епископомъ Гоноріемъ I, произвело новые раздоры. Послѣдователи его, монофелиты («признающіе одну волю») были осуждены преемниками Гонорія; императоръ Константъ II въ 648 году низложилъ епископа римскаго Мартина I за сопротивленіе монофелитству, Мартинъ былъ привезенъ въ Константинополь и умеръ въ бѣдствіи. Но церковь отвергла монофелитство; шестой вселенскій соборъ, бывшій въ Константинополѣ, въ 680 году установилъ какъ догматъ вѣры, ученіе, что Христосъ, имѣя двѣ природы, имѣетъ и двѣ воли. Отвергнутые церковью, преслѣдуемые императоромъ, монофелиты удержались въ ливанскихъ горахъ: они уцѣлѣли тамъ до сихъ поръ, составляя особую церковь, которою правитъ патріархъ.—На западѣ богословы были менѣе учены, потому мало интересовались этими спорами.

Адоптіане.

Только въ концѣ VIII вѣка возникъ въ королевствѣ франковъ споръ по одному изъ догматовъ ученія о Христѣ. Два испанскіе епископа стали говорить въ духѣ Несторія, что Христосъ по своей человѣческой природѣ Сынъ Божій только черезъ усыновленіе (adoptio). Алкуинъ возсталъ противъ этого ученія, называемаго адоптіанскимъ; оно было осуждено при Карлѣ Великомъ на нѣсколькихъ соборахъ; епископы, излагавшіе его, были принуждены отречься отъ него. Ихъ отреченіе было не искреннее; скоро они стали говорить по-прежнему; но ихъ мнѣніе не встрѣчало сочувствія себѣ, и умерло вмѣстѣ съ ними.

Отцы церкви.

Въ тѣ времена, когда восточная церковь боролась съ аріанствомъ, усердными защитниками никейскаго символа вѣры было три каппадокійскіе пастыря церкви, два брата и другъ ихъ, тѣсно соединенные между собою одинаковостью воспитанія, образа мыслей и строгаго аскетическаго образа жизни; не менѣе неутомимо, чѣмъ Аѳанасій, но съ большею кротостью, чѣмъ онъ, они поддерживали догматъ о божественности Христа, о его единосущіи отцу противъ всѣхъ, не признавшихъ равенства сына отцу. Эти пастыри были: Василій, получившій названіе Великаго, епископъ Кесарійскій; его братъ Григорій, епископъ города Ниссы (Нисскій), его другъ, Григорій Назіанзинъ (Назіанзинскій, уроженецъ одной изъ мѣстностей близъ города Назіанза), получившій названіе Богослова. Всѣ трое они были учениками Ливанія, учились также въ Аѳинахъ у философовъ школы Платона, пріобрѣли классическое образованіе. Они защищали никейское исповѣданіе противъ аріанъ, господствовавшихъ при Констанціѣ и Валентѣ, говорили проповѣди, писали трактаты въ изобличеніе аріанства, и будучи тогда епископами, удерживали свои общины въ вѣрности Тріединому Богу; они принуждены были бѣжать отъ гоненій въ горы своей родины, вели тамъ аскетическую жизнь, и внушали даже противникамъ уваженіе чистотою своихъ правилъ и благочестіемъ.

Василій Великій умеръ. 379.

Василій, кромѣ борьбы съ аріанствомъ, занимался вообще разработкою богословія, и много заботился объ улучшеніи правилъ монашества.

Григорій Нисскій умеръ 394.

Григорій Нисскій, краснорѣчивый ораторъ, дожилъ до торжества православія, и за свое изгнаніе, впрочемъ непродолжительное, былъ вознагражденъ почестями отъ благочестиваго императора Ѳеодосія, имѣвшаго большое уваженіе къ нему. Григорій Назіанзинъ былъ сынъ благочестивой Нонны; отецъ его принадлежалъ сначала къ сектѣ ипсистаріевъ „почитателей высочайшаго существа“, въ ученіи которыхъ была примѣсь іудейскихъ и персидскихъ элементовъ; потомъ обратился въ христіанство, и сталъ епископомъ.

Григорій Назіанзинъ умеръ 390.

Григорій на второмъ вселенскомъ соборѣ (бывшемъ въ Константинополѣ, въ 381 году) сильно защищалъ ученіе о Тріединомъ Богѣ, которое всю жизнь провозглашалъ, какъ проповѣдникъ, ученый богословъ и поэтъ; потомъ онъ удалился отъ

шума столицы на родину и провелъ послѣднія восемь лѣтъ жизни въ тихомъ созерцательномъ отшельничествѣ, которое нравилось ему больше, нежели борьба съ интригами, какую принужденъ былъ онъ вести въ санѣ патріарха константинопольскаго.—Въ духѣ этихъ трехъ пастырей восточ-
Иларій умеръ ной церкви защищали на западѣ ученіе о Триединомъ Богѣ Иларій, епи-
368. скопъ города Пиктавія (Пуатье), и Амвросій, епископъ Медіоланскій. Ила-
Амвросій умеръ рій, котораго называютъ западнымъ Аѳанасіемъ, былъ низложенъ и со-
379. сланъ за свое сопротивленіе аріанскимъ соборамъ Арелатскому и Медіоланскому. Амвросій, сынъ префекта Галліи, имѣлъ по знатности своего происхожденія, по своимъ знаніямъ и талантамъ, блестящую служебную карьеру и занималъ высокую правительственную должность, когда медіоланскій народъ, наперекоръ его сопротивленію, избралъ его своимъ архіепископомъ (въ 375 г.); уступивъ голосу народа, онъ посвятилъ всѣ свои силы служенію церкви. Мы видѣли, съ какою твердостью онъ противился аріанамъ, хотѣвшимъ взять себѣ главный медіоланскій храмъ; онъ не отдалъ имъ его, несмотря на приказанія покровительницы ихъ, императрицы Юстины. Онъ заперся съ православными въ храмѣ и выдержалъ блокаду длившуюся нѣсколько дней. Онъ не уступалъ и православному императору, Ѳеодосію, въ тѣхъ случаяхъ, когда не одобрялъ его повелѣній. Онъ говорилъ, что законы божіи выше человѣческихъ; когда одинъ изъ
388. месопотамскихъ епископовъ разрушилъ іудейскую синагогу, и Ѳеодосій повелѣлъ возстановить ее на его счетъ, Амвросій принудилъ императора
390. отмѣнить это рѣшеніе. Мы ужъ говорили, что онъ принудилъ Ѳеодосія къ публичному покаянію въ жестокомъ наказаніи жителей Ѳессалоники. Онъ двадцать два года владычествовалъ надъ западною церковью, какъ непоколебимый защитникъ православія. Его трактатъ „объ обязанностяхъ духовныхъ лицъ De officiis clericorum) долго пользовался величайшимъ авторитетомъ въ западной церкви. Онъ заботился объ улучшеніи нравственности вѣрующихъ, улучшилъ церковное пѣніе, установилъ форму литургіи въ западной церкви. Онъ былъ горячимъ приверженцемъ ученія о безбрачіи духовенства и содѣйствовалъ распространенію монашества на западѣ.

Прискилліанъ. При всемъ своемъ усердіи къ защитѣ православія, Амвросій порицалъ мѣры кроваваго преслѣдованія еретиковъ; порицалъ ихъ и Мартинъ Турскій, уроженецъ Паннонiи, воинъ, ставшій аскетомъ, заслужившій себѣ великое уваженіе своими добродѣтелями, сдѣлавшійся епископомъ города
Мартинъ Тур- Турона (Тура) и причтенный къ лику святыхъ. Прискилліанъ, испанецъ
скій. 400. знатнаго рода, богатый, ученый и краснорѣчивый, сталъ учить, въ духѣ гностицизма и манихейства, что источникъ зла—матерія, велѣлъ своимъ послѣдователямъ воздерживаться отъ брака и не ѣсть мяса. Онъ былъ
380. осужденъ на соборѣ въ Цезаравгустѣ (Сарагоссѣ); его противники убѣдили императора Граціана издать эдиктъ, постановлявшій, что онъ и его послѣдователи должны быть преданы смерти. Но Прискилліанъ имѣлъ сильныхъ покровителей; они задержали исполненіе эдикта. Граціанъ былъ низвергнутъ Максимомъ. Приверженцы Прискилліана, вновь осужденные на бурдигальскомъ (бордоскомъ) соборѣ, обратились къ новому императору съ просьбою о защитѣ. Максимъ назначилъ въ Трирѣ коммиссію для разбора дѣла; она подвергла пыткѣ и осудила на смерть Прискилліана и главныхъ его приверженцевъ: четырехъ человѣкъ духовнаго званія, поэта
385. Латроніана и одну знатную женщину. Это былъ первый случай формальнаго осужденія ертиковъ на смерть. Мартинъ Турскій и Амвросій, возмущенные жестокостью наказанія, объявили отлученными отъ церкви людей, постановившихъ смертный приговоръ. Это произвело такое впечатлѣніе,

что гоненіе было прекращено. Прискилліанъ и преданные смерти вмѣстѣ съ нимъ были прославляемы какъ мученики людьми, державшимися ихъ мнѣнія; благодаря тому, секта ихъ пріобрѣла прочность и существовала до VII вѣка.

Секта Новатіанъ, требовавшихъ неумолимой суровости къ павшимъ, была преслѣдуема, но не искоренена въ Африкѣ (стр. 431). Явились тамъ и новые послѣдователи такого же суроваго направленія, донатисты. Донатисты. Поводомъ къ возникновенію этой секты было избраніе Цециліана, человѣка умѣреннаго образа мыслей, въ санъ епископа карѳагенскаго (въ 311 году). Приверженцы суровыхъ правилъ стали говорить, что его посвященіе въ епископскій санъ не имѣетъ силы, потому что епископъ Феликсъ, совершавшій это рукоположеніе, выдалъ священныя книги на сожженіе язычникамъ во время гоненія при Діоклеціанѣ. Отказавшись признать епископомъ Цециліана, они выбрали другого епископа, Доната; онъ отлучилъ отъ церкви всѣхъ, казавшихся ему и его суровымъ единомышленникамъ недостойными принадлежать къ церкви; церковь, непорочная невѣста христова, должна отлучать всѣхъ недостойныхъ, говорили они, и составили свою особую церковь „избранныхъ“, „святыхъ“. Константинъ поручилъ разборъ ссоры коммиссіи, предсѣдателемъ которой назначилъ римскаго епископа; эта коммиссія и Арелатскій соборъ (въ 314 году) осудили Доната и его приверженцевъ; императоръ издалъ строгіе законы для подавленія ереси донатистовъ. Ихъ церкви были отняты у нихъ, епископы ихъ— отправлены въ ссылку. Но нумидійскіе и мавританскіе поселяне и номады, державшіеся стороны Доната, подняли возстаніе, кроваво мстили за разрушеніе своихъ церквей, за смерть или изгнаніе своихъ пастырей. Эдиктъ Юліана о вѣротерпимости придалъ имъ новую энергію. Во все продолженіе IV вѣка донатисты вели партизанскую войну противъ послѣдователей вселенской церкви и противъ правительства. Они ставили сохраненіе чистоты своей „церкви святыхъ“ выше всего на свѣтѣ. Циркумцеллионы, какъ назывались наиболѣе фонатичные донатисты, соединяли съ религіознымъ энтузіазмомъ экзальтированныя политическія и соціальныя идеи: они требовали совершенной независимости церкви отъ государства, полнаго равенства всѣхъ вѣрующихъ, имѣли коммунистическія стремленія. Августинъ, по порученію императора Гонорія, велъ въ 411 году въ Карѳагенѣ переговоры съ умѣренными донатистами, убѣждая ихъ примириться со вселенской церковью и государствомъ; но они не послушали его увѣщаній, и онъ, человѣкъ суроваго характера, сталъ возбуждать императора усилить гоненіе на нихъ. Наконецъ они были подавлены римскими войсками послѣ упорной борьбы, показавшей, какую громадную силу даетъ простодушнымъ людямъ религіозный энтузіазмъ.

Августинъ родился 13 ноября 353 года въ нумидійскомъ городѣ Тагастѣ. Его Августинъ. мать, Моника, благочестивая христіанка, внушала ему въ дѣтствѣ христіанскія понятія; но, разставшись съ матерью, онъ покинулъ ихъ и возвратился къ нимъ лишь впослѣдствіи, прошедши путь сомнѣнія и грѣха. Онъ училъ въ Медаврѣ и въ Карѳагенѣ римскому краснорѣчію, провелъ молодость въ грѣховныхъ удовольствіяхъ. Неудовлетворенный земными наслажденіями, пылкій юноша сталъ искать себѣ отрады въ изученіи языческой литературы. Краснорѣчивыя слова Цицерона о высокомъ нравственномъ достоинствѣ философіи пробудили въ его душѣ стремленіе узнать несомнѣнную, вѣчную истину. Священное Писаніе было не привлекательно его горячему воображенію, потому что оно слишкомъ просто; онъ думалъ найдти удовлетвореніе своей душѣ въ неоплатонизмѣ. Но ни фантастическія системы неоплатониковъ, ни поэтическій мистицизмъ манихейства, котораго держался онъ девять

лѣтъ, не оказались удовлетворительными для его ума. Онъ увидѣлъ, что обманывался, вѣруя въ эти ученія, и отчаялся достичь истины. Въ Римѣ, гдѣ въ 383 и 385 годахъ преподавалъ реторику, онъ ознакомился съ христіанствомъ въ томъ ученомъ видѣ, какой сообщили изложенію вѣры Оригенъ и Амвросій. Онъ предался христіанству со всею пылкостью своего африканскаго характера. Чтеніе посланій апостола Павла произвело въ немъ борьбу противъ земныхъ влеченій; слезы и молитвы матери помогли его обращенію въ христіанство; въ порывѣ восторга онъ почувствовалъ дѣйствіе божественной благодати на его душу, отказался отъ земныхъ наслажденій, которыми увлекался до той поры. Въ 387 году онъ крестился, вмѣстѣ съ своимъ побочнымъ сыномъ; таинство крещенія совершилъ Амвросій. Августинъ сталъ пламеннымъ бойцомъ за христіанское ученіе и за строгую нравственность. Онъ отказался отъ должности преподавателя реторики; по смерти матери вернулся въ Африку, подготовилъ себя къ священству суровой и аскетическою жизнью въ монастырѣ, былъ сдѣланъ пресвитеромъ, и въ 395 году епископомъ города Гиппона (Hippo Regius, нынѣшній городъ Бона). Съ этого времени всѣ силы его были посвящены на служеніе царству Божію. Онъ былъ образцомъ воздержности, велъ самый простой образъ жизни, отдавалъ всѣ остальныя деньги бѣднымъ и не стыдился собирать подаянія для нихъ. Онъ былъ могучимъ воиномъ Христовымъ. Философамъ академической школы (скептикамъ) онъ доказывалъ, что истина существуетъ, и что она находится въ богѣ; въ нѣсколькихъ трактатахъ онъ защищалъ противъ манихеевъ свободу воли и способность ея къ добру; донатистамъ онъ доказывалъ, что единственная обладательница истины—вселенская церковь; изъ опыта собственной жизни онъ извлекъ убѣжденіе въ грѣховности человѣческой природы и въ спасеніи людей отъ грѣха божественною благодатью, и защищалъ это убѣжденіе въ борьбѣ съ пелагіанами. Тридцать пять лѣтъ онъ силой своего характера и ума владычествовалъ надъ африканской церковью и умеръ 28 августа 430 года въ Гиппонѣ, во время осады этого города вандалами. Онъ скончался, читая псалмы покаянія.—Онъ написалъ очень много произведеній. Слогъ ихъ многословенъ, переполненъ реторическими украшеніями; но онъ излагаетъ въ нихъ результаты своихъ размышленій о собственной жизни, богатой опытомъ; онъ глубоко знаетъ человѣческое сердце, и пламенно выражаетъ любовь къ богу, господствующую надъ всѣми его мыслями. Знаменитѣйшія изъ его сочиненій—„Исповѣдь“ и „О государствѣ божіемъ“.—Въ „Исповѣди“, постоянно обращая свою рѣчь къ богу, съ гордымъ самоуниженіемъ человѣка, чувствующаго свою святость, разсказываетъ безъ утайки всѣ грѣхи своего порочнаго прошлаго. Заглавіе трактата „О государствѣ божіемъ“ ужь показываетъ, что Августинъ хотѣлъ написать для христіанъ произведеніе, подобное трактату Платона „О государствѣ“. Язычники говорили, что опустошеніе римской имперіи вторженіями варваровъ—послѣдствіе гнѣва боговъ на имперію за измѣну прежней вѣрѣ; Августинъ въ трактатѣ „О государствѣ божіемъ“ разсматриваетъ эти бѣдственныя событія съ христіанской точки зрѣнія.

Обзоромъ событій исторіи языческихъ временъ Августинъ доказываетъ, что боги язычниковъ не спасали ихъ отъ бѣдствій, не дали хорошихъ законовъ вѣрующимъ въ нихъ; далѣе, онъ говоритъ, что существуютъ два государства, земное и небесное. Люди дѣлятся на два разряда: одни живутъ по плоти: они идутъ къ погибели; другіе живутъ по духу и предназначены дла блаженства. Такъ и міръ состоитъ изъ двухъ государствъ. Одно государство обречено на погибель; имъ правятъ злые духи; основаніе его—эгоизмъ; цѣль всѣхъ стремленій въ немъ—удовлетвореніе земнымъ страстямъ, властолюбію, жаждѣ наслажденій; другое государство—небесное; царь его—Богъ; люди принадлежащіе къ нему, ставятъ высочайшимъ своимъ благомъ соединеніе съ Богомъ и блаженными сонмами ангеловъ, они стремятся къ этой цѣли любовью ко всему божественному, отреченіемъ отъ чувственныхъ желаній. Къ земному грѣховному государству, которое будетъ въ день страшнаго суда пожрано огнемъ, принадлежатъ всѣ царства и въ частности римская имперія; все то въ ней, что не покорилось церкви,—дѣло сатаны, безбожіе и ложь; дѣло сатаны—всѣ побѣды, которыми возвысилась она до своего величія; вся ея философія, вся ея цивилизація, ослѣпляющая даже многихъ вѣрующихъ своимъ блескомъ—ложь, дѣло сатаны; это государство сатаны, отвратившееся отъ Бога, не могло произвести ничего, кромѣ дурныхъ обольщеній, лживыхъ даровъ, какими демоны награждаютъ своихъ поклонниковъ на пагубу имъ; даже добродѣтели язычниковъ только блестящіе пороки. Истина и прочное благо находится исключительно въ небесномъ государствѣ святыхъ, въ которомъ царствуетъ Богъ и которымъ правятъ по волѣ Его ангелы, святые и благочестивые священнослужители.

„Монологи“, Soliloquia, Августина можно назвать продолженіемъ его „Исповѣди“; въ этихъ бесѣдахъ съ самимъ собою доказывается, что единственный источникъ истиннаго счастія—христіанскія добродѣтели: вѣра, надежда и любовь. Въ позднѣйшемъ сочиненіи Retractationes „Отреченія“, онъ подвергаетъ строгому пересмотру всѣ прежнія свои произведенія, смягчаетъ многое изъ того, что было сказано въ нихъ, отъ многаго отрекается. Августинъ пользовался въ западной церкви также большимъ уваженіемъ какъ проповѣдникъ; это видимъ изъ того, что сохранилось много его проповѣдей (Sermones). Слогъ ихъ реторическій; объясняя Священное Писаніе, онъ очень любилъ давать всему аллегорическій смыслъ.

4. Отшельники и монахи.

Важное мѣсто въ религіозной жизни того времени занимаютъ отшельничество и монашество. Въ борьбѣ съ язычествомъ, въ дѣлѣ разрушенія его храмовъ, въ догматическихъ спорахъ о божественной и человѣческой природѣ Христа, объ ученіяхъ Оригена дѣйствовали по преимуществу монахи, возбуждая массу христіанъ; они имѣли рѣшительное вліяніе на нравы и понятія христіанъ, на характеръ христіанской литературы; ихъ сужденіями масса христіанъ руководилась въ оцѣнкѣ стремленій и поступковъ; по ихъ примѣру она поставила пассивныя добродѣтели, исполненіе обрядовъ и аскетизмъ, выше дѣлъ практической жизни, проникласъ мыслями о подавленіи естественныхъ влеченій человѣка, о грѣховности мірскихъ дѣлъ. Мы видѣли (стр. 444), что при многочисленности отрекающихся отъ мірской жизни пустынники не могли оставаться живущими въ одинокомъ отшельничествѣ, соединялись въ «сожительства», киновіи, монастыри: отшельники, жившіе по сосѣдству съ подвижникомъ, знаменитымъ своею святостью, одинъ за другимъ переселялись жить подлѣ него и по его правиламъ, строили кельи близъ его жилища, и такимъ образомъ возникала група келій (Лавра), или строили себѣ общее жилище, и возникало большое общежительное зданіе (монастырь, monasterion); наконецъ лавра или монастырь были обводимы стѣной, и образовывался монастырь въ нынѣшнемъ смыслѣ слова, поселеніе монаховъ, окруженное высокою оградою. Монастыремъ управлялъ начальникъ, авва (отецъ); монахи должны были жить по опредѣленнымъ

правиламъ, по «уставу» монастыря; всѣ они вели одинаковый образъ жизни, исполняли одинаковые подвиги набожности; у всѣхъ была одинаковая очень простая пища, они спали всѣ на одинаковыхъ, жесткихъ постеляхъ, носили одинаковую, бѣдную и грубую одежду; время дѣлилось по установленнымъ часамъ между молитвою и трудомъ. Строгій аскетизмъ монаховъ, воздержаніе отъ всѣхъ наслажденій, добровольное повиновеніе ихъ волѣ начальника монастыря и уставу братства, отреченіе отъ богатствъ и другихъ выгодъ, принадлежавшихъ имъ по ихъ происхожденію, возбуждали въ массѣ христіанъ глубокое уваженіе къ нимъ. Вступая въ монашество, человѣкъ отказывался отъ брака, ставилъ себѣ задачею подавлять въ себѣ влеченія природы, умерщвлять плоть, жить только для Бога, пріобрѣтая спасеніе душъ молитвою и строгимъ аскетизмомъ; потому съ понятіемъ о монашествѣ соединялось представленіе святости гораздо болѣе высокой, чѣмъ обыкновенная христіанская жизнь, и монахи считались болѣе близкими къ ангеламъ, чѣмъ къ мірскимъ людямъ. Въ этихъ послѣдователяхъ «философіи небесной» христіане видѣли соединеніе всѣхъ добродѣтелей разныхъ школъ земной философіи: монахи не уступали стоикамъ пренебреженіемъ къ дарамъ счастья, презрѣніемъ къ страданію и смерти; они превосходили пиѳагорейцевъ молчаливостью, отреченіемъ отъ собственной воли, безусловнымъ повиновеніемъ начальнику своей общины, и подобно циникамъ пренебрегали формами обыкновеннаго житейскаго быта. Было много причинъ, увлекавшихъ людей въ монашество: склонность восточныхъ народовъ къ отреченію отъ міра и къ созерцательной жизни, примѣръ Иліи пророка, Іоанна Крестителя, столькихъ другихъ боговдохновенныхъ людей священной исторіи, бѣдственность жизни въ умирающей римской имперіи, вѣрованіе въ то, что умерщвленіе плоти—вѣрнѣйшій путь къ небесному блаженству; подъ вліяніемъ этихъ мотивовъ, массы людей уходили въ монастыри пустынь.

Распространеніе монашества.

Уже Плиній съ изумленіемъ смотрѣлъ на общину пустынниковъ, жившихъ подъ пальмами не подалеку отъ Мертваго Моря; они не употребляли денегъ, у нихъ не было женъ, и хотя они не имѣли дѣтей, число ихъ не уменьшалось, потому что къ нимъ постоянно приходили новые сожители, приводимые къ нимъ отвращеніемъ отъ мірской жизни. Черезъ два столѣтія, это явленіе приняло громадные размѣры; въ южномъ Египтѣ, на одномъ изъ острововъ Нила, называвшемся Тавеннами, и въ нитрійской пустынѣ на югѣ отъ Александріи поселились, по примѣру святого Антонія и его учениковъ, Пахомія и Аммонія, тысячи пустынниковъ, такъ что можно было говорить: „города опустѣли, и пустыни стали многолюдны" въ Азіи множество людей слѣдовали примѣру святого Илариона, уроженца Сиріи, который прожилъ 48 лѣтъ на песчаной отмели между моремъ и болотомъ близъ Газы, и постился такъ, что былъ похожъ на скелетъ. Среди самого Рима были построены на развалинахъ языческихъ храмовъ мужскіе и женскіе монастыри. Люди отказывались отъ практической дѣятельности и семейнаго быта, посвящая себя на служеніе распятому Спа-

сителю аскетическими подвигами. Мартинъ Турскій, бывшій воинъ, сталъ отшельникомъ, сдѣланъ былъ епископомъ и, ведя непрерывную борьбу съ діаволомъ, основалъ въ Галліи столько монастырей, что тѣло его, признаннаго святымъ, провожали въ похоронной процессіи 2.000 монаховъ. Благочестивый Іоаннъ Кассіанъ основалъ въ Марсели многочисленную монашескую общину, изъ которой распространились восточныя монашескія учрежденія по западу и выходили проповѣдники, обращавшіе въ христіанство язычниковъ южной Галліи. Изъ британскаго монастыря Бангора вышло болѣе 2.000 миссіонеровъ проповѣдывать евангеліе ирландцамъ и шотландцамъ. Отшельническая жизнь пользовалась въ первые вѣка послѣ побѣды христіанства такимъ уваженіемъ, что знаменитѣйшіе епископы и вѣроучители—Аѳанасій, Василій Великій, Іеронимъ, Августинъ и другіе—удалялись въ лѣса и пещеры, укрѣпить святою пустынническою жизнью свои силы на новую дѣятельность. Василію Великому приписывается дошедшій до насъ уставъ монашеской жизни, въ которомъ обязанностью для монаховъ ставится занятіе полезными физическими трудами.

Жизнь отшельниковъ на Востокѣ.

При высокомъ уваженіи къ отшельничеству и монашеству, при восторженности, производимой одиночествомъ, постояннымъ религіознымъ размышленіемъ и продолжительной молитвой, нѣкоторые подвижники доводили свой аскетизмъ до изумительныхъ размѣровъ. Въ непрерывной борьбѣ съ искушеніями демоновъ они умерщвляли свою плоть мучительными самоистязаніями. Нѣкоторые были вовлекаемы экзальтаціею въ такія крайности, которыя осуждала церковь. Такъ напримѣръ, массаліане и эвхиты, въ гордости своимъ подвижничествомъ, ставили себя выше заповѣдей церкви, „презирали ея догматы и таинства. Другіе, доводя до крайности идею отшельничества, уклонялись отъ всякихъ сношеній съ людьми, или, утрируя понятіе о добровольной бѣдности, скитались бродячими нищими. Акиметы („безсонники") старались пріучить себя не спать. Многіе мучили себя жаждою. Въ Месопотаміи были подвижники, питавшіеся травой и кореньями. Симеонъ Столпникъ провелъ много лѣтъ на высокой колоннѣ. Въ дѣтствѣ, онъ былъ пастухъ; почти еще ребенкомъ онъ ушелъ въ монастырь; тамъ предавался такимъ самоистязаніямъ, что другіе монахи принуждены были силой удерживать его отъ нихъ. Съ 422 года онъ сталъ жить на колоннѣ, построенной для этого подвижничества его близъ Антіохіи. Потомъ строили для него новыя колонны, каждую новую выше прежней, и наконецъ онъ жилъ на колоннѣ въ 36 фут. выш. Онъ прожилъ такъ 30 лѣтъ. Уваженіе къ нему простиралось до того, что кочевыя арабскія племена дрались между собою изъ-за его благословенія. Ѳеодосій II спрашивалъ его совѣта по важнѣйшимъ государственнымъ и церковнымъ дѣламъ. По кончинѣ святого посредника между небомъ и землею антіохійцы перенесли его тѣло въ свой городъ торжественною процессіей и чтили останки его какъ величайшую святыню. На западѣ увидѣли первыхъ монаховъ, когда бѣжалъ въ Италію Аѳанасій; сначала смѣялись надъ этими его спутниками; но потомъ Амвросій и Іеронимъ распространили монашество въ Италіи, Мартинъ Турскій въ Галліи, Августинъ въ Африкѣ. Отшельничество на западѣ мало развилось, замѣнившись общинною жизнью въ монастыряхъ. Темпераментъ народовъ запада, болѣе спокойный, чѣмъ у азіатцевъ и египтянъ, не давалъ западнымъ подвижникамъ доходить до эксцентричностей. Но въ западномъ монашествѣ развились и другія дурныя стороны. Имѣя право получать имущества по завѣщаніямъ и по дарственнымъ актамъ, западные монастыри пріобрѣли большія богатства, нравственность монаховъ ослабѣла, они стали жить роскошно; употребляли всяческія средства заманивать богатыхъ наслѣд-

Симеонъ Столпникъ. — *Монашество на западѣ.*

никовъ и наслѣдницъ къ поступленію въ монастыри. Императоры принуждены были издавать законы для обузданія этихъ дурныхъ склонностей. Но законы были безсильны противъ нихъ, потому что таковъ былъ тогда характеръ вѣка. Бѣдность, опустошенія областей, желаніе уклониться отъ военной службы приводили во времена нашествій варваровъ множество римлянъ въ кельи монастырей, безопасныя за крѣпкими стѣнами; давленіе разрушающагося государства исчезало за монастырской оградой; а для людей благородной души во времена всеобщихъ бѣдствій аскетизмъ завлекателенъ.

Улучшеніе западнаго монашества. Бенедиктъ Нурсійскій 480 - 543. 529.

На западѣ монашество вообще приняло болѣе практическій характеръ, чѣмъ какой имѣло на Востокѣ. Жизнь восточныхъ отшельниковъ имѣла черты нравственнаго величія; пустынники не рѣдко являлись защитниками истины и справедливости, пробуждали грозными словами совѣсть въ сильныхъ беззаконникахъ; за египетскими и азіатскими монахами должно признать ту славу, что они содѣйствовали освобожденію рабовъ, оказывали гостепріимство бѣднымъ путникамъ, вообще помогали бѣднымъ, проповѣдывали строгую нравственность. Но широко развилась практическая дѣятельность монашества только на западѣ. Это направленіе придалъ ему Бенедиктъ Нурсійскій. Потомокъ знатнаго рода, онъ провелъ молодость отшельникомъ въ ущельѣ близъ Субіака; пастухи тѣхъ горъ чтили его, какъ святого. Онъ построилъ монастырь въ дикой живописной мѣстности на горѣ Касино (Монте-Касино), на развалинахъ храма Аполлона, въ рощѣ, которая была священна во времена язычества. Діаволъ очень мѣшалъ этому дѣлу; но святой восторжествовалъ и основалъ монашескую общину, которой далъ благоразумный уставъ, требовавшій для поступленія въ монашество обѣтовъ вѣчнаго цѣломудрія, бѣдности и послушанія и ставившій въ обязанность монахамъ занятіе полезными трудами. Скоро этотъ уставъ соединилъ въ одну корпорацію большую часть западныхъ монастырей.

Бенедиктинцы.

Уставъ, данный Бенедиктомъ Нурсійскимъ Монте-касинскому монастырю и называющійся бенедиктинскимъ, былъ чуждъ утрированнаго фантазерства. По правиламъ его, время монаха дѣлилось между молитвой и полезнымъ трудомъ; монахъ долженъ былъ постоянно припоминать обѣты, которые далъ по выдержаніи періода послушничества (новиціата) при посвященіи въ монашество. Молитва и богослуженіе роспредѣлялись каждый день на семь „часовъ“ первая молитва начиналась въ 2 часа ночи. Время, остававшееся отъ этихъ семи богослуженій или моленій, распредѣлялось между благочестивымъ размышленіемъ, чтеніемъ Священнаго Писанія и физическимъ трудомъ. Кассіодоръ, поступившій въ монашество въ 539 году, прибавилъ къ обязанностямъ монаховъ своего монастыря занятіе перепискою книгъ и вообще умственнымъ трудомъ. Это было принято и въ другихъ бенедиктинскихъ (слѣдовавшихъ монтекасинскому уставу) монастыряхъ. Перепискою произведеній древней литературы бенедиктинцы среднихъ вѣковъ пріобрѣли себѣ право на признательность потомства.

Дѣятельность монаховъ на западѣ, ихъ вліяніе.

Монашеская жизнь по уставу Бенедикта Нурсійскаго должна была представлять собою соединеніе всѣхъ христіанскихъ добродѣтелей. Основатели первыхъ монастырей хотѣли, чтобъ ихъ общины были возобновленіемъ того братства, въ какомъ жили христіане первой общины, когда вѣрующіе, собравшіеся около апостоловъ, отказывались отъ личной собственности. Такое усердіе не могло долго оставаться качествомъ всѣхъ христіанъ. Основатели монастырей желали, чтобъ оно продолжалось, по крайней мѣрѣ, въ ихъ избранныхъ кругахъ. Потому общность имуществъ и братское равенство, великіе принципы христіанской жизни въ апостольское время, всегда оставались коренными условіями монашеской жизни. Ни въ какой другой корпораціи знатные и незнатные, богатые и бѣдные, свободные и рабы не были подчиняемы такимъ одинаковымъ правиламъ жизни, какъ въ монашескихъ общинахъ. Притомъ монахи выказывали христіанское сочувствіе всѣмъ душевнымъ и матеріальнымъ потребностямъ человѣка. Они были утѣшителями, совѣтниками, помощниками людямъ всѣхъ сословій во всѣхъ дѣлахъ. Монастыри всегда отличались гостепріимствомъ и благотворительностью. Монахи были самыми горячими противниками рабства; они называли его униженіемъ людей, искупленныхъ Христомъ, и ставили выкупъ изъ рабства однимъ изъ самыхъ душеспасительныхъ дѣлъ. Монахи были проповѣдниками. При монастыряхъ заводились школы. Бенидиктинцы сохранили для потомства произведенія древней литературы, воздѣлали пустыни и поучали людей.

Распространеніе Христіанства.

Когда Ѳеодосій доставилъ православію торжество надъ аріанствомъ въ римской имперіи, почти все ея населеніе исповѣдывало христіанство, язычниковъ оставалось въ ней мало; христіанство ужъ имѣло тогда послѣдователей и между народами, неподвластными или враждебными римскому и константинопольскому императорамъ. Въ Персіи въ IV вѣкѣ образовались многочисленныя христіанскія общины, признававшія своимъ главою митрополита Селевкійскаго. Но во времена войнъ съ римлянами персы подозрѣвали этихъ христіанъ въ сообщничествѣ съ непріятелемъ, вообще ненавидѣли ихъ какъ единовѣрцевъ врага, подвергали жестокому гоненію. Оживленіе національнаго чувства персовъ по основаніи царства Сассанидовъ и могущество крѣпко организованнаго духовенства персидской вѣры не допустили широкаго распространенія христіанства въ персидскомъ народѣ, любившемъ жить весело, склонномъ къ раціонализму въ религіи, потому не имѣвшемъ симпатіи къ строгой нравственности и къ непостижимымъ для ума догматамъ христіанской религіи. Въ 343 году епископъ Симеонъ и многіе другіе христіане приняли мученическую смерть за вѣру. Когда Іовіанъ отдалъ персамъ Нисибиду и всю восточную окраину римской имперіи (стр. 584), множество христіанъ выселилось оттуда въ провинціи, оставшіяся за римлянами. Въ первой по-

Въ Персіи. 343. 363.

422. ловинѣ V вѣка, при царѣ Ездегердѣ I, христіане пользовались въ Персіи терпимостью, благодаря благоразумію месопотамскаго епископа Марута; но это было не долго: епископъ Сузанскій Абда (Авда, Abdas) имѣлъ безразсудство разрушить храмъ персидской религіи; это подвергло христіанъ новому преслѣдованію. Лишь немногіе изъ нихъ успѣли спастись бѣгствомъ отъ мученій и смерти. Гоненіе достигло крайняго ожесточенія при свирѣпомъ преемникѣ Ездегерда, Баранѣ. Но еретикамъ, подвергавшимся преслѣдованію въ римской имперіи, персы давали пріютъ у себя. Въ Арменіи христіанство было распространено проповѣдниками, которые по происхожденію сами были

Въ Абиссиніи. армяне; стали христіанами и армянскіе цари. Когда Арменія была покорена персами, христіанство сохранило въ ней усердныхъ, твер-

Въ Арменіи. дыхъ послѣдователей. — Абиссинія въ IV вѣкѣ тоже стала христіанскою страной. Два юноши: Фрументій и Эдесій, которыхъ взялъ съ собою дядя ихъ, отправившіеся на кораблѣ по Чермному морю въ Африку, одни уцѣлѣли, когда африканцы напали на корабль и убили всѣхъ другихъ, на немъ бывшихъ; они нашли хорошій пріемъ себѣ у ауксумскаго (аксумскаго, абиссинскаго) царя, стали проповѣдывать въ его царствѣ христіанское ученіе, установили мирныя сношенія между Абиссиніей и Египтомъ. Фрументій былъ рукоположенъ Аѳанасіемъ Александрійскимъ въ санъ епископа, пріобрѣлъ вліяніе при ауксумскомъ дворѣ; царь, воспитателемъ котораго онъ былъ, принялъ христіанство. При содѣйствіи монаховъ, переселившихся въ Абиссинію изъ верхняго Египта, Фрументій обратилъ въ христіанство народъ этой страны. Библія была переведена на эѳіопскій (абиссинскій) языкъ.

Распространеніе Христіанства между германцами. Вестготы. (Ульфила, 318—388).

Громадную важность для церкви Христовой имѣло обращеніе германскихъ народовъ, которые, разрушая римскую имперію оружіемъ, были побѣждены духовной силой ея. Мы видѣли (стр. 450), что когда вестготы жили еще на сѣверномъ берегу Дуная, епископъ Ульфила, имѣвшій греческое образованіе, но усвоившій себѣ языкъ и обычай ихъ, очень дѣятельно трудился для распространенія христіанства между ними. Самъ Фридигернъ научился отъ него вѣрѣ во Христа и крестился. Но суровый Атанарихъ преслѣдовалъ принявшихъ христіанство, и два проповѣдника евангелія приняли отъ него

348. мученическую смерть. Когда гоненіе стало очень сильно, Ульфила перешелъ съ вѣрующими на южный берегъ Дуная; они съ разрѣшенія императора Констанція поселились у подошвы мизійскихъ горъ, стали пасти свои стада рогатаго скота и овецъ въ лѣсахъ и по лугамъ того края. У нихъ нашли себѣ пріютъ новыя толпы ихъ соплеменниковъ, бѣжавшихъ отъ втораго гоненія. Вѣроятно, тутъ сдѣлалъ Ульфила и переводъ Библіи. Остатки этого перевода — драгоцѣнный, древнѣйшій памятникъ нѣмецкаго языка. До насъ дошли лишь небольшіе отрывки изъ перевода Ветхаго Завѣта, но изъ Нова-

ваго Завѣта сохранились значительныя части. Самый большой изъ этихъ остатковъ—рукопись, находившаяся въ бенедиктинскомъ монастырѣ въ Верденѣ на Рурѣ, перевезенная оттуда въ Прагу, изъ Праги взятая въ Тридцатилѣтнюю войну шведами, отданная ими въ упсальскую библіотеку и хранящаяся теперь тамъ. Эта такъ называемая «серебряная рукопись», Codex argenteus, содержитъ въ себѣ переводъ евангелій. Чрезъ нѣсколько времени весь вестготскій народъ перешелъ на южный берегъ Дуная, спасаясь отъ гунновъ. Тутъ приняли христіанство и тѣ вестготы, которые до переселенія еще оставались язычниками. Когда начиналась проповѣдь христіанства между вестготами, въ Византіи господствовало аріанство, и самъ Ульфила былъ аріанинъ; потому вестготы приняли христіанское ученіе въ формѣ аріанства. Вскорѣ послѣ того въ Византіи восторжествовало православіе. Ульфила умеръ въ Константинополѣ въ 381 году, глубоко опечаленный тѣмъ, что въ имперіи аріанство подавлено. Но вестготы остались аріанами. Іоаннъ Златоустъ усердно старался обратить ихъ въ православіе; однако лишь не многіе вестготы приняли это вѣроученіе; масса народа сохранила прежнее исповѣданіе. Вестготы остались аріанами и переселившись въ южную Галлію, въ Испанію. Могущественнѣйшій изъ ихъ тулузскихъ королей, Эврихъ преслѣдовалъ православіе, бросилъ въ темницу или изгналъ нѣкоторыхъ православныхъ епископовъ Аквитаніи, конфисковалъ ихъ имущества. Но вообще вестготы отличались вѣротерпимостью. Была она и у остготовъ, которые приняли также аріанское исповѣданіе. Они очень уважали Северина, православнаго подвижника, котораго римская церковь признала святымъ. Во время переселенія народовъ онъ пришелъ съ юга Европы на Дунай къ геруламъ и готамъ, чтобы смягчать ихъ жестокость, жилъ въ пещерѣ, ходилъ босой, ѣлъ только самую простую пищу. Нѣмецкіе короли вообще полагали, что не слѣдуетъ распространять вѣру насиліемъ, что когда богъ терпитъ существованіе разныхъ религій, то и они не должны требовать, чтобы всѣ ихъ подданные приняли одну вѣру. Только вандалы въ Африкѣ поступали иначе. Они были тоже аріане, принявъ это исповѣданіе, вѣроятно, отъ готскихъ проповѣдниковъ; они жестоко преслѣдовали православную церковь, и многіе православные приняли отъ нихъ мученическую смерть за вѣру.

Остготы. Северинъ умеръ 482.

Вандалы.

Мы будемъ послѣ говорить о страшномъ разбойническомъ государствѣ, которое основалъ въ Африкѣ и поддерживалъ злодѣйскими свирѣпостями Генсерихъ, ужаснѣйшій изъ варваровъ еретиковъ, не знавшій ни страха, ни жалости. Онъ обратилъ противъ своихъ православныхъ подданныхъ эдикты, изданные римскими императорами противъ еретиковъ. Гоненіе, которому подвергалась православная церковь при немъ, сдѣлалось еще болѣе свирѣпымъ при его сынѣ Гунерихѣ, наслѣдовавшемъ отъ отца жестокость, но не имѣвшемъ отцовской разсудительности. По смерти добро-

Вандалы въ Африкѣ. Генсерихъ. 429—477.

Гунерихъ. 477—484.

дѣтельнаго епископа Деограція, бывшаго благодѣтелемъ плѣнниковъ, привезенныхъ Генсерихомъ изъ ограбленнаго Рима въ Африку, каѳедра православнаго епископа въ Карѳагенѣ оставалась 24 года не замѣщена. До 5.000 православныхъ мірянъ и духовныхъ, выказавшихъ себя особенно твердыми защитниками своей вѣры, были угнаны въ пустыню нумидійскими и мавританскими номадами, жестоко обижавшими ихъ, или сосланы въ работу на Корсику и на Сардинію, а имущества ихъ конфискованы. По ходатайству византійскаго императора Зенона былъ наконецъ назначенъ православный епископъ въ Карѳагенъ; на эту должность былъ выбранъ Евгеній, человѣкъ миролюбивый; но и онъ не могъ охранить православныхъ отъ гоненія. Гунерихъ поставилъ у дверей православной церкви стражу, которая не впускала въ нее людей въ вандальской одеждѣ или носившихъ, по-вандальскому обычаю, длинные волоса. Должностныя лица, не хотѣвшія принять аріанства, были лишены должностей и отправлены въ ссылку на острова или въ рабскую работу на нивахъ окрестностей Утики. Диспутъ, на которомъ хотѣли защитить свое исповѣданіе православные, остался напрасенъ. Они далеко превосходили вандальское духовенство ученостью; но ихъ аргументы не дѣйствовали на вандаловъ. При племянникѣ Гунериха Гунтамундѣ вандалы оставались враждебны православнымъ. Самъ епископъ Евгеній умеръ изгнанникомъ въ Галліи. Поэтъ Драконцій былъ брошенъ въ темницу за то, что хвалилъ въ своихъ стихахъ восточнаго императора, и былъ освобожденъ лишь когда написалъ стихотвореніе, въ которомъ выразилъ свое раскаяніе.

Гунтамундъ. 484—496.

Трасамундъ. 496—523.

Братъ и преемникъ Гунтамунда Трасамундъ шелъ къ той же цѣли, какъ прежніе вандальскіе короли, но другимъ путемъ. Вмѣсто угрозъ и пытокъ онъ дѣйствовалъ ласками; это имѣло больше успѣха. Богатство и почести были наградами православнымъ за переходъ въ аріанство. Православные, виновные въ преступленіяхъ, могли купить себѣ прощеніе, принявъ аріанство. Умирая, Трасамундъ взялъ съ своего наслѣдника Гильдериха (сына Гунериха) клятву преслѣдовать держащихся никейскаго символа вѣры. Но Гильдерихъ ставилъ обязанности человѣколюбія и вѣротерпимости выше вѣрности клятвѣ; въ его недолгое царствованіе православные пользовались религіозной свободой. Онъ былъ миролюбивъ, но больше по робости, чѣмъ по благоразумію. Онъ вступилъ въ дружескія сношенія съ византійскимъ императоромъ; это было причиной его погибели. Гелимеръ, правнукъ Генсериха, сталъ вождемъ вандаловъ, недовольныхъ дружбою короля съ Византіею и провозгласилъ себя королемъ. Въ противоположность своему предмѣстнику, онъ возобновилъ гоненіе на православныхъ и погубилъ этимъ себя и государство.

Гальдерихъ. 523—530.

Гелимеръ. 330—383.

Торжество православной церкви на западѣ.

Вандалы и остготы оставались вѣрны аріанству до самаго разрушенія ихъ государствъ оружіемъ византійскаго императора. Вестготы, завоевавшіе большую часть Пиренейскаго полуострова, и свевы, овладѣвшіе сѣверозападной частью его долго страдали отъ религіозныхъ междоусобій, въ которыхъ многіе члены ихъ династій были убиты своими ближайшими родными; но наконецъ они приняли никейское исповѣданіе вѣры. Бургунды, принявшіе сначала православное исповѣданіе и очень скоро послѣ того усвоившіе себѣ аріанское ученіе, занесенное къ нимъ ихъ сосѣдями вестготами, были въ началѣ VI вѣка обращены въ православіе краснорѣчивымъ епископомъ віэннскимъ Авитомъ, умѣвшимъ дѣйствовать очень практично. При Сигизмундѣ святомъ, основателѣ монастыря святого Маврикія, наслѣдовавшемъ въ 517 году своему отцу Гундобальду, аріанину, православіе восторжествовало путемъ постепеннаго распространенія безъ всякихъ гоненій. Незадолго передъ тѣмъ дочь бургундскаго короля, вышедшая за Хлодвига, короля франковъ, убѣдила своего мужа принять христіанство по ученію вселенской церкви; этимъ была рѣшена побѣда никейскаго исповѣданія на западѣ. У лангобардовъ, поселившихся въ сѣверной и отчасти средней Италіи, аріанство довольно скоро замѣнилось, по вліянію римскаго духовенства, православіемъ.—Алеманны, бывшіе на верхнемъ Рейнѣ и въ долинахъ Шварцвальда, оставались язычниками до VI вѣка, англосаксы въ Британніи до VII вѣка; въ предыдущія времена у этихъ народовъ существовали только немногія христіанскія общины. Князь фризовъ Радбодъ отказался креститься, услышавъ, что его храбрые предки находятся въ аду: онъ полагалъ, что не будетъ чувствовать себя въ раю счастливымъ, когда не будетъ тамъ ихъ.

VII. Римское государство по раздѣлѣ его на двѣ имперіи. Паденіе западной римской имперіи.

1. Времена Стилихона и Алариха.

Раздѣленіе государства на двѣ имперіи. 395.

Θеодосій только четыре мѣсяца владычествовалъ надъ всѣмъ римскимъ государствомъ. Въ январѣ 395 года онъ умеръ въ Медіоланѣ. Смерть его глубоко опечалила Амвросія, который сказалъ блестящую рѣчь при его погребеніи и черезъ два года послѣдовалъ за нимъ въ могилу. Передъ смертью Θеодосій повелѣлъ, чтобы государство было раздѣлено между его сыновьями, 18-лѣтнимъ Аркадіемъ и 11-лѣтнимъ Гоноріемъ, которые оба уже имѣли санъ августовъ. Старшему онъ отдалъ востокъ, младшему западъ. Съ того времени эти двѣ половины римскаго государства были особыми одна отъ другой имперіями; но въ обѣихъ одинаково всѣ сословія были испорчены роскошью, изнѣженностью, безнравственностью, не способны къ энергіи; среди великихъ бѣдствій, которымъ одинаково подвергались онѣ, ихъ деморализованное населеніе жадно стремилось наслаждаться передъ своей погибелью непрочными благами жизни; римскія войска уже не имѣли силы носить тяжелые латы предковъ и владѣть ихъ оружіемъ, отбросили это обременявшее ихъ вооруженіе, взялись за лукъ и стрѣлы по примѣру варваровъ, которымъ вялая масса народа, боявшаяся трудностей и опасностей войны, уже давно предоставила оборону границъ государства, одеждѣ и обычаямъ которыхъ она подражала, и грубые, но отважные вожди варваровъ мало по малу овладѣли высшими гражданскими и военными должностями. Аркадій велъ роскошную бездѣйственную жизнь въ великолѣпномъ константинопольскомъ дворцѣ, а дѣлами восточной имперіи правилъ Руфинъ, честолюбивый, алчный царедворецъ, вошедшій въ милость къ Θеодо-

Аркадій. 395—408.

сію лицемѣрной набожностью, возвысившійся коварствомъ и злодѣйствами. Границы восточной имперіи простирались отъ нижняго Дуная до Персіи и Эθіопіи; къ ней принадлежали также Дакія и Македонія. Въ западной имперіи, къ которой принадлежали всѣ страны отъ Адріатическаго моря до Каледонскихъ горъ и отъ Альпъ до южныхъ границъ Мавританіи и Нумидіи и кромѣ того Норикъ, Паннонія и Далмація, владычествовалъ отъ имени несовершеннолѣтняго Гонорія вандалъ Стилихонъ, искусный правитель и полководецъ. Области, составлявшія иллирскую префектуру были раздѣлены между западной и восточной имперіями, но фактически подпали подъ владычество вестготовъ, которыми правилъ отважный и хитрый Аларихъ, потомокъ рода Бальтовъ, бывшаго королевской династіей у вестготовъ.

Гонорій. 395—423.

Руфинъ и Стилихонъ.

Руфинъ былъ ненавистенъ населенію восточной имперіи своей алчностью и свирѣпостью, съ какой убивалъ всѣхъ мѣшавшихъ его властолюбію. Стилихонъ, храбрый воинъ высокаго роста и величественной наружности, умѣлъ пріобрѣсти себѣ уваженіе и любовь народа и войска западной имперіи. Руфинъ задумалъ женить на своей дочери молодого императора, надѣясь упрочить этимъ свое владычество. Но въ то время, какъ онъ грабилъ и убивалъ людей въ Антіохіи, эвнухъ Эвтропій, завѣдывавшій дворцомъ, сумѣлъ обратить вниманіе Аркадія на красавицу Евдоксію, дочь умершаго франкскаго князя Баутона, жившую въ семействѣ полководца Промота, ненавистнаго Руфину. Аркадій влюбился въ Евдоксію и женитьба его на ней грозила погибелью Руфину; скоро онъ и былъ убитъ. Вестготы стали опустошать государство; говорятъ, что самъ Руфинъ возбудилъ ихъ къ войнѣ, чтобъ имѣть предлогъ отозвать въ Константинополь войска восточной имперіи, еще остававшіяся въ Италіи и находившіяся подъ начальствомъ Стилихона. Когда эти войска возвратились, Гайнасъ, начальникъ готскаго отряда, находившагося въ римской службѣ, убилъ Руфина передъ воротами Константинополя. Онъ сдѣлалъ это вѣроятно по тайному порученію Стилихона. Убійство было совершено среди войска; Руфинъ находился подлѣ императора, когда одинъ изъ воиновъ Гайнаса нанесъ ему смертельный ударъ; онъ упалъ къ ногамъ испуганнаго Аркадія. Народъ съ криками восторга потащилъ его тѣло по улицамъ Константинополя, ругался надъ трупомъ. Убійство осталось безнаказаннымъ. Жена и дочь Руфина провели остатокъ жизни въ печальномъ уединеніи одного изъ іерусалимскихъ монастырей. Сокровища, награбленныя Руфиномъ, были конфискованны. Люди, у которыхъ онъ отнялъ имущество, просили, чтобъ оно было возвращено имъ, но имъ было велѣно замолчать.

27 ноября 395.

Владычество Эвтропія.

Панегиристъ Стилихона Клавдіанъ (стр. 375) прославляетъ убійство Руфина, какъ наказаніе, посланное отъ Бога злодѣю; но если Стилихонъ надѣялся по смерти Руфина захватить владычество и въ Восточной имперіи, управлять и отъ имени Аркадія, какъ правилъ

отъ имени Гонорія, то онъ ошибся. Льстивая угодливость Эвтропія была изнѣженному Аркадію пріятнѣй серьезности суроваго Стилихона. Мѣсто Руфина занялъ Эвтропій и сталъ ссорить Восточную имперію съ Западной, чтобы не допустить въ Константинополь могущественнаго Стилихона. Онъ склонилъ Гайнаса къ измѣнѣ прежнему начальнику, сдѣлавъ его главнокомандующимъ восточными войсками; опираясь на Гайнаса и поддерживаемый Евдоксіей, господствовавшей надъ ничтожнымъ Аркадіемъ, Эвтропій достигъ своей цѣли. Стилихонъ былъ объявленъ врагомъ государства, его обширныя имѣнія въ восточной имперіи были конфискованы; гнусный эвнухъ подсылалъ убійцъ умертвить его и, къ негодованію народа и войска, сталъ править гражданскими и военными дѣлами, осыпанный всяческими почестями. Онъ былъ пошлый злодѣй, опозорившій себя всевозможными гнусностями, не имѣвшій никакихъ заслугъ, необразованный, и правленіе его было стыдомъ для государства. Онъ продавалъ должности правителей провинцій, отправилъ въ ссылку всѣхъ честныхъ сановниковъ, въ числѣ ихъ своего благодѣтеля Абунданція и полководца Тимасія, конфисковалъ ихъ имѣнія. Каждый, на кого былъ доносъ въ умыслѣ противъ кого нибудь изъ приверженцевъ Эвтропія, подвергался суду какъ мятежникъ; клеветѣ и предательству былъ открытъ безграничный просторъ. Конфискація и смертная казнь угрожали всякому, кто навлекъ бы на себя неудовольствіе Эвтропія; были лишаемы имущества и гражданскихъ правъ и дѣти, и родственники осужденныхъ. Греки и римляне издавна презирали и ненавидѣли другъ друга; это помогало желанію Эвтропія сдѣлать Восточную имперію государствомъ чуждымъ имперіи Западной. Византійское государство все больше и больше принимало восточный характеръ. Съ самаго перенесенія императорской резиденціи въ Константинополь при византійскомъ дворѣ господствовалъ греческій языкъ; впослѣдствіи онъ сдѣлался оффиціальнымъ языкомъ Византійской имперіи; этимъ была порвана послѣдняя связь между нею и западной имперіей. Вмѣсто того, чтобы соединенными силами отражать нападенія варваровъ, каждое изъ этихъ двухъ государствъ равнодушно смотрѣло на бѣдствія другого или даже радовалось имъ и само возбуждало алчныхъ враговъ опустошать области другой половины распавшагося римскаго государства. Панегиристы и другіе ораторы говорили реторическимъ языкомъ о наглости варваровъ, о возростающемъ могуществѣ ихъ, о необходимости обуздать ихъ дерзость, свергнуть ихъ постыдное иго, о величіи и славѣ древняго Рима, взывали къ патріотическимъ чувствамъ; но эти декламаціи были безсильны оживить умершее мужество народа.

Позорное правленіе Эвтропія длилось четыре года. Наконецъ Гайнасъ, воспользовавшись возмущеніемъ, которое поднялъ во Фригіи его соплемен-

Смерть Эвтропія и Гайнаса. 399,400.

никъ, готъ Трибигильдъ, успѣлъ устроить интригу противъ Эвтропія и при помощи императрицы Евдоксіи низвергнутъ его. Онъ бѣжалъ въ церковь, былъ спасенъ заступничествомъ Іоанна Златоуста и уваженіемъ императора къ неприкосновенности христіанскихъ храмовъ, которую онъ самъ прежде не хотѣлъ уважать; но черезъ нѣсколько времени былъ осужденъ и, къ радости народа, казненъ. (399.) Гайнасъ недолго пережилъ своего противника. Аріане готы были недовольны тѣмъ, что должны были совершать свое богослуженіе за городомъ. Они буйно требовали, чтобъ имъ дана была церковь въ городѣ; ихъ наглость раздражила жителей, опасавшихся, что они станутъ грабить городъ, если не удержатъ ихъ; войска, находившіяся въ столицѣ, взялись за оружіе и вмѣстѣ съ гражданами бросились на готовъ; (400.) ихъ убивали и на улицахъ, и въ церквахъ; число убитыхъ простиралось по крайней мѣрѣ до 7.000. Гайнасъ съ успѣвшими спастись ушелъ во Ѳракію и началъ войну съ имперіей. Онъ былъ убитъ въ сраженіи съ отрядомъ гунновъ.

Смерть Аркадія. Ѳеодосій II. 408—450. 1 мая 408.

Правленіе Аркадія врѣзалось въ памяти народа придворными интригами, обременительностью налоговъ, несправедливостью суда, мятежами, другими внутренними бѣдствіями, вторженіями варваровъ. Оно длилось 13 лѣтъ. По смерти Аркадія императоромъ сдѣлался семилѣтній Ѳеодосій II. Государствомъ шесть лѣтъ управлялъ отъ имени малолѣтняго государя префектъ Анѳимій и успѣлъ нѣсколько возстановить порядокъ и безопасность. Царь гунновъ Ульдинъ, покинутый своими союзниками, былъ вытѣсненъ изъ Ѳракіи за Дунай; племя скировъ, составлявшее задній отрядъ отступавшихъ гунновъ было почти совершенно истреблено; тысячи плѣнныхъ были отведены въ рабство въ Азію воздѣлывать поля. Византія была укрѣплена новою стѣной; иллирскіе города — защищены отъ набѣговъ варваровъ. Благодаря заботливости Анѳимія объ отраженіи внѣшнихъ враговъ, Восточная имперія долго, пользовалась миромъ и послѣ него, хотя Ѳеодосій II былъ еще апатичнѣе своихъ отца и дяди. После Анѳимія управляла дѣлами сестра императора Пульхерія, бывшая во всемъ потомствѣ (Пульхерія.) Ѳеодосія Великаго единственнымъ человѣкомъ, наслѣдовавшимъ дарованія основателя династіи. Она съ двумя сестрами жила во дворцѣ, какъ въ монастырѣ, не хотѣла выйдти за мужъ, считала высшей задачей своей жизни покровительство православію. Но взявшись за управленіе государствомъ и получивъ санъ августы, она усердно занялась дѣлами имперіи, хотя не оставила своего прежняго набожнаго образа жизни и продолжала строить церкви. Она была только двумя годами старше своего брата, но онъ во всемъ слушался ея. Она пріучила его съ достоинствомъ исполнять формальныя обязанности императорскаго сана и не мѣшала ему заниматься его любимыми дѣлами; онъ переписывалъ рукописи прекраснымъ почеркомъ, молился, развлекался отъ своихъ молитвъ и отъ каллиграфіи поѣздками на охоту; на это у него доставало досуга, потому что, по государственнымъ дѣламъ онъ только подписывалъ подаваемые ему документы, не читая ихъ. Все дѣлала за него Пульхерія.

Императрица Евдокія 421.

Кода Ѳеодосій дожилъ до 20 лѣтъ, сестра женила его на красавицѣ Аѳинаидѣ, дочери аѳинскаго философа Леонтія. Принявъ крещеніе, Аѳинаида получила имя Евдокіи; она была хорошо образована, имѣла поэтическій талантъ и обратила свои дарованія на прославленіе своей новой вѣры: слагала изъ стиховъ Гомера разсказы о жизни Спасителя, переложила въ стихи нѣсколько книгъ Ветхаго Завѣта, писала стихи въ славу побѣдъ своего мужа надъ персами. Проникнувшись религіозностью императорскаго семейства, она впослѣдствіи поѣхала въ Палестину на поклоненіе святымъ мѣстамъ и заботилась объ ихъ украшеніи съ такою же щедростью,

какъ Елена, мать Константина Великаго. Ее сопровождала въ этой поѣздкѣ блестящая свита. Возвратившись въ Константинополь она захотѣла взять власть въ свои руки; началась борьба между нею и Пульхеріею;
449. прежняя правительница одолѣла. Главнѣйшіе приверженцы Евдокіи были казнены, въ томъ числѣ одинъ изъ первыхъ сановниковъ государства, Паулинъ, красивый мужчина, котораго молва называла ея любовникомъ. Увидѣвъ, что потеряла власть надъ мужемъ, она удалилась въ Іерусалимъ и вела тамъ отшельническую жизнь, подвергаясь множеству обидъ отъ императора и Пульхеріи. Страдала она и отъ злословія, хотя жила очень набожно. Она оставалась въ своемъ іерусалимскомъ отшельничествѣ до конца
460. жизни и скончалась на 67 году. Грегоровіусъ написалъ біографію этой женщины, жизнь которой представляетъ такой замѣчательный примѣръ непрочности человѣческаго величія.

Война съ персами. 422.

При дворѣ Θеодосія владычествовали интересы религіи. Единственная война его царствованія имѣла религіозную причину. Это была война въ Арменіи и Месопотаміи съ персами. Персидскій царь Варанъ (Багранъ) былъ раздраженъ тѣмъ, что епископъ города Сузы разрушилъ храмъ персидской религіи (стр. 632). Воспользовавшись этимъ маги, склонили его подвергнуть христіанъ преслѣдованію. Нѣкоторые христіане бѣжали въ римскія владѣнія, императоръ отвѣчалъ отказомъ на требованія Баграна выдать ихъ; кромѣ того, персы считали себя обижаемыми въ торговыхъ дѣлахъ; это повело къ войнѣ; она кончилась тѣмъ, что послѣдній армянскій царь изъ династіи Арсакидовъ, былъ низвергнутъ, и Арменія, ослабленная междоусобіями, была раздѣлена между Византійской имперіей и Персіей.

Кодексъ Θеодосія. 438.

Вообще царствованіе Θеодосія II не ознаменовано ничѣмъ важнымъ, кромѣ составленія новаго свода законовъ. Θеодосій хотѣлъ формальнымъ образомъ засвидѣтельствовать единство государства, раздѣлившагося на двѣ имперіи. Кромѣ того онъ желалъ улучшить судопроизводство и очистить законы отъ противорѣчій. Съ этой цѣлью онъ учредилъ коммиссію изъ восьми юристовъ и поручилъ ей собрать всѣ постановленія (конституціи) императоровъ со времени Константина Великаго, распредѣлить ихъ по предметамъ и составить изъ нихъ сводъ. Этотъ сводъ, называющійся кодексомъ Θеодосія, долженъ былъ, по его мнѣнію, имѣть силу не только въ византійской, но и въ западной римской имперіи. Но Византійская имперія уже была греческимъ государствомъ, чуждымъ римской народности, и распаденіе прежняго римскаго государства на двѣ независимыя державы было формально признано самимъ же Θеодосіемъ въ новеллѣ, содержавшей въ себѣ распоряженіе о томъ, что новый сводъ получаетъ силу закона: эта новелла постановляла, что законы, издаваемые въ западной имперіи не должны имѣть силы въ Византійской имперіи, что здѣсь будутъ дѣйствовать исключительно тѣ законы, которые будутъ издаваемы въ ней самой.

Управленіе Стилихона.

Стилихонъ предоставилъ Восточную имперію интригамъ византійскаго двора и сосредоточилъ всѣ свои силы на томъ, чтобъ охранять Западную имперію оружіемъ отъ враговъ и возстановить порядокъ въ ней благоразумнымъ управленіемъ.

Тираннія и смерть Гильдона. 397—399.

Въ Африкѣ братъ узурпатора Фирма, Гильдонъ, выказывалъ преданность Риму, пріобрѣлъ этимъ довѣріе Θеодосія Великаго, былъ сдѣланъ главнокомандующимъ войскъ въ провинціи Африкѣ и 12 лѣтъ управлялъ ею почти

съ неограниченной властью. Его управленіе было тяжелой тиранніей. Притѣсненіями и конфискаціями онъ составилъ себѣ колосальное богатство, окружилъ себя отрядомъ полудикихъ мавританцевъ и нумидійцевъ; опираясь на этихъ тѣлохранителей, онъ совершалъ безсовѣстныя злодѣйства и упрочилъ свою власть такъ, что не боялся ни наказанія, ни отставки. Его жадность и сладострастіе были ненасытны; по выраженію Клавдіана: днемъ трепетали его богатые люди, а ночью мужья и родители. Во время междоусобій онъ держалъ себя нейтрально. Римское правительство опасалось, что Эвтропій заключитъ съ нимъ союзъ, что онъ запретитъ вывозъ хлѣба изъ Африки въ Италію и подвергнетъ Италію голоду, потому оно долго не рѣшалось употребить противъ него силу. Побѣда надъ нимъ сохранившая государству очень важную область, была первой великой заслугой Стилихона. Заготовивъ запасы хлѣба, онъ велѣлъ сенату объявить Гильдона врагомъ отечества и послалъ галльскихъ ветерановъ въ Африку. Начальникомъ этого войска онъ назначилъ мавританца Маскезеля, пылавшаго желаніемъ отмстить Гильдону за убійство двухъ его невинныхъ дѣтей. Гильдонъ вывелъ противъ галловъ войско въ десять разъ болѣе многочисленное, но въ его станѣ былъ раздоръ и готовилась измѣна; благодаря этому и отвагѣ Маскезеля, война была быстро рѣшена побѣдой надъ Гильдономъ. Когда войска вступили въ битву, воины легіоновъ Гильдона передались Маскезелю, и полунагіе туземцы, составлявшіе массу войска, разбѣжались. Гильдонъ былъ схваченъ на берегу моря, брошенъ въ темницу и убилъ себя, чтобъ избавиться отъ поруганія и мученій. Его приверженцы подверглись жестокому наказанію. Казни были тѣмъ многочисленнѣе, что въ числѣ обвиняемыхъ находились толпы людей, принадлежавшихъ къ ненавистной сектѣ донатистовъ (стр. 624). Черезъ много лѣтъ все еще надобно было обуздывать императорскими эдиктами мстительность судей и доносчиковъ. Въ слѣдующемъ году Маскезель, ѣхавшій верхомъ по мосту рядомъ съ Стилихономъ упалъ въ рѣку; свита замѣтила на лицѣ Стилихона улыбку злой радости и остереглась помогать утопающему. Оглушенный паденіемъ, мавританскій князь утонулъ. Его заслуги и гордость возбуждали непріязнь къ нему въ Стилихонѣ.

Женитьба Гонорія на дочери Стилихона. 398.

Вскорѣ послѣ побѣды надъ Гильдономъ, Гонорій женился на Маріи, дочери Стилихона и красавицы Серены, племянницы Θеодосія; могущество Стилихона было упрочено этимъ. Клавдіанъ воспѣлъ свадьбу пышными стихами, которые наполнилъ уподобленіями и описаніями взятыми изъ греческой миθологіи. Но Гонорій былъ и физически такъ же безсиленъ, какъ умственно. Марія послѣ десятилѣтняго супружества умерла дѣвушкой. Гонорій велъ свою полусонную жизнь во дворцѣ, какъ плѣнникъ; онъ былъ будто иностранецъ въ своей землѣ и бездѣйственно, почти равнодушно смотрѣлъ на то, какъ падаетъ государство, разрушаемое варварами.

Стилихонъ и Аларихъ въ Греціи. 396.

Земли на востокѣ отъ Іонійскаго и Адріатическаго морей были въ это время опустошаемы варварами. Обѣ имперіи были слабы; государи ихъ оба бездарны; властолюбивые полководцы и сановники враждовали между собой; готы, поселившіеся въ дунайскихъ областяхъ, видѣли, что обстоятельства удобны для возобновленія прежнихъ грабежей. Кромѣ алчности влекло ихъ къ нападенію озлобленіе на грековъ и римлянъ, отъ которыхъ они терпѣли обиды: при обоихъ дворахъ ненавидѣли варваровъ, безъ которыхъ не могли однакоже обходиться. Аларихъ, котораго вестготы выбрали общимъ своимъ вождемъ за его храбрость и знакомство съ римскимъ военнымъ искусствомъ и который сталъ называться вестготскимъ королемъ, воспользовался ихъ алчностью и досадой на римлянъ и грековъ; ему хотѣлось напасть на разъединенныя имперіи. Вестготы радостно отбросили земледѣльческія орудія, работать которыми очень не нравилось имъ, взялись за мечи, покинули свои плохо воздѣланныя нивы и небрежно построенныя хижины, пошли по примѣру прославляемыхъ ими предковъ грабить богатыя южныя земли; для нихъ было гораздо пріятнѣй пріобрѣтать добычу съ опасностью жизни, чѣмъ трудиться. Говорятъ, что Руфинъ самъ возбудилъ вестготовъ къ нападенію, чтобы получить предлогъ для отозванія восточныхъ войскъ изъ-подъ начальства ненавистнаго ему Стилихона. Если такъ, то онъ самъ сталъ жертвой своей измѣны государству. Но греки и римляне подверглись черезъ него великимъ бѣдствіямъ. Аларихъ, прежде бывшій старшиною одного изъ отдѣловъ готскаго племени (Филархомъ, какъ называютъ его греки), сдѣлавшись королемъ всего племени, повелъ свой народъ изъ опустошенной ѳракійской и мизійской земли на югъ въ греческія области, которыя послѣ всѣхъ грабежей своего правительства и послѣ всѣхъ опустошеній варварами все еще сберегли много богатства привлекательнаго для жадныхъ варваровъ. Вестготы взяли съ собою свои семьи и все свое имущество; этотъ походъ имѣлъ видъ переселенія. Трусливый правитель Македоніи и Ѳессаліи не отваживался остановить Алариха; вестготы не встрѣчая сопротивленія прошли до Термопилъ; тамъ не было второго Леонида, и Аларихъ свободно прошелъ въ Беотію и Аттику, и сталъ истреблять тамъ остатки греческой культуры: вестготы рѣзали мужчинъ, забирали женщинъ, домашнее имущество грековъ, стада ихъ, жгли селенія и неукрѣпленные города. Аѳины купили пощаду себѣ, давъ варварамъ большую сумму денегъ; вестготы пошли черезъ Истмъ въ Пелопоннесъ, полуразвалившіяся стѣны городовъ почти не представляли задержки грабителямъ. Коринѳъ, Аргосъ, Спарта, были безъ сопротивленія взяты, ограблены и разрушены варварами, которые цѣнили превосходнѣйшія произведенія искусства только по стоимости ихъ матеріала, не понимая достоинствъ мастерской работы. Населеніе

было беззащитно, вестготы уводили его въ рабство. Греція казалась покинута безпомощной въ добычу варварамъ. Стилихонъ сжалился надъ несчастною страной, о защитѣ которой не думало византійское правительство. Онъ приплылъ съ войскомъ изъ Италіи въ Коринѳскій заливъ, вышелъ на берегъ близъ развалинъ Коринѳа и двинулся на варваровъ, опустошавшихъ Пелопоннесъ. Послѣ нѣсколькихъ нерѣшительныхъ сраженій въ горахъ Аркадіи оба войска пошли въ Элиду. Ни то, ни другое не имѣло уваженія къ покровительству Зевса, защищавшему эту область въ прежнія времена. Широко раскинутый станъ готовъ, защищенный кольцомъ телѣгъ и рвами, былъ окруженъ войсками Стилихона, они сдѣлали окопы, которыми заперли готовъ, отвели рѣку Пеней; готы увидѣли себя въ отчаянномъ положеніи; Аларихъ скоро былъ бы принужденъ сдаться на тяжелыхъ условіяхъ, но недостатокъ дисциплины въ римскомъ войскѣ далъ ему случай спастись. Быть можетъ, помогла этому и невнимательность Стилихона, увѣреннаго въ побѣдѣ. Часть римскаго войска ушла грабить; Аларихъ воспользовался этимъ временемъ, прорвался черезъ римскіе окопы, ушелъ съ добычей и плѣнными къ морю и переплылъ черезъ проливъ въ Эпиръ. Но быть можетъ Стилихонъ и не хотѣлъ мѣшать отступленію варваровъ, потому что опасался за побѣду, если доведетъ ихъ до отчаянной битвы.

Назначеніе Алариха главнокомандующимъ. 397.

Въ Эпирѣ Аларихъ получилъ пріятное извѣстіе, что константинопольскій императоръ назначилъ его главнокомандующимъ въ восточной Иллиріи, то есть сдѣлалъ его повелителемъ тѣхъ областей, которыя онъ опустошалъ. Эвнухи, владычествовавшіе при византійскомъ дворѣ, досадовали на то, что Стилихонъ приплылъ защищать Грецію; это было доказательствомъ безсилія и трусости византійскаго правительства; эвнухи были такъ озлоблены униженіемъ, какому подвергъ его Стилихонъ, что совершенно забыли о внушеніяхъ разсудка и сдѣлали опаснѣйшаго врага имперіи правителемъ области, изъ которой онъ съ одинаковымъ удобствомъ могъ вести свои войска въ Италію или въ Константинополь, поставили его въ положеніе владыки надъ судьбою обѣихъ имперій. Назначеніе Алариха главнокомандующимъ въ Иллиріи было отвѣтомъ византійскаго двора на патріотическую рѣчь Синезія Киренскаго (стр. 616). Этотъ благородный человѣкъ былъ присланъ тогда своимъ роднымъ городомъ въ Константинополь поднести золотую корону императору Аркадію и, передавая ему подарокъ Кирены, произнесъ привѣтствіе, въ которомъ горячо говорилъ императору о его обязанности возбудить въ народѣ старинную доблесть, призвать молодыхъ людей къ военной службѣ и прогнать варваровъ на ихъ родину, въ скиѳскія степи. Византійскій дворъ хвалилъ краснорѣчіе оратора-благороднаго человѣка, который сдѣлавшись впослѣдствіи епископомъ птолемаидскимъ, остался вѣренъ своимъ гуманнымъ мыслямъ и философическимъ

убѣжденіямъ. Но восхищаясь рѣчью Синезія, византійское правительство дало Алариху возможность соединить въ одно войско всѣхъ готовъ, жившихъ въ разныхъ мѣстностяхъ Восточной имперіи, раздать имъ оружіе изъ арсеналовъ, принадлежащихъ имперіи, сдѣлаться государемъ всѣхъ отдѣловъ вестготскаго племени. Съ того дня, какъ вестготскіе вельможи подняли Алариха, по старинному германскому обычаю на щитъ и въ собраніи всего народа провозгласили новаго главнокомандующаго Иллиріи королемъ вестготовъ, отважный военачальникъ германскаго народа среди распавшагося на двѣ части слабаго римскаго государства сталъ третьимъ повелителемъ въ немъ.

Нашествіе вестготовъ на Италію. 402.

Упрочивъ свою власть въ Иллиріи, Аларихъ обратилъ оружіе противъ Италіи. Богатая добыча, привезенная готами изъ Греціи, возбуждала въ нихъ желаніе ограбить Италію, гдѣ было еще больше богатствъ. Притомъ у германцевъ была издавна любовь къ переселеніямъ на югъ; быть можетъ дѣйствовало въ вестготахъ и желаніе отмстить Стилихону, который въ Элидѣ поставилъ ихъ въ такое бѣдственное положеніе и принудилъ отступить. До насъ дошли только скудныя извѣстія о походѣ Алариха на Италію, и притомъ эти свѣдѣнія передаются намъ или въ поэтической формѣ (у Клавдіана) или въ неточныхъ разсказахъ церковныхъ писателей, занятыхъ не столько изложеніемъ фактовъ, сколько благочестивыми размышленіями о нихъ. Кромѣ вестготовъ въ полчищахъ Алариха были и другіе германцы. Онъ пошелъ съ ними на Италію, быть-можетъ изъ Ѳессалоники; перешедши Юлійскія Альпы, онъ завоевалъ Истрію и венеціанское прибрежье, осадилъ Аквилею, опустошилъ огнемъ и мечемъ богатыя окрестности Вероны, жегъ селенія и роскошные загородные дома, вырубалъ сады. По словамъ Клавдіана, онъ хотѣлъ или основать себѣ королевство въ Италіи, или умереть. Стилихонъ поспѣшно поѣхалъ за Альпы привести на защиту Италіи легіоны съ Рейна и изъ Британніи, набрать въ помощь имъ отряды варваровъ. Готы между тѣмъ подвигались по богатой равнинѣ Сѣверной Италіи на западъ и приблизилась къ воротамъ Медіолана, гдѣ находился императорскій дворъ. Гонорій съ своими придворными въ трепетѣ бѣжалъ изъ столицы, онъ хотѣлъ укрыться за Альпами въ Галліи. Но вестготы перерѣзали ему путь бѣгства, и онъ скрылся за стѣнами Асты (Асти). Готы осадили эту крѣпость и хотя очень плохо знали осадное искусство, Аста не могла бы держаться долго: ея укрѣпленія не были сильны, провіанта въ ней было мало. Но Стилихонъ быстрыми переходами привелъ сильное войско на выручку крѣпости, сталъ обводить вестготскій станъ окопами, чтобы сдѣлать осаждающихъ осажденными. Готы увидѣли, что подвергнутся такому же бѣдственному положенію, какъ въ Элидѣ, если не поспѣшатъ уйти, и отступили отъ Асты. Скоро послѣ того они сразились съ римлянами при Полленціи. Стилихонъ, въ чьемъ войскѣ

Битва при Полленціи 29 марта 403.

было много варваровъ-язычниковъ, выбралъ для нападенія на аріанъ готовъ день пасхи; Орозій, благочестивый христіанинъ, говоритъ объ этомъ съ ужасомъ. Вождь алановъ, бившійся впереди римской конницы, былъ убитъ, и она обратилась въ бѣгство; но мужество пѣхоты и военный геній Стилихона одержали наконецъ побѣду надъ безпорядочной отвагой готовъ. Къ вечеру Аларихъ отступилъ съ поля ожесточенной битвы. Станъ готовъ былъ взятъ; богатая добыча, вывезенная ими изъ Коринѳа и Аргоса, досталась ветеранамъ запада. Жена Алариха, ожидавшая получить драгоцѣнные уборы римскихъ дамъ и имѣть римскихъ служанокъ, была взята въ плѣнъ и умоляла побѣдителя о пощадѣ. Множество плѣнныхъ было освобождено изъ оковъ; они разошлись по Италіи, прославляя своего избавителя. Клавдіанъ сравниваетъ Стилихона съ Маріемъ, который въ той же мѣстности побѣдилъ высокорослыхъ кимбровъ; вѣроятно сравнивалъ его съ Маріемъ и благодарный народъ. Но германцы, пораженные Маріемъ, пошли въ Среднюю Италію рабами; не то было теперь: Аларихъ, выказавшій въ своей неудачѣ твердость и осторожность, прорвался въ Этрурію через проходы Апеннинъ, оставшіеся безъ обороны, и конница его стала грабить Среднюю Италію до самаго Тибра. Стилихону удалось возбудить между врагами раздоръ: многіе родоначальники и князья готовъ, думая только о собственной выгодѣ, поддались внушеніямъ римскаго главнокомандующаго и за деньги открыли ему намѣренія Алариха. Благодаря тому, Стилихонъ не далъ ему исполнить искусно задуманный планъ отступленія. Аларихъ хотѣлъ броситься на Верону и, овладѣвъ ею, проложить себѣ дорогу къ Ретійскимъ Альпамъ и къ Рейну. Онъ былъ отраженъ въ кровопролитной битвѣ подъ стѣнами Вероны, держался нѣсколько времени въ сосѣднихъ горахъ; воины его терпѣли голодъ, разбѣгались, и онъ ушелъ въ Иллирію выждать тамъ удобнаго времени для новаго нашествія.

Аларихъ въ Этруріи 403.

Битва при Веронѣ.

Осень 403.

Тріумфъ и игры въ Римѣ.

Освободивъ Италію, Стилихонъ съ своимъ зятемъ-императоромъ торжественно вступилъ въ Римъ. На тріумфальныхъ воротахъ была сдѣлана надпись, говорившая, что готскій народъ на вѣки побѣжденъ. Въ послѣдній разъ жители Рима получили наслажденіе видѣть игры въ амфитеатрѣ. Напрасно хотѣли прекратить эту свирѣпую забаву отцы церкви грозными укоризнами, напрасно писалъ противъ игръ трогательные стихи Пруденцій, издавалъ противъ нихъ эдикты Ѳеодосій; но теперь онѣ были прекращены самоотверженностью азіатскаго монаха.

Ѳеодоритъ (историкъ церкви) разсказываетъ объ этомъ такъ: на арену вбѣжалъ монахъ, бросился между сражающимися, чтобъ они разошлись, народъ, раздраженный тѣмъ, что онъ мѣшаетъ пріятному зрѣлищу, побилъ его камнями; но раскаявшись подчинился безъ ропота закону Гонорія, на вѣки запрещавшему кровавыя игры амфитеатра.

Переселеніе Гонорія въ Равенну. 404.

Гонорій не хотѣлъ снова подвергаться такой опасности, какую испыталъ въ Медіоланѣ и Астѣ, потому поселился въ Равеннѣ, приморской крѣпости; почти недоступной по своему мѣстоположенію. Она была окружена со стороны суши болотами, не мѣшавшими однако-жь ея климату быть здоровымъ; со стороны моря непріятель тоже не могъ подойдти, потому что гавань Равенны почти совсѣмъ была занесена пескомъ.

Дѣйствія Стилихона противъ вандаловъ, бургундовъ, свевовъ. 505.

Гонорій невдолгѣ имѣлъ случай убѣдиться, что новая резиденція дѣйствительно очень удобна для него. Вскорѣ послѣ того, какъ онъ переселился въ Равенну, итальянцы съ ужасомъ услышали, что на нихъ идутъ съ сѣвера новые варвары. Громадныя полчища германцевъ, тѣснимыя съ востока гуннами, пришли на средній Дунай, переправились черезъ него и двинулись черезъ Альпы въ Сѣверную Италію. Главную массу ихъ составляли вандалы, бургунды и свевы. Кромѣ того тутъ были конные аланы, большія толпы готовъ и другихъ германцевъ. Общимъ военачальникомъ ихъ былъ Радагайсъ, вѣроятно—остготъ королевскаго рода. Казалось, что повторяется нашествіе кимбровъ и тевтоновъ. Какъ тогда, съ вооруженными мужчинами были ихъ семейства, рабы, все ихъ имущество; какъ тогда, Италія и теперь трепетала этого несмѣтнаго сонма дикарей, пѣвшихъ хвалебныя пѣсни своимъ богамъ и героямъ. Молва говорила, что Радагайсъ далъ богамъ обѣтъ зарѣзать сенаторовъ на ихъ жертвенникахъ.

Состояніе Италіи.

Отразивъ этихъ враговъ, Стилихонъ еще больше прежняго заслужилъ славу быть сравниваемъ съ Маріемъ. Онъ не могъ, какъ Марій, одолѣть варваровъ силами самой Италіи; недостатокъ въ итальянскихъ воинахъ свободнаго состоянія онъ пополнилъ, пригласивъ на службу рабовъ: онъ обѣщалъ каждому рабу свободу и двѣ золотыя монеты. Но и вмѣстѣ съ волонтерами изъ рабовъ итальянскія силы были недостаточны; онъ принаналъ варваровъ. Аларику онъ послалъ подарки и обѣщалъ ежегодное вознагражденіе за сохраненіе мира. На войнѣ съ Аларихомъ онъ уже узналъ, что готовъ покупать можно; теперь онъ обѣщалъ давать имъ постоянную дань, пренебрегая ропотомъ придворныхъ, гордо говорившихъ о римской чести и безчестившихъ римское имя своей трусостью. Римъ походилъ теперь на прежній Римъ только тѣмъ, что и при великой общей опасности не замолкали въ немъ раздоры. Люди, остававшіеся язычниками, радовались нашествію языческихъ варваровъ, надѣясь подъ ихъ покровительствомъ возстановить древнюю религію. Варвары уже перешли Апеннины и были только въ нѣсколькихъ дняхъ пути отъ Рима. Но надежда приверженцевъ стараго богослуженія не исполнилась. Нашествіе варваровъ, опустошавшихъ все на своемъ пути, сожигавшихъ селенія, города, истреблявшихъ памятники искусства, рѣзавшихъ каждаго попадавшагося имъ, было остановлено стѣнами Флоренціи. Они ходили съ Фезульскихъ горъ на приступы, но жители

Флоренціи отбивали ихъ; стѣны были крѣпки, въ городѣ были большіе запасы продовольствія, и своей обороной флорентинцы дали Стилихону время собрать войско. Онъ пришелъ къ Флоренціи со всѣми своими силами и сталъ дѣйствовать противъ новыхъ страшныхъ враговъ тѣмъ же способомъ, какимъ два раза одолѣлъ востготовъ. Выдерживая непрерывно сильныя схватки съ варварами, онъ при помощи этрусскихъ поселянъ обвелъ окопами обширный станъ варваровъ и отнялъ у нихъ возможность добывать съѣстные припасы. Голодъ, болѣзни, оружіе легіоновъ производили страшное истребленіе въ полчищахъ германцевъ, страдавшихъ отъ тѣсноты и отъ напривычнаго климата. Радагайсъ былъ захваченъ въ плѣнъ и казненъ. Его дружина, состоявшая изъ 12,000 отборныхъ воиновъ и сражавшаяся всегда впереди всего остальнаго войска, перешла въ службу къ Стилихону. Тысячи германцевъ были захватываемы въ плѣнъ и за безцѣнокъ продаваемы въ рабство. Христіане радовались успѣшности дѣйствій Стилихона и вѣрили, что ему помогаетъ Богъ. Но остатки разбитаго войска были еще такъ страшны, что Стилихонъ не захотѣлъ вступать съ ними въ битву на жизнь и смерть, и самъ показалъ имъ пути отступленія въ Галлію. Они ушли за Альпы и, подкрѣпленные новыми толпами, пришли на Рону и на Рейнъ ограбить сосѣднія области или поселиться въ нихъ. На берегахъ Рейна послѣ столькихъ прежнихъ опустошеній еще оставались слѣды прежней богатой культуры: Клавдіанъ воспѣваетъ красоту виллъ, роскошные луга, многочисленныя стада этихъ областей; теперь тутъ произошла страшная борьба. Франки и алеманны уже считали берега Рейна своей собственностью. Стилихонъ за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ заключилъ договоры, по которымъ они были признаны союзниками римскаго государства. Они остановили шедшихъ въ Галлію вандаловъ, свевовъ, бургундовъ, алановъ, геруловъ и воиновъ другихъ племенъ. До насъ дошло извѣстіе о битвѣ между вандалами и франками, въ которой легло 20,000 вандаловъ и былъ убитъ король ихъ Годегизель; они были спасены отъ совершеннаго истребленія только тѣмъ, что успѣлъ во время прійдти на помощь имъ аланскій князь Респендіалъ.

Битва при Флоренціи. 406.

Варвары на Рейнѣ. 406—407.

Опустошеніе Галліи.

Галлія, бывшая въ продолженіе четырехъ столѣтій самымъ драгоцѣннымъ владѣніемъ римскаго государства, была теперь утрачена западной имперіей. Народъ, отвыкшій отъ оружія, не могъ защититься отъ свирѣпыхъ пришельцевъ, а римскія войска, защищавшія его, были выведены изъ Галліи. Гарнизоны римскихъ крѣпостей на Рейнѣ и германскіе союзники римлянъ храбро боролись съ варварами, шедшими въ Галлію; но одна за другой рейнскія крѣпости были взяты полчищами враговъ: Могунціакъ былъ разрушенъ; тысячи христіанъ, бѣжавшихъ въ церкви, были убиты, были разрушены укрѣпленія, стоявшія на мѣстѣ нынѣшнихъ городовъ Вормса, Шпейера, Страсбурга; разру-

шены города гельветовъ Augusta Rauracorum (Базель—Аугстъ), Виндонисса (Виндишъ) и Авентикъ (Аваншъ); одолѣвъ эти преграды, варвары ворвались въ Галлію, взяли городъ Атребатовъ (Аррасъ), Тарвенну (Теруанъ), Амбіаны (Аміенъ), Торнакъ (Турнè), городъ Ремовъ (Реймсъ), истребили ихъ жителей и разошлись по всей странѣ отъ Альпъ до Атлантическаго океана и Пиренейскаго хребта, грабя и опустошая все. Христіанскіе писатели съ ужасомъ разсказываютъ, что язычники - германцы гнали съ собой благочестивыхъ епископовъ, достопочтенныхъ декуріоновъ и невинныхъ дѣвушекъ, обременивъ этихъ плѣнныхъ добычею, взятой изъ храмовъ и домовъ. Галлы, нѣкогда славившіеся храбростью, не были теперь способны ни къ чему, кромѣ терпѣнія въ бѣдствіяхъ. Если и оставалась въ людяхъ какая-нибудь энергія, она была парализована мыслью, что древній міръ со всѣми его пороками и добродѣтелями, образованностью и изнѣженностью обреченъ на погибель. Галлы искали утѣшенія себѣ въ молитвѣ, въ отшельничествѣ. Съ этого времени сильно распространилось въ Южной Галліи монашество, спасительность котораго проповѣдывалъ Кассіанъ, защитникъ полупелагіанства (стран. 617). Галлы не сражались, они только молились. Стилихонъ, занятый исключительно заботой о защитѣ Италіи, равнодушно смотрѣлъ на опустошеніе провинцій. Гонорій, спрятавшійся за стѣнами и болотами Равенны, не былъ способенъ думать не о чемъ.

Узурпаторъ Константинъ. 407—411. Буйные легіоны, стоявшіе на сѣверной границѣ въ Британніи, провозгласили августомъ простого воина, единственно за то, что его имя было Константинъ. Тѣ города и области Галліи, которые еще не были въ рукахъ варваровъ, признали его своимъ государемъ. Исчезли послѣдніе слѣды власти Гонорія въ Галліи. Его дяди, которымъ Ѳеодосій подарилъ большія имѣнія въ Испаніи, собрали поселянъ и рабовъ, и пошли на защиту правъ законнаго государя против узурпатора; двое изъ нихъ были взяты въ плѣнъ и казнены (408.) въ Арелатѣ по приказанію Константина; два другіе успѣли уплыть моремъ. Константинъ, на чью сторону перешелъ германскій отрядъ, находившійся въ римской службѣ и называвшійся гоноріанскимъ, сталъ владыкой Пиренейскаго полуострова. Но въ сущности онъ былъ такъ же безсиленъ, какъ Гонорій. Населеніе западныхъ областей Галліи низвергло римскихъ правителей и фактически перестало принадлежать къ имперіи. Распаденіе государства подготовлялось давно; оно уже рѣзко проявляется въ раздѣленіи областей между Діоклеціаномъ и тремя его соправителями. Появленіе германцевъ дало послѣдній толчокъ процессу раздробленія. Константинъ назначилъ

Состояніе Испаніи. своего сына Константа правителемъ Испаніи и далъ ему титутъ августа. Константъ хотѣлъ отразить шедшихъ на Испанію варваровъ, но они прорвались черезъ пиренейскіе проходы, почти не встрѣтивъ сопротивленія, и пошли грабить области, долго пользовавшіяся миромъ,

и потому еще богатыя. Населеніе Пиренейскаго полуострова вмѣстѣ съ образованностью усвоило изнѣженность римлянъ, не знало военнаго дѣла и не могло обороняться.

Бѣдствія, которымъ подверглась Испанія, были ужасны. Варвары отнимали и у римлянъ, и у туземцевъ все, что могли унести; опустошали нивы, селенія, города. Земледѣльцы оставили нивы не засѣянными; большая часть прежнихъ запасовъ хлѣба была истреблена, и насталъ такой голодъ, что люди ѣли тѣла умершихъ. По полямъ лежали непогребенные трупы; хищные звѣри пожирали ихъ, привыкли терзать людей, бросались на живыхъ и терзали ихъ такъ же. Въ довершеніе бѣдствій развились отъ голода, какъ всегда бываетъ, эпидемическія болѣзни; отъ нихъ массами умирали и ограбленные, и грабители.

Поселеніе германцевъ въ Испаніи. Болѣе двухъ лѣтъ варвары ходили по несчастной Испаніи, опустошая ее, наконецъ, утомившись бродячей жизнью и убиваніемъ людей, поселились въ опустѣвшемъ краѣ: сѣверо-западную часть его, нынѣшнюю Галисію, заняли свевы; на юго-востокъ отъ нихъ въ срединѣ полуострова поселились вандалы, называвшіеся Асдингами; Лузитанію и Картахену заняли аланы, а въ Бетикѣ (Андалузіи), прекрасной странѣ по берегамъ Гвадальквивира, поселилось другое племя вандаловъ, Селинги. Жители укрѣпленныхъ городовъ добровольно покорились пришельцамъ.

Узурпаціи и перевороты. 411—413. Во владѣніи Константа остался только сѣверо-востокъ, нынѣшнія области Каталонія, Арагонія и Наварра. Константъ былъ человѣкъ слабаго характера, болѣе пригодный для монашеской жизни, чѣмъ для войны. Его полководецъ Геронтій низвергъ его и казнилъ въ городѣ Віеннѣ. Но въ томъ же году пришелъ изъ Италіи за Альпы Констанцій, полководецъ Гонорія, и разбилъ Геронтія; человѣкъ старинной римской храбрости, Геронтій убилъ себя и свою жену, вмѣстѣ съ нимъ убилъ себя его другъ, аланскій князь. Констанцій разбилъ и Константина, осадилъ его въ Арелатѣ и взялъ въ плѣнъ вмѣстѣ съ его младшимъ сыномъ Юліаномъ; они были отвезены въ Италію и казнены. Но въ томъ же году Арелатомъ и южной Галліей (411.) овладѣлъ Іовинъ, провозгласившій себя въ Могунціакѣ императоромъ; при помощи бургундовъ и алановъ онъ прогналъ Констанція изъ долины Роны. Онъ владычествовалъ тоже очень не долго. Готскій король Атаульфъ взялъ въ плѣнъ узурпатора и его брата Себастіана и послалъ головы ихъ (413.) въ Равенну въ знакъ своей преданности императору.

Смерть Стилихона. 408. Стилихонъ хотѣлъ вознаградить западную имперію пріобрѣтеніями на востокѣ за потери, какимъ подвергли ее на западѣ мятежи полководцевъ и вторженія варваровъ. Въ Константинополѣ по смерти вялаго Аркадія, находившагося подъ властью женщинъ и придворныхъ, императоромъ сталъ его сынъ Ѳеодосій II, 7-лѣтній ребенокъ (стр. 639). (1 мая 408.) Стилихонъ думалъ захватить въ свои руки управленіе и восточной имперіей. Онъ заключилъ съ Аларихомъ договоръ, по которому готскій король обѣщался или помогать ему, или по крайней мѣрѣ соблюдать

нейтралитетъ, получивъ отъ него за это 4,000 фунтовъ золота и должность префекта всей Иллиріи. Стилихонъ надѣялся сдѣлать опустошителя Италіи защитникомъ ея, опаснаго врага—союзникомъ. Но онъ погубилъ себя этимъ союзомъ. Аларихъ, сознавая свое могущество, сталъ держать себя какъ повелитель и Западной и Восточной имперій, и постоянно увеличивалъ свое войско, принимая въ него людей изъ всяческихъ германскихъ племенъ. Римскій сенатъ и равеннскій дворъ встревожились. Когда договоръ съ Аларихомъ былъ сообщенъ сенату, одинъ изъ вліятельнѣйшихъ членовъ его, Лампадій, воскликнулъ: «Это не союзъ, а отдача имперіи въ рабство». Къ числу людей, дѣйствовавшихъ противъ Стилихона, принадлежалъ соплеменникъ Алариха, но старый врагъ его и всего рода Бальтовъ, вестготскій военачальникъ Саръ. О Стилихонѣ говорили, что онъ хочетъ при помощи варваровъ доставить своему роду владычество въ обѣихъ имперіяхъ и приписывали ему всѣ бѣдствія государства; между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ никто не заботился о благѣ западной имперіи такъ усердно, какъ этотъ человѣкъ, бывшій на половину варваромъ. Ему легко было-бъ удержаться противъ своихъ враговъ, продолжай императоръ довѣрять ему. Но враждебные ему царедворцы успѣли возбудить въ Гоноріѣ подозрѣніе противъ него. Хитрецъ Олимпій, человѣкъ порочной жизни, притворявшійся набожнымъ христіаниномъ, оклеветалъ передъ императоромъ Стилихона, своего благодѣтеля, чрезъ котораго получилъ высокое положеніе при дворѣ. Онъ говорилъ Гонорію, что вся власть находится въ рукахъ Стилихона, что императоръ не имѣетъ никакого вліянія на дѣла, хотя по своимъ лѣтамъ уже давно можетъ управлять государствомъ (Гонорію было тогда 25 лѣтъ). Хитрецъ внушалъ Гонорію, что Стилихонъ купилъ себѣ содѣйствіе Алариха для того, чтобы возвести на престолъ своего сына Эвхерія. Олимпій достигъ своей цѣли. Гонорій поѣхалъ въ Павію, гдѣ стояли станомъ войска, назначенныя идти въ Галлію. Заговоръ противъ Стилихона былъ подготовленъ. По знаку, данному Олимпіемъ, тѣ сановники и полководцы, которые считались друзьями Стилихона, были убиты, дома ихъ ограблены, имена ихъ объявлены безчестными. Стилихонъ былъ тогда въ Бононіи (Болоньѣ). При помощи преданныхъ ему начальниковъ варварскихъ вспомогательныхъ войскъ, онъ могъ бы одолѣть своихъ враговъ, но изумленный извѣстіемъ о событіяхъ въ Павіи, онъ колебался и медлилъ принять мѣры обороны; враги имѣли время устроить заговоръ противъ него и въ Бононіи. Онъ едва не былъ убитъ въ своемъ шатрѣ, бѣжалъ въ Равенну и ушелъ въ церковь, думая найдти тамъ безопасность. Его обманули, обѣщавъ пощадить его жизнь. Этимъ коварствомъ выманили его изъ церкви и, какъ переступилъ онъ порогъ, на него бросились убійцы. Онъ умеръ съ твердостью души,
23 августа 408. достойной древняго римлянина. Тѣ его друзья, которые не были убиты

въ Павіи, стали жертвами непримиримой злобы Олимпія. Ихъ подвергали пыткамъ, чтобы вынудить у нихъ показанія объ измѣнническихъ умыслахъ Стилихона; они молчали, ихъ убивали. Сынъ Стилихона, Эвхерій, бѣжалъ, былъ настигнутъ и убитъ; его дочь Термандія, ставшая женою Гонорія по смерти своей сестры Маріи, была прогнана изъ дворца, и Гонорій развелся съ ней. Всѣ тѣ, кто былъ въ милости у Стилихона, лишились должностей; подвергся преслѣдованію и Клавдіанъ за стихи въ честь Стилихона и за ѣдкія эпиграммы на его враговъ; поэтъ не долго пережилъ своего покровителя. — Убійство его друзей и родныхъ.

По итальянскимъ городамъ было разослано тайное приказаніе убить тѣхъ военачальниковъ варварскихъ отрядовъ, которые считались приверженцами Стилихона, и конфисковать ихъ имущество. Дворъ, въ своемъ ослѣпленіи, какъ будто преднамѣренно старался увеличить число своихъ враговъ. По внушенію лицемѣра Олимпія, Гонорій хотѣлъ приказать, чтобы были удалены отъ всякихъ должностей всѣ аріане, всѣ язычники, словомъ, всѣ неисповѣдующіе ученія вселенской церкви; но главнокомандующій войсками верхней Панноніи, язычникъ Генеридъ, энергически воспротивился этому намѣренію, и оно было отброшено.

Наказаніе за эти злодѣянія и притѣсненія не заставило долго ждать себя. Аларихъ скоро поссорился съ правительствомъ западной имперіи. Римскіе сенаторы и равеннскіе придворные негодовали на него за то, что онъ хвалился своей дружбой къ Стилихону и далъ у себя пріютъ бѣжавшимъ отъ казни приверженцамъ убитаго полководца. Ему перестали платить деньги, которыя онъ долженъ былъ получать по договору. Онъ въ умѣренныхъ, но твердыхъ выраженіяхъ требовалъ исполненія договора; равеннскій дворъ вообразилъ, что его умѣренность — робость, и отказалъ ему въ платежѣ. Онъ внезапно — Нашествіе Алариха. 408—410.
двинулся изъ Норика, какъ мститель за Стилихона, и перешелъ Юлійскія Альпы; германскіе отряды, служившіе въ римскихъ войскахъ, передались ему. Не встрѣчая сопротивленія, онъ прошелъ черезъ Аквилею, Альпинъ, Конкордію и Кремону до окраины болота, окружавшаго Равенну, но не предпринялъ слишкомъ труднаго дѣла осаждать ее, пошелъ дальше по берегу Адріатическаго моря до Аримина, оттуда двинулся по Фламиніевой дорогѣ, проходы черезъ Апеннины были не защищены, онъ прошелъ черезъ нихъ въ Умбрію; онъ шелъ на Римъ, богатства котораго давно привлекали къ себѣ алчныхъ готовъ. — Октябрь 408.

Зимой 408 года готы раскинули свои шатры подъ стѣнами Рима. Изнѣженные жители города, такъ долго бывшаго владыкою народовъ, съ ужасомъ смотрѣли съ башенъ на враговъ; вѣроятно, имъ припоминались всѣ страшныя преданія о сожженіи Рима галлами, о томъ, какъ подходилъ къ Риму Ганнибалъ, о свирѣпостяхъ Марія и Суллы. Они наслѣдовали всѣ пороки, но ни одного изъ хорошихъ — Вестготы подступаютъ къ Риму зимой. 408.

качествъ своихъ предковъ; въ ихъ мраморныхъ дворцахъ еще хранились сокровища, награбленныя у другихъ націй, но они не имѣли мужества, которымъ были пріобрѣтены эти богатства; они роскошно пировали, ѣздили въ богатыхъ экипажахъ, содержали толпы прислуги: невольниковъ, отпущенниковъ, эвнуховъ; но знали трудности и опасности военной жизни только изъ книгъ, давно бросили даже и всѣ другія серьезныя дѣла, предавшись удовольствіямъ театровъ, цирковъ, бань и чувственнымъ наслажденіямъ. Число жителей Рима вѣроятно еще простиралось тогда до нѣсколькихъ сотъ тысячъ; но большинство ихъ составляли голодные пролетаріи, жившіе только роздачей хлѣба отъ правительства и подачками сострадательныхъ богачей.

Смерть Серены. Первымъ чувствомъ римлянъ при видѣ осадившаго городъ готскаго войска было негодованіе на дерзость варваровъ; въ томъ, что они отважились подойдти къ Риму, винили Стилихона; трусливый сенатъ передъ своимъ паденіемъ обезчестилъ себя гнусной жестокостью: онъ рѣшилъ наказать за преступленіе Стилихона его жену Серену, племянницу Θеодосія Великаго. Она была обвинена въ сношеніяхъ съ врагомъ римскаго имени; ее осудили на смерть, не сдѣлавъ даже допроса ей и велѣли удавить ее. Такъ исполнилось проклятіе произнесенное ей послѣднею весталкой (стр. 606). Плацидія, дочь Θеодосія и Галлы, переселившаяся по смерти отца изъ Константинополя въ Римъ, красавица и очень образованная женщина, дала свое согласіе на казнь. Подвозъ съѣстныхъ припасовъ въ Римъ былъ совершенно остановленъ вандалами, и многолюдный городъ скоро сталъ страдать отъ голода. Дѣло дошло до того, что пожирали трупы; говорятъ, бывали даже случаи, какъ нѣкогда въ Іерусалимѣ, что матери убивали дѣтей и ѣли ихъ мясо. Каждый день тысячи людей умирали томительной смертью; непогребенныя тѣла заражали воздухъ, и эпидемическія болѣзни увеличили мученія голода. Жертвоприношенія и чародѣйскіе обряды язычниковъ оставались такъ же напрасны, какъ и молитвы христіанъ.

Снятіе осады. Римъ выносилъ страданія осады въ надеждѣ, что прійдетъ войско на помощь ему. Но войско не шло, и сенатъ отправилъ депутацію своихъ членовъ въ станъ Алариха спасти городъ отъ погибели заключеніемъ мира. Послы воображали подѣйствовать на Алариха гордыми словами; они сказали ему, что если онъ откажетъ въ сносныхъ условіяхъ, то многочисленные воинственные граждане Рима пойдутъ на отчаянную борьбу съ нимъ; но Аларихъ отвѣчалъ: «Чѣмъ гуще трава, тѣмъ легче косить ее». Они увидѣли, что запугать его нельзя; понизили тонъ, и Аларихъ назначилъ выкупъ, за какой онъ согласенъ отступить. Онъ потребовалъ, чтобъ ему были выданы все золото и серебро, всѣ драгоцѣнности, всѣ рабы германскаго происхожденія: «Что же ты оставляешь намъ?» сказали пораженные изум-

леніемъ послы. «Вашу жизнь», отвѣчалъ онъ. Они воротились въ ужасѣ. Аларихъ далъ Риму перемиріе и уменьшилъ свое требованіе. Ему дали 5,000 фунтовъ золота, 30,000 фунтовъ серебра, опредѣленное имъ количество шелковыхъ одеждъ, алаго сукна, перца, и онъ снялъ осаду. На уплату выкупа сенатъ велѣлъ переплавить въ слитки послѣднія, какія еще оставались, золотыя, и серебряныя статуи боговъ и остатки посвященной богамъ драгоцѣнной добычи побѣдъ прежняго времени.

Войско Алариха увеличили 40,000 освобожденныхъ отъ рабства германцевъ, горѣвшихъ желаніемъ отмстить своимъ тираннамъ; къ нему пришли готы и гунны, приведенные съ Дуная братомъ его жены Атаульфомъ. Побѣдоносный готскій король, соединявшій съ отвагою варвара искусство римскаго полководца и устроившій свое войско по правиламъ римской тактики и дисциплины, пошелъ на плодородную тосканскую равнину и началъ переговоры съ равеннскимъ дворомъ. Онъ требовалъ, чтобы Гонорій назначилъ его главнокомандующимъ войскъ западной имперіи и отдалъ ему какъ независимому государю Далмацію, Норикъ и низовье долины рѣки По; но постепенно онъ уменьшалъ свои требованія, согласился наконецъ удовольствоваться тѣмъ, чтобъ отданъ былъ для поселенія готамъ Норикъ, гористая бѣдная сторона. Гонорій, по внушенію Олимпія, не соглашался ни на какія условія мира. Посредничество депутаціи римскаго сената, къ которой присоединился римскій епископъ Иннокентій, осталось напраснымъ. Когда депутація поѣхала изъ Равенны обратно въ Римъ, ей былъ данъ конвой, состоявшій изъ 6,000 далматовъ, лучшихъ воиновъ императора; готы истребили или взяли въ плѣнъ всѣхъ ихъ кромѣ ста человѣкъ, съ которыми успѣлъ уйдти въ Римъ начальникъ отряда Валентъ. Олимпій впалъ въ немилость, хотѣлъ бѣжать, былъ пойманъ, отправленъ въ ссылку и въ ссылкѣ засѣченъ до смерти бичами. Но враги Алариха оставались такъ сильны при дворѣ, что императоръ по прежнему не соглашался на миръ. Напрасно преемникъ Олимпія Іовій, человѣкъ разсудительный и энергическій, убѣждалъ Гонорія заключить съ Аларихомъ миръ на условіяхъ, которыя были въ сущности довольно легки; придворные хотѣли выслуживаться передъ императоромъ льстивымъ восхваленіемъ его могущества, говорили, что всякая мысль объ уступкѣ—измѣна, и самъ Іовій увидѣлъ необходимость говорить противъ мира съ Аларихомъ, иначе онъ впалъ бы въ немилость. Аларихъ и Гонорій. 409.

Раздраженный упорствомъ Гонорія, Аларихъ снова пошелъ къ Риму. Онъ овладѣлъ Остіею, тою пристанью, черезъ которую шелъ хлѣбъ въ Римъ и гдѣ лежали склады его. Римлянамъ предстоялъ новый голодъ; они такъ ужасались этого, что сенатъ безъ всякаго противорѣчія покорился требованіямъ Алариха. Готскій король назначилъ римскаго префекта Аттала императоромъ запада; аріанскій Аларихъ назначаетъ императоромъ Аттала. 409.

епископъ возложилъ на Аттала знаки императорскаго сана. Новый императоръ назначилъ Алариха главнокомандующимъ войскъ западной имперіи, а начальникомъ своихъ тѣлохранителей сдѣлалъ Атаульфа. Готское войско въ сопровожденіи Аттала пошло къ равеннскимъ болотамъ. Гонорій, покинутый Іовіемъ, который управлялъ отъ его имени государствомъ, покинутый и своимъ полководцемъ Валентомъ, увидѣлъ себя въ безпомощномъ положеніи, хотѣлъ отказаться отъ императорскаго сана, хотѣлъ бѣжать въ Константинополь. Атталъ требовалъ, чтобъ онъ сдался и ѣхалъ въ ссылку на одинъ изъ мелкихъ, почти пустынныхъ острововъ. Это оскорбило гордость Гонорія; начальникъ его тѣлохранителей готскій князь Саръ, наслѣдственный врагъ рода Бальтовъ и личный врагъ Атаульфа, ободрялъ Гонорія и успѣлъ удержать его отъ постыднаго бѣгства. Въ Равенну прибылъ отрядъ, состоявшій изъ 4,000 ветерановъ; храбрость и преданность этихъ воиновъ укрѣпила надежды Гонорія. Геракліанъ, убійца Стилихона, получившій за свое злодѣйство должность главнокомандующаго въ Африкѣ, прислалъ въ Равенну денегъ, прислалъ извѣстіе о своихъ побѣдахъ. Положеніе дѣлъ измѣнилось. Аларихъ разсердился на Аттала, вступавшагося за интересы населенія имперіи; не позволившаго Алариху послать въ Африку войско отъ имени императора и остановить подвозъ хлѣба въ Италію. Аларихъ на Ариминской равнинѣ передъ глазами войска снялъ съ Аттала діадему и порфиру, и послалъ эти знаки императорскаго сана Гонорію въ залогъ мира и дружбы. Но Саръ и другіе враги Алариха отклонили Гонорія и теперь отъ согласія на миръ съ Аларихомъ. Готскій король, снова раздраженный, пошелъ въ третій разъ къ Риму, чтобы вполнѣ удовлетворить своей злобѣ и алчности.

Римъ взятъ и ограбленъ. 410. 24 августа 410.

Сенатъ хотѣлъ обороняться до послѣднихъ силъ; но однажды ночью нѣсколько рабовъ отворили готамъ Саларскія ворота; готы вошли въ Римъ, и трепещущіе жители его подверглись всѣмъ ужасамъ ихъ буйства и алчности. Аларихъ дозволилъ своимъ воинамъ грабить богатое и изнѣженное населеніе города, велѣлъ только щадить жизнь безоружныхъ и бѣжавшихъ въ церкви. Нѣсколько дней готы и другіе бывшіе съ ними варвары грабили несчастный городъ, похищали во дворцахъ вельможъ сокровища, накопившіяся въ теченіе вѣковъ, грабили и домы бѣдняковъ, и вмѣстѣ съ рабами, мстившими господамъ за прежнія притѣсненія, совершали всѣ насилія и гнусности, какія можетъ внушить дикарямъ жадность и скотское сладострастіе; римлянъ и римлянокъ били, сѣкли бичами, принуждая сказать, гдѣ у нихъ спрятаны деньги и дорогія вещи; чего нельзя было взвалить на плечи, складывали на возы; горящіе дома освѣщали грабежъ по ночамъ. Многіе знатные люди изъ богатѣйшихъ сенаторскихъ и всадническихъ семействъ скитались послѣ этого нищими по мелкимъ итальянскимъ островамъ, по африканскому берегу, по святымъ мѣс-

тамъ Палестины; другіе были взяты въ плѣнъ и послѣ выкуплены изъ рабства друзьями. Ужасы этого грабежа такъ глубоко врѣзались въ память римлянъ, что имя готовъ стало въ легендахъ слѣдующихъ временъ обозначеніемъ всего страшнаго и гнуснаго. Только имя вандаловъ, ограбившихъ Римъ нѣсколькими десятилѣтіями позже, было передаваемо потомству съ такими же проклятіями. Какъ прежде въ Аргосѣ и Коринѳѣ, готы ломали въ Римѣ прекраснѣйшія произведенія искусствъ, если матеріалъ ихъ былъ привлекателенъ для алчности. Конечно, есть преувеличеніе въ современныхъ реторическихъ описаніяхъ сценъ этого грабежа, буйства, насилованія женщинъ и дѣвушекъ. И были среди буйства случаи набожности, состраданія, уваженія къ цѣломудрію. Церкви были пощажены. Сокровища храма апостола Петра были торжественно съ пѣніемъ псалмовъ перенесены въ неприкосновенное святилище на Ватиканѣ, сладострастіе иногда щадило благородную скромность. Христіанскіе писатели — Августинъ, Орозій и другіе съ торжествомъ указываютъ на уваженіе готовъ къ святынѣ церквей и спрашиваютъ у своихъ языческихъ противниковъ, былъ ли когда примѣръ, чтобы ложные боги ихъ охранили себя и своихъ почитателей въ городѣ, взятомъ приступомъ? Іеронимъ и Августинъ приводятъ въ доказательство благотворности христіанства самоотверженное человѣколюбіе, выказанное въ эти дни тяжкаго страданія благочестивой христіанкой Пробой, старшей представительницей богатаго и знатнаго рода Аниціевъ, ея дочерью Летой и ея внукой Димитріадой, благочестивой дѣвой.

Готы уходятъ въ Кампанію. 410.

На шестой день Аларихъ съ своимъ войскомъ, обремененымъ добычей, пошелъ въ роскошную Кампанію, гдѣ можно было набрать много новой добычи въ богатыхъ городахъ и великолѣпныхъ сельскихъ домахъ римскихъ вельможъ. Готы взяли Капую и Нолу. Въ Нолѣ находился чудотворный гробъ святого Феликса, и жилъ въ этомъ городѣ святой Паулинъ, отказавшійся на 40 году жизни отъ богатства, высокаго сана, покинувшій на перекоръ совѣтамъ своего покровителя и друга Авзонія, и просьбамъ своихъ родныхъ мірское общество и литературныя занятія, сдѣлавшійся аскетомъ; но ни тѣло умершаго святого, ни живой святой не удержали готовъ отъ грабежа. Варвары предались наслажденіямъ роскоши благодатнаго края; жители его должны были возить въ ихъ станъ хлѣбъ, мясо, масло, вино, и они пировали. Уведенные ими въ плѣнъ сыновья и дочери римскихъ сенаторовъ подавали въ золотыхъ кубкахъ, оправленныхъ дорогими камнями, фалернское вино гордымъ великанамъ-побѣдителямъ, лежавшимъ подъ платанами, которые были разсажены съ такимъ искусствомъ, что не пропускали палящихъ лучей солнца, но давали теплотѣ его проникать подъ свою тѣнь. Воспоминанія о перенесенныхъ лишеніяхъ и о холодѣ безплодной родины возвышали прелесть наслажденій готовъ въ Кампаніи.

Смерть Алариха осенью 410.

Аларихъ прошелъ по Южной Италіи до Мессанскаго пролива и хотѣлъ переплыть его, чтобъ ограбить Сицилію, а съ этого острова плыть на завоеваніе обильной хлѣбомъ провинціи Африки. Но буря потопила или разсѣяла его корабли, это задержало переправу. Скоро герой вестготскихъ преданій умеръ во цвѣтѣ лѣтъ на берегу рѣки Буксенція (Бузенто), близъ города Консенціи (Козенцы); Аларику было только 34 года. Преданіе говоритъ, что для его погребенія вестготы послали плѣнныхъ отвести рѣку изъ ея русла, опустить тамъ въ могилу его гробъ съ оружіемъ и сокровищами, и послѣ того пустить рѣку въ прежнее русло; и что всѣ плѣнники, исполнившіе эту работу, были за тѣмъ убиты, чтобы никто не зналъ, гдѣ погребенъ великій король готовъ и чтобы римская жадность не потревожила покой его

Атаульфъ уводитъ вестготовъ въ Галлію 412.

костей. Преемникомъ Алариха сталъ Атаульфъ, красивый и сильный воинъ, храбрый, но менѣе суровый чѣмъ Аларихъ. Онъ скоро покинулъ мысли о завоеваніяхъ, о которыхъ сначала думалъ, вступилъ въ серьезные переговоры о мирѣ и союзѣ съ Гоноріемъ. Впослѣдствіи онъ говорилъ своему другу, нарбонскому римлянину, что хотѣлъ измѣнить видъ земли, истребить имя Рима, основать на его развалинахъ готское царство, пріобрѣсти подобно Цезарю Августу славу создателя новой имперіи; но опытъ убѣдилъ его, что для благоденствія государства нужны законы, а буйный характеръ готовъ не способенъ выносить благотворное иго законовъ и гражданскаго порядка; потому онъ поставилъ другую цѣль своему славолюбію и теперь искренно желаетъ, чтобы въ будущихъ вѣкахъ съ благодарностью вспоминали о заслугахъ иноземца, обратившаго мечъ готовъ не на разрушеніе римской имперіи, а на возстановленіе и охрану ея благоденствія. Въ Равеннѣ извлекли изъ тяжелаго опыта урокъ благоразумія, разсудили, что если вступить въ дружбу съ готами, то они могутъ оказать имперіи очень важныя услуги въ Галліи, отнятой врагами и совершенно разстроенной. Галла Плацидія, сестра императора, была захвачена готами при взятіи Рима; Атаульфъ горячо полюбилъ ее, и быть-можетъ, она была посредницей между нимъ и римлянами. Какъ бы то ни было, императоръ и Атаульфъ заключили договоръ, по которому готскій король получилъ санъ римскаго главнокомандующаго и пошелъ съ согласія императора покорить Галлію, опустошаемую варварами, волнуемую мятежами правителей и полководцевъ. Гонорій напрасно требовалъ, чтобъ ему была выдана Плацидія; готы взяли ее съ собой. Саръ, непримиримый врагъ Бальтовъ, палъ жертвою союза съ ними. Атаульфъ быстро овладѣлъ всѣмъ югомъ Галліи, отъ Роны и Гаронны до Пиренеевъ. Тамъ были богатые города Нарбонъ, Тулуза и Бордо (Бурдигала). Только въ Марсель не былъ впущенъ Атаульфъ, начальствовавшимъ въ ней осторожнымъ полководцемъ Бонифаціемъ. Черезъ нѣсколько времени Бонифацій былъ награжденъ за это очень важной должностью. Правитель Африки Ге-

ракліанъ провозгласилъ себя императоромъ, напалъ на Италію, былъ взятъ въ плѣнъ и казненъ; Бонифація назначили на его мѣсто правителемъ Африки. — Готы взяли съ собой Плацидію, какъ заложницу, но обращались съ ней почтительно, какъ требовалъ ея санъ. **413.** Желая упрочить союзъ Атаульфа съ Гоноріемъ, она согласилась стать женою красиваго готскаго короля; любовь къ родинѣ и убѣжденія римскаго патріота Кандидіана побѣдили гордость, съ какою прежде отвергала она этотъ бракъ. Въ домѣ Ингенуя, знатнѣйшаго изъ нарбонскихъ гражданъ была, въ январѣ 414 года, отпразднована великолѣпная свадьба по римскимъ обычаямъ; невѣста сидѣла на высокомъ престолѣ въ облаченіи римской императрицы; 50 прекрасныхъ юношей, одѣтыхъ въ шелковое платье, поднесли ей сто кубковъ, наполненныхъ драгоцѣннѣйшими изъ взятыхъ въ Римѣ золотыхъ вещей, украшенныхъ дорогими камнями; это былъ подарокъ жениха ей. Атталъ, отставной императоръ, былъ капельмейстеромъ и запѣвалой хора пѣвшаго свадебныя пѣсни. Жители южной Галліи радовались этому браку, надѣясь, что вліяніе образованной государыни смягчитъ грубость готовъ. Атаульфъ выигрывалъ черезъ женитьбу то, что его власть получала характеръ законности.

Женитьба Атаульфа на Плацидіи. 414.

Судьба Аттала.

Непосредственнымъ слѣдствіемъ женитьбы Атаульфа на Плацидіи была ссора между нимъ и равеннскимъ дворомъ. Констанцій, новый всемогущій любимецъ императора, твердостью своей воли владычествовавшій надъ слабымъ Гоноріемъ надѣялся самъ получить руку Плацидіи. Досадуя на разрушеніе своей надежды, онъ велъ дѣло къ войнѣ съ готами. Атаульфъ, раздраженный враждебными дѣйствіями равеннскаго двора, снова возложилъ порфиру на Аттала, чтобы запугать Гонорія. Констанцій повелъ войско въ южную Галлію и овладѣлъ столицею готовъ, Нарбономъ. Атаульфъ былъ за Пиренеями, взялъ Барселону, покорилъ сѣверо-восточную часть Испаніи. Атталъ, игравшій въ службѣ готовъ попремѣнно роли императора, посредника въ переговорахъ и пѣвца, хотѣлъ бѣжать въ Испанію, но былъ захваченъ въ плѣнъ; его выставили въ Равеннѣ на поруганіе народу, отрубили ему руку и сослали на островъ Липару; тамъ назначили ему небольшое содержаніе и кормили его до конца жизни. Ему пришлось самому подвергнуться судьбѣ, которой онъ грозилъ Гонорію.

Декабря 414.

Смерть Атаульфа. 415.

Въ Барселонѣ, столицѣ «Готской земли» (Каталуніи), Атаульфъ погибъ. Онъ получилъ тамъ печальное извѣстіе о смерти сына, рожденнаго ему Плацидіей и названнаго по имени дѣда Ѳеодосіемъ, а вскорѣ послѣ того былъ пораженъ кинжаломъ Эберульда (или по другому имени Дубія), бывшаго товарищемъ Сара по оружію. Оскорбленный насмѣшками, онъ отмстилъ Атаульфу за свою обиду и за смерть своего начальника. Въ смятеніи, произведенномъ убійствомъ Атаульфа, захватилъ власть надъ готами братъ Сара, Сигерихъ, и сталъ истреблять династію Бальтовъ. Дѣти Атаульфа отъ прежняго брака,

Августъ. 415.

шесть человѣкъ, были вырваны изъ рукъ ихъ воспитателя, епископа Сигесара, и безжалостно убиты. Плацидія была принуждена въ толпѣ другихъ арестованныхъ идти 12 миль пѣшкомъ передъ Сигерихомъ, ѣхавшимъ на конѣ. Возмущенные такой жестокостью, готы на седь-

Валлія. 415—419. мой день убили Сегериха и выбрали королемъ храбраго Валлію, врага римлянъ и римскихъ обычаевъ, которые очень любилъ Атаульфъ. Онъ прошелъ изъ Барселоны до Атлантическаго океана и до Гибральтарскаго пролива, черезъ который бросалъ жадные взгляды на Африку. Но бури помѣшали переправѣ; войско терпѣло недостатокъ въ продовольствіи, Констанцій съ римскими легіонами шелъ впередъ, и Валлія согласился заключить съ Гоноріемъ договоръ, по которому Плацидія, пользовавшаяся теперь опять почтеніемъ у готовъ, была отослана въ Италію; Валлія поступилъ на службу имперіи, а римляне доставили готамъ провіантъ, въ которомъ терпѣли они не-

417. достатокъ. Черезъ нѣсколько времени Плацидія вышла за Констанція. Отъ этого брака родилась дочь, Гонорія, и сынъ, Валентиніанъ. Констанцій, человѣкъ старинной римской доблести, строго поддерживавшій дисциплину въ войскѣ и привѣтливый въ часы досуга, заслужилъ любовь и уваженіе воиновъ, и пользовался большою силой при дворѣ.—Валлія, какъ полководецъ имперіи, продолжалъ войну съ германскими племенами, поселившимися въ Пиренейскомъ полуост-

Побѣды Валліи въ Испаніи. 416—419. ровѣ. Онъ истребилъ въ Бетикѣ вандальское племя силинговъ, имя которыхъ исчезаетъ изъ исторіи послѣ битвъ съ нимъ; въ кровопролитномъ сраженіи онъ побѣдилъ алановъ, убилъ ихъ короля, и принудилъ уцѣлѣвшую часть этого скиѳскаго кочевого народа отдаться подъ покровительство другого отдѣла вандаловъ, называвшагося асдингскимъ. Скоро аланы слились въ одинъ народъ съ этими вандалами. Изъ центра Испаніи вандалы-асдинги оттѣснены были Валліею въ горы Галисіи и тамъ вмѣстѣ съ свевами отчаянно оборонялись отъ готовъ. Такимъ образомъ, Валлія покорилъ Гонорію почти весь Пиренейскій полуостровъ, Гонорій отпраздновалъ въ Равеннѣ блестящимъ тріумфомъ побѣды, одержанныя служившими ему иноземцами; поэты и ораторы прославляли неодолимое могущество императора, и онъ съ восхищеніемъ слушалъ похвалы себѣ. Римскіе правители снова явились въ испанскихъ городахъ и стали такъ угнетать ихъ жителей, что несчастные сожалѣли о временахъ владычества варваровъ. Въ награду за эти услуги Гонорій уступилъ готамъ Аквитанію,—часть Галліи между Горонной, Луарой и Атлантическимъ

Готы овладѣваютъ Аквитаніей. 419. Теодорихъ. 419—451. океаномъ. Эта плодородная страна превосходнаго климата имѣла тогда промышленные города съ образованнымъ населеніемъ. Преемникъ Валліи Теодорихъ избралъ своею столицей аквитанскій городъ Толозу. Вестготы, бывшіе около пятидесяти лѣтъ ужасомъ римлянъ, поселились теперь мирно между римскими гражданами и быстро усвоили себѣ культуру ихъ, узнали и полюбили общественное благо-

устройство, ограждающее отъ произвола, земледѣліе, привязывающее людей къ родинѣ и обезпечивающее ихъ отъ голода, промышленность, дающую удобства жизни; они такъ хорошо учились у римлянъ всему этому, что скоро стали превосходить ихъ и образованностью, какъ превосходили храбростью. Толозское (Тулузское) королевство существовало почти цѣлое столѣтіе; временами оно было въ мирѣ, временами въ войнѣ съ римскою имперіей; границы его постепенно расширились отъ Луары до моря на югѣ. — Около того Бургунды. же времени Гонорій уступилъ бургундамъ прекрасныя, плодородныя земли по Ронѣ, у подошвы Юры и по верхнему Рейну, которыми владѣли они со времени Іовина (стран. 649). Коренное населеніе этихъ провинцій само помогало бургундамъ овладѣть ими, желая при ихъ помощи избавиться отъ римскихъ налоговъ. Черезъ нѣсколько времени бургундское королевство расширилось такъ, что охватывало западную Швейцарію, восточную Галлію и землю аллоброговъ (нынѣшнюю Савойю). Границы его простирались отъ Средиземнаго моря до Вогезскихъ горъ. Бургундское племя, жившее по среднему Рейну около Вормса и Майнца, потерпѣло черезъ нѣсколько десятилѣтій страшное пораженіе отъ гунновъ. Южные бургунды, любившіе войну и охоту, поселились главнымъ образомъ въ горахъ; города и равнины остались во владѣніи прежнихъ жителей. Во время Орозія (около 417 года) эти южные бургунды были уже христіа- Франки. нами. На сѣверѣ Галліи франки расширили свои поселенія отъ Мааса и Шельды на югъ черезъ Камбре до Соммы, а на востокъ до Города Тревировъ, то есть до Мозеля. Лѣвымъ берегомъ Рейна отъ Конфлуэнта (Кобленца) до Вогезскихъ горъ овладѣли алеманны, присоединившіе эту землю къ своимъ прежнимъ владѣніямъ—землѣ на правомъ берегу верхняго Рейна, долинамъ Альпъ и Шварцвальда. Алеманны. Эта область, въ которой процвѣтала римская культура и были прекрасные города, была опустошена алеманнами. Теперь едва замѣтны слѣды многолюднаго, великолѣпнаго города Виндониссы, стоявшаго въ плодородной равнинѣ Аара. Алеманны взяли себѣ самыя лучшія земли, прежніе жители были выгнаны изъ наслѣдственныхъ имѣній. Вѣроятно лишь немногіе были такъ счастливы, какъ поэтъ Паулинъ, Арморика и уроженецъ Бурдигалы, который получилъ отъ готскаго «гостя» пол- Британнія. ную цѣну за имѣнье, которое взялъ у него этотъ «гость». Западное приморье Галліи, называвшееся Арeморикой, и Британнія, покинутыя римскими войсками, должны были обороняться собственными силами отъ грабежа варваровъ, нападавшихъ на нихъ и съ суши, и съ моря. Отражая ихъ, они привыкли къ независимости, перестали повиноваться римскимъ правителямъ; Гонорій, не имѣя силы поддержать свою власть въ этихъ отдаленныхъ провинціяхъ, предоставилъ имъ охранять себя какъ знаютъ. Только въ срединѣ страны, между Луарой и Сеной, и нѣсколько къ сѣверу отъ Сены оставалась об-

ласть, признававшая владычество Рима. Но и въ ней возникло учрежденіе, бывшее началомъ независимости. Гонорій постановилъ относительно всѣхъ семи галльскихъ провинцій, что правители ихъ, епископы, депутаты городовъ и крупныхъ землевладѣльцевъ должны ежегодно собираться въ Арелатѣ и принимать мѣры, требуемыя положеніемъ дѣлъ. Это наводило галловъ на мысль о самостоятельномъ управленіи. Въ Британніи римскіе муниципіи и колоніи, вельможи, родоначальники, епископы и другіе духовные тоже самостоятельно принимали мѣры противъ нападеній ирландскихъ и каледонскихъ дикарей, и противъ англосаксонскихъ пиратовъ, грабившихъ берега и основавшихъ тамъ разбойническія поселенія.

---

2. Аэцій. Генсерихъ. Аттила.

Смерть Гонорія. Гонорій выказывалъ временами нѣжную привязанность къ своей сестрѣ Плацидіи и мужу ея Констанцію, временами непріязненно отталкивалъ ихъ отъ себя. Онъ назначилъ Констанція августомъ и своимъ соправителемъ, но послѣ оскорблялъ его такъ, что тотъ глубоко печалился; черезъ семь мѣсяцевъ послѣ того, какъ былъ сдѣланъ
421. августомъ, онъ умеръ. Вдова его Плацидія, съ своими малолѣтними дѣтьми, Гоноріей и Валентиніаномъ, бѣжала въ Константинополь, спасаясь отъ вражды брата, въ которомъ чрезмѣрная нѣжность къ ней замѣнилась подъ вліяніемъ придворной интриги непримиримой ненавистью. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ гонецъ привезъ ей извѣстіе,
27 августа. 423. что Гонорій, страдавшій водянкой, умеръ. Но въ то же время императорское семейство получило извѣстіе, что государственный секретарь (Primicerius) Іоаннъ принялъ санъ императора. Константинопольскій дворъ рѣшилъ поддержать оружіемъ право сына Плацидіи. Войска Іоанна поколебались въ вѣрности ему; конница византійскаго войска была переведена пастухомъ черезъ болота рѣки По, и война пошла такъ успѣшно, что узурпаторъ на второй годъ своего прав-
425. ленія былъ взятъ въ плѣнъ, выставленъ на осмѣяніе народа и казненъ въ аквилейскомъ циркѣ. Сынъ Констанція и Плацидіи Вален-
Валентиніанъ III. 425—455. тиніанъ III, шестилѣтній ребенокъ, былъ подъ охраной восточнаго войска сдѣланъ августомъ западной имперіи. Впослѣдствіи его женили на Евдокіи, дочери Ѳеодосія и Аѳинаиды. Во время его малолѣтства государствомъ правила Плацидія, но у ней не было талантовъ Пульхеріи. Говорили также, что она по властолюбію преднамѣренно разслабила сына, допуская мальчика вести развратную жизнь и отклоняя его отъ всякихъ честныхъ и серьезныхъ занятій. За

возведеніе Валентиніана на престолъ восточный императоръ получилъ всю Иллирію, такъ что теперь византійская имперія простиралась до Адріатическаго моря.

Западная имперія имѣла тогда двухъ даровитыхъ полководцевъ и правителей, которые могли бы поддержать падающее государство, если бы дѣйствовали согласно. Одинъ изъ нихъ, Аэцій, былъ сынъ римлянки и германца Гавденція, полководца, убитаго взбунтовавшимися воинами. Другой былъ Бонифацій римлянинъ, за свою вѣрность Плацидіи въ войнѣ съ Іоанномъ, получившій утвержденіе въ санѣ правителя провинціи Африки, хлѣбной житницы италійцевъ. Къ несчастію эти два талантливые человѣка были во враждѣ между собой. Бонифацій жилъ далеко отъ двора, притомъ былъ человѣкъ прямодушный и добросовѣстный, хотя быть-можетъ и не такой цѣломудренный, какъ о немъ говоритъ его другъ Августинъ. Понятно, что восторжествовали интриги ловкаго, хитраго соперника, которому давало перевѣсъ его присутствіе при дворѣ. Аэцій, завидуя выгодной должности Бонифація, убѣдилъ императрицу въ томъ, что онъ задумываетъ бунтъ, и съ тѣмъ вмѣстѣ подъ видомъ дружбы внушилъ Бонифацію, что въ Равеннѣ хотятъ убить его. Императрица лишила Бонифація должности правителя и приказала ему пріѣхать въ Равенну. Бонифацій, вѣря коварнымъ внушеніямъ Аэція, не повиновался, поднялъ возстаніе и тѣмъ подтвердилъ во мнѣніи императрицы коварныя слова Аэція, который достигъ своей цѣли, пріобрѣлъ безусловное довѣріе двора. Аэцію поручена была оборона государства и охрана священной особы императора, его матери и сестры. Аэцій и Бонифацій.

Бонифацій съ своими слабыми африканскими войсками не могъ бы устоять противъ Аэція, потому искалъ союзниковъ себѣ; и скоро нашелъ ихъ въ вандалахъ. Они около этого времени спустились съ галисійскихъ горъ и, одолѣвая римлянъ и готовъ, прошли на южный берегъ Испаніи, заняли приморье около Картахены и Севильи, и жадно высматривали себѣ новой арены грабежа. Вождемъ ихъ не задолго передъ тѣмъ сталъ воинственный Генсерихъ (или Гейсерихъ), соединявшій съ храбростью и военными талантами разсчетливость и хитрость, съ дикой алчностью варвара мстительность испанца и африканца. У Іордана есть его характеристика: онъ былъ человѣкъ средняго роста, одна нога у него была повреждена отъ паденія съ лошади, и онъ хромалъ; онъ говорилъ очень осторожно и никогда не выдавалъ своихъ замысловъ словами; никогда не поддавался онъ римской изнѣженности; сильнѣйшей его страстью было властолюбіе, и для удовлетворенія ей онъ съ одинаковой безсовѣстностью пользовался насиліемъ и коварствомъ; очень ловко умѣлъ пріобрѣтать союзниковъ и ссорить между собою своихъ враговъ. Генсерихъ. 428.

Бонифацій пригласилъ вандаловъ въ Африку, обѣщая имъ въ награду за помощь третью часть земель этой провинціи. Генсерихъ охотно Вандалы переправляются въ Африку. 429.

принялъ предложеніе. Онъ отразилъ свевовъ, хотѣвшихъ передъ его отплытіемъ ограбить земли, занятыя вандалами въ Бетикѣ; часть разбитыхъ свевовъ утонули въ Гвадіанѣ. Генсерихъ посадилъ вандаловъ на корабли, собранные въ Испаніи и присланные изъ Африки, и переплылъ черезъ проливъ, раздѣляющій тѣ скалы, которыя въ древности назывались Геркулесовыми столбами. Войско вандаловъ и соединившихся съ ними алановъ состояло вѣроятно не больше, какъ изъ 50,000 человѣкъ; но къ нимъ скоро примкнули туземцы мавританскихъ горъ, ненавидѣвшіе своихъ угнетателей, римлянъ. Конница ихъ присоединилась къ войску Генсериха. Другими помощниками вандаловъ были донатисты, думавшіе при ихъ помощи отомстить православнымъ за гоненія, какимъ подвергались (стр. 626). Бонифацій ужаснулся призванныхъ имъ вандаловъ и охотно примирился съ Плацидіею, которая, узнавъ отъ одного изъ его друзей лживость обвиненій Аэція, предложила ему прощеніе. Онъ обратилъ всѣ свои силы на то, чтобы прогнать за море вандаловъ. Но раскаяніе и примиреніе, о которомъ въ числѣ другихъ посредниковъ много хлопоталъ и

Завоеванія вандаловъ въ Африкѣ. 430—431.

Августинъ, уже не могло поправить дѣла. Бонифацій былъ разбитъ въ двухъ большихъ сраженіяхъ вандалами и соединившимися съ ними туземцами. Римляне удержались только въ Карѳагенѣ, Циртѣ и Гиппонѣ. Всею страною, кромѣ этихъ крѣпостей, овладѣлъ непріятель. Туземцы подверглись всѣмъ бѣдствіямъ, какими можетъ мучить людей алчный, мстительный, проникнутый національной и религіозной ненавистью побѣдитель. Провинція Африка, сотни лѣтъ бывшая житницею Рима и всей Италіи, была опустошена; въ ней процвѣтали промышленность, торговля, литература; ея населеніе было зажиточно и образовано; теперь все ея благосостояніе было истреблено. Многолюдные города обратились въ развалины; дворцы богачей, наполненные всяческими предметами роскоши, и красивые дома массы населенія были ограблены и сожжены, сокровища церквей расхищены, духовенство перебито, люди всѣхъ состояній и возрастовъ, мужчины и женщины испытали всевозможныя униженія и насилія. Во время этихъ ужасовъ скончался Августинъ въ своемъ епископскомъ городѣ Гиппонѣ, осажденномъ вандалами. Бонифицій 14 мѣсяцевъ защищалъ Гиппонъ. Когда исчезла послѣдняя надежда удержаться противъ непріятеля, онъ съ немногими гражданами, пережившими бѣдствія осады, уплылъ въ Италію, отдавая свою судьбу на рѣшеніе Плацидіи.

Смерть Бонифація. 432.

Императрица простила ему утрату богатой провинціи и сохранила довѣріе къ нему. Раздраженный этимъ оборотомъ дѣла и опасаясь наказанія за свое коварство, Аэцій поднялъ теперь въ свою очередь мятежъ. Онъ былъ въ Галліи, успѣшно сражался тамъ у Арелата съ вестготами, на Нижнемъ Рейнѣ съ франками, на ретійской границѣ съ ютунгами. Узнавъ о томъ, что Бонифацій пользуется милостью императрицы, онъ пошелъ въ Италію со своимъ войскомъ, состоявшимъ изъ варваровъ. Бонифацій двинулся противъ него, разбилъ его, но, раненный копьемъ своего противника, скоро умеръ. Аэцій, объявленный мятежникомъ, бѣжалъ къ своему другу Ругилѣ, царю гунновъ, и ждалъ тамъ удобнаго случая захватить власть надъ имперіей. По своему происхожденію на половину римлянинъ, на половину варваръ, женатый на дочери сильнаго германскаго князя Карпиліона, Аэцій естественно искалъ опоры въ иноземцахъ; соединяя въ себѣ римскую образованность съ мужествомъ варвара, онъ былъ вѣрнымъ представителемъ смѣси варваровъ съ римлянами въ правительствѣ западной имперіи.—Прокопій говоритъ, что Бонифацій и Аэцій совмѣщали въ себѣ всѣ римскія доблести, такъ что ихъ можно назвать послѣдними римлянами.

Бѣгство Аэція къ гуннамъ. 432.

Послѣ того какъ римляне покинули Гиппонъ, прошло цѣлыя восемь лѣтъ до взятія Карѳагена, главнаго города провинціи Африки. Эти восемь лѣтъ были временемъ непрерывныхъ бѣдствій для прежняго населенія страны, но и для вандаловъ они были тяжелы, для самого Генсериха опасны. Онъ былъ побочный сынъ; потому многіе вандалы презирали его и полагали, что право на королевскую власть принадлежитъ его племянникамъ; онъ могъ держаться только осторожностью, хитростью и безпощадной жестокостью. Онъ убилъ своихъ племянниковъ, велѣлъ утопить ихъ мать, вдову прежняго короля; свирѣпо истреблялъ своихъ враговъ, говорили, что онъ пролилъ больше вандальской крови казнями, чѣмъ непріятельскими битвами. Онъ былъ такъ хитръ, что склонилъ равеннскій дворъ заключить съ нимъ два договора: онъ обѣщалъ не нападать на западную Нумидію и на мавританскія провинціи; этимъ онъ выигрывалъ время для упроченія своего владычества въ завоеванной имъ восточной Нумидіи. Богатый великолѣпный Карѳагенъ сдѣлался столицей Генсериха, подъ чьей грабительской рукой скоро исчезли благосостояніе и образованность этого города. Колонія, основанная римлянами на мѣстѣ разрушеннаго Карѳагена, стала, благодаря выгодности своего положенія для торговли, такимъ богатымъ городомъ, что во второй разъ Карѳагенъ былъ соперникомъ Рима; теперь онъ сталъ разбойничьимъ городомъ. На развалинахъ прежней культуры владычествовалъ тамъ вандалъ, поддерживая свое тиранническое господство мечомъ. Римъ, Италія, восточные города наполнились бѣжавшими отъ завоеванія или изъ плѣна; нищіе, они скитались, питаясь подаяніемъ. Скоро тяжелая рука вандальскихъ разбойниковъ стала поражать острова и прибрежья Средиземнаго моря; разбойники, разрушившіе новый Карѳагенъ, были какъ будто мстителями за разрушеніе стараго. Отъ пиратовъ Генсериха не было прибѣжища даже и въ церквахъ: аріане-вандалы не уважали православныхъ храмовъ, а въ своемъ государствѣ они, кромѣ всѣхъ другихъ притѣсненій, подвергали православныхъ туземцевъ религіозному гоненію (стран. 632).

Основаніе вандальскаго государства въ Африкѣ. 431—439.

435,442.

Гунны и Восточная имперія.

Прошло болѣе половины вѣка, съ той поры, какъ Европа была встревожена появленіемъ гунновъ. Ихъ побѣдоносныя орды раздвинулись отъ Волги до Дуная, но изнуряли свои силы въ междоусобіяхъ: у нихъ было множество племенныхъ князей, ссорившихся между собою; храбрость ихъ тратилась на мелкіе набѣги, честь народа была отчасти унижаема поступленіемъ нѣкоторыхъ родоначальниковъ въ чужую службу. Только когда царь Ругила (или Руасъ), другъ римскаго полководца Аэція, перекочевалъ въ Паннонію и завязалъ хитрыя сношенія съ Константинополемъ и съ Равенной, гунны заняли положеніе, соотвѣствующее силѣ ихъ. Дѣлаясь то другомъ, то врагомъ того или другого изъ враждовавшихъ между собою императорскихъ дворовъ, царь гунновъ сталъ грознымъ повелителямъ надъ обоими. Ѳеодосій Младшій купилъ своей имперіи миръ постыднымъ договоромъ: онъ далъ царю воинственныхъ номадовъ, титулъ римскаго полководца и обязался ежегодно платить ему по 350 фунтовъ
433. золота. Племянники Ругилы, Аттила и Бледа, ставшіе по смерти его царями въ Панноніи, заставили восточнаго императора удвоить ежегодный платежъ и выдать имъ всѣхъ гунновъ, бѣжавшихъ въ имперію. Между ними находились молодые люди царскаго рода; они по приказанію Аттилы и Бледы были распяты на крестѣ еще въ предѣлахъ имперіи.

Аттила.

Послѣ этого униженія гунны оставили на нѣсколько времени Восточную имперію въ покоѣ. Аттила въ эти годы покорилъ большую часть народовъ Германіи и Скиѳіи. Нѣкоторые были прямо присоединены къ царству гунновъ, другіе — принуждены давать имъ дань и войско. Аттила, сынъ Мундзука, былъ и по виду и по характеру истинный сынъ того монгольскаго кочевого народа, описаніе котораго оставлено намъ Аммiаномъ Марцеллиномъ. Онъ былъ невысокаго роста, широкоплечій, у него была большая голова, темный цвѣтъ лица, плоскій носъ, очень мало волосъ на подбородкѣ; маленькіе глаза его смотрѣли такимъ пронзительнымъ взглядомъ, что всѣ приближавшіеся къ нему дрожали. Въ гордой походкѣ и повелительныхъ движеніяхъ его выражалось сознаніе силы. Онъ возбуждалъ такой ужасъ, что германцы дали ему прозваніе «Бичъ божій» (Godegisel); но страшный въ гнѣвѣ и безпощадный къ противникамъ, онъ былъ милостивъ къ смирявшимся передъ нимъ, и его правительственные таланты внушали довѣріе гуннамъ. Онъ былъ человѣкъ сильнаго ума и твердой воли. Ему принадлежалъ священный мечъ бога войны, найденный пастухомъ въ травѣ; потому гунны считали его предназначеннымъ владычествовать; его дѣйствія показываютъ что онъ былъ человѣкъ отважный въ своихъ замыслахъ; осуществленіе ихъ значительно облегчалось для него вѣрой гунновъ въ его божественное призваніе и непобѣдимость. Онъ постепенно соединилъ въ одно войско почти всѣ племена гунновъ, дѣйствовавшія прежде порознь

подъ начальствомъ своихъ танджу (племенныхъ князей); онъ предательски убилъ своего брата Бледу, человѣка менѣе свирѣпаго, чѣмъ
онъ; силой и коварствомъ онъ соединилъ скиѳскія и германскія пле- 445.
мена отъ Волги до Рейна въ одно громадное государство. Эти племена были очень различны по обычаямъ и языку, но всѣ повиновались гуннскому царю, давали ему дань и войско. Подъ знаменами Аттилы сражались остготы, гепиды, тюринги, герулы, туркилонги, ругійцы, булгары и жившіе за ними акациры (хазары). Много римлянъ и грековъ поступили на службу Аттилы и занимали у него высокія должности, потому что онъ умѣлъ цѣнить знанія образованныхъ людей.

Нашествіе на Восточную имперію. 441—442.

Безчисленныя конныя полчища гунновъ и подвластныхъ имъ народовъ прошли черезъ Арменію на Эвфратъ и Тигръ, ужаснули персовъ, прошли въ Сирію, привели въ трепетъ веселыхъ Антіохійцевъ и сирійскихъ монаховъ, а за тѣмъ вернулись въ Европу. Аттила нашелъ поводъ напасть на Восточную имперію и украсить добычей ея разрушенныхъ городовъ свой деревянный дворецъ на Тисѣ. Жалобы римскихъ купцовъ на то, что отрядъ гуннскихъ хищниковъ отнялъ у нихъ товары, привезенные ими на Дунай, повели къ ссорѣ между Аттилой и Ѳеодосіемъ. Хитрый Генсерихъ раздражалъ ссорящихся, чтобы византійскій императоръ не могъ мѣшать ему. Епископъ города Марга былъ обвиненъ гуннами въ злоумышленіяхъ противъ нихъ, ему грозила опасность, что византійцы выдадутъ его гуннамъ; онъ купилъ себѣ прощеніе Аттилы, вошедши въ предательскія сношенія съ нимъ, отворилъ гуннамъ ворота своего города, и они пріобрѣли опорный
пунктъ для своихъ набѣговъ. Они разрушили пограничныя укрѣпле- 441.
нія и безчисленныя полчища ихъ наводнили иллиро-ѳракійскій полуостровъ, ограбили и сожгли города отъ Сирмія до Наисса, Сардику, Маркіанополь, и доходили въ своихъ набѣгахъ до окрестностей Константинополя. Землятресеніе, разрушившее часть стѣны Византіи казалось проложившимъ для гунновъ путь въ нее. Войска, которыя посылалъ Ѳеодосій противъ грозныхъ номадовъ были въ трехъ битвахъ побѣждены многочисленностью враговъ. Тѣ греческіе воины, которые уцѣлѣли отъ копій и стрѣлъ, были приняты въ гуннское войско; безчисленное множество знатныхъ, образованныхъ и богатыхъ римлянъ было уведено въ плѣнъ; за выкупъ нѣкоторыхъ гунны получили огромныя суммы; другіе были принуждены служить варварамъ своими знаніями. Плѣнницы сдѣлались наложницами дикарей. Говорятъ, что въ этомъ ужасномъ нашествіи гунны ограбили и разрушили 70 городовъ. Только жители маленькаго ѳракійскаго города Азимунта успѣли отбиться отъ гунновъ геройской обороной своихъ стѣнъ. Чтобы спасти немногихъ людей, уцѣлѣвшихъ въ опу-
стошенныхъ областяхъ, Ѳеодосій заключилъ съ Аттилою миръ, по 447.
которому уступилъ гуннамъ южный берегъ Дуная отъ Сингидуна до Наисса, обязался вносить ежегодную дань въ 2.100 фунтовъ золота,

уплатить гуннамъ еще особое вознагражденіе, возвратить безъ выкупа всѣхъ плѣнныхъ и выдать дезертировъ. Казна имперіи была такъ истощена расточительностью двора и воровствомъ сановниковъ, что для уплаты дани гуннамъ надобно было установить особый налогъ на людей сенаторскаго сословія. Аттила отправлялъ нѣсколько посольствъ жаловаться на неисполненіе нѣкоторыхъ условій договора, въ особенности на то, что не всѣ дезертиры выданы; Ѳеодосій отправлялъ къ нему своихъ пословъ; восточному императору пришлось при этихъ переговорахъ молча выносить много обидъ.

Станъ Аттилы по описанію Приска. 448.

При одномъ изъ посольствъ императора находился ораторъ Прискъ, чей разсказъ представляетъ намъ точную картину резиденціи Аттилы, его обычаевъ и домашней жизни. Большая деревня, среди которой былъ построенъ деревянный дворецъ Аттилы, лежала въ мѣстности нынѣшняго города Токая, изобильной виномъ, и имѣла видъ обширнаго стана, изъ котораго и произошла. Дворецъ былъ окруженъ множествомъ жилищъ для женъ и прислуги царя. Дома были сдѣланы изъ дерева и глины; только баня, построенная римскимъ архитекторомъ, была каменная. Домашняя жизнь Аттилы представляла странную смѣсь монгольской грубости съ грекоримскими обычаями и наслажденіями. Во дворцѣ была роскошь императорскихъ дворцовъ константинопольскаго и равеннскаго; дома вельможъ были украшены вещами, взятыми въ греческихъ городахъ. Многочисленныя жены царя, родоначальники, полководцы, придворные жили въ роскошныхъ комнатахъ, убранныхъ дорогими коврами. На пирахъ столы были уставлены золотыми и серебряными блюдами, вазами и кубками. Сбруя лошадей, мечи и обувь вельможъ были украшены золотомъ и дорогими камнями. Только царь оставался вѣренъ простымъ обычаямъ предковъ: онъ ѣлъ и пилъ изъ деревянныхъ чашекъ, его пища, одежда и оружіе были такія, какъ у монгольскихъ номадовъ. Вообще по описанію Приска видно, что Аттила былъ необыкновенный человѣкъ; наглый дикарь, державшій себя высокомѣрно относительно изнѣженныхъ грековъ и римлянъ, но умѣвшій выказывать величіе, приличное царю. „Онъ живетъ просто и воздерженъ въ наслажденіяхъ“, говоритъ Прискъ, „приближенные больше уважаютъ, чѣмъ страшатся его. Женщины и дѣвушки встрѣчаютъ его хвалебными пѣснями. Тяжущіеся идутъ на судъ къ нему съ довѣріемъ и слышатъ отъ него справедливое рѣшеніе. Веселость его двора не шумна, потому что его душа занята великими мыслями. Присутствіе его поддерживаетъ приличіе въ обществѣ. Онъ не запрещаетъ своимъ приближеннымъ смѣяться и шутить, но велитъ на веселыхъ пирахъ пѣть съ музыкою пѣсни о подвигахъ предковъ, чтобы старики радостно припоминали, а юноши получали поощреніе соревновать отцамъ. Жены его живутъ дружно и свободно, и держатъ себя съ посторонними пристойно, не робко и привѣтливо. Старшимъ своимъ сыновьямъ онъ даетъ должное почетное положеніе, а младшаго ласкаетъ съ отцовской радостью на своихъ колѣнахъ. Съ иноземными послами онъ держитъ себя осторожно и недовѣрчиво, старается показать имъ силу своего ума и оружія; но соблюдаетъ законы международнаго права и никогда не нарушаетъ привѣтливой учтивости. И какъ ни суровъ онъ противъ непослушанія подвластныхъ ему, но выказалъ презрительное великодушіе къ злоумышленію противъ его жизни, составленному въ Константинополѣ“. Дѣло, о которомъ упоминаетъ Прискъ, было слѣдующее: Хрисафій эвнухъ, пользовавшійся

довѣріемъ императора, склонялъ обѣщаніями большой награды герула или ругійца Эдекона убить Аттилу. Эдеконъ поддался обольщенію; но раскаялся и открылъ все Аттилѣ. Гуннскій царь отправилъ въ Константинополь своихъ вельможъ Эслу и Ореста сдѣлать строгіе упреки императору за его низкій образъ мыслей и потребовать удовлетворенія. Аттила удовольствовался просьбой объ извиненіи и богатыми подарками, съ которыми императоръ отправилъ къ нему блестящее посольство, чтобы смягчить его гнѣвъ.

Пульхерія. (450—453). и Маркіанъ. (450—457).

Ѳеодосій недолго пережилъ это униженіе. Онъ умеръ отъ ушиба при паденіи съ лошади. Его сестра Пульхерія была (28 іюля 450 г.) провозглашена императрицей. Она велѣла, къ радости народа, казнить передъ городскими воротами злобнаго и алчнаго Хрисафія и, сложивъ съ себя монашескій обѣтъ, избрала себѣ мужемъ пожилого сенатора Маркіана (25 августа). Она вышла за него подъ условіемъ, что они будутъ мужемъ и женой только по имени. Онъ былъ человѣкъ честный, энергическій, доказалъ свою храбрость 20-лѣтней военной службой. Сдѣланный соправителемъ жены, онъ возстановилъ честь государства. Послы Аттилы, нагло требовавшіе уплаты дани, получили отъ Маркіана твердый отвѣтъ, что для друзей и союзниковъ у него есть подарки, а для дерзкихъ враговъ оружіе. Онъ энергически готовилъ войско, поправлялъ крѣпости. Это показывало, что онъ не сдѣлаетъ уступокъ. Его примѣръ ободрилъ и равеннскій дворъ, куда явились съ такимъ же высокомѣрнымъ требованіемъ послы Аттилы.

Аттила и Аэцій. 433.

Аттила полагалъ, что западная имперія будетъ еще покорнѣе ему, чѣмъ византійская. Аэцій, жившій изгнанникомъ у гунновъ и возвратившійся въ Италію съ ихъ войскомъ, былъ теперь главнокомандующимъ всѣхъ военныхъ силъ западной имперіи, имѣлъ титулы консула и патриція и былъ истиннымъ правителемъ государства. Валентиніанъ занимался только своими удовольствіями. Но честолюбіе было въ Аэціѣ сильнѣе благодарности. Красивый, сильный мужчина, гордый, славолюбивый, онъ былъ на войнѣ ловкій и крѣпкій боецъ, какими послѣ были рыцари, и могъ выносить всѣ труды походовъ, какъ простой воинъ; не имѣлъ равнаго себѣ въ искусствахъ верховой ѣзды, стрѣльбы изъ лука, бросанія дротика. Властолюбивый и жадный къ славѣ онъ не могъ терпѣть соперниковъ и не любилъ повиноваться. Той же враждою, жертвою которой сталъ Бонифацій, Аэцій преслѣдовалъ его зятя Себастіана, честнаго человѣка; Себастіанъ принужденъ былъ для спасенія жизни бѣжать къ вандаламъ. Аэцій имѣлъ 435.
благоразуміе оставлять пустой титулъ императора Валентиніану. Но держалъ его на престолѣ лишь потому, что управлялъ этимъ жалкимъ сластолюбцемъ, какъ хотѣлъ, и прикрываясь его именемъ, могъ пренебрегать всѣми интригами противниковъ, имѣлъ свободу распоряжаться государствомъ, какъ полководцы послѣднихъ временъ рес-

публики. Онъ пользовался своимъ владычествомъ со славою для имперіи. Въ тѣ годы, когда Аттила опустошалъ иллирійскія области и потомъ Ѳеодосій безчестилъ себя унизительными посольствами, Аэцій упрочилъ оружіемъ и договорами власть имперіи въ тѣхъ частяхъ
435—436. Галліи, которыя еще оставались за римлянами: онъ сдѣлалъ два побѣдоносные похода противъ бургундскаго короля Гундикара, смирилъ его и принудилъ сдѣлаться союзникомъ имперіи; потомъ, при помощи алеманновъ, онъ если не совершенно покорилъ, то сильно наказалъ жителей Аpeмopики, хотѣвшихъ быть независимыми, и усмирилъ мятежъ галльскихъ поселянъ, доведенныхъ до отчаянія притѣсненіями
437. римскихъ правителей: онъ разсѣялъ толпы ихъ, называвшіяся какъ
440. прежде багавдами и грабившія страну. Онъ поселилъ около Валенціи (Валанса) оставшихся въ Галліи алановъ и сформировалъ изъ нихъ преданный ему отрядъ конницы. Въ войнѣ съ вестготами ему не
437. удалась осада Нарбона, и одинъ изъ его помощниковъ, Литорій, былъ
439. разбитъ при Толозѣ; но онъ склонилъ ихъ на миръ, почетный для римлянъ, и вступилъ въ союзъ съ ихъ королемъ Теодорихомъ. Королемъ франковъ былъ тогда Клодіонъ. Аэцій неожиданно напалъ на нихъ, когда они пировали, и разбилъ ихъ на берегу Соммы. Съ вандалами онъ заключилъ два договора, и они не нападали на владѣнія
435, 442. оставшіяся у римлянъ. Онъ кончилъ всѣ эти дѣла, когда высокомѣрныя требованія Аттилы дали ему случай явиться спасителемъ Западной Европы отъ грознаго могущества монголовъ. Онъ рѣшился на войну съ племянникомъ того гуннскаго царя, у котораго нашелъ себѣ прибѣжище въ изгнаніи. Онъ жилъ тогда въ одномъ станѣ съ Аттилой и до сихъ поръ усердно старался оставаться въ дружескихъ отношеніяхъ къ нему.

Аттила рѣшаетъ идти въ Галлію. 450.

Когда Маркіанъ далъ твердый отвѣтъ гуннскимъ посламъ, Аттила сталъ раздумывать, идти ли ему снова на Византійскую имперію или сдѣлать нашествіе на области западной имперіи. Онъ требовалъ, чтобъ ему дали въ жены Гонорію и въ приданое за ней отдали часть государства. Одинъ изъ франкскихъ князей, прогнанный изъ отечества, бѣжалъ къ нему и просилъ помощи; Гейсерихъ, видѣвшій опасность себѣ въ союзѣ тяжело оскорбленнаго имъ вестготскаго короля съ Аэціемъ, отправлялъ къ Аттилѣ пословъ съ подарками и обѣщаніями, и раздражалъ его противъ римлянъ и вестготовъ; всѣ эти мотивы рѣшили дѣло. Аттила сталъ готовиться къ походу на западъ; онъ пытался поссорить римлянъ съ вестготами, это не удалось ему, и онъ пошелъ на Рейнъ.

Гонорія.

1. Романтическое преданіе связываетъ походъ Аттилы въ Галлію съ судьбою Гоноріи, сестры Валентиніана. Онъ говоритъ: было рѣшено, что Гонорія останется на вѣкъ дѣвушкой, чтобъ у императора не было зятя, который могъ бы сдѣлаться соперникомъ ему. Гоноріи былъ данъ санъ Августы; но молодой дѣвушкѣ была нужна любовь; она вступила въ связь

съ однимъ изъ своихъ придворныхъ, Евгеніемъ; въ наказаніе за это отправили ее въ одинъ изъ константинопольскихъ монастырей. Она была очень раздражена, хотѣла отмстить, послала съ вѣрнымъ эвнухомъ кольцо Аттилѣ и просила его потребовать, чтобы прислали ему ее, его невѣсту, тайно обручившуюся съ нимъ. Аттила не тотчасъ исполнилъ ея просьбу. Любви ея было мало ему; только когда рѣшился онъ ограбить римскую имперію, онъ отправилъ къ равеннскому двору посольство съ требованіемъ выдать за него Гонорію. Ему отвѣчали рѣшительнымъ отказомъ. Гонорія была привезена изъ Константинополя въ Равенну, повѣнчана съ однимъ изъ мелкихъ придворныхъ и навѣки заперта въ темницу.

2. По смерти Клодіона, царствовавшаго 20 лѣтъ, франкское королевство, Раздоры между франками.
простиравшееся отъ нижняго Рейна до Соммы подверглось раздорамъ: сыновья Клодіона перессорились; ихъ было двое. Младшій, Меровей, ставшій королемъ западныхъ (саллійскихъ) франковъ, поѣхалъ въ Италію и вернулся оттуда союзникомъ Валентиніана, получивъ богатые подарки и обѣщаніе помощи. Старшій, царствовавшій надъ восточными (рипуарскими) франками, заключилъ союзъ съ Аттилой и звалъ его на помощь себѣ.

3. Послѣ побѣды при Толозѣ вестготы, взявшіе тутъ въ плѣнъ храбраго, Гензерихъ и Теодорихъ вестготскій.
но опрометчиваго Литорія, удержали за собой Аквитанію. У Теодориха было шесть сыновей, прекрасно владѣвшихъ оружіемъ и съ тѣмъ вмѣстѣ получившихъ римское образованіе, учившихся реторикѣ и юриспруденціи въ галльскихъ школахъ. Кромѣ сыновей было у него двѣ дочери; одну изъ нихъ онъ отдалъ за старшаго сына свевскаго короля, другую за старшаго сына вандальскаго короля. Судьба ихъ обѣихъ была несчастна. Сынъ свевскаго короля, бывшій зятемъ Теодориха, былъ убитъ своимъ братомъ. Ту дочь Теодориха, которая вышла за сына Гензериха, этотъ подозрительный злодѣй обвинилъ въ умыслѣ на его жизнь, изуродовалъ ее и отослалъ къ отцу. Вѣроятно Теодорихъ при помощи Аэція отмстилъ бы Гензериху за свою дочь, если бы хитрый тираннъ не склонилъ гунновъ ко вторженію въ Галлію.

Въ 450 году Аттила собралъ всѣ войска гунновъ и подвластныхъ Нашествіе Аттилы на Галлію. 450.
имъ народовъ и двинулся съ этими полчищами изъ Паннопіи на завоеваніе Западной имперіи. Болѣе 500,000 свирѣпыхъ воиновъ шли черезъ Норикъ (эрцгерцогство австрійское), Винделицію (Баварію) и Алеманнію къ Рейну, опустошая все на пути и вынуждая присоединяться къ своему войску тѣхъ мужчинъ, которыхъ не убивали; при устьѣ Некара они перешли Рейнъ по мосту, наведенному на лодкахъ, и въ битвѣ близъ Вормса разбили бургундовъ; бургундскій король Гундикаръ (въ позднѣйшихъ преданіяхъ Гунтеръ) и большинство воиновъ его были убиты; остальныхъ бургундовъ гунны взяли въ свое войско. Бургундское королевство погибло, и много вѣковъ хранились въ пѣсняхъ воспоминанія о его погибели *). Гдѣ ступало

*) Бургундское королевство было разрушено гуннами, и Гундикаръ былъ убитъ, — это должно считать историческимъ фактомъ. Но мы не знаемъ достовѣрнымъ образомъ, когда это было: при нашествіи ли Аттилы на Галлію или при какомъ нибудь другомъ болѣе раннемъ нападеніи гунновъ. Вайцъ полагаетъ, что это было до нашествія Аттилы. Въ своихъ Forschungen zur deutschen Geschichte онъ говоритъ: «Въ 437 году король

копыто коня Аттилы, тамъ не выростала трава, говорили народы того времени. Гунны разрушили римскіе города на Рейнѣ и въ Галліи, опустошили всю страну до Луары. Жители селеній бѣжали въ укрѣпленные города или въ горы и лѣса, и дрались тамъ съ хищными животными изъ-за пещеръ. Жители приморья и рѣкъ сажали свои семейства и клали свое имущество на лодки и плыли далеко отъ родныхъ мѣстъ. Гунны разрушили Триръ, Аррасъ, Мецъ, другіе города. Въ Мецѣ они зарѣзали на престолахъ церквей священниковъ и новокрещенныхъ дѣтей и зажгли городъ. Мѣсто, гдѣ стоялъ онъ, было замѣтно лишь по одной построенной послѣ того часовнѣ. При Антиссіодурѣ (Осеррѣ) они перешли Іонну, подступили къ стѣнамъ Генаба (Орлеана); этотъ городъ геройски оборонялся; епископъ Аніанъ ободрялъ жителей; но уже близко было время паденія стѣнъ города, защитники которыхъ давно голодали. Они были спасены приближеніемъ Аэція и Теодориха. Аэцій перешелъ черезъ Альпы съ небольшимъ войскомъ: римляне боялись войны; но ему удалось разорвать сѣти коварной политики Аттилы: онъ убѣдилъ колебавшихся вестготовъ присоединиться къ нему, доказавъ имъ, что и для нихъ опасность такъ же велика, какъ для галловъ и римлянъ (стр. 669). Когда приблизились римляне, варвары, нанятые Аэціемъ, и вестготы, Аттила снялъ осаду и отступилъ за Сену и Марну. Аэцій и вестготы пошли за нимъ; къ нимъ присоединились уцѣлѣвшіе бургунды, франки Меровея (Мервиха), часть алеманновъ, жившихъ на северномъ берегу Боденскаго озера, отряды жителей Арεморики, саксовъ, сарматовъ (т. е. Алановъ), и бріоновъ (или бревновъ) жившихъ въ Реціи (Тиролѣ). Аттила ожидалъ своихъ

Битва на Каталаунскомъ полѣ 451.

противниковъ на обширной Каталаунской равнинѣ. Въ его несмѣтномъ войскѣ были, кромѣ гунновъ, бастарновъ, скировъ, остготы, гепиды, герулы, ругійцы, алеманны, часть франковъ, часть бургундовъ и тюринговъ, были другія германскія племена. Близъ Шалона на Марнѣ войска сошлись и произошла страшно кровопролитная битва, долго остававшаяся не рѣшительной и кончившаяся пораженіемъ Аттилы.

Аттила съ гуннами стоялъ въ центрѣ; лѣвое и правое крылья составляли германцы и кельты. Противъ гунновъ стоялъ аланскій царь Сангибанъ, ненадежный союзникъ Аэція, вступавшій въ тайныя сношенія съ Аттилой во время осады Орлеана. Аэцій поставилъ его въ срединѣ своей боевой линіи собственно для того, чтобы легче наблюдать за нимъ; на правомъ крылѣ стоялъ Теодорихъ противъ своихъ соплеменниковъ остготовъ и гепидовъ; на лѣвомъ Аэцій съ римскимъ войскомъ.

бургундскій Гундакаръ, царствовавшій на лѣвомъ берегу Рейна и резиденціею своей имѣвшій городъ Вормсъ, погибъ съ очень многими своими воинами при нападеніи гунновъ, — вѣроятно тѣхъ, которые грабили тогда Галлію. Уцѣлѣвшіе бургунды переселились черезъ 6 лѣтъ послѣ того въ Сабавдію (Савойю); тамъ королемъ ихъ былъ Гундіохъ, предокъ новой бургундской династіи. Столицею его была вѣроятно Женева. При паденіи римской имперіи, бургунды покорили юговосточную Галлію».

Вожди обоихъ войскъ ободряли ихъ рѣчами. Аттила далъ знакъ гуннамъ идти въ бой; они быстро опрокинули стоявшихъ въ центрѣ и не усердно сражавшихся алановъ, и бросились всею своею массою на вестготовъ; Теодорихъ объѣзжалъ ряды, одушевляя своихъ воиновъ биться храбро; одинъ изъ остготскихъ вельможъ нанесъ ему ударъ копьемъ; онъ упалъ съ лошади и былъ растоптанъ своей собственной конницей. Но его храбрый сынъ Торисмундъ, стоявшій на горѣ, ринулся въ бой, возстановилъ порядокъ, вестготы воспламенились мщеніемъ; Торисмундъ повелъ ихъ на гунновъ, которые прошли далеко впередъ отъ крыльевъ своего войска; флангъ ихъ былъ открытъ и Торисмундъ, напавшій на нихъ сбоку, опрокинулъ ихъ. Этимъ была рѣшена побѣда; Аттила, сражавшійся геройски, отступилъ при началѣ ночи съ поля битвы въ свой станъ, оградою котораго были поставленныя кольцомъ телѣги. Аэцій и Торисмундъ, соединившіеся ночью, напали на станъ гунновъ, но Аттила отразилъ ихъ. Онъ велѣлъ сложить сѣдла убитыхъ лошадей въ груду, чтобы зажечь этотъ костеръ и броситься въ пламя, если непріятели прорвутся черезъ кольцо телѣгъ. Но храбрый Торисмундъ при нападеніи на нихъ упалъ съ лошади. Это спасло гунновъ отъ полнаго пораженія. Вестготы, провозгласившіе на полѣ битвы Торисмунда преемникомъ убитаго отца, отступили въ свой станъ. Они нашли тѣло

Торисмундъ. 451—453.

Теодориха подъ кучею труповъ и, съ горячими слезами и пѣснями побѣды, торжественно похоронили его на полѣ битвы въ виду непріятеля. Торисмундъ хотѣлъ довершить побѣду новымъ нападеніемъ на станъ Аттилы. Но было видно, что гунны сохранили мужество. Притомъ Аэцій опасался, что если они будутъ истреблены, то вестготы слишкомъ возгордятся и станутъ слишкомъ сильны, сдѣлаются слишкомъ опасными врагами имперіи. Потому онъ удержалъ Торисмунда отъ новаго нападенія на гунновъ, сталъ говорить ему, что онъ долженъ принять мѣры противъ злоумышленія своихъ братьевъ, остававшихся дома. Они могутъ овладѣть сокровищами, находящимися въ Толозѣ и поднять мятежъ, говорилъ Аэцій Торисмунду; послушавшись его, Торисмундъ пошелъ къ Толозѣ. По его отступленіи ушелъ съ полѣ битвы и Аэцій. Такова была великая битва на Каталаунскомъ полѣ. Говорятъ, что на широкомъ его пространствѣ легло 162,000 воиновъ; огромное большинство ихъ были гунны. Въ народѣ долго сохранялось преданіе, что души убитыхъ, не примирившись и по смерти, три дня сражались въ воздухѣ. Эта легенда показываетъ, какое могущественное впечатлѣніе на фантазію современниковъ произвела отчаянная борьба западныхъ народовъ съ полчищами Аттилы.

Онъ былъ ослабленъ громадною потерею своихъ воиновъ; а франки, разложивъ кругомъ многочисленные сторожевые огни, заставили его полагать, что всѣ войска, побѣдившія его, еще остаются тутъ и хотятъ возобновить нападеніе; потому онъ рѣшился отступить. Опустошая все на пути, гунны вернулись въ Паннонію. Тюринги, служившіе Аттилѣ, свирѣпо убивали плѣнныхъ франковъ и ихъ заложниковъ; это произвело во франкахъ такую ненависть къ тюрингамъ, что черезъ 80 лѣтъ сыновья Хлодвига, истребляя тюринговъ, оправдывали себя жестокостью ихъ къ франкамъ при Аттилѣ.

Вторженіе Аттилы въ Сѣверную Италію. 452.

Каталаунская битва не уничтожила могущество Аттилы и не заставила его отказаться отъ мысли о завоеваніяхъ. Онъ снова потребовалъ руки Гоноріи и того, чтобы въ приданое ей была дана часть западной имперіи. Снова получивъ отказъ, онъ слѣдующей весной прорвался черезъ проходы Юлійскихъ Альпъ, остававшіеся почти беззащитными, и пошелъ по Сѣверной Италіи. Аквилея, многолюдный приморскій городъ, сильно укрѣпленный, долго противилась нападеніямъ гунновъ, благодаря храбрости готскаго гарнизона и выгодному для обороны положенію; наконецъ отчаяннымъ приступомъ гунны взяли городъ. Тѣ жители, которые успѣли бѣжать отъ меча варваровъ, нашли пріютъ себѣ на скалахъ и песчаныхъ островахъ сосѣднихъ съ Аквилеею лагунъ. Изъ этихъ бѣдныхъ поселеній выросла съ теченіемъ времени великолѣпная Венеція. Гунны разрушили до основанія Аквилею, такъ что черезъ сто лѣтъ едва были видны слѣды существованія этого богатаго города. Въ Аквилеѣ было взято много добычи, но гуннамъ было мало ея. Аттила отдалъ на разграбленіе своимъ дикарямъ сосѣдніе приморскіе города Конкордію, Альтинъ и города долины По, Патавій, Виценцію, Верону, побѣдоносно вступилъ въ Миланъ и Павію, граждане которыхъ отдали свои сокровища за пощаду жизни и домовъ. Гунны ограбили, залили кровью всю долину По. Ни галлы, ни византійскій дворъ не присылали помощи Аэцію, а у него не было столько войска, чтобы вступать въ битвы съ Аттилой, онъ принужденъ былъ ограничиваться тѣмъ, чтобы по возможности затруднять движенія гунновъ. Валентиніанъ, не считая себя безопаснымъ въ Равеннѣ, уѣхалъ въ Римъ и думалъ покинуть Италію, если гунны подойдутъ къ его убѣжищу.

Смерть Аттилы 453.

Аттила, раскинувшій свой станъ на прекрасныхъ лугахъ по берегу Гардскаго озера и рѣки Минчіо, готовился идти на Римъ. Но къ нему пріѣхало посольство, главными лицами въ которомъ были римскій епископъ Левъ Великій и краснорѣчивый сенаторъ Авіэнъ, искусный дипломатъ. Своими просьбами и ловкими разъясненіями трудностей похода на Римъ послы склонили Аттилу удовлетвориться громаднымъ выкупомъ, заключить съ Валентиніаномъ миръ и удалиться изъ Италіи. Вѣроятно Аттилѣ показалось опаснымъ долго оставаться въ Италіи: въ его войскѣ появилась эпидемическая болѣзнь отъ непривычныхъ

наслажденій на богатомъ югѣ, а энергическій Маркіанъ готовился къ походу на гунновъ. Аттила былъ человѣкъ умный и могъ понять, что оставшись въ Италіи погибнетъ. Итальянцы въ восторгѣ приписывали свое неожиданное спасеніе чуду: они говорили, что Аттила увидѣлъ подлѣ папы апостола Петра, угрожающаго ему мечомъ, и что собственно это явленіе принудило отступить «опустошителя Италіи». Вскорѣ по возвращеніи въ свою паннонскую резиденцію великій завоеватель умеръ. Онъ блистательно праздновалъ свбю женитьбу на красивой бургундкѣ Ильдико; по окончаніи свадебнаго пира онъ удалился съ Ильдико въ спальню. Утромъ спальня не отворялась; онъ не выходилъ, нѣкоторые изъ приближенныхъ вошли въ комнату, они увидѣли, что дрожащая новобрачная сидитъ у постели обернувъ лицо покрываломъ, а царь лежитъ мертвый. Быть можетъ, онъ умеръ отъ аневризма; быть можетъ, бургундка убила его спящаго, чтобъ отомстить за свой народъ. Тѣло его было поставлено на равнинѣ. Избранные отряды гунновъ ходили кругомъ гроба и пѣли похоронныя пѣсни въ память героя, «славнаго при жизни, непобѣдимаго въ смерти, отца своему народу, бича врагамъ, ужаса вселенной». Военачальники отрѣзали себѣ часть волосъ и наносили себѣ раны въ лицо на похоронахъ. Тѣло царя, положенное въ три гроба: золотой, серебряный и желѣзный, съ массою сокровищъ было въ полночь опущено въ могилу; плѣнники, вырывшіе и закопавшіе ее, были убиты, чтобы никто не зналъ гдѣ покоится прахъ Аттилы и не могъ потревожить его. Около свѣжей могилы царя, гунны сѣли пировать въ честь его. По ночному небу проносится иногда метеоръ, затмѣвающій блескомъ своимъ звѣзды и быстро угасаетъ, не оставляя по себѣ никакихъ слѣдовъ; съ изумленіемъ смотрятъ на него люди и долго говорятъ о немъ: такъ могущество Аттилы мгновенно обратилось въ ничто, и не осталось слѣда отъ него на землѣ; но въ преданіяхъ и пѣсняхъ долго звучало его имя, и слава его сохранилась въ римскихъ лѣтописяхъ и въ нѣмецкомъ эпосѣ. Въ ту ночь, какъ умеръ Аттила, Маркіанъ видѣлъ во снѣ, что лукъ гуннскаго царя сломался; вѣроятно, не въ первый разъ видѣлъ Маркіанъ во снѣ Аттилу, потому что днемъ приходилось ему слишкомъ много думать о страшномъ варварѣ.

Распаденіе гуннскаго царства.

По смерти Аттилы основанное имъ громадное гуннское царство рушилось. Военачальники покоренныхъ племенъ и многочисленные сыновья Аттилы бились между собою; гениды подъ начальствомъ отважнаго Ардариха, остготы подъ предводительствомъ трехъ храбрыхъ братьевъ Валамера, Теодемера, Видемера, возстали противъ гунновъ. На рѣкѣ Нетадѣ въ Панноніи произошла рѣшительная битва; старшій и наиболѣе храбрый сынъ Аттилы Эллакъ палъ въ ней, гунны были разбиты; германскіе и скиѳскіе народы, которыхъ соединилъ подъ своей властью Аттила, снова пріобрѣли независимость.

Страну отъ Карпатъ до Чернаго моря, которую римляне называли Дакіей и въ которой была резиденція Аттилы, заняли гепиды; завоеваніями Аттилы въ Панноніи отъ Вѣны до Сирмія овладѣли остготы; на западѣ отъ нихъ поселились ругійцы, герулы, скиры, туркилинги. На сѣверо-западъ отъ гепидовъ въ Моравіи и Силезіи жили лангобарды, имѣвшіе особыхъ королей, но находившіеся подъ властью гепидовъ, болѣе могущественныхъ, чѣмъ они. Братъ Эллака, буйный Денгисихъ, держался нѣсколько времени на берегахъ Дуная, но тѣснимый многочисленными врагами, окружившими обведенный телѣгами станъ его, онъ бросился въ отчаяніи на земли Византійской имперіи; былъ побѣжденъ и убитъ. Голова его была выставлена на зрѣлище народу въ Константинопольскомъ гипподромѣ. Младшій сынъ Аттилы Ирнакъ, любимецъ отца, ушелъ съ остатками гуннскихъ ордъ въ приволжскія степи; тамъ гунны затерялись между другими кочевыми племенами: булгарами, аварами, хазарами.

---

3. Погибель Западной римской имперіи.

Смерть Аэція и Валентиніана

Западная римская имперія не получила никакой пользы отъ смерти могущественнаго врага. Она неудержимо клонилась къ погибели. Валентиніанъ по смерти своей матери Плацидіи (27 ноября 450) подпалъ подъ вліяніе злого и завистливаго эвнуха Гераклія; императоръ

454.

завидовалъ славѣ и могуществу Аэція, досадовалъ на его гордость, раздражался его правдивыми словами, и при разговорѣ съ нимъ во дворцѣ убилъ его своей рукой. Друзья гордаго патриція были истреблены. Онъ былъ послѣднею опорой государства; и, по выраженію одного изъ писателей того времени, императоръ, убивъ его, поступилъ подобно тому, какъ если бы человѣкъ лѣвой рукой отрубилъ себѣ правую. Валентиніанъ былъ развратникъ; вскорѣ послѣ убійства Аэція онъ обманомъ завлекъ въ свой римскій дворецъ и изнасиловалъ красивую и скромную жену Петронія Максима, богатаго и знатнаго сенатора, принадлежавшаго къ фамиліи Аниціевъ. Оскорбленный мужъ подговорилъ двухъ преданныхъ слугъ Аэція, ненавидѣвшихъ его убійцу, отмстить за ихъ господина. Вскорѣ послѣ того,

16 марта 455.

когда Валентиніанъ смотрѣлъ на ученье войскъ на Марсовомъ полѣ, они бросились на него, убили его и Гераклія передъ глазами многочисленной свиты; изъ которой никто не захотѣлъ мѣшать имъ. Валентиніанъ III былъ послѣдній императоръ изъ династіи Өеодосія. Онъ былъ человѣкъ, преданный пошлымъ страстямъ, не имѣвшій ни одного хорошаго качества. Даже тѣ набожные писатели, которые хвалятъ его преданность римскому епископу, говорятъ, что онъ огорчалъ благочестивыхъ людей своею вѣрою въ чародѣйство.

Петроній Максимъ. 455.

Сенатъ и народъ римскій единодушно провозгласили императоромъ Петронія Максима. Но день его восшествія на престолъ былъ послѣднимъ днемъ его счастія. Прежде онъ занималъ завидное положеніе въ обществѣ: богатый, образованный, уважаемый за честность, онъ былъ окруженъ множествомъ друзей; его жизнь была прекрасна. Но сдѣлавшись государемъ, онъ уже не имѣлъ ничего, кромѣ заботъ, тревогъ, огорченій, и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ погибъ. Его жена умерла вскорѣ послѣ оскорбленія, нанесеннаго ей Валентиніа-

Евдоксія.

номъ. Максимъ хотѣлъ жениться на вдовѣ императора, Евдоксіи. Она, гордясь своимъ происхожденіемъ, отвергала бракъ съ человѣкомъ, который, какъ она сначала догадывалась, а потомъ услышала отъ него самого, былъ убійцей ея мужа. Она хотѣла отмстить Максиму и, какъ говорятъ, сама пригласила Генсериха напасть на Римъ. Генсерихъ во время опустошенія Италіи гуннами овладѣлъ прекраснымъ и плодоноснымъ прибрежьемъ Африки, отъ Тангера до Триполя. Его корабли грабили Сицилію, Сардинію и Балеарскіе острова; не пропуская хлѣба въ Италію, онъ мучилъ ее голодомъ. Теперь онъ съ радостью послѣдовалъ призыву, который давалъ ему возможность прикрыть свое грабительское нападеніе названіемъ похода для защиты угнетенной императрицы, говорить о своей сострадательности, своемъ великодушіи. Онъ пришелъ съ большимъ флотомъ къ устью Тибра, высадился на берегъ въ Остіи и повелъ войско на Римъ. Мак-

Вандалы въ Римѣ.

симъ хотѣлъ бѣжать, но взволновавшійся народъ убилъ его на улицѣ и бросилъ его тѣло въ Тибръ (12 іюня 455). Генсерихъ подступилъ къ воротамъ безпомощнаго Рима. Епископъ Левъ пошелъ съ духовенствомъ на встрѣчу варвару, но не произвелъ своими мольбами такого впечатлѣнія на Генсериха, какъ прежде на Аттилу. Король вандаловъ обѣщалъ пощадить церкви и безоружныхъ жителей, но далъ своимъ буйнымъ воинамъ позволеніе двѣ недѣли грабить

15—29 іюня.

городъ. Со времени взятія Рима готами прошло 45 лѣтъ; благодаря миру и уменьшенію податей, Римъ въ эти годы оправился и снова былъ теперь довольно богатымъ городомъ. Все, что уцѣлѣло изъ прежнихъ сокровищъ или было въ послѣднее время перевезено богачами изъ ихъ загородныхъ домовъ и далекихъ имѣній въ городъ, стало добычей вандаловъ и алановъ. Буйство, съ какимъ эти варвары грабили или ломали превосходнѣйшія произведенія древняго искусства, врѣзалось въ памяти людей такъ глубоко, что слово вандализмъ стало обозначеніемъ грубаго уродованія памятниковъ искусства. Бронзовыя статуи боговъ и героевъ, позолоченныя черепицы кровли храма капитолійскаго, священные сосуды, привезенные римлянами изъ храма іерусалимскаго, богатыя украшенія христіанскихъ церквей, золотая и серебряная посуда, и другіе предметы роскоши, наполнявшіе дворцы богачей,—все прекрасное и дорогое было перевезено вандалами на корабли. Не довольствуясь этою добычей, Генсерихъ увелъ на корабли много тысячъ знатныхъ римлянъ и римлянокъ, въ томъ числѣ императрицу Евдоксію, вышедшую въ богатомъ

нарядѣ на встрѣчу своему освободителю, и ея дочерей Евдоксію и Плацидію,—послѣднихъ представительницъ династіи Ѳеодосія Великаго. Тяжело нагруженные сокровищами и плѣнными корабли Генсериха возвратились въ гавань его роскошной столицы. Епископъ карѳагенскій Деограцій утѣшалъ плѣнныхъ и по возможности помогалъ имъ: онъ продалъ золотую и серебряную утварь своей церкви и употребилъ деньги на выкупъ плѣнныхъ изъ рабства или на облегченіе страданій ихъ плѣна. Неаполь, Нола, Капуя и другіе города Кампаніи тоже были ограблены вандалами. Но это ужасное бѣдствіе произвело такъ мало впечатлѣнія на отупѣвшихъ, пошлыхъ жителей Рима, что вскорѣ по удаленіи Генсериха изъ Италіи они, не слушая увѣщаній епископа Льва, устроили игры въ циркѣ и съ полнымъ восторгомъ восхищались ими, а защиты себѣ отъ враговъ искали въ суевѣрныхъ обрядахъ язычества.

Авитъ. 455—456.

Генсерихъ оставилъ римлянъ распоряжаться какъ имъ угодно пустымъ титуломъ императора. Но Римъ уже не имѣлъ силы самъ избрать себѣ государя. Имперія все больше и больше подпадала подъ власть другихъ государствъ. Римскихъ императоровъ назначали то вестготы, бывшіе тогда самымъ сильнымъ народомъ въ Галліи, то византійскіе императоры, полагавшіе, что имѣютъ наслѣдственное право располагать судьбой Италіи. Въ то время какъ вандалы ограбили Римъ, жилъ въ своемъ великолѣпномъ сельскомъ дворцѣ близъ Клермона галльскій вельможа Флавій Авитъ, происходившій изъ племени арверновъ. Онъ славился какъ литераторъ, юристъ и воинъ и былъ осыпанъ почестями за военныя и дипломатическія заслуги въ правленіе Валентиніана и Максима. Вѣроятно есть много преувеличенія въ похвалахъ, какими превозноситъ таланты и добродѣтели Авита его зять Сидоній Аполлинарій; но фактомъ остается то, что Авитъ своимъ характеромъ и умомъ пріобрѣлъ дружбу вестготскаго короля Теодориха II, который взошедши на престолъ черезъ трупъ своего брата Торисмунда (стр. 671), заставилъ вестготовъ забыть объ этомъ злодѣйствѣ, давъ блескъ своему правленію. По рекомендаціи вестготскаго короля Авитъ былъ на собраніи римлянъ въ Арелатѣ выбранъ императоромъ; Маркіанъ и римскій сенатъ послѣ нѣкотораго колебанія признали его въ этомъ санѣ. (15 августа).

Теодорихъ II вестготскій. 453—466.

10 іюля 455 г.

Рицимеръ умеръ въ 472.

Но престолъ доставилъ Авиту такъ же мало счастія какъ его предмѣстнику. Покровитель его Теодорихъ велъ отъ его имени войну въ Испаніи со свевами, взялъ въ плѣнъ и казнилъ ихъ короля Рехіарія и покоривъ ихъ наложилъ на нихъ суровое иго. Пока онъ велъ эту войну, Авитъ былъ низвергнутъ главнокомандующимъ находившимся на римской службѣ варваровъ, Рицимеромъ, человѣкомъ храбрымъ, хитрымъ и свирѣпымъ. По отцу Рицимеръ былъ свевъ, по матери внукъ вестготскаго короля Валліи. Истребивъ флотъ вандаловъ у Корсики, онъ пріобрѣлъ себѣ названіе «освободителя Италіи». На мѣсто Авита

онъ назначилъ императоромъ Майоріана, храбраго воина, о которомъ Прокопій говоритъ, что онъ былъ милостивъ къ подчиненнымъ и страшенъ врагамъ. Авита Рицимеръ хотѣлъ назначить епископомъ города Плаценціи; но сенатъ осудилъ его на смерть; онъ бѣжалъ въ Галлію и нашелъ тамъ себѣ только могилу у ногъ святого Юліана, своего покровителя.

16 октября 456.

1 апрѣля 457.

Майоріанъ. 456—461.

Майоріанъ и въ императорскомъ санѣ сохранилъ мужество и дарованія, которыя пріобрѣли ему милость Аэція, а потомъ возбудили зависть въ этомъ полководцѣ, въ послѣдніе годы своей жизни преслѣдовавшемъ его. До насъ дошло мало извѣстій о правленіи Майоріана, продолжавшемся четыре года. Но мы знаемъ, что онъ хотѣлъ улучшеніемъ законовъ возстановить благоденствіе государства, заботился о правосудіи, старался оживить самостоятельное управленіе городовъ; онъ писалъ сенату, что проситъ его совѣтовъ и содѣйствія въ заботахъ о благосостояніи народа; это показываетъ, что онъ понималъ причины упадка государства и полагалъ, что гибель можетъ быть отвращена только соединенными усиліями всѣхъ разумныхъ и патріотичныхъ гражданъ.

458.

Майоріанъ объявилъ полную амнистію, простилъ всѣ недоимки и долги частныхъ людей государству, старался прекратить притѣсненія и поборы правителей и сборщиковъ налоговъ, вообще хотѣлъ облегчить положеніе изнемогавшаго народа. Онъ повелѣлъ возстановить въ городахъ муниципальное управленіе, убѣждалъ честныхъ гражданъ выбирать добросовѣстныхъ и умныхъ защитниковъ (defensores), которые имѣли бы мужество защищать право своихъ городовъ, охранять бѣдныхъ и слабыхъ отъ угнетенія, извѣщать императора о несправедливостяхъ, производимыхъ правителями отъ его имени. Онъ внимательно заботился о сохраненіи древнихъ зданій и памятниковъ, которые отъ равнодушія и корыстолюбія мѣстныхъ жителей страдали еще больше, чѣмъ отъ ярости готовъ и вандаловъ; онъ подъ строгимъ наказаніемъ запретилъ разрушать ихъ или употреблять на частныя надобности безъ разрѣшенія императора и сената. Онъ издавалъ законы для охраненія чистоты брачной жизни, старался противодѣйствовать возроставшему отвращенію людей отъ женитьбы; разумѣется впрочемъ, что эти благонамѣренные законы честнаго государя оставались безсильны.

Походъ Майоріана въ Испанію. 458—460.

Съ такимъ же усердіемъ Майоріанъ заботился о внѣшней безопасности государства. Онъ пошелъ въ Галлію съ большимъ войскомъ, состоявшимъ отчасти изъ жителей имперіи, отчасти изъ варваровъ, которыхъ набралъ онъ на службу между самыми храбрыми народами Нижняго Дуная, освободившимися отъ владычества гунновъ. Онъ самъ шелъ съ войскомъ зимою черезъ Альпы пѣшій въ полномъ вооруженіи. Подъ Арелатомъ онъ смирилъ своимъ оружіемъ гордость Теодориха. Король вестготовъ заключилъ союзъ съ нимъ, и онъ пошелъ черезъ Пиренеи въ Испанію чтобы снарядить тамъ экспедицію противъ вандаловъ, которыхъ корабли уже много лѣтъ безнаказанно

грабили берега Италіи, Сициліи, Галліи, Испаніи, мѣшали торговлѣ и промышленности приморскихъ городовъ. Энергія и благородныя качества императора внушали подданнымъ довѣріе къ нему, иноземцамъ уваженіе. Толпы мятежниковъ, называвшіяся багавдами, покорились его повелѣніямъ, а жители приморскихъ городовъ и селеній усердно помогали ему сформировать флотъ. Скоро въ обширной гавани Картахены собралось 300 большихъ и мелкихъ кораблей. Генсерихъ испугался этихъ приготовленій къ переправѣ въ Африку и вступилъ съ Майоріаномъ въ переговоры о мирѣ. При смертельной ненависти туземцевъ вандальскаго царства противъ аріанъ-вандаловъ и въ частности противъ тиранна, раззорившаго и поработившаго страну, высадка римскаго войска на африканскій берегъ легко могла разрушить владычество вандаловъ. Майоріанъ не вѣрилъ коварному Генсериху и разорвалъ переговоры съ нимъ. Императоръ очень остерегался умысловъ Генсериха, но хитрецъ нашелъ пути склонить къ измѣнѣ нѣсколькихъ негодяевъ, находившихся въ свитѣ императора. Получивъ отъ нихъ тайныя свѣдѣнія, онъ напалъ на римскій
460. флотъ въ Картахенской гавани, въ такое время, когда не ждали нападенія, сжегъ много кораблей, потопилъ и увелъ много другихъ, и однимъ ударомъ уничтожилъ результаты трехлѣтнихъ приготовленій къ экспедиціи. Но всетаки онъ заключилъ миръ, по которому обѣщался не нападать на Италію; это показываетъ, что онъ боялся и побѣжденнаго императора. Погибель флота послужила для недовольныхъ реформами Майоріана благовиднымъ предлогомъ убить его. Этихъ недовольныхъ было много. Рицимеръ уважалъ и ненавидѣлъ Майоріана. По его интригамъ на обратномъ пути изъ Испаніи въ Римъ составился въ войскѣ заговоръ противъ императора, и близъ
7 августа 461. Тортосы Майоріанъ былъ убитъ. Надъ его могилою не было поставлено великолѣпнаго памятника, однакожъ она стала предметомъ уваженія слѣдующихъ поколѣній, вспоминавшихъ о немъ съ благодарностью. Майоріанъ былъ человѣкъ серьезнаго и сдержаннаго характера, но любилъ откровенность и веселость въ простомъ разговорѣ.

Либій Северъ. 461—465. Вся власть была теперь въ рукахъ Рицимера, но онъ опасался, что еслибъ онъ, варваръ, сталъ управлять государствомъ отъ своего имени, это раздражило бы римлянъ еще сохранявшихъ нѣкоторый остатокъ національной гордости; потому онъ далъ титулъ императора Либію Северу, человѣку слабаго характера, который продолжалъ жить безъ всякаго вліянія на дѣла, какъ жилъ прежде, между тѣмъ какъ Рицимеръ по произволу распоряжался всѣмъ въ государствѣ, прикрываясь его именемъ; Либій Северъ былъ такъ ничтоженъ, что его смерть была едва замѣчена, и Рицимеръ два года пра-
Августъ 465—467. вилъ не назначая новаго императора. Наконецъ обстоятельства сдѣлались такъ опасны, что онъ разсудилъ снова прикрыть свое владычество именемъ человѣка, называющагося императоромъ.

Правленіе Марцеллина въ Далмаціи. Въ это время римская имперія ужь ограничивалась Италіею. Далмаціею правилъ совершенно независимо храбрый Марцеллинъ, сподвижникъ Аэція, расположенный въ язычеству, опытный въ искусствѣ языческихъ гаданій, но образованный человѣкъ, любившій литературу. Въ той части Галліи, которая еще не была занята варварами, дѣйствовалъ съ такою же независимостью храбрый военачальникъ Эгидій. Оба они распоряжались всѣмъ и защищали свои области отъ германцевъ, не спрашиваясь ни въ чемъ императора и Рицимера. Эгидій пріобрѣлъ такое уваженіе у
Эгидій. германцевъ своею храбростью и честностью, что франки выбрали его своимъ королемъ, и онъ правилъ ими нѣсколько лѣтъ. Онъ остановилъ завоеванія вестготовъ, разбивъ ихъ подъ Орлеаномъ, и поддерживалъ честь римскаго имени до самой смерти своей. Онъ умеръ отъ отравы въ 464 году.

Грабежи вандаловъ. Генсерихъ воспользовался растройствомъ дѣлъ въ Западной имперіи. Его эскадры плавали по морямъ, куда заносилъ ихъ вѣтеръ грабить тѣ земли, „на которыя гнѣвается Богъ“. Своими неожиданными высадками они ужасали и опустошали всѣ прибрежья отъ Геркулесовыхъ столбовъ до устій Нила. Особенно много грабили они берега Испаніи и Греціи, остававшіеся беззащитными. Византійскою имперіею по смерти Пульхеріи (въ 453 году) продолжалъ править ея мужъ, Маркіанъ; по его смерти (въ 457 году) могущественный патрицій Аспаръ возвелъ на престолъ пол-
Левъ I. 457—474. ководца Льва Иллирійца. Византійское правительство купило наконецъ за огромную сумму у Генсериха пощаду своимъ берегамъ и освобожденіе находившейся въ плѣну у него императрицы Евдоксіи и ея младшей дочери Плацидіи. Старшую дочь противъ ея воли Генсерихъ выдалъ за своего сына Гунериха.

Послѣ того какъ Генсерихъ заключилъ миръ съ Византійскою имперіей, исключительной цѣлью его разбойническихъ нападеній стали беззащитные берега Италіи. Рицимеръ былъ хорошій полководецъ и далъ новое доказательство своего искусства блестящей побѣдой при Бергамѣ надъ аланами, вторгнувшимися въ Сѣверную Италію. Но онъ не могъ съ своими войсками охранить всѣ берега отъ вандаловъ и присоединившихся къ нимъ мавровъ, нумидійцевъ и африканскихъ римлянъ, дѣйствіями которыхъ руководилъ предпріимчивый король, считавшій себя орудіемъ гнѣва Божія. Нуждаясь въ помощи византійцевъ, Рицимеръ обратился въ Константинополь съ просьбою назначить императора для римскаго государства; византійскій дворъ, назна-
Анѳимій. 467—472. чилъ императоромъ въ Италію патриція Анѳимія, очень знатнаго человѣка, который за свои заслуги былъ награжденъ высшими должностями и сталъ затемъ императора Маркіана. Рицимеръ видѣлъ надобность подчиниться Анѳимію. Для обѣихъ имперій былъ опасенъ Генсерихъ, котораго дерзость возростала, и онѣ заключили между собой союзъ на борьбу противъ общаго врага. Генсерихъ былъ такъ наглъ, что требовалъ императорскаго сана для своего потомства, основываясь на томъ, что его сынъ—мужъ Евдоксіи, дочери Валентиніана. Аріанинъ Аспаръ, бывшій при византійскомъ дворѣ защитникомъ своихъ единовѣрцевъ вандаловъ, погибъ; это облегчило заклю-

ченіе союза между Рицимеромъ и византійскою имперіей. Чтобъ упрочить хорошія отношенія къ Рицимеру, императоръ Анѳимій отдалъ за него свою дочь, очень красивую дѣвушку. Свадьба была блестящая. Поэтъ Сидоній пріѣхалъ въ Римъ депутатомъ отъ арвернской области поздравить новобрачныхъ и при наступленіи новаго года поднесъ Анѳимію
1 января 468. стихотвореніе, въ которомъ прославлялъ его высокія качества и его будущую побѣду. Поэтъ былъ награжденъ за это должностью префекта Рима. (Черезъ нѣсколько времени—въ 471 году—онъ предпочелъ ей санъ епископа Клермонскаго). Анѳимій былъ очень благочестивъ и впослѣдствіи былъ признанъ святымъ, но находились люди, осуждавшіе его кротость относительно еретиковъ и язычниковъ, и, несмотря на увѣщанія духовенства, въ его правленіе праздновались Луперкаліи по старинному обычаю, съ простыми шутками патріархальныхъ временъ. Римъ передъ своимъ паденіемъ вспомнилъ веселый праздникъ, возникновеніе котораго относится къ первобытнымъ временамъ города (III, 38).

Война съ Гензерихомъ 468.

Императоръ Левъ называлъ Анѳимія своимъ «возлюбленнымъ сыномъ, съ которымъ онъ раздѣлилъ управленіе римскимъ государствомъ», и присвоивалъ себѣ отцовскую власть надъ нимъ. По желанію Льва Западная имперія стала подобно Восточной готовиться къ войнѣ съ Гензерихомъ. Марцеллинъ, примирившійся съ западнымъ императоромъ, послалъ противъ вандаловъ далматскій флотъ, который прогналъ ихъ съ острова Сардиніи. Гераклій, правитель Египта, повелъ на войну римскія войска этой области и отряды арабовъ, ѣхавшихъ на коняхъ и на верблюдахъ. Онъ шелъ черезъ пустыню, чтобы, покоривъ приморскіе города трипольской области, осадить Карѳагенъ съ суши; изъ константинопольской гавани пошелъ къ африканскому берегу флотъ, на снаряженіе котораго было употреблено 130 фунтовъ золота. Онъ состоялъ изъ 1,113 большихъ и мелкихъ судовъ. На нихъ были хорошіе матросы, гребцы и воины. На расходы по приготовленіямъ къ войнѣ была взята большая подать съ провинцій, городовъ и даже съ личныхъ имѣній императора. Но главнокомандующимъ былъ сдѣланъ Василискъ, человѣкъ бездарный или недобросовѣстный, единственнымъ правомъ котораго на эту должность было то, что онъ былъ братъ императрицы Верины, прикрывавшей своимъ заступничествомъ прежнія его ошибки. Начало обѣщало успѣхъ. Громадный византійскій флотъ присталъ къ берегу у мыса Бона, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Карѳагена. Но вмѣсто того, чтобы немедленно вести все свое войско на столицу Гензериха, Василискъ дался въ обманъ ему, повѣрилъ его словамъ, что онъ хочетъ покориться, и далъ ему перемиріе на пять дней для составленія трактата о мирѣ. Хитрый вандалъ воспользовался перемиріемъ для вѣроломнаго нападенія на византійскій флотъ. Ночью нѣсколько вандальскихъ судовъ, наполненныхъ горючими матеріалами, подошли къ переднему

Погибель византійскаго флота.

ряду византійскихъ кораблей, стоявшихъ въ тѣсной для нихъ гавани плотно одинъ къ другому, и зажгли ихъ. Гензерихъ въ это время сдѣлалъ нападеніе съ другой стороны. Византійцы, не ожидавшіе враждебныхъ дѣйствій, были смущены, пришли въ совершенное смятеніе, множество матросовъ и воиновъ погибло отъ огня или утонуло. Помощникъ Василиска Іоаннъ выказалъ геройство, достойное старыхъ временъ Рима: когда корабль, на которымъ онъ храбро бился, былъ совершенно охваченъ пламенемъ, онъ, отвергнувъ предложеніе сдаться въ плѣнъ на почетныхъ условіяхъ, бросился въ море въ полномъ вооруженіи. Половина флота была уничтожена. Съ уцѣлѣвшими кораблями Василискъ трусливо ушелъ въ Константинополь и бѣжалъ въ церковь святой Софіи. Онъ скрывался въ этомъ убѣжищѣ, пока сестра выпросила у раздраженнаго императора прощеніе ему. Народъ говорилъ, что онъ по тайному согласію съ Гензерихомъ преднамѣренно погубилъ флотъ. Гераклій возвратился черезъ пустыню въ Египетъ. Марцеллинъ, даровитѣйшій и опаснѣйшій изъ противниковъ Гензериха, былъ убитъ въ Сициліи однимъ изъ своихъ помощниковъ, быть можетъ по внушенію Рицимера.

Союзъ вандаловъ и готовъ противъ римской имперіи.

Гензерихъ снова сталъ грабить берега и острова Средиземнаго моря. Свирѣпость его разбоевъ стала безпощаднѣе прежняго. Онъ вновь овладѣлъ Сардиніей и Триполемъ, завоевалъ Сицилію и заключилъ союзъ съ остготами и вестготами. Онъ составилъ планъ одновременнаго нападенія грековъ и римлянъ съ трехъ сторонъ: остготы должны были идти съ Дуная на Восточную имперію, вестготы изъ южной Галліи на западную, между тѣмъ какъ онъ будетъ нападать съ моря; онъ разсчитывалъ, что разстроенная внутренними раздорами и лишенная помощи византійцевъ Западная имперія будетъ окончательно разрушена. Вестготы при Теодорихѣ расширили свое государство взятіемъ богатаго города Нарбона и покореніемъ его области (въ 462 году). Воинственный Эврихъ, убійца и преемникъ Теодориха, дѣлалъ завоеванія въ Галліи и въ Испаніи. По тайному соглашенію съ Арвандомъ, префектомъ римской Галліи, онъ пошелъ на британскаго военачальника Ріотима, который бѣжалъ изъ Британніи отъ англосаксовъ и, собравъ 12,000 человѣкъ, пришелъ на Луару помогать римлянамъ. Эврихъ разбилъ его при Буржѣ, и онъ съ остатками своего войска бѣжалъ къ бургундамъ, вѣрнымъ союзникамъ римлянъ.

Эврихъ вестготскій. 466—484. Его завоеванія въ Галліи. 470.

Арвандъ и Серонатъ.

Арвандъ сталъ измѣнникомъ по гордости и легкомыслію; онъ письменно совѣтовалъ Эвриху раздѣлить Галлію между вестготами и бургундами; за это вызвали его въ Римъ, и по обвиненію четырехъ галльскихъ депутатовъ сенатъ осудилъ его на смерть; но изъ уваженія къ просьбѣ его друга Сидонія, пользовавшагося большимъ вліяніемъ, смертная казнь была замѣнена изгнаніемъ. Не получилъ пощады и другой правитель Галліи, Серонатъ, котораго Сидоній называетъ „Катилиною своего вѣка“. По надобности въ деньгахъ на свой развратъ и по алчности, Серонатъ измѣннически отдалъ вестготамъ арвернскую область. Онъ былъ казненъ за это. 469.

При внутреннемъ разстройствѣ Западной имперіи, отважный вестготскій король Эврихъ безъ труда присоединилъ къ толозскому королевству всю землю отъ Луары до Средиземнаго моря, отъ Роны

474. до Пиреней, овладѣлъ и Арлемъ, и Марселью. Овернь тоже подпала подъ власть вестготовъ, хотя Экдицій (или Децій), сынъ императора Авита, геройски защищалъ Клермонъ. На сѣверѣ и на востокѣ расширяли свои владѣнія франки и алеманны. Такимъ образомъ въ Галліи осталась подъ властью римлянъ только земля около Суассона; ею правилъ сынъ Эгидія, Сіагрій.

Завоеванія Эвриха въ Испаніи.

Въ тѣ же годы были отняты у римлянъ вестготами послѣдніе остатки ихъ владѣній въ Испаніи. Эврихъ съ многочисленнымъ войскомъ перешелъ Пиренеи, овладѣлъ Сарагоссой и Пампелуной, разбилъ войско, собранное храбрыми вельможами тарраконской провинціи, прошелъ въ глубину Лузитаніи, принудилъ свевскаго короля Ремисмунда признать верховную власть вестготовъ надъ Галисіей. Покоривъ себѣ такимъ образомъ большую часть Пиренейскаго полуострова, Эврихъ возвратился въ Толозу, чтобы взять себѣ при распаденіи римской имперіи еще нѣсколько областей въ Галліи и остановить завоеванія франковъ и бургундовъ. Онъ былъ славою своего народа, ужасомъ сосѣдей. Сидоній Аполлинарій, бывшій то врагомъ, то льстецомъ этого «аріанскаго варвара», говоритъ, что къ дверямъ его дворца въ Бордо сходились послы со всѣхъ сторонъ просить у могущественнаго короля дружбы своимъ народамъ или смягчать его гнѣвъ. Знаменитый воинъ и благоразумный правитель, онъ возвелъ вестготовъ на вершину могущества.

Характеръ Эвриха.

Эврихъ велѣлъ записать вестготскіе законы, хранившіеся до того времени только въ памяти. Это дѣло было исполнено юристомъ Леономъ Нарбонскимъ, человѣкомъ оказавшимъ большія услуги дѣлу образованности того времени. Онъ былъ православный, но аріанинъ Эврихъ постоянно оказывалъ большое довѣріе ему; изъ этого мы видимъ, что Эврихъ держался системы вѣротерпимости; потому должно считать несправедливыми слова враждебнаго ему Сидонія Аполлинарія, говорящаго, что онъ притѣснялъ православныхъ. Послѣ 19-лѣтняго царствованія Эврихъ умеръ въ 484 году

Аларихъ II. 484—507.

въ Арлѣ. Отъ его жены Рагнагильды у него былъ сынъ, ставшій его преемникомъ, Аларихъ II.

Смерть Рицимера.

Въ это время въ Италіи происходили перевороты, кончившіеся погибелью имперіи. Согласіе Рицимера съ его тестемъ Анѳиміемъ было непродолжительно. Гордый свевъ поселился въ Миланѣ; по географическому положенію этого города, ему было удобно и призывать, и отражать варваровъ; онъ сталъ держать себя враждебно относительно Анѳимія. Святой Епифаній, епископъ павійскій, о которомъ говорятъ, что онъ былъ мудръ какъ змѣя и незлобивъ какъ голубь, старался примирить ихъ, но его усилія остались напрасны.

Рицимеръ наконецъ сбросилъ съ себя личину вѣрности греческому императору и его кліэнту Анѳимію, призвалъ на помощь себѣ бургундовъ и свевовъ, провозгласилъ императоромъ рекомендованнаго ему Генсерихомъ сенатора Олибрія, мужа Плацидіи, дочери императора Валентиніана, и пошелъ на Римъ. Олибрій пріѣхалъ въ его станъ. Анѳимій защищалъ Римъ при помощи готскаго отряда. Рицимеръ вошелъ въ тайныя сношенія съ нѣкоторыми сенаторами и, по соглашенію съ ними, напалъ на Римъ со стороны Яникула. Послѣ непродолжительнаго сопротивленія Римъ былъ взятъ приступомъ; благородный патріотъ Анѳимій — найденъ въ своемъ убѣжи- 11 іюля. 472.
щѣ и убитъ, по приказанію своего зятя, а городъ — отданъ въ жертву ярости и алчности буйныхъ варваровъ. Этимъ гнуснымъ дѣломъ закончилась жизнь Рицимера, полная злодѣйствъ. Черезъ сорокъ дней по взятіи Рима онъ умеръ отъ заразы, а черезъ нѣ- 20 августа.
сколько недѣль умеръ и Олибрій, на котораго онъ возложилъ порфиру съ согласія византійскаго императора. Умирая, Рицимеръ пере- Олибрій (умеръ 23 октября 472).
далъ начальство надъ римскими войсками своему племяннику, бургундскому князю Гундобальду. Новый главнокомандующій, по смерти Олибрія, возвелъ на престолъ Гликерія, храбраго воина, националь- Гликерій 473.
ность котораго неизвѣстна намъ; а византійскій дворъ назначилъ западнымъ императоромъ Юлія Непота, сдѣлавшагося главнокомандую- Юлій Непотъ. 474—475.
щимъ въ Далмаціи; по смерти своего дяди Марцеллина онъ женился на племянницѣ императрицы Верины. Когда онъ подступилъ къ Риму, Августъ 475. 31 октября 475.
Гликерій, имѣвшій мало приверженцевъ, отказался отъ императорскаго сана и взамѣнъ получилъ болѣе безопасную должность епископа солонскаго. Недолго довелось процарствовать и Юлію Непоту. Онъ вызвалъ въ Римъ Экдиція, храбро защищавшаго Клермонъ, наградилъ его за мужество саномъ патриція и по формальному договору уступилъ вестготамъ Овернь, которой уже владѣли они фактически. Варварскія войска, главнокомандующимъ которыхъ былъ Орестъ, подняли мятежъ, и Юлій Непотъ долженъ былъ бѣжать изъ Рима на родину въ Далмацію. Орестъ, сынъ жителя Паннонія, Татула, поступилъ по смерти Аттилы въ римскую службу, сталъ опытнымъ воиномъ и оказывалъ своими талантами большія услуги послѣднимъ императорамъ. Юлій Непотъ такъ цѣнилъ его службу, что сдѣлалъ его патриціемъ и главнокомандующимъ. Человѣкъ честолюбивый и видѣвшій много переворотовъ, онъ вздумалъ захватить власть при помощи геруловъ, скировъ, аланов, туркилинговъ, ругійцевъ и другихъ варваровъ, составлявшихъ войско, отданное подъ начальство ему. Когда онъ возсталъ, Непотъ не могъ сопротивляться. Восточный императоръ Левъ I умеръ за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ (въ январѣ 474 г.). Скоро умеръ и его внукъ Левъ II (въ ноябрѣ 474). Зять Льва I Зенонъ исаврянинъ, сдѣлавшійся императоромъ по смерти тестя, былъ окруженъ такими опасностями, что не могъ

При внутреннемъ разстройствѣ Западной имперіи, отважный вестготскій король Эврихъ безъ труда присоединилъ къ толозскому королевству всю землю отъ Луары до Средиземнаго моря, отъ Роны
474. до Пиреней, овладѣлъ и Арлемъ, и Марселью. Овернь тоже подпала подъ власть вестготовъ, хотя Экдицій (или Децій), сынъ императора Авита, геройски защищалъ Клермонъ. На сѣверѣ и на востокѣ расширяли свои владѣнія франки и алеманны. Такимъ образомъ въ Галліи осталась подъ властью римлянъ только земля около Суассона; ею правилъ сынъ Эгидія, Сіагрій.

Завоеванія Эвриха въ Испаніи.

Въ тѣ же годы были отняты у римлянъ вестготами послѣдніе остатки ихъ владѣній въ Испаніи. Эврихъ съ многочисленнымъ войскомъ перешелъ Пиренеи, овладѣлъ Сарагоссой и Пампелуной, разбилъ войско, собранное храбрыми вельможами тарраконской провинціи, прошелъ въ глубину Лузитаніи, принудилъ свевскаго короля Ремисмунда признать верховную власть вестготовъ надъ Галисіей. Покоривъ себѣ такимъ образомъ большую часть Пиренейскаго полуострова, Эврихъ возвратился въ Толозу, чтобы взять себѣ при распаденіи римской имперіи еще нѣсколько областей въ Галліи и остановить завоеванія франковъ и бургундовъ. Онъ былъ славою своего народа, ужасомъ сосѣдей. Сидоній Аполлинарій, бывшій то врагомъ, то льстецомъ этого «аріанскаго варвара», говоритъ, что къ дверямъ его дворца въ Бордо сходились послы со всѣхъ сторонъ просить у могущественнаго короля дружбы своимъ народамъ или смягчать его гнѣвъ. Знаменитый воинъ и благоразумный правитель, онъ возвелъ вестготовъ на вершину могущества.

Характеръ Эвриха.

Эврихъ велѣлъ записать вестготскіе законы, хранившіеся до того времени только въ памяти. Это дѣло было исполнено юристомъ Леономъ Нарбонскимъ, человѣкомъ оказавшимъ большія услуги дѣлу образованности того времени. Онъ былъ православный, но аріанинъ Эврихъ постоянно оказывалъ большое довѣріе ему; изъ этого мы видимъ, что Эврихъ держался системы вѣротерпимости; потому должно считать несправедливыми слова враждебнаго ему Сидонія Аполлинарія, говорящаго, что онъ притѣснялъ православныхъ. Послѣ 19-лѣтняго царствованія Эврихъ умеръ въ 484 году въ Арлѣ. Отъ его жены Рагнагильды у него былъ сынъ, ставшій его преемникомъ, Аларихъ II.

Аларихъ II. 484—507.

Смерть Рицимера.

Въ это время въ Италіи происходили перевороты, кончившіеся погибелью имперіи. Согласіе Рицимера съ его тестемъ Анѳиміемъ было непродолжительно. Гордый свевъ поселился въ Миланѣ; по географическому положенію этого города, ему было удобно и призывать, и отражать варваровъ; онъ сталъ держать себя враждебно относительно Анѳимія. Святой Епифаній, епископъ павійскій, о которомъ говорятъ, что онъ былъ мудръ какъ змѣя и незлобивъ какъ голубь, старался примирить ихъ, но его усилія остались напрасны.

Рицимеръ наконецъ сбросилъ съ себя личину вѣрности греческому императору и его кліэнту Анѳимію, призвалъ на помощь себѣ бургундовъ и свевовъ, провозгласилъ императоромъ рекомендованнаго ему Гензерихомъ сенатора Олибрія, мужа Плацидіи, дочери императора Валентиніана, и пошелъ на Римъ. Олибрій пріѣхалъ въ его станъ. Анѳимій защищалъ Римъ при помощи готскаго отряда. Рицимеръ вошелъ въ тайныя сношенія съ нѣкоторыми сенаторами и, по соглашенію съ ними, напалъ на Римъ со стороны Яникула. Послѣ непродолжительнаго сопротивленія Римъ былъ взятъ приступомъ; благородный патріотъ Анѳимій — найденъ въ своемъ убѣжищѣ и убитъ, по приказанію своего зятя, а городъ — отданъ въ жертву ярости и алчности буйныхъ варваровъ. Этимъ гнуснымъ дѣломъ закончилась жизнь Рицимера, полная злодѣйствъ. Черезъ сорокъ дней по взятіи Рима онъ умеръ отъ заразы, а черезъ нѣсколько недѣль умеръ и Олибрій, на котораго онъ возложилъ порфиру съ согласія византійскаго императора. Умирая, Рицимеръ передалъ начальство надъ римскими войсками своему племяннику, бургундскому князю Гундобальду. Новый главнокомандующій, по смерти Олибрія, возвелъ на престолъ Гликерія, храбраго воина, національность котораго неизвѣстна намъ; а византійскій дворъ назначилъ западнымъ императоромъ Юлія Непота, сдѣлавшагося главнокомандующимъ въ Далмаціи; по смерти своего дяди Марцеллина онъ женился на племянницѣ императрицы Верины. Когда онъ подступилъ къ Риму, Гликерій, имѣвшій мало приверженцевъ, отказался отъ императорскаго сана и взамѣнъ получилъ болѣе безопасную должность епископа солонскаго. Недолго довелось процарствовать и Юлію Непоту. Онъ вызвалъ въ Римъ Экдиція, храбро защищавшаго Клермонъ, наградилъ его за мужество саномъ патриція и по формальному договору уступилъ вестготамъ Овернь, которой уже владѣли они фактически. Варварскія войска, главнокомандующимъ которыхъ былъ Орестъ, подняли мятежъ, и Юлій Непотъ долженъ былъ бѣжать изъ Рима на родину въ Далмацію. Орестъ, сынъ жителя Панноніи, Татула, поступилъ по смерти Аттилы въ римскую службу, сталъ опытнымъ воиномъ и оказывалъ своими талантами большія услуги послѣднимъ императорамъ. Юлій Непотъ такъ цѣнилъ его службу, что сдѣлалъ его патриціемъ и главнокомандующимъ. Человѣкъ честолюбивый и видѣвшій много переворотовъ, онъ вздумалъ захватить власть при помощи геруловъ, скировъ, алановъ, туркилинговъ, ругійцевъ и другихъ варваровъ, составлявшихъ войско, отданное подъ начальство ему. Когда онъ возсталъ, Непотъ не могъ сопротивляться. Восточный императоръ Левъ I умеръ за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ (въ январѣ 474 г.). Скоро умеръ и его внукъ Левъ II (въ ноябрѣ 474). Зять Льва I Зенонъ исаврянинъ, сдѣлавшійся императоромъ по смерти тестя, былъ окруженъ такими опасностями, что не могъ

11 іюля 472.

20 августа.

Олибрій (умеръ 23 октября 472).

Гликерій 473.

Юлій Непотъ. 474—475.

Августъ 475.

31 октября 475.

сдѣлать ничего для защиты Западной имперіи. Покинутый византійскимъ дворомъ Юлій Непотъ бѣжалъ въ Солону, и черезъ 5 лѣтъ (въ 480 году) былъ умерщвленъ тамъ убійцами, подосланными Гликеріемъ. Орестъ вступилъ побѣдителемъ въ Равенну и возложилъ
31 октяб. 475. тамъ безсильную и безславную императорскую корону на своего несовершеннолѣтняго сына Ромула (или Момилла) Августула. Но не прошло года, какъ Орестъ самъ былъ низвергнутъ мятежникомъ, такимъ же вѣроломнымъ, какимъ былъ самъ. Править Италіей, значило тогда быть рабомъ или стать жертвой варваровъ-наемниковъ, составлявшихъ римское войско; они извлекали выгоду себѣ изъ каждаго переворота: новый императоръ увеличивалъ жалованье, давалъ награды имъ; потому они любили быстро смѣнять государей. Они потребовали, чтобъ Орестъ, въ награду за ихъ услуги, далъ имъ третью долю земли Италіи. Онъ отказалъ имъ въ этомъ нагломъ требованіи; Одоакръ, бывшій, какъ говорятъ, сыномъ герульскаго или ругійскаго князя Эдекона (стр. 667), побудилъ ихъ возстать противъ Ореста и подступилъ къ Павіи, за стѣнами которой тотъ искалъ себѣ спасенія. Буйные варвары взяли городъ приступомъ, ограбили его и залили кровью; Орестъ былъ схваченъ и казненъ. Его братъ Павелъ — убитъ подъ Равенной. Ромулъ Августулъ былъ неопасенъ, Одоакръ послалъ его жить въ Кампанію, назначивъ ему содержаніе по 6,000 золотыхъ монетъ въ годъ. Германскіе воины провозгласили Одоакра «королемъ германцевъ въ Италіи», тѣмъ было покончено существованіе Западной римской имперіи. Ромулъ Августулъ, красивый юноша, не имѣвшій отцовскаго честолюбія, охотно отказался отъ императорскаго сана и сталъ жить частнымъ человѣкомъ въ прекрасной виллѣ на очаровательномъ берегу залива, у котораго стоялъ городъ Баи; прежде этой виллой владѣли Марій и Лукуллъ, впослѣдствіи она была обращена въ монастырь, и тамъ былъ погребенъ святой Северинъ.—Византійскій императоръ Зенонъ продолжалъ считать законнымъ императоромъ Западной имперіи Юлія Непота, жившаго въ Далмаціи; но послѣ нѣкотораго колебанія согласился на желаніе римскаго сената, приславшаго къ нему депутацію съ просьбой, чтобъ онъ оставилъ санъ августа римской имперіи исключительно за собою, утвердилъ Одоакра въ санѣ патриція, который данъ ему Юліемъ Непотомъ, и поручилъ ему управленіе Италіей. Одоакръ, сынъ Эдекона, пользовавшагося, подобно Оресту, большимъ уваженіемъ у Аттилы, сталъ теперь, съ титуломъ патриція и полководца, управлять Италіей отъ имени Юлія Непота, а по его смерти продолжалъ править ею, если не съ одобренія, то, по крайней мѣрѣ, по молчаливому согласію византійскаго императора. Положеніе Одоакра было не самостоятельнымъ только по формѣ, а на самомъ дѣлѣ онъ былъ независимый государь. Онъ пришелъ въ Италію простымъ воиномъ, по распаденіи царства Аттилы; храбростью

Ромулъ Августулъ 475—476.

28 августа 476.

Одоакръ король Италіи. 476—493.

и талантами дослужился до важной должности въ отрядѣ германскихъ тѣлохранителей императора, а потомъ судьба сдѣлала его совершителемъ великаго, давно подготовлявшагося переворота. Черезъ десять лѣтъ по низверженіи послѣдняго римскаго императора, погибъ и послѣдній независимый отъ варваровъ римскій правитель въ Галліи, Сіагрій суассонскій, убитый королемъ франковъ Кловисомъ (Хлодвигомъ), и вся власть въ бывшихъ областяхъ западной имперіи окончательно перешла въ руки германцевъ-христіанъ.

Сіагрій суассонскій (ум. 486).

Паденіе Западной римской имперіи.

Такимъ образомъ Западная римская имперія пала подъ ударами германцевъ. Всѣ племена ихъ участвовали въ дѣлѣ великаго разрушенія, но безъ плана и согласія, будто служили слѣпыми орудіями судьбы. Воспоминанія о колоссальной борьбѣ создали циклы легендъ, изъ которыхъ брали матеріалъ для своихъ произведеній пѣвцы всѣхъ германскихъ племенъ, какъ греческіе изъ преданій о войнѣ Троянской. Нѣмецкая героическая легенда, передававшаяся отъ поколѣнія къ поколѣнію и порождавшая все новыя пѣсни, имѣетъ свои корни въ великой борьбѣ съ Римомъ; она поэтическій отголосокъ переселенія народовъ. Распаденія Западной римской имперіи шло постепенно, и среди погибели сохранились хотя слабые элементы культуры, которые могли стать зародышами новаго развитія; они сначала соединили въ большія государства разрозненныя германскія племена, а потомъ сдѣлались основаніемъ, на которомъ стала создаваться новая культурная жизнь.

Идеальное существованіе Западной римской имперіи.

Римская имперія погибла въ дѣйствительности, но христіанская исторіографія, находившаяся исключительно въ рукахъ духовенства, продолжала считать ее существующей. Продолжатели Евсевія и Іеронима, чьи историческіе труды были основаніемъ хроникъ слѣдующаго времени, считали годы по римскому государственному календарю. Они пользовались также пасхальными таблицами, списками дней кончины римскихъ епископовъ и мучениковъ; всѣ эти источники вели хронологію по годамъ отъ основанія Рима. Авторы хроникъ заимствовали изъ нихъ этотъ счетъ, и онъ оставался въ употребленіи у всѣхъ лѣтописцевъ слѣдующихъ столѣтій. „Римская имперія разрушилась“, говоритъ Ваттенбахъ, и Восточная не имѣла ни малѣйшей власти надъ Западомъ, но для лѣтописцевъ она оставалась государствомъ, охватывающимъ весь европейскій міръ, и мысль о ней служитъ для нихъ связью между фактами. Германцы, поселившіеся въ областяхъ римской имперіи, остаются для лѣтописца варварами, хотя онъ самъ соплеменникъ ихъ. Это воззрѣніе не ограничивается первыми столѣтіями послѣ паденія Западной имперіи; оно осталось владычествующимъ во все продолженіе среднихъ вѣковъ, потому, что держалось на общепринятомъ истолкованіи сновидѣнія Навуходоносора въ книгѣ пророка Даніила (II, стр. 44). „И во дни тѣхъ царствъ Богъ небесный воздвигнетъ царство, которое во вѣки не разрушится, и царство это не будетъ передано другому народу, оно сокрушитъ и разрушитъ всѣ царства, а само будетъ стоять вѣчно“. Это царство считали римскою имперіей, потому оставалось несомнѣннымъ, что она продолжаетъ существовать. Лѣтописцы не находятъ исторію германскихъ государствъ особой, самостоятельной;

она для нихъ продолженіе исторіи римской имперіи. Послѣ паденія Западной имперіи они ведутъ хронологію по византійскимъ императорамъ до Карла Великаго и сохраняютъ такимъ образомъ формальное единство исторіи; событія изъ жизни германскихъ народовъ они влагаютъ въ эту рамку; такъ дѣлаетъ напримѣръ Эккегардъ".

VIII. Новыя государства въ V и VI вѣкахъ.

1. Италія при Теодерихѣ.

Одоакръ, съ титулами римскаго патриція и нѣмецкаго военнаго короля, тринадцать лѣтъ блистательно и справедливо управлялъ Италіею, не дѣлая никакихъ существенныхъ перемѣнъ въ тѣхъ учрежденіяхъ, какія были въ ней до него. Онъ уважалъ законы Рима и поддерживалъ повиновеніе имъ; оказывалъ почтеніе сенату, предоставлялъ администрацію, судопроизводство и взиманіе налоговъ прежнимъ должностнымъ лицамъ римскаго происхожденія; они исполняли прежнимъ порядкомъ тѣ же обязанности, какъ прежде; и хотя Одоакръ былъ аріанинъ, но держался правилъ вѣротерпимости и всегда выказывалъ уваженіе къ православному духовенству. Правда онъ долженъ былъ исполнить тѣ требованія германскихъ воиновъ, съ которыми обращались они къ Оресту и дать имъ земли въ Италіи, но онъ произвелъ роздачу земли благоразумно и сострадательно къ прежнимъ владѣльцамъ, такъ что суровость этого дѣла была по возможности смягчена. Война и мятежи, голодъ и заразительныя болѣзни въ долгіе годы бѣдствій чрезвычайно уменьшили населеніе Италіи, такъ что обширныя пространства земли оставались невоздѣланными; можно полагать, что эти пустыя земли съ прибавкою нѣкоторой части громадныхъ имѣній (латифундій) богатыхъ римскихъ сенаторскихъ фамилій составили ту треть итальянской земли, которая была роздана въ собственность германскимъ воинамъ; и быть можетъ переходъ этой земли въ ихъ руки имѣлъ своимъ послѣдствіемъ оживленіе земледѣлія. *Одоакръ. 476—493.*

У германскихъ завоевателей издавна былъ обычай брать себѣ третью часть земли въ покоренныхъ ими областяхъ; такъ сдѣлалъ Аріовистъ въ Галліи. Теперь это германское право завоевателей было примѣнено къ *Раздача земли германцамъ.*

Италіи, хотя владычество надъ этою страной перешло отъ императоровъ къ наемному германскому войску ихъ не путемъ завоеванія, а процессомъ довольно миролюбивой перемѣны отношеній. Со времени Гонорія итальянцы должны были предоставлять третью часть своихъ жилыхъ помѣщеній германскимъ наемнымъ воинамъ, располагавшимся на квартирахъ у нихъ; быть можетъ это постановленіе римскаго правительства стало поводомъ къ возникновенію мысли поступить точно такъ же съ землею. Въ другихъ странахъ, которыми германцы овладѣли черезъ завоеваніе, напримѣръ, въ Африкѣ и въ Галліи, туземцамъ была оставлена только треть ихъ земли, а двѣ трети взяли у нихъ себѣ германцы.

Отношенія Одоакра къ сосѣднимъ государствамъ. Относительно сосѣднихъ государствъ или племенъ Одоакръ дѣйствовалъ такъ, что пріобрѣлъ себѣ славу. Обѣщавшись платить Генсериху ежегодное вознагражденіе, онъ избавилъ Сицилію отъ грабежей вандаловъ; уступивъ вестготскому королю Эвриху земли въ южной Галліи уже занятыя вестготами, онъ пріобрѣлъ на западѣ союзника; онъ охранялъ границы Италіи отъ вторженія варваровъ съ востока и сѣвера. Онъ переплылъ въ Далмацію, завоевалъ эту землю и отмстилъ за убійство императора Юлія Непота; потомъ пошелъ на ругійцевъ, раздвинувшихъ свои поселенія отъ средней части Дуная за Драву и Саву, прогнавшихъ или покорившихъ прежнее населеніе Норика и занявшихъ разрушенный герулами римскій городъ Ювавъ (Зальцбургъ); ругійскій король Фелетей (или Фава) и его свирѣпая жена Гиза, по усердію къ аріанской вѣрѣ, дѣлали много обидъ святому Северину, проповѣдывавшему православіе въ Норикѣ; Одоакръ уважалъ этого подвижника, заходилъ въ его келью, когда шелъ въ Италію и получилъ отъ него предсказаніе о своемъ будущемъ величіи. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того какъ скончался святой, употре-
8 января 482 бившій всѣ свои силы на дѣла благотворительности и по возможности облегчавшій человѣческія страданія, ругійское королевство было разрушено своими германскими сосѣдами—герулами, скирами, турки-
487. лингами, которыхъ повелъ на него Одоакръ. Ругійскіе король и королева были уведены въ плѣнъ въ Италію. Одоакръ перевелъ туда часть ругійскаго народа; эти переселенцы подкрѣпили своими силами германцевъ, жившихъ въ Италіи. Сынъ Фелетея Фридерихъ, убійца своего дяди, тѣснимый братомъ Одоакра Оноульфомъ, ушелъ съ остатками ругійскаго народа къ остготамъ въ Паннонію и сталъ возбуждать остготскаго короля Теодериха, своего родственника, идти войной на Одоакра.

Молодость Теодериха. Черезъ годъ по смерти Аттилы, когда остготы подъ предводительствомъ трехъ храбрыхъ братьевъ Валамера, Теодемера и Видемера, происходившихъ отъ знатнаго рода Амаловъ, вели съ гуннами войну за свободу, Эрелива (по другому имени Евсевія), любимая наложница
454. Теодемера, жившая тогда на берегу Балатонскаго озера, близъ Карнунта, родила сына, котораго отецъ назвалъ Теодерихомъ. Вмѣстѣ

съ извѣстіемъ о рожденіи сына Теодемеръ получилъ радостную вѣсть что его братъ Валамеръ одержалъ рѣшительную побѣду. Теодерихъ въ дѣтствѣ былъ отправленъ въ Константинополь заложникомъ вѣрности остготовъ условіямъ мира, заключеннаго ими съ византійцами. Онъ оставался въ Константинополѣ десять лѣтъ и сталъ сильнымъ юношей высокаго роста; жизнь въ Константинополѣ помогла его умственному развитію; но книжнаго образованія онъ не пріобрѣлъ и до конца жизни не умѣлъ писать; онъ подписывалъ на государственныхъ документахъ первыя четыре буквы своего имени, проводя перомъ по прорѣзкамъ въ металической досчечкѣ. Остготы подъ начальствомъ его отца и дядей сражались противъ враговъ Рима, какъ наемные союзники римлянъ. На семнадцатомъ году Теодерихъ былъ возвращенъ отцу и скоро пріобрѣлъ славу самаго храбраго и предпріимчиваго изъ всѣхъ остготскихъ вождей. Валамеръ былъ убитъ въ сраженіи, Видемеръ съ отрядомъ войска ушелъ къ вестготамъ въ Галлію; отецъ Теодериха остался одинъ военачальникомъ остготовъ и, когда онъ умеръ, Теодерихъ по единогласному выбору народа получилъ санъ короля, наслѣдственный въ родѣ 475.
Амаловъ.

Императоръ Зенонъ. 474—491. Въ Константинополѣ царствовалъ тогда Зенонъ Исаврянинъ, человѣкъ трусливый и порочный. Онъ былъ мужъ дочери императора Льва, Аріадны; по смерти Льва сдѣлался соправителемъ своего сына; сынъ скоро умеръ, и молва приписывала его смерть отравѣ; Зенонъ сталъ тогда править государствомъ отъ своего имени. Мать его жены, Верина, женщина честолюбивая и отважная, успѣла прогнать его и возвести на престолъ своего брата, Василиска. Но скоро новый заго- 476.
воръ низвергъ Василиска и возвратилъ на престолъ Зенона, скрывавшагося въ горахъ своей родины. Человѣкъ мстительный и жесто- 477.
кій, онъ уморилъ своихъ враговъ голодомъ и стужей. Только Верина успѣла уйдти отъ рукъ этого злодѣя. Она противопоставила ненавистному зятю другого императора, власть котораго была признана въ Сиріи и Египтѣ, и до конца жизни вела войну противъ Зенона. Эти междоусо- 479.
бія въ Византійской имперіи были очень выгодны для молодого остготскаго короля. Зенонъ осыпалъ его знаками своей благосклонности,
Отношенія Теодериха къ Византійской Имперіи. 478—479. чтобъ онъ не помогалъ инсургентамъ и не нападалъ на имперію съ сѣвера. Императоръ далъ ему титулы патриція и консула, назначилъ его византійскимъ полководцемъ съ большимъ жалованьемъ, поручилъ ему защиту нижняго Дуная, называлъ его своимъ другомъ и сыномъ по оружію. Черезъ нѣсколько лѣтъ, когда Иллъ и Леонтій подняли новый мятежъ, Зенонъ поставилъ въ Константинополѣ статую, изображавшую Теодериха верхомъ на конѣ. Теодерихъ выказывалъ себя 484.
благодарнымъ императору за его милости, усердно помогалъ ему въ войнѣ съ мятежниками, сражался даже противъ своего соплеменника Теодериха старшаго, которому было дано прозваніе «Косой» (Strabo).

Этотъ Теодерихъ, сынъ Тріарія, былъ въ римской службѣ помощникомъ своего родственника, могущественнаго полководца Аспара, тоже гота, наслѣдовалъ по его смерти его могущество и сражался иногда за имперію, иногда противъ нея. Теперь онъ поступилъ со своими воинами на службу къ Василиску. Но власть готскаго военнаго короля надъ родоначальниками и воинами была очень ограничена; вообще они повиновались ему, лишь когда сами хотѣли. Привыкнувъ къ буйству бродячей походной жизни и грабежу, они не любили подчиняться закону и дисциплинѣ. Земледѣліе не нравилось имъ, они находили его трудной и скучною работой; по своимъ бродячимъ привычкамъ они были расточительны, несмотря на большое жалованье, постоянно находились въ нуждѣ и, не имѣя денегъ, очень часто отнимали имущество у жителей области, защита которой была поручена имъ. Константинопольское правительство сильно негодовало на обиды, какимъ подвергаютъ Теодериховы остготы ѳракійскіе города и селенія. Теодерихъ скоро замѣтилъ, что византійскій императоръ сталъ не довѣрять ему; подозрѣнія Зенона усилились послѣ того, какъ Теодерихъ Косой, примирившійся съ Теодерихомъ королемъ и дѣйствовавшій вмѣстѣ съ нимъ, умеръ отъ ушиба, упавъ съ лошади, и Теодерихъ король остался одинъ военачальникомъ всѣхъ остготовъ. Теодерихъ сталъ для константинопольскаго двора предметомъ страха и ненависти; натянутыя отношенія къ нему длились нѣсколько лѣтъ, не переходя въ открытую войну только потому, что византійскія войска были заняты подавленіемъ мятежей, много разъ подымавшихся въ Азіи. Тринадцать лѣтъ прошло съ той поры, какъ Теодерихъ поступилъ на службу къ императору. Онъ уже получилъ всевозможныя награды и почести. Временами онъ бралъ контрибуціи со всѣхъ областей между Дунаемъ и Пенеемъ, Іонійскимъ моремъ и Понтомъ и послѣ этихъ враждебныхъ дѣйствій снова держалъ себя спокойно; ему, какъ спасителю государства, былъ данъ тріумфальный въѣздъ въ Константинополь, а потомъ онъ подходилъ къ стѣнамъ Константинополя какъ непріятель. Такія отношенія должны были кончиться чѣмъ-нибудь рѣшительнымъ; византійское правительство и Теодерихъ одинаково желали какой нибудь перемѣны въ нихъ. Потому Зенонъ съ радостью согласился на предложенія Теодериха уйдти въ Италію по порученію императора. Возбуждаемый бѣжавшимъ къ нему ругійскимъ княземъ Фридерихомъ, онъ задумалъ увести своихъ готовъ изъ болотистыхъ пустынь Панноніи и поселить ихъ въ Италіи. Для императора это представляло тѣ выгоды, что столица освобождалась отъ близкаго опаснаго врага и власть императора надъ Италіей возстановлялась.

Походъ остготовъ въ Италію. 488—489.

Въ началѣ зимы 488 года всѣ готы собрались съ равнинъ Паннонііи и съ пастбищъ склоновъ Гемуса въ Новахъ, въ нижней Мизіи, идти оттуда подъ предводительствомъ Теодериха на завоеваніе Италіи.

За пѣшими и конными воинами ѣхали длинные ряды телѣгъ, на которыхъ находились жены, дѣти, имущество, такъ что походъ представлялъ видъ переселенія. Къ остготамъ присоединились ругійцы, нашедшіе у нихъ прибѣжище себѣ, остатки другихъ разбитыхъ нѣмецкихъ племенъ, отважные люди всяческихъ національностей. Общее число переселяющихся простиралось вѣроятно до 250,000 человѣкъ. Въ походѣ остготы питались взятыми съ собой запасами хлѣба въ зернѣ, который женщины мололи на ручныхъ мельницахъ, молокомъ и мясомъ своихъ стадъ рогатаго скота и овецъ, добычею охоты и пищей, получаемой отъ народовъ, черезъ земли которыхъ они шли. Женщины, дѣти и рабы занимались работой по хозяйству, воины шли впереди, охраняя обозъ отъ враговъ и отъ хищныхъ звѣрей, рыскавшихъ кругомъ. Длинный переходъ по Панноніи былъ тяжелъ: тамъ на мѣстѣ прежнихъ богатыхъ городовъ были стоянки дикихъ гепидовъ и кочевали булгарскія и сарматскія племена въ своихъ кибиткахъ. Воинственные жители были подкуплены Одоакромъ и сами опасались за свою землю и свободу; потому хотѣли отразить переселенцевъ, такъ что Теодериху надобно было пролагать себѣ путь съ Дуная за Саву съ мечемъ въ рукѣ. Наконецъ онъ достигъ Юлійскихъ Альпъ, перешелъ ихъ и вступилъ въ Италію. Давъ небольшой отдыхъ своей утомленной конницѣ, Теодерихъ двинулся къ рѣкѣ Сонцію (Изонцо), на которой близъ развалинъ Аквилеи стояло станомъ все войско Одоакра, большинство котораго образовали германскіе наемники, находившіеся подъ начальствомъ своихъ племенныхъ князей. Въ битвѣ, которая произошла тутъ, одолѣла грубая энергія готовъ, одушевленныхъ жадностью къ богатствамъ прекрасной Италіи, въ которой они надѣялись овладѣть грудами золота. Одоакръ съ разбитымъ войскомъ ушелъ въ Верону и сталъ сзывать къ себѣ отовсюду подкрѣпленія. Но Теодерихъ не далъ ему времени оправиться: скоро остготы подступили къ стѣнамъ Вероны; вторая большая битва кончилась опять пораженіемъ Одоакра. Часть войска его была истреблена мечами враговъ, множество другихъ воиновъ потонуло въ Атезисѣ (Адидже). Побѣда была такая полная и казалась такой рѣшительной, что Теодерихъ въ нѣмецкомъ Эпосѣ получилъ названіе по имени города, при которомъ произошла она: въ «Нибелунгахъ» онъ называется Дитрихомъ Бернскимъ, по нѣмецкой формѣ названія Вероны, Бернъ. Онъ сражался въ этой битвѣ, надѣвъ драгоцѣнную одежду, сотканную для него матерью и сестрой. Одоакръ поспѣшно пошелъ въ Римъ; его не впустили въ ворота Рима, и онъ ушелъ въ Равенну, представлявшую очень крѣпкое убѣжище. Теодерихъ овладѣлъ Миланомъ и Тициномъ (Павіей). Но въ эти времена катастрофъ счастье было не надежно. Туфа, главный полководецъ Одоакра, перешелъ на сторону побѣдителя; человѣкъ не постоянный и коварный, онъ примирился въ Фаэнцѣ съ прежнимъ своимъ

Битвы Инзонцо и у Вероны. 489.

30 сентября.

Колебаніе счастья.

государемъ, противъ котораго былъ посланъ новымъ, и отдалъ въ плѣнъ Одоакру отрядъ готскаго войска, которымъ начальствовалъ. Ругійскій князь Фридерихъ тоже покинулъ Теодериха и примирился съ Одоакромъ, своимъ соплеменникомъ. Теодерихъ съ трудомъ отбивался въ тѣсномъ станѣ передъ Павіей отъ врага, перешедшаго въ наступленіе и сурово наказавшаго за измѣну Миланъ и другіе покорившіеся Теодериху города. Въ довершеніе бѣдствій Италіи бергундскій король Гундобальдъ вошелъ въ Лигурію. Онъ опасался завоеванія Италіи остготами; на западѣ вестготы были врагами бургундовъ, остготы, овладѣвъ Италіей, стали бы тѣснить бургундовъ съ востока,—такъ думалъ Гундобальдъ и двинулся черезъ Лигурію на верховье рѣки По и на земли по Танаро, грабилъ ихъ, уводилъ плѣнныхъ въ свои горы. Теодерихъ, получивъ подкрѣпленіе отъ вестготовъ, далъ на Аддѣ битву Одоакру и одержалъ
11 августа 490. третью побѣду; она рѣшила судьбу войны. Такъ сошлись тогда въ Сѣверную Италію герулы, ругійцы, остготы, вестготы, бургунды, вандалы драться между собою за послѣдніе клочки римскаго государства, владычествовавшаго нѣсколько вѣковъ надъ всѣмъ цивилизованнымъ міромъ. Часть войска Теодериха блокировала остатки войска Одоакра въ Равеннѣ, другія части покоряли другіе города. За крѣпкими стѣнами и за болотами Равенны храбрый Одоакръ долго держался противъ готовъ, неопытныхъ въ искусствѣ вести осады
Смерть Одоакра. городовъ. Наконецъ на третьемъ году блокады голодъ въ Равеннѣ усилился до такой степени, что Одоакръ принужденъ былъ сдать городъ, въ которомъ храбро оборонялся. Теодерихъ заключилъ съ
27 февраля 493. нимъ договоръ, по которому они оба вмѣстѣ должны были править Италіей. Но черезъ нѣсколько дней по вступленіи готовъ въ
5 марта. Равенну Теодерихъ на шумномъ пиру самъ своею рукой убилъ Одоакра; потому ли, что хотѣлъ избавится отъ соперника, или потому, какъ утверждали готы, что Одоакръ составилъ злоумышленіе противъ него. Сынъ Одоакра, воины его свиты и ихъ семейства тоже были умерщвлены. Только братъ его Оноульфъ успѣлъ бѣжать и нашелъ себѣ пріютъ за Дунаемъ. Ругійскій князь Фридерихъ, измѣнившій Теодериху, былъ убитъ въ сраженіи съ его полководцами. Такимъ образомъ Италія, великая мать героевъ, подпала подъ власть остготовъ, и образованнѣйшій послѣ грековъ народъ земного шара принужденъ былъ повиноваться варварамъ, грубый языкъ и грубые нравы которыхъ онъ презиралъ. Византійскій дворъ полагалъ, что Теодерихъ шелъ прогнать узурпатора Одоакра, какъ полководецъ, дѣйствующій по порученію императора и возстановить власть его надъ Италіей; но Теодерихъ провозгласилъ себя съ утвержденія войска ко-

Отношенія Теодериха къ византійскому императору.

ролемъ Италіи. Императоромъ былъ тогда Анастасій, одинъ изъ царедворцевъ прежняго императора Зенона, по смерти котораго получилъ престолъ, женившись на его вдовѣ Аріаднѣ. Анастасій

Анастасій. 491—518.

долго медлилъ признать Теодериха королемъ Италіи, наконецъ далъ ему утвержденіе въ этомъ санѣ и послалъ ему знаки правительственной власти, которые были препровождены Одоакромъ въ Константинополь. Византійскій дворъ держался мысли, что Италія только отдана въ управленіе варварамъ, которымъ поручена оборона ея и что она остается подъ верховною властью императора. Теодерихъ не спорилъ противъ этого мнѣнія и оказывалъ на словахъ уваженіе къ императору. Онъ желалъ утвержденія своей власти императоромъ для того, чтобы придать своему управленію законность въ глазахъ римлянъ. Сообразно этому разсчету онъ употреблялъ самыя почтительныя выраженія въ письмахъ къ императору, называлъ его своимъ отцомъ и государемъ; чеканилъ монету съ изображеніемъ его; въ надписяхъ на своихъ сооруженіяхъ ставилъ его имя выше своего. Но все это было только пустымъ формальнымъ почетомъ; въ дѣлахъ управленія Теодерихъ поступалъ какъ независимый государь, издавалъ законы по собственной волѣ, распоряжался всѣмъ въ Италіи какъ хотѣлъ, велъ войны и заключалъ союзы, не спрашивая согласія у императора. Когда варварскій военачальникъ Мундонъ, собравшій на Дунаѣ разбойническую орду и дѣлавшій нападенія на Византійскую имперію, былъ побѣжденъ полководцами императора, и они стали тѣснить его, Теодерихъ послалъ войско на по- 505.
мощь ему. Черезъ три года Теодерихъ, построивъ себѣ корабли, 508.
прогналъ византійскій флотъ отъ береговъ Апуліи и Калабріи. Изъ этого ясно, признавалъ ли онъ на дѣлѣ власть императора надъ собой. Прокопій говоритъ: не принимая на себя титулъ римскаго императора, онъ присвоилъ себѣ всѣ права императорской власти.

Отношенія Теодериха къ другимъ германскимъ племенамъ.

Не допуская византійскаго императора вмѣшиваться въ дѣла своего итальянскаго королевства, Теодерихъ съ такой же энергіей и ловкостью ограждалъ свое государство отъ нападеній варваровъ, заставлялъ ихъ имѣть уваженіе къ нему и дѣлалъ у нихъ завоеванія. Гепиды подобно ругійцамъ присоединились къ остготамъ на походѣ ихъ въ Италію; въ странѣ, покинутой гепидами, поселились герулы, которые

Герулы и лангобарды.

первоначально жили у Балтійскаго моря и, тѣснимые нападеніями сѣверо-восточныхъ сосѣдовъ, пошли вверхъ по Одеру, а теперь заняли равнину по рѣкѣ Тисѣ. Этотъ отдѣлъ племени геруловъ, пришедшій съ сѣвера позднѣе другого отдѣла, уже давно передвинувшагося на югъ, имѣлъ очень грубые нравы, былъ алченъ, высокомѣренъ и сталъ ужасомъ сосѣдовъ, особенно лангобардовъ, которыхъ сдѣлалъ своими данниками. Прокопій говоритъ, что у этихъ «сѣверныхъ» геруловъ былъ обычай приносить людей въ жертву богамъ и другіе обычаи еще болѣе ужасные: они клали на костеръ своихъ дряхлыхъ отъ старости или ослабѣвшихъ отъ болѣзни родныхъ и сожигали ихъ, чтобъ избавить отъ страданій жизни; вдова умершаго была обязана удавиться на могилѣ мужа; если она не исполняла этой обязанности,

она считалась безчестной. Родоначальники и племенные князья геруловъ избирали короля; власть его была слаба, и онъ во всемъ зависѣлъ отъ воли вельможъ. Теодерихъ заключилъ союзъ съ королемъ этихъ геруловъ Родульфомъ и назвалъ его своимъ сыномъ. Но выгода отъ союза съ нимъ для Теодериха ограничивалась тѣмъ, что герулы при немъ не нападали на остготовъ. Вскорѣ по заключеніи союза съ остготами герулы были побѣждены лангобардами. Пораженіе, которое потерпѣли они, было такъ сильно, что они перестали быть особымъ народомъ. Родульфъ съ толпою разбитыхъ сподвижниковъ бѣжалъ къ Теодериху, который принялъ его дружески; другія толпы разсѣявшагося герульскаго народа бродили по дунайскимъ землямъ и скоро затерялись, смѣшавшись съ другими германскими племенами, или ушедши далеко на востокъ или на сѣверъ.

Во времена Юстиніана мы видимъ послѣдній остатокъ герульскаго племени, живущимъ близъ города Сингидуна (Бѣлграда). Эти герулы находились на службѣ византійскаго императора, получали отъ него опредѣленное вознагражденіе и храбро сражались въ его войскахъ. Изъ нихъ были сформированы отряды подъ начальствомъ своихъ племенныхъ князей, ходившіе съ Велизаріемъ и Нарсесомъ на персовъ, вандаловъ и готовъ.

Вандалы и бургунды. Главной заботой Теодериха было оградить свое государство отъ грабежей вандаловъ и бургундовъ. Мы видѣли, что вандалы, овладѣвъ Африкою, стали морскими разбойниками. Длинный берегъ ихъ государства имѣлъ много гаваней; туземцы были опытные моряки; алчные вандалы, пользуясь ихъ искусствомъ, стали грабить всѣ берега и острова Средиземнаго моря; морская торговля пришла въ упадокъ отъ ихъ пиратства; плодородныя долины итальянскихъ и сицилійскихъ береговъ, имѣвшія густое населеніе, были покинуты людьми и лежали не воздѣланныя; Римъ страдалъ отъ голода. Теодерихъ, ловкій дипломатъ, убѣдилъ короля вандаловъ Гунтамунда заключить
491. съ нимъ договоръ, по которому вандалы отдали остготамъ Сицилію и прекратили грабежи береговъ остготскаго государства; покинутыя нивы снова были распаханы и стали давать хлѣбъ Риму; голодъ въ немъ прекратился. Черезъ три года установилась дружба между остготами и бургундами. Посредникомъ въ этомъ дѣлѣ былъ Епифаній, епископъ павійскій, человѣкъ краснорѣчивый, пользовавшійся большимъ уваженіемъ при жизни, а по смерти признанный святымъ. Онъ уже давно былъ по разнымъ дѣламъ посредникомъ между разными государями. Теодерихъ отправилъ его и епископа туринскаго Викто-
494. ра къ бургундскому королю Гундобальду и, по его убѣжденію, Гундобальдъ освободилъ плѣнныхъ, за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ уведенныхъ бургундами изъ Лигуріи. За нѣкоторыхъ бургунды взяли
Алеманны. небольшой выкупъ, другихъ освободили даромъ. Толпы алемановъ, разбитыхъ франкскимъ королемъ Хлодвигомъ, бѣжали къ остготамъ;

Теодерихъ поселилъ ихъ въ тѣхъ альпійскихъ долинахъ, которыя образуютъ нынѣ кантонъ Граубюнденъ, и они стали защитниками остготскаго государства отъ нападеній съ этой стороны. Теодерихъ былъ правитель миролюбивый и благоразумный, ему хотѣлось соединить всѣ германскія племена въ одну федерацію, члены которой жили бы въ дружбѣ между собой. Для этого онъ вступилъ въ родственныя отношенія къ большинству германскихъ государей. Одну изъ своихъ дочерей онъ отдалъ за Сигмунда, сына и наслѣдника бургундскаго короля Гундобальда, другую за вестготскаго короля Алариха; его сестра Амалафрида вышла за вандальскаго короля Трасамунда. Съ нею поѣхали въ Африку тысяча благородныхъ остготовъ, у каждаго изъ которыхъ было пять воиновъ; они были хорошимъ подкрѣпленіемъ уменьшившемуся въ числѣ и изнѣжившемуся вандальскому войску. Дочь Амалафриды Амалаберга, получившая хорошее образованіе и умѣвшая держать себя съ достоинствомъ и скромностью, вышла впослѣдствіи за Германфрида, князя тюринговъ, владѣнія которыхъ простирались тогда отъ верховья Майна и отъ Салы до средняго Дуная, а самъ Теодерихъ женился на сестрѣ могущественнаго франкскаго короля Хлодвига.

Миролюбіе Теодериха.

Но у Хлодвига страсть къ завоеваніямъ была сильнѣе родственнаго чувства. Не слушая предостереженій и угрозъ Теодериха, онъ пошелъ войной на его зятя, вестготскаго короля Алариха. Подробности этого похода мы разскажемъ послѣ; теперь довольно сказать, что вестготы потерпѣли полное пораженіе въ рѣшительной битвѣ и что Аларихъ былъ убитъ въ ней. Теодерихъ послалъ въ Галлію войско подъ начальствомъ храбраго полководца Иббы; онъ остановилъ франковъ, такъ что они не 507.
успѣли завоевать всѣхъ вестготскихъ владѣній въ Галліи; Амалариху малолѣтнему сыну убитаго короля и дочери Теодериха, была сохранена отъ франковъ часть отцовскаго наслѣдства на сѣверѣ отъ Пиренеи съ богатымъ городомъ Каркассоной, были сохранены ему и сокровища, которыя хотѣлъ отнять у него Гезалихъ, сынъ Алариха отъ другой жены. Теодерихъ оставилъ за собой юговосточную часть прежнихъ вестготскихъ владѣній въ Галліи, землю по Ронѣ (Провансъ). При войнѣ сыновей Хлодвига съ бургундами, силы кото- 511.
рыхъ были разстроены междоусобіями въ ихъ королевскомъ родѣ, Теодерихъ присоединилъ къ своимъ галльскимъ владѣніямъ сосѣднія части бургундскихъ земель. Онъ вмѣшался въ эту войну, какъ мститель за своего убитаго внука. Вообще онъ хотѣлъ подчинить сво- 523.
ему покровительству всѣхъ слабыхъ германскихъ государей, имѣть надъ ними отцовскую власть и помогать распространенію римской культуры въ ихъ владѣніяхъ, быть посредникомъ между Византійскою имперіей и германскими племенами.

Войны въ Галліи.

Тѣ времена были такъ бурны, что Теодерихъ не могъ совершенно уклониться отъ войнъ, но къ чести его должно сказать, что онъ

Результаты миролюбія Теодериха.

доставилъ внутреннее спокойствіе своему государству, простиравшемуся на востокъ черезъ Иллирію до Сирмія, стоявшаго на Дунаѣ. При немъ эти земли не подвергались нападеніямъ варваровъ, отъ которыхъ такъ долго страдали. Онъ старался предотвращать войны между германскими племенами, былъ посредникомъ во всѣхъ ихъ ссорахъ и брался за мечъ только въ случаяхъ необходимости, чтобы поддержать свое посредническое вліяніе. Кассіодоръ приводитъ его слова: «Пусть другіе короли пріобрѣтаютъ войной добычу и полуразрушенные города; мы желаемъ побѣждать такъ, чтобы люди, дѣлающіеся нашими подданными сожалѣли, зачѣмъ не были намъ подвластны раньше того». Эта мудрая политика доставляла ему всеобщее уваженіе и производила благотворныя послѣдствія. «На западѣ,» говоритъ Іорданъ, «не было народа, который бы не слушался его или по прямой зависимости, или по союзу.» Варны, жившіе на сѣверо-востокъ за тюрингами, и эстіи, жившіе на янтарномъ (южномъ) берегу Балтійскаго моря, присылали ему подарки, хотя не имѣли никакой надобности въ немъ; это показываетъ, что его имя пользовалось на сѣверѣ такимъ же уваженіемъ, какъ на югѣ; посылалъ подарки и онъ имъ; изъ этого мы видимъ, что онъ дорожилъ дружескими чувствами другихъ народовъ.

Внутреннее управленіе.

Но главную славу Теодериха составляетъ его благотворное внутреннее управленіе. «Онъ заботился о правосудіи», говоритъ Прокопій, «поддерживалъ уваженіе къ законамъ, выказывалъ величайшее благоразуміе и необыкновенную дѣятельность. Онъ почти никогда не дѣлалъ самъ несправедливости своимъ подданнымъ и не дозволялъ другимъ несправедливостей, кромѣ той одной, что готы раздѣлили между собою тѣ земли, которыя Одоакръ роздалъ своимъ военачальникамъ.» Этими словами Прокопія характеризуются важнѣйшія стороны правительственной дѣятельности Теодериха.

1. Роздача земли воинамъ.

1. Давая землю своимъ воинамъ, Теодерихъ роздалъ имъ только ту третью часть (Tertia или Sors), которую взялъ у итальянцевъ Одоакръ. Это количество земли было достаточно для готовъ. Почти все оно оставалось безъ владѣтелей, когда Теодерихъ одолѣлъ Одоакра. Должно думать, что Одоакръ не успѣлъ дѣйствительно раздать своимъ воинамъ всю ту землю, какой требовалъ отъ итальянцевъ для раздачи имъ; при пораженіяхъ войскъ Одоакра погибло большинство воиновъ которымъ дѣйствительно была роздана земля, и ихъ участки остались пустыми, или были взяты обратно прежними владѣльцами. Теодерихъ дѣйствительно взялъ у итальянцевъ все то количество земли какого требовалъ у нихъ Одоакръ; это вѣроятно и казалось несправедливостью Прокопію, считавшему распоряженіе Одоакра нарушеніемъ права собственности. Итакъ остготы получили третью часть удобной земли всей Италіи. Вмѣстѣ съ землей они взяли и такое количество рабовъ, какое было нужно для ея обработки. Они се-

лились вѣроятно родовыми и племенными группами, болѣе всего въ сѣверной и особенно въ сѣверо-восточной части Италіи. Нѣкоторые воины Одоакра пожалуй остались жить на прежнихъ своихъ земляхъ, но вѣроятно эти ихъ земли были отданы остготамъ, и они жили какъ земледѣльцы подвластные остготскимъ, быть можетъ и римскимъ землевладѣльцамъ (или, какъ это говорится, были «колонами» остготовъ и римлянъ). Впрочемъ нѣкоторые изъ воиновъ Одоакра могли остаться и собственниками своихъ участковъ. Вѣроятно не во всѣхъ областяхъ Италіи третья доля земли была дѣйствительно взята у прежнихъ владѣльцевъ; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ она вѣроятно осталась въ ихъ владѣніи, но взамѣнъ того они должны были отдавать въ казну третью часть своихъ доходовъ. Такъ можно думать по тому, что Кассіодоръ называетъ «третьей долей», Tertia, ту подать, какую платили готамъ римскіе города.

Кассіодоръ. 480—575 (или 468—577).

Во всѣхъ своихъ распоряженіяхъ Теодерихъ руководился совѣтами Кассіодора, человѣка усердно старавшагося быть полезнымъ для родины. Магнъ Аврелій Кассіодоръ (или Кассіодорій) происходилъ изъ знатнаго рода, имѣвшаго большія земли въ Бруттіѣ. Дѣдъ и отецъ Кассіодора уже занимали важныя должности, поддерживали и гражданской, и военной дѣятельностью своей падающее отечество. Кассіодоръ получилъ очень хорошее образованіе. До насъ дошелъ сборникъ писанныхъ имъ оффиціальныхъ документовъ, Variarum epistolarum libri XII. Они показываютъ, что онъ былъ хорошій дѣловой человѣкъ, знавшій законы, показываютъ также, что Теодерихъ имѣлъ большое довѣріе къ нему. Король далъ ему должность преторіанскаго префекта, санъ патриція, санъ консула, сдѣлалъ его своимъ секретаремъ, то есть первымъ министромъ, поручилъ ему составлять всѣ важные документы. Кассіодоръ былъ искренно преданъ Теодериху. Онъ превозносилъ прекрасныя качества готовъ, ихъ королевской династіи и короля, стремясь примирить своихъ соотечественниковъ съ ихъ владычествомъ; этимъ онъ помогалъ Теодериху, желавшему согласія между итальянцами и остготами. Роздача земли производилась не безпорядочно, а по точнымъ правиламъ подъ руководствомъ римскихъ администраторовъ и главнымъ образомъ подъ управленіемъ Либерія, человѣка почтеннаго, котораго Теодерихъ назначилъ префектомъ. Это мы знаемъ по положительнымъ извѣстіямъ. Такъ напримѣръ, въ одномъ изъ документовъ, написанныхъ Кассіодоромъ отъ имени короля, Теодерихъ говоритъ: „Мы съ радостью видимъ, что нашъ уполномоченный (Либерій) при назначеніи третьихъ долей соединилъ и владѣнія, и сердца готовъ и римлянъ, такъ что сосѣдство не послужило, какъ обыкновенно бываетъ, причиною ссоры, общее владѣніе имѣніями содѣйствовало согласію. Дружба между народами возросла чрезъ потерю, и уступкою части земли пріобрѣтенъ защитникъ, охраняющій ненарушимую цѣлость имѣнія“. Въ другомъ мѣстѣ говорится. „Если какой нибудь дерзкій иноземецъ послѣ нашего вступленія въ Италію присвоилъ себѣ имѣніе какого нибудь римлянина безъ письменнаго права на то, даннаго нашимъ уполномоченнымъ, то онъ долженъ немедленно возвратить имѣніе прежнему собственнику; а если онъ взялъ во владѣніе землю раньше вышеозначеннаго времени и если можетъ доказать, что пріобрѣлъ на нее право собственности по тридцатилѣтней давности владѣнія, то мы повелѣваемъ, чтобы было отказано истцу въ его притязаніяхъ“.

2. Сохраненіе римскихъ законовъ. 2. Теодерихъ глубоко уважалъ римское прочное государственное устройство, съ которымъ ознакомился и пользу котораго понялъ, когда жилъ въ Константинополѣ. Онъ сохранилъ прежнія придворныя и правительственныя должности, сенатъ, ректоровъ (правителей провинцій), городскія управленія, «защитниковъ» (defensor) и «попечителей» (curator) городовъ, и вообще замѣщалъ эти должности римлянами. Онъ оставилъ въ дѣйствіи римское право; это было необходимо уже по одному тому, что обычное право готовъ, слишкомъ не развитое, и быть можетъ еще и не записанное, было недостаточно для рѣшенія запутанныхъ споровъ, возникающихъ между людьми въ цивилизованномъ обществѣ и теперь ставшихъ еще запутаннѣе черезъ прибавленіе иноземнаго элемента къ прежнему населенію; Теодерихъ былъ такъ разсудителенъ и добръ, что не хотѣлъ отнимать у побѣжденныхъ національные законы, которыми дорожитъ всякій народъ и утрата которыхъ была бы чрезвычайно тяжела для римлянъ. На седьмой годъ своего правленія Теодерихъ обнародовалъ эдиктъ, со-
500. стоявшій изъ 44 небольшихъ отдѣловъ и заключавшій въ себѣ главнымъ образомъ законы о наказаніяхъ за нарушеніе правъ собственности, за жестокость къ рабамъ и за оскорбленіе женской чести. Эти правила были заимствованы большею частью изъ римскихъ законовъ, и очевидно, что эдиктъ имѣлъ цѣлью сблизить готовъ съ римлянами, подготовить ихъ къ принятію римскихъ законовъ. Ту же цѣль соединенія готовъ въ одинъ народъ съ римлянами имѣлъ Теодерихъ, учредивъ должность «готскихъ графовъ», которые должны были при содѣйствіи римскихъ юристовъ рѣшать тяжбы между готами и римлянами, онъ назначилъ готскаго графа въ каждый главный городъ итальянскихъ областей.

Цѣль установленія должности готскихъ графовъ прямо объясняется въ самомъ текстѣ закона о нихъ: „Принимая въ соображеніе, что при помощи Божіей готы живутъ между вами, мы, желая чтобы не возникало безпорядковъ, какіе часто бываютъ между сосѣдями, нашли необходимымъ послать къ вамъ надежнаго человѣка въ званіи графа, чтобы рѣшать сообразно нашимъ распоряженіямъ тяжбы между двумя готами; если же возникнетъ тяжба между готомъ и римляниномъ, то онъ пригласитъ римлянина, знающаго законы, и рѣшитъ процессъ по справедливости. А тяжбы между двумя римлянами будутъ рѣшать римляне, которыхъ мы посылаемъ въ провинціи судьями, такъ чтобы каждый былъ судимъ по своему закону и чтобы при различіи судей обнимала всѣхъ одна справедливость“. Итакъ смѣшанный судъ былъ установленъ для того, чтобы примирять разногласія между римскимъ и готскимъ правомъ. Теодерихъ считалъ лучшей своей славой возстановленіе законнаго порядка въ государствѣ. Апелляціонной инстанціей служилъ придворный судъ короля. Въ мелкихъ городахъ были второстепенные готскіе графы.

3. Налоги. 3. Кажется, Теодерихъ сохранилъ и систему налоговъ въ томъ самомъ видѣ, какой получила она при императорахъ. Изъ прежнихъ го-

сударственныхъ имуществъ было образовано королевское земельное имущество; управленіе имъ было ввѣрено интенданту, главной обязанностью котораго было рѣшеніе споровъ между управляющими или наслѣдственными арендаторами имѣній и колонами (подвластными поселянами). Налоги состояли главнымъ образомъ въ поставкѣ продуктовъ натурой для содержанія двора. Значительный доходъ фиску (королевской казнѣ) давали регаліи; къ числу ихъ принадлежали рудники и всякаго рода копи, лѣса, находимыя въ землѣ зарытыя сокровища, тѣ наслѣдства, по которымъ не оказывалось родственниковъ и не было сдѣлано завѣщанія, конфискуемыя имущества государственныхъ преступниковъ. Главнымъ источникомъ государственнаго дохода былъ поземельный налогъ, сохраненный Теодерихомъ въ томъ видѣ, въ какомъ былъ установленъ Діоклеціаномъ и Константиномъ. Онъ взимался и съ новыхъ (готскихъ) землевладѣльцевъ какъ съ (римскихъ) старыхъ. Величина его опредѣлялась королемъ соразмѣрно надобностямъ государства; уплата была требуема по третямъ, сроки которыхъ назывались индикціями; она производилась отчасти деньгами, отчасти продуктами.

По двумъ изъ распоряженій Теодериха мы видимъ, что готы неохотно подчинились непривычной для нихъ обязанности платить налогъ и что для его взиманія нужны были строгія мѣры. Изъ всѣхъ государствъ, основанныхъ въ римскихъ провинціяхъ варварами, остготское наиболѣе романизировалось; въ вандальскомъ и вестготскомъ государствахъ, земли, полученныя германцами (Sortes), были свободны отъ налога. Но кажется, что королевскія земли вообще не платили налога и въ остготскомъ государствѣ. При взиманіи поземельнаго налога было много притѣсненій и всяческихъ несправедливостей; это видно изъ множества жалобъ королю, предостереженій и угрозъ короля, сохранившихся въ сборникѣ документовъ, писанныхъ Кассіодоромъ; но изъ этого сборника видно также, что Теодерихъ очень внимательно и справедливо разбиралъ жалобы, принималъ въ соображеніе всѣ обстоятельства дѣлъ, старался защитить плательщиковъ налога отъ всякихъ обидъ. Въ особенности охранялъ онъ интересы декуріоновъ, чтобы граждане не уклонялись отъ этой должности.

Подобно поземельному налогу были сохранены установленные императорами промышленный налогъ (Auraria, Chrysargyrum) съ купцовъ и ремесленниковъ, разныя монополіи, пошлина съ продажи товаровъ и недвижимой собственности. Таможенныя пошлины съ товаровъ привозимыхъ моремъ были уменьшены, потому что Теодерихъ сильно желалъ оживить умиравшую торговлю.

4. Въ администраціи и судопроизводствѣ Теодерихъ сохранялъ установленія императоровъ и поручалъ должности почти исключительно итальянцамъ, далеко превосходившимъ готовъ не только образованностью, но и дѣловой опытностью. Военное устройство въ его государствѣ было германское; и на войнѣ, и въ своемъ равеннскомъ дворцѣ онъ 4. Войско.

былъ военнымъ государемъ готскаго ополченія. Самъ ли онъ ходилъ на войну или посылалъ вмѣсто себя своихъ опытныхъ полководцевъ, подъ славнымъ готскимъ знаменемъ шли только германскіе воины; во всѣхъ извѣстіяхъ о военныхъ дѣлахъ остготовъ мы находимъ старое германское военное устройство и старые боевые обычаи. Римляне не принимались въ войско; только готы имѣли право носить оружіе и учиться военному дѣлу. За свою службу воины получали отъ государства, кромѣ данныхъ имъ земель, вооруженіе и содержаніе провіантомъ и деньгами.

Мансо говоритъ: „Все показываетъ, что остготы въ военномъ дѣлѣ сохранили полную самостоятельность; они долго служили по найму подъ чужими, греко-римскими знаменами; теперь они водрузили свои знамена и по праву храбрыхъ сдѣлались изъ слугъ повелителями“. Когда надобно было вести войну, только готамъ давалось повелѣніе собираться въ назначенныя мѣста; только готы составляли гарнизоны крѣпостей, только они были военачальниками. Одинъ изъ преемниковъ Теодериха говоритъ: „Мы будемъ оказывать готамъ и римлянамъ равную справедливость и равную милость; тѣ и другіе будутъ пользоваться одинаковыми правами, и не будетъ между ними никакой разницы, кромѣ той, что готы принимаютъ на себя для общей пользы военные труды, а римляне размножаются въ безопасномъ жилищѣ“.

Торговля, промышленность, земледѣліе и другія мирныя занятія были предоставлены туземному населенію; военное дѣло и военная слава оставались привиллегіею германскихъ завоевателей. Готскіе герцоги (duces) и графы (comites) были военачальниками, охранявшими пограничныя области Рецію и Далмацію; королевскіе арсеналы и военныя мастерскія находились подъ надзоромъ готскаго сановника; германскіе пѣшіе и конные тѣлохранители, пользовавшіеся особеннымъ почетомъ и высокимъ жалованьемъ, оберегали подъ начальствомъ «дворцоваго графа» особу короля и его дворъ.

Войска во время похода и гарнизоны получали продовольствіе и жалованье; получали продовольствіе и наемные воины, чтобъ они не имѣли надобности притѣснять жителей. Но для службы на флотѣ, объ увеличеніи котораго очень заботился Теодерихъ, онъ бралъ туземцевъ, свободныхъ людей и рабовъ.

Цвѣтущее состояніе Италіи при Теодерихѣ.

Теодерихъ очень заботился о благѣ населенія и доставилъ Италіи много лѣтъ мира, потому его правленіе было благотворно для нея. Ея благосостояніе поднялось въ это время. Раздробленіе большихъ имѣній на мелкіе участки, отданные готамъ, возстановило глубоко упавшее земледѣліе, потому что готы понемногу привыкли къ сельскому труду и полюбили его; были осушены болотистыя мѣстности и въ частности Помптинскія болота, объ уничтоженіи которыхъ

такъ много хлопотало уже и римское правительство; такимъ образомъ для хлѣбопашества были пріобрѣтены новыя земли. Теодерихъ предотвратилъ благоразумными распоряженіями недостатокъ въ хлѣбѣ, отъ котораго прежде страдали такъ часто Римъ и Равенна. Внутренняя торговля оживилась, благодаря тому, что во всемъ государствѣ была одинаковая система вѣса, мѣры и монеты, что былъ прекращенъ разбой по дорогамъ еще остававшимся прекрасными; что рѣки и каналы были разчищены, гавани поправлены усердной заботливостью Теодериха. Умѣренность таможенныхъ пошлинъ и любезное обращеніе съ иноземцами благопріятствовали развитію торговли съ Испаніей, Греціей и другими землями. Границы были ограждены укрѣпленіями и охраняемы гарнизонами. Общественныя зданія, водопроводы, бани, амфитеатры, памятники были поправляемы, заботливо охранялись отъ обветшанія и разрушенья. «Римъ помолодѣлъ и можетъ праздновать снова Луперкаліи», говоритъ одинъ изъ писателей того времени. Теодерихъ даже покровительствовалъ просвѣщенію. Онъ давалъ важнѣйшія правительственныя и судебныя должности образованнымъ римлянамъ, въ особенности людямъ сенаторскихъ фамилій, назначалъ даровитыхъ преподавателей юриспруденціи, медицины, словесности и другихъ наукъ въ римскія, равеннскія и другія школы. Онъ давалъ блестящія игры для народа въ Римѣ и другихъ большихъ городахъ, не допускалъ только грубыхъ зрѣлищъ, гладіаторскаго боя. Толпа снова восхищалась боемъ съ дикими животными на аренѣ, скачками колесницъ въ циркѣ, спектаклями въ театрѣ; но излишней роскоши и буйства Теодерихъ не дозволялъ. Когда онъ въ первый разъ пріѣхалъ въ Римъ (въ 500 году), онъ наградилъ раздачею хлѣба и подарками легкомысленную и праздную массу народа за сдѣланный ему торжественный пріемъ.

Дурныя стороны правленія Теодериха.

Итакъ Теодерихъ заботливо старался поддерживать римскую культуру и римскія учрежденія въ своемъ остготскомъ государствѣ. Но если онъ полагалъ, что создастъ здоровое германское цѣлое своими заботами о сліяніи германскаго элемента съ римскимъ, то испыталъ горькое разочарованіе. Соединеніе римлянъ и германцевъ было только внѣшнее, поверхностное; оно только продлило страданія агоніи римлянъ и разслабило вліяніемъ римской изнѣженности дикую энергію остготовъ, составлявшихъ военное сословіе и не слившихся въ одно цѣлое съ прежнимъ населеніемъ. Браки между германскими и римскими семействами были рѣдки; остготы оставались народомъ различнымъ отъ римлянъ по языку, обычаямъ и религіи. Эта разрозненность двухъ элементовъ населенія погубила остготское государство. Теодерихъ не отважился или не имѣлъ силы доставить остготскому быту преобладаніе надъ римской культурой, разрушить римскія учрежденія; потому населеніе готовъ должно было распасться по

народностямъ, и государство рушилось, когда не стало могучей руки, сдерживавшей его элементы вмѣстѣ и когда нападеніе византійцевъ дало возможность туземцамъ выказать свою ненависть къ остготамъ. Итальянское населеніе сохранило свои преданія и учрежденія, было соединено чувствомъ національной, политической и религіозной связи, а старое германское устройство подвергалось у остготовъ въ Италіи глубокимъ перемѣнамъ. Королевская власть усилилась; народныя собранія прекратились, между прочимъ ужь и потому, что народъ разселился по обширному пространству; прежняя независимая отъ короля аристократія превратилась въ сословіе придворныхъ и сановниковъ короля, имѣвшее своимъ центромъ его дворецъ; число свободныхъ людей уменьшилось; многіе изъ нихъ переходили въ положеніе колоновъ, то-есть поселянъ подвластныхъ землевладѣльцу.

Упадокъ культуры и вкуса.

Какъ нѣмецкимъ императорамъ слѣдующихъ вѣковъ, Теодериху римская культура, искусство и науки Италіи нравились больше грубыхъ германскихъ обычаевъ. Старинныя германскія эпическія пѣсни замолкли при его дворѣ, все болѣе и болѣе принимавшемъ отжившія формы императорскаго двора. Теодерихъ уважалъ римскую образованность, но лишь скудные лучи ея проникли въ его душу и не вносили въ его грудь живительной теплоты. Въ своихъ постройкахъ онъ слѣдовалъ испорченному вкусу того времени, ему нравились вычурныя произведенія выродившагося поколѣнія, не имѣвшаго силы освѣжить увядающую культуру. Ему нравилось, что Эннодій, епископъ павійскій, писавшій стихотворенія во вкусѣ грекоримскаго язычества и дающій намъ въ своихъ письмахъ много извѣстій о бытѣ и фактахъ того времени, восхвалилъ его въ панегирикѣ, наполненномъ высокопарной лестью. Друзья Эннодія, врачъ Теодериха Эльпидій и нотаріусъ (хранитель документовъ) Араторъ, писали стихотворенія о чудесахъ Христа и апостоловъ. Заботы Теодериха поддержать остатки древней образованности не остановили порчи языка, упадка вкуса и наукъ. Въ языкъ вторгались иноземные элементы, новыя слова, сбивчивыя выраженія, обороты не согласные съ латинской грамматикой. Вкусъ все дальше отклонялся отъ естественности и правды, все усиливалась любовь къ напыщеннымъ преувеличеніямъ; не только въ торжественныхъ рѣчахъ, но и въ дѣловыхъ бумагахъ владычествовало щегольство пустой ученостью. Науки не расширяли кругъ своихъ изслѣдованій, а сжимались, утрачивали смыслъ. Во всемъ мы видимъ умственную ограниченность, не подымающуюся выше практическихъ надобностей управленія. Теодерихъ усердно строилъ, украшалъ, поправлялъ; надъ его постройками работали толпы мастеровыхъ и художниковъ, но онъ не могъ оживить и искусство, какъ не оживилъ науку. Стиль архитектуры его времени мелоченъ при колоссальности, даетъ громадные размѣры мелочамъ; вмѣсто энергіи мы видимъ утрировку, вмѣсто граціозности вычурность. Церкви, построенныя Теодерихомъ въ Равеннѣ и въ портовомъ городѣ Классе, церковь святого Виталія и церковь святого Аполлинарія, украшенная богатыми мозаичными картинами, гробница Теодериха и дворецъ его показываютъ, что художники въ готскомъ государствѣ не безъ успѣха подражали византійскимъ и римскимъ образцамъ. Но одинъ изъ писателей слѣдующаго поколѣнія справедливо говоритъ: „Прежнимъ вѣкамъ Господь далъ силу и талантъ на истинное искусство; теперь сѣмя утратило жизненную способность и сокъ изсохъ". Христіанскіе писатели и поэты того времени чувствуютъ съ угрызеніемъ совѣсти, что языческая литература нравится имъ больше христіанской.

Отношенія Теодериха къ православной церкви.

Отношенія между римлянами и остготами много запутывались тѣмъ, что завоеватели отличались отъ побѣжденныхъ не только языкомъ и обычаями, но и вѣроисповѣданіемъ; остготы были аріане, то есть въ глазахъ римлянъ они были еретики, осквернявшіе христіанскую вѣру своими ложными понятіями. Разница вѣроисповѣданій очень сильно мѣшала успѣху заботъ Теодериха о сліяніи остготовъ съ римлянами. Считая себя преемникомъ императоровъ, онъ и по отношенію къ церкви, какъ во всемъ, постоянно выказывалъ справедливость и вѣротерпимость, охранялъ права и привилегіи православной церкви, уважалъ принадлежавшее храмамъ ея право быть азилями, украшалъ ихъ драгоцѣнными подарками; но все-таки ему не удалось одолѣть недовѣріе и ненависть православныхъ. Они досадовали на него за то, что онъ защищаетъ іудеевъ отъ гоненія христіанъ, отдаетъ жалобы и тяжбы духовныхъ лицъ на рѣшеніе свѣтскихъ судовъ, не дозволяетъ духовенству нарушать права государства и завладѣвать посредствомъ интригъ имуществами мірянъ. Онъ старался какъ можно меньше вмѣшиваться въ дѣла православной церкви и если однажды, при выборѣ двумя партіями двухъ папъ, вступился въ это дѣло, то лишь по желанію самихъ партій, спорившихъ между собою, дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ очень мягко и рѣшилъ споръ въ пользу того епископа (Симмаха), который былъ выбранъ большинствомъ голосовъ. Но православное духовенство ненавидѣло аріанскаго короля. Соборъ римскаго духовенства объявилъ не законнымъ и не имѣющимъ силы изданное Одоакромъ постановленіе, что для выбора папы необходимо согласіе короля. Это рѣшеніе собора было важнымъ шагомъ въ прогрессѣ развитія могущества папы.—Вражда православныхъ къ Теодериху возросла, когда преемникъ императора Анастасія Юстинъ I, старикъ, знавшій только военное дѣло, человѣкъ необразованный, сталъ, по внушенію своего племянника, Юстиніана, преслѣдовать еретиковъ, и желая, чтобъ они подверглись гоненію въ западной половинѣ христіанскаго міра, началъ заботиться о примиреніи западной церкви съ восточной. Теодерихъ, глубоко раздраженный преслѣдованіями, которымъ подверглись его единовѣрцы аріане въ греческой имперіи, отправилъ въ Константинополь четырехъ знатнѣйшихъ сенаторовъ и 524.
папу Іоанна убѣдить императора, чтобъ онъ смягчилъ свои мѣры противъ аріанъ. Просьба была отвергнута, это увеличило гнѣвъ Теодериха; а почетъ, какой оказывали Юстинъ и византійскій дворъ Іоанну въ Константинополѣ, возбудилъ въ немъ подозрѣніе. Въ этомъ

Казнь Боэтія и Симмаха.

настроеніи духа онъ услышалъ отъ одного изъ важныхъ сановниковъ двора, что сенаторъ консульскаго сана и патрицій Альбинъ ведетъ съ греческимъ императоромъ измѣнническую переписку объ изгнаніи аріанъ-готовъ изъ Италіи, что въ этомъ заговорѣ участвуютъ или по крайней мѣрѣ сочувствуютъ ему два очень вліятельные сенатора, уважаемые всѣми за свою образованность, честность и добродѣтель, Боэтій и Симмахъ, пользовавшіеся полнымъ довѣріемъ Теодериха, завѣдывавшіе важными дѣлами и награжденные самыми высокими почестями. Возмущенный неблагодарностью и вѣроломствомъ ихъ, Теодерихъ велѣлъ бросить обвиняемыхъ въ темницу. Боэтій, происходившій отъ знатнаго рода Аниціевъ, былъ подобно Кассіодору человѣкъ ученый; онъ воспитывался въ Римѣ и въ Аѳинахъ, писалъ изслѣдованія о философскихъ и религіозныхъ истинахъ и раздѣлялъ съ Кассіодоромъ стремленіе служить всѣми своими силами благу своего народа. Но собственная неосторожность, зависть придворныхъ и подозрительность короля низвергли съ высоты счастія въ глубину бѣдствій этого благороднаго человѣка, котораго называли послѣднимъ изъ римлянъ и о которомъ говорили, что Катонъ и Цицеронъ признали-бъ его достойнымъ соотечественникомъ своимъ. Боэтія держали въ темницѣ, не дѣлая ему судебнаго допроса, такъ что онъ не имѣлъ возможности оправдываться. Трепещущій сенатъ рѣшилъ казнить его и конфисковать его имущество; раздраженный извѣстіями о продолженіи предательскихъ умысловъ Теодерихъ послѣ нѣкотораго колебанія утвердилъ приговоръ. Палачи стали душить Боэтія веревкой, обвернутой около шеи; агонія была продолжительна; они сократили ее ударами булавы по головѣ. Не задолго передъ смертью Боэтій написалъ въ темницѣ трактатъ «Утѣшеніе философіи». Эта превосходная книга, написанная въ духѣ благочестивой языческой мудрости, давала многимъ людямъ то успокоеніе души, какое доставила своему автору въ его страданіяхъ. Тесть Боэтія Симмахъ, потомокъ того Симмаха, который мужественно защищалъ статую Викторіи (стр. 602), вѣрный потомокъ рода, желавшаго оживить падающее язычество, человѣкъ, оказавшій большія услуги сохраненію древней литературы своими заботами о сбереженіи рукописей и объ исправленіи ошибокъ въ нихъ, громко выражалъ печаль о смерти своего благороднаго зятя и тѣмъ навлекъ погибель на себя. Опасаясь, что онъ будетъ мстить за Боэтія, Теодерихъ велѣлъ привезти старика изъ Рима въ Равенну и тоже умертвилъ его. Эта жестокость возбудила въ римлянахъ непримѣримую ненависть къ Теодериху и омрачила конецъ его жизни угрызеніями совѣсти. Онъ умеръ послѣ славнаго 33-лѣтняго царствованія и былъ похороненъ въ гробницѣ, которую самъ построилъ себѣ изъ громадныхъ тесанныхъ камней, на высокой мѣстности въ городѣ Равеннѣ. «Правда, Теодерихъ былъ похитителемъ власти», говоритъ Прокопій, «но онъ

26 августа 526.

былъ истинный государь, не уступавшій талантами никому изъ прежнихъ знаменитыхъ государей. Онъ пользовался любовью готовъ и большимъ уваженіемъ итальянцевъ, — случай необыкновенный: желанія людей по государственнымъ дѣламъ различны; оттого вообще бываетъ такъ, что властитель нравится людямъ, чьимъ желаніямъ соотвѣтствуютъ его дѣйствія, и подвергается порицанію тѣхъ, съ чьими мнѣніями поступки его не сходятся». Но многіе порицали и Теодериха, какъ видимъ, по фактамъ слѣдующихъ лѣтъ. Его прахъ, поставленный его благородной дочерью Амаласунтой въ порфировой вазѣ подъ огромный гранитный камень, былъ вскорѣ послѣ того выброшенъ и развѣянъ по вѣтру. Но опустѣвшій мавзолей остался памятникомъ его величія, а въ нѣмецкомъ эпосѣ сохранился величественный образъ мудраго и сильнаго амелунга «Дитриха Бернскаго». Остготское государство было по его волѣ раздѣлено между двумя внуками его. Землю, пріобрѣтенную имъ въ Галліи за Роной, Амаларихъ соединилъ съ испанскимъ королевствомъ вестготовъ. Итальянское государство наслѣдовалъ десятилѣтній Аталарихъ, сынъ дочери Теодериха, Амаласунты, и благороднаго гота изъ рода Амаловъ. Амаласунта, оставшаяся послѣ непродолжительнаго супружества вдовой, должна была управлять государствомъ до совершеннолѣтія сына.

Боэтій (родился между 475 и 480 умеръ 524).

Аницій Манлій Торкватъ Северинъ Боэтій — послѣдняя звѣзда римской литературы. Помогая Теодериху въ дѣлахъ государственнаго управленія, онъ употреблялъ свободное время на составленіе ученыхъ трактатовъ, которые пользовались величайшимъ уваженіемъ до самаго конца среднихъ вѣковъ. Ему приписываются богословскія сочиненія, въ которыхъ опровергаются ереси аріанъ, несторіанъ и евтихіанъ, и разъясняется по формуламъ Аристотеля ученіе православной церкви о святой Троицѣ. Гораздо важнѣе его переводы и объясненія трудовъ греческихъ философовъ, въ особенности Платона и Аристотеля, системы которыхъ онъ старался соединить, и его переработки старыхъ греческихъ трактатовъ по математикѣ и другимъ наукамъ. Приписываемыя ему богословскія и дѣйствительно принадлежащія ему философскія сочиненія послужили основаніемъ средневѣковой схоластики, а его передѣлки греческихъ ученыхъ произведеній были въ средніе вѣка основаніемъ всего школьнаго преподаванія и составляли всю сумму энциклопедическаго образованія молодыхъ людей, желавшихъ сдѣлаться учеными; эти его сочиненія: геометрія (по Эвклиду), трактатъ о музыкѣ (по сочиненіямъ пиѳагорейцевъ), ариѳметика (по Аристотелю), астрономія (по Птолемею), грамматика, реторика и діалектика (по Аристотелю), были учебниками „семи свободныхъ искусствъ“ въ средніе вѣка. Грамматика, реторика и діалектика, называвшіяся вмѣстѣ Trivium („Трехпутіе“), преподавались въ низшихъ классахъ или въ школахъ, называвшихся тривіальными; остальныя четыре науки составляли Quadrivium („Четырехпутіе“) и преподавались въ четырехъ высшихъ классахъ. Но въ особенности знамениты два сочиненія Боэтія. Одно изъ нихъ — „Руководство къ музыкѣ“ (De institutione musica libri V); оно занимало первое мѣсто въ музыкальной литературѣ слѣдующихъ столѣтій и считалось совмѣщающимъ въ себѣ всю ученость по этому предмету. Монахи среднихъ вѣковъ называли автора трактата о музыкѣ „Золотымъ Боэтіемъ“, усердно пере-

писывали и комментировали это его сочиненіе. Славѣ трактата много содѣйствовало ошибочное мнѣніе, что Боэтій вѣрно изложилъ въ немъ теорію древней греческой музыки. Эта музыка уже погибла, когда онъ писалъ свое руководство. Если онъ еще слышалъ дѣйствительное исполненіе старыхъ греческихъ музыкальныхъ произведеній, оно было таково, что давало ошибочныя понятія о древней музыкѣ; и дѣйствительно его понятія о ней совершенно ошибочны. „Музыкантомъ" называетъ онъ (книга I, глава 34) не композитора и не исполнителя музыкальныхъ піэсъ, пѣвца или виртуоза, а ученаго теоретика и критика. Такое представленіе о музыкантѣ могло составиться только во времена полнаго паденія музыки, когда не умѣли ни писать, ни исполнять ее. Боэтій, человѣкъ идеальнаго философскаго направленія, держался сообразно тому пиѳагорейской теоріи музыки и далъ своему трактату объ этомъ искусствѣ такой характеръ, что онъ какъ будто образуетъ приложеніе къ его Руководству ариѳметики (De institutione arithmetica). Отсутствіе понятій о живомъ искусствѣ именно и дѣлало книгу Боэтія привлекательной для монаховъ, занимавшихся музыкой: ихъ отношеніе къ искусству совершенно совпадало съ понятіями Боэтія. Другое знаменитое сочиненіе его пользовалось популярностью еще болѣе широкою; это трактатъ „Объ утѣшеніи философіи" (De consolatione philosophiae), состоящій изъ пяти книгъ. Онъ написанъ прозою, въ которую мѣстами вставлены стихи. Проза имѣетъ иногда реторическій характеръ. Форма трактата — разговоръ между Боэтіемъ и философіею, являющеюся какъ олицетворенная фигура. Эта путеводительница людей на небо утѣшаетъ заключеннаго въ темницу Боэтія вѣрой въ божественный Промыселъ, правящій всѣми событіями нашей жизни; она говоритъ ему, что при непрочности всѣхъ земныхъ благъ человѣкъ долженъ искать счастія только въ неизмѣнномъ вѣчномъ благѣ; это благо — добродѣтель; счастіе можно найдти только въ ней; потому дурной человѣкъ всегда несчастенъ, счастливымъ должно называть только добраго. Боэтій изслѣдуетъ метафизическіе вопросы о случайности, судьбѣ, предопредѣленіи, свободѣ воли, о времени и вѣчности, и стремится примирить съ представленіемъ о всеблагомъ Промыслѣ Божіемъ кажущуюся безпорядочность физическихъ и нравственныхъ фактовъ. Цѣль его трактата — доказать, что допущеніе зла можетъ быть соединено съ представленіемъ о благости божіей, понятіе о божественномъ Провидѣніи съ человѣческой свободой. Трактатъ Боэтія — нѣчто въ родѣ теодицеи, основанной на общечеловѣческихъ, философскихъ аргументахъ, безъ примѣси мыслей, принадлежащихъ въ частности христіанскому вѣроученію. Языкъ этого сочиненія чистъ и плавенъ, слогъ представляетъ подражаніе классическимъ писателямъ; характеръ изложенія благороденъ; стихи вставленные въ прозу легки, благозвучны, просодія въ нихъ правильна. Этимъ своимъ сочиненіемъ, которое въ средніе вѣка было переведено на всѣ новые языки Западной Европы, Боэтій въ эпоху погибели древней культуры сохранилъ для слѣдующихъ поколѣній сѣмя истинно возвышенной мечтательности, смягчавшей варварство и фанатизмъ. Его трактатъ довалъ въ грубыя времена среднихъ вѣковъ отраду тысячамъ страдающихъ; и они, подобно ему обреченные тиранами на томительную смерть, чувствовали небесное блаженство въ своей душѣ, читая „Утѣшеніе философіи". Боэтій указывалъ несчастнымъ среди ужасной дѣйствительности возможность вѣчнаго счастія, и среди страшной пустыни, созданной эгоизмомъ полуварваровъ, вводилъ ихъ въ цвѣтущій оазисъ надежды и любви. Сочиненія Боэтія озаряли хотя слабымъ свѣтомъ знанія мрачный вѣкъ латинской Европы. Они были переведены Альфредомъ Великимъ на англо-саксонскій языкъ, а нѣмецкій императоръ Оттонъ III пере есъ въ

великолѣпную гробницу останки мыслителя, называвшагося мученикомъ и причисленнаго къ лику святыхъ.

Кассіодоръ и Іорданъ.

Сочиненія Кассіодора тоже имѣли сильное вліяніе на средневѣковую образованность. Въ старости (быть можетъ въ царствованіе Витигеса) онъ покинулъ государственныя дѣла, удалился на покой въ монастырь Виварій, который построилъ близъ своего роднаго города, и занимался тамъ учеными работами. Кёпке говоритъ: „Кассіодоръ человѣкъ стараго классическаго образованія; онъ еще обладаетъ всей ученостью послѣднихъ временъ имперіи; она для него еще не мертвая, непонятная буква. Провда, слогъ его безвкусенъ и напыщенъ, совершенно не похожъ на слогъ тѣхъ писателей, о которыхъ онъ безпрестанно говоритъ, какъ о своихъ образцахъ; но всетаки онъ еще ремлянинъ, латинскій языкъ еще родной для него, и онъ еще понимаетъ тѣ науки, о которыхъ пишетъ. Его труды, имѣвшіе цѣлью сохранить для христіанскаго духовенства остатки древней науки, очень разнообразны. Мы уже говорили, что онъ составилъ сборникъ писанныхъ имъ государственныхъ актовъ. Онъ написалъ краткую хронику, начинающуюся съ сотворенія міра и доведенную до 519 года, и обширную исторію готовъ, состоявшую изъ 12 книгъ. Въ „исторіи готовъ" онъ разсказывалъ все содержаніе пѣсенъ и преданій, прославлявшихъ старинные подвиги готскато народа и заботливо собралъ всѣ историческія свѣдѣнія о славныхъ дѣяніяхъ этого народа и его королей. Эта работа Кассіодора не дошла до насъ, но ею пользовался Іорданъ (во многихъ рукописяхъ называемый Іорнандомъ), знатный готъ, родственникъ королевской фамиліи Амаловъ, жившій въ VI вѣкѣ и написавшій около 550 года «Исторію готовъ.» Главнымъ источникомъ для него служитъ Кассіодоръ; но онъ пользовался и другими писателями, между прочимъ не дошедшимъ до насъ историческимъ трудомъ Аблавія; кажется пользовался также преданіями и эпическими пѣснями готовъ. Король Аталарихъ въ письмѣ къ сенату говорилъ: «Кассіодоръ возстановилъ въ полномъ свѣтѣ славу рода Амаловъ ясно доказавъ, что мы уже въ семнадцатомъ поколѣніи имѣемъ королевское происхожденіе. Онъ сдѣлалъ исторію готовъ римскою исторіей и собралъ въ одинъ вѣнокъ цвѣты, разсѣянные по полямъ книгъ». Кромѣ того Кассіодоръ написалъ «Исторію церкви въ трехъ частяхъ (Historia ecclesiae tripartita); она состоитъ изъ 12 книгъ и представляетъ извлеченіе изъ греческихъ исторій церкви. Она и латинскій переводъ исторіи Евсевія, сдѣланный Руфиномъ, были главными источниками свѣдѣній о первыхъ вѣкахъ христіанства для средневѣковаго западнаго духовенства; она и „Хроника Кассіодора" служили образцами для монаховъ, писавшихъ хроники въ средніе вѣка. Кромѣ этихъ трудовъ, Кассіодоръ написалъ трактатъ «О семи наукахъ» (De septem difsciplinis), обзоръ тѣхъ семи предметовъ преподаванія, о которыхъ мы говорили при перечисленіи трудовъ Боэтія. Одно изъ первыхъ произведеній, написанныхъ Кассіодоромъ въ монастырѣ — комментаріи къ псалмамъ; одно изъ послѣднихъ — трактатъ объ орѳографіи. Кромѣ своихъ сочиненій, Кассіодоръ оказалъ большую услугу облагороженію занятій монаховъ западной церкви тѣмъ, что внушилъ имъ надобность учиться и завелъ въ своемъ монастырѣ такой порядокъ, который былъ для другихъ монастырей западной церкви образцомъ соединенія молитвы и земледѣльческихъ занятій съ научными; этимъ примѣромъ и своими наставленіями онъ научилъ монаховъ приносить людямъ пользу не однимъ только физическимъ трудомъ, земледѣліемъ и садоводствомъ, но также книжными занятіями и преподаваніемъ знаній дѣтямъ. Благодаря этому, во времена мрака, охватившаго вскорѣ послѣ того весь западъ, многіе монастыри стали разсадниками образованности. Іорданъ тоже всту-

пилъ въ духовное званіе и умеръ, кажется, въ санѣ епископа кротонскаго. Основная мысль его исторіи готовъ состоитъ въ томъ, чтобы разъяснить имъ, что возможность сохранить свое могущество обусловливается для нихъ мирнымъ сліяніемъ съ итальянцами, что безъ этого они погибнутъ. Такимъ образомъ римлянинъ Кассіодоръ считалъ славою для себя помогать установленію владычества готской династіи надъ Италіей, а готъ Іорданъ считалъ счастьемъ для готовъ превращеніе ихъ государства въ римскую провинцію. Онъ былъ православный, потому въ противоположность своимъ соплеменникамъ-аріанамъ желалъ, чтобы вмѣстѣ съ церковнымъ единствомъ установилось и единство свѣтской власти надъ всѣми частями прежняго римскаго государства.

---

2. Государства возникшія въ западныхъ провинціяхъ римской имперіи.

А. Франки и бургунды.

а. Основаніе франкскаго государства въ Галліи.

Салійскіе и рипуарскіе франки.

Мы видѣли, что франки, подвигаясь съ устій Рейна и Шельды на югъ, заняли плодородныя земли по Маасу и Самбрѣ и, дѣйствуя временами какъ союзники римской имперіи, временами какъ враги ея, раздвинули свои владѣнія до Соммы. Первоначально они были раздѣлены на нѣсколько племенъ, изъ которыхъ каждое имѣло своего особеннаго князя или короля, но мало по малу соединились въ двѣ главныя группы. Одну изъ нихъ составляли салійскіе франки, жившіе въ бельгійской Галліи, столицею ихъ былъ городъ Турнэ на рѣкѣ Шельдѣ; другую группу образовали рипуарскіе («прибрежные») франки, жившіе по Рейну отъ Кельна до Майнца и по Мозелю. Ученые спорятъ между собою о томъ, королями или только племенными старшинами были тѣ вожди франковъ, которые начальствовали ихъ отрядами въ римской службѣ или въ нападеніяхъ на римскія земли. Какъ бы то ни было, но съ той поры какъ начинаются достовѣрныя свѣдѣнія о франкскихъ военачальникахъ, мы видимъ, что они обширностью своей власти похожи на королей; и римскіе писатели называютъ ихъ королями. Знакомъ королевскаго происхожденія у франковъ были длинные волосы, падавшіе завитыми локонами по плечамъ; всѣ другіе франки стригли свои русые волоса. Въ историческихъ преданіяхъ франковъ древнѣйшими вождями народа называются Клодіонъ, Фарамундъ (имя котораго значитъ «родоначальникъ») и Меровехъ (у римскихъ писателей Меровей). Преданіе называетъ Фарамунда первымъ королемъ франковъ, а Меровеха предкомъ королевскаго рода меровинговъ (или мервинговъ). По легендѣ, сыномъ Меровеха былъ Хильдерихъ, красивый и храбрый воинъ, котораго, какъ говоритъ народное

Хильдерихъ.

преданіе, франки прогнали за то, что онъ обольщалъ ихъ красивыхъ дочерей; своимъ королемъ на его мѣсто они выбрали римскаго полководца Эгидія (стр. 679), Вѣроятно, изъ народныхъ пѣсенъ взяты и тѣ извѣстія, что Хильдерихъ восемь лѣтъ прожилъ у тюринговъ и что когда франки призвали его снова быть королемъ, Базина дочь тюрингскаго короля, покинула мужа и бѣжала къ Хильдериху въ Турнэ. Тамъ она родила Хильдериху сына, Хлодвига (Хлодовеха), который, когда выросъ, превзошелъ всѣхъ франковъ храбростью предпріимчивостью и славой. Въ IV вѣкѣ франки были такой буйный и вѣроломный народъ, что Константинъ считалъ страхъ единственнымъ средствомъ обуздывать ихъ, и бросилъ на разстерзаніе звѣрямъ множество плѣнныхъ франковъ, въ томъ числѣ князей Аскариха и Гайзона, находя, что франкскіе плѣнники не годятся ни для военной службы, ни для рабства. Но послѣ того буйство франковъ смягчилось вліяніемъ римской культуры. Общій интересъ сблизилъ ихъ съ римлянами. При нашествіи Аттилы франкскіе воины бились въ рядахъ Аэція. Съ того времени салійскіе франки были союзниками римлянъ, сражались въ ихъ войскахъ. Король Хильдерихъ прошелъ всю Галлію, какъ союзникъ римлянъ, помогалъ имъ побѣдить еретиковъ вестготовъ, британскихъ и саксонскихъ морскихъ разбойниковъ, хищныхъ алеманновъ. Онъ и его франки стали извѣстны всѣмъ галламъ уже не какъ самые свирѣпые изъ всѣхъ враговъ, а какъ защитники, хотя еще оставались язычниками. Повсюду въ Галліи съ радостью встрѣчали стараго героя въ богатомъ вооруженіи верхомъ на конѣ, вся сбруя котораго была покрыта золотыми пчелами римской работы. Онъ умѣлъ не только сражаться, но и писать. На печати его перстня были вырѣзаны латинскія слова Childerici Regis.—Гробница его найдена въ Турнэ.

Хлодвигъ наслѣдовалъ своему отцу, будучи 15-лѣтнимъ юношей. Римская имперія въ Италіи тогда уже рушилась,—въ Галліи отъ нея оставались только слабые обломки. Изъ-за владѣнія прекрасными землями Галліи дрались между собою вестготы, бургунды, алеманны, франки, толпы варваровъ другихъ племенъ. Разстроенное положеніе страны дѣлало ее легкою добычей, заманчивой для отважнаго, хитраго человѣка, не разборчиваго на средства, какимъ былъ Хлодвигъ. Онъ, какъ только сталъ королемъ, пошелъ дѣлать завоеванія.

Хлодвигъ. 481—511.

Сіагрій сынъ Эгидія продолжалъ, десять лѣтъ послѣ паденія имперіи, править какъ независимый владѣтель тою частью Галліи, которая еще оставалась въ рукахъ римлянъ и центромъ которой былъ Суассонъ. Подобно отцу, Сіагрій своими прекрасными качествами, любезностью и образованностью пріобрѣлъ любовь туземцевъ и германцевъ. Тѣмъ больше хотѣлось низвергнуть его Хлодвигу, котораго возбуждала къ войнѣ быть-можетъ не одна только алчность, но и ненависть за то, что отецъ Сіагрія занималъ нѣсколько вре-

Пораженіе и смерть Сіагрія.

мени санъ франкскаго короля вмѣсто его отца. Онъ вступилъ въ союзъ съ другимъ франкскимъ государемъ, Рагнахаромъ, имѣвшимъ своей резиденціей Камерихъ (Камбрѐ), созвалъ войско и объявилъ войну Сіагрію. Наемники Сіагрія были побѣждены стремительнымъ натискомъ франковъ. Онъ бѣжалъ къ вестготамъ. Хлодвигъ съ угрозами потребовалъ выдачи его, Аларихъ не посмѣлъ отказать, Сіагрій былъ выданъ врагу; Хлодвигъ нѣсколько времени держалъ его въ темницѣ, потомъ велѣлъ казнить. Суассонъ и вся часть Галліи, которой правилъ Сіагрій, достались Хлодвигу: туземцы покорились ему; заключивъ съ нимъ договоръ, римскіе легіоны поступили въ его службу. Его владѣнія простирались теперь до Сены. Черезъ нѣсколько времени онъ завоевалъ и землю тунгровъ, жившихъ около Люттиха. Всю добычу онъ отдалъ воинамъ, раздѣлившимъ ее между собой по жребію. Но онъ хотѣлъ возвратить драгоцѣнный сосудъ епископу реймскому; франкскій военачальникъ, которому досталась эта вещь, не согласился отдать ее, Хлодвигъ промолчалъ; но когда войско въ слѣдующемъ мартѣ мѣсяцѣ собралось по обычаю на смотръ, называвшійся «мартовскимъ полемъ», онъ передъ всѣми воинами убилъ этого франка сѣкирой. Онъ хотѣлъ владычествовать страхомъ.

Клотильда.

Около того времени, когда Теодерихъ овладѣлъ Италіею, Хлодвигъ вступилъ въ родственныя отношенія съ бургундской династіей. Бургундами правили тогда четыре брата, смертельно ненавидѣвшіе другъ друга. Объ одномъ изъ нихъ, Гундобальдѣ, мы уже говорили, что онъ былъ сначала врагомъ, потомъ союзникомъ Теодериха. Онъ своею рукой закололъ другого брата Хильпериха, велѣлъ навязать камень на шею его женѣ и бросить ее въ воду. Младшая дочь этихъ убитыхъ короля и королевы Хротильда (или Клотильда) вышла замужъ за Хлодвига съ согласія Гундобальда, который не желалъ этого брака, но не осмѣлился отказать Хлодвигу. Свадьба была отпразднована въ Суассонѣ. Мы уже говорили (стр. 635), что Клотильда, усердная христіанка, обратила въ христіанство своего мужа. Долго она напрасно говорила ему, что боги, которымъ покланяется онъ безсильны, что они бездушный камень, дерево или бронза, что существуетъ только одинъ Богъ, создавшій вселенную, повелѣвшій солнцу и звѣздамъ свѣтить, а землѣ приносить плоды; Хлодвигу не нравилось ученіе о Спасителѣ, родившемся въ смиренной бѣдности. Онъ согласился только, и то съ неудовольствіемъ, чтобы крещены были дѣти его и Клотильды. Но случай, происшедшій въ войнѣ съ алеманнами, убѣдилъ Хлодвига въ истинѣ словъ Клотильды. Это храброе племя, такъ часто воевавшее съ римлянами, теперь при разрушеніи римской имперіи овладѣло плодородными землями по обоимъ берегамъ верхняго и средняго Рейна. Желая расширить свои владѣнія, алеманны напали на рипуарскихъ франковъ. Тѣснимый ими король Сигебертъ, имѣвшій своей столицей Кельнъ, обратился къ Хлодвигу съ просьбой о

Война съ вестготами.

помощи. Хлодвигъ собралъ всѣ военныя силы франковъ и пошелъ на алеманновъ. Произошла ужасная битва; въ какой именно мѣстности была она, мы не знаемъ достовѣрно. Прежде полагали, что поле сраженія находилось у Тольбіака, нынѣшняго Цюльпиха; новѣйшіе историки считаютъ это ошибочнымъ. Оба войска бились очень храбро; побѣда долго колебалась; множество франковъ пало подъ тяжелыми ударами алеманновъ. Опасаясь пораженія, Хлодвигъ вспомнилъ слова Клотильды, поднялъ глаза къ небу и попросилъ помощи христіанскаго Бога, обѣщаясь вѣчно служить Ему. Побѣда стала склоняться на сторону франковъ; алеманскій король упалъ, пораженный сѣкирою врага; смерть его смутила алеманскихъ воиновъ; они бѣжали къ Рейну, преслѣдуемые побѣдителями. Владѣнія Хлодвига раздвинулись далеко на востокъ; еще дальше распространился ужасъ, внушаемый его именемъ. Съ торжествомъ возвратился онъ въ Реймсъ; у воротъ города встрѣтили его жена и епископъ Ремигій, сопровождаемые народомъ, и по изукрашеннымъ улицамъ повели его въ каѳедральный соборъ, тоже убранный великолѣпно. Тутъ «сикамбръ» склонилъ свою гордую голову подъ благословеніе епископа и принялъ отъ него крещеніе. Побѣда надъ алеманнами доказала Хлодвигу, что христіанскій Богъ сильнѣе германскихъ боговъ, которыхъ германскіе короли считали своими предками. Три тысячи благородныхъ франковъ, составлявшіе дружину Хлодвига, послѣдовали примѣру своего вождя и тоже крестились, принявъ христіанство по исповѣданію вѣры православной церкви. Но Хлодвигъ и по крещеніи остался такимъ же коварнымъ и жестокимъ человѣкомъ, какимъ былъ до крещенія.

498.

Пораженіе бургундовъ.

Великое пораженіе, нанесенное алеманнамъ въ битвѣ, которую прежде называли Тольбіакской, сломило силу ихъ. Они утратили самостоятельность, принуждены были признать надъ собою верховную власть Хлодвига, платить ему дань и повиноваться назначенному имъ герцогу, родомъ франку. Теодерихъ поздравилъ его съ побѣдой и ходатайствовалъ о пощадѣ побѣжденныхъ, просившихъ покровительства у остготскаго короля и преслѣдуемыхъ побѣдителемъ въ глубину германскихъ лѣсовъ, куда они бѣжали. Пять округовъ алеманской земли на сѣверъ отъ Ремской долины по среднему Некару, по Кохеру, Яксту и Тауберу до Майна и на сѣверѣ отъ Майна были отданы франкамъ. Когда франки стали селиться тутъ, значительная часть прежнихъ жителей ушла съ огромными стадами въ Норикъ (стр. 692); имя алеманновъ исчезло въ этой сѣверной части земли, она стала называться франкскою землею (Франконіей). Слава Хлодвига привлекла подъ его знамена много воиновъ изъ другихъ германскихъ племенъ.

Покореніе алеманновъ.

Принятіе христіанства по ученію православной церкви очень сильно содѣйствовало расширенію франкскихъ владѣній въ Галліи. Хлодвигъ и его помощники считали священной обязанностью покро-

Новыя побѣды Хлодвига.

вительствовать православію, котораго держались туземцы. Населеніе Галліи съ очень давняго времени прониклось усердіемъ къ ученію Христа, за которое, по народному преданію, еще въ III вѣкѣ приняли мученическую смерть воины ѳиванскаго легіона и начальникъ ихъ Маврикій въ долинѣ Роны (въ той мѣстности Валлиса, гдѣ въ память о Маврикіѣ построенъ былъ монастырь святого Морица); галльскіе воины Константина содѣйствовали торжеству христіанства побѣдой, одержанной ими подъ знаменемъ креста у Мильвіева моста; паннонскій воинъ Мартинъ, сдѣлавшійся христіанскимъ подвижникомъ и епископомъ турскимъ, разрушалъ съ опасностью жизни передъ глазами галловъ храмы и статуи римскихъ боговъ; опрокидывалъ коническіе камни, бывшіе священными символами религіи друидовъ, рубилъ священныя деревья. Всѣ подвижники и мученики Галліи исповѣдывали христіанство по ученію римской церкви; и когда галлы обратились въ христіанство, они приняли его по исповѣданію той же церкви. Такимъ образомъ туземцы видѣли теперь во франкахъ своихъ единовѣрцевъ. Хлодвигъ отчасти силой, отчасти убѣжденіемъ подчинилъ себѣ населеніе Ареморики и мелкія племена между Сеной и Луарой, жившія въ полной независимости; теперь они обязались повиноваться ему; и такъ все населеніе Галліи до самой Луары вступило въ составъ государства Хлодвига. Римляне, галлы и переселившіеся въ Галлію британцы одинаково признали его своимъ господиномъ и стали присылать своихъ воиновъ подъ его знамена; остатки римскихъ легіоновъ тоже поступили на службу къ нему, сохранивъ свою римскую военную одежду. Кончивъ покореніе сѣверо-западной Галліи, онъ задумалъ обратить оружіе противъ германцевъ аріанъ, владѣвшихъ востокомъ и югомъ Галліи, сталъ искать поводовъ къ войнѣ съ бургундами и вестготами. Аларихъ II имѣлъ съ нимъ свиданіе на одномъ изъ острововъ Луары; они заключили миръ, но Хлодвигъ только отложилъ войну съ вестготами до той поры, когда одолѣетъ бургундовъ.

Пораженіе бургундовъ.

Бургундское королевство простиралось отъ Вогезскихъ горъ по бассейну Роны и Соны до Средиземнаго моря и Альпъ, у подошвы которыхъ король Гундобальдъ возстановилъ разрушенный городъ Геневу (Женеву). Эти области были очень плодородны. У бургундовъ было много роскошныхъ нивъ и луговъ, горы были покрыты прекрасными лѣсами; въ старинныхъ римскихъ городахъ по Ронѣ еще сохранялась подъ покровительствомъ епископовъ культурная жизнь. Но государство страдало отъ междоусобій въ королевской династіи и отъ религіозной вражды между православными туземцами и бургундами, исповѣдывавшими аріанство. Въ бургундскомъ королевствѣ царствовали четыре брата, раздѣлившіе между собою его области; одинъ изъ этихъ четырехъ королей, Гундобальдъ убилъ двухъ своихъ братьевъ и овладѣлъ ихъ областями. Младшій братъ Годегизиль

жилъ въ Женевѣ постоянно опасаясь, что Гундобальдъ, которому онъ принужденъ былъ повиноваться, велитъ убить и его. Потому онъ вошелъ въ тайныя сношенія съ Хлодвигомъ, возбуждалъ его къ войнѣ съ Гундобальдомъ, обѣщая платить ему дань. Когда Хлодвигъ пошелъ на Гундобальда, онъ съ своимъ войскомъ присоединился къ брату. Франки и бургунды встрѣтились на югъ отъ Дижона. Битва была кровопролитна; Годегизиль перешелъ на сторону Хлодвига; этимъ была рѣшена побѣда франковъ. Гундобальдъ, не довѣряя своимъ галльскимъ подданнымъ, ускакалъ на югъ по болотистому берегу Роны и заперся въ Авиньіонѣ, оставляя всѣ другія крѣпости беззащитными. Хлодвигъ пошелъ къ Авиньіону, опустошая нивы, вырубая виноградники и оливковыя плантаціи. Но франки подобно другимъ германцамъ не знали осаднаго искусства, потому стѣны Авиньіона держались противъ ихъ нападеній, осада затянулась, войско Хлодвига стало роптать. Онъ черезъ ловкаго посредника вступилъ въ переговоры съ Гундобальдомъ; осажденный король согласился платить дань Хлодвигу, простить измѣну брата, увеличить его область. Какъ только ушелъ Хлодвигъ, Гундобальдъ подступилъ къ Вьэннѣ, гдѣ жилъ Годегизиль, считавшій себя безопаснымъ подъ охраной франкскаго гарнизона. Послѣ довольно долгой осады городъ былъ измѣной сданъ Гундобальду. Годегизиль искалъ спасенія себѣ въ одной изъ церквей, и былъ убитъ тамъ; члены городскаго совѣта и всѣ приверженцы Годегизиля были казнены; всѣ мужчины въ городѣ были умерщвлены; взятыхъ въ плѣнъ франковъ Гундобальдъ послалъ въ Тулузу вестготскому королю Алариху. Это новое злодѣйство Гундобальда осталось безнаказаннымъ: Хлодвигъ, который около этого времени перенесъ свою резиденцію въ Лутецію, городъ племени паризіевъ на островѣ и на берегу Сены, понравившійся Юліану своимъ живописнымъ положеніемъ и здоровымъ воздухомъ (стран. 569), былъ задержанъ разными дѣлами и не могъ идти на бургундовъ, а Гундобальдъ озаботился изгладить воспоминаніе о своихъ злодѣйствахъ и пріобрѣсти любовь народа составленіемъ хорошаго сборника законовъ и вѣротерпимостью.

Завоеваніе бургундскаго королевства. 523.

Но потомки Гундобальда погибли за его преступленія. Сынъ Гундобальда Сигизмундъ, зять Теодериха, получившій отъ императора Анастасія санъ патриція и сблизившійся съ туземными своими подданными принятіемъ православія (стр. 635), убилъ своего сына отъ перваго брака по внушенію своей второй жены. Мучимый угрызеніемъ совѣсти, онъ старался заглушить ихъ подвигами покаянія и богатыми подарками монастырю святого Маврикія, построенному имъ въ долинѣ Роны (въ нынѣшнемъ Валлисскомъ кантонѣ). Клотильда по смерти Хлодвига возбудила своихъ сыновей отмстить за ея отца потомству его убійцы. Сигизмундъ былъ разбитъ, бѣжалъ въ пустыню и скрывался тамъ, одѣвшись монахомъ; но былъ найденъ по указанію предателя и отведенъ въ Орлеанъ; тамъ онъ, его жена и двое дѣтей были живые брошены въ глубокій колодезь. Братъ

Сигизмунда Годомаръ продолжалъ борьбу, но былъ подавленъ многочисленностью враговъ и умеръ въ плѣну у франковъ. Бургундія была присоединена къ ихъ государству; только южный кусокъ ея былъ занятъ остготами. Франки оставили бургундамъ ихъ законы, но брали съ нихъ дань, и бургундскіе воины должны были ходить съ франками во всѣ ихъ походы.

Война съ вестготами.

Вестготскій король Аларихъ II, человѣкъ добрый, но не особенно даровитый правитель (стр. 682), съ тревогой смотрѣлъ на возростающее могущество франковъ. Онъ зналъ, что его православные подданные желаютъ перейдти подъ владычество Хлодвига, сына православной церкви, что многіе епископы и другіе вліятельные люди ведутъ переговоры съ нимъ объ изгнаніи аріанъ изъ Галліи. Аларихъ старался примирить съ собою православныхъ вѣротерпимостью и любезностью, хотѣлъ установить дружелюбныя отношенія между готами и туземцами, принималъ для этого благоразумныя мѣры, важнѣйшей изъ которыхъ было обнародованіе кодекса, составленнаго на основаніи римскихъ законовъ; но религіозное разногласіе оставалось непреодолимымъ препятствіемъ сближенію романскаго населенія съ готами. Туземцы продолжали желать, чтобы Хлодвигъ взялъ ихъ подъ свою власть. Аларихъ постоянно дѣлалъ все возможное для пріобрѣтенія дружбы Хлодвига: выдалъ ему Сіагрія, держалъ себя, при свиданіи съ нимъ на островѣ Луары, такъ униженно, что очевидна была его боязнь. Но только посредничеству Теодериха должно было приписывать то, что Хлодвигъ долго не поддавался заманчивой мысли увеличить свое государство завоеваніемъ вестготскихъ областей. Наконецъ онъ пересталъ колебаться. «Мнѣ очень прискорбно, что эти аріане все еще владѣютъ прекраснѣйшею частью Галліи», сказалъ онъ однажды въ Лутеціи окружавшимъ его военачальникамъ: «Пойдемъ на нихъ, побѣдимъ ихъ при помощи Божіей и возьмемъ себѣ ихъ землю». Франки съ восторгомъ приняли слова короля и поспѣшно приготовились къ походу. При выступленіи войска Клотильда сказала благочестивому полководцу, что онъ долженъ пріобрѣсти помощь Божію какимъ нибудь обѣтомъ. Онъ своей крѣпкой рукой бросилъ сѣкиру, воскликнувъ: «На томъ мѣстѣ, гдѣ упадетъ моя франкиска, я построю церковь въ честь святыхъ апостоловъ». Изъ разсказа Григорія Турскаго мы видимъ, что духовенство чрезвычайно ободряло войну съ вестготами. Христіанскіе писатели того времени считали ее войною за славу Божію и потому сообщаютъ предзнаменованія и чудеса. Франки выказывали величайшее уваженіе православнымъ церквамъ и монастырямъ въ землѣ вестготовъ. Разливъ рѣки Вьенны остановилъ ихъ, но бѣлая лань необыкновенной величины и красоты показала королю бродъ, по которому благочестивое войско перешло рѣку. Аларихъ стоялъ въ укрѣпленномъ станѣ близъ

Битва при Пуатье. 507.

Пуатье и хотѣлъ уклоняться отъ рѣшительной битвы, пока прійдетъ на помощь къ нему войско Теодериха; но молодые вестготскіе воины, съ гордостью припоминая побѣды своихъ предковъ надъ римлянами, роптали на короля и требовали битвы. Аларихъ наконецъ уступилъ имъ. Войска сошлись на Вокладскомъ полѣ близъ Пуатье. Вестготы сражались съ обыкновенной своей храбростью; но продолжительная мирная жизнь въ роскошной странѣ сдѣлала ихъ менѣе способными выносить боевой трудъ, чѣмъ франки, закаленные въ битвахъ; они изнемогли и обратились въ бѣгство. Аларихъ, опечаленный этимъ посрамленіемъ вестготскаго имени, бросился съ немногими товарищами въ то мѣсто боя, гдѣ управлялъ ходомъ битвы Хлодвигъ, окруженный густою толпою воиновъ. Онъ былъ сбитъ съ коня и убитъ рукою Хлодвига. Но самъ Хлодвигъ былъ только крѣпкимъ своимъ панцыремъ и быстротой коня спасенъ отъ ударовъ двухъ благородныхъ готовъ, бросившихся на него отмстить за смерть своего короля. Арверны, дружные съ готами, храбро сражались въ ихъ рядахъ. Много знатныхъ воиновъ изъ сенаторскихъ фамилій арвернскаго народа пали въ этомъ сраженіи, палъ и начальникъ ихъ отряда, Аполлинарій, сынъ знаменитаго поэта Сидонія Аполлинарія. Честь государства была для нихъ важнѣе сочувствія православію враговъ. Но масса православнаго населенія вестготскихъ земель видѣла въ побѣдѣ Хлодвига судъ Божій.

Покореніе Аквитаніи.

Результатомъ побѣды при Пуатье было покореніе Аквитаніи. Вестготы раздѣлились на партіи: одни признали королемъ Амалариха, малолѣтняго законнаго сына убитаго короля; другіе—Гезалиха, побочнаго сына его, который былъ старше лѣтами. Перессорившись между собою, они не могли удержаться противъ врага, быстро шедшаго впередъ. Побочный сынъ Хлодвига Теодерихъ пошелъ на Клермонъ и покорилъ землю арверновъ, а самъ Хлодвигъ съ главными силами вступилъ въ Бордо, провелъ тамъ зиму и слѣдующею весною овладѣлъ столицею вестготовъ Тулузою, захватилъ тамъ богатую казну королевства, потомъ взялъ крѣпость Энголисму (Ангуленъ), стѣны которой при появленіи благочестиваго короля рушились, какъ стѣны Іерихона, говоритъ легенда. Но Каркассона, куда вестготы свезли драгоцѣннѣйшія вещи изъ добычи, взятой нѣкогда у римлянъ, упорно отбивалась отъ нападеній Хлодвига; осада ея затянулась до прибытія войска, посланнаго Теодерихомъ на помощь внуку, увезенному вѣрными воинами въ Испанію. Войскомъ Теодериха начальствовалъ храбрый и справедливый Ибба; оно было многочисленно: война получила новый оборотъ, франки принуждены были отказаться отъ дальнѣйшихъ завоеваній. Сынъ Хлодвига и его бургундскіе союзники потерпѣли сильное пораженіе подъ Арлемъ; этой побѣдой Ибба сохранилъ за вестготскимъ королемъ Септиманію, приморскую землю между Роною и Иренеями, и франки должны были уйдти изъ ограблен- 508.

наго ими Нарбона. Но обширная и богатая страна между Луарой и Гаронной и по южному берегу Гаронны, Аквитанія, осталась во власти Хлодвига и была присоединена къ франкскому государству. «Такъ Богъ ежедневно низвергалъ враговъ предъ королемъ франковъ, говоритъ Григорій Турскій, и увеличивалъ государство его потому, что онъ ходилъ предъ нимъ въ правотѣ сердца и дѣлалъ благоугодное очамъ Его.»

Вестготское государство по утратѣ Аквитаніи.

Гезалихъ, человѣкъ лишенный чувства чести, хотѣлъ сдѣлаться королемъ въ Испаніи при помощи франковъ и вандаловъ. Ибба пошелъ за Пиренеи противъ него. Разбитый при Барселонѣ (въ 509 году), Гезалихъ бѣжалъ къ вандаламъ въ Африку; въ слѣдующемъ году, получивъ отъ вандаловъ деньги на подкупъ приверженцевъ себѣ, онъ вернулся въ Испанію, но снова былъ разбитъ, бѣжалъ въ Галлію и съ помощью отъ Хлодвига возобновилъ войну на Ронѣ. Остготы взяли его въ плѣнъ и казнили. Теодерихъ сталъ править отъ имени своего внука вестготскимъ государствомъ. Амаларихъ получилъ власть въ свои руки только по смерти дѣда. Ему было тогда уже 24 года. Границею между вестготскимъ и остготскимъ государствами была Рона. Правленіе Амалариха кончилось бѣдственно. По чрезмѣрному усердію къ аріанству онъ подвергалъ грубымъ обидамъ свою жену, франкскую принцессу Клотильду, принуждая ее отречься отъ православія; она обратилась наконецъ къ своему брату Хильдеберту съ просьбой вырвать ее изъ рукъ тиранна. Братъ съ удовольствіемъ воспользовался случаемъ сдѣлать завоеваніе, пошелъ на Амалариха и разбилъ его при Нарбонѣ. Онъ уплылъ моремъ въ Испанію и былъ убитъ тамъ инсургентами, возставшими противъ него, вѣроятно, по внушенію богатаго и могущественнаго остгота Тевдеса, бывшаго въ Испаніи намѣстникомъ Теодериха. Тевдесъ овладѣлъ престоломъ и перенесъ резиденцію свою въ Барселону. Съ того времени главною частью вестготскаго королевства была Испанія; въ Галліи оставалась у вестготовъ только Септиманія съ городами Нарбономъ, Безьѐ, Нимомъ, Каркассоною. Клотильда на пути въ Парижъ умерла отъ страданій, произведенныхъ побоями мужа.

Возведеніе Хлодвига въ санъ патриція.

Вскорѣ послѣ побѣды надъ вестготами Хлодвигъ былъ возведенъ императоромъ Анастасіемъ въ санъ патриція и, по словамъ Григорія Турскаго, въ званіе римскаго консула (т. е. проконсула). Эти почести не увеличили его могущества, но онъ умѣлъ цѣнить ихъ значеніе. Правда, онъ пріобрѣлъ владычество надъ Галліей своимъ мечомъ, но титулы, полученные отъ императора, давали его власти во мнѣніи романскаго населенія характеръ законности. Желая возвысить значеніе консульскаго титула, Хлодвигъ сдѣлалъ религіознымъ праздникомъ день своего вступленія въ консульство. Въ базиликѣ святого Мартина онъ былъ облеченъ въ пурпурную мантію, на голову его была возложена діадема. Онъ вышелъ въ этомъ облаченіи, сѣлъ на коня среди собравшагося народа и поѣхалъ въ каѳедральную церковь по улицамъ наполненнымъ людьми, щедро бросая въ густыя толпы народа золотыя и серебряныя деньги. Туземцы привѣтствовали его титулами консула и августа.

Значеніе титуловъ, полученныхъ Хлодвигомъ.

Такимъ образомъ власть Хлодвига получила утвержденіе отъ восточнаго императора, и франкскій король сталъ въ глазахъ туземцевъ наслѣдникомъ западнаго императора. Это сильно содѣйствовало соединенію туземцевъ съ франками въ одно гражданское общество. Въ государствѣ Хлодвига были сохранены римскіе законы, церковныя учрежденія и многія черты римскаго гражданскаго устройства. Короли франковъ считались намѣстниками императоровъ; администрація, финансовая система, судопроизводство остались, вообще говоря, въ прежнемъ видѣ; и если господство меровинговъ нельзя считать на самомъ дѣлѣ продолженіемъ владычества римскихъ правителей, то мысль объ этомъ преемствѣ власти имѣла фактически большое вліяніе на устройство администраціи въ государствѣ франковъ. Люди романскаго происхожденія, получившіе римское образованіе, занимали важнѣйшія правительственныя и церковныя должности; романскій элементъ скоро получилъ преобладаніе во внутренней жизни государства и достигъ этого тѣмъ легче, что франки не любили заниматься ни чѣмъ, кромѣ военнаго дѣла. Даже сборникъ обычнаго права салійскихъ франковъ, составленный выборными людьми до завоеванія Галліи, былъ при первыхъ франкскихъ короляхъ Галліи обнародованъ на латинскомъ языкѣ. На этомъ языкѣ написанъ и древнѣйшій памятникъ франкской—поэзіи предисловіе къ „Салійскому закону", прославляющее „прекрасный, разумный, храбрый и вѣрный народъ франкскій, принявшій теперь православную вѣру и чистый отъ всякой ереси, свергнувшій своимъ мужествомъ иго римскаго рабства и обогатившій церкви святыхъ мучениковъ". Зибель полагаетъ, что Хлодвигъ, оставилъ романскому населенію римскіе законы, а франкамъ ихъ обычное германское право, хотя измѣненное сообразно новому положенію дѣлъ увеличеніемъ власти короля; итакъ, по мнѣнію Зибеля, тотъ сборникъ обычаевъ салійскихъ франковъ, составленный по порученію ихъ народнаго собранія четырьмя вельможами (proceres) былъ подвергнутъ передѣлкѣ или, по выраженію „Предисловія", „ясному исправленію" и обнародованъ Хлодвигомъ какъ законъ для франковъ его государства. При сыновьяхъ Хлодвига обстоятельства благопріятствовали развитію римскихъ формъ управленія въ галло-франкскомъ государствѣ, и устройство его стало близко къ римскому. Остготы во время войны съ византійцами не могли удерживать за собою своихъ владѣній въ Галліи и оставили ихъ франкамъ; такимъ образомъ меровинги взяли между прочимъ Арль, гдѣ еще находился преторіанскій префектъ, и Марсель, главную торговую пристань Галліи. Юстиніанъ утвердилъ за франками владѣніе этою частью Галліи, чтобъ удержать ихъ отъ помощи остготамъ; освободивъ отъ вѣрности императору населеніе занятой франками остготской провинціи, онъ далъ владычеству меровинговъ законное основаніе. Золотая монета, которую франкскіе короли продолжали чеканить въ старинныхъ римскихъ монетныхъ дворахъ: ліонскомъ, трирскомъ и арльскомъ, была признана законною монетой и въ имперіи. Внукъ Хлодвига Хильперикъ, очень любившій византійское придворное устройство и римскія формы администраціи, писалъ латинскіе стихи и даже придумалъ новыя буквы для улучшенія латинскаго алфавита. У Григорія Турскаго уже владычествуетъ мысль о томъ, что франки и романское населеніе составляютъ одинъ народъ.

Сліяніе франкскаго и романскаго элементовъ.

Соединеніе всѣхъ франкскихъ племенъ подъ владычество Хлодвига.

За свое усердіе къ распространенію православія между аріанскими племенами германцевъ, Хлодвигъ получилъ названія «христіаннѣйшаго» короля и второго Константина. Онъ походилъ на Константина и

въ томъ отношеніи, что достигъ единовластія путемъ войнъ и жестокостей, безпощадно истребляя родственниковъ, которыхъ считалъ помѣхою себѣ. Нѣкоторыя племена франковъ имѣли своихъ особенныхъ князей и оставались очень слабо соединены съ государствомъ Хлодвига или совершенно независимы отъ него. По завоеваніи Галліи Хлодвигъ сталъ уничтожать самостоятельность этихъ мелкихъ франкскихъ государствъ, присоединять ихъ къ своему королевству. Онъ поступалъ при этомъ съ такимъ безчеловѣчіемъ, которое бро-

Харарихъ.

саетъ мрачную тѣнь на него. Прежде всего онъ наказалъ Харариха, державшаго себя двусмысленно во время войны Хлодвига съ Сіагріемъ. Онъ коварствомъ захватилъ въ плѣнъ Харариха и его сына, велѣлъ заковать ихъ въ цѣни, остричь у нихъ длинные волоса, считавшіеся принадлежностью франкскихъ династій, и насильно посвятить ихъ въ монахи. Отецъ былъ очень опечаленъ, сынъ, успокоивая его сказалъ: «Вѣтви, срѣзанныя съ зеленаго дерева, скоро отростаютъ» и произнесъ проклятіе обманщику, подвергнувшему от-
509. ца и его униженію; услышавъ это, Хлодвигъ велѣлъ убить ихъ обоихъ. Послѣ того очередь дошла до Рагнахара и его двухъ братьевъ,

Рагнахаръ и его братья.

правившихъ франками, которые жили около Камбре. Хлодвигъ подкупилъ ихъ вельможъ браслетами и другими украшеніями, которыя называлъ золотыми, а на самомъ дѣлѣ велѣлъ сдѣлать изъ мѣди и позолотить. Подготовивъ этимъ успѣхъ себѣ, онъ пошелъ на Рагнахара и разбилъ его. Рагнахаръ хотѣлъ бѣжать, но былъ схваченъ своими вельможами и со связанными на спинѣ руками приведенъ къ побѣдителю. Хлодвигъ сказалъ ему: «Какъ могъ ты унизить нашъ королевскій родъ до того, что далъ связать себя? Честнѣе для тебя была бы смерть»,—поднялъ свою сѣкиру и разрубилъ ему голову, обратился къ его брату Рихару, воскликнулъ: «Еслибъ ты помогалъ своему брату, онъ не былъ бы связанъ», и съ этими словами разрубилъ голову и ему. Третій братъ успѣлъ бѣжать въ Лемансъ и, по приказанію Хлодвига, былъ убитъ тамъ. Подкупленные вельможи жаловались Хлодвигу, что его подарки не золотые; онъ отвѣчалъ, что они должны быть довольны тѣмъ, что онъ не наказываетъ ихъ за измѣну ихъ государю. Всю землю убитыхъ онъ взялъ себѣ. Послѣ этого онъ сталъ подготовлять присоединеніе государства рипуарскихъ франковъ, границы котораго послѣ покоренія алеманновъ

Сигбертъ король рипуарскихъ франковъ и его сынъ Хлодерихъ.

расширились далеко на востокъ черезъ Веттеръ, Фульду и Салу до средняго Майна. Королемъ рипуарскимъ былъ Сигбертъ, жившій въ Кёльнѣ; Хлодвигъ тайно призвалъ къ себѣ въ Парижъ сына его Хлодериха и сказалъ своему гостю: «Твой отецъ старъ и, кромѣ того, онъ хромой; если онъ умретъ, ты получишь его царство и нашу дружбу». Хлодерихъ понялъ совѣтъ. Однажды Сигбертъ былъ въ Бухонскомъ лѣсу (близъ Фульды) и утомленный легъ отдохнуть въ своемъ шатрѣ; на него бросились убійцы, посланные сыномъ и умерт-

вили его. Хлодерихъ сталъ королемъ, но вскорѣ послѣ того Хлодвигъ отправилъ въ Кельнъ посла взять часть сокровищъ Сигберта; когда Хлодерихъ нагнулся надъ ящикомъ вынуть золотыя деньги для передачи послу, посолъ убилъ его боевой сѣкирой. Династія рипуарскихъ королей прекратилась смертью Хлодериха, поэтому хитрый Хлодвигъ безъ труда убѣдилъ льстивыми словами рипуарскій народъ соединиться съ салійскими франками. Въ собраніи рипуарскихъ воиновъ онъ предложилъ имъ выбрать его королемъ, обѣщая имъ спокойную жизнь подъ его покровительствомъ; они выразили свое согласіе крикомъ и стукомъ оружія, подняли его на щитъ и три раза обнесли кругомъ, чтобы каждый могъ посмо-

Соединеніе всѣхъ франковъ подъ властью Хлодвига и смерть его.

трѣть на него вблизи. «Много и другихъ королей убилъ Хлодвигъ», говоритъ Григорій Турскій, убилъ даже ближайшихъ своихъ родныхъ, опасаясь, чтобъ они не отняли у него королевство, и такимъ образомъ расширилъ свое владычество на всю Галлію. Но, однажды, когда его люди собрались къ нему, онъ, какъ разсказываютъ, сталъ говорить имъ: «Ахъ, вотъ я теперь, какъ чужой между чужими, и нѣтъ у меня никого родного, который помогъ бы мнѣ, случись со мной бѣда». Но онъ говорилъ это не потому, что жалѣлъ о смерти убитыхъ имъ родныхъ, а изъ хитрости, чтобъ узнать, не уцѣлѣлъ ли кто нибудь изъ родныхъ живой, и убить его.
Хлодвигъ умеръ въ Парижѣ и былъ погребенъ въ церкви святыхъ 27 ноября 511.
апостоловъ, построенной имъ и Клотильдою. Ему было тогда 45 лѣтъ; онъ царствовалъ 30 лѣтъ. Клотильда, по смерти мужа, поселилась въ Турѣ и жила до самой смерти, занимаясь благотворительностью и удалившись отъ суеты мірской.

в) Династія Хлодвига (Меровинги) *).

Раздѣлъ государства между сыновьями Хлодвига и расширеніе его.

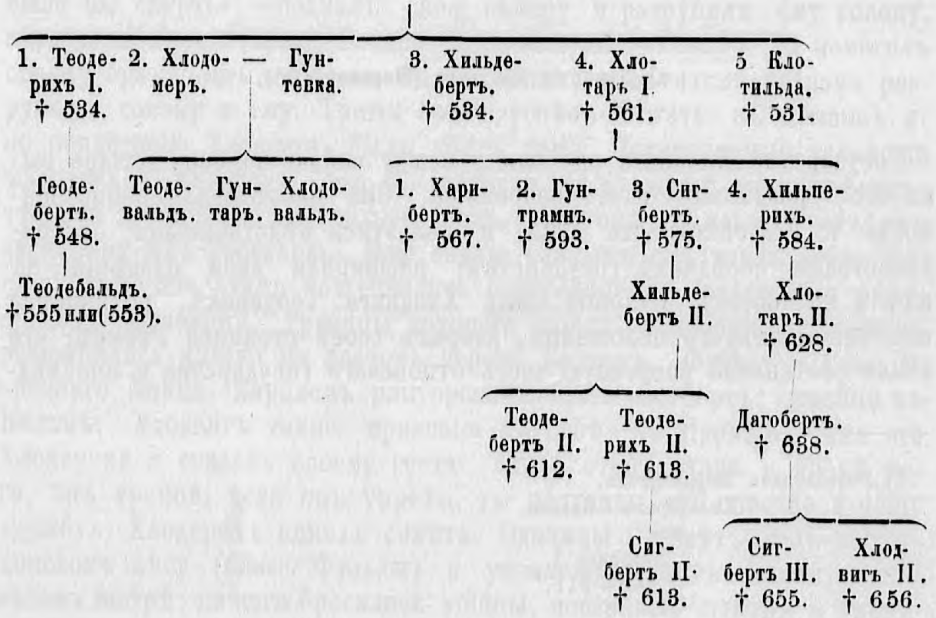
Государство Хлодвига раздѣлили между собою поровну четыре сына его; раздѣлили и его сокровища. Они наслѣдовали воинственность и безсовѣстность отца, и пользуясь бѣдственными обстоятельствами сосѣднихъ государствъ, расширяли свои владѣнія на югъ и на востокъ. Старшій сынъ Хлодвига Теодерихъ, родившійся отъ одной изъ его наложницъ, избралъ своей столицей Реймсъ; его земля составляла восточную часть отцовскаго государства и впослѣд-

---

*) Родословная Меровинговъ.

Хильдерихъ — Базина.
† 481 |
Хлодвигъ I.
466—511.
|

ствіи стала называться Австразіей. Онъ увеличилъ свои владѣнія покореніемъ тюринговъ. Три сына Клотильды раздѣлили между собою остальную землю франковъ,—землю, отнятую у вестготовъ, бургундское королевство и западную Галлію; эти части франкскаго государства стали называться въ отличіе отъ Австразіи Нейстріею. Хлодомеръ поселился въ Орлеанѣ, Хильдебертъ въ Парижѣ, Хлотаръ въ Суассонѣ. При дѣлежѣ государства, братья, кажется, имѣли правиломъ то, чтобы доля каждаго имѣла по возможности одинъ преобладающій племенный характеръ и чтобы каждый получилъ однакоже долю изъ областей, населеніе которыхъ было чисто романское. Несмотря на раздѣлъ государства, всѣ части его остались соединенными, потому что франки сознавали себя однимъ народомъ; притомъ всѣ члены династіи были соединены общимъ правомъ наслѣдства, другъ послѣ друга; очень многіе изъ нихъ погибали въ междоусобіяхъ или отъ убійцъ, подосланныхъ родными, потому были случаи, что все государство снова соединялось подъ властью одного лица. Такъ оно все соединилось въ 558 году подъ властью Хлотара I, одного изъ сыновей Хлодвига, и въ 613 году подъ властью Хлотара II, одного изъ внуковъ Хлотара I. Мы говорили, что вестготскій король Амаларихъ; мучитель своей жены, дочери Хлодвига, былъ разбитъ ея братомъ Хильдебертомъ при Нарбонѣ, бѣжалъ, былъ настигнутъ и убитъ, и галльскія владѣнія вестготовъ были взяты франками (стр. 716); говорили также, что по внушенію королевы Клотильды сыновья ея напали на бургундовъ, завоевали ихъ страну послѣ нѣсколькихъ лѣтъ войны и



раздѣлили ее между собою (стр. 716). Раздоръ въ королевской династіи, бывшій причиною покоренія вестготскихъ владѣній въ Галліи и бургундскаго королевства франками, отдалъ подъ власть имъ и тюринговъ, составлявшихъ независимое королевство въ средней Германіи. Германфридъ, мужъ Амалаберги, внуки Теодериха остготскаго (стр. 695), убилъ своего младшаго брата, потомъ по внушенію жены и въ союзѣ съ Теодерихомъ, сыномъ Хлодвига, началъ войну противъ своего старшаго брата Бадериха; разбилъ его, и самъ онъ былъ убитъ въ сраженіи. Германфридъ обѣщалъ Теодериху часть земель, которыя они вмѣстѣ завоюютъ; но, одержавъ побѣду, отказался исполнить свое обѣщаніе; Теодерихъ вмѣстѣ съ своимъ братомъ Хлотаромъ пошелъ на него. Тюринги храбро защищались, и много франкскихъ всадниковъ погибло въ прикрытыхъ травою ямахъ, которыя были вырыты тюрингами на равнинѣ, гдѣ ждали они враговъ. Но франки наконецъ побѣдили, тюринги и король ихъ обратились въ бѣгство, франки убили на берегу Унструта такое множество бѣгущихъ, что тѣла ихъ образовали плотину, по которой побѣдители перешли рѣку. Германфридъ поѣхалъ въ Мецъ заключить миръ съ Теодерихомъ. Теодерихъ взялъ его съ собою въ Цюльпихъ; однажды они вдвоемъ ходили по стѣнѣ; Германфридъ упалъ съ нея и убился. «Кто сдѣлалъ это, осталось неизвѣстно», говоритъ Григорій Турскій, «но многіе увѣряютъ, что это было сдѣлано коварствомъ Теодериха». По смерти Германфрида, Теодерихъ присоединилъ къ франкскому государству все тюрингское королевство, кромѣ небольшой полосы у хребта, называемаго теперь тюрингскимъ лѣсомъ. Сѣверную часть тюрингской страны онъ отдалъ саксонцамъ, помогавшимъ ему въ этой войнѣ. Амалаберга съ дѣтьми бѣжала къ Теодегаду въ Италію. Сынъ Теодериха Теодебертъ совершенно подчинилъ франкамъ и тѣхъ алеманновъ, которые еще сохраняли нѣкоторую самостоятельность. Восточные сосѣды алеманновъ бойовары (баварцы), народъ, составившійся изъ смѣси германскихъ завоевателей—геруловъ, скировъ, ругійцевъ, туркилинговъ съ кельтскими туземцами и остатками германскихъ племенъ, жившихъ тамъ раньше, не могли защитить свою независимость отъ франковъ, которые напали на нихъ съ трехъ сторонъ. Баварское государство простиралось тогда отъ средняго Дуная до Альпъ и отъ Леха до Энса. Тѣ племена, изъ которыхъ составился баварскій народъ, имѣли, кажется, своихъ наслѣдственныхъ князей, потомками которыхъ и были, вѣроятно, пять вельможескихъ родовъ, бывшихъ самыми знатными послѣ герцогской фамиліи Агилольфинговъ. Баварскіе герцоги принуждены были стать союзниками франковъ, то-есть подчиниться имъ. Границы франкскаго государства при сыновьяхъ и внукахъ Хлодвига распространились до Альпъ, до Вероны и Венеціи.

Margin notes: 523. — Тюрингія. — 530. — Алеманны. Баварцы.

Вмѣстѣ съ воинственностью Хлодвига дѣти и внуки его наслѣдо-

вали его безсовѣстность и жестокость. Своимъ развратомъ и своими злодѣйствами династія меровинговъ напоминаетъ родъ Тантала, знаменитый въ греческихъ преданіяхъ. Лѣтопись Григорія Турскаго наполнена убійствами братьевъ и другихъ родныхъ, свирѣпыми междоусобіями, случаями многоженства, дѣлами необузданной ненависти; мы видимъ къ расказахъ этого лѣтописца картину буйнаго времени, когда грубые пороки и страсти варваровъ соединялись съ пороками испорченной цивилизаціи; германское варварство соединялось съ изнѣженнымъ развратомъ умирающаго римскаго міра, порывы свирѣпой ярости и возмутительныя злодѣйства уживались въ душѣ тиранновъ съ грубѣйшимъ суевѣріемъ, и злодѣи полагали, что молитвами и подарками церквамъ и духовенству могутъ искупать всѣ свои преступленія.

Свирѣпыя дѣла Меровинговъ. 534. Во время войны съ тюрингами Теодерихъ составилъ умыселъ убить своего брата Хлотара, помогавшаго ему въ этомъ походѣ; Хлотаръ замѣтилъ злоумышленіе; Теодерихъ подарилъ ему большое серебряное блюдо и онъ помирился съ братомъ, думавшимъ убить его. Самъ Хлотаръ вмѣстѣ съ другимъ братомъ Хильдебертомъ убилъ двухъ малолѣтнихъ сыновей третьяго брата Хлодомера, убитаго въ войнѣ съ бургундами; Клотильда очень любила этихъ своихъ внуковъ, потому дяди и разсудили убить ихъ, чтобъ она не передала имъ отцовскаго наслѣдства. Мать ихъ Гунтевка, жена Хлодомера, вышла по смерти мужа за Хлотара, но и это не удержало его отъ убійства ея сыновей. Былъ у Хлодомера третій сынъ, его насильно постригли въ монахи. Убійцы раздѣлили между собою государство Хлодомера. Хлотаръ и Хильдебертъ пытались убить и другого своего
539. племянника, Теодеберта, ставшаго по смерти отца владѣтелемъ Австразіи. Преданность вельможъ спасла Теодеберта, но онъ принужденъ былъ дать подарки своимъ дядямъ, чтобы смягчить ихъ. Его правленіе было довольно хорошо. Человѣкъ храбрый, онъ съ тѣмъ вмѣстѣ былъ добродушенъ, помогалъ бѣднымъ, дѣлалъ богатые подарки духовенству, уважалъ умныхъ и образованныхъ людей. Его дядя Хильдебертъ, не имѣвшій дѣтей, усыновилъ его и очень полюбилъ. Они вдвоемъ хотѣли убить Хлотара, но въ это время случилась гроза, помѣшала дѣлу и, испуганные ею, они раскаялись въ своемъ зломъ умыслѣ. Теодебертъ извлекъ выгоду себѣ изъ войны византійцевъ съ остготами. Обманывая и тѣхъ и другихъ обѣщаніями помогать имъ, онъ получилъ отъ нихъ обоихъ согласіе на то, чтобъ онъ завладѣлъ остготскими областями въ Альпійскихъ горахъ и въ Галліи. Кромѣ этой прибыли онъ получилъ и другую: повелъ войско въ Сѣверную Италію и ограбилъ ее. Частная жизнь его тоже не была чиста отъ злодѣйствъ. Отецъ обручилъ его съ Висигардою, дочерью лангобардскаго короля. Но онъ жилъ съ знатной римлянкой Девтеріей; у нихъ родился сынъ Теодебальдъ. Девтерія была вдова, имѣла отъ перваго мужа дочь. Когда дочь подросла, Теодебертъ сталъ выказывать желаніе сдѣлать ее своей любовницей, потому что она была хороша собою; замѣтивъ эту его мысль, Девтерія столкнула дочь съ моста въ Вердёнѣ въ рѣку Маасъ, и дѣвушка утонула. Франкскіе вельможи наконецъ принудили Теодеберта удалить Девтерію и жениться на Висигардѣ. По смерти Теодеберта и его сына Теодебальда Хлотару досталось и австразійское государство съ принадлежавшими къ нему Тюрингіей и Алеманніей. Такимъ образомъ онъ сталъ

государемъ всего франкскаго государства. Онъ былъ человѣкъ сладострастный. Кромѣ Радегунды, происходившей изъ тюрингской династіи, у него была другая жена. По смерти Теодебальда онъ взялъ въ жены себѣ и вдову его красавицу Вальдетраду; но духовенство своими угрозами принудило Хлотара развестись съ этой третьей женой. Вальдетрада съ двумя дочерьми бѣжала въ Баварію и вышла за мужъ за герцога байоварскаго Гарибальда, принадлежавшаго къ династіи Агилольфинговъ, которые считались самымъ знатнымъ изъ шести знатныхъ родовъ Баваріи. Хлотаръ три года правилъ всѣмъ франкскимъ государствомъ. Онъ былъ человѣкъ энергическій, велъ войну съ саксонцами и принудилъ ихъ давать ему ежегодно 500 коровъ. Вельможи заставили его воевать съ тюрингами, не хотѣвшими исполнять договора, подчинявшаго ихъ франкамъ; эта война шла съ перемѣннымъ счастіемъ. Подъ конецъ правленія Хлотара франкское государство волновалось мятежами. Сынъ Хлотара Храмнъ, которому онъ поручилъ управленіе арвернскою землей, уже давно, еще при жизни Хольдеберта, возмутился противъ отца; дядя поддерживалъ его. Но когда Хильдебертъ умеръ и Хлотаръ сталъ располагать всѣми военными силами государства, Храмнъ не могъ удержаться противъ него. Союзникъ Храмна, бретонскій графъ Хоноверъ, былъ разбитъ и лишился жизни въ сраженіи. Храмнъ былъ взятъ въ плѣнъ. Отецъ велѣлъ запереть его съ женой и дочерьми въ хижину и сжечь ее.

Новый раздѣлъ франкскаго государства. По смерти Хлотара младшій сынъ его Хильперихъ хотѣлъ занять мѣсто отца. Но соединенное нападеніе трехъ братьевъ, сыновей Хлотара отъ другой матери, принудило его отказаться отъ узурпированнаго единовластія и государство было раздѣлено по прежнему примѣру. Братья взяли свои доли по жеребью. Хариберту досталось царство Хильдеберта, столицею котораго былъ Парижъ; Гунтрамну царство Хлодомера, столицею котораго былъ Орлеанъ; Сигберту царство Теодериха, столицею котораго былъ Реймсъ; Хильпериху Суассонское царство Хлотара. Всѣ франкскія владѣнія должны были составлять семейную собственность, изъ которой не можетъ ничего отчуждать ни одинъ государь. Харибертъ, имѣвшій кромѣ законной жены двухъ наложницъ, женщинъ низкаго происхожденія, умеръ бездѣтнымъ и отлученнымъ отъ церкви за то, что взялъ въ наложницы себѣ сестру своей первой наложницы, монахиню. Его владѣнія раздѣлили между собою три остальные брата; это было началомъ распаденія франкскаго государства на три главныя части: Австразію, Нейстрію и Бургундію; въ каждой изъ нихъ историческое развитіе пошло своимъ особымъ путемъ. Къ австразійскому царству Сигберта, имѣвшему своею столицею Мецъ, принадлежали франкскія владѣнія за Рейномъ: Тюрингія, Алеманнія и Баварія. Въ этой восточной части государства преобладалъ германскій элементъ. Западная Галлія, южную часть которой составляла Аквитанія, стала называться Нейстріею или Нейстразіею. Въ ней господствовала римско-галльская національность. Хильперихъ, правившій ею, перенесъ свою резиденцію изъ Суассона въ Парижъ. Страна по Ронѣ и Сонѣ, сѣверныя долины Альпъ и

берега Леманскаго озера составляли бургундское королевство Гунтрамна, жившаго въ Шалонѣ.

Упадокъ энергіи въ династіи Меровинговъ.

Исторія франкскаго государства при сыновьяхъ Хлотара представляетъ почти непрерывный рядъ злодѣйствъ, мятежей и междоусобій; въ особенности свирѣпствовали они во время борьбы Брунгильды, королевы Австразійской, съ Фредегундою, королевою нейстрійской. Григорій Турскій говоритъ, что тогда пришло время, предсказанное Христомъ: «возстанетъ отецъ противъ сына, братъ противъ брата, родственники возстанутъ противъ родственниковъ». Особенно сильно

Хильперихъ нейстрійскій (умеръ 584).

порицаетъ онъ Хильпериха, сравниваетъ его съ Иродомъ и Нерономъ, говоритъ о немъ: «грабить и опустошать земли было наслажденіемъ ему, богатство было для него достаточнымъ основаніемъ убить невиннаго человѣка; постоянно изобрѣтая новые обременительные налоги, онъ принуждалъ многихъ бѣжать изъ отечества отъ ихъ невыносимой тяжести. Ненависть его обращалась особенно противъ духовенства и церкви; онъ часто говорилъ, что доходы его скудны, потому что все богатство досталось церквамъ и королями стали епископы». Но будучи развратникомъ и злодѣемъ, Хильперихъ былъ, по словамъ Григорія, человѣкъ умный и образованный; онъ изобрѣлъ новыя буквы, писалъ латинскія стихотворенія (впрочемъ безъ соблюденія правилъ латинской просодіи). Онъ даже хотѣлъ передѣлать нѣкоторые догматы вѣры, но былъ остановленъ сопротивленіемъ епископовъ. Снисходительнѣе говоритъ Григорій Турскій о Гунтрамнѣ.

Гунтрамнъ Бургундскій (умеръ 593).

Этотъ король тоже велъ развратную жизнь, дѣлалъ много жестокостей, и франки не уважали его, потому что онъ не былъ охотникъ воевать; но онъ былъ человѣкъ набожный, щедрый къ церкви и духовенству. Лангобарды, овладѣвшіе въ это время Италіей, ходили за Альпы грабить Бургундію; Гунтрамнъ, лишенный энергіи, не могъ остановить ихъ. Они были отражены только тогда, когда онъ назначилъ патриціемъ (т. е. правителемъ) марсельской области римлянина Муммола. Это былъ человѣкъ храбрый; онъ нанесъ нѣсколько пораженій лангобардамъ и прогналъ ихъ за Альпы. Самый даровитый изъ сыновей Хлотара былъ мужъ Брунгильды, Сигбертъ австразійскій.

Сигбертъ австразійскій (умеръ 575).

Онъ не былъ развратникомъ, какъ его братья. Онъ велъ войну съ аварами, татарскимъ племенемъ, жившимъ прежде на востокѣ отъ Волги, прогнаннымъ оттуда болѣе сильными племенами, пришедшимъ на Дунай и дѣлавшимъ набѣги на сосѣднія земли, въ томъ числѣ и на Германію. Война Сигберта съ ними была сначала счастлива, потомъ они разбили его, взяли въ плѣнъ, и онъ былъ принужденъ выкупиться большою суммою денегъ. Онъ воевалъ съ своимъ братомъ Хильперихомъ, побѣдилъ его и уже готовился присоединить его владѣнія къ своему государству, когда въ станѣ близъ Витри
575 былъ убитъ отравленными ножами двухъ людей, подкупленныхъ Фредегундою на это дѣло. Его сынъ Хильдебертъ и его внуки сохрани-

ли за собой Австразію и по смерти Гунтрамна стали владѣть Бур- 584.
гундіею. Хильперихъ былъ убитъ на охотѣ близъ Парижа; Фредегунда убила его сыновей отъ первой жены, чтобы королемъ Нейстріи сталъ ея сынъ Хлотарь. При смерти Фредегунды за Хлотаромъ оставалась лишь небольшая доля Нейстріи; но впослѣдствіи, по выбору вельможъ, онъ сталъ государемъ всѣхъ франкскихъ земель и свирѣпо отмстилъ Брунгильдѣ и всему ея роду.

Брунгильда, Гальсвинта, Фредегунда.

Подробности. Сигбертъ австразійскій послалъ къ вестготскому королю Атанагильду просить руки его дочери Брунгильды. Атанагильдъ согласился, Брунгильда пріѣхала въ Галлію съ большими сокровищами, Сигбертъ и его вельможи торжественно встрѣтили ее; она была очень красива, держала себя превосходно, была привѣтлива. Сигбертъ и она повѣнчались. Она перешла изъ аріанства въ православіе. Франки хвалили Сигберта за выборъ такой жены. Хильперихъ вздумалъ послѣдовать примѣру брата и отправилъ пословъ сватать старшую сестру Брунгильды, Гальсвинту. Получивъ согласіе, онъ развелся съ своей прежней женой Клудовевой, отъ которой у него было трое сыновей, и удалилъ отъ себя свою наложницу Фредегунду. Гальсвинта пріѣхала съ богатымъ приданымъ. Сначала Хильперихъ любилъ ее, но скоро возобновилъ связь съ Фредегундой. Оскорбленная Гальсвинта хотѣла вернуться на родину, но была удушена въ постели. Хильперихъ женился на Фредегундѣ. Брунгильда хотѣла мстить за сестру и убѣдила мужа идти войной на ея убійцу. Робкій и непостоянный Гунтрамнъ помогалъ то одному изъ братьевъ, то другому.

Междоусобіе.

Германскія войска Сигберта грабили, жгли, насиловали, рѣзали повсюду, куда приходили, не щадили ни церквей, ни монахинь. Хильперихъ былъ побѣжденъ, бѣжалъ въ Турнé. Войско его перешло на сторону побѣдителя и провозгласило Сигберта своимъ королемъ; но въ то самое время, какъ происходило это торжество, убійцы, подосланные Фредегундой, закололи его. Герцогъ Гундобальдъ увезъ въ Мецъ его пятилѣтняго сына Хильдеберта, и австразійцы признали этого ребенка королемъ.—Хильперихъ, человѣкъ смѣлый и ловкій, искусно воспользовался смертью противника, снова овладѣлъ своимъ государствомъ и даже частью австразійской земли; вообще держалъ себя такъ хитро, что взялъ перевѣсъ надъ боязливымъ Гунтрамномъ и австразійцами, защищавшими своего малолѣтняго короля; вельможи во всѣхъ частяхъ франкскаго государства были расположены къ нему, и онъ постепенно пріобрѣталъ преобладаніе во всѣхъ франкскихъ областяхъ. Но послѣдніе годы жизни его были омрачены ссорою съ сыномъ, Меровехомъ, который хотѣлъ жениться на Брунгильдѣ, все еще остававшейся красавицей. Отецъ не дозволилъ ему этого брака. Однажды Хильперихъ охотился въ окрестностяхъ Калеса (Шелля) близъ Парижа; убійца, оставшійся неизвѣстнымъ, закололъ его на этой охотѣ. Фредегунда при помощи Гунтрамна удержала за собою власть надъ государствомъ мужа и отмстила Меровеху за преданность Брунгильдѣ: люди, подосланные ею, убили его и епископа руанскаго Претекстата, тайно совершившаго обрядъ обрученія его съ Брунгильдой. Епископъ былъ убитъ у престола своей каѳедральной церкви. Потомъ Фредегунда убила и другихъ сыновей Хильпериха отъ первой жены, чтобы наслѣдникомъ остался ея сынъ Хлотарь, въ то время еще ребенокъ. Франкскіе вельможи пріобрѣтали все больше и больше вліянія на дѣла; по внушенію честолюбиваго герцога Гунтрама Бозона, коварнаго человѣка, игравшаго клятвами, они вздумали сдѣлать на мѣсто Хиль-

периха королемъ Нейстріи Гундобальда, который называлъ себя сыномъ Хлотара I и, принужденный бѣжать изъ Галліи, жилъ въ Константинополѣ. По вызову нейстрійскихъ вельможъ онъ пріѣхалъ, они провозгласили его королемъ; Перигё, Тулуза, Бордо, нѣкоторые другіе города признали его власть. Король бургундскій Гунтрамнъ располагалъ въ это время не только своими, но и австразійскими войсками, потому что заключилъ союзъ съ Хильдебертомъ и, не имѣя дѣтей, назначилъ его своимъ наслѣдникомъ. Собравъ свое и австразійское войско, бургундскій король пошелъ на Гундобальда; инсургенты оробѣли и выдали своего короля врагамъ, которые столкнули его со скалы и раздробили ему голову камнемъ. Главные совѣтники Гундобальда, въ томъ числѣ Муммолъ, были тоже убиты. Черезъ два года австразійскіе и нейстрійскіе вельможи составили заговоръ противъ Хильдеберта и Брунгильды. Заговорщики, главою которыхъ былъ богатый и гордый герцогъ Раухингъ, хотѣли убить Хильдеберта, отнять у Брунгильды и у Гунтрамна всякое вліяніе на дѣла и учредить аристократическое управленіе. Но Гунтрамнъ узналъ о заговорѣ, извѣстилъ о немъ своего племянника и Хильдебертъ велѣлъ своимъ тѣлохранителямъ убить Раухинга и его соумышленника Гунтрама Бозона. Другіе заговорщики, Урсіонъ и Бретофредъ, уже собравшіе многочисленное войско, были побѣждены и тоже убиты. Епископъ реймсскій Эгидій былъ лишенъ своего сана. Гунтрамнъ и Хильдебертъ заключили между собою въ Анделó (близъ Шомона) формальный договоръ, по которому Хильдебертъ былъ провозглашенъ наслѣдникомъ Гунтрамна. Когда дядя умеръ, Хильдебертъ австразійскій дѣйствительно сталъ государемъ и въ Бургундіи. Черезъ три года онъ умеръ; его старшій сынъ, десятилѣтній мальчикъ Теодебертъ II, былъ
596. признанъ королемъ австразійскимъ, а другой сынъ 9-лѣтній Теодерихъ II королемъ бургундскимъ. Но власть была въ рукахъ вельможъ. Впрочемъ въ Австразіи большое вліяніе на дѣла имѣла Брунгильда. Фредегунда вздумала воспользоваться малолѣтствомъ бургундскаго и австразійскаго королей, присоединить части ихъ владѣній къ государству своего сына и отмстить Брунгильдѣ. Она овладѣла Парижемъ и разбила выведенное противъ нея бургондо-австразійское войско. Но вскорѣ послѣ того она умерла. Ея любовникъ Ландерихъ сталъ править государствомъ отъ имени ея сына. Враги собрали новое войско болѣе многочисленное, разбили
600. Ландериха и Хлотара и оставили Хлотару лишь небольшую долю отцовскаго государства, землю между Сеной, Уазой и моремъ. Черезъ два года
602. Теодебертъ австразійскій и Теодерихъ бургундскій пошли вмѣстѣ на басковъ, дѣлавшихъ изъ Пиренейскихъ горъ грабительскіе набѣги на южную Галлію, покорили ихъ и принудили платить дань. Но вскорѣ послѣ того братья перессорились между собою; баски возстановили свою независимость и стали по прежнему грабить франковъ и вестготовъ.

Смерть Фредегунды 597.

Баски.

Интриги и свирѣпости Брунгильды.

Ссору между братьями возбудила Брунгильда, пороки и жестокость которой возростали съ лѣтами; она убила въ Австразіи герцога Винтріона; за это австразійскіе вельможи прогнали ее; она бѣжала въ Бургундію и совершенно подчинила себѣ младшаго внука. Ея любимецъ Протадій, римлянинъ, алчный человѣкъ деспотическаго характера, получилъ по ея вліянію должность бургундскаго майордома. Она и онъ возбуждали бургундскаго короля къ войнѣ противъ брата; это дѣло разстроилось тѣмъ, что бургундскіе воины убили Протадія; но Брунгильда сохранила такую силу, что казнила убійцъ и сдѣлала майордомомъ другого римлянина, Клавдія, умнаго и образованнаго человѣка. По ея внушенію былъ побитъ камнями епископъ віеннскій. Своего внука она удерживала отъ женитьбы и развивала въ немъ пошлыя склонности, такъ что онъ предался необузданному разврату. Ирландскій проповѣдникъ, святой Колумбанъ, основавшій монастырь у Вогезскихъ горъ близъ Лексувія (Люксейля), грозно требовалъ, чтобы наложницы короля были прогнаны изъ дворца, но за это былъ прогнанъ самъ. Черезъ три года (въ 609 году) братья начали войну между собою, но Брунгильда не была виновата въ этомъ. Теодебертъ отнялъ у Теодериха наслѣдованныя имъ алеманскія земли на Рейнѣ (Эльзасъ и Зундгау), говоря, что онѣ всегда принадлежали Австразіи, потому отецъ не имѣлъ права отдать ихъ государю Бургундіи. Раздраженный Теодерихъ собралъ все бургундское войско и пошелъ на брата. Теодебертъ, разбитый въ большихъ сраженіяхъ близъ Туля и при Цюльпихѣ, бѣжалъ съ немногими воинами за Рейнъ, но измѣной былъ отданъ въ руки брату и отвезенъ плѣнникомъ въ Шалонъ; Брунгильда велѣла постричь его въ монахи, а потомъ убить. Его сынъ Меровей, бывшій еще ребенкомъ, былъ убитъ по приказанію дяди: ему разбили голову о скалу. Теодерихъ соединилъ подъ своею властью Бургундію и Австразію и уже думалъ покорить Нейстрію, но занемогъ въ Мецѣ и умеръ. Брунгильда хотѣла сдѣлать на его мѣсто королемъ Сигберта, старшаго изъ четырехъ сыновей, которыхъ онъ имѣлъ отъ своихъ наложницъ. Но австразійскіе вельможи, вождями которыхъ были Пиппинъ Ланденскій и Арнульфъ, впослѣдствіи сдѣлавшійся епископомъ мецскимъ, не допустили этого. Они негодовали на Брунгильду, обуздывавшую ихъ самовластіе и отдававшую важнѣйшія должности въ государствѣ римлянамъ, потому призвали въ Австразію Хлотара, короля нейстрійскаго, и провозгласили его своимъ королемъ. Брунгильда собрала войско защищать свои права. Но бургундскій майордомъ Варнахаръ, узнавъ, что она не довѣряетъ ему и хочетъ убить его, склонилъ войско къ измѣнѣ. Когда оно сошлось съ войскомъ Хлотара, бургунды и зарейнскіе германцы Брунгильды по данному знаку вышли изъ строя и пошли домой. Такимъ образомъ сынъ Фредегунды Хлотаръ II безъ всякаго сраженія сталъ королемъ всѣхъ частей франкскаго государства. Изъ четырехъ сыновей Теодериха одинъ успѣлъ бѣжать, и дальнѣйшая судьба его неизвѣстна; два другіе были немедленно убиты; четвертаго Хлотаръ не убилъ, потому что былъ крестнымъ отцомъ его, но заперъ въ темницу и держалъ тамъ до самой смерти. Брунгильду три дня мучили всяческими истязаніями, потомъ привязали къ дикой лошади и погнали лошадь, такъ что Брунгильда умерла отъ ушибовъ. Она была женщина великихъ правительственныхъ дарованій, но они приняли у ней дурное направленіе. Варнахаръ получилъ отъ Хлотара въ награду за измѣну Брунгильдѣ право оставаться бургундскимъ майордомомъ всю жизнь.

Изгнаніе святого Колумбана.

Новое междоусобіе.

Пиппинъ Ланденскій и Хлотаръ II.

Смерть Брунгильды 613.

Короли-тунеядцы и владычество майордомовъ.

Развратъ и злодѣйства подорвали и нравственную и физическую энергію Меровинговъ. Послѣ междоусобій, кончившихся смертью Брунгильды, не было въ королевской династіи ни одного человѣка, который хотя бы въ дурномъ проявлялъ силу характера. Выродившіеся Меровинги продолжали называться королями еще полтораста лѣтъ, но влачили жалкое существованіе, становились съ каждымъ поколѣніемъ ничтожнѣй, и послѣдніе изъ нихъ были прозваны «Тунеядными королями»; вся власть перешла къ вельможамъ, и главнымъ правителемъ государства былъ избираемый ими сановникъ, называвшійся майордомомъ (major domus, «старшій сановникъ дворца»); онъ былъ главнокомандующимъ войска, управлялъ всѣми имѣніями короля, раз-

давалъ эти имѣнія въ видѣ жалованья должностнымъ лицамъ, потому раздавалъ и самыя должности; мало по малу вся административная и военная власть сосредоточилась въ его рукахъ, и онъ изъ перваго королевскаго сановника сдѣлался главою аристократіи. Сначала на должность майордома назначали короли по своему произволу франковъ или римлянъ, потомъ вельможи избирали майордома изъ своей среды и обыкновенно давали этотъ санъ главѣ могущественнѣйшей аристократической фамиліи; когда у короля было отнято право назначать майордома, королевская власть стала быстро падать, и наконецъ единственнымъ правительственнымъ дѣломъ короля осталось то, что онъ пріѣзжалъ въ колесницѣ, запряженной четырьмя волами, на собраніе франкскаго народа, ежегодно происходившее весной, первоначально въ мартѣ мѣсяцѣ и потому называвшееся мартовскимъ полемъ; это былъ смотръ войска; воины, составлявшіе франкскій народъ, совѣщались тутъ о своихъ дѣлахъ, принимали правительственныя и законодательныя рѣшенія; король утверждалъ ихъ. Майордомъ, избираемый вельможами, уже не былъ королевскимъ сановникомъ, былъ независимъ отъ короля. Сначала въ каждомъ изъ трехъ франкскихъ королевствъ былъ особый майордомъ, потому что эти королевства, то соединявшіяся, то раздѣлявшіяся, были различны между собою

Хлотарь II 613—628

національнымъ характеромъ; но уже при Хлотарѣ II, человѣкѣ слабомъ, находившемся подъ вліяніемъ женщинъ, Пиппинъ Ланденскій при помощи своего вѣрнаго друга Арнульфа, епископа мецскаго, пріобрѣлъ преобладающее вліяніе; еще сильнѣе сталъ онъ при сынѣ Хлотара, Дагобертѣ. Хлотаръ былъ принужденъ формально признать неприкосновенность правъ духовной и свѣтской аристократіи; этотъ эдиктъ

Дагобертъ 628—638.

нѣкоторые историки называютъ первымъ государственнымъ актомъ того характера, какой имѣетъ англійская Magna Charta. Власть австразійскаго майордома стала еще сильнѣе по смерти Дагоберта, умершаго въ молодыхъ лѣтахъ и оставившаго наслѣдниками по себѣ малолѣтнихъ сыновей Сигберта, получившаго Австразію, и Хлодвига II, получившаго Нейстрію. Гримоальдъ, сынъ Пиппина, умершаго въ 639 году, сталъ теперь полнымъ владыкою государства и велъ войны по своей волѣ, а Сигбертъ, довольствуясь титуломъ короля, жилъ доходами съ нѣсколькихъ имѣній, и никто не обращалъ на него вниманія. Но когда по смерти Сигберта Гримоальдъ вздумалъ возвести на

Сигбертъ 638—655. Хлодвигъ II (умеръ 656) Гримоальдъ (умеръ 656) 682.

престолъ своего сына, Хильдеберта, эта попытка совершенно устранить прежнюю династію оказалась преждевременной: франки возстали противъ Гримоальда, бросили въ темницу и убили его, возвратили престолъ династіи Меровинговъ. Она совершенно ослабѣла отъ разврата, такъ что короли вообще умирали въ молодыхъ лѣтахъ. Они не дѣлали ничего и были королями только по имени, но за ними оставалось законное право быть государями и отличаться отъ всѣхъ другихъ франковъ длинными волосами. Короли, занимавшіе престолъ

послѣ Сигберта, были или несовершеннолѣтніе люди, или развратники и служили только орудіями владычества отважныхъ вельможъ, ставшихся майордомами. Очень большую роль въ исторіи игралъ Эброинъ, майордомъ нейстрійскій, возводившій и низвергавшій королей и вовлекавшій все франкское государство въ ожесточенныя междоусобія; онъ былъ наконецъ убитъ вельможей, у котораго хотѣлъ отнять имѣнія. Государство Хлодвига было близко къ распаденію; восточная часть его отдѣлялась отъ западной, нѣмецкія племена начинали становиться независимыми подъ управленіемъ своихъ герцоговъ и князей. Но храбрый и талантливый Пиппинъ Геристальскій, разбивъ,

Пиппинъ Геристальскій (умеръ 714).

въ 687 году, при Тестри на рѣкѣ Соммѣ нейстрійскаго майордома Берхара, соединилъ въ своихъ рукахъ съ австразійскимъ майордомствомъ нестрійское и бургундское, и сдѣлалъ этотъ санъ наслѣдственнымъ въ своемъ родѣ. Онъ былъ сынъ Бегги, дочери Пиппина Ланденскаго, а отцомъ его былъ сынъ Арнульфа Ансегизиль. Онъ пріобрѣлъ уваженіе вельможъ своей энергіей, справедливостью и тою твердостью, съ какой поддерживалъ владычество франковъ надъ непослушными, склонными къ отпаденію отъ франкскаго государства германскими племенами. Послѣ сраженія при Тестри, въ которомъ Берхаръ былъ убитъ своими собственными воинами, Пиппинъ Геристальскій захватилъ въ свою власть короля и хотя оставилъ ему пустой формальный почетъ, но, принявъ титулъ герцога и князя франковъ, сталъ править всѣмъ государствомъ. Человѣкъ энергическій, онъ возстановилъ порядокъ и скрѣпилъ связь между распадавшимися романской и германской частями государства. Алеманны, думавшіе о независимости, были принуждены повиноваться Пиппину; фризы, которыми правилъ тогда герцогъ Радбодъ, еще остававшійся язычникомъ (стр. 635), должны были заключить миръ съ франками. Удерживая германскія племена подъ властью франковъ, Пиппинъ тѣмъ самымъ удерживалъ ихъ въ связи съ культурнымъ міромъ. Внутри государства онъ охранялъ законы, усмирялъ буйство сильныхъ людей, защищалъ слабыхъ отъ ихъ притѣсненій. Но еще не вполнѣ были устранены препятствія, мѣшавшія полученію престола знаменитымъ родомъ Арнульфа и Пиппина Ланденскаго, имѣвшимъ своей наслѣдственной резиденціей замокъ на Маасѣ близъ Люттиха. Сынъ Пиппина Геристальскаго Гримоальдъ, назначенный преемникомъ его, былъ убитъ въ люттихской церкви фризійскимъ воиномъ въ то время, когда отецъ лежалъ неизлѣчимо больной. Въ декабрѣ того же года Пиппинъ умеръ, и по смерти его возобновились междоусобія. Его жена, баварская княжна Плехтруда, женщина умная и энергическая, хотѣла упрочить санъ майордома за своимъ внукомъ Тевдоальдомъ и для этого держала подъ стражей даровитаго и отважнаго Карла, который былъ сыномъ Пиппина отъ другой жены (или наложницы) Альфеиды. Но нейстрійцы отложились отъ повиновенія роду

Пиппина, избрали себѣ особаго майордома, Рагенфрида; у нихъ съ австразійцами началась война; они вели ее удачно, и Тевдоальдъ былъ убитъ въ ней. Казалось, что государство снова распадется. Но Карлъ, получившій впослѣдствіи за свои побѣды названіе Мартела (Молота), успѣлъ (въ 716 году) уйдти изъ-подъ стражи, собралъ приверженцевъ своего рода и сталъ мужественно сражаться за отцовское наслѣдство. Война съ нейстрійцами и союзниками ихъ фризами длилась два года съ перемѣннымъ счастіемъ. Наконецъ въ кровопролитномъ сраженіи при Венси (близъ Камбре) Карлъ одержалъ блистательную побѣду надъ Рагенфридомъ и преслѣдовалъ бѣгущихъ враговъ до самыхъ воротъ Парижа. Плехтруда, жившая въ Кельнѣ, отдала теперь Карлу этотъ городъ и сокровища, принадлежавшія его матери. Счастье осталось вѣрно ему и въ слѣдующіе два года; онъ совершенно одолѣлъ противниковъ, и съ 720 года онъ, единственный майордомъ и князь франковъ, сталъ владыкою всего франкскаго государства, какъ былъ его отецъ, хотя потомокъ меровингской династіи все еще садился 1 марта въ собраніи франкскаго народа на золотой стулъ и принималъ подарки вельможъ. Побѣдами надъ арабами и щедрою раздачею конфискованныхъ церковныхъ имѣній своимъ приверженцамъ Карлъ такъ упрочилъ свою власть, что въ послѣдніе годы правленія считалъ ненужнымъ замѣщать умершаго меровинга новымъ королемъ; а черезъ одиннадцать лѣтъ послѣ того, какъ великій воинъ былъ погребенъ въ монастырѣ святого Діонисія, сынъ его, Пиппинъ Малорослый, навсегда устранилъ призрачную власть меровинговъ и, отнявъ титулъ у послѣдняго «тунеяднаго короля», сталъ называться королемъ самъ и передалъ по наслѣдству королевскій санъ своему роду, получившему впослѣдствіи названіе Каролинговъ.

Карлъ Мартелъ (умеръ 22 октября 741). 718.

с. Характеръ быта въ государствѣ франковъ.

Племена, жившія въ Галліи. Leges barbarorum.

Передвиженіе племенъ, путаница котораго особенно велика была въ Галліи, произвели результаты, глубоко измѣнившіе весь бытъ ея населенія. Прежнія племена этой страны всѣ, кромѣ иберійцевъ басковъ, удержавшихся въ Пиренеяхъ, приняли подъ римскимъ владычествомъ латинскій языкъ. Среди этого римско-галльскаго народа поселились теперь германскія племена: на югѣ вестготы, на востокѣ бургунды, на сѣверѣ и западѣ франки, и въ разныхъ мѣстахъ мелкія части другихъ племенъ: саксовъ, алановъ, британцевъ, называющихся въ Галліи бретонцами. (Впослѣдствіи на арморикансконъ приморьѣ поселилась часть норманновъ, и пріобрѣла сильное вліяніе на судьбу Франціи). Мы ужь говорили, что германцы въ Галліи слились еще при Меровингахъ въ одно цѣлое съ прежнимъ населеніемъ, такъ что первоначальное племенное различие стало довольно незна-

чительно; причиною слиянія было могущественное дѣйствіе римскихъ формъ быта и римской цивилизаціи на воспріимчивую натуру германцевъ. Они оставались военнымъ сословіемъ, начальники котораго были выборные или наслѣдственные князья; обязанные своими новыми владѣніями праву завоеванія, германцы продолжали заниматься исключительно военнымъ дѣломъ, оставляя администрацію, судопроизводство, науку въ рукахъ людей романскаго племени. Римскій языкъ владычествовалъ въ управленіи, въ церкви, въ торговлѣ; прежніе монетные дворы чеканили прежнюю монету, золотой солидъ и серебряный денарій; туземцы судились по римскимъ законамъ; у германскихъ племенъ, поселившихся въ Галліи, было, какъ у остготовъ (стр. 698), записано ихъ обычное право и такимъ образомъ составились сборники законовъ вестготовъ, бургундовъ и франковъ, служившіе для рѣшенія дѣлъ между германцами или между германцами и римлянами; но эти сборники, называемые «законами варваровъ», Leges barbarorum, были составлены подъ римскимъ вліяніемъ, какъ видно уже изъ того, что они писаны на латинскомъ языкѣ. При томъ ихъ содержаніе было очень скудно; они годились только для опредѣленія величины денежныхъ взысканій за преступленія противъ собственности и личности и дѣйствовали главнымъ образомъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ туземное населеніе было малочисленнѣе германскаго. На югѣ и во всѣхъ большихъ городахъ долго сохраняли полную силу римскіе законы и судопроизводство. Основнымъ принципомъ права въ государствѣ франковъ было правило, что каждый судится по закону того народа, къ которому принадлежитъ по своему отцу.

Leges barbarorum.

Законы варваровъ, записанные людьми, не имѣвшими ни юридическаго, ни литературнаго образованія были составлены приблизительно около того времени, какъ развитіе римской юриспруденціи было завершено изданіемъ кодекса Юстиніана. Тѣ законы варваровъ, которые были записаны въ государствѣ франковъ, даютъ намъ драгоцѣнныя свѣдѣнія о тогдашнемъ устройствѣ его, о правахъ разныхъ сословій и о характерѣ общественной жизни въ немъ. Изъ сборника бургундскихъ законовъ, отличающагося точными постановленіями относительно земельной собственности, мы видимъ, какъ устроился съ теченіемъ времени раздѣлъ земли между туземцами и германцами. Бургундецъ, назначаемый „гостемъ" къ римлянину, получалъ отъ него двѣ трети воздѣланной земли, третью долю рабовъ, половину дома, двора, сада, и половину лѣса и пастбища; лѣсъ и пастбище не находились въ общинномъ владѣніи (альмендѣ). Германцы, поселившіеся послѣ первыхъ завоевателей, и отнущенники получили менѣе значительную долю. Вестготы тоже взяли себѣ двѣ трети воздѣланной земли. Франки дѣйствовали гораздо произвольнѣй, безжалостнѣй и, вѣроятно, не предоставляли туземцамъ никакихъ опредѣленныхъ правъ; кажется, что они совершенно необузданно расселились по провинціямъ, что каждый изъ этихъ разбойниковъ, завоевавшихъ страну, бралъ себѣ столько земли, сколько позволяли его силы, и алчность его не хотѣла признавать никакихъ границъ. Когда австразійцы принуждали своего короля Теодериха принять участіе въ походѣ его братьевъ на Бургундію, онъ ска-

Раздѣлъ земли между германскими завоевателями.

залъ: „Идите со мной въ Оверню: тамъ вы можете пріобрѣсти множество золота, серебра, рабовъ и дорогихъ одеждъ". Буйные франки его пошли въ Оверню, которая была тогда богата, стали грабить, насиловать и рѣзать, мучили захваченныхъ въ плѣнъ туземцевъ, вынуждая ихъ давать какъ можно больше за пощаду жизни, врывались даже въ церкви, куда прятались отъ нихъ жители съ своимъ имуществомъ. Григорій Турскій разсказываетъ, что австразійскій воинъ держалъ въ рабствѣ знатнаго юношу, вынуждая родныхъ заплатить за его освобожденіе десять фунтовъ золота; вѣрный невольникъ помогъ этому юношѣ уйти изъ плѣна и привелъ его къ дѣду, епископу лангрскому; по этому примѣру мы можемъ судить, какъ произвольно поступали франки съ туземцами. Когда германецъ бралъ себѣ землю, то безъ сомнѣнія переходили подъ его власть и прикрѣпленные къ землѣ поселяне (колоны) прежняго землевладѣльца; теперь они должны были работать на германца, и оброкъ съ нихъ бралъ онъ.

Положеніе романскаго населенія.

Но такія насилія, какимъ подверглась Овернь при нашествіи Теодериха австразійскаго, были все-таки лишь исключеніемъ изъ правила. Законы Меровинговъ и событія ихъ времени представляютъ много доказательствъ тому, что положеніе римлянъ мало-по-малу сдѣлалось довольно сноснымъ. Выгодою для туземцевъ было то, что исчезли обременительные налоги временъ имперіи, замѣнивались умѣреннымъ поземельнымъ налогомъ и подушною податью тоже умѣренной величины; законъ ограждалъ безопасность туземцевъ въ частной жизни и собственность ихъ; торговля и промышленность находились почти исключительно въ ихъ рукахъ; населеніе городовъ, особенно на югѣ, было римское; подъ охраною церкви, римскихъ законовъ и данныхъ германскими королями привилегій, оно имѣло довольно широкую возможность заботиться о своемъ благосостояніи, могло даже заниматься военнымъ дѣломъ. Превосходя германцевъ образованностью и дѣловой опытностью, туземцы получали правительственныя должности, иногда и самыя важныя; они были вліятельными совѣтниками королей; въ Бургундіи три римлянина сряду занимали должность майордома; церковными сановниками были исключительно римляне. Заграничной торговлей и отдачей денегъ въ проценты занимались кромѣ римлянъ іудеи, которые, хотя и подвергались притѣсненіямъ въ галльскихъ городахъ, составляли довольно значительную часть ихъ населенія.

Виры.

По германскому праву виновный въ убійствѣ или членовредительствѣ долженъ былъ давать за свою вину вознагражденіе (виру) родственникамъ убитаго или изувѣченному. Разницы въ размѣрѣ этого вознагражденія, показываютъ намъ различія въ сословномъ положеніи людей. По размѣру виры, самое высокое положеніе въ обществѣ занимали франки, составлявшіе свиту короля, „антрустіоны", начальники воиновъ его дружины (его „людей", leudes); за убійство антрустіона должно было уплатить его родственникамъ 600 золотыхъ монетъ (солидовъ), если они хотѣли взять выкупъ, а не предпочитали оставить за собой право мщенія убійцѣ; выше

этого была только вира за убійство епископа, составлявшая 900 солидовъ; за убійство священника вира была такая же, какъ за воина королевской дружины. Вира за римлянина, находившагося на королевской службѣ, была выше, чѣмъ за простого франка: за него она была 300 солидовъ, а за убійство простого франка платилось только 200. Вира за убійство свободнаго землевладѣльца римскаго происхожденія составляла 45 солидовъ, за человѣка, принадлежавшаго къ высшему разряду несвободныхъ людей, 30 солидовъ. Люди римскаго происхожденія первоначально считались въ государствѣ франковъ равными не франкамъ свободнаго сословія, а подвластнымъ людямъ (литамъ); болѣе почетное положеніе пріобрѣли они лишь мало-по-малу въ позднѣйшія времена. Виры, назначаемыя законами варваровъ за нарушенія собственности, за нанесеніе ранъ и увѣчья, за другія оскорбленія и проступки, тоже почти всегда не одинаковы для франковъ и туземцевъ, для свободныхъ и не свободныхъ людей. Только у бургундовъ отношенія къ туземцамъ, были, кажется, болѣе мягки: по ихъ законамъ виры за обиды бургунду и туземцу одинаковы.

Свободные люди и несвободные.

Вмѣстѣ съ обычнымъ правомъ германцы перенесли въ новую свою страну и другія учрежденія своей родины. Мы встрѣчаемъ въ ихъ новыхъ государствахъ тѣ же территоріальныя дѣленія и тѣ же сословія, какія видѣли въ Германіи (стр. 117). Низшею степенью территоріальнаго дѣленія была община, обыкновенно называвшаяся словомъ Heim; нѣсколько общинъ составляли марку, нѣсколько марокъ сотню, называвшуюся по-латини центеною, нѣсколько сотенъ образовали округъ, gau; центромъ округа былъ городъ. Кажется, что населеніе сосѣднихъ территоріальныхъ единицъ соединялось для лучшаго огражденія своей безопасности въ союзы и что эти союзы имѣли выборныхъ правителей. Основаніемъ для германскихъ дѣленій территоріи, вѣроятно, были соотвѣтствовавшія имъ по своей величинѣ дѣленія страны въ кельтское и римское время. Какъ прежде въ Германіи, такъ теперь въ государствѣ меровинговъ, люди дѣлились на свободныхъ и несвободныхъ, и каждое изъ этихъ двухъ главныхъ сословій подраздѣлялось на разные классы. Но прежнихъ рѣзкихъ границъ между классами теперь не было, существовали разныя переходныя ступени между ними. Человѣкъ могъ повышаться по этимъ ступенямъ и если не на каждой изъ нихъ пріобрѣталъ новыя личныя права, то всетаки его общественное положеніе измѣнялось. Человѣкъ могъ и понижаться въ своемъ общественномъ положеніи. Только свободные люди владѣли землею, только они участвовали въ судѣ и въ народномъ собраніи. Они были обязаны ходить на войну, взамѣнъ того были освобождены отъ всякихъ податей и только давали добровольный ежегодный подарокъ королю. Свободный человѣкъ былъ неограниченнымъ господиномъ въ своемъ имѣніи; онъ судилъ живущихъ на его землѣ крѣпостныхъ людей по обычному праву или по произволу своей господской власти; королевскіе сановники или судьи не могли вмѣшиваться въ этотъ его судъ. Въ сословіи свободныхъ людей возникли роды болѣе вліятельные, чѣмъ остальная масса;

изъ нихъ съ теченіемъ времени составилось особое привилегированное сословіе благородныхъ (principes, meliores natu); оно было ближе остальной массы къ военачальнику народа или королю. Прежде господствовало мнѣніе, что это военное дворянство, которое у римскихъ писателей часто называется сословіемъ антиматовъ, образовалось изъ дружинъ, игравшихъ главную роль въ дѣлѣ завоеванія римскихъ областей германцами. Теперь объясняютъ происхожденіе бенефицій и вассальства другимъ образомъ. Но каковы бы ни были новыя причины, содѣйствовавшія развитію военнаго дворянства, оно по своей сущности имѣетъ тѣсное родство съ прежними германскими дружинами. Естественно было, что военачальникъ награждалъ своихъ вѣрныхъ сподвжниковъ роздачею имъ захваченной добычи и завоеванныхъ земель. Такъ дѣлалось у германцевъ издавна. Теперь, когда военачальникъ съ своею дружиною завоевалъ область и сталъ королемъ въ ней, то, конечно, его отношенія къ дружинѣ измѣнились. Онъ долженъ былъ желать, чтобы тѣ изъ его сподвижниковъ, которые были особенно важны по своей знатности или своимъ заслугамъ, сохраняли особенное усердіе къ нему. Обстоятельства давали ему средства на это. Покореніе Галліи доставило франкскимъ королямъ обширныя имѣнія; вся собственность римскаго фиска, всѣ имѣнія императоровъ, всѣ государственныя земли достались въ руки военачальника. Онъ могъ располагать ими какъ хотѣлъ, потому имѣлъ возможность дать тѣмъ изъ своихъ сподвижниковъ, которыхъ желалъ крѣпко связать съ собою, особые участки изъ своей земельной собственности; эти люди подобно другимъ воинамъ получили участки земли въ наслѣдственную (аллодіальную) собственность; отъ короля они получали въ пожизненное пользованіе другіе участки на такихъ выгодныхъ условіяхъ, что это пожалованіе было милостью или «благодѣяніемъ» (beneficium). Такимъ образомъ образовалась бенефиціальная или ленная система отношеній, ставшая основаніемъ средневѣковаго государственнаго устройства. Земля, получаемая отъ короля, называлась бенефиціемъ или леномъ, давшій ее былъ леннымъ господиномъ получившаго, а получившій назывался ленникомъ или вассаломъ его. Бенефицій считался вознагражденіемъ или жалованьемъ за услуги на войнѣ или по придворнымъ и административнымъ дѣламъ; когда ленникъ умиралъ или если онъ не исполнялъ своихъ обязанностей, король могъ взять бенефицій обратно себѣ; потому во время междоусобій при Меровингахъ включалось иногда въ мирные договоры условіе, что бенефиціи, данные предшественниками договаривающихся государей, не будутъ отняты послѣдними у пользующихся этими землями. Ленники за полученные ими бенефиціи обязывались быть неизмѣнно вѣрными королю и ходить на всѣ его войны; они образовывали главную часть сословія королевскихъ «людей» leudes; важнѣйшіе изъ нихъ были начальниками королевскихъ людей, антрустіонами,

сановниками наиболѣе близкими королю. Точно такъ же богатые свободные люди отдавали другимъ менѣе богатымъ свободнымъ людямъ участки своей земельной собственности и даже участки полученныхъ ими отъ королей леновъ. Такимъ образомъ ленникъ имѣлъ въ зависимости у себя другихъ ленниковъ. Нерѣдко бывало и то, что свободные мелкіе землевладѣльцы поступали въ службу и подъ власть господина, чтобы пользоваться его покровительствомъ («опекой», mundium). Ленныя отношенія, основанныя на взаимной вѣрности, не уменьшали личныхъ правъ ленника и не измѣняли его положенія въ его округѣ. Зависимость отъ короля не унижала, а возвышала ленника. Она давала почетъ, вліяніе; королевскіе вассалы становились людьми болѣе важными, чѣмъ люди, не имѣвшіе леновъ, и мало-по-малу изъ нихъ составилась аристократія, захватившая въ свои руки государственную власть и отнявшая политическое значеніе у массы остальныхъ свободныхъ людей. Возростающее могущество этой поземельной аристократіи разрушило прежнюю организацію народа и подавило права, принадлежавшія собраніямъ всѣхъ свободныхъ людей цѣлаго округа или всего государства. Мы увидимъ, что церковь, земельная собственность которой постоянно возростала, тоже раздавала свои земли въ бенефиціи (или, какъ это называлось въ «прекаріи», участки данные по просьбѣ). Таковы были зародыши, изъ которыхъ развился феодализмъ.

Подвластные люди и рабы.

Люди, родившіеся несвободными, или утратившіе свободу (какъ напримѣръ плѣнники и преступники, отданные въ рабство), не могли имѣть земельной собственности, не участвовали ни въ судѣ, ни въ народномъ собраніи. Они дѣлились на рабовъ и подвластныхъ (крѣпостныхъ) людей. Рабы у германцевъ, какъ у римлянъ, составляли полную собственность господина, не имѣли никакихъ личныхъ правъ; господинъ былъ властенъ продать и убить раба; подвластные или крѣпостные люди жили подобно римскимъ колонамъ на землѣ своего господина и воздѣлывали ее, отдавая ему часть полученнаго продукта или отправляя вмѣсто того барщину; другіе подвластные люди, называвшіеся литами, жили при дворѣ господина и служили ему; эти слуги были разныхъ разрядовъ: чернорабочіе, домашняя прислуга, ремесленники и должностные люди, управлявшіе дѣлами господина (ministeriales). Подвластные люди всѣхъ разрядовъ были ограждены отъ деспотизма господина закономъ, установлявшимъ виры за обиды имъ отъ господина. Лица свободнаго сословія не могли вступать въ бракъ съ лицами несвободнаго сословія. На войнѣ крѣпостные поселяне и литы составляли легкую пѣхоту и вѣроятно получали жалованье. Крѣпостные люди и рабы могли быть отпускаемы на волю;

Отпущенники.

но только тѣ, которые были торжественно освобождаемы королемъ, получали полныя права свободныхъ людей; безъ этого торжественнаго обряда отпущенникъ получалъ только личную свободу, но не

пріобрѣталъ правъ свободно рожденнаго человѣка, не былъ полноправнымъ гражданиномъ. Отпущенники церкви пріобрѣтали права свободныхъ людей римскаго происхожденія, а эти люди находились вообще въ зависимости отъ какого-нибудь лица или учрежденія, имѣвшаго надъ ними право патроната.

Государственное устройство франкскаго королевства.

Первоначальнымъ основаніемъ государственнаго устройства въ королевствѣ франковъ было сочетаніе прежняго племеннаго быта германцевъ съ дружинно-военнымъ устройствомъ и съ римскими государственными учрежденіями; но мало по малу ленное право развилось такъ, что сдѣлалось основой всего государственнаго быта.

Король.

Главою государства былъ король; подъ вліяніемъ римскихъ понятій и учрежденій власть его стала гораздо больше той, какую прежде имѣли короли въ Германіи; эта перемѣна была такъ велика, что новая королевская власть сдѣлалась совершенно не похожа на старинную. Мы знаемъ, что въ древнія времена санъ короля былъ у германцевъ наслѣдственнымъ въ королевскомъ родѣ, но переходъ королевскаго сана съ прежняго государя на другого происходилъ не иначе, какъ по одобренію народа. Эти короли, имѣвшіе ограниченную власть, сдѣлались неограниченными государями, подобными римскимъ императорамъ; но съ тѣмъ вмѣстѣ прежній законный порядокъ наслѣдованія замѣнился безпорядочнымъ захватомъ власти, какъ было въ римской имперіи. Римскіе обычаи и христіанскія понятія, усвоенныя франками, дали королевскому сану вмѣстѣ съ новымъ могуществомъ и новый блескъ. Королевскій дворъ сталъ центромъ общественной жизни, государь священнымъ лицомъ. Переселеніе народовъ разорвало родовыя связи; кажется, что вмѣстѣ съ ними исчезло и участіе народа въ передачѣ королевской власти у германцевъ, поселившихся въ римскихъ областяхъ. Король первоначально былъ только главою племени, быть можетъ даже только одного изъ отдѣловъ племени; теперь, покоривъ романское населеніе, онъ сталъ неограниченнымъ повелителемъ государства, управлялъ всѣми мирными и военными дѣлами по своей волѣ, и если власть его была сколько нибудь ограничена, то развѣ обычаемъ совѣтоваться съ вельможами и епископами. Такимъ образомъ королевская власть имѣла двоякій характеръ: по отношенію къ своимъ романскимъ подданнымъ онъ былъ преемникъ императоровъ и назывался августомъ; франки видѣли въ немъ военачальника, а ленники своего леннаго господина. Онъ поднялся такъ высоко надъ другими свободными франками, что въ законѣ нѣтъ виры за убійство короля; вредъ, нанесенный ему, не могъ быть выкупленъ ни какой вирой, наказывался смертью и отнятіемъ имущества. Къ прежнему отличію франкскихъ королей, исключительному праву носить длинные волосы, прибавилась теперь діадема или корона; прежде знакомъ власти короля было копье въ его рукѣ, теперь прибавились къ этому и другіе символы царской власти.

Вайцъ говоритъ: король глава народа; онъ ведетъ войну и заключаетъ миръ; онъ представитель своего народа по отношенію къ другимъ государствамъ. Онъ заключаетъ договоры, посылаетъ пословъ. Всѣ племена его государства обязаны вѣрностью ему; его покровительство соединяетъ всѣхъ нхъ и служитъ основаніемъ государственнаго единства и порядка. За нарушеніе общественнаго спокойствія виновный платитъ ему штрафъ. Онъ можетъ давать иммунитетъ (освобожденіе отъ налоговъ и повинностей), то есть, отказываться отъ принадлежащихъ ему доходовъ. Онъ назначаетъ свѣтскихъ и духовныхъ правителей и можетъ отнимать у нихъ данныя имъ должности. Черезъ нихъ онъ приводитъ въ исполненіе свою волю по всѣмъ частямъ государства и по всѣмъ дѣламъ; онъ созываетъ судебныя собранія и онъ самъ судья; но и безъ суда онъ подвергаетъ наказаніямъ, располагая по произволу имуществомъ и жизнью своихъ подданныхъ. Онъ имѣетъ обширныя земельныя владѣнія, дающія ему большой доходъ; но часть этихъ владѣній онъ передалъ служащимъ ему. Они тѣсно связаны съ нимъ этимъ пожалованіемъ. Другіе служащіе связаны съ нимъ еще тѣснѣе, составляя его свиту. Они живутъ при его дворѣ, и всякая служба при дворѣ даетъ почетъ; дворъ центръ государства; всѣ высшія правительственныя должности—придворныя должности.

Королевскіе сановники.

Важнѣйшими изъ сановниковъ, окружавшихъ короля и составлявшихъ его совѣтъ, были: майордомъ, первоначально завѣдывавшій дворцомъ и дворцовой прислугой (какъ впослѣдствіи завѣдывалъ этимъ сенескалькъ), канцлеръ, каммергеръ и пфальцграфъ, заступившій мѣсто короля въ судѣ. Часто были приглашаемы въ королевскій совѣтъ епископы. Короли любили жить на своихъ виллахъ, которыя были у нихъ во всѣхъ частяхъ государства. На королевской виллѣ былъ дворецъ, куда собирались сановники охотиться и пировать съ королемъ; часто иа виллахъ происходили собранія вельможъ и епископовъ. Церковные соборы были созываемы королемъ; и во всякомъ случаѣ нхъ рѣшенія получали силу только съ утвержденія его. Свободный франкъ не могъ вступить въ духовное званіе безъ его разрѣшенія, потому что духовное званіе освобождало отъ военной службы.

Доходы и сокровища королей.

Король получалъ доходы отъ своихъ имѣній; другими его доходами были подати и повинности людей римскаго происхожденія, налоги съ церковныхъ имуществъ (изъ которыхъ лишь немногія были тогда освобождены отъ уплаты податей), добровольные подарки франковъ, дань съ подвластныхъ народовъ, штрафы съ преступниковъ, конфискація имущества нѣкоторыхъ изъ нихъ, таможенныя, дорожныя и рыночныя пошлины. При разъѣздахъ по государству король и его свита получали содержаніе отъ мѣстныхъ жителей. Франкскіе короли очень заботились накоплять въ своей казнѣ сокровища, переходившія по наслѣдству вмѣстѣ съ престоломъ; это былъ старинный германскій обычай: сокровища играютъ большую роль въ германскихъ легендахъ, какъ и въ германской исторіи. Королевскія сокровища состояли изъ золотой монеты, всякихъ дорогихъ уборовъ, между прочимъ изъ золотыхъ колецъ и цѣпей, изъ дорогой посуды и дорогой одежды.

Графы.

Итакъ власть франкскихъ королей была расширена вліяніемъ римскихъ учрежденій. Подати и повинности, которымм пользовался король, постоянно увеличивались. Въ судопроизводствѣ и въ рѣшеніяхъ о войнѣ и мирѣ король присвоилъ себѣ тѣ права, которыя прежде принадлежали народному собранію. Онъ вообще присвоилъ

себѣ большую часть той власти, которую прежде имѣло народное собраніе; онъ передавалъ свою власть графамъ и герцогамъ. Управленіе областями франкскаго государства было поручено графамъ. Графъ—начальникъ округа. Онъ не избирается теперь народомъ, какъ было прежде, а назначается королемъ, поручающимъ эту должность по своему произволу тому или другому изъ людей своей свиты. Вообще графы были люди старинныхъ богатыхъ вельможескихъ родовъ; кромѣ высшей власти, полученной ими отъ короля, они имѣли и самостоятельную власть, какъ господа своихъ имѣній. Важнѣйшими обязанностями графа были судъ, охрана общественнаго спокойствія, защита слабыхъ, обузданіе злоупотребленій, взиманіе королевскихъ доходовъ, передача ихъ королю, созываніе войска въ походъ и командованіе имъ на войнѣ. Графскій округъ дѣлился на части, называвшіяся сотнями. Въ каждой сотнѣ сходились по извѣстнымъ срокамъ въ опредѣленныхъ мѣстахъ подъ открытымъ небомъ собранія свободныхъ людей; въ этихъ собраніяхъ производился судъ по стариннымъ торжественнымъ формамъ; собраніе участвовало въ судѣ, и по многимъ дѣламъ приговоръ постановляло оно. Но въ этихъ многолюдныхъ собраніяхъ нельзя было, по недостатку времени, рѣшать всѣ тяжбы между частными людьми; потому предсѣдатель съ согласія тяжущихся избиралъ людей, знающихъ законы, судьями «рахинбургами», и они отъ имени собранія рѣшали дѣла. Судебными доказательствами были: показанія свидѣтелей, клятва соприсяжниковъ, ордаліи (судъ Божій огнемъ или кипящей водой) и судебный поединокъ. Тяжбы между людьми галльскаго происхожденія судились по римскому праву ихъ соплеменниками. По всѣмъ судебнымъ дѣламъ можно было апеллировать къ суду короля. Дѣла по обвиненіямъ духовныхъ лицъ въ проступкахъ противъ гражданскихъ законовъ рѣшались свѣтскими судьями съ участіемъ депутатовъ отъ духовенства. Должность графа была вообще пожизненная. Онъ могъ поручать нѣкоторыя дѣла своимъ посламъ (missi) или замѣстителямъ (викаріямъ). Начальниками общинъ были трибуны или старшины, начальниками сотенъ центенаріи или «гунны»; власть этихъ начальниковъ была менѣе велика, чѣмъ власть графа. Соединеніе нѣсколькихъ графствъ образовало область, правитель которой назывался герцогомъ (dux): обязанности его состояли главнымъ образомъ въ завѣдываніи войскомъ. Такимъ образомъ герцогъ въ королевствѣ франковъ былъ военный сановникъ, назначенный королемъ и не имѣвшій самостоятельной власти. Но кажется, что въ нѣкоторыхъ областяхъ происходили собранія свободныхъ франковъ, имѣвшія нѣкоторую законодательную власть. Со времени Хлодвига король каждый годъ собиралъ всѣхъ свободныхъ франковъ. Это были собранія народа, какъ войска, готоваго къ походу; они происходили въ мартѣ; такое собраніе называлось по ла-

Судъ.

Герцоги.

тыни «мартовскимъ полемъ» (campus Martius). Область, которою завѣдывалъ герцогъ, обыкновенно совпадала своими границами съ этнографическимъ или топографическимъ отдѣломъ государства. Санъ герцога сдѣлался со временемъ наслѣдственнымъ, и короли признали право герцогскаго рода сохранять за собою эту должность; но съ тѣмъ вмѣстѣ народъ имѣлъ нѣкоторое вліяніе на переходъ ея отъ одного лица къ другому. Герцогъ былъ представителемъ всѣхъ правъ короля въ своей области. Въ Бургундіи и Провансѣ должность герцога была соединена съ прежнимъ саномъ патриція. Герцогъ былъ главнокомандующій войска своей области; графы и центенаріи были подчинены ему, онъ былъ подчиненъ только королю. Но впослѣдствіи, когда майордомъ сталъ правителемъ государства, герцоги должны были повиноваться ему. Въ случаяхъ важной надобности король отправлялъ уполномоченныхъ («пословъ», missi) привести въ порядокъ дѣла той или другой области. Когда королевская власть ослабѣла и вельможи пріобрѣли преобладающую силу въ государствѣ, мартовскій станъ, бывшій первоначально смотромъ войска, получилъ характеръ политическаго народнаго собранія и сталъ рѣшать законодательныя дѣла.

Испорченность нравовъ.

Время Меровинговъ было переходною эпохой, періодомъ слиянія германцевъ и римскаго населенія въ одно національное цѣлое. Всѣ переходныя эпохи представляютъ много отвратительныхъ явленій; при перерожденіи народовъ рѣзко проявляются гнилые умирающіе элементы. Мы уже говорили, что исторія франкскаго государства Григорія Турскаго показываетъ намъ владычество пороковъ и преступленій, подъ массою которыхъ едва замѣтны зародыши лучшей жизни. Этотъ духовный сановникъ, съ полной наивностью, безъ всякихъ умолчаній, разсказываетъ о томъ, какъ тогда люди всѣхъ сословій и въ германской, и въ романской части населенія слѣдовали только внушеніямъ грубой чувственности, ревности, пошлой алчности, властолюбія и мстительности, нарушали всѣ правила обычной нравственности, всѣ божескіе и человѣческіе законы, совершали всяческія злодѣйства; простодушно передавая эти гнусныя и ужасныя дѣла, Григорій не проявляетъ особеннаго негодованія на злодѣевъ; это равнодушіе его служитъ яснымъ свидѣтельствомъ всеобщей испорченности. Сліяніе грубыхъ германцевъ, волнуемыхъ необузданными страстями, съ изнѣженнымъ романскимъ населеніемъ должно было въ началѣ давать дурные результаты.

Лёбель говоритъ объ этомъ времени: «При занятіи Галліи германцами они были люди грубые, пылкіе, необузданные; романское населеніе было цивилизовано и, по привычкѣ жить подъ деспотическимъ управленіемъ, боязливо коварно. Богатые и знатные туземцы Галліи при наступленіи всеобщаго бѣдствія еще вели блестящую, роскошную жизнь: въ ихъ наслажденіяхъ еще не совершенно исчезло изящество древней цивилизаціи, но они были изнѣжены, вялы. Оба народа быстро учились другъ у друга, но не столько

наго ими Нарбона. Но обширная и богатая страна между Луарой и Гаронной и по южному берегу Гаронны, Аквитанія, осталась во власти Хлодвига и была присоединена къ франкскому государству. «Такъ Богъ ежедневно низвергалъ враговъ предъ королемъ франковъ, говоритъ Григорій Турскій, и увеличивалъ государство его потому, что онъ ходилъ предъ нимъ въ правотѣ сердца и дѣлалъ благоугодное очамъ Его.»

Вестготское государство по утратѣ Аквитаніи.

Гезалихъ, человѣкъ лишенный чувства чести, хотѣлъ сдѣлаться королемъ въ Испаніи при помощи франковъ и вандаловъ. Ибба пошелъ за Пиренеи противъ него. Разбитый при Барселонѣ (въ 509 году), Гезалихъ бѣжалъ къ вандаламъ въ Африку; въ слѣдующемъ году, получивъ отъ вандаловъ деньги на подкупъ приверженцевъ себѣ, онъ вернулся въ Испанію, но снова былъ разбитъ, бѣжалъ въ Галлію и съ помощью отъ Хлодвига возобновилъ войну на Ронѣ. Остготы взяли его въ плѣнъ и казнили. Теодерихъ сталъ править отъ имени своего внука вестготскимъ государствомъ. Амаларихъ получилъ власть въ свои руки только по смерти дѣда. Ему было тогда уже 24 года. Границею между вестготскимъ и остготскимъ государствами была Рона. Правленіе Амалариха кончилось бѣдственно. По чрезмѣрному усердію къ аріанству онъ подвергалъ грубымъ обидамъ свою жену, франкскую принцессу Клотильду, принуждая ее отречься отъ православія; она обратилась наконецъ къ своему брату Хильдеберту съ просьбой вырвать ее изъ рукъ тиранна. Братъ съ удовольствіемъ воспользовался случаемъ сдѣлать завоеваніе, пошелъ на Амалариха и разбилъ его при Нарбонѣ. Онъ уплылъ моремъ въ Испанію и былъ убитъ тамъ инсургентами, возставшими противъ него, вѣроятно, по внушенію богатаго и могущественнаго остгота Тевдеса, бывшаго въ Испаніи намѣстникомъ Теодериха. Тевдесъ овладѣлъ престоломъ и перенесъ резиденцію свою въ Барселону. Съ того времени главною частью вестготскаго королевства была Испанія; въ Галліи оставалась у вестготовъ только Септиманія съ городами Нарбономъ, Безьѐ, Нимомъ, Каркассоною. Клотильда на пути въ Парижъ умерла отъ страданій, произведенныхъ побоями мужа.

Возведеніе Хлодвига въ санъ патриція.

Вскорѣ послѣ побѣды надъ вестготами Хлодвигъ былъ возведенъ императоромъ Анастасіемъ въ санъ патриція и, по словамъ Григорія Турскаго, въ званіе римскаго консула (т. е. проконсула). Эти почести не увеличили его могущества, но онъ умѣлъ цѣнить ихъ значеніе. Правда, онъ пріобрѣлъ владычество надъ Галліей своимъ мечомъ, но титулы, полученные отъ императора, давали его власти во мнѣніи романскаго населенія характеръ законности. Желая возвысить значеніе консульскаго титула, Хлодвигъ сдѣлалъ религіознымъ праздникомъ день своего вступленія въ консульство. Въ базиликѣ святого Мартина онъ былъ облеченъ въ пурпурную мантію, на голову его была возложена діадема. Онъ вышелъ въ этомъ облаченіи, сѣлъ на коня среди собравшагося народа и поѣхалъ въ каѳедральную церковь по улицамъ наполненнымъ людьми, щедро бросая въ густыя толпы народа золотыя и серебряныя деньги. Туземцы привѣтствовали его титулами консула и августа.

Значеніе титуловъ, полученныхъ Хлодвигомъ.

Такимъ образомъ власть Хлодвига получила утвержденіе отъ восточнаго императора, и франкскій король сталъ въ глазахъ туземцевъ наслѣдникомъ западнаго императора. Это сильно содѣйствовало соединенію туземцевъ съ франками въ одно гражданское общество. Въ государствѣ Хлодвига были сохранены римскіе законы, церковныя учрежденія и многія черты римскаго гражданскаго устройства. Короли франковъ считались намѣстниками императоровъ; администрація, финансовая система, судопроизводство остались, вообще говоря, въ прежнемъ видѣ; и если господство меровинговъ нельзя считать на самомъ дѣлѣ продолженіемъ владычества римскихъ правителей, то мысль объ этомъ преемствѣ власти имѣла фактически большое вліяніе на устройство администраціи въ государствѣ франковъ. Люди романскаго происхожденія, получившіе римское образованіе, занимали важнѣйшія правительственныя и церковныя должности; романскій элементъ скоро получилъ преобладаніе во внутренней жизни государства и достигъ этого тѣмъ легче, что франки не любили заниматься ни чѣмъ, кромѣ военнаго дѣла. Даже сборникъ обычнаго права салійскихъ франковъ, составленный выборными людьми до завоеванія Галліи, былъ при первыхъ франкскихъ короляхъ Галліи обнародованъ на латинскомъ языкѣ. На этомъ языкѣ написанъ и древнѣйшій памятникъ франкской—поэзіи предисловіе къ „Салійскому закону“, прославляющее „прекрасный, разумный, храбрый и вѣрный народъ франкскій, принявшій теперь православную вѣру и чистый отъ всякой ереси, свергнувшій своимъ мужествомъ иго римскаго рабства и обогатившій церкви святыхъ мучениковъ“. Зибель полагаетъ, что Хлодвигъ, оставилъ романскому населенію римскіе законы, а франкамъ ихъ обычное германское право, хотя измѣненное сообразно новому положенію дѣлъ увеличеніемъ власти короля; итакъ, по мнѣнію Зибеля, тотъ сборникъ обычаевъ салійскихъ франковъ, составленный по порученію ихъ народнаго собранія четырьмя вельможами (proceres) былъ подвергнутъ передѣлкѣ или, по выраженію „Предисловія“, „ясному исправленію“ и обнародованъ Хлодвигомъ какъ законъ для франковъ его государства. При сыновьяхъ Хлодвига обстоятельства благопріятствовали развитію римскихъ формъ управленія въ галло-франкскомъ государствѣ, и устройство его стало близко къ римскому. Остготы во время войны съ византійцами не могли удерживать за собою своихъ владѣній въ Галліи и оставили ихъ франкамъ; такимъ образомъ меровинги взяли между прочимъ Арль, гдѣ еще находился преторіанскій префектъ, и Марсель, главную торговую пристань Галліи. Юстиніанъ утвердилъ за франками владѣніе этою частью Галліи, чтобъ удержать ихъ отъ помощи остготамъ; освободивъ отъ вѣрности императору населеніе занятой франками остготской провинціи, онъ далъ владычеству меровинговъ законное основаніе. Золотая монета, которую франкскіе короли продолжали чеканить въ старинныхъ римскихъ монетныхъ дворахъ: ліонскомъ, трирскомъ и арльскомъ, была признана законною монетой и въ имперіи. Внукъ Хлодвига Хильперикъ, очень любившій византійское придворное устройство и римскія формы администраціи, писалъ латинскіе стихи и даже придумалъ новыя буквы для улучшенія латинскаго алфавита. У Григорія Турскаго уже владычествуетъ мысль о томъ, что франки и романское населеніе составляютъ одинъ народъ.

Сліяніе франкскаго и романскаго элементовъ.

Соединеніе всѣхъ франкскихъ племенъ подъ владычество Хлодвига.

За свое усердіе къ распространенію православія между аріанскими племенами германцевъ, Хлодвигъ получилъ названія «христіаннѣйшаго» короля и второго Константина. Онъ походилъ на Константина и

въ томъ отношеніи, что достигъ единовластія путемъ войнъ и жестокостей, безпощадно истребляя родственниковъ, которыхъ считалъ помѣхою себѣ. Нѣкоторыя племена франковъ имѣли своихъ особенныхъ князей и оставались очень слабо соединены съ государствомъ Хлодвига или совершенно независимы отъ него. По завоеваніи Галліи Хлодвигъ сталъ уничтожать самостоятельность этихъ мелкихъ франкскихъ государствъ, присоединять ихъ къ своему королевству. Онъ поступалъ при этомъ съ такимъ безчеловѣчіемъ, которое бросаетъ мрачную тѣнь на него. Прежде всего онъ наказалъ Харариха, державшаго себя двусмысленно во время войны Хлодвига съ Сіагріемъ. Онъ коварствомъ захватилъ въ плѣнъ Харариха и его сына, велѣлъ заковать ихъ въ цѣпи, остричь у нихъ длинные волоса, считавшіеся принадлежностью франкскихъ династій, и насильно посвятить ихъ въ монахи. Отецъ былъ очень опечаленъ, сынъ, успокоивая его сказалъ: «Вѣтви, срѣзанныя съ зеленаго дерева, скоро отростаютъ» и произнесъ проклятіе обманщику, подвергнувшему отца и его униженію; услышавъ это, Хлодвигъ велѣлъ убить ихъ обоихъ. Послѣ того очередь дошла до Рагнахара и его двухъ братьевъ, правившихъ франками, которые жили около Камбре. Хлодвигъ подкупилъ ихъ вельможъ браслетами и другими украшеніями, которыя называлъ золотыми, а на самомъ дѣлѣ велѣлъ сдѣлать изъ мѣди и позолотить. Подготовивъ этимъ успѣхъ себѣ, онъ пошелъ на Рагнахара и разбилъ его. Рагнахаръ хотѣлъ бѣжать, но былъ схваченъ своими вельможами и со связанными на спинѣ руками приведенъ къ побѣдителю. Хлодвигъ сказалъ ему: «Какъ могъ ты унизить нашъ королевскій родъ до того, что далъ связать себя? Честнѣе для тебя была бы смерть»,—поднялъ свою сѣкиру и разрубилъ ему голову, обратился къ его брату Рихару, воскликнулъ: «Еслибъ ты помогалъ своему брату, онъ не былъ бы связанъ», и съ этими словами разрубилъ голову и ему. Третій братъ успѣлъ бѣжать въ Лемансъ и, по приказанію Хлодвига, былъ убитъ тамъ. Подкупленные вельможи жаловались Хлодвигу, что его подарки не золотые; онъ отвѣчалъ, что они должны быть довольны тѣмъ, что онъ не наказываетъ ихъ за измѣну ихъ государю. Всю землю убитыхъ онъ взялъ себѣ. Послѣ этого онъ сталъ подготовлять присоединеніе государства рипуарскихъ франковъ, границы котораго послѣ покоренія алеманновъ расширились далеко на востокъ черезъ Веттеръ, Фульду и Салу до средняго Майна. Королемъ рипуарскимъ былъ Сигбертъ, жившій въ Кёльнѣ; Хлодвигъ тайно призвалъ къ себѣ въ Парижъ сына его Хлодериха и сказалъ своему гостю: «Твой отецъ старъ и, кромѣ того, онъ хромой; если онъ умретъ, ты получишь его царство и нашу дружбу». Хлодерихъ понялъ совѣтъ. Однажды Сигбертъ былъ въ Бухонскомъ лѣсу (близъ Фульды) и утомленный легъ отдохнуть въ своемъ шатрѣ; на него бросились убійцы, посланные сыномъ и умертвили его.

Харарихъ.

509.

Рагнахаръ и его братья.

Сигбертъ король рипуарскихъ франковъ и его сынъ Хлодерихъ.

Хлодерихъ сталъ королемъ, но вскорѣ послѣ того Хлодвигъ отправилъ въ Кельнъ посла взять часть сокровищъ Сигберта; когда Хлодерихъ нагнулся надъ ящикомъ вынуть золотыя деньги для передачи послу, посолъ убилъ его боевой сѣкирой. Династія рипуарскихъ королей прекратилась смертью Хлодериха, поэтому хитрый Хлодвигъ безъ труда убѣдилъ льстивыми словами рипуарскій народъ соединиться съ салійскими франками. Въ собраніи рипуарскихъ воиновъ онъ предложилъ имъ выбрать его королемъ, обѣщая имъ спокойную жизнь подъ его покровительствомъ; они выразили свое согласіе крикомъ и стукомъ оружія, подняли его на щитъ и три раза обнесли кругомъ, чтобы каждый могъ посмотрѣть на него вблизи. «Много и другихъ королей убилъ Хлодвигъ», говоритъ Григорій Турскій, убилъ даже ближайшихъ своихъ родныхъ, опасаясь, чтобъ они не отняли у него королевство, и такимъ образомъ расширилъ свое владычество на всю Галлію. Но, однажды, когда его люди собрались къ нему, онъ, какъ разсказываютъ, сталъ говорить имъ: «Ахъ, вотъ я теперь, какъ чужой между чужими, и нѣтъ у меня никого родного, который помогъ бы мнѣ, случись со мной бѣда». Но онъ говорилъ это не потому, что жалѣлъ о смерти убитыхъ имъ родныхъ, а изъ хитрости, чтобъ узнать, не уцѣлѣлъ ли кто нибудь изъ родныхъ живой, и убить его. Хлодвигъ умеръ въ Парижѣ и былъ погребенъ въ церкви святыхъ апостоловъ, построенной имъ и Клотильдою. Ему было тогда 45 лѣтъ; онъ царствовалъ 30 лѣтъ. Клотильда, по смерти мужа, поселилась въ Турѣ и жила до самой смерти, занимаясь благотворительностью и удалившись отъ суеты мірской.

Соединеніе всѣхъ франковъ подъ властью Хлодвига и смерть его.

27 ноября 511.

в) Династія Хлодвига (Меровинги) *).

Государство Хлодвига раздѣлили между собою поровну четыре сына его; раздѣлили и его сокровища. Они наслѣдовали воинственность и безсовѣстность отца, и пользуясь бѣдственными обстоятельствами сосѣднихъ государствъ, расширяли свои владѣнія на югъ и на востокъ. Старшій сынъ Хлодвига Теодерихъ, родившійся отъ одной изъ его наложницъ, избралъ своей столицей Реймсъ; его земля составляла восточную часть отцовскаго государства и впослѣд-

Раздѣлъ государства между сыновьями Хлодвига и расширеніе его.

*) Родословная Меровинговъ.

Хильдерихъ — Базина.
† 481 |
Хлодвигъ I.
466—511.
|

ствіи стала называться Австразіей. Онъ увеличилъ свои владѣнія покореніемъ тюринговъ. Три сына Клотильды раздѣлили между собою остальную землю франковъ,—землю, отнятую у вестготовъ, бургундское королевство и западную Галлію; эти части франкскаго государства стали называться въ отличіе отъ Австразіи Нейстріею. Хлодомеръ поселился въ Орлеанѣ, Хильдебертъ въ Парижѣ, Хлотаръ въ Суассонѣ. При дѣлежѣ государства, братья, кажется, имѣли правиломъ то, чтобы доля каждаго имѣла по возможности одинъ преобладающій племенный характеръ и чтобы каждый получилъ однакоже долю изъ областей, населеніе которыхъ было чисто романское. Несмотря на раздѣлъ государства, всѣ части его остались соединенными, потому что франки сознавали себя одним народомъ; притомъ всѣ члены династіи были соединены общимъ правомъ наслѣдства, другъ послѣ друга; очень многіе изъ нихъ погибали въ междоусобіяхъ или отъ убійцъ, подосланныхъ родными, потому были случаи, что все государство снова соединялось подъ властью одного лица. Такъ оно все соединилось въ 558 году подъ властью Хлотара I, одного изъ сыновей Хлодвига, и въ 613 году подъ властью Хлотара II, одного изъ внуковъ Хлотара I. Мы говорили, что вестготскій король Амаларихъ; мучитель своей жены, дочери Хлодвига, былъ разбитъ ея братомъ Хильдебертомъ при Нарбонѣ, бѣжалъ, былъ настигнутъ и убитъ, и галльскія владѣнія вестготовъ были взяты франками (стр. 716); говорили также, что по внушенію королевы Клотильды сыновья ея напали на бургундовъ, завоевали ихъ страну послѣ нѣсколькихъ лѣтъ войны и

1. Теодерихъ I. † 534. — 2. Хлодомеръ. — Гунтевка. — 3. Хильдебертъ. † 534. — 4. Хлотаръ I. † 561. — 5 Клотильда. † 531.

Теодебертъ. † 548. — Теодевальдъ. — Гунтаръ. — Хлодовальдъ. — 1. Харибертъ. † 567. — 2. Гунтрамнъ. † 593. — 3. Сигбертъ. † 575. — 4. Хильперихъ. † 584.

Теодебальдъ. † 555 или (553). — Хильдебертъ II. — Хлотаръ II. † 628.

Теодебертъ II. † 612. — Теодерихъ II. † 613. — Дагобертъ. † 638.

Сигбертъ II. † 613. — Сигбертъ III. † 655. — Хлодвигъ II. † 656.

раздѣлили ее между собою (стр. 716). Раздоръ въ королевской династіи, бывшій причиною покоренія вестготскихъ владѣній въ Галліи и бургундскаго королевства франками, отдалъ подъ власть имъ и тюринговъ, составлявшихъ независимое королевство въ средней Германіи. Германфридъ, мужъ Амалаберги, внуки Теодериха остготскаго (стр. 695), убилъ своего младшаго брата, потомъ по внушенію жены и въ союзѣ съ Теодерихомъ, сыномъ Хлодвига, началъ войну противъ своего старшаго брата Бадериха; разбилъ его, и самъ онъ былъ убитъ въ сраженіи. Германфридъ обѣщалъ Теодериху часть земель, которыя они вмѣстѣ завоюютъ; но, одержавъ побѣду, отказался исполнить свое обѣщаніе; Теодерихъ вмѣстѣ съ своимъ братомъ Хлотаромъ пошелъ на него. Тюринги храбро защищались, и много франкскихъ всадниковъ погибло въ прикрытыхъ травою ямахъ, которыя были вырыты тюрингами на равнинѣ, гдѣ ждали они враговъ. Но франки наконецъ побѣдили, тюринги и король ихъ обратились въ бѣгство, франки убили на берегу Унструта такое множество бѣгущихъ, что тѣла ихъ образовали плотину, по которой побѣдители перешли рѣку. Германфридъ поѣхалъ въ Мецъ заключить миръ съ Теодерихомъ. Теодерихъ взялъ его съ собою въ Цюльпихъ; однажды они вдвоемъ ходили по стѣнѣ; Германфридъ упалъ съ нея и убился. «Кто сдѣлалъ это, осталось неизвѣстно», говоритъ Григорій Турскій, «но многіе увѣряютъ, что это было сдѣлано коварствомъ Теодериха». По смерти Германфрида, Теодерихъ присоединилъ къ франкскому государству все тюрингское королевство, кромѣ небольшой полосы у хребта, называемаго теперь тюрингскимъ лѣсомъ. Сѣверную часть тюрингской страны онъ отдалъ саксонцамъ, помогавшимъ ему въ этой войнѣ. Амалаберга съ дѣтьми бѣжала къ Теодегаду въ Италію. Сынъ Теодериха Теодебертъ совершенно подчинилъ франкамъ и тѣхъ алеманновъ, которые еще сохраняли нѣкоторую самостоятельность. Восточные сосѣды алеманновъ бойовары (баварцы), народъ, составившійся изъ смѣси германскихъ завоевателей—геруловъ, скировъ, ругійцевъ, туркилинговъ съ кельтскими туземцами и остатками германскихъ племенъ, жившихъ тамъ раньше, не могли защитить свою независимость отъ франковъ, которые напали на нихъ съ трехъ сторонъ. Баварское государство простиралось тогда отъ средняго Дуная до Альпъ и отъ Леха до Энса. Тѣ племена, изъ которыхъ составился баварскій народъ, имѣли, кажется, своихъ наслѣдственныхъ князей, потомками которыхъ и были, вѣроятно, пять вельможескихъ родовъ, бывшихъ самыми знатными послѣ герцогской фамиліи Агилольфинговъ. Баварскіе герцоги принуждены были стать союзниками франковъ, то-есть подчиниться имъ. Границы франкскаго государства при сыновьяхъ и внукахъ Хлодвига распространились до Альпъ, до Вероны и Венеціи.

[Margin notes: 523. — Тюрингія. — 530. — Алеманны. Баварцы.]

Вмѣстѣ съ воинственностью Хлодвига дѣти и внуки его наслѣдо-

вали его безсовѣстность и жестокость. Своимъ развратомъ и своими злодѣйствами династія меровинговъ напоминаетъ родъ Тантала, знаменитый въ греческихъ преданіяхъ. Лѣтопись Григорія Турскаго наполнена убійствами братьевъ и другихъ родныхъ, свирѣпыми междоусобіями, случаями многоженства, дѣлами необузданной ненависти; мы видимъ въ разсказахъ этого лѣтописца картину буйнаго времени, когда грубые пороки и страсти варваровъ соединялись съ пороками испорченной цивилизаціи; германское варварство соединялось съ изнѣженнымъ развратомъ умирающаго римскаго міра, порывы свирѣпой ярости и возмутительныя злодѣйства уживались въ душѣ тирановъ съ грубѣйшимъ суевѣріемъ, и злодѣи полагали, что молитвами и подарками церквамъ и духовенству могутъ искупать всѣ свои преступленія.

Свирѣпыя дѣла Меровинговъ. 534. Во время войны съ тюрингами Теодерихъ составилъ умыселъ убить своего брата Хлотара, помогавшаго ему въ этомъ походѣ; Хлотаръ замѣтилъ злоумышленіе; Теодерихъ подарилъ ему большое серебряное блюдо и онъ помирился съ братомъ, думавшимъ убить его. Самъ Хлотаръ вмѣстѣ съ другимъ братомъ Хильдебертомъ убилъ двухъ малолѣтнихъ сыновей третьяго брата Хлодомера, убитаго въ войнѣ съ бургундами; Клотильда очень любила этихъ своихъ внуковъ, потому дяди и разсудили убить ихъ, чтобъ она не передала имъ отцовскаго наслѣдства. Мать ихъ Гунтевка, жена Хлодомера, вышла по смерти мужа за Хлотара, но и это не удержало его отъ убійства ея сыновей. Былъ у Хлодомера третій сынъ, его насильно постригли въ монахи. Убійцы раздѣлили между собою государство Хлодомера. Хлотаръ и Хильдебертъ пытались убить и другого своего
539. племянника, Теодеберта, ставшаго по смерти отца владѣтелемъ Австразіи. Преданность вельможъ спасла Теодеберта, но онъ принужденъ былъ дать подарки своимъ дядямъ, чтобы смягчить ихъ. Его правленіе было довольно хорошо. Человѣкъ храбрый, онъ съ тѣмъ вмѣстѣ былъ добродушенъ, помогалъ бѣднымъ, дѣлалъ богатые подарки духовенству, уважалъ умныхъ и образованныхъ людей. Его дядя Хильдебертъ, не имѣвшій дѣтей, усыновилъ его и очень полюбилъ. Они вдвоемъ хотѣли убить Хлотара, но въ это время случилась гроза, помѣшала дѣлу и, испуганные ею, они раскаялись въ своемъ зломъ умыслѣ. Теодебертъ извлекъ выгоду себѣ изъ войны византійцевъ съ остготами. Обманывая и тѣхъ и другихъ обѣщаніями помогать имъ, онъ получилъ отъ нихъ обоихъ согласіе на то, чтобъ онъ завладѣлъ остготскими областями въ Альпійскихъ горахъ и въ Галліи. Кромѣ этой прибыли онъ получилъ и другую: повелъ войско въ Сѣверную Италію и ограбилъ ее. Частная жизнь его тоже не была чиста отъ злодѣйствъ. Отецъ обручилъ его съ Висигардою, дочерью лангобардскаго короля. Но онъ жилъ съ знатной римлянкой Девтеріей; у нихъ родился сынъ Теодебальдъ. Девтерія была вдова, имѣла отъ перваго мужа дочь. Когда дочь подросла, Теодебертъ сталъ выказывать желаніе сдѣлать ее своей любовницей, потому что она была хороша собою; замѣтивъ эту его мысль, Девтерія столкнула дочь съ моста въ Верденѣ въ рѣку Маасъ, и дѣвушка утонула. Франкскіе вельможи наконецъ принудили Теодеберта удалить Девтерію и жениться на Висигардѣ. По смерти Теодеберта и его сына Теодебальда Хлотару досталось и австразійское государство съ принадлежавшими къ нему Тюрингіей и Алеманніей. Такимъ образомъ онъ сталъ

государемъ всего франкскаго государства. Онъ былъ человѣкъ сладострастный. Кромѣ Радегунды, происходившей изъ тюрингской династіи, у него была другая жена. По смерти Теодебальда онъ взялъ въ жены себѣ и вдову его красавицу Вальдетраду; но духовенство своими угрозами принудило Хлотара развестись съ этой третьей женой. Вальдетрада съ двумя дочерьми бѣжала въ Баварію и вышла за мужъ за герцога байоварскаго Гарибальда, принадлежавшаго къ династіи Агилольфинговъ, которые считались самымъ знатнымъ изъ шести знатныхъ родовъ Баваріи. Хлотаръ три года правилъ всѣмъ франкскимъ государствомъ. Онъ былъ человѣкъ энергическій, велъ войну съ саксонцами и принудилъ ихъ давать ему ежегодно 500 коровъ. Вельможи заставили его воевать съ тюрингами, не хотѣвшими исполнять договора, подчинявшаго ихъ франкамъ; эта война шла съ перемѣннымъ счастіемъ. Подъ конецъ правленія Хлотара франкское государство волновалось мятежами. Сынъ Хлотара Храмнъ, которому онъ поручилъ управленіе арвернскою землей, уже давно, еще при жизни Хильдеберта, возмутился противъ отца; дядя поддерживалъ его. Но когда Хильдебертъ умеръ и Хлотаръ сталъ располагать всѣми военными силами государства, Храмнъ не могъ удержаться противъ него. Союзникъ Храмна, бретонскій графъ Хоноверъ, былъ разбитъ и лишился жизни въ сраженіи. Храмнъ былъ взятъ въ плѣнъ. Отецъ велѣлъ запереть его съ женой и дочерьми въ хижину и сжечь ее.

Новый раздѣлъ франкскаго государства. По смерти Хлотара младшій сынъ его Хильперихъ хотѣлъ занять мѣсто отца. Но соединенное нападеніе трехъ братьевъ, сыновей Хлотара отъ другой матери, принудило его отказаться отъ узурпированнаго единовластія и государство было раздѣлено по прежнему примѣру. Братья взяли свои доли по жеребью. Хариберту досталось царство Хильдеберта, столицею котораго былъ Парижъ; Гунтрамну царство Хлодомера, столицею котораго былъ Орлеанъ; Сигберту царство Теодериха, столицею котораго былъ Реймсъ; Хильпериху Суассонское царство Хлотара. Всѣ франкскія владѣнія должны были составлять семейную собственность, изъ которой не можетъ ничего отчуждать ни одинъ государь. Харибертъ, имѣвшій кромѣ законной жены двухъ наложницъ, женщинъ низкаго происхожденія, умеръ бездѣтнымъ и отлученнымъ отъ церкви за то, что взялъ въ наложницы себѣ сестру своей первой наложницы, монахиню. Его владѣнія раздѣлили между собою три остальные брата; это было началомъ распаденія франкскаго государства на три главныя части: Австразію, Нейстрію и Бургундію; въ каждой изъ нихъ историческое развитіе пошло своимъ особымъ путемъ. Къ австразійскому царству Сигберта, имѣвшему своею столицею Мецъ, принадлежали франкскія владѣнія за Рейномъ: Тюрингія, Алеманнія и Баварія. Въ этой восточной части государства преобладалъ германскій элементъ. Западная Галлія, южную часть которой составляла Аквитанія, стала называться Нейстріею или Нейстразіею. Въ ней господствовала римско-галльская національность. Хильперихъ, правившій ею, перенесъ свою резиденцію изъ Суассона въ Парижъ. Страна по Ронѣ и Сонѣ, сѣверныя долины Альпъ и

берега Леманскаго озера составляли бургундское королевство Гунтрамна, жившаго въ Шалонѣ.

Упадокъ энергіи въ династіи Меровинговъ.

Исторія франкскаго государства при сыновьяхъ Хлотара представляетъ почти непрерывный рядъ злодѣйствъ, мятежей и междоусобій; въ особенности свирѣпствовали они во время борьбы Брунгильды, королевы Австразійской, съ Фредегундою, королевою нейстрійской. Григорій Турскій говоритъ, что тогда пришло время, предсказанное Христомъ: «возстанетъ отецъ противъ сына, братъ противъ брата, родственники возстанутъ противъ родственниковъ». Особенно сильно

Хильперихъ нейстрійскій (умеръ 584).

порицаетъ онъ Хильпериха, сравниваетъ его съ Иродомъ и Нерономъ, говоритъ о немъ: «грабить и опустошать земли было наслажденіемъ ему, богатство было для него достаточнымъ основаніемъ убить невиннаго человѣка; постоянно изобрѣтая новые обременительные налоги, онъ принуждалъ многихъ бѣжать изъ отечества отъ ихъ невыносимой тяжести. Ненависть его обращалась особенно противъ духовенства и церкви; онъ часто говорилъ, что доходы его скудны, потому что все богатство досталось церквамъ и королями стали епископы». Но будучи развратникомъ и злодѣемъ, Хильперихъ былъ, по словамъ Григорія, человѣкъ умный и образованный; онъ изобрѣлъ новыя буквы, писалъ латинскія стихотворенія (впрочемъ безъ соблюденія правилъ латинской просодіи). Онъ даже хотѣлъ передѣлать нѣкоторые догматы вѣры, но былъ остановленъ сопротивленіемъ епископовъ. Снисходительнѣе говоритъ Григорій Турскій о Гунтрамнѣ.

Гунтрамнъ Бургундскій (умеръ 593).

Этотъ король тоже велъ развратную жизнь, дѣлалъ много жестокостей, и франки не уважали его, потому что онъ не былъ охотникъ воевать; но онъ былъ человѣкъ набожный, щедрый къ церкви и духовенству. Лангобарды, овладѣвшіе въ это время Италіей, ходили за Альпы грабить Бургундію; Гунтрамнъ, лишенный энергіи, не могъ остановить ихъ. Они были отражены только тогда, когда онъ назначилъ патриціемъ (т. е. правителемъ) марсельской области римлянина Муммола. Это былъ человѣкъ храбрый; онъ нанесъ нѣсколько пораженій лангобардамъ и прогналъ ихъ за Альпы. Самый даровитый изъ сыновей Хлотара былъ мужъ Брунгильды, Сигбертъ австразійскій.

Сигбертъ австразійскій (умеръ 575).

Онъ не былъ развратникомъ, какъ его братья. Онъ велъ войну съ аварами, татарскимъ племенемъ, жившимъ прежде на востокѣ отъ Волги, прогнаннымъ оттуда болѣе сильными племенами, пришедшимъ на Дунай и дѣлавшимъ набѣги на сосѣднія земли, въ томъ числѣ и на Германію. Война Сигберта съ ними была сначала счастлива, потомъ они разбили его, взяли въ плѣнъ, и онъ былъ принужденъ выкупиться большою суммою денегъ. Онъ воевалъ съ своимъ братомъ Хильперихомъ, победилъ его и уже готовился присоединить его владѣнія къ своему государству, когда въ станѣ близъ Витри
575. былъ убитъ отравленными ножами двухъ людей, подкупленныхъ Фредегундою на это дѣло. Его сынъ Хильдебертъ и его внуки сохрани-

ли за собой Австразію и по смерти Гунтрамна стали владѣть Бур- 584.
гундіею. Хильперихъ былъ убитъ на охотѣ близъ Парижа; Фредегунда убила его сыновей отъ первой жены, чтобы королемъ Нейстріи сталъ ея сынъ Хлотаръ. При смерти Фредегунды за Хлотаромъ оставалась лишь небольшая доля Нейстріи; но впослѣдствіи, по выбору вельможъ, онъ сталъ государемъ всѣхъ франкскихъ земель и свирѣпо отмстилъ Брунгильдѣ и всему ея роду.

Брунгильда, Гальсвинта, Фредегунда.

Подробности. Сигбертъ австразійскій послалъ къ вестготскому королю Атанагильду просить руки его дочери Брунгильды. Атанагильдъ согласился, Брунгильда пріѣхала въ Галлію съ большими сокровищами, Сигбертъ и его вельможи торжественно встрѣтили ее; она была очень красива, держала себя превосходно, была привѣтлива. Сигбертъ и она повѣнчались. Она перешла изъ аріанства въ православіе. Франки хвалили Сигберта за выборъ такой жены. Хильперихъ вздумалъ послѣдовать примѣру брата и отправилъ пословъ сватать старшую сестру Брунгильды, Гальсвинту. Получивъ согласіе, онъ развелся съ своей прежней женой Клудовевой, отъ которой у него было трое сыновей, и удалилъ отъ себя свою наложницу Фредегунду. Гальсвинта пріѣхала съ богатымъ приданымъ. Сначала Хильперихъ любилъ ее, но скоро возобновилъ связь съ Фредегундой. Оскорбленная Гальсвинта хотѣла вернуться на родину, но была удушена въ постели. Хильперихъ женился на Фредегундѣ. Брунгильда хотѣла мстить за сестру и убѣдила мужа идти войной на ея убійцу. Робкій и непостоянный Гунтрамнъ помогалъ то одному изъ братьевъ, то другому. Германскія войска

Междоусобіе.

Сигберта грабили, жгли, насиловали, рѣзали повсюду, куда приходили, не щадили ни церквей, ни монахинь. Хильперихъ былъ побѣжденъ, бѣжалъ въ Турнэ. Войско его перешло на сторону побѣдителя и провозгласило Сигберта своимъ королемъ; но въ то самое время, какъ происходило это торжество, убійцы, подосланные Фредегундой, закололи его. Герцогъ Гундобальдъ увезъ въ Мецъ его пятилѣтняго сына Хильдеберта, и австразійцы признали этого ребенка королемъ.—Хильперихъ, человѣкъ смѣлый и ловкій, искусно воспользовался смертью противника, снова овладѣлъ своимъ государствомъ и даже частью австразійской земли; вообще держалъ себя такъ хитро, что взялъ перевѣсъ надъ боязливымъ Гунтрамномъ и австразійцами, защищавшими своего малолѣтняго короля; вельможи во всѣхъ частяхъ франкскаго государства были расположены къ нему, и онъ постепенно пріобрѣталъ преобладаніе во всѣхъ франкскихъ областяхъ. Но послѣдніе годы жизни его были омрачены ссорою съ сыномъ, Меровехомъ, который хотѣлъ жениться на Брунгильдѣ, все еще остававшейся красавицей. Отецъ не дозволилъ ему этого брака. Однажды Хильперихъ охотился въ окрестностяхъ Калеса (Шелля) близъ Парижа; убійца, оставшійся неизвѣстнымъ, закололъ его на этой охотѣ. Фредегунда при помощи Гунтрамна удержала за собою власть надъ государствомъ мужа и отмстила Меровеху за преданность Брунгильдѣ: люди, подосланные ею, убили его и епископа руанскаго Претекстата, тайно совершившаго обрядъ обрученія его съ Брунгильдой. Епископъ былъ убитъ у престола своей каѳедральной церкви. Потомъ Фредегунда убила и другихъ сыновей Хильпериха отъ первой жены, чтобы наслѣдникомъ остался ея сынъ Хлотаръ, въ то время еще ребенокъ. Франкскіе вельможи пріобрѣтали все больше и больше вліянія на дѣла; по внушенію честолюбиваго герцога Гунтрама Бозона, коварнаго человѣка, игравшаго клятвами, они вздумали сдѣлать на мѣсто Хиль-

перiха королемъ Нейстрiи Гундобальда, который называлъ себя сыномъ Хлотара I и, принужденный бѣжать изъ Галлiи, жилъ въ Константинополѣ. По вызову нейстрiйскихъ вельможъ онъ прiѣхалъ, они провозгласили его королемъ; Перигё, Тулуза, Бордо, нѣкоторые другiе города признали его власть. Король бургундскiй Гунтрамнъ располагалъ въ это время не только своими, но и австразiйскими войсками, потому что заключилъ союзъ съ Хильдебертомъ и, не имѣя дѣтей, назначилъ его своимъ наслѣдникомъ. Собравъ свое и австразiйское войско, бургундскiй король пошелъ на Гундобальда; инсургенты оробѣли и выдали своего короля врагамъ, которые столкнули его со скалы и раздробили ему голову камнемъ. Главные совѣтники Гундобальда, въ томъ числѣ Муммолъ, были тоже убиты. Черезъ два года австразiйскiе и нейстрiйскiе вельможи составили заговоръ противъ Хильдеберта и Брунгильды. Заговорщики, главою которыхъ былъ богатый и гордый герцогъ Раухингъ, хотѣли убить Хильдеберта, отнять у Брунгильды и у Гунтрамна всякое влiянiе на дѣла и учредить аристократическое управленiе. Но Гунтрамнъ узналъ о заговорѣ, извѣстилъ о немъ своего племянника и Хильдебертъ велѣлъ своимъ тѣлохранителямъ убить Раухинга и его соумышленника Гунтрама Бозона. Другiе заговорщики, Урсiонъ и Бретофредъ, уже собравшiе многочисленное войско, были побѣждены и тоже убиты. Епископъ реймсскiй Эгидiй былъ лишенъ своего сана. Гунтрамнъ и Хильдебертъ заключили между собою въ Анделó (близъ Шомона) формальный договоръ, по которому Хильдебертъ былъ провозглашенъ наслѣдникомъ Гунтрамна. Когда дядя умеръ, Хильдебертъ австразiйскiй дѣйствительно сталъ государемъ и въ Бургундiи. Черезъ три года онъ умеръ; его старшiй сынъ, десятилѣтнiй мальчикъ Теодебертъ II, былъ
596. признанъ королемъ австразiйскимъ, а другой сынъ 9-лѣтнiй Теодерихъ II королемъ бургундскимъ. Но власть была въ рукахъ вельможъ. Впрочемъ въ Австразiи большое влiянiе на дѣла имѣла Брунгильда. Фредегунда
Смерть Фредегунды 597. вздумала воспользоваться малолѣтствомъ бургундскаго и австразiйскаго королей, присоединить части ихъ владѣнiй къ государству своего сына и отмстить Брунгильдѣ. Она овладѣла Парижемъ и разбила выведенное противъ нея бургондо-австразiйское войско. Но вскорѣ послѣ того она умерла. Ея любовникъ Ландерихъ сталъ править государствомъ отъ имени ея сына. Враги собрали новое войско болѣе многочисленное, разбили
600. Ландериха и Хлотара и оставили Хлотару лишь небольшую долю отцовскаго государства, землю между Сеной, Уазой и моремъ. Черезъ два года
602. Теодебертъ австразiйскiй и Теодерихъ бургундскiй пошли вмѣстѣ на
Баски. басковъ, дѣлавшихъ изъ Пиренейскихъ горъ грабительскiе набѣги на южную Галлiю, покорили ихъ и принудили платить дань. Но вскорѣ послѣ того братья перессорились между собою; баски возстановили свою независимость и стали по прежнему грабить франковъ и вестготовъ.

Интриги и свирѣпости Брунгильды.

Ссору между братьями возбудила Брунгильда, пороки и жестокость которой возростали съ лѣтами; она убила въ Австразiи герцога Винтрiона; за это австразiйскiе вельможи прогнали ее; она бѣжала въ Бургундiю и совершенно подчинила себѣ младшаго внука. Ея любимецъ Протадiй, римлянинъ, алчный человѣкъ деспотическаго характера, получилъ по ея влiянiю должность бургундскаго майордома. Она и онъ возбуждали бургундскаго короля къ войнѣ противъ брата; это дѣло разстроилось тѣмъ, что бургундскiе воины убили Протадiя; но Брунгильда сохранила такую силу, что казнила убiйцъ и сдѣлала майордомомъ другого римлянина, Клавдiя, умнаго и образованнаго человѣка. По ея внушенiю былъ побитъ камнями епископъ вiеннскiй. Своего внука она удерживала отъ женитьбы и развивала въ немъ пошлыя склонности, такъ что онъ пре-

Изгнанiе святого Колумбана.

дался необузданному разврату. Ирландскiй проповѣдникъ, святой Колумбанъ, основавшiй монастырь у Вогезскихъ горъ близъ Лексувiя (Люксёйля), грозно требовалъ, чтобы наложницы короля были прогнаны изъ дворца, но за это былъ прогнанъ самъ. Черезъ три года (въ 609 году) братья начали войну между собою, но Брунгильда не была виновата въ этомъ.

Новое междоусобiе.

Теодебертъ отнялъ у Теодериха наслѣдованныя имъ алеманскiя земли на Рейнѣ (Эльзасъ и Зундгау), говоря, что онѣ всегда принадлежали Австразiи, потому отецъ не имѣлъ права отдать ихъ государю Бургундiи. Раздраженный Теодерихъ собралъ все бургундское войско и пошелъ на брата. Теодебертъ, разбитый въ большихъ сраженiяхъ близъ Туля и при Цюльпихѣ, бѣжалъ съ немногими воинами за Рейнъ, но измѣной былъ отданъ въ руки брату и отвезенъ плѣнникомъ въ Шалонъ; Брунгильда велѣла постричь его въ монахи, а потомъ убить. Его сынъ Меровей, бывшiй еще ребенкомъ, былъ убитъ по приказанiю дяди: ему разбили голову о скалу. Теодерихъ соединилъ подъ своею властью Бургундiю и Австразiю и уже думалъ покорить Нейстрiю, но занемогъ въ Мецѣ и умеръ. Брунгильда хотѣла сдѣлать на его мѣсто королемъ Сигберта, старшаго изъ четырехъ сыновей, которыхъ онъ имѣлъ отъ своихъ наложницъ. Но австразiйскiе вельможи, вождями которыхъ были Пиппинъ Ланденскiй и Арнульфъ, впослѣдствiи сдѣлавшiйся епископомъ мецскимъ, не допустили этого. Они негодовали на Брунгильду, обуздывавшую ихъ самовластiе и отдававшую важнѣйшiя должности въ государствѣ римлянамъ, потому призвали въ Австразiю Хлотара, короля нейстрiйскаго, и провозгласили его своимъ королемъ. Брунгильда собрала войско защищать свои права. Но бургундскiй майордомъ Варнахаръ, узнавъ, что она не довѣряетъ ему и хочетъ

Пиппинъ Ланденскiй и Хлотаръ II.

убить его, склонилъ войско къ измѣнѣ. Когда оно сошлось съ войскомъ Хлотара, бургунды и зарейнскiе германцы Брунгильды по данному знаку вышли изъ строя и пошли домой. Такимъ образомъ сынъ Фредегунды Хлотаръ II безъ всякаго сраженiя сталъ королемъ всѣхъ частей франкскаго государства. Изъ четырехъ сыновей Теодериха одинъ успѣлъ бѣжать, и дальнѣйшая судьба его неизвѣстна; два другiе были немедленно убиты; четвертаго Хлотаръ не убилъ, потому что былъ крестнымъ отцомъ его, но заперъ въ темницу и держалъ тамъ до самой смерти. Брунгильду

Смерть Брунгильды 613.

три дня мучили всяческими истязанiями, потомъ привязали къ дикой лошади и погнали лошадь, такъ что Брунгильда умерла отъ ушибовъ. Она была женщина великихъ правительственныхъ дарованiй, но они приняли у ней дурное направленiе. Варнахаръ получилъ отъ Хлотара въ награду за измѣну Брунгильдѣ право оставаться бургундскимъ майордомомъ всю жизнь.

Короли-тунеядцы и владычество майордомовъ.

Развратъ и злодѣйства подорвали и нравственную и физическую энергiю Меровинговъ. Послѣ междоусобiй, кончившихся смертью Брунгильды, не было въ королевской династiи ни одного человѣка, который хотя бы въ дурномъ проявлялъ силу характера. Выродившiеся Меровинги продолжали называться королями еще полтораста лѣтъ, но влачили жалкое существованiе, становились съ каждымъ поколѣнiемъ ничтожнѣй, и послѣднiе изъ нихъ были прозваны «Тунеядными королями»; вся власть перешла къ вельможамъ, и главнымъ правителемъ государства былъ избираемый ими сановникъ, называвшiйся майордомомъ (major domus, «старшiй сановникъ дворца»); онъ былъ главнокомандующимъ войска, управлялъ всѣми имѣнiями короля, раз-

давалъ эти имѣнія въ видѣ жалованья должностнымъ лицамъ, потому раздавалъ и самыя должности; мало по малу вся административная и военная власть сосредоточилась въ его рукахъ, и онъ изъ перваго королевскаго сановника сдѣлался главою аристократіи. Сначала на должность майордома назначали короли по своему произволу франковъ или римлянъ, потомъ вельможи избирали майордома изъ своей среды и обыкновенно давали этотъ санъ главѣ могущественнѣйшей аристократической фамиліи; когда у короля было отнято право назначать майордома, королевская власть стала быстро падать, и наконецъ единственнымъ правительственнымъ дѣломъ короля осталось то, что онъ пріѣзжалъ въ колесницѣ, запряженной четырьмя волами, на собраніе франкскаго народа, ежегодно происходившее весной, первоначально въ мартѣ мѣсяцѣ и потому называвшееся мартовскимъ полемъ; это былъ смотръ войска; воины, составлявшіе франкскій народъ, совѣщались тутъ о своихъ дѣлахъ, принимали правительственныя и законодательныя рѣшенія; король утверждалъ ихъ. Майордомъ, избираемый вельможами, уже не былъ королевскимъ сановникомъ, былъ независимъ отъ короля. Сначала въ каждомъ изъ трехъ франкскихъ королевствъ былъ особый майордомъ, потому что эти королевства, то соединявшіяся, то раздѣлявшіяся, были различны между собою національнымъ характеромъ; но уже при Хлотарѣ II, человѣкѣ слабомъ, находившемся подъ вліяніемъ женщинъ, Пиппинъ Ланденскій при помощи своего вѣрнаго друга Арнульфа, епископа мецскаго, пріобрѣлъ преобладающее вліяніе; еще сильнѣе сталъ онъ при сынѣ Хлотара, Дагобертѣ. Хлотаръ былъ принужденъ формально признать неприкосновенность правъ духовной и свѣтской аристократіи; этотъ эдиктъ нѣкоторые историки называютъ первымъ государственнымъ актомъ того характера, какой имѣетъ англійская Magna Charta. Власть австразійскаго майордома стала еще сильнѣе по смерти Дагоберта, умершаго въ молодыхъ лѣтахъ и оставившаго наслѣдниками по себѣ малолѣтнихъ сыновей Сигберта, получившаго Австразію, и Хлодвига II, получившаго Нейстрію. Гримоальдъ, сынъ Пиппина, умершаго въ 639 году, сталъ теперь полнымъ владыкою государства и велъ войны по своей волѣ, а Сигбертъ, довольствуясь титуломъ короля, жилъ доходами съ нѣсколькихъ имѣній, и никто не обращалъ на него вниманія. Но когда по смерти Сигберта Гримоальдъ вздумалъ возвести на престолъ своего сына, Хильдеберта, эта попытка совершенно устранить прежнюю династію оказалась преждевременной: франки возстали противъ Гримоальда, бросили въ темницу и убили его, возвратили престолъ династіи Меровинговъ. Она совершенно ослабѣла отъ разврата, такъ что короли вообще умирали въ молодыхъ лѣтахъ. Они не дѣлали ничего и были королями только по имени, но за ними оставалось законное право быть государями и отличаться отъ всѣхъ другихъ франковъ длинными волосами. Короли, занимавшіе престолъ

Хлотаръ II 613—628

Дагобертъ 628—638.

Сигбертъ 638—655. Хлодвигъ II (умеръ 656) Гримоальдъ (умеръ 656) 682.

послѣ Сигберта, были или несовершеннолѣтніе люди, или развратники и служили только орудіями владычества отважныхъ вельможъ, ставившихся майордомами. Очень большую роль въ исторіи игралъ Эброинъ, майордомъ нейстрійскій, возводившій и низвергавшій королей и вовлекавшій все франкское государство въ ожесточенныя междоусобія; онъ былъ наконецъ убитъ вельможей, у котораго хотѣлъ отнять имѣнія. Государство Хлодвига было близко къ распаденію; восточная часть его отдѣлялась отъ западной, нѣмецкія племена начинали становиться независимыми подъ управленіемъ своихъ герцоговъ и князей. Но храбрый и талантливый Пиппинъ Геристальскій, разбивъ, въ 687 году, при Тестри на рѣкѣ Соммѣ нейстрійскаго майордома Берхара, соединилъ въ своихъ рукахъ съ австразійскимъ майордомствомъ нестрійское и бургундское, и сдѣлалъ этотъ санъ наслѣдственнымъ въ своемъ родѣ. Онъ былъ сынъ Бегги, дочери Пиппина Ланденскаго, а отцомъ его былъ сынъ Арнульфа Ансегизиль. Онъ пріобрѣлъ уваженіе вельможъ своей энергіей, справедливостью и тою твердостью, съ какой поддерживалъ владычество франковъ надъ непослушными, склонными къ отпаденію отъ франкскаго государства германскими племенами. Послѣ сраженія при Тестри, въ которомъ Берхаръ былъ убитъ своими собственными воинами, Пиппинъ Геристальскій захватилъ въ свою власть короля и хотя оставилъ ему пустой формальный почетъ, но, принявъ титулъ герцога и князя франковъ, сталъ править всѣмъ государствомъ. Человѣкъ энергическій, онъ возстановилъ порядокъ и скрѣпилъ связь между распадавшимися романской и германской частями государства. Алеманны, думавшіе о независимости, были принуждены повиноваться Пиппину; фризы, которыми правилъ тогда герцогъ Радбодъ, еще остававшійся язычникомъ (стр. 635), должны были заключить миръ съ франками. Удерживая германскія племена подъ властью франковъ, Пиппинъ тѣмъ самымъ удерживалъ ихъ въ связи съ культурнымъ міромъ. Внутри государства онъ охранялъ законы, усмирялъ буйство сильныхъ людей, защищалъ слабыхъ отъ ихъ притѣсненій. Но еще не вполнѣ были устранены препятствія, мѣшавшія полученію престола знаменитымъ родомъ Арнульфа и Пиппина Ланденскаго, имѣвшимъ своей наслѣдственной резиденціей замокъ на Маасѣ близъ Люттиха. Сынъ Пиппина Геристальскаго Гримоальдъ, назначенный преемникомъ его, былъ убитъ въ люттихской церкви фризійскимъ воиномъ въ то время, когда отецъ лежалъ неизлѣчимо больной. Въ декабрѣ того же года Пиппинъ умеръ, и по смерти его возобновились междоусобія. Его жена, баварская княжна Плехтруда, женщина умная и энергическая, хотѣла упрочить санъ майордома за своимъ внукомъ Тевдоальдомъ и для этого держала подъ стражей даровитаго и отважнаго Карла, который былъ сыномъ Пиппина отъ другой жены (или наложницы) Альфеиды. Но нейстрійцы отложились отъ повиновенія роду

Пиппинъ Геристальскій (умеръ 714).

Пиппина, избрали себѣ особаго майордома, Рагенфрида; у нихъ съ австразійцами началась война; они вели ее удачно, и Тевдоальдъ былъ убитъ въ ней. Казалось, что государство снова распадется. Но Карлъ, получившій впослѣдствіи за свои побѣды названіе Мартела (Молота), успѣлъ (въ 716 году) уйдти изъ-подъ стражи, собралъ приверженцевъ своего рода и сталъ мужественно сражаться за отцовское наслѣдство. Война съ нейстрійцами и союзниками ихъ фризами длилась два года съ перемѣннымъ счастіемъ. Наконецъ въ кровопролитномъ сраженіи при Венси (близъ Камбре) Карлъ одержалъ блистательную побѣду надъ Рагенфридомъ и преслѣдовалъ бѣгущихъ враговъ до самыхъ воротъ Парижа. Плехтруда, жившая въ Кельнѣ, отдала теперь Карлу этотъ городъ и сокровища, принадлежавшія его матери. Счастье осталось вѣрно ему и въ слѣдующіе два года; онъ совершенно одолѣлъ противниковъ, и съ 720 года онъ, единственный майордомъ и князь франковъ, сталъ владыкою всего франкскаго государства, какъ былъ его отецъ, хотя потомокъ меровингской династіи все еще садился 1 марта въ собраніи франкскаго народа на золотой стулъ и принималъ подарки вельможъ. Побѣдами надъ арабами и щедрою раздачею конфискованныхъ церковныхъ имѣній своимъ приверженцамъ Карлъ такъ упрочилъ свою власть, что въ послѣдніе годы правленія считалъ ненужнымъ замѣщать умершаго меровинга новымъ королемъ; а черезъ одиннадцать лѣтъ послѣ того, какъ великій воинъ былъ погребенъ въ монастырѣ святого Діонисія, сынъ его, Пиппинъ Малорослый, навсегда устранилъ призрачную власть меровинговъ и, отнявъ титулъ у послѣдняго «тунеяднаго короля», сталъ называться королемъ самъ и передалъ по наслѣдству королевскій санъ своему роду, получившему впослѣдствіи названіе Каролинговъ.

Карлъ Мартелъ (умеръ 22 октября 741). 718.

с. Характеръ быта въ государствѣ франковъ.

Племена, жившія въ Галліи. Leges barbarorum.

Передвиженіе племенъ, путаница котораго особенно велика была въ Галліи, произвели результаты, глубоко измѣнившіе весь бытъ ея населенія. Прежнія племена этой страны всѣ, кромѣ иберійцевъ басковъ, удержавшихся въ Пиренеяхъ, приняли подъ римскимъ владычествомъ латинскій языкъ. Среди этого римско-галльскаго народа поселились теперь германскія племена: на югѣ вестготы, на востокѣ бургунды, на сѣверѣ и западѣ франки, и въ разныхъ мѣстахъ мелкія части другихъ племенъ: саксовъ, алановъ, британцевъ, называющихся въ Галліи бретонцами. (Впослѣдствіи на арморикансюмъ приморьѣ поселилась часть норманновъ, и пріобрѣла сильное вліяніе на судьбу Франціи). Мы ужь говорили, что германцы въ Галліи слились еще при Меровингахъ въ одно цѣлое съ прежнимъ населеніемъ, такъ что первоначальное племенное различіе стало довольно незначительно; причиною слиянія было могущественное дѣйствіе римскихъ формъ быта и римской цивилизаціи на воспріимчивую натуру германцевъ. Они оставались военнымъ сословіемъ, начальники котораго были выборные или наслѣдственные князья; обязанные своими новыми владѣніями праву завоеванія, германцы продолжали заниматься исключительно военнымъ дѣломъ, оставляя администрацію, судопроизводство, науку въ рукахъ людей романскаго племени. Римскій языкъ владычествовалъ въ управленіи, въ церкви, въ торговлѣ; прежніе монетные дворы чеканили прежнюю монету, золотой солидъ и серебряный денарій; туземцы судились по римскимъ законамъ; у германскихъ племенъ, поселившихся въ Галліи, было, какъ у остготовъ (стр. 698), записано ихъ обычное право и такимъ образомъ составились сборники законовъ вестготовъ, бургундовъ и франковъ, служившіе для рѣшенія дѣлъ между германцами или между германцами и римлянами; но эти сборники, называемые «законами варваровъ», Leges barbarorum, были составлены подъ римскимъ вліяніемъ, какъ видно уже изъ того, что они писаны на латинскомъ языкѣ. При томъ ихъ содержаніе было очень скудно; они годились только для опредѣленія величины денежныхъ взысканій за преступленія противъ собственности и личности и дѣйствовали главнымъ образомъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ туземное населеніе было малочисленнѣе германскаго. На югѣ и во всѣхъ большихъ городахъ долго сохраняли полную силу римскіе законы и судопроизводство. Основнымъ принципомъ права въ государствѣ франковъ было правило, что каждый судится по закону того народа, къ которому принадлежитъ по своему отцу.

Leges barbarorum.

Раздѣлъ земли между германскими завоевателями.

Законы варваровъ, записанные людьми, не имѣвшими ни юридическаго, ни литературнаго образованія были составлены приблизительно около того времени, какъ развитіе римской юриспруденціи было завершено изданіемъ кодекса Юстиніана. Тѣ законы варваровъ, которые были записаны въ государствѣ франковъ, даютъ намъ драгоцѣнныя свѣдѣнія о тогдашнемъ устройствѣ его, о правахъ разныхъ сословій и о характерѣ общественной жизни въ немъ. Изъ сборника бургундскихъ законовъ, отличающагося точными постановленіями относительно земельной собственности, мы видимъ, какъ устроился съ теченіемъ времени раздѣлъ земли между туземцами и германцами. Бургундецъ, назначаемый „гостемъ“ къ римлянину, получалъ отъ него двѣ трети воздѣланной земли, третью долю рабовъ, половину дома, двора, сада, и половину лѣса и пастбища; лѣсъ и пастбище не находились въ общинномъ владѣніи (альмендѣ). Германцы, поселившіеся послѣ первыхъ завоевателей, и отпущенники получили менѣе значительную долю. Вестготы тоже взяли себѣ двѣ трети воздѣланной земли. Франки дѣйствовали гораздо произвольнѣй, безжалостнѣй и, вѣроятно, не предоставляли туземцамъ никакихъ опредѣленныхъ правъ; кажется, что они совершенно необузданно разселились по провинціямъ, что каждый изъ этихъ разбойниковъ, завоевавшихъ страну, бралъ себѣ столько земли, сколько позволяли его силы, и алчность его не хотѣла признавать никакихъ границъ. Когда австразійцы принуждали своего короля Теодериха принять участіе въ походѣ его братьевъ на Бургундію, онъ ска-

залъ: „Идите со мной въ Овернь: тамъ вы можете пріобрѣсти множество золота, серебра, рабовъ и дорогихъ одеждъ“. Буйные франки его пошли въ Овернь, которая была тогда богата, стали грабить, насиловать и рѣзать, мучили захваченныхъ въ плѣнъ туземцевъ, вынуждая ихъ давать какъ можно больше за пощаду жизни, врывались даже въ церкви, куда прятались отъ нихъ жители съ своимъ имуществомъ. Григорій Турскій разсказываетъ, что австразійскій воинъ держалъ въ рабствѣ знатнаго юношу, вынуждая родныхъ заплатить за его освобожденіе десять фунтовъ золота; вѣрный невольникъ помогъ этому юношѣ уйти изъ плѣна и привелъ его къ дѣду, епископу лангрскому; по этому примѣру мы можемъ судить, какъ произвольно поступали франки съ туземцами. Когда германецъ бралъ себѣ землю, то безъ сомнѣнія переходили подъ его власть и прикрѣпленные къ землѣ поселяне (колоны) прежняго землевладѣльца; теперь они должны были работать на германца, и оброкъ съ нихъ бралъ онъ.

Положеніе романскаго населенія.

Но такія насилія, какимъ подверглась Овернь при нашествіи Теодериха австразійскаго, были все-таки лишь исключеніемъ изъ правила. Законы Меровинговъ и событія ихъ времени представляютъ много доказательствъ тому, что положеніе римлянъ мало-по-малу сдѣлалось довольно сноснымъ. Выгодою для туземцевъ было то, что исчезли обременительные налоги временъ имперіи, замѣнивались умѣреннымъ поземельнымъ налогомъ и подушною податью тоже умѣренной величины; законъ ограждалъ безопасность туземцевъ въ частной жизни и собственность ихъ; торговля и промышленность находились почти исключительно въ ихъ рукахъ; населеніе городовъ, особенно на югѣ, было римское; подъ охраною церкви, римскихъ законовъ и данныхъ германскими королями привилегій, оно имѣло довольно широкую возможность заботиться о своемъ благосостояніи, могло даже заниматься военнымъ дѣломъ. Превосходя германцевъ образованностью и дѣловой опытностью, туземцы получали правительственныя должности, иногда и самыя важныя; они были вліятельными совѣтниками королей; въ Бургундіи три римлянина сряду занимали должность майордома; церковными сановниками были исключительно римляне. Заграничной торговлей и отдачей денегъ въ проценты занимались кромѣ римлянъ іудеи, которые, хотя и подвергались притѣсненіямъ въ галльскихъ городахъ, составляли довольно значительную часть ихъ населенія.

Виры.

По германскому праву виновный въ убійствѣ или членовредительствѣ долженъ былъ давать за свою вину вознагражденіе (виру) родственникамъ убитаго или изувѣченному. Разницы въ размѣрѣ этого вознагражденія, показываютъ намъ различія въ сословномъ положеніи людей. По размѣру виры, самое высокое положеніе въ обществѣ занимали франки, составлявшіе свиту короля, „антрустіоны“, начальники воиновъ его дружины (его „людей“, leudes); за убійство антрустіона должно было уплатить его родственникамъ 600 золотыхъ монетъ (солидовъ), если они хотѣли взять выкупъ, а не предпочитали оставить за собой право мщенія убійцѣ; выше

этого была только вира за убійство епископа, составлявшая 900 солидовъ; за убійство священника вира была такая же, какъ за воина королевской дружины. Вира за римлянина, находившагося на королевской службѣ, была выше, чѣмъ за простого франка: за него она была 300 солидовъ, а за убійство простого франка платилось только 200. Вира за убійство свободнаго землевладѣльца римскаго происхожденія составляла 45 солидовъ, за человѣка, принадлежавшаго къ высшему разряду несвободныхъ людей, 30 солидовъ. Люди римскаго происхожденія первоначально считались въ государствѣ франковъ равными не франкамъ свободнаго сословія, а подвластнымъ людямъ (литамъ); болѣе почетное положеніе пріобрѣли они лишь мало-по-малу въ позднѣйшія времена. Виры, назначаемыя законами варваровъ за нарушенія собственности, за нанесеніе ранъ и увѣчья, за другія оскорбленія и проступки, тоже почти всегда не одинаковы для франковъ и туземцевъ, для свободныхъ и не свободныхъ людей. Только у бургундовъ отношенія къ туземцамъ, были, кажется, болѣе мягки: по ихъ законамъ виры за обиды бургунду и туземцу одинаковы.

Свободные люди и несвободные.

Вмѣстѣ съ обычнымъ правомъ германцы перенесли въ новую свою страну и другія учрежденія своей родины. Мы встрѣчаемъ въ ихъ новыхъ государствахъ тѣ же территоріальныя дѣленія и тѣ же сословія, какія видѣли въ Германіи (стр. 117). Низшею степенью территоріальнаго дѣленія была община, обыкновенно называвшаяся словомъ Heim; нѣсколько общинъ составляли марку, нѣсколько марокъ сотню, называвшуюся по-латини центеною, нѣсколько сотенъ образовали округъ, gau; центромъ округа былъ городъ. Кажется, что населеніе сосѣднихъ территоріальныхъ единицъ соединялось для лучшаго огражденія своей безопасности въ союзы и что эти союзы имѣли выборныхъ правителей. Основаніемъ для германскихъ дѣленій территоріи, вѣроятно, были соотвѣтствовавшія имъ по своей величинѣ дѣленія страны въ кельтское и римское время. Какъ прежде въ Германіи, такъ теперь въ государствѣ меровинговъ, люди дѣлились на свободныхъ и несвободныхъ, и каждое изъ этихъ двухъ главныхъ сословій подраздѣлялось на разные классы. Но прежнихъ рѣзкихъ границъ между классами теперь не было, существовали разныя переходныя ступени между ними. Человѣкъ могъ повышаться по этимъ ступенямъ и если не на каждой изъ нихъ пріобрѣталъ новыя личныя права, то всетаки его общественное положеніе измѣнялось. Человѣкъ могъ и понижаться въ своемъ общественномъ положеніи. Только свободные люди владѣли землею, только они участвовали въ судѣ и въ народномъ собраніи. Они были обязаны ходить на войну, взамѣнъ того были освобождены отъ всякихъ податей и только давали добровольный ежегодный подарокъ королю. Свободный человѣкъ былъ неограниченнымъ господиномъ въ своемъ имѣніи; онъ судилъ живущихъ на его землѣ крѣпостныхъ людей по обычному праву или по произволу своей господской власти; королевскіе сановники или судьи не могли вмѣшиваться въ этотъ его судъ. Въ сословіи свободныхъ людей возникли роды болѣе вліятельные, чѣмъ остальная масса;

изъ нихъ съ теченіемъ времени составилось особое привилегированное сословіе благородныхъ (principes, meliores natu); оно было ближе остальной массы къ военачальнику народа или королю. Прежде господствовало мнѣніе, что это военное дворянство, которое у римскихъ писателей часто называется сословіемъ антиматовъ, образовалось изъ дружинъ, игравшихъ главную роль въ дѣлѣ завоеванія римскихъ областей германцами. Теперь объясняютъ происхожденіе бенефицій и вассальства другимъ образомъ. Но каковы бы ни были новыя причины, содѣйствовавшія развитію военнаго дворянства, оно по своей сущности имѣетъ тѣсное родство съ прежними германскими дружинами. Естественно было, что военачальникъ награждалъ своихъ вѣрныхъ сподвижниковъ роздачею имъ захваченной добычи и завоеванныхъ земель. Такъ дѣлалось у германцевъ издавна. Теперь, когда военачальникъ съ своею дружиною завоевалъ область и сталъ королемъ въ ней, то, конечно, его отношенія къ дружинѣ измѣнились. Онъ долженъ былъ желать, чтобы тѣ изъ его сподвижниковъ, которые были особенно важны по своей знатности или своимъ заслугамъ, сохраняли особенное усердіе къ нему. Обстоятельства давали ему средства на это. Покореніе Галліи доставило франкскимъ королямъ обширныя имѣнія; вся собственность римскаго фиска, всѣ имѣнія императоровъ, всѣ государственныя земли достались въ руки военачальника. Онъ могъ располагать ими какъ хотѣлъ, потому имѣлъ возможность дать тѣмъ изъ своихъ сподвижниковъ, которыхъ желалъ крѣпко связать съ собою, особые участки изъ своей земельной собственности; эти люди подобно другимъ воинамъ получили участки земли въ наслѣдственную (аллодіальную) собственность; отъ короля они получали въ пожизненное пользованіе другіе участки на такихъ выгодныхъ условіяхъ, что это пожалованіе было милостью или «благодѣяніемъ» (beneficium). Такимъ образомъ образовалась бенефиціальная или ленная система отношеній, ставшая основаніемъ средневѣковаго государственнаго устройства. Земля, получаемая отъ короля, называлась бенефиціемъ или леномъ, давшій ее былъ леннымъ господиномъ получившаго, а получившій назывался ленникомъ или вассаломъ его. Бенефицій считался вознагражденіемъ или жалованьемъ за услуги на войнѣ или по придворнымъ и административнымъ дѣламъ; когда ленникъ умиралъ или если онъ не исполнялъ своихъ обязанностей, король могъ взять бенефицій обратно себѣ; потому во время междоусобій при Меровингахъ включалось иногда въ мирные договоры условіе, что бенефиціи, данные предшественниками договаривающихся государей, не будутъ отняты послѣдними у пользующихся этими землями. Ленники за полученные ими бенефиціи обязывались быть неизмѣнно вѣрными королю и ходить на всѣ его войны; они образовывали главную часть сословія королевскихъ «людей» leudes; важнѣйшіе изъ нихъ были начальниками королевскихъ людей, антрустіонами,

сановниками наиболѣе близкими королю. Точно такъ же богатые свободные люди отдавали другимъ менѣе богатымъ свободнымъ людямъ участки своей земельной собственности и даже участки полученныхъ ими отъ королей леновъ. Такимъ образомъ ленникъ имѣлъ въ зависимости у себя другихъ ленниковъ. Нерѣдко бывало и то, что свободные мелкіе землевладѣльцы поступали въ службу и подъ власть господина, чтобы пользоваться его покровительствомъ («опекой», mundium). Ленныя отношенія, основанныя на взаимной вѣрности, не уменьшали личныхъ правъ ленника и не измѣняли его положенія въ его округѣ. Зависимость отъ короля не унижала, а возвышала ленника. Она давала почетъ, вліяніе; королевскіе вассалы становились людьми болѣе важными, чѣмъ люди, не имѣвшіе леновъ, и мало-по-малу изъ нихъ составилась аристократія, захватившая въ свои руки государственную власть и отнявшая политическое значеніе у массы остальныхъ свободныхъ людей. Возростающее могущество этой поземельной аристократіи разрушило прежнюю организацію народа и подавило права, принадлежавшія собраніямъ всѣхъ свободныхъ людей цѣлаго округа или всего государства. Мы увидимъ, что церковь, земельная собственность которой постоянно возростала, тоже раздавала свои земли въ бенефиціи (или, какъ это называлось въ «прекаріи», участки данные по просьбѣ). Таковы были зародыши, изъ которыхъ развился феодализмъ.

Подвластные люди и рабы.

Люди, родившіеся несвободными, или утратившіе свободу (какъ напримѣръ плѣнники и преступники, отданные въ рабство), не могли имѣть земельной собственности, не участвовали ни въ судѣ, ни въ народномъ собраніи. Они дѣлились на рабовъ и подвластныхъ (крѣпостныхъ) людей. Рабы у германцевъ, какъ у римлянъ, составляли полную собственность господина, не имѣли никакихъ личныхъ правъ; господинъ былъ властенъ продать и убить раба; подвластные или крѣпостные люди жили подобно римскимъ колонамъ на землѣ своего господина и воздѣлывали ее, отдавая ему часть полученнаго продукта или отправляя вмѣсто того барщину; другіе подвластные люди, называвшіеся литами, жили при дворѣ господина и служили ему; эти слуги были разныхъ разрядовъ: чернорабочіе, домашняя прислуга, ремесленники и должностные люди, управлявшіе дѣлами господина (ministeriales). Подвластные люди всѣхъ разрядовъ были ограждены отъ деспотизма господина закономъ, установлявшимъ виры за обиды имъ отъ господина. Лица свободнаго сословія не могли вступать въ бракъ съ лицами несвободнаго сословія. На войнѣ крѣпостные поселяне и литы составляли легкую пѣхоту и вѣроятно получали жалованье. Крѣпостные люди и рабы могли быть отпускаемы на волю;

Отпущенники.

но только тѣ, которые были торжественно освобождаемы королемъ, получали полныя права свободныхъ людей; безъ этого торжественнаго обряда отпущенникъ получалъ только личную свободу, но не

пріобрѣталъ правъ свободно рожденнаго человѣка, не былъ полноправнымъ гражданиномъ. Отпущенники церкви пріобрѣтали права свободныхъ людей римскаго происхожденія, а эти люди находились вообще въ зависимости отъ какого-нибудь лица или учрежденія, имѣвшаго надъ ними право патроната.

Государственное устройство франкскаго королевства.

Первоначальнымъ основаніемъ государственнаго устройства въ королевствѣ франковъ было сочетаніе прежняго племеннаго быта германцевъ съ дружинно-военнымъ устройствомъ и съ римскими государственными учрежденіями; но мало по малу ленное право развилось такъ, что сдѣлалось основой всего государственнаго быта.

Король.

Главою государства былъ король; подъ вліяніемъ римскихъ понятій и учрежденій власть его стала гораздо больше той, какую прежде имѣли короли въ Германіи; эта перемѣна была такъ велика, что новая королевская власть сдѣлалась совершенно не похожа на старинную. Мы знаемъ, что въ древнія времена санъ короля былъ у германцевъ наслѣдственнымъ въ королевскомъ родѣ, но переходъ королевскаго сана съ прежняго государя на другого происходилъ не иначе, какъ по одобренію народа. Эти короли, имѣвшіе ограниченную власть, сдѣлались неограниченными государями, подобными римскимъ императорамъ; но съ тѣмъ вмѣстѣ прежній законный порядокъ наслѣдованія замѣнился безпорядочнымъ захватомъ власти, какъ было въ римской имперіи. Римскіе обычаи и христіанскія понятія, усвоенныя франками, дали королевскому сану вмѣстѣ съ новымъ могуществомъ и новый блескъ. Королевскій дворъ сталъ центромъ общественной жизни, государь священнымъ лицомъ. Переселеніе народовъ разорвало родовыя связи; кажется, что вмѣстѣ съ ними исчезло и участіе народа въ передачѣ королевской власти у германцевъ, поселившихся въ римскихъ областяхъ. Король первоначально былъ только главою племени, быть можетъ даже только одного изъ отдѣловъ племени; теперь, покоривъ романское населеніе, онъ сталъ неограниченнымъ повелителемъ государства, управлялъ всѣми мирными и военными дѣлами по своей волѣ, и если власть его была сколько нибудь ограничена, то развѣ обычаемъ совѣтоваться съ вельможами и епископами. Такимъ образомъ королевская власть имѣла двоякій характеръ: по отношенію къ своимъ романскимъ подданнымъ онъ былъ преемникъ императоровъ и назывался августомъ; франки видѣли въ немъ военачальника, а ленники своего леннаго господина. Онъ поднялся такъ высоко надъ другими свободными франками, что въ законѣ нѣтъ виры за убійство короля; вредъ, нанесенный ему, не могъ быть выкупленъ ни какой вирой, наказывался смертью и отнятіемъ имущества. Къ прежнему отличію франкскихъ королей, исключительному праву носить длинные волосы, прибавилась теперь діадема или корона; прежде знакомъ власти короля было копье въ его рукѣ, теперь прибавились къ этому и другіе символы царской власти.

Вайцъ говоритъ: король глава народа; онъ ведетъ войну и заключаетъ миръ; онъ представитель своего народа по отношенію къ другимъ государствамъ. Онъ заключаетъ договоры, посылаетъ пословъ. Всѣ племена его государства обязаны вѣрностью ему; его покровительство соединяетъ всѣхъ ихъ и служитъ основаніемъ государственнаго единства и порядка. За нарушеніе общественнаго спокойствія виновный платитъ ему штрафъ. Онъ можетъ давать иммунитетъ (освобожденіе отъ налоговъ и повинностей), то есть, отказываться отъ принадлежащихъ ему доходовъ. Онъ назначаетъ свѣтскихъ и духовныхъ правителей и можетъ отнимать у нихъ данныя имъ должности. Черезъ нихъ онъ приводитъ въ исполненіе свою волю по всѣмъ частямъ государства и по всѣмъ дѣламъ; онъ созываетъ судебныя собранія и онъ самъ судья; но и безъ суда онъ подвергаетъ наказаніямъ, располагая по произволу имуществомъ и жизнью своихъ подданныхъ. Онъ имѣетъ обширныя земельныя владѣнія, дающія ему большой доходъ; но часть этихъ владѣній онъ передалъ служащимъ ему. Они тѣсно связаны съ нимъ этимъ пожалованіемъ. Другіе служащіе связаны съ нимъ еще тѣснѣе, составляя его свиту. Они живутъ при его дворѣ, и всякая служба при дворѣ даетъ почетъ; дворъ центръ государства; всѣ высшія правительственныя должности—придворныя должности.

Королевскіе сановники.

Важнѣйшими изъ сановниковъ, окружавшихъ короля и составлявшихъ его совѣтъ, были: майордомъ, первоначально завѣдывавшій дворцомъ и дворцовой прислугой (какъ впослѣдствіи завѣдывалъ этимъ сенескалькъ), канцлеръ, каммергеръ и пфальцграфъ, заступившій мѣсто короля въ судѣ. Часто были приглашаемы въ королевскій совѣтъ епископы. Короли любили жить на своихъ виллахъ, которыя были у нихъ во всѣхъ частяхъ государства. На королевской виллѣ былъ дворецъ, куда собирались сановники охотиться и пировать съ королемъ; часто на виллахъ происходили собранія вельможъ и епископовъ. Церковные соборы были созываемы королемъ; и во всякомъ случаѣ ихъ рѣшенія получали силу только съ утвержденія его. Свободный франкъ не могъ вступить въ духовное званіе безъ его разрѣшенія, потому что духовное званіе освобождало отъ военной службы.

Доходы и сокровища королей.

Король получалъ доходы отъ своихъ имѣній; другими его доходами были подати и повинности людей римскаго происхожденія, налоги съ церковныхъ имуществъ (изъ которыхъ лишь немногія были тогда освобождены отъ уплаты податей), добровольные подарки франковъ, дань съ подвластныхъ народовъ, штрафы съ преступниковъ, конфискація имущества нѣкоторыхъ изъ нихъ, таможенныя, дорожныя и рыночныя пошлины. При разъѣздахъ по государству король и его свита получали содержаніе отъ мѣстныхъ жителей. Франкскіе короли очень заботились накоплять въ своей казнѣ сокровища, переходившія по наслѣдству вмѣстѣ съ престоломъ; это былъ старинный германскій обычай: сокровища играютъ большую роль въ германскихъ легендахъ, какъ и въ германской исторіи. Королевскія сокровища состояли изъ золотой монеты, всякихъ дорогихъ уборовъ, между прочимъ изъ золотыхъ колецъ и цѣпей, изъ дорогой посуды и дорогой одежды.

Графы.

Итакъ власть франкскихъ королей была расширена вліяніемъ римскихъ учрежденій. Подати и повинности, которымм пользовался король, постоянно увеличивались. Въ судопроизводствѣ и въ рѣшеніяхъ о войнѣ и мирѣ король присвоилъ себѣ тѣ права, которыя прежде принадлежали народному собранію. Онъ вообще присвоилъ

себѣ большую часть той власти, которую прежде имѣло народное собраніе; онъ передавалъ свою власть графамъ и герцогамъ. Управленіе областями франкскаго государства было поручено графамъ. Графъ—начальникъ округа. Онъ не избирается теперь народомъ, какъ было прежде, а назначается королемъ, поручающимъ эту должность по своему произволу тому или другому изъ людей своей свиты. Вообще графы были люди старинныхъ богатыхъ вельможескихъ родовъ; кромѣ высшей власти, полученной ими отъ короля, они имѣли и самостоятельную власть, какъ господа своихъ имѣній. Важнѣйшими обязанностями графа были судъ, охрана общественнаго спокойствія, защита слабыхъ, обузданіе злоупотребленій, взиманіе королевскихъ доходовъ, передача ихъ королю, созываніе войска въ походъ и командованіе имъ на войнѣ. Графскій округъ дѣлился на части, называвшіяся сотнями. Въ каждой сотнѣ сходились по извѣстнымъ срокамъ въ опредѣленныхъ мѣстахъ подъ открытымъ небомъ собранія свободныхъ людей; въ этихъ собраніяхъ производился судъ по стариннымъ торжественнымъ формамъ; собраніе участвовало въ судѣ, и по многимъ дѣламъ приговоръ постановляло оно. Но въ этихъ многолюдныхъ собраніяхъ нельзя было, по недостатку времени, рѣшать всѣ тяжбы между частными людьми; потому предсѣдатель съ согласія тяжущихся избиралъ людей, знающихъ законы, судьями «рахинбургами», и они отъ имени собранія рѣшали дѣла. Судебными доказательствами были: показанія свидѣтелей, клятва соприсяжниковъ, ордаліи (судъ Божій огнемъ или кипящей водой) и судебный поединокъ. Тяжбы между людьми галльскаго происхожденія судились по римскому праву ихъ соплеменниками. По всѣмъ судебнымъ дѣламъ можно было апеллировать къ суду короля. Дѣла по обвиненіямъ духовныхъ лицъ въ проступкахъ противъ гражданскихъ законовъ рѣшались свѣтскими судьями съ участіемъ депутатовъ отъ духовенства. Должность графа была вообще пожизненная. Онъ могъ поручать нѣкоторыя дѣла своимъ посламъ (missi) или замѣстителямъ (викаріямъ). Начальниками общинъ были трибуны или старшины, начальниками сотенъ центенаріи или «гунны»; власть этихъ начальниковъ была менѣе велика, чѣмъ власть графа. Соединеніе нѣсколькихъ графствъ образовало область, правитель которой назывался герцогомъ (dux): обязанности его состояли главнымъ образомъ въ завѣдываніи войскомъ. Такимъ образомъ герцогъ въ королевствѣ франковъ былъ военный сановникъ, назначенный королемъ и не имѣвшій самостоятельной власти. Но кажется, что въ нѣкоторыхъ областяхъ происходили собранія свободныхъ франковъ, имѣвшія нѣкоторую законодательную власть. Со времени Хлодвига король каждый годъ собиралъ всѣхъ свободныхъ франковъ. Это были собранія народа, какъ войска, готоваго къ походу; они происходили въ мартѣ; такое собраніе называлось по ла-

Судъ.

Герцоги.

тыни «мартовскимъ полемъ» (campus Martius). Область, которою завѣдывалъ герцогъ, обыкновенно совпадала своими границами съ этнографическимъ или топографическимъ отдѣломъ государства. Санъ герцога сдѣлался со временемъ наслѣдственнымъ, и короли признали право герцогскаго рода сохранять за собою эту должность; но съ тѣмъ вмѣстѣ народъ имѣлъ нѣкоторое вліяніе на переходъ ея отъ одного лица къ другому. Герцогъ былъ представителемъ всѣхъ правъ короля въ своей области. Въ Бургундіи и Провансѣ должность герцога была соединена съ прежнимъ саномъ патриція. Герцогъ былъ главнокомандующій войска своей области; графы и центенаріи были подчинены ему, онъ былъ подчиненъ только королю. Но впослѣдствіи, когда майордомъ сталъ правителемъ государства, герцоги должны были повиноваться ему. Въ случаяхъ важной надобности король отправлялъ уполномоченныхъ («пословъ», missi) привести въ порядокъ дѣла той или другой области. Когда королевская власть ослабѣла и вельможи пріобрѣли преобладающую силу въ государствѣ, мартовскій станъ, бывшій первоначально смотромъ войска, получилъ характеръ политическаго народнаго собранія и сталъ рѣшать законодательныя дѣла.

Испорченность нравовъ.

Время Меровинговъ было переходною эпохой, періодомъ слиянія германцевъ и римскаго населенія въ одно національное цѣлое. Всѣ переходныя эпохи представляютъ много отвратительныхъ явленій; при перерожденіи народовъ рѣзко проявляются гнилые умирающіе элементы. Мы уже говорили, что исторія франкскаго государства Григорія Турскаго показываетъ намъ владычество пороковъ и преступленій, подъ массою которыхъ едва замѣтны зародыши лучшей жизни. Этотъ духовный сановникъ, съ полной наивностью, безъ всякихъ умолчаній, разсказываетъ о томъ, какъ тогда люди всѣхъ сословій и въ германской, и въ романской части населенія слѣдовали только внушеніямъ грубой чувственности, ревности, пошлой алчности, властолюбія и мстительности, нарушали всѣ правила обычной нравственности, всѣ божескіе и человѣческіе законы, совершали всяческія злодѣйства; простодушно передавая эти гнусныя и ужасныя дѣла, Григорій не проявляетъ особеннаго негодованія на злодѣевъ; это равнодушіе его служитъ яснымъ свидѣтельствомъ всеобщей испорченности. Сліяніе грубыхъ германцевъ, волнуемыхъ необузданными страстями, съ изнѣженнымъ романскимъ населеніемъ должно было въ началѣ давать дурные результаты.

Лёбель говоритъ объ этомъ времени: «При занятіи Галліи германцами они были люди грубые, пылкіе, необузданные; романское населеніе было цивилизовано и, по привычкѣ жить подъ деспотическимъ управленіемъ, боязливо коварно. Богатые и знатные туземцы Галліи при наступленіи всеобщаго бѣдствія еще вели блестящую, роскошную жизнь; въ ихъ наслажденіяхъ еще не совершенно исчезло изящество древней цивилизаціи, но они были изнѣжены, вялы. Оба народа быстро учились другъ у друга, но не столько

хорошему, сколько дурному; потому оба стали еще хуже прежняго. Туземцы выиграли отъ этого сближенія все таки больше, нежели германцы. Они стали буйны, но мужественны; избавились отъ своего прежняго вялаго безсилія и рабскаго образа мыслей. А изъ германцевъ пріобрѣли нѣкоторую образованность сначала только немногіе отдѣльные люди, масса оставалась почти такъ же груба, какъ прежде; но вообще, какъ мы видимъ, германцы сдѣлались коварнѣй, безжалостнѣй, порочнѣе прежняго. Туземцу надобно было пріобрѣсти самостоятельность, чтобы сдѣлаться способнымъ къ новой жизни, и германецъ возбудилъ его къ самостоятельности, потому что иго, наложенное германцами на туземцевъ, было только матеріальное, а не умственное. Въ романскомъ населеніи стало проявляться больше энергіи. Матеріальная выгода была на сторонѣ германцевъ, но они утратили свой національный бытъ и стали переживать переходную эпоху, которая была гораздо хуже ихъ старины. Здоровая натура германцевъ выдержала этотъ кризисъ; хорошія качества ихъ были только затемнены, а не уничтожены имъ, и броженіе переходнаго времени помогло развитію элементовъ, создавшихъ новую цивилизацію; но германцы утратили существеннѣйшія черты своей національности, и въ концѣ процесса броженія мы видимъ ихъ совершенно романизированными. Они хотя отчасти сохранили свой народный характеръ только въ тѣхъ областяхъ, гдѣ поселились большими массами. Но и тамъ, гдѣ романскій элементъ получилъ совершенное преобладаніе, онъ измѣнился: въ цвѣтущую эпоху среднихъ вѣковъ романскій народъ является уже не такимъ, какимъ былъ въ первыя столѣтія по завоеваніи; онъ измѣнился отчасти потому, что къ прежней крови въ его жилахъ примѣшалась германская, отчасти потому, что онъ заимствовалъ у германцевъ отвагу и любовь къ независимости».

Церковь и духовенство.

Даже церковь не могла охранить себя отъ грубости и порочности той эпохи. При всемъ своемъ суевѣріи франки очень часто не оказывали уваженія храмамъ. Соборъ 650 года запрещаетъ подъ страхомъ отлученія заводить въ церквахъ драку, хвататься за оружіе, пѣть зазорныя пѣсни. У Григорія Турскаго мы находимъ между епископами много такихъ людей, которые покупали свой санъ или получали его угожденіемъ королю, видѣли въ немъ только средство пользоваться доходами, безчестили его грубѣйшимъ невѣжествомъ, пьянствомъ, корыстолюбіемъ, развратомъ, клятвопреступленіями, убійствами, или въ латахъ и шлемѣ ходили на войну; а число тѣхъ, которые, какъ самъ Григорій и его современники Авитъ Овернскій и Ницецій Трирскій, дѣлали честь своему сословію благородными правилами жизни и образованностью, было не велико. Но церковь все таки была единственнымъ разсадникомъ образованности. Она своими внушеніями поддерживала уваженіе къ закону, воспрещала грубое насиліе и, при распаденіи всѣхъ общественныхъ связей, представляла собою примѣръ благоустроенной организаціи. Епископы съѣзжались на соборы съ позволенія короля, и самъ онъ часто присутствовалъ на нихъ; при отсутствіи всякаго законнаго порядка, ихъ постановленія пріобрѣтали все и больше и больше авторитета. Остатки прежней образованности тоже были сохраняемы церковью.

Образованность и литература.

Вмѣсто исчезнувшихъ юридическихъ школъ возникли при церквахъ и монастыряхъ училища, въ которыхъ преподавались по руководству Марціана Капеллы семь свободныхъ искусствъ (стран. 703). Въ бе-

недиктинскихъ монастыряхъ монахи читали и переписывали классическія произведенія древней литературы; писались религіозныя сочиненія, въ особенности много являлось жизнеописаній святыхъ; литературное ихъ достоинство не велико, языкъ ихъ однообразенъ, грубъ и неуклюжъ; въ ихъ содержаніи слишкомъ много вымысловъ; но все таки они были единственными произведеніями, дававшими отраду людямъ, возносившими ихъ мысли выше тяготѣвшихъ надъ ними бѣдъ. Знаменитѣйшіе писатели того времени, епископъ Авитъ, ораторъ и поэтъ Венанцій Фортунатъ, историки Григорій Турскій, Сульпицій Северъ и Фредегаръ, были люди духовнаго званія. Правда впрочемъ, что произведенія Авита и Венанція Фортуната показываютъ глубокій упадокъ римской литературы въ Галліи, гдѣ еще во время Сидонія Аполлинарія цѣнилась, какъ лучшее достоинство сочиненія, реторическая вычурность, и напыщенныя выраженія прикрывали пустоту содержанія. Но «Исторія франковъ» Григорія Турскаго, хотя тоже показываетъ упадокъ образованности, служитъ единственнымъ источникомъ живыхъ свѣдѣній о временахъ Меровинговъ.

Альцимъ Экдидій Авитъ, происходившій отъ знатной овернской фамиліи былъ съ 490 года до своей смерти (въ 525 году) епископомъ віеннскимъ. Его поэма „О началѣ міра“, состоящая изъ пяти книгъ, разсказываетъ о сотвореніи міра, о грѣхопаденіи, о потопѣ. Кромѣ того онъ и прямо перелагалъ книги Ветхаго Завѣта въ стихи. Въ его произведеніяхъ замѣтно подражаніе классическимъ поэтамъ; слогъ его страдаетъ изысканностью, но языкъ болѣе чистъ, чѣмъ у другихъ писателей того времени. Его поэма „О началѣ міра“ имѣетъ, какъ замѣтилъ Гизо, поразительныя черты сходства съ „Потеряннымъ Раемъ“ Мильтона.

Венанцій Фортунатъ, послѣдній представитель щегольства школьной ученостью, родился въ Италіи, но большую часть жизни провелъ въ Галліи, при дворѣ Сигберта, уважаемый и любимый франкскими вельможами. Онъ былъ очень преданъ святой Радегундѣ, женѣ Хлотара; она бросила мужа за то, что онъ убилъ ея брата, послѣдняго потомка тюрингскаго королевскаго рода, ушла въ основанный ею монастырь въ городѣ Пуатье и занималась тамъ дѣлами христіанскаго смиренія. Венанцій, по сочувствію къ ея благочестивой жизни, вступилъ въ духовное званіе: онъ былъ сдѣланъ епископомъ города Пуатье и умеръ въ этомъ санѣ. Онъ написалъ очень много стихотвореній; темами для нихъ служатъ дѣйствительные факты; они очень разнообразны по содержанію и по размѣру; содержаніе ихъ мелочно. Венанцій любитъ играть словами, у него много прикрасъ плохого вкуса, есть даже ошибки противъ языка и просодіи. Но его стихотворенія написаны легко, въ нихъ много ума, мѣстами есть и поэтическое творчество; и при всѣхъ своихъ недостаткахъ они поддерживали эстетическій интересъ въ эпоху угасанія древней культуры. Одно изъ лучшихъ стихотвореній Венанція—трогательное посланіе къ послѣднему родственнику Радегунды, живущему въ Константинополѣ; оно имѣетъ своимъ содержаніемъ погибель тюрингскаго царства. Другое прекрасное стихотвореніе разсказываетъ судьбу несчастной Гальсвинты, сестры Брунгильды. Изъ прозаическихъ сочиненій Венанція самое важное—біографія его покровительницы, Радегунды.

Григорій Турскій 540—594

Григорій Турскій родился къ Клермонѣ между 539 и 543 годами; онъ происходилъ изъ знатнаго галльскаго рода; въ 573 году онъ сдѣлался епископомъ турскимъ; умеръ 17 ноября 594. Онъ съ грустью видѣлъ, что при погибели наукъ не находится человѣка, который записывалъ бы современныя событія, потому рѣшился разсказать самъ „о борьбѣ королей съ непріятельскими народами, мучениковъ съ язычниками, церкви съ еретиками“, и написалъ сочиненія „о славѣ мучениковъ“, „о чудесахъ святого Мартина“, „о жизни отцовъ“ и „Десять книгъ исторіи франковъ“. Эта „Исторія франковъ“, называемая иногда „церковной исторіей франковъ“— главный источникъ нашихъ свѣдѣній о событіяхъ того времени. Григорій Турскій смотритъ на все съ церковной точки зрѣнія *); его исторія франковъ—рядъ безсвязныхъ разсказовъ; въ ней не всегда соблюденъ хотя бы простой хронологическій порядокъ; но она трудъ очень важный. Сдѣлавъ краткій очеркъ всеобщей исторіи отъ сотворенія міра, Григорій Турскій переходитъ къ исторіи франковъ; письменныхъ матеріаловъ для нея у него было очень мало; главный его источникъ—изустные разсказы и личныя свѣдѣнія. Онъ самъ былъ участникомъ многихъ изъ тѣхъ событій, о которыхъ разсказываетъ, и его „Исторія“ представляетъ вѣрную картину его времени. Онъ простодушно пересказываетъ злодѣйства, не выражая негодованія на нихъ; по своей наивности, онъ не утаиваетъ ничего, потому его разсказъ заслуживаетъ полнаго довѣрія, особенно въ послѣднихъ книгахъ, въ которыхъ онъ излагаетъ исторію своего времени. Онъ пишетъ просто, безъискусственно; мѣстами у него замѣтенъ недостатокъ основательнаго образованія. Изложеніе у него живое, наглядное; часто онъ вставляетъ въ разсказъ библейскія выраженія. Дѣйствующія лица нерѣдко ведутъ у него разговоры; это увеличиваетъ живость изложенія. Простота разсказа придаетъ большую завлекательность его исторіи, похожей на мемуары, въ которыхъ перемѣшаны важныя историческія событія съ мелкими случаями частной жизни. Объ отдѣлкѣ формы онъ не заботился; дѣлая прибавки къ прежнему разсказу, онъ оставляетъ его безъ соотвѣтственныхъ перемѣнъ.

Фредегаръ.

Разсказъ Григорія Турскаго кончается 591 годомъ; продолженіемъ его „Исторіи“ служитъ „Хроника“, написанная бургундскимъ монахомъ Фредегаромъ Схоластикомъ („ученымъ“). Сухое, исчисленіе фактовъ у Фредегара представляетъ рѣзкую противоположность богатому живыми подробностями разсказу Григорія Турскаго, дающему отчетливыя понятія о людяхъ и дѣлахъ. Въ трехъ первыхъ книгахъ Фредегаръ пересказываетъ по прежнимъ хроникамъ всеобщую исторію отъ сотворенія міра до Юстиніана, въ 4-й книгѣ даетъ извлеченіе изъ Григорія Турскаго, въ 5-й доводитъ разсказъ до 641 года, обращая особенное вниманіе на бургундскія дѣла. Изложеніе у него плохое; онъ безсвязно перечисляетъ факты по порядку времени; языкъ его неправиленъ, слогъ варварскій; во всемъ у него отражается упадокъ образованности. Онъ самъ замѣчалъ, что она очень упала,

---

*) Основная мысль Григорія Турскаго—показывать во всѣхъ фактахъ дѣйствіе божественнаго Промысла. «Онъ видитъ перстъ божій во всякомъ счастливомъ и во всякомъ несчастномъ событіи; счастье по его воззрѣнію награда за богоугодную жизнь, несчастье—наказаніе за грѣхи; много разъ онъ прямо говоритъ это. Такимъ образомъ цѣль историческаго труда—дидактическая; онъ пишетъ для того, чтобъ ободрить благочестивыхъ людей, укрѣпить ихъ въ благочестіи, устрашить злыхъ. Онъ безусловно держится того понятія, что земныя дѣйствія—наказаніе за отпаденіе отъ Бога, за презрѣніе къ Его заповѣдямъ» (Лёбель).

„Мы живемъ въ періодъ дряхлости міра“, говоритъ онъ: „потому сила ума ослабѣла, и никто не можетъ теперь сравняться съ прежними писателями“. Слогъ Фредегара похожъ на тѣ записки, какія невѣжда старается писать языкомъ образованнаго общества, мало извѣстнымъ ему. Еще ярче проявляется полный упадокъ образованности въ другихъ хроникахъ, излагающихъ „дѣянія франкскихъ королей“ и „франкскихъ святыхъ“; лишь немногіе изъ составителей этихъ хроникъ извѣстны намъ по именамъ; всѣ они были монахи.

В. Вестготы въ Испаніи.

Характеръ вестготскаго государства.

Государство вестготовъ, завоевавшихъ Нарбонскую Галлію (Септиманію) и Испанію, представляетъ много сходства съ франкскимъ государствомъ, но во многомъ и отличается отъ него. Вестготы взяли себѣ часть покоренной земли; герцоги и графы ихъ стали военачальниками и судьями областей; при королевскомъ дворѣ были учреждены должности по общему государственному управленію и личной службѣ королю; все это и многое другое было у вестготовъ подобно тому, что было у франковъ и бургундовъ. Но разницу составляло то, что сліяніе германской части населенія съ туземной, романской массой его шло въ Испаніи медленнѣе, чѣмъ въ государствѣ франковъ; разность вѣроисповѣданій задерживала его; браки между лицами туземнаго и вестготскаго происхожденія не были признаваемы законными (или, какъ это называется, между вестготами и туземцами не было connubium'а); германскій языкъ и національные обычаи сохранялись у вестготовъ дольше, нежели у бургундовъ и франковъ. Древнѣйшій писанный законъ вестготскаго государства, Breviarium Alaricanum, составленный въ 506 году по порученію Алариха II римскими (то есть, туземными испанскими) юристами подъ предсѣдательствомъ готскаго графа, не представляетъ смѣси романскаго и германскаго права, какъ другіе «законы варваровъ» (leges barbarorum): онъ заимствованъ исключительно изъ римскаго права; готское обычное право было записано гораздо позднѣе, только уже при королѣ Эврихѣ (при составленіи этого кодекса были къ обычному праву присоединены и постановленія, изданныя королями). Важную разницу образуетъ и то, что хотя у вестготовъ королевскій санъ первоначально былъ, какъ у франковъ, привилегіею одного королевскаго рода, но король былъ избираемъ изъ лицъ этого рода собраніемъ духовныхъ и свѣтскихъ вельможъ.—Подобно франкскому государству, вестготское было волнуемо мятежами: возстаніями вельможъ, борьбою религіозныхъ и политическихъ партій, раздорами между лицами королевскаго рода; все это вмѣстѣ производило почти непрерывную анархію. Но и вестготы, подобно франкамъ, были такое энергическое племя, что при всѣхъ этихъ смутахъ расширяли свое государство: покорили своихъ соплеменниковъ, свевовъ, поселившихся въ сѣверозападномъ углу Испаніи

(въ нынѣшней Галисіи), и мало по малу отняли у византійцевъ почти
Леовигильдъ. 589—586. всѣ ихъ владѣнія на южномъ берегу полуострова. Леовигильдъ былъ первый король, которому удалось подавить всѣ мятежи, установить въ государствѣ порядокъ, дать могущество и блескъ королевскому сану. Онъ ввелъ поземельный налогъ и улучшилъ законы. Но пока вестготы оставались аріанами, не могли они вполнѣ слиться съ туземцами; гоненія на православныхъ производили возстанія, религіозная вражда разстроивала государственный бытъ. Вестготы въ Испаніи, подобно вандаламъ въ Африкѣ, фанатически преслѣдовали православныхъ; нѣкоторые полагаютъ, что французское слово bigot (ханжа) происходитъ отъ visigot. Но православные епископы, поддерживаемые Римомъ и Византіею, мало по малу одолѣли аріанство, при содѣйствіи православныхъ королевъ франкскаго или греческаго происхожденія. Леовигильдъ наказалъ своего старшаго сына, святого Верменегильда, смертью за отпаденіе отъ аріанства и мятежъ. Но второй
Реккаредъ 586—601 его сынъ сдѣлалъ православіе господствующимъ исповѣданіемъ. Это повело къ слiянію вестготовъ съ туземцами въ одинъ народъ романскаго языка. Оно было облегчено тѣмъ, что Реккаредъ велѣлъ составить новый кодексъ, представляющій соединеніе римскаго права съ германскимъ и разрѣшилъ браки между лицами готскаго и романскаго происхожденія. Желая возвысить значеніе королевскаго сана, обезопасить его отъ возстаній вельможъ, Реккаредъ ввелъ по примѣру франкскихъ королей обрядъ коронаціи, дававшій королю религіозное
Могущество духовенства. освященіе: по волѣ Реккареда, архіепископъ толедскій короновалъ и мѵропомазалъ его. Присоединеніе вестготовъ къ вѣрѣ, исповѣдуемой туземцами, укрѣпило государство, но имѣло и вредныя послѣдствія. Духовенство, принадлежавшее большею частью къ романскимъ фамиліямъ, пріобрѣло такое могущество, что стало сильнѣе короля и вестготской аристократіи, состоявшей изъ герцоговъ, графовъ (палатиновъ) и гардинговъ (крупныхъ землевладѣльцевъ). Общія собранія высшаго духовенства, главою котораго былъ архіепископъ толедскій, скоро слились съ государственными сеймами; на этихъ сеймахъ, установлявшихъ законы, рѣшавшихъ церковныя, административныя и военныя дѣла, преобладало духовенство, потому что было многочисленнѣе свѣтской аристократіи, далеко превосходило ее образованностью и дѣловой опытностью. Даже на областныхъ соборахъ духовенства происходили совѣщанія о политическихъ дѣлахъ. Сословіе свободныхъ простолюдиновъ было такъ слабо, что не могло служить опорою королевской власти; оно
Сисебутъ 612—620. все больше и больше впадало въ зависимость отъ церкви или отъ крупныхъ землевладѣльцевъ. Изъ королей, царствовавшихъ послѣ Реккареда, Сисебутъ оставилъ по себѣ память тѣмъ, что преслѣдовалъ іудеевъ, которые были въ готскомъ царствѣ многочисленны, образованы и
Реккесвинтъ 649—672. Вамба 672—681. зажиточны. Реккесвинтъ заботился объ улучшеніи законовъ. Преемникъ его, энергическій Вамба, навлекъ на себя ненависть духовенства поста-

новленіемъ, что простолюдины, находящіеся въ подданствѣ церкви, подлежатъ обязанности ходить на войну одинаково съ людьми свободными. Смуты, поднявшіяся по поводу этого закона, повели къ увеличенію могущества духовенства. На одномъ изъ соборовъ въ царствованіе Вамбы устройство церковнаго управленія было опредѣлено точнѣе прежняго. Послѣ того въ вестготскомъ королевствѣ находилось шесть архіепископствъ (въ Толедо, Гиспалисѣ, Меридѣ, Брагѣ, Таррагонѣ и Нарбонѣ) и 74 епископства. Архіепископы и епископы были избираемы народомъ и духовенствомъ и утверждаемы въ санѣ королемъ. Эта духовная аристократія владычествовала надъ королемъ. Духовенство имѣло обширныя владѣнія и богатые доходы; духовныя лица были подсудны только духовному суду, и міряне по многимъ дѣламъ были подсудны духовенству. Оно было освобождено отъ податей и налоговъ, имѣло другія важныя привилегіи; церкви были неприкосновенными убѣжищами (азилями). Духовенство было единственнымъ образованнымъ сословіемъ, оно владычествовало надъ воспитаніемъ. Понятно, что оно имѣло преобладающее вліяніе на государственную жизнь и на понятія народа. Но могущество духовенства портило его нравы.—Со времени изданія закона, навлекшаго на Вамбу ненависть духовенства, оно стало еще больше прежняго вмѣшиваться въ политическія дѣла, участвовать въ мятежахъ вельможъ. Дворцовый переворотъ, жертвою котораго сдѣлался Вамба, былъ, какъ мы увидимъ въ разсказѣ о подробностяхъ, одобренъ соборомъ духовенства. Въ вестготскомъ государствѣ владычествовали духовная и свѣтская аристократія; масса населенія была безправна и угнетена, законы презирались, король, которому на словахъ приписывалась громадная власть, въ дѣйствительности былъ безсиленъ. Впрочемъ, къ чести духовенства должно сказать, что въ немъ являлось много людей, занимавшихся учеными трудами. Исидоръ Севильскій дѣлалъ извлеченія изъ отцовъ церкви и другихъ писателей; въ своей энциклопедіи, которую назвалъ: «Начала или Этимологіи», онъ собралъ свѣдѣнія Исидоръ Севильскій
обо всемъ, что казалось ему важнымъ; эта компиляція, состоящая (умеръ 636).
изъ 20 книгъ, имѣла большое значеніе въ исторіи философіи и богословія западной Европы. Одну изъ частей ея составляетъ хроника, доведенная до царствованія Сисебута; это важный источникъ нашихъ свѣдѣній объ исторіи вестготскаго государства. Исидоръ Пакскій (Pacensis, епископъ города, нынѣшнее названіе котораго Бежа, Beja) написалъ испорченнымъ латинскимъ языкомъ исторію своего отечества въ VII и VIII вѣкахъ. Его трудъ—важный источникъ нашихъ свѣдѣній о событіяхъ тѣхъ временъ въ Испаніи. Могущество духовенства возростало при Эрвигѣ и Эгизѣ. Потому усиливалось угнетеніе іудеевъ; чаша ихъ страданій наконецъ переполнилась, они призвали на помощь себѣ арабовъ, и вестготское королевство пало. Витиза старался Витиза
остановить упадокъ государства: прекратить гоненіе на іудеевъ, вся- 701—710.

чески хлопоталъ о томъ, чтобы сдѣлать королевскую власть наслѣд-
ственной, издалъ законъ, подчинявшій духовенство королю и въ мір-
скихъ, и въ церковныхъ дѣлахъ, конфисковалъ часть имуществъ ду-
ховенства; вообще, хотѣлъ ввести прочный порядокъ въ государствѣ.
Но неповиновеніе вельможъ королю и владычество духовенства такъ
глубоко укоренились въ привычкахъ вестготовъ, что борьба противъ
этихъ недуговъ государства привела Витизу къ погибели: прежде,
чѣмъ его реформы успѣли установиться, онъ палъ жертвою заговора,
главою котораго былъ графъ Родерихъ, сынъ герцога Теодефреда,
ослѣпленнаго и сосланнаго за попытку подобнаго рода. Послѣдствіемъ
низверженія и смерти Витизы было страшное разстройство государ-
ства, и не дальше, какъ въ слѣдующемъ году разразилась буря,
разрушившая вестготское королевство.

Тевдесъ Тевдесъ, убійца и преемникъ Амалариха (стр. 716), перенесъ королевскую
531—548. резиденцію въ Испанію; спачала, вѣроятно, въ Барселону; скоро столицею
сталъ городъ Толедо, болѣе пригодный для этого по своему центральному
положенію. Чтобъ упрочить свою власть, Тевдесъ позаботился пріобрѣсти
утвержденіе въ своемъ санѣ отъ вельможъ; они выбрали его королемъ.
Съ того времени, вестготскіе короли получали свой санъ ужъ не по на-
слѣдству, а по выбору. Желая пріобрѣсти расположеніе православнаго
духовенства, Тевдесъ, хотя былъ аріанинъ, выказывалъ вѣротерпимость и
дозволялъ православнымъ епископамъ съѣзжаться на соборы. Сыновья
Хлодвига хотѣли отнять у вестготовъ Септиманію, ходили даже до Пире-
545. ней, опустошили Тарраконскую область, то есть, страну по берегамъ
Эбра. Тевдесъ съ трудомъ отбился отъ нихъ. Оттѣснивъ ихъ изъ Септима-
ніи, онъ предпринялъ экспедицію въ Африку, чтобъ этой диверсіею об-
548. легчить остготамъ борьбу съ греками въ Италіи, но, при осадѣ Севты, по-
Теодисклъ терпѣлъ неудачу: сдѣлавъ вылазку въ воскресенье, осажденные нанесли
вестготамъ тяжелое пораженіе. Черезъ три года послѣ того Тевдесъ былъ
548—549. убитъ въ своемъ дворцѣ. Вельможи выбрали королемъ полководца Теоди-
скла. Человѣкъ алчный, развратный и жестокій, онъ далъ полную волю
своимъ страстямъ; потому составился заговоръ, и онъ былъ убитъ на пи-
Агила ру въ Севильѣ. Такую же участь имѣлъ слѣдующій король Агила; Ата-
549—554. нагильдъ, вождь возставшихъ противъ него вельможъ, разбилъ его при
Атанагильдъ помощи византійцевъ, и онъ былъ убитъ своими воинами. Атанагильдъ,
554—567. избранный королемъ, скоро обратилъ оружіе на своихъ прежнихъ союз-
никовъ и отнялъ у нихъ нѣкоторые изъ взятыхъ ими приморскихъ горо-
довъ; но нѣкоторые другіе остались за ними на долго. Одна изъ дочерей
Атанагильда, красавица Брунгильда, была отдана, какъ мы ужъ говори-
ли, за Сигберта австразійскаго, другая, Гальсвинта, за Хильпериха Суас-
сонскаго. Онѣ получили въ приданое много сокровищъ и перешли въ Гал-
ліи изъ аріанства въ православіе. Атанагильдъ царствовалъ 14 лѣтъ. По-
Леовигильдъ слѣ споровъ, длившихся два года, былъ выбранъ королемъ въ Испаніи
Леовигильдъ. Чтобъ упрочить за собой престолъ, онъ женился на вдовѣ
569—586. своего предшественника. Его братъ, Ліува былъ выбранъ королемъ въ
галльскихъ владѣніяхъ остготовъ. Черезъ два года, по смерти Ліувы, Ле-
овигильдъ присоединилъ эти владѣнія къ своему королевству. Онъ былъ
572. однимъ изъ самыхъ энергичныхъ вестготскихъ королей. Онъ побѣдилъ гре-
ковъ, во время междуцарствія расширившихъ свои владѣнія въ Испаніи,

усмирилъ мятежи вельможъ, успѣшно боролся съ враждою своихъ пра-
вославныхъ подданныхъ, вступавшихъ по ненависти къ аріанамъ-готамъ
въ заговоры съ франками; словомъ, онъ одолѣлъ всѣхъ противниковъ и
оставилъ по себѣ громкую славу. Онъ побѣдилъ грековъ въ Андалузіи,
покорилъ силой или хитростью Малагу, Ассидонію, Кордову и нѣкоторые
другіе изъ числа городовъ, завоеванныхъ греками на южномъ берегу; от-
туда пошелъ на сѣверъ, гдѣ собрались инсургенты; они надѣялись удер- 573.
жаться въ горахъ, при помощи свевовъ, жившихъ въ Галліи и ужъ быв-
шихъ тогда православными. Но своею быстротою Леовигильдъ, искусный
полководецъ, побѣдилъ ихъ; они дѣйствовали безъ плана, между ними 574—576.
не было единодушія, свевскій король оробѣлъ и покинулъ ихъ; Леови-
гильдъ разбилъ ихъ разрозненные отряды; взялъ въ плѣнъ важнѣйшаго
вождя инсургентовъ, Аспидія, его жену и дѣтей. Кантабрія (Бискайя) и
Арагонія покорились ему. Казнями и конфискаціями онъ навелъ ужасъ
на вельможъ. Усмиривъ ихъ, онъ сталъ заниматься улучшеніемъ государ-
ственнаго устройства, построилъ на рѣкѣ Тахо городъ, который назвалъ
по имени своего сына Реккареда Рекаполемъ, возстановилъ старинные
вестготскіе законы, собранные Эврихомъ и другими прежними королями,
возстановилъ упавшую власть короля, далъ государству могущество. Но
послѣдніе годы его жизни были омрачены семейными раздорами, проис-
шедшими изъ религіозной вражды. Старшій сынъ его, Герменегильдъ, ма-
терью котораго была гречанка, былъ женатъ на красавицѣ Ингундѣ, до-
чери Брунгильды и Сигберта, короля австразійскаго, пріѣхавшей въ То-
ледо съ богатымъ приданымъ. Женщина твердаго характера, она не
согласилась измѣнить православію, въ которомъ была воспитана; королева
Госвинта, ея бабушка, бывшая теперь мачихою ея мужа, женщина вспыль-
чивая и жестокая, возненавидѣла ее за отказъ перейдти въ аріанство,
подвергала множеству обидъ: однажды схватила ее за волоса, повалила на
земь топтала ногами, такъ что та обливалась кровью, Госвинта сорвала съ
нея одежду и велѣла бросить въ прудъ. Любовь и честь возбудила Гермене-
гильда отмстить за жену. Онъ убѣдился, что Ингунда страдаетъ за истинную
вѣру. Жалобы жены и бесѣды Леандра, епископа Севильскаго, склонили
его перейдти въ православіе. Онъ открыто принялъ вѣру своей жены, и,
увлекаемый усердіемъ къ православію и властолюбіемъ, поднялъ мятежъ
противъ отца. Онъ призвалъ на помощь себѣ свевовъ и франковъ, от-
далъ на опустошеніе имъ свою родину, послалъ епископа Леандра въ
Константинополь просить помощи византійскаго императора, владѣвшаго
тогда Африкой и частью испанскаго берега, призывалъ православныхъ
подданныхъ отца къ возстанію. Но энергія Леовигильда подавила мятежъ.
По его приказанію, соборъ аріанскихъ епископовъ въ Толедо отмѣнилъ
прежнее правило во второй разъ крестить православныхъ, принимающихъ
аріанство, и облегчилъ переходъ въ это исповѣданіе, смягчивъ требуемую
для того формулу; Леовигильдъ сталъ преслѣдованіями и обѣщаніями на-
градъ добиваться отъ своихъ православныхъ подданныхъ объявленія, что
что они „будутъ служить Богу Отцу, служа Сыну и Святому Духу“; мно-
гіе православные соглашались принять эту формулу, но нѣкоторые стра-
дали за вѣру. Побѣдивъ басковъ, Леовигильдъ наказывалъ ихъ такъ су-
рово, что многіе ушли за Пиренеи; область, гдѣ поселились они 583.
въ Галліи, стала называться Васконіею (Гасконью). Леовигильдъ увѣко-
вѣчилъ свою побѣду, основавъ въ покоренной странѣ городъ Викторію
(Витторію). Одолѣвъ мятежъ на сѣверѣ, онъ пошелъ на югъ, гдѣ Герме-
негильдъ имѣлъ наибольшее число приверженцевъ. Онъ покорилъ Мери-
ду, побѣдилъ и принудилъ отступить свевскаго короля Мира, взялъ глав-
ный центръ возстанія, Севилью, и осадилъ сына въ Кордовѣ. Трусостью

и предательствомъ грековъ этотъ городъ былъ сданъ ему. Герменегильдъ
584. бѣжалъ въ церковь. Его братъ Реккаредъ выманилъ его изъ этого убѣжища обѣщаніемъ безнаказанности; онъ упалъ къ ногамъ отца, прося прощенія. Отецъ велѣлъ надѣть на него оковы и послать его въ ссылку, въ городъ Валенсію. Но онъ твердо отказывался принять аріанство для полу-
585. ченія помилованія, потому на слѣдующую пасху былъ казненъ въ Таррагонѣ. Испанская церковь признала его мученикомъ. Его жену и малолѣтняго сына греки держали въ плѣну. Леовигильдъ довершилъ свою побѣду покореніемъ свевовъ. Это было облегчено ихъ междоусобіемъ. Два послѣдніе свевскіе короли, сынъ Мира Эврихъ и его соперникъ Андека, оба были низложены и кончили жизнь въ монастырѣ. Короли франковъ Гунтрамнъ и Хильдебертъ начали войну въ отмщеніе за Ингунду и Герменегильда и за многія другія оскорбленія, хотѣли овладѣть Септиманіею; но были отражены; Септиманія осталась за вестготами.

Реккаредъ Въ слѣдующемъ году Леовигильдъ умеръ въ своемъ толедскомъ дворцѣ.
586—601. Войной, хитростью, всяческими честными и нечестными средствами онъ соединилъ подъ свой скипетръ весь Пиренейскій полуостровъ, за исключеніемъ южнаго берега. Онъ былъ послѣдній король аріанской вѣры. Его сынъ, Реккаредъ, съ дѣтства имѣлъ расположеніе къ православію. Когда онъ вступилъ на престолъ, его приближенные стали, по его порученію говорить, что Леовигильдъ передъ смертью горько раскаявался въ казни Герменегильда и преслѣдованіи православныхъ, принялъ православіе и что по его приказанію Леандръ, освобожденный имъ, научилъ православію Реккареда. Распустивъ эту молву, Реккаредъ созвалъ въ Толедо со-
587. боръ епископовъ обоихъ исповѣданій и далъ православнымъ свободу спорить съ аріанами. Большинство населенія было предано православію; притомъ Реккаредъ хотѣлъ имѣть въ православномъ духовенствѣ опору противъ вельможъ; потому онъ объявилъ, что небо и земля свидѣтельствуютъ въ пользу православія и торжественно принялъ его. Примѣру короля послѣдовало большинство аріанскихъ епископовъ и многіе вестготы. Но религіозные перевороты всегда сопровождаются мятежами приверженцевъ подавляемой вѣры. Такъ и въ Испаніи уничтоженіе аріанства не обошлось безъ борьбы и преслѣдованій. Мачиха Реккареда, Госвинта, составила заговоръ противъ его жизни; но умыселъ ея разстроился: въ Нарбонской Галліи два графа, поддерживаемые аріанскими епископами, подняли возстаніе; имъ помогалъ король бургундскій Гунтрамнъ, врагъ вестготской династіи. Реккаредъ подавилъ возстаніе, разбилъ войско Гун-
588. трамна въ битвѣ при Каркассонѣ и строго наказалъ мятежниковъ. Госвинта лишила себя жизни. Восемь аріанскихъ епископовъ, остававшихся противниками православія, приняли его. По словамъ Фредегара, всѣ аріанскія книги были собраны и сожжены вмѣстѣ съ домомъ, куда были
589. положены. Третій Толедскій соборъ, состоявшій изъ 70 епископовъ и совѣщавшійся подъ предсѣдательствомъ Леандра, сдѣланнаго митрополитомъ, объявилъ православіе религіею вестготскаго государства, проклялъ аріанъ, издалъ соотвѣтствующіе этому рѣшенію законы. Аріанская ересь скоро исчезла у вестготовъ. Король, отчасти суровыми мѣрами, отчасти наградами, обратилъ ихъ въ православіе. Въ слѣдующемъ поколѣніи вестготы были учень усердно преданы православію и обогащали церкви своими пожертвованіями. Послы Реккареда привезли богатые подарки папѣ Григорію Великому, который наградилъ за это Реккареда дарами, болѣе драгоцѣнными, чѣмъ полученные отъ него золотыя вещи, украшенныя дорогими камнями; Григорій послалъ испанскому королю нѣсколько волосъ Іоанна Крестителя, ключъ, сдѣланный изъ желѣза, въ которое были вложены опилки отъ оковъ апостола Петра, и крестъ, въ который была вло-

жена частица Животворящаго Креста. Реккаредъ, получившій названіе „Православнаго“ (каѳолическаго), былъ первый германскій король, коронованный и помазанный на царство епископомъ; духовные писатели превозносятъ его похвалами. Исидоръ Севильскій говоритъ: „Его лицо и манеры были такъ пріятны и онъ былъ такъ добръ, что его любили всѣ; онъ съ неодолимой силой привлекалъ къ себѣ даже враговъ и дурныхъ людей. Онъ былъ очень щедръ; возвратилъ церквамъ и частнымъ людямъ имущества, конфискованныя его отцомъ, и часто давалъ своимъ подданнымъ освобожденіе отъ уплаты налоговъ. Своими сокровищами онъ дѣлился съ бѣдными и пострадавшими отъ несчастій, зная, что Богъ далъ ему царство для того, чтобъ онъ правилъ имъ для блага народа“. Чтобы сблизить вестготовъ и романское населеніе, онъ установилъ полноправность брачныхъ союзовъ между германцами и туземцами и велѣлъ составить кодексъ законовъ, общій для всѣхъ его подданныхъ; этотъ кодексъ представляетъ смѣсь вестготскаго обычнаго права съ римскими законами, взятыми изъ Breviarium Alaricanum и съ постановленіями Реккареда. Онъ былъ предназначенъ объединить вестготовъ съ романскимъ населеніемъ въ юридическомъ отношеніи; силу закона въ Испаніи долженъ былъ имѣть исключительно онъ. Къ нему по временамъ дѣлались прибавленія, и окончательную редакцію, въ которой дошелъ до насъ, онъ получилъ при Эгизѣ, черезъ сто лѣтъ послѣ Реккареда. Языкъ его неуклюжъ, мѣстами напыщенъ; но все таки онъ далеко превосходитъ другіе „своды законовъ варваровъ“, Leges barbarorum, полнотою, систематичностью и юридическимъ достоинствомъ. До Реккареда вестготы, отдѣленные отъ кореннаго населенія Италіи своимъ аріанствомъ, сохраняли германскій языкъ и германскіе обычаи; теперь они стали больше и больше принимать языкъ и обычаи римскаго населенія. Въ богослуженіи готскій языкъ былъ замѣненъ латинскимъ. Государственное устройство осталось, правда, германскимъ; но устройство двора стало римскимъ, и придворныя должности получили римскія названія; языкомъ двора и администраціи сталъ латинскій; было даже введено римское лѣтосчисленіе.—По смерти Реккареда вестготское
государство подверглось тяжелымъ смутамъ; бѣдственность этого времени Ліува 601—
возвышала въ памяти людей блескъ счастливаго царствованія Реккареда.— 603.
Сынъ его Ліува былъ, послѣ двухлѣтняго царствованія, низвергнутъ вельможами. Виттерихъ, бывшій главою ихъ заговора, казнилъ молодого государя (Ліувѣ было только 20 лѣтъ) и возстановилъ аріанство; но оно
не могло удержаться. Семилѣтнее царствованіе Виттериха все прошло въ Виттерихъ
междусобіяхъ и свирѣпостяхъ; онъ былъ убитъ на пирѣ, и тѣло его было 603—610.
выброшено на улицу. Послѣ того два года царствовалъ Гундемаръ; онъ Гундемаръ
былъ плохой правитель, и вельможи избрали королемъ или, какъ это дѣ- 610—612.
лалось у германцевъ, подняли на щитъ Сисебута; съ его воцареніемъ поло- Сисебутъ
женіе государства стало улучшаться. Онъ велъ войну съ византійцами, 621—602.
отличался въ ней храбростью и сострадательностью къ побѣжденнымъ;
императоръ принужденъ былъ заключить съ нимъ миръ, по которому сохра- 616.
нилъ за собою лишь нѣсколько городовъ на берегу Атлантическаго Океана, въ нынѣшней Альгарвіи, отказавшись отъ всѣхъ другихъ своихъ владѣній въ Испаніи. Говорятъ, что вестготы при Сисебутѣ овладѣли на африканскомъ берегу городами Сеутою и Танджеромъ. Лѣтописцы прославляютъ Сисебута какъ мужественнаго воина, кроткаго правителя, покровителя искусствъ и наукъ, но на его имени лежитъ гнусное пятно. Прежде, аріане-вестготы преслѣдовали православныхъ; онъ сталъ свирѣпо преслѣдовать іудеевъ. Они были многочисленны въ Испаніи, славились богатствомъ и образованностью. Сисебутъ бичеваніемъ принуждалъ ихъ креститься;

оставшихся вѣрными своей религіи подвергалъ казни и конфискаціи. Спасеніемъ отъ жестокаго преслѣдованія было только бѣгство.

620. Сисебутъ умеръ или отъ яда или отъ слишкомъ сильнаго лѣкарства. Вельможи выбрали королемъ его сына, Реккареда II; новый король скоро
Свинтила 620—631. умеръ; преемникомъ его сталъ по выбору вельможъ полководецъ Свинтила Этотъ король довершилъ государственное объединеніе Пиринейскаго полуострова, отнявъ у грековъ послѣднія ихъ владѣнія на немъ. Баски, переселившіеся въ Гасконь, вторглись въ свою прежнюю землю; Свинтила отразилъ ихъ. Гордый побѣдами, онъ назначилъ сына своимъ соправителемъ, сталъ рѣже прежняго созывать собранія государственныхъ сословій, задумалъ сдѣлать престолъ наслѣдственнымъ въ своемъ домѣ; этимъ онъ возстановилъ противъ себя вельможъ и духовенство. Готскій вельможа Сисенандъ поднялъ мятежъ въ Септиманіи, большими подарками купилъ себѣ помощь франкскаго короля Дагоберта, перешелъ Пиренеи; Свинтила былъ при Сарагоссѣ покинутъ войскомъ, и побѣдитель его сталъ королемъ. Сисенандъ хотѣлъ для упроченія своей власти пріобрѣсти расположеніе духовенства. На толедскомъ соборѣ (въ 633 году), на которомъ присутство-
Сисенандъ 631—636. вали и вельможи, онъ предоставилъ духовенству такія права, что епископы стали господствовать надъ королями и готское государство стало по-
Хинтила 636—640. ходить на теократію. Пятый толедскій соборъ, бывшій при Хинтилѣ, преемникѣ Сисенанда, принялъ особу короля и власть его подъ охрану религіи, постановивъ, что мятежники, подобно чародѣямъ, отлучаются отъ церкви. Результатомъ союза между королемъ и духовенствомъ было новое гоненіе на іудеевъ: имъ всѣмъ было велѣно удалиться изъ готскаго королевства.
Тульга 640—641. Сынъ Хинтилы Тульга, молодой человѣкъ кроткаго характера, погибъ отъ своего добродушія. Дерзость вельможъ возросла до того, что анархія совершенно разстроила государство. Наконецъ захватилъ власть Хиндасвинтъ,
Хиндасвинтъ 641—649. (умеръ 652). суровый старикъ, заперъ Тульгу въ монастырь, безпощадно казнилъ мятежниковъ, конфисковалъ ихъ имущества, и страхомъ казней востановилъ порядокъ. Богатыми подарками церквамъ и монастырямъ онъ пріобрѣлъ расположеніе духовенства, и строгимъ правосудіемъ заслужилъ любовь народа. Поэта Евгенія онъ сдѣлалъ архіепископомъ толедскимъ и оживлялъ его поэтическую дѣятельность своимъ ободреніемъ. Чтобъ избавить страну отъ волненій, сопровождавшихъ выборы королей, Хиндасвинтъ назначилъ своего сына Реккесвинта своимъ соправителемъ, и при концѣ
Реккесвинтъ 649—672. жизни имѣлъ радость видѣть его утвердившимся на престолѣ. Правда, и эта попытка обратить избирательную монархію въ наслѣдственную произвела сильные мятежи; но Реккесвинтъ, благодаря своей разсудительности и энергіи, съумѣлъ удержаться на престолѣ. Заботясь объ упроченіи порядка въ государствѣ и благосостояніи народа, онъ не искалъ военной славы и потому его 23-лѣтнее царствованіе доставило мало матеріаловъ лѣтописцамъ. Онъ улучшилъ и пополнилъ кодексъ Реккареда и, съ утвержденія епископовъ, герцоговъ, графовъ и гардинговъ (крупныхъ землевладѣльцевъ) постановилъ, что это уложеніе должно быть единственнымъ дѣйствующимъ закономъ во всемъ государствѣ. Онъ покровительствовалъ наукѣ и промышленности, уменьшилъ подати, жертвуя своими выгодами благу народа; но уменьшеніемъ доходовъ государя ослабилъ королевскую власть. Въ старости, желая отдыха, онъ удалился въ свое имѣніе близъ Саламанки, и скоро умеръ тамъ. Вельможи въ его правленіе научились цѣнить благотворность мира и правосудія; потому искали Реккесвинту такого преемника, который былъ бы похожъ на него. Они выбрали Вамбу,
Вамба 672—681. пожилого, опытнаго человѣка знатнаго происхожденія, благороднаго характера. Его съ трудомъ уговорили промѣнять спокойствіе частной жизни на трудное дѣло управленія буйными людьми. Власть принесла ему

только горе. Гильдерихъ, графъ нимскій, отказался повиноваться ему. Король послалъ противъ мятежника войско. Начальникъ этого войска, Павелъ, человѣкъ храбрый, но вѣроломный, имѣлъ приверженцевъ; они выбрали его королемъ. Гильдерихъ присоединился къ нему. Инсургенты увеличили свои силы, нанявъ басковъ, которые вели независимую жизнь въ Пиренейскихъ горахъ и шли на службу каждому, кто обѣщалъ имъ деньги. Мятежники овладѣли всею страною отъ Роны до Эбро. Но Вамба быстро одолѣлъ враговъ. Баски, испуганные неожиданнымъ появленіемъ короля въ ихъ горахъ, попросили у него мира, и воины ихъ перешли подъ его знамена. Онъ взялъ приступомъ Нарбонъ, велѣлъ вести по улицамъ города и бичевать вождя мятежниковъ, Виттимира, и подступилъ къ Ниму, гдѣ былъ центръ возстанія; обороною тамъ управлялъ Гильдерихъ и самъ Павелъ. Послѣ отчаяннаго боя въ укрѣпленномъ римскомъ амфитеатрѣ, Нимъ былъ взятъ. Вамба былъ не только храбръ, но и добръ; онъ не захотѣлъ казнить Гильдериха и Павла, а только велѣлъ обрить головы и бороды имъ и на голову Павла надѣть кожаную корону, привелъ ихъ въ Толедо и заперъ въ темницу. Тамъ они оставались одиннадцать лѣтъ. Царствованіе Вамбы было блестящее. Онъ палъ жертвою гнусной интриги. Ардебастъ, знатный грекъ, быть можетъ потомокъ Герменегильда, былъ осыпанъ почестями короля; Вамба женилъ его на одной изъ своихъ близкихъ родственницъ. Онъ заплатилъ королю за милости черной неблагодарностью: далъ ему ядъ, не убившій его, но сдѣлавшій его неспособнымъ управлять дѣлами. При поддержкѣ епископовъ, недовольныхъ Вамбой, и въ особенности Юліана, архіепископа толедскаго и крещенаго іудея, ученаго и хитраго человѣка, королемъ былъ выбранъ сынъ Ардебаста, Эрвигъ. Вамба принужденъ былъ отказаться отъ престола. Эрвигъ упрочилъ за собою Эрвигъ 681—687.
расположеніе гордаго Юліана и всего духовенства новыми привилегіями и почестями; но мучимый совѣстью, умеръ въ монастырѣ. По его рекомендаціи епископы и вельможи выбрали королемъ Эгизу, родственника Эгиза 687—701.
Вамбы. При этомъ королѣ была дана вестготскому кодексу послѣдняя редакція. Сисебертъ, архіепископъ толедскій, составилъ заговоръ противъ 693.
жизни короля; но Эгиза успѣлъ избѣжать смерти, а созванный имъ соборъ низложилъ и изгналъ надменнаго примаса. Свирѣпымъ гоненіемъ на іудеевъ Эгиза подготовилъ погибель вестготскаго государства: испанскіе іудеи, находившіеся въ сношеніяхъ съ многочисленными своими соплеменниками въ Африкѣ, призвали черезъ ихъ посредство арабовъ; паденіемъ вестготскаго королевства было остановлено исполненіе принятаго національнымъ соборомъ рѣшенія понуждать іудеевъ къ принятію христіанства и отдавать въ рабство тѣхъ, которые не отрекутся отъ своей вѣры. Духовенство было очень предано Эгизѣ, и при содѣйствіи епископовъ онъ достигъ того, что вельможи согласились назначить его сына Витизу его соправителемъ и наслѣдникомъ. Энергія, съ какою Витиза старался прекратить безпорядки въ государствѣ, навлекла на него ненависть вельможъ и духовенства. Витиза 701—710.
Заговорщики, вождемъ которыхъ былъ Родерихъ, потомокъ Хиндасвинта, убили Витизу, и характеръ его изображается въ хроникахъ самыми черными красками; авторы хроникъ, люди духовнаго сословія, представили послѣдняго энергическаго короля тиранномъ, оскверненнымъ всяческими пороками

C. Англосаксы въ Британніи.

Удаленіе римскихъ войскъ изъ Британніи. Бѣдствія народа.

Британнія, какъ мы говорили, фактически отдѣлилась отъ римской имперіи еще въ правленіе Гонорія; власть императорскаго правитель-

ства надъ нею не возстановилась вполнѣ и по смерти узурпатора Константина (стр. 648). Страна была добычей мятежниковъ, провозглашавшихъ себя императорами, и вторгавшихся въ нее варваровъ: сѣверную часть грабили хищные дикари, жившие за Пиктской стѣной; германскіе морскіе разбойники грабили приморскія мѣстности. Въ 446 году прибыла къ Аэцію британская депутація; послы говорили: «Варвары гонятъ насъ къ морю, море отгоняетъ къ варварамъ; насъ убиваютъ или мы должны тонуть». Они просили у Аэція помощи. Но мятежи въ Галліи, нападенія на нее варваровъ, потомъ нашествіе гунновъ не дозволяли Аэцію послать войско въ Британнію. Она была предоставлена себѣ самой; избавилась отъ притѣсненій римскихъ правителей, отъ буйства римскихъ воиновъ; но независимость ея была анархіей, свобода—беззащитностью. Ея жители подъ римскимъ владычествомъ отвыкли отъ военнаго дѣла, мирная цивилизованная жизнь изнѣжила ихъ, и они были неспособны отражать набѣги каледонскихъ дикарей, пегтовъ или пиктовъ, жившихъ по склонамъ Грампіанскихъ горъ, и скотовъ, переселившихся въ Шотландію изъ Ирландіи. Пограничная, слабо охраняемая, стѣна представляла очень мало задержки вторженіямъ этихъ грабителей. А когда британцы шли защищать сѣверную границу, города и селенія приморскихъ областей оставались беззащитными отъ морскихъ разбойниковъ, плававшихъ на гребныхъ лодкахъ изъ устій Эльбы и Везера и гаваней Кимбрійскаго полуострова грабить берега Нѣмецкаго моря и Британскаго канала. Британцы при своихъ раздорахъ не имѣли силы отбиваться отъ одновременныхъ нападеній сѣверныхъ и морскихъ разбойниковъ; имъ оставалось одно спасеніе: пріобрѣсти себѣ помощь однихъ враговъ противъ другихъ. Они рѣшились сдѣлать своими союзниками германскихъ пиратовъ. Преданіе говоритъ, что Кентскій князь Вортигернъ, пользовавшійся вліяніемъ и въ сосѣднихъ областяхъ, отправилъ, по внушенію своихъ совѣтниковъ, воспитанныхъ въ правилахъ римской политики, посольство къ англамъ, саксамъ и ютамъ, ужь цѣлое столѣтіе грабившимъ Британнію, и призвалъ ихъ на помощь противъ сѣверныхъ враговъ; Генгистъ и Горса, морскіе короли ютовъ, прогнанные изъ родины, тотчасъ сѣли съ своими сподвижниками на три корабля, поплыли въ Британнію, поселились на островѣ Танетѣ, лежащемъ передъ устьемъ Темзы.—Весь этотъ разсказъ—легенда, о которой трудно рѣшить, насколько она сообразна съ фактами. Но если дѣйствительно Генгистъ и Горса поселились на Танетѣ, то этотъ островъ былъ, вѣроятно, данъ имъ отъ Вортигерна по римскому обычаю въ вознагражденіе за службу. Легенда говоритъ, что они прогнали пиктовъ и скотовъ за пограничную стѣну. Но скоро они сдѣлались болѣе опасны для независимости Британніи, чѣмъ сѣверные дикари. Къ нимъ пріѣзжали изъ родины новые сподвижники, потому силы ихъ постоянно возростали; они стали вести войну

Первое поселеніе англосаксовъ въ Британніи 449.

съ туземцами и съ остававшимися въ Британніи римлянами, вождемъ которыхъ легенда называетъ Амбросія Авреліана; въ пѣсняхъ и легендахъ слѣдующихъ поколѣній прославлялись геройскіе подвиги этой борьбы. Послѣ многихъ битвъ, англосаксы овладѣли Кентомъ. Легенда, романтически прикрашивая факты, говоритъ, что однажды, Вортигернъ былъ въ гостяхъ у Генгиста; сестра Генгиста, красавица Ровенна, подала ему, по нѣмецкому обычаю, кубокъ вина; онъ женился на ней, и подарилъ Кентъ ея брату. Короли Кента, Аэскинги, производили свой родъ и свое фамильное имя отъ Эска, сына Генгиста. Эта первая удача привлекла въ Британнію новыя дружины германцевъ. Саксы, англы, юты, фризы, другіе германцы, жившіе на приморьѣ и привычные къ мореходству, плыли въ Британнію подъ начальствомъ опытныхъ вождей, и покоряли приморскія области на западѣ и на сѣверѣ отъ Кента. Аэлла, двѣнадцатилѣтнею войной, въ которой взялъ и разрушилъ до основанія богатый городъ Андериду, основалъ на южномъ берегу королевство Суссекское (южносаксонское). Саксонскій вождь Кердикъ поплылъ дальше на западъ; изъ его сподвижниковъ особенно прославились мужествомъ сынъ его Кинрикъ и приплывшій къ нему черезъ нѣсколько лѣтъ Портъ; британскій король Назалеодъ или Натанлеодъ палъ въ кровопролитной битвѣ, и Кердикъ основалъ королевство Уэссекское (западносаксонское). По имени Порта названъ городъ Портсмутъ. Островъ Уайтъ Кенрикъ отдалъ своему племяннику. Хроники говорятъ, что Аэлла царствовалъ 40 лѣтъ; и Кердикъ царствовалъ тоже 40 лѣтъ; тутъ число 40 старинное выраженіе, обозначающее «много»; жизнь обоихъ этихъ королей была наполнена славными подвигами. Кинрикъ, по смерти отца, дѣлалъ новыя завоеванія. Столицею его королевства сталъ римскій городъ Вента (Venta Belgarum), получившій названіе Винтансестиръ (Уинчестеръ). Асквинъ, сынъ Уффы, происходившій отъ Вотана (Вуотана, Одина), предокъ династіи Уффинговъ, завоевалъ съ другимъ отрядомъ саксовъ землю по сѣверному берегу Темзы и сталъ основателемъ эссекскаго (восточносаксонскаго) королевства; въ составъ Эссекса вошелъ черезъ нѣсколько времени и Миддельсексъ, бывшій сначала особымъ миддельсекскимъ (среднесаксонскимъ) королевствомъ. Въ этихъ южныхъ государствахъ, какъ видно ужь и по названіямъ ихъ, господствующимъ племенемъ были саксы; въ Кентѣ и на Танетѣ поселились юты. Въ государствахъ, основанныхъ на сѣверѣ, гдѣ, вѣроятно, ужь и раньше были германскія поселенія, большинство завоевателей составляли англы. На восточномъ берегу, въ Норфолькѣ и Соффолькѣ, была основана Останглія; на сѣверѣ отъ рѣки Гомбера были основаны Деира и Бернисія, находившіяся обыкновенно подъ властью одного короля, потому называвшіяся общимъ именемъ Нортумбріи или Нортомберланда (земли на сѣверѣ отъ Гомбера). Въ центральной части Британніи, перерѣзанной рѣками, горами и боло-

Покореніе Кента Эскингами.

Аэлла основатель Суссекса 478—490.

Кердикъ, основатель Уэссекса 494—534.

Асквинъ, основатель Эссекса 530.

Останглія. Нортумбрія.

Кридда, основатель Мерсіи. Около 585.

тами, было, послѣ долгой войны, основано королевство Мерсія, названіе котораго означаетъ или «пограничная земля» или «болотистая земля». Основателемъ его былъ Кридда. Такимъ образомъ въ Британніи возникло семь германскихъ государствъ; періодъ ихъ существованія называется Гептархіею (Семивластіемъ). Отъ поселенія Генгиста на Танетѣ до основанія Мерсіи, послѣдняго изъ этихъ государствъ, прошло около 150 лѣтъ. Легенда восхваляетъ геройскіе подвиги британцевъ и ихъ вождей. Особеннымъ блескомъ облекла она

Артуръ.

имя короля Артура, «Христіанскаго Гектора»; этотъ благородный защитникъ свободы, обычаевъ, языка и религіи британскаго народа противъ язычниковъ-германцевъ царствовалъ въ горахъ Уэльса. Онъ и его сподвижники, пировавшіе у него за круглымъ столомъ, являются въ средневѣковой поэзіи идеалами всѣхъ рыцарскихъ доблестей. Могила его въ Авалонѣ (въ Гластонбери, въ графствѣ Соммерсетскомъ) долго была предметомъ глубокаго уваженія. Но при всемъ геройствѣ Артура и другихъ легендарныхъ бойцовъ за свобооу британцевъ, борьба кончилась погибелью британской національности,

Бѣгство британцевъ къ Ареморику (Бретань).

кельто-римской образованности, стараго британскаго христіанства. Большинство кельто-римскаго населенія было истреблено; многіе британцы бѣжали въ галльскую приморскую область Ареморику, гдѣ еще при римскомъ владычествѣ поселились и жили благоустроеннымъ обществомъ британскіе колонисты; теперь британцы сдѣлались преобладающимъ элементомъ населенія Ареморики, такъ что она стала называться «заморской» или «малой» Британніею (Бретанью). Но и въ завоеванныхъ германцами областяхъ Британніи, особенно въ тѣхъ, которыя были покорены позднѣе другихъ, осталось туземное населеніе; оно смѣшалось съ германскими завоевателями; германцы женились на дочеряхъ туземцевъ, потому что въ Британніи было мало германскихъ женщинъ; свои браки съ туземками завоеватели признавали полноправными. Кельтское населеніе сохранило свою независимость только въ Уэльсѣ, горной странѣ, и на югозападномъ полуостровѣ Корнуэлѣ. Уэльсъ оставался независимымъ государствомъ

Уэльсъ и Корнуэль.

до XIII вѣка, жители его до сихъ поръ сохраняютъ кельтскій языкъ, поютъ старыя кельтскія пѣсни. Вся остальная Англія была покорена

Послѣдствія завоеванія.

переселенцами изъ приморскихъ германскихъ племенъ; въ ней вмѣстѣ съ британскою національностью было подавлено и христіанство; оно замѣнилось служеніемъ Водану и другимъ сѣверогерманскимъ богамъ, отъ которыхъ вели свое происхожденіе военачальники завоевателей. Когда римскія войска покинули Британнію, въ ней считалось двадцать восемь городовъ; они были разрушены завоевателями, или опустѣли и постепенно обратились въ развалины: германцы не хотѣли жить въ городахъ, продолжали въ новой странѣ вести прежній образъ жизни, любили просторъ для своего скотоводства; особенно велики были у нихъ стада свиней. Они совершенно уничто-

жили прежнюю культуру страны; вмѣстѣ съ именемъ прежняго народа исчезла и вся образованность; весь бытъ страны получилъ новый характеръ; «Англія», какъ стала черезъ нѣсколько времени называться вся страна, завоеванная англосаксами, была совершенно не похожа на римско-кельтскую Британнію: въ ней звучалъ другой языкъ, были другіе законы, другой образъ жизни. Франки и готы усвоили себѣ многое отъ покоренныхъ народовъ и наконецъ слились съ ними; англосаксонская Гептархія сохранила тотъ суровый, полудикій бытъ, какой имѣли на своей родинѣ германцы, переселившіеся въ Британнію. Занятіями свободныхъ германцевъ были только охота и война; земледѣліемъ и скотоводствомъ обязаны были заниматься рабы и другіе подвластные имъ люди; этотъ бытъ, представлявшій лишь слабые начатки государственнаго устройства и культуры, долго владычествовалъ у германскихъ завоевателей Британніи; формы цивилизованной жизни исчезли въ ней. Изъ этого можно заключить, что въ Британніи, далекой отъ Италіи, римская культура не успѣла укорениться такъ глубоко, какъ въ другихъ провинціяхъ, что города въ ней были укрѣпленными станами войскъ, а не центрами многолюднаго промышленнаго населенія и образованности, что законы и формы судопроизводства, которыми Римъ такъ крѣпко привязывалъ другіе побѣжденные народы къ своему владычеству, въ Британніи были еще мало привычны кельтской массѣ населенія. Но если и думать такъ, совершенное истребленіе всѣхъ слѣдовъ римской культуры въ Британніи показываетъ, что продолжительная борьба завоевателей съ туземцами была ведена съ безпощадной свирѣпостью и всѣ люди цивилизованнаго сословія были истреблены или бѣжали. По окончаніи борьбы страна была такъ пустынна, что въ извѣстіяхъ о тѣхъ временахъ нѣтъ никакихъ упоминаній о дѣлежѣ земли или земледѣльческихъ продуктовъ между побѣдителями и побѣжденными: побѣдители взяли себѣ всю землю, залитую кровью своихъ прежнихъ владѣльцевъ или покинутую ими; побѣдителямъ не съ кѣмъ было дѣлиться, побѣжденныхъ не осталось. И если въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ британцы уцѣлѣли и за ними осталась часть земли, то число ихъ было такъ незначительно, что побѣдители не нашли надобнымъ дѣлать этихъ немногихъ людей особымъ классомъ населенія; къ нимъ были примѣнены юридическіе обычаи побѣдителей; по размѣру виры и по праву быть свидѣтелями передъ судомъ не было установлено никакой разницы между англосаксами и британцами. Тѣ города, какіе уцѣлѣли послѣ завоеванія, утратили значеніе въ общественномъ бытѣ: тамъ жили люди, занимавшіеся только необходимыми ремеслами и находившіеся въ полной подвластности произволу землевладѣльцевъ. Только ужъ впослѣдствіи, подъ покровительствомъ церкви и королей, нѣкоторые города пріобрѣли право самостоятельныхъ общинъ.

Состояніе страны послѣ завоеванія.

Учрежденія германцевъ въ Британніи вполнѣ сохраняли характеръ старогерманской жизни, безъ всякихъ слѣдовъ приспособленія къ чему-нибудь различному отъ быта завоевателей въ ихъ отечествѣ; въ нихъ не замѣтно никакого вліянія римскихъ законовъ или обычаевъ. Свободный собственникъ съ членами своего семейства, съ подвластными людьми и съ рабами образовалъ „родъ“, hid. (Подвластные господину люди, какъ и въ другихъ странахъ, были прикрѣплены къ землѣ своего господина и обязаны служить ему; они давали ему извѣстную долю продуктокъ своего земледѣльческаго труда и своего скота, кромѣ того платили ему подушную подать; только въ позднѣйшія времена положеніе нѣкоторыхъ изъ нихъ стало улучшаться отпускомъ на волю). Нѣсколько „родовъ“ составляли общину; соединеніе нѣсколькихъ общинъ составляло область scira (shire). Основаніемъ для этихъ подраздѣленій и группировокъ была обязанность поставлять извѣстное число воиновъ въ ополченіе. Названія группъ не во всѣхъ частяхъ страны были одинаковы: рядомъ съ hid и scira упоминаются „сотни“ hundrede (hundred), и „военные округи“, wapentake. Значительная часть земель, особенно лѣсъ и луга, оставались въ общинномъ владѣніи, служили мѣстами охоты и пастбищами. Пахотная земля, раздѣленная на участки, была собственностью благородныхъ людей и свободныхъ землепашцевъ. Самымъ крупнымъ землевладѣльцемъ былъ король; онъ, кромѣ дохода съ королевской земли, получалъ судебный штрафъ (wette), который взыскивался съ виновнаго по-сверхъ виры, шедшей въ вознагражденіе обиженнаго или родственниковъ убитаго. Впослѣдствіи король сталъ получать большіе доходы отъ регалій, отъ рыночныхъ пошлинъ, отъ сборовъ за проѣздъ по мостамъ и дорогамъ, отъ подати съ иноземцевъ за охрану ихъ, отъ таможенныхъ пошлинъ, рудниковъ, королевскихъ лѣсовъ и проч.—Только свободные люди могли носить оружіе; только они имѣли голосъ въ общинномъ собраніи, судили дѣла по обычному праву, постановляли законы. Они были представителями подвластныхъ имъ людей въ судѣ. Свободные люди носили длинные волоса. Законы англовъ съ большой точностью опредѣляли величину виры въ разныхъ случаяхъ; напримѣръ, за поврежденіе руки арфиста, серебряка, швеи вира была выше, чѣмъ за такое же увѣчье руки другихъ людей; неприкосновенность людей въ ихъ жилищѣ была ограждена тяжелымъ наказаніемъ нарушителю ея. Подобно другимъ германцамъ, англосаксы имѣли соприсяжничество, судебные поединки, судъ Божій. Народное собраніе Folkmot, въ которомъ участвовали всѣ свободнорожденные люди, рано замѣнилось у нихъ витенагемотомъ, Witenagemot, „собраніемъ мудрыхъ“ (или свѣдущихъ, witena). Витенагемотъ, считавшійся собраніемъ представителей народа, былъ созываемъ королемъ, который обязанъ былъ совѣтоваться съ нимъ; это „собраніе мудрыхъ“ охраняло обычное право и пополняло его новыми законами; оно избирало короля изъ людей королевскаго рода или, когда порядокъ престолонаслѣдія установился, то утверждало наслѣдникомъ въ королевскомъ санѣ своимъ согласіемъ на переходъ власти къ нему; король обязанъ былъ отдавать витенагемоту отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ; это собраніе рѣшало дѣла о войнѣ и мирѣ; король не могъ ни созывать войско, ни взимать налоги иначе, какъ съ согласія витенагемота. Итакъ власть короля была ограничена. Но онъ считался главою государства. Онъ былъ обязанъ охранять безопасность своего королевства отъ внѣшнихъ враговъ и внутреннее спокойствіе въ немъ; ему принадлежало право наказанія преступниковъ и право помилованія. По вступленіи на престолъ онъ дѣлалъ объѣздъ по государству, принимая присягу народа на вѣрность. Онъ имѣлъ тѣлохранителей и сановниковъ; онъ завѣдывалъ казною; право чеканить монету

принадлежало ему; онъ по совѣту витенагемота назначалъ окружныхъ „старшинъ“, эльдормановъ (ealdorman) изъ сословія благородныхъ и скиргерефовъ (scirgerefa, sheriff). Эльдорманъ былъ главнымъ судьею, правителемъ и военачальникомъ въ своемъ округѣ, „скиръ“ (scira, shire); скиргерефъ былъ его помощникомъ.

Бретвальда.

Необходимость самосохраненія при разноплеменности завоевателей и раздробленности ихъ на нѣсколько государствъ рано привела англосаксовъ и ютовъ къ установленію сана общаго «правителя Британніи» Bretwalda, который распоряжался бы всѣми военными силами германскихъ государствъ. У нихъ были многочисленные враги на западѣ и на сѣверѣ; чтобъ лучше обороняться противъ общихъ непріятелей, короли и вельможи избирали общимъ военачальникомъ, бретвальдою, или самаго сильнаго изъ королей, или того, который наиболѣе подвергался нападеніямъ, и предоставляли ему довольно большую власть. Сначала бретвальда былъ только главнокомандующимъ войскъ всѣхъ семи королевствъ; потомъ, когда англосаксы приняли христіанство, онъ пріобрѣлъ значительное вліяніе на церковныя дѣла во всѣхъ королевствахъ, а это повело къ расширенію его вліянія и на другія внутреннія дѣла ихъ.

Таково было понятіе о санѣ бретвальды, господствовавшее до недавняго времени; нѣкоторые ученые полагали даже, что власть бретвальды была продолженіемъ власти римскаго императора. Санъ бретвальды дѣйствительно былъ предметомъ желанія честолюбивыхъ королей, и бывали между ними войны изъ-за этого титула. Но по мнѣнію новѣйшихъ историковъ, прежнее представленіе о власти бретвальды было преувеличено. Кембль думаетъ, что всѣ короли были равны и каждый былъ независимъ во внутреннихъ дѣлахъ своего государства; что если временами тотъ или другой король имѣлъ преобладаніе надъ другими, то власть его не была даваема ему выборомъ со стороны другихъ, а была только естественнымъ результатомъ его побѣдъ.

Кеавлинъ 560. 591.

Когда санъ бретвальды получилъ Кеавлинъ, король Уэссекскій, внукъ Кердика, храбро бившійся съ британцами, противъ него поднялъ войну Этельбертъ, потомокъ Эска, король Кентскій, отважный молодой человѣкъ, желавшій самъ стать брѣтвальдой. Но Кеавлинъ разбилъ его. Черезъ нѣсколько времени противъ Кеавлина, навлекшаго на себя ненависть своихъ вельможъ, возстали его собственные воины; они побѣдили его; послѣ тридцати-лѣтняго счастливаго царствованія, ознаменованнаго многими побѣдами, онъ былъ принужденъ отказаться 591.
отъ престола и удалиться въ изгнаніе. Тогда сталъ бретвальдою Этельбертъ. Онъ былъ женатъ на Бертѣ, дочери франкскаго короля Хариберта. Этотъ бракъ имѣлъ, кажется, такое же вліяніе на дѣло обращенія англосаксовъ въ христіанство, какъ бракъ Хлодвига съ Клотильдою на принятіе христіанства франками. Папа Григорій I послалъ въ Англію миссіонеровъ подъ начальствомъ бенедиктинскаго

Этельбертъ Кентскій. 560—616.

Пріѣздъ Августина въ Кентъ

монаха Августина. Они приплыли въ Кентъ; Августинъ обратилъ въ христіанство Этельберта и его вельможъ. Папа далъ Августину санъ архіепископа Кентерберійскаго. Христіанство стало распространяться между ютами и англосаксами. Сами короли, люди воинственные, мало интересовались христіанскимъ ученіемъ. Но ихъ жены становились усердными христіанками; подъ покровительствомъ королевъ христіанство восторжествовало надъ язычествомъ во всѣхъ государствахъ гептархіи. Англосаксы, по ненависти къ британцамъ, были враждебны старой британской, христіанской церкви, не признававшей первенства папы, праздновавшей пасху по правилу, не одинаковому съ римскимъ, имѣвшей устройство болѣе свободное, чѣмъ римская іерархія, и рѣшавшей церковныя дѣла посредствомъ своихъ собственныхъ соборовъ. Но противъ римской церкви англосаксы не имѣли непріязни, и охотно вступили въ союзъ съ нею, скоро стали посылать въ Римъ подать, называвшуюся «денаріемъ Петра», и шедшую первоначально на содержаніе школы въ Римѣ для англичанъ, готовившихся къ духовному званію, стали ѣздить въ Римъ на поклоненіе находящимся тамъ святынямъ и для принятія благословенія папы. Римскіе миссіонеры научили ихъ вѣрить, что ключъ царства небеснаго врученъ Петру, отъ Петра переданъ преемнику его, римскому епископу; потому они очень уважали папу, отворяющаго врата царства небеснаго повинующимся ему.

Дѣятельность святого Патрика въ Ирландіи.

Въ Ирландію англосаксы не проникли; тамъ оставалось кельтское населеніе, и сохраняло христіанскую вѣру, проповѣдникомъ которой въ Ирландіи былъ святой Патрикъ, начавшій свою дѣятельность въ первой половинѣ V вѣка. Онъ признавалъ власть римскаго епископа и ввелъ въ Ирландію монашество. Вскорѣ послѣ того христіанство распространилось и въ Шотландіи.

Дѣятельность Колумбана въ Шотландіи около 563.

Въ половинѣ VI вѣка, когда еще не было закончено завоеваніе Англіи германцами, святой Колумбъ (или Колумбанъ) основалъ на островѣ Іонѣ (Iona) «Келью»—то есть, монастырь — «Колумба», Икольмкилль; этотъ монастырь сталъ разсадникомъ ученыхъ и усердныхъ миссіонеровъ. Раньше того многіе христіане бѣжали отъ меча язычниковъ-германцевъ въ покрытую туманами, еще почти вовсе невѣдомую другимъ европейскимъ народамъ страну пиктовъ и скотовъ, гдѣ, какъ говоритъ преданіе, около того времени слѣпой пѣвецъ Оссіанъ, сынъ Фингала, пѣлъ грустнымъ тономъ о дѣлахъ погибшихъ героевъ своего народа. Христіане, бѣжавшіе изъ южной части острова въ эту страну непогодъ и пустынь, вели тамъ отшельническую жизнь въ благочестивой нищетѣ. Этихъ пустынниковъ называли кульдеями. Ихъ маленькія общины стали теперь центрами,

Христіанство въ Уэльсѣ.

около которыхъ разрослись монастыри. Но христіане западной части Британніи по племенной ненависти долго оставались враждебны англосаксамъ послѣ того, какъ они приняли христіанство отъ римскихъ миссіонеровъ. Древніе монастыри Бангорскій и Гластонберійскій не

вступали ни въ какія сношенія съ англосаксами; многія церкви въ Уэльсѣ считали своими основателями британскихъ святыхъ, бѣжавшихъ въ западныя горы и лѣса во времена Кердика и его преемниковъ. Подробности о ходѣ распространенія христіанства между англосаксами мы разскажемъ въ пополнительномъ очеркѣ. Когда христіанская вѣра восторжествовала въ англосаксонскихъ королевствахъ, число священниковъ и монаховъ увеличилось, и могущество церкви быстро возросло до такой степени, что духовенство стало владычествовать въ Британніи. Многіе короли и вельможи удалялись для спасенія души въ монастыри, многіе совершали далекія паломничества. Исторія Гептархіи, кромѣ однообразныхъ войнъ королей и вельможъ между собою или съ британцами и сѣверными врагами, говоритъ почти только о церковныхъ дѣлахъ и почти совпадаетъ съ исторіею христіанства въ Британніи.

Обращеніе англосаксовъ въ христіанство. Обращеніе англосаксовъ было славнымъ дѣломъ папы Григорія Великаго, бывшаго римскимъ первосвященникомъ съ 590 до 604 года. Еще до своего избранія въ этотъ санъ, онъ проникся горячимъ желаніемъ сдѣлать англосаксовъ христіанами; эта мысль овладѣла имъ, когда однажды, проходя въ Римѣ по рынку, на которомъ продавались рабы, онъ увидѣлъ поставленныхъ тамъ на продажу юношей высокаго роста, красивыхъ; по нѣжности кожи и по длиннымъ волосамъ было видно, что они люди благороднаго происхожденія. Это были англосаксы. Спросивъ, кто они, онъ узналъ, что они уроженцы Британніи, язычники. Онъ сталъ горько жалѣть, что люди съ такимъ свѣтлымъ цвѣтомъ лица остаются добычею князя тьмы, что они, получившіе отъ благодати божіей такую красоту, не имѣютъ благодати душевнаго просвѣтленія. Когда ему сказали, что они называются англами, онъ воскликнулъ: „И справедливо, потому что они имѣютъ ангельскія лица, и должны сонаслѣдовать съ ангелами царство небесное“. На вопросъ, изъ какой области они, ему отвѣчали, что имя ихъ области Деира; онъ сказалъ: „Да, они должны стать de ira eruti, „отъ гнѣва“ (божія) „избавлены“ и призваны къ благодати Христовой“. На вопросъ, кто король въ ихъ землѣ, ему отвѣчали что имя короля ихъ Аэлла; онъ сказалъ: Да, въ ихъ землѣ должно быть воспѣваемо аллилуія, „хвала Богу“, создавшему міръ.— Онъ сталъ убѣждать папу Пелагія послать миссіонеровъ въ Англію; папа не посылалъ; онъ вызвался ѣхать туда самъ; но римскій народъ, очень любившій его, не согласился отпустить его. Сдѣлавшись въ 590 году папой, онъ сталъ заботиться объ исполненіи своей мысли, и послалъ бенедиктинскаго аббата съ 40 товарищами въ Англію. Испуганные разсказами о грубыхъ нравахъ язычниковъ, говорящихъ непонятнымъ для нихъ языкомъ, они остановились въ странѣ франковъ и послали Григорію просьбу освободить ихъ отъ опаснаго порученія; онъ ободрилъ ихъ, просилъ франкскихъ королей о покровительствѣ имъ, о томъ, чтобъ имъ были даны переводчики. Въ 596 году Августинъ и его товарищи приплыли на островъ Танетъ; Августинъ послалъ сказать Этельберту, королю кентскому, что „приноситъ благовѣстіе о спасеніи, обѣщающее послушнымъ вѣчное блаженство въ царствѣ небесномъ съ истиннымъ, живымъ Богомъ“. Король согласился принять миссіонеровъ; они пошли къ нему процессіею, воспѣвая священныя пѣсни, несли, какъ знамя, серебряный крестъ и образъ Спасителя; король принялъ ихъ, сидя подъ дубомъ и окруженный вельможами. Онъ сѣлъ подъ

открытымъ небомъ для того, чтобы чародѣйство новоприбывшихъ не повредило ему; подъ кровлей оно могло бы ему повредить. Онъ принялъ ихъ дружелюбно, взялъ ихъ съ собою въ свою столицу Кентербери, обѣщалъ имъ свою охрану, позволилъ проповѣдывать христіанство, крестить, совершать богослуженіе въ церкви королевы. Въ слѣдующемъ (597) году Этельбертъ крестился, возстановилъ старую церковь Спасителя, далъ ей доходы, назначилъ Августина архіепископомъ Кентерберійскимъ. По примѣру короля, крестились тысячи его подданныхъ и мало по малу принялъ христіанство весь кентскій народъ. Григорій благодарилъ Бога, давшаго его дѣлу такой успѣхъ, что „жители Британніи, чей языкъ прежде служилъ язычеству и варварству, теперь поютъ въ хвалу божію еврейское аллилуія, и океанъ язычества съ морскими разбойниками, которыхъ не могли устрашить мечомъ князья міра сего, теперь укрощенъ страхомъ божіимъ, внушеннымъ простыми словами смиренныхъ служителей Христа“. Августинъ былъ человѣкъ дѣятельнаго характера, но очень ограниченнаго ума, неспособный исполнять какъ должно обязанность правителя британской церкви, внушать горячее усердіе къ христіанству живою проповѣдью. Ему слѣдовало бы дѣйствовать въ духѣ проповѣдниковъ первыхъ вѣковъ, допускать мѣстныя разницы въ обрядахъ; тогда онъ привлекъ бы къ участію въ своемъ дѣлѣ старое британское духовенство, уцѣлѣвшее въ горахъ Уэльса, и язычники быстро обратились бы въ христіанство. Вмѣсто того онъ педантически требовалъ полнаго подчиненія всѣмъ особенностямъ обрядовъ римской церкви; на свиданіи съ монахами Бангорской обители онъ оскорбилъ ихъ своимъ высокомѣріемъ, повелительно требуя, чтобъ они отказались отъ обрядовъ и ученій старой церкви, несогласныхъ съ римскими; они не могли поступить противъ совѣсти и для нихъ было невозможно содѣйствовать ему; а язычниковъ онъ раздражалъ рѣзкостью своихъ требованій; они по досадѣ на него оставались при своихъ суевѣріяхъ и обрядахъ. Узкость понятій и неуступчивость первыхъ миссіонеровъ была одной изъ причинъ, замедлявшихъ распространеніе христіанства въ Англіи; другими задержками были разница нарѣчій и раздробленность германцевъ на нѣсколько государствъ; потому дѣло обращенія германцевъ шло очень медленно, и путь къ принятію христіанства ими пролагался только тѣмъ, что они понемногу знакомились съ остатками прежней римской культуры въ ихъ областяхъ, усвоивали себѣ понятія уцѣлѣвшихъ туземцевъ. Для этого имъ нужно было много времени. Потому принятіе христіанства населеніемъ государствъ гептархіи шло приблизительно въ такомъ же порядкѣ, въ какомъ основаны были эти государства. Въ Эссексѣ христіанство было введено по вліянію женщинъ королевской семьи, какъ въ Кентѣ по вліянію Берты. Король, сынъ сестры Этельберта кентскаго, крестился въ 604 году, подарилъ для обращенія въ каѳедральную церковь древній храмъ Діаны въ Лондонѣ Меллиту, посвященному Августиномъ въ санъ епископа лондонскаго и далъ этой церкви очень много земли. Миссіонеръ Юстъ основалъ другое епископство въ Рочестерѣ. При слѣдующихъ короляхъ въ Кентѣ и въ Эссексѣ язычество одержало верхъ, епископы были принуждены бѣжать, возобновилось служеніе прежнимъ богамъ; но торжество язычниковъ было не продолжительно; скоро христіанство стало господствующею религіею въ обоихъ этихъ королевствахъ. — Король Нортумбрійскій Альдфридъ, жестокій человѣкъ и храбрый воинъ, надолго усмирившій скотовъ своимъ мечемъ, былъ суровымъ врагомъ христіанства, разрушилъ Бангорскій монастырь и убилъ всѣхъ его монаховъ. Но родственникъ Альфрида Эадвинъ, прогнанный имъ, получивъ помощь отъ короля Мерсіи, разбилъ его, и самъ онъ лишился жизни въ этой битвѣ (въ 616 году); Эадвинъ сталъ королемъ Нортумбрійскимъ и бретвальдою; жена его была изъ кентской династіи; она склоняла его въ пользу христіанства; поддавшись отчасти ея внушеніямъ, отчасти богатымъ подаркамъ и любезнымъ письмамъ папы Бонифація, Эадвинъ позволилъ епископу Паулину проповѣдывать христіанство въ Нортумбріи. Самъ онъ долго обдумывалъ, принять ли христіанство. Наконецъ чудесное спасеніе отъ отравленнаго кинжала убійцы и видѣніе, явившееся ему во снѣ, расположили его душу къ вѣрованію въ божественную истину; по совѣщанію съ своими вельможами онъ въ 627 году торжественно объявилъ въ собраніи представителей государства (въ витенагемотѣ),— что отрекается отъ языческихъ боговъ и принимаетъ христіанство. Скоро весь Нортумбрійскій народъ сталъ молиться Спасителю. Главный жрецъ поднялъ самъ руку на разрушеніе языческихъ храмовъ и жертвенниковъ и подалъ знакъ жечь ихъ. Паулинъ, возведенный папою Гоноріемъ въ санъ архіепископа, избралъ своею резиденціею Йоркъ, и церковь апостола Петра въ этомъ старомъ римскомъ городѣ стала знаменитымъ каѳедральнымъ храмомъ архіепископства сѣверной Англіи. Кромѣ того было основано епископство въ Линдисфарнѣ; этотъ городъ сдѣлался знаменитымъ разсадникомъ образованности и благочестія на сѣверѣ. (Впослѣдствіи, епископская каѳедра была перенесена изъ Линдисфарна въ Доргэмъ). Паулинъ обратилъ въ христіанство и жителей Линкольна, даже правитель этого города, производившій свой родъ отъ Водана, принялъ крещеніе. Эадвинъ, основатель Эдинбурга (Эадвинсбурга, Эадвинова города), правилъ справедливо, государство при немъ пользовалось порядкомъ и безопасностью, такъ что имя его долго жило въ памяти народа. Благосостояніе государства подъ его властью свидѣтельствовало о благотворности новой вѣры и очень много содѣйствовало распространенію христіанства.

Крещеніе Кентскаго короля 597.

Распространеніе христіанства въ Эссексѣ (съ 604 г.).

Христіанство въ Нортумбріи въ 627 году.

Вскорѣ послѣ крещенія Эадвина, упрочилось христіанство въ Остангліи. Король этого государства, Сигебертъ, принялъ христіанскую вѣру въ Галліи, и возвратясь на родину въ сопровожденіи бургундскаго епископа Феликса, сталъ всѣми силами истреблять мракъ язычества. Благочестивый король поселился въ монастырѣ; при нападеніи враговъ на государство, пошелъ отразить ихъ, и былъ убитъ (въ 635 году). Но христіанство удержалось въ Остангліи. По смерти Эадвина Нортумбрія подверглась тяжкимъ бѣдствіямъ. Освальдъ, принявшій христіанство въ Шотландіи, побѣдилъ при Гексгемѣ послѣдняго британскаго героя Эадваллу; онъ одержалъ эту побѣду, помолившись Господу воинствъ; она дала окончательное торжество христіанству въ землѣ англовъ. Освальдъ, король Нортумбрійскій, шестой бретвальда, былъ усердный христіанинъ. При его содѣйствіи, епископъ Биринъ, посланный папою Гоноріемъ проповѣдывать христіанство въ Англію, крестилъ Кинегильса, короля уэссекскаго (въ 635 году); скоро было крещено большинство народа въ его королевствѣ и было основано епископство въ Доркикѣ (Дорчестерѣ). Но прошло около половины столѣтія прежде чѣмъ совершенно исчезло язычество въ южныхъ саксонскихъ областяхъ. Послѣднимъ языческимъ королевствомъ оставалась Мерсія. Пенда, король мерсійскій, побѣдилъ и убилъ въ битвѣ благочестиваго Освальда (въ 642 году); тридцать лѣтъ успѣшно велъ войны съ разными королевствами, и гордился тѣмъ, что онъ непобѣдимый защитникъ старой религіи. Но въ упорной войнѣ съ преемникомъ Освальда, бретвальдою Освиномъ, онъ былъ разбитъ и лишился жизни въ кровопролитномъ сраженіи при рѣкѣ Винваэрѣ, близъ Лидса; передъ битвой Освинъ далъ обѣтъ построить двѣнадцать монастырей въ Бернисіи и Деирѣ, и послѣ побѣды исполнилъ свой обѣтъ. По смерти Пенды, жители Мерсіи, давно получившіе расположеніе къ христіанству, открыто приняли его. Въ 659 году одинъ изъ англосаксонскихъ священнослужителей былъ назначенъ

Христіанство въ Остангліи съ 630 г.

Въ Уэссексѣ и Соссексѣ съ 635 г.

Въ Мерсіи съ 659 г.

епископомъ мерсійскимъ. Принятіе христіанства въ англосаксонскихъ королевствахъ происходило обыкновенно по рѣшенію витенагемота, и таинство крещенія совершалось разомъ надъ тысячами людей. Но, хотя крещеніе и совершалось по законодательному рѣшенію, мы не находимъ извѣстій о какихъ нибудь гоненіяхъ на язычниковъ. Когда христіанство стало проникать въ сѣверныя королевства, старо-британское духовенство сблизилось съ англосаксонскимъ.

Проповѣдь шотландскихъ монаховъ въ Нортумбріи.

Въ Нортумбріи и Мерсіи евангеліе проповѣдывалось шотландскими миссіонерами, слѣдовавшими ученію Колумбана. При Освальдѣ шотландскій монахъ былъ по своей добродѣтели, усердію къ вѣрѣ и образованности украшеніемъ англосаксонской церкви; народъ считалъ его святымъ. Шотландское духовенство не признавало первенства папы; это могло бы повести къ распаденію англосаксонской церкви. Для предотвращенія раздора въ ней, соборъ, созванный королемъ Освиномъ въ Стринсгальчѣ (Sinus Fari, Гвитби) въ Йоркширѣ, въ 664 году объявилъ, что англосаксонская церковь должна держаться римскаго вѣроученія и богослуженія; этимъ онъ установилъ единство обрядовъ и признаваніе власти папы. Особенности старо-британской церкви, относившіяся къ празднованію пасхи, формѣ крещенія и другія отличія обрядовъ ея отъ римскихъ, были отвергнуты. Лаппенбергъ говоритъ: „Шотландскіе проповѣдники возвратились на родину или подчинились мнѣнію большинства. Они были люди болѣе ученые, чѣмъ англійское духовенство; тѣ, которые остались въ Англіи, приносили пользу церкви. Но отказавшись отъ своихъ особенностей, они утратили вліяніе, которое могло бы помѣшать установленію власти папы, въ тѣ времена еще не упрочившейся". Главнымъ приверженцемъ римскаго богослуженія былъ Ѳеодоръ, монахъ изъ киликійскаго города Тарса, котораго папа Виталіанъ назначилъ въ 667 году архіепископомъ Кентерберійскимъ.

Ѳеодоръ съ 667 года.

Онъ ловко устранялъ тѣ особенности, которыми англійская церковь отличалась отъ римской, и соединилъ ее съ церквами другихъ западныхъ земель, признававшими власть папы. Человѣкъ ученый, онъ заботился о томъ, чтобъ англійское духовенство училось и поровнялось образованностью съ духовенствомъ другихъ христіанскихъ народовъ. Въ томъ же духѣ дѣйствовалъ его современникъ, Вильфридъ, архіепископъ Йоркскій, человѣкъ энергическій и пользовавшійся большимъ уваженіемъ.

Вильфридъ умеръ 709.

Вильфридъ обратилъ въ христіанство послѣднихъ язычниковъ, оставшихся въ Соссексѣ, Уэссексѣ и на островѣ Уайтѣ; тамъ были основаны новыя епископства и монастыри. Въ одномъ изъ этихъ монастырей провелъ послѣдніе дни своей жизни король уэссекскій, крещенный Вильфридомъ. Кембль говоритъ: до Ѳеодора кентерберійскаго и Вильфрида йоркскаго церкви въ Англіи были разрозлены. Они ввели въ ней полное церковное единство. Но римской іерархіи никогда не удалось достичь совершеннаго устраненія національныхъ особенностей изъ англосаксонской церкви. До завоеванія Англіи норманнами церковнымъ языкомъ въ ней оставался англосаксонскій; формула крещенія была англосаксонская; книги Ветхаго и Новаго Завѣта въ англосаксонскомъ переводѣ были распространены въ народѣ; до насъ дошли англосаксонскія проповѣди. Власть папы въ полномъ своемъ размѣрѣ была признана надъ англійскою церковью только ужь при владычествѣ норманновъ; каноническое право не имѣло дѣйствія въ Англіи; постановленіе о безбрачіи духовенства долго не принималось въ Англіи. Епископы назначались королями, постановленія соборовъ получали законную силу только по утвержденіи королемъ; церковныя имущества подлежали налогамъ и повинностямъ наравнѣ съ мірскими; духовенство было подсудно гражданскимъ трибуналамъ. Англійскіе короли и вельможи усердно строили церкви и монастыри, и ни въ одной изъ королевскихъ династій континента не было

такой склонности къ монашеской жизни, какъ въ династіяхъ англосаксонскихъ королей. Короли эти любили путешествія къ далекимъ святымъ мѣстамъ, быть можетъ, по національной привычкѣ къ бродячей жизни. Вильфридъ ѣздилъ проповѣдывать христіанство язычникамъ фризамъ; по его примѣру, множество англійскихъ монаховъ стали ѣздить на континентъ для проповѣди евангелія язычникамъ; ихъ миссіонерская дѣятельность произвела важные результаты. Вильфридъ умеръ въ 709 году, 76-лѣтнимъ старикомъ.

Вліяніе христіанства на исторію англосаксонскихъ королевствъ.

Введеніе христіанства составляетъ новую эру въ исторіи развитія англосаксовъ. Миссіонеры и потомъ духовные сановники, пріѣзжавшіе въ Англію, были люди народовъ болѣе цивилизованныхъ, чѣмъ англосаксонскій; короли и вельможи стали ѣздить въ Римъ; вообще уважали сношенія съ Галліей, возникли сношенія съ Италіей; все это знакомило англосаксовъ съ культурной жизнью, пробуждало въ грубыхъ воинахъ влеченіе къ образованности. Въ епископскихъ городахъ строились каменныя церкви съ свинцовыми кровлями, по образцу римскихъ базиликъ; архитекторы и мастеровые, строившіе эти церкви, были большею частью иностранцы. Скоро старыя деревянныя, крытыя тростникомъ британскія и шотландскія церкви повсюду замѣнились каменными. Совѣщанія вельможъ и старшинъ на витенагемотахъ получили болѣе правильности, когда въ нихъ стали участвовать духовные сановники, образованные люди. Въ язычествѣ англосаксы писали рунами; это былъ способъ письма грубый, недостаточный; теперь руны замѣнились латинскимъ алфавитомъ, и грамотность распространилась. Архіепископъ Ѳеодоръ усердно знакомилъ англосаксовъ съ науками, и, благодаря тому, возникла въ Англіи христіанская литература, подготовилась возможность явиться токому замѣчательному писателю, какъ Беда, получившій названіе «Достопочтеннаго» (Venerabilis).

Гильдасъ 516—570.

Наилучшимъ представителемъ кельто-римскаго духовенства и его культуры былъ Гильдасъ Кормакъ, благочестивый и ученый Бангорскій монахъ, который провелъ свою жизнь въ отшельничествѣ и въ странствіяхъ по святымъ мѣстамъ. Беда, воспитанникъ нортумбрійскаго Вермотскаго (Wearmouth) монастыря, былъ не отшельникъ, а наставникъ англосаксонскаго народа. Сочиненія Гильдаса, особенно его «Дневникъ», разсказываютъ о погибающемъ народѣ, жизнь котораго отшельникъ изображаетъ сбивчивымъ, напыщеннымъ слогомъ въ мрачномъ видѣ, сурово приписывая его бѣдствія гнѣву Божію, справедливо карающему его.

Беда Достопочтенный 672—735.

Беда въ своей «Церковной исторіи англійскаго народа» и въ многочисленныхъ богословскихъ сочиненіяхъ и учебникахъ является представителемъ разсудительности и бодрости народа, искренно вѣрующаго, но живущаго весело. Комментаріи Беды на книги Ветхаго и Новаго завѣта много столѣтій читались и переписывались во всѣхъ монастыряхъ западнаго христіанства. Свое знаніе греческаго языка, медицины, астрономіи, онъ обращалъ на наученіе народа. Его сочиненіе «О шести періодахъ міра»

(De sex actatibus mundi) служитъ основаніемъ большей части средневѣковыхъ хроникъ; его «Мартирологій» былъ источникомъ и образцомъ для всѣхъ сборниковъ разсказовъ о мученикахъ и святыхъ; его пасхальныя таблицы были необходимымъ пособіемъ для церковной хронологіи. У Беды и у Вильфрида ужь проявляется та радостная мужественная увѣренность въ побѣдѣ, съ какой въ слѣдующемъ столѣтіи восторженные миссіонеры несли вѣсть спасенія фризамъ, алеманнамъ, гессенцамъ и другимъ нѣмецкимъ племенамъ, еще остававшимся въ тѣни смертной.

Этельбертъ, король кентскій, третій бретвальда, давшій доступъ христіанству въ Британнію, обнародовалъ древнѣйшій сборникъ англосаксонскихъ законовъ на родномъ языкѣ; этотъ сборникъ былъ составленъ безъ сомнѣнія по совѣщанію короля съ кентскимъ витенагемотомъ, а писцами при его составленіи были вѣроятно люди духовнаго сословія. Большинство законовъ этого сборника состоитъ въ опредѣленіи виръ и штрафовъ за преступленія противъ личности и собственности. Сборникъ Этельберта и позднѣйшіе сборники англосаксонскихъ законовъ (законы Глотара, Вигтреда, Ине) составляютъ важнѣйшій источникъ нашихъ свѣдѣній о сословіяхъ англосаксовъ, о правахъ главы семейства, правѣ мщенія, о судопроизводствѣ. (Сравн. монографію Шмида: Reinhold Schmid, Gesetze der Angelsachsen, 2-е изданіе, Leipz, 1858).

По смерти Этельберта значеніе Кента упало. Санъ бретвальды стали пріобрѣтать поочередно короли Нортумбріи, Мерсіи, Уэссекса, государствъ, основанныхъ въ позднія времена; тамъ была возможность заслуживать славу подвигами противъ британцевъ или сѣверныхъ кельтовъ и расширять границы. Англосаксонскія королевства воевали между собою за преобладаніе; въ каждомъ были и внутренніе раздоры; короли роняли свой нравственный авторитетъ злодѣйствами; наконецъ храбрый и благоразумный Эгбертъ, тринадцать лѣтъ проживщій изгнанникомъ при дворѣ Карла Великаго, научившійся тамъ искусству правленія и призванный своими приверженцами на Уэссекскій престолъ, покорилъ всѣ другія королевства гептархіи и принялъ титулъ короля англійскаго. Въ два столѣтія, предшествовавшія этому, исторія англосаксовъ представляетъ мрачную картину кровопролитныхъ войнъ, смѣлыхъ подвиговъ, злодѣйствъ и анархіи; монотонные разсказы хроникъ о сраженіяхъ лишь изрѣдка перерываются извѣстіями о мирныхъ правительственныхъ дѣлахъ. Могущество церкви непрерывно возростало. Основывались епископства, сооружались каѳедральные соборы, короли и вельможи строили монастыри и церкви, отрекались отъ земной суеты и шли въ монахи или ѣздили въ Римъ принять благословеніе папы. Непрерывныя войны между мелкими королевствами гептархіи не имѣютъ важнаго значенія во всеобщей исторіи, но дали обильный матеріалъ для народной поэзіи. Отважные подвиги англосаксонскихъ героевъ въ эти времена

и потомъ битвы ихъ съ датчанами были прославляемы эпическими пѣснями; храбрые короли и полководцы долго жили въ поэтическихъ воспоминаніяхъ народа. Изъ этихъ временъ непрерывной кровавой борьбы дошла до насъ поэма о Беовульфѣ, древнѣйшее изъ уцѣлѣвшихъ произведеній англосаксонской поэзіи; это эпопея, сложившаяся изъ пѣсенъ, возникшихъ у англосаксовъ еще въ Германіи; она еще сохраняетъ характеръ языческаго времени. Предметъ ея—странствованія и геройскіе подвиги Беовульфа, сильнаго и храбраго сына одного изъ германскихъ королей. Онъ сражается съ чудовищами болотистой пустыни и убиваетъ дракона, стерегущаго сокровище. Поэма о немъ представляетъ вѣрную, наглядную картину суровой сѣверной природы, воинственнаго быта сѣверогерманскихъ королей и вельможъ, ихъ битвъ и веселыхъ пировъ, на которыхъ пѣлись пѣсни подъ звуки арфы.

Изъ королей Нортумбріи знаменитѣйшимъ былъ Альдфридъ; онъ пріобрѣлъ славу не столько военными подвигами, сколько заботами о просвѣщеніи своихъ подданныхъ и покровительствомъ Бедѣ Достопочтенному и монаху Эгберту, пославшему первыхъ миссіонеровъ къ фризамъ и саксонцамъ; эти миссіонеры были Виллибрордъ и два Эвальда.—По смерти Альдфрида могущество Нортумбріи упало. Сынъ его Офредъ остался послѣ него ребенкомъ; въ малолѣтство короля государство было терзаемо междоусобіями; сдѣлавшись взрослымъ человѣкомъ, Офредъ возбуждалъ противъ себя мятежи своимъ распутствомъ. Наконецъ поднялось сильное возстаніе, въ которомъ онъ былъ убитъ однимъ изъ своихъ родственниковъ. Преемникъ его Кеольвульфъ, благочестивый и ученый государь, которому Беда посвятилъ свою „Исторію англосаксовъ“, утомился править государствомъ, волнуемымъ междоусобіями, и въ 737 году удалился на покой въ Линдисфарнскій монастырь, гдѣ прожилъ болѣе тридцати лѣтъ, забывъ суету мірскую. Племянникъ его Эадбертъ послѣ двадцатилѣтняго славнаго царствованія тоже пошелъ въ монастырь (въ 757 году). Сынъ Эадберта Освульфъ былъ въ слѣдующемъ году предательски убитъ однимъ изъ своихъ слугъ. Смертью этого короля или прекратилась династія Иды, или, если еще оставались потомки ея, то вельможи не хотѣли избрать королемъ кого нибудь изъ нихъ. Началась борьба за престолъ; она была свирѣпа,—сопровождалась всяческими злодѣйствами. Народъ привыкъ буйствовать, земледѣліе пришло въ упадокъ; Нортумбрія обѣднѣла, страдала отъ голода. Наконецъ захватилъ престолъ Этельредъ. Отецъ его, Этельвальдъ Молль, былъ воинъ незнатнаго происхожденія. Этельредъ терпѣлъ неудачи въ своемъ стремленіи стать королемъ, принужденъ былъ вести скитальческую жизнь, бѣжать изъ Нортумбріи, но одолѣлъ своихъ соперниковъ, свирѣпо истребилъ ихъ и упрочилъ свою власть путемъ злодѣйствъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ онъ былъ убитъ вельможами. Послѣ того междоусобія стали сильнѣе прежняго. Въ довершеніе бѣдствій, норманны сдѣлали высадку въ Нортумбрію, ограбили Линдисфарнскій монастырь, увели монаховъ въ рабство или побросали въ море. Съ того времени, они постоянно пріѣзжали грабить Нортумбрію. Положеніе государства стало улучшаться только когда король Нортумбрійскій Эанредъ подчинился власти короля уэссекскаго Эгберта. Это было въ началѣ IX вѣка. Передъ Эанредомъ смѣнились въ Нортумбріи въ продолженіе ста лѣтъ 14 королей; и почти ни одинъ изъ нихъ не умеръ спокойно, сохраняя королевскій санъ, говоритъ Лингардъ:

1. Нортумбрія. Альфридъ 685—705.

716. Кеольвульфъ.

Эадбертъ.

Этельредъ 790—796.

796.

Эанредъ 809—842.

семь были убиты, шесть лишены престола мятежными вельможами. При
такихъ смутахъ въ Нортумбріи не было мѣста людямъ, желавшимъ зани-
маться учеными трудами. Потому Алкуинъ, уроженецъ Йорка, покинулъ
родину и нашелъ при дворѣ Карла Великаго болѣе спокойный кругъ
дѣятельности.

2. Мерсія. Въ Мерсіи при Пендѣ Сильномъ, жестокомъ врагѣ христіанства, побѣ-
дившемъ пять королей, сформировалось много храбрыхъ воиновъ; онъ
создалъ изъ потомковъ морскихъ разбойниковъ сухопутное войско, страш-
Вульфере. ное и британцамъ, и своимъ соплеменникамъ. Сынъ его Вульфере, усерд-
ный христіанинъ, увеличилъ могущество Мерсіи. По смерти Вульфере,
королемъ сталъ его братъ Эмельбертъ. Буйные вельможи сѣверныхъ об-
ластей королевства убили жену Эмельберта, Остриду; это такъ опечалило
Коэнредъ. его, что онъ отдалъ престолъ своему племяннику Коэнреду и пошелъ въ
монахи; онъ умеръ въ 716 году, аббатомъ Барденейскаго монастыря. Ко-
энредъ правилъ государствомъ нѣсколько лѣтъ, большая часть которыхъ
прошла въ войнѣ съ британцами; потомъ передалъ правленіе Коэльреду и
вмѣстѣ съ Оффою, королемъ Эссекскимъ, прекраснымъ юношею, добрымъ
и талантливымъ, поѣхалъ въ Римъ; тамъ оба они произнесли передъ па-
пою Константиномъ обѣтъ монашества и провели всю остальную жизнь
въ молитвѣ за своихъ покинутыхъ женъ, за своихъ родныхъ и свои на-
Коэльредъ. роды. Коэльредъ, вступившій на престолъ молодымъ человѣкомъ, не имѣлъ
ни добродѣтели, ни храбрости своихъ предшественниковъ. Въ его войнѣ
съ Ине, королемъ Уэссекскимъ, сраженіе при Воднесбеоргѣ осталось не-
рѣшительнымъ. Во внутреннемъ управленіи онъ былъ врагомъ христіан-
ства. Онъ велъ развратную, пьяную жизнь; однажды на пирѣ съ нимъ
716. сдѣлался припадокъ бѣшенства, и онъ умеръ; легенда говоритъ, что онъ
Этельбальдъ. былъ унесенъ діаволомъ. Его преемникъ Этельбальдъ былъ человѣкъ энер-
716—757. гичный, заботившійся о благѣ народа и церкви, но тоже развратникъ,
отнимавшій женъ у мужей и насиловавшій монахинь; его примѣръ пор-
тилъ, къ большому огорченію святого Бонифація, нравы народа. Онъ былъ
могущественнѣйшій король своего времени; Останглія, Эссексъ и Кентъ
752. повиновались ему. Но въ битвѣ при Борфордѣ (въ Оксфоршпрѣ) онъ былъ
побѣжденъ королемъ Уэссекскимъ: когда Храбрый Этелунъ, которому бы-
ло ввѣрено въ этомъ сраженіи знамя Уэссекса, приблизился къ нему,
охваченный внезапнымъ ужасомъ, онъ побѣжалъ; видя это, обратилось въ
бѣгство и войско его. Черезъ пять лѣтъ послѣ того онъ былъ убитъ сво-
Оффа. ими тѣлохранителями. Въ государствѣ поднялось междоусобіе. Наконецъ
758—796. королемъ сталъ Оффа, энергическій человѣкъ, прославляемый преданіемъ.
Онъ отнялъ у британскаго короля Повиса его столицу Пенивернъ (Шруз-
бери) и упрочилъ свое завоеваніе, поселивъ англосаксовъ на равнинѣ пе-
редъ горами Уэльса и укрѣпивъ границу рвомъ, который сталъ называть-
ся по его имени „Рвомъ Оффы“, Offa's Dyke; слѣды этого рва видны до
сихъ поръ. Оффа былъ могущественнѣйшимъ изъ англосаксонскихъ коро-
лей. Временами онъ дружился, временами ссорился съ Карломъ Великимъ.
Англійскіе епископы были подчинены архіепископамъ Кентерберійскому и
Йоркскому; онъ хотѣлъ, чтобы духовенство его государства было незави-
симо отъ чужихъ сановниковъ и учредилъ архіепископство Личфильдское;
но это нововведеніе не удержалось послѣ него. Онъ былъ храбрый воинъ,
страшный врагамъ, и коварный человѣкъ, совершившій много злодѣйствъ,
изъ которыхъ особенно сильную ненависть противъ него возбудило убій-
ство короля останглійскаго, пріѣхавшаго къ нему въ гости. Но, какъ за-
конодатель, онъ заслужилъ хорошую славу. Онъ умеръ на 38 году царст-
вованія, мучимый упреками совѣсти. Есть извѣстіе, что онъ ѣздилъ въ
Римъ принести покаяніе въ своихъ грѣхахъ; но это преданіе недостовѣр-

но. Легенда говоритъ, что погибель его рода была наказаніемъ божіимъ
за его злодѣйства. Жена его Кинедрита была утоплена разбойниками въ
колодезѣ его дворца; сынъ его пережилъ отца лишь нѣсколькими мѣсяца-
ми; одна изъ его дочерей умерла монахинею, другая ходила по улицамъ
Павіи, прося милостыни и умерла тамъ въ нищенствѣ, третья овдовѣла
въ годъ смерти отца и брата. Послѣднимъ временемъ славы и могущества
Мерсіи было правленіе Кеонвульфа, внука Пенды. Онъ присоединилъ къ
своему государству Кентъ, пріобрѣлъ себѣ расположеніе духовенства и
любовь народа. Онъ былъ убитъ на войнѣ съ Останглією; наслѣдникъ его,
семилѣтній ребенокъ, былъ по приказанію сестры убитъ въ лѣсу, и тогда
начались междоусобія, облегчившія Эгберту покореніе Мерсіи.

Межъ тѣмъ какъ Нортумбрія и Мерсія были ослабляемы междоусобія-
ми, возростало могущество Уэссекса, пользовавшагося при наслѣдникахъ 3. Уэссексъ.
Кеавлина внутреннимъ спокойствіемъ. Земли по Северну и Корнуэль, остав-
шіяся во владѣніи британцевъ, привлекли къ себѣ алчность уэссекскихъ
воиновъ; кельтскіе жители были все дальше и дальше оттѣсняемы въ
горы длинными копьями и блестящими боевыми сѣкирами саксонцевъ. Кен-
вальгъ, король уэссекскій, прогнанный Пендой, и бѣжавшій въ Остангл- Кенвальгъ.
лію, принялъ тамъ христіанство. Возвратясь по призыву подданныхъ на 642.
престолъ, онъ царствовалъ со славой болѣе тридцати лѣтъ. Онъ нанесъ 648.
при Брэдфордѣ на рѣкѣ Авонѣ британцамъ пораженіе, въ которомъ „сила 652.
ихъ растаяла какъ снѣгъ подъ лучами солнца“, и расширилъ границы сво-
его государства на западъ. Въ благодарность Богу за это онъ основалъ въ
старинномъ римскомъ городѣ Винчестерѣ епископство, построилъ тамъ
монастырь и великолѣпный соборъ. Съ британскимъ духовенствомъ онъ
обращался милостиво, и монахи Гластонберійскаго монастыря, молившіеся при
гробѣ Артура, стали молиться Богу за германскаго завоевателя. Онъ умеръ
внезапно; дѣтей у него не было; его вдова Сеакебурга стала править госу-
дарствомъ съ такимъ же умомъ и энергіею, какъ онъ; но въ слѣдующемъ 672.
году умерла, изнуренная правительственными трудами. Кентвинъ, ставшій Кентвинъ.
королемъ по ея смерти, упрочилъ свою власть побѣдами надъ королемъ
Мерсіи, надъ своими мятежными вельможами и надъ британцами, многіе
изъ которыхъ бѣжали въ Арёморику. Въ старости онъ по болѣзни отка-
зался отъ престола и преемникомъ его сталъ Кеадвалла, много лѣтъ вое- 685.
вавшій съ нимъ. Новый король запятналъ свое имя свирѣпостью, съ ка- Кеадвалла.
кою истребилъ языческое населеніе острова Уайта. Болѣе 1,200 семействъ 686.
было умерщвлено; два старшины были привезены въ Гамитонширъ, кре-
щены и казнены. Братъ Кеадваллы Муль, красавецъ собою, герой испо-
линской силы, пошелъ завоевать Кентъ, свирѣпо опустошилъ эту землю и
былъ съ двѣнадцатью товарищами сожженъ въ хижинѣ. Кеадвалла от-
мстилъ за него безпощаднымъ истребленіемъ кентскаго населенія. Черезъ
два года онъ, еще молодой человѣкъ, отдалъ престолъ своему двоюрод-
ному брату Ине и отправился въ Римъ креститься. Вильфридъ Йоркскій 688.
ужь давно обратилъ его въ христіанство, но онъ отлагалъ крещеніе. Па-
па Сергій крестилъ его. Онъ умеръ въ Римѣ и былъ погребенъ въ цер- Ине.
кви святаго Петра. Ине, царствовавшій 37 лѣтъ, знаменитъ какъ отваж- 688—725.
ный воинъ и мудрый правитель. Онъ принудилъ кентское королевство за-
платить большое вознагражденіе за убійство Муля, оттѣснилъ британцевъ
дальше на западъ, велъ войны съ сосѣдними англосаксонскими королями,
желая подчинить ихъ себѣ и прославиться побѣдами. У Воднесбеорга
(Уанборо, въ Уильтширѣ) онъ далъ кровопролитную битву королю Мерсіи.
При немъ былъ составленъ сборникъ англосаксонскихъ законовъ, утверж-
денный витенагемотомъ; этотъ кодексъ, установлявшій формы судопроиз-
водства и величину денежныхъ вознагражденій (виръ), уплачиваемыхъ

преступниками пострадавшимъ, обуздалъ буйство вельможъ, поставилъ покоренныхъ британцевъ подъ покровительство закона, далъ безопасность собственности и торговлѣ. Витенагемотъ установилъ полноправность браковъ между людьми англосаксонскаго и британскаго племени. Однимъ изъ вліятельныхъ друзей и совѣтниковъ Ине былъ епископъ Альдгельмъ, знаменитый ученый, поэтъ и юристъ, благородный человѣкъ, подобно Бедѣ Достопочтенному оказавшій большія услуги своимъ современникамъ. Угостивъ своихъ вельможъ великолѣпнымъ пиромъ, Ине отказался отъ престола и отправился вмѣстѣ съ своею женою Этельбургою въ Римъ, и проживъ тамъ нѣсколько лѣтъ въ смиренномъ подвижничествѣ, умеръ. Слѣдующіе короли, Этельгеардъ, и Кутредъ, вели войны съ сѣвернымъ своимъ сосѣдомъ, королемъ мерсійскимъ Этельбальдомъ, временами удачно, временами неудачно; наконецъ побѣда Кутреда при Борфордѣ въ 752 году навсегда сокрушила могущество Мерсіи. Вессексъ послѣ этого сталъ возвышаться. Сигебрихтъ, своимъ тиранствомъ возстановивъ противъ себя и вельможъ, и простолюдиновъ, былъ прогнанъ, бѣжалъ въ Андредскій лѣсъ и былъ тамъ убитъ копьемъ пастуха. Его преемникъ Киневульфъ тоже навлекъ на себя ненависть подданныхъ и былъ въ 784 году убитъ въ Мертонѣ возставшими вельможами. Много бѣдъ государству сдѣлала королева Эадбурга, дочь Кинедриты, королевы мерсійской, злая и развратная, подобно своей матери. Она отравила своего мужа, Беортрика, и многихъ вельможъ и умерла въ Павіи, въ нищетѣ и позорѣ. Узнавъ о смерти Беортрика, его соперникъ Эгбертъ, жившій въ изгнаніи при дворѣ Карла Великаго, возвратился на родину и при содѣйствіи своихъ приверженцевъ сдѣлался королемъ Уэссекскимъ.

Этельгеардъ. 725—740. Кутредъ. 740—754. Сигебрихтъ. Киневульфъ. 800.

---

3. Вѣкъ Юстиніана.

А. Общая характеристика.

Состояніе вандальскаго государства передъ его паденіемъ

Межъ тѣмъ, какъ Западъ оправлялся отъ бурь переселенія народовъ и, изъ сліянія завоевателей съ туземцами, тамъ вырабатывались формы новой, здоровой жизни, Византійская имперія оставалась въ томъ состояніи нравственнаго разслабленія, которое началось для нея съ самаго же ея основанія. Въ ней не было почвы для развитія энергической жизни; гражданскія доблести угасли подъ гнетомъ восточнаго деспотизма и не могли возродиться, постоянно подавляемыя катастрофами, какія производились непрочностью престолонаслѣдія. Всѣ тѣ печальные и гнусные нравственные недуги, которые дѣлали исторію Рима во время имперіи грустнымъ разсказомъ, встрѣчаются нами въ новой столицѣ получившими еще болѣе широкое развитіе отъ примѣси новыхъ омерзительныхъ пороковъ. Дворъ, блиставшій восточной роскошью, погрязалъ въ сладострастіи; догматическіе споры дѣлили его на партіи; безхарактерные или порочные императоры были возводимы но престолъ и низвергаемы интригами и злодѣйствами коварныхъ фаворитовъ, злобныхъ эвнуховъ и безнравственныхъ женщинъ; всѣмъ этимъ политическимъ раздорамъ и беззаконіямъ придавалась теперь теологическая окраска; наглые тѣлохранители играли престоломъ съ такою же дерзостью, какъ прежде въ Римѣ преторіанцы. Легкомысленная масса населенія столицы жила раздачею хлѣба отъ императоровъ, наслаждалась грубыми зрѣлищами игръ въ гипподромѣ, буйствовала; провинціи изнемогали подъ бременемъ налоговъ, подъ гнетомъ произвола областныхъ правителей; земледѣліе падало; торговля и промышленность погибали, подавляемыя пошлинами и монополіями; города бѣднѣли и утрачивали свои прежнія права; такова печальная картина, представляемая намъ Византійскою имперіей въ VI и VII столѣтіяхъ. Области обширнаго государства имѣли густое населеніе, издавна были странами цивилизованными, богатыми, роскошными; ихъ жители сохранили или усвоили себѣ языкъ и обычаи грековъ, называли себя образованнѣйшею частью человѣческаго рода, и однакоже государство неудержимо клонилось къ паденію. Деспотизмъ истребилъ въ населеніи всѣ слѣды свободы и нравственной силы; изнѣженность нравовъ отняла у людей мужество и они отвыкли владѣть оружіемъ. Споры религіозныхъ партій были произвольно рѣшаемы дворомъ; его рѣшенія часто перемѣнялись и, при каждой перемѣнѣ, восторжествовавшая партія стремилась подавить своихъ противниковъ насильственными мѣрами. Люди, державшіеся неодинаковыхъ мнѣній относительно догматовъ, ожесточенно враждовали между собою; съ такимъ же ожесточеніемъ боролись между собою политическія партіи Синихъ и Зеленыхъ, получившія свои названія по цвѣтамъ одежды правителей колесницъ на скачкахъ въ циркѣ. Горячая фантазія южныхъ племенъ придавала практическое значеніе теологическимъ спорамъ, многочисленное духовенство и толпы монаховъ, наполнявшихъ и города и глухія сельскія мѣстности, возбуждали народъ къ волненіямъ.

При императорѣ Львѣ I три молодые человѣка, сыновья поселянина, пришли изъ опустошенной Дарданіи (нынѣшней Болгаріи) въ столицу поступить на военную службу. Они шли пѣшкомъ, все имущество ихъ составляли сумы съ пищей, которую несли они на плечахъ. Они были высокаго роста, крѣпкаго сложенія, потому были приняты въ отрядъ императорскихъ телохранителей. Одного изъ нихъ звали Юстиномъ. Онъ былъ человѣкъ совершенно безъ всякаго образованія, не умѣлъ даже ни писать, ни читать, но былъ человѣкъ изворотливаго ума, способный ловко принимать участіе въ придворныхъ интригахъ. При Зенонѣ, преемникѣ Льва, современникѣ Одоакра, и при слѣдующемъ императорѣ Анастасіѣ, построившемъ стѣну отъ Пропонтиды до Чернаго моря для защиты Константинополя и его богатыхъ окрестностей отъ набѣговъ варваровъ, Юстинъ высоко поднялся по службѣ. Исавряне по смерти своего со-

Юстинъ 518—527.

племенника Зенона возобновили разбойническіе набѣги; они ходили грабить берега Пропонтиды и Чернаго моря; дѣлая высадки, доходили до стѣнъ Тарса, Антіохіи, Дамаска; Юстинъ удачно дѣйствовалъ противъ нихъ; выказалъ храбрость и въ войнахъ съ Персами, нападавшими при Анастасіѣ на имперію съ Востока, съ болгарами, нападавшими на нее съ сѣвера, отличался вѣрностью императору, ненавидимому приверженцами православія, усердно подавлялъ ихъ мятежи; Анастасій награждалъ его важными должностями и богатыми подарками, сдѣлалъ его сенаторомъ и начальникомъ тѣлохранителей. Государь бережливый и умѣвшій хорошо управлять финансами, Анастасій собралъ большіе запасы денегъ въ казнѣ и облегчилъ бремя податей. По его смерти надѣялся занять престолъ старшій изъ трехъ его племянниковъ, Ипатій. Но могущественный царедворецъ, эвнухъ Амантій, нашелъ другого преемника императору и далъ Юстину огромную сумму денегъ, чтобы подкупить ими тѣлохранителей въ пользу этого кандидата. Юстинъ отдалъ деньги тѣлохранителямъ, но покупая престолъ не кандидату Амантія, а самому себѣ. Благодаря этому коварству, сынъ дакійскаго поселянина, въ то время уже старикъ, имѣвшій болѣе 60 лѣтъ, получилъ престолъ; тѣлохранители провозгласили его императоромъ; остальное войско, народъ и духовенство радостно признали его власть, потому что онъ славился какъ храбрый воинъ и былъ приверженцемъ православія. Несчастный претендентъ, выставленный Амантіемъ, кончилъ жизнь въ темницѣ, Амантій и его соумышленники были казнены. Главнокомандующій варваровъ, находившихся на службѣ имперіи, храбрый готскій князь, Виталіанъ, бывшій владыкою Константинополя и всего государства, былъ успокоенъ притворными выраженіями дружбы Юстина; разсѣявъ его опасенія, императоръ пригласилъ его на обѣдъ къ себѣ и велѣлъ убить. Будучи главнокомандующимъ варваровъ, находившихся въ византійской службѣ, Виталіанъ былъ и главнымъ начальникомъ всѣхъ войскъ восточной части государства; Юстинъ передалъ эту должность своему племяннику Юстиніану, котораго вызвалъ изъ родного села въ Константинополь. Постоянно занятый придворными дѣлами и походами, Юстинъ не имѣлъ досуга пріобрѣсти образованіе, котораго не получилъ въ молодости. Сдѣлавшись императоромъ, онъ скрѣплялъ государственные акты своею подписью при помощи особой машинки: ему приготовили деревянную дощечку съ прорѣзанными насквозь буквами его имени; онъ проводилъ перомъ на бумагѣ сквозь эти прорѣзки; такъ дѣлалъ и его современникъ Теодерихъ, завоеватель Италіи. При недостаткѣ свѣдѣній онъ руководился совѣтами своего квестора (государственнаго секретаря) Прокла и пользовался помощью своего племянника, человѣка хитраго, умѣвшаго пріобрѣсти любовь сената и народа; общественное мнѣніе заставило бездѣтнаго старика сдѣлать племянника соправителемъ. Юстиніанъ выказывалъ себя усерднымъ приверженцемъ православія, умѣлъ, удаляясь отъ евтихіанской ереси, не впадать въ несторіанскую; пріобрѣлъ этимъ расположеніе православнаго духовенства, а великолѣпными играми возбудилъ восторженную преданность къ себѣ въ населеніи столицы. Въ концѣ жизни Юстинъ уже вовсе не могъ заниматься дѣлами, страдая отъ неизлѣчимой раны; государствомъ правилъ Юстиніанъ, и не могло быть сомнѣнія въ томъ, что онъ наслѣдуетъ престолъ. На него уже смотрѣли, какъ на государя. Когда дядя умеръ, Юстиніану былъ 45-й годъ.

Юстиніанъ въ 527—565. Характеръ его правленія.

Правленіе Юстиніана, продолжавшееся 38 лѣтъ, было самымъ блестящимъ періодомъ византійской исторіи со времени Константина. Счастьемъ, но вмѣстѣ и несчастьемъ для славы Юстиніана было то, что царствованіе его имѣло своимъ историкомъ Прокопія. Разсказывая войны съ персами, съ вандалами, съ готами, описывая сооруженія, сдѣланныя Юстиніаномъ, Прокопій превозноситъ его, а въ своей тайной исторіи двора (Anekdota) онъ написалъ ядовитую сатиру. Но всѣ его сочиненія отличаются литературнымъ талантомъ и основательнымъ знаніемъ дѣла. Взятыя всѣ вмѣстѣ, они даютъ полную картину событій времени Юстиніана, хорошо знакомятъ насъ и съ великими военными успѣхами той эпохи и съ безграничнымъ деспотизмомъ, развратомъ двора, угнетеніемъ населенія. Юстиніанъ думалъ исключительно объ удовлетвореніи своей гордости, своего честолюбія; онъ хотѣлъ безусловно владычествовать и надъ администраціей и надъ церковью, хотѣлъ чтобы воля его была единственнымъ закономъ. Ему была непріятна даже та тѣнь ограниченія монархической власти, какую видѣлъ онъ въ существованіи консульскаго сана, хотя этотъ санъ давно сталъ лишь почетнымъ титуломъ; Юстиніану казалось, что онъ напоминаетъ о республикѣ и, чтобы уничтожить послѣдній слѣдъ памяти о ней, онъ отмѣнилъ консульство. 540. Его любовь къ пышности, расточительность двора, его войны, сооруженія, многосложная администрація требовали несмѣтныхъ суммъ; а государственные доходы расхищались крупными и мелкими администраторами; потому Юстиніанъ принужденъ былъ установить множество обременительныхъ налоговъ, дѣлать самыя несправедливыя конфискаціи, самыя неосновательныя денежныя взысканія разнаго рода; о страданіяхъ народа у него не было заботы. Налоги постоянно повышались, ими было обложено все, даже вода и воздухъ. Имперія изнемогала подъ ихъ тяжестью. Многіе землевладѣльцы отказывались отъ своихъ имѣній, потому что доходъ ихъ былъ недостаточенъ для уплаты налоговъ. Недоимки города или округа были взыскиваемы съ людей зажиточныхъ; это раззоряло ихъ, и все населеніе впало въ бѣдность. Подчиняя все своимъ мыслямъ, Юстиніанъ долженъ былъ уничтожить послѣдніе остатки несогласной съ

ними старины; потому онъ закрылъ аѳинскую Академію, и послѣдніе приверженцы язычества, преподаватели этой Академіи удалились изъ имперіи (стр. 397, 609). Желая совершеннаго однообразія религіозныхъ мнѣній, онъ сурово преслѣдовалъ аріанъ, монофизитовъ (стр. 622) и вообще всѣхъ еретиковъ. Чтобы пріобрѣсти расположеніе православныхъ на Западѣ, онъ возстановилъ хорошія отношенія къ римскому епископу, оказывалъ ему величайшее уваженіе; но верховную власть надъ церковью онъ не предоставлялъ ни папѣ, ни константинопольскому патріарху, ни соборамъ, а удерживалъ ее за собою; соборы, константинопольскій патріархъ и папа должны были быть только орудіями воли его; все въ дѣлахъ церкви рѣшалъ онъ самъ по своему личному желанію, онъ установлялъ и догматы и порядокъ богослуженія; но само собою разумѣется, что больше, чѣмъ религіознымъ убѣжденіемъ, онъ руководился политическимъ расчетомъ и самъ былъ орудіемъ придворныхъ интригъ, дѣйствовалъ подъ вліяніемъ людей презрѣнныхъ и коварныхъ. Въ интересахъ своего самовластія, онъ стремился подавить партіи гипподрома и успѣлъ въ
19 января 532 этомъ послѣ усмиренія страшнаго мятежа ихъ Велизаріемъ въ знаменитомъ междоусобіи, называющемся «Ника». Онъ далъ имперіи кодексъ, получившій имя Юстиніанова, и объявилъ имѣющимъ силу закона сводъ объясненій къ этому кодексу, называемый «Пандектами» или «Дигестами». Этимъ онъ уничтожилъ всѣ мѣстныя различія законовъ и юридическихъ формъ и надѣялся возстановить чистоту нравовъ. Руководясь исключительно интересами своего властолюбія онъ хотѣлъ дать имперіи прежній блескъ и объемъ, отнять у аріанъ-германцевъ потерянныя провинціи и дѣйствительно успѣлъ отнять у вандаловъ Африку, у остготовъ Италію; онъ возвелъ крѣпости и стѣны по Дунаю и на другихъ опасныхъ частяхъ границъ государства, чтобы оградить его отъ вторженій варваровъ. Но страхъ, внушаемый варварамъ римлянами, исчезъ съ той поры, какъ имперія стала надѣяться не столько на силу легіоновъ, сколько на прочность пограничныхъ укрѣпленій. Варвары вторгались почти ежегодно, проходили мимо этихъ безполезныхъ укрѣпленій, презрительно уходили съ добычею мимо ихъ домой; укрѣпленныя линіи не давали защиты пограничнымъ областямъ; жители ихъ принуждены были сами укрѣплять свои поселенія. Юстиніанъ желалъ оживить торговлю и промышленность, покровительствовалъ имъ, строилъ дороги и мосты, заботился о развитіи шелководства, перенесеннаго при немъ изъ Китая въ Европу *). Но несмотря на всѣ заботы и побѣды

*) До Юстиніана шелкъ привозили въ имперію персидскіе купцы отчасти сухимъ путемъ, отчасти моремъ; два персидскіе монаха тайкомъ унесли изъ Китая яички шелковаго червя, спрятавъ ихъ въ свои тростниковые посохи. Они успѣли принести ихъ въ Константинополь. Это было въ 552 году. Таково было начало шелководства въ западной Азіи и въ Европѣ.

Юстиніана, его царствованіе было однимъ изъ самыхъ гибельныхъ періодовъ исторіи человѣчества; онъ подавилъ послѣдніе остатки свободы и человѣческихъ правъ; благосостояніе государства совершенно рушилось, жизнь стала безотрадна. Непрерывныя войны изнурили имперію. Она постоянно подвергалась набѣгамъ варваровъ; всѣ области ея были много разъ ограблены ими; обширныя пространства въ ней совершенно опустѣли. Обременительность налоговъ была невыносима. Бѣдствія народа увеличивались кровопійствомъ алчныхъ администраторовъ; и сама природа какъ будто хотѣла ускорить погибель древняго міра эпидеміями и землетрясеніями. Особенно пострадали отъ землетрясеній Антіохія, бывшая до той поры великолѣпнымъ городомъ, славившаяся своими веселостями, и Беритъ, бывшій однимъ изъ центровъ юриспруденціи. Юстиніанъ повсюду строилъ церкви и другія великолѣпныя зданія. Первое мѣсто между его сооруженіями занимала новая каѳедральная церковь св. Софіи въ Константинополѣ, построенная знаменитымъ архитекторомъ Анѳиміемъ; она была сооружена изъ десяти сортовъ мрамора и другихъ превосходныхъ породъ камня; куполъ ея былъ дивнымъ созданіемъ искусства; многочисленныя постройки давали блескъ царствованію Юстиніана. Увѣковѣчилъ онъ свою память и громаднымъ сводомъ законовъ. Но его правленіе было деспотизмомъ, подавившимъ всякую жизнь въ государствѣ и, при всѣхъ его попеченіяхъ о возстановленіи законности и нравственности, гибельный примѣръ, подаваемый сверху, распространялъ по всѣмъ сословіямъ беззаконіе и развратъ; тираннія была доведена Юстиніаномъ до такого размѣра, что міръ еще не видывалъ подобнаго порабощенія. Надъ государствомъ владычествовали бюрократія, духовенство и войско. Они были безотвѣтными органами, исполнявшими повелѣнія императора. Народъ имѣлъ въ государствѣ лишь одно назначеніе: платить подати. Не было ни интересовъ, ни симпатій, которыми разные классы населенія соединялись бы въ одно цѣлое между собою и съ императоромъ. Единственную связь между сословіями и между областями образовала одинаковость давившаго ихъ угнетенія. Свободные и несвободные люди находились въ одинаковомъ рабствѣ, одинаково обнищали. Даже кодексъ Юстиніана, предназначенный охранять слабыхъ отъ обидъ, былъ бѣдствіемъ для человѣчества, потому что многосложность его постановленій дѣлала его орудіемъ обмана и притѣсненія; масса народа не понимала его, спеціалисты толковали его по произволу, а ходъ судопроизводства, установленный имъ, былъ запутанъ и разорителенъ.

Прокопій. Прокопій родился въ палестинскомъ городѣ Кесаріи, учился въ знаменитыхъ школахъ этого города, Берита и Антіохіи. По своей національности онъ былъ грекъ. Онъ былъ юридическимъ совѣтникомъ и секретаремъ Велизарія, сопровождалъ этого полководца въ походахъ. Онъ былъ хорошій юристъ и знатокъ древней греческой литературы. Онъ написалъ исторію войнъ Велизарія съ персами, вандалами и готами. Это произведеніе, состоящее изъ 8 книгъ, напоминаетъ своими литературными достоинствами творенія старыхъ греческихъ историковъ и въ особенности Геродота, котораго Прокопій взялъ образцомъ для себя. По формѣ изложенія онъ хорошій подражатель Геродота и точно такъ же вставляетъ въ свой разсказъ длинные эпизоды о предметахъ, посторонних основной темѣ; есть у него сходство съ Геродотомъ и въ образѣ мыслей, онъ раздѣляетъ даже понятія Геродота о владычествѣ рока надъ ходомъ человѣческихъ дѣлъ. Матеріалами для его труда служили ему личныя его свѣдѣнія, разговоры съ другими очевидцами и документы. Онъ писалъ собственно для того, чтобы дать своимъ современникамъ занимательное чтеніе, но при этомъ имѣлъ благородное честолюбіе написать такой трудъ, который заслужилъ бы уваженіе потомства; поэтому онъ говоритъ откровенно и прямодушно, чуждается всякой льстивости, свободенъ отъ раболѣпства. Онъ заботится объ энергіи и изяществѣ слога; въ его эпизодическихъ размышленіяхъ и въ рѣчахъ, которыя часто влагаетъ онъ въ уста историческимъ дѣятелямъ, у него очень много политической опытности. Первыя семь книгъ своего труда написалъ онъ между 527 годомъ, когда отправился съ Велизаріемъ на персидскую войну, и 547 годомъ, когда возвратился вмѣстѣ съ Велизаріемъ въ Византію; вѣроятно, онъ обнародовалъ эти книги въ 550 году. Чрезъ нѣсколько лѣтъ онъ прибавилъ къ нимъ 8 книгу (по нынѣшнему заглавію четвертую книгу готской исторіи), въ которой разсказываетъ событія 550—552 годовъ и въ особенности конецъ готской войны (Продолженіемъ его „Исторіи" служитъ „Исторія" Агаѳія, раздѣленная на пять книгъ и доводящая разсказъ о событіяхъ до 559 г.) Прокопій посвятилъ свою „Исторію" Юстиніану, но, кажется, самолюбіе императора было обижено похвалами его Велизарію; и быть можетъ для смягченія досады Юстиніана, Прокопій написалъ трактатъ о его сооруженіяхъ. Это—полное описаніе ихъ, составляющее пять книгъ. Постройка зданій была блестящею стороною дѣятельности Юстиніана; въ нихъ онъ выказывалъ свое благочестіе и величіе своего ума; потому описаніемъ ихъ можно было заслужить его благосклонность. Прокопій описываетъ церкви, монастыри, дворцы, бани для народа, больницы, богадѣльни, бассейны, другія сооруженія и памятники, которыми Юстиніанъ украсилъ Константинополь и другіе города; потомъ разсказываетъ объ основаніи или возстановленіи городовъ или крѣпостей, въ особенности о возстановленіи Антіохіи и Карѳагена; далѣе говорить о водопроводахъ и мостахъ, наконецъ о стѣнахъ и другихъ укрѣпленіяхъ, возведенныхъ Юстиніаномъ для обороны границъ государства. Этотъ трудъ Прокопія очень важенъ для насъ по своему содержанію, но наполненъ такими преувеличенными похвалами Юстиніану, что представляетъ собою рѣзкій контрастъ другимъ его произведеніямъ, прямодушнымъ и благороднымъ. Не похожъ онъ на нихъ и по своимъ отношеніямъ къ религіи. Въ „Исторіи войнъ", Прокопій такъ далекъ отъ желанія выказать себя усерднымъ христіаниномъ, что по нѣкоторымъ мѣстамъ разсказа можно было бы считать его язычникомъ, по другимъ можно принимать его за іудея, получившаго греческое образованіе, и были ученые, думавшіе, что онъ былъ язычникъ или іудей. Но въ трактатѣ о сооруженіяхъ Юстиніана онъ говоритъ о благочестіи императора въ такихъ выраженіяхъ, которыхъ не могъ бы употреблять, если бы не былъ христіаниномъ. Кажется однакоже, что надежда Прокопія пріобрѣсти милость императора не исполнилась. Правда, есть у другихъ историковъ упоминаніе, что въ 562 г. префектомъ города Константинополя былъ сенаторъ Прокопій; но, кажется, что этотъ Прокопій былъ не историкъ, къ имени котораго обыкновенно прибавляется названіе „реторъ" или „софистъ" (т. е. „ораторъ" или „ученый"). По всей вѣроятности городской префектъ и сенаторъ Прокопій былъ совершенно другое лицо. Быть можетъ, по досадѣ на то, что не получилъ милостей отъ Юстиніана, Прокопій написалъ произведеніе, которымъ уничтожаетъ впечатлѣніе прежнихъ своихъ похвалъ императору, выставляетъ Юстиніана и его жену Ѳеодору гнусными людьми. Этотъ его трудъ имѣетъ своимъ заглавіемъ «Anekdota». Онъ въ немъ раскрываетъ тайныя причины событій, разсказанныхъ имъ въ его исторіи войнъ, гдѣ онъ принужденъ былъ молчать о мотивахъ фактовъ, чтобы не подвергнуться тяжелому наказанію. Если «Anekdota» дѣйствительно написаны Прокопіемъ, то остались не получившими окончательной обработки и написаны, вѣроятно, по смерти Юстиніана. Свѣдѣнія, которыя сообщаетъ авторъ этого труда, основаны вѣроятно, на истинѣ, но она въ нихъ пересказана очень злобно, такъ что все представлено въ самомъ черномъ видѣ. Поступки, которые можно объяснить и дурными, и хорошими мотивами, постоянно объясняются самыми дурными побужденіями; ошибки выставляются злодѣйствами, случайности — преднамѣренными дѣлами; несправедливости, сдѣланныя Юстиніаномъ въ минутныхъ порывахъ страсти, представляются результатами принципа, котораго неизмѣнно держался онъ во все свое царствованіе; на императора слагается вина за всѣ ошибки его полководцевъ и администраторовъ, за всѣ дурные факты, бывшіе слѣдствіемъ пороковъ и беззаконій того времени, даже физическія бѣдствія: эпидеміи, землетрясенія, наводненія служатъ поводами къ обвиненіямъ противъ Юстиніана, какъ будто онъ былъ дьяволъ, принявшій на себя видъ человѣка на пагубу людямъ.

В. Внутреннія дѣла.

а) Императрица Ѳеодора и партіи гипподрома.

Ѳеодора. 1. Ея прежняя жизнь. Незадолго передъ своимъ восшествіемъ на престолъ, Юстиніанъ женился на Ѳеодорѣ, дочери укротителя медвѣдей, Акакія, уроженца Кипра. Отецъ умеръ, когда она была еще ребенкомъ; мать, женщина дурной жизни, оставляла безъ вниманія дочь; Ѳеодора вмѣстѣ со своей старшей сестрою поступила на сцену; актрисы того времени держали себя очень легкомысленно; исполнительница соблазнительныхъ ролей въ пантомимахъ, красивая дѣвушка съ огненными глазами была окружена льстецами и обольстителями и не устояла противъ нихъ; она, и по своему темпераменту расположенная къ чувственнымъ удовольствіямъ, упала въ нравственномъ отношеніи очень низко; сдѣлалась продажной женщиной. Нѣсколько времени она вела эту жизнь въ разныхъ восточныхъ городахъ, больше всего въ Александріи, потомъ пріѣхала въ Константинополь; она была честолюбива и разсчитывала подняться до высокаго общественнаго положенія. Путемъ къ возвышенію она избрала скромность. Она стала жить бѣдно, говорила, что пріобрѣтаетъ пропитаніе себѣ ру-

кодѣліемъ, пряла. Константинополь дивился этой красавицѣ, покинувшей всѣ соблазны порока, сдѣлавшейся добродѣтельною дѣвушкой. Своимъ кокетствомъ и умѣньемъ хорошо говорить, она завлекла Юстиніана, въ то время еще молодого человѣка; опытная обольстительница, она держала себя съ нимъ такъ, что онъ проникся безграничной любовью къ ней. Племянникъ императора, наслѣдникъ престоля, клалъ сокровища востока къ ногамъ ея; ни законы Рима, ни противорѣчіе жены Юстина и матери Юстиніана не могли отклонить его отъ намѣренія жениться на Ѳеодорѣ. Законъ воспрещалъ браки свободныхъ людей съ дѣвушками, обезчестившими себя игрою на сценѣ или безнравственнымъ образомъ жизни. Юстиніанъ убѣдилъ дядю устранить это препятствіе изданіемъ закона, постановлявшаго, что дѣвушка, бывшая безчестной, можетъ возстановить свою честь «похвальнымъ раскаяніемъ». Ѳеодора стала женою Юстиніана и, когда онъ получилъ престолъ, то при коронаціи новаго императора діадема была возложена и на ея голову. Юстиніанъ такъ любилъ и уважалъ ее, что въ оффиціальныхъ документахъ называлъ ее своею «высокочтимой, данной Богомъ супругой» и далъ ей санъ своей соправительницы. Правители провинцій должны были присягать на вѣрность не одному Юстиніану, а Юстиніану и Ѳеодорѣ. Той женщинѣ, которая играла на театрѣ соблазнительныя роли передъ глазами всего Константинополя, должны были теперь поклониться почетные судьи, епископы, побѣдоносные полководцы, плѣнные цари, говоритъ Гиббонъ.

2. Ея характеръ.

Порочный человѣкъ рѣдко становится въ самомъ дѣлѣ добродѣтельнымъ. Ѳеодора, сдѣлавшись императрицей, не могла подавить въ себѣ дурныхъ страстей. Она усердно выказывала себя женщиной благочестивой и скромной, стараясь набожностью загладить въ людяхъ воспоминаніе о ея прежней позорной жизни; но одежда добродѣтели была только прикрытіемъ злыхъ склонностей ея души, только заученной ролью хитрой актрисы. Въ ея сердцѣ жили демоны гордости, алчности и жестокости. За презрѣніе, отъ котораго страдала прежде, она теперь вознаграждала себя безпредѣльнымъ высокомѣріемъ. Она гордо удалялась отъ поклоненій толпы, и въ заботахъ о сохраненіи своей красоты проводила большую часть года въ своихъ дворцахъ и садахъ на прекрасномъ берегу Пропонтиды, окруженная придворными дамами и эвнухами, чью льстивую преданность щедро награждала, часто въ явный ущербъ справедливости. Она допускала къ себѣ только сенаторовъ и первыхъ сановниковъ государства; когда послѣ долгаго ожиданія въ душной передней залѣ, они были вводимы въ ея великолѣпную пріемную комнату, то должны были падать на колѣна предъ ея престоломъ и прикасаться къ ногамъ надменной августы. Омерзительно было раболѣпство, съ какимъ первыя лица государства цѣловали прахъ ногъ этой высокомѣрной женщины. Упрекъ въ алчности она старалась загладить щедрыми подарками церквамъ, монастырямъ, благотворительнымъ учрежденіямъ и постройкою огромной богадѣльни, предназначенной быть пріютомъ для павшихъ женщинъ и дѣвушекъ, желавшихъ покаяться. Но упрекъ въ жестокости оставался не смягченъ ничѣмъ. Она держала толпу шпіоновъ и доносчиковъ, подсматривавшихъ и подсушивавшихъ все и передававшихъ своей повелительницѣ все узнанное съ прибавкою злобной клеветы. И горе было тому, кто навлекъ на себя гнѣвъ императрицы. Если она не могла погубить этого человѣка ложными обвиненіями передъ послушными судьями, она губила его тайнымъ убійствомъ. Ей доставляло наслажденіе мучить и казнить людей, въ особенности людей знатнаго происхожденія. Говорятъ, что часто она сама присутствовала при бичеваніяхъ и пыткахъ жертвъ ея мщенія. Много было примѣровъ тому, что человѣкъ, навлекшій на себя ея гнѣвъ или непріятный для нея, какъ соучастникъ ея прежняго разврата, внезапно исчезалъ изъ общества; потомъ узнавали, что онъ брошенъ въ подземныя темницы дворца и томительно умираетъ въ этихъ могилахъ для живыхъ. Много людей страдало въ подземельяхъ дворца безъ надежды когда-нибудь снова увидѣть дневной свѣтъ, а въ нѣсколькихъ футахъ надъ ихъ головами, злодѣйка мучившая ихъ, одѣтая въ порфиру и золото, наслаждалась почестями почти божескими. Тѣ, кого она выпускала наконецъ изъ темницы, бѣдствовали, лишенные своего имущества и ослѣпленные, изувѣченные, были живыми памятниками ея мщенія. Но вмѣстѣ съ дурными страстями, Ѳеодора обладала качествами, дававшими ей непоколебимое владычество надъ императоромъ и дворомъ; она была очень умна, отважна и тверда; а супружеской вѣрности она, кажется, не нарушала. Благодаря силѣ ума и воли, она сохранила господство надъ Юстиніаномъ до самой своей смерти (она умерла въ 548 году). Важнѣйшія военныя, политическія, юридическія и церковныя дѣла были рѣшаемы ею. Когда однажды, для поправленія своего ослабѣвшаго здоровья, она уѣхала на минеральныя воды въ Виѳанію, съ нею переселились туда преторіанскій префектъ, государственный казначей и нѣсколько патриціевъ, и при ней находилась блестящая свита, состоявшая изъ 4,000 человѣкъ. Для ея переѣзда были исправлены дороги для нея былъ приготовленъ дворецъ; императоръ оплакивалъ ея смерть, какъ великую потерю.

Партія гипподрома.

Изъ общественныхъ игръ прежняго Рима сохранились въ христіанское время и были перенесены въ новую столицу только игры цирка. При отсутствіи политической жизни, населеніе Византіи, лишенное всякихъ возвышенныхъ интересовъ, находило въ этихъ играхъ удовлетвореніе врожденной человѣку потребности имѣть какія нибудь дорогія мнѣнія и бороться за нихъ съ людьми, не раздѣляющими ихъ. Игры гипподрома стали центромъ общественныхъ интересовъ. Пылкое населеніе Византіи дѣлилось на общества, которыя по цвѣту

одежды правителей колесницъ на играхъ, назывались партіею Зеленыхъ и партіею Синихъ. Прежде было четыре партіи, соотвѣтствовавшія четыремъ цвѣтамъ одежды наѣздниковъ; но двѣ менѣе сильныя партіи присоединились къ двумъ сильнѣйшимъ: красные къ зеленымъ, бѣлые къ синимъ. Когда колесницы, запряженныя четырьмя лошадьми, мчались попарно длиннымъ поѣздомъ по аренѣ гипподрома, все населеніе Византіи, отъ императора и высшихъ сановниковъ до бѣднѣйшихъ простолюдиновъ, волновалось горячею страстью; зрители кричали, ободряя наѣздниковъ своего цвѣта. Изъ столицы это дѣленіе на партіи распространилось по провинціямъ; все населеніе государства распадалось на партіи Зеленыхъ и Синихъ; всѣ вопросы, по которымъ дѣлятся люди въ болѣе здоровыхъ обществахъ, всѣ религіозные и политическіе споры перешли въ эту пошлую борьбу партій гипподрома. Она усилилась до фанатизма, до ярости, колебавшей основы государства и общества, разрывавшей всѣ благородныя связи между людьми. Какъ во времена Ѳукидида греческій народъ распался на аристократическую и демократическую партіи, какъ во времена Данте итальянцы дѣлились на гвельфовъ и гибеллиновъ, такъ византійцы въ VI вѣкѣ дѣлились на партіи гипподрома, вражда между которыми нерѣдко доходила до вооруженныхъ столкновеній и тайныхъ убійствъ. При Анастасіѣ, когда къ спорамъ гипподрома присоединился религіозный раздоръ, страсти разгорались такъ сильно, что однажды во время праздника, Зеленые, пришедшіе съ кинжалами подъ одеждой, бросились на Синихъ и закололи 3,000 человѣкъ. Друзья ссорились между собою, семейства распадались изъ-за споровъ гипподрома и даже женщины, которымъ рѣдко дозволялось бывать въ гипподромѣ, вовлеклись въ этотъ раздоръ. Партіи попирали ногами всѣ человѣческіе и божескіе законы, и приверженцы той партіи, которая торжествовала на играхъ, забывали въ своемъ восторгѣ всѣ бѣдствія государства. Дворъ и правительство вмѣшивались въ эту борьбу, потому она приняла отчасти полетическій и церковный характеръ. Приверженцы той партіи, которой покровительствовалъ императоръ, считались партизанами правительства и принимаемаго дворомъ церковнаго ученія, другая партія была оппозиціонной; люди правительственной партіи сидѣли въ гипподромѣ на почетныхъ мѣстахъ, по правую сторону императорскаго трибунала, на той половинѣ гипподрома, гдѣ находились мѣста сенаторовъ, а ихъ противники должны были сидѣть на лѣвой сторонѣ. При Анастасіѣ покровительствомъ двора пользовались Зеленые; новая династія стала покровительствовать Синимъ. Въ особенности поддерживала ихъ Ѳеодора, ненавидѣвшая Зеленыхъ за то, что они грубо отказали ей, когда она и ея сестра съ вѣнками на головахъ и цвѣтами въ рукахъ просили публику гипподрома передать второму мужу ихъ матери должность привратника, которую занималъ ихъ умершій отецъ; Синіе напротивъ сжалились

тогда надъ бѣдными дѣвушками. Ѳеодора во всю жизнь не забывала обиду, какую получила тогда отъ зеленыхъ и, по ея вліянію, императоръ покровительствовалъ Синимъ; всѣ важныя придворныя и государственныя должности были замѣщены людьми этой партіи, всѣ буйства и злодѣйства, совершаемыя ею, оставались безнаказанными, а Зеленые при всѣхъ столкновеніяхъ съ противниками подвергались наказанію по всей строгости законовъ. Понятно, что партія, постоянно обижаемая, желала переворота, сожалѣла о временахъ Анастасія. При дворѣ Юстиніана находились три племянника Анастасія: Ипатій, Помпей и Пробъ. Они не могли примириться съ тѣмъ, что они, производившіе свой родъ отъ Помпея Великаго, лишены престола семействомъ ѳракійскихъ поселянъ. Люди умные и осторожные, они скрывали свою досаду, принимали отъ императора высокія должности, но не отказывались отъ надежды низвергнуть его. Всякій переворотъ могъ оказаться полезнымъ для нихъ. Обижаемая партія Зеленыхъ считала ихъ тайными своими доброжелателями, хотя наружно они держались придворной партіи. Ипатій, наиболѣе талантливый изъ нихъ, отличался на войнахъ мужествомъ и стратегическимъ искусствомъ, возбудилъ этимъ опасенія въ Юстиніанѣ и былъ отозванъ изъ войска. Онъ сталъ жить въ Византіи, бывалъ при дворѣ, не выказывалъ никакого неудовольствія; но противники правительства считали его своимъ главою, и была увѣренность, что онъ имѣетъ честолюбивые замыслы. Онъ дѣйствительно имѣлъ ихъ. Его жена, Марія, женщина превосходнаго характера, скромная, умная, очаровательная своей любезностью, старалась удерживать его отъ опасныхъ мыслей, но ея совѣты были безсильны противъ вліянія друзей, возбуждавшихъ его дѣйствовать отважно; и самъ онъ былъ честолюбивъ. Кажется, что особенно сильно завлекалъ его въ опасное предпріятіе двоюродный братъ его, Помпей, человѣкъ очень горячаго характера.

в) Возстаніе партій гипподрома.

Поводъ къ возстанію.

Въ началѣ 532 года, когда наглость Синихъ стала невыносима, и они каждый день производили въ городѣ убійства, а суды выказывали величайшее пристрастіе къ нимъ, негодованіе Зеленыхъ разразилось наконецъ мятежомъ. Императоръ былъ въ гипподромѣ,—старшины Зеленыхъ жаловались ему на несправедливость судовъ и администраціи. 11-го января
Юстиніанъ назвалъ ихъ жалобы неосновательными, но на слѣдующій день, чтобы успокоить начавшееся волненіе и соблюсти видъ справедливости, велѣлъ казнить семь человѣкъ, чьи преступныя дѣйствія 12 января
были раскрыты слѣдствіемъ; въ числѣ осужденныхъ нѣкоторые были Синіе. Четверо изъ семи были обезглавлены передъ глазами народа; трое другихъ обречены висилицѣ; надъ однимъ наказаніе было исполнено; веревки, на которыхъ были повѣшены два

остальные, оборвались; эти сорвавшіеся люди были защищены народомъ отъ палачей и уведены въ церковь. Одинъ изъ нихъ былъ Зеленый, другой Синій. Общая опасность соединила обѣ партіи. Народъ кричалъ что спасшіеся отъ повѣшенія должны быть помилованы; префектъ города Эвдемонъ не хотѣлъ слушать требованій и окружилъ церковь войскомъ. Синіе вмѣстѣ съ Зелеными рѣшили сопротивляться. На слѣдующій день (13 января) были опять игры въ гипподромѣ. На нихъ опять присутствовалъ императоръ; народъ шумно требовалъ
13 января помилованія спасшимся осужденнымъ. Императоръ отказалъ въ помилованіи. Народъ бросился изъ гипподрома съ воплемъ ярости и началось возстаніе при крикѣ: «Nika!» («побѣждай»).

Пожаръ. Когда наступила ночь, зданіе префектуры было сожжено, захваченные въ плѣнъ освобождены, отряды стражи темницъ перебиты. Былъ сильный вѣтеръ, загорѣлись сосѣдніе дома, по городу разливалось огненное море; многіе изъ великолѣпнѣйшихъ зданій столицы пылали. Миролюбивые жители города массами бѣжали въ Перу или
14 января. на азіатскій берегъ. На слѣдующее утро возобновилась битва, начались новые пожары. Въ окрестностяхъ дворца уже бушевалъ народъ, во дворецъ долетали проклятія и угрозы; возстаніе усиливалось. Императоръ думалъ успокоить народъ, давъ отставку ненавистнѣйшимъ сановникамъ; было объявлено, что лишены своихъ должностей преторіанскій префектъ Іоаннъ Каппадокійскій, ненавидимый за корыстолюбіе и презираемый за пошлый развратъ, государственный секретарь Трибоніанъ, знаменитый юристъ, но алчный взяточникъ; и префектъ города Эвдемонъ. Но эти уступки не удовлетворили инсургентовъ. Партія враждебная двору и монофизиты желали низвергнуть Юстиніана, назначить другого императора. Подъ ихъ руководствомъ мятежъ получилъ религіозное направленіе. Велизарій, находившійся тогда въ Константинополѣ, повелъ войско на мятежниковъ, оттѣснилъ ихъ, но успѣхъ, пріобрѣтенный имъ, былъ не проченъ. Пламя зданій горѣвшихъ близъ дворца принудило войска отступить во внутренніе дворы этого зданія. Пылали великолѣпные дворцы на Площади Августы, зданія сената, церковь святой Софіи, великолѣпныя бани Зевксиппа, въ которыхъ погибло множество произведеній искусства, сгорѣлъ и передній отдѣлъ дворца, называвшійся Хальке, сгорѣли примыкавшіе къ нему колоннады, пылали госпитали и въ нихъ погибли мучительною смертью больные. Самый дворецъ уцѣлѣлъ только благодаря тому, что направленіе вѣтра было не въ ту сторону. Мятежъ усиливался, и Константинополю пришлось подвергнуться бѣдствіямъ болѣе ужаснымъ, чѣмъ пожаръ. Вѣрность тѣлохранителей была ненадежна, и число войскъ въ столицѣ было недостаточно для подавленія мятежа; Велизарій призвалъ отряды, находившіеся въ станахъ неподалеку отъ столицы и состоявшіе
17 января. большею частью изъ готовъ и геруловъ, и 17-го января сдѣлалъ съ

ними неожиданную атаку, на безпорядочную и отчасти безоружную массу народа; войска произвели въ ней страшное кровопролитіе; напрасно духовенство пошло торжественной процессіей раздѣлить сражающихся; германцы, въ числѣ которыхъ вѣроятно было много аріанъ, безпощадно били самое духовенство; мощи и другія святыни, которыя несло оно, падали на землю. Это поруганіе святынь усилило ярость народа; люди, не принимавшіе участія въ мятежѣ, взялись теперь за оружіе, и борьба приняла религіозный характеръ. Женщины бросали изъ оконъ верхнихъ этажей и съ кровель камни, черепицы, всякія другія тяжелыя вещи на воиновъ; они въ отмщеніе поджигали дома. Октагонъ, одна изъ главнѣйшихъ частей города, въ которомъ сопротивленіе инсургентовъ было особенно упорно, былъ сожженъ весь до тла. Сильный сѣверовосточный вѣтеръ высоко поднималъ пламя, оно охватило и сосѣднія части города. Четыре пожара соединились въ одинъ, все пространство отъ Форума Константина до дворца и Гипподрома обратилось въ пылающія развалины. Половина города сгорѣла; и притомъ великолѣпнѣйшая половина. Послѣ такихъ жестокостей примиреніе было невозможно; но Юстиніанъ еще сдѣлалъ попытку успокоить инсургентовъ: 18-го января, Развитіе мятежа. въ воскресенье, онъ созвалъ народъ въ Гипподромъ, сознался въ своихъ ошибкахъ, поклялся на Евангеліи простить и забыть все, если народъ прекратитъ возстаніе. Но ему не вѣрили: «ты клянешься ложно!» кричали ему со всѣхъ сторонъ, осыпая его ругательствами. Смущенный, онъ поспѣшилъ вернуться во дворецъ; онъ держалъ тамъ Ипатія и Помпея, какъ заложниковъ, онъ отпустилъ ихъ, опасаясь, что они возмутятъ тѣлохранителей, на вѣрность которыхъ онъ не надѣялся. Мятежъ получилъ теперь вождей, занимающихъ высокое положеніе въ обществѣ. Народъ провозгласилъ Ипатія императоромъ. Жена, не поддавшаяся искушенію, напрасно умоляла мужа не поддаваться обольстительному соблазну; убѣжденія друзей и собственное честолюбіе увлекли его. Народъ поднялъ его на щитъ, 19 января. понесъ на Форумъ Константина и возложилъ тамъ на него знаки императорскаго сана.

Услышавъ объ этомъ, Юстиніанъ созвалъ своихъ приближенныхъ Совѣщаніе во дворцѣ. на совѣщаніе; тутъ были и Велизарій и Θеодора. Изъ оконъ зала были видны дворцовая пристань и открытое море; въ пристани стояли императорскіе корабли, готовые къ отплытію. Созванные Юстиніаномъ друзья стали совѣщаться о томъ, остаться ли ему въ столицѣ или уплыть въ Гераклею. Большинство говорило, что должно уплыть; кажется, раздѣлялъ это мнѣніе и Велизарій, опасавшійся измѣны войскъ. Только Θеодора выказала въ эту рѣшительную минуту мужество. Она сказала: «Если бы бѣгство и дѣйствительно было единственнымъ средствомъ спасенія, я отвергла бъ его. Смерть— участь всѣхъ родившихся; но тѣ, кому принадлежалъ престолъ не

должны переживать потерю сана и власти. Я не могу ходить безъ порфиры и діадемы, я не хочу дожить до дня, когда не называли бы меня императрицей. Если ты, государь, остаешься при намѣреніи бѣжать, то можешь; сокровищъ у тебя много; море близко, корабли готовы; но подумай, не отправляешься ли ты по любви къ жизни въ жалкое изгнаніе или на постыдную смерть. А я остаюсь при правилѣ древнихъ: «самая славная гробница—царскій престолъ».

Подавленіе мятежа.

Эти мужественныя слова произвели сильное впечатлѣніе на всѣхъ бывшихъ тутъ и возвратили имъ твердость духа. Велизарій получилъ приказаніе снова идти съ иноземными войсками на мятежниковъ и сдѣлать приступъ къ Гипподрому, гдѣ укрѣпился, какъ въ цитадели, Ипатій съ главными людьми своей партіи. Нарсесъ и другіе вѣрные люди пошли къ толпамъ народа и стали льстивыми обѣщаніями и раздачей денегъ отклонять Синихъ отъ союза съ Зелеными. И то и другое удалось. Зеленые, воображая торжество возстанія близкимъ, уже держали себя высокомѣрно, и гордость ихъ оскорбляла Синихъ. Союзъ враждебныхъ партій распадался. Велизарій и подчиненный ему военачальникъ Мундъ, подвигаясь двумя путями по развалинамъ между разрушившихся или горѣвшихъ домовъ къ Гипподрому, дошли до него; германскіе наемники ихъ бросились съ двухъ противуположныхъ сторонъ на нестройную и большею частью безоружную массу народа, и началась ужасная рѣзня; тридцать тысячъ человѣкъ было убито въ Гипподромѣ. Мятежъ былъ подавленъ и настали казни. Ипатій и Помпей, державшіеся сначала осторожно, были передъ нападеніемъ Велизарія на Гипподромъ обмануты ложнымъ слухомъ о бѣгствѣ императора и открыто дѣйствовали, какъ правители государства; они были схвачены на императорской трибунѣ и отведены къ ногамъ Юстиніана. Они увѣряли, что не измѣнили императору, что преднамѣренно собрали инсургентовъ въ Гипподромъ для того, чтобъ облегчить подавленіе бунта. Имъ не повѣрили. Закованные въ цѣпи, они были отведены въ подземную темницу дворца и

20 января. на слѣдующій день—казнены. Тѣла ихъ были брошены въ Босфоръ, имущества ихъ конфискованы. Многіе сенаторы и другіе знатные люди подверглись той же судьбѣ. Правительство объявляло, что спокойствіе вполнѣ возстановлено, а между тѣмъ продолжались аресты, осужденія на ссылку, на казни. Спокойствіе дѣйствительно возстановилось въ томъ смыслѣ. что мятежъ былъ подавленъ; но безпощадные приговоры трибуналовъ, непрерывно обрекавшихъ все новыя и новыя жертвы на изгнаніе и казнь, наполняли населеніе Византіи ужасомъ. Столица, на половину превратившаяся въ пепелище, вся была похожа на нѣмое кладбище и представляла ужасный видъ. Даже Гипподромъ нѣсколько лѣтъ оставался пустымъ и мертвымъ. Анастасія, вѣрная жена погибшаго Помпея, скрылась въ монастырь на Элеонской горѣ, чтобы спастись отъ наглаго воло-

китства Юстиніана. Іоаннъ Каппадокійскій и Трибоніанъ заняли свои прежнія должности. Іоаннъ далъ финансовому угнетенію размѣръ еще болѣе тяжелый, чѣмъ прежде, чтобы набрать деньги, нужныя для возстановленія церкви Святой Софіи и другихъ сгорѣвшихъ великолѣпныхъ зданій; онъ дошелъ въ своей наглости до того, что отнялъ жалованье у преподавателей во всѣхъ школахъ имперіи. А Трибоніанъ, предсѣдатель законодательной коммиссіи, составившей въ два слѣдующіе года «Институціи» и «Пандекты», новую редакцію Кодекса и собраніе «Новеллъ», раболѣпно превозносилъ Юстиніина, который такъ цѣнилъ его юридическую ученость и опытность, что дозволялъ ему безнаказанно удовлетворять алчности, безчестившей его таланты; до конца жизни Трибоніанъ пользовался полнымъ довѣріемъ императора.

Іоаннъ Каппадокійскій.

Іоаннъ и Трибоніанъ были люди великихъ талантовъ, но алчные и продажные. Іоаннъ Каппадокійскій былъ при этомъ человѣкъ грубаго характера и пошлаго образа жизни; онъ не получилъ ученаго воспитанія въ молодости и навсегда остался человѣкомъ необразованнымъ—онъ едва умѣлъ писать; но былъ одаренъ чрезвычайно проницательнымъ умомъ, необыкновенной способностью распутывать самыя трудныя дѣла, давать самые благоразумные совѣты. Испорченность его души равнялась силѣ его ума. Его подозрѣвали въ чародѣйствѣ, склонности къ язычеству, но боязни суда Божія въ немъ было такъ же мало, какъ совѣстливости передъ людьми. Для удовлетворенія своей ненасытной алчности и для покрытія громадныхъ расходовъ, въ какіе вводило его распутство, онъ убивалъ тысячи людей, доводилъ до обнищанія цѣлыя области. Съ ранняго утра до обѣда онъ неутомимо трудился надъ обогащеніемъ императора и самого себя; остатокъ дня проводилъ въ пьянствѣ и пошломъ распутствѣ, а по ночамъ трепеталъ кинжаловъ убійцъ. Юстиніанъ любилъ его за таланты, а быть можетъ и за алчность. Милость императора къ нему была непоколебима. Онъ оставался всемогущимъ болѣе десяти лѣтъ послѣ подавленія мятежа и безпощадно мстилъ народу, принудившему тогда императора удалить его отъ должности. Съ трудомъ удалось наконецъ Ѳеодорѣ, смертельно ненавидѣвшей его за надменность, низвергнуть его посредствомъ ловкой интриги. Онъ былъ сосланъ въ Кизикъ; часть богатства была отнята у него, но онъ сохранилъ очень большое состояніе и нѣсколько времени прожилъ въ ссылкѣ спокойно. Убійство епископа Казикскаго, бывшаго врагомъ его, дало императрицѣ поводъ требовать новаго болѣе строгаго наказанія ему. Онъ тысячу разъ заслужилъ смерть своими злодѣйствами, говоритъ Гиббонъ, но былъ наказанъ за преступленіе, въ которомъ не былъ виновенъ. Человѣкъ, бывшій всемогущимъ, занимавшій санъ консула, возведенный въ санъ патриція, былъ подвергнутъ бичеванію; одинъ изорванный плащъ былъ оставленъ ему изъ всего громаднаго богатства; его отвезли въ лодкѣ въ новое мѣсто ссылки въ южный Египетъ, въ городъ Антинооголь, и человѣкъ, бывшій префектомъ Востока, принужденъ былъ просить милостыню. Изобрѣтательная жестокость императрицы семь лѣтъ мучила его постоянными опасеніями подвергнуться казни; наконецъ смерть Ѳеодоры дозволила императору возвратить слугу, котораго противъ собственной воли держалъ онъ въ ссылкѣ; но прежней должности Іоаннъ Капподокійскій уже не получилъ: давно нашлись другіе люди, превосходившіе его коварствомъ и искусствомъ гра-

бить государство; ему пришлось довольствоваться исполненіемъ скромныхъ обязанностей духовнаго сана.

Сооруженія Юстиніана.

Кромѣ храма Святой Софіи, Юстиніанъ построилъ въ одной только Византіи съ ея предмѣстьями 24 церкви; многія изъ нихъ были украшены мраморомъ и золотомъ. Мѣстности для постройки ихъ были вообще выбраны хорошо. Церковь святыхъ апостоловъ въ Константинополѣ и церковь Іоанна Крестителя въ Эфесѣ были построены по плану храма Святой Софіи. Особенно много благочестивыхъ сооруженій сдѣлалъ Юстиніанъ въ Палестинѣ. Онъ наполнилъ ее монастырями, госпиталями, странопріимными домами для паломниковъ. Въ Іерусалимѣ онъ построилъ въ мѣстоположеніи, представлявшемъ большія затрудненія для работы, великолѣпный храмъ Богоматери; стѣны были возведены изъ превосходнаго мрамора. Страсть къ постройкамъ развилась въ Юстиніанѣ до чрезвычайной силы. Мало осталось въ календарѣ святыхъ, въ честь которыхъ не построилъ бы онъ церквей; не осталось почти ни одного города, гдѣ онъ не соорудилъ бы моста, госпиталя или водопровода. Но онъ не строилъ термъ и театровъ, считая ихъ вредными для нравственности. Въ своей заботѣ о постройкахъ онъ не забылъ и самого себя; онъ возстановилъ великолѣпнѣе прежняго тѣ части византійскаго дворца, которыя, какъ напримѣръ, Хальке, пострадали во время мятежа 532 года. На азіатскомъ берегу Босфора, на Востокъ отъ Халкидона, онъ построилъ великолѣпный дворецъ въ прекрасномъ саду, чтобы жить тамъ лѣтомъ. Очень заботился Юстиніанъ и объ огражденіи границъ крѣпостями и стѣнами;

Укрѣпленіе границъ.

это дѣйствительно было необходимо, потому что силы легіоновъ были уже недостаточны для внушенія страха непріятелямъ. Отъ Чернаго моря до Бѣлграда по берегу Дуная онъ построилъ болѣе 80-ти укрѣпленій. На мѣстѣ прежнихъ сторожевыхъ башенъ онъ возвелъ большія крѣпости и поселилъ въ этихъ городахъ колонистовъ, построилъ сильную крѣпость для обороны развалинъ моста Траяна, по которымъ легко было навести мостъ; возвелъ нѣсколько укрѣпленій и на сѣверномъ берегу Дуная; чтобы легче было дѣлать походы въ земли варваровъ онъ населилъ колонистами опустѣвшіе города; свой родной городъ Таврезій онъ сдѣлалъ столицей Иллиріи, резиденціей архіепископа и префекта, обвелъ стѣнами, украсилъ его каѳедральнымъ соборомъ, дворцомъ, водопроводами и далъ ему имя Justiniana prima. Вообще въ Дакіи, Эпирѣ, Ѳессаліи, Македоніи, Ѳракіи Юстиніанъ построилъ для защиты отъ варваровъ 600 укрѣпленій. Но богатыя пастбища Ѳессалоники часто давали кормъ конямъ скиѳскихъ полчищъ и прекрасная Темпейская долина постоянно была тревожима набѣгами или слухами о нихъ. Термопильскій проходъ былъ огороженъ крѣпкими стѣнами; за ними были собраны большіе запасы продовольствія и поставленъ постоянный гарнизонъ. Аѳины, Платея, Коринѳскій перешеекъ были сильно укрѣплены для обороны отъ варваровъ. Херсонесъ Ѳракійскій тоже былъ защищенъ длинною стѣною и укрѣпленіями Галлиполя и Сеста; но прелестныя окрестности Константинополя, гдѣ находились сады и загородные дома сенаторовъ и другихъ богатыхъ людей, представляли для отважныхъ варваровъ такую привлекательную добычу, что укрѣпленія не давали безопасности этому раскошному округу. Не разъ бывало, что знатные римляне и римлянки, спокойно наслаждавшіеся роскошью своихъ загородныхъ жилищъ, были уводимы въ скиѳскій плѣнъ, и повелитель ихъ видѣлъ изъ своего дворца костры въ станѣ варваровъ, дерзко доходившихъ до самыхъ воротъ столицы.

Заботы о безопасности восточныхъ и сѣверныхъ границъ 492—498.

Съ такою же заботливостью старался Юстиніанъ и объ огражденіи безопасности въ азіатской части государства. Исавряне были покорены еще въ царствованіе Анастасія, дядей Юстиніана, Юстиномъ. Война съ ними длилась шесть лѣтъ.

Храбрѣйшіе вожди ихъ были убиты въ сраженіяхъ; отважные юноши были взяты на службу въ римскія войска или переселены въ далекія колоніи; остальное населеніе было принуждено жить мирно подъ надзоромъ строгихъ администраторовъ и судей. Но очень опасно оставалось положеніе дѣлъ на восточной границѣ: персидскіе конные латники и стрѣлки постоянно были готовы вторгаться въ римскія владѣнія. При Анастасіѣ персидскій царь Кабадъ долго опустошалъ пограничныя римскія области непрерывными набѣгами. Чтобы предотвратить или по крайней мѣрѣ затруднить возобновленіе этихъ грабежей, Юстиніанъ докончилъ постороеніе крѣпости Дары, начатое Анастасіемъ; онъ обвелъ ее двойной стѣной и глубокими рвами. Онъ усилилъ укрѣпленія Амиды и Эдессы, служившихъ оплотами для обороны Месопотаміи. По сѣверной границѣ до Трапезунта онъ защитилъ фортами всѣ дороги, которыми могли вторгаться хищники. Проходы изъ земель, находившихся за Кавказомъ въ области на югѣ его были перегорожены длинными стѣнами и валами, которыя были возведены Юстиніаномъ и персидскимъ царемъ на общій счетъ обоихъ государствъ, потому что и персидскія, и римскія области одинаково страдали отъ нашествій конныхъ скиѳскихъ полчищъ, вторгавшихся черезъ эти проходы, которые назывались алданскими и иберійскими воротами.

C. Законодательная дѣятельность Юстиніана.

Источники римскаго права.

Результаты побѣдъ Юстиніана скоро исчезли, но онъ пріобрѣлъ себѣ безсмертную славу, какъ законодатель. Въ его царствованіе были составлены юридическія творенія, охватывавшія всю область гражданскаго права, получившія громадное вліяніе на жизнь всѣхъ народовъ цивилизованнаго міра и сохраняющія большое вліяніе на нее до сихъ поръ. Мы говорили, что при Адріанѣ и Ѳеодосіѣ Младшемъ были составлены своды законовъ (стр. 297, 374, 640). Это было необходимо потому, что масса узаконеній, распоряженій и судебныхъ приговоровъ, бывшихъ также источниками права, разрослась до необозримой громадности; судьи терялись въ этомъ множествѣ юридическихъ постановленій, и только тѣ юристы, которые имѣли большую практическую опытность, могли хотя съ трудомъ рѣшать дѣла правильно. Но кодексы, составленные при Адріанѣ и Ѳеодосіѣ, были пособіями очень недостаточными для судебной практики; не высоко было и научное ихъ достоинство; для изученія юриспруденціи они вовсе не годились. Надобно было собрать все пригодное для теоріи и для практики изъ безчисленнаго количества постановленій, въ хаосѣ которыхъ трудно было розыскивать необходимое для судьи; надобно было соединить въ сводѣ тѣ законы и юридическія опредѣленія, которые должны были сохранять силу; это требовало большого труда и сильнаго ума, способнаго распредѣлить тысячи правилъ по систематическому порядку. Къ счастію Юстиніанъ имѣлъ въ Трибоніанѣ человѣка, изучившаго всѣ источники права.

Трибоніанъ.

Этотъ великій юристъ уже доказалъ обширность своихъ

знаній и свою научную подготовку къ составленію всеобъемлющаго кодекса нѣсколькими юридическими трудами.

Юстиніанъ далъ ему девять ученыхъ помощниковъ и поручилъ разобрать и привести въ систему безпорядочную массу юридическаго матеріала; это дѣло предпринято было въ первый годъ правленія Юстиніана. Трибоніанъ и его помощники составили сводъ постановленій (конституцій) императоровъ со времени Адріана. Нѣкоторыя изъ нихъ уже были собраны въ кодексахъ Григорія, Гермогена и Ѳеодосія; другія оставались еще разрозненными. Трибоніанъ и его помощники собрали ихъ, очистили отъ ошибокъ, устранили противорѣчія между ними, отбросили устарѣлое и излишнее, выбрали благоразумныя, полезныя постановленія, надобныя для государства. Въ 14 мѣсяцевъ было кончено составленіе кодекса, названнаго Юстиніановымъ.

Юстиніановъ кодексъ 529.

Утвержденный императоромъ, онъ получилъ силу закона съ 16 апрѣля 529 года; списки его были разосланы областнымъ правителямъ и судьямъ. Но скоро оказалась нужна другая работа въ пополненіе къ нему. Постановленія императоровъ, сводъ которыхъ представлялъ кодексъ, были вообще только рѣшеніями второстепенныхъ юридическихъ вопросовъ; основные принципы римскаго права были изложены не въ нихъ, а въ ученыхъ трактатахъ юристовъ. Потому императоръ назначилъ новую законодательную коммиссію, состоявшую изъ 16 членовъ подъ предсѣдательствомъ Трибоніана, и поручилъ ей выбрать все надобное для судебной практики изъ трактатовъ прежнихъ юристовъ и въ частности именно тѣхъ, которымъ было дано императорами право составлять рѣшенія дѣлъ, имѣющія законную силу. Этотъ новый юридическій сборникъ былъ составленъ въ три года и получилъ силу закона съ 30 декабря 533 года. Это былъ сводъ рѣшеній и поясненій, сдѣланныхъ 39 знаменитѣйшими изъ прежнихъ юристовъ; выписки изъ ихъ трактатовъ были расположены по систематическому порядку; извлечено было все надобное для судебной практики. Сборникъ былъ раздѣленъ на 50 книгъ. Онъ называется Дигестами или Пандектами; названіе Дигестовъ дано ему въ томъ смыслѣ, что матеріалъ распредѣленъ по опредѣленному порядку, названіе Пандектовъ означаетъ, что въ этотъ сборникъ внесено все надобное для трибуналовъ и что содержаніе его обнимаетъ всю совокупность римскаго права. Но для людей неопытныхъ было трудно пользоваться Кодексомъ и Пандектами, представлявшими много непонятнаго для нихъ; потому императоръ поручилъ Трибоніану составить при содѣйствіи двухъ помощниковъ учебникъ римскаго права на основаніи «Институцій» Гаія. Это руководство къ изученію права, состоящее изъ 4-хъ книгъ, было названо подобно трактату Гаія «Институціями» и обнародовано почти одновременно съ Пандектами. Эти три свода: Кодексъ, Пандекты и Институціи были объявлены единственными законами,

Пандекты 533.

Институціи.

имѣющими дѣйствующую силу; трибуналы должны были судить исключительно на ихъ основаніи; преподаваніе права въ юридическихъ школахъ римской, константинопольской и беритской должно было производиться исключительно по нимъ. Юстиніанъ далъ Сенату и провинціямъ свои вѣчные оракулы, говоритъ Гиббонъ, и гордость его подъ маской благочестія приписала совершеніе этого великаго дѣла внушенію и помощи Бога. Уставы, данные Юстиніаномъ, должны были, по его повелѣнію, считаться святыней; онъ запретилъ пояснять ихъ комментаріями, считая всякое поясненіе искаженіемъ. Но скоро онъ самъ убѣдился въ недостаточности своего Кодекса; потому черезъ годъ по обнародованіи Пандектовъ и Институцій былъ изданъ Кодексъ во второй редакціи; въ ней онъ раздѣленъ на 12 книгъ, и въ составъ его введены 200 законовъ самого Юстиніана и 50 рѣшеній наиболѣе трудныхъ и запутанныхъ юридическихъ вопросовъ; порядокъ изложенія въ этой второй редакціи кодекса соотвѣтствуетъ порядку, принятому въ Пандектахъ. Первая редакція вышла изъ употребленія. Но при всей обширности Кодекса Юстиніанъ впослѣдствіи нашелъ надобнымъ обогатить законы новыми эдиктами и распоряженіями. Эти новые законы назывались «Новеллами». Частные люди составили нѣсколько разныхъ сборниковъ ихъ; одинъ изъ такихъ сборниковъ, составленный еще при Юстиніанѣ Юліаномъ, содержалъ 125 новеллъ въ извлеченіи на латинскомъ языкѣ; другой, содержащій въ себѣ 134 новеллы въ полномъ видѣ, но тоже въ латинскомъ переводѣ, считался впослѣдствіи у глоссаторовъ представляющимъ подлинный текстъ законовъ, Authenticum; исключивъ изъ него лишнее, глоссаторы присоединили его къ сводамъ законовъ Юстиніана. Третье собраніе содержитъ въ себѣ 168 новеллъ на греческомъ языкѣ; тутъ къ новелламъ Юстиніана присоединены нѣкоторыя, изданныя позднѣйшими императорами.

Codex repetitae praelectionis 16 ноября 534.

Институціи Юстиніана подобно институціямъ Гаія, на основаніи которыхъ составлены, раздѣлены на четыре книги. Первая книга излагаетъ личное и семейное право, вторая, третья книги и начало четвертой книги содержатъ въ себѣ изложеніе имущественнаго права, далѣе въ четвертой книгѣ излагается гражданское судопроизводство, а въ послѣднемъ отдѣлѣ („Титулѣ") ея—уголовное право и уголовное судопроизводство. I. Въ личномъ и семейномъ правѣ суровые старые римскіе законы получили нѣкоторое смягченіе: въ этомъ очевидно вліяніе христіанства. Такъ, напримѣръ, для нѣкоторыхъ разрядовъ отпущенниковъ отмѣнены ограниченія личныхъ правъ, постановлено, что рабъ, отпущенный на волю формальнымъ юридическимъ актомъ, вступаетъ безъ всякихъ ограниченій во всѣ права свободнаго человѣка. Императору предоставлена власть давать каждому несвободному или рожденному отъ несвободнаго всѣ права человѣка, родившагося свободнымъ; это содѣйствовало постепенному исчезновенію рабства домашней прислуги. Была смягчена и старая римская суровость отцовской власти, отдававшая на произволъ отца жизнь, свободу и имущество сына; сынъ былъ огражденъ закономъ отъ обидъ, и ему дано было право соб-

Основанія римскаго права по институціямъ. 1. Личное и семейное право.

ственности, хотя съ нѣкоторыми ограниченіями.—Во время римской республики бракъ былъ гражданскимъ договоромъ; прочность этого договора ослабѣвала при развитіи безнравственности; общность имущества между супругами не была необходимой принадлежностью брачнаго договора; будучи только гражданскимъ союзомъ, бракъ могъ быть расторгнутъ отказомъ одного изъ супруговъ, по общему правилу расторженія добровольныхъ товариществъ; потому, при недостаткѣ религіознаго освященія брака, разводы сдѣлались часты въ послѣднее время республики и становились впослѣдствіи все болѣе частыми. Нѣкоторые императоры, и въ особенности Августъ, старались ограничить законами легкомысліе или безнравственность разводовъ; но только вліяніе христіанства дало брачному союзу священный характеръ въ гражданскомъ законодательствѣ и затруднило разводъ. По кодексу Юстиніана, для законности развода необходимы причины, признанныя по закону уважительными; эти причины вопервыхъ та, которая указана Іисусомъ Христомъ, вовторыхъ преступленія, смертные грѣхи, неисправимые пороки и нѣкоторые неизлѣчимые физическіе недостатки. Разводъ былъ затрудненъ также и покровительствомъ закона тому изъ находящихся въ бракѣ лицъ, которое терпитъ обиду отъ другого и ограниченіемъ права вступленія въ новый бракъ для лица, виновнаго въ оскорбленіи. Разводъ по взаимному согласію былъ впослѣдствіи запрещенъ Юстиніаномъ, но снова дозволенъ его преемникомъ по настойчивому требованію общества. Полныя гражданскія права имѣли только дѣти, родившіяся отъ законнаго брака между свободными людьми, гражданами римской имперіи. Супружеское сожительство римлянина съ иноземкой, хотя бы она была царскаго рода, какъ Клеопатра или Береника, считается по римскому праву только конкубинатомъ; тоже относится къ сожительству римлянина съ рабыней и, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, съ отпущенницей. Но дѣти, родившіяся отъ конкубината, признаннаго законнымъ сожительствомъ, не подвергаются безправной, постыдной участи незаконнорожденныхъ дѣтей, происходящихъ отъ прелюбодѣянія, проституціи или кровосмѣшенія; они законныя, хотя не полноправныя дѣти, и наслѣдуютъ шестую часть имущества своего отца, между тѣмъ какъ незаконныя дѣти имѣютъ фамилію и гражданское положеніе своей матери и наслѣдуютъ только ей. Правила о степеняхъ родства, въ которыхъ воспрещается бракъ, были временами видоизмѣняемы, но всегда воспрещеніе простиралось на степени родства довольно далекія. Всегда были запрещены браки не только между кровными или пріемными братьями и сестрами, но и между дядей и племянницей, теткой и племянникомъ, свойкомъ и свояченицей; въ старыя времена даже между двоюродными сестрами и братьями. Съ особенной заботливостью установляются въ Институціяхъ и Пандектахъ правила, обезпечивающія интересы несовершеннолѣтнихъ. Личность и собственность сироты всегда должны быть ввѣряемы опекѣ разумнаго родственника или друга; если умершій отецъ не назначилъ опекуна, то опекунами по естественному праву становятся ближайшіе „агнаты", т. е. родственники по отцу. Если такого опекуна нѣтъ, то начальство города или области обязано назначить опекуномъ человѣка, способнаго хорошо исполнять эту должность. Опекунъ обязанъ отдавать отчетъ въ своемъ управленіи имуществомъ ввѣреннымъ ему. Этимъ правиломъ законъ старался оградить сироту отъ недобросовѣстности опеки. Опека кончается по достиженіи сиротою четырнадцатилѣтняго возраста. Послѣ того сирота поручается заботѣ попечителя (куратора), который утверждается въ своей должности начальствомъ; онъ наблюдаетъ за тѣмъ, чтобы несовершеннолѣтній не растратилъ отцовскаго наслѣдства по легкомыслію или неопытности. Сирота остается подъ попечительствомъ до 25 лѣтъ.—Женщины первоначально оставались всю жизнь

людьми несамостоятельными, находящимися подъ опекой отцовъ, мужей или особыхъ опекуновъ; но въ позднѣйшія времена имперіи женщины были освобождены отъ опеки.

2. Имущественное право.

Изложеніе имущественнаго права начинается постановленіями о собственности, пользованіи ею и передачѣ ея. Личное право владѣльца переходитъ по его смерти на его наслѣдниковъ. Право первородства было неизвѣстно римлянамъ; всѣ невыдѣленные изъ семейнаго имущества сыновья и дочери имѣли первоначально право на одинаковыя доли отцовскаго наслѣдства. При недостаткѣ прямого потомства наслѣдство переходитъ къ родственникамъ по боковымъ линіямъ; по старинному праву, право наслѣдства имѣли только агнаты, родственники по мужской линіи, а когнаты, родственники по женской линіи, считались чужими людьми, не имѣющими права наслѣдовать. Но уже въ послѣднее столѣтіе республики это ограниченіе было отчасти разрушено преторскимъ правомъ; потомъ было увеличиваемо число случаевъ, въ которыхъ когнаты получали наслѣдство и по общему гражданскому праву, а при Юстиніанѣ родство по крови безъ различенія когнатовъ отъ агнатовъ сдѣлалось основаніемъ наслѣдственнаго права и были установлены точныя правила о томъ, какія степени „близости крови и любви" по восходящей, нисходящей, и боковымъ линіямъ имѣютъ преимущество однѣ надъ другими въ правѣ на наслѣдство, остающееся послѣ римскаго гражданина. Естественный порядокъ наслѣдства часто былъ замѣняемъ распоряженіями собственника посредствомъ завѣщанія. Римское право заботливо старалось предотвратить злоупотребленія и обманы, которыми очень часто были получаемы наслѣдства по завѣщаніямъ; но все таки оставалось широкое поле дѣйствіямъ интригантовъ, выманивавшихъ себѣ наслѣдство разными хитростями. Потому право завѣщанія было ограничено постановленіемъ, опредѣлявшимъ, что ближайшіе родные имѣютъ законныя права на извѣстныя доли наслѣдства и воля завѣщателя не можетъ отнять у нихъ этихъ долей. Было также опредѣлено, какія преступленія или вообще дурные поступки лишаютъ родственниковъ по нисходящей линіи правъ наслѣдства. Если наслѣдникъ, назначенный завѣщаніемъ, принималъ наслѣдство, онъ былъ обязанъ выдать тѣ доли (легаты), какія завѣщатель назначилъ другимъ лицамъ; но съ тѣмъ ограниченіемъ, что онъ, во всякомъ случаѣ, можетъ до выдачи ихъ удержать за собою четвертую долю имущества, falcidia. Это право предоставлялось и тому лицу, которому наслѣдство передавалось посредствомъ дополненій къ завѣщаніямъ, называвшихся кодициллами или посредствомъ fidei commissa. Случаи надобности передавать наслѣдство посредствомъ этихъ способовъ бывали часты, потому что наслѣдовать римскому гражданину могли по закону только римскіе граждане; чтобы уклониться отъ этого ограниченія завѣщатель часто назначалъ наслѣдника съ оговоркой, что онъ долженъ передать имущество другому лицу, которое по закону не могло получить наслѣдство, напримѣръ, иностранцу или побочному сыну завѣщателя. Къ тому же средству надобно было прибѣгать для передачи наслѣдства дочерямъ: по старинному закону, называвшемуся Воконіевымъ, дочери могли получать лишь незначительную долю отцовскаго имущества. Лицо, получавшее наслѣдство съ обязанностью передать имущество другому лицу или другимъ лицамъ, называлось fiduciarius. Прибавка къ завѣщанію, возлагавшая на него эту обязанность, должна была быть написана завѣщателемъ собственноручно, и подлинность его почерка должна была быть скрѣплена подписями пяти свидѣтелей. Исполненіе обязанности, возлагаемой на фидуціарія, сначала предоставлялось только его честности; но при Августѣ оно было возложено на него закономъ. Чтобы оградить наслѣдника отъ полнаго лишенія наслѣдства, при Неронѣ было

установлено сенатусконсультомъ, что онъ за свои труды по исполненію порученной ему обязанности можетъ удерживать себѣ четвертую долю имущества.

3. Жалобы и процессы. Свое изложеніе постановленій римского права о жалобахъ и процессахъ, Гиббонъ начинаетъ словами: „Общія обязанности людей возлагаются на нихъ общественными и частными отношеніями ихъ; особенныя обазанности (obligationes) одного человѣка къ другому возникаютъ черезъ его обѣщаніе, черезъ полученіе имъ какой нибудь услуги или благодѣянія отъ другого лица или черезъ нарушеніе имъ чужого права; если эти частныя обязанности признаны закономъ, то человѣкъ, въ пользу котораго онѣ должны быть исполнены, можетъ принудить къ ихъ исполненію посредствомъ жалобы суду. „Право, относящееся къ этимъ особеннымъ обязанностямъ, розвивалось вмѣстѣ съ развитіемъ римскаго государства. Сначала оно было очень не многосложно, потому что общественныя отношенія были просты; потомъ оно расширялось внесеніемъ въ него широкихъ принциповъ, и великіе римскіе юристы дали ему такую превосходную теоретическую и практическую розработку, что оно получило характеръ общечеловѣческаго права. Оно было очень эластично, и юристы съ удивительнымъ тактомъ приспособляли его по самымъ разнообразнымъ отношеніямъ между людьми; однимъ изъ средствъ этого приспособленія было то, что придавалось законное право условію, заключенному между частными людьми; этимъ путемъ юристы давали законную силу такъ называемой „стипуляціи“, самой обыкновенной формѣ римскихъ договоровъ между частными людьми. Другимъ средствомъ было то, что они придавали законную силу свободной волѣ частнаго лица; этимъ путемъ развился тотъ отдѣлъ римскаго права, который относится къ покупкѣ, найму, товариществу. Для огражденія должника отъ притѣсненій кредитора были установлены правила, ограничивавшія величину процентовъ. Нѣкоторыя нарушенія договорнаго права были признаваемы проступками (delicta) и подвергались наказаніямъ. За повреждение чужого имущества были установлены взысканія по правиламъ, имѣвшимъ очень обширный объемъ. Похищенное имущество, перешедшее отъ похитителя къ человѣку, получившему его отъ похитителя законнымъ способомъ, должно быть по римскому праву возвращаемо собственнику, который кромѣ того получаетъ отъ похитителя вознагражденіе въ два раза, а при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ и въ три раза больше цѣнности похищеннаго. Личныя обиды, и въ томъ числѣ нанесеніе легкихъ увѣчій, по древнѣйшему праву наказывались денежнымъ штрафомъ и вознагражденіемъ за нанесенный вредъ. При развитіи образованности и чувства личной чести были приняты въ соображеніе особенныя личныя качества обиженнаго лица: его лѣта, полъ, общественное положеніе; величина штрафовъ и вознагражденій за обиды водоизмѣнялась сообразно этимъ особенностямъ. Гражданскій процессъ получилъ развитіе въ классическую эпоху римской юриспруденціи. Онъ дѣлился на двѣ части. Первую часть составляли юридическія дѣйствія, которыми были устапавливаемы факты; этой частью процесса завѣдывалъ сановникъ (при процессахъ, происходившихъ въ городѣ Римѣ—преторъ). Вторую часть составляло веденіе процесса передъ судомъ присяжныхъ; присяжные провѣряли факты и постановляли рѣшенія. Во времена имперіи права присяжныхъ были постепенно уменьшаемы, и при Діоклеціанѣ судъ присяжныхъ былъ окончательно отмѣненъ. Римское уголовное право первоначально имѣло своимъ основаніемъ жестокій принципъ возмездія. По законамъ XII таблицъ подлежали смертной казни девять преступленій, въ томъ числѣ поджогъ, ложная присяга, принятіе взятки судьею, похищеніе хлѣба съ поля ночью, волшебство, письменная клевета; кромѣ простой смертной казни были тогда

разные мучительные виды ея. Эта суровость постепенно смягчилась, и въ послѣднія времена республики римскіе граждане почти ни въ какихъ случаяхъ не наказывались смертью, казнь было почти совершенно замѣнена изгнаніемъ, и при томъ лишь временнымъ. Смертной казни подвергались только иноземцы, отпущенники и рабы; очень употребительнымъ видомъ наказанія для нихъ было распятіе на крестѣ. Во времена имперіи получили очень большое развитіе уголовные законы о преступленіяхъ противъ „величества“, т. е. противъ государства, олицетвореніемъ котораго была особа императора. Большое развитіе получили также законы противъ обществъ, подозрѣваемыхъ въ политической неблагонамѣренности, и противъ пороковъ, вредящихъ семейной жизни. Но наперекоръ законамъ эти пороки развивались безнаказанно, потому что при господствующей безнравственности они не считались постыдными. Только при христіанскихъ императорахъ безнравственность стала подвергаться суровому наказанію. Законы противъ гнусныхъ пороковъ подвергали ихъ очень тяжелымъ наказаніямъ. Юстиніанъ смягчилъ наказанія за измѣну жены мужу. Виновная подвергалась одиночному заключенію въ темницѣ на два года; послѣ того, если мужъ соглашался принять ее, она была возстановляема въ своихъ семейныхъ правахъ. Но противуестественные пороки Юстиніанъ преслѣдовалъ неумолимо; онъ установилъ за нихъ мучительную и позорную казнь. Очень часто обвиненіе въ этихъ порокахъ служило для Ѳеодоры и злобныхъ царедворцевъ предлогомъ къ юридическому убійству. По самой сущности дѣла, такіе пороки окружаютъ себя тайной и, ссылаясь на то, что улики въ нихъ не могутъ быть получены по скрытности обвиняемыхъ, трибуналы въ угожденіе сильнымъ людямъ осуждали на казнь безъ уликъ. Трибуналы въ это время совершенно зависѣли отъ двора: императоръ назначалъ судьями кого хотѣлъ, и судьи должны были дѣлать все, что имъ велятъ, или получали отставку и были замѣняемы другими, болѣе послушными. Во времена язычества, обвиняемый могъ избавиться отъ приговора суда, удалившись въ изгнаніе или лишивъ себя жизни; это было совершенно въ его власти, потому что до окончательнаго приговора онъ оставался на свободѣ. Изгнаніемъ или самоубійствомъ онъ сохранялъ свое имущество отъ конфискаціи, оно переходило къ его семьѣ; и такъ какъ судебнаго приговора о немъ не было, то честь его семейства оставалась непострадавшей. Впрочемъ, тѣ императоры, которые были тиранами, часто конфисковали имущество убившихъ себя обвиняемыхъ, и предавали тѣла ихъ поруганію. Въ христіанскія времена самоубійство было признано преступленіемъ.

С. Войны Юстиніана.

а. Война съ вандалами.

Гильдерихъ 523—530. 25 января 477 года умеръ Генсерихъ, могущественный король вандаловъ, основавшій въ Африкѣ пиратское государство, храбрый и хитрый воинъ, знаменитѣе котораго изъ всѣхъ варварскихъ государей былъ только Теодерихъ остготскій. При его наслѣдникахъ государство стало быстро клониться къ упадку. Въ династіи Асдинговъ часто происходили междоусобія; возникновенію ихъ содѣйствовало правило о престолонаслѣдіи, введенное Генсерихомъ и заимствованное имъ у нумидійцевъ: престолъ наслѣдовалъ старшій лѣтами

изъ членовъ династіи; сыновья его предмѣстника часто подымали мятежъ противъ него. Другой причиной ослабленія государства была религіозная вражда между православными туземцами и аріанами—варварами (стр. 634). Притомъ полудикіе вандалы необузданно предались наслажденіямъ въ покоренной ими богатой странѣ, суровая воинственность ихъ замѣнилась изнѣженностью. Мавританскія племена, составлявшія коренное населеніе края, стали нападать на вандаловъ и возвращали себѣ владѣніе областями, утраченными при первомъ свирѣпомъ натискѣ завоевателей; они все болѣе и болѣе оттѣсняли вандаловъ къ приморью. Трасамундъ, прославляемый за красоту, умъ и образованность, возвратилъ вандальскому царству нѣкоторый блескъ. Онъ вступилъ въ тѣсныя сношенія съ Теодерихомъ Великимъ и женился на его сестрѣ Амалафридѣ; 1000 отборныхъ готскихъ воиновъ сопровождали невѣсту; приданымъ за нею была югозападная часть Сициліи съ городомъ Лилибеемъ (Марсалой). Мы знаемъ, что преемникъ Трасамунда Гильдерихъ отбросилъ систему гоненія на православныхъ, которой держались его предшественники (стр. 634). Онъ не только оказывалъ вѣротерпимость къ православнымъ, но поссорился съ итальянскими и испанскими готами и сблизился съ византійскимъ дворомъ; вдовствующая королева Амалафрида и оставшіеся при ней готы навлекли на себя подозрѣніе въ томъ, что хотятъ при помощи мавровъ низвергнуть короля. Они бѣжали, были настигнуты при Копсѣ и побѣждены; Амалафрида была брошена въ темницу и умерла тамъ; тѣ ея спутники, которые не были убиты въ сраженіи, были казнены. Этимъ жестокимъ поступкомъ съ сестрой Теодериха остготскаго и ея соплеменниками Гильдерихъ навлекъ на себя ненависть остготовъ и, чтобы уменьшить для себя опасность войны съ ними, онъ вступилъ въ сношенія съ Юстиніаномъ, который тогда былъ наслѣдникомъ византійскаго престола; кромѣ того онъ издалъ въ началѣ своего правленія эдиктъ о вѣротерпимости, по которому было дозволено торжественное совершеніе православнаго богослуженія, и 200 православныхъ епископовъ, находившихся въ изгнаніи, возвратились къ своимъ церквамъ. Вандальскій король и Юстиніанъ поддерживали между собою дружбу посольствами и взаимными подарками. Вандалы негодовали на то, что Гильдерихъ измѣняетъ обычаямъ и политикѣ предковъ. Притомъ онъ былъ человѣкъ мягкаго характера, не любившій войны, и его правленіе не имѣло блеска побѣдъ, который привлекалъ бы къ нему грубыхъ его соплеменниковъ; негодованіе перешло въ мятежъ; бунтъ вспыхнулъ по поводу того, что двоюродный братъ короля, Гоамеръ, котораго називали вандальскимъ Ахиллесомъ, былъ разбитъ маврами, и Гильдерихъ отправилъ къ Юстиніану новое посольство съ просьбою о помощи. Гелимеръ, родственникъ короля, потомокъ Гензериха, называлъ Гильдериха измѣнникомъ, который хочетъ отдать госу-

дарство подъ власть византійскому императору. Его слова нашли себѣ большое сочувствіе у вандаловъ. Гильдерихъ, Гоамеръ и его братъ были брошены въ темницу, а Гелимеръ провозглашенъ королемъ. Многіе изъ приверженцевъ низложеннаго короля были наказаны конфискаціей имущества или даже казнены. Гоненіе на православныхъ возобновилось съ прежней суровостью.

Юстиніанъ и Гелимеръ.

При извѣстіи объ этомъ, Юстиніанъ сдѣлалъ большія и унизительныя уступки Хосрою и заключилъ съ нимъ «вѣчный миръ», чтобы получить свободу для исполненія въ Африкѣ тѣхъ обязанностей, какія возлагали на него дружба и религія. Онъ писалъ Гелимеру предостереженія, требовалъ, чтобы узурпаторъ воздержался отъ насилій, которыя навлекутъ на него гнѣвъ Бога и византійскаго императора, не нарушалъ правилъ престолонаслѣдія, установленныхъ Гензерихомъ, возвратилъ престолъ больному старику Гильдериху или, по крайней мѣрѣ, отпустилъ его въ Константинополь. Гелимеръ отвѣчалъ ссылкой на обычай вандаловъ избирать королемъ самаго храбраго изъ людей королевскаго рода, въ обиду Юстиніану увеличилъ суровость, съ какою держалъ Гелимера подъ стражей, и ослѣпилъ Гоамера. При всемъ желаніи Юстиніана отмстить, при всей его жаждѣ побѣдъ, его совѣтники говорили противъ войны съ вандалами такъ сильно, что онъ колебался начать ее. Въ особенности Іоаннъ Каппадокійскій очень настойчиво доказывалъ, что опасно было бы посылать войско за море въ отдаленную страну противъ храбраго народа. Юстиніанъ, быть можетъ, вовсе отказался бъ отъ намѣренія воевать съ вандалами или, по крайней мѣрѣ, отложилъ бы войну надолго, если бъ не получилъ религіознаго одобренія отъ одного изъ своихъ епископовъ, который объявилъ императору, что видѣлъ сонъ, предвѣщающій несомнѣнную побѣду. Около того-же времени Юстиніанъ узналъ, что вандальское государство разстроено раздорами, что приверженцы Гильдериха перейдутъ на сторону византійскаго войска, что Пуденцій, африканскій римлянинъ, человѣкъ могущественный, хочетъ отдать византійцамъ Трипольскую область, что Года, храбрый вандальскій правитель Сардиніи, отказалъ въ повиновеніи Гелимеру и проситъ дружбы императора. Юстиніанъ пересталъ колебаться, велѣлъ готовить корабли и войско, возложилъ на себя постъ и молился, чтобы Богъ благословилъ начинаемое имъ великое и святое дѣло. Самъ онъ, по своему обыкновенію, не принялъ участія въ экспедиціи; онъ вообще не любилъ подвергать себя опасностямъ и лишеніямъ войны; онъ правилъ военными дѣлами, не выходя изъ константинопольскаго дворца.

Велизарій и Антонина.

Главнокомандующимъ экспедиціи былъ назначенъ Велизарій, великій полководецъ, человѣкъ низкаго происхожденія, сынъ ѳракійскаго поселянина, не получившій порядочнаго воспитанія, но проявившій свои военные таланты въ войнѣ съ персами и оказавшій громадную услугу Юстиніану подавлені-

емъ мятежа партій гипподрома. Впрочемъ милость императора къ нему была основана не на однихъ только талантахъ и заслугахъ его: онъ имѣлъ то важное въ глазахъ Юстиніана достоинство, что былъ послушенъ желаніямъ государя; и притомъ онъ былъ мужъ Антонины, находившейся въ большой дружбѣ съ Ѳеодорою. Антонина была тоже низкаго происхожденія, съ молодости вела развратную жизнь и по замужствѣ продолжала развратничать. Но она была очень умна, чрезвычайно ловко вела интриги, имѣла твердый характеръ, неутомимо раздѣляла съ мужемъ всѣ труды походной жизни; благодаря тому, она владычествовала надъ Велизаріемъ, который и вообще былъ, какъ человѣкъ, менѣе достоинъ уваженія, чѣмъ какъ полководецъ. На войнѣ онъ былъ энергиченъ и рѣшителенъ, умъ его оставался въ битвѣ ясенъ, онъ превосходно управлялъ дѣйствіями войскъ; его прекрасная, величественная наружность внушала уваженіе воинамъ, его личная храбрость одушевляла ихъ мужество; онъ велъ переговоры съ такимъ же мастерствомъ, какъ военныя дѣйствія, и съ благородной сострадательностью старался смягчать бѣдствія, приносимыя людямъ войною; но въ своей личной жизни онъ былъ человѣкъ слабаго характера, не имѣлъ благородной гордости, былъ лишенъ чувства истинной чести, дружба его была не надежна, онъ поддавался своимъ капризамъ, раболѣпствовалъ передъ Юстиніаномъ и Ѳеодорой, слѣпо довѣрялъ каждому слову своей жены, которая безъ всякихъ стѣсненій предавалась своей страсти къ одному изъ молодыхъ людей, находившихся въ свитѣ ея мужа, Ѳеодосію. Она въ молодости была дружна съ Ѳеодорой, занимаясь вмѣстѣ съ нею развратомъ, потомъ онѣ поссорились изъ-за соперничества въ торговлѣ собою, наконецъ опять подружились, какъ женщины, которымъ нечего стыдиться за свое прошлое другъ передъ другомъ. Поддерживаемая Ѳеодорой, Антонина безпощадно преслѣдовала всѣхъ, осуждавшихъ ея любовную связь съ Ѳеодосіемъ, въ томъ числѣ и своего сына отъ перваго брака, Фотія.

Военныя силы, данныя Велизарію.

Приготовленія къ экспедиціи противъ вандаловъ дѣлались съ такой заботливостью, какой требовала трудность войны. Но все таки мы видимъ по этимъ приготовленіямъ жалкій упадокъ силъ византійской имперіи. Было собрано 500 транспортныхъ судовъ; на нихъ было посажено войско, состоявшее изъ 10000 человѣкъ пѣхоты и 5000 конницы. Эти корабли пошли подъ охраной 92 военныхъ кораблей, небольшого размѣра, на которыхъ было только 2000 матросовъ. Такъ незначительно по своему числу было войско, которое поплыло теперь въ Африку покорить народъ, сто лѣтъ бывшій ужасомъ греко-римскаго міра и имѣвшій войско въ десять разъ болѣе многочисленное. Притомъ значительная часть воиновъ Велизарія были варвары, служившіе по найму, герулы, массагеты и гунны (массагетами и гуннами византійцы дорожили какъ всадниками, искусно стрѣ-

лявшими изъ лука на всемъ скаку). Число византійскаго войска было слишкомъ недостаточно для войны съ вандалами; но недостатокъ числа воиновъ съ избыткомъ вознаграждался геніальностью полководца, который былъ сдѣланъ главнокомандующимъ на морѣ и сушѣ съ неограниченнымъ полномочіемъ. При Велизаріѣ находился отрядъ тѣлохранителей, отборныхъ воиновъ, которыхъ содержалъ онъ на свой собственный счетъ; онъ обращался съ ними очень любезно, и они горѣли желаніемъ показать себя достойными его милости, его довѣрія къ ихъ мужеству. Велизарій превосходно умѣлъ держать въ повиновеніи свое разноплеменное войско и внушать иноземнымъ наемникамъ преданность къ нему.

Переѣздъ въ Африку 533.

Около времени лѣтняго солнцестоянія 533 года флотъ, получивъ благословеніе отъ патріарха константинопольскаго, вышелъ изъ византійской гавани, медленно плылъ по Геллеспонту и Архипелагу, остановился у мессенскаго берега близъ Метоны; тутъ войску былъ данъ небольшой отдыхъ, а Велизарій собралъ запасъ хорошаго провіанта въ замѣнъ того, который былъ данъ войску въ Константинополѣ: Іоаннъ Каппадокійскій, заготовлявшій продовольствіе, такъ скупился и воровалъ, что отпущенный имъ провіантъ оказался непригоденъ въ пищу. Изъ метонской гавани флотъ пошелъ по Іонійскому морю. Безвѣтріе замедлило плаваніе, такъ что войско стало терпѣть недостатокъ въ водѣ; наконецъ флотъ присталъ къ южному углу Сициліи; тамъ остготскіе правители изобильно снабдили войско всѣмъ надобнымъ для него и, по ненависти къ вандаламъ, вообще оказали всевозможное содѣйствіе экспедиціи. Прокопій говоритъ, что вандалы не знали о приближеніи византійскаго флота, и африканскій берегъ оставался беззащитенъ; что Велизарій, услышавъ объ этомъ, поспѣшилъ отплыть въ Африку. Благодаря попутному восточному вѣтру, переѣздъ былъ быстръ. Проплывъ мимо Мальты, Велизарій достигъ африканскаго берега у мыса Капутвады, въ пяти переходахъ отъ Карѳагена. Онъ тотчасъ же вывелъ войско на берегъ, потому что воины его очень боялись сраженія на морѣ съ вандалами. Онъ оставилъ небольшой отрядъ для охраненія кораблей и расположился укрѣпленнымъ станомъ по сосѣдству.

Африканская война.

Счастье, удивительнымъ образомъ благопріятствовавшее Велизарію во все время его трехмѣсячнаго плаванія, оставалось вѣрно ему и въ Африкѣ. Онъ разсчитывалъ не столько на силу своего войска, сколько на ненависть туземцевъ къ аріанамъ-вандаламъ; потому держалъ воиновъ въ строгой дисциплинѣ, чтобъ они не раздражили туземцевъ грабежомъ, не заставили ихъ своими обидами соединиться съ вандалами для отраженія византійцевъ. Онъ не ошибся въ своемъ ожиданіи. Африканцы, привлеченные его кротостью и обѣщаніями, радостно отворяли ворота своихъ городовъ греческому войску, изобильно снабжали его всѣмъ надобнымъ, торжествовали, какъ счастливый обо-

ротъ судьбы, свое возвращенiе подъ власть императора, защитника ихъ церкви. Велизарiй прошелъ какъ по союзной странѣ отъ Силлекта черезъ Лептиду и Адруметъ до Грассы, загороднаго дворца вандальскихъ королей. Тамъ, подъ густой тѣнью рощъ, у прохладныхъ ручьевъ, утомленные воины отдохнули, наслаждаясь превосходными фруктами садовъ. Велизарiй шелъ въ Грассу берегомъ моря, соблюдая величайшiй порядокъ и осторожность. Его агенты, изобильно снабженные деньгами, возбуждали между тѣмъ раздоры у вандаловъ. Они говорили, что Велизарiй приплылъ не для того, чтобы воевать съ вандалами; онъ не хочетъ нарушать вѣчнаго мира, заключеннаго византiйцами съ Генсерихомъ; онъ хочетъ только низвергнуть тиранна, нарушавшаго установленный Генсерихомъ порядокъ престолонаслѣдiя и преступно мучащаго своихъ родныхъ.

Нравы вандаловъ.

Вандалы уже не были тѣмъ воинственнымъ народомъ, какъ прежде. Жаркое солнце Африки и доставшiяся имъ въ ней богатства разслабили ихъ энергiю въ долгiе годы мира; германская военная простота замѣнилась у нихъ роскошной, изнѣженной жизнью. «Изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ народовъ вандалы были самымъ изнѣженнымъ», говоритъ Прокопiй (книга II, глава 6). Овладѣвъ Африкой, они каждый день проводили много времени въ банѣ и каждый день ихъ обѣдъ состоялъ изъ самыхъ изысканныхъ и лакомыхъ кушанiй, какiя только могутъ доставить земля и море; всегда онъ былъ изобиленъ и роскошенъ. Почти всѣ они носили золотыя украшенiя и щегольскую одежду, которая называется шелковой, и проводили время въ театрахъ, циркахъ и другихъ развлеченiяхъ, изъ которыхъ особенно любили охоту. У нихъ существовали танцоры, мимы, множество всяческихъ наслажденiй для слуха и зрѣнiя, вообще всѣ тѣ зрѣлища, на какiя прiятно смотрѣть людямъ. Многiе изъ нихъ жили въ садахъ, украшенныхъ бассейнами, фонтанами, искусственными ручьями, проводили почти все свое время въ пирахъ и развратѣ». Строгiя правила Генсериха были скоро покинуты, тѣмъ болѣе, что и самъ онъ въ послѣднiе годы жизни предался роскоши и сладострастiю.

Битва у Десятой мили.

Но въ рѣшительную минуту Гелимеръ выказалъ мужество, проявившееся, впрочемъ, грубой жестокостью. Онъ казнилъ низложеннаго короля и его приверженцевъ, которыхъ держалъ къ темницѣ (ослѣпленный Гоамеръ умеръ раньше). Онъ заключилъ въ темницу греческихъ купцовъ и тѣхъ жителей Карѳагена, которымъ не довѣрялъ. Обезпечивъ себя отъ мятежей, онъ пошелъ на врага съ коннымъ войскомъ, которое было несравненно многочисленнѣе греческаго. Онъ встрѣтилъ осторожно подвигавшагося Велизарiя у Десятой мили (Decimum). Самъ онъ съ главными силами пошелъ въ обходъ, чтобы напасть на грековъ съ тыла, а его братъ Аммата и его племянникъ Гибамундъ должны были напасть на нихъ съ фронта и съ лѣваго фланга. Но когда онъ пришелъ на мѣсто битвы, она уже

получила несчастный для вандаловъ оборотъ. Аммата, увлеченный отвагой, бросился въ бой преждевременно и лежалъ съ смертельной раною въ груди на залитой кровью землѣ подлѣ двѣнадцати убитыхъ непрiятелей; стрѣлы воиновъ обратили Гибамунда въ бѣгство; до самыхъ воротъ Карѳагена путь былъ покрытъ мертвыми и умирающими. Но неожиданной аттакой изъ-за холма, Гелимеръ оттѣснилъ непрiятеля и, если бы дѣйствовалъ рѣшительно, то могъ бы побѣдить многочисленныхъ враговъ, отряды которыхъ разошлись далеко другъ отъ друга. Но онъ потерялъ время: увивѣвъ тѣло брата, онъ остановился похоронить его. Пока онъ занимался этимъ несвоевременнымъ исполненiемъ братской обязанности, Велизарiй привелъ въ порядокъ свои колеблющiеся или бѣгущiе отряды и со всею своею конницею бросился на вандаловъ, не ожидавшихъ такого скораго возобновленiя боя; они были испуганы внезапнымъ нападенiемъ и обратились въ бѣгство. Гелимеръ торопливо ушелъ въ нумидiйскую пустыню. Онъ не довѣрялъ населенiю своей столицы: свирѣпое убiйство Гильдериха и его приверженцевъ возбудило жалость и негодованiе въ жителяхъ Карѳагена.

Вступленiе Велизарiя въ Карѳагенъ.

Велизарiй ночевалъ на полѣ битвы и на слѣдующiй день подошелъ къ Карѳагену; онъ нашелъ ворота отворенными, городъ сiялъ праздничными огнями. Но Велизарiй отложилъ вступленiе въ Карѳагенъ до слѣдующаго утра, отчасти потому, что опасался въ темнотѣ неожиданнаго нападенiя, отчасти потому, что хотѣлъ охранить жителей отъ буйства воиновъ. Скоро онъ убѣдился, что граждане Карѳагена не имѣютъ коварныхъ замысловъ. На слѣдующiй день, въ праздникъ памяти святого Кипрiана, епископа Карѳагенскаго, онъ вступилъ въ городъ торжественной процессiей; народъ встрѣчалъ его съ восторгомъ, какъ освободителя. Въ Карѳагенѣ произошла рѣзкая перемѣна: арiане искали убѣжища въ церквахъ, православные пѣли хвалы Богу; плѣнные византiйскiе купцы были освобождены изъ темницы своими стражами, съ трепетомъ просившими ихъ заступничества. Народъ радостно бросился къ гавани снять цѣпь, запиравшую входъ въ нее, открыть путь византiйскому флоту. Велизарiй выказалъ въ Карѳагенѣ благородную кротость. Онъ былъ милостивъ ко всѣмъ жителямъ города безъ различiя вѣры и племени. Его примѣръ вызвалъ такое же чувство въ его воинахъ. Онъ велъ войну такъ, что населенiе страны спокойно продолжало заниматься мирными своими дѣлами. Онъ велѣлъ поправить укрѣпленiя Карѳагена; воины, матросы и граждане соперничали между собою въ усердной работѣ, стѣны были возстановлены, рвы очищены съ неимовѣрною быстротой. Сдѣлавшись сильной крѣпостью, Карѳагенъ сталъ надежнымъ центромъ владычества Юстинiана въ Африкѣ. Князья мавровъ спѣшили выразить покорность, прося утвержденiя въ своемъ

санѣ. Съ тревогой за будущее, но радостно принялъ Юстиніанъ извѣстіе Велизарія о томъ, что сталъ государемъ Кареагена.

Битва у Трикамера. 533.

Гелимеръ въ это время стоялъ въ Буллѣ, на равнинѣ, находившейся въ четырехъ переходахъ отъ Кареагена. Онъ получилъ извѣстіе, что его братъ Цазонъ покорилъ Сардинію и убилъ мятежника Году. Это ободрило его, онъ собралъ вандаловъ, разсѣявшихся послѣ пораженія. Къ нему присоединились воины нѣкоторыхъ мавританскихъ племенъ, привлеченные надеждой на добычу; онъ вызвалъ въ Африку своего брата съ флотомъ и войскомъ изъ Сардиніи, чтобы общими силами напасть на Велизарія. Перекопалъ рвомъ водопроводъ, доставлявшій воду въ Кареагенъ, и назначилъ большую награду за голову каждаго изъ воиновъ Велизарія. Цазонъ поспѣшилъ вернуться въ Африку, братья обнялись со слезами и, оплакавъ бѣдствія своего семейства, приготовились къ рѣшительной битвѣ. Войска сошлись у Трикамера, въ нѣсколькихъ миляхъ на юго-западъ

Декабрь. 533.

отъ Кареагена. Вандалы и тутъ были гораздо многочисленнѣе враговъ, но военный геній Велизарія и храбрость отряда его тѣлохранителей одержали побѣду. Войска три раза переходили раздѣлявшій ихъ ручей. То вандалы, то византійцы отступали. Вандалы, по приказанію Гелимера, сражались только мечомъ; непріятель сражался стрѣлами, дротиками, копьями. Побѣда была рѣшена только тогда, когда Цазонъ и его свита были убиты, когда станъ Гелимера былъ взятъ; и онъ съ небольшимъ отрядомъ поскакалъ въ Нумидію. Вандалы, узнавъ, что король покинулъ ихъ, разсѣялись, думая только о спасеніи жизни; греки овладѣли въ станѣ ихъ массами сокровищъ и всю ночь преслѣдовали бѣгущихъ; мужчинъ они убивали, женщинъ и дѣтей брали въ рабство. Велизарій напрасно старался обуздать алчность и грубыя животныя чувства своихъ воиновъ: въ эти часы ярости они не слушали его. Онъ провелъ ночь на полѣ битвы, глубоко опечаленный; онъ опасался, что разсѣявшееся войско его можетъ подвергнуться нападенію. Только на слѣдующее утро удалось ему собрать своихъ воиновъ, возстановить порядокъ и дисциплину. Онъ преслѣдовалъ бѣгущаго Гелимера до Гиппона; но услышавъ, что Гелимеръ съ остатками своей свиты ушелъ въ мавританскія горы, остановился; въ зимнія непогоды идти въ горы было бы гибельно для его войскъ. Онъ захватилъ сокровища Гелимера въ то самое время, когда вандалы хотѣли увезти ихъ въ Испанію и возвратился въ Кареагенъ, оставивъ отборный отрядъ геруловъ стеречь Гелимера въ его горномъ убѣжищѣ. У вандаловъ, просившихъ пощады, онъ отбиралъ оружіе и принималъ ихъ подъ свое

Побѣды Велизарія.

покровительство. Въ три мѣсяца Велизарій сокрушилъ владычество вандаловъ и присоединилъ къ византійской имперіи провинцію Африку, которая была нѣкогда житницей Италіи. Битвой при Трикамерѣ судьба войны была рѣшена; Велизарію оставалось только побѣждать

безъ всякаго труда и принимать заявленія покорности. Когда его помощникъ, Кириллъ, приплылъ съ частью флота къ сардинскому берегу и, въ подтвержденіе своихъ словъ о побѣдахъ Велизарія, показалъ голову Цазона, островъ покорился безъ всякаго сопротивленія. Примѣру Сардиніи послѣдовали вандалы въ Корсикѣ и на Балеарскихъ островахъ. Велизарій потребовалъ даже, чтобы ему была сдана сицилійская крѣпость Лилибей, принадлежавшая прежде вандаламъ и отнятая у нихъ остготами послѣ убійства Амалафриды. Греческій флотъ снова господствовалъ на Средиземномъ морѣ. Скоро покорились Юстиніану Цезарея, на мѣстѣ которой стоитъ нынѣ Алжиръ, и крѣпость Сентъ, нынѣшняго Сеута, на южномъ берегу Гибральтарскаго пролива. Вандалы не боялись нападеній внѣшнихъ враговъ и оставляли безъ поправокъ разрушающіяся отъ времени стѣны крѣпостей, въ которыхъ могли бы укрываться туземные инсургенты. Плохое состояніе крѣпостей облегчало теперь покореніе страны. Скоро все приморье отъ Триполя до западной Мавританіи признало надъ собою власть Юстиніана. Африканское государство вандаловъ перестало существовать.

Судьба Гелимера.

Гелимеръ съ отрядомъ мавровъ и вандаловъ еще держался въ неприступной крѣпости на одной изъ нумидійскихъ горъ, но герульскій князь Фара блокировалъ крѣпость, не пропускалъ въ нее съѣстныхъ припасовъ, и осажденные скоро стали страдать отъ голода. Гелимеръ хотѣлъ прорваться сквозь непріятельскія линіи, но отважная вылазка была отражена съ большимъ урономъ для него. Вандалы, привыкшіе къ роскошной жизни, имѣли теперь своими пріютами жалкія хижины, сбитыя изъ глины, и скудной пищей ихъ былъ хлѣбъ изъ овса или ячменя, плохо выпеченный въ горячемъ пеплѣ. Кромѣ этихъ лишеній Гелимеръ страдалъ печалью о томъ, что долженъ выносить наглость своихъ мавританскихъ защитниковъ и мучился опасеніемъ, что, привыкшіе къ измѣнамъ, они выдадутъ его за деньги врагу. Но напрасно Фара изъ состраданія убѣждалъ его покориться, принять великодушныя предложенія императора и Велизарія. Гелимеръ отвѣчалъ, что не хочетъ быть рабомъ государя, который безъ всякой справедливой причины низвергъ его съ престола въ бѣдственное положеніе. Онъ просилъ только, чтобы Фара прислалъ ему хлѣба утолить его голодъ, губку осушить слезы, текущія изъ глазъ, и лютню, чтобы подъ звуки ея онъ пѣлъ о своихъ бѣдствіяхъ. Фара исполнилъ его просьбу и продолжалъ зорко держать его въ блокадѣ. Упрямство Гелимера было наконецъ сломлено силою необходимости. Послы Велизарія обѣщали ему отъ имени императора жизнь и безобидное обращеніе съ нимъ; онъ сошелъ съ горы. Велизарій далъ ему аудіенцію въ одномъ изъ предмѣстій Кареагена. Глаза его уже не плакали: онъ чувствовалъ, что земное величіе суета, недостойная сожалѣнія.

Возвращеніе и тріумфъ Велизарія 534.

Вскорѣ послѣ того Велизарій съ своими тѣлохранителями, сокровищами и плѣнниками поплылъ въ Константинополь, чтобы поспѣшностью возвращенія доказать свою вѣрность и разсѣять клевету коварныхъ царедворцевъ, говорившихъ, что онъ хочетъ сдѣлаться государемъ покореннаго имъ королевства. Его покорность уничтожила подозрѣнія Юстиніана и, въ благодарности своей, императоръ далъ третьему покорителю Кареагена почесть тріумфа, невиданнаго въ новомъ Римѣ. Народъ съ удивленіемъ смотрѣлъ на массы сокровищъ, которыя были награблены вандалами изъ всѣхъ областей имперіи, а теперь привезены въ столицу византійскаго государства *); самъ Велизарій шелъ пѣшкомъ впереди своихъ тѣлохранителей. Передъ нимъ шли длиннымъ рядомъ знатнѣйшіе вандалы, люди высокаго роста и гордой осанки; между ними и Гелимеръ въ королевской порфирѣ; плѣнный король шелъ съ гордымъ видомъ, но много разъ повторилъ слова Экклезіаста «все суста»,—изреченіе, справедливость котораго такъ ясно показывалъ его собственный примѣръ. Надобно было употребить насиліе, конечно только формальное насиліе, легкое прикосновеніе, чтобы заставить Гелимера, приведеннаго въ гипподромъ къ престолу, на которомъ сидѣлъ Юстиніанъ, упасть къ ногамъ государя, никогда не бывшаго на войнѣ, и сидѣвшей подлѣ него императрицы, которая прежде была танцовщицей на сценѣ театра. Велизарій былъ назначенъ единственнымъ консуломъ слѣдующаго (535) года, и день вступленія его въ эту должность былъ вторымъ тріумфомъ для него: побѣжденные вандалы везли колесницу побѣдителя, щедро бросавшаго народу золото и серебро вандальской казны. Судьба плѣнныхъ не была сурова. Гелимеру было подарено богатое имѣнье въ Галліи; онъ жилъ тамъ съ своимъ семействомъ, спокойно пользуясь изобиліемъ; Юстиніанъ хотѣлъ дать ему титулы патриція и сенатора, но сдѣлать этого было нельзя, потому что онъ не согласился отказаться отъ аріанства. Дочери Гильдериха были воспитаны сообразно высокому сану ихъ; имъ оказывали весь тотъ почетъ, какого были достойны онѣ по своему происхожденію. Молодые плѣнники были приняты на службу въ византійскомъ войскѣ, изъ нихъ было сформировано пять отрядовъ конницы, названныхъ вандальскими, и скоро они имѣли возможность показать на войнѣ храбрость, достойную ихъ предковъ.

Состояніе вандальскаго государства предъ его паденіемъ.

Такимъ образомъ вандальское государство исчезло изъ исторіи, просуществовавъ 100 лѣтъ. Германскіе воины, послѣ долгой бродячей жизни поселившіеся на роскошныхъ поляхъ Африки, не захотѣли предоставить туземцамъ равноправность, соединиться съ ними въ одно общество и укрѣпить этимъ свои силы. Завоевавъ страну, они отняли у туземцевъ всѣ земли, какія хотѣли, не стѣсняя себя никакими правилами. Они взяли у собственниковъ прекраснѣйшія имѣнья въ Зевгитанской области близъ Кареагена, прогнали прежнихъ владѣльцевъ или сдѣлали ихъ своими работниками; ихъ суровое владычество, основанное на войнѣ и грабежѣ, не нуждалось ни въ римской администраціи, ни въ римской юриспруденціи, ни вообще въ образованности; потому, вѣроятно, лишь очень немногіе туземцы занимали придворныя или правительственныя должности въ вандальскомъ государствѣ. Притомъ религіозныя отношенія аріанъ-вандаловъ къ православнымъ туземцамъ были очень враждебны; ни одно изъ аріанскихъ племенъ германцевъ не преслѣдовало православныхъ съ такою жестокостью, какъ вандалы. Такимъ образомъ между ними и туземцами не возникло никакихъ связей. Вандалы составляли военное сословіе государства; ихъ имѣнья лежали всѣ въ одной группѣ, занимая роскошную область, центромъ которой былъ Кареагенъ. Ихъ графы или гардинги (вельможи) жили въ этихъ имѣньяхъ, наслаждаясь богатствомъ, освобожденные отъ всякихъ налоговъ. Поселяне, подвластные господину, и рабы воздѣлывали его поля или невольническимъ трудомъ, или съ обязанностью отдавать ему извѣстную долю продуктовъ и пасли его многочисленныя стада; а сами вандалы только ходили на войну, плавали за море грабить и, возвращаясь домой, пировали. Дальше отъ Кареагена туземцы жили по-прежнему, платили дань королю и подвергались гоненіямъ отъ аріанскаго фанатизма завоевателей. Вандалы владычествовали въ Африкѣ только мечомъ, власть ихъ могла поддерживаться только подъ условіемъ того, чтобъ они сохраняли воинственность. Но роскошная жизнь изнѣжила ихъ, рука ихъ ослабѣла, они отвыкли отъ военнаго дѣла; между ними возникли раздоры, порвавшіе племенное единодушіе. Честолюбіе Гелимера нарушило установленный Генсерихомъ порядокъ престолонаслѣдія, вандалы снова сдѣлали королевскій санъ выборной должностью и поняли возстановленіе прежнихъ правъ, какъ свободу буйствовать; въ государствѣ стала господствовать анархія, военное владычество вандаловъ расшаталось, и достаточно было явиться не очень большому непріятельскому войску, чтобы разрушить его и возстановить порядокъ, какой былъ до вандаловъ. Когда Велизарій уплылъ изъ Африки, осѣдлое населеніе страны было проникнуто преданностью императору. Только кочевыя племена мавровъ, имѣвшія къ вандаламъ болѣе расположенія, чѣмъ къ прежнему римскому правительству, искусные конные стрѣлки, помогавшіе имъ въ ихъ сухопутныхъ войнахъ и въ ихъ грабежахъ за моремъ, хотѣли воспользоваться тѣмъ, что въ Африкѣ осталось мало византійскаго войска и стали-было грабить страну; но эвнухъ Соломонъ, преемникъ Велизарія, смѣло пошелъ на нихъ, разбилъ ихъ и загналъ въ горы и песчаныя степи. Онъ взошелъ на Авразійскій хребетъ, въ очаровательныхъ долинахъ котораго, обильныхъ ручьями, находились роскошныя нивы, а по склонамъ горъ были разведены фруктовые сады; онъ построилъ тамъ укрѣпленія и упрочилъ власть императора надъ этой богатой горной областью.

*) Въ числѣ этихъ сокровищъ находились священныя вещи Іерусалимскаго храма, взятыя Титомъ въ Римѣ и увезенныя Генсерихомъ; благочестивый Юстиніанъ велѣлъ хранить ихъ въ одной изъ Іерусалимскихъ церквей.

Африка подъ византійской властью.

Побѣдой Соломона у Авразійскихъ горъ закончилось завоеваніе Африки, и Юстиніанъ могъ заняться устройствомъ управленія въ ней. Покоренная земля была раздѣлена на пять провинцій; главнымъ правителемъ ея былъ префектъ, жившій въ Кареагенскомъ дворцѣ. Войсками въ каждой провинціи начальствовалъ особый главнокоман-

дующій (dux). Въ Африку пріѣхали толпы византійскихъ администраторовъ и юристовъ и привезли съ собою въ награду жителямъ за ихъ преданность императору византійскую систему налоговъ и новый Юстиніановъ Кодексъ. Эти подарки такъ тяжело легли на туземцевъ, что они стали сожалѣть о временахъ владычества вандаловъ. Подавленіе аріанской ереси и секты донатистовъ, возстановленіе власти православныхъ епископовъ, возвращеніе православнымъ церквамъ имуществъ, отнятыхъ у нихъ вандалами, были распоряженія пріятныя туземцамъ. Еще важнѣе для нихъ было постановленіе, что и всѣмъ частнымъ людямъ возвращаются имущества, отнятыя у нихъ вандалами; право требовать себѣ этихъ имуществъ было дано и дѣтямъ и внукамъ прежнихъ владѣльцевъ. Но все-таки многіе туземцы стали находить, что владычество вандаловъ было легче византійскаго. Непріязнь населенія была замѣчена византійцами, да она была очевидна и потому, что въ Африкѣ цѣлыя десять лѣтъ происходили мятежи, къ инсургентамъ присоединялись отряды византійскихъ войскъ: воины, поддаваясь внушеніямъ вандалокъ, которыхъ взяли въ плѣнъ послѣ битвы при Трикамерѣ и на которыхъ женились они, примыкали къ толпамъ вандаловъ, продолжавшихъ партизанскую войну, и къ мавританскимъ хищникамъ и грабили страну. Дла подавленія этихъ мятежей Велизарію понадобилось вернуться въ Африку изъ Сициліи. Черезъ нѣсколько времени они возобновились; предводителемъ мятежниковъ былъ отважный воинъ, Стоза; онъ собралъ такія силы, что могъ дать битву на открытомъ полѣ преемнику Велизарія Соломону; оба они были убиты въ ней. При этихъ мятежахъ были уничтожены послѣдніе остатки вандальскаго народа въ Африкѣ. Тѣ вандалы, которые не погибли въ сраженіяхъ, почти всѣ были переселены въ далекія отъ Африки области; немногіе, оставшіеся въ Африкѣ, смѣшались съ туземцами и утратили свою національность. Но еще и черезъ нѣсколько столѣтій оставались въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Мавританіи люди, въ которыхъ по ихъ бѣлому цвѣту лица и русымъ волосамъ путешественники видѣли потомковъ вандаловъ. Африка была опустошена войною, мятежами; ея населеніе уменьшилось на нѣсколько милліоновъ человѣкъ, богатство исчезло; достаточные люди покинули страну, жить въ которой было тяжело, и въ Африкѣ стало наконецъ тихо, какъ на кладбищѣ. Были мѣстности, по которымъ проѣзжій ѣхалъ цѣлые дни, не встрѣчая ни одного человѣка.

---

6. Погибель Остготскаго королевства.

1. Велизарій и Витигесъ.

Амаласунта.

Остготы, по ненависти къ вандаламъ, спокойно смотрѣли на завоеваніе Африки византійцами, даже помогали ему, но скоро имъ пришлось раскаяться въ своей близорукой политикѣ. Уже строгое требованіе Велизарія, чтобъ Юстиніану была отдана сицилійская крѣпость Лилибей, могло показать имъ, что императоръ не удовольствуется Африкой. Остготами правила тогда дочь Теодериха, Амаласунта, какъ опекунша своего малолѣтняго сына, Аталариха. На требованіе Велизарія она робко отвѣчала, что предоставляетъ рѣшеніе дѣла суду императора. Ея уступчивость увеличила притязанія грековъ.—Амаласунтѣ было тогда 28 лѣтъ; ея мать была сестра короля франковъ, Хлодвига, отецъ ея былъ знаменитѣйшій государь династіи Амаловъ. Съ такою знатностью происхожденія и по отцу и по матери она соединяла всѣ достоинства превосходной женщины; она была хороша собой, образована, очень умна и была бы счастливой государыней, правящей благотворно для народа, не будь у остготовъ пренебреженія къ власти, находящейся въ рукахъ женщины и неудовольствія лично противъ нея за любовь къ образованности и къ римскимъ обычаямъ. Готамъ, напримѣръ, не нравилось то, что она немедленно по смерти Теодериха возвратила дѣтямъ Боэтія и Симмаха конфискованныя имѣнья ихъ отцовъ, что она оказывала довѣріе и расположеніе сенаторамъ, защищала своихъ римскихъ подданныхъ противъ обидъ отъ остготовъ, не дозволяла послѣднимъ подвергать римлянъ тѣлесному наказанію и денежнымъ штрафамъ, что она усердно и смиренно искала дружбы византійскаго императора, что всѣ жалобы на православное духовенство она отдавала въ первой инстанціи на судъ римскаго епископа. Готы не цѣнили ея ума и образованности, не понимали пользы того, что она говоритъ на латинскомъ и греческомъ языкахъ такъ же свободно и чисто, какъ на готскомъ: не внушало имъ уваженія и то, что она высказываетъ благоразумныя мнѣнія въ совѣщаніяхъ о правительственныхъ дѣлахъ, даетъ справедливыя рѣшенія по тяжбамъ; все это для остготовъ казалось ничтожно, они умѣли цѣнить только храбрость и физическую силу. Амаласунта руководилась совѣтами Кассіодора, благоразумнаго и даровитаго государственнаго человѣка, прославляющаго ее въ своихъ сочиненіяхъ. Но она правила такъ, что ею были довольны только римляне, не могли быть довольны грубые готы; къ несчастію для нея въ первые же годы ея правленія произошли событія, которыя глубоко оскорбили гордость готовъ и за которыя не могли они отом-

стить. Амалафрида, сестра Теодериха, умерла въ темницѣ въ Карѳагенѣ. Германфридъ, король Тюрингскій, мужъ Амалаберги, дочери Амалафриды, былъ побѣжденъ и убитъ королемъ австразійскимъ (стр. 721). Амаларихъ, король вестготскій, внукъ Теодериха, былъ измѣннически убитъ, и убійца сдѣлался его преемникомъ (стр. 716). А Юстиніанъ, чьей дружбы такъ усердно искала королева, сталъ угрожать границамъ остготскаго государства съ юга и востока.

Аталарихъ. Особенное неудовольствіе въ готахъ возбуждало то, что Амаласунта, по любви къ римской литературѣ и образованности, давала своему сыну такое воспитаніе, которое дѣлало его, какъ они полагали, неспособнымъ къ исполненію обязанностей военнаго государя. Мать заставляла его заниматься не военными упражненіями, а книгами; вмѣсто того, чтобъ оставить мальчика, по готскому обычаю, безъ всякаго присмотра играть съ товарищами, она поручила его надзору трехъ готовъ, почтенныхъ и умныхъ людей. Ему это воспитаніе точно такъ же не нравилось, какъ и готскому народу. Однажды онъ, наказанный за шалость, бѣжалъ изъ дворца къ пировавшимъ готскимъ вельможамъ и пожаловался на обиду. Нѣсколько вельможъ пошли къ королевѣ, стали говорить ей, что она хочетъ уморить сына, чтобы навсегда сохранить власть, потребовали, чтобы молодой король воспитывался точно такъ же, какъ его сверстники и вмѣстѣ съ ними. Она принуждена была покориться волѣ народа, отъ имени котораго говорили эти вельможи. Аталарихъ занялся исключительно охотой и военными играми, бросивъ ученье, сдѣлался пьяницею, развратникомъ, перестал слушаться матери, обращался съ нею грубо. Раздраженная постоянными оскорбленіями отъ буйныхъ готовъ, Амаласунта хотѣла отмстить за обиды. Она тайно велѣла спросить Юстиніана, найдетъ ли безопасный пріютъ себѣ въ его государствѣ; онъ съ радостью увѣрилъ ее въ этомъ. Она послала надежныхъ слугъ убить трехъ главныхъ ея противниковъ, находившихся тогда въ областяхъ, правителями которыхъ они были и приказала грузить на корабль собранную Теодерихомъ казну, составлявшую 40,000 фунтовъ золота. Она хотѣла уплыть на этомъ кораблѣ въ Диррахій; но узнала, что убійцы, посланные ею, удачно исполнили свое порученіе;
534. около того же времени умеръ отъ пьянства и распутства ея сынъ, на шестнадцатомъ году жизни; она отложила намѣреніе уѣхать и, увлекшись господствующею своей страстью, властолюбіемъ, стала пріискивать средства для того, чтобы наперекоръ основному закону

Амаласунта и Теодагадъ. готовъ сохранить въ своихъ рукахъ королевскую власть. Она вздумала достичь этого замужествомъ, и предложила своему двоюродному брату Теодагаду, послѣднему потомку рода Амаловъ, сдѣлаться ея мужемъ, подъ условіемъ, что онъ будетъ довольствоваться титуломъ короля, а управленіе предоставитъ исключительно ей. Теодагадъ, бывшій графомъ (правителемъ) Этруріи, навлекъ на себя всеобщую

ненависть алчностью и деспотизмомъ; сама Амаласунта часто дѣлала ему выговоры за его противозаконные поступки. Онъ не колеблясь далъ клятву, которую теперь требовала она; присяга его была только обманъ. По порученію королевы, Кассіодоръ въ краснорѣчивыхъ выраженіяхъ извѣстилъ римскій сенатъ и византійскаго императора о вступленіи Амаласунты и Теодагада на итальянскій престолъ. Юстиніану можно было радоваться, что правленіе переходитъ въ руки, которыя совершенно разстроятъ остготское государство и подготовятъ ему завоеваніе Италіи: Теодагадъ былъ давно опутанъ сѣтями византійской политики; агентъ Юстиніана, Петръ, человѣкъ ловкій и краснорѣчивый, имѣлъ такое вліяніе на Теодагада, что онъ ужь предлагалъ Юстиніану отдать византійскому войску Этрурію, если императоръ дастъ ему хорошее денежное вознагражденіе и санъ византійскаго сенатора.

„Теодагадъ былъ человѣкъ не бездарный“, говоритъ Абель, „но не имѣлъ ни одного изъ качествъ, необходимыхъ королю. Мысли его были шатки, у него не было ни энергіи, ни мужества; при всемъ своемъ умѣ онъ былъ способенъ на самые безчестные поступки, потому что по мелочности и слабости характера не имѣлъ силы подчинять свои личныя желанія общему благу; вельможа государства, которое было основано и продолжало держаться только силой оружія, онъ не имѣлъ никакого понятія о военномъ дѣлѣ; вмѣсто того, чтобы быть воиномъ, онъ разыгрывалъ ученаго, углублялся въ мистическое фантазерство, называвшееся неоплатонизмомъ, и разсуждалъ о богословскихъ вопросахъ, о которыхъ шли тогда споры“.

Правленіе Амаласунты по ея замужествѣ было непродолжительно. Теодагадъ, раздраженный справедливымъ презрѣніемъ, которое явно выказывала ему Амаласунта, и въ свою очередь увлекаемый властолюбіемъ, перешелъ на сторону ея враговъ и, черезъ нѣсколько недѣль по своемъ восшествіи на престолъ, велѣлъ схватить ее и отвезти на маленькій островъ Больсенскаго озера; тамъ нѣсколько времени держали ее подъ стражей, потомъ по приказанію или съ согласія короля умертвили въ банѣ. Родственники убитыхъ ею вельможъ требовали ея смерти; ея судьба—одинъ изъ тѣхъ случаевъ, когда преступленіе не остается безнаказаннымъ.

Теодагадъ могъ бы заставить готовъ простить ему убійство Амаласунты, только заслуживъ ихъ уваженіе славными подвигами. Война съ Византіею была неизбѣжна; если бъ онъ явился защитникомъ національной независимости, онъ могъ бы—конечно, не смыть, но хотя закрыть блескомъ геройства черное пятно злодѣйства. Амаласунта въ своемъ затруднительномъ положеніи сдѣлала ту ошибку, что вступила съ византійскимъ императоромъ въ тайныя сношенія, которыя вели къ отдачѣ Италіи подъ его владычество; самъ Теодагадъ передъ своимъ вступленіемъ на престолъ велъ съ императоромъ пере- Трусость Теодагада.

говоры о томъ, чтобъ отдать ему Этрурію; теперь, сдѣлавшись королемъ, онъ долженъ былъ бы рѣшительно разорвать всѣ переговоры подобнаго рода и стать военнымъ государемъ, слѣдовать примѣру своего дяди, Теодериха. Это было бы единственнымъ спасеніемъ ему. Но убійца Амаласунты не былъ способенъ держать себя мужественно. Когда Юстиніанъ, получавшій отъ своихъ пословъ точныя свѣдѣнія объ итальянскихъ событіяхъ, выразилъ глубокое сожалѣніе о смерти Амаласунты и его посланникъ объявилъ Теодагаду, что онъ отмститъ за нее, остготскій король совершенно оробѣлъ. Самъ онъ сталъ писать императору униженныя увѣренія въ своей преданности и покорности, а жена его, Гуделина, умоляла о заступничествѣ императрицу. Онъ говорилъ, что Амаласунта убита готами противъ его воли. Юстиніанъ сталъ готовиться къ войнѣ; его полководецъ Мундъ вступилъ въ Далмацію и взялъ Салону; Велизарій, мечъ котораго еще дымился кровью вандаловъ, переплылъ въ Сицилію, и хотя имѣлъ очень мало войска, быстро покорилъ весь островъ, одолѣвъ слабое сопротивленіе, которое встрѣтилъ въ Панормѣ. Теодагадъ совершенно упалъ духомъ. Онъ призвалъ къ себѣ Петра, византійскаго посланника, еще остававшагося въ Италіи, и сказалъ, что готовъ уступить императору Сицилію, ежегодно посылать ему золотую корону вѣсомъ въ 300 фунтовъ и, когда онъ потребуетъ, отправлять въ его войско 3,000 готовъ; кромѣ того обязывался не наказывать духовныхъ лицъ и сенаторовъ смертью или конфискаціею безъ позволенія императора, не давать сенаторскаго сана безъ его согласія; обѣщалъ, что на народныхъ играхъ и во всѣхъ другихъ торжественныхъ случаяхъ имя императора будетъ провозглашаемо передъ его именемъ. Какъ ни унизительны для короля были эти его предложенія, трусъ боялся, что Юстиніанъ отвергнетъ ихъ и не остановитъ войны, потому унизилъ себя еще болѣе: мучимый страхомъ, онъ послалъ вернуть въ Равенну Петра, уже отплывшаго изъ Италіи, и спросилъ его, думаетъ ли онъ, что императоръ пріиметъ посылаемыя черезъ него условія. Петръ сказалъ, что императоръ вѣроятно пріиметъ ихъ.—«А что будетъ, если не пріиметъ?»—спросилъ трусъ.—«Тогда тебѣ пріидется вести войну», отвѣчалъ Петръ; увидѣвъ, что Теодагадъ впалъ въ отчаяніе при мысли о войнѣ, Петръ сталъ говорить, что каждый дѣйствуетъ по своему характеру, что онъ, Теодагадъ, родился философомъ и не долженъ обагрять своихъ рукъ кровью, а императоръ желаетъ завоевать всѣ земли, принадлежавшія имперіи. Теодагадъ поклялся уступить Юстиніану все свое государство за вознагражденіе имѣньями, доходъ съ которыхъ составлялъ бы 1,200 фунтовъ золота, и взялъ съ Петра обѣщаніе передать императору это его предложеніе лишь въ томъ случаѣ, если Юстиніанъ не согласится на условія, высказанныя въ прежнемъ свиданіи;—прося Петра объ этомъ, Теодагадъ давалъ ему новое дока-

зательство своего безразсудства. Разумѣется императоръ отвергъ прежнія условія, принялъ предложеніе Теодагада отречься отъ власти, похвалилъ его за разсудительность и миролюбіе, обѣщалъ дать ему, сверхъ просимаго дохода, самыя высокія почести. Съ тѣмъ вмѣстѣ, онъ послалъ Велизарію, усмирившему возстаніе въ Африкѣ, приказаніе какъ можно скорѣе плыть съ войскомъ въ Италію, отдаваемую Теодагадомъ.

Колебаніе Теодагада.

Но Велизарію не пришлось занять Италію мирнымъ образомъ. Теодагадъ своимъ непостоянствомъ лишилъ себя пользы, какую хотѣлъ получить униженіемъ. Пока шли переговоры, готы одержали въ Далмаціи побѣду надъ византійцами и отняли у нихъ Салону. Теодагадъ такъ возгордился, что отрекся исполнить свое обѣщаніе императору и нарушилъ международное право, велѣвъ бросить пословъ императора въ темницу. Юстиніанъ увидѣлъ, что всякіе переговоры съ Теодагадомъ напрасны и послалъ въ Иллирикъ новое войско. Къ началу зимы Салона была уже опять отнята у готовъ, Далмація и Либурнія были снова покорены, готское войско уплыло оттуда въ Италію. Теодагадъ снова оробѣлъ и угрозами принудилъ епископовъ и сенатъ ходатайствовать передъ Юстиніаномъ о мирѣ. Юстиніанъ отвергъ ихъ посредничество и повторилъ приказаніе Велизарію занять Италію. Раздоры, происходившіе между готами, заставляли полагать, что овладѣть ею будетъ легко.

Велизарій въ южной Италіи. 536.

Весною 536 года Велизарій переправился черезъ Мессинскій проливъ и повелъ войско по Бруттію и Луканіи къ Неаполю; флотъ плылъ туда же вдоль берега. Города сдавались почти безъ сопротивленія гуманному полководцу; зять Теодагада пришелъ съ своей дружиной въ станъ Велизарія и въ награду за измѣну получилъ богатыя имѣнья и санъ патриція.—Жители Неаполя тоже хотѣли сдать городъ; но два юриста, преданные готамъ, и іудеи, обѣщавшіе снабжать гражданъ продовольствіемъ, разстроили переговоры. Велизарій осадилъ Неаполь съ моря и съ суши. Чрезъ двадцать дней отрядъ грековъ вошелъ ночью въ городъ подземнымъ ходомъ, а другіе отряды взошли на стѣны по лѣстницамъ. Алчные и раздраженные воины свирѣпствовали въ городѣ, безъ разбора убивали вооруженныхъ и безоружныхъ, не щадили даже священниковъ, грабили церкви, особенно неистовствовали гунны и массагеты. Съ трудомъ удалось наконецъ Велизарію возстановить дисциплину, прекратить убійства и грабежъ. По взятіи Неаполя покорилась византійскому императору Кампанія и вслѣдъ за тѣмъ вся остальная южная Италія.

Смерть Теодагада. Витигесъ.

Теодагадъ не дѣлалъ ничего для сопротивленія врагу. Готская конница подвинулась по Аппіевой дорогѣ до Помптинскихъ болотъ; но король спрятался за стѣнами Рима и не выходилъ оттуда. Готы убѣдились, что потомокъ Амаловъ не годится быть королемъ, что надобно избрать государя изъ другого рода. Они собрались на полѣ

въ нѣсколькихъ миляхъ къ югу отъ Рима и «подняли на щитъ», то-есть провозгласили королемъ Витигеса, человѣка незнатнаго, но знаменитаго своимъ мужествомъ. Услышавъ объ этомъ, Теодагадъ бѣжалъ, думая найдти себѣ пріютъ въ Равеннѣ, но на дорогѣ былъ убитъ однимъ изъ раздраженныхъ противъ него готовъ. Витигесъ велѣлъ взять подъ стражу его сына, поѣхалъ въ Равенну, объявилъ, что онъ «поднятъ на щитъ войскомъ по обычаю предковъ», женился на дочери Амаласунты, чтобы придать своей власти тѣнь наслѣдственнаго права этимъ бракомъ, которому напрасно противилась невѣста, и сталъ готовиться къ войнѣ, предлагая въ то же время миръ византійцамъ.

Велизарій въ Римѣ.

Но ни Юстиніанъ, ни Велизарій не хотѣли мира. Просьбы о немъ, искусно и краснорѣчиво написанныя отъ имени Витигеса Кассіодоромъ, были отвергнуты. Велизарій по Латинской дорогѣ подошелъ къ Риму. Городъ защищалъ Левдаръ; онъ былъ опытный воинъ, но имѣлъ только 4,000 человѣкъ войска; потому оборона оказалась слаба. Духовенство, сенатъ и все населеніе, изъ ненависти къ сѣвернымъ варварамъ, аріанамъ, послали Велизарію приглашеніе вступить въ городъ, желающій быть подъ властью императора, и отворили южныя ворота. Межъ тѣмъ какъ Велизарій, радостно встрѣчаемый народомъ, входилъ въ нихъ, готы уходили сѣверными воротами, и пошли къ Витигесу въ Равенну. Остался только Левдаръ. Велизарій послалъ его въ Константинополь съ ключами Рима.

10 декабря 536.

Осада Рима Витигесомъ. 537, 538.

Римляне праздновали рождество, радуясь тому, что избавились отъ аріанъ, осквернявшихъ городъ своимъ присутствіемъ, и восхищались мужествомъ и благородствомъ Велизарія, напоминавшаго имъ своими доблестями великихъ людей ихъ старины. Раздѣляли восторгъ римлянъ и граждане Нарніи, Сполеція, Перузіи, другихъ сосѣднихъ городовъ, безъ труда занятыхъ византійцами. Но ихъ радость замѣнилась тревогой: они услышали, что Витигесъ собираетъ къ себѣ всѣхъ готовъ, разсѣянныхъ по Италіи, хочетъ идти съ многочисленнымъ войскомъ на Велизарія, надѣется прогнать его изъ Италіи. Велизарій сталъ поправлять стѣны города; римляне видѣли изъ этого, что имъ предстоятъ страданія осады. Скоро къ Тибру пришло готское войско, въ которомъ было, какъ говорятъ, 150,000 человѣкъ, овладѣло съ перваго приступа Мильвіевымъ мостомъ, стало семью станами кругомъ Рима; началась осада. Она длилась цѣлый годъ. Прокопій, находившійся при Велизаріѣ, подробно и правдиво разсказываетъ, какъ энергически нападали готы на Римъ; у нихъ были осадныя машины удивительной величины и силы; разсказываетъ онъ и о томъ, съ какой предусмотрительностью Велизарій принималъ мѣры противъ ихъ осадныхъ работъ, съ какимъ искусствомъ и мужествомъ отбивалъ ихъ приступы. Велизарій умѣлъ возбудить храбрость даже въ гражданахъ Рима, давно утратившихъ воинственность; они пополнили ряды его малочисленнаго войска. Онъ соединялъ смѣлость отважнѣйшаго воина съ осторожностью искуснаго полководца и съ непоколебимой твердостью воли; онъ былъ примѣромъ геройства для своихъ воиновъ и римлянъ. Благодаря искусству Велизарія, высотѣ и прочности стѣнъ города и неопытности готовъ въ дѣлѣ веденія осадъ, Римъ выдержалъ всѣ нападенія, хотя число осаждающихъ было громадно и хотя они ходили въ бой съ безтрепетной отвагой. Всѣ приступы ихъ были отражены; отбивая ихъ, осажденные бросали со стѣнъ на враговъ все тяжелое, что имѣли, и при недостаткѣ другихъ тяжелыхъ вещей, не жалѣли даже прекраснѣйшихъ статуй, привезенныхъ нѣкогда въ Римъ изъ Греціи. Они дѣлали непрерывныя вылазки, то большими, то мелкими отрядами, не давая отдыха врагамъ. Прокопій говоритъ, что было шестьдесятъ семь большихъ сраженій, и что побѣда всегда оставалась за греками. «Такой перевѣсъ надъ многочисленностью врага получали осажденные отъ искусныхъ распоряженій Велизарія, отъ благоразумной храбрости его тѣлохранителей, которые обыкновенно шли впереди всѣхъ, отъ ловкости гунновъ, умѣвшихъ быстро нападать и отступать; гунны были на коняхъ и сражались, стрѣляя изъ лука; а готская конница билась мечами и короткими копьями, и готскіе стрѣлки были пѣшіе, потому могли сражаться только держась подъ защитой тяжелой пѣхоты», говоритъ Прокопій.

Голодъ и болѣзни въ Римѣ.

Вылазки осажденныхъ были вообще удачны; но враги, оставаясь сильнѣе ихъ, продолжали осаду; въ Римѣ начался голодъ, отъ голода появилась зараза. Велизарій передъ осадою собралъ въ Римѣ большіе запасы хлѣба изъ Сициліи и Кампаніи; но они наконецъ истощились; Остія, гавань Рима, была въ рукахъ готовъ, подвоза съ моря въ Римъ не было. Когда запасовъ осталось мало, Велизарій принялъ всѣ мѣры противъ голода, какія были возможны. Путь на югъ былъ свободенъ; Велизарій велѣлъ уйдти изъ города женщинамъ, дѣтямъ, старикамъ, вообще всѣмъ, не участвовавшимъ въ оборонѣ; выдавалъ воинамъ хлѣбъ уменьшенными порціями, увеличивъ для вознагражденія за хлѣбъ жалованье имъ; готы перерѣзали водопроводы, осажденные были принуждены пить воду изъ Тибра; Велизарій устроилъ водяныя мельницы, чтобы молоть зерновой хлѣбъ, когда истощились запасы готовой муки. Но голодъ все-таки усиливался съ каждымъ днемъ; римляне, мечтавшіе о могуществѣ и свободѣ, разочаровались, упали духомъ, жалѣли о томъ, что сдали городъ Велизарію. До него стали доходить слухи о злоумышленіяхъ; онъ удвоилъ мѣры предосторожности, изгналъ нѣсколькихъ сенаторовъ, навлекшихъ на себя подозрѣніе, низложилъ папу Сильверія, злоумышленія котораго были доказаны достовѣрными свидѣтелями и захваченною перепискою его, отправилъ его въ ссылку на Востокъ, велѣлъ римскому духовенству

выбрать новаго папу; діаконъ Вигилій купилъ себѣ покровительство Өеодоры и Антонины и по ихъ рекомендаціи былъ выбранъ.

Прибытіе подкрѣпленій къ Велизарію; перемиріе.

Извѣщая Юстиніана о своихъ прежнихъ побѣдахъ, Велизарій просилъ у него присылки подкрѣпленій и провіанта. Узнавъ, что идутъ подкрѣпленія изъ южной Италіи, а къ Остіи приближается нѣсколько кораблей съ деньгами и хлѣбомъ, онъ искусными демонстраціями и частыми вылазками задерживалъ нападенія готовъ, такъ что они не успѣли помѣшать прибытію подкрѣпленій и хлѣба въ Римъ; вмѣстѣ съ новыми войсками и хлѣбомъ прибыли въ Римъ жена Велизарія и секретарь его, Прокопій. Осажденные ободрились; готы, полагавшіе, что подкрѣпленія очень велики, потеряли надежду на успѣхъ и стали просить мира. Велизарій отвергъ ихъ предложенія и далъ имъ только перемиріе на три мѣсяца для того, чтобъ они обратились съ просьбою о мирѣ къ самому императору.
537.
Въ Остіи у готовъ не было хлѣба; они ушли оттуда къ своему войску подъ Римомъ, надѣясь, что Велизарій не будетъ дѣйствовать во время перемирія. Но какъ скоро они ушли изъ Остіи, онъ занялъ эту гавань, Циркумцеллы, Альбанъ и послалъ храбраго своего помощника Іоанна съ отрядомъ исаврянъ въ пиценскую область, овладѣть покинутыми безъ обороны городами, въ которыхъ готы оставили свои семейства и сокровища; онъ велѣлъ Іоанну щадить итальянцевъ и ихъ собственность.

Отступленіе готовъ. Мартъ 538.

Готы, раздраженные вѣроломствомъ Велизарія, сдѣлали послѣднее усиліе овладѣть Римомъ. Они хотѣли проникнуть въ городъ тайнымъ ходомъ одного изъ водопроводовъ; но зоркость Велизарія разстроила эту попытку; готы, число которыхъ значительно уменьшилось отъ голода, болѣзней и непріятельскаго оружія, совершенно упали духомъ и громко требовали отступленія. Витигесъ былъ и самъ встревоженъ извѣстіями, что дикіе исавряне Іоанна опустошаютъ всю страну отъ Апеннинъ до Адріатическаго моря, увозятъ богатую добычу и угоняютъ множество плѣнныхъ въ занятый Іоанномъ городъ Ариминъ, что онъ склоняетъ королеву, гордую дочь Амаласунты, ненавидящую мужа, сдать ему Равенну; король, испуганный этимъ, согласился на требованіе войска и велѣлъ отступить отъ Рима. Въ мартѣ 538 года готы зажгли свои станы и въ безпорядкѣ пошли черезъ Мильвіевъ мостъ. Они спѣшили, робѣли; Велизарій напалъ на ихъ тылъ и нанесъ имъ большой уронъ. Много ихъ утонуло въ Тибрѣ.

Витигесъ въ Равеннѣ.

Но отступающее готское войско оставалось еще такъ многочисленно, что Витигесъ могъ послать гарнизоны въ этрусскіе и умбрійскіе укрѣпленные города и осадить Ариминъ. Іоаннъ былъ искусный воинъ; слѣдуя примѣру Велизарія, онъ оборонялся мужественно и отбивалъ нападенія. Малочисленное войско его стало изнемогать отъ потери въ бояхъ и отъ голода; но въ это время храбрый полководецъ,

эвнухъ Нарсесъ, подоспѣлъ изъ Пицена съ 7.000 человѣкъ отборнаго войска, и пришелъ къ берегу греческій флотъ. Витигесъ снялъ осаду и поспѣшно удалился въ Равенну. Велизарій овладѣлъ почти всею среднею Италіею, и остготское царство вѣроятно было-бъ уничтожено въ томъ же году, если бы дѣйствія Велизарія не были парализованы неповиненіемъ нѣсколькихъ его помощниковъ и ссорою его съ эвнухомъ Нарсесомъ, который изъ царедворца, управлявшаго частной казной императора, сталъ военачальникомъ. Витигесъ имѣлъ время усилить укрѣпленія Равенны и при помощи бургундовъ жестоко наказать жителей многолюднаго города Милана, вступившихъ въ тайные переговоры въ Велизаріемъ.

Бургунды и франки въ сѣверной Италіи 539.

Въ началѣ войны Юстиніанъ убѣждалъ франковъ помогать ему, внушая имъ, что они, православные, должны содѣйствовать пораженію еретиковъ. Но они до сихъ поръ не вмѣшивались въ войну. Теперь Витигесъ послалъ денегъ Теодеберту и уступилъ ему остготскія владѣнія въ Галліи; Теодебертъ позволилъ своимъ подданнымъ, бургундамъ, идти на помощь остготамъ; 10.000 бургундовъ пошли въ Италію и стали помогать Витигесу при осадѣ Милана. Граждане ждали, что греки освободятъ ихъ отъ осады; но Велизарій былъ далеко, а Нарсесъ отказался идти на помощь имъ. Въ Миланѣ сталъ свирѣпствовать голодъ; изнуренные имъ жители города принуждены были сдаться. Греческій гарнизонъ получилъ свободный пропускъ; епископъ Дацій, склонившій миланцевъ къ возстанію, успѣлъ ускользнуть и былъ въ Константинополѣ награжденъ богатствами и почестями за преданность императору. Населеніе Милана подверглось гибели. Всѣ мужчины были умерщвлены; говорятъ, число убитыхъ простиралось до 30.000 человѣкъ. Священниковъ убивали на ступеняхъ алтарей. Городъ былъ ограбленъ и сожженъ; стѣны его —разрушены до основанія. Женщины были уведены въ плѣнъ бургундами. Въ слѣдующемъ году явился въ Лигуріи самъ Теодебертъ съ большимъ войскомъ; греки и остготы одинаково испугались, потому что хитрый франкъ не говорилъ, на чью сторону онъ станетъ. «Франки—самый коварный изъ всѣхъ народовъ», замѣчаетъ при этомъ случаѣ Прокопій. И дѣйствительно, Теодебертъ почти одновременно напалъ на станъ грековъ и станъ остготовъ; прогнавъ тѣхъ и другихъ, онъ пустился грабить Лигурію и сосѣднюю часть долины По, истребляя людей. Генуя подверглась той же судьбѣ, какъ въ предъидущемъ году Миланъ. Въ Тицинѣ (Павіи) франки побросали въ рѣку готскихъ женщинъ и дѣтей, говоря, что готскій народъ, хотя называется христіанскимъ, держится прежней вѣры, приноситъ языческія жертвы и гадаетъ по-язычески о будущемъ. Франки до того опустошали страну, что скоро не осталось въ ней пищи даже имъ самимъ; третья доля ихъ погибла отъ голода и болѣзней. По требованію своего войска Теодебертъ заключилъ миръ съ Велизаріемъ, и

уцѣлѣвшіе франки пошли съ богатой добычею домой. Онъ прославилъ этотъ свой походъ надписями на монетѣ.

Осада Равенны 539.

Вскорѣ по отступленіи франковъ Фезулы и Ауксимъ, гдѣ готы храбро и долго оборонялись противъ грековъ, сдались Велизарію. При осадѣ Ауксима Велизарій былъ спасенъ отъ смерти самопожертвованіемъ одного изъ своихъ тѣлохранителей, подставившаго свою руку подъ ударъ стрѣлы, летѣвшей въ полководца. Готы защищавшіе Ауксимъ получили позволеніе уйдти и взять съ собою половину своего имущества, и должны были или поступить на службу императору или мирно жить въ своихъ имѣніяхъ. Велизарій сталъ готовиться къ осадѣ Равенны. Юстиніанъ, которому угрожалъ войною персидскій царь, былъ расположенъ заключить миръ съ Витигесомъ, оставить ему страну на сѣверѣ отъ По, королевскій титулъ и половину его казны; но Велизарій отвергъ эти условія и объявилъ, что приведетъ Витигеса въ оковахъ къ ногамъ императора. Онъ былъ не только великій полководецъ, но и великій государственный человѣкъ; правильнѣе Юстиніана понимая политическія дѣла, онъ благородно отважился на ослушаніе императору. Онъ осадилъ Равенну. По крѣпкому положенію этого города за болотами, его можно было взять только голодомъ. Велизарій блокировалъ крѣпость со всѣхъ сторонъ, такъ что совершенно остановилъ подвозъ съѣстныхъ припасовъ; а подкупленные имъ измѣнники сожгли хлѣбные магазины въ Равеннѣ.

Взятіе Равенны Декабрь 539.

Готы давно стали думать, что причина неудачъ—слабость и бездарность Витигеса. Проникнутые уваженіемъ къ благородству и храбрости Велизарія, они предложили ему сдѣлаться ихъ королемъ и быть государемъ Италіи. Но мысль о королевскомъ санѣ не ослѣпила Велизарія; онъ былъ такъ разсудителенъ и прозорливъ, что не могъ поставить свою судьбу въ зависимость отъ вѣрности чужого народа и навлечь на себя гнѣвъ могущественнаго Юстиніана. Но онъ вздумалъ извлечь изъ расположенія готовъ къ нему выгоду для императора. Не заключая съ готами формальнаго договора, онъ показалъ видъ, будто соглашается на ихъ предложеніе и убѣдилъ ихъ сдать ему Равенну. Онъ съ торжествомъ вступилъ въ отворенныя

Декабрь 530.

ему ворота неодолимой крѣпости, а въ гавань ея вошелъ флотъ, нагруженный хлѣбомъ для ея мучимаго голодомъ населенія. Съ удивленіемъ и стыдомъ смотрѣли высокорослые готы на малочисленность побѣдителей, людей маленькаго роста, физически слабыхъ сравнительно съ ними; высокія, крѣпкія матери и жены побѣжденныхъ осыпали своихъ сыновей и мужей горькими упреками за то, что они дали малорослымъ грекамъ отнять у нихъ владычество и свободу.

Дѣйствія Велизарія.

Занявъ городъ и принявъ мѣры предосторожности, дѣлавшія невозможнымъ для готовъ мятежъ, Велизарій объявилъ, что государемъ Равенны и всей Италіи сталъ теперь императоръ. Своею вѣрностью императору онъ обманулъ надежды остготовъ остаться господствующимъ народомъ, но поступилъ съ покоренными противниками справедливо и милосердно. Витигеса онъ отдалъ подъ стражу, но не обижалъ его; лучшихъ готскихъ воиновъ принялъ на службу, остальныхъ готовъ отпустилъ безъ всякихъ обидъ поселиться въ отведенныхъ имъ мѣстностяхъ южной Италіи, чтобъ уменьшить населеніе Равенны. Узнавъ о взятіи Равенны и кротости Велизарія, сдались ему почти всѣ отряды готовъ, стоявшіе въ крѣпостяхъ сѣверной Италіи; готскіе военачальники спѣшили въ Равенну лично заявить свою покорность побѣдителю, не захотѣвшему быть королемъ ихъ, вѣрному подданному императора.

Отъѣздъ Велизарія изъ Италіи. 540.

Если бы Велизарій остался главнокомандующимъ въ Италіи, вся она скоро сдѣлалась бы мирной областью византійской имперіи, готы стали бы такими жь покорными подданными императора, какъ итальянцы. Но придворные интриганты говорили Юстиніану, что Велизарій держитъ себя двусмысленно; клеветы завистниковъ произвели впечатлѣніе на подозрительнаго Юстиніана. Война еще продолжалась, начальники готскихъ гарнизоновъ Вероны и Павіи еще не покорились императору, когда Велизарій былъ отозванъ изъ Италіи. Письмо императора было милостивое; Юстиніанъ говорилъ, что хочетъ лично наградить Велизарія, заслужившаго его благодарность и поручить ему защиту восточной границы государства отъ персовъ, что—только Велизарій можетъ исполнить эту трудную обязанность; что войну съ готами могутъ кончить Бессъ и другіе второстепенные военачальники. Велизарій занималъ въ Италіи такое высокое положеніе и держалъ себя до того самостоятельно, что это казалось Юстиніану несовмѣстнымъ съ самодержавной властью императора. Притомъ, Юстиніанъ опасался, что Велизарій можетъ пожалѣть объ отвергнутой діадемѣ и объявитъ себя государемъ Италіи. Но вѣрность долгу у Велизарія равнялась его храбрости; онъ пе колеблясь повиновался волѣ императора, немедленно поплылъ въ Константинополь съ добычею, трофеями и плѣнными, въ числѣ которыхъ находились Витигесъ и его жена, и положилъ сокровища Теодериха къ ногамъ неблагодарнаго Юстиніана. Императоръ не далъ Велизарію даже почести тріумфа. Витигеса и его жену Юстиніанъ принялъ любезно; бывшій готскій король обратился въ православіе, получилъ богатыя имѣнья въ Малой Азіи, санъ сенатора и титулъ патриція.

2. Тотила и Нарсесъ.

Ильдебальдъ 540—541. Готы полагали, что отъѣздъ Велизарія изъ Италіи освобождаетъ ихъ отъ соблюденія договора: они покорились не византійскому императору, а Велизарію. Люди, надѣявшіеся возстановить независимость, снова получили вліяніе, и готы собрали свои силы, чтобы защитить отъ византійцевъ свою самостоятельность, хоть въ какомъ нибудь углу Италіи. Готскій народъ снова взялъ на себя верховную власть, отнятую у него Теодерихомъ. Отряды, стоявшіе въ Павіи и Веронѣ, избрали королемъ Ильдебальда: это былъ храбрый полководецъ, племянникъ вестготскаго короля Тевдеса. Онъ повелъ ихъ на враговъ, которые, не имѣя общаго военачальника и недовольные правительствомъ, стояли мелкими отрядами, разбросанными по разнымъ областямъ Италіи. Византійскіе воины не имѣли усердія сражаться, потому что казначей (логоѳетъ) Александръ, завѣдывавшій финансовыми дѣлами въ Равеннѣ, человѣкъ алчный и деспотичный, давалъ имъ за ихъ службу и раны слишкомъ скудное жалованіе. Только Виталій, начальствовавшій отрядами геруловъ, выступилъ противъ маленькаго войска Ильдебальда, но потерпѣлъ пораженіе; герульскій князь и большая часть воиновъ его погибли; самъ Виталій едва успѣлъ спастись. Эта побѣда, — первая послѣ столькихъ неудачъ, усилила довѣріе готовъ къ ихъ новому королю. Но онъ не съумѣлъ сохранить ихъ расположенія. Жена военачальника Ураи, бывшаго племянникомъ Витигеса, шла въ баню, богато одѣтая и съ большой свитой; встрѣтивъ жену Ильдебальда, одѣтую довольно бѣдно, она не захотѣла привѣтствовать ее какъ королеву и даже выказала ей пренебреженіе. Королева потребовала отъ мужа, чтобы онъ отмстилъ за ея обиду; Ильдебальдъ предательски убилъ Ураю. Это безчестное дѣло отвратило готовъ отъ Идебальда, и они не захотѣли защитить короля, когда на него напалъ оскорбленный имъ тѣлохранитель. Ос-
541. корбленіе состояло въ томъ, что Ильдебальдъ во время отъѣзда его отдалъ за другого гота красивую дѣвушку, его невѣсту. Былъ пиръ. Ильдебальдъ подвинулся корпусомъ по своему обѣденному ложу къ столу и протянулъ руку за кушаньемъ; оскорбленный тѣлохранитель ударилъ его по шеѣ мечомъ; ударъ былъ такъ силенъ, что совершенно перерубилъ шею, и голова покатилась по столу.

Эрарихъ 541. Неожиданная смерть Ильдебальда смутила готовъ; ругійцы воспользовались временнымъ разстройствомъ ихъ мыслей, чтобы провозгласить королемъ своего соплеменника. Ругійцы пришли въ Италію съ Теодерихомъ и жили между готами, но не смѣшивались съ ними, не женились на ихъ дочеряхъ, не отдавали своихъ дочерей за нихъ. Вздумавъ теперь захватить преобладаніе, они избрали королемъ своего соплеменника, Эрариха. Но его правленіе продолжалось только пять мѣсяцевъ. Онъ вступилъ въ тайные переговоры съ Юстиніаномъ, предлагая отдать императору Италію. Узнавъ объ этомъ, готы убили его и выбрали королемъ Тотилу, начальствовавшаго войскомъ въ Торвизіи (Тревизо); это былъ храбрый воинъ, сынъ брата Ильдебальда.

Вѣроятно въ эти годы смутъ Кассіодоръ, опечаленный катастрофами, быстро слѣдовавшими одна за другою, рѣшился удалиться отъ мірскихъ Кассіодоръ.
дѣлъ въ монастырь, который построилъ близъ своего родного города, Скилація (Сквиллаче), и посвятить остатокъ своей жизни молитвѣ и ученымъ занятіямъ (стр. 707). Едва ли кто могъ сильнѣе Кассіодора огорчаться свирѣпостями Теодериха въ послѣднее время жизни этого короля и бѣдствіями, какимъ подверглись по его смерти остготская династія и Италія. Кассіодоръ былъ свидѣтелемъ казни своихъ ближайшихъ друзей, Боэтія и Симмаха, и въ особенности горько было ему то, что убійцей ихъ былъ король, котораго онъ любилъ и уважалъ; онъ видѣлъ внука Теодериха, послѣднюю надежду королевской династіи, умирающимъ въ ранней юности; ему пришлось оплакивать смерть матери этого юноши, дочери Теодериха, которой онъ сочувствовалъ за ея любовь къ образованію, и которая была достойна лучшей участи; онъ видѣлъ бѣдствія, какимъ подверглось при Теодагадѣ и Витигесѣ государство, едва начавшее оправляться отъ опустошеній междоусобіями, свирѣпствовавшими до упроченія владычества остготовъ; ему, прозорливому правителю, четыре раза или пять разъ получавшему высокую и трудную должность преторіанскаго префекта, было яснѣе чѣмъ кому-нибудь безнадежное положеніе страны. Короли требовали, чтобъ онъ снова принялъ на себя должность префекта, когда онъ слагалъ съ себя эту тяжелую обязанность; и если онъ не былъ префектомъ, ему приходилось быть квесторомъ; пока оставался въ обществѣ, онъ не могъ отказываться отъ участія въ управленіи, не подвергая себя порицанію за равнодушіе къ пользѣ государства; понятно, что во время войны онъ изнурился и наконецъ рѣшилъ удалиться въ монастырь, чтобъ уклониться отъ государственныхъ дѣлъ совершенно. Около того времени, какъ
Тотила, избранный королемъ, сзывалъ къ себѣ разсѣянные по сѣверной Италіи отряды готовъ, греки, получавшіе отъ Юстиніана строгіе выговоры за Тотила 541—552.
свое бездѣйствіе, напали ночью на Верону. Армянинъ Артабазъ, отважный военачальникъ, вошелъ съ отрядомъ изъ 100 воиновъ въ эту крѣпость Побѣды готовъ.
черезъ ворота, отворенныя ему подкупленной стражей. Испуганные неожиданностью готы, стоявшіе въ Веронѣ, бѣжали въ горы. Но главное войско грековъ запоздало подойдти къ городу: военачальники остановились на пути, поднявъ между собою споръ о раздѣлѣ добычи, которая будетъ взята въ Веронѣ. На разсвѣтѣ готы увидѣли, что число непріятелей, вошедшихъ въ городъ, очень невелико, сошли съ горъ и снова овладѣли Вероной. Почти весь отрядъ Артабаза погибъ: одни были убиты на улицахъ, другіе лишились жизни, прыгая со стѣнъ; лишь немногіе успѣли уйдти къ своему войску. Этотъ случай ободрилъ готовъ и увеличилъ робость византійцевъ. По удаленіи Велизарія греческими войсками начальствовали одиннадцать полководцевъ, не подчиненныхъ другъ другу и постоянно ссорившихся между собою. Единства въ ихъ дѣйствіяхъ не могло быть. Прежде небольшіе отряды грековъ побѣждали многочисленныя войска Витигеса, теперь въ Тосканѣ близъ Фавенціи 20,000 грековъ такъ испугались небольшого отряда готовъ, которымъ начальствовалъ Тотила, что торопли-

во ушли въ разныя стороны и спрятались за стѣнами укрѣпленныхъ городовъ. Тотила не сталъ терять времени на осаду этихъ крѣпостей; онъ полагалъ, что вѣрнѣе всего возстановитъ владычество готовъ, двинувшись на югъ и тамъ одержавъ побѣды. Онъ перешелъ Апеннины и, оставивъ въ сторонѣ Флоренцію и Римъ, проникъ въ центральную часть полуострова, направляясь черезъ Беневентъ въ Кампанію. Взявъ Беневентъ и разрушивъ его стѣны, онъ овладѣлъ богатымъ городомъ Кумами, собралъ огромныя суммы контрибуціями; но позволилъ уѣхать женамъ сенаторовъ, застигнутыхъ готами въ ихъ виллахъ и на байскихъ водахъ. Неаполь оборонялся противъ готовъ; Юстиніанъ послалъ моремъ войско и съѣстные припасы въ осажденный городъ, но Тотила взялъ эти корабли и привелъ начальника эскадры съ веревкою на шеѣ къ стѣнамъ города; плѣнникъ дрожащимъ голосомъ убѣждалъ гражданъ сдаться побѣдителю; они черезъ нѣсколько времени отворили ворота готамъ.

Тотила въ Кампаніи 543—544.

Тотила выказалъ справедливость, честность и благородство. Онъ далъ византійскому гарнизону въ Неаполѣ свободный пропускъ, снабдилъ съѣстными припасами гражданъ, страдавшихъ отъ голода и вообще поступилъ съ ними великодушно. Письма его, раздаваемыя въ Римѣ аріанскими священниками, обѣщали сенату и народу прощеніе всего прошлаго въ награду за покорность.

По взятіи Неаполя, Тотила, не встрѣчая сопротивленія, занялъ всю южную Италію, сталъ собирать подати, наложилъ секвестръ на доходы землевладѣльцевъ и распоряжался всѣмъ, какъ государь страны. Византійскіе военачальники бездѣйственно стояли въ крѣпостяхъ: Константинъ оставался въ Равеннѣ, Іоаннъ въ Римѣ, Бессъ въ Сполеціѣ, Юстинъ во Флоренціи, Кипріанъ въ Перузіи, другіе въ другихъ крѣпостяхъ. Воины ихъ не хотѣли идти сражаться, будучи недовольны неисправностью въ выдачѣ содержанія, но ходили въ сосѣднія города и селенія, отнимали тамъ имущество у жителей и предавались всяческому буйству. Побѣды готовъ принудили Юстиніана обратиться къ помощи Велизарія, который, вернувшись съ Эвфрата, жилъ тогда въ Константинополѣ и находился въ немилости; Юстиніанъ не оказывалъ ему никакого вниманія, оставляя его въ толпѣ придворныхъ. Теперь императору пришлось снова назначить его главнокомандующимъ въ Италіи; но давъ ему титулъ, онъ не далъ средствъ для войны. Лучшія войска стояли на персидской границѣ; войска, находившіяся въ Италіи, были деморализованы, оробѣли; набрать наемниковъ во Ѳракіи и въ Иллиріи не было у Велизарія денегъ.

Возвращеніе Велизарія въ Италію 544.

Прокопій сохранилъ намъ письмо, въ которомъ Велизарій изображаетъ императору свое безпомощное положеніе: „Я пріѣхалъ въ Италію безъ воиновъ, безъ лошадей, безъ оружія, безъ денегъ, то-есть не имѣя ничего, нужнаго для войны. Во Ѳракіи и въ Иллирикѣ я набралъ очень мало воиновъ и эти немногіе очень плохи, не имѣютъ оружія и не знаютъ военнаго дѣла. Остатки войскъ, найденные мною здѣсь, состоятъ изъ трусовъ, непригодныхъ ни къ чему; они оробѣли, испытавъ много пораженій, и не только уклоняются отъ встрѣчи съ непріятелемъ, но въ бѣгствѣ отъ него забываютъ взять съ собою лошадей и бросаютъ оружіе. Доставать деньги

въ Италіи я совершенно не могу, потому что она во власти непріятеля. Такимъ образомъ, я не могу ни выдавать жалованія воинамъ, ни приказывать имъ, потому что моя неисправность передъ ними зажимаетъ мнѣ ротъ. Притомъ сообщаю тебѣ, что многіе изъ твоихъ воиновъ ушли къ непріятелю. Потому, если тебѣ надобно было только послать меня въ Италію, ты сдѣлалъ все надобное тебѣ: я дѣйствительно въ Италіи; но если ты хотѣлъ, чтобы враги были побѣждены, ты долженъ принять и другія мѣры, кромѣ отправленія меня сюда. Не имѣя воиновъ, полководецъ не можетъ сражаться; потому, пошли мнѣ какъ можно скорѣе моихъ копьеносцевъ и щитоносцевъ (то есть отрядъ тѣлохранителей Велизарія) и позаботься нанять достаточное число гунновъ и другихъ иноземцевъ, которымъ ты долженъ будешь платить обѣщанное жалованье“.

Это энергическое письмо Велизарій отправилъ въ Константинополь съ лучшимъ изъ своихъ помощниковъ, Іоанномъ; но даже и оно осталось безъ всякаго дѣйствія. Императоръ принялъ Іоанна съ большимъ почетомъ, выдалъ за него свою племянницу; осыпанный милостями, онъ въ шумѣ праздниковъ пренебрегъ инструкціями Велизарія, не настаивалъ на отправленіи войскъ въ Италію и своей небрежностью помогъ успѣхамъ готовъ. Велизарій не могъ дѣйствовать въ полѣ противъ врага и поѣхалъ въ Диррахій, чтобы торопить тамъ наборъ войска. Тотила въ это время овладѣлъ Фирмомъ, Аскуломъ, Сполеціемъ, другими сосѣдними городами и подступилъ къ Риму. Тамъ стоялъ съ 3000 воиновъ алчный Бессъ, притѣснявшій горожанъ. Тотила блокировалъ Римъ. Папа Вигилій послалъ денегъ въ Сицилію закупить хлѣба; но почти всѣ корабли съ хлѣбомъ были захвачены готами, а тотъ хлѣбъ, который дошелъ до Рима, взялъ въ свое распоряженіе Бессъ и продавалъ его богатымъ людямъ по неслыханной цѣнѣ. Въ Римѣ начался ужасный голодъ. Бѣдные люди питались отрубями, крапивой и трупами дохлыхъ животныхъ; скоро и у богатыхъ не стало никакой пищи, кромѣ этой. Какъ тѣни шли исхудавшіе жители по улицамъ, собираясь къ дворцу Бесса, умоляя его дать хлѣба или позволить уйдти изъ города. Были страшные факты. Отецъ передъ глазами своихъ пяти голодныхъ дѣтей бросился съ моста въ Тибръ. Немногимъ удавалось получить отъ жаднаго Бесса позволеніе уйдти изъ города, потому что онъ давалъ это разрѣшеніе лишь за деньги. Изъ тѣхъ, кого отпускалъ онъ, нѣкоторые, вышедши за ворота, падали отъ изнуренія и умирали на дорогѣ. Наконецъ прибылъ въ Остію Велизарій съ отрядомъ войска. Упавшіе духомъ граждане Рима оживились надеждой. Планъ освобожденія Рима отъ осады, составленный Велизаріемъ, представляетъ новое свидѣтельство геніальности великаго полководца. Готы заперли Тибръ, протянувъ черезъ него крѣпкую цѣпь и сдѣлавъ бревенчатый плотъ во всю ширину рѣки; концы плота, примыкавшіе къ берегамъ, были защищены башнями, въ которыхъ стояли стрѣлки. Велизарій хотѣлъ сжечь этотъ плотъ, пустивъ на него корабли, напол-

Осада Рима 545—546.

ненные горючимъ матеріаломъ, и разорвать цѣпь кораблями съ тяжелымъ грузомъ. Ему удалось бы все это и онъ провелъ бы въ городъ корабли съ провіантомъ, если бы помощники его исполнили данныя имъ приказанія; но Бессъ не поддержалъ Велизарія вылазкой изъ Рима, а Іоаннъ, молодой человѣкъ, оставленный начальникомъ войска въ Остіи, увлекся юношеской горячностью и наперекоръ приказанію Велизарія ушелъ со своей позиціи, чтобы принять участіе въ битвѣ. Эти ошибки дали побѣду готамъ; они ободрились, римляне впали въ уныніе. Низкій эгоизмъ Бесса и преступное ослушаніе Іоанна разстроили планъ Велизарія; въ первый разъ въ жизни онъ былъ побѣжденъ. Онъ отступилъ, чтобы спасти свою жену и военную кассу, покинувъ Римъ на произволъ Тотилы. Огорченіе Велизарія было такъ сильно, что онъ впалъ въ тяжелую лихорадку, отъ которой едва не умеръ.

Тотила въ Римѣ 546—547. Вскорѣ по отступленіи Велизарія, въ станъ Тотилы бѣжали изъ Рима четыре исаврянина и сказали королю, что ему будетъ легко взять городъ, потому что воины и граждане содержатъ караулы очень небрежно и совершенно ослаблены голодомъ. Убѣдившись въ
17 дек. 546. истинѣ ихъ словъ, Тотила ночью вошелъ въ Азинарскія ворота, отворенныя ему измѣнниками; но до разсвѣта держалъ свое войско въ боевомъ порядкѣ у воротъ, опасаясь попасть въ засаду. Это промедленіе дало Бессу время уйдти изъ города съ своимъ отрядомъ; нѣкоторые сенаторы и патриціи бѣжали съ нимъ. Онъ такъ спѣшилъ, что оставилъ въ Римѣ награбленныя имъ богатства. Тотила выказалъ себя великодушнымъ побѣдителемъ. Правда, пока онъ молился въ храмѣ Петра, на паперти храма раздраженные готы убили нѣсколькихъ гражданъ и византійскихъ воиновъ; но за исключеніемъ этого взятіе города не сопровождалось никакими свирѣпостями. Тотила отнялъ имущество у горожанъ; главные склады драгоцѣнностей были взяты въ его казну, остальную собственность римлянъ онъ отдалъ на разграбленіе своимъ воинамъ; но велѣлъ имъ не убивать никого и не дѣлать обидъ женщинамъ. Онъ оставилъ безъ наказанія даже Рустиціану, вдову Боэтія, хотя ее обвиняли въ томъ, что она возбудила римлянъ низвергнуть статуи Теодериха. На слѣдующій день Тотила, созвавъ своихъ воиновъ, произнесъ рѣчь, въ которой сравнивалъ ихъ недавнее бѣдственное положеніе съ нынѣшнимъ и убѣждалъ ихъ быть твердыми и справедливыми. Сенаторамъ онъ сказалъ рѣчь, полную рѣзкихъ упрековъ, называлъ ихъ невѣрными рабами, неблагодарными, коварными, угрожалъ имъ лишеніемъ сана и конфискаціей имущества. Но ихъ отчаяніе и ходатайство священника Пелагія смягчили его. Послы римлянъ отправились по его приказанію въ Византію объявить, что онъ готовъ заключить миръ на прежнихъ условіяхъ, а если его предложеніе будетъ отвергнуто, то онъ разрушитъ Римъ. Юстиніанъ отвергъ предложеніе о мирѣ; византійскій полководецъ Іоаннъ отнялъ у готовъ нѣкоторыя изъ занятыхъ ими мѣстностей Луканіи; раздраженный Тотила велѣлъ жечь въ Римѣ общественныя зданія и обратить городъ въ пастбище, чтобы не могли снова укрѣпиться въ немъ византійцы, когда онъ пойдетъ въ южную Италію. Третья часть городскихъ стѣнъ была уже разрушена, и готы готовились жечь и разрушать зданія, когда прибыло посольство отъ Велизарія съ письмомъ, въ которомъ онъ заклиналъ короля не безчестить себя разрушеніемъ знаменитыхъ зданій и памятниковъ искусства. Тотила послушался этихъ убѣжденій и согласился сохранить Римъ, чтобъ городъ остался украшеніемъ его королевства и залогомъ примиренія. Но отправляясь на войну въ Луканію, онъ увелъ съ собой сенаторовъ и другихъ вліятельныхъ гражданъ, желавшихъ возстановленія власти императора, а все остальное населеніе Рима прогналъ въ Кампанію, такъ что Римъ 40 дней оставался совершенно пустымъ.

Пришедши въ Луканію, Тотила сталъ тѣснить Іоанна; византійскій полководецъ принужденъ былъ отступить за линію укрѣпленій, возведенныхъ у Тарента. Велизарій между тѣмъ вошелъ въ Римъ (въ февралѣ), пригласилъ изгнанныхъ жителей воротиться и дѣятельно занялся возстановленіемъ разрушенныхъ стѣнъ и воротъ. Изумленный отвагою Велизарія, Тотила поспѣшилъ къ Риму; но укрѣпленія города были уже настолько исправлены, что готы, неискусные въ дѣлѣ осады, не могли взойдти на стѣны, хотя три дня сряду штурмовали ихъ. Отчаявшись взять городъ, Тотила отступилъ въ Тибуръ; тамъ въ цитадели, которую возстановилъ онъ, лежала его казна. Велизарій между тѣмъ кончилъ постройку укрѣпленій, защищавшихъ ворота Рима, и послалъ ключи отъ нихъ императору, въ доказательство того, что онъ и при недостаткѣ средствъ дѣйствуетъ отважно. При этихъ осадахъ, разрушеніяхъ укрѣпленій и возстановленіи ихъ погибла большая часть общественныхъ зданій Рима и находившихся въ немъ произведеній искусства, такъ что съ той поры о прежнемъ великолѣпіи города можно было судить только уже по развалинамъ его. Послѣ занятія Рима Велизаріемъ готы стали по прежнему бояться знамеменитаго полководца, и Тотила принужденъ былъ ограничиваться партизанскою войной въ ожиданіи, пока воины ободрятся мелкими удачами. Если бы Велизарій получилъ подкрѣпленія, какія были нужны ему, онъ скоро покорилъ бы всю Италію; но недовѣрчивый и капризный Юстиніанъ посылалъ ему очень мало кораблей, войска и денегъ, такъ что при всемъ своемъ искусствѣ и мужествѣ онъ не могъ сдѣлать ничего важнаго. Онъ только ходилъ вдоль моря, не имѣя войска, чтобы дать рѣшительную битву. Онъ послалъ въ Константинополь Антонину, чтобы она черезъ императрицу убѣдила Юстиніана послать ему войска, но и эта надежда рушилась. Ѳеодора умерла, и Антонина не выпросила у императора ничего кромѣ позволенія Велизарію возвра-

Занятіе Рима Велизаріемъ 547.

Недостатокъ средствъ у Велизарія и отъѣздъ его изъ Италіи 548—549.

титься изъ Италіи. Итакъ онъ во второй разъ покинулъ страну, въ которой совершилъ славные подвиги. Когда онъ уѣзжалъ въ первый разъ, онъ везъ плѣннаго короля въ подножію императорскаго престола, теперь его отъѣздъ не былъ блистателенъ; но люди, понимающіе войну, находили, что и во второмъ итальянскомъ походѣ онъ выказалъ себя геніальнымъ полководцемъ. Только кротость, которой отличался онъ въ прежнемъ счастливомъ походѣ, ие могла быть сохранена имъ на этотъ разъ, когда у него но было ни войска, ни денегъ. Онъ долженъ былъ теперь вести войну на средства, получаемыя отъ занимаемыхъ имъ городовъ. Это принуждало его угнетать преданныхъ императору итальянцевъ. Кромѣ того при Велизаріѣ была въ этомъ походѣ жена, и онъ не умѣлъ удержать ее отъ удовлетворенія страсти ко взяткамъ.

Побѣды Тотилы 549—550. Велизарій возвратился въ Константинополь на отдыхъ; императоръ далъ ему досугъ наслаждаться почестями и богатствомъ. Едва уѣхалъ онъ изъ Италіи, готы вновь овладѣли Римомъ. Византійскіе воины, остававшіеся тамъ, упали духомъ при мысли, что имъ предстоитъ выдержать осаду и страдать отъ голода; притомъ оборона была ослабляема несогласіемъ между ихъ военачальниками; потому, когда готы осадили Римъ, византійцы скоро сдались. Готы дали имъ почетныя условія капитуляціи: военачальники получили дозволеніе уѣхать, большинство воиновъ поступило въ службу Тотилѣ. Тѣ жители Рима, которые успѣли бѣжать къ церкви, были пощажены побѣдителемъ. Готамъ казалось, что съ отъѣздомъ Велизарія исчезла опасность, и Тотила сдѣлалъ Римъ столицей возстановленнаго остготскаго государства. Онъ пригласилъ разсѣявшихся по разнымъ областямъ сенаторовъ возвратиться, позаботился о подвозѣ хлѣба въ Римъ, устроилъ игры въ циркѣ и явился на нихъ въ одеждѣ мирнаго времени. Но Римъ теперь былъ уже только слабой тѣнью прежняго великолѣпнаго города. Вскорѣ послѣ того готы взяли Регій и Тарентъ; Тотила наказалъ Сицилію за ея измѣну готамъ: ограбилъ островъ, увезъ оттуда не только серебро и золото, но и хлѣбъ и скотъ; сициліянцы остались нищими послѣ его грабежа. Онъ послалъ большой флотъ съ многочисленнымъ войскомъ покорить Сардинію и Корсику; берега ихъ были беззащитны, готы легко овладѣли обоими островами. Сильный готскій флотъ возилъ войско грабить Коркиру и лежащій противъ нея берегъ Эпира. Готы ходили до Никополя и Додоны.

Приготовленія императора къ войнѣ. 550—551. Не смотря на свои успѣхи, Тотила предлагалъ императору миръ, обѣщался служить ему какъ усердный союзникъ. Но Юстиніанъ не хотѣлъ и слышать о мирѣ. Онъ дѣлалъ большія приготовленія къ войнѣ, собиралъ новое войско, новый флотъ; для готовъ было ясно, что, уступая просьбамъ римскаго епископа Вигилія и другихъ знатныхъ римлянъ, онъ хочетъ разрушить ихъ государство. Начальникомъ

Германъ. войска, отправляемаго въ Италію, былъ назначенъ Германъ, родственникъ императора, человѣкъ благородной души и блестящей храбрости, пользовавшійся всеобщимъ уваженіемъ. Онъ былъ женатъ на внукѣ Теодериха, Матасунтѣ, и потому можно было надѣяться, что онъ пріобрѣтетъ расположеніе готовъ. Начальникомъ флота былъ сначала Либерій, но вскорѣ онъ былъ отозванъ и на его мѣсто назначенъ Артабанъ, человѣкъ отважный до безразсудства; Юстіанъ не задолго передъ тѣмъ простилъ заговоръ, который составилъ онъ, чтобъ убить императора и овладѣть престоломъ. Молва о благородствѣ души Германа привлекала къ нему воиновъ изъ всѣхъ земель; часть жалованья онъ платилъ изъ собственныхъ денегъ. Все обѣщало успѣхъ экспедиціи; но Германъ, дѣлавшій смотръ своему войску въ Сардикѣ, вдругъ занемогъ и умеръ. 551.

Побѣды византійцевъ 551. Впрочемъ, уже и самое извѣстіе о томъ, что императоръ серьезно хочетъ возобновить военныя дѣйствія въ Италіи, произвело сильное впечатлѣніе. Приморскіе города Анкона, Кротонъ, Центумцеллы, которые еще не были взяты готами, стали обороняться съ удвоеннымъ мужествомъ; а когда Артабанъ высадилъ войско на берегъ Сициліи, жители этого острова стали помогать византійцамъ; слабые готскіе отряды принуждены были удалиться съ острова, и на немъ была возстановлена власть императора. Флотъ двинулся къ осажденной Анконѣ; близъ нея произошла упорная морская битва; греческіе моряки были искуснѣе готскихъ и одержали побѣду. Это усилило надежду византійцевъ завоевать всю Италію.

Нарсесъ. Въ то время, какъ счастье начало измѣнять готамъ, главнокомандующимъ византійскихъ войскъ въ Италіи былъ назначенъ полководецъ почти равный Велизарію храбростью и военнымъ искусствомъ и далеко превосходившій его силой характера, Нарсесъ, уже сражавшійся въ Италіи прежде подъ начальствомъ Велизарія. Онъ былъ эвнухъ, человѣкъ маленькаго роста, слабаго здоровья, провелъ свою молодость на службѣ женщинамъ императорскаго двора; но, занимаясь женскими дѣлами, успѣлъ стать способнымъ къ должности правителя и полководца, выработать себѣ ясныя понятія о государственныхъ дѣлахъ. Онъ не получилъ ученаго образованія и не умѣлъ говорить краснорѣчиво; но былъ одаренъ обширнымъ, свѣтлымъ умомъ, и его чуждыя краснорѣчія слова всегда были ловки. Бывши придворнымъ и потомъ казначеемъ императора, онъ привыкъ интриговать и льстить; получивъ военныя должности, онъ пріобрѣлъ практическое знакомство съ военнымъ дѣломъ, и походная жизнь развила въ немъ врожденную отвагу и силу воли. Юстиніанъ поручилъ ему теперь довершить дѣло завоеванія Италіи, которое началъ, но не могъ довести до конца Велизарій. Нарсесъ принялъ порученіе, но только тогда, когда императоръ согласился дать ему денежныя средства, какія были необходимы для снаряженія флота и закупки съѣстныхъ припасовъ.

Войско Нарсеса.

Юстиніанъ, скупо и медленно дававшій деньги Велизарію, щедро далъ ихъ Нарсесу, ловкому придворному. Нарсесъ уже былъ знаменитъ щедростью къ воинамъ, потому наемники охотно шли къ нему, и скоро онъ собралъ войско, достойное могущества имперіи, достаточное для завоеванія Италіи. Кромѣ тѣхъ наемниковъ, которыхъ собралъ въ Салонѣ Германъ и которыми начальствовалъ теперь Іоаннъ, Нарсесъ нанялъ 2500 благородныхъ лангобардскихъ воиновъ, при которыхъ находилось 3000 всадниковъ; онъ нанялъ отборныхъ воиновъ у гунновъ и гепидовъ. Племянникъ персидскаго царя Лобадъ пришелъ къ нему съ отрядомъ усердныхъ сподвижниковъ своихъ; изъ областей византійской имперіи пришло много ветерановъ и волонтеровъ, привлеченныхъ надеждой на славу и добычу.

Вступленіе Нарсеса въ Равенну 552.

Когда всѣ отряды собрались въ Салонѣ, Нарсесъ пошелъ сухимъ путемъ черезъ Венецію въ Равенну, гдѣ оставался греческій гарнизонъ; онъ встрѣтилъ трудности, почти неодолимыя. Часть тѣхъ земель, по которымъ надобно было идти, принадлежала франкамъ; они отказались дать пропускъ византійскому войску; причиной отказа выставили они то, что въ немъ находятся враги ихъ лангобарды; истинной причиной была ихъ боязнь, что Нарсесъ завладѣетъ ихъ землями, черезъ которыя пойдетъ. Притомъ у Вероны стоялъ съ отборнымъ готскимъ войскомъ полководецъ Тотилы, храбрый Тея; онъ занялъ крѣпкую позицію и сдѣлалъ окрестности не проходимыми, устроивъ засѣки въ лѣсахъ и запрудивъ рѣки. Нарсесъ увидѣлъ себя въ затруднительномъ положеніи. Но одинъ изъ его проводниковъ указалъ ему путь. Войско осторожно подвигалось по приморью, населеніе котораго сочувствовало грекамъ, а впереди шла эскадра, имѣвшая при себѣ много лодокъ; моряки наводили изъ нихъ мосты черезъ устья рѣкъ, впадающихъ въ Адріатическое море на сѣверѣ отъ Равенны. Такимъ образомъ греки перешли Тимавъ, Бренту, Адидже, По и дошли до Равенны. Нарсесъ остановился въ этомъ городѣ на девять дней, чтобы дать отдохнуть войску; потомъ пошелъ мимо Аримина (Римина) по Фламиніевой дорогѣ, желая, какъ можно скорѣе дать войнѣ рѣшительный оборотъ большой битвой.

Битва при Тагинѣ іюль 552.

Тотила желалъ того же самъ. При явной симпатіи духовенства и всего итальянскаго народа къ византійцамъ, онъ могъ предотвратить измѣну только быстрыми успѣхами въ битвахъ съ непріятелемъ. Потому, при извѣстіи о вступленіи византійцевъ въ Италію, онъ поспѣшилъ на встрѣчу имъ. Войска сошлись у подошвы Апеннинъ при селеніи Тагинѣ, гдѣ во время самнитскихъ войнъ римляне одержали рѣшительную побѣду надъ союзникамп самнитовъ, галлами, и еще оставались видны могильныя насыпи, называвшіяся гальскими могилами. Нарсесъ послалъ Тотилѣ требованіе положить оружіе и признать власть Юстиніана. Тотила отвѣчалъ назначеніемъ дня для битвы, онъ сказалъ, что начнетъ ее на восьмой день. Нарсесъ, подозрѣвая въ этихъ словахъ обманъ, занялъ въ слѣдующую же ночь холмъ, господствовавшій надъ окрестностями. Утромъ Тотила повелъ войско прогнать оттуда грековъ; но атака была отбита, и схватки, происходившія при этомъ, завлекли оба войска въ рѣшительную битву. Большая часть утра прошла въ сраженіяхъ между небольшими отрядами. Тотила получилъ извѣстіе, что къ нему идетъ подкрѣпленіе, изъ 2,000 конныхъ воиновъ, потому онъ медлилъ общимъ нападеніемъ. Онъ разъѣзжалъ передъ своими рядами въ блестящемъ вооруженіи, выказывая свае искусство править лошадью и размахивая копьемъ. Войска, стоявшія въ боевомъ порядкѣ, скучали; развлеченіемъ для нихъ послужилъ поединокъ: готъ громаднаго роста вызывалъ на бой грека, и вышедшій къ нему противникъ убилъ его. Византійцы были обрадованы этимъ, какъ счастливымъ предзнаменованіемъ. Конница, которой ждалъ Тотила, наконецъ пришла; оба войска подкрѣпили себя пищей, но ѣли, не выходя изъ рядовъ и не выпуская оружія изъ рукъ; Тотила снялъ съ себя золотыя латы, надѣлъ вооруженіе простого воина и далъ знакъ къ битвѣ. Готская конница, стоявшая впереди пѣхоты, бросилась въ атаку отважно, но не осторожно; крылья непріятельскаго войска, выдвинутыя впередъ Нарсесомъ, охватили ее съ обѣихъ сторонъ и осыпали стрѣлами, держась на такомъ разстояніи, что готскіе всадники, вооруженные копьями, не могли сдѣлать имъ вреда. При всей невыгодности своего положенія, готы сражались храбро до самаго вечера. Но при наступленіи темноты, готская конница, тѣснимая со всѣхъ сторонъ, смѣшалась, была опрокинута и бросилась на стоявшую за ней пѣхоту въ такомъ безпорядкѣ, что разорвала ея ряды; бѣгство сдѣлалось всеобщимъ. На полѣ сраженія легло 6,000 готовъ; раздраженные побѣдители убивали даже сдававшихся въ плѣнъ. Прокопій говоритъ, что Тотила съ пятью спутниками поскакалъ на равнину; Асбадъ, воинъ изъ племени гепидовъ, нагналъ его и пронзилъ сзади копьемъ. Смертельно раненный, онъ былъ отнесенъ своими спутниками въ сельскій домъ, стоявшій въ нѣкоторомъ отдаленіи; тамъ онъ черезъ нѣсколько часовъ умеръ. Онъ былъ храбрый воинъ и хорошій правитель. Умирая, онъ имѣлъ хоть ту отраду, что не видѣлъ подлѣ себя враговъ. Готская женщина принесла грекамъ извѣстіе о его смерти; они стали считать свою побѣду полной только тогда, когда увидѣли его тѣло. Его товарищи опустили его въ могилу; греки не мѣшали имъ въ этомъ. Его шлемъ, украшенный дорогими каменьями, и его окровавленная одежда были положены посломъ Нарсеса къ ногамъ императора. Побѣдитель воздалъ бзагодареніе Пресвятой Дѣвѣ, которую считалъ своей покровительницей, отпустилъ лангобардовъ, безчестившихъ греческое войско своимъ грабежемъ и буйствомъ; его помощникъ Валеріанъ съ большимъ отрядомъ проводилъ ихъ до границы, чтобъ они не грабили, потомъ пошелъ по приказанію Нарсеса

Пораженіе и смерть Тотилы.

Взятіе Рима Нарсесомъ 552.

занять Верону. Но франки говорили, что эта крѣпость должна принадлежать имъ и принудили его отступить. Готы, между тѣмъ, собравшись въ Павіи, выбрали королемъ Тею. Оставивъ Валеріана на берегу По наблюдать за нимъ, Нарсесъ пошелъ на Римъ. Онъ нигдѣ на пути не встрѣчалъ сопротивленія; Нарнія, Сполецій, Перузія сдались ему, и онъ подступилъ къ Риму. Готовъ было тамъ такъ мало, что оборона не могла быть успѣшна. Межъ тѣмъ, какъ они защищали одну сторону обширнаго круга стѣнъ, греки обошли городъ и вступили въ него съ другой стороны черезъ отворенные имъ ворота. Готы бѣжали въ огромный мавзолей Адріана, который Тотила обвелъ стѣной и обратилъ въ цитадель. Скоро они принуждены были сдаться. Нарсесъ далъ имъ пощаду. Римъ теперь въ пятый разъ перешелъ изъ подъ прежней власти подъ новую, и каждый разъ его населеніе подвергалось при этомъ тяжкимъ бѣдствіямъ. Такъ было и теперь: варвары, находившіеся въ войскѣ Нарсеса, грабили, насиловали и убивали. А готы убили въ Павіи 300 знатныхъ юношей, которые были взяты ими изъ Рима, какъ заложники вѣрности, убили всѣхъ сенаторовъ и патриціевъ, которыхъ захватили въ Кампаніи. Отъ этого удара уже не оправился римскій сенатъ. Немногіе уцѣлѣвшіе сенаторы провели остатокъ жизни въ нищетѣ и безвѣстности.

Сраженія на Сарнѣ 552.

Тея собралъ въ Павіи остатки готскаго войска; хранившіяся въ этомъ городѣ королевскія сокровища доставили ему возможность снарядить воиновъ для новаго похода. Онъ услышалъ, что его братъ Алигернъ, оберегавшій съ отрядомъ готовъ казну, находившуюся въ Кумахъ, осажденъ Нарсесомъ; онъ просилъ помощи у франковъ, обѣщалъ имъ вознагражденіе, но франкскій король Теодебальдъ обманулъ его, и онъ рѣшился одинъ идти на освобожденіе брата черезъ земли, занятыя непріятелемъ. Отважнымъ походомъ по тайнымъ путямъ вдоль Адріатическаго поморья онъ обманулъ наблюдавшихъ за нимъ греческихъ военачальниковъ и расположился станомъ на берегу Сарна, узкой, но глубокой и быстрой рѣки, впадающей неподалеку отъ Нуцеріи въ Неаполитанскій заливъ. На другомъ берегу стоялъ непріятель. Благодаря крутизнѣ своего берега, готы 60 дней держались тутъ противъ грековъ; голода они не терпѣли, получая хлѣбъ съ моря. Наконецъ Нарсесу удалось подкупить туземца, который проводилъ готскіе корабли съ хлѣбомъ къ берегу; греки захватили ихъ. Нарсесъ построилъ башни передъ укрѣпленіями готскаго стана; готы были осыпаемы стрѣлами съ этихъ башенъ. Тея увелъ свое войско изъ подъ стрѣлъ на сосѣднюю гору, но мучимые тамъ голодомъ готы рѣшились умереть съ оружіемъ въ рукахъ или побѣдить. Они сошли съ горы, прогнали своихъ лошадей и начали бой, описаніе котораго у Прокопія походитъ на разсказы о битвахъ у Гомера и въ пѣснѣ о Нибелунгахъ. Король подавалъ своимъ воинамъ примѣръ безтрепет-

наго мужества, и Прокопій говоритъ, что онъ былъ подобенъ героямъ древности. Съ мечомъ въ правой рукѣ и щитомъ въ лѣвой, онъ шелъ впереди всѣхъ, поражая враговъ. Въ него летѣло множество стрѣлъ и дротиковъ, потому что греки думали, что съ его смертью прекратится битва; но онъ принималъ всѣ стрѣлы и дротики своимъ большимъ щитомъ и поражалъ мечомъ тѣхъ враговъ, котерые приближались къ нему. На его щитѣ висѣли уже двѣнадцать дротиковъ, такъ что трудно было держать такую тяжесть. Онъ, не переставая биться, закричалъ своимъ воинамъ, чтобъ они подали ему новый щитъ; въ то мгновеніе, какъ онъ мѣнялъ щитъ, дротикъ вонзился въ его открытую грудь. Онъ упалъ. Непріятельскій воинъ отрубилъ голову отъ его бездыханнаго тѣла; греки взоткнули ее на копье и понесли по переднимъ рядамъ, чтобъ ободрить своихъ и показать готамъ безнадежность ихъ положенія. Но германскій обычай повелѣвалъ дружинѣ военачальника соревновать его храбрости и не переживать его смерти. Потому готы продолжали биться до наступленія ночи. Когда стало темно, бой прекратился. Но готы не сняли съ себя вооруженія: они хотѣли возобновить бой, какъ начнется разсвѣтъ. И весь слѣдующій день они бились, не ослабѣвая; ожесточеніе ихъ все росло. Только на третье утро, когда знаменитѣйшіе вожди ихъ были всѣ убиты и силы уцѣлѣвшихъ воиновъ были изнурены голодомъ и жаждой, они выразили грекамъ согласіе прекратить сраженіе, если получатъ свободный пропускъ. По совѣту Іоанна, Нарсесъ согласился дать имъ пропускъ отчасти изъ уваженія къ ихъ мужеству, отчасти для того, чтобы не подвергать свое войско новымъ потерямъ. Онъ предоставилъ готамъ на выборъ или поступить въ императорское нойско, или удалиться изъ Италіи со всѣмъ своимъ имуществомъ. Отрядъ, состоявшій изъ 1000 человѣкъ, пошелъ съ поля сраженія на сѣверъ въ Павію; остальныя воины Теи затерялись, разсѣявшись по Италіи и по другимъ странамъ.

Смерть Теи.

Готское войско расходится.

Послѣдніе отряды готовъ сдаются. 553.

Но смертью Теи война не кончилась; примѣръ геройства, показанный имъ, возбуждалъ соревнованіе въ готахъ. Въ Луккѣ и въ крѣпостяхъ на сѣверѣ отъ рѣки По еще стояли готскіе гарнизоны; они оборонялись отъ грековъ и снова призвали на помощь себѣ франковъ и другихъ германцевъ. За крѣпкими стѣнами Кумъ, построенными на пещерахъ и подземныхъ галлереяхъ скалы, братъ Теи Алигернъ, самый сильный и ловкій изъ всѣхъ готскихъ стрѣлковъ, защищалъ королевскую казну; готы, бывшіе подъ его начальствомъ, сражались храбро. Нарсесъ прекратилъ войну не столько оружіемъ, сколько снисходительностью. Алигернъ предпочелъ его дружбу и милость Юстиніана союзу съ коварными франками, и сдалъ Кумы. Готы, защищавшіеся въ Луккѣ, тоже оборонялись упорно, но тоже сдались, убѣдившись въ кротости Нарсеса, который возвратилъ заложниковъ жителямъ города, трепетавшимъ за ихъ жизнь. Овладѣвъ Луккою,

Нарсесъ уже не имѣлъ враговъ на югѣ отъ рѣки По и сталъ приводить въ порядокъ дѣла края, имѣя своею резиденціею, то Равенну, то Римъ.

Походъ франковъ и алемановъ въ Италію 553—554.

Но слѣдующею весной разразилась надъ Италіею новая гроза. Безхарактерный франкскій король Теодебальдъ отказалъ въ помощи готамъ; но воинственные вельможи его досадовали на то, что византійцы отняли у германцевъ прекрасную страну. Алеманскіе герцоги Лотаръ (у латинскихъ писателей называемый Левтаріемъ) и братъ его Бутилинъ (у латинскихъ писателей Букцелинъ) собрали своихъ воиновъ: многіе франкскіе вельможи присоединились къ нимъ; эти германскія полчища перешли черезъ Ретійскіе Альпы въ долину По, чтобы вмѣстѣ съ готами отнять у византійцевъ Италію. Число франковъ и алемановъ простиралось до 75,000; они пошли черезъ Миланъ на югъ, перешли По и напали на геруловъ, составлявшихъ авангардъ греческаго войска и стоявшихъ подъ начальствомъ своего князя Фулькара въ Пармѣ. Нападеніе было неожиданное; Фулькаръ попалъ въ засаду и былъ убитъ; онъ могъ спастись бѣгствомъ, но предпочелъ смерть стыду подвергнуться упрекамъ Нарсеса. Германцы стали опустошать Этрурію. Дошедши до Самнитской земли, алеманскіе герцоги раздѣлились: Бутилинъ пошелъ въ Кампанію и Луканію, а Лотаръ въ Апулію и Калабрію. Опустошая страну, алеманны дошли до Мессинскаго пролива. Они были еще язычники, потому не имѣли причины щадить церквей. Священная утварь и серебряные гробы святыхъ были пріятной для нихъ добычей; они рѣзали людей въ храмахъ. Нарсесъ медлилъ вступать съ ними въ битвы, разсчитывая, что климатъ, пьянство, раздоры скоро ослабятъ враговъ, и собиралъ войска для нападенія на нихъ. Его разсчетъ былъ вѣренъ. Лотаръ пошелъ берегомъ Адріатическаго моря назадъ, увозя добычу на родину и обѣщавшись брату скоро вернуться; а Бутилинъ, воображая, что можетъ подобно Теодериху стать государемъ Италіи, расположился укрѣпленнымъ станомъ на берегу Вольтурна у Казилина.

Пораженіе алемановъ и франковъ на Вольтурнѣ. Весна 554.

Онъ хотѣлъ дождаться тутъ возвращенія брата. Но Лотаръ съ большею частью своего войска погибъ въ низменностяхъ сѣверовосточной Италіи отъ климата и пьянства. Нарсесъ между тѣмъ увеличилъ свое войско новыми отрядами, дѣятельно обучалъ воиновъ и наконецъ пошелъ въ Кампанію. Алеманны и франки были гораздо многочисленнѣе, но рвались въ бой безпорядочно; а византійское войско дѣйствовало по правиламъ военнаго искусства. Германцы, построившись клиномъ, прорвали центръ растянутой линіи непріятельскаго войска. Нарсесъ, не смущаясь этимъ, велѣлъ крыльямъ сдвигаться къ серединѣ, охватилъ германцевъ съ обоихъ фланговъ и съ тыла конницей и стрѣлками, противъ которыхъ франки и алеманны были безсильны: они были пѣшіе; на нихъ не было латъ, оружіемъ ихъ были только мечи и сѣкиры; конница и стрѣлки убивали ихъ почти

такъ же легко, какъ если бъ они были безоружны, и они подверглись полному истребленію. Говорятъ, что изъ всего ихъ войска успѣли спастись только пять человѣкъ; всѣ остальные, въ томъ числѣ и Бутилинъ, были убиты или утонули въ Вольтурнѣ. Изъ воиновъ Нарсеса особенно отличились храбростью готскій князь Алигернъ и начальникъ герульскаго отряда. Нарсесъ вступилъ въ Римъ торжественной процессіей, и римляне, теперь уже малочисленные, видѣли тогда тріумфъ въ послѣдній разъ. Передъ ихъ глазами были несены оружіе и сокровища готовъ, франковъ, алеманновъ; воины съ цвѣтами въ рукахъ пѣли гимны въ честь побѣдителя. Отрядъ готовъ, состоявшій изъ 7000 человѣкъ, еще держался подъ начальствомъ гунна въ самнитской землѣ въ горной крѣпости Кампсѣ, снабженной большимъ запасомъ продовольствія. Осада Кампсы длилась нѣсколько мѣсяцевъ; весною гуннъ, начальствовавшій готами, былъ убитъ, и они сдались Нарсесу, обѣщавшему пощадить ихъ жизнь. Онъ послалъ ихъ въ Константинополь. Такъ пало остготское королевство послѣ мужественной двадцатилѣтней борьбы.

Конецъ войны 555.

Прекрасная Италія была въ эти ужасные годы опустошаема войсками всяческихъ племенъ и пострадала такъ, что уже никогда не могла оправиться. Древній міръ былъ погребенъ подъ развалинами, разрушительныя катастрофы готской войны уничтожили и памятники величія Италіи и самыя воспоминанія о немъ. Итальянцы желали завоеванія ихъ страны византійцами, помогали ему: гордость ихъ не примирялась съ владычествомъ варваровъ, еретиковъ, не дозволявшихъ имъ носить оружіе, отнявшихъ у нихъ всякую возможность сопротивляться угнетенію. Но не принесло имъ радости то, что святой Римъ, какъ они говорили, былъ освобожденъ могущественнымъ императоромъ, которому богъ даровалъ побѣду за его благочестіе и неумолимость въ преслѣдованіи еретиковъ; избавленіе отъ ига варваровъ они купили слишкомъ дорого; ихъ поля были опустошены, города ихъ разграблены, ихъ благосостояніе уничтожено. Италія подъ византійской властью была кладбищемъ.

Состояніе Италіи.

с. Сосѣдніе народы.

1. Сѣверъ и востокъ.

1. Болгары и славяне.

Мы видѣли, какъ малочисленны были войска, данныя Велизарію для войны съ вандалами и готами. Одною изъ причинъ ихъ слабости было то, что императоръ постоянно не довѣрялъ своему побѣдоносному полководцу, опасался, что онъ провозгласитъ себя независимымъ государемъ; но еще больше вліянія имѣла необходимость защищать сѣверныя и восточныя границы государства отъ храбрыхъ и хищныхъ народовъ, держать тамъ для отраженія ихъ

большія войска. На области по нижнему Дунаю и по Черному морю нападали лангобарды и гепиды, о которыхъ мы будемъ говорить послѣ; еще больше грабили ихъ варварскія племена, которымъ даютъ общія имена болгаръ и славянъ. Та и другая группа ихъ состояла изъ разныхъ племенъ, дѣйствовавшихъ независимо другъ отъ друга подъ начальствомъ своихъ особыхъ вождей; временами они соединялись, но связь между ними была и въ этихъ случаяхъ слаба; временами они ходили по обширнымъ равнинамъ той части Европы порознь другъ отъ друга; но всѣ они имѣли одно общее стремленіе вторгаться въ пограничныя области византійской имперіи, чтобы грабить ихъ. Болгары, татарское племя, съ очень давняго времени жили по Волгѣ и по Уралу; передвигаясь оттуда на югъ, они заняли землю между Дономъ и Днѣпромъ. Подобно гуннамъ, остатки которыхъ слились большею частью съ ними, болгары вели монотонную жизнь, проходившую въ надзорѣ за конскими табунами и стадами овецъ и въ грабительскихъ набѣгахъ на югъ и западъ. Слѣдуя общему движенію народовъ, они съ теченіемъ времени дошли до береговъ нижняго Дуная, а татарское племя хазаровъ заняло ихъ прежнюю землю. Кромѣ болгаръ упоминаются у византійскихъ историковъ славяне и въ частности одно изъ славянскихъ племенъ, анты; иногда мы видимъ ихъ въ тѣхъ же земляхъ, въ которыхъ жили болгары. По описанію Прокопія, славяне или анты были народъ высокаго роста, крѣпкаго сложенія, имѣли не очень бѣлый цвѣтъ кожи и свѣтло-каштановые волоса, жили грязно въ разбросанныхъ порознь жалкихъ хижинахъ, сдѣланныхъ изъ глины; общественный бытъ у нихъ былъ простой: они образовали маленькія общины, царей у нихъ не было, нравы ихъ были патріархальны, они очень ревниво оберегали свою дикую безграничную свободу. Прокопій говоритъ, что они были добры, простодушны, кротки съ иноземцами и плѣнными, строго соблюдали супружескую вѣрность. «Въ битву они идутъ пѣшіе», говоритъ онъ, «у нихъ небольшіе щиты и дротики; латъ они не надѣваютъ. Многіе изъ нихъ не носятъ и верхняго платья и ходятъ на врага, имѣя на себѣ только поясъ». Обширныя равнины давали изобильный кормъ ихъ многочисленнымъ стадамъ; были у нихъ и пажити, дававшія имъ достаточное количество хлѣба. Религія ихъ была простодушнымъ служеніемъ природѣ; вѣрованія въ судьбу или въ провидѣніе у нихъ не было. Высшимъ божествомъ ихъ былъ невидимый владыка грома и молніи, называвшійся у русскихъ славянъ Перуномъ; они давали ему обѣты и приносили жертвы. На холмѣ у Кіева стояло его изображеніе, вырѣзанное изъ дерева, но съ серебряною головой и золотыми усами; другая такая же статуя его стояла въ Новгородѣ на берегу Волхова. Передъ этими изображеніями горѣлъ вѣчный огонь; испрашивая милости Перуна или смягчая его гнѣвъ, они приносили

въ жертву ему людей и животныхъ. Были у нихъ божества рѣкъ и другія божества природы, но они меньше боялись ихъ и совершали служеніе имъ съ обрядами болѣе веселыми.

Обычаи Славянъ.

Штраль говоритъ: Славяне, раздѣляясь на разныя племена съ особыми названіями, жили на обширномъ пространствѣ между Балтійскимъ, Адріатитескимъ и Чернымъ морями. Ихъ хижины стояли порознь далеко одна отъ другой; они селились больше всего по лѣсамъ, ручьямъ, рѣкамъ, озерамъ, названія которыхъ часто и становились ихъ племенными именами; они вели бездѣйственную, тихую жизнь; нравы ихъ были грубы, но чисты; никакихъ искусствъ они не знали; терпѣливо выносили суровость своего климата, добывали себѣ пропитаніе охотой, скотоводствомъ и земледѣліемъ; обстановка ихъ жизни была бѣдная и грязная. Свѣтлымъ цвѣтомъ волосъ, крѣпкимъ тѣлосложеніемъ, высокимъ ростомъ, храбростью, неукротимой любовью къ свободѣ, отвращеніемъ отъ городовъ и стѣсненности жилищъ они напоминаютъ германцевъ Тацита; но по языку, религіи, обычаямъ, славяне и германцы совершенно различные народы. У славянъ не было начальниковъ, власть которыхъ соединяла бы ихъ племена. Каждый слѣдовалъ старымъ обычаямъ или общимъ рѣшеніямъ, принимаемымъ въ шумныхъ сборищахъ; они охотно слушали и часто принимали въ важныхъ дѣлахъ совѣты опытныхъ стариковъ; заслуги предковъ не давали у нихъ никакихъ правъ, и на знатности рода не основывались у нихъ никакія притязанія. Они свято сохраняли законъ гостепріимства и провожали гостя, чтобы никто не обидѣлъ его; супружеская жизнь ихъ была украшена взаимной любовью; умершаго героя или друга они чтили надмогильными военными играми (тризной) или даже добровольной смертью; иногда и жена лишала себя жизни по смерти мужа. У нихъ былъ обычай кровомщенія за убійство. Они бросались въ бой съ дикой страстностью, подобно всѣмъ варварамъ безпорядочными толпами; рѣдко дѣйствовали они въ битвѣ по обдуманному плану или слѣдовали распоряженіямъ общаго военачальника. Латы были только у немногихъ изъ нихъ. Оружіе ихъ было разнообразное; они имѣли луки съ отравленными стрѣлами, пращи, колья, мечи, щиты. Въ нападеніи были они отважны, въ оборонѣ мужественны; но потерпѣвъ пораженіе, трусливо бѣжали. Они сражались и конные и пѣшіе. Воинъ пріобрѣталъ смѣлыми подвигами почетъ и могущество; отличившемуся храбростью давали: они больше плѣнныхъ, чѣмъ другимъ воинамъ. Плѣнные служили у нихъ рабами, но ихъ обращеніе съ рабами было мягкое, и не рѣдко они давали плѣннымъ свободу и дозволеніе возвратиться на родину.

Славянскія племена.

Днѣстръ долго служилъ границею между племенемъ, которое византійцы называютъ славинами, и другимъ славянскимъ племенемъ, антами; славины жили на западъ отъ Днѣстра въ лѣсахъ и между болотъ; на востокъ отъ Днѣстра по берегу Чернаго моря до Днѣпра жили анты. Въ числѣ титуловъ византійскаго императора находилось названіе Антскій (Anticus); это показываетъ, что византійцы часто вели войну съ антами. Другіе славянскія племена жили огромной дугой по лѣсистымъ высотамъ Карпатъ; оттуда нѣкоторые отдѣлы ихъ, тѣснимые переселеніемъ народовъ, подвинулись по Вислѣ на сѣверъ, смѣшавшись съ азіатскими ордами, и соединились въ одинъ народъ

съ своими соплеменниками вендами или виндами, жившими на боло-
тистыхъ равнинахъ Волхонскаго лѣса, другіе, шедшіе тоже по Вислѣ,
смѣшались съ эстами, поруссами и леттами, жившими на берегу Бал-
тійскаго моря. Западными сосѣдами славянъ были германцы, сѣвер-
ными финны, восточными многочисленныя пастушескія племена, на-
зываемыя у древнихъ писателей общими именами скиѳовъ и сарма-
товъ. При непрерывномъ движеніи народовъ на югъ и западъ славяне
тоже переселялись и расширяли свои земли. Племена, поселившіяся
на востокѣ между номадами и съ наибольшей чистотой сохранившія
свой языкъ и свои обычаи, раздвигались мало по малу во всѣ сто-
роны и заняли обширную равнину отъ Вислы до Волги; племена,
двинувшіяся на западъ и называемыя у нѣмцевъ вендами, заняли по-
кинутыя ушедшими дальше на югъ и западъ германцами земли отъ
южнаго берега Балтійскаго моря и устья Эльбы до Фихтельскаго и
Чешскаго лѣса; а пошедшія на югъ вторглись въ области византій-
ской имперіи, опустошая ихъ. Они жгли города и селенія, убивали
всѣхъ попадавшихся въ руки имъ. Византійскіе императоры стара-
Нападеніе славянъ на византійскія области. лись защититься отъ ихъ нашествій укрѣпленіями по нижнему Ду-
наю, хотѣли удержать ихъ отъ грабежей договорами; но все было
напрасно: дунайскія укрѣпленія представляли слишкомъ слабую за-
держку безчисленнымъ ордамъ славянъ, такъ что въ исторіи Проко-
пія почти каждый годъ упоминается объ ихъ новыхъ вторженіяхъ; до-
говоры не достигали своей цѣли потому, что славяне дѣлились на
множество независимыхъ племенъ и когда одни мирились, другіе шли
540. грабить. Въ тотъ годъ, когда Велизарій взялъ Равенну, варвары,
жившіе по Дунаю, вторглись въ имперію такими многочисленными
полчищами, что ограбили и опустошили всю страну отъ стѣнъ Кон-
стантинополя до Іонійскаго моря, опустошили Среднюю Грецію и
увели за Дунай больше 100,000 плѣнныхъ пасти стада и пахать
землю въ рабствѣ у нихъ. Многіе были выкуплены родными, другіе
остались въ рабствѣ. Иллирія, Ѳракія, Греція были такъ разорены,
что варвары уже не надѣялись потомъ найдти тамъ много добычи;
потому обратились на востокъ, стали угрожать самому Константино-
полю, ограбили греческіе города на Геллеспонтѣ и, вернувшись на
родину, зарыли добытыя сокровища въ землю. Вскорѣ послѣ того,
какъ Нарсесъ окончательно разрушилъ остготское королевство, къ
столицѣ византійской имперіи снова подступило громадное полчище
болгарскихъ и славянскихъ племенъ подъ начальствомъ Забегана.
558. Они прошли Ѳракію, прорвались черезъ стѣну, построенную поперекъ
византійскаго полуострова и поврежденную землетрясеніемъ; они на-
дѣялись взять и разграбить Константинополь. Въ этомъ бѣдствен-
номъ положеніи оробѣвшій Юстиніанъ снова обратился къ Велизарію,
и старый герой прославилъ конецъ своей жизни новою побѣдой. Ис-
кусными движеніями онъ обманулъ враговъ; притомъ они были испу-

ганы слухомъ о нападеніи другихъ племенъ на ихъ родныя земли.
Они ушли; Юстиніанъ далъ имъ огромныя суммы за освобожденіе
плѣнныхъ и за согласіе на миръ; они обѣщались не возобновлять
нападенія на имперію и быть вѣрными союзниками ея, посылать свои
отряды въ императорскія войска.

Спасенное населеніе Византіи выказывало горячую благодарность Вели- Конецъ жизни Велизарія.
зарію. При возвращеніи въ столицу онъ былъ встрѣченъ восторженными
криками народа. Это увеличило нерасположеніе Юстиніана къ нему. Импе-
раторъ въ старости сталъ еще подозрительнѣй и завистливѣй прежняго.
Онъ видѣлъ, что народъ равнодушенъ къ нему, даже ненавидитъ его, что
своимъ многолѣтнимъ деспотизмомъ онъ не обезпечилъ себѣ спокойствія;
попытки мятежей возобновлялись въ столицѣ: Юстиніанъ съ трудомъ удер-
живалъ Синихъ и Зеленыхъ въ повиновеніи; при каждомъ, хотя бы лег-
комъ случаѣ болѣзни императора столица волновалась. Все это усиливало
раздражительность недовѣрчиваго Юстиніана, и чѣмъ больше дряхлѣлъ
онъ, тѣмъ внимательнѣе слушалъ клеветы коварныхъ царедворцевъ и злоб-
ныхъ эвнуховъ. Между людьми очень близкими къ нему составился заго-
воръ; одинъ изъ злоумышленниковъ измѣнилъ товарищамъ и донесъ импе-
ратору; онъ ужаснулся и въ страхѣ сталъ дѣйствовать свирѣпо. Тѣ изъ 564.
заговорщиковъ, которые не успѣли сами лишить себя жизни, были казне-
ны; подозрѣваемыхъ пытали, вынуждая у нихъ признанія. Въ мученіяхъ
пытки одинъ изъ обвиняемыхъ заявилъ, что онъ дѣйствовалъ по внуше-
ніямъ Велизарія. Этого было достаточно Юстиніану, чтобы подвергнуть
Велизарія тяжкому наказанію: великій полководецъ былъ лишенъ всѣхъ
должностей; имущество его было конфисковано; императоръ держалъ его
нѣсколько мѣсяцевъ въ темницѣ. Невинность его была наконецъ доказана.
Юстиніанъ освободилъ его, возвратилъ ему прежніе титулы и часть иму-
щества. Но оскорбленіе сильно подѣйствовало на него и сократило его
жизнь. Онъ умеръ 13 марта 565 года, за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти
Юстиніана. Его вдова Антонина употребила остатки своего имущества на
основаніе монастыря, въ заботахъ о которомъ провела послѣднее время
жизни. Есть легенда, что Велизарій былъ ослѣпленъ, оставленъ безъ вся-
кихъ средствъ къ жизни и просилъ милостыню на улицахъ Константино-
поля; это вымыселъ позднѣйшаго времени, нравившійся эффектностью, съ
какой выражалъ мысль о непрочности земного счастья.

Около того времени, какъ славяне и болгары были прогнаны отъ Тюрки и авары.
стѣнъ Константинополя мечомъ Велизарія и склонены золотомъ Юс-
тиніана возвратиться за Дунай, въ Азіи произошло бурное передви-
женіе народовъ, подобное нашествію гунновъ; оно разорвало преж-
нія связи племенъ, соединило разныя племена въ одно полчище,
наполнило невѣдомыя земли на сѣверѣ новымъ населеніемъ и про-
извело новыя смѣшенія народностей. На сѣверѣ отъ Алтайскаго
хребта, служащаго границей между китайскими владѣніями и Си-
бирью, жили у истоковъ Иртыша тюрки, презрѣнные рабы хана ге-
уговъ, для которыхъ они добывали изъ Алтайскихъ горъ и ковали
желѣзо. Долго оставались они въ этомъ рабствѣ; наконецъ нашелся
у нихъ отважный вождь, сказавшій имъ, что оружіе, которое ку-

ютъ они для своихъ господъ, можетъ стать въ ихъ рукахъ средствомъ пріобрѣсти свободу. Они вышли изъ своихъ горныхъ ущелій, съ неукротимою отвагой дикарей бросились на геуговъ, побѣдили ихъ и основали могущественное государство, границы котораго расширились далеко на сѣверъ и западъ. Они покорили сѣверный Китай, покорили народъ, называвшійся бѣлыми гуннами, присоединили къ своему царству огромные торговые города Самаркандъ и Бухару; безчисленныя конныя и пѣшія полчища ихъ проникли до болотистыхъ береговъ Меотиды, покоряя или прогоняя народы. Огоры или вархониты потерпѣли отъ нихъ такое пораженіе, что тѣлами убитыхъ было покрыто пространство на четыре дня пути; былъ убитъ и царь огоровъ. Большинство уцѣлѣвшихъ покорилось побѣдителямъ; но нашлось довольно много храбрыхъ людей, которые предпочли рабству переселеніе; они стали ужасомъ западнаго міра, называвшаго ихъ аварами. Они шли по Волгѣ; сдѣлавъ трудный переходъ, дошли до Кавказа и услышали тамъ о богатствѣ и слабости византійской имперіи. Они отправили въ Константинополь посольство объявить Юстиніану, что они хотятъ быть его друзьями, что они поступятъ на службу къ нему и будутъ сражаться противъ его враговъ, если онъ дастъ имъ плодородную землю и жалованье. Жители Византіи съ любопытствомъ смотрѣли на этихъ иноземцевъ, походившихъ одеждой и обычаями на гунновъ, но носившихъ длинные волоса, заплетенные лентами въ косу, опускающуюся по спинѣ. Юстиніанъ, ослабѣвшій отъ старости и опечаленный опасностями, окружившими его отовсюду, принялъ предложеніе аваровъ, одобренное сенатомъ; онъ послалъ имъ великолѣпные подарки, шелковую одежду, мягкія постели, золотыя вещи и пригласилъ ихъ сражаться съ врагами имперіи. Они охотно пошли на призывъ: переправились черезъ Донъ и Днѣпръ, покорили болгарскія и славянскія племена на нижнемъ Дунаѣ, обязали ихъ служить въ своемъ войскѣ и стали дѣлать набѣги на западныхъ и сѣверныхъ сосѣдовъ. Въ слѣдующія десятилѣтія они доходили до самой Эльбы. Аварскій царь, называвшійся Хаганомъ, постоянно увѣрялъ императора въ своей преданности; но скоро византійцы увидѣли, что онъ думаетъ только о своихъ выгодахъ, а не о пользахъ имперіи. Они стали менѣе любезны къ нему, но уже не могли помѣшать аварамъ поселиться на равнинѣ по Дунаю и Тисѣ. Въ этой странѣ, называвшейся прежде Панноніей и бывшей издавна мѣстомъ дракъ между переселяющимися народами, жили теперь гепиды и лангобарды. Авары раскинули свои шатры въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя не были заняты этими народами; но черезъ нѣсколько времени лангобарды ушли въ Италію, а гепидовъ авары покорили и стали господами всей равнины. Скоро они расширили свое владычество по всему пространству отъ Альпъ до Чернаго моря. Аварскій царь Баянъ, поселившійся во дворцѣ

Авары въ службѣ императора 558.

Отношенія аваровъ къ византійцамъ.

Аттилы, сталъ держать себя съ преемниками Юстиніана такъ, какъ царь гунновъ держалъ себя съ преемниками Ѳеодосія. Онъ отправлялъ въ Константинополь пословъ съ дерзкими требованіями, получалъ жалованье и дорогіе подарки, украшалъ ими шатры своей столицы и давалъ презрительные отвѣты византійскимъ посламъ, пріѣзжавшимъ къ нему съ дарами и просьбами. Увѣряя императора всяческими клятвами въ своемъ миролюбіи, онъ осадилъ Сирмій, принудилъ голодомъ эту крѣпость сдаться, разрушилъ до основанія городъ Сингидунъ, стоявшій при впаденіи Савы въ Дунай, и сталъ опустошать всѣ области имперіи отъ Дуная до Константинополя, отъ Адріатическаго моря до Чернаго. Авары жгли города и селенія, убивали мужчинъ, уводили въ плѣнъ женщинъ и дѣтей, дѣлили между собой по жребію дѣвушекъ. Византія и Римъ, императоръ и папа трепетали при имени аварскаго хагана. Впрочемъ и Баянъ подобно Аттилѣ любилъ иногда выказать великодушіе. Императоръ Маврикій хотѣлъ самъ идти на аваровъ, но передумалъ и назначилъ начальникомъ отправляемаго противъ нихъ войска своего трусливаго и бездарнаго брата. Аварскіе всадники и стрѣлки прогнали это войско; только одному изъ второстепенныхъ начальниковъ, храброму и даровитому полководцу Приску, удалось дойдти до Дуная и до Тисы и поставить на берегахъ этихъ рѣкъ послѣдніе трофеи римскихъ побѣдъ. Вернувшись въ Паннонію, хаганъ обратилъ свои полчища на Западъ. Они стали опустошать земли по Одеру и Эльбѣ; позднѣйшіе хаганы слѣдовали примѣру Баяна, и авары сдѣлались ужасомъ германцевъ и славянъ, какъ были ужасомъ византійцевъ. Въ особенности много страдали отъ нихъ моравы и чехи, поселившіеся на западъ отъ нихъ. Лѣтописцы говорятъ, что авары запрягали побѣжденныхъ въ телѣги и плуги, насиловали ихъ женъ и дочерей, брали съ нихъ дань, заставляли ихъ работать на себя. Наконецъ угнетеніе стало невыносимо для славянъ, говоритъ Фредегаръ, они отказали аварамъ въ повиновеніи, начали войну съ ними. Въ это время (въ 623 году) пріѣхалъ въ тѣ земли Самонъ, родомъ франкъ; онъ пошелъ вмѣстѣ съ славянами на войну и помогъ имъ побѣдить аваровъ. За это виниды (такъ называетъ Фредегаръ чеховъ и моравовъ) выбрали его своимъ королемъ; онъ послѣ того разбилъ аваровъ во многихъ сраженіяхъ и болѣе 35 лѣтъ былъ королемъ славянскаго государства, главную часть котораго составляла Богемія, и которое простиралось на югъ до Штирійскихъ Альпъ, на востокъ до Карпатъ, а на сѣверъ до Гавеля и Шпре. Онъ не только остановилъ набѣги аваровъ, но и нападенія своихъ соплеменниковъ франковъ, и своими побѣдами много помогъ тому, что славяне удержали за собой восточныя земли прежней Германіи. Владѣя берегомъ Балтійскаго моря, они занялись торговлей и нѣкоторое время вели ее въ большомъ размѣрѣ. Преданія разсказываютъ чудеса о великолѣпіи венд-

Авары и славяне.

Самонъ 623.

скаго (славянскаго) города Юлина или Воллина, стоявшаго на одномъ изъ островов передъ устьемъ рѣки Одера; Юлинъ по преданіямъ былъ въ раннія времена среднихъ вѣковъ богатымъ рынкомъ торговли съ Востокомъ. Онъ былъ очень великъ; его деревянные дома были построены красиво, убраны великолѣпно, и въ нихъ было много драгоцѣнностей.

3. Персы.

Юстиніанъ и его преемники высылали подарки аварамъ, чтобъ имѣть ихъ своими защитниками отъ другихъ народовъ, жившихъ на Дунаѣ и въ Панноніи,—отъ гепидовъ и лангобардовъ; точно такъ же они выносили дерзости тюркскаго хана, посылали ему подарки, чтобъ его страшные туранцы помогали имъ въ войнахъ съ персами. Въ концѣ своего царствованія Кобадъ соблюдалъ миръ съ византійцами, потому что въ персидскомъ царствѣ происходили династическія и религіозныя междоусобія; но мирныя отношенія персовъ къ византійцамъ замѣнились новою войной, когда царемъ сталъ сынъ Кобада,

Хосрой I Нуширванъ 531—579.

храбрый и деспотичный Хосрой I*), получившій названіе Нуширвана (Справедливаго), не совсѣмъ согласное съ характеромъ его правленія, капризнымъ и жестокимъ. Кобадъ съ одобренія вельможъ назначилъ его своимъ преемникомъ, хотя имѣлъ двухъ сыновей старше его. Онъ началъ свое царствованіе тѣмъ, что убилъ этихъ своихъ братьевъ, истребилъ ихъ семейство, казнилъ ихъ приверженцевъ. Упрочивъ этимъ свое владычество, онъ сталъ благоразумными распоряженіями возстановлять спокойствіе въ ослабѣвшемъ отъ раздора государствѣ. Онъ подавилъ тѣ религіозныя партіи, которыя своими мятежами дѣлали очень много хлопотъ Кобаду, смотрѣлъ за тѣмъ, чтобы судьи рѣшали дѣла быстро и справедливо, не брали взятокъ, не притѣсняли бѣдныхъ; заботясь объ улучшеніи земледѣлія, онъ облегчилъ положеніе поселянъ, жившихъ на земляхъ крупныхъ землевладѣльцевъ, проводилъ каналы для орошенія полей; вообще онъ заботился о благосостояніи своихъ подданныхъ, помогалъ бѣднымъ; славясь справедливостью, онъ заслужилъ также славу покровителя наукъ и поэзіи.

---

*) Династія Сассанидовъ: Ардширъ Бабеканъ (у римскихъ и греческихъ писателей, Артаксерксъ) 226—240; Шапуръ (Сапоръ) 240 — 271; Гормузъ (Гормисдъ) 271—272; Багранъ (Варанъ) I 272 — 276; Багранъ (Варанъ) II 276—293; Багранъ (Варанъ) III 293—294; Нарсесъ 294—303; Гормузъ (Гормисдъ) II 303 — 309; Шапуръ (Сапоръ) II Великій 309—380; Ардширъ (Артаксерксъ) II 380—383; Шапуръ (Сапоръ) III 383—388; Багранъ Керманшахъ (Варанъ) IV 388—399; Йездедширдъ (Йездегердъ) I 399 — 419; Багранъ Гуръ (Варанъ) V 420—440; Йездегердъ II (или Варанъ) VI 440—457; Гормузъ (Гормисдъ) III и его братъ Фирузъ (Ферозъ) 457—488; Балатъ (Валентъ) 488—491; Кобадъ (Кабадъ), сынъ Фируза 491—531; Хосру (Хосрой) Нуширванъ Великій 531—579; Гормузъ (Гормисдъ) IV 579—591; Хосру (Хосрой) II 591—628; Шируэ (Сироэсъ) 628; Ардширъ (Артаксерксъ) III 629; потомъ быстро смѣнилось нѣсколько царей; наконецъ сталъ царемъ Йездегердъ III, внукъ Хосру, управлявшій съ 632 года до 636 и умершій въ 649 году.

Философы, удалившіеся изъ Аѳинъ въ Персію, скоро убѣдились, что Хосрой не похожъ на идеальнаго царя, изображаемаго Платономъ; но онъ очень усердно покровительствовалъ наукѣ. Близъ старой персидской столицы Сузы при немъ была основана медицинская школа; скоро въ ней стали читаться лекціи и другихъ наукъ, поэзіи, философіи, реторики; были собраны древнія лѣтописи царства (I, 397). По приказанію Нуширвана переводились на персидскій языкъ знаменитѣйшіе греческіе и индійскіе писатели; при немъ былъ составленъ по индійскимъ источникамъ сборникъ басенъ Бидпая, ставшій общимъ достояніемъ европейскихъ народовъ (I, 349, 350). Иноземные ученые находили при дворѣ Нуширвана щедрыя награды. И когда аѳинскіе философы, проживъ нѣкоторое время въ Персіи, захотѣли вернуться на родину, Нуширванъ своимъ ходатайствомъ доставилъ имъ безопасность на ней (стр. 606).

Купивъ себѣ большими денежными пожертвованіями миръ съ Нуширваномъ, Юстиніанъ получилъ свободу послать войско на завоеваніе вандальскаго и остготскаго государствъ. Хосрой воспользовался миромъ для занятій преобразованіями, содѣйствовавшими благосостоянію его царства. Но возростающее могущество византійской Имперіи внушало ему опасеніе, и когда Витигесъ отправилъ къ нему пословъ возбудить его къ войнѣ противъ общаго врага, онъ понялъ справедливость продостереженій, высказанныхъ ему отъ имени готскаго короля. Онъ полагалъ, что, покоривъ своихъ непріятелей на западѣ, Юстиніанъ обратитъ оружіе на персовъ, и рѣшился остановить побѣды византійцевъ въ Италіи нападеніемъ на Сирію. Царь одного изъ арабскихъ племенъ Альмондаръ, признававшій надъ собою власть Нуширвана, поссорился съ Аретомъ, союзникомъ византійцевъ, за владѣніе пастбищами для овецъ на югѣ отъ Пальмиры; эта ссора дала Нуширвану желанный предлогъ къ войнѣ съ византійцами. Онъ вошелъ съ большимъ войскомъ въ Месопотамію, взялъ городъ Дуру, истребилъ жителей этой крѣпости и увелъ изъ византійскихъ владѣній множество плѣнныхъ, чтобы взять за нихъ выкупъ. Богатые города Сиріи—Гіераполь, Берея (Алеппо), Халкида, Апамея дали ему огромныя суммы, чтобы спастись отъ осады и погибели. На уплату контрибуцій были взяты украшенія и священные сосуды церквей. Персы пришли къ Антіохіи. Этотъ городъ, пострадавшій отъ землетрясенія, получилъ щедрое пособіе отъ Юстиніана и снова сталъ великолѣпенъ. Антіохійцы по прежнему веселились, по прежнему отличались и остроуміемъ и легкомысліемъ. Теперь Антіохія была взята приступомъ; персы разграбили и сожгли ее. Обремененный сокровищами, уводя множество плѣнныхъ, Хосрой возвратился за Эвфратъ и населилъ греческими плѣнниками, украсилъ взятой у грековъ добычей городъ, который основалъ неподалеку отъ Ктезифона по плану Антіохіи. Потомъ онъ повелъ войско въ Палестину, готовился вторгнуться въ Малую Азію, думалъ дойдти съ своей конницей до Чернаго моря, но услышалъ, что Велизарій перешелъ Эв-

Новая война съ персами 540—543.

фратъ и стоитъ близъ Нисибиды; это извѣстіе принудило его вернуться. Велизарій два года велъ войну съ Нуширваномъ и выказалъ въ ней такое же блистательное искусство, какъ въ итальянской войнѣ. Но подозрительный Юстиніанъ не давалъ ему достаточныхъ средствъ, помощники его были бездарны или не покорны ему; войско его было малочисленно, потому онъ не могъ отплатить Хосрою вторженіемъ за вторженіе. Онъ принужденъ былъ ограничиться тѣмъ, что запугалъ персидскаго царя искусными движеніями, заставившими персовъ воображать, будто бы греческое войско многочисленно; Хосрой побоялся продолжать войну и заключилъ миръ, по которому греческая имперія сохранила свои прежнія границы. Торжество, полученное Велизаріемъ въ Азіи безъ битвы, было не менѣе блистательно, чѣмъ его побѣды въ Африкѣ и въ Италіи; но Юстиніанъ не хотѣлъ понимать этого и остался неблагодарнымъ къ своему полководцу.

Война въ Колхидѣ 549—551. Черезъ нѣсколько времени Хосрой нашелъ случай къ новому нападенію на византійскую имперію. Поводомъ къ этому послужило возстаніе колхидскаго царя, бывшаго союзникомъ имперіи, то-есть государемъ подвластнымъ ей. Лазы, жители Колхиды, подвергались притѣсненіямъ отъ византійскаго гарнизона, стоявшаго въ Петрѣ; пошлины и монополіи, введенныя Юстиніаномъ, сильно вредили ихъ торговлѣ; потому они, хотя уже были христіанами, отказались отъ повиновенія византійцамъ и отдались подъ покровительство персидскаго царя. Царь Губазъ отправилъ къ Нуширвану посольство съ предложеніемъ союза и просьбой о защитѣ. Колхида по своему мѣстоположенію представляла большую важность для персидскаго царства, и Нуширванъ принялъ ее подъ свое покровительство. Глубокое и широкое устье рѣки Фазиса было хорошею гаванью; Нуширванъ думалъ построить тамъ многочисленный флотъ, который будетъ владычествовать на Черномъ морѣ и угрожать Константинополю. Подъ предлогомъ похода противъ скиѳовъ онъ повелъ войско въ Иберію, на верховье рѣки Кура. Колхидскій проводникъ показывалъ ему путь оттуда къ Черному морю, Нуширванъ прошелъ черезъ ущелья и лѣса Кавказа къ Петрѣ; гарнизонъ ея принужденъ былъ сдать крѣпость и получилъ свободный пропускъ. Но лазы скоро стали жалѣть о томъ, что призвали персовъ. Хосрой, усердный приверженецъ религіи Зороастра, хотѣлъ ввести ее въ Колхидѣ и ужаснулъ лазовъ, принуждая ихъ хоронить умершихъ по персидскому обычаю (I, 390). Замѣтивъ, что лазы стали враждебны ему, онъ далъ тайное приказаніе убить колхидскаго царя, переселить жителей въ другую далекую землю и основать на Фазисѣ колонію персидскихъ воиновъ. Колхійцы, узнавъ объ этомъ намѣреніи Хосроя, послали византійскому императору просьбу о прощеніи и помощи; Юстиніанъ, вообще не расположенный прощать, былъ настолько разсудителенъ, что исполнилъ ихъ желаніе. Сильное византійское войско пошло въ Колхиду, чтобы вмѣстѣ съ лазами отнять Петру у персовъ. Это было дѣло трудное, потому что городъ стоялъ на крутой скалѣ, вдающейся далеко въ море, а персидскій гарнизонъ оборонялся храбро.

Осада Петры 549—551. Осада Петры длилась два года. Изъ 1500 персовъ, составлявшихъ гарнизонъ, осталось въ живыхъ только 400, да и между ними было только 50 человѣкъ не больныхъ и не раненыхъ. Но они сохраняли непоколебимое мужество. Чтобы скрыть свой уронъ отъ непріятеля, они ставили подлѣ себя трупы своихъ товарищей и твердо терпѣли смрадъ гніенія ихъ. Обманувъ или быть-можетъ подкупивъ греческаго военачальника, Дагистая, персы ввели въ крѣпость новый отрядъ, и оборона стала снова сильнѣе. Дротики и зажженные куски дерева, бросаемые осажденными, наносили грекамъ очень много вреда. Наконецъ, подъ начальствомъ стараго воина Бесса, греки взошли на стѣны, убили или взяли въ плѣнъ большую часть гарнизона. Но 500 персовъ ушли въ неприступнѣйшую часть укрѣпленій и, съ презрѣніемъ отвергая предложенія сдаться, геройски оборонялись; греки зажгли ихъ укрѣпленія, и они погибли въ пламени.

Конецъ войны. Геройство защитниковъ Петры оживило мужествомъ все персидское войско, и оно сражалось съ греками удачно, пока главнокомандующимъ былъ храбрый полководецъ, котораго греки называютъ Мермероемъ, дряхлый и хромой старикъ, внушавшій ужасъ непріятелю, отвагу своимъ воинамъ. Греческія войска имѣли нѣсколькихъ начальниковъ, не подчиненныхъ другъ другу и равныхъ между собою не только властью, но и развратностью, безсовѣстностью. Персидскій главнокомандующій, котораго носили передъ рядами войска въ носилкахъ, велъ войну по хорошо обдуманному плану. Персы побѣждали; но Мермерой умеръ; главнокомандующимъ сдѣлался Накораганъ, человѣкъ надменный, и война приняла другой оборотъ. Мермерой оттѣснилъ римлянъ на край берега. Ихъ станъ стоялъ на развалинахъ греческой колоніи при впаденіи Фазиса въ море. Онъ былъ защищенъ рѣкою, моремъ и укрѣпленіями. Персы напали на него. Отчаяніе дало отвагу грекамъ; они обратили непріятеля въ бѣгство; 10,000 враговъ легли подъ ихъ ударами. Накораганъ успѣлъ убѣжать, но былъ, по приказанію раздраженнаго Хосроя, преданъ мучительной смерти. Кожу его набили соломой и повѣсили на горѣ въ предостереженіе другимъ военачальникамъ. Побѣда грековъ не прекратила опустошеній въ Колхидѣ. Война много лѣтъ длилась въ несчастной странѣ, и греческіе полководцы обезславили римское имя коварнымъ убійствомъ царя Губаза на свиданіи его съ ними. Миръ былъ заключенъ лишь незадолго передъ смертью Юстиніана. Границы имперіи остались почти 561.
тѣ же, какія были до начала войны; Колхида и принадлежащія къ ней мелкія владѣнія были возвращены персами подъ власть императора; но онъ обязался давать ежегодно въ подарокъ персидскому царю 30,000 золотыхъ монетъ.

Могущество Хосроя.

Хосрой стоялъ тогда на верху могущества. Его царство обнимало всѣ земли отъ Средиземнаго моря до Инда, отъ Яксарта до Аравіи и до Египта. Онъ усмирилъ всѣ мятежи и упрочилъ свое владычество надъ Ираномъ. Онъ заключилъ миръ съ турками и взялъ въ число своихъ женъ дочь хана ихъ. Въ своемъ мраморномъ дворцѣ въ Мадаинѣ (или Ктезифонѣ) онъ принималъ богатые подарки или дань отъ блестящихъ посольствъ индійскихъ государей.

Войны Хосроя съ преемниками Юстиніана. 568.

Вскорѣ по смерти Юстиніана возобновилась война между византійцами и персами; тѣ и другіе были проникнуты религіознымъ фанатизмомъ, потому она получила свирѣпый характеръ. Жители счастливой Аравіи (то есть Йемена) были покорены абиссинцами, въ то время уже христіанами. Угнетенное побѣдителями населеніе просило помощи Хосроя. Онъ явился съ войскомъ въ Йеменъ, знаменитую страну ароматовъ, и при содѣйствіи арабскихъ племенъ прогналъ абиссинцевъ за море, а царемъ назначилъ потомка прежней династіи. Этотъ царь былъ его данникомъ. Юстинъ искалъ предлога, чтобы отказаться отъ платежа постыдной дани, которую

1. Война съ Юстиномъ.

обязался давать персидскому царю Юстиніанъ подъ названіемъ подарка; онъ вступился за абиссинскаго царя, своего единовѣрца и союзника; съ тѣмъ вмѣстѣ онъ сталъ помогать армянамъ, желавшимъ освободиться отъ персидскаго владычества. Жалобы Нуширвана остались безъ удовлетворенія. Юстинъ вступилъ съ турками въ союзъ противъ персовъ. Но византійскій императоръ оставался въ своемъ дворцѣ, а 80 лѣтній Нуширванъ съ юношеской энергіей пошелъ на войну. Онъ осадилъ Дару, важ-

572.

нѣйшій городъ Месопотаміи, и послѣ пятимѣсячной осады взялъ его, а его полководецъ Адарманъ переправился у Вавилона черезъ Эвфратъ, сжогъ Апамею и привезъ изъ Сиріи добычу своему царю. Слабый Юстинъ въ страхѣ искалъ опоры себѣ и назначилъ своимъ соправителемъ и на-

2. Побѣды Тиверія. Смерть Хосроя 579.

слѣдникомъ Тиверія, заключивъ съ Хосроемъ перемиріе на три года. Тиверій сдѣлалъ большія приготовленія къ войнѣ, и когда Хосрой снова пошелъ въ Сирію, Тиверій нанесъ ему при Мелитенѣ сильное пораженіе; Нуширванъ долженъ былъ поспѣшно отступить за Эвфратъ. Полководецъ Тиверія Юстиніанъ пошелъ вмѣстѣ съ турками на помощь армянамъ, прошелъ до Аракса, отослалъ изъ Гирканіи 70,000 плѣнныхъ въ Кипръ, плавалъ по Каспійскому морю, а слѣдующей весной пошелъ въ плодородныя равнины Ассиріи и уже приближался къ персидской столицѣ, когда умеръ Нуширванъ.

Гормисдъ (Гормузъ) 579—591.

Всѣ завоеванія, сдѣланныя въ продолжительное правленіе энергическаго Хосроя Нуширвана, были утрачены при его сынѣ и преемникѣ Гормузѣ или Гормисдѣ, свирѣпомъ и безразсудномъ тиранѣ. Гормузъ имѣлъ воспитателемъ знаменитаго Бузурга Мигира, который перевелъ басни Бидпая и ознакомилъ персовъ съ индійской игрою въ шахматы. Но подъ вліяніемъ льстецовъ новый царь забылъ правила добродѣтели, которыя внушалъ ему мудрый воспитатель, и примѣры храбрости и справедливости, какіе показывалъ ему отецъ; алчный, тщеславный, подозрительный, онъ сталъ мучителемъ своего народа. Угнетенные подданные возмутились въ Вавилоніи, Сузѣ, Караманіи, арабскіе, индійскіе, скиѳскіе цари не хотѣли платить дани, которую платили его отцу, византійцы одерживали въ Месопотаміи и Сиріи новыя побѣды, безчисленныя полчища тюрковъ и скиѳовъ опустошали сѣверныя области. Государство клонилось къ упадку; свирѣпый деспотъ не исправлялся. Единственный полководецъ, поддерживавшій своими подвигами военную славу Ирана, Варанъ (Багранъ), потомокъ стараго кня-

жескаго персидскаго рода, одержалъ въ своей родной области, Гирканіи, блестящую побѣду надъ тюрками и прогналъ ихъ (въ 590 году). Наградой ему была обида. Этой неблагодарностью Гормузъ переполнилъ чашу своихъ безразсудствъ. Войско провозгласило оскорбленнаго Баграна царемъ,

Возстаніе Баграна. Смерть Гормуза. 591.

онъ пошелъ на Мадаинъ. Одинъ изъ князей Сассанидской династіи, называемый у грековъ Биндоемъ, бѣжалъ изъ темницы, въ которой долго держалъ его Гормузъ, арестовалъ тирана и заперъ его въ ту самую темницу, изъ которой бѣжалъ. Собраніе персидскихъ вельможъ объявило Гормуза лишеннымъ престола и велѣло выколоть ему глаза раскаленной проволокой. Его жена и младшій сынъ, въ пользу котораго хотѣлъ онъ отказаться отъ престола, были убиты и изувѣченныя тѣла ихъ выставлены на поруганіе народу. Биндой возвелъ на престолъ Хосроя, старшаго сына низвергнутаго царя, надѣясь владычествовать надъ неопытнымъ юношей. Но Багранъ не призналъ новаго царя. Хосрой пошелъ съ дворцовой прислугой и столичной чернью на побѣдоносное войско; Багранъ безъ труда

Хосрой II. Багранъ прогоняетъ его. 591.

разбилъ его; онъ бѣжалъ изъ битвы и скрылся. Биндой удавилъ тетивой Гормуза, котораго держалъ въ темницѣ. Хосрой съ своими наложницами и отрядомъ тѣлохранителей переправился черезъ Эвфратъ и отдался подъ защиту начальнику греческаго горнизона крѣпости Киркезія. Багранъ вступилъ въ Мадаинъ, провозгласилъ себя царемъ; но удержаться на престолѣ было ему труднѣе, чѣмъ взойдти на него. Народъ раскаялся въ томъ, что покинулъ законнаго наслѣдника и покорился мятежнику; маги отказались признать Баграна царемъ. Раздраженный, онъ сталъ дѣйствовать жестоко. При дворѣ возникли заговоры, въ столицѣ произошло волненіе, въ провинціяхъ поднялись мятежи; свирѣпыя казни виновныхъ и подозрѣваемыхъ увеличивали общее негодованіе. Этимъ было облегчено возстановленіе власти Хосроя. Императоръ Маврикій, преемникъ Тиверія, вступился

Маврикій возстановляетъ владычество Хосроя.

за изгнаннаго царя, и греческое войско пошло въ Персію возстановить его власть. Когда оно дошло до Тигра, множество приверженцевъ Хосроя присоединилось къ византійцамъ, такъ что войско у него стало многочисленнѣе, чѣмъ у Баграна. Разбитый въ двухъ сраженіяхъ, Багранъ бѣжалъ въ области, лежавшія на Оксусѣ и вступилъ въ союзъ съ тюрками; но прежде чѣмъ успѣлъ собрать войско для возобновленія борьбы, умеръ или

Хосрой II. 591—628.

отъ яда или отъ горя объ утратѣ своей славы. Греки ввели Хосроя въ Мадаинъ, и византійскій отрядъ, состоявшій изъ 1,000 человѣкъ, былъ оставленъ охранять его, пока онъ накажетъ измѣнниковъ и упрочитъ свою власть. Онъ казнилъ даже Биндоя, какъ виновнаго въ убійствѣ царя. Въ благодарность за покровительство онъ отдалъ Маврикію крѣпости Дару и Мартирополь и согласился на то, чтобъ Арменія до Аракса и до Каспійскаго моря была снова подвластна императору, котораго онъ называлъ отцомъ. До конца правленія Маврикія персы оставались въ мирѣ съ Византіей, христіане въ Персіи пользовались терпимостью, и Хосрой оказывалъ большую благосклонность имъ. Самъ онъ не принялъ христіанства, но его любимая жена Ширинъ (у византійскихъ писателей Сира), красоту, умъ и музыкальные таланты которой прославляетъ персидская поэзія, была усердной христіанкой. Легенда, о ней сохраненная въ персидской поэзіи, говоритъ, что она любила не мужа, а Фереада, прекраснѣйшаго изъ персидскихъ юношей.

2. Лангобарды и состоянiе Италiи.

Гепиды и лангобарды.

Во время войны съ византiйцами готы собрались изъ всѣхъ своихъ владѣнiй на защиту Италiи; дунайская граница, которую такъ заботливо охранялъ Теодерихъ, осталась баззащитна. Воспользовавшись этимъ, завладѣли землями на югѣ Дуная гепиды и лангобарды, уже давно поселившiеся на равнинѣ по Тисѣ и въ горной части Паннонiи (стран. 693). Гепиды взяли Сирмiй и Бѣлградъ и послали византiйскому императору насмѣшливое извиненiе въ этомъ: императоръ неутомимо заботится привлекать въ свое государство храбрыхъ людей и принимать ихъ въ число своихъ союзниковъ и подданныхъ,— говорили гепидскiе послы — потому гепиды, вѣрные союзники императора, предупреждая его желанiе, заняли покинутыя остготами земли. Юстинiанъ не могъ самъ прогнать своихъ воинственныхъ гостей, потому обѣщанiями ежегоднаго вознагражденiя возбудилъ къ войнѣ съ гепидами лангобардовъ, ихъ сосѣдовъ. Но союзники вредили византiйской имперiи не менѣе, чѣмъ враги. Лангобарды много лѣтъ воевали съ гепидами и наконецъ побѣдили ихъ; но въ то же время отряды этихъ друзей императора опустошали области на югѣ Дуная до Адрiатическаго моря, грабили города, угоняли скотъ, уводили людей въ плѣнъ. Другiе отряды лангобардовъ пошли въ Италiю подъ начальствомъ византiйцевъ сражаться съ готами (стр. 817); эти помощники грековъ вѣроятно уже тогда задумали при первомъ удобномъ случаѣ овладѣть прекрасной и богатой Италiей.

Молодость Альбоина.

Въ войнѣ съ гепидами отличался храбростью молодой сынъ лангобардскаго короля Авдоина, Альбоинъ. Въ лангобардскихъ пѣсняхъ, пересказываемыхъ Павломъ Дiакономъ, прославлялись его подвиги; на войнѣ его отца съ гепидами онъ пронзилъ копьемъ сына гепидскаго короля и взявъ съ собою 40 товарищей пошелъ въ дворецъ Турисунда — такъ звали гепидскаго короля — получить отъ него почесть, какую воздавали германскiе военачальники храбрымъ молодымъ воинамъ. Быть-можетъ тогда увидѣлъ онъ красавицу Розамунду, дочь Кунимунда, сына гепидскаго царя, и проникся страстнымъ желанiемъ жениться на ней.

Погибель гепидскаго королевства. 566.

Когда Юстинiанъ, утомленный жизнью, умеръ, на 83 году, послѣ 38 лѣтняго царствованiя, и на престолъ былъ возведенъ сенаторами и царедворцами сынъ его сестры, Юстинъ, находившiйся тогда въ Константинополѣ, то ужъ приближался часъ погибели гепидскаго королевства. Альбоинъ, бывшiй теперь королемъ, въ своей ненависти къ гепидамъ и въ своемъ страстномъ желанiи овладѣть Розамундой, купилъ большими обѣщанiями помощь аваровъ. Кунимундъ, бывшiй тогда королемъ гепидскимъ, палъ въ сраженiи, пали храбрѣйшiе гепиды. Ихъ войско было разбито. Альбоинъ съ наслажденiемъ смотрѣлъ на отрубленную голову Кунимунда и, чтобы продолжить наслажденiе на всю свою жизнь, велѣлъ по скиѳскому обычаю сдѣлать кубокъ изъ черепа врага. Красавица Розамунда, добровольно ли, или по принужденiю, стала женою побѣдителя, который не задолго передъ тѣмъ овдовѣлъ (первой его женой была дочь австразiйскаго короля). Авары въ награду за помощь Альбоину получили плодородныя земли по обоимъ берегамъ Дуная, и часть побѣжденныхъ гепидовъ стала подвластна имъ, а другая часть покорилась лангобардамъ, которые поступали съ этими гепидами милостиво. «Лангобарды взяли тогда столько добычи», говоритъ Павелъ Дiаконъ, «что стали очень богаты, а гепидскiй народъ лишился всей своей силы, такъ что послѣ того уже не имѣлъ своего короля».

Альбоинъ задумываетъ завоевать Италiю.

Честолюбивый Альбоинъ не удовлетворился этими успѣхами. Онъ жадно слушалъ разсказы лангобардовъ, ходившихъ съ Нарсесомъ въ прекрасную сторону на югѣ отъ Альпъ; они говорили о богатыхъ городахъ и дворцахъ, о вкусныхъ плодахъ, которые почти безъ заботы человѣка ростутъ въ этой землѣ подобной саду, о грудахъ золота и серебра, которыхъ не могли расхитить алчные грабители; эти описанiя разгорячали его фантазiю. Онъ не могъ встрѣтить сильнаго сопротивленiя въ странѣ, изнуренной двадцатилѣтнею войною, голодомъ и страшными болѣзнями, отъ которыхъ погибли тысячи людей; уцѣлѣвшее населенiе было малочисленно и отвыкло отъ военнаго дѣла подъ игомъ долгаго порабощенiя. Надежда на побѣду возросла въ Альбоинѣ, когда онъ получилъ отъ Нарсеса извѣщенiе, освобождавшее его отъ боязни сражаться съ этимъ великимъ полководцемъ.

Правленiе Нарсеса въ Италiи.

Нарсесъ, съ титуломъ патрицiя и экзарха (намѣстника), правилъ завоеванною страною болѣе двѣнадцати лѣтъ по византiйскимъ законамъ, которые были введены въ Италiи распоряженiемъ Юстинiана. Нельзя не отдать справедливости благоразумiю, съ какимъ Нарсесъ распутывалъ многосложную путанницу различныхъ правъ на земельную собственность; онъ старался рѣшать эти дѣла справедливо; онъ обуздывалъ своихъ буйныхъ воиновъ; но все-таки его управленiе возбуждало большое неудовольствiе въ итальянцахъ. Его блестящiя дарованiя омрачались корыстолюбiемъ: онъ прiобрѣлъ громадныя богатства утайками при обращенiи остготскихъ королевскихъ помѣстiй въ имущество императора, поборами при введенiи тяжелыхъ налоговъ, продажею должностей областного и городского управленiя. При новомъ императорѣ, когда сильное влiянiе на дѣла получила новая императрица Софiя, враги и завистники Нарсеса стали рѣзко выставлять на видъ этотъ порокъ его. По словамъ Павла Дiакона, римляне говорили императору: «Для римлянъ лучше было находиться подъ властью готовъ, чѣмъ подъ владычествомъ эвнуха Нарсеса,

который держитъ насъ въ тяжкомъ рабствѣ; или освободи насъ изъ его рукъ, всемилостивѣйшій государь, или будь увѣренъ, что мы отдадимъ городъ Римъ и себя иноземному народу». Обвинители достигли своей цѣли. Юстинъ, опасаясь возстанія, отозвалъ Нарсеса, и говорятъ, что императрица сказала при этомъ: «Эвнухъ долженъ предоставить военное дѣло мужчинамъ, и возвратиться сюда, чтобы прясть шерсть со служанками на женской половинѣ». Говорятъ, также, что Нарсесъ, услышавъ это, сказалъ: «Я напряду ей такую пряжу, которой она не распутаетъ всю свою жизнь». По этому разсказу, Нарсесъ поѣхалъ въ Неаполь и послалъ лангобардамъ приглашеніе, бросить скудныя паннонскія земли и занять плодородную Италію; говорятъ, что послы Нарсеса повезли съ собою прекрасные фрукты и другіе продукты южной растительности и положили ихъ на столъ лангобардскаго короля, чтобы придать наглядную убѣдительность своимъ словамъ о плодородіи итальянской земли.

Вторженіе лангобардовъ въ Италію. 568.

Лангобарды охотно послѣдовали приглашенію. Они передали аварамъ свою землю съ условіемъ, что авары возвратятъ ее имъ, если имъ не удастся завоевать Италію. Собравъ все свое имущество, они съ женами и дѣтьми пошли за Альпы; къ нимъ присоединились 20,000 саксонцевъ, приглашенныхъ Альбоиномъ, множество воиновъ и отважныхъ бродягъ всяческихъ племенъ и религій. Нарсесъ раскаялся въ своемъ дурномъ поступкѣ, сдѣланномъ въ порывѣ гнѣва и готовился отразить лангобардовъ; но его смерть избавила ихъ отъ опасной борьбы съ нимъ. Не встрѣчая сопротивленія походу, Альбоинъ занялъ Forum Iulii и окружающую область, которая черезъ нѣсколько времени стала называться по испорченному имени этого города Фріулемъ; оставилъ своего племянника Гисульфа съ отрядомъ благородныхъ лангобардовъ (фаръ) охранять альпійскіе проходы и пошелъ черезъ Тревизанскую область на Верону. Свирѣпые дикари лангобарды и ихъ спутники грабили, опустошали, жгли все на своемъ пути. Жители въ ужасѣ бѣжали на острова озеръ, на скалы, въ болота, унося съ собою свои наиболѣе дорогія вещи. Паулинъ, патріархъ аквилейскій, уѣхалъ съ церковными сокровищами и святынями въ городъ Градо, стоявшій на островѣ между лагунъ и сдѣлавшійся послѣ того резиденціею епископа (впослѣдствіи патріарха) аквилейскаго. Гоноратъ, архіепископъ миланскій, бѣжалъ отъ коварства и свирѣпости Альбоина въ Геную. По взятіи Милана вся страна отъ Тріэнта до стѣнъ Равенны и Рима покорилась лангобардамъ почти безъ всякаго сопротивленія, и византійскій правитель, назначенный на мѣсто умершаго Нарсеса, могъ только сообщать императору о томъ, какъ имперія утрачиваетъ городъ за городомъ, область за областью. Только Тицинъ (Павія) храбро сопротивлялась. Лангобардскіе отряды покоряли Сѣверную и Среднюю Италію, доходили

до Капуи, Беневента и Тарента, а главныя силы лангобардовъ три года стояли подъ Павіей. Раздраженный упорной обороной, Альбоинъ поклялся разрушить городъ до основанія и умертвить всѣхъ его жителей безъ различія пола и возраста. Наконецъ голодъ принудилъ Павію сдаться, и жители въ нѣмой тоскѣ ожидали погибели. Но конь короля споткнулся на улицѣ города и упалъ. Одинъ изъ его спутниковъ сказалъ, что это знакъ гнѣва Божія за его клятву. Альбоинъ смягчился, спокойно сошелъ на отдыхъ во дворцѣ готскихъ королей и объявилъ трепещущимъ гражданамъ, «что они, будутъ жить и повиноваться ему». Ему какъ будто понравилось жить въ городѣ, овладѣть которымъ было такъ трудно; онъ сдѣлалъ Павію столицею лангобардскаго королевства, хотя Миланъ былъ обширнѣй и великолѣпнѣй.

Смерть Альбоина 573.

Альбоинъ не долго оставался королемъ Италіи. Ея покореніе было еще не кончено, когда онъ погибъ отъ измѣны жены. Однажды онъ пировалъ съ своими сподвижниками въ загородномъ домѣ близъ Вероны. Пьяный онъ велѣлъ принести кубокъ, сдѣланный изъ черепа Кунимунда и обносить его кругомъ. Всѣ пили изъ него по очереди; Альбоинъ велѣлъ подать его, наполненный до края, королевѣ, сказавъ ей, что она должна повеселиться вмѣстѣ съ отцомъ. Розамунда повиновалась, но поднося къ губамъ кубокъ, поклялась въ душѣ отмстить Альбоину за это оскорбленіе. Она стала убѣждать своего любовника Гельмигиса, оруженосца короля, убить его. Гельмигисъ побоялся взяться за это, опасаясь силы и храбрости Альбоина, и посовѣтовалъ ей поручить убійство Передею, воину необыкновенной физической силы. Розамунда купила себѣ помощь Передея, пожертвовавъ своею честью. Одна изъ ея служанокъ была любовницей Передея, королева въ темнотѣ заняла мѣсто этой служанки, отдалась Передею и сказала ему, какъ лидійская царица Гигесу (II, 375), что послѣ такого дѣла онъ имѣетъ лишь одинъ выборъ: убить Альбоина, или быть убиту имъ. Передей предпочелъ убить Альбоина. Однажды, когда король послѣ обѣда ушелъ уснуть, королева, удаливъ придворныхъ и привязавъ мечъ короля къ ножнамъ, такъ что нельзя было вынуть его, ввела своихъ соумышленниковъ въ комнату. Альбоинъ проснулся, но не могъ вынуть мечъ изъ ноженъ, сталъ обороняться скамьей изъподъ ногъ, но она не могла долго защитить его отъ копій убійцъ. Такъ умеръ Альбоинъ, храбрѣйшій человѣкъ своего народа, отъ измѣны жены и сподвижниковъ своихъ. Друзья съ плачемъ похоронили его тѣло подъ лѣстницей дворца. Лангобарды чтили память своего побѣдоноснаго короля; во времена Карла Великаго потомки германцевъ, пришедшихъ съ Альбоиномъ въ Италію, еще разсказывали легенды и пѣли пѣсни о дѣлахъ и смерти сильнаго вождя лангобардовъ. Павелъ Діаконъ безъ сомнѣнія заимствовалъ свой разсказъ изъ этихъ пѣсенъ. Онъ говоритъ, что самъ видѣлъ роковой кубокъ; но весь этотъ эпизодъ болѣе походитъ на поэтическое преданіе, чѣмъ на историческій фактъ.

Розамунда и Гельмигисъ.

Розамунда надѣялась, при помощи своихъ соплеменниковъ гепидовъ, доставить корону Гельмигису и владычествовать отъ его имени, но лангобардскіе вельможи возстали противъ нея и требовали наказанія убійцъ короля. Она послала къ византійскому экзарху Лонгину просить его защиты. Онъ обѣщалъ ей безопасность у него. Она съ Гельгимисомъ, Пере-

деемъ, своею дочерью и королевскими сокровищами бѣжала изъ Вероны и подъ защитою преданныхъ ей гепидовъ приплыла, на греческомъ кораблѣ, въ Равенну. Экзархъ прельстился ея красотой и ея сокровищами и предложилъ ей стать его женой. Она согласилась, но для того, чтобы можно было ей выйдти за Лонгина, необходимо ей было убить своего любовника Гельмигиса. Однажды, когда онъ хотѣлъ отдохнуть, вышедши изъ бани, она подала ему отравленное вино. Онъ началъ пить, но по вкусу и по дѣйствію вина, тотчасъ замѣтилъ, что оно отравлено, схватилъ мечъ и заставилъ Розамунду выпить остатокъ кубка. „И умерли судомъ Всемогущаго Бога оба они за свое злодѣйство въ одинъ часъ“, говоритъ легенда. Дочь Розамунды съ отцовскими сокровищами была перевезена въ Константинополь. Передей находился въ ея свитѣ и своей необыкновенной силой удивилъ и устрашилъ византійскій дворъ. Чтобы гигантъ не могъ сдѣлать какой нибудь бѣды, императоръ велѣлъ выколоть ему глаза; онъ хотѣлъ убить императора, но подъ его ножъ попали только двое придворныхъ. Такъ разсказываетъ о лангобардскомъ Самсонѣ легенда, передаваемая Павломъ Діакономъ.

Клефъ 573—574.

Лангобарды по смерти Альбоина выбрали королемъ Клефа *); но онъ навлекъ ненависть на себя своей жестокостью и, процарствовавъ только полтора года, былъ убитъ однимъ изъ своихъ слугъ.

Владычество герцоговъ 574—584.

Въ несовершеннолѣтіе его сына, Автариса, вельможи не избирали короля, государство впало въ анархію: каждый изъ 35 герцоговъ дѣлалъ, что хотѣлъ и бралъ все, что могъ захватить. Завоеванія въ это время прекратились. Герцоги фріульскій, сполетскій, беневентскій пріобрѣли такую самостоятельность, что и впослѣдствіи связь ихъ съ лангобардскимъ королевствомъ оставалась слаба; но они были полезны ему, какъ пограничные военачальники, защищавшіе его отъ аваровъ и грековъ. При анархіи долгаго междуцарствія, у грековъ возникла надежда изгнать изъ Италіи аріанъ-лангобардовъ при помощи франковъ, приверженцевъ православія, или по крайней мѣрѣ отнять у еретиковъ нѣкоторыя области. Хильдебертъ король австразійскій, правнукъ Хлодвига, взявъ у византійцевъ деньги, занялъ альпійскіе проходы и пошелъ въ долину помогать экзарху равеннскому въ войнѣ съ лангобардами. Они удержались, благодаря своей храбрости и тому, что франки и греки дѣйствовали порознь, безъ общаго плана. Но опасность была велика; лангобарды увидѣли необходимость имѣть

Автарисъ 584—590.

одного правителя и подняли на щитъ храбраго Автариса, сына Клефа.

*) **Списокъ лангобардскихъ королей.** Альбоинъ 561—573; Клефъ, до 574; Автарисъ, до 590; Агилульфъ до 615; Адельвальдъ 615—624; Ротарисъ 636—652; Родоальдъ, до 653; Арибертъ (племянникъ Теоделинды) 653—661; Годебертъ (царствовавшій въ Павіи), убитъ въ 662, и Бертари (царствовавшій въ Миланѣ), прогнанъ въ 662; Гримоальдъ 662—672. Его малолѣтній сынъ Гаривадъ былъ низвергнутъ возвратившимся Бертари, который снова царствовалъ съ 672 до 690; Кунибертъ 690—703; Ліутбертъ 704; Арибертъ, до 712; Анспрантъ 712; Ліутпрандъ 713—744; Гильдебрандъ 745; Ратхисъ, до 749; Айстульфъ 749—756; Дезидерій до 774.

Герцоги отдали королю на содержаніе двора и дружины половину земель, захваченныхъ ими въ междуцарствіе. Автарисъ оправдалъ надежды народа. Франки подверглись тяжкому пораженію и были прогнаны за Альпы; у грековъ были отняты завоеванныя ими области, и границы государства были отмѣчены копьемъ Автариса на Ретійскихъ Альпахъ и на колоннѣ у Мессинскаго пролива. Онъ далъ правленію прочную монархическую форму, удовлетворявшую требованіямъ и порядка и свободы. Вельможамъ за вѣрную службу давалъ онъ денежное жалованье и бенефиціи, утвердилъ за народомъ право избирать короля и установлять законы въ собраніи на Павійской равнинѣ.

Въ разсказахъ объ Автарисѣ уже появляется духъ средневѣковаго рыцарства. Преданіе говоритъ, что онъ сваталъ прекрасную дочь баварскаго герцога Гарибальда Теоделинду и, соскучившись медленнымъ ходомъ переговоровъ, поѣхалъ самъ съ посольствомъ ко двору герцога, чтобы, не открывая своего имени, поздравить свою невѣсту королевою Итальянской и проводить ее въ столицу. Онъ не былъ узнанъ. Теоделинда отправилась съ посольствомъ къ жениху въ Италію. Когда поѣздъ доѣхалъ до лангобардской границы, Автарисъ съ изумительной силой и ловкостью бросилъ свою сѣкиру въ дерево и сказалъ баварскому конюю Теоделинды: „Такіе удары дѣлаетъ оружіе короля лангобардскаго“.

Агилульфъ 590—615 и Теоделинда.

Автарисъ умеръ черезъ годъ послѣ того, какъ отпраздновалъ въ Веронѣ свое бракосочетаніе съ Теоделиндой. Его вдова вышла за его родственника, герцога туринскаго Агилульфа; лангобарды, уважавшіе ея добродѣтель и умъ, избрали ея мужа королемъ и короновали его въ Миланѣ.

Адельвальдъ 615—624.

При мужѣ и при слѣдующемъ королѣ Адельвальдѣ Теоделинда имѣла большое вліяніе на правленіе и законодательство. Она еще въ Баваріи была усердной послѣдовательницей православія; назидательныя письма папы Григорія Виликаго еще болѣе усилили ея преданность православной церкви; она была защитницею православныхъ итальянцевъ отъ гоненія аріанъ-лангобардовъ и всѣми силами содѣйствовала расширенію папской власти. Она убѣдила своего мужа дарить имѣнія православнымъ храмамъ и возвратить православнымъ епископамъ отнятыя у нихъ права. Она построила соборъ въ Монцѣ и положила тамъ на храненіе корону лангобардскихъ королей, называвшуюся желѣзной. Эта національная святыня лангобардовъ получила названіе желѣзной, потому что нижній край ея имѣлъ внутри желѣзный ободъ, сдѣланный, какъ говорили, изъ гвоздя, находившагося въ числѣ тѣхъ, которыми былъ пригвожденъ ко кресту Спаситель.—Агилульфъ энергически велъ войну съ византійцами и отнялъ у нихъ Падую, Мантую, Кремону и нѣкоторые другіе города Сѣверной Италіи. Онъ подходилъ къ воротамъ Рима, и населеніе города ужаснулось его; папа Григорій Великій прервалъ свои проповѣди въ заботахъ о защитѣ Рима, о пособіи бѣжавшимъ изъ него

и о выкупѣ плѣнныхъ, которыхъ лангобардскій король послалъ привязанныхъ къ веревкамъ во Францію на продажу въ рабство.

Въ эти годы войны было окончательно уничтожено благосостояніе Италіи, а Римъ утратилъ послѣдніе остатки блеска. Могучее дерево, подъ тѣнью котораго покоились народы, лишилось листьевъ и вѣтвей, и изсохшій стволъ его истлѣвалъ, повергнутый на землю. На словахъ, Римъ съ окружающими его мѣстностями считался принадлежащимъ къ равеннскому экзархату, важнѣйшими частями котораго были окрестности Венеціи, болотистыя области Феррары и Коммакіо, приморье отъ Римина до Анконы и городъ Неаполь съ его окрестностями. Но Римъ былъ отдѣленъ отъ Равенны непріятельскими землями, долженъ былъ обороняться собственными силами; гарнизонъ, стоявшій въ немъ, былъ малочисленъ, и воины, получая жалованье очень неисправно, не имѣли охоты сражаться; потому судьба Рима зависѣла главнымъ образомъ отъ заботъ папы, въ руки котораго и стала переходить свѣтская власть; особенно стало возростать вліяніе папы на дѣла со времени энергическаго и ловкаго Григорія Великаго. Но хотя авторитетъ папы и былъ теперь очень важенъ для всѣхъ православныхъ народовъ западной церкви, онъ не значилъ ничего для еретиковъ лангобардовъ, часто подступавшихъ къ Риму и опустошавшихъ его окрестности. Римляне не смѣли выходить за ворота города; виллы ихъ разрушались, сады портились, и Римская Кампанья постепенно обратилась въ безплодную пустыню съ испорченной водой и міазматическимъ воздухомъ. Вода Тибра, заливавшая улицы Рима при наводненіяхъ или прорывавшаяся черезъ провалы береговыхъ насыпей, образовала въ низменныхъ частяхъ города огромныя лужи, гніеніе которыхъ производило лихорадку и другія болѣзни, такъ что однажды во время религіозной процессіи упали мертвыми восемьдесятъ человѣкъ. Къ этимъ бѣдствіямъ часто присоединялся голодъ, производимый прекращеніемъ подвоза хлѣба съ моря. Римляне впали въ уныніе, отнимавшее у нихъ послѣднія нравственныя силы.— Къ византійской имперіи еще принадлежали Сицилія, Корсика, Сардинія и южный конецъ Италіи, нынѣшняя Калабрія. Всѣ эти византійскія владѣнія бѣднѣли подобно Риму. Въ Сардиніи, причислявшейся къ провинціи Африкѣ, ожило язычество, и правитель острова давалъ за опредѣленную пошлину дозволеніе приносить жертвы богамъ. Корсика была дотого угнетена налогами, что многіе продавали своихъ дѣтей.

Положеніе итальянцевъ въ лангобардскомъ королевствѣ.

Возстановленіе королевской власти у лангобардовъ было началомъ новаго порядка въ сословномъ устройствѣ и правахъ собственности. Мы уже говорили, что на содержаніе короля были назначены опредѣленныя имѣнья. Кажется, что были теперь опредѣлены общими правилами и отношенія лангобардовъ къ туземному населенію. Павелъ Діаконъ говоритъ, что при переселеніи лангобардовъ было убито много знатныхъ римлянъ, что имущества были отняты у ихъ семействъ, что вообще лангобарды поступали съ итальянцами очень жестоко, не щадили даже священниковъ и церквей. Итакъ въ первое время владычествовало несмягченное ничѣмъ право завоеванія. Но кажется, что съ воцареніемъ Автариса грубый произволъ прекратился. Мы читаемъ, что этотъ король принялъ имя Флавія, напоминавшее итальянцамъ о Титѣ; въ этомъ можно видѣть намѣреніе его примирить съ собою тѣхъ итальянцевъ, какіе еще уцѣлѣли. Всѣ слѣдующіе лангобардскіе короли также называли себя Флавіями. Павелъ Діаконъ говоритъ также, что покоренные жители были при Автарисѣ раздѣлены между лангобардами и что всѣ насилія и грабежи прекратились; раньше того онъ говоритъ, что итальянцы, раздѣленные между лангобардами, должны были давать этимъ своимъ господамъ третью долю земледѣльческихъ продуктовъ; сопоставляя эти два извѣстія, Гауппъ дѣлаетъ изъ нихъ выводъ, что вся земельная собственность въ занятыхъ лангобардами частяхъ Италіи перешла къ лангобардамъ, раздѣлившимъ ее между собою; что прежніе римскіе собственники земли стали живущими на ней подвластными людьми новыхъ землевладѣльцевъ, колонами ихъ, и должны были отдавать имъ третью долю продуктовъ. Это правило, встрѣчающееся и въ другихъ странахъ римской имперіи, занятыхъ германцами, было основано, вѣроятно, на томъ разсчетѣ, что одна треть продукта идетъ на покрытіе издержекъ воздѣлыванія земли, другая треть — на содержаніе колона и его семейства, а третья остается избыткомъ и потому принадлежатъ землевладѣльцу. Итакъ жители лангобардскаго королевства дѣлились на двѣ главныя группы. Одну образовали лангобарды; только они составляли государство въ собственномъ смыслѣ слова, были полноправными гражданами, людьми, имѣющими политическую свободу; государственная власть была раздѣлена между королемъ, аристократіею и собраніемъ лангобардскаго народа. Другую группу составляли итальянцы; они были люди лично свободные; даже и тѣ изъ нихъ, которые воздѣлывали чужую землю, какъ колоны, подвластные землевладѣльцу, пользовались личной свободою; но они не имѣли никакихъ политическихъ правъ. Кромѣ того были люди полусвободные, называвшіеся альдами; ученые полагаютъ, что названіе «альдъ» — то самое слово, которое въ нынѣшнемъ нѣмецкомъ языкѣ имѣетъ форму alt (старый) и что альдами были германцы, поселившіеся въ Италіи раньше лангобардовъ, «старые» германцы. Были у лангобардовъ и рабы, приведенные ими въ Италію или найденные въ ней.

Законы лангобардовъ.

Германцы и романское населеніе жили сначала, какъ два разные народа; это длилось до той поры, пока лангобарды оставались аріанами. Браки между людьми разныхъ племенъ были рѣдки даже и тамъ, гдѣ не были запрещены. Еще при Ротарисѣ въ большей части городовъ находилось по два епископа, православный и аріанскій. Изъ всѣхъ германскихъ племенъ, поселившихся въ римскихъ странахъ, лангобарды сохраняли въ наибольшей свѣжести первобытныя черты личнаго характера и общественнаго устройства; принадлежность къ племени и политическія права сливались у нихъ въ одно понятіе. они не могли подняться до болѣе широкой мысли о государствѣ; это сильно мѣшало ихъ сліянію съ итальянцами. Общности законовъ у

этихъ двухъ народовъ не было: итальянцы судились по законамъ Юстиніана, лангобарды по своему обычному праву; даже и тогда, когда стали записывать его, не было сдѣлано никакого усилія сблизить его съ римскими законами. Теодерихъ остготскій желалъ подготовить общность законовъ для своего народа и туземцевъ (стр. 698); сборники законовъ франковъ и бургундовъ были и по формѣ и по содержанію составлены подъ вліяніемъ римскаго права. Но сборникъ лангобардскихъ законовъ въ первой своей редакціи, составленной при Ротарисѣ, содержалъ въ себѣ только старое обычное право лангобардовъ, которые судились исключительно по этому праву, какъ итальянцы по римскимъ законамъ. Только въ новой редакціи лангобардскихъ законовъ, сдѣланной при Гримоальдѣ, проявилось римское вліяніе; оно становилось все сильнѣе и сильнѣе въ слѣдующихъ редакціяхъ, составленныхъ при Луитпрандѣ, Ратхисѣ и Айстульфѣ, когда національныя различія уже значительно сгладились вліяніемъ времени и религіознымъ единствомъ; но особенности германскихъ юридическихъ понятій сохранились и въ самой поздней редакціи: уцѣлѣло напримѣръ различіе величины виры за убійство по различію общественнаго положенія убитаго человѣка.

Города.

Сборникъ лангобардскихъ законовъ, утвержденный вельможами и народомъ, представляетъ собою исключительно народныя понятія лангобардовъ: вліянія духовенства тутъ нѣтъ, потому что лангобарды никогда не допускали епископовъ къ участію въ совѣщаніяхъ вельможъ. Лангобардскіе законы относятся почти исключительно къ сельскому быту, о дѣлахъ городской жизни въ нихъ нѣтъ почти ничего. Потому можно думать, что лангобарды первоначально жили въ своихъ имѣньяхъ, что храбрые фары (бароны), овладѣвшіе богатыми землями, проводили жизнь по старо-германскому обычаю въ своихъ сельскихъ домахъ среди своихъ подданныхъ, занимаясь военными упражненіями, охотой, между прочимъ, соколиной охотой, чуждаясь мирныхъ занятій промышленностью и торговлей; можно думать, что поэтому города сохраняли подъ владычествомъ лангобардовъ римское устройство, и управленіе ими было оставлено исключительно въ рукахъ муниципальныхъ властей. Лангобардскіе «гастальды» или графы и судьи (judices), правившіе отъ имени короля, вѣроятно рѣдко вмѣшивались во внутреннія дѣла городовъ, заботясь лишь о томъ, чтобъ они повиновались королю. Эти правители были высшими судьями, завѣдывали отношеніями городовъ къ королю и его совѣтникамъ, охраняли интересы тѣхъ лангобардовъ, которые жили въ городахъ и долго оставались тамъ людьми, не входящими въ составъ городского общества.

Сближеніе лангобардовъ съ итальянцами.

Такимъ образомъ въ первыя десятилѣтія послѣ своего поселенія въ Италіи лангобарды составляли особое военное сословіе, какъ вандалы въ Африкѣ. Король, избираемый или утверждаемый собраніемъ лангобардскаго народа, то есть войска, былъ главою военнаго государства, вождемъ свободныхъ людей, воиновъ, которые обязаны были ходить съ нимъ на войну подъ начальствомъ герцоговъ и графовъ. Лангобарды сурово воспользовались правомъ завоеванія во всемъ его объемѣ; они непрерывно воевали съ византійцами и другими врагами; честолюбивые короли и вельможи постоянно стремились дѣлать завоеванія; потому владычество лангобардовъ было вначалѣ тяжелымъ игомъ для туземцевъ; но итальянская національность менѣе пострадала отъ него, чѣмъ полагали многіе изъ прежнихъ историковъ. Населеніе во всѣхъ частяхъ Италіи очень уменьшилось отъ голода, эпидемическихъ болѣзней и другихъ бѣдствій. Только въ городахъ, стѣны которыхъ служили защитой жизни, оставалось много людей; селенія были покинуты зажиточными людьми, которые предпочитали беззащитной сельской жизни городскую безопасность; только колоны и другіе бѣдняки оставались въ своихъ сельскихъ хижинахъ, а для нихъ не было большой разницы въ томъ, кто господинъ, которому они должны отдавать часть продукта воздѣлываемыхъ ими господскихъ земель; они вѣроятно и не противились замѣнѣ прежнихъ землевладѣльцевъ германскими завоевателями. Съ теченіемъ времени положеніе итальянцевъ улучшилось. Лангобардское племя скорѣе уменьшалось, чѣмъ увеличивалось въ числѣ; саксонцы, пришедшіе съ лангобардами, не захотѣли оставаться въ подчиненномъ положеніи, въ какомъ хотѣли держать ихъ лангобарды, и ушли изъ Италіи домой; въ непрерывныхъ войнахъ погибло много лангобардовъ; герцоги сполетскій, беневентскій, фріульскій и тосканскій пріобрѣли (быть-можетъ, при помощи туземцевъ) почти независимое положеніе; это ослабляло лангобардскій народъ, вело къ раздорамъ и войнамъ между разными отдѣлами его. Наслажденія южной страны, всегда разслаблявшія въ Италіи людей, приходившихъ съ сѣвера, оказывали это дѣйствіе и на лангобардовъ; изнѣживаясь, они становились менѣе суровы къ туземцамъ; это также содѣйствовало сближенію. Такимъ образомъ, различіе между лангобардами и туземцами уменьшалось. Они обмѣнивались своими особенностями, и сліяніе ихъ создало свѣжее, сильное національное цѣлое. Заботливое воздѣлываніе нивъ германскими поселенцами возвратило благосостояніе той плодородной области, которая стала называться по преимуществу Ломбардіей; на богатыхъ лугахъ венеціанской равнины развилось, при заботливомъ присмотрѣ лангобардовъ, скотоводство, расплодились табуны лошадей и стада рогатаго скота. Когда лангобарды дозволили туземцамъ вступать въ войско, или даже стали требовать отъ нихъ военной службы, они, привыкнувъ владѣть оружіемъ, стали мужественны, способны защищать свою свободу. Скоро итальянцы полюбили соколиную охоту, принесенную лангобардами изъ Германіи. Шелъ обмѣнъ національныхъ особенностей и въ

умственной жизни, но гораздо больше, чѣмъ обмѣна, было тутъ простой утраты германцами ихъ особенностей: языкъ, обычаи, народныя пѣсни предковъ исчезли у лангобардовъ; покинули они и аріанство, приверженцами котораго оставались долѣе всѣхъ другихъ германскихъ племенъ. Вознагражденіемъ за эти утраты было то, что они усвоили себѣ образованность итальянскаго населенія, научились отъ него мирнымъ занятіямъ, стали участвовать въ торговлѣ и городской промышленности; принявъ итальянскіе обычаи, они перестали презирать туземцевъ и, своимъ разумнымъ участіемъ въ преобразованіи городскихъ учрежденій, оживили умиравшую муниципальную свободу, содѣйствовали развитію ломбардскихъ городовъ, достигшихъ въ слѣдующіе вѣка цвѣтущаго благосостоянія. Исчезли длинныя бороды, отъ которыхъ произошло племенное названіе лангобардовъ; мечъ пересталъ быть принадлежностью ихъ костюма, и военная одежда ихъ замѣнилась одеждой мирныхъ людей. Но сліяніе лангобардовъ съ итальянцами еще не было полнымъ, когда лангобардское королевство послѣ двухсотъ-лѣтняго существованія было завоевано франками. Счастливый случай сохранилъ намъ прекрасныя національныя сказанія, облекающія поэтической красотой всю исторію лангобардовъ. Правда, не на родномъ языкѣ и не въ поэтической формѣ сохранились они, а въ латинскомъ разсказѣ Павла Діакона; но содержаніе ихъ передано имъ съ достаточной точностью. Онъ происходилъ изъ благороднаго лангобардскаго семейства, жившаго во Фріулѣ, былъ благочестивый служитель церкви и простыми словами, съ чистой любовью къ истинѣ, съ теплой симпатіей къ своему народу, записалъ въ своей исторіи лангобардовъ все, что узналъ изъ книгъ и изустныхъ разсказовъ о событіяхъ ея до смерти Луитпранда (то-есть до 744 года). Онъ пересказывалъ старыя легенды, не искажая ихъ ни учеными передѣлками, ни реторическими панегириками. Они погибли бы по разрушеніи лангобардскаго королевства, если бы не были спасены честною рукой стараго монаха.

Павелъ Діаконъ (род. 730, умеръ около 800).

Павелъ родился около 730 года въ городѣ Forum Iulii (Фороюли), по старому нѣмецкому обычаю онъ былъ воспитанъ при королевскимъ дворѣ въ Павіи. Королемъ былъ тогда Ратхисъ. Учителемъ Павла былъ Флавіанъ, о которомъ онъ въ старости вспоминаетъ съ любовью. Говорятъ, что короли Айстульфъ и Дезидерій уважали Павла. Съ дочерью Дезидерія Адальбергой и мужемъ ея, герцогомъ беневентскимъ Арихисомъ, онъ былъ въ дружбѣ, написалъ стихотвореніе въ честь ихъ, написалъ для нихъ одно изъ главныхъ своихъ сочиненій, „Римскую исторію", составленную по Эвтропію, съ дополненіями къ нему и съ продолженіемъ разсказа до болѣе поздняго времени. Онъ также написалъ для Арихиса двѣ духовныя пѣсни, которыя до сихъ поръ поются въ беневентскихъ церквахъ и въ нѣкоторыхъ другихъ католическихъ храмахъ. По взятіи Павіи франками онъ, кажется, переселился къ герцогу Арихису; или по крайней мѣрѣ долго жилъ въ Беневентѣ. Онъ повидимому не былъ предназначенъ для духовнаго

званія, но поступилъ въ бенедиктинскій монастырь Монте Касино; причиной этого была быть-можетъ печаль о паденіи лангобардскаго королевства. Черезъ нѣсколько лѣтъ ему пришлось уѣхать изъ монастыря по дѣлу брата. Въ 676 году на пасху произошло во Фріулѣ возстаніе противъ франковъ. Братъ Павла, Арихисъ, участвовалъ въ немъ, и былъ отведенъ въ плѣнъ; франки конфисковали имущество мятежника; жена и четверо дѣтей его остались нищими. Въ шестой годъ плѣна Арихиса Павелъ написалъ элегію, въ которой просилъ Карла, находившагося тогда въ Римѣ, освободить брата и отдать имущество. Черезъ эту элегію Павелъ попалъ ко двору Карла Великаго; быть можетъ онъ поѣхалъ во Францію, чтобы лично просить Карла о дѣлѣ брата; быть можетъ, Карлъ самъ пригласилъ его, какъ человѣка ученаго. Какъ бы то ни было, онъ принялъ живое участіе въ литературной дѣятельности, развившейся при дворѣ Карла; но постоянно желалъ возвратиться въ свою тихую келью въ Монте Касино. Карлъ очень уважалъ Павла, въ особенности какъ человѣка знающаго греческій языкъ. По порученію Карла Павелъ составилъ надписи для гробницъ жены Карла Гильдегарды, ея дочерей Адельгейды и Гильдегарды, и дочерей Пиппина Адельгейды и Ротайды; безъ сомнѣнія Карлъ велѣлъ вырѣзать эти надписи на ихъ гробницахъ въ церкви святого Арнульфа въ Мецѣ (лѣтомъ 783 года). Около того же времени Павелъ по порученію Карла составилъ собраніе проповѣдей, очень понравившееся духовенству; и написалъ исторію епископовъ мецскихъ, въ которой съ особенной подробностью говорилъ о предкахъ Карла Великаго; очевидной цѣлью этого сочиненія было оправдать захватъ королевской власти династіею каролинговъ, выставить Карла Великаго потомкомъ святыхъ людей, имѣющимъ по ихъ святости право на престолъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ Павелъ возвратился въ Монте Касино; лѣтомъ 787 года мы находимъ его тамъ. Быть-можетъ Карлъ послалъ его съ порученіемъ склонить къ покорности герцога Арихиса, продолжавшаго сопротивляться владычеству Карла. Но 25 августа того года герцогъ умеръ и Павелъ составилъ прекрасную надпись для гробницы своего друга. Остатокъ жизни Павелъ провелъ въ Монте Касино; слава его учености привлекла туда къ нему много учениковъ. Тамъ написалъ онъ для Карла подробное объясненіе устава монтекасинскаго монастыря и посвятилъ послѣдніе годы жизни составленію исторіи своего народа; этотъ его трудъ остался недоконченнымъ. Одинъ изъ его учениковъ написалъ прекрасную надпись на гробницу благочестиваго, кроткаго и привѣтливаго ученаго, пріобрѣтавшаго любовь и уваженіе всѣхъ сближавшихся съ нимъ. „Мы не можемъ назвать Павла великимъ историкомъ", говоритъ Ваттенбахъ: „языкъ въ его стихотвореніяхъ легокъ, изященъ, разсказъ его привлекателенъ безискуственной простотой. У него нѣтъ щегольства ученостью и реторическими прикрасами; онъ свободенъ и отъ варварской грубости писателей VII вѣка. Но у него нѣтъ историческаго искусства, нѣтъ глубокаго пониманія фактовъ. „Исторія лангобардовъ" не болѣе какъ простой разсказъ, составленный по изустному преданію и письменнымъ источникамъ (по Григорію Турскому, Бедѣ, біографіямъ папъ и пр.). Онъ беретъ изъ своихъ источниковъ клочки, не переработывая ихъ въ одинъ связный разсказъ; критика у него слаба, своими источниками пользуется онъ небрежно и не точно; и хотя онъ поставилъ себѣ задачей написать исторію лангобардовъ, но дѣлаетъ вставки, мало относящіяся къ ней".

Григорій Великій 590—604.

Во времена бѣдствій, произведенныхъ нашествіемъ лангобардовъ, однимъ изъ папъ былъ человѣкъ, поставившій себѣ среди опасностей смѣлую задачу сдѣлать Римъ оплотомъ православія въ Италіи,

а папство центромъ христіанства: это былъ Григорій Великій. Онъ происходилъ изъ богатаго сенаторскаго рода и былъ на пути къ полученію высшихъ государственныхъ должностей, но внезапно отрекся отъ міра и его блеска, обратилъ свой родовой дворецъ въ монастырь и высказалъ рѣшимость провести всю жизнь въ аскетическомъ удаленіи отъ земныхъ дѣлъ. Но судьба предназначила его для дѣятельности болѣе высокой. Бывши посломъ папы въ Византіи, онъ доказывалъ императору и патріарху константинопольскому, что папѣ принадлежитъ первенство въ западной церкви. По возвращеніи онъ былъ принужденъ снова покинуть монастырь и, по единогласному выбору духовенства, сената и народа, принять управленіе римской церковью.

8 февраля 590.

Тяжелы были времена и запутаны обстоятельства, когда онъ взошелъ на престолъ святого Петра; но умомъ, осторожностью и твердостью онъ восторжествовалъ надъ опасностями и обратилъ бѣдствія церкви въ побѣды ея. Онъ былъ истиннымъ основателемъ папской власти въ ея средневѣковомъ значеніи. Въ борьбѣ съ патріархомъ Константинопольскимъ онъ осудилъ титулъ «вселенскаго епископа», принятый этимъ соперникомъ и, чтобы пристыдить его своимъ смиреніемъ, сталъ называть себя «рабомъ рабовъ божіихъ». Онъ и въ блескѣ папскаго сана сохранилъ суровый аскетизмъ монаха, былъ строгъ къ самому себѣ и къ своимъ подчиненнымъ, щедръ до расточительности къ бѣднымъ; съ обширной образованностью, съ богословской ученостью и знаніемъ юриспруденціи въ немъ соединялись фантастическій мистицизмъ и безусловная преданность интересамъ церкви; въ свое правленіе римской каѳедрой, продолжавшееся четырнадцать лѣтъ, онъ посвятилъ всѣ силы своего дѣятельнаго ума и твердаго характера дѣлу пріобрѣтенія независимости и могущества для христіанской церкви и папской власти.

(Умеръ 12 марта 604).

Онъ дѣйствовалъ по ясному, точному плану съ большой послѣдовательностью; у него было три главныя стремленія: 1, осуществить ту мысль, что римскій епископъ, какъ преемникъ апостола Петра, имѣетъ верховную власть надъ всею христіанскою церковью и не подчиненъ никакой свѣтской власти; 2, расширять предѣлы христіанской церкви, дать ей религіозное единство, обратить всѣхъ христіанъ въ православіе; 3, дать полное развитіе богослуженію и вѣроученію церкви. Ему не удалось достичь совершеннаго успѣха въ этихъ стремленіяхъ; его преемники болѣе столѣтія признавали византійскаго императора государемъ Рима; но онъ подготовилъ и въ принципѣ установилъ владычество папы надъ западной церковью. Онъ былъ человѣкъ сильнаго ума и характера; его взглядъ обозрѣвалъ все огромное поле его дѣятельности во всѣхъ мельчайшихъ подробностяхъ; воля его была такъ энергична, что онъ съ одра болѣзни правилъ всею западною церковью; всяческими средствами: проповѣдями, сочиненіями, отправленіемъ миссіонеровъ, денежными пособіями онъ

старался расширять царство Христа, совпадавшее по его понятію съ царствомъ папы.

1. Политическая дѣятельность Григорія

1. Въ борьбѣ лангобардовъ съ византійцами Григорій такъ энергично и ловко соблюдалъ дѣятельный нейтралитетъ, что папская власть стала самостоятельной посредницей между воюющими сторонами. Онъ защищалъ Римъ отъ нападеній лангобардовъ, расходуя на это свои деньги. Ловкими посланіями къ духовнымъ и свѣтскимъ сановникамъ онъ соединялъ ихъ для общаго дѣйствія по точному плану и доставилъ папству такое могущество, что ни экзархъ равенскій, ни другіе византійскіе военачальники и правители областей и городовъ, принадлежавшихъ императору въ Италіи, не имѣли никакой власти надъ папой; при переговорахъ между византійцами и лангобардами отъ былъ посредникомъ, чьи совѣты съ уваженіемъ принимались экзархомъ равенскимъ, константинопольскимъ дворомъ и лангобардскимъ королемъ. Онъ очень успѣшно пріучалъ епископовъ Италіи и даже всего христіанскаго запада къ мысли, что они должны признавать преемника Петра главою церкви. Успѣху его дѣйствій помогали многія обстоятельства; однимъ изъ нихъ было безсиліе византійской имперіи, перенесеніе миланскаго архіепископства для безопасности отъ лангобардовъ въ Геную тоже много помогло Григорію: прежде миланскій архіепископъ былъ митрополитомъ Сѣверной Италіи; ея епископы признавали его своимъ главою; удалившись въ Геную, онъ потерялъ вліяніе на нихъ и его права перешли къ папѣ; Григорій съ большой самоувѣренностью выступилъ судьею во всѣхъ церковныхъ спорахъ; при бѣдствіяхъ церкви и народа онъ дѣлалъ для пособія имъ громадныя пожертвованія изъ собственнаго имущества и изъ доходовъ папскихъ имѣній, которыхъ было много не только въ самой Италіи, но и въ другихъ странахъ; это также много содѣйствовало возвышенію его могущества. Онъ былъ очень хорошій хозяинъ, мастерски управлялъ имѣніями, принадлежавшими римской каѳедрѣ, былъ экономенъ, потому располагалъ очень большими суммами для своихъ политическихъ цѣлей. Золото папы часто дѣйствовало на лангобардовъ сильнѣе, чѣмъ оружіе ихъ противниковъ. Борьба Григорія противъ лангобардовъ имѣла между прочимъ и тотъ результатъ, что его энергическія дѣйствія оживляли умиравшее національное чувство римлянъ, придавали имъ энергію. Народъ пробуждался отъ долгаго сна своего рабства. Италія увидѣла давно невидѣнныя ею войска, состоявшія изъ римскихъ гражданъ.

2. Отправленіе миссіонеровъ.

2. Но въ своихъ политическихъ заботахъ Григорій не забывалъ апостольской обязанности расширять царство Божіе на землѣ. Мы видѣли, съ какимъ усердіемъ и успѣхомъ заботился онъ обратить англосаксовъ въ христіанство (стран. 757). Онъ съ торжествомъ видѣлъ принятіе православія вестготскимъ королемъ Реккаредомъ; благодаря горячему усердію Теоделинды и ея дочери Гундеберги, подготовлялась побѣда православія у лангобардовъ. Гундеберга была женою короля Аривальда и потомъ его преемника, Ротариса; она имѣла такое же усердіе къ православію, какъ ея мать, и дѣйствовала такъ успѣшно, что Арибертъ, племянникъ Теоделинды, преемникъ Ротариса, принялъ православіе, и лангобарды терпѣли надъ собою власть православнаго короля. Заботясь о томъ, чтобъ обращались въ православіе еретики, Григорій всяческими средствами старался и о томъ, чтобы принимали христіанство іудеи и язычники; онъ употреблялъ для этого и приманки выгодъ и суровое гоненіе. Епископу сардинскаго города Каралиса онъ велѣлъ угнетать поселянъ-язычниковъ, жившихъ въ

церковныхъ имѣніяхъ на островѣ Сардиніи, чтобъ они своими страданіями были приводимы въ истинную вѣру.

3. Заботы о развитіи богослуженія и благочестія.

3. Съ такимъ же усердіемъ Григорій старался улучшить формы богослуженія западной церкви и уничтожать вліяніе языческаго искусства и науки на христіанъ. Онъ упростилъ и улучшилъ церковное пѣніе, дѣятельно заботился о школѣ, гдѣ обучались этому искусству; онъ придалъ римскому богослуженію мистическое великолѣпіе установленіемъ точныхъ формъ его, устройствомъ процессій, заботой о торжественномъ совершеніи праздниковъ, введеніемъ великолѣпнаго облаченія священнодѣйствующихъ и въ особенности установленіемъ той формы литургіи, какую имѣетъ съ той поры въ римской церкви совершеніе этой важнѣйшей части богослуженія. Быть-можетъ несправедливы тѣ упреки, что Григорій подалъ первый примѣръ разрушенія языческихъ храмовъ въ Римѣ, низвергалъ статуи, сжегъ палатинскую библіотеку; но безспорно то, что его сочиненія проникнуты непримиримой ненавистью къ памятникамъ классической древности и презрѣніемъ къ мірской наукѣ: онъ считалъ недостойнымъ епископа дѣломъ „стѣснять слово Божіе правилами Доната“ (то-есть правилами грамматики). Въ своихъ сочиненіяхъ онъ приводитъ въ подтвержденіе своихъ мнѣній фантастическіе разсказы безъ всякой критики; этимъ онъ много содѣйствовалъ развитію легковѣрія въ западной церкви.

IX. Востокъ передъ возникновеніемъ Ислама.

Византійская имперія до иконоборства и послѣдніе Сассаниды.

Характеръ византійскаго двора и государства.

Блескъ, данный Юстиніаномъ Восточной Римской имперіи, скоро исчезъ. При преемникахъ этого императора, Юстинѣ II, Тиверіѣ и Маврикіѣ были утрачены имперіей почти всѣ владѣнія въ Италіи; персы одолѣвали византійцевъ на востокѣ; болгары и авары грабили сѣверныя области; а внутри государства шли религіозныя гоненія; они и обременительность податей производили мятежи. Побѣдоносные походы Ираклія противъ Хосроя составляютъ единственный блестящій эпизодъ византійской военной исторіи въ продолженіе полутора столѣтія, и только они въ это время нѣсколько возстановили честь греческаго оружія. Все остальное въ исторіи византійскаго двора и государства за этотъ періодъ представляетъ ужасную и отвратительную картину нравственной испорченности. Порочные люди гнусными злодѣйствами захватывали залитый кровью престолъ, держались на немъ въ постоянномъ трепетѣ за власть и жизнь и скоро были низвергаемы другими такими же людьми. Ослѣпленіе, отрѣзываніе ушей, носа, языка, отрава и другія злодѣйства принадлежали къ числу ежедневныхъ явленій безбожнаго византійскаго двора. Фока и Юстиніанъ II превзошли всѣ злодѣйства Нерона и Домиціана своей хладнокровной свирѣпостью, а Константъ II отнялъ у итальянскихъ и сицилійскихъ городовъ и тѣ немногія произведенія древняго искусства, какія уцѣлѣли въ нихъ послѣ грабежей Алариха и Генсериха. Монотоннымъ рядомъ тянулись порочныя наслажденія изнѣженнаго населенія столицы, злыя интриги надменныхъ родственницъ и любовницъ императоровъ, и коварства царедворцевъ, и ожесточенные раздоры

изъ-за религіозныхъ несогласій. Межъ тѣмъ какъ византійцы спо-
рили о томъ, правы или не правы богословы, говорящіе, что во
Христѣ должно признавать не двѣ воли, а только одну, и рѣшали,
что мнѣніе этихъ богослововъ ошибочно (стр. 621), дикія болгар-
скія и славянскія орды завоевали балканскія земли, поселились въ
Мизіи, Иллиріи, Македоніи, истребляли въ средней Греціи и въ Пе-
лепоннесѣ послѣдніе остатки древней культуры. Исчезли даже имена
греческихъ областей и городовъ, и ночь варварства легла надъ ро-
диною образованности и гуманности. Въ то же время нападали на
имперію съ сѣвера авары, съ востока персы; а съ юга арабы, фа-
натизированные ученіемъ Мухаммеда, грабили византійскія владѣнія
въ западной Азіи, завоевывали ихъ и доходили до стѣнъ самой сто-
лицы.

Юстинъ II Правленіе Юстина II, больного тѣломъ и слабаго умомъ, было време-
565—578. немъ безсилія противъ внѣшнихъ враговъ, беззаконія, угнетенія поддан-
ныхъ. Африканская провинція обращалась въ пустыню. Въ Италіи власть
экзарха Равенскаго ограничивалась восточнымъ берегомъ, городами Ве-
неціей и Генуей и Римомъ съ его окрестностями; на востокѣ возобновили
войну персы, опустошали Месопотамію и Сирію; во всѣхъ областяхъ на-
родъ изнемогалъ подъ бременемъ налоговъ, страдалъ отъ беззаконій продаж-
ныхъ правителей и судей. Въ чувствѣ своего безсилія, Юстинъ рѣшился
наконецъ назначить себѣ помощника и наслѣдника. По внушенію импера-
574. трицы Софіи онъ выбралъ своимъ соправителемъ Тиверія, начальника тѣ-
лохранителей, ѳракійца, человѣка очень красивой наружности, благород-
ной души, добросовѣстно исполнявшаго свои обязанности. Онъ торжествен-
но представилъ своего избранника сенату и народу, сказалъ рѣчь, въ ко-
торой убѣждалъ его править мудро и справедливо, и послѣ того пере-
сталъ принимать участіе въ государственныхъ дѣлахъ; онъ жилъ еще че-
тыре года, но уже чуждый всѣмъ заботамъ правленія.

Тиверій II Тиверій къ своему имени, ненавистному по воспоминаніямъ о Тиберіѣ,
578—582. преемникѣ Августа, прибавилъ милое византійцамъ имя Константина.
Онъ остался на престолѣ человѣкомъ скромной, честной жизни и благо-
родныхъ правилъ. Властолюбивая императрица Софія надѣялась имѣть уча-
стіе въ управленіи. Тиверій называлъ ее своей матерью, оказывалъ ей
всяческія почести, но не давалъ никакой доли власти; раздраженная
этимъ, она возбудила родственника прежней династіи, храбраго полководца
Юстиніана, подготовлять мятежъ. Но Тиверій энергически подавилъ заго-
воръ, и милосердіемъ привлекъ къ себѣ виновныхъ. Только Софія была
отдана подъ строгій присмотръ. Горькій опытъ не испортилъ благороднаго
характера императора; онъ продолжалъ по возможности облегчать поло-
женіе народа заботами о правосудіи, бережливостью въ расходахъ, умень-
шеніемъ податей, устраненіемъ злоупотребленій администраціи; но его
Маврикій царствованіе длилось только четыре года. Умирая, онъ назначилъ своимъ
582—603. преемникомъ храбраго полководца Маврикія, котораго въ награду за удач-
(умеръ 605). ныя дѣйствія въ войнѣ съ персами сдѣлалъ своимъ зятемъ. Маврикій
былъ достойнымъ преемникомъ Тиверія, которому старался подражать.
Онъ не вполнѣ равнялся добродушіемъ съ своимъ предшественникомъ: онъ
былъ человѣкъ холоднаго, сдержаннаго характера, потому могъ казаться
надменнымъ; въ своемъ стремленіи къ правосудію онъ бывалъ иногда

жестокъ, желаніе выказать кротость переходило иногда у него въ сла-
бость, за строгую бережливость упрекали его въ скупости; но онъ желалъ
и умѣлъ заботиться о благѣ подданныхъ и охранять границы государства.
Войны при немъ были непрерывны, войско стало роптать на трудность
службы; по скупости или по недостатку денегъ Маврикій уменьшилъ жа-
лованье воинамъ, подвергъ ихъ лишеніямъ; на походѣ противъ аваровъ
войско взбунтовалось. Какъ во времена буйства преторіанцевъ, легіоны
взяли на себя власть располагать престоломъ; они провозгласили импе-
раторомъ Фоку. Это былъ одинъ изъ военачальниковъ, не имѣвшій ни- Октябрь 602.
какихъ заслугъ, человѣкъ пошлый. Когда Маврикію сказали о мятежѣ
войска и прибавили, что Фока наглый мятежникъ, но трусъ, онъ восклик-
нулъ: „О, если онъ трусъ, то навѣрное будетъ убійцей“.

Маврикій былъ правъ. При извѣстіи о приближеніи мятежнаго войска Фока
легкомысленное населеніе Константинополя, недовольное тѣмъ, что бе- 603—610.
режливый императоръ дѣлаетъ мало праздниковъ для него, выказало ра-
дость. Партія зеленыхъ вошла въ сношенія съ мятежниками; масса народа
ругала императора, когда онъ въ церковной процессіи смиренно шелъ бо-
сой по улицамъ. Волненіе перешло въ бунтъ; народъ сталъ въ дракѣ
грабить и жечь городъ. Несчастный императоръ сѣлъ съ женою и де- Бѣгство и
вятью дѣтьми въ лодку и уплылъ на азіатскій берегъ. Старшій сынъ его, смерть Маври-
Ѳеодосій, поѣхалъ въ Персію просить помощи у Хосроя, дружбу и благо- кія 605.
дарность котораго заслужилъ императоръ. Межъ тѣмъ какъ Маврикій
молился въ одной изъ Халкедонскихъ церквей, Фока при радостныхъ
крикахъ легкомысленнаго народа торжественно въѣхалъ въ Константино-
поль на тріумфальной колесницѣ, запряженный четырьмя бѣлыми конями,
и наградилъ мятежное войско богатыми подарками. Онъ покровительство-
валъ зеленымъ; однажды синіе въ досадѣ на это закричали ему: „Помни,
что Маврикій еще живъ“. Это ускорило смерть бывшаго императора:
Фока послалъ убійцъ въ Халкедонъ. Они вывели Маврикія изъ церкви,
убили передъ его глазами одного за другимъ пятерыхъ его сыновей, убили
наконецъ и его. Обезглавленныя тѣла были брошены въ море, а головы
отвезены въ Константинополь и выставлены тамъ на позоръ; одни руга-
лись надъ ними, другіе жалѣли. Такими злодѣйствами началось правленіе Свирѣпость
Фоки, гнуснаго изверга, чьи пороки не смягчались ни однимъ хоро- Фоки. Смерть
шимъ качествомъ. Но пока Григорій Великій привѣтствовалъ вступленіе его.
его на престолъ льстивыми поздравленіями, какъ счастливое для государ-
ства событіе, отвратительное безобразіе лица Фоки было вѣрнымъ выра-
женіемъ его характера. Невѣжда, не знающій законовъ, не знающій даже
военнаго дѣла, онъ пользовался своею властью только какъ средствомъ
удовлетворять своему распутству, другимъ низкимъ порокамъ и злобѣ.
Императрица Константина, женщина достойная своего отца, любящая жена
и мать, пыталась возбудить народъ противъ тиранна; онъ велѣлъ пытать
ее и вмѣстѣ съ тремя дочерьми, неповинными передъ нимъ ни въ чемъ,
казнить въ Халкедонѣ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ были убиты ея мужъ
и сыновья. За ихъ казнью слѣдовали другія убійства; было казнено мно-
жество людей знатныхъ и незнатныхъ, большею частью безъ всякаго суда;
и многихъ убивали съ изысканной свирѣпостью мученій: выкалывали
глаза, говоритъ Гиббонъ, вырывали языкъ, отрубали руки и ноги, нѣко-
торыхъ бичевали до смерти, другихъ жгли, третьихъ сажали на колъ;
простая, быстрая смерть была милостью, которую получали немногіе.
Головы и растерзанныя тѣла убитыхъ выставлялись въ Гипподромѣ.
Нарсесъ, поступившій въ византійскую службу персъ, храбрость и искус-
ство котораго доставили грекамъ при Маврикіѣ побѣды на востокѣ, былъ

завлеченъ обманчивыми обѣщаніями въ Константинополь и сожженъ на площади. Смертоносная подозрительность Фоки обратилась наконецъ на его зятя, Криспа; опасаясь за свою жизнь, Криспъ возбудилъ къ возстанію Ираклія, сына правителя Африки. Когда флотъ освободителя пошелъ черезъ Геллеспонтъ и по берегу Пропонтиды, изгнанники и бѣжавшіе отъ казни присоединились къ нему. Криспъ обманывалъ Фоку ложными извѣстіями до той самой минуты, когда флотъ Ираклія вошелъ въ Константинопольскую гавань. Тираннъ былъ схваченъ въ своемъ дворцѣ, на него надѣли рубище, заковали его въ цѣпи, бросили его въ лодку и отвезли на корабль Ираклія; тамъ ругались надъ нимъ, мучили его, наконецъ отрубили ему голову и бросили въ огонь изувѣченное тѣло. Духовенство, сенатъ и народъ провозгласили Ираклія императоромъ. Криспъ не хотѣлъ подчиниться ему, возбуждалъ опасенія своей надменностью и былъ принужденъ принять на себя монашество. Династія Ираклія оставалась на престолѣ до четвертаго поколѣнія.

Послѣднія войны съ персами.

Узнавъ, что Маврикій убитъ въ Халкедонѣ и что старшій сынъ его Ѳеодосій, поѣхавшій въ Персію, погибъ въ Никеѣ, Хосрой выступилъ мстителемъ за своего благодѣтеля, котораго называлъ отцомъ (стр. 839). Онъ велѣлъ бросить въ темницу посла, пріѣхавшаго въ Мадаинъ къ нему отъ Фоки съ извѣщеніемъ о вступленіи новаго императора на престолъ и повелъ войско въ Месопотамію. Единственный хорошій греческій полководецъ, Нарсесъ, былъ убитъ Фокой, и византійскія войска не могли устоять противъ стремительнаго нападенія враговъ. Персидская конница опрокинула грековъ, слоны топтали ихъ, стрѣлки убивали издали; множество грековъ было взято въ плѣнъ, Хосрой велѣлъ отрубить имъ головы на полѣ битвы. Персидскій царь взялъ и разрушилъ до основанія крѣпости Мердинъ, Дару, Амиду, Эдессу, перешелъ Эвфратъ, взялъ въ Сиріи города Гіераполь, Халкиду, Берею (Алеппо) и уже осадилъ Антіохію въ то время, когда Фока былъ убитъ.

Ираклій 610—614. Побѣды Хосроя.

Ираклій въ первые годы царствованія не могъ остановить успѣховъ Хосроя. По взятіи Антіохіи персидскій царь, возбужденный магами, вступилъ въ Палестину; къ нему присоединилось много іудеевъ; онъ покорилъ Галилею и взялъ Іерусалимъ. Храмъ Св. Гроба и другія великолѣпныя церкви, построенныя Еленою и Константиномъ, были зажжены и разрушены или сильно повреждены огнемъ; приношенія, накоплявшіяся въ теченіе трехъ вѣковъ, были взяты и вмѣстѣ съ Животворящимъ Крестомъ увезены въ Персію; патріархъ Захарія былъ отосланъ въ плѣнъ; было убито 90,000 христіанъ; эта рѣзня была произведена, по словамъ греческихъ писателей, іудеями и арабами, присоединявшимися къ персамъ. Множество христіанъ бѣжало изъ Палестины въ Александрію; патріархъ Іоаннъ, получившій названіе «Милостиваго», далъ пріютъ и пищу имъ. Но персы пошли и на
616. Египетъ. Они взяли Пелузій, бывшій ключомъ къ этой малодоступной странѣ, перешли каналы и рукава Дельты и прошли всю долину

Нила отъ Мемфисскихъ пирамидъ до границъ Эѳіопіи; они взяли Александрію, изъ которой патріархъ и префектъ уплыли въ Кипръ; войска Хосроя пошли изъ Александріи на западъ, овладѣли Пентаполемъ и разрушили греческіе города, основанные тамъ киренскими колонистами. Другое персидское войско пошло къ Босфору Ѳракійскому, взяло Халкедонъ и стало станомъ въ виду Константинополя. Былъ завоеванъ персами даже островъ Родосъ. Казалось, возвращаются времена того могущества, какое имѣли персы при Даріѣ Гистаспѣ и Ксерксѣ. Резиденція Хосроя Артемита (или Дастаджердъ), находившаяся въ 12 миляхъ на сѣверъ отъ Мадаина, окруженная роскошными лугами, великолѣпными парками и огороженными для царской охоты рощами. украшалась какъ нѣкогда Суза и Персеполь богатой добычей привезенной съ запада, произведеніями греческаго искусства и всяческими драгоцѣнностями. Но это былъ послѣдній блескъ славы передъ погибелью персидскаго царства. — Ираклію пришлось до дна испить чашу униженій. Европейскую часть имперіи опустошали авары, ограбившіе даже предмѣстья Константинополя; большая и богатѣйшая часть азіатскихъ и африканскихъ областей была завоевана персами; персидское войско стояло на азіатскомъ берегу Босфора противъ Константинополя, окруженнаго отовсюду врагами, страдающаго отъ голода и порожденныхъ голодомъ болѣзней. Въ этихъ ужасныхъ обстоятельствахъ Ираклій рѣшился покинуть Костантинополь и перенести свою резиденцію въ Карѳагенъ. Сокровища уже были перенесены изъ дворца на корабли, когда патріарху удалось отклонить императора отъ этого гибельнаго намѣренія; убѣжденный его горячими просьбами, Ираклій передъ престоломъ Софійской церкви поклялся защищать имперію до послѣднихъ силъ. Чтобъ имѣть время приготовиться къ войнѣ, онъ огромной суммой денегъ купилъ у персидскаго царя миръ. Онъ обѣщалъ въ опредѣленные сроки заплатить 1,000 талантовъ золота, дать персидскому царю 1,000 шелковыхъ одеждъ, 1,000 коней и 1,000 дѣвушекъ.

Бѣдственное положеніе Ираклія.

Побѣды Ираклія 622—628.

Но прежде чѣмъ была вполнѣ выплачена эта постыдная дань, Ираклій сбросилъ съ себя изнѣженность роскоши и сладострастія, долго державшую его въ своихъ сѣтяхъ; стыдъ пробудилъ его дремавшія силы, и онъ возстановилъ честь имперіи, прославивъ себя шестью побѣдоносными походами. Онъ взялъ сокровища изъ церквей, давъ торжественное обѣщаніе возвратить все впослѣдствіи; онъ получилъ этимъ средства набрать войска, заготовить все надобное для войны, снарядить флотъ. Аварскаго царя за большую сумму склонилъ онъ соблюдать миръ, а въ 622 году на третій день праздника 622.
Пасхи замѣнилъ императорскую порфиру одеждой простого воина, сѣлъ съ войскомъ на корабли и поплылъ черезъ Геллеспонтъ въ Средиземное море. Войска его вышли на берегъ на границѣ Киликіи съ Сиріей и расположились укрѣпленнымъ станомъ близъ Исса,

гдѣ Александръ одержалъ блестящую побѣду надъ Даріемъ. Ираклій ввелъ въ своемъ войскѣ строгую дисциплину, заботливо обучалъ его военному дѣлу; воины ободрились; примѣръ императора, раздѣлявшаго всѣ труды и лишенія подобной жизни и службы, пробудилъ въ нихъ довѣріе и любовь къ нему. До наступленія осени Ираклій уже одержалъ полную побѣду надъ персидскимъ войскомъ, пришедшимъ сразиться съ нимъ въ сосѣднія горныя мѣстности. Онъ перешелъ Тавръ и расположился на зиму въ Каппадокіи близъ Галиса. Хосрой грабилъ завоеванныя области, обременилъ ихъ налогами; Персы фанатически притѣсняли христіанъ; потому прежніе подданные имперіи съ восторгомъ встрѣчали Ираклія, какъ избавителя отъ позорнаго, тяжкаго ига. Прогнавъ персовъ изъ малой Азіи, Ираклій перешелъ въ Трапезунтъ, созвавъ туда своихъ подданныхъ и союзниковъ. Къ нему пришли воины всѣхъ областей отъ устья
623, 624. Фазиса до Каспійскаго моря; онъ пошелъ въ Арменію и Мидію и мстилъ за оскверненіе палестинскихъ церквей разрушеніемъ персидскихъ храмовъ и жертвенниковъ. Онъ освободилъ 50,000 плѣнныхъ, отведенныхъ Хосроемъ въ мидійскіе города; они пошли въ свои родныя мѣста, прославляя его. Хосрой долго отступалъ, наконецъ собралъ войска изъ далекихъ областей своего царства и встрѣтилъ императора, спустившагося съ Гирканскихъ горъ и угрожавшаго вторженіемъ въ глубину Персіи. Войско персовъ было многочисленнѣе греческаго, но счастье покинуло ихъ. Ираклій прогналъ персовъ, взялъ и сжегъ много городовъ. Обремененный богатой добы-
625. чей, онъ вернулся въ Амиду и послалъ оттуда сенату извѣщеніе о своихъ побѣдахъ; потомъ вернулся на берегъ Чернаго моря, съ котораго пошелъ на войну за три года передъ тѣмъ.

Раздраженный неудачами, Хосрой употребилъ всѣ усилія, чтобъ одолѣть византійцевъ.

Онъ дѣлалъ наборъ войска въ размѣрѣ очень тяжеломъ для народа и набралъ столько воиновъ, что послалъ въ походъ три новыя большія войска. Одно изъ нихъ, называвшееся носящимъ золотыя копья, пошло на самого императора; другое должно было мѣшать соединенію императора съ его братомъ Ѳеодоромъ, а третье пришло къ Босфору, расположилось станомъ у Халкедона, на томъ мѣстѣ, гдѣ прежде стояли персы, и Византія съ ужасомъ видѣла зарево горящихъ городовъ, селеній и храмовъ Малой Азіи. Скоро явилась
Авары подъ Константинополемъ 626. другая опасность, еще болѣе близкая и страшная: персидскій полководецъ Сарбаръ условился съ аварскимъ хаганомъ сдѣлать нападеніе на Константинополь общими силами. Аварскій царь лѣтомъ 626 года пошелъ къ Константинополю съ войскомъ, въ которомъ кромѣ аваровъ были гепиды, болгары, славяне; въ немъ считалось 80,000 человѣкъ. Пламя горящихъ селеній и толпы бѣгущаго народа показали жителямъ Константинополя приближеніе грознаго врага. Онъ оса-

дилъ Константинополь. Граждане просили мира. Онъ потребовалъ, чтобы городъ со всѣмъ имуществомъ жителей былъ отданъ ему; онъ соглашался только отпустить жителей въ одномъ бѣдномъ платьѣ. Эта наглость варвара пробудила въ сенаторахъ и гражданахъ послѣдніе остатки національной гордости и наполнила ихъ мужествомъ отчаянія. Ираклій прислалъ имъ 12,000 человѣкъ тяжелой конницы, при содѣйствіи этого войска они отбили всѣ приступы аваровъ, а константинопольскіе корабли охраняли Босфоръ такъ, что персы не могли соединиться съ аварами. Хаганъ двѣнадцать дней билъ стѣны таранами, повѣшенными подъ крѣпкія кровли, дѣлать которыя авары научились у своихъ враговъ; а войско его постоянно штурмовало городъ. Но оборона была мужественна; въ аварскомъ станѣ начался голодъ; Хаганъ сжегъ свои осадныя машины и ушелъ.
Этотъ успѣхъ и побѣда, одержанная Ѳеодоромъ, ободрили императора, который стоялъ на Фазисѣ, отбиваясь отъ войска персовъ, называвшагося носящимъ золотыя копья и простиравшагося до 50000 человѣкъ. Походъ Ираклія въ Ассирію и Персію 627, 628.
Чтобъ обезпечить себѣ успѣхъ, онъ вступилъ въ союзъ съ тюрками, перевелъ одну изъ хазарскихъ ордъ съ Волги въ Грузію и купилъ себѣ помощь хазарскаго хана подарками и обѣщаніями. Ханъ привелъ къ нему въ Тифлисъ 40,000 всадниковъ. Въ тоже время тюрки перешли Оксусъ и стали опустошать родину иранцевъ. Ираклій съ хазарами пошелъ отъ береговъ Аракса къ Тигру, пренебрегая безчисленными войсками персовъ, собранными для защиты Мидіи и Ассиріи. Императоръ получилъ извѣстіе, что Сарбаръ, начальникъ войска, стоявшаго въ Халкедонѣ, возмутился противъ Хосроя, боясь коварства подозрительнаго царя или поддавшись убѣжденіямъ византійцевъ. Это увеличило отвагу Ираклія, и онъ быстро продолжалъ походъ. На томъ мѣстѣ, гдѣ стояла Ниневія, императоръ одержалъ блистательную побѣду надъ войскомъ персовъ, въ десять разъ превосходившимъ грековъ числомъ. Битва на мѣстности, гдѣ стояла Ниневія 1 декабря 627.
Никто тогда не зналъ, что подъ холмами, на которыхъ ожесточенно бились византійцы съ персами, еще стоятъ украшенныя барельефами залы ассирійскихъ дворцовъ. Ираклій въ этотъ славный день превзошелъ личной храбростью мужественнѣйшихъ воиновъ своихъ; подъ его копьемъ пали многіе изъ персидскихъ военачальниковъ, въ томъ числѣ и главнокомандующій Разатъ, чьи золотые доспѣхи украшали потомъ тріумфъ императора. Персы очень храбро сражались цѣлый день; большинство ихъ было убито; успѣвшіе бѣжать разсѣялись по разнымъ крѣпостямъ. Эта побѣда открыла византійскому войску путь въ Ассирію. Хосрой подвергся тому униженію, что сокровища, награбленныя имъ въ греческихъ городахъ, украшавшія залы дворца его любимой резиденціи Дастаджерда, и лежавшія грудами въ кладовыхъ, были увезены византійцами. Ираклій, взявшій въ Ниневійской битвѣ 28 персидскихъ знаменъ, взялъ теперь въ Дастаджердѣ 300 грече-

скихъ знаменъ, увезенныхъ Хосроемъ изъ азіатскихъ областей имперіи.

Смерть Хосроя 628.

Хосрой не отважился биться самъ съ Иракліемъ на развалинахъ Ниневіи; въ то время, какъ его главнокомандующій и храбрые воины падали тамъ подъ ударами враговъ, онъ ждалъ исхода битвы въ безопасномъ отдаленіи; а когда византійцы приблизились къ его роскошной столицѣ, онъ съ своею женою Сирою, нѣсколькими наложницами и вѣрными слугами бѣжалъ тайными путями въ Ктезифонъ, скрываясь отъ преслѣдованія въ хижинахъ поселянъ. Но остатокъ бѣдственной жизни, которую трусливо спасалъ онъ отъ враговъ, былъ сокращенъ измѣной приближенныхъ и мятежемъ сына. Старшимъ сыномъ Хосроя былъ Ширухъ (Сирой), сынъ красавицы Сиры; но отецъ любилъ другого сына болѣе, чѣмъ его, и назначилъ своимъ соправителемъ и наслѣдникомъ этого другого сына. Раздраженный Ширухъ составилъ заговоръ съ вельможами, недовольными Хосроемъ и, надѣвъ на себя царское облаченіе, явился въ станъ; войско встрѣтило его радостнымъ крикомъ, потому что и воины, какъ весь народъ, досадовали на Хосроя, отвергавшаго въ своей гордости всякую мысль о мирѣ, прятавшагося отъ опасностей и отдававшаго собственность и жизнь своихъ подданныхъ на произволъ побѣдоноснаго врага. Услышавъ о мятежѣ сына и измѣнѣ войска, Хосрой хотѣлъ бѣжать; но всѣ пути бѣгства были отрѣзаны. Онъ былъ

25 февраля 628.

схваченъ, осьмнадцать сыновей были убиты передъ его глазами, потомъ его заперли въ темную башню, онъ умеръ тамъ на пятый день отъ печали и физическихъ страданій.

Разстройство персидскаго царства.

Съ жизнью Хосроя кончилось блестящее время царства Сассанидовъ. Злодѣй Ширухъ только полтора года наслаждался плодами своихъ преступленій; потомъ нѣсколько лѣтъ длились междуусобія, совершенно изнурившія персовъ. Города и области отпадали отъ царства, въ буйныхъ безпорядкахъ непрерывно совершались кровавыя дѣла. Дерево, приносившее такіе плоды, было достойно пасть подъ сѣкирой, и уже была поднята сѣкира, которая должна была истребить съ лица земли династію Сассанидовъ и разрушить царство ея. Когда Хосрой стоялъ на верху могущества, онъ получилъ изъ Мекки письмо, въ которотъ Мухамедъ, Пророкъ Божій, требовалъ, чтобы персидскій царь призналъ его посланничество. Хосрой съ презрѣніемъ разорвалъ письмо человѣка, имени котораго не слыхалъ до той поры. «Такъ разорветъ Богъ царство Хосроя и отвергнетъ мольбы его», воскликнулъ Мухамедъ. При Йездегердѣ исполнилось это пророчество.

Миръ съ персами и тріумфъ Ираклія.

По смерти Хосроя персы заключили миръ съ императоромъ. Ираклій удовольствовался возстановленіемъ прежнихъ границъ, и возвращеніемъ Животворящаго Креста и взятыхъ персами трофеевъ и плѣнныхъ. Онъ въѣхалъ въ Константинополь на колесницѣ, запряженной четырьмя слонами; сенатъ, духовенство и народъ встрѣтили его съ

торжествомъ. Въ слѣдующемъ году Ираклій, въ одеждѣ бѣднаго паломника, отправился въ Іерусалимъ присутствовать тамъ на установленномъ тогда праздникѣ Воздвиженія Животворящаго Креста. Государь, усердный къ вѣрѣ, онъ подвергъ іудеевъ гоненію. 629.

Такъ кончилась послѣдняя великая война византійцевъ съ персами.

Честь оружія имперіи была блистательно возстановлена въ ней, но государство было такъ опустошено ею, что она больше всѣхъ прежнихъ бѣдствій обезсилила Восточную имперію и была непосредственной причиною утраты тѣхъ областей, которыя черезъ нѣсколько лѣтъ были отняты у византійцевъ арабами. Благосостояніе азіатскихъ владѣній имперіи погибло въ этой войнѣ, люди упали духомъ, у нихъ не было силы заниматься наукой, искусствомъ или промышленностью; духъ изобрѣтеній угасъ, и руки потеряли прежнюю техническую ловкость.

Смуты въ византійской имперіи.

Ираклій прожилъ послѣ своего тріумфа двѣнадцать лѣтъ. Овдовѣвъ, онъ женился на своей племянницѣ Мартинѣ, которую страстно любилъ, и провелъ всю остальную жизнь въ роскоши и нѣгѣ, какъ первыя десять лѣтъ своего царствованія. За два года передъ смертью онъ, по желанію императрицы, объявилъ, что сынъ ея Ираклеонъ будетъ соправителемъ его наслѣдника, Константина, сына первой его жены, человѣка болѣзненнаго; а въ завѣщаніи онъ назначилъ обоихъ сыновей своими наслѣдниками на равныхъ правахъ и совѣтовалъ имъ уважать Мартину, какъ мать и государыню.

Смерть Ираклія. 11 Февраля 641.

Но духовенство и народъ съ самаго начала порицали недозволенный церковными законами бракъ Ираклія съ Мартиной, и когда она теперь торжественно явилась въ первый разъ на престолѣ, ропотъ сенаторовъ и гражданъ былъ такъ силенъ, что принудилъ ее отказаться отъ притязаній на участіе въ правленіи, ограничиться интригами въ женскомъ отдѣленіи

Константинъ III 641.

дворца. Вскорѣ потомъ хилый Константинъ умеръ (22 іюня 641), смерть его приписывали отравѣ. Войско, взволнованное однимъ изъ усердныхъ слугъ

Ираклеонъ 641.

его, взбунтовалось, сенатъ и народъ перешли на сторону войска. Мятежъ кончился тѣмъ, что Мартинѣ и ея сыну Ираклеону отрѣзали носы и языки и отправили ихъ въ ссылку, гдѣ они кончили жизнь забытые всѣми, а на престолъ былъ возведенъ сынъ Константина Константъ, двѣнадцатилѣт-

Константъ II 641—668

ній мальчикъ. Въ рѣчи, произнесенной молодымъ государемъ въ собраніи сената, высказывались хорошія намѣренія; они скоро были забыты среди придворнаго разврата. Опасаясь своего брата Θеодосія, Константинъ насильно постригъ его въ монахи, потомъ нашедши это недостаточнымъ для своей безопасности, велѣлъ убить его. 660. Этимъ и другими злодѣйствами Константъ навлекъ на себя ненависть населенія Византіи, такъ что нашелъ надобнымъ удалиться на нѣкоторое время отъ проклятій и злоумышленій; уѣхавъ, онъ уже не рѣшился возвратиться и оставался какъ будто въ добровольномъ изгнаніи. Онъ провелъ зиму въ Аѳинахъ, потомъ отправился въ Италію, сражался тамъ съ лангобардами, между прочимъ осаждалъ Беневентъ; пріѣхалъ въ Римъ, отнялъ тамъ у церквей драгоцѣнныя украшенія, снялъ мѣдную кровлю съ Пантеона, увезъ произведенія искусствъ, какія еще оставались въ Римѣ, послалъ ихъ для украшенія общественныхъ зданій въ Константинополь и поселился въ Сиракузахъ. Тамъ онъ провелъ послѣдніе годы своей порочной жизни, мучимый угрызеніями совѣсти. 668. Одинъ изъ его слугъ, фанатикъ, возненавидѣвшій его за покровительство монофелитской

ереси, задушилъ его въ горячей ваннѣ. Сицилійскія войска провозгласили
императоромъ молодого воина, простолюдина, очень красиваго лицомъ. Но
прошли тѣ времена, когда преторіанцы располагали престоломъ. Сенатъ и
константинопольскій народъ вознегодовали на самовластіе войска, стояв-
Константинъ шаго въ далекой провинціи. Возвели на престолъ Константина, старшаго
IV 668—685. сына Константа, и дали ему средства наказать сицилійское войско за дер-
зость. Новый императоръ приплылъ въ Сицилію, призвалъ къ себѣ легіоны
изъ Карѳагена и Рима, подавилъ мятежъ и выставилъ на зрѣлище народу
въ Гипподромѣ прекрасную голову убитаго противника. Въ числѣ людей,
ставшихъ жертвами мщенья Константина, былъ молодой человѣкъ духов-
наго званія, Германъ; Константинъ велѣлъ оскопить его; онъ выздоровѣлъ
и впослѣдствіи сдѣлался патріархомъ. Во время сицилійской войны им-
ператоръ пересталъ брить бороду; потому его назвали „Бородатымъ“
(Погонатомъ). Опасаясь своихъ братьевъ, онъ велѣлъ изувѣчить ихъ. За-
Юстиніанъ II нимаясь богословскими разсужденіями, онъ предоставлялъ болгарамъ и
(первый пе- арабамъ свободу грабить имперію. Преемникомъ Константина Погоната
ріодъ) былъ его сынъ, Юстиніанъ II, развратный и жестокій юноша слабаго ума,
685—695. обезславившій имя Юстиніана и подражавшій своему знаменитому соимен-
нику только расточительною страстью къ постройкамъ. Правителями го-
сударства при немъ были эвнухъ и монахъ; эвнуху Юстиніанъ отдалъ въ
полную власть дворецъ, и онъ сѣкъ бичомъ мать императора; а монахъ
былъ безграничнымъ властителемъ финансовъ и жегъ неисправныхъ пла-
тельщиковъ налоговъ, повѣсивъ ихъ головою внизъ надъ медленнымъ ог-
немъ. Десять лѣтъ выносили подданные свирѣпости Юстиніана; наконецъ
знаменитый полководецъ Леонтій низвергъ его. Леонтій съ нѣсколькими
изъ важнѣйшихъ сенаторовъ три года томился въ темницѣ и былъ выпу-
щенъ на свободу передъ отправленіемъ въ ссылку въ Грецію; онъ восполь-
Леонтій зовался этими немногими днями свободы и поднялъ мятежъ. Раздраженный
695—692. народъ притащилъ Юстиніана въ гипподромъ; Леонтій пощадилъ его жизнь,
велѣлъ отрѣзать ему носъ и отправилъ его въ ссылку. Низложенный ти-
раннъ, получившій послѣ того названіе Ринотмета (Безносаго), жилъ въ
ссылкѣ въ глухой мѣстности, въ Херсонѣ, на окраинѣ Скиѳской пустыни.
Черезъ три года онъ узналъ, что Апсимаръ возсталъ, противъ Леонтія, низ-
Тиверій III вергъ, изуродовалъ его и вступилъ на престолъ, принявъ имя Тиверія. Въ на-
698—705. деждѣ возстановить свое владычество, Юстиніанъ бѣжалъ, успѣлъ спастись
отъ посланной за нимъ погони и пріѣхалъ къ хазарамъ, кочевавшимъ между
Дономъ и Днѣстромъ. Ханъ принялъ его благосклонно, велѣлъ ему жить въ го-
родѣ Фанагоріи, на восточномъ берегу Меотиды, и выдалъ за него свою сест-
ру Ѳеодору. Но черезъ нѣсколько лѣтъ Юстиніанъ замѣтилъ, что ханъ, под-
купленный византійскимъ императоромъ, хочетъ убить или выдать его. Онъ
съ нѣсколькими преданными ему людьми тайно сѣлъ на корабль, приплылъ
къ устьямъ Дуная, пріобрѣлъ себѣ большими обѣщаніями помощь болгарскаго
царя, и царь съ 15000 всадниковъ повелъ его къ стѣнамъ Константинополя.
Въ продолженіи десятилѣтняго изгнанія Юстиніана воспоминаніе о его
злодѣйствахъ ослабѣло; у него нашлось въ Константинополѣ много при-
верженцевъ, и при ихъ содѣйствіи онъ снова взошелъ на престолъ.

Юстиніанъ II Наградивъ болгарскаго царя громадной суммою денегъ и вызвавъ изъ
(второй пе- Фанагоріи свою вѣрную жену, онъ сталъ мстить своимъ противникамъ.
ріодъ царство- Леонтій изъ темницы, Апсимаръ (Тиверій) изъ дворца были приведены въ
ванія) гипподромъ и повергнуты на землю у престола, на которомъ сидѣлъ Юсти-
705—711. ніанъ. Поставивъ ноги на ихъ шеи, онъ смотрѣлъ на бѣгъ колесницъ при
радостныхъ кликахъ народа. Казнь ихъ была началомъ шестилѣтняго ти-
ранства, какого еще не бывало ни въ Римѣ, ни въ Византіи. Единствен-

ными орудіями правленія Юстиніану служили топоръ палача, веревка и
пытка. Онъ свирѣпо отмстилъ даже населенію Херсона за непочтитель-
ность къ нему во время ссылки: остались живы только тѣ изъ херсонцевъ,
которые успѣли бѣжать въ глубину страны. Юстиніанъ хотѣлъ послать
новую экспедицію, чтобъ истребить ихъ. Но они собрались подъ покрови-
тельствомъ хазарскаго хана, склонили воиновъ и матросовъ флота воз-
стать противъ Юстиніана и признать провозглашеннаго ими императора,
армяница Бардана (Филиппика). Инсургенты поплыли въ Константинополь; 711.
при ихъ появленіи Юстиніанъ былъ покинутъ всѣми, даже своими тѣло-
хранителями и убитъ. Его сынъ Тиверій, еще юноша, искалъ себѣ спасенія
въ церкви; толпа оторвала его отъ престола, вывела изъ церкви и убила
у порога. Его смертью прекратилась династія Ираклія. Новый императоръ, Филиппикъ.
принявшій имя Филиппика, провелъ два года въ расточительной роскоши 711—713.
и распутствѣ; потомъ былъ низвергнутъ дворцовымъ заговоромъ; его ос-
лѣпили. Преемникъ его, Анастасій II, пустившійся моремъ сражаться съ ара-
бами, былъ низвергнутъ мятежомъ матросовъ и воиновъ эскадры; на престолъ
былъ возведенъ Ѳеодосій III, неохотно принявшій императорскій санъ, и Анастасій II
черезъ нѣсколько времени былъ низвергнутъ главнокомандующимъ воен- 713—716.
ныхъ силъ востока, Львомъ Исавряниномъ, династія котораго своимъ ико- Ѳеодосій III
ноборческимъ фанатизмомъ дѣлала очень много вреда имперіи, занимаясь 716—716
гоненіемъ на православныхъ, межь тѣмъ какъ арабы доходили до азіатскаго Левъ Иса-
берега Босфора и флоты ихъ осаждали Константинополь. Анастасій и врянинъ.
Ѳеодосій были пострижены въ монахи. Анастасій хотѣлъ при содѣйствіи 717—741.
епископа Ѳессалоникскаго составить заговоръ, чтобы возвратить себѣ
престолъ; этотъ умыселъ былъ открытъ, онъ и епископъ Ѳессалоникскій
были наказаны смертью.

Мы дошли до начала новой эпохи въ исторіи человѣчества. Въ
буряхъ переселенія народовъ западная половина древняго греко-рим-
скаго міра пала подъ ударами германцевъ; восточную половину его
въ Европѣ опустошали славянскія племена, болгары и конныя пол-
чища аваровъ, а на восточной границѣ ея шла борьба съ персами
за владычество надъ Азіею. Теперь съ юга сталъ нападать на вос-
точную римскую имперію народъ, имя котораго до той поры почти
вовсе не упоминалось въ исторіи цивилизованнаго міра, и христіан-
ская религія, одолѣвшая въ римскомъ государствѣ язычество, пришла
въ столкновеніе съ вѣрой, отвергавшей всякія понятія, несогласныя
съ догматомъ единобожія.

Мы должны будемъ говорить объ этомъ новомъ явленіи, прослѣ-
дить ходъ завоеваній арабскаго народа, возникновеніе и распростра-
неніе религіи Мухаммеда, вступившей въ борьбу съ христіанствомъ и
получившей очень сильное вліяніе на судьбу Востока и Запада; но
прежде припомнимъ существенныя черты состоянія германскихъ наро-
довъ, которые съ IV-го вѣка начали играть важную роль въ ходѣ со-
бытій человѣческой исторіи, и въ слѣдующіе періоды стали важнѣй-
шими дѣятелями ея.

Сліяніе народовъ, происходившее ужь и въ римской имперіи, при-

няло болѣе широкій размѣръ подъ наитіемъ христіанства, соединявшаго въ одно религіозное общество всѣхъ вѣрующихъ въ распятаго Спасителя, и наконецъ христіанскіе народы, составлявшіе три великія этнографическія группы, романскую, германскую и славянскую, образовали одно особое цѣлое въ противоположность Мухаммеданскому міру, охватывавшему христіанскій съ юга и востока. Эти этнографическія группы обмѣнивались своими національными особенностями и умственными благами; болѣе образованная часть ихъ была дающей, менѣе образованная воспринимающей; германцы, занимавшіе средину между романскими народами и славянами, были учениками романскихъ народовъ, учителями славянъ. Славянскія племена, жившія на Одерѣ и Эльбѣ, на Дунаѣ и въ долинахъ восточныхъ Альпъ, усвоивали себѣ подъ вліяніемъ нѣмцевъ первыя начала широкой государственной жизни, и большинство ихъ замѣняло свои родные обычаи и языкъ нѣмецкими, а германскія племена, переселившіяся на югъ и западъ, мало по малу утрачивали свою національность въ завоеванныхъ ими земляхъ и принимали языкъ, культуру и законы побѣжденныхъ народовъ. Этотъ фактъ показываетъ силу образованности, дающей слабымъ и подавленнымъ перевѣсъ надъ сильными, но необразованными побѣдителями, а съ тѣмъ вмѣстѣ свидѣтельствуетъ о воспріимчивости германцевъ, не бывшихъ способными устоять противъ чужихъ вліяній. Прекраснѣйшія провинціи западной римской имперіи были заняты германскими племенами, воспоминанія о прежнемъ единствѣ этихъ странъ подъ римской властью еще не совершенно изчезли; еслибы германцы вступили въ федеративную связь между собою, то могло бы образоваться изъ нихъ одно цѣлое для противодѣйствія нападеніямъ византійцевъ. Но они не выказали сочувствія стремленію Теодериха Великаго, не соединились; напротивъ того, германскія государства все больше и больше становились чужды одно другому, въ каждомъ изъ нихъ жизнь замыкалась въ узкіе предѣлы своего племени; это дало побѣду надъ ними другимъ народамъ. Лангобарды въ Сѣверной Италіи стали итальянцами, вестготы и свевы на Пиренейскомъ полуостровѣ—испанцами, франки приняли языкъ и обычаи римскаго населенія Галліи, хотя она получила и сохранила имя земли франковъ. Готы спокойно смотрѣли на разрушеніе вандальскаго государства въ Африкѣ, и покореніе его стало для византійцевъ исходнымъ пунктомъ другихъ военныхъ предпріятій, угрожавшихъ существованію самихъ готовъ. Черезъ двадцать лѣтъ остготы подверглись судьбѣ вандаловъ; а вестготамъ пришлось болѣе половины столѣтія вести тяжелую борьбу, чтобъ отнять у византійцевъ южный берегъ Испаніи, вырвать занозу, которая производила гнойную рану, державшую въ лихорадочной тревогѣ весь организмъ вестготскаго государства. А казалось бы, что готское племя болѣе всѣхъ другихъ способно соединить разрозненныя германскія племена въ могущественное государ-

ство, сочетать германскую энергію и свободу съ порядкомъ и образованностью римскаго міра, сохранить всѣ живые элементы древней культуры и дать имъ новое развитіе. Ни у одного изъ остальныхъ германскихъ племенъ геройская храбрость не соединялась съ такой воспріимчивостью къ образованности древняго міра, какъ у готовъ, не укоренялись такъ быстро и глубоко науки и христіанство. Нѣмецкія племена, поселившіяся въ земляхъ римской имперіи, говоритъ Вайцъ, сохранили свои старые законы и политическія учрежденія; нѣкоторыя сохранили и свои обычаи или по крайней мѣрѣ передѣлали въ германскомъ духѣ усвоенные ими чужіе обычаи; но они отреклись отъ своего языка, и смѣшавшись съ романскимъ населеніемъ, приняли такъ много чужого, что невозможно говорить о нихъ, какъ о сохранившихъ германскую національность.

Германскія племена не только забыли общность своего происхожденія, свое родство и стали жить чуждыми одно другому, но каждое изъ этихъ племенъ раздробилось на разныя государства и не рѣдко ослабляло себя междоусобіями. Англосаксы, взявшіе въ Британніи такой полный перевѣсъ надъ кельтами, что въ этой странѣ германскіе обычаи, религія и языкъ совершенно вытѣсняли романскую культуру, раздробились на семь королевствъ; франки раздѣлились на четыре государства; въ Испаніи рано возникла областная разрозненность, которая впослѣдствіи создала нѣсколько королевствъ; Бургундія была ослаблена междоусобіями; нигдѣ не было такого закона о престолонаслѣдіи, который помѣшалъ бы раздробленію государства; области дѣлились между сыновьями государя, какъ помѣстья частныхъ людей. Когда Карлъ Великій въ концѣ VIII и въ началѣ IX столѣтій стремился соединить германскія государства въ одно цѣлое, вандалы и благородное племя остготовъ уже погибли отъ оружія византійцевъ, а у каждаго изъ остальныхъ племенъ уже выработался черезъ смѣшеніе съ романскимъ населеніемъ свой особый національный характеръ. Разъединенію германскихъ племенъ содѣйствовало между прочимъ и религіозное различіе: тѣ изъ нихъ, которыя рано обратились въ христіанство, приняли аріанское исповѣданіе; франки и англосаксы приняли ученіе римской церкви и фанатически преслѣдовали еретиковъ и язычниковъ. А когда въ VI и VII столѣтіяхъ постепенно исчезли аріанство и язычество, и римско-католическая церковь стала, благодаря дѣятельности Григорія Великаго, господствующей на всемъ западѣ, то, правда, она охватила всѣ народы общей связью, но такою, которая не помогала національному развитію, а стѣсняла его; она доставила владычество романскому элементу и подавляла германскую національность гнетомъ той общей церковной формы, какую установляла у всѣхъ народовъ.—Правда, германскіе народы долго сохраняли старые законы, основанные на обычаѣ; въ окружныхъ судебныхъ собраніяхъ (malstätte) судъ про-

изводился по старому порядку и важнѣйшіе изъ германскихъ народовъ: лангобарды, бургунды, франки, вестготы собирали и записывали свое обычное право, чтобы сохранить его отъ погибели и порчи; но, по замѣчательному хронологическому совпаденію, одновременно съ этимъ былъ составленъ въ Византіи Юстиніановъ Сводъ законовъ, который впослѣдствіи подчинилъ германскіе народы римскому игу и въ юридическомъ отношеніи, какъ были они подчинены ему въ своемъ церковномъ бытѣ. Римскіе языкъ, культура, право, церковь были такими могущественными факторами общественной жизни, что необразованныя племена не могли не подпасть подъ ихъ вліяніе. Уцѣлѣли только нѣмецкіе семейные нравы и храбрость,—качества, лежавшія въ глубинѣ германской натуры; они произвели благотворное воздѣйствіе на испорченный римскій міръ. Германская вѣрность данному слову, уваженіе къ женщинѣ и охраненіе своей личной чести, остались общепризнанными добродѣтелями, облагородили общественную и домашнюю жизнь не только германцевъ, но и покоренныхъ ими народовъ. Германцы вносили въ римскій нравственно павшій міръ дыханіе молодой жизни, освѣжавшее и укрѣплявшее туземцевъ; очень скоро установились законныя отношенія и въ правахъ земельной собственности. Изъ взаимнодѣйствія и сліянія римскихъ и германскихъ элементовъ возникли народы среднихъ вѣковъ, сформировалась западная цивилизація; и какъ разные металлы, сплавляясь, образуютъ массу болѣе твердую, чѣмъ какими были они порознь, такъ и народы укрѣпляются смѣшеніемъ розноплеменныхъ элементовъ.

Много благородныхъ силъ утратила германская нація черезъ переселеніе народовъ; но все-таки оно остается гордостью и славой германской исторіи, а уничтоженіе западной римской имперіи величайшимъ дѣломъ германскихъ народовъ. Это чувствовалъ и народный инстинктъ, связавшій древнѣйшія и величественнѣйшія созданія своей поэзіи съ тѣмъ бурнымъ временемъ великихъ подвиговъ. Геройскій вѣкъ переселенія народовъ далъ богатый матеріалъ для сказаній, изъ массы которыхъ развилась средневѣковая поэзія; въ этихъ сказаніяхъ находятся источники жизненныхъ рѣкъ ея; онѣ текутъ изъ покрытаго сумракомъ хребта высокихъ горъ, надъ которымъ подымаются вершины, озаренныя солнцемъ, соединяющія въ блескѣ своемъ славу цѣлыхъ племенъ. Вѣкъ переселенія народовъ — это альпійскій хребетъ, которымъ соединены и раздѣлены романскій и германскій міръ и въ которомъ часто бываетъ трудно рѣшить, какому племени принадлежатъ тѣ или другія лучезарныя вершины его. Онъ— послѣдняя общая отчизна всѣхъ германскихъ племенъ, черезъ него прошли всѣ они, расходясь по разнымъ направленіямъ въ новыя страны, гдѣ потомъ забыли общую родину и прежнее родство. Въ героическихъ образахъ нѣмецкаго народнаго эпоса сохранилось послѣднее воспоминаніе о прежнемъ родствѣ и національномъ единствѣ.

Куно-Фишеръ. Лессингъ, какъ преобразователь нѣмецкой литературы. Пер. *И. П. Рассадина.* М. 1882 г. Ц. 1 р. 25 к.

Курціусъ. Исторія Греціи, 3 части. Пер. *А. Веселовскаго* и *М. Корсакъ.* М. 1880 г. Цѣна 12 р.

Левитовъ. Собраніе сочиненій. Съ портретомъ автора, гравированнымъ въ Лейпцигѣ и статьею о жизни его. *Ф. Д. Нефедова.* 2 тома. М. 1884 г. Ц. 5 р.

Лессингъ, Г. Э. Гамбургская драматургія. Перев. *И. П. Рассадина.* М. 1883 г. Ц. 3 р.

Лотце. Микрокозмъ. 3 части. Пер. *Е. Корша.* М. 1870 г. Ц. 6 р. 50 к.

Любке. Исторія пластики (съ 231-мъ рисунк. въ текстѣ). Пер. *В. Чаева.* М. 1873 г. Цѣна 6 руб.

Магаффи. Исторія классич. періода Греческой литературы. 2 тома. Перев. *А. Веселовской.* М. 1883 г. Ц. 6 р.

Марта. Философы и поэты-моралисты во времена Римской Имперіи. Пер. *М. Корсакъ.* М. 1879 г. Ц. 2 р.

Моммсена. Римская исторія. Т. V. Перев. *В. Невѣдомскаго.* М. 1885 г. Ц. 3 р. 50 к.

Морлея, Дж. Руссо. Пер. съ англійскаго *В. Н. Невѣдомскаго.* М. 1882 г. Цѣна 2 р. 50 к.

— Дидро и Энциклопедисты. Перев. *В. Н. Невѣдомскаго.* М. 1882 г. Цѣна 2 р. 50 к.

Маурера. Введеніе въ исторію общиннаго, подворнаго, сельскаго и городскаго устройства и общественной власти. Пер. *В. Корша.* М. 1880 г. Цѣна 2 руб. 75 к.

Ольденбергъ, Г. Будда, его жизнь, ученіе и община. Перев. съ нѣмецкаго. М. 1884 г. Ц. 2 р.

Огаревъ, Н. Стихотворенія. М. 1863 г. Ц. 50 к.

Пешель, Оск. Исторія эпохи открытій. Пер. *Э. Циммермана.* М. 1885 г. Ц. 3 р.

Полонскаго, Я. П. На закатѣ. Стихотворенія. М. 1881 г. Цѣна 1 р. 25 к.

Рибо. Современная Англійская психологія. Перев. *П. Д. Боборыкина.* М. 1882 г. Цѣна 2 р.

Рѣшетникова. Сочиненія, 2 части. М. 1874 г. Цѣна 5 р. 50 к.

Саади-Ширази. Гюлистанъ. Съ персидскаго подлинника пер. *И. Холмогоровъ.* М. 1882 г. Ц. 1 р.

Страбона. Географія (въ 17 книгахъ, 1 т.). Пер. съ греческаго *Ѳ. Г. Мищенка.* М. 1879 г. Цѣна 10 р.

Сурикова. Стихотворенія. Полное собраніе съ портретомъ автора, факсимиле и біографіей. Изд. 4-е (посмертное). М. 1884 г. Цѣна 3 р.

— Стихотв., изданіе 3-е, полное, М. 1877 г. Ц. 1 р.

Тикноръ. Исторія испанской литературы. Т. I и II. Пер. *Н. И. Стороженко.* М. 1886 г. Ц. 6 р.

Тренделенбурга. Логическія изслѣдованія. 2 части. М. 1868 г. Ц. 4 р.

Тэна. Чтенія объ искусствѣ. М. 1874 г. Цѣна 2 р.

— Титъ Ливій. Критическ. изслѣдованіе. М. 1885 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Финлей. Греція подъ римскимъ владычествомъ. Пер. *С. Никитенко.* Москва. 1876 г. Цѣна 4 р.

Фойгтъ, Г. Возрожденіе классической древности или первый вѣкъ гуманизма. Пер. *И. П. Рассадина.* М. 1884 г. Т. I и II. Цѣна 6 р. 50 к.

Фрикена. Римскія катакомбы и памятники первоначальнаго христіанскаго искусства (съ рисунками). Части I, II, III и IV. М. 1885 г. Ц. 6 р. 50 к.

Шекспира. Полное собраніе драматическихъ сочиненій. Перев. *Н. Кетчера,* 9 частей. Ц. 10 р.

Шмидта, Карла. Исторія педагогики, изложенная во всемірно-историческомъ развитіи и въ органической связи съ культурною жизнью народовъ. Съ третьяго изданія, дополненнаго и исправленнаго *В. Ланге,* пер. *Э. Циммермана.* Томъ II, III и IV (IV-й томъ въ 2-хъ частяхъ). М. 1880 г. Цѣна за всѣ томы 16 р.